9(M)31
С-48

КП-20651
9(49)
С-48
ВХ ЭРЗК-227/5

9(49)
С-48

9(М)31
С-48.

НОВОЕ

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАПОЛЕОНА I.

Историческій трудъ профессора Вилліама Сидона.

Молотовская гор. Библіотека

ЭПОХА ВЕЛИЧІЯ И ПАДЕНІЯ НАПОЛЕОНА I.

СЪ МНОЖЕСТВОМЪ ПОРТРЕТОВЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЙ

(съ картинъ: Верне, Гро, Давида, Деларош, Детайля, Жерара, Жерома, Жерарде, Ивона, Изабея, Кормона, Лефевра, Мейсонье, Прюдона, Стейбена, Фламенга, Шарле и др.).

Музей-читальня
И. Н. Ульянова
Инв, № 4790

Молотовская гор. Библиотека

2р.

Переводъ съ англійскаго В. Л. Рапцова.

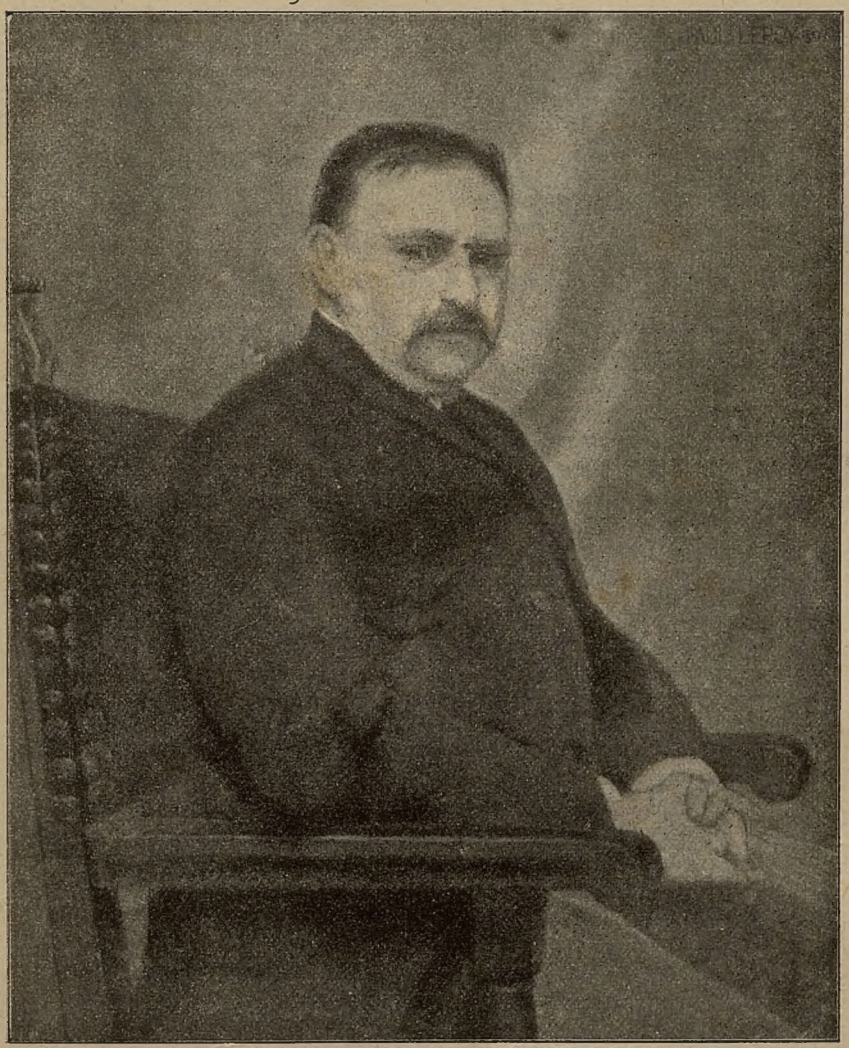
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
ЮЛИНСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.
Хронологическаго каталога № 3866.
Систематическаго каталога Отдѣлъ VIII № 278.

Музей-читальня И. Н. Ульянова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮЛИНСКАЯ ГИМНАЗИЯ ИМЕНИ КАРЛА МАРКСА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1896.

1986 г.



Профессоръ Уйльямъ Миллиганъ Слоонъ.
(Авторъ «Жизнеописанія Наполеона I»).

Наполеонъ I императоръ французовъ.

Провозглашеніе имперіи.—Проектъ высадки въ Англію.—Коронованіе Наполеона I.—Императоръ французовъ провозглашается итальянскимъ королемъ.—Возрастаніе могущества Франціи и третья коалиція.—Великая армія и великая стратегія Наполеона.

Провозглашеніе имперіи.

Руководимый хитростью и благоразуміемъ, Наполеонъ Бонапартъ, благодаря необычайному своему генію полководца и политическаго дѣятеля, взобрался съ величайшимъ трудомъ и усиліями шагъ за шагомъ на самую вершину революціоннаго могущества. Въ дѣтствѣ онъ былъ непослушнымъ буйнымъ ребенкомъ, у котораго стремленіе возмущаться противъ авторитета поддерживалось тогдашними ходячими хлесткими фразами, подготовившими революцію. Школьный возрастъ былъ для него отравленъ не только бѣдностью и лишеніями, но также и насмѣшками подростковъ-аристократовъ, отказывавшихся признавать дворянское достоинство Буонапарта, которымъ онъ очень гордился, несмотря на сомнительность таковаго. Умъ Наполеона еще въ отрочествѣ съ негодованіемъ отвращался отъ схоластической мякины, которую подносили ему неспособные учителя подъ видомъ науки. Воображеніе мальчика блуждало безъ всякой направляющей узды среди идеаловъ классической древности и теорій восемнадцатаго столѣтія. Наполеонъ зачитывался тогда Плутархомъ и признавалъ своимъ руководителемъ Руссо. Изъ этихъ матеріаловъ онъ построилъ себѣ собственный взглядъ на жизнь, одновременно практичный и фантастическій, управлявшійся естественными привязанностями, но въ то же время диктаторски властный, охватывавшій широкіе горизонты, но ограниченный недостаточностью знаній.

Наполеонъ оказался плохимъ подчиненнымъ на томъ мѣстѣ, на которое поставила его судьба въ расшатанномъ и одряхлѣвшемъ французскомъ государственномъ механизмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не нашелъ также и у себя на родинѣ,—единственномъ отечествѣ, которое когда-либо серьезно признавалъ,—подходящей сферы для грандіознаго своего честолюбія. Въ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыхъ ему пришлось тамъ дѣйствовать, онъ потерпѣлъ неудачу, какъ агитаторъ и какъ революціонеръ. Зато Наполеонъ съ замѣчательной прозорливостью изучилъ и постигъ несомнѣнно болѣе

крупное революціонное движеніе, происходившее во Франціи. Стоя всегда на распутьѣ и относясь совершенно равнодушно къ отвлеченнымъ принципамъ, онъ тщательно всматривался въ каждый открывавшійся передъ нимъ путь, взвѣшивалъ всѣ условія обстановки и выбиралъ дорогу, которая казалась наиболѣе удобной и наиболѣе способной привести къ цѣли честолюбивыхъ его замысловъ. Обладая изобрѣтательнымъ умомъ, онъ старался всегда запастись по меньшей мѣрѣ двумя планами дѣйствій и, вслучаѣ неудачи одного изъ нихъ, тотчасъ-же принимался за выполненіе другого. Карьера его ознаменовалась многочисленными промахами и зачастую приводила его на самую окраину пропасти, паденіе въ которую угрожало окончательной гибелью. Тѣмъ не менѣе, подобно машинисту, управляющему ночнымъ поѣздомъ, онъ держалъ всегда развѣдочные фонари своего локомотива въ порядкѣ и заботился, чтобъ они горѣли возможно ярче. Не обращая вниманія на безчисленныя опасности, таившіяся за стѣнами революціоннаго мрака, окаймлявшаго по обѣ стороны его путь, онъ всегда останавливался передъ препятствіями, встрѣчавшимися непосредственно впереди и по временамъ отступалъ довольно далеко заднимъ ходомъ, отыскивая для своего поѣзда окольный но безопасный объѣздный путь. Брюмерскій государственный переворотъ былъ почти единственнымъ изъ болѣе крупныхъ инцидентовъ его жизни, при которомъ онъ, нечаянно для себя самого, чуть не влетѣлъ полнымъ ходомъ въ открытую пропасть. Если онъ тогда спасся, то единственно лишь благодаря тому, что судьба ему благопріятствовала. Братъ его, Люсьенъ, выказавшій при этомъ случаѣ замѣчательное присутствіе духа, пустилъ тогда локомотивъ полнымъ ходомъ и, воспользовавшись въ критическую минуту восторженной преданностью солдатъ, счастливо провелъ этотъ локомотивъ черезъ мостъ, угрожавшій уже обрушиться.

Отрезвленный на мгновеніе мысленнымъ созерцаніемъ минувшей опасности, угрожавшей безповоротной гибелью, а также сознавая все возроставшую отвѣтственность, которую налагало на него будущее, Наполеонъ, въ качествѣ перваго консула, дозволилъ одно время выдвинуться на первый планъ наилучшимъ и благороднѣйшимъ сторонамъ своего характера. Онъ добился практическаго осуществленія многихъ наиболѣе существенныхъ революціонныхъ идеаловъ, по скольку они согласовались съ его личными стремленіями къ власти и славѣ. Ему не удалось лишь замѣнить римско-католическую церковь во Франціи національною галликанской. При всемъ томъ онъ безцеремонно воспользовался тогдашнимъ состояніемъ французскаго общества, чтобы сдѣлать себя самого необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго преуспѣянія французской государственной и общественной жизни на новыхъ путяхъ, на которые онъ ее направилъ. Неспособный къ благородному самоотверженію, отмѣтившему конецъ политической карьеры Вашингтона, первый консулъ съумѣлъ, выставляя на видъ гражданскую свободу и возстановленіе общественнаго порядка, до такой степени урѣзать народную власть, конститу-

ціонный характеръ и значеніе народнаго представительства въ реорганизованной имъ правительственной системѣ, что въ результатѣ получился фактическій деспотизмъ подъ маскою республиканскаго либеральнаго режима. Искушеніе согласовать слово съ дѣломъ, т. е. дѣйствительность съ наименованіемъ, оказывалось въ высшей степени могущественнымъ. Такъ называемая республика, въ которой глава государства утверждалъ, будто управляетъ единственно лишь благодаря довѣрію къ нему народа, находилась въ полной готовности превратиться въ либеральную имперію подъ скипетромъ человѣка, который фактически располагалъ уже самой неограниченной властью.

Убійство герцога Энгіенскаго имѣло характеръ предварительнаго заявленія всѣмъ европейскимъ династіямъ и самому французскому народу о такой готовности. Поведеніе какъ упомянутыхъ династій, такъ и французскаго народа свидѣтельствовало, что они поняли означенный шагъ именно въ этомъ смыслѣ. Смертная казнь угрожала не только французскимъ подданнымъ, являвшимся личными врагами *перваго гражданина* французской республики, но также и всякому внѣшнему врагу, будь то принцъ или крестьянинъ, если онъ осмѣлился злоумышлять противъ человѣка, котораго французы удостоили высочайшихъ почестей. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Бонапартъ и самъ искренно держался убѣжденія, будто происходящая отъ него династія окажется для обновленной Франціи если не единственной, то по крайней мѣрѣ надежнѣйшею охранительницей. Возможно, что онъ мечталъ объ имперіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженствовавшей обезпечить французамъ великія пріобрѣтенія, достигнутыя революціей, и вѣрилъ въ возможность для самого себя преодолѣть инерцію, порожденную ужасающей скоростью, съ которою онъ мчался уже по стезѣ единовластія. Это представляется, однако, неправдоподобнымъ, если принять во вниманіе, что Наполеонъ, зная французовъ лучше чѣмъ кто-либо, замѣчательно вѣрно цѣнилъ ихъ патріотизмъ, восторженность, способность къ самопожертвованію, національную гордость, а въ особенности страстное желаніе занимать первое мѣсто среди другихъ народовъ. Бурбонамъ не удалось удовлетворить требованіямъ, вытекавшимъ изъ этихъ свойствъ національнаго французскаго характера, а потому французы относились къ этой династіи съ неуваженіемъ. Съ другой стороны, видя что Бонапартъ осуществитъ эти требованія, французы помогли ему достигнуть верховной власти и отнеслись совершенно равнодушно къ его поступку съ герцогомъ Энгіенскимъ. При такихъ обстоятельствахъ Наполеону было, безъ сомнѣнія, извѣстно, что, достигнувъ престола, онъ долженъ будетъ подняться еще выше.

Первый консулъ понималъ какъ нельзя лучше также гордую замкнутость старинныхъ европейскихъ династій. Съ извѣстной точки зрѣнія Ганноверскій, Гогенцоллернскій и Савойскій царственные дома могли считаться выскочками въ кругу этихъ династій. Тѣмъ не менѣе они вели свой родъ отъ мелкихъ державцевъ и дости-

женіе ими верховной власти не шло въ разрѣзъ съ традиціонными предразсудками. Россія считалась въ то время полуварварскою страной, а потому на происходившіе тамъ дворцовые перевороты остальная Европа привыкла смотрѣть сквозь пальцы. Франція находилась въ совершенно иномъ положеніи. Замѣна Бурбоновъ, самой старинной изъ династій, царствовавшихъ Божіей милостью въ Европѣ и на просвѣщенномъ Западѣ, гражданиномъ-королемъ низкаго происхожденія, основывавшимъ свои права на всеобщемъ голосованіи, и настоятельное требованіе очистить этому плебею мѣсто среди олимпійцевъ,—шли въ разрѣзъ съ самыми закоренѣлыми предразсудками всей консервативной Европы и бросали дерзновенный вызовъ прежней системѣ, которая одна только и представлялась возможною для многихъ милліоновъ умовъ. Пріобрѣтеніе съ боя равноправности съ другими государями не было добровольнымъ выборомъ, а являлось неизбѣжной необходимостью. Нельзя было оставлять французовъ въ сомнѣніи относительно того, что выбранный ими монархъ въ правѣ занимать среди европейскихъ государей совершенно такое же мѣсто, какъ если бы происходилъ изъ самаго древняго царственнаго рода августѣйшихъ помазанниковъ.

Таковы были условія, при которыхъ кораблю либеральной имперіи предстояло поднять паруса. Казалось неправдоподобнымъ, чтобы какой-либо кормчій могъ спасти этотъ корабль среди грозныхъ бурь, съ которыми ему неминуемо предстояло бороться. Бонапарту это было сподручнѣе скорѣе чѣмъ кому-либо другому. И дѣйствительно въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ его судно плавало удачно и счастливо. При всемъ томъ для него не отыскивалось дружественныхъ портовъ, въ которые можно было бы зайти для починки. Переживъ какую-либо бурю, корабль Наполеона попадалъ сейчасъ-же въ другую, еще болѣе грозную, и подъ конецъ даже сверхчеловѣческіе таланты великаго полководца, который стоялъ у руля, не въ силахъ были спасти этотъ корабль отъ крушенія. Впрочемъ, даже и въ самомъ началѣ, знаменія не были до такой степени благопріятны имперіи, какъ это могло показаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что значеніе вызова, содержавшагося въ убійствѣ герцога Энгіенскаго, въ первое время поняли несравненно лучше за границей, чѣмъ въ самой Франціи. Промахъ, которымъ являлось это убійство, казался сперва не особенно существеннымъ. Во Франціи общественное мнѣніе немедленно же увлеклось обсужденіемъ вопроса о томъ, не лучше-ли признать консульскую власть наслѣдственной и, по прошествіи какой-нибудь недѣли послѣ разстрѣлянія герцога, смерть его была предана тамъ, повидимому, полнѣйшему забвенію.

На это имѣлись весьма многочисленныя причины. Съ удаленіемъ генерала Моро въ ссылку недовольство въ арміи фактически прекратилось: какъ генералы, такъ и солдаты стали послѣ того гораздо послушнѣе. Бурбоны немедленно же принялись затѣвать новые заговоры, но до такой степени безуспѣшно, что европейскіе кабинеты и французскій народъ фактически перестали ими сколько-

нибудь серьезно интересоваться. Роялизмъ во Франціи оказывался временно подавленнымъ. Вообще, въ 1803 году, Франція чувствовала себя совершенно обновленною. Церковь въ ней была реорганизована; армія питала искреннюю преданность къ Бонапарту, въ которомъ видѣла представителя націи; французская революція была такъ искусно согнута и подрѣзана, что въ достаточной степени согласовалось съ рамками самодержавнаго правленія. Французскіе законы были пересмотрѣны и собраны въ кодексъ, прежніе ордена и знаки отличія замѣнены новымъ орденомъ; финансы упорядочены и упрочены; система народнаго образованія обновлена; общественная и семейная жизнь направлены на новые пути, и все управленіе искусно централизовано. — Короче сказать, зданіе французскаго государственнаго и общественнаго организма было отъ основанія до вершины переустроено, починено, стянуто новыми скрѣпами и приведено приблизительно въ нынѣшній его видъ.

Французскій народъ, составившійся изъ послѣдовательныхъ наслоеній поселенцевъ и завоевателей, многократно вторгавшихся въ Галлію со временъ Юлія Цезаря, вполнѣ объединился пройдя сквозь горнило французской революціи. Громадное большинство французовъ считало желательнымъ обезпечить результаты, добытые революціей, ввѣривъ судьбы Франціи наслѣдственной власти такой династіи, которая являлась бы представительницей революціонныхъ принциповъ. Было бы нелѣпо указывать на немногія тлѣвшія еще подъ пепломъ искры недовольства, какъ на характерныя черты тогдашняго положенія дѣлъ. Напротивъ того, объединенный французскій народъ, достигшій равноправности передъ лицемъ закона, гордился своими учрежденіями,—хотѣлъ примѣнять ихъ къ практической жизни и вовсе не желалъ какой-либо помѣхи въ мирномъ пользованіи построеннымъ для себя новымъ зданіемъ. За немногими исключеніями, французы были искренно убѣждены, что пламенное ихъ чувство патріотизма, къ обновленной Франціи, являлось въ сущности тождественнымъ съ беззавѣтной преданностью человѣку, который помогалъ ея возрожденію и приписывалъ себѣ починъ такового. Неоднократно уже ораторы и писатели, говоря о грандіозномъ великолѣпіи государственныхъ и общественныхъ учрежденій обновленной Франціи, употребляли для нихъ выраженіе „французская имперія“. Еще въ маѣ 1802 года австрійскій посолъ слышалъ, какъ въ разговорѣ о первомъ консулѣ называли его „галльскимъ императоромъ“, а въ мартѣ 1803 года проживавшій въ Парижѣ джентльменъ-англичанинъ занесъ въ свой дневникъ слышанный имъ такой же эпитетъ.

Никого изъ французовъ поэтому не изумило и не поразило, когда въ мартѣ 1804 года сенатъ обратился къ первому консулу съ адресомъ, въ которомъ, отъ имени народа, предлагалъ, чтобы Наполеонъ принялъ мѣры къ сохраненію „сынамъ содѣяннаго имъ для отцовъ“. Бонапартъ былъ какъ-разъ тогда всего менѣе популярнымъ: не прошло еще и недѣли со времени казни герцога Энгіенскаго; безтактный процессъ противъ Моро былъ какъ разъ

въ полномъ разгарѣ; немногіе истинные друзья этого генерала выставляли его жертвой профессіональной зависти перваго консула; противъ Джоржа Кадудаля не было постановлено приговора, а Пишегрю находился еще въ живыхъ. Не смотря на это, почти всѣ французы съ нетерпѣніемъ ожидали провозглашенія имперіи. Одни руководствовались при этомъ причинами, высказанными сенатомъ, другихъ же подкупалъ частью драматическій эффектъ такого шага, частью же нежеланіе вернуться къ режиму Бурбоновъ, или же къ террору. Извѣстно было, что сенатъ является послушнымъ орудіемъ перваго консула; напротивъ того, трибунатъ, не смотря на произведенныя въ немъ преобразованія личнаго состава, все еще пользовался общимъ уваженіемъ и популярностью. Для Бонапарта надлежало поэтому устроиться такъ, чтобы формальный починъ провозглашенія имперіи исходилъ именно отъ трибуната. Къ концу апрѣля мѣсяца, когда прошло уже болѣе трехъ недѣль послѣ упомянутаго сенатскаго адреса, Бонапартъ уяснилъ себѣ, что армія и народъ согласны на такой шагъ, а со стороны Пруссіи и Австріи не будетъ предъявлено никакого протеста. Поэтому, 25 апрѣля, онъ подъялъ еще разъ щитъ революціи и объявилъ сенаторамъ, что, интересуясь ихъ намѣреніемъ обезпечить торжество равенства и гражданской свободы, былъ бы очень радъ обстоятельнѣе ознакомиться съ ихъ мыслями на этотъ счетъ. „Мнѣ-бы очень хотѣлось въ нынѣшнемъ году, 14 іюля, сказать французскому народу: „Пятнадцать лѣтъ тому назадъ вы въ благородномъ порывѣ устремились къ оружію, чтобы завоевать себѣ свободу, равенство и славу. Теперь эти важнѣйшія національныя сокровища прочно обезпечены и ограждены отъ всякихъ бурь, такъ что окажутся всецѣло сохраненными для васъ и для дѣтей вашихъ“.

Членъ трибуната, получившій за это приличный кушъ, внесъ 30 апрѣля 1804 года обстоятельно разработанный проектъ превращенія республиканской Франціи въ имперію. Тѣмъ временемъ, особая сенатская комиссія навела уже справки у будущаго наслѣдственнаго державца, какой именно титулъ предпочелъ бы онъ носить. Изъ трехъ, представленныхъ на его усмотрѣніе титуловъ: консула, штатгальтера и императора, Наполеонъ благоразумно избралъ послѣдній. Въ нашъ вѣкъ слово императоръ пріобрѣло уже новый опредѣленный смыслъ, но тогда оно, по крайней мѣрѣ въ самой Франціи, сохраняло еще прежнее римское свое значеніе. Оно льстило профессіональной воинской чести, которая заступила въ арміи мѣсто восторженнаго увлеченія республиканскими принципами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожая въ конецъ демократическую форму правленія, провозглашеніе имперіи бросало также вызовъ и роялизму. При такихъ обстоятельствахъ трибуны постановили, что Наполеону Бонапарту съ титуломъ императора, надлежитъ поручить управленіе Франціей и что императорская власть должна быть объявлена наслѣдственною. Всего одинъ лишь изъ трибуновъ рѣшился предъявить протестъ противъ этого постановленія. Это былъ суровый республиканскій ветеранъ Карно, прежній покровитель Наполеона. Въ умѣренной, спокойной своей рѣчи онъ призналъ фактъ суще-

ствованія во Франціи временной диктатуры и согласился, что республиканскія учрежденія его отечества сами по себѣ не отличались прочностью. Тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что если удастся сохранить внутренній и внѣшній міръ, то, подъ эгидою таковаго, выработается, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, политическое благоразуміе, являющееся единственной надежной гарантіей прочности государственныхъ учрежденій. Не отрицая доблестей и талантовъ самого Бонапарта, Карно указывалъ, что отсюда нельзя еще сдѣлать никакихъ заключеній относительно свойствъ и качествъ его преемника. Извѣстно вѣдь, что Коммодъ былъ роднымъ сыномъ Марка-Аврелія. Какъ бы ни были велики заслуги отдѣльнаго частнаго лица, общественная благодарность за нихъ должна имѣть нѣкоторые предѣлы, а въ данномъ случаѣ предѣлы эти, по мнѣнію Карно, были уже достигнуты, такъ какъ перейти ихъ значило бы разрушить свободу, возстановленію которой такъ дѣятельно помогалъ самъ первый консулъ. Карно присовокупилъ, что если французскій народъ пожелаетъ того, чему онъ лично считаетъ своимъ долгомъ противиться, онъ самъ вернется въ частную жизнь и безпрекословно подчинится народной волѣ.

Законодательный корпусъ былъ немедленно созванъ для особаго совѣщанія и, на основаніи конституціи, придалъ постановленію трибуната силу закона своимъ одобреніемъ. Со всей поспѣшностью, какую только дозволяли приличія, внесенъ былъ въ государственный совѣтъ проектъ новой имперской конституціи. Онъ обсуждался при участіи самого Бонапарта, а затѣмъ былъ отосланъ на разсмотрѣніе въ сенатъ. Тамъ этотъ проектъ былъ принятъ 18 мая большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ четырехъ. Въ числѣ четырехъ оппонентовъ оказался и аббатъ Сіейсъ, враждебно относившійся ко всѣмъ конституціямъ, за исключеніемъ той, которая была выработана имъ самимъ. Въ тотъ же самый день сенатскій декретъ о провозглашеніи имперіи былъ отвезенъ къ первому консулу въ Сенъ-Клу, гдѣ и былъ утвержденъ и затѣмъ провозглашенъ съ соблюденіемъ всѣхъ надлежащихъ формальностей. Отсутствіе дѣтей у самаго Наполеона представляло нѣкоторое затрудненіе для престолонаслѣдія, но затрудненія эти обошли, постановивъ для самого Наполеона (но не для его преемниковъ) право усыновленія. Вслучаѣ еслибъ Наполеонъ скончался, не оставивъ послѣ себя никакого наслѣдника: ни естественнаго, ни усыновленнаго,—престолъ долженъ былъ перейти сперва въ семью Жозефа, а затѣмъ въ семью Люсьена, которые оба объявлялись императорскими принцами. За отсутствіемъ повода опасаться военныхъ бунтовъ или же революціоннаго террора, устранялись также и шансы къ возвращенію на французскій престолъ династіи, способной нарушить существовавшія тогда условія землевладѣнія.

Республиканская конституція подверглась радикальнымъ преобразованіямъ, многія изъ которыхъ были прямо приведены въ дѣйствіе безъ предварительнаго обнародованія. Трибунатъ остался въ прежнемъ своемъ видѣ, но законодательный корпусъ былъ

раздѣленъ на три департамента: юридическій, административный и финансовый. Членамъ этого корпуса была до извѣстной степени предоставлена свобода слова и возможность обсужденія законопроектовъ, вносимыхъ на ихъ разсмотрѣніе, но это обсужденіе должно было производиться исключительно только при закрытыхъ дверяхъ. Сенатъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ палаты лордовъ. Число сенаторовъ увеличилось шестью высшими государственными сановниками, шестнадцатью военными маршалами и нѣсколькими высшими должностными лицами гражданскаго вѣдомства. Въ подражаніе придворному штату германца Карла Великаго, котораго французы называютъ Шарлеманемъ, нѣкоторые изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ Наполеона получили титулы: великаго избирателя, имперскаго великаго канцлера, государственнаго великаго канцлера и великаго казначея. Другіе высшіе сановники, а именно коннетабль и великій адмиралъ, носили историческіе французскіе титулы. Они, наравнѣ съ императорскими принцами, признавались въ рангѣ высочествъ. Обращаясь къ кому-либо изъ нихъ, надлежало его называть „монсеньеръ“, или же „ваше высочество“. Принцевъ именовали „ваше императорское высочество“, а высшихъ государственныхъ сановниковъ „ваше свѣтлѣйшее высочество“. Самого императора надлежало титуловать „ваше величество“, или же „государь“. Въ распоряженіе его предоставлялся цивильный листъ въ двадцать пять милліоновъ франковъ. Содержаніе каждому изъ „великихъ“ государственныхъ сановниковъ было положено въ тристатридцать три тысячи франковъ. Камбасересъ былъ назначенъ канцлеромъ, Лебренъ—казначеемъ, Жозефъ Бонапартъ—избирателемъ, Луи Бонапартъ—коннетаблемъ, а Фуше—министромъ полиціи. Талейранъ остался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Геральдическимъ девизомъ наполеоновской династіи избранъ былъ любимый символъ священной римской имперіи, а именно парящій орелъ.

Во всей этой бившей на эффектъ организаціи высшихъ чиновъ и должностей новой императорской Франціи не было ничего самобытнаго, за исключеніемъ званія маршаловъ, для котораго фактически не существовало никакихъ прецедентовъ. Во времена благоденствія имперіи эта высшая ступень военной іерархіи какъ будто служила къ упроченію государственнаго могущества, но во дни испытаній она оказалась для имперіи весьма реднымъ элементомъ. Списокъ маршаловъ былъ составленъ весьма искусно, вполнѣ обезпечивалъ симпатіи арміи. Журданъ, успѣшно умиротворившій Піемонтъ въ качествѣ консульскаго легата, назначенъ былъ маршаломъ за побѣду, одержанную въ 1794-мъ году подъ Флерусомъ. Такимъ образомъ его приверженность къ республикѣ была вознаграждена и въ тоже время окончательно подавлена. Бертье удостоился производства въ маршалы за превосходное выполненіе должности начальника штаба, Массена—за блестящую храбрость подъ Риволи, побѣду подъ Цюрихомъ и стойкую оборону Генуи, Ожеро, тоже бывшій демократъ—за побѣду подъ Кастильоне, Брюнъ—за голландскую кампанію противъ герцога Іоркскаго, Даву—за

блестящіе подвиги въ Египтѣ, Ланнъ и Ней — за храбрость, выказанную во многихъ сраженіяхъ, Мюратъ—въ качествѣ лихого кавалерійскаго генерала, Бессьеръ—какъ командиръ гвардіи, Бернадоттъ, Сультъ, Монсей и Мортье—въ виду политическихъ соображеній и благодаря репутаціи, которою они пользовались, какъ хорошіе генералы.

Предлагали избрать девизомъ новой имперіи „покоющагося льва“, но Наполеонъ не счелъ возможнымъ согласиться на этотъ девизъ. Вообще онъ старался объ установленіи различія между „государствомъ“, подъ которымъ, безъ сомнѣнія, подразумѣвалась Франція съ ея естественными границами, и „имперіей“, очевидно, долженствовавшей быть чѣмъ-то инымъ, болѣе широкимъ. Покоющійся левъ, разумѣется, могъ бы служить гербомъ для самой Франціи, но парящій орелъ являлся болѣе подходящимъ девизомъ для имперіи, которая, подобно царству Карла Великаго, не должна была признавать никакихъ „естественныхъ“ предѣловъ своему расширенію.

Луи-Александръ Бертье, князь Нефшательскій и Ваграмскій.
Съ Картины Гро.

Наиболѣе непосредственнымъ видимымъ знаменіемъ новаго порядка вещей была радикальная перемѣна въ общемъ характерѣ тюльерійской придворной жизни. Дворецъ не былъ уже переполненъ, какъ прежде, дѣльными, но неуклюжими людьми, неумѣвшими какъ слѣдуетъ подойти, поклониться и отойти назадъ, и чувствовавшими себя неловко въ блестящихъ придворныхъ костюмахъ. Зато тамъ не было и людей, которые, получивъ болѣе утонченное воспитаніе, смѣялись надъ отсутствіемъ производнаго лоска у новичковъ. Взамѣнъ этого былъ тщательно организованъ придворный штатъ, управлявшійся строжайшимъ этикетомъ. Вскорѣ всѣ придворные чины выучились держать себя съ достаточной ловкостью и надлежащимъ достоинствомъ. Фешъ былъ назначенъ великимъ раздавателемъ милостыни, Дюрокъ—оберъ-гофмаршаломъ, Талейранъ—оберъ-камергеромъ, Бертье—егермейстеромъ, а Коленкуръ

—шталмейстеромъ. Многіе изъ вернувшихся эмигрантовъ уже и передъ тѣмъ припрятали аристократическую свою гордость со всѣми традиціонными предразсудками и поступали на службу консульскаго правительства. Они и многіе другіе, у которыхъ обнаружилась тоже достаточная гибкость политическихъ убѣжденій, толпились теперь при императорскомъ дворѣ, при которомъ охотно занимали даже самыя скромныя должности. Для обезпеченія императорскому двору надлежащаго церемоніала назначили графа Сегюра (бывшаго посланника Людовика XVI при русскомъ дворѣ), высшимъ судьею придворнаго этикета. Чтобы блистать при новомъ императорскомъ дворѣ, необходимо было предварительно усвоить себѣ правила придворнаго этикета и присутствовать при многочисленныхъ репетиціяхъ придворныхъ выходовъ. Г-жу Кампанъ, бывшую статсъ-даму королевы Маріи-Антуанетты, пригласили къ императорскому двору именно для того, чтобы воспользоваться ея опытностью. Она должна была закрыть недавно организованное высшее учебное заведеніе для молодыхъ дѣвицъ и посвятить все свое время обученію многочисленныхъ представительницъ старинной и новой аристократіи изящнымъ придворнымъ манерамъ и обычаямъ.

Въ заключеніе не забыли и сдѣлавшагося уже традиціонной формальностью обращенія къ народу, приговору котораго будто бы приписывалось рѣшающее значеніе. Вопросъ, по которому требовался плебисцитъ, заключался, впрочемъ, единственно лишь въ томъ: долженъ-ли императорскій престолъ быть наслѣдственнымъ въ семьѣ императора? Само собой разумѣется, что на него отвѣтили утвердительно подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Изъ трехъ съ половиной милліоновъ всего лишь двѣ съ половиной тысячи отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ. Слѣдуетъ признать, однако, знаменіемъ времени, что въ числѣ этихъ, сравнительно столь малочисленныхъ, оппонентовъ, оказались всѣ парижскіе адвокаты и юристы, за исключеніемъ трехъ.

Парижская чернь оставалась, повидимому, равнодушной, но это слѣдовало приписать преимущественно тому обстоятельству, что превращеніе республики въ имперію не составляло уже для парижанъ новинки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ обнаруживалась тоже холодность, но нельзя сказать, чтобы она обусловливалась политическими убѣжденіями. Поль-Луи Курье, служившій тогда артиллерійскимъ офицеромъ въ войскахъ, занимавшихъ неаполитанское королевство, очень характерно описываетъ впечатлѣніе, произведенное въ его полку извѣстіемъ о провозглашеніи Наполеона императоромъ: „Полковникъ созвалъ офицеровъ и безъ всякихъ предварительныхъ замѣчаній, или же объясненій, предложилъ подать голоса по вопросу: что имъ болѣе нравится: „императоръ или республика“? Приблизительно съ четверть часа всѣ молчали. Подъ конецъ одинъ молодой поручикъ воскликнулъ: „Если ему угодно быть императоромъ, пусть будетъ, но мнѣ лично это не нравится!“— „Потрудитесь объяснить ваше мнѣніе“, сказалъ полковникъ.— „Я не расположенъ объяснять“.—„Ну, и прекрасно!“ Снова водворилось

молчаніе, въ продолженіи котораго офицеры поглядывали другъ на друга съ такимъ изумленіемъ, какъ если бы передъ тѣмъ никогда не видались. Это могло бы продлиться неопредѣленное время, когда бы я не рѣшился въ свою очередь высказать мое мнѣніе. „Господа,—заявилъ я моимъ товарищамъ,—быть можетъ, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что это дѣло до насъ не касается. Если народу угодно обзавестись императоромъ, то вѣдь намъ не подобаетъ принимать на себя роль судей надъ образомъ дѣйствій Франціи". Доводы эти показались до такой степени убѣдительными, что всѣ офицеры, сидѣвшіе до тѣхъ поръ въ состояніи самаго глубокаго недоумѣнія, встали, изъявили свое согласіе на перемѣну формы правленія и немедленно же отправились изъ гостиной, гдѣ происходило совѣщаніе, въ общую залу трактира—играть на биллiардѣ.—Клянусь честью,—сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей,—вы говорите, какъ Цицеронъ, но на кой прахъ угодно вамъ, чтобы онъ былъ императоромъ?—Да вѣдь надо же было, наконецъ, чѣмъ-нибудь покончить! Не вѣкъ же намъ было сидѣть тамъ! Играть на биллiардѣ все-таки занятнѣе, чѣмъ хлопать глазами. Ну, а вамъ-то развѣ не хочется, чтобы онъ носилъ императорскій титулъ?—Какъ бы вамъ сказать? Мнѣ всегда казалось, что онъ заслуживалъ лучшей участи". Отвѣтъ этотъ никоимъ образомъ нельзя признать нелѣпымъ. Такого человѣка, какъ онъ,—Бонапарта,—величайшаго полководца въ мірѣ—и вдругъ станутъ называть ваше величество! Быть Бонапартомъ и обратиться просто въ „государя", подобно какому-нибудь ничтожному германскому державцу, значило несомнѣнно понизиться въ рангѣ. Понятное дѣло, что онъ самъ думалъ возвыситься, ставя себя на одну доску съ коронованными особами. Титулъ нравится ему больше, чѣмъ громкая слава его имени... Бѣдняга! Идеи стоятъ у него далеко ниже уровня подвиговъ". Таковы были разсужденія блестящаго эллиниста, которому мы обязаны открытіемъ замѣчательнаго отрывка древней греческой поэмы „Дафнисъ и Хлоя".

Интереснымъ указаніемъ на способы собиранія голосовъ при этомъ плебисцитѣ можетъ служить письмо Фабріе (впослѣдствіи наполеоновскаго генерала, бывшаго тогда воспитанникомъ мецской военной школы. Начальство предложило кадетамъ подписать адресъ, приглашавшій перваго консула провозгласить себя императоромъ. Большинство кадетъ отказалось, но помощникъ директора тѣмъ не менѣе рѣшилъ донести, что упомянутый адресъ одобренъ ими единогласно. Кадеты выбрали тогда изъ своей среды нѣсколькихъ депутатовъ, чтобы предъявить на это жалобу, но депутація ихъ была арестована, якобы за нарушеніе дисциплины, обнаружившееся тѣмъ, что она осмѣлилась объясняться прямо съ директоромъ. Чтобы высвободить своихъ товарищей изъ подъ ареста, прочіе недовольные рѣшились уступить и подписали требуемый документъ.

„Высадка въ Англію".

Въ 752 году Пепинъ Короткій освѣдомился у папы Захарія: кто долженъ считаться законнымъ государемъ: номинальный-ли король, или же лицо, обладающее на самомъ дѣлѣ верховной властью? Папа отвѣчалъ: „Король тотъ, кто располагаетъ властью". Этотъ теоретическій взглядъ выразился на практикѣ признаніемъ римскими папами законности водворенія Каролинговъ на франкскомъ престолѣ, которое и было санкціонировано коронованіемъ Пепина папою Бонифаціемъ. Полвѣка спустя, папа Левъ III, въ силу произвольно приписаннаго себѣ римскими первосвященниками и признававшагося ихъ паствою авторитета, утвердилъ ту же династію въ императорскомъ достоинствѣ, возложивъ на голову Карла Великаго императорскую корону. Это достопамятное событіе совершилось какъ разъ въ Рождество 800-го года нашего лѣтосчисленія. Немногимъ болѣе тысячи лѣтъ послѣ того, а именно въ началѣ мая 1804-го года, предложено было намѣстнику св. Петра совершить обрядъ помазанія на царство надъ другимъ западнымъ императоромъ: на этотъ разъ уже не по собственной своей волѣ и не въ Вѣчномъ Римѣ, а по требованію императора и въ Парижѣ, унаслѣдовавшемъ славу и традиціи классической древности. Безсильный и слабохарактерный римскій первосвященникъ почувствовалъ себя до чрезвычайности несчастнымъ, получивъ такое приглашеніе. Папа оплакивалъ смерть герцога Энгіенскаго и, кромѣ того, теперь возникалъ передъ нимъ вопросъ: вправѣ-ли онъ санкціонировать замѣщеніе древней царственной династіи Бурбоновъ, всегда отличавшейся преданностью католицизму, хотя бы даже и весьма талантливымъ выскочкой, за религіозныя убѣжденія котораго никоимъ образомъ нельзя поручиться? Тѣмъ не менѣе конкордатъ былъ заключенъ сравнительно лишь недавно. Папа могъ безъ сомнѣнія надѣяться, что уступчивость въ данномъ случаѣ доставитъ ему многія, давно желанныя выгоды. Дѣло въ томъ, что легатства, принадлежавшія когда-то папскому престолу, входили теперь въ составъ Итальянской республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ папская власть не получила никакого вознагражденія за Авиньонъ и Карпантрасъ, формально уступленные Франціи по Толентинскому миру въ 1797 г.

Наконецъ данъ былъ утвердительный отвѣтъ. Папа изъявилъ готовность пріѣхать „для блага религіи", если присланное ему приглашеніе будетъ мотивировано именно такимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду на пересмотръ органическихъ статей конкордата и на смѣщеніе епископовъ, подчинившихся конституціи въ противность предписаніямъ римской куріи. Въ числѣ другихъ менѣе существенныхъ требованій папа выставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ему ни подъ какимъ видомъ не представляли г-жу Талейранъ. Изъ благодарности за конкордатъ папа отмѣнилъ отлученіе отъ церкви, постановленное противъ бывшаго отенскаго епископа, и разрѣшилъ ему „заниматься мірскими дѣлами", но тѣмъ не менѣе до чрезвычай-

ности огорчился, когда Талейранъ позволилъ себѣ истолковать этотъ пунктъ въ смыслѣ разрѣшенія также и жениться. Возражая на этотъ отвѣтъ, императоръ припоминалъ всѣ услуги, оказанныя имъ церкви и папской власти, и спрашивалъ: „Развѣ не заслуживаетъ довѣрія тотъ, кто сдѣлалъ уже столь многое?“ Папа вынужденъ былъ удовлетвориться такимъ неопредѣленнымъ обязательствомъ и выразилъ готовность подчиниться настояніямъ человѣка, несомнѣнно язлявшагося самымъ блестящимъ изъ современныхъ ему полководцевъ и государственныхъ дѣятелей, — человѣкомъ, который, въ качествѣ Западнаго императора, могъ быть для папской власти безцѣннымъ союзникомъ. Торжественное коронованіе должно было состояться 2-го декабря, въ главной изъ парижскихъ церквей, въ великолѣпномъ готическомъ соборѣ Божьей Матери.

Празднества начались, впрочемъ, тотчасъ-же послѣ провозглашенія имперіи 18-го мая 1804 года. Весьма удачное вступительное торжество состоялось въ іюнѣ въ Домѣ Инвалидовъ. Тюльерійскій дворецъ сверкалъ во время вечернихъ пріемовъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, отражавшими ослѣпительный свѣтъ люстръ и канделябръ. Придворная роскошь и интриги одновременно получили могущественный импульсъ. Благодаря оберъ-церемоніймейстеру Сегюру, не было недостатка, по крайней мѣрѣ, во внѣшнемъ блескѣ. Въ угоду старинной аристократіи, новый императоръ проявилъ свое милосердіе прежде всего помилованіемъ всѣхъ ея членовъ, замѣшанныхъ въ заговоръ Жоржа Кадудаля. Императорская чета обнаруживала тоже необычайную дѣятельность. Первая августѣйшая поѣздка изъ Парижа и его окрестностей привела императорскую чету въ Булонскій лагерь, гдѣ, по случаю раздачи орденовъ и принесенія арміей присяги, устроено было опять таки великолѣпное торжество. Древніе франкскіе воины подымали своихъ королей на платформу, составленную изъ щитовъ. Наполеонъ выслушивалъ привѣтствія своихъ воиновъ, сидя въ желѣзномъ креслѣ, принадлежавшемъ будто бы королю Дагоберту. Кресло это было поставлено такъ, что онъ видѣлъ передъ собою мѣловые утесы коварнаго Альбіона.

Въ этомъ достопримѣчательномъ путешествіи, гдѣ Наполеонъ задавался одновременно и политическими, и военными цѣлями, его сопровождала Жозефина, положеніе которой оказывалось далеко не особенно пріятнымъ. Какъ уже упомянуто, она обманула мужа еще во время первой его итальянской кампаніи ложными вѣстями о томъ, будто собирается дать ему наслѣдника. Впослѣдствіи, интриги Жозефины въ Миланѣ неоднократно служили поводомъ къ ссорамъ между нею и мужемъ. Бонапартъ, въ бытность свою въ Египтѣ, оправдывалъ скандальную открытую свою связь съ г-жей Фуже, утверждая, что женился бы на ней, если бы у нея родился сынъ. Брюмерское примиреніе между супругами состоялось преимущественно ради соблюденія внѣшнихъ приличій. Оно могло создать удовлетворительный modus vivendi на время пожизненнаго консульства, но, какъ только

рѣчь зашла о наслѣдственной имперіи, тотчасъ же выяснилась непрочность узъ, соединявшихъ императорскую чету. Порядокъ престолонаслѣдія, установленный имперской конституціей, шелъ прямо въ разрѣзъ съ желаніями и надеждами партіи Богарне. Новая императрица была, при такихъ обстоятельствахъ, воплощеніемъ кротости и смиренія. Тѣмъ не менѣе, разъ, что ея мужъ былъ „кесаремъ", ей, по старинной римской поговоркѣ, приходилось быть „женою кесаря". Вмѣстѣ, и повидимому, въ добромъ согласіи, Наполеонъ и Жозефина отправились изъ Булони въ Ахенъ, древнюю столицу Карла Великаго, на самую границу Германіи.

Какъ бы въ насмѣшку надъ притязаніями императора Франца на римско-германскую имперію, Наполеонъ и его супруга устраивали блестящія имперскія придворныя празднества въ этомъ старинномъ, знаменитомъ въ западно-европейской исторіи городѣ, стѣны котораго служили оплотомъ средневѣковой римской имперіи. Этой имперіи, являвшейся на самомъ дѣлѣ анахронизмомъ, лишеннымъ фактическаго могущества, предстояло теперь возродиться въ обновленной и грозной формѣ. Германскіе герцоги, князья и короли, частью лично, частью же черезъ своихъ пословъ, явились въ Ахенъ привѣтствовать новую императорскую чету. Даже Австрія прислала туда своего представителя. Константинъ Великій далъ новую столицу объединенной своей имперіи, построивъ на берегахъ Босфора новый Римъ. Парижъ и Франція могли во очію убѣдиться, что и Наполеону не трудно было-бы выполнить нѣчто подобное. Они уяснили это себѣ и перепугались не на шутку.

Въ то время, когда среднеевропейскіе вѣнценосцы наперерывъ другъ передъ другомъ свидѣтельствовали свое уваженіе новому царю царей, скрывавшіяся въ глубинѣ политическія теченія дѣлали свое дѣло. Имперія уже и тогда означала войну, но пока это была война съ одной лишь Англіей, долженствовавшей ограничиваться столкновеніями на морѣ, или же дорогостоющей рискованной высадкой. Возвращеніе Питта къ кормилу правленія, послѣдовавшее 12-го мая, свидѣтельствовало о непреклонной рѣшимости Великобританіи сопротивляться Бонапарту и аггеламъ его, въ крайнемъ случаѣ даже и на собственной ея территоріи. Несравненно заманчивѣе казалась, однако, перспектива возобновленія прежней политики Питта, стремившейся къ составленію на материкѣ Европы коалиціи противъ Франціи. Запутанныя интриги внутренней политики англійскихъ партій и тупоуміе короля Георга содѣйствовали возвращенію такого энергическаго дѣятеля, какъ Питтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дали ему, въ лицѣ другихъ министровъ, безхарактерныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ поэтому полною свободой дѣйствій, но въ первое время долженъ былъ ограничиться лишь усиленіемъ внутренней обороны островнаго британскаго королевства. Вскорѣ начали проявляться, однако, симптомы, свидѣтельствовавшіе, что врагъ облегчитъ ему по меньшей мѣрѣ на половину трудъ составленія новой коалиціи. Дѣйствительно новая война въ западной Европѣ неизбѣжно должна была упро-

чить авторитетъ императора Наполеона во Франціи и послужить для его лука тою второю тетивой, которою онъ старался всегда обзаводиться. Въ данную минуту онъ чувствовалъ въ такой второй тетивѣ большую чѣмъ когда-либо необходимость. Кромѣ того успѣшное окончаніе новой европейской войны явилось бы немедленнымъ осуществленіемъ мечты о французской имперіи, такъ далеко выходящей за предѣлы самой Франціи, что грандіозность этого новаго политическаго организма, долженствовавшаго разрушить рамки между отдѣльными національностями и сыграть такимъ образомъ важную міровую роль, затмила бы собою воспоминаніе о французской національности. Императоръ Александръ I, ослѣпленный сперва личностью Бонапарта, представлявшейся ему типомъ современнаго либерализма, охладѣлъ къ французскому герою, какъ только Бонапарта провозгласили пожизненнымъ консуломъ. Усматривая теперь въ немъ опаснаго соперника, русскій государь былъ наканунѣ разрыва съ новой имперіей. Пруссія относилась къ императору Наполеону холодно и сторонилась отъ союза съ Франціей. Австрія, въ свою очередь, болѣзненно чувствовала свое униженіе и готовилась отмстить при первомъ удобномъ случаѣ. По совѣту императора Франца и, вѣроятно, также и русскаго государя, германскій сеймъ, засѣдавшій въ Регенсбургѣ, обратился къ Наполеону съ предложеніемъ объявить, что казнь герцога Энгіенскаго вызывалась особыми соображеніями, которыя онъ не считаетъ теперь умѣстнымъ объяснить европейскимъ кабинетамъ. Наполеонъ отказался дать даже и такое ничтожное удовлетвореніе всей остальной Европѣ. Чѣмъ объяснить этотъ отказъ?

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Россія, монархъ которой на самомъ дѣлѣ тогда не особенно интересовался убійствомъ герцога Энгіенскаго, но тѣмъ въ большей степени задавался честолюбивыми стремленіями къ созданію Восточной имперіи, предъявила формальный протестъ противъ французской иностранной политики, причемъ потребовала очищенія Неаполя и предоставленія сардинскому королю территоріальнаго вознагражденія. Талейранъ безцеремонно возразилъ на это, что Франція не требовала никакихъ объясненій. Между тѣмъ Россія приняла къ себѣ въ подданство многихъ французскихъ эмигрантовъ, извѣстныхъ своими интригами; послала въ Парижъ, въ лицѣ графа Маркова, крайне непріятнаго дипломата, который, насмѣшливо презрительнымъ своимъ обращеніемъ, открыто выказывалъ настроеніе своего государя относительно Франціи. Сверхъ всего этого Россія заняла Іоническіе острова своими войсками. „Императоръ французовъ желаетъ міра,—писалъ Талейранъ,—но, уповая на Бога и на свои арміи, не имѣетъ надобности кого-либо страшиться“. Это заявленіе Талейрана можно было признать вызовомъ по адресу не одной только Россіи, но и всей Европы, не исключая и Англіи, особенно-же сопоставляя его съ учиненными уже Наполеономъ нарушеніями обычнаго международнаго права. Такъ, напримѣръ, онъ потребовалъ, чтобы Спенсеръ, Смитъ и Драке, англійскіе послы въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ, неосторожно сносившіеся съ Меге-де-ла-Тушемъ, были удале

Музей-читальня
И. Н. Ульянова
Инв, № 4748

изъ Виртемберга и Баваріи. Еще болѣе насильственный характеръ носило арестованіе въ Гамбургѣ мистера Румбольда, назначеннаго англійскимъ посланникомъ въ Саксонію и собиравшагося туда ѣхать. Россія тщетно протестовала противъ нарушенія баденскаго нейтралитета, выразившагося арестованіемъ герцога Энгіенскаго.

Такіе вызовы являются сами по себѣ могущественными, хотя и косвенными доказательствами того, что производившіяся такъ демонстративно приготовленія къ вторженію въ Англію должны были въ дѣйствительности служить преимущественно только для отвода глазъ. Быть можетъ, впрочемъ, что колоссальный геній человѣка, знавшаго, что, относительно военнаго могущества можетъ смѣло потягаться со всѣми державами материка Европы, разсчитывалъ убить въ данномъ случаѣ, какъ говорится, однимъ камнемъ двухъ воробьевъ. Романическія грезы имперской политики Наполеона, какъ извѣстно, не сдерживались никакими рамками. Въ случаѣ если бы вторженіе въ Англію не удалось, онъ могъ упрочить свой престолъ, разгромивъ коалицію европейскихъ державъ, которая несомнѣнно должна была образоваться, благодаря его собственному образу дѣйствій и традиціонной политикѣ Питта. Если бы, напротивъ того, ему не удалось выполнить своихъ намѣреній въ континентальной Европѣ, то можно было бы вознаградить себя за это, нанеся тяжкій ударъ Англіи. Во всякомъ случаѣ надо полагать, что эта высадка стояла у него на второмъ планѣ.

Осенью 1803 года и весной 1804 года, приготовленія къ десанту, производившіяся въ Булони, шли своимъ чередомъ и приняли на самомъ дѣлѣ весьма грозный характеръ. Рѣшено было сдѣлать слѣдующую попытку: французской эскадрѣ изъ десяти линейныхъ кораблей подъ начальствомъ адмирала Латушъ-Тревилля, предписывалось 30 іюля выйти изъ Тулона какъ бы съ намѣреніемъ высадить войска въ Египтѣ и такимъ образомъ привлечь вниманіе Нельсона къ устью Нила, гдѣ ему удалось уже однажды разбить французовъ подъ Абукиромъ. На самомъ дѣлѣ французская эскадра должна была внезапно перемѣнить свой курсъ и ускользнуть черезъ Гибралтарскій проливъ изъ Средиземнаго моря. Обогнувъ Пиринейскій полуостровъ, эскадра эта должна была зайти въ Рошфоръ (въ Бискайскомъ заливѣ), соединиться съ находившимися тамъ шестью линейными кораблями и нѣсколькими фрегатами, а затѣмъ, свершивъ длинное обходное движеніе, войти въ Дуврскій каналъ съ Запада. „Намъ достаточно владѣть въ продолженіи шести часовъ этимъ проливомъ для того, чтобы стать властелинами міра“,—писалъ императоръ. Осуществленію этого проекта помѣшала кончина адмирала Тревилля.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ составленъ былъ другой, еще болѣе грандіозный проектъ. Наполеонъ заручился дружбою Испаніи. Благодаря подаркамъ и обѣщаніямъ покровительства герцогу Пармскому, доставившимъ первому консулу расположеніе испанской королевы, и согласію Бонапарта не разоблачать преступную ея связь съ Годоемъ, носившимъ титулъ князя Мира, Франція могла разсчиты-

вать на самую раболѣпную услужливость Испаніи. По требованію перваго консула испанскія войска вторгнулись въ Португалію, помогавшую своимъ флотомъ Нельсону на Средиземномъ морѣ и предоставлявшую англичанамъ пользоваться столь важными для нихъ великолѣпными ея портами. Не смотря на это, при заключеніи Аміенскаго мира, Бонапартъ уступилъ англичанамъ, безъ согласія Испаніи, принадлежавшій ей островъ Тринидадъ, а затѣмъ продалъ Луизіану Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, хотя по договору Испаніи предоставлялось право купить эту колонію себѣ обратно. По возобновленіи войны съ Англіей, онъ побудилъ Испанію къ заключенію чудовищнаго договора, по которому эта держава обязалась принудить Португалію къ нейтралитету и ежемѣсячно выплачивать французскому казначейству колоссальную субсидію въ шесть милліоновъ франковъ. Союзъ этотъ представилъ въ распоряженіе Наполеона весь испанскій флотъ, когда въ декабрѣ 1804-го года возгорѣлась война между Испаніей и Англіей. Впрочемъ, уже и ранѣе этого, Наполеонъ началъ дѣйствовать такъ, какъ если бы французы желали обезпечить себѣ преобладаніе на морѣ не только на шестичасовой срокъ, но и навсегда. Во французскихъ арсеналахъ и на всѣхъ верфяхъ началась лихорадочная дѣятельность. Команды вербовщиковъ ходили по всѣмъ портовымъ городамъ, насильственно забирая на службу всѣхъ сколько-нибудь пригодныхъ матросовъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль императорскій флотъ почти удвоился числомъ судовъ, артилерійскихъ орудій и матросовъ. Къ несчастью, боевая его пригодность уменьшилась приблизительно въ такомъ же отношеніи. Адмиралъ Вильневъ, замѣнившій въ Тулонѣ Тревилля, былъ человѣкъ способный и свѣдущій, но ему была слишкомъ хорошо извѣстна полная дезорганизація французскаго морского вѣдомства. У него не хватало по этому надлежащаго энтузіазма для выполненія возложенной на него задачи.

Въ первое время это оказывалось не особенно существеннымъ, такъ какъ тулонскому флоту и рошфорской эскадрѣ предполагалось идти порознь въ Вестъ-Индію, чтобы отвлечь туда за собой главныя морскія силы англичанъ. Обѣимъ эскадрамъ дана была инструкція овладѣть снова островомъ Санъ-Доминго, если это окажется возможнымъ, а также усилить французскіе гарнизоны на островахъ Гваделупѣ, Мартиникѣ и въ Санта-Лучіи. Гантому, командовавшему брестской эскадрой, предписано было посадить на свои двадцать линейныхъ кораблей восемнадцатитысячный десантный отрядъ, подъ начальствомъ Ожеро, и плыть сперва прямо на Западъ, держа курсъ къ Ньюфаундленду, а затѣмъ, на половинѣ пути, повернуть назадъ, высадить войска на сѣверномъ берегу Ирландіи и пройти оттуда въ Дуврскій каналъ съ Сѣвера, чтобы помочь дессантной флотиліи, которая съ громадными затратами была собрана въ Булонскомъ портѣ и по сосѣдству отъ него. Самъ императоръ не придавалъ серьезнаго значенія этому эффектному проекту. Это видно, между прочимъ, изъ собственноручнаго тщательно обдуманнаго письма отъ 16-го января 1805 года, въ которомъ

Наполеонъ предлагаетъ употребить эту же брестскую эскадру съ тридцатитысячнымъ дессантнымъ отрядомъ для нападенія на англійскую Остъ-Индію. Предложеніе это было сдѣлано совершенно серьезно ранѣе того, чѣмъ Вильневъ вышелъ въ море. На него нельзя смотрѣть какъ на что-нибудь случайное и несущественное, надъ чѣмъ самъ авторъ могъ бы впослѣдствіи смѣяться и что можно было бы выставить, вслучаѣ неудачи, простою химерой, незаслуживающей вниманія. Рошфорской эскадрѣ удалось прорваться черезъ блокировавшія ее англійскія суда и благополучно дойти до Мартиники. Вильневъ отплылъ 17-го января 1805 года изъ Тулона во время бури, при содѣйствіи которой разсчитывалъ уйти отъ Нельсона, но эта буря до такой степени разметала его суда, что всякое совмѣстное дѣйствіе сдѣлалось для нихъ невозможнымъ. Корабли его по одиночкѣ вернулись съ большимъ трудомъ обратно въ Тулонъ. Что касается до Гантома, то онъ не сдѣлалъ даже и попытки выйти изъ Бреста ввиду бдительности блокировавшей этотъ портъ англійской эскадры.

Три мѣсяца спустя обнародованъ былъ третій проектъ, несомнѣнно имѣвшій цѣлью мистифицировать англичанъ, тогда какъ о предполагавшейся экспедиціи въ Остъ-Индію не считалось умѣстнымъ что-либо разглашать. На этотъ разъ имѣлось въ виду соединить всѣ французскія морскія силы въ Вестъ-Индіи, для чего отданы были ссотвѣтственныя предписанія. Сосредоточившійся тамъ громадный флотъ, изъ сорока линейныхъ кораблей подъ командою Вильнева, долженъ былъ вернуться въ Европу окольнымъ путемъ,—обогнуть Шотландію,—черезъ Сѣверное море проникнуть въ Ламаншъ и не допускать туда англійскихъ судовъ до тѣхъ поръ, пока не переправится на британскій берегъ вся предназначавшаяся для этого армія. Надъ этимъ проектомъ смѣялись, называя его твореніемъ профана въ морскомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, если бы смотрѣть на него какъ на нѣчто серьезное, пришлось бы приписать Наполеону свойства, какъ разъ противуположныя тѣмъ, какими онъ обладалъ на самомъ дѣлѣ. Чудовищные расходы на содержаніе въ теченіе столь долгаго времени не только флота, но и громадной арміи, значительно превышавшей численность войскъ, которыя можно было дѣйствительно употребить для вторженія въ Англію, театральный характеръ всѣхъ приготовленій къ дессанту, равнодушіе, съ которымъ дессантъ этотъ каждый разъ откладывался, спокойствіе, съ которымъ великій полководецъ отнесся къ трафальгарской катастрофѣ,—все это въ совокупности приводитъ къ заключенію, что Наполеонъ на самомъ дѣлѣ не придавалъ серьезнаго значенія передвиженіямъ своихъ флотовъ и проекту вторженія въ Англію, а полагался исключительно на подготовленную въ Булонскомъ лагерѣ, не щадя никакихъ издержекъ, превосходную армію, съ которою имѣлъ въ виду разгромить Австрію, что дѣйствительно и было выполнено въ слѣдующемъ же году. Морскія вооруженія Бонапарта, включая въ то число и булонскую дессантную флотилію, должны были помѣшать энергическимъ попыткамъ со стороны

Англіи къ уничтоженію придуманной ими блокады континентальныхъ портовъ и возобновленію своей торговли. При всякихъ иныхъ предположеніяхъ пришлось бы допустить, что Наполеонъ, какъ разъ именно въ эту эпоху своей жизни, не позаботился о томъ, чтобы сохранить за собой репутацію здравомыслящаго человѣка, —вообразить его фанфарономъ, презрительно относящимся къ боевымъ силамъ и энергіи своего врага,—азартнымъ игрокомъ, ожидающимъ себѣ успѣха отъ счастливаго случая, который парализовалъ бы его противниковъ и обогатилъ его сразу.

Очевидно, что такая гипотеза должна быть отброшена какъ смѣшная и не заслуживающая ни малѣйшаго вниманія. Наполеоновскіе генералы, отличавшіеся въ такой же степени талантливостью, въ какой его адмиралы оказывались малоспособными, были заинтересованы, какъ это явствуетъ не только изъ ихъ собственныхъ записокъ, но также изъ мемуаровъ другихъ проницательныхъ наблюдателей, въ созданіи европейской имперіи, долженствовавшей упрочить и еще болѣе возвысить почетное ихъ положеніе. Жозефъ объяснилъ прусскому посланнику, что армія питаетъ беззавѣтную преданность къ его брату, благодаря надеждѣ увѣковѣчить себя новыми лаврами и обогатиться плодами своихъ побѣдъ. Императоръ говорилъ чистую правду любимому своему брату, объясняя, что никогда не сдѣлалъ бы попытки высадиться самъ въ Великобританіи, но охотно бы послалъ Нея въ Ирландію. Весьма многозначительнымъ указаніемъ на истинныя намѣренія Бонапарта служитъ и равнодушіе его къ изобрѣтенію, сдѣланному Робертомъ Фультономъ, когорый предложилъ поставить на кораблях паровыя машины и сдѣлать такимъ образомъ суда независимыми отъ вѣтровъ и теченій. Наполеонъ, апостолъ науки, пріятель Монжа и Вольнея и членъ французскаго Института, обнаружилъ очень мало научнаго интереса къ этому изобрѣтенію. Одно время онъ кокетничалъ съ американскимъ изобрѣтателемъ, ассигнуя ему ничтожныя денежныя субсидіи, недостаточныя для надлежащей разработки проектовъ примѣненія силы пара къ различнымъ мореходнымъ боевымъ приспособленіямъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ помѣшать другимъ воспользоваться изобрѣтеніями Фультона.

Не подлежитъ сомнѣнію, что спорный историческій вопросъ о большей или меньшей серьезности проекта высадки въ Англію заслуживаетъ всесторонняго разслѣдованія съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Мы будемъ еще нѣсколько разъ къ нему возвращаться, а теперь позволимъ себѣ напомнить, что если вся египетская экспедиція была задумана Бонапартомъ и его пріятелями въ директоріи, дабы мистифицировать французовъ, то морскія вооруженія, предназначавшіяся частью для борьбы съ Англіей на той стихіи, на которой держава эта заручилась безспорнымъ преобладаніемъ, частью же для вторженія на англійскую территорію, могли очень хорошо имѣть цѣлью мистифицировать подобнымъ же образомъ англичанъ. Обѣ эти гипотезы обладаютъ совершенно одинаковой степенью правдоподобности. Низложивъ министерство Аддингтона и очутившись лицомъ къ лицу съ опас-

ностями войны, въ которой ему неохотно и лишь скрѣпя сердце оказывала поддержку оппозиція, Питтъ объявилъ 23 мая въ 1803 г., что Франція можетъ основывать свои надежды успѣха или на томъ, что ей удастся подорвать бодрость духа и рѣшимость британскаго народа постоянными мучительными опасеніями высадки въ Англію, или же на предположеніи, что долгая и дорого стоющая война раззоритъ Англію и подорветъ ея кредитъ. Разумѣется, нѣтъ основанія считать заявленія Питта пророческими. Фактически вѣрно, однако, что приготовленія Наполеона къ вторженію приняли такіе размѣры, при которыхъ можно было со стороны подумать, что онъ собирается не только застращать англичанъ, но и въ самомъ дѣлѣ выполнить свое намѣреніе. Съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что никакой иной образъ дѣйствій и не могъ бы обмануть такой продувной народъ, какимъ являлись тогда уже англичане. Это обстоятельство, въ связи съ все болѣе уяснявшеюся рѣшимостью императора не допускать, чтобы Испанія, Португалія, Голландія и вообще какая-либо держава, въ сферѣ его вліянія, оставалась нейтральною, но требовать отъ всѣхъ такихъ державъ содѣйствія деньгами или войсками и закрыть ихъ порта англійской торговлѣ, можетъ служить вѣсскимъ доказательствомъ правильности предположеній британскаго цхемьера. Наполеонъ велъ съ Англіей борьбу обоими способами, указанными Питтомъ.

Умѣстно также выяснить себѣ вѣроятные результаты, къ которымъ привела бы Наполеона удачная высадка его арміи въ Англію. Прежде всего временное преобладаніе французовъ на морѣ было бы безотлагательно уничтожено соединенными усиліями англійскихъ военныхъ флотовъ, вслѣдствіе чего армія Наполеона была бы отрѣзана отъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ встрѣтилъ бы отчаянное сопротивленіе со стороны гордаго, свободолюбиваго, просвѣщеннаго и храбраго народа, которое неминуемо парализовало бы всѣ тактическія преимущества вторгнувшейся арміи и въ концѣ концовъ уничтожило бы ее, какъ бы многочисленна она ни была первоначально. Развѣ можно заподозрить Наполеона въ непониманіи всего этого? Безъ сомнѣнія, нельзя. Онъ самъ говорилъ, что армія, лишенная возможности правильно пополнять свои ряды, обречена на погибель. Онъ видѣлъ подтвержденіе этой теоріи въ Египтѣ и очень хорошо зналъ, что со всѣми флотами и флотиліями, которые имѣлись въ его распоряженіи, французамъ не было ни малѣйшей возможности удержать за собою преобладаніе на морѣ. По отношенію ко всякому другому человѣку, безъ сомнѣнія, сочли бы вполнѣ достаточными всѣ эти доказательства, особенно же ввиду того, что случилось на самомъ дѣлѣ. Какъ всѣмъ извѣстно, онъ воспользовался булонскою арміей, чтобы разгромить Австрію. Князь Меттернихъ пришелъ въ 1810 году къ тому убѣжденію, что таково было и съ самаго начала дѣйствительное намѣреніе императора Наполеона. Наконецъ, это согласуется вполнѣ съ пристрастіемъ Наполеона къ всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, способнымъ ввести его противниковъ въ обманъ. Въ продолженіи всей политической своей дѣятельности Наполеонъ зачастую прибѣгалъ къ подобнымъ уловкамъ, не щадя издержекъ для достиженія цѣли.

Коронованіе Наполеона.

Пребываніе императорскаго двора въ Ахенѣ произвело въ Парижѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не особенно пріятное впечатлѣніе, а когда въ „Moniteur“ появился коварный намекъ на то, что столица римской имперіи была окончательно перенесена въ греческій городъ, безпокойство и опасенія парижанъ дошли до желаемой степени. Парижане были поэтому не прочь выразить вѣрноподданическій восторгъ при такомъ исключительномъ случаѣ, какимъ являлось коронованіе новаго императора. Бывшій атеистъ, а впослѣдствіи восточный герой,—сынъ Неба,—чуть что не мусульманинъ—приписывавшій себѣ славу уничтоженія папской власти, выставлялъ себя теперь уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ искреннимъ почитателемъ христіанства. За послѣднее время Пій VII, обращаясь къ Наполеону, употреблялъ ту же самую формулу, которая примѣнялась папами въ письменныхъ сношеніяхъ съ законными государями, а именно: называлъ его своимъ сыномъ во Христѣ Іисусѣ. Само собой разумѣется, что послѣ того, у римскаго первосвященника не могло оставаться никакихъ серьезныхъ возраженій противъ поѣздки въ Парижъ для коронованія достолюбезнаго своего сына. 2 ноября онъ дѣйствительно выѣхалъ съ этою цѣлью изъ Рима. Говорятъ, будто Пій до послѣдней минуты откладывалъ свои отъѣздъ, ссылаясь, однако, не на то, что Наполеонъ нарушилъ всѣ европейскія традиціи и преступилъ рѣшительно всѣ заповѣди. Нѣтъ; римскій первосвященникъ протестовалъ единственно только противъ нарушенія этикета, выразившагося въ томъ, что пригласительное письмо императора было передано ему не двумя епископами, какъ бы это слѣдовало, а императорскимъ адъютантомъ, генераломъ Каффарелли. Неудивительно, если въ душѣ у папы происходила въ данномъ случаѣ борьба двухъ противуположныхъ стремленій. Въ качествѣ свѣтскаго государя онъ долженъ былъ, по примѣру прочихъ, преклониться передъ матеріальною силой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ намѣстника св. Петра, сознавалъ, что съ его стороны до крайности неловко совершать обрядъ помазанія на царство надъ выскочкой, относившимся съ такимъ презрѣніемъ ко всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Существовала, однако, надежда, что Пій VII, какъ глава церкви, можетъ оказать серьезную услугу себѣ самому, какъ свѣтскому государю. Если нельзя было добиться полнаго вознагражденія за убытки, нанесенные духовной и свѣтской власти папскаго престола французскою революціей, то все-таки существовала вѣроятность возмѣстить эти убытки, хотя отчасти, и въ томъ, и въ другомъ направленіи.

Выѣхавъ изъ Рима, его святѣйшество прослѣдовалъ съ теченіемъ времени до Фонтенебло. Карлъ Великій ѣздилъ въ Римъ для того, чтобы короноваться императорскимъ вѣнцомъ. На этотъ разъ самъ папа ѣхалъ въ Парижъ. Зато въ данномъ случаѣ блудный сынъ вышелъ навстрѣчу духовному своему отцу. Наполеонъ былъ въ

охотничьемъ костюмѣ и сдѣлалъ видъ, будто неожиданно встрѣтился съ каретой папы, проѣзжавшей черезъ лѣсъ. Не смотря на громкіе протесты императора, преемникъ св. Петра, въ атласныхъ туфляхъ и парадномъ одѣяніи, вышелъ изъ кареты прямо въ грязь. Императоръ хотя и заслуживалъ во всѣхъ отношеніяхъ эпитетъ блуднаго сына, не выказывалъ, однако, особенно искренняго раскаянія. Послѣ первыхъ демонстративныхъ привѣтствій, онъ тотчасъ же позволилъ себѣ кое-какія мелочныя нарушенія этикета, которыя папа имѣлъ основаніе считать для себя обидными. Такъ, напримѣръ, въѣзжая въ Парижъ вмѣстѣ съ папой въ одной съ нимъ каретѣ, Наполеонъ позволилъ себѣ занять тамъ почетное мѣсто. Всѣ эти мелочные сами по себѣ факты свидѣтельствовали, что въ данномъ случаѣ преемникъ титула Карла Великаго ставилъ себѣ въ образецъ не Генриха IV, считавшаго, что ради короны стоитъ сходить къ обѣднѣ, а скорѣе Оттона, или же Генриха III, отстаивавшихъ свѣтскую власть отъ всякихъ посягательствъ на нее со стороны Ватикана.

Народы, подобно семьямъ и отдѣльнымъ личностямъ, обладаютъ наслѣдственными слабостями. Наполеонъ зналъ, что такою слабостью у французовъ является способность легко увлекаться грандіозными идеями, громкими фразами, эффектными зрѣлищами и великими подвигами. Онъ хорошо понималъ вліяніе символическихъ поступковъ на народныя массы, но у него не было въ достаточной степени развито художественное чувство мѣры и сдержанности. Сарказмъ и насмѣшка какъ нельзя болѣе свойственны національному французскому складу ума. Розыскиваніе относившихся до коронаціи прецедентовъ въ такомъ громадномъ отдаленіи отъ трезвой дѣйствительности,—искусственный возвратъ къ давно минувшимъ вѣкамъ преобладанія слѣпой вѣры и чувства надъ разумомъ,—являлись уже сами по себѣ опаснымъ контрастомъ съ черствой реальностью матеріализма, отсутствія искренней религіозности и поэтическаго вдохновенія, которыми отличалось во Франціи начало девятнадцатаго столѣтія. Слова и дѣла, цѣли и средства, буквы и духъ находились въ самомъ ожесточенномъ противорѣчіи другъ съ другомъ, а между тѣмъ во Франціи, хлесткая шутка, направленная противъ представителя власти, можетъ серьезно потрясти его авторитетъ. При такихъ обстоятельствахъ зрѣлище коронованія императора Наполеона I представлялось сочетаніемъ возвышеннаго со смѣшнымъ, при которомъ вѣсы чуть не перетягивались иногда на сторону смѣшнаго. Очевидцы утверждаютъ, что настроеніе правительственныхъ сферъ было до чрезвычайности тяжелымъ, такъ какъ по временамъ толпа готова была расхохотаться надъ неуклюжей гнетущей торжественностью.

За сутки до церемоніи, делегація сената формально объявила о результатахъ плебисцита. Императоръ не только обезпечивалъ народу права, пріобрѣтенныя революціей, но обѣщалъ передать эти права въ цѣлости и сохранности также своимъ дѣтямъ, которыхъ въ наличности, однако, не было. Вечеромъ въ тотъ же

день, чуть-ли не въ послѣднюю минуту, императрица, бывшая до тѣхъ поръ въ глазахъ церкви простою любовницей, достигла, благодаря ходатайству папы, выполненій завѣтнѣйшаго своего желанія, въ которомъ мужъ ей передъ тѣмъ неоднократно отказывалъ. Она сочеталась втайнѣ церковнымъ бракомъ съ Наполеономъ. Быть можетъ, она надѣялась, что совершится чудо, и что ея безплодіе будетъ устранено. Во всякомъ случаѣ церковный бракъ устранилъ препятствіе къ коронованію ея папою, о которомъ не было и рѣчи въ предшествовавшихъ переговорахъ. Церковное бракосочетаніе Наполеона съ Жозефиной оказалось послѣднимъ звеномъ въ приготовленіяхъ къ коронаціи. Громадный соборъ Парижской Божьей Матери былъ давно уже реставрированъ и великолѣпно разукрашенъ. Блестящіе парадные костюмы, императорскій скипетръ и корона, украшенные драгоцѣнными камнями, были давно уже изготовлены. Состоялось уже нѣсколько репетицій и, кромѣ того, съ помощью остроумно придуманныхъ механическихъ чучелъ, каждому изъ участниковъ въ коронованіи предоставлена была возможность тщательно изучить всѣ движенія, которыя ему надлежало при этомъ совершить. Наполеону намекнули на то, что съ его стороны было бы умѣстно, по примѣру предшествовавшихъ французскихъ государей, явиться наканунѣ коронованія въ церковь, исповѣдаться, и получить отпущеніе грѣховъ, но онъ не пожелалъ учинить такого святотатства. Въ оффиціальной программѣ церемоніала значилось, что ихъ императорскія величества пріобщатся Св. Тайнъ, но этотъ пунктъ рѣшено было совершенно выпустить. Ходила молва, будто Наполеонъ боялся, чтобъ итальянскіе прелаты не подмѣшали яду къ Святымъ Дарамъ. Папа не настаивалъ на этомъ пунктѣ, такъ какъ опасался встрѣтить до чрезвычайности серьезный и обидный для себя отпоръ. Въ самомъ началѣ переговоровъ о церемоніалѣ онъ освѣдомлялся, будетъ-ли ему самому предоставлено, по традиціонному обычаю, возложить корону на голову монарха. „Мы

Пій VII.

потомъ уладимъ это дѣло", возразилъ Наполеонъ. Рѣшеніе императора оставалось неизвѣстнымъ до послѣдняго момента.

Утромъ, въ воскресенье, 2-го декабря 1804 года, погода стояла холодная и облачная, въ то время, когда пышная процессія шествовала изъ Тюльери въ соборъ Парижской Богоматери. Улицы были запружены народомъ, а дома богато изукрашены, но парижское населеніе, пресыщенное напускною торжественностью, въ которой на всякомъ шагу чувствовалась фальшь, оставалось въ противность собственнымъ интересамъ молчаливымъ и относилось критически къ происходившему у него на глазахъ торжеству. Съ другой стороны, однако, присутствіе германскихъ государей въ торжественной процессіи и блестящіе придворные костюмы приводили въ самый беззавѣтный восторгъ не только членовъ провинціальныхъ депутацій, но и массу должностныхъ лицъ, съѣхавшихся со всей Франціи въ Парижъ, чтобы присутствовать при коронаціи. Невѣрующіе позволяли себѣ подсмѣиваться, когда папскій камергеръ проѣзжалъ мимо нихъ рысцой на мулѣ во главѣ придворнаго штата его святѣйшества, но тотчасъ же затѣмъ становились на колѣни и удостоивались папскаго благословенія. Когда первосвященникъ вошелъ черезъ восточныя врата въ величественный соборъ и направился къ приготовленному для него трону, среди праваго клироса въ главномъ притворѣ, духовенство и церковные пѣвчіе встрѣтили его гимномъ: „Tu es Petrus" (Ты еси Петръ). Спустя часъ или нѣсколько болѣе прибыла къ собору императорская свита, впереди которой ѣхалъ Мюратъ во главѣ двадцати эскадроновъ конницы. Затѣмъ слѣдовала императорская карета, увѣнчанная короной и запряженная восемью великолѣпными конями въ роскошныхъ сбруяхъ и чепракахъ. Въ каретѣ этой, на передней скамьѣ, лицомъ къ императору и императрицѣ, сидѣли Жозефъ и Луи. Прочіе братья Наполеона временно пребывали въ немилости, а его мать осталась съ Люсьеномъ въ Римѣ и напрямикъ отказалась пріѣхать въ Парижъ. При громѣ артиллерійскихъ орудій, стрѣлявшихъ залпами, подъѣхали затѣмъ восемнадцать придворныхъ каретъ, запряженныхъ каждая шестью лошадьми. Ихъ всѣхъ встрѣчала торжественная музыка. Солнце на мгновеніе выглянуло изъ-за тучъ, какъ разъ во время, когда императоръ проходилъ сквозь архіепископскій дворецъ въ ризницу. Тамъ онъ облекся въ парадный коронаціонный костюмъ и надѣлъ себѣ на голову лавровый вѣнокъ. Изъ ризницы онъ прослѣдовалъ, вмѣстѣ съ императрицей, къ уготованному для нихъ мѣсту противъ главнаго алтаря. Жозефъ, Луи, Камбасересъ и Лебренъ исполняли у него должность пажей, поддерживая длинный шлейфъ богато расшитой золотомъ царственной мантіи. Никѣмъ незанятый еще императорскій тронъ былъ воздвигнутъ среди лѣваго клироса. Изъ двадцати тысячъ устъ раздался возгласъ: „Да здравствуетъ императоръ!" привѣтствовавшій коронаціонную процессію, медленно и торжественно направившуюся къ клиросу. Когда она достигла до клироса, папа, сойдя съ своего престола среди глубокаго молчанія толпы, наполнявшей громадный соборъ, возгласилъ величественный гимнъ: „Veni

Creator". Затѣмъ придворные чины заняли назначенныя для нихъ заранѣе мѣста, императорскія регаліи возложены были на алтарь, и Пій VII, держа передъ собою Библію, спросилъ на латинскомъ языкѣ: „обѣщается-ли императоръ дѣлать все отъ него зависящее, для водворенія законности, справедливости и мира въ самой церкви и среди его подданныхъ"? Императоръ, возложивъ обѣ руки на Библію, торжественно отвѣтилъ: „Profiteor!" Папа, кардиналы, архіепископы и епископы начали тогда служить молебствіе, которое императорская чета слушала, стоя на колѣняхъ. Затѣмъ Наполеонъ и Жозефина, руководимые назначенными для того прелатами, подошли къ ступенькамъ главнаго алтаря и снова преклонили колѣни. Папа, произнеся обычную, но долго уже неупотреблявшуюся во Франціи молитву, трижды совершилъ надъ ними поочередно помазаніе головы и рукъ. Вернувшись обратно на свои мѣста, императоръ и императрица сѣли въ приготовленныя для нихъ кресла и начали слушать обѣдню. Во время ея наступила торжественная пауза, когда императоръ подошелъ къ алтарю, чтобы принять изъ папскихъ рукъ знаменія царственной власти: кольцо, мантію и корону. Первыя двѣ изъ этихъ регалій императоръ получилъ изъ рукъ папы, но въ то самое мгновенье, когда его святѣйшество, исполненный одновременно надежды и сомнѣнія, поднялъ уже корону, императоръ сдѣлалъ два шага впередъ, крѣпко схватилъ ее собственными руками и плотно нахлобучилъ себѣ на голову. Затѣмъ, безъ всякихъ колебаній, онъ возложилъ также и на голову императрицы предназначенную для нея корону, послѣ чего императорская чета поднялась по ступенямъ и возсѣла на парадный имперскій престолъ. Папа нисколько не смутился, или, во всякомъ случаѣ, къ нему немедленно же вернулось самообладаніе. Обращаясь къ Наполеону, онъ сказалъ: „Да утвердитъ васъ Господь на этомъ престолѣ и да удостоитъ васъ Христосъ править купно съ съ нимъ въ вѣчномъ Его царствіи". Давъ тогда Наполеону лобызаніе мира, папа воскликнулъ: „Vivat imperator in aeternum". (Да здравствуетъ императоръ во вѣки вѣковъ). Оглушительные привѣтственные крики толпы вторили этому возгласу. Церковная служба продолжалась затѣмъ своимъ чередомъ, и религіозный обрядъ вскорѣ закончился. Послѣ того къ императорскому трону подошли президенты всѣхъ высшихъ государственныхъ корпорацій. Императоръ, положивъ руки на Библію, сказалъ: „Клянусь отстаивать принципы революціи и цѣлость французской территоріи; клянусь управлять въ интересахъ благоденствія, счастія и славы французскаго народа!" Къ этой присягѣ добавлены были разныя другія обязательства столь-же радикальнаго характера, требовавшіяся имперской конституціей и, безъ сомнѣнія, заставлявшія содрогаться всѣхъ присутствовавшихъ католическихъ прелатовъ. Старшій герольдъ выступилъ тогда впередъ и воскликнулъ: „Трижды славный и трижды августѣйшій императоръ Наполеонъ коронованъ и возсѣлъ на престолѣ! Многія лѣта императору!" Одновременно съ этимъ пушечная пальба возвѣстила о состоявшемся коронованіи.

Неужели исторія вернулась по своимъ стопамъ назадъ,—къ временамъ коронованія Карла Великаго? Неужели это было то самое торжество, которое за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ свершалось въ старинномъ соборѣ Св. Петра? Безъ сомнѣнія имѣлось много аналогій между обоими событіями, но аналогіи эти соединялись также и съ весьма существенными различіями. За тысячу лѣтъ передъ тѣмъ коронованіе было совершено по желанію папы, а теперь оно состоялось по волѣ императора. Территорія имперіи была тогда почти сопредѣльной съ протяженіемъ, охватывавшимся духовною властью папы, теперь же императору предстояло еще завоевать себѣ эту сопредѣльность. Символъ императорской власти являлся тогда какъ бы пожалованіемъ отъ папы, а теперь его присвоила себѣ самовольно свѣтская власть.—Коронованіе имѣло тогда значеніе средневѣковаго факта, теперь же оно являлось фактомъ современнымъ и революціоннымъ. Короче сказать, сценой дѣйствія былъ, вмѣсто Рима, теперь Парижъ. Германскій государь стоялъ тогда лицомъ къ лицу съ латинскимъ первосвященникомъ, теперь же оба они принадлежали къ латинской расѣ. Религія бралась тогда санкціонировать политическій порядокъ вещей, теперь же церковная власть изъявляла покорность военному деспотизму. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы всюду и во всемъ проявлялся между обоими событіями столь рѣзкій контрастъ. Полнаго контраста быть не могло, какъ не существовало и явственной исторической послѣдовательности. Отдѣльныя звѣнья цѣпи причинъ и слѣдствій въ исторіи образуютъ собою нѣчто въ родѣ кольчуги, а потому не могутъ быть расположены въ одинъ рядъ. Для поверхностнаго наблюдателя оба событія могли представлять болѣе сходства, чѣмъ различія, такъ что неудивительно, если толпа была обманута этимъ сходствомъ. „Я выигралъ сраженіе“, сказалъ Наполеонъ Жозефинѣ, говоря о коронованіи. „Вы, сударь, возвели меня, въ французскіе рыцари“, заявилъ онъ живописцу Давиду, по поводу большой картины, въ которой бывшій якобинецъ изобразилъ сцену коронованія императоромъ его супруги. Оба эти замѣчанія совершенно справедливы. Сценическая обстановка и ходъ дѣйствія въ коронаціонной трагикомедіи были такъ хорошо скомпанованы и разучены, что всѣ несообразности прошли незамѣченными. Моменты, когда одинъ невѣрный шагъ могъ бы вызвать общій хохотъ, миновали благополучно и все закончилось съ соблюденіемъ должныхъ приличій. За маскарадомъ признали значеніе символическаго торжества. Рѣшили, что французскій народъ и наполеоновская имперія сочетались другъ съ другомъ, во взаимодѣйствія церкви, государства и арміи, на защиту и для поддержки учрежденій, которыя, въ глазахъ народныхъ массъ несомнѣнно считали Франціей единой и нераздѣльной; какъ заявлялось объ этомъ въ революціонной формулѣ.

Пій VII принадлежалъ къ числу немногихъ, почувствовавшихъ себя немедленно-же разочарованнымъ. Онъ жаловался, что императоръ нарушилъ категорическое свое обѣщаніе, возложивъ самъ на себя корону и если не высказывалъ означенныхъ жалобъ

гласно, то единственно лишь потому, что въ оффиціальной газетѣ не было обращено особаго вниманія на этотъ инцидентъ. Пій VII прожилъ въ Парижѣ еще нѣсколько недѣль послѣ коронаціи въ качествѣ просителя, причемъ ему пришлось послѣдовательно утратить всѣ надежды, съ которыми онъ пріѣхалъ. Папа ласкалъ себя мыслью о томъ, что ему удастся искоренить послѣдніе остатки самостоятельности галликанской церкви. Онъ ожидалъ, что римскій католицизмъ будетъ разсматриваться во Франціи не какъ привилегированная секта, а какъ національный церковный организмъ. Кардиналъ Антонелли, исполнявшій должность папскаго секретаря, нашелъ въ наполеоновскомъ министрѣ вѣроисповѣданій, Порталисѣ, противника, столь же свѣдущаго въ церковныхъ дѣлахъ, какъ и онъ самъ, и обладавшаго въ такой же степени дипломатическимъ искусствомъ, ловкостью и убѣдительностью. Всѣ его старанія добиться сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ остались тщетными. Все ограничилось тѣмъ, что министръ вѣроисповѣданій обѣщалъ ввести опять во Франціи грегоріанскій календарь. Наполеонъ согласился на эту уступку и частью иронически, частью же съ примѣсью суевѣрія, велъ съ 1-го января 1806-го года лѣтосчисленіе въ сво-й имперіи, не по революціонному, а по христіанскому календарю. Епископамъ и священникамъ, присягавшимъ на вѣрность государственной конституціи, предписано было обязать себя кромѣ того и церковною присягой, дабы такимъ образомъ вернуться на лоно единой католической церкви. Хлопоты папы, какъ свѣтскаго государя, оказались столь же безуспѣшными. Онъ тщетно ссылался на щедрость Карла Великаго, обратившую папъ изъ простыхъ епископовъ въ свѣтскихъ государей. Талейранъ возражалъ ему на это, что императоръ обязанъ хранить какъ зеницу ока все ниспосланное ему Богомъ, но что впослѣдствіи быть можетъ и представится случай распространить папскія владѣнія. Преемникъ Св. Петра уѣхалъ изъ Парижа обиженный и разочарованный. Личный его секретарь Гонзальви утверждалъ, будто Пій VII пришелъ къ убѣжденію, что императоръ хотѣлъ показать ничтожностью своихъ даровъ, какъ мало онъ цѣнитъ услуги, оказанныя ему папою. Униженный въ своемъ достоинствѣ и упавшій въ общемъ уваженіи, папа убѣдился, что его перехитрили и вернулся въ Римъ ожесточеннымъ тайнымъ врагомъ имперіи, которую только что санкціонировалъ.

Французскій императоръ возлагаетъ на себя итальянскій королевскій вѣнецъ.

Среди блестящихъ празднествъ, которыми началось и продолжалось въ Парижѣ торжествованіе новаго режима, Наполеонъ былъ занятъ глубокими думами и подготовлялся къ исторически важнымъ рѣшеніямъ. По временамъ онъ приходилъ въ такое мрачное настроеніе, что даже самые старинные изъ его друзей не рѣшались обнаруживать передъ нимъ товарищескую короткость. Сама императрица начала обращаться къ своему супругу вѣжли-

вымъ тономъ подданной и называть его: „ваше величество“, или же „государь“. Впослѣдствіи ей такъ и не удалось вернуться къ прежнему, менѣе церемоніальному тону обращенія. Церковному календарю со всѣми его праздниками предстояло вскорѣ войти опять въ общее употребленіе во Франціи. Рождественскія святки были, какъ говорится, на носу. Тѣмъ не менѣе, когда черезъ два дня послѣ этого великаго мирнаго празднества, собрался законодательный совѣтъ, императоръ, открывшій его сессію съ пышностью, пропорціональной новому своему достоинству, произнесъ тронную рѣчь, въ которой очень пессимистически отнесся къ общему политическому положенію Европы. Не ограничиваясь перечисленіемъ благъ, которыми Франція была обязана его правительству (гражданскимъ и всяческими другими уложеніями, преміями для поощренія литературы, изящныхъ искусствъ и промышленности, выполненіемъ важныхъ общественныхъ работъ и т. п.) онъ объявилъ, что Италія, подобно Франціи, нуждается въ довершеніи политической своей организаціи,—что Австрія собирается съ силами, а прусскій король состоитъ въ дружбѣ съ Франціей. Робкая и колеблющаяся Турція продолжаетъ, однако, держаться политики, несоотвѣтствующей ея интересамъ, по отношенію же къ Россіи слѣдуетъ пожелать, чтобы духъ Екатерины Великой руководилъ совѣтами императора Александра. „Онъ вспомнитъ тогда,—говорилъ Наполеонъ,—что дружба Франціи является для Россіи необходимымъ противовѣсомъ въ системѣ европейскаго равновѣсія... Россія не сопредѣльная съ Франціей не можетъ затрогивать ея интересовъ и смущать ея спокойствіе“. Здѣсь очевидно, высказывалось предостереженіе по адресу Россіи. Наполеонъ совѣтовалъ этой державѣ отказаться отъ новаго направленія въ своей восточной политикѣ, отречься отъ опасеній, которыя вызывалъ у нея французскій контроль надъ Италіей и Неаполемъ, и не протестовать противъ ограниченія ея торговли съ Англіей, обусловленнаго закрытіемъ всѣхъ западно-европейскихъ портовъ для британскихъ товаровъ. При освѣщеніи послѣдующихъ событій не трудно усмотрѣть, что эта тронная рѣчь сама по себѣ уже предвѣщала войну. Внутри Франціи все обстояло благополучно, а потому имперія должна была проявить свое существованіе какими-нибудь великими внѣшними подвигами.

Совершенно естественное чувство опасливости привело большинство англійскихъ историковъ къ убѣжденію въ томъ, что Наполеонъ разсчитывалъ тогда на успѣшное вторженіе во Великобританію и на взысканіе съ англичанъ колоссальной военной контрибуціи, съ помощью которой могъ бы увеличить численность непобѣдимыхъ своихъ легіоновъ и подчинить себѣ всѣ державы на материкѣ Европы. Англичане всегда считали съ своей стороны великимъ подвигомъ то, что имъ удалось застращать корсиканскаго людоѣда колоссальностью своихъ приготовленій къ оборонѣ противъ такого вторженія. Они такъ часто это повторяли, что имъ удалось убѣдить въ этомъ многихъ. Безъ сомнѣнія, наврядъ-ли удастся когда-нибудь выяснить, насколько серьезнымъ

являлись въ 1803 и 1804 годахъ демонстративные замыслы Наполеона вторгнуться въ Англію. Тѣмъ знаменательнѣе и доказательнѣе являются слѣдующіе факты: въ январѣ 1805 года, при обсужденіи бюджета въ государственномъ совѣтѣ, Наполеонъ объявилъ, что Франція, въ продолженіи двухъ лѣтъ, уже приносила громадныя жертвы. „Война на материкѣ Европы,—сказалъ онъ,—не потребовала бы отъ насъ болѣе крупныхъ жертвъ. Зато я располагаю теперь могущественнѣйшею арміей и законченнѣйшей военною организаціей. Я сразу уже нахожусь въ такомъ положеніи, до котораго приходилось передъ тѣмъ достигать съ большими хлопотами въ первое время по объявленіи войны. Необходимъ былъ благовидный предлогъ, чтобы собрать въ мирное время такую армію съ артиллеріей, кавалеріей и обозами и держать ее въ состояніи всегдашней боевой готовности, не возбуждая подозрѣній со стороны другихъ континентальныхъ державъ. Предлогомъ этимъ служилъ проектъ высадки въ Англію. Два года тому назадъ я не позволилъ бы себѣ высказаться объ этомъ такъ откровенно, но, тѣмъ не менѣе, такова была дѣйствительная моя цѣль. Я очень хорошо понимаю, что содержаніе подобной арміи въ мирное время равносильно выбрасыванію тридцати милліоновъ франковъ изъ окна. Взамѣнъ этого я имѣю возможность опередить всѣхъ моихъ враговъ, по крайней мѣрѣ, на двадцать дней и могу начать компанію цѣлымъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ Австрія въ состояніи будетъ сформировать свою артиллерію“.

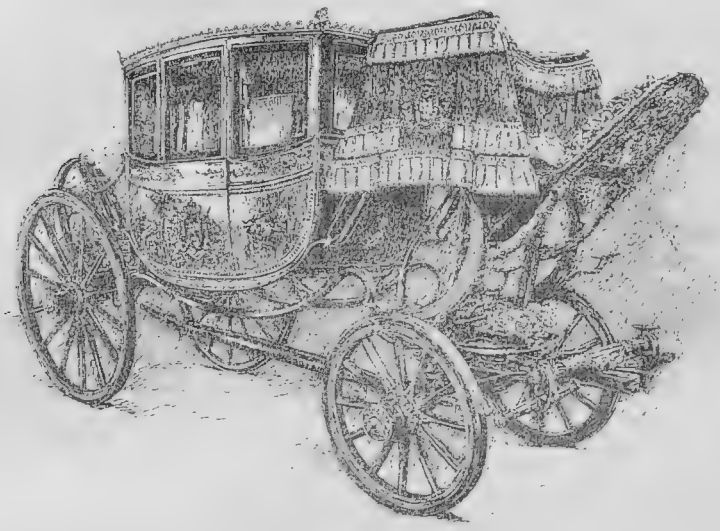
Въ лабиринтѣ хитросплетеній даже самаго коварнаго ума можно все-таки отыскать путеводящую нить. Весьма вѣроятно, что на этотъ разъ Наполеонъ говорилъ совершенно искренно. Это становится еще правдоподобнѣе, если принять во вниманіе послѣдующіе факты. Нѣсколько недѣль спустя онъ сказалъ, въ минуту откровенности: „Все, сдѣланное мною до сихъ поръ, собственно говоря еще ничтожно, сравнительно съ тѣмъ, что предстоитъ сдѣлать. Въ Европѣ водворится миръ только тогда, когда въ ней установится единоначаліе,—когда въ ней будетъ императоръ, царствующій надъ королями и распредѣляющій королевства между своими помощниками. Одного онъ назначитъ итальянскимъ, другого—баварскимъ королемъ, третьяго—швейцарскимъ ландаманомъ, четвертаго—голландскимъ штатгальтеромъ, и всѣ они будутъ занимать соотвѣтственныя должности при императорскомъ дворѣ. Вы скажете, пожалуй, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго,—что это лишь подражаніе плану, по которому построена была германская имперія, но вспомните, что ничто не ново подъ луною,—что политическія учрежденія описываютъ сомкнутыя орбиты, въ которыхъ зачастую надо возвращаться къ прежнимъ комбинаціямъ“. „Мы вскорѣ выяснили себѣ,—пишетъ Міо де-Мелито въ августѣ 1804 года о демонстраціяхъ противъ Англіи,—что императоръ, дѣлая видъ, будто выполняетъ планъ, который фактически являлся давно уже покинутымъ, ограничивался лишь демонстраціями, способными усилить самоувѣренность континентальныхъ державъ,—усыпить ихъ опасенія и вовлечь ихъ въ какой

нибудь рѣшительный шагъ, который дозволилъ бы императору говорить и дѣйствовать".

Вскорѣ, не только во Франціи, но и во всей Европѣ возникло и распространилось убѣжденіе въ томъ, что каждое слово императора и каждый его поступокъ является обращеніемъ къ силѣ. Революція приписывала себѣ міровую миссію защищать угнетенныхъ и возстановлять справедливость. Народы испытывали нѣчто вродѣ благоговѣйнаго почтенія, видя, что эта миссія возложена на величайшаго изъ тогдашнихъ полководцевъ. Вдругъ, въ одно мгновеніе ока, все перемѣнилось. Передъ ними предсталъ новый монархъ и притомъ не заурядный монархъ, а нѣчто вродѣ царя царей,—упрямый, своевольный и себялюбивый, не меньше чѣмъ другіе современные ему монархи и столь же мало уважавшій „права человѣка". Величайшій изъ полководцевъ Европы сталъ честолюбивѣйшимъ и безцеремоннѣйшимъ изъ ея государей. Это превращеніе послужило для народовъ на материкѣ Европы могущественнымъ доводомъ въ пользу того, что прежніе ихъ государи, съ которыми они уже освоились, все-таки лучше новыхъ, неизвѣстныхъ еще тирановъ.

Извѣстно, что, когда какая-нибудь эра приходитъ къ концу, элементы слѣдующей за нею эры начинаютъ уже пробиваться наружу. При самомъ быстромъ ходѣ событій нельзя подмѣтить, чтобы между двумя эпохами національной, или же обще-исторической жизни обнаруживались бездонныя пропасти. Зародыши національнаго движенія, которое впослѣдствіи одолѣло Наполеона, можно усмотрѣть уже въ 1805 году. Бонапарту предстояло одержать еще много успѣховъ, прежде чѣмъ это движеніе начнетъ брать надъ нимъ верхъ, но тѣмъ не менѣе расторженіе союза съ великою идеей началось для Наполеона раньше, чѣмъ нанесенъ былъ имъ первый ударъ въ интересахъ его собственной династіи. Европа начала съ нимъ войну въ 1805 году съ легкимъ сердцемъ и искреннимъ энтузіазмомъ. Даже русскіе крестьяне, всматриваясь въ туманную дипломатію, пытавшуюся скрыть честолюбивые замыслы восточной политики Императора Александра I-го подъ маскою сожалѣній о герцогѣ Энгіенскомъ и требованій вознагражденія для фактически несуществовавшаго уже Піемонтскаго королевства, угадывали, что принципы вѣчнаго правосудія были уже не на сторонѣ французовъ, а на ихъ собственной. Болѣе дальновидные умы видѣли, что стоятъ лицомъ къ лицу съ новымъ международнымъ вопросомъ чисто нравственнаго свойства. Съ тѣхъ поръ, какъ Бурбоны удалились изъ Франціи, герцогъ Энгіенскій, по скольку дѣло касалось Россіи, оказывался просто напросто частнымъ лицомъ. Россіи имѣла бы право протестовать и поддержать свой протестъ энергическими мѣрами, если бы дѣло шло о какомъ-нибудь членѣ императорской ея фамиліи, но предъявлять протестъ ради принца Бурбонскаго дома было само по себѣ логической нелѣпостью. Съ другой стороны, однако, арестованіе герцога Энгіенскаго сопровождалось нарушеніемъ территоріальной неприкосновенности нейтральной державы

и высокое происхожденіе принца бросало только болѣе яркій свѣтъ на этотъ фактъ. Въ революціонную эпоху было бы безцѣльно предъявлять изъ-за этого какой-либо протестъ противъ воинствующей французской республики, но общественное мнѣніе въ Европѣ полагало, что Франція, установивъ у себя сперва консульство, а затѣмъ имперію, заняла прежнее свое мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ и тѣмъ самымъ приняла на себя обязательство подчиняться общепринятымъ принципамъ международнаго права. Въ этомъ обстоятельствѣ именно и заключалась моральная сила положенія, занятаго Россіей, когда она, быть



Парадная карета, въ которой ѣхали Наполеонъ и Жозефина при коронованіи.

можетъ, съ нѣкоторой поспѣшностью выслала изъ своей столицы французскаго посла. Повсемѣстно въ Европѣ порядочные и благоразумные люди начали приходить къ убѣжденію, что для торжества тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были такъ демонстративно провозглашены республикой, народамъ придется возстать противъ Наполеона являвшагося воплощеніемъ революціи. Распространенная въ народныхъ массахъ привязанность къ идеаламъ, совмѣстно съ узостью взглядовъ, которыми руководствовались династіи, неограниченно управлявшія этими народными массами, успѣли въ теченіе долгаго періода времени ослабить у нихъ національное сознаніе, но обстоятельства складывались такъ, что, для перенесенія грозныхъ бурь, которыми ознаменовалось начало девятнадцатаго столѣтія, большинство европейскихъ народовъ нужда-

лось въ мужественной любви къ независимости и стойкомъ чувствѣ патріотизма.

Пока эта перемѣна общаго настроенія воззрѣній и чувствъ, имѣвшая такое стихійное значеніе въ тогдашней исторіи, постепенно происходила внѣ Франціи, самъ французскій народъ болѣе чѣмъ когда-либо интересовался внутренней своею жизнью. Торговля и промышленность, поддерживаемыя увѣренностью въ безопасности, быстро развивались и упрочивались. Глава государства заставилъ науку и литературу содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности народному благосостоянію. Инженерному дѣлу и промышленности данъ былъ могущественный толчекъ работами по выполненію великолѣпныхъ общественныхъ сооруженій, которыя до сихъ поръ еще составляютъ заслуженную славу первой имперіи. Превосходныя большія дороги черезъ Симплонъ, Монъ-Сенисъ и Монъ-Женевръ, судоходные каналы: Сенъ-Кантенскій, Арльскій, Эгъ-Мортскій въ самой Франціи и еще болѣе важные каналы въ Бельгіи, а также улучшеніе всѣхъ внутреннихъ водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія оказали громадную услугу развитію и накопленію народнаго богатства во Франціи. Вмѣстѣ съ этими общеполезными сооруженіями обращено было самое серьезное вниманіе на подъемъ благосостоянія каждой отдѣльной общины. Вездѣ, гдѣ императоръ признавалъ то умѣстнымъ съ точки зрѣнія личныхъ своихъ интересовъ, публичныя зданія воздвигались словно по мановенію волшебнаго жезла. Все это вызывало значительный спросъ на рабочія руки, а потому благосостояніе во Франціи сдѣлалось явленіемъ заурядным. Франція становилась съ каждымъ днемъ все болѣе сильной и благоденствующей, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе росло обаяніе имперской политики, видимымъ символомъ которой являлись самъ Наполеонъ и его династія. Правда, у этой картины имѣлись также и кое-какія тѣни: бюджетъ на 1805 годъ представлялся неблагопріятнымъ, вслѣдствіе предшествовавшаго плохого урожая. Деньги, полученныя съ американцевъ за Луизіану, были израсходованы; отъ Испаніи нельзя было требовать дальнѣйшей уплаты субсидій, такъ какъ ей приходилось самой вооружаться на защиту французскихъ интересовъ, тогда какъ закрытіе портовъ для англійскихъ товаровъ значительно сократило таможенные доходы. Все это вмѣстѣ вызвало одно время чрезвычайно быстрое паденіе французскихъ фондовъ. Находчивость императора на этотъ разъ помогла французскому казначейству выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Установленіе новаго тарифа, учрежденіе новаго синдиката банкировъ, которому поручено было обезпеченіе платежей процентовъ и погашенія по государственному долгу и введеніе новыхъ гербовыхъ пошлинъ позволили государственному казначейству временно перебиться. Необходимо замѣтить, что французскій народъ, тогда, какъ и теперь, очень мало интересовался радостями и горемъ капиталистовъ и финансистовъ, игравшихъ на парижской биржѣ. Единственно только паника, распространившаяся повсемѣстно, была бы въ состоя-

ніи обратить ихъ вниманіе на положеніе государственныхъ финансовъ. Когда сенаторы разъѣхались въ мартѣ мѣсяцѣ на вакаціи, имъ было поручено представить доклады о томъ, какимъ именно образомъ дѣйствуетъ у нихъ на родинѣ обновленный механизмъ государственнаго управленія. Повидимому, этотъ механизмъ дѣйствовалъ всюду чрезвычайно исправно.

Тѣмъ временемъ имперскій маскарадъ шелъ своимъ чередомъ. Это выразилось между прочимъ прокламаціей, которую августѣйшій ея авторъ помѣтилъ изъ Ахена, столицы Карла Великаго. Древній Римъ возрождался во Франціи, которая сама являлась средоточіемъ наукъ, искусствъ и литературы. Слава надвигавшагося столѣтія должна была затмить собою лавры предшествовавшаго вѣка. Съ этой цѣлью учреждены были преміи въ 10 и въ 5 тысячъ франковъ, которыя предполагалось раздавать каждыя десять лѣтъ, 18-го брюмера, лицамъ, наиболѣе отличившимся въ области науки, искусствъ и литературы. Раздача премій должна была производиться самимъ императоромъ. Лучшія сочиненія по исторіи, физикѣ и математикѣ,—лучшія драматическія произведенія, поэмы, оперы, механическія изобрѣтенія, картины и статуи,—должны были увѣнчиваться лаврами и удостоиваться денежныхъ наградъ. Завѣдываніе всѣмъ этимъ поручалось министру, отъ котораго предполагалось заимствовать фонды для раздачи наградъ, а именно, — министру полиціи. Такимъ образомъ музы должны были шествовать къ Кастальскому источнику подъ конвоемъ городовыхъ и пить вдохновляющія его воды подъ угрозой полицейскихъ дубинокъ. Результаты оказались самаго прискорбнаго свойства, какъ этого и слѣдовало ожидать. Самые блестящіе представители тогдашняго французскаго остроумія, какъ напримѣръ г-жа Сталь и Констанъ, находили для себя сравнительно безопаснѣе жить въ Германіи и не могли принимать участія въ соисканіяхъ. Краснорѣчивый

Императоръ Наполеонъ.
(Съ портрета, написаннаго Лефевромъ).

писатель и поэтъ Шатобріанъ, получивъ извѣстіе объ убійствѣ герцога Энгіенскаго, тотчасъ же отказался отъ возложенной на него дипломатической миссіи и уѣхалъ въ Іерусалимъ искать тамъ новыхъ стимуловъ вдохновенія. Признаки упадка въ французскомъ искусствѣ стали обнаруживаться въ чрезмѣрной обработкѣ деталей и сладострастной красотѣ формъ, характеризовавшихъ также и художественныя произведенія стараго режима, непосредственно передъ революціей. Подъ изящною внѣшностью нельзя было отыскать въ этихъ художественныхъ произведеніяхъ никакой, или почти никакой серьезной мысли. Ни консульство, ни имперія не могли способствовать возрожденію наукъ и искусствъ. Вдохновеніе художниковъ и ученыхъ, ощущавшихъ надъ собою гнетъ полицейскаго контроля, не могло доходить до надлежащей высоты, а потому французская интеллектуальная жизнь въ наполеоновскую эпоху была чрезвычайно вялой и неопредѣленной въ своихъ очертаніяхъ. Нельзя обвинять наполеоновское правительство въ нежеланіи оказывать поддержку искусствамъ и литературѣ. Напротивъ того, оно щеголяло въ этомъ отношеніи щедростью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, цензура, въ примѣненіи къ газетамъ и книгамъ становились все строже, а потому все, что появлялось въ печати и на сценѣ, оказывалось до крайности безцвѣтнымъ и туманнымъ. Исключеніе составляли только такія произведенія, въ которыхъ историческая иллюзія служила поддержкой принципамъ императорскаго правительства. Наполеоновская цензура охотно одобрила исторію Вильгельма Завоевателя, изложенную Дювалемъ, повѣсть Карріона-Назы про Петра Великаго, „Кира“—М.—Ж. Шенье, „Темпліеровъ“—Рейнуара и вообще всѣ литературныя и драматическія произведенія, которыя, по словамъ самого императора, изображали переходъ „отъ первой расы ко второй“ съ тѣмъ, чтобы дѣло шло о временахъ, достаточно отдаленныхъ. Карьера основателя Бурбонской династіи, Генриха IV, ставшаго королемъ съ согласія народа и благодаря побѣдамъ, одержаннымъ протестантами, не нравилось Наполеону, хотя онъ замѣчалъ въ ней нѣкоторое сходство съ своею собственной. Газетамъ не дозволялось сообщать никакихъ извѣстій, касательно злобы дня, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могли служить къ прославленію Франціи. Обсужденіе религіозныхъ вопросовъ было окончательно воспрещено. Во всей Франціи всего только одному генію дозволено было руководствоваться своимъ вдохновеніемъ, не стѣсняясь никакими оковами. Этимъ счастливцемъ былъ живописецъ Прюдонъ, избиравшій себѣ темы изъ античнаго міра, не соприкасавшіяся съ предѣлами современной ему французской жизни. Пожалуй, можно было бы сказать тоже самое и про Гро, но талантъ Давида и музъ Шенье ходили въ оковахъ, положимъ, легкихъ, но все-таки достаточно прочныхъ. Нѣкоторые уважаемые авторитеты предлагали за послѣднее время выдать патентъ на безсмертіе Сенанкуру и утонченнымъ отвлеченностямъ „Обермана“, хотя подобныя произведенія являлись непонятными не только для массы, но также и для многихъ посвященныхъ.

Имѣя за собой Францію и превосходно снаряженную многочисленную армію, императоръ былъ на готовѣ къ континентальной войнѣ, долженствовавшей упрочить его правительственную систему. Въ глазахъ всей Европы разрывъ съ Франціей былъ обусловленъ недобросовѣстнымъ отказомъ Англіи очистить Мальту, согласно съ постановленіями Аміенскаго договора. Наполеонъ, во второмъ собственноручномъ своемъ письмѣ къ Георгу III, отъ 2-го января 1805-го года, указываетъ на бѣдственныя послѣдствія этого отказа. Заявляя, что безцѣльное кровопролитіе противно его собственной совѣсти, онъ умоляетъ британскаго короля „не отклонять отъ себя счастье даровать міру миръ и не предоставлять это счастье будущимъ временамъ и благоусмотрѣнію своихъ дѣтей. Пришла, кажется, уже пора усмирить страсти,—подчиниться голосу разума и человѣколюбія". На это письмо полученъ былъ уклончивый отвѣтъ. Англія заявила, что должна посовѣтоваться сперва съ континентальными державами, съ которыми состоитъ въ конфиденціальныхъ сношеніяхъ. Можно было составить себѣ достаточно ясное понятіе о значеніи этого отвѣта, принявъ во вниманіе, что парламентъ ассигновалъ въ февралѣ мѣсяцѣ правительству пять съ половиной милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на секретные расходы, т. е. на уплату денежной субсидіи австрійцамъ.

Война съ Англіей оказывалась поэтому справедливой. Россія обнаруживала враждебное настроеніе къ императору Наполеону, но не проявляла его сколько-нибудь серьезными поступками, такъ какъ у нея не имѣлось основательнаго повода къ вмѣшательству во французскія дѣла. Еслибъ она вздумала объявить войну Наполеону, то эта война оказалась бы, съ его стороны, опять-таки борьбою за независимость Франціи. Наполеону представлялось желательнымъ поставить Австрію въ такое-же положеніе, въ какомъ находилось Россія. Какимъ образомъ, спрашивалось, можно было этого достигнуть? Такому изворотливому человѣку, какъ Бонапартъ, не трудно было придумать соотвѣтственную комбинацію.

Находившіяся въ зависимости отъ Франціи государства, слѣдуя ея примѣру, мѣняли свои конституціи и перешли уже отъ директоріи къ консульскому управленію. Теперь имъ предстояло сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и перейти къ императорскому единодержавію, оставаясь теоретически республиками. Предполагался всего только одинъ императоръ, а потому такія монархическія республики могли быть только частями Франціи. Единственнымъ выходомъ изъ этой дилеммы являлось измѣненіе того смысла, который придавался до тѣхъ поръ королевскому достоинству. Итальянская республика была не прочь преобразоваться въ конституціонную монархію, если только ее избавятъ при этомъ отъ французскихъ чиновниковъ и отъ уплаты денежныхъ субсидій. Пользуясь такимъ благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, Наполеонъ рѣшился произвести это преобразованіе и возложить итальянскій королевскій вѣнецъ: или на своего брата Жозефа, или же на ребенка, который оффиціально признавался старшимъ сыномъ Луи Бонапарта. Вообще къ этому ребенку Наполеонъ всегда

выказывалъ истинно отеческую нѣжность. Оба брата наотрѣзъ отклонили сдѣланныя ими предложенія, усматривая, что принятіе итальянской короны можетъ нанести ущербъ ихъ правамъ на престолонаслѣдіе во Франціи. Самъ императоръ въ первое время былъ, повидимому, очень раздраженъ этимъ отказомъ, но, вскорѣ послѣ того, намекнулъ вызванной имъ въ Парижъ итальянской делегаціи, что согласится, пожалуй, царствовать въ Италіи. Намекъ этотъ былъ равносиленъ приказанію. Въ концѣ марта мѣсяца Наполеонъ со свитой, въ которой находились также и высшіе придворные чины, выѣхалъ изъ Парижа въ Миланъ. Австрійскому императору Францу, который, вслѣдствіи расчлененія Германіи, пересталъ уже именоваться германскимъ императоромъ, было сообщено въ чрезвычайно вѣжливомъ личномъ письмѣ, что пребываніе русскихъ войскъ на островѣ Корфу и англійскаго гарнизона на островѣ Мальтѣ дозволяетъ развѣ лишь номинальное разъединеніе коронъ: французской и итальнской. Тѣмъ не менѣе тѣсная связь между обѣими этими коронами пресѣчется, какъ только послѣдуетъ очищеніе обоихъ упомянутыхъ острововъ. Вниманіе Европы было, такимъ образомъ, временно отвлечено отъ Булони и перенеслось въ Миланъ. 26-го мая императоръ французовъ, провозглашенный также итальянскимъ королемъ, собственноручно коронавался въ тамошнемъ соборѣ Желѣзнымъ ломбардскимъ Вѣнцомъ,—драгоцѣннѣйшею короной въ мірѣ, если вѣрить, что она и въ самомъ дѣлѣ выкована изъ гвоздей, которыми прикрѣплены были къ кресту ноги и руки Спасителя. Возложивъ эту эмблему верховной власти себѣ на голову, Наполеонъ произнесъ вызывающимъ тономъ традиціонныя слова: „Богъ далъ ее мнѣ; пусть побережется тотъ, кто вздумаетъ до нея коснуться“. Торжества, сопровождавшія это коронованіе, превосходили пышностью всѣ прежнія наполеоновскія празднества.

Расширеніе могущества Франціи и третья европейская коалиція противъ этой державы.

Зрѣлище коронованія Наполеона въ Миланѣ должно было само по себѣ уже въ достаточной степени изумить европейскихъ монарховъ и ихъ министровъ, но, въ связи съ послѣдовавшими событіями, оно являлось въ ихъ глазахъ непосредственною угрозой. Спустя нѣсколько недѣль послѣ того, Піомбино и Лукка были организованы въ самостоятельныя княжества для двухъ сестеръ Бонапарта, которыя, подобно его братьямъ, должны были занять положеніе, приличествующее близкому ихъ родству съ императоромъ. Вслѣдъ за тѣмъ было введено въ Пармѣ и Піаченцѣ новое французское уложеніе. Всего дерзновеннѣе являлся, однако, поступокъ Наполеона съ Лигурійской республикой. Она была, подобно Піемонту, присоединена къ Франціи однимъ росчеркомъ пера. Лишь незадолго передъ тѣмъ императоръ произнесъ въ собраніи законодательнаго корпуса рѣчь, въ которой объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что Голландія, Швейцарія и три четверти Германіи принадлежатъ Франціи, по праву

завоеванія, но, что, вслѣдствіе чрезвычайной его умѣренности, обѣ первыя изъ поименованныхъ странъ сохранятъ свою независимость. Раздѣлъ Польши и завоеваніе Индіи нарушили, въ ущербъ французамъ, европейское равновѣсіе, но, опять таки благодаря скромности и умѣренности Франціи, Италія могла бы тоже пребывать въ независимости. Предполагалось, что обѣ короны останутся раздѣльными и что къ французской имперіи не будетъ присоединено никакой новой области. Обстоятельства сложились, однако, иначе. Онъ, противъ собственнаго желанія, вынужденъ былъ соединить обѣ короны на своей головѣ, послѣ чего присоединеніе Генуи сдѣлалось необходимымъ для возстановленія территоріальнаго единства имперіи. Эти словесныя заявленія были подкрѣплены весьма характерной и многозначительной демонстраціей. Австрія имѣла полное основаніе освѣдомляться о томъ, въ какомъ именно смыслѣ надлежитъ понимать слово Италія въ королевскомъ титулѣ Наполеона? Едва только отданы были надлежащія распоряженія для присоединенія Генуи къ французскимъ владѣніямъ и закончились торжества по случаю коронаціи, какъ половина шестидесятитысячной арміи, составленной изъ войскъ, частью сопровождавшихъ Наполеона, частью же расположенныхъ по сосѣдству, была выдвинута на прежнюю венеціанскую границу противъ такъ называемаго санитарнаго Австрійскаго кордона. Новый итальянскій монархъ пришелъ въ такое веселое расположеніе духа, что послалъ въ Парижъ за дырявымъ плащомъ и помятой шляпой, которые носилъ подъ Маренго. Получивъ эти реликвіи, Наполеонъ, съ остававшимися у него въ распоряженіи 30,000 человѣкъ, произвелъ на достопамятномъ полѣ Маренгской битвы (гдѣ ему пришлось вытерпѣть тяжкую душевную пытку, смѣнившуюся неожиданной радостью), репетицію событій этого рѣшительнаго сраженія. Нѣсколько дней спустя другая половина арміи точно также устро-

Императрица Жозефина.
(Съ картины Жерара).

ила подъ Кастильоне репетицію боя, въ которомъ французскія войска такъ мужественно дрались подъ предводительствомъ смѣлаго Ожеро.

Есть что-то такое сатанинское въ подобныхъ забавахъ государственнаго дѣятеля, придуманныхъ до того ловко, что онѣ могутъ показаться простому смертному на первый взглядъ если не вполнѣ невинными, то во всякомъ случаѣ безвредными. Въ настоящее время извѣстно, что старанія Питта на половину уже увѣнчались тогда успѣхомъ. Весьма вѣроятно, что и Наполеонъ подозрѣвалъ нѣчто подобное. Къ 6-му ноября 1804 года Австрія и Россія, по личному усмотрѣнію ихъ государей, подписали оборонительный договоръ, подобный заключенному уже передъ тѣмъ между Россіей и Пруссіей. Тогда, какъ и въ настоящее время, русскіе и австрійцы искренно ненавидѣли другъ друга и чувства эти вполнѣ раздѣлялись петербургскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Императора Александра I позволительно заподозрить въ склонности къ мечтательнымъ проектамъ. Извѣстный его планъ новаго разграниченія европейской территоріи, напечатанный всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ мемуарахъ министра иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторыйскаго, свидѣтельствуетъ объ этомъ весьма краснорѣчиво. По означенному плану императоръ Александръ предполагалъ взять себѣ всю Польшу въ томъ видѣ, въ какомъ она была до перваго ея раздѣла, вмѣстѣ съ областями, отъ которыхъ королевство прусское получило свое наименованіе, и, кромѣ того, Молдавію, Каттаро, Корфу, Константинополь и Дарданеллы. Австріи предполагалось уступить Баварію, а Франціи—рейнскую границу. Пруссія должна была получить кое-какія вознагражденія въ Германіи и т. п. Англійская дипломатія ловко воспользовалась для своихъ собственныхъ цѣлей характерными особенностями русскаго императора. Лаская Александра I надеждами на нѣкоторыя уступки его проекту новаго разграниченія въ западной Европѣ, по скольку проектъ этотъ былъ ей извѣстенъ, Англія въ то же время облекла свои собственныя мирныя предложенія въ такую форму, въ какой Наполеонъ никоимъ образомъ не могъ ихъ принять. Между прочимъ, она не давала никакихъ обязательствъ очистить Мальту. Русскій Государь согласился принять на себя посредничество между Великобританіей и Франціей, но только на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ хотѣлъ выступить въ роли посредника не единолично, а отъ имени всей Европы, за исключеніемъ, впрочемъ, Пруссіи, которая вела тогда съ Франціей переговоры относительно передачи ей Ганновера. Александръ I оказался бы въ такомъ случаѣ верховнымъ арбитромъ на материкѣ Европы. Заинтересованныя державы выслушали русскія предложенія и въ концѣ концовъ согласились на нихъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, оговорками. Это было первымъ шагомъ къ образованію новой коалиціи противъ Франціи.

Императоръ Александръ нашелъ тогда, что нѣсколько поторопился разрывомъ дипломатическихъ сношеній съ Франціей и, одушевленный самыми сангвиническими надеждами, отправилъ въ маѣ мѣсяцѣ своего посла въ Берлинъ, чтобы выхлопотать оттуда

паспортъ во Францію. Наполеону заявлено было объ этомъ обстоятельствѣ въ Миланѣ собственноручнымъ письмомъ Фридриха-Вильгельма. Онъ отвѣтилъ на это письмо какъ будто въ примирительномъ тонѣ, но объявилъ, что, вслучаѣ заключенія мира съ Англіей, британское правительство должно, между прочимъ, не давать убѣжища Бурбонамъ и обуздать дерзкихъ своихъ писакъ. „Я не честолюбивъ, — говорилъ про самого себя Наполеонъ,—и дважды уже очистилъ по доброй волѣ третью часть Европы. Относительно итальянскихъ дѣлъ я точно также не обязанъ давать какія-либо объясненія Россіи, какъ и она не обязана давать мнѣ объясненій относительно своихъ дѣлъ въ Турціи и Персіи". Послѣдняя фраза свидѣтельствуетъ, какъ хорошо понималъ Наполеонъ императора Александра, котораго онъ считалъ человѣкомъ нерѣшительнымъ и слабохарактернымъ, но обладающимъ безграничнымъ честолюбіемъ. Извѣстія о распоряженіяхъ французскаго императора относительно Генуи, Лукки и Піомбино были своевременно получены въ Петербургѣ и подтвердили искренность суровыхъ заявленій Наполеона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ также утверждать, что городъ Неаполь служитъ очагомъ заговоровъ противъ Франціи, и что Россія заняла островъ Корфу лишь благодаря интригамъ королевы Обѣихъ Сицилій. Независимость Этруріи, подъ такъ называемымъ покровительствомъ французскихъ войскъ, расположенныхъ въ этомъ королевствѣ, была чисто призрачной. Столь же призрачной оказывалась и независимость Неаполя, хотя она и опиралась на международные договоры. Неаполитанскій король былъ покорнымъ слугою властолюбивой своей супруги, австрійской эрцгерцогини Маріи-Каролины, которая на самомъ дѣлѣ и царствовала. Ей было объявлено еще въ январѣ мѣсяцѣ, что существованіе ея владычества будетъ зависѣть отъ нея самой. Если королева уволитъ въ отставку своего министра Актона, вышлетъ французскихъ эмигрантовъ изъ неаполитанскихъ предѣловъ, удалитъ изъ Неаполя англійскаго резидента, отзоветъ изъ Петербурга своего посланника и распуститъ неаполитанское ополченіе,—короче сказать, если она выкажетъ довѣріе къ Франціи, то ей дозволено будетъ остаться на престолѣ. Она ничего этого не выполнила и потому неаполитанскій посолъ, явившійся въ Миланъ съ поздравленіями, встрѣтилъ тамъ чрезвычайно суровый, негодующій пріемъ. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что этотъ пріемъ предвѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени низверженіе Бурбоновъ,—послѣдней изъ итальянскихъ царственныхъ династій, соединенныхъ съ Австріей узами крови, а съ Россіей солидарностью интересовъ. Императоръ Александръ немедленно отозвалъ посла, отправленнаго съ мирными предложеніями во Францію, но успѣвшаго доѣхать только еще до Берлина. Тотчасъ же затѣмъ Россія и Австрія отложили свою распрю, вызывавшуюся противорѣчивыми интересами на Востокѣ, чтобы вступить въ борьбу съ общимъ врагомъ на Западѣ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ овладѣть всею Италіей. Будучи естественными соперни-

цами, Россія и Австрія могли, не прекращая своего соперничества, смотрѣть на оккупацію Ганновера, нарушеніе нейтралитета баденской и гамбургской территоріи, провозглашеніе Западной имперіи и даже на казнь герцога Энгіенскаго и множество другихъ мелкихъ правонарушеній. Такое равнодушіе оказывалось для нихъ, однако, немыслимымъ. Австрія сознавала, что Венеція легко можетъ выскользнуть у нея изъ рукъ, а русскій императоръ предвидѣлъ крушеніе честолюбивыхъ замысловъ своихъ на Востокѣ, если Италія и восточное прибрежье Адріатическаго моря будутъ находиться въ рукахъ Наполеона. Между тѣмъ, по слухамъ, надо было этого именно и опасаться.

Неизбѣжность коалиціи казалась до такой степени очевидной, что, когда, вначалѣ мая мѣсяца, подписанъ былъ между Россіей и Англіей договоръ, имѣвшій характеръ условнаго соглашенія, тотчасъ же распространились слухи, будто этотъ договоръ на самомъ дѣлѣ имѣетъ уже силу формальнаго обязательства. Эти слухи опровергались въ французскихъ газетахъ и приписывались тамъ коварству Альбіона. Въ корреспонденціяхъ изъ Петербурга, которыя, разумѣется, составлялись въ парижскихъ редакціяхъ, заявлялось, что проектъ коалиціи совершенно не удался. Императоръ Наполеонъ все еще пребывалъ въ Италіи, тщательно наблюдая и отмѣчая настроеніе умовъ въ Италіи и Австріи. Лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ поспѣшно уѣхалъ оттуда въ Парижъ, оставивъ вице-королемъ въ Миланѣ своего пасынка, принца Евгенія Богарне. Къ тому времени уже не могло имѣться ни малѣйшихъ сомнѣній въ существованіи новой коалиціи. Англіи не удалось, впрочемъ, вовлечь въ эту коалицію также и Пруссію. Вліяніе Гарденберга въ берлинскомъ кабинетѣ оказывалось тогда, какъ разъ, преобладающимъ. Король и его министръ хотѣли держаться прежней своей политики нейтралитета, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличить прусскую территорію присоединеніемъ Ганновера, который разсчитывали пріобрѣсти отъ французовъ.

Австрія стояла лицомъ къ лицу съ чрезвычайно серьезной дилеммой. Полагаясь сперва на Люневилльскій трактатъ, а затѣмъ на приготовленія къ высадкѣ въ Англію, дѣятельно производившіяся въ Булони, она разсчитывала на продолжительный миръ. Попавшись такимъ образомъ въ приготовленную Наполеономъ ловушку, держава эта приступила къ существеннымъ преобразованіямъ въ своей арміи. Прежняя военная австрійская система была упразднена, а между тѣмъ новая система, по образцу французской, не вступила еще полностью въ дѣйствіе. Вслѣдствіе этого у австрійцевъ имѣлось подъ ружьемъ всего лишь 40.000 человѣкъ, артиллерія же оказывалась совершенно дезорганизованной. Понятно, что эрцгерцогъ Карлъ имѣлъ основаніе отказываться отъ принятія начальства надъ такою ничтожною арміей. Англія, однако, обѣщала дать денегъ, а Россія предлагала помощь войсками, если императоръ Францъ немедленно же объявитъ французамъ войну. При такихъ условіяхъ имѣлась для Австріи надежда вернуть себѣ прежнія итальянскія свои владѣ-

нія и, быть можетъ, завоевать Баварію. Въ Вѣнѣ предполагали даже, что Пруссія на этотъ разъ не останется нейтральною и объявить себя за Францію, а въ такомъ случаѣ Габсбургскій домъ вернетъ себѣ обратно Силезію и прежнее преобладаніе въ Германіи. 7-го іюля вѣнскій кабинетъ уступилъ настояніямъ партіи, требовавшей, ввиду всѣхъ вышеупомянутыхъ соображеній, объявленія войны и отдалъ приказаніе мобилизовать войска. Генералу Маку, пользовавшемуся заслуженной репутаціей превосходнаго организатора, поручено было привести армію въ состояніе боевой готовности.

Все это, безъ сомнѣнія, было какъ нельзя лучше извѣстно Наполеону, имѣвшему всюду своихъ агентовъ и шпіоновъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ счелъ умѣстнымъ какъ разъ въ это время объявить, до чрезвычайности демонстративнымъ образомъ, что вторженіе въ Англію послѣдуетъ въ половинѣ августа. Въ апрѣлѣ удалось заманить Нельсона въ Вестъ-Индію. Вильневъ ускользнулъ отъ него и въ маѣ вернулся опять въ европейскія воды. Не зная хорошенько, куда именно направляется французскій адмиралъ. Нельсонъ пошелъ съ своей эскадрой къ Гибралтару, отрядивъ въ разныя стороны нѣсколько крейсеровъ для развѣдокъ о непріятелѣ. Одинъ изъ этихъ крейсеровъ узналъ, что соединенныя эскадры, французская и испанская, должны собраться въ Ферролѣ и, въ половинѣ іюля мѣсяца, англійское адмиралтейство имѣло уже обстоятельныя свѣдѣнія о замыслахъ французскаго флота. 16-го іюня императоръ Наполеонъ предписалъ Вильневу, соединившись сперва съ испанскимъ флотомъ, а затѣмъ съ французскими эскадрами, находившимися въ Рошфорѣ и Брестѣ, идти въ Ламаншъ. 22-го іюля англійская эскадра, подъ начальствомъ Кальдера, встрѣтилась съ Вильневомъ во время густого тумана близъ мыса Финистеръ. У Кальдера имѣлось пятнадцать линейныхъ кораблей, а у Вильнева двадцать, не считая семи фрегатовъ. Впрочемъ, численный перевѣсъ на сторонѣ французовъ съ лихвою уравновѣшивался превосходнымъ снаряженіемъ англійскихъ судовъ и прекрасною дисциплиной ихъ экипажей. Кальдеру удалось овладѣть двумя испанскими кораблями, но тѣмъ не менѣе битва была нерѣшительной, такъ какъ англичане не могли помѣшать Вильневу идти въ Виго. 2-го августа французскій адмиралъ выполнилъ свои инструкціи. Войдя на короткое время въ Виго, онъ оказался во главѣ соединеннаго франко-испанскаго флота, въ которомъ насчитывалось не менѣе двадцати девяти линейныхъ кораблей, собранныхъ въ портахъ Феррольскомъ и Коруннскомъ.

Поспѣшное и по этому самому недостаточное снаряженіе французскаго флота успѣло уже выясниться какъ въ бою, такъ и во время дальняго плаванія; Вильневъ жаловался, что у него плохи мачты, паруса, снасти, офицеры и матросы. Какъ нельзя лучше понимая, что ему предстоитъ только служить орудіемъ для производства демонстраціи, французскій адмиралъ утратилъ послѣдній имѣвшійся у него энтузіазмъ и принялся дѣйствовать вяло и неохотно. Британскіе флоты, которые сперва было удалось от-

влечь изъ Европы, вернулись туда обратно. Нельсонъ, соединившись близъ Бреста съ эскадрой адмирала Корнуельса, оставилъ лучшія свои восемь судовъ для усиленія блокирующей эскадры и для охраны канала, а самъ отправился въ Портсмутъ. Кальдеръ, въ свою очередь, тоже позаботился подкрѣпить эскадру, блокировавшую Ферроль, такъ что къ 17-му августу передъ этимъ портомъ должно было сосредоточиться восемнадцать англійскихъ кораблей. Другіе восемнадцать кораблей стояли передъ Брестомъ, а третья эскадра, изъ пяти кораблей подъ начальствомъ Стерлинга, крейсеровала въ открытомъ морѣ, такъ что могла присоединиться вслучаѣ надобности къ любой изъ блокирующихъ эскадръ. Вильневъ не могъ изготовиться къ выходу въ море ранѣе 13-го августа. Передъ нимъ возникалъ вопросъ, можетъ-ли онъ держаться прежнихъ инструкцій въ виду измѣнившагося общаго положенія? Онъ сдѣлалъ было попытку уйти въ сѣверномъ направленіи, но этому помѣшалъ сильный штормъ. Вслѣдъ затѣмъ французскій адмиралъ получилъ отъ одного изъ купеческихъ судовъ ложное извѣстіе о приближеніи англійскаго флота, состоящаго будто бы изъ двадцати пяти судовъ. При такихъ обстоятельствахъ Вильневъ рѣшилъ, что имѣетъ полное право отступить отъ данныхъ ему инструкцій и укрыться въ Кадиксѣ. Онъ имѣлъ, впрочемъ, на это даже и формальное разрѣшеніе, такъ какъ въ упомянутыхъ уже инструкціяхъ содержалась статья, уполномочивавшая его, при наличности непредвидѣнныхъ случайностей, которыя могли бы существенно измѣнить положеніе дѣлъ и которыхъ съ Божьей помощью удастся, вѣроятно, избѣгнуть, стать по освобожденіи рошфорской и брестской эскадръ отъ блокады на якорь въ Кадикскомъ портѣ.

Если бы Наполеонъ и въ самомъ дѣлѣ намѣревался вторгнуться въ Англію, то во всякомъ случаѣ ему пришлось бы теперь отказаться отъ всякихъ демонстрацій въ Дуврскомъ проливѣ. Послѣдовательныя донесенія о пораженіяхъ, понесенныхъ на морѣ его флотами, были получены императоромъ въ Булони и вызвали у него непритворное раздраженіе. Какой рѣзкій контрастъ обнаруживался между высокой боевой пригодностью сухопутныхъ его армій и крайней несостоятельностью морского вѣдомства, корабельныхъ верфей, матросовъ и морскихъ офицеровъ! Если Наполеонъ когда-либо ласкалъ себя надеждою соперничать съ Англіей на морѣ, то ему пришлось убѣдиться въ призрачности такихъ надеждъ. Если у него имѣлась передъ тѣмъ мысль переправить подъ прикрытіемъ военнаго флота свою армію черезъ Ламаншъ и вторгнуться въ Англію, то онъ, очевидно, долженъ былъ отказаться теперь отъ подобной мысли. Впрочемъ, допуская даже, что Наполеонъ въ глубинѣ души смѣялся надъ унаслѣдованной отъ революціи задачей—обезпечить свободу морей и вторгнуться въ Англію—допуская, что онъ не разсчитывалъ сломить Великобританію путемъ непосредственнаго нападенія, а замышлялъ изолировать ее, разгромивъ всѣхъ ея союзниковъ на материкѣ Европы, то онъ все-таки могъ придти въ негодованіе, убѣдившись въ комичности результата,

къ которому привели всѣ его усилія. Онъ понималъ также, что не только Англія, но и ея союзницы усмотрятъ въ фіаско, понесенномъ французами на морѣ, предвѣстникъ подобной же неудачи и въ предстоящей компаніи на сухомъ пути. Исторія должна признать одно изъ двухъ: починъ русско-австрійскаго союза, повлекшаго за собою рядъ войнъ, такъ обильно напоившихъ европейскую почву человѣческой кровью, долженъ быть поставленъ въ вину Англіи, или же Франціи. Можно утверждать, что Питтъ, благодаря денежнымъ субсидіямъ и дипломатическимъ ухищреніямъ, заставилъ армію, предназначавшуюся для вторженія въ Англію, направиться противъ союзниковъ, которыхъ ему удалось пріобрѣсти на материкѣ Европы,—или же Наполеонъ, въ собственныхъ своихъ интересахъ, до такой степени раздражилъ Россію и Австрію, что принудилъ ихъ составить противъ него коалицію. Если считать второе предположеніе справедливымъ, то всѣ многочисленныя указанія, свидѣтельствующія, что французскій императоръ никогда серьезно не относился къ проекту вторженія въ Англію, должны быть признаны заслуживающими полнѣйшаго довѣрія. Все остальное оказывается только пылью, которую онъ пускалъ въ глаза, чтобы замаскировать истинныя свои намѣренія. Дипломатія Наполеона, мастерски составленный и въ точности выполненный планъ кампаніи, собственныя его заявленія и пресловутая система континентальной блокады,—все это въ такомъ случаѣ согласуется другъ съ другомъ и является органическими частями одного и того же грандіознаго проекта.

Великая армія и великая стратегія Наполеона.

Послѣ учрежденія Почетнаго Легіона первая раздача знаковъ этого ордена состоялась съ большимъ торжествомъ въ іюлѣ 1804-го года въ Домѣ Инвалидовъ. Ровно годъ спустя послѣдовала вторая раздача крестовъ Почетнаго Легіона въ булонскомъ лагерѣ, причемъ маленькій капралъ собственноручно раздавалъ орденскіе знаки своимъ солдатамъ и офицерамъ. Распредѣленіе этихъ крестовъ было сдѣлано такъ искусно, что даже самые безграмотные нижніе чины могли ласкать себя надеждой удостоиться когда-нибудь отличія, выпавшаго на долю ихъ товарищамъ. Такимъ образомъ и солдаты и офицеры стали болѣе чѣмъ когда-либо преданными рабами императора, готовыми безропотно и беззавѣтно повиноваться его приказаніямъ. Дѣйствительно, на службѣ своего императора они могли разсчитывать, что пріобрѣтутъ славу, или денежныя выгоды, или же и то и другое вмѣстѣ. Нельзя сказать, чтобы они особенно восторгались заморской экспедиціей, для которой, повидимому, предназначалась Булонская армія, но нельзя утверждать также и противуположнаго. Роты, батальоны и полубригады, въ качествѣ превосходно организованныхъ машинъ, ежедневно производили маневры съ посадкою на суда, высадкою на берегъ и упроченіемъ за собою занятой тамъ позиціи. Самъ же Наполеонъ отъ времени до времени тщательно изслѣдовалъ горизонтъ въ подзорную трубу.

Тѣмъ временемъ его замыслы клонились къ осуществленію. Уже въ половинѣ іюля состоялось съ прусскимъ королемъ соглашеніе, въ силу котораго прусскія войска должны были смѣнить въ Ганноверѣ французскій оккупаціонный корпусъ. Такимъ образомъ Наполеонъ избавился отъ серьезныхъ опасеній встрѣтить въ рядахъ своихъ враговъ армію въ 250,000 человѣкъ, которую преемникъ Фридриха Великаго могъ выставить въ полѣ, и которую въ Европѣ считали нимало не уступающей въ пригодности французскимъ войскамъ. 31-го іюля императоръ писалъ Талейрану, что извѣстія, полученныя имъ изъ Италіи, указываютъ на несомнѣнную близость войны. Парижскія газеты начали уже 2-го августа безпощадно разносить Австрію и Россію. 12-го августа „Moniteur“ потребовалъ, чтобы Австрія прекратила свои вооруженія, угрожая ей въ противномъ случаѣ передвиженіемъ въ Швейцарію великой арміи, собранной въ Булонскомъ лагерѣ. На слѣдующій день императоръ, въ письмѣ къ Талейрану, объявилъ, что если вѣнскій дворъ не уступитъ его требованіямъ, то онъ ударитъ на Австрію, займетъ въ ноябрѣ Вѣну и оттуда двинется на Россію. Наполеонъ поручилъ сообщить объ этомъ австрійскому послу и потребовать отъ императора Франца категорическаго отвѣта еще въ августѣ мѣсяцѣ. Это было подготовительнымъ шагомъ къ развязкѣ, на которую неоднократно уже и передъ тѣмъ намекалось въ письмахъ Наполеона къ Талейрану и Камбасересу.

Манифестъ объ объявленіи войны былъ составленъ къ 23-му августа. Въ тотъ же день Наполеонъ снова писалъ Талейрану, что у него уже принято окончательное рѣшеніе. Если флотъ Вильнева появится въ Ламаншѣ, то у французовъ будетъ достаточно досуга для завладѣнія Англіей. Въ противномъ случаѣ надо будетъ двинуться въ Германію. „Я пойду на Вѣну и не положу оружія до тѣхъ поръ, пока не получу Неаполя и Венеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я настолько увеличу владѣнія баварскаго курфюрста, что мнѣ нечего будетъ болѣе опасаться Австріи“,—заявляетъ Наполеонъ. Два дня спустя онъ пишетъ опять Талейрану: „Австрійцы и не воображаютъ, какой проворный пируэтъ выкинетъ моя двухсоттысячная армія“. 24-го августа Мармону предписано спѣшить усиленными переходами съ Текселя къ Майнцу, а 27-го отданъ былъ приказъ къ выступленію также и „Англійской“ арміи. Булонскій лагерь былъ снятъ, и войска Наполеона быстро двинулись походными колоннами на востокъ. Прежде чѣмъ Европа успѣла хорошенько уяснить себѣ, что такое именно случилось, Дюрокъ ѣхалъ уже въ Берлинъ предложить Ганноверъ Пруссіи, если она согласится взамѣнъ того произвести угрожающую демонстрацію противъ Австріи; Бернадотту было приказано собрать оккупаціонный свой корпусъ въ Геттингенѣ; Евгенію Богарне предписывалось сосредоточить на берегахъ Адижа войска, находившіяся въ сѣверной Италіи подъ начальствомъ Массены, а Сенъ-Сиру изготовиться къ оккупаціи Неаполитанскаго королевства.

Даже профанъ въ военномъ искусствѣ безъ труда пойметъ не

только колоссальные размѣры этого плана, но также и замѣчательную симметрію отдѣльныхъ его частей. Существуетъ разногласіе по вопросу о томъ, былъ-ли этотъ планъ выработанъ Наполеономъ въ кратковременный промежутокъ нѣсколькихъ дней, протекшихъ со времени полученія извѣстія о неумѣстности разсчитывать на Вильнева, и походомъ въ Германію, или же означенный планъ являлся результатомъ долгаго предварительнаго изученія и только лишь тщательно хранился въ тайнѣ. Оба эти предположенія граничатъ съ областью чудеснаго. Какъ ни парадоксально покажется это на первый взглядъ, но все-таки же всего естественнѣе представляется признать ихъ оба до нѣкоторой степени правильными. Разъ что надежды, возлагавшіяся на флотъ, не осуществились, другая комбинація, которая давно предусматривалась и считалась даже болѣе желательною, немедленно же выдвинулась на первый планъ. Однажды, въ ясный полдень, императоръ, бесѣдуя съ кардиналомъ Фешомъ, прервалъ его рѣчь о необходимости болѣе осторожной внѣшней политики слѣдующимъ вопросомъ: „Видите вы эту звѣзду, Фешъ?“ „Нѣтъ, не вижу“. „Ну, а я вижу, а потому намѣренъ идти своимъ собственнымъ путемъ и не потерплю ничьихъ замѣчаній“. Про этотъ характерный анекдотъ, разсказанный Мармономъ, можно замѣтить, что онъ совершенно вѣренъ, если не буквально, то по духу.

Подробности изумительнаго передвиженія арміи изъ булонскаго лагеря въ Германію были также тщательно обдуманы и предусмотрѣны, какъ и главное направленіе наступательныхъ операцій. Французскія войска двигались столь быстро, что донесенія развѣдчиковъ и шпіоновъ едва успѣвали предупреждать объ ихъ прибытіи. Что касается до газетъ, то въ нихъ или не имѣлось никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, или же онѣ не смѣли печатать то, что знали. Громада въ двѣсти тысячъ человѣкъ, переправившись черезъ Рейнъ, шла по гессенскимъ, баденскимъ и виртембергскимъ владѣніямъ, чтобы раздавить сравнительно малочисленную австрійскую армію, которая вначалѣ октября мѣсяца продвинулась по долинѣ Дуная къ Ульму. Императоръ Францъ объявилъ Наполеону войну лишь 3-го сентября. Пять дней спустя шестилесятитысячная австрійская армія переправилась черезъ Иннъ, а 21-го сентября—стояла на Иллерѣ, подъ Ульмомъ. Вѣнскій кабинетъ интересовался въ данный моментъ не столько территоріальными пріобрѣтеніями въ Баваріи, сколько сохраненіемъ австрійскихъ владѣній въ Италіи. Бавaрія была страшно возмущена попытками Австріи присвоить себѣ изрядную часть ея владѣній при новомъ разграниченіи германскихъ земель, но императоръ Францъ и его совѣтники полагали, что она отъ нихъ не уйдетъ. Важнѣе всего для поддержанія престижа австрійскаго оружія казалось въ данную минуту сохраненіе за габсбургской имперіей бывшихъ владѣній венеціанской республики. Дважды уже потерпѣвъ пораженіе со стороны Италіи, Австрія рѣшилась принять мѣры къ тому, чтобы на этотъ разъ избѣжать подобнаго униженія. Неудивительно, если она медленно и нерѣшительно

двигала свою армію вверхъ по Дунаю. Вѣнскіе стратеги понимали, что слишкомъ энергическое наступательное движеніе въ этомъ направленіи не только раздѣлитъ обѣ австрійскія арміи громаднымъ массивомъ Альповъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличитъ разстояніе, отдѣлявшее эту передовую армію отъ союзниковъ, шедшихъ къ ней на помощь.

По соглашенію съ петербургскимъ кабинетомъ восьмидесятитысячное русское войско, стоявшее на границахъ Галиціи, должно было вступить въ австрійскіе предѣлы тремя колоннами, первая изъ которыхъ разсчитывала прибыть на Иннъ къ 16-му октября. Испытанный уже полководецъ, эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ командовать главными силами въ Италіи, а юный эрцгерцогъ Фердинандъ, подъ контролемъ Мака, состоявшаго при немъ генералъ—квартирмейстеромъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Германіи. Макъ несомнѣнно обнаружилъ большія организаторскія способности, выставивъ въ полѣ армію, дѣйствительно заслуживавшую этого названія. Убѣжденный въ томъ, что совершилъ нѣчто вродѣ чуда, онъ выказывалъ тѣмъ большую гордость и самонадѣянность. Наполеонъ познакомился съ этимъ генераломъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, когда Макъ находился въ Парижѣ въ качествѣ военно-плѣннаго и тогда же призналъ его весьма недалекой посредственностью, которую могъ бы проучить на театрѣ войны любой изъ первоклассныхъ французскихъ генераловъ. Имѣть дѣло съ такимъ противникомъ казалось императору до чрезвычайности забавнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ велъ противъ Мака кампанію съ полнѣйшей предвзятой увѣренностью уловить его въ свои сѣти.

Чтобы оцѣнить все величіе наполеоновскаго генія, необходимо упустить изъ виду въ этотъ періодъ его жизни человѣка и политическаго дѣятеля, разсматривая въ немъ единственно только полководца и стратега. Можно сказать, что въ эту кампанію онъ дѣйствовалъ въ первый и послѣдній разъ безъ всякой помѣхи по собственному своему усмотрѣнію. Политическая самостоятельность и личная популярность были ему въ одинаковой степени обезпечены. Его армія, состоявшая изъ молодыхъ хорошо обученыхъ конскриптовъ, прослужившихъ восемнадцать мѣсяцевъ подъ знаменами, и многочисленныхъ старослужившихъ солдатъ, была несомнѣнно лучшею въ Европѣ. Изъ числа генераловъ, командовавшихъ семью корпусами, двинутыми въ Германію, всего лишь два: Ожеро и Бернадоттъ были старше сорокалѣтняго возраста. Самому императору, Сульту, Ланну и Нею—исполнилось всего тридцать шесть, Даву—тридцать пять лѣтъ, а Мармону—лишь тридцать одинъ годъ. Изъ генераловъ, командовавшихъ дивизіями, половина находилась въ возрастѣ между тридцатью и сорока годами и всего одному оказывалось уже пятьдесятъ лѣтъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ заурядъ-человѣкомъ. Всѣ они знали свое дѣло и съ успѣхомъ примѣняли эти свѣдѣнія на полѣ сраженія. Всѣ они обладали стойкостью и предпріимчивостью и были хорошо ознакомлены съ требованіями и условіями наполеоновскаго способа веденія войны.

Самъ Наполеонъ совершенно забылъ въ данномъ случаѣ про свое императорское достоинство и въ продолженіи всей кампаніи былъ единственно только полководцемъ. Даже и при величайшемъ легковѣріи представляется неправдоподобнымъ, чтобы человѣкъ могъ проявить такую изумительную дѣятельность, какую выказалъ въ данномъ случаѣ Наполеонъ, а между тѣмъ эта дѣятельность подтверждается не только свидѣтельскими показаніями, но и документами. Всѣ большія и проселочныя дороги на протяженіи отъ Булони до Дуная были осмотрѣны довѣренными его офицерами. На основаніи полученныхъ отъ нихъ донесеній Наполеонъ выработалъ планъ марша, въ которомъ предусматривалось все существенное, и этотъ планъ былъ въ точности выполненъ подъ личнымъ его наблюденіемъ. Изо дня въ день французскій императоръ сидѣлъ съ циркулемъ въ рукѣ передъ картой, отмѣчая на ней послѣдовательныя положенія всѣхъ дивизій своей арміи, быстро двигавшейся впередъ. Можно сказать, что онъ выполнялъ обязанности не только главнокомандующаго, но и начальника штаба. Приказъ его относительно переправы черезъ Дунай считается классическимъ въ военной литературѣ. По мѣрѣ наступленія впередъ, организовались въ тылу войскъ резервные лагери,—приводились на военное положеніе крѣпости,—учреждались склады продовольствія и боевыхъ припасовъ. При такихъ обстоятельствахъ операціонный планъ Наполеона развертывался съ замѣчательнымъ изяществомъ, обусловленнымъ строгимъ согласованіемъ между цѣлью и средствами, употреблявшимися для достиженія ея безъ всякихъ лишнихъ затратъ энергіи.

Австрійцы намѣревались защищать линіи Иллера, на которой находились главныя ихъ силы, простиравшіяся до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, двѣнадцати-тысячный австрійскій отрядъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Браунау, а пятнадцатитысячный корпусъ былъ расположенъ близъ Боденскаго озера. Австрія могла бы принудить Баварію разоружиться, или же заключить съ ней союзъ, но не сдѣлала этого, а потому курфюрстъ безпрепятственно собралъ свою армію близъ Бамберга. Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда французскія и австрійскія войска сошлись настолько близко, что столкновеніе между ними оказывалось уже возможнымъ. Обстоятельство это было, впрочемъ, неизвѣстно австрійцамъ, такъ какъ Наполеонъ, благодаря мастерскому и, повидимому, смѣлому до дерзости употребленію своей кавалеріи, ввелъ непріятеля въ заблужденіе относительно истиннаго положенія своихъ войскъ. Обойдя Шварцвальдъ, они тянулись съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ Вейсенбурга черезъ Нердлингенъ и Алленъ къ Ульму, такъ что фактически уже зашли въ тылъ австрійцамъ.

Слѣдующее затѣмъ движеніе Наполеона отличалось геніальною смѣлостью. Благодаря цѣлому ряду тщательно разсчитанныхъ маршей, на выполненіе которыхъ потребовалась цѣлая недѣля, всѣ семь корпусовъ были передвинуты влѣво къ сѣверу, какъ бы для того, чтобы окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ. Берна-

доттъ, позволивъ себѣ нарушить авторитетъ прусской территоріи, прошелъ черезъ Ансбахское герцогство въ Ингольштадтъ. Мармонъ прибылъ въ Нейбургъ. остальные же пять корпусовъ были расположены по линіи отъ Гейденгейма къ Оффингену. Приняты были надлежащія мѣры, чтобы предупредить австрійскую армію на всѣхъ пунктахъ, куда бы она ни вздумала уйти. Предосторожности эти оказались излишними хотя Макъ располагалъ совершенно точными свѣдѣніями о движеніи французовъ. Онъ получалъ ихъ отъ извѣстнаго шпіона Шульмейстера, который тогда, и въ теченіе еще нѣсколькихъ недѣль послѣ того, постоянно переѣзжалъ отъ австрійцевъ къ французамъ и обратно, сообщая обѣимъ воюющимъ сторонамъ настолько точныя свѣдѣнія, насколько это было для него возможно. Онъ дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока не разочаровался окончательно въ Макѣ. Австрійцы были убѣждены тогда, что французскій народъ питаетъ глубочайшую ненависть къ Наполеону. Макъ, считавшій себя чрезвычайно искуснымъ и необыкновенно хитрымъ полководцемъ, рѣшилъ, что Наполеонъ обходитъ его для того, чтобы отступить во Францію въ болѣе южномъ направленіи. Онъ предполагалъ, что надо съ минуты на минуту ожидать въ Парижѣ революціи и былъ вполнѣ увѣренъ, что англичане собираются высадить во Францію многочисленную армію. Ввиду этихъ соображеній Макъ стоялъ, не трогаясь съ мѣста, и ждалъ до 7-го октября, когда французы вмѣсто того, чтобы идти во свояси, начали переправляться черезъ Дунай.

Черезъ три недѣли послѣ переправы за Рейнъ императоръ писалъ Жозефинѣ: „Я уничтожилъ непріятеля безъ боя, одними только маршами“. Это было вѣрно въ буквальномъ смыслѣ слова. 9 го октября французы, оттѣснивъ передовые австрійскіе отряды, посланные, чтобы задерживать ихъ наступательныя движенія, окончили переправу черезъ Дунай. Сультъ овладѣлъ Меммингемомъ и отрѣзалъ такимъ образомъ Маку отступленіе въ Тироль. Бернадотту и Даву поручено было прикрывать весь этотъ маневръ отъ русской арміи, появленіе которой ждали со дня на день, хотя о ней пока еще не было ни слуху, ни духу. Смутно сознавая что то неладное, Макъ рѣшился наконецъ выступить изъ Ульма и перейти черезъ Дунай въ Гюнсбургѣ, но оказалось, что Ней занялъ уже тамъ мостъ. Ночью 10-го октября австрійская армія вернулась обратно въ Ульмъ. Цѣлыхъ два дня еще были потрачены затѣмъ въ австрійской главной квартирѣ на обсужденіе вѣроятныхъ намѣреній французскаго главнокомандующаго. Макъ упорствовалъ въ нелѣпомъ убѣжденіи, будто французы отступаютъ, эрцгерцогъ же Фердинандъ, напротивъ того, совершенно правильно указывалъ, что непріятель съ каждымъ днемъ все плотнѣе стягиваетъ сѣть, которою дала себя опутать австрійская армія.

12-го октября Наполеонъ убѣдился, что наступилъ рѣшительный моментъ. Онъ ожидалъ со стороны австрійцевъ новой попытки къ прорыву, но такъ какъ ея не послѣдовало, французы

двинулись сами впередъ по всей линіи. Эрцгерцогъ Фердинандъ ушелъ въ Богемію съ тремя батальонами пѣхоты и одиннадцатью эскадронами конницы, но Макъ остался въ Ульмѣ. Онъ перемѣнилъ теперь первоначальное свое убѣжденіе и полагалъ, что Наполеонъ собирается аттаковать русскую армію. При такихъ обстоятельствахъ ему казалось до чрезвычайности выгоднымъ остаться у французовъ на флангѣ и въ тылу, дабы аттаковать всѣми силами отдѣльныя ихъ колонны, которыя будутъ проходить мимо. 13-го октября Маку пришлось уже разочароваться, такъ какъ выяснилось, что непріятель избралъ Ульмъ главною цѣлью своихъ операцій. 14-го французы обложили городъ, а 16-го злополучный Макъ, обманувшійся во всѣхъ своихъ разсчетахъ и соображеніяхъ, вынужденъ былъ открыть переговоры о сдачѣ, которые закончились на слѣдующій же день. Безъ всякой серьезной битвы австрійцы оказались поставленными въ безвыходное положеніе. Въ капитуляціи значилось: „Если въ теченіе недѣли не явятся къ Ульму на выручку союзныя войска, то находящаяся тамъ армія сдастся въ плѣнъ за исключеніемъ офицеровъ, которые будутъ отпущены, обязавшись честнымъ словомъ не сражаться противъ Франціи въ теченіе этой войны“. 18-го октября Мюратъ взялъ въ плѣнъ дивизію Вернека, находившуюся въ Нердлингенѣ, а 20-го октября, за три дня до истеченія срока, Макъ послѣ личнаго свиданія съ Наполеономъ, согласился немедленно сдать ему остатки своей арміи.

Одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ, присутствовавшихъ при этой сдачѣ, разсказываетъ, что Наполеонъ, одѣтый до чрезвычайности просто, но окруженный маршалами въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, бесѣдовалъ съ Макомъ и нѣсколькими другими австрійскими генералами, приглашенными къ нему послѣ того, какъ войска положили оружіе. Императоръ, въ простомъ солдатскомъ мундирѣ, въ сѣромъ плащѣ, продранномъ на локтяхъ и обтрепанномъ съ низу и въ измятой нахлобученной на голову шляпѣ, безъ всякой кокарды, стоялъ, сложивъ руки за спиною и грѣлся передъ костромъ, бесѣдуя въ то же время очень оживленно и видимо стараясь сказать что-нибудь пріятное нашимъ генераламъ“.

Тѣмъ временемъ одинъ изъ австрійскихъ корпусовъ былъ выдвинутъ изъ Вѣны, чтобы охранять переправы черезъ Иннъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ шелъ на соединеніе съ Макомъ изъ Тироля, эрцгерцогъ Карлъ удерживалъ за собою линію Адижа. Мѣсяцемъ позднѣе всѣ эти войска могли соединиться въ Марбургѣ, въ Штиріи, для совмѣстнаго удара на непріятеля, но имъ пришлось держаться въ оборонительномъ положеніи. Со взятіемъ въ плѣнъ арміи Мака австрійцы утратили возможность перейти въ наступленіе. Гордости императора Франца нанесенъ былъ тяжкій ударъ, такъ какъ безопасность его столицы зависѣла не отъ слабаго ея гарнизона, а единственно лишь отъ русскихъ войскъ, которыя стояли на Иннѣ, близъ Браунау, и на Эннсѣ, близъ Вельса. Французы, сосредоточившіеся, чтобы нанести ударъ, раскинулись тотчасъ же затѣмъ, чтобы облегчить себѣ возможность

продовольствоваться насчетъ страны. „Надо драться вмѣстѣ, а жить врозь“,—говорилъ ихъ главнокомандующій. Противники французовъ (значительно слабѣйшіе численностью) были до того напуганы искусными маневрами Наполеона, что начали поспѣшно отступать къ Энису, линію котораго вѣнскій гофкрихсратъ рѣшилъ защищать во чтобы ни стало. При этомъ Ланнъ занялъ безъ боя Браунау и овладѣлъ всѣми устроенными тамъ складами.

Русскій главнокомандующій Кутузовъ не раздѣлялъ воззрѣній гофкрихсрата и рѣшился покинуть Вѣну на произволъ судьбы, чтобы заручиться по возможности поддержкой второй колонны русской арміи, вступившей уже подъ начальствомъ Буксгевдена въ австрійскіе предѣлы. Переправившись на лѣвый берегъ Дуная въ Кремсѣ, онъ двинулся къ сѣверо-востоку на Цнаимъ, а оттуда къ Брюнну, столицѣ Моравіи. Мюрату было предписано слѣдовать за нимъ съ кавалеріей и всячески стараться затруднять его отступленіе. Вмѣсто того онъ пошелъ по правому берегу Дуная, поспѣшно направляясь къ Вѣнѣ, такъ какъ разсчитывалъ увѣнчать себя лаврами, занявъ беззащитную австрійскую столицу. „Не могу объяснить себѣ вашего поведенія,—писалъ Наполеонъ своему зятю.—Вы заставили меня потерять два дня и думали только о томъ, чтобы прославить себя вступленіемъ въ Вѣну. Знайте, что гдѣ нѣтъ опасности, тамъ нѣтъ и славы“. Дѣйствительно, французская дивизія Мортье, оставшаяся безъ всякой поддержки на лѣвомъ берегу Дуная, была, послѣ упорнаго сопротивленія, совершенно уничтожена тамъ русскими. Побѣда, одержанная Неемъ подъ Леобеномъ надъ австрійской дивизіей Мерфельдта, не повлекла за собою сколько-нибудь важныхъ результатовъ, такъ что положеніе Наполеона осталось все-таки очень затруднительнымъ. Единственное, что можно было сдѣлать,—да и то при условіи, если Мюрату удастся захватить въ Вѣнѣ мостъ черезъ Дунай,—это было переправить тамъ на лѣвый берегъ два корпуса и быстро двинуться съ ними къ сѣверо-западу, чтобы отрѣзать Кутузову путь отступленія въ Моравію. Мюрату удалось выполнить этотъ маневръ. Вступивъ 13-го ноября въ Вѣну, онъ поспѣшилъ къ Таборскому мосту и нашелъ этотъ мостъ покрытымъ горючими матеріалами, которые оставалось только поджечь. Это и намѣревались сдѣлать австрійскія войска, отступившія на противоположный берегъ Дуная. Казалось, что никоимъ образомъ нельзя помѣшать уничтоженію моста.

Въ виду такого критическаго положенія, Мюратъ рѣшился обмануть непріятеля. Воспользовавшись тѣмъ, что императоръ Францъ дѣйствительно сдѣлалъ 3-го ноября попытку вступить въ переговоры съ Наполеономъ, Мюратъ объявилъ австрійскому генералу, командовавшему войсками, которыя защищали мостъ, что перемиріе уже состоялось, и что оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, приведетъ къ заключенію мира. Французскій генералъ Бертранъ подтвердилъ это заявленіе честнымъ своимъ словомъ. Довѣрчивые австрійцы упустили удобный моментъ сжечь мостъ и черезъ него поспѣшно перебѣжали передовыя войска французскаго авангарда.

Обманутый австрійскій генералъ отступилъ тогда съ своимъ отрядомъ по направленію къ Брюнну. Соединеніе двухъ русскихъ дивизій съ остатками австрійской арміи сдѣлалось послѣ того сомнительнымъ и надежды союзниковъ на возможность одержать верхъ надъ соединенною французской арміей значительно ослабѣли. Репутація Наполеона, какъ великаго стратега, была такимъ образомъ спасена въ то время, когда ей угрожала серьезная опасность. Выполнивъ съ почти сверхчеловѣческой быстротою цѣлый рядъ усиленныхъ маршей, главная армія Наполеона прибыла на слѣдующій день въ Вѣну въ полной готовности двинуться вслѣдъ за Мюратомъ. 14-го ноября главная квартира Наполеона находилась уже въ Шенбруннскомъ дворцѣ.

Наполеонъ—богъ войны.

Трафальгаръ.—Аустерлицъ.—Новая карта Европы. - Наполеонъ исполняетъ императорскія обязанности.

Трафальгаръ.

Фантастическія передвиженія французскихъ флотовъ, съ помощью которыхъ Наполеонъ хотѣлъ придать видъ правдоподобія грандіозной своей демонстраціи противъ Англіи и, быть можетъ, даже перебросить въ самомъ дѣлѣ свою армію на англійскую территорію, потерпѣли, какъ уже упомянуто, полнѣйшее фіаско. Вильневъ потратилъ такъ много времени на обратный переходъ черезъ Атлантическій океанъ, что одинъ изъ крейсеровъ Нельсона успѣлъ доставить въ Лондонъ извѣстіе о возвращеніи французскаго адмирала. Старшій лордъ адмиралтейства Баргемъ успѣлъ поэтому снять блокаду съ Рошфора и усилить находившуюся подъ Ферролемъ эскадру Кальдера пятью кораблями, подъ начальствомъ Корнуельса, дабы доставить такимъ образомъ Кальдеру возможность преградить Вильневу путь, вслучаѣ если бы онъ вздумалъ направиться въ Ламаншъ. Столкновеніе между Вильневомъ и Кальдеромъ произошло, ввиду мыса Финистерре, 22-го іюля 1805 года. Битва эта оказалась нерѣшительной, такъ какъ англичанамъ не удалось истребить соединенные французскій и испанскій флоты, но все же помѣшала осуществленію намѣреній Наполеона, такъ какъ Вильневъ вынужденъ былъ отступить къ Кадиксу. Не смотря на достигнутый такимъ образомъ результатъ, Англія не могла быть увѣренной, что преобладаніе на морѣ останется за нею. Французы храбро сражались подъ Абукиромъ. Нельсонъ, хотя и не былъ окончательно введенъ въ заблужденіе во время погони за французами въ Вестъ-Индію и обратно, но, тѣмъ не менѣе, не догналъ своего противника. Въ битвѣ близъ Финистерра Вильневъ тоже не понесъ сколько-нибудь серьезныхъ потерь. Англійское адмиралтейство дѣйствовало очень вяло, за исключеніемъ непродолжительнаго времени, когда во главѣ

его стоялъ лордъ Баргемъ. Въ настоящее время, вообще говоря, признаютъ, что тогдашній англійскій флотъ тоже не отличался особой пригодностью. Всѣ высшія начальствующія лица, за исключеніемъ адмирала Колингвуда, находились во мракѣ относительно истинныхъ намѣреній непріятеля и даже самъ этотъ адмиралъ не ошибался лишь въ одномъ изъ своихъ предположеній, а именно въ томъ, что Вилльневъ безотлагательно вернется изъ Вестъ-Индіи обратно въ Европу. За то другое его предположеніе, будто Наполеонъ намѣренъ произвести высадку въ Ирландіи, оказывалось лишеннымъ достаточнаго основанія. Въ донесеніяхъ, поступавшихъ въ англійское адмиралтейство, соединенные французскій и испанскій флоты представлялись весьма грозными, а дѣятельность французскихъ верфей казалась весьма тревожною. Англичане, дѣйствительно, полагали, что ихъ преобладанію на морѣ угрожаетъ серьезная опасность.

Вилльневу и его подчиненнымъ однимъ только, повидимому, и было достовѣрно извѣстно, что внушительная внѣшность союзнаго франко-испанскаго флота была на самомъ дѣлѣ обманчивой. Они горько жаловались на плохое снаряженіе какъ испанскихъ, такъ и французскихъ судовъ. У нихъ имѣлись на это достаточныя причины, небезъизвѣстныя, надо полагать, и Наполеону. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что Вилльневъ оставался въ должности начальника флота и не былъ замѣненъ другимъ, болѣе оптимистически настроеннымъ адмираломъ. Надо отдать справедливость Вилльневу, что по возвращеніи своемъ изъ Вестъ-Индіи онъ обнаружилъ большое искусство въ маневрированіи. Благодаря ловкости своихъ движеній, онъ ушелъ отъ Кальдера и, зайдя въ Ферроль, отплылъ оттуда 13-го августа съ своими собственными судами и съ находившейся тамъ испанской эскадрой. Въ продолженіи цѣлой недѣли онъ пробовалъ бороться съ бурею и войти въ Ламаншъ. Наконецъ, 10-го августа Вилльневъ получилъ отъ датскаго торговаго судна ложное извѣстіе о томъ, что три англійскіе корабля, находившіеся въ виду, составляли только авангардъ большого флота изъ двадцати пяти судовъ. Извѣстіе это, совмѣстно съ плохимъ состояніемъ многихъ изъ кораблей Вилльнева, которые были дурно снаряжены и сильно потерпѣли отъ бури, являлось, по его мнѣнію, достаточно серьезной непредвидѣнной случайностью для того, чтобъ оказывалось возможнымъ, согласно съ разрѣшеніемъ, содержавшимся въ императорской инструкціи, уйти въ Кадиксъ. Онъ направился поэтому къ означенному порту и вошелъ туда въ тотъ же вечеръ съ тридцатью пятью кораблями. Колингвудъ удалился съ своей маленькой эскадрой, блокировавшей этотъ портъ, но тотчасъ же вернулся и принялся крейсеровать передъ нимъ. Первоначально онъ не могъ сдѣлать ничего больше, но къ нему шли уже изъ Англіи подкрѣпленія. 25-го сентября Вилльневъ получилъ отданное 14-го сентября предписаніе сняться съ якоря, пройти черезъ Гибралтарскій проливъ, присоединить къ себѣ суда, находившіяся въ Картагенѣ и слѣдовать съ ними къ Неаполю, чтобы

помогать тамъ дѣйствіямъ арміи Сенъ Сира. При встрѣчѣ съ непріятелемъ ему предписывалось немедленно же вступить съ таковымъ въ бой. Злополучный французскій адмиралъ находился

Французскій карабинеръ.
(Съ картины Жерико въ Луврѣ).

въ отчаяніи. Недостатокъ запасовъ въ кадикскихъ арсеналахъ помѣшалъ ему улучшить за время бездѣйствія снаряженіе своихъ судовъ. Онъ понималъ, что долженъ повиноваться, но послалъ тѣмъ не менѣе Наполеону заявленіе о томъ, что это будетъ сопряжено для флота съ большимъ рискомъ. Тѣмъ временемъ, почти

немедленно вслѣдъ за первымъ своимъ предписаніемъ, Наполеонъ послалъ въ Кадиксъ адмирала Розили, чтобъ заступить мѣсто Вилльнева, которому предназначалась роль козла отпущенія, такъ какъ ему предписывалось безотлагательно ѣхать въ Парижъ, чтобы держать тамъ отвѣтъ по обвиненіямъ, возбужденнымъ противъ него Наполеономъ. Извѣстіе объ этой опалѣ опередило прибытіе Розили. Получивъ его, Вилльневъ поспѣшилъ закончить свои приготовленія и отплылъ 19-го октября изъ Кадикса съ тридцатью линейными кораблями, пятью фрегатами и двумя бригами. Понятно, что присутствіе такого грознаго флота на Средиземномъ морѣ имѣло бы громадное вліяніе на кампанію, которую Наполеонъ велъ тогда уже противъ Австріи. Тѣмъ временемъ, къ эскадрѣ, блокировавшей Кадиксъ, прибыли новыя подкрѣпленія изъ Англіи. Въ послѣднихъ числахъ сентября она была усилена еще семью линейными кораблями, такъ что все число линейныхъ кораблей дошло въ ней до тридцати трехъ. 28-го сентября начальство надъ этой эскадрой принялъ Нельсонъ, Колингвудъ же остался при немъ въ качествѣ помощника. Извѣстно, чѣмъ былъ Нельсонъ для британскихъ моряковъ. Одно его имя само по себѣ стоило цѣлой вспомогательной эскадры. Въ данномъ случаѣ онъ поставилъ себѣ цѣлью окончательное уничтоженіе соединеннаго франко-испанскаго флота. Англійскому адмиралу приходилось, однако, посылать по очереди свои суда за водою, а потому, вслучаѣ боя, онъ могъ располагать всего только наличными двадцатью семью линейными кораблями. Суда эти были расположены къ юго-западу отъ Кадикса, неподалеку отъ Спартельскаго мыса. Главныя силы находились верстахъ въ восьмидесяти отъ выхода изъ Кадикскаго порта. Необходимо замѣтить, что Вилльневъ разсчитывалъ встрѣтиться всего лишь съ двадцатью англійскими кораблями. Еще 10-го октября Нельсонъ обнародовалъ въ приказѣ по флоту общій планъ предстоявшаго морского сраженія. Приказъ этотъ англичане сравниваютъ какъ по стилю, такъ и по значенію съ распоряженіями Наполеона подъ Ульмомъ. Чтобы не застращать преждевременно непріятеля, Нельсонъ съ главными своими силами держался вдали отъ берега. 20-го октября, узнавъ отъ своихъ фрегатовъ, крейсеровавшихъ передъ самымъ портомъ, что франко-испанскій флотъ вышелъ оттуда, онъ самъ направился къ сѣверо-западу. На другой день, на разсвѣтѣ, онъ лично убѣдился, что непріятель держитъ курсъ къ юго-востоку. Въ томъ же направленіи виднѣлись вдали на горизонтѣ песчаныя дюны на берегу бухты, лежащей къ сѣверу отъ Трафальгарскаго мыса. Французскій флотъ въ свою очередь замѣтилъ къ тому времени англійскія суда и тотчасъ поворотилъ къ сѣверу, чтобъ по возможности облегчить себѣ отступленіе къ Кадиксу. Выполняя полученныя приказанія, Вилльневъ рѣшился принять бой, хотя и отчаивался въ успѣхѣ. Во всякомъ случаѣ онъ расположилъ свои суда къ бою очень искусно, выстроивъ ихъ вдоль берега въ двѣ линіи, причемъ суда задней линіи прикрывали собою интервалы между судами первой линіи, такъ что въ совокупности получалась

одна сплошная дуга, обращенная вогнутостью къ непріятелю, а потому готовая встрѣтить его аттаку перекрестнымъ огнемъ.

Утро было ясное. Дулъ легкій западный вѣтерокъ, но на океанѣ стояла сильная зыбь, когда англичане, имѣя на своей сторонѣ попутный вѣтеръ, медленно двинулись въ аттаку двумя колоннами, одну изъ которыхъ велъ Нельсонъ на кораблѣ „Victory“, а другую Колингвудъ—на „Royal Sovereign“. На всѣхъ судахъ царило мертвое молчаніе до той минуты, когда на флагманскомъ кораблѣ взвился знаменитый сигналъ: „Англія ожидаетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ“. Громкія ура раздались съ каждаго англійскаго корабля въ отвѣтъ на этотъ сигналъ и, по словамъ очевидцевъ, французскій адмиралъ пробормоталъ сквозь зубы: „Ну, теперь все пропало“. Нельсонъ уже передъ тѣмъ отдалъ приказъ: „Вслучаѣ если сигналовъ нельзя будетъ различить, или же явственно понять, капитанъ каждаго корабля избѣгнетъ всякаго нареканія, если поставитъ свое судно бортъ о бортъ съ непріятельскимъ“. Приказъ адмирала Вилльнева былъ не менѣе характернымъ: „Каждый корабль, не участвующій въ бою, находится не на своемъ мѣстѣ. Призывъ сигналомъ къ участію въ боѣ покроетъ капитана позоромъ“. Опасаясь, что вслѣдствіе слабаго вѣтра трудно будетъ завязать фронтальное сраженіе, Нельсонъ рѣшился на блестящій, но чрезвычайно смѣлый маневръ. Онъ построилъ свои суда въ двѣ колонны, вслѣдствіе чего каждому изъ нихъ пришлось, до вступленія въ надлежащій бой, выдержать огонь всего непріятельскаго флота. Южная колонна, подъ начальствомъ Колингвуда первая вступила въ дѣло, ровно въ полдень. Какъ и слѣдовало ожидать, она прорвала непріятельскую линію. При этомъ адмиральскій корабль „Royal Sovereign“, шедшій въ ея головѣ, значительно опередилъ остальныя суда и въ продолженіи минутъ двадцати оставался безъ всякой поддержки подъ огнемъ всѣхъ непріятельскихъ кораблей, съ которыхъ можно было его обстрѣливать. Онъ былъ приведенъ почти въ окончательную негодность, прежде чѣмъ другія суда его колонны могли придти къ нему на помощь. Между тѣмъ управлять имъ было нельзя, такъ какъ Колингвудъ, желая по возможности пользоваться вѣтромъ, не закрѣпилъ передъ боемъ паруса, и всѣ снасти оказались у него порванными.

Какъ только дозволилъ это непостоянный слабый вѣтерокъ, сѣверная колонна двинулась въ свою очередь въ аттаку, имѣя впереди корабль Нельсона „Victory“, направившійся прямо на адмиральскій корабль Вилльнева „Буцентавръ“. „Виктори“ тоже значительно опередилъ остальныя суда своей колонны и былъ страшно избитъ прежде, чѣмъ они успѣли придти къ нему на помощь. Въ продолженіи нѣкотораго времени „Редутабль“ успѣшно боролся съ Виктори“ и слѣдовавшимъ за нимъ англійскимъ кораблемъ, но когда подошли еще три другихъ британскихъ корабля, то они всѣ впятеромъ прорвали наконецъ боевую линію Вилльнева, причемъ овладѣли кораблями „Буцентавромъ“, „Редутаблемъ“ и „Сантиссима Тринидадъ“, которые такъ храбро съ ними сража-

лись. Оба англійскихъ адмиральскихъ корабля были спасены, но нѣкоторое время еще кипѣлъ ожесточенный бой. Тѣмъ не менѣе смѣлымъ до дерзости маневрамъ англичанъ противупоставлялось въ этомъ бою сравнительно вялое, неувѣренное сопротивленіе. Франко-испанскія суда, находившіяся въ первой линіи, отстрѣливались недостаточно мѣтко и часто, а суда второй линіи сдрейфовали подъ вѣтеръ и дали себя окружить непріятелю. Вскорѣ они были окончательно разгромлены и къ четыремъ часамъ пополудни оказались вынужденными спустить флагъ. Изъ всего многочисленнаго союзнаго флота спаслись всего только одиннадцать судовъ: пять французскихъ и шесть испанскихъ. Приблизительно въ половинѣ второго Нельсонъ былъ смертельно раненъ пулею, пущенной съ марса французскаго корабля „Редутабль“, но все-таки дожилъ до момента окончательной побѣды. Передъ смертью онъ отдалъ англійскимъ судамъ послѣдній приказъ: стать на якорь и принять мѣры предосторожности противъ бури, которая, несомнѣнно, приближалась. Нельсонъ палъ жертвою собственной своей системы веденія боя, требовавшей не щадить никакихъ жертвъ, лишь бы добиться успѣха. Онъ пользовался въ такой же степени, какъ Наполеонъ, любовью подчиненныхъ, и англійскіе моряки сражались на его глазахъ съ удвоеннымъ мужествомъ, чтобы снискать себѣ его одобреніе. Подобно великому своему современнику, Нельсонъ былъ мастеромъ своего дѣла. Въ искусствѣ управленія флотомъ не могъ съ нимъ сравниться никакой другой изъ англійскихъ адмираловъ. Онъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, и многіе признавали его смерть такою утратой для Англіи, какую не могла окупить даже одержанная имъ блестящая побѣда.

Ночью послѣ Трафальгарскаго боя разразилась страшная буря, продолжавшаяся весь день 23-го числа. Изъ одиннадцати кораблей, бѣжавшихъ подъ начальствомъ адмирала Гравины, три разбились въ дребезги о берегъ, а изъ числа захваченныхъ англичанами кораблей утонули всѣ, кромѣ четырехъ. Отъ гордаго флота, вышедшаго изъ Кадикскаго порта подъ командой Вилльнева, уцѣлѣло всего только восемь кораблей. Самъ французскій адмиралъ оказался въ плѣну, но въ слѣдующемъ году былъ освобожденъ съ обязательствомъ, не служить болѣе противъ англичанъ. Въ началѣ апрѣля мѣсяца онъ высадился на французскій берегъ въ Морлэ,— прибылъ въ Реннъ и отправилъ оттуда къ Наполеону письмо, въ которомъ просилъ аудіенціи для личныхъ объясненій съ императоромъ. Что именно отвѣтилъ ему Наполеонъ, неизвѣстно, но 22-го апрѣля злополучнаго адмирала нашли мертвымъ въ комнатѣ, съ нѣсколькими колотыми ранами въ груди, причемъ въ послѣдней ранѣ торчалъ еще ножъ. Упреки, которыми осыпалъ Наполеонъ Вилльнева, оказывались, надо полагать, не вполнѣ заслуженными, такъ какъ адмиралъ этотъ не былъ разжалованъ. Тѣмъ не менѣе они подѣйствовали на бѣднягу такъ сильно, что онъ рѣшился покончить съ собою. Долгое время, впрочемъ, полагали, будто Вилльневъ убитъ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, командиромъ „Буцентавра“, капитаномъ Мажанди, опасавшимся съ его стороны разоблаченій,

непріятныхъ для флота и для Наполеона. Слѣдуетъ замѣтить, что капитанъ Урайтъ, командовавшій англійскимъ кораблемъ, который доставилъ въ Бивилль Жоржа Кадудаля и другихъ роялистскихъ заговорщиковъ, былъ и самъ выброшенъ бурею на французскій берегъ и взятъ въ плѣнъ, Въ октябрѣ 1805 года, онъ найденъ былъ, подобно Пишегрю, мертвымъ въ тюрьмѣ, при столь же театральной и подозрительной обстановкѣ. Урайтъ лежалъ съ перерѣзаннымъ горломъ, а возлѣ него валялась бритва и листокъ оффиціальной газеты съ извѣщеніемъ объ Ульмской капитуляціи. Парижане шептали другъ другу на ухо, что Бонапарту положительно не вѣзетъ, ибо всѣ его враги умираютъ, какъ только попадутъ къ нему въ руки. Впослѣдствіи, однако, выяснилось самымъ несомнѣннымъ образомъ, что Мажанди былъ неповиненъ въ смерти Вилльнева. Точно также нѣтъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ можно было бы приписать Фуше, или кому-нибудь изъ его агентовъ, смерть Пишегрю и Урайта. Тѣмъ не менѣе нельзя положительно и отрицать ихъ виновности, а ввиду дѣйствительно страннаго совпаденія неудивительно, если наполеоновской тайной полиціи суждено будетъ остаться на вѣчныя времена въ подозрѣніи.

Впечатлѣніе, произведенное въ Англіи побѣдой, одержанной подъ Трафальгаромъ, было колоссальное. Преобладаніе англичанъ на морѣ не могло подвергаться уже ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ флоты враговъ Альбіона болѣе уже не существовали. Англіи не предстояло уже опасаться непріятельскаго вторженія и, не смотря на громадныя субсидіи, выплачиваемыя державамъ на материкѣ Европы, она могла надѣяться на возрожденіе своей промышленности и торговли. Царствованіе Наполеона являлось какъ бы грозовымъ облакомъ, нависшимъ надъ Великобританіей. Трафальгарская битва произвела большой прорывъ въ этомъ облакѣ. Неудивительно, если англійскій народъ и англійскіе историки приписываютъ ей преувеличенное значеніе. На самомъ дѣлѣ она пересѣкла на все продолженіе войны попытки французовъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ на морѣ, но лишь очень мало измѣнила общій ходъ событій на сушѣ. Даже и въ первый моментъ она нимало не поколебала на образъ дѣйствій императора Наполеона. Утверждали, будто окончательный разгромъ французскихъ морскихъ силъ обусловилъ собою необходимость пресловутой континентальной системы, но это невѣрно, такъ какъ означенная система тогда уже существовала. Трафальгарская битва заставила только французскаго императора поспѣшить болѣе энергическимъ примѣненіемъ этой системы, дабы ослабить Англію, парализовавъ ея торговлю. Морское преобладаніе Англіи являлось съ самаго начала для французской политики важнымъ опредѣляющимъ факторомъ. Послѣ Трафальгара этотъ факторъ сталъ еще болѣе вліятельнымъ, но все же далеко не единственнымъ. Континентальные союзники Англіи, радуясь одержанной Нельсономъ побѣдѣ, понимали, однако, что она можетъ оказать на общее положеніе дѣлъ лишь весьма отдаленное

вліяніе. Въ войнѣ, которую Австрія и Россія вели съ Франціей, Трафальгарская битва не въ состояніи была склонить побѣду на ихъ сторону. Узнавъ о пораженіи франко-испанскаго флота, Наполеонъ чрезвычайно характерно замѣтилъ: „Ну, что же, я самъ не могу быть вездѣ“,—и тотчасъ же принялся за снаряженіе крейсеровъ, долженствовавшихъ вредить, по возможности, англійской торговлѣ на моряхъ. Тѣмъ не менѣе онъ уже не отдавалъ французскому военному флоту иной сколько-нибудь важной роли въ своихъ замыслахъ. Франція была до нѣкоторой степени ошеломлена пораженіемъ своего флота, но это тяжелое ощущеніе вскорѣ разсѣялось, благодаря другому событію, являвшемуся чуть-ли не апогеемъ славы и могущества наполеоновской имперіи. Единственнымъ ощутительнымъ результатомъ Трафальгарскаго пораженія у французовъ былъ упадокъ духа, обнаружившійся на мгновенье въ великой арміи Наполеона. Это былъ симптомъ болѣзни, находившейся пока еще въ зачаточномъ состояніи. Болѣзнь эта оказывалась въ данную минуту легко излечимой, но вскорѣ сдѣлалась періодической, а подъ конецъ привела къ смертельному исходу.

Невозможно указать какую-либо связь между уничтоженіемъ морскихъ вооруженныхъ силъ Наполеона и сухопутной его кампаніей въ Европѣ. Правда, что почти немедленно вслѣдъ за Трафальгарскою битвой французскому императору пришлось стать на материкѣ Европы лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ, но между обоими этими событіями нельзя указать никакой причинной связи.

При переходѣ французовъ изъ долины Рейна въ долину Дуная императоръ не особенно церемонился съ мелкими германскими государствами и хозяйничалъ въ нихъ такъ, какъ если бы это были завоеванныя территоріи, или же владѣнія союзниковъ и вассаловъ. Это безцеремонное обращеніе не вызывало, однако, съ ихъ стороны особеннаго неудовольствія. Зато Пруссія, считавшая себя великой державой, пришла въ бѣшенство, когда Бернадоттъ позволилъ себѣ дерзновенно нарушить ея нейтралитетъ и провести свои войска черезъ Аншпахскія ея земли. Императоръ Александръ, начавшій уже сосредоточивать армію къ прусской границѣ, чтобы заставить Фридриха Вильгельма присоединиться къ коалиціи, и намѣревавшійся въ случаѣ надобности нарушить прусскій нейтралитетъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано Наполеономъ, прибылъ около половины октября въ Берлинъ. Сочувствовавшая коалиціи придворная партія, во главѣ которой стояла королева Луиза, воспользовалась безцеремонностью французовъ, чтобы склонить на свою сторону общественное мнѣніе и, благодаря присутствію Императора Александра, временно одержала верхъ, побудивъ короля къ заключенію съ Россіей Потсдамскаго договора. Этотъ договоръ, подписанный 3-го ноября, фактически положилъ конецъ политикѣ нейтралитета, которой такъ тщательно держался въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ Фридрихъ Вильгельмъ. и которая принесла такъ много вреда самой Пруссіи. Дѣйствительно, прусское королевство, какъ уже упомянуто, утратило подъ вліяніемъ этой политики

прежнюю свою роль великаго международнаго фактора. Нерѣшительный король на этотъ разъ обязался выступить въ роли вооруженнаго посредника, привести свою армію на военное положеніе и затѣмъ добиться отъ французскаго императора согласія на признаніе независимости Неаполитанскаго королевства, Голландіи и Швейцаріи,—отдѣленіе неаполитанской короны отъ французской и уплату сардинскому королю соотвѣтственнаго вознагражденія. Въ случаѣ несогласія Наполеона на эти уступки, Пруссія обязывалась примкнуть къ коалиціи и выставить противъ французовъ армію въ 180,000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскимъ войскамъ дано было разрѣшеніе, вслучаѣ надобности, занимать прусскую территорію, или же проходить черезъ нее. Предполагалось, что переговоры съ Наполеономъ должны привести въ половинѣ декабря къ тому или другому окончательному результату. Вскорѣ послѣ того прусскій король и Русскій Императоръ поклялись другъ другу надъ могилой Фридриха Великаго въ вѣчной дружбѣ. Ввиду послѣдующихъ событій клятва эта несомнѣнно имѣла въ высшей степени важное значеніе и для Россіи, и для Пруссіи. Оба Монарха видѣли, что письменнымъ договорамъ не придается за послѣднее время сколько-нибудь серьезнаго значенія. Люневилльскій и Аміенскій трактаты оказались нарушенными чуть не на другой день послѣ ихъ заключенія. Потсдамскій договоръ оказался несравненно многозначительнѣе, чѣмъ это можно было бы себѣ представить, основываясь лишь на буквальномъ его текстѣ. Драматическій эпизодъ клятвы обоихъ монарховъ послужилъ первымъ починомъ въ политикѣ тайнаго союза законныхъ государей противъ вѣнчавшагося императорской короной узурпатора, который безцеремонно бросилъ вызовъ всей Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ международному праву, вслѣдствіе чего никакой заключенный съ нимъ договоръ не могъ на самомъ дѣлѣ внушать ни малѣйшаго довѣрія. Если, подъ давленіемъ необходимости, наслѣдственные европейскіе государи иногда и отступали отъ этихъ воззрѣній, то въ глубинѣ души они продолжали ихъ держаться. Обстоятельство это оказывало большое вліяніе на общій ходъ политическихъ событій до самаго конца карьеры Наполеона. Серьезный ударъ, нанесенный французскому императору присоединеніемъ Пруссіи къ коалиціи, смягчался въ первый моментъ до извѣстной степени тѣмъ, что окончательно развязывалъ ему руки въ западной и южной Германіи. Наполеонъ могъ теперь совершенно открыто упрочить тамъ свою власть, опираясь на заинтересованную дружбу трехъ курфюрстовъ, оставшихся въ большихъ барышахъ, благодаря новому разграниченію, произведенному въ 1803 году, по указаніямъ Франціи, такъ называемымъ имперскимъ сеймомъ. Дѣйствительно, курфюрсты баденскій, виртембергскій и баварскій оказывались тогда ревностными сторонниками императора Наполеона. Баварскій курфюрстъ лично посѣтилъ французскаго императора, чтобы высказать ему свою благодарность и снова занялъ Мюнхенъ, изъ котораго вытѣснили его передъ тѣмъ австрійцы. Непродолжительность визита его объяснялась тѣмъ, что На-

полеону было въ то время некогда заниматься обмѣномъ вѣжливостей. Положеніе его оказывалось критическимъ. Даже въ непосредственномъ ближайшемъ будущемъ ему приходилось имѣть дѣло съ Россіей и Австріей, войска которыхъ угрожали ему съ фронта. Вслучаѣ, если онъ не дастъ удовлетворительнаго отвѣта послу, прибывшему изъ Берлина, Пруссія ударитъ французской арміи въ тылъ. Чтобы выйти изъ этого опаснаго положенія, необходимо было покончить быстрымъ рѣшительнымъ ударомъ войну съ обѣими имперіями.

Въ продолженіи наступательнаго своего движенія къ Вѣнѣ, Наполеонъ, не давъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго боя, однимъ лишь маневрами очистилъ своей арміи путь отъ австрійскихъ и русскихъ войскъ. Онъ сдѣлалъ, однако, серьезный промахъ, оставивъ дивизію Мортье безъ поддержки на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ она и была уничтожена русскими подъ Дюрренштейномъ. Тщеславіе Мюрата, побудившее его не выполнить приказаній Наполеона, дозволило войскамъ Кутузова избѣгнуть угрожавшей имъ гибели. Тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано, главныя силы французской арміи, двигавшіяся изумительно быстрыми переходами, прибыли къ 14 ноября въ Вѣну, и въ тотъ же день, Наполеонъ устроилъ главную свою квартиру въ Шенбруннскомъ дворцѣ императора Франца. Мюратъ, успѣвшій обманомъ захватить мостъ черезъ Дунай, поспѣшно шелъ съ своей конницей наперерѣзъ Кутузову, а слѣдомъ за Мюратомъ двигались дивизіи Сюше и Ланна. Наполеонъ имѣлъ основаніе надѣяться, что войска Кутузова, окруженныя со всѣхъ сторонъ, будутъ уничтожены, или же взяты въ плѣнъ. Одновременно съ этимъ французскому императору предстояло рѣшить двѣ весьма важныхъ задачи. За все время наступательнаго своего движенія отъ береговъ Ла-Манша къ Вѣнѣ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на организацію продовольствія своего войска. Это обусловливалось, между прочимъ, благопріятнымъ временемъ года. Въ поляхъ можно было всюду найти въ изобиліи картофель, въ фуражѣ тоже не было недостатка, такъ что армія имѣла полную возможность кормиться на счетъ страны, по которой проходила. Для этого, разумѣется, ей надо было занимать соотвѣтственно обширную территорію. Теперь наступала уже зима и надлежало сосредоточить войска для нанесенія непріятелю рѣшительнаго удара. Необходимо было во что бы ни стало организовать поэтому продовольственные склады и обозы. Наполеонъ съ самой неутомимой энергіей занялся разрѣшеніемъ обѣихъ этихъ задачъ. Въ письмѣ къ Мармону отъ 15-го ноября онъ заявляетъ: „Говорятъ, будто я обладаю болѣе крупнымъ военнымъ талантомъ, чѣмъ многіе другіе полководцы. Тѣмъ не менѣе, чтобы нанести пораженіе врагу, котораго мы привыкли уже бить, я все-таки стараюсь собрать какъ можно больше войскъ и рѣшился сосредоточить всѣ силы, какія только можно стянуть“.

Мюратъ, желая загладить свою вину, шелъ съ такою поспѣшностью, что, не смотря на быстроту движенія русскихъ войскъ, настигъ ихъ 15 ноября. Малочисленная армія Кутузова до того утомилась, что ей необходимо было дать во что бы ни стало роз-

дыхъ. Остановившись у Шраттенталя, онъ выдвинулъ къ Голлабрунну Багратіона съ 6.000 наиболѣе свѣжихъ войскъ, поручивъ ему задержать по возможности наступленіе французовъ. Думая, что передъ нимъ вся армія Кутузова, Мюратъ не рѣшился тотчасъ же завязать бой, такъ какъ у него имѣлись подъ рукою, кромѣ кавалеріи, всего только одна дивизія Ланна, а Сюше остался еще назади. Чтобъ выиграть время, пока подойдутъ подкрѣпленія, Мюратъ сдѣлалъ попытку провести русскихъ, подобную той, которая ему удалась въ Вѣнѣ съ австрійцами. Онъ послалъ къ русскому главнокомандующему парламентера объявить, что начались уже переговоры о заключеніи общаго перемирія. На самомъ дѣлѣ, объ этихъ переговорахъ не было и рѣчи, хотя и можно было указать на нѣкоторые факты, придававшіе извѣстную правдоподобность такому лживому увѣренію. Кутузовъ, во всякомъ случаѣ, не уступавшій въ хитрости Мюрату, сдѣлалъ видъ, будто попался на удочку и охотно согласился на предложеніе вступить въ переговоры съ зятемъ Наполеона, а тѣмъ временемъ изготовился къ дальнѣйшему отступленію. Предложеніе заключить перемиріе, за подписью самого Кутузова, было прислано Мюрату, который препроводилъ его къ Наполеону въ Шенбруннъ. Оно было получено тамъ 16 ноября. Французскій императоръ тотчасъ же понялъ, что Мюратъ на этотъ разъ далъ себя перехитрить и тотчасъ же послалъ къ нему адъютанта съ приказаніемъ немедленно аттаковать. Когда адъютантъ Наполеона прибылъ въ Голлабруннъ, туда подошелъ уже и Сультъ съ тремя дивизіями, но Кутузовъ, съ главными своими силами, успѣлъ тѣмъ временемъ выиграть цѣлый переходъ и безпрепятственно отступилъ по шоссе къ Цнаиму. Отрядъ Багратіона оставленъ былъ, повидимому, французамъ на жертву. Мюратъ съ бѣшенствомъ аттаковалъ этотъ отрядъ, который, не смотря на свою малочисленность, отражалъ съ геройскимъ упорствомъ всѣ нападенія, до одиннадцати часовъ ночи. Тогда, убѣдившись, что цѣль, ради которой его двинули въ Голлабруннъ, уже достигнута, Багратіонъ собралъ остатки своего отряда въ колонну, прорвался сквозь французскія войска, зашедшія ему въ тылъ и отступилъ на присоединеніе къ главнымъ силамъ Кутузова. Тѣмъ временемъ прибылъ къ своему авангарду самъ Наполеонъ, но оказалось, что онъ пріѣхалъ слишкомъ уже поздно. Русская армія успѣла отъ него ускользнуть. Мюратъ, отложивъ нападеніе на войска, стоявшія передъ нимъ въ Голлабруннѣ „уничтожилъ плоды цѣлой кампаніи“. Близъ Брюнна Кутузовъ соединился съ войсками вѣнскаго гарнизона, такъ что у него имѣлось уже подъ начальствомъ 45.000 человѣкъ, а въ Вишау онъ встрѣтился съ 14-тысячнымъ авангардомъ второй русской арміи, подъ начальствомъ Буксгевдена. На слѣдующій день, 20 ноября, въ Просницѣ, примкнула къ нему еще десятитысячная дивизія той же арміи. Тутъ же неподалеку находилась сильная крѣпость Ольмюцъ, занятая гарнизономъ приблизительно въ 15.000 человѣкъ. Императоръ Александръ прибылъ къ арміи съ гвардейскимъ корпусомъ, а Беннигсенъ съ другой арміей въ 45.000 человѣкъ шелъ уже изъ

Бреславля на присоединеніе къ Кутузову. Эрцгерцогъ Фердинандъ, находившійся въ Богеміи, прикрывалъ правый флангъ этой грозной вооруженной силы, а эрцгерцогъ Карлъ шелъ съ своей стороны къ Вѣнѣ съ арміей, выведенной имъ изъ Италіи. У обоихъ эрцгерцоговъ имѣлось въ общей сложности до 80.000 войскъ.

Аустерлицъ.

На первый взглядъ кажется, какъ еслибъ войска, противупоставленныя Наполеону, значительно превышали численностью тѣ силы, которыми онъ могъ располагать самъ. Можно было подумать, что поспѣшность, съ которой онъ двинулся на поддержку Мюрата, подвергала серьезной опасности линію его сообщеній и долженствовала затруднить сосредоточеніе разбросанныхъ его силъ. Оба эти обвиненія неоднократно высказывались съ предвзятымъ намѣреніемъ приписать послѣдующіе успѣхи Наполеона единственно только счастливому случаю. На самомъ дѣлѣ, однако, болѣе близкое знакомство съ геніальнымъ стратегическомъ планомъ французскаго императора свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ полное основаніе чувствовать себя совершенно спокойнымъ. Войска его казались разбросанными, но были разбросаны такъ, что могли всегда стянуться въ превосходныхъ силахъ для отраженія непріятельскаго удара. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Массена выступилъ уже изъ итальянскихъ предѣловъ и шелъ слѣдомъ за арміей эрцгерцога Карла. Ней, вытѣснивъ непріятеля изъ Тироля, тоже подходилъ на присоединеніе къ главной арміи. Вдоль всего южнаго фронта распредѣлены были французскія войска такъ, чтобы охранять важные стратегическіе пункты, — преграждать путь поспѣшно приближавшимся австрійцамъ и, въ тоже время, сохранять за собою возможность сосредоточенія для совмѣстнаго удара. Увѣренный въ самомъ себѣ и въ своей арміи, великій полководецъ пріостановилъ на день наступательное движеніе авангарда, заявивъ, что дѣлаетъ это, дабы дать императору Францу возможность не спѣша выѣхать изъ Брюнна. На самомъ дѣлѣ, однако, за этой царственной вѣжливостью скрывалось также желаніе дать роздыхъ утомленнымъ французскимъ войскамъ. Продолжая затѣмъ наступленіе, Наполеонъ занялъ столицу Моравіи и перенесъ туда 19 ноября главную свою квартиру. Никакой серьезной опасности ему въ то время уже не могло угрожать, такъ какъ, благодаря стратегическому своему генію, онъ оказывался опять въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ его противники. Правда, что французскія войска были растянуты болѣе чѣмъ на триста верстъ по направленію отъ востока къ западу, но они были расположены такъ, что Наполеонъ могъ сосредоточить въ одинъ день къ наиболѣе опасному пункту 54.000 человѣкъ, въ два дня—75,000, въ четыре—85,000. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ совершенно обезпеченнымъ путемъ отступленія. Еслибъ ему пришлось отступать, онъ могъ бы отойти на соединеніе съ Даву, Мортье и Клейномъ и тогда, собравъ стотысячную армію, снова ударить на врага. Еслибъ

Кутузовъ и эрцгерцогъ Карлъ рѣшились идти прямо къ Вѣнѣ, то Наполеонъ могъ бы тамъ противупоставить 172.000 французовъ соединенной русско-австрійской арміи въ 169.000 человѣкъ. Оборонительное положеніе австрійцевъ и русскихъ было неприступнымъ, но не дозволяло быстро сосредоточиться для нападенія на французовъ. Съ другой стороны, расположеніе французской арміи представляло въ оборонительномъ отношеніи то неудобство, что и впереди ея, и позади, находилось враждебно настроенное населеніе. Вообще же союзникамъ надо было выиграть время, а Наполеонъ, напротивъ того, хотѣлъ какъ можно скорѣе дать рѣшительное сраженіе.

Гдѣ и при какихъ именно условіяхъ могъ онъ дать такое сраженіе? Если бы французскій императоръ перешелъ въ энергическое наступленіе, то это не только не принесло бы ему особенныхъ выгодъ, но даже, напротивъ того, сдѣлало бы собственное его положеніе болѣе рискованнымъ, такъ какъ союзники могли бы, не вступая въ рѣшительный бой, уйти далѣе въ глубь страны. Между тѣмъ необходимо было безотлагательно дать рѣшительное сраженіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ кампанія могла оказаться проигранной, не смотря на престижъ ульмской капитуляціи. При такихъ обстоятельствахъ то, что Наполеонъ называлъ своею судьбою, сослужило ему большую услугу. На самомъ дѣлѣ его собственная спокойная самоувѣренность ввела въ заблужденіе его противниковъ. Императоры Францъ и Александръ въ Ольшанскомъ своемъ лагерѣ долго совѣщались съ своими полководцами и офицерами генеральнаго штаба. Австрійцы не разъ уже испытали тяжесть десницы Наполеона, и всѣ ихъ офицеры, за исключеніемъ полковника Вейротера, къ которому особенно благоволилъ императоръ Александръ, высказывались въ пользу осторожнаго образа дѣйствій. Русскіе офицеры, напротивъ того, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ Наполеономъ, обѣщая, что онъ утратитъ тогда свою репутацію непобѣдимости. Полякъ, князь Чарторыйскій, хотя и сложившій съ себя, по заключеніи союза съ Англіей, должность министра иностранныхъ дѣлъ, продолжалъ пользоваться довѣренностью императора Александра и состоялъ при главной квартирѣ. Онъ писалъ въ 1806 году: „Я увѣрялъ всѣхъ и каждаго, кто только соглашался меня слушать, что намъ всего выгоднѣе надоѣдать непріятелю мелкими стычками на передовыхъ постахъ, и, держа главныя силы въ безопасномъ отъ него разстояніи, прикрывать Венгрію, пока не соединимся съ войсками эрцгерцога Карла“. Другіе совѣтники русскаго Государя не хотѣли, однако, и слышать о такомъ трусливомъ, по ихъ мнѣнію, образѣ дѣйствій. Они отстаивали свое мнѣніе тѣмъ упорнѣе, что между русскими и австрійцами не обнаруживалось особенной любви. Императоръ Францъ послалъ уже двухъ искусныхъ дипломатовъ Гіулая и Стадіона, чтобы совмѣстно съ прусскимъ посломъ Гаугвицемъ, котораго ежечасно ожидали въ Брюннъ, поддерживать требованія короля Фридриха-Вильгельма и договориться съ Наполеономъ о заключеніи мира. Если бы эти переговоры увѣнчались успѣхомъ, то Россія

оказалась бы отодвинутой на второй планъ. Императоръ Александръ находилъ подобный исходъ кампаніи обиднымъ для своего честолюбія, а потому склонился на сторону тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, которые требовали рѣшительнаго сраженія. Взявъ на себя отвѣтственность за это рѣшеніе, онъ немедленно принялся составлять планъ аттаки. Французскій императоръ не рѣшался представить себѣ возможность подобной дерзости, но во всякомъ случаѣ былъ до чрезвычайности обрадованъ извѣстіемъ о ней. Гаугвицъ, лично несочувствовавшій данному ему порученію, все еще не пріѣзжалъ. Наполеонъ послалъ на встрѣчу къ нему въ Иглау гонца, чтобы направить прусскаго посла въ Вѣну, для веденія тамъ переговоровъ съ Талейраномъ. Туда же направили и австрійскихъ дипломатовъ. Имъ поручили представить свои предложенія французскому министру иностранныхъ дѣлъ, сообщивъ, впрочемъ, что самъ императоръ вернется черезъ нѣсколько дней въ Вѣну. Одновременно съ этимъ Наполеонъ послалъ собственнаго своего адъютанта Савари лично къ русскому Государю подъ предлогомъ выясненія намѣреній Россіи на случай раздѣла Турціи, а въ дѣйствительности для того, чтобы ознакомиться съ настроеніемъ русскихъ войскъ. Такимъ образомъ, на случай, если бы исходъ боя оказался нерѣшительнымъ, Наполеонъ обезпечивалъ себѣ шансы выпутаться изъ затруднительнаго положенія путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Къ тому же порученіе, данное Савари, предоставляло императору французовъ возможность выиграть время.

Наполеонъ узналъ 27-го ноября отъ одного изъ перебѣжчиковъ, что русско-австрійская армія перешла въ наступленіе, но не смѣлъ еще вѣрить такому для себя счастью. На слѣдующій день извѣстіе это было подтверждено французскими кавалерійскими разъѣздами, причемъ выяснился даже и самый планъ предполагавшагося нападенія, заключавшійся въ фланговомъ движеніи противъ французскаго праваго крыла. Ночью Наполеонъ окончательно выработалъ собственный свой планъ дѣйствій и принялъ мѣры къ сосредоточенію французской арміи. Оно было произведено съ такою быстротой, что уже на слѣдующее утро французы готовы были встрѣтить нападеніе союзниковъ на высотахъ близъ Аустерлица, верстахъ въ двадцати къ юго-востоку отъ Брюнна. Войска Бернадотта сдѣлали переходъ, представлявшійся почти невозможнымъ, и къ 1-му декабря заняли уже позицію поперекъ шоссейной дороги, ведущей изъ Брюнна въ Ольмюцъ. Даву шелъ слѣдомъ за ними и въ тотъ же вечеръ прибылъ къ Гроссъ-Райгернскому монастырю, въ десяти верстахъ южнѣе Брюнна и верстахъ въ двѣнадцати отъ Аустерлица. Непріятель, однако, не показывался въ сколько-нибудь значительныхъ силахъ даже и 29-го ноября, а потому всѣ сомнѣнія Наполеона разсѣялись лишь послѣ того, какъ изъ русскаго лагеря вернулся Савари, привезшій съ собою обстоятельныя и весьма драгоцѣнныя свѣдѣнія. Сообразуясь съ ними, Наполеонъ передвинулъ тогда же свои войска нѣсколько юго-западнѣе Аустерлица, на болѣе сильную позицію, чѣмъ та, которую они занимали передъ тѣмъ. Прикрываясь мас-

кою искренности, онъ тотчасъ же отправилъ Савари обратно къ Императору Александру съ другимъ предложеніемъ, имѣвшимъ столь же безсодержательный характеръ. Въ отвѣтъ на эти авансы присланъ былъ 30-го ноября князь Долгорукій съ подобнымъ же малозначущимъ предложеніемъ отъ Александра I къ Наполеону. Французскій императоръ принялъ князя на аванпостахъ, такъ что онъ не имѣлъ случая побывать въ главной квартирѣ и составить себѣ какое-либо понятіе о численности французскихъ войскъ. Бесѣда съ Наполеономъ ввела его на этотъ счетъ окончательно въ заблужденіе. Существуетъ даже предположеніе, будто рѣшеніе аттаковать французовъ было окончательно принято вслѣдствіе донесенія князя Долгорукова, что они собираются уже отступать.

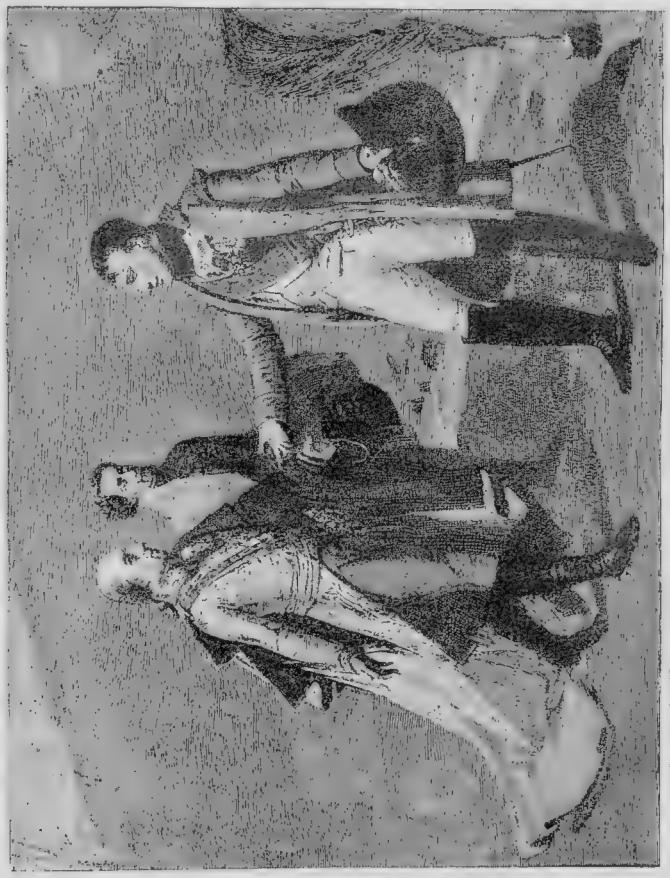
Въ богатой хлѣбородной Моравіи отлогія цѣпи холмовъ чередуются съ плодородными, обильно орошенными долинами. Французскій императоръ провелъ ночь на 1-ое декабря на бивакахъ на самомъ высокомъ холмѣ между Брюнномъ и Аустерлицемъ, извѣстномъ до сихъ поръ подъ названіемъ Наполеоновой Горы. Оттуда вся мѣстность по направленію на востокъ развертывалась, словно географическая карта. Тамъ въ дали, на склонѣ холма, виднѣлся большой желтый помѣщичій домъ князя Кауница, у подножія котораго раскинулась на берегу рѣчки Литтавы деревня Аустерлицъ. Бывшій владѣлецъ этой усадьбы заключилъ союзъ между Габсбургами и Бурбонами, оказавшійся столь гибельнымъ для этихъ послѣднихъ. Еслибъ его тѣнь витала гдѣ-нибудь по близости, то она имѣла-бы случай вообразить себѣ, не безъ нѣкотораго основанія, что и дому Габсбурговъ угрожаетъ подобная же катастрофа. Наполеонъ, съ утра убѣдившись, что медленность движеній союзниковъ предоставляетъ еще въ его распоряженіе цѣлый день, произвелъ самъ верхомъ тщательную рекогносцировку всей мѣстности передъ фронтомъ и далеко за правымъ крыломъ своей позиціи. Рекогносцировка эта побудила его принять до чрезвычайности смѣлое рѣшеніе. Получивъ отъ одного измѣнника, оказавшагося въ русскомъ лагерѣ, точныя свѣдѣнія о томъ, что союзники рѣшили обойти правое крыло французовъ, Наполеонъ могъ бы легко помѣшать осуществленію этого плана, занявъ на правомъ флангѣ высокое плато, на которомъ стоитъ деревушка Праценъ и примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ рѣчкѣ Литтавѣ. Въ такомъ случаѣ, однако, онъ могъ бы выиграть, по собственнымъ своимъ словамъ, единственно лишь обыкновенное сраженіе. Между тѣмъ ему нужна была побѣда въ совершенно иномъ родѣ. Онъ хотѣлъ уничтожить коалицію однимъ громовымъ ударомъ. Онъ рѣшился поэтому оставить праценскія высоты незанятыми въ полной увѣренности, что непріятель займетъ ихъ самъ и съ тѣмъ большой рѣшимостью поведетъ аттаку на правое его крыло.

1-го декабря показалась въ виду французовъ австро-русская армія, наступавшая пятью колоннами. Еще за свѣтло двѣ колонны, составлявшія центръ, выстроились на праценскихъ высотахъ и за ними, а три колонны лѣваго фланга расположились на южныхъ склонахъ этихъ высотъ и частью даже выдвинулись впередъ. Дви-

женіе этихъ войскъ и занятыя ими позиціи убѣдили геніальнаго полководца въ вѣрности имѣвшихся у него свѣдѣній. Поздно уже, пополудни, онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ далъ каждому изъ генераловъ обстоятельныя инструкціи. Особенно тщательно растолковалъ Наполеонъ Сульту, что маневръ, которымъ будетъ выиграно на другой день сраженіе, заключается въ наступленіи эшелонами съ захожденіемъ правымъ плечомъ впередъ. Весь вечеръ и почь Наполеонъ провелъ безъ сна. Тщательно разсчитанныя его комбинаціи нуждались въ бодрствованіи. Въ продолженіи нѣкотораго времени французскій императоръ слегка взволнованный, но заранѣе увѣренный въ успѣхѣ, переходилъ отъ одного бивачнаго огня къ другому, наблюдая за настроеніемъ духа своихъ солдатъ и вливая въ ихъ сердца увѣренность въ побѣдѣ, одушевлявшую его самого. Солдаты съ шумнымъ энтузіазмомъ просили Наполеона не рисковать, на другой день, драгоцѣнной его жизнью и обѣщали поднести ему великолѣпный букетъ къ годовщинѣ его коронованія. Въ продолженіи нѣкотораго времени весь лагерь былъ иллюминованъ импровизированными факелами изъ сѣна. Французскія войска, подобно ихъ полководцу, были до нѣкоторой степени возбуждены, но въ тоже время надѣялись на самихъ себя и на своего вождя. Они отлично понимали значеніе высказаннаго имъ какъ будто нечаянно, но тщательно взвѣшеннаго заявленія: „Обходя наше правое крыло, непріятель подставитъ мнѣ свой флангъ“. Затѣмъ, уже поздно ночью, Наполеонъ, не смотря на глубокій мракъ, поѣхалъ опять на рекогносцировку, осмотрѣлъ непріятельскую позицію и, убѣдившись, что до утра союзники не собираются ничего предпринять, вернулся часамъ къ тремъ въ свою палатку и спалъ тамъ до разсвѣта. Его обвиняли, будто онъ подъ Аустерлицемъ впервые выказалъ себя трусомъ. Обвиненіе это лишено всякаго основанія. Въ приказѣ по арміи онъ дѣйствительно обѣщалъ не рисковать своей жизнью, но сдѣлалъ это по просьбѣ солдатъ и съ условіемъ, что они блистательно исполнятъ свой долгъ. Они сдержали свое слово, а потому и онъ сдержалъ свое. Въ бытность свою дивизіоннымъ генераломъ и даже первымъ консуломъ, Бонапартъ лично руководилъ войсками въ самые опасные моменты боя. Императоръ Наполеонъ, выигравъ такую крупную ставку, не имѣлъ въ сущности ни малѣйшей надобности рисковать своей особой. Подъ Аустерлицемъ онъ впервые воспользовался мѣрами предосторожности, обязательными для человѣка, жизнь котораго много дороже жизни простыхъ смертныхъ. Онъ дѣлалъ только то, что дѣлаютъ обыкновенно при такихъ обстоятельствахъ августѣйшія особы, когда имъ приходится командовать арміями въ бою.

Не смотря на сильный морозъ, рано утромъ, 2-го декабря, стоялъ густой туманъ. Къ семи часамъ утра солнце встало, окутанное этимъ туманомъ, но вскорѣ заставило его разсѣяться, и только вдоль рѣчекъ онъ еще лежалъ густыми полосами. Съ восходомъ солнца русскіе и австрійцы тронулись съ своихъ позицій. Войска, стоявшія за праценскими высотами, быстро поднялись на нихъ и,

соединившись съ войсками, которыя уже тамъ стояли, двинулись оттуда въ направленіи къ Туросскому лѣсу, намѣреваясь перейти рѣчку Гольдбахъ, а лѣвымъ своимъ флангомъ, стоявшимъ въ Тельницѣ и Сокольницѣ, схватить правое крыло Наполеона. Поле Аустерлицкаго сраженія является приблизительно равнобедреннымъ треугольникомъ, короткое основаніе котораго, простирающееся съ сѣвера на югъ, въ направленіи отъ Райгерна къ Брюнну, длиною



Свиданіе Наполеона съ Францемъ I послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ.
Съ картины Гро въ Версальскомъ музеѣ.

приблизительно въ одиннадцать верстъ, а обѣ равныя стороны, въ восемнадцать—двадцать верстъ длиною, сходятся на востокъ отъ основанія къ Аустерлицу. Приблизительно на половинѣ перпендикуляра, опущеннаго съ вершины треугольника на его основаніе, протекаетъ на западной сторонѣ праценскаго плато, параллельно съ его подошвою, направляясь почти прямо на югъ, рѣчка Гольдбахъ, по берегамъ которой расположены въ довольно одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, слѣдуя съ сѣвера на югъ деревни: Шлаппаницъ, Пунтовицъ, Кобельницъ, Сокольницъ и Тельницъ. Верстахъ въ полу-

тора къ сѣверу отъ Шлапаница идетъ большая дорога изъ Брюнна въ Ольмюцъ, образующая сѣверную сторону треугольника. Туросскій лѣсъ лежитъ верстахъ въ трехъ къ западу отъ Пунтовицъ на плоской возвышенности. Если провести къ Востоку отъ Шлапаницъ прямую линію, то на ней окажутся деревни Жирзиковицъ и Блазовицъ, верстахъ въ полутора другъ отъ друга. Первая изъ нихъ находится въ такомъ же разстояніи отъ Шлапаница. Палатка самого Наполеона была разбита къ сѣверо-западу отъ Шлапаница на высокомъ холмѣ, у подножія котораго съ противуположной стороны находилась деревня Белловицъ. Къ сѣверу отъ большой дороги въ Ольмюцъ высился холмъ, которому ветераны, участвовавшіе въ Египетской экспедиціи, далъ прозвище „Сантона", вслѣдствіе найденнаго ими сходства увѣнчивавшей его колокольни съ мусульманскимъ минаретомъ. Холмъ этотъ долженъ былъ служить опорнымъ пунктомъ для маневра, посредствомъ котораго надлежало выиграть сраженіе. Поэтому Наполеонъ укрѣпилъ его редутомъ и поставилъ тамъ баттарею изъ восемнадцати пушекъ. Южнѣе холма тянулось лѣвое крыло подъ командою Ланна, а затѣмъ—кавалерія подъ начальствомъ Мюрата,—центръ подъ командою Бернадотта и войска Сульта, составлявшія правое крыло. Войска эти стояли нѣсколько западнѣе Пунтовица. Удино расположился нѣсколько восточнѣе съ десятью баталіонами, прикрывая императорскіе биваки съ фронта, а десять баталіоновъ гвардіи съ сорока артиллерійскими орудіями стояли за этими бивакими, прикрывая ихъ съ запада. Даву подошелъ вечеромъ 1-го декабря къ Райгерну, а Легранъ стоялъ между нимъ и Сокольницами на прудѣ, лежащемъ къ юго-востоку отъ этой деревни.

Въ пять часовъ утра Даву выступилъ изъ Райгерна и къ девяти часамъ прибылъ на помощь къ Леграну, котораго тѣснили уже войска лѣваго крыла союзниковъ. Тѣмъ временемъ, въ четверть восьмого, Сультъ, съ дивизіями Вандама и Сентъ-Илера, началъ взбираться на праценскія высоты. Онъ обѣщалъ Наполеону, что черезъ двадцать минутъ будетъ уже тамъ и дѣйствительно выполнилъ свое обѣщаніе. На праценскомъ плато Сультъ встрѣтился съ колонною Колловрата, составлявшею центръ союзной арміи. Кутузовъ, находившійся при этой колоннѣ, сообразилъ, какія роковыя послѣдствія повлечетъ за собою утрата плато, и сдѣлалъ попытку сосредоточенія къ правому флангу, но его усилія оказались тщетными, такъ какъ ему съ трудомъ лишь удавалось удерживать натискъ напиравшихъ на него французовъ. Двѣ австро-русскія колонны лѣваго крыла, спустившись тѣмъ временемъ въ лощину рѣчки Гольдбаха, овладѣли Тельницомъ и Сокольницомъ. Одновременно съ наступленіемъ Сульта двинулись также впередъ Бернадоттъ и Мюратъ. Они встрѣтили между Жирзиковицемъ и Блазовицемъ австрійскую кавалерію князя Лихтенштейна и русскую гвардію подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича. Наполеонъ, съ войсками, находившимися въ резервѣ, устремился тоже къ этому пункту и, незадолго до одиннадцати часовъ, въ критическій моментъ, когда полку его

брата Жозефа угрожала, повидимому, неминуемая гибель, послалъ гвардейскую свою кавалерію, подъ начальствомъ Бессьера и Раппа, въ аттаку на русскую гвардію. Эта аттака заставила русскихъ податься назадъ, и Наполеонъ собственными глазами видѣлъ отступленіе Цесаревича. Тѣмъ временемъ русскій авангардъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, подоспѣвшій изъ Безеницъ, вступилъ въ жаркій бой съ частью французскаго лѣваго крыла. Между кавалеріей Лихтенштейна и Мюрата шла ожесточенная схватка, но, съ отступленіемъ Цесаревича, начался разгромъ всего австро-русскаго праваго крыла. Ланнъ, опираясь на Сантонскій редутъ, стоялъ до тѣхъ поръ непоколебимо, какъ скала, а затѣмъ устремился самъ, съ дивизіями Сюше и Каффарели на князя Багратіона и оттѣснилъ его назадъ. Лихтенштейнъ, державшійся до этой минуты на полѣ сраженія и даже имѣвшій какъ будто нѣкоторый перевѣсъ надъ французскою конницей, оказался тогда взятымъ во флангъ и вынужденъ былъ, впрочемъ, довольно поздно уже по полудни, въ свою очередь, отступать.

Король Испанскій Іосифъ Бонапартъ.
Съ Картины Жерара (въ ратушѣ Аяччіо).

Въ промежутокъ съ одиннадцати до двѣнадцати часовъ Сультъ совершенно овладѣлъ праценскими высотами и, подаваясь все болѣе вправо, совершенно отрѣзалъ лѣвое крыло непріятеля отъ центра. Центръ этотъ, значительно ослабленный подкрѣпленіями, которыя приходилось посылать къ лѣвому крылу и громадными потерями въ упорномъ бою съ войсками Сульта, вынужденъ былъ къ полудню тоже отступить. Тогда Наполеонъ, убѣдившись, что на лѣвомъ его крылѣ и съ сѣвера все обстоитъ благополучно, поѣхалъ на южную окраину поля сраженія къ войскамъ Сульта, приказавъ мимоходомъ свѣжей дивизіи Друо ударить на отступавшаго Кутузова, войска котораго были тогда опрокинуты и приведены въ полнѣйшій безпорядокъ.

Даву съ девяти часовъ утра держался на лѣвомъ берегу Гольд-

баха, отражая всѣ послѣдовательныя аттаки лѣваго крыла союзниковъ, усиленнаго значительною частью войскъ центра. Въ лощинѣ этой рѣчки шелъ все время ожесточенный бой. Рѣчка, въ буквальномъ смыслѣ слова, текла вмѣсто воды кровью. Французскіе и русскіе солдаты проваливались сквозь ледъ и, не будучи въ состояніи выкарабкаться изъ вязкаго ила, стояли другъ противъ друга и сражались до тѣхъ поръ, пока не умирали тутъ же на мѣстѣ. Къ двумъ часамъ пополудни Даву, положеніе котораго становилось до тѣхъ поръ съ каждой минутой все болѣе затруднительнымъ, оказался внѣ всякой опасности. Сультъ закончилъ наступательное свое движеніе эшелонами съ захожденіемъ правымъ плечомъ впередъ. Сентъ-Илеръ и Вандамъ овладѣли съ боя деревнями Сокольницъ и Ацездъ. Три австро-русскія колонны, обходившія правое крыло французовъ, оказались сами окруженными со всѣхъ сторонъ. Немногимъ лишь удалось уйти и примкнуть потомъ къ отступавшимъ войскамъ праваго крыла и центра, которымъ и самимъ приходилось бѣжать сквозь замерзшіе пруды и рвы, по гатямъ и черезъ вспаханныя поля, по направленію къ Аустерлицу. Около пяти тысячъ человѣкъ, преимущественно русскихъ, подъ начальствомъ Дохтурова и Ланжерона думали спастись, перейдя черезъ замерзшее Сачанское озеро. Замѣтивъ, что они вышли на ледъ, подъѣхавшій къ этому озеру Наполеонъ приказалъ своей артиллеріи стрѣлять ядрами въ ледъ, для того, чтобы его разломать и ослабить. Черезъ нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ французская артиллерія исполнила это приказаніе, ледъ дѣйствительно началъ проламываться подъ отступавшими войсками и около двухъ тысячъ человѣкъ потонуло.

Аустерлицкое сраженіе нанесло жестокій ударъ не только вооруженному могуществу коалиціи, но сломило также и нравственное ея мужество. Вскорѣ послѣ отступленія Кутузова, генералъ Толь встрѣтилъ Императора Александра. Государь, при которомъ находился всего только одинъ адъютантъ, сидѣлъ на небольшомъ пригоркѣ возлѣ дороги и плакалъ.

Когда солнце садилось, Наполеонъ, по своему обыкновенію, объѣхалъ все поле сраженія, тщательно вглядываясь въ мѣстныя условія и приблизительно уясняя себѣ уронъ, понесенный какъ его собственными, такъ и непріятельскими войсками. На австрійскаго императора аустерлицкое сраженіе подѣйствовало такъ сильно, что едва только успѣло оно кончиться, какъ онъ уже отправилъ къ Наполеону князя Лихтенштейна съ просьбою о перемиріи. Наполеонъ, объѣзжавшій какъ разъ въ это время поле битвы, принялъ князя Лихтенштейна, но объявилъ, что, въ продолженіи двухъ дней не можетъ вступать ни въ какіе переговоры. Онъ хотѣлъ воспользоваться плодами побѣды и, тотчасъ же послѣ сраженія, принялъ мѣры къ упорному преслѣдованію разбитаго врага. Лишь въ полночь самъ Наполеонъ закончилъ труды наиболѣе блистательнаго дня во всей своей карьерѣ, являвшагося ко тому же годовщиной его коронованія, и уснулъ на Позорджицкой почтовой станціи. На слѣдующее утро онъ перенесъ главную свою

квартиру въ помѣщичью усадьбу Кауница. Войска союзниковъ оказались до такой степени разгромленными, что лишь 4-го декабря собраны были въ русско-австрійской главной квартирѣ свѣдѣнія о томъ, гдѣ именно они находятся. Въ тотъ же день послѣ полудня императоръ Францъ I имѣлъ личное свиданіе съ Наполеономъ. Свиданіе это, происходившее въ палаткѣ близь Голича, закончило кампанію, Австрія согласилась заключить перемиріе на такихъ условіяхъ, какія угодно будетъ предписать французскому императору.

Принимая во вниманіе страшный разгромъ союзной арміи, условія эти нельзя было признать слишкомъ суровыми. Наполеонъ объявилъ, что Австрія не понесетъ никакихъ территоріальныхъ утратъ, если Императоръ Александръ уведетъ свои войска обратно въ Россію и согласится закрыть свои порты англійской торговлѣ. Если такого согласія не послѣдуетъ, то Австрія должна будетъ уступить Венецію итальянскому королевству, а Тироль—Баваріи, Императоръ Александръ не хотѣлъ и слышать о наложеніи амбарго на англійскія суда. Онъ отказался также наотрѣзъ отъ предложенія императора Франца продолжать общими силами войну съ французами. Савари увѣряетъ, будто русскій Государь обмѣнялся съ Наполеономъ письмами, въ которыхъ обѣ стороны наговорили другъ другу массу комплиментовъ. Затѣмъ, 6-го декабря, русскія войска двинулись обратно на родину, оставивъ австрійцевъ расплачиваться какъ знаютъ за послѣдствія аустерлицкаго сраженія, даннаго противъ желанія императора Франца и его совѣтниковъ. Послѣ того единственная надежда для Австріи заручиться сколько-нибудь сносными условіями мира заключалась въ видахъ на содѣйствіе Пруссіи. Гаугвицъ не могъ уже предъявить французскому императору ультиматумъ, выработанный въ Потсдамѣ, такъ какъ политическое положеніе успѣло съ тѣхъ поръ существенно измѣниться благодаря побѣдѣ, одержанной подъ Аустерлицемъ. Напротивъ того, самъ Наполеонъ предъявилъ теперь къ Пруссіи требованіе заключить съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ. 15-го декабря посолъ короля Фридриха-Вильгельма далъ условное согласіе на этотъ союзъ и выѣхалъ въ Берлинъ, чтобы представить проектъ союзнаго договора на утвержденіе своего монарха. Пруссія должна была присоединить къ себѣ Ганноверъ, закрыть свои порты англійскимъ судамъ; уступить Франціи Клевское герцогство, Везеръ и Невшатель, а Баваріи—Аншпахское княжество. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обязывалась признать Баварію королевствомъ, съ такими границами на востокѣ, которыя можно будетъ добыть отъ Австріи.

Одно время Наполеонъ хотѣлъ было продолжать войну и совершенно уничтожить австрійскую имперію. Талейранъ, несомнѣнно получившій крупную взятку отъ австрійцевъ, убѣдилъ императора не слѣдовать дурнымъ совѣтамъ своихъ генераловъ, а стать на болѣе высокую точку государственнаго дѣятеля и заключить миръ съ имперіей Габсбурговъ. Согласившись въ принципѣ на заключеніе мира, Наполеонъ началъ предъявлять, однако, все болѣе

обширныя и суровыя требованія, такъ что подъ конецъ императоръ Францъ не на шутку собирался возобновить одинъ безъ союзниковъ отчаянную неравную борьбу. Быть можетъ, что у австрійцевъ имѣлись нѣкоторые шансы на успѣхъ, но во всякомъ случаѣ желаніе заключить миръ одержало у него верхъ. По мирному договору, подписанному 26-го декабря 1805 года въ Пресбургѣ, Австрія отдавала итальянскому королевству Венецію съ Фріулемъ, Истріей и Далмаціей, уступала Баваріи Тироль, соглашалась на изгнаніе Бурбоновъ изъ королевства обѣихъ Сицилій, признавала все сдѣланное Наполеономъ въ Италіи и уплачивала военную контрибуцію въ сорокъ милліоновъ франковъ. Признаніе Баваріи независимымъ королевствомъ и новое разграниченіе Германіи положило конецъ германско-римской имперіи. Виртембергское курфюршество, къ которому были присоединены пять имперскихъ городовъ на Дунаѣ и часть Брисгау, обратилось, подобно Баваріи, въ королевство. Баденское курфюршество получило остальную часть Брисгау, а также Ортенау, Майнау и городъ Констанцъ. Бавaрія пріобрѣла не только Тироль съ Форарльбергомъ, но также и Бриксенъ, Тріентъ, Пассау, Эйхштедтъ, Бургау, Линдау и нѣкоторыя другія мелкія владѣнія, присоединенныя для того, чтобъ округлить новую ея границу.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ какъ французы, такъ и союзныя войска выказали большое мужество. Въ приказѣ по арміи Наполеонъ, обращаясь къ своимъ солдатамъ, сказалъ имъ: „Мой народъ съ радостью встрѣтитъ васъ по возвращеніи на родину. Когда кто-либо изъ васъ скажетъ: „Я былъ подъ Аустерлицемъ“, каждый отвѣтитъ: „Вотъ герой“! Дѣйствительно, легіоны новой имперіи сражались съ изумительною храбростью. Такую же храбрость выказали и австрійцы. Что касается до русскихъ, то Наполеонъ призналъ умѣстнымъ поставить ихъ въ своихъ бюллетеняхъ по отношенію къ мужеству ниже австрійцевъ. Въ парижскомъ „Moniteur“ утверждалось, будто французская фурія окончательно смутила русскихъ. „Тѣ, кому пришлось видѣть поле сраженія,—заявлялось въ газетѣ,—могутъ засвидѣтельствовать, что тамъ, гдѣ кипѣла самая упорная битва, оно было устлано австрійскими трупами, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ его усѣивали по преимуществу русскіе ранцы“. Несомнѣнно, что Аустерлицкій бой такъ разгромилъ участвовавшіе въ немъ русскіе полки, что Императоръ Александръ не только покинулъ своего союзника и отступилъ въ Польшу, но, сверхъ того, счелъ необходимымъ обнародовать съ своей стороны заявленіе о храбрости русскихъ войскъ и трусости австрійцевъ. Битва подъ Аустерлицемъ, какъ ее называютъ французы, или сраженіе трехъ императоровъ (подъ этимъ названіемъ извѣстна она у нѣмцевъ), была, однако, замѣчательна не столько геройскими подвигами храбрости, сколько переворотомъ, произведеннымъ ею въ тактикѣ. Руководящій принципъ аустерлицкой битвы и до нея неоднократно примѣнялся на практикѣ, но только послѣ нея былъ вполнѣ оцѣненъ по достоинству и признанъ правильнымъ всѣми теоретиками военнаго дѣла. Въ предшествовавшіе пері-

оды военной исторіи армія, участвовавшая въ бою, разсматривалась какъ машина, всѣ части которой должны дѣйствовать совмѣстно. Если какая-нибудь изъ этихъ частей останавливалась въ наступленіи, или же если боевая линія оказывалась прорванной, сраженіе считалось проиграннымъ. Напротивъ того, съ 1805 года, разбитіе какой-либо части боевого порядка, какъ, напримѣръ, центра, или же одного крыла, не мѣшало болѣе уже другимъ частямъ одержать побѣду. Для этого необходима была только наличность двухъ условій. Во-первыхъ, надлежало располагать свѣжими войсками, которыя могли бы ударить на непріятеля въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащее время,—во-вторыхъ, слѣдовало имѣть обезпеченную линію отступленія съ заранѣе подготовленной новой операціонной базой. Нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ военныхъ спеціалистовъ утверждаютъ даже, будто въ правильно разыгранномъ сраженіи необходимо пожертвовать непріятелю какой-нибудь частью войскъ, для того чтобы остальными частями одержать надъ нимъ побѣду. Преслѣдованіе послѣ аустерлицкаго боя велось также мастерски, какъ и само сраженіе. Наполеонъ выказалъ себя въ этомъ сраженіи не только геніальнымъ, но также и въ высшей степени предусмотрительнымъ полководцемъ. Онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ въ случаѣ пораженія отступить не въ Вѣну, какъ это предполагали въ непріятельскомъ лагерѣ, а черезъ Богемію, къ Пассау. Въ сраженіи участвовало со стороны союзниковъ около 90,000, а со стороны французовъ до 80.000 человѣкъ. Австрійцы и русскіе потеряли убитыми и ранеными 15.000, а плѣнными 20,000. Уронъ праваго крыла французовъ, оборонявшаго Гольдбахъ, простирался до 7.000 убитыми и ранеными, а въ общей сложности для всей арміи доходилъ до 12.000 человѣкъ. Наполеонъ находилъ, что заплатилъ этой цѣной не особенно дорого за гегемонію въ Европѣ и очень любилъ, когда его называли „Побѣдителемъ подъ Аустерлицемъ“. Когда, въ день сраженія подъ Бородиномъ солнце проглянуло сквозь мрачныя тучи, онъ, обращаясь къ своимъ войскамъ, воскликнулъ: „Солдаты, это солнце Аустерлица!“ и это восклицаніе внушило новую бодрость его арміи, начинавшей уже падать духомъ.

Новая карта Европы.

Въ политическомъ отношеніи сраженіе подъ Аустерлицемъ повело за собою крушеніе прежняго западно-европейскаго государственнаго строя. Австрія была, повидимому, навсегда вытѣснена изъ прежняго положенія первенствующей державы въ Германіи. Взамѣнъ того она была направлена на трудный тернистый путь территоріальныхъ пріобрѣтеній внизъ по теченію Дуная и на Балканскомъ полуостровѣ, по которому съ тѣхъ поръ неуклонно и слѣдовала. Все преклонялось передъ Франціей, причемъ между подобострастіемъ Баваріи и Пруссіи, Баденскаго великаго герцогства и Россіи, замѣчалось только нѣкоторое количественное различіе. Питтъ, лечившійся въ Батѣ отъ подагры и начинавшій

уже выздоравливать, состарѣлся въ одни сутки, получивъ извѣстіе объ аустерлицкомъ погромѣ. Лицо его сморщилось и посинѣло, принявъ выраженіе, которое долго послѣ того называли „аустерлицкимъ“. Вернувшись къ себѣ на дачу въ Путней и войдя въ корридоръ, на стѣнѣ котораго висѣла карта Европы, онъ, какъ увѣряютъ, сказалъ своей племянницѣ: „Уберите эту карту. Она болѣе не понадобится въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ“. Надъ Питтомъ тяготѣла уже рука смерти и онъ дѣйствительно скончался вскорѣ послѣ того, а именно 23-го января 1806 года, всего лишь на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія. Послѣднія предсмертныя его слова были: „Бѣдная моя родина, въ какомъ положеніи я ее оставляю!“ Онъ надѣялся, какъ это впослѣдствіи и случилось, что Англія, спасшись собственными усиліями, спасетъ затѣмъ своимъ примѣромъ также и Европу. Министерство Питта смѣнилось такъ называемымъ „кабинетомъ всѣхъ талантовъ“, гдѣ Гренвилль былъ первымъ лордомъ казначейства, а Фоксъ, великій соперникъ Питта,—статсъ-секретаремъ.

Побѣда подъ Аустерлицомъ подѣйствовала на французскую армію въ томъ смыслѣ, что заставила умолкнуть духъ порицанія, начавшій было уже въ ней проявляться послѣ того, какъ Кутузову удалось ускользнуть отъ Мюрата. Въ самой Франціи война за послѣднее время начала становиться непопулярной. Давно уже угрожавшая паника въ сущности началась, такъ какъ, послѣ трафальгарскаго пораженія, погибли послѣднія надежды на возобновленіе торговли съ колоніями, а въ то же время торговыя сношенія съ Востокомъ фактически почти прекратились. Народъ жаловался на тяжесть конскрипціи и многимъ французамъ казалось, что внутреннее спокойствіе и благосостояніе гораздо важнѣе для самой Франціи, чѣмъ, напримѣръ, политическое преобладаніе въ Европѣ. Всѣ эти элементы недовольства, разумѣется, должны были исчезнуть при полученіи извѣстія о побѣдѣ подъ Аустерлицомъ. Блестящіе подвиги французскихъ солдатъ и французскаго императора должны были раздуть до крайнихъ предѣловъ національное тщеславіе, тѣмъ болѣе, что неслыханно блестящая побѣда, которая принудила врага къ заключенію мира, могла бы вызвать опьяненіе восторга даже и у менѣе впечатлительнаго народа. Съ помощью новыхъ палліативныхъ средствъ удалось при такихъ обстоятельствахъ пріостановить финансовый кризисъ до тѣхъ поръ, пока великій администраторъ, по возвращеніи въ Парижъ, устранитъ его окончательно и, съ помощью взятыхъ съ непріятеля денежныхъ контрибуцій, приведетъ въ надлежащій порядокъ фигуры на шахматной доскѣ внутреннихъ французскихъ дѣлъ. Условія внѣшняго политическаго положенія давали тогда Наполеону возможность сдѣлать шагъ, являющійся важнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ результатомъ аустерлицкой побѣды. Мы говоримъ о попыткѣ замѣнить дряхлую Священную римскую имперію съ германскимъ государемъ во главѣ Западною имперіей подъ верховнымъ владычествомъ французскаго императора. Въ государствахъ, входившихъ въ составъ этой новой

имперіи, должны были царствовать державцы, принадлежащіе къ наполеоновской династіи и подчиняющіеся верховной власти Бонапарта. То обстоятельство, что священная римская, или германская имперія перестала существовать, само по себѣ представлялось для современниковъ несравненно менѣе существеннымъ, чѣмъ учрежденіе наполеоновской имперіи, но тѣмъ не менѣе оба эти факта имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи XIX столѣтія.

Евгеній Богарне вице-король итальянскій.
Съ картины Анри Шефера въ Версальскомъ м зеѣ.

Первый шагъ къ учрежденію западной имперіи сдѣланъ былъ въ Италіи. Непримиримый врагъ Наполеона, —королева обѣихъ Сицилій Каролина, какъ разъ въ самый критическій моментъ аустерлицкой кампаніи нарушила обязательства, принятыя ею на себя противъ воли. Она открыла порты своего королевства англійскимъ судамъ и дозволила русскимъ войскамъ занять стратегическіе пункты въ ея территоріи. На другой день послѣ Аустерлица Наполеонъ, приказомъ по арміи, отправилъ Массену въ Неаполь и объявилъ, что династія Бурбоновъ перестала тамъ царствовать. Русскія войска тѣмъ временемъ удалились на островъ Корфу, англійскія суда отплыли въ Сицилію, и неаполитанскій дворъ оказался предоставленнымъ на благоусмотрѣніе грознаго его врага. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Жозефъ Бонапартъ, декретомъ французскаго сената отъ 30 марта 1806 года, былъ провозглашенъ королемъ неаполитанскимъ и сицилійскимъ, подъ именемъ Іосифа I. Онъ отклонилъ отъ себя сравнительно независимое положеніе, въ какомъ бы оказался, принявъ итальянскую корону, и въ наказаніе за это былъ вынужденъ теперь занять несравненно

менѣе выдающійся престолъ, на которомъ могъ пользоваться лишь номинальной самостоятельностью. Новый монархъ, сохранивъ за собою французскіе свои титулы и званіе, принялъ на себя роль союзника и вассала Франціи. Одновременно съ этимъ всѣ бывшія въ рукахъ австрійцевъ венеціанскія владѣнія отошли къ итальянскому королевству. Элизѣ, кромѣ Лукки, даны были еще въ удѣлъ округа Масса-Каррарскій и Гарфаньянскій. Княгиня Полина Боргезе получила въ свою очередь княжество Гуастальское.

Какъ бы съ намѣреніемъ выказать самымъ недвусмысленнымъ образомъ верховную власть наполеоновской имперіи надъ Италіей, создалась новая феодальная система, уподоблявшаяся прежней въ томъ отношеніи, что въ ней предполагалось награждать за ожидаемыя еще въ будущемъ заслуги, тогда какъ древне-римскія бенефиціи являлись вознагражденіемъ за жертвы, уже принесенныя ветеранами. Эта феодальная система раскидывалась по обоимъ берегамъ Адріатическаго моря. Тамъ было учреждено, хотя и не одновременно, двадцать наслѣдственныхъ герцогствъ: Далматское, Истрійское, Фріульское, Кадорское, Беллуно, Конельяно, Тревизо, Фельтрское, Бассано, Виченцское, Падуанское, Ровиго, Рагузское, Гаэтское, Отранто, Тарентское, Реджіо, Луккское, Пармское и Піаченцское. Каждый изъ новопожалованныхъ герцоговъ получалъ въ свое распоряженіе пятнадцатую часть ежегоднаго дохода съ своего лена. Необходимо замѣтить, что означенные лены зависѣли непосредственно не отъ Франціи, а отъ французской имперіи, такъ что владѣльцы ихъ были прежде всего вассалами императора, а затѣмъ уже слугами Франціи. Самому императору выплачивалось ежегодно съ итальянскаго королевства четырнадцать милліоновъ франковъ, а съ неаполитанскаго — одинъ милліонъ. Эту послѣднюю сумму надлежало распредѣлять между офицерами и солдатами, „оказавшими наиболѣе важныя услуги отечеству и престолу“. Итальянскими титулами предполагалось жаловать французскихъ гражданъ. Впослѣдствіи та же самая система была распространена на Германію и Польшу.

Что касается до римскаго папы, то положеніе его оказывалось до чрезвычайности щекотливымъ. Самъ Пій VII находился въ довольно странномъ настроеніи духа. Извѣстно, что онъ поѣхалъ въ Парижъ на коронованіе, не выговоривъ себѣ предварителино никакого опредѣленнаго вознагражденія, такъ какъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей путемъ личнаго обаянія. Онъ вернулся оттуда съ пустыми руками и подчинившись отчасти самъ обаянію Наполеона. Тѣмъ не менѣе въ Римѣ, вдали отъ французскаго императора, папа началъ опять ощущать стремленіе къ самостоятельности и независимости. Жеромъ Бонапартъ, вернувшійся въ 1805 году во Францію, раскаялся въ американской своей женитьбѣ и обратился къ папѣ съ просьбой о разводѣ. Наполеонъ поддержалъ эту просьбу, но Пій VII категорически отказался ее выполнить. Въ продолженіи аустерлицкой кампаніи папа соблюдалъ строжайшій нейтралитетъ и не подавалъ французамъ никакого повода къ неудовольствію. Тѣмъ не менѣе, какъ бы въ насмѣшку

надъ сюзеренными правами, на которыя предъявлялъ притязаніе римскій первосвященникъ, Бернадоттъ былъ провозглашенъ княземъ Понте-Корво, а Талейранъ—княземъ Беневентскимъ. Кромѣ того, французскія войска заняли Анкону и остались въ ней подъ тѣмъ предлогомъ, что папа, въ качествѣ свѣтскаго государя, не обладаетъ могуществомъ, достаточнымъ для защиты этого города отъ еретиковъ и нехристей (англичанъ и турокъ). Непосредственно затѣмъ папскому правительству предписано было закрыть римскіе порты для всѣхъ враговъ Франціи.

Супруга итальянскаго вице-короля Августа-Амелія баварская.

Съ картины Жерара въ Версальскомъ музеѣ.

Послѣ всего этого, очевидно, надлежало признать, что папа не въ состояніи имѣть никакой собственной политики. Онъ, безъ сомнѣнія, оставался римскимъ державцемъ, но, съ другой стороны, Наполеонъ, въ качествѣ преемника Карла Великаго, фактически оказывался римскимъ императоромъ, на обязанности котораго лежало защищать Вѣчный городъ отъ всѣхъ враговъ и супостатовъ. Необходимо замѣтить, что свѣтская власть римскихъ первосвященниковъ основывалась на указѣ Карла Великаго, подтверждавшемъ и расширявшемъ владѣтельныя ихъ права на область, дарованную папѣ Пепиномъ Короткимъ. Утверждаютъ, будто аустерлицкій побѣдитель и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ короноваться въ Римѣ и возложить на себя титулъ Западнаго императора, но отказался отъ

этого проекта, узнавъ о готовности кардиналовъ принять скорѣе мученическую смерть, чѣмъ согласиться на такое униженіе папской власти. Во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно требовалъ, чтобъ папа призналъ его римскимъ императоромъ и, сверхъ того, изгналъ изъ своей области всѣхъ русскихъ, англійскихъ и сардинскихъ подданныхъ. Пій VII, въ свою очередь, ссылался на то, что провозглашеніе Наполеона римскимъ императоромъ окончательно подорветъ всюду за-границей авторитетъ римскаго первосвященника и добился во всякомъ случаѣ отсрочки на два года, отставивъ отъ должности своего статсъ-секретаря, стоявшаго во главѣ оппозиціи, враждебной французамъ.

Наполеонъ не особенно дорожилъ титуломъ Западнаго императора и считалъ во всякомъ случаѣ несравненно для себя важнѣе дѣйствительные факты. Дальнѣйшимъ шагомъ къ созданію таковыхъ было превращеніе Голландіи въ монархію съ королемъ изъ наполеоновской династіи. Луи Бонапартъ, удостоившійся помилованія, состоялъ генералъ-губернаторомъ въ Піемонтѣ, но передъ тѣмъ онъ жилъ нѣкоторое время въ Батавской республикѣ, которую долженъ былъ защищать отъ всякихъ посягательствъ со стороны англичанъ и шведовъ. Надежный сторонникъ Наполеона, Шиммельпеннинкъ, все еще состоялъ великимъ пансіонеромъ республики. Достаточно было, поэтому, одного намека со стороны французскаго императора, чтобы прибыла въ Парижъ депутація голландскихъ сановниковъ для обсужденія вопроса о пересмотрѣ конституціи, Наполеонъ въ личномъ свиданіи съ ея президентомъ Вергюелемъ, изъявилъ намѣреніе дать голландцамъ короля, въ лицѣ своего брата принца Луи, объяснивъ, что въ противномъ случаѣ, не въ состояніи будетъ, при заключеніи мира, возвратить Голландіи утраченныя ею колоніи. Относительно религіознаго вопроса Наполеонъ замѣтилъ, что новый король останется при своемъ прежнемъ вѣроисповѣданіи, но что это же право будетъ предоставлено всему населенію его королевства. Конституція республики во всѣхъ остальныхъ ея статьяхъ останется безъ измѣненія. Делегаты протестовали, ссылаясь на договоры 1795 и 1803 года, но императоръ категорически объявилъ, что имъ предоставляется выборъ между провозглашеніемъ его брата королемъ, или же присоединеніемъ къ Франціи. Раздоры между партіями, вялость патріотическаго чувства и нежеланіе рисковать матеріальнымъ благосостояніемъ оказались настолько могущественными, что побудили голландцевъ безъ дальнѣйшихъ возраженій подчиниться волѣ Западнаго императора. 24-го мая 1806 года „высокіе и могущественные штаты“ перестали существовать, а съ 5-го іюня, число великихъ вассаловъ имперіи увеличилось новымъ королемъ, вовсе не добивавшимся такой чести. Германія преклонялась передъ волею Наполеона почти также раболѣпно, какъ Италія и Голландія. Уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ Наполеонъ велъ переговоры съ курфюрстами баварскимъ и виртембергскимъ о брачныхъ союзахъ между ихъ дѣтьми и нѣкоторыми изъ членовъ его фамиліи. До Аустерлица эти переговоры не приводили къ желаемому результату. Необходимо

замѣтить, что съ годами религіозныя убѣжденія Наполеона, являвшіяся всегда довольно туманными и неопредѣленными, перешли въ деизмъ, отличавшійся, вообще говоря, мягкостью и терпимостью. Тѣмъ не менѣе, дней черезъ десять послѣ Аустерлица, французскій императоръ, не смотря на множество хлопотъ, улучилъ время написать строгій выговоръ одному изъ членовъ Института за изданіе книгъ атеистическаго направленія. Какъ бы ни было, правовѣрный католицизмъ западнаго христіанства и санкціонируемые этимъ вѣроисповѣданіемъ принципы нравственности представлялись Наполеону существенно важнымъ соціальнымъ явленіемъ, которое надлежало ограждать отъ подрывавшаго его атеизма. Кромѣ того, внѣшнее уваженіе къ католицизму послужило Наполеону могущественнымъ рычагомъ для достиженія честолюбивыхъ его цѣлей и въ Италіи, и во Франціи. Дѣйствуя въ собственныхъ своихъ интересахъ, Бонапартъ заключилъ во Франціи союзъ между государствомъ и церковью, оказавшійся до такой степени удовлетворительнымъ и прочнымъ, что онъ сохранился до настоящаго времени, не смотря на политическія перемѣны, успѣвшія съ тѣхъ поръ произойти во Франціи. Наполеонъ рѣшилъ воспользоваться тѣмъ же самымъ рычагомъ для окончательнаго ниспроверженія прежней политической системы въ Германіи. Въ числѣ другихъ жалобъ, предъявленныхъ имъ папѣ, указывалось также и на прискорбную неурядицу въ германско-нѣмецкой католической церкви. Многіе изъ вѣрующихъ католиковъ въ южной и средней Германіи охотно занимались обсужденіемъ этой темы. Что касается до простонародья, то его давно объявляли жертвою многовѣковой и одряхлѣвшей уже тиранніи. Французскіе генералы такъ тщательно старались внушить народнымъ массамъ увѣренность въ этомъ, что народъ, повѣривъ завоевателямъ, сталъ и въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на своихъ державцевъ, какъ на безпомощныхъ тирановъ. Такому воззрѣнію содѣйствовало въ значительной степени то обстоятельство, что мелкіе германскіе духовные и свѣтскіе государи были въ большинствѣ случаевъ не только корыстолюбивыми деспотами, но и развратниками. Какъ религіозное, такъ и нравственное чувство стояло у нихъ на весьма низкомъ уровнѣ. Болѣе вліятельные изъ южно-германскихъ государей въ 1806 году были, безъ сомнѣнія, люди неглупые и обладавшіе извѣстнымъ тактомъ, но, при всемъ томъ, когда Баварія Виртембергъ и Баденъ расширили, благодаря французамъ, свои границы, и освободились отъ подчиненія Австріи, какъ государи, такъ и управляемые ими народы почувствовали себя до такой степени обязанными Наполеону, что не поняли истиннаго значенія совершившагося факта перехода сюзеренныхъ правъ надъ ними отъ Австріи къ Франціи, или же не сочли для себя позоромъ стать въ вассальныя отношенія къ облагодѣтельствовавшему ихъ французскому императору. Эти якобы самостоятельные монархи дѣлали по временамъ легкія попытки проявить свою независимость, которыя, однако, такъ часто приводили къ полученію изъ Парижа оффиціальныхъ нотъ, гдѣ можно было прочесть между строкъ, что упомянутые государи сидятъ на престолахъ единственно лишь въ

качествѣ членовъ французской имперской системы, что такія попытки вскорѣ совершенно прекратились. Черезъ шесть недѣль послѣ Аустерлица баварскій курфюрстъ Максъ Іосифъ, уступая давнишнему желанію императрицы Жозефины, выдалъ за итальянскаго вице-короля Евгенія свою дочь Августу, хотя она была уже помолвлена за наслѣднаго баденскаго принца. Вскорѣ послѣ того, двоюродная сестра вицекороля, Стефанія, состоявшая съ Наполеономъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя вызывали скандалъ даже въ самомъ Парижѣ, вышла замужъ за бывшаго жениха Августы. Годъ спустя, принцъ Жеромъ, который, въ награду за послушаніе, удостоился быстраго производства въ морскомъ вѣдомствѣ и которому суждено было вскорѣ сдѣлаться королемъ вестфальскимъ, вступилъ, не смотря на строгіе законы католической церкви противъ двоеженства, въ бракъ съ принцессой Екатериной, дочерью виртембергскаго короля Фридриха. Оба новыя королевства были такимъ образомъ соединены съ французской имперіей узами брака. Не смотря на то, что брачные союзы съ царствующими домами были пріятны личной и семейной гордости императора Наполеона, они были направлены прежде всего къ поддержанію его новой имперской политики. Въ нихъ, собственно говоря, не заключалось ничего такого, что могло бы встревожить Англію и вызвать ее изъ состоянія сравнительнаго бездѣйствія, въ какое она впала послѣ трафальгарской побѣды. Точно также они не могли особенно сильно раздражить Пруссію. Эта умѣренность являлась, однако, лишь кажущеюся. Какъ разъ въ это самое время французскій Юпитеръ заботился объ изготовленіи новой молніи, которая, при надлежащемъ ею пользованіи, должна была поставить Пруссію въ вассальныя къ нему отношенія. Существовала даже нѣкоторая надежда, что и Англія окажется вынужденной смирить свою гордыню. По возвращеніи прусскаго посла Гаугвица изъ Шенбрунна въ Берлинъ, союзный договоръ съ Франціей, который онъ счелъ нужнымъ заключить, не былъ одобренъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ требовалъ существеннаго измѣненія условій этого договора и, давъ Гаугвицу соотвѣтственныя инструкціи, отправилъ его въ Парижъ хлопотать о принятіи означенныхъ требованій. Императоръ радушно встрѣтилъ прусскаго уполномоченнаго, казалось, готовъ былъ согласиться на измѣненія, предложенныя Фридрихомъ Вильгельмомъ, который хотѣлъ присоединить къ Пруссіи, кромѣ Ганновера, также и вольные города: Гамбургъ, Бременъ и Любекъ. Король отчасти побаивался своихъ подданныхъ и не смѣлъ удовлетвориться однимъ Ганноверомъ за предшествовавшія территоріальныя утраты на лѣвомъ берегу Рейна и новыя уступки, которыя пришлось сдѣлать Франціи послѣ Аустерлица. Въ это время, однако, назначеніе Фокса статсъ-секретаремъ мгновенно вскружило Наполеону голову. Разъ, что одинъ великій либералъ стоитъ у кормила правленія Англіи, а другой—самодержавно управляетъ Франціей, они вдвоемъ могутъ измѣнить по собственному усмотрѣнію карту не только Европы, но и всего земнаго шара.

Пылкое воображеніе Наполеона нарисовало ему перспективу немедленнаго же заключенія мира съ Англіей. Одно мгновеніе французскій императоръ помышлялъ объ умѣстности сохранить за собою Ганноверъ, дабы возвратить его, вслучаѣ надобности, королю Георгу и, сверхъ того, у него явилась мысль вмѣсто того, чтобы покупать миръ, принудить къ нему врага силою. Слѣдствіе этого Пруссіи были предложены еще болѣе суровыя условія территоріальнаго обмѣна, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей было предъявлено требованіе присоединиться къ континентальной системѣ, наложивъ амбарго на англійскія суда. Гаугвицъ, давно уже державшій въ Берлинѣ сторону Франціи, неосмѣлился привезти самъ къ королю проектъ новаго договора, а послалъ его туда съ прусскимъ посланникомъ во Франціи маркизомъ Луччезини. Король Фридрихъ-Вильгельмъ окончательно пришелъ въ отчаяніе, но уступилъ. По желанію Наполеона, онъ даже уволилъ въ отставку своего перваго министра Гарденберга, являвшагося представителемъ національнаго достоинства прусскаго народа. Недавно еще столь гордая Пруссія оказывалась теперь униженной и запуганной. Народъ прислушивался, ошеломленный отъ изумленія, къ оскорбительнымъ про него отзывамъ, печатавшимся въ парижскомъ „Moniteur“, и словно не вѣрилъ своимъ ушамъ. Тѣмъ временемъ Фридрихъ-Вильгельмъ 9-го марта 1806 года подписалъ договоръ, который, предоставляя Пруссіи Ганноверъ, фактически упразднялъ ея независимость. Оккупація Ганновера должна была сама собою

Великая герцогиня Баденская Стефанія-Луиза-Адріенна.
Съ картины Жерара въ Версальскомъ музеѣ.

вызвать вражду Англіи и три мѣсяца спустя, а именно 11-го іюня, Фоксъ объявилъ Пруссіи войну. Французскій императоръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свои обязательства передъ прусскимъ королемъ, относился къ нимъ съ такимъ пренебреженіемъ, что какъ разъ тогда же велъ переговоры о возвращеніи Ганноверскаго курфюршества наслѣдственному его государю Георгу III англійскому, если только Великобританія заключитъ съ Франціей миръ.

Фоксъ, никогда не скрывавшій своего восхищенія Наполеономъ, воспользовался представившимся ему случаемъ вступить въ открытыя сношенія съ французскимъ правительствомъ, доведя до его свѣдѣнія слухъ о заговорѣ, составившемся съ цѣлью умертвить императора. Его авансы были встрѣчены очень сочувственно, и англійскому министерству дано было понять, что Наполеонъ охотно заключилъ бы міръ на условіяхъ Аміенскаго трактата. Переговоры о мирѣ начались чрезъ посредство лорда Ярмоузса, одного изъ путешественниковъ, задержанныхъ во Франціи въ качествѣ репрессалій за противузаконный захватъ французскихъ торговыхъ судовъ англичанами при объявленіи войны. Талейранъ обѣщалъ Англіи всё, что она только пожелаетъ, включая сюда возвращеніе Ганновера Георгу III и примѣненіе принципа „uti possidetis“, иначе сказать, Англіи предоставлялось удержать за собой Мальту и завоеванныя колоніи, а Бурбоны, изгнанные изъ Неаполя, сохраняли за собою островъ Сицилію. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ не соглашался, однако, на то, чтобы переговоры о мирѣ велись одновременно также и съ Россіей. Съ этими повидимому благопріятными мирными предложеніями Ярмоузсъ отправился въ Лондонъ.

За нѣсколько времени уже передъ тѣмъ начаты были сепаратные переговоры съ Россіей черезъ посредство присланнаго для этой цѣли въ Парижъ спеціальнаго, уполномоченнаго, Убриля. Выполняя инструкціи своего монарха, Убриль далъ понять Талейрану, что Россія не желаетъ договариваться о мирѣ совмѣстно съ Англіей. Русское правительство не было расположено связывать на Востокѣ свою политику хотя бы даже временнымъ союзомъ съ естественной своей соперницей. Это было какъ нельзя болѣе на руку Наполеону, извлекшему слишкомъ много выгодъ изъ сепаратныхъ мирныхъ договоровъ для того, чтобы не цѣнить ихъ по достоинству. Новый русскій посолъ оказался вскорѣ въ рукахъ Талейрана мягкимъ какъ воскъ. Изумительные успѣхи, которыми такъ часто увѣнчивалась дипломатія и стратегія Наполеона, обусловливались сплошь и рядомъ поразительными неожиданностями, которыя онъ подготовлялъ своимъ противникамъ. Подобный сюрпризъ имѣлся у него въ данномъ случаѣ наготовѣ. Едва только успѣлъ Ярмоузсъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ вернуться въ Парижъ, какъ французское правительство начало по немногу отказываться отъ своихъ предложеній. Такъ оно объявило, что король Іосифъ не можетъ обойтись безъ Сициліи и что единственнымъ возможнымъ вознагражденіемъ для неаполитанскихъ Бурбоновъ могло бы служить

образованіе для нихъ новаго государства гдѣ-нибудь въ Германіи изъ вольныхъ городовъ. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ Ярмоузсъ благодушной своей уступчивостью являлся какъ бы воплощеніемъ мирной политики англійскаго министерства, Убриль согласился на такой договоръ между Россіей и Франціей, какой представлялся желательнымъ Наполеону. Тогда именно и была пущена въ дѣло молнія, которую до тѣхъ поръ французскій Юпитеръ тщательно скрывалъ. Въ качествѣ совершившагося уже факта было обнародовано объ учрежденіи въ самомъ сердцѣ Европы Рейнскаго союза, являвшагося новой великой державой, находящейся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Это былъ самый смѣлый изъ всѣхъ дерзновенныхъ проектовъ Наполеона. Онъ наносилъ жестокій ударъ Пруссіи и почти столь же страшный ударъ Англіи.

Дѣйствительно, учрежденіе Рейнскаго союза не только существенно измѣняло карту Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляло до крайности на ея материкѣ вліяніе Англіи, навсегда нейтрализовало могущество Австріи и Пруссіи и совершенно вытѣсняло Россію съ арены западно-европейской политики. Средства, къ которымъ прибѣгнулъ Наполеонъ для достиженія столь грандіозной цѣли, обнаруживали въ немъ до чрезвычайности ловкаго интригана.

Среди германскихъ державцевъ, усиливавшихъ своимъ присутствіемъ блескъ коронованія Наполеона. находился также майнцскій курфюрстъ, архіепископъ Дальбергъ, единственный изъ духовныхъ имперскихъ князей, владѣнія котораго не подверглись секуляризаціи, вызванной Люневилльскимъ договоромъ. Въ Парижѣ его очень обласкали и, благодаря этому, у него родилась честолюбивая мысль обезпечить собственными силами германской церкви единство и устойчивость, которыя признавались до такой степени желательными и папой и императоромъ. Архіепископъ этотъ, происходившій изъ древней дворянской фамиліи, дѣйствительно съумѣлъ стать во главѣ движенія, широко раскинувшагося между католиками западной и средней Германіи, желавшими возвратить своей церкви на родинѣ вліятельное положеніе и въ то же время обезпечить ее приблизительно такимъ-же способомъ, какъ это было сдѣлано уже во Франціи, благодаря конкордату. Уже въ продолженіи нѣкотораго времени, а именно съ 1804-го года, когда Дальбергъ имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ и Талейраномъ, онъ былъ вполнѣ ознакомленъ съ завѣтными ихъ желаніями.

Правители Франціи въ теченіе болѣе вѣка стремились образовать между французской территоріей и владѣніями крупныхъ германскихъ державъ, т. е. Пруссіи и Австріи, поясъ изъ небольшихъ государствъ, который могъ бы служить оплотомъ противъ внѣшняго врага, а вмѣстѣ съ тѣмъ ареной для расширенія французскаго вліянія. Осуществленіе этого проекта представлялось Наполеону въ данный моментъ необходимымъ. Пользуясь уступчивымъ настроеніемъ, вызваннымъ въ Европѣ громами Аустерлица, онъ тотчасъ же принялся за дѣло. Пію VII онъ объяснилъ, что

если папскій авторитетъ недостаточенъ для возстановленія порядка въ хаосѣ германской католической церкви, то онъ возложитъ этотъ трудъ на Дальберга, какъ примаса. Майнцскій архіепископъ охотно согласился принять на себя такое порученіе и, уже въ собственныхъ своихъ интересахъ, заявилъ французскому послу о желательности, для пользы католицизма, возстановить имперію Карла Великаго, соединивъ подъ властью Наполеона Италію, Германію и Францію.

Увѣренный въ раболѣпномъ повиновеніи Баваріи, Виртемберга и Бадена, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитывая на доброжелательство католическаго населенія многочисленныхъ еще западногерманскихъ мелкихъ государствъ, французскій императоръ составилъ проектъ организаціи Рейнскаго союза, въ который должны были войти, въ качествѣ членовъ, упомянутыя уже три сравнительно крупныя державы и нѣсколько новыхъ государствъ, которыя предполагалось составить путемъ медіатизаціи большинства уцѣлѣвшихъ еще мелкихъ государствъ. Эти послѣднія должны были, разумѣется, утратить свою самостоятельность и слиться въ болѣе крупные государственные организмы. Какъ только распространился слухъ объ этомъ проектѣ, къ Талейрану сейчасъ же явились агенты отъ двадцати четырехъ мелкихъ державцевъ, престоламъ которыхъ угрожала гибель вслучаѣ осуществленія упомянутой комбинаціи. Они, разумѣется, явились не съ пустыми руками, такъ что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ возможность изрядно наполнить свои сундуки полученными отъ нихъ взятками. Не смотря на это, когда документъ объ организаціи Рейнскаго союза былъ законченъ и скрѣпленъ надлежащими подписями, выяснилось, что лишь немногія изъ мелкихъ княжествъ и графствъ избѣгли медіатизаціи. Изенбургъ, Аренбергъ, Лихтенштейнъ, Сальмъ, Гогенцоллернъ и Фонъ-деръ-Лейенъ, вслѣдствіе различныхъ соображеній, остались на положеніи самостоятельныхъ государствъ. Всѣ остальныя мелкія владѣнія вышли изъ непосредственной зависимости отъ германской имперіи и были присоединены къ владѣніямъ государей, вошедшихъ въ составъ Рейнскаго союза, причемъ прежнимъ ихъ державцамъ оставлено было только наслѣдственное и личное ихъ имущество. Дружественные Пруссіи курфюрсты Гессенъ-Кассельскій и Саксонскій не были включены въ Рейнскій союзъ.

Членами новаго федеративнаго организма, признавшаго надъ собою „протекторатъ“ французскаго императора, являлись Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Нассау, Гессенъ-Дармштадтъ, городъ Франкфуртъ съ своимъ округомъ, шесть вышеупомянутыхъ княжествъ и графствъ и, наконецъ, новое государство: великое герцогство Клевско-Бергское, созданное для Мюрата,— новаго монарха наполеоновской династіи, вступившаго на престолъ подъ именемъ Іоахима I. Всѣ эти государи объявили себя членами федераціи, независимой отъ Пруссіи и Австріи, но состоящей подъ протекторатомъ французской имперіи. Наполеону предоставлялось право присоединять къ союзу новыхъ членовъ, назначить примаса, и, что всего важнѣе, имѣть верховный конт-

роль надъ вооруженными силами союза. Это непосредственно слѣдовало изъ статьи союзнаго договора, въ которой заявлялось, что если одна изъ державъ-подписательницъ вовлечена будетъ въ войну на материкѣ Европы, то всѣ остальныя державы, соединенныя съ нею договоромъ, должны оказать ей въ этой войнѣ содѣйствіе. Баварія обязалась выставить 30.000 армію, Виртембергъ—12.000, Баденъ—8.000, Дармштадтъ—4.000, Бергъ—5.000, Нассау и прочія мелкія государства—4.000 вооруженныхъ. Это соглашеніе, по которому 63.000 солдатъ присоединялись къ французскимъ арміямъ, было удостоено наименованіемъ союза.

Декретъ объ организаціи Рейнскаго союза обнародовали 12 іюля 1806 года, а 1 августа сообщено было сейму, засѣдавшему въ Регенсбургѣ, что германская имперія перестала существовать. 6-го августа императору Францу, провозгласившему себя еще въ 1804 году наслѣдственнымъ австрійскимъ императоромъ, осталось только объявить, что онъ слагаетъ съ себя германскую корону. Замѣтимъ, что въ 1797 году, во время Раштаттскаго конгресса, Бонапартъ сказалъ: „Еслибъ германская имперія не существовала, то намъ слѣдовало бы ее создать“. Этотъ нелѣпый расшатанный пережитокъ средневѣковаго феодальнаго строя дѣйствительно являлся въ рукахъ Наполеона могущественнымъ оружіемъ. Рознь, которую старался еще Ришелье сѣять въ Германіи и которая была санкціонирована Вестфальскимъ трактатомъ, принесла ожидаемые плоды. Наполеону удалось временно ими воспользоваться. Плоды эти не пошли, однако, Франціи въ прокъ. Самому Наполеону пришлось испить горькую чашу возмездія, а затѣмъ, менѣе чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ спустя, Франція должна была преклониться передъ возродившеюся вновь германской имперіей. Путь къ истинному національному объединенію Германіи былъ проложенъ именно Наполеономъ I. Презрительное его отношеніе къ мелочнымъ мѣстнымъ интересамъ и безцеремонное нарушеніе узъ вѣрноподданичества, соединявшихъ населеніе мелкихъ германскихъ государствъ съ царствовавшими ихъ династіями, оказалось на самомъ дѣлѣ благодѣтельнымъ для Германіи.

Подъ предлогомъ необходимости упрочить сообщенія съ новымъ союзнымъ государствомъ, Наполеонъ впервые занялъ постояннымъ французскимъ гарнизономъ укрѣпленный пунктъ на лѣвомъ берегу Рейна. Для этого онъ избралъ крѣпость Везель въ великомъ герцогствѣ Клевскомъ. Само собой разумѣется, что онъ при этомъ торжественно объявилъ о нежеланіи распространять границы Франціи за Рейнъ. Въ буквальномъ смыслѣ слова это было, безъ сомнѣнія, вѣрно, такъ какъ французская имперія и Франція оказывались далеко не однимъ и тѣмъ же. Воззрѣнія Наполеона на международное право выяснились какъ нельзя лучше при дальнѣйшихъ его переговорахъ съ Ярмоузсомъ, которому въ помощники приданъ былъ лордъ Лаудердаль. Ввиду чрезмѣрной уступчивости, которую выказывалъ Ярмоузсъ, Фоксъ поручилъ Лаудердалю непреклонно настаивать на сохраненіи въ Европѣ прежняго политико-географическаго распредѣленія. Наполеонъ,

въ свою очередь, не колеблясь предлагалъ Англіи, взамѣнъ Сициліи, Албанію, Рагузу или же Балеарскіе острова. Иными словами, онъ откровенно объявлялъ, что идея о территоріальной неприкосновенности любого государства представляется ему смѣшной и устарѣлой, если только это государство не можетъ отстаивать свои права силою оружія. Ганноверъ перешелъ къ Пруссіи вслѣдствіе завоеванія его французами и послѣдовавшей затѣмъ передачи по договору. Вольные имперскіе города являлись независимыми государствами. Албанія принадлежала Турціи. Рагуза пользовалась номинальной независимостью подъ австрійскимъ протекторатомъ, а Балеарскіе острова были подвластны Испаніи, но тѣмъ не менѣе Наполеонъ предлагалъ ихъ англичанамъ, точно все это составляло его собственность.

Русское правительство держалось тогда, сколько можно судить, приблизительно такихъ же воззрѣній на международное право. Видя замыслы восточной своей политики скомпрометированными Пресбургскимъ договоромъ, оно вывело свои войска изъ неаполитанскихъ владѣній, чтобы сильнѣе укрѣпиться на островѣ Корфу, и заняла Бокку ди-Каттаро, въ качествѣ передового поста. Необходимо замѣтить, что хотя Бокка-ди-Каттаро на самомъ дѣлѣ и пользовалась самоуправленіемъ, Наполеонъ считалъ ее принадлежащей къ Далмаціи, а эта область отходила къ итальянскому королевству вмѣстѣ съ прочими бывшими венеціанскими владѣніями. Открыто враждебный поступокъ русскаго правительства довершилъ негодованіе, которое возбудилъ у Наполеона категорическій отказъ императора Александра подписать договоръ съ Франціей, привезенный ему Убрилемъ. Императоръ Наполеонъ далъ знать поэтому австрійскому императору Францу, что французская армія не очиститъ крѣпости Браунау до тѣхъ поръ, пока Австрія не выполнитъ своихъ обязательствъ и не передастъ Далмацію цѣликомъ итальянскому королевству. Ввиду всего этого французская армія не была выведена за Рейнъ, а продолжала занимать Швабію, Франконію и всю южную Германію. Фактъ этотъ обезпечивалъ существованіе Рейнскаго союза и приводилъ Пруссію въ совершенно безпомощное состояніе. Несомнѣнно, что онъ вмѣстѣ со многими другими причинами вызвалъ прекращеніе переговоровъ съ Англіей. Лордъ Лаудердаль поставилъ ультиматумомъ отреченіе неаполитанскаго королевства отъ Сициліи и, когда ему было въ этомъ отказано, потребовалъ 9-го августа свои паспорты. Фоксъ къ тому времени успѣлъ уже убѣдиться въ невозможности прочнаго мира съ французской имперіей, оцѣнивъ, наконецъ, по достоинству ненасытно-алчную и задорную политику Наполеона. Кабинетъ всѣхъ талантовъ вынужденъ былъ принять программу Питта во всѣхъ ея подробностяхъ. Самъ Фоксъ жилъ послѣ того недолго и съ іюня мѣсяца не появлялся болѣе въ парламентѣ, но оставался до самой смерти убѣжденнымъ энергическимъ сторонникомъ политики, которую такъ ожесточенно порицалъ у своего предшественника. Кончина Фокса, послѣдовавшая 13-го сентября, нисколько не из-

мѣнила общеполитическаго положенія Англіи. Коалиція, распавшаяся подъ Аустерлицомъ, была скрѣплена осенью въ томъ же году, по крайней мѣрѣ, между двумя изъ прежнихъ ея членовъ. На этотъ разъ къ Англіи и Россіи должна была примкнуть уже не Австрія, истощенная войнами, но ея соперница, Пруссія, которой до тѣхъ поръ удалось, благодаря эгоистической политикѣ нейтралитета, сохранить въ цѣлости боевыя свои силы.

Дѣятельность Наполеона, какъ императора.

Вернувшись въ Парижъ 27-го января 1806 года, Наполеонъ тотчасъ же сложилъ съ себя роль полководца, отрѣшился отъ спеціально-военныхъ занятій и началъ играть излюбленную свою роль императора. Въ день новаго года республиканскій календарь пересталъ существовать, такъ что у бывшаго якобинца исчезло даже и это воспоминаніе о прошломъ. Наполеонъ началъ уже къ этому времени полнѣть, а потому имѣлъ въ императорскомъ костюмѣ сравнительно болѣе величественный видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ держать себя неприступнѣе по отношенію къ простымъ смертнымъ. Великій корсиканецъ принялся подражать древнимъ восточнымъ завоевателямъ, которые, подобно ему, вышли изъ народа и поднялись до головокружительной высоты. Эти узурпаторы и завоеватели окружали себя таинственностью и отгораживались отъ простыхъ смертныхъ нѣсколькими послѣдовательными рядами придворныхъ. Наполеонъ, быть можетъ, даже превзошелъ ихъ въ этомъ отношеніи. Ближе всего къ нему стояли царственные его вассалы: короли, великіе герцоги и другіе государи, какъ бы присутствовавшіе при его дворѣ чрезъ посредство своихъ представителей. За ними слѣдовали присутствовавшіе лично во всемъ своемъ блескѣ новопожалованные почетные князья и герцоги. Князей было лишь трое: Беневентскій, Понте-Корво и Невшательскій (Талейранъ, Бернадоттъ и Бертье), герцоговъ же насчитывалось цѣлыхъ двадцать. Все это были маршалы, или же высшіе государственные сановники. Нѣкоторые изъ представителей стариннаго дворянства продолжали съ презрительной улыбкой смотрѣть на новую аристократію изъ бывшихъ республиканцевъ и якобинцевъ, возвысившихся, благодаря прирожденному дарованію къ военному дѣлу, политикѣ, или же биржевымъ операціямъ, а затѣмъ, по свойственной людямъ слабости, напялившимъ на себя костюмы и ордена, заимствованные изъ феодальнаго строя, съ которымъ они лично не имѣли ничего общаго. Тѣмъ не менѣе многія изъ самыхъ старинныхъ, знаменитѣйшихъ аристократическихъ фамилій, представители которыхъ принадлежали къ числу наиболѣе способныхъ и вліятельныхъ прежнихъ дворянъ, поспѣшили заручиться должностями при императорскомъ дворѣ, гдѣ ихъ присутствіе признавалось какъ нельзя болѣе желательнымъ. Этикетъ при этомъ дворѣ считался предметомъ первостепенной важности и выработался до такой искусственной тонкости, которая уже сама по себѣ свидѣтельствовала о неестественности его

для тѣхъ, кому приходилось его примѣнять. Кто-то очень остроумно замѣтилъ, что въ Тюльерійскомъ дворцѣ рѣшительно все двигалось подъ барабанный бой. Каждый изъ новопожалованныхъ князей и герцоговъ обзавелся своимъ собственнымъ придворнымъ штатомъ. Обладая значительнымъ ежегоднымъ доходомъ и наслѣдственными должностями, всѣ они обнаруживали значительную степень самомнѣнія, высокомѣрія и упрямства, являвшимися дурнымъ предзнаменованіемъ для императора, который разсчитывалъ по прежнему на беззавѣтную ихъ преданность и покорность его волѣ.

За этой непроницаемой ширмой императоръ продолжалъ работать съ большей чѣмъ когда-либо быстротой и энергіей. При всемъ томъ онъ находилъ, что трудится еще недостаточно, а потому все болѣе урѣзывалъ часы, предназначавшіеся для отдыха и развлеченія, такъ что, наконецъ, утратилъ какъ-будто даже способность къ удовольствіямъ и находилъ себѣ успокоеніе лишь въ трудѣ. Парижъ былъ преисполненъ вѣрноподданническаго восторга. Изъ сената, отъ трибуновъ и представителей печати, однимъ словомъ, рѣшительно отовсюду, исходили предложенія увѣнчать Наполеона Великаго тріумфомъ,—воздвигнуть ему статую, или вообще оказать ему самыя необычайныя почести. Духовенство соперничало въ этомъ отношеніи съ мірянами. Между прочимъ, одинъ изъ епископовъ объявилъ Наполеона избранникомъ Божіимъ, свыше предназначеннымъ возстановить благочестіе и вести народъ къ спасенію. Другой епископъ высказалъ убѣжденіе въ томъ, что великое событіе, случившееся въ годовщину помазанія императора на царство, придаетъ этому монарху божественный характеръ. Парижскій кардиналъ-архіепископъ громко воскликналъ: „Боже Маренгской битвы! Ты показалъ себя также Богомъ Аустерлица! Ты покаралъ орловъ германскаго и русскаго, и оба они стали добычею французскаго орла, которому ты явно покровительствовалъ“. Вскорѣ начали повсемѣстно называть Наполеона избранникомъ Божіимъ,—помазанникомъ Господа, а иногда давать ему даже титулъ „его преосвященнѣйшаго величества“.

Все это представляло собою хорошо подготовленную почву для радикальныхъ преобразованій. Въ продолженіи цѣлаго уже года Наполеонъ, въ разговорѣ и въ письмахъ, постоянно упоминалъ о своей династіи,—своихъ потомкахъ,—своемъ народѣ. Онъ началъ теперь принимать мѣры къ тому, чтобъ сообщить своему царствованію теократическій характеръ. Принимая во вниманіе собственныя его религіозныя воззрѣнія, мѣры эти представлялись просто возмутительными. Онъ не только выразилъ желаніе, чтобы на знамена съ его императорскими орлами взирали съ религіознымъ благоговѣніемъ, но заканчивалъ свои письма формулою, принятой у самодержавныхъ католическихъ монарховъ: „Молю Бога, да распростретъ Онъ надъ вами Святую Свою охрану“, а въ оффиціальныхъ документахъ началъ именоваться „Наполеонъ, Божіей Милостью, императоръ“. Правда, онъ могъ сослаться на прочихъ европейскихъ монарховъ, титуловавшихъ себя такимъ же образомъ, и утверждать, что слѣдуетъ только ихъ

примѣру. Въ дѣйствительности, однако, французскій императоръ этимъ не ограничился и, совмѣстно съ однимъ угодливымъ прелатомъ, выработалъ катихизисъ, по которому, нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, каждому французскому ребенку пришлось учить наизустъ чисто средневѣковые догматы,—вродѣ того, что Наполеонъ „является орудіемъ могущества Божія и представителемъ Бога на землѣ“,—что „почитая императора и служа ему, подданные его чтятъ Бога и служатъ Всевышнему“ и т. п. Самымъ выдающимся перломъ въ этомъ катихизисѣ была, однако, страшная угроза, которою старались съ величайшей торжественностью застращать питомцевъ всѣхъ французскихъ учебныхъ заведеній. Ихъ увѣряли, что неповиновеніе императору является равнозначущимъ нарушенію повелѣній Божіихъ, а потому подвергаетъ виновнаго адскимъ мукамъ на вѣчныя времена. Извѣстно, что самъ Наполеонъ никогда не признавалъ у себя какой-либо нравственной отвѣтственности, а повидимому руководствовался въ своихъ поступкахъ теоріей, что какимъ родился, такимъ и умретъ, но тѣмъ не менѣе онъ приписывалъ громадное значеніе воспитанію. Говоря о французскомъ университетѣ, онъ объявилъ между прочимъ: „Не можетъ быть устойчивой политики безъ хорошо организованнаго и прочнаго учительскаго персонала“.

Внушая подроставшему поколѣнію упомянутые уже догматы, французскій императоръ не забывалъ также о своихъ современникахъ. Страсть къ литературному творчеству, проявлявшаяся у Наполеона, какъ извѣстно, еще съ дѣтства, сохранилась у него до самой смерти. Ему не удалось совладать съ французскимъ правописаніемъ, но зато онъ выработалъ у себя художественно-лаконическій стиль, которымъ отличается значительная часть объемистой его переписки. Тридцать громадныхъ томовъ переписки Наполеона, обнародованныхъ особой комиссіей во времена второй имперіи, содержатъ большую часть того, что было имъ написано до 1804-го года, но относительно послѣдующихъ годовъ его царствованія страдаютъ крайнею неполнотой. Это въ сущности искусно сдѣланная льстивая выборка, при которой задавались предвзятой цѣлью прославить имя императора и замаскировать его грѣхи. Тѣмъ не менѣе изъ упомянутой переписки и свидѣтельскихъ показаній современниковъ можно составить себѣ явственное понятіе объ изумительной обширности и разнообразіи его трудовъ и занятій.

Прежде всего императоръ дѣятельно хлопоталъ объ арміи, „Донесенія о состояніи моихъ войскъ—говорилъ Наполеонъ—являются для меня пріятнѣйшими литературными произведеніями во всей моей библіотекѣ. Въ часы досуга чтеніе ихъ доставляетъ мнѣ всего болѣе удовольствія“. Онъ такъ внимательно и прилежно занимался чтеніемъ этихъ литературныхъ произведеній, что, не особенно хвастая, могъ, по собственнымъ своимъ словамъ, всегда знать съ точностью до единаго человѣка, сколько именно людей имѣется у него подъ ружьемъ. Въ то время, когда арміи Наполеона были разбросаны чуть не въ половинѣ Европы, онъ лучше

чѣмъ кто-либо изъ служащихъ въ военномъ министерствѣ зналъ, гдѣ именно находится каждый изъ его батальоновъ. Это было, однако, только исходнымъ пунктомъ его дѣятельности по военному вѣдомству, сосредоточивавшейся главнымъ образомъ на заботахъ о снаряженіи и благосостояніи войскъ. Наполеонъ хлопоталъ не только о томъ, чтобъ войска были хорошо обмундированы, снаряжены и вооружены, но придавалъ также важное значеніе снабженію ихъ хорошей пищей, теплымъ помѣщеніемъ и жалованьемъ. Съ обычною своею внимательностью, императоръ провѣрялъ всѣ счета, инвентари, и входилъ въ разсмотрѣніе самыхъ сухихъ мелочныхъ подробностей. Его боевой машинѣ надлежало быть доведенной до совершенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ хотѣлъ имѣть въ этомъ непоколебимую увѣренность. Громадныя контрибуціи, взятыя съ непріятеля за послѣднюю кампанію, были переданы въ военное казначейство на пользу арміи. Наполеонъ поручилъ управленіе этими фондами искуснѣйшему изъ своихъ финансистовъ, Молліену.

Императоръ заботился также и о доставленіи удовольствій своимъ нижнимъ чинамъ. Не смотря на тщательность, съ которою Наполеонъ изучалъ психологическія черты своихъ солдатъ, взятыхъ отдѣльно и въ массѣ, онъ все-таки сдѣлалъ промахъ, предложивъ городу Парижу устроить въ честь возвращавшихся воиновъ бой быковъ по испанскому образцу и битвы между дикими звѣрями. Впрочемъ, онъ понялъ свою ошибку и тотчасъ же отмѣнилъ отданное приказаніе. Дѣло въ томъ, что строгое выполненіе законовъ о конскрипціи почти отождествляло французскую армію съ народомъ. Смягчающее вліяніе воспоминаній о жизни въ семьѣ, никогда непокидавшее конскриптовъ даже во время сраженій и переходовъ, гдѣ они дѣйствовали съ отчетливостью прекрасно организованныхъ механическихъ орудій, воскресало съ могущественной силой по возвращеніи въ отпускъ на родину,—при свиданіи съ матерями и возлюбленными. Ни одинъ полководецъ не владѣлъ до такой степени, какъ Наполеонъ, искуствомъ возбуждать у подчиненныхъ любовь къ своему вождю и чувство воинской чести, но это удавалось ему на войнѣ и наканунѣ сраженія, а не въ мирное время и не среди нормальной сбстановки домашней жизни.

Искусные врачи какъ нельзя лучше сознаютъ взаимную зависимость всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла. Они понимаютъ, что благосостояніе всего тѣла является необходимымъ условіемъ для здоровья каждаго изъ его органовъ въ отдѣльности. Наполеонъ примѣнялъ эту же теорію и къ своей имперіи, причемъ, какъ подобаетъ врачу, заботился прежде всего о надлежащей ліетѣ и пищевареніи. Онъ интересовался французскими государственными финансами на столько же, какъ и своей арміей, и хлопоталъ объ ихъ упорядоченіи съ такой же неутомимой энергіей. Къ сожалѣнію, онъ не былъ по этой части такимъ же выдающимся спеціалистомъ, какъ въ военномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ работалъ и тутъ, не щадя своихъ силъ, и ему дѣйствительно удавалось одолѣвать безконечные ряды цифръ, которыми

онъ стремился, по замѣчанію одного изъ его министровъ, распоряжаться, какъ батальонами. Дѣйствительно, императоръ, какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и повсемѣстно, хотѣлъ все заранѣе предусмотрѣть и предустановить въ малѣйшихъ подробностяхъ. Для этой цѣли онъ велъ обширную неоффиціальную переписку, служившую какъ бы дополненіемъ къ работѣ оффиціальнаго правительственнаго механизма. Между прочимъ онъ имѣлъ свѣдѣнія о положеніи фондоваго рынка, о балансахъ всѣхъ европейскихъ банковъ и о цѣнахъ на всѣ необходимѣйшіе предметы. Если какое-нибудь явленіе представлялось ему непонятнымъ, онъ тотчасъ же обращался за объясненіемъ къ экспертамъ.

Заботы Наполеона о государственныхъ французскихъ финансахъ и пониманіе чрезвычайно важнаго значенія ихъ благоустройства проявляется во всѣхъ его поступкахъ. Прибывъ послѣ Аустерлицкой кампаніи вечеромъ въ Парижъ, онъ ночью же разослалъ министрамъ приказаніе собраться на другой день въ восемь часовъ утра на засѣданіе. Поздравленія министровъ были прерваны сухимъ заявленіемъ императора: „Намъ слѣдуетъ теперь заняться болѣе серьезными дѣлами. Кажется, что государство подвергалось наиболѣе серьезной опасности не со стороны Австріи. Министръ государственнаго казначейства, потрудитесь прочесть вашъ докладъ“. Въ этомъ докладѣ, талантливо составленномъ Барбе-Марбуа, безпощадно излагалось тогдашнее положеніе французскихъ государственныхъ финансовъ: недостаточность государственныхъ доходовъ, продажность чиновниковъ и маневры, къ которымъ приходилось прибѣгать не для предотвращенія паники, фактически уже наступившей, а для того, чтобы отсрочить, хотя на короткое время, полнѣйшій крахъ. Трое изъ числа виновныхъ высшихъ должностныхъ лицъ были тотчасъ же приглашены въ засѣданіе совѣта. Присутствовавшій на этомъ засѣданіи Молліенъ говоритъ, что послѣдовавшую затѣмъ сцену можно сравнить развѣ лишь съ грозою, въ продолженіи которой громовые удары безостановочно сыпались цѣлый часъ съ высоты небесъ. Одинъ изъ виновныхъ залился слезами, другой сдѣлалъ слабую попытку извиниться, третій же не нашелся ничего отвѣтить и слушалъ, словно оцѣпенѣвъ отъ страха. Подъ конецъ императоръ угрожающимъ жестомъ приказалъ имъ всѣмъ удалиться. Засѣданіе совѣта министровъ, продолжавшееся девять часовъ, закончилось лишь въ пять часовъ пополудни.

Когда Барбе-Марбуа, который, будучи самъ безукоризненно честнымъ человѣкомъ, не съумѣлъ добиться того же и отъ своихъ подчиненныхъ, удалился изъ залы засѣданія, императоръ, обращаясь къ Молліану сказалъ: „Вы назначаетесь министромъ казначейства. Розыщите шестьдесятъ милліоновъ, украденныхъ чиновниками. Для завѣдыванія инвалиднымъ капиталомъ, долженствующимъ обезпечить ветерановъ моей арміи, я назначу другое лицо“. Императоръ не слушалъ никакихъ извиненій. Ни тогда, ни впослѣдствіи онъ не могъ сообразить, какимъ образомъ государственные фонды могутъ повышаться, падать, или даже ут-

рачивать всякую цѣнность. Онъ думалъ, что эти фонды должны держаться всегда на одномъ уровнѣ, независимо отъ совершающихся, или ожидаемыхъ событій, и что составленіе ежегоднаго бюджета оказывается безполезной тратой времени и труда. „Вы ни за что меня не увѣрите, что было бы труднѣе управлять маленькимъ уголкомъ Парижа, называемымъ биржею, чѣмъ распоряжаться всею Франціей“,—говорилъ Наполеонъ. Урокъ, который ему пришлось получить, поглотилъ многіе милліоны изъ числа собранной имъ военной контрибуціи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что эти милліоны, своевременно употребленные на покупку падавшихъ государственныхъ фондовъ, на время возстановили пошатнувшееся довѣріе.

Таковы были серьезныя занятія, которымъ посвящалъ себя императоръ въ продолженіи перваго полугодія 1806-го года. Свои досуги за это время онъ употреблялъ главнымъ образомъ на то, чтобъ выживать изъ дворца и столицы обладателей злыхъ языковъ, ѣдкія остроты которыхъ не удалось парализировать инымъ способомъ. Кромѣ того, онъ занимался устройствомъ брачныхъ союзовъ между представителями старинной и новой аристократіи, какъ онъ самъ называлъ своихъ князей и герцоговъ. Рѣчи Наполеона и выраженіе его лица пріобрѣли подъ конецъ такой грозный и внушительный характеръ, что обычныя шуточки и насмѣшки стариннаго дворянства высказывались уже только шепотомъ, за плотно запертыми дверьми аристократическихъ отелей Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Такая осторожность была въ данномъ случаѣ весьма благоразумной, такъ какъ императоръ, въ противуположность охотникамъ много говорить, предпочиталъ дѣйствовать и притомъ самымъ энергическимъ образомъ. Самый знаменитый и остроумный кружокъ во времена консульства и ранняго періода имперіи собирался обыкновенно въ гостиныхъ г-жи Рекамье, жены крупнаго банкира. Богатство ея мужа, утонченное ея воспитаніе и аристократическія манеры сдѣлали г-жу Рекамье очень вліятельной особой среди эмигрантовъ, вернувшихся на родину. Они чрезвычайно льстили ей и ухаживали за нею. Благодаря своему уму и красотѣ, г-жа Рекамье обладала громаднымъ вліяніемъ, но употребляла его не въ пользу Наполеона, котораго считала просто напросто выскочкой. Она была въ дѣйствительности однимъ изъ самыхъ ловкихъ и, вслѣдствіи этого, однимъ изъ самыхъ опасныхъ его враговъ. Онъ пытался чрезъ посредство Фуше купить ея молчаніе, не только предлагая ей мѣсто статсъ-дамы, но также подавая ей надежду имѣть вліяніе на него самого. Упорные отказы г-жи Рекамье согласиться на эту комбинацію вызвали, между прочимъ, также банкротство ея мужа, такъ какъ французскій банкъ отказался его выручить, когда онъ случайно попалъ въ затруднительное положеніе. Она не была близкою пріятельницей г-жи Сталь, хотя эта послѣдняя, по изгнаніи своемъ изъ Парижа, поселила ее въ Сентъ-Экуенѣ. Нельзя отрицать, впрочемъ, что многіе изъ обычныхъ посѣтителей г-жи Рекамье были пріятелями внучки Неккера, „этой негодяйки Сталь“, какъ назвалъ ее Наполеонъ въ письмѣ къ Фуше.

Со времени отъѣзда своего въ Швейцарію она такъ хорошо играла роль изгнанницы, что сдѣлалась для своихъ друзей чѣмъ-то вродѣ предмета обожанія. Они совершали ежегодныя паломничества въ Коппетъ и возвращались оттуда въ гостиныя г-жи Рекамье съ новыми отравленными стрѣлами остроумія, наносившими хотя и не опасныя, но очень болѣзненныя раны наполеоновской имперіи. Подъ конецъ и самоё хозяйку и ея гостей постигло достойное наказаніе по обвиненію въ томъ, что они возбуждали въ обществѣ опасенія и подрывали кредитъ Французскаго банка. Г-жа Рекамье и многіе изъ ея пріятелей были высланы сперва изъ Парижа, а затѣмъ также изъ французскихъ предѣловъ.

Начиная съ 1806-го года французская императорская полиція сдѣлалась еще строже и дѣятельнѣе. Она оказывалась чуть не всевѣдущею и слышала все, что говорилось о государственныхъ дѣлахъ. И высокопоставленнымъ лицамъ, и простолюдинамъ приходилось зачастую дорого разплачиваться за неосторожное слово. Эти полицейскія строгости выяснили старинной аристократіи и дворянству умѣстность прекратить насмѣшки надъ новымъ императорскимъ дворомъ. Подъ вліяніемъ страха многіе аристократы выдали своихъ дочерей замужъ за наполеоновскихъ генераловъ. Изъ числа такихъ браковъ болѣе всего бросалось въ глаза бракосочетаніе Савари, игравшаго такую таинственную роль при казни герцога Энгіенскаго (и замѣшаннаго, какъ полагали, въ таинственныхъ самоубійствахъ Пишегрю и капитана Урайта), съ дѣвицей де-Куаньи, происходившей изъ очень старинной фамиліи и принесшей своему мужу громадное приданое.

Императоръ, въ минуты досуга, охотно занимался также разсматриваніемъ способовъ и средствъ, необходимыхъ для выполненія закона отъ 1-го мая 1802 года объ учрежденіи французскаго университета. Существуетъ довольно правдоподобное предположеніе, что на Наполеона произвела большое впечатлѣніе іезуитская система воспитанія, въ которой всѣ мельчайшія подробности строго подчинены благоусмотрѣнію центральной власти. Замѣнивъ уже въ программахъ училищъ исторію и философію военнымъ искусствомъ, Наполеонъ надѣялся организовать университетъ такъ, чтобы обезпечить императорскому правительству всеподданнѣйшую преданность педагогическаго персонала и всецѣло обратить университетъ въ опору политическаго владычества своей династіи. Болѣе важныя дѣла заставили французскаго императора отложить выполненіе этого проекта до 1810-го года, но тѣмъ не менѣе онъ и передъ тѣмъ достигъ уже въ этомъ направленіи нѣкоторыхъ результатовъ.

Диктаторъ континентальной Европы.

Война съ Пруссіей.—Іена и Ауерштедтъ.—Опустошеніе Пруссіи.—Война съ Россіей. Битва подъ Пултускомъ.—Неудачное для великой арміи сраженіе подъ Прейсишъ-Эйлау.

Война съ Пруссіей.

Изъ всѣхъ государствъ современной Европы Пруссія обладаетъ наиболѣе поучительною исторіей. Государство это было порожденіемъ реформаціи, но, тѣмъ не менѣе, своеобразный характеръ, который она тамъ приняла,—настроеніе умовъ населенія, никогда не выказавшаго склонности къ внутреннему разладу и борьбѣ партій, а также опасность, постоянно грозившая со стороны внѣшнихъ враговъ,—все это предотвратило порожденіе сколько-нибудь настоятельной потребности въ гражданской свободѣ, вызванной въ Англіи гласнымъ обсужденіемъ спорныхъ политическихъ вопросовъ. При такихъ обстоятельствахъ форма правленія въ Пруссіи оказывалась деспотической. Царствовавшая династія придерживалась ученія Кальвина и была проникнута весьма строгимъ сознаніемъ долга. Фридрихъ Вильгельмъ I довелъ систему гражданскаго управленія въ своемъ королевствѣ до изумительной простоты и бережливости, что дозволило ему затратить сравнительно крупныя суммы на организацію и обученіе войска, ставшаго, благодаря этому, самою лучшей изъ всѣхъ тогдашнихъ армій. Талантливый его сынъ, Фридрихъ Великій, воспользовался этой прекрасною боевой машиной для того, чтобъ увеличить прусскую территорію на 75,000 англійскихъ квадратныхъ миль. Слѣдуя системѣ управленія своего отца, онъ, умирая, оставилъ Пруссію не только безъ государственнаго долга, но съ запаснымъ фондомъ въ 60 милліоновъ талеровъ въ казначействѣ и съ значительно увеличившимися государственными доходами.

Наполеонъ въ мундирѣ члена Института.

Его племянникъ и преемникъ Фридрихъ Вильгельмъ II, при всей своей слабохарактерности, былъ тоже деспотомъ. Въ его царствованіе процвѣтала вредная, во всѣхъ отношеніяхъ, система управленія государствомъ чрезъ посредство неотвѣтственнаго кабинета, грозившая подавить или же окончательно уничтожить интеллектуальную и религіозную свободу. Позорной своей угодливостью передъ Австріей, прусскій король добился предоставленія ему нѣкоторой доли въ двухъ послѣдовательныхъ раздѣлахъ Польши, но, тѣмъ не менѣе, при его кончинѣ въ 1797 году, прусскій народъ находился въ состояніи глубокой апатіи, государство

оказывалось въ долгу, армія же была дезорганизована. Благодѣтельное вліяніе новыхъ идей и новыхъ импульсовъ временно проявилось въ возрожденіи патріотизма, преимущественно среди высшихъ классовъ населенія, но вскорѣ и у нихъ эта вспышка угасла. Фридрихъ Вильгельмъ III былъ хорошимъ гражданиномъ, но плохимъ королемъ. Унаслѣдовавъ внѣшнюю политику нейтралитета, онъ упорно ея придерживался, а вмѣстѣ съ тѣмъ окружилъ себя совѣтниками, сохранившими всѣ дурныя традиціи кабинетнаго управленія и надменную замкнутость сословной гордости. Королевскій дворъ, являвшійся ареной борьбы между партіями, интриговавшими другъ противъ друга, утратилъ бы всякое соприкосновеніе съ народомъ, еслибъ его не спасло отъ этого одно обстоятельство, о которомъ будетъ въ свое время вкратцѣ упомянуто. Уклоняясь отъ союза съ Франціей до тѣхъ поръ, пока, послѣ Аустерлица, дальнѣйшее сопротивленіе начало представляться опаснымъ, Фридрихъ Вильгельмъ III принялъ, однако, Ганноверъ, предложенный какъ бы въ уплату за вынужденное согласіе на этотъ союзъ. Ему, повидимому, не приходила и въ голову мысль о возможности отрѣшиться отъ прежней недостойной политики флюгера, вращающагося каждый разъ по вѣтру. Онъ не могъ представить себѣ иного образа дѣйствій и не разсчитывалъ, что, благодаря новымъ вѣяніямъ, найдетъ въ народныхъ массахъ новую могущественную поддержку прямодушнымъ, честнымъ убѣжденіямъ, которыхъ держался въ теоріи, не осмѣливаясь проводить ихъ на практикѣ.

Въ 1806 году Пруссія, во всей своей совокупности, еще не подчинилась сколько нибудь замѣтнымъ образомъ вліянію современныхъ идей. Унизительное крѣпостное право еще существовало, хотя и не въ самыхъ худшихъ своихъ формахъ. Средневѣковыя сословныя подраздѣленія тоже сохранились, такъ какъ законъ не только удержалъ различіе въ правахъ землевладѣнія между дворянствомъ, мѣщанами и крестьянами, но проводилъ подобное же различіе почти во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, запрещая переходъ отъ одного ремесла къ другому, а также передачу недвижимаго имущества изъ одной категоріи въ другую.

Города все еще управлялись на основаніи привиллегій, установленныхъ средневѣковыми хартіями. Стѣсненія и ограниченія, свободы торговли и промышленности, возникшія тоже въ Средніе вѣка, не были вполнѣ упразднены. Народныя школы, учрежденныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, были нисколько не лучше средневѣковыхъ приходскихъ и каѳедральныхъ училищъ. Общественная жизнь въ мелкихъ городахъ и деревняхъ пребывала въ застоѣ, вслѣдствіе того, что каждая отдѣльная личность чувствовала себя парализованной и замкнутой въ узкія рамки, изъ которыхъ не было для нея выхода. Помѣщики являлись аристократическою кастою. Выступивъ послѣ тридцатилѣтней войны охранителями общественнаго порядка, они присвоили себѣ феодальныя привиллегіи, разрушили такимъ образомъ лучшую часть того, что было сдѣлано реформаціей и продолжали пользоваться въ своихъ усадьбахъ правомъ владѣльческаго суда. Они не взимали болѣе съ

крестьянъ податей, причитавшихся съ нихъ самихъ, но представляли собою надменное, замкнутое сословіе, упорно отстаивавшее многія мелочныя свои привиллегіи, обидныя для другихъ сословій.

Единственное свѣтлое мѣсто въ этой картинѣ оказывалось небольшимъ, но блестящимъ. Молодая прусская королева Луиза отличалась своей красотой, благочестіемъ, добродѣтельнымъ характеромъ и великодушнымъ образомъ мыслей. Вокругъ нея собралась маленькая придворная партія умственно развитыхъ мужчинъ и женщинъ, понимавшихъ истинное назначеніе прусскаго королевства, а потому искренно желавшихъ объявленія войны завоевательной политикѣ Наполеона. Въ числѣ членовъ этой партіи находились молодые пылкіе люди, какъ напримѣръ, принцы Людвигъ и Генрихъ; другіе, въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, отличались болѣе осторожнымъ характеромъ, но всѣ въ одинаковой степени были проникнуты энергической пламенной любовью къ родинѣ. Одно время эти патріоты не обладали замѣтнымъ вліяніемъ на народъ, хотя къ числу ихъ принадлежали Гарденбергъ и Штейнъ, которые, послѣдовательно стоя въ главѣ королевско-прусскаго кабинета, столь много содѣйствовали потомъ возрожденію Германіи. Король до такой степени подчинялся мнѣніямъ неоффиціальныхъ секретныхъ своихъ совѣтниковъ, что министры не пользовались его довѣренностью и даже не могли надлежащимъ образомъ выполнять административныя свои обязанности. Кромѣ упомянутыхъ уже руководителей партіи, собравшейся вокругъ королевы Луизы, болѣе выдающуюся роль играли въ ней: Мюллеръ, Гумбольдтъ, Блюхеръ и княгиня Радзивилъ.

Усилія этой небольшой партіи вскорѣ нашли себѣ поддержку въ болѣе широкихъ кружкахъ. Въ основѣ германскихъ университетовъ лежали принципы свободы. Поэтому университеты никогда не умалчивали всецѣло своихъ мнѣній, хотя имъ и приходилось зачастую подчиняться безпощадному гнету обстоятельствъ. Многіе профессора сознавали отсталость Германіи. Между студентами организовались тайныя общества съ цѣлью упраздненія мелочныхъ мѣстныхъ предразсудковъ и возбужденія болѣе широкаго общегерманскаго чувства патріотизма. Въ большихъ городахъ, гдѣ сохранилось еще воспоминаніе о прежней борьбѣ съ феодализмомъ, нашлись вліятельные бюргеры, сочувственно отнесшіеся къ такимъ стремленіямъ. Они оказали своей отчизнѣ неоцѣнимую услугу, не допустивъ окончательно угаснуть искрамъ свободы, таившимся еще подъ пепломъ.

Среди милліоновъ, коснѣвшихъ въ состояніи апатіи, встрѣчались все-таки люди, сперва восторгавшіеся освободительною стороною французской революціи, но потомъ пришедшіе къ убѣжденію въ необходимости сопротивляться завоевательнымъ и властолюбивымъ ея стремленіямъ, представительницей которыхъ являлась французская имперія. Эти люди желали осуществить свои идеалы возрожденіемъ собственной своей отчизны. Уже въ началѣ 1806-го года начали высказываться въ этомъ смыслѣ: Шлейермахеръ среди духовенства; Фихте, когда-то преклонявшійся передъ

революціонным движеніемъ, и Арндтъ въ литературныхъ кружкахъ. Въ половинѣ 1806 года эти новыя вѣянія постепенно проникли въ народныя массы. Немногіе серьезные умы, все еще считавшіе идеаломъ человѣческаго прогресса космополитическое равенство всѣхъ людей,—желавшіе установить царствіе Божіе на землѣ, упразднивъ международное соперничество и узкій національный патріотизмъ, были вскорѣ вынуждены замолчать. Многія тысячи видѣли въ Наполеонѣ орудіе, избранное Провидѣніемъ для достиженія этой цѣли, но и они вскорѣ утратили прежнюю непоколебимую свою вѣру, такъ что не рѣшались болѣе защищать свои убѣжденія.

Дѣло въ томъ, что иллюзіи этихъ идеалистовъ были жестоко потрясены извѣстіями о различныхъ событіяхъ, совершившихся въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1806 года. Не смотря на свое раздробленіе, если можно такъ выразиться, на мелкія щепы, народцы отдѣльныхъ германскихъ государствъ никогда не утрачивали окончательно взаимную симпатію. Частные интересы создавали иногда между ними болѣе глубокую и ожесточенную рознь, чѣмъ можно встрѣтить между членами семьи какой-нибудь другой расы, но это не мѣшало имъ сознавать все-таки извѣстную солидарность, соединявшую ихъ другъ съ другомъ. Даже въ Австріи ощущался среди нѣмцевъ подъемъ національнаго патріотическаго чувства. Брошюры патріотическаго содержанія наводняли южную Германію почти въ такой же степени, какъ и сѣверную. Еще до наступленія осени политическое положеніе въ Германіи оказалось поэтому чрезвычайно натянутымъ. Въ самый разгаръ національной патріотической агитаціи, великій герцогъ бергскій, Іоахимъ I, открыто заявилъ о своей увѣренности сдѣлаться вскорѣ королемъ. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ при этомъ на сформированіе для него королевства изъ вольныхъ ганзейскихъ городовъ, или же надѣялся попасть въ шведскіе короли. Царствующая династія сильнѣйшей изъ скандинавскихъ державъ принадлежала къ числу самыхъ деспотическихъ въ Европѣ, а потому грозно отрекалась отъ французской революціи и всѣхъ дѣлъ ея, къ числу которыхъ принадлежала также и наполеоновская имперія. Наполеонъ платилъ ей за это такою искренней ненавистью, что прекращеніе царствованія упомянутой династіи являлось только вопросомъ времени. Враждебное чувство французскаго императора къ шведской королевской фамиліи еще болѣе обострилось, вслѣдствіе безразсудной попытки осадить Гамельнъ и выгнать французовъ изъ Ганновера, произведенной въ предшествовавшемъ ноябрѣ герцогомъ зюдерманландскимъ, который былъ тогда регентомъ королевства за Густава-Адольфа IV, а впослѣдствіи вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла XIII. Хвастливый болтунъ Ожеро, въ свою очередь, привелъ въ негодованіе аншпахское населеніе, среди котораго стояли войска его дивизіи, тѣмъ, что позволялъ себѣ пить за успѣхъ французовъ въ предстоящей войнѣ съ Пруссіей.

Эти и тысячи другихъ болѣе мелкихъ причинъ, совмѣстно съ занятіемъ Везеля, оскорбляя національное сознаніе германскихъ

нѣмцевъ, вызывали среди нихъ все болѣе пламенное чувство патріотизма. Французскій императоръ былъ очень недоволенъ этимъ патріотическимъ движеніемъ въ Германіи, но не съумѣлъ пріискать для него лучшаго сдерживающаго средства, чѣмъ строгость. Бертье дано было предписаніе преслѣдовать авторовъ и издателей политическихъ памфлетовъ военнымъ судомъ. Распоряженіе это мотивировалось тѣмъ, что главнокомандующій долженъ заботиться о своей арміи, и что частныя лица, возбуждающія противъ нея народъ, заслуживаютъ смертной казни. Подобную мѣру можно было бы еще оправдать въ военное время, но въ мирное время и къ тому же въ продолженіи незаконной оккупаціи она имѣла характеръ нелѣпаго, преступнаго злодѣйства. Аншпахецъ Іелинъ написалъ какъ разъ передъ тѣмъ правдивую, глубоко прочувствованную брошюру, озаглавленную: „Германія въ глубочайшемъ ея униженіи“. Складъ этой брошюры находился у нюренбергскаго книгопродавца Пальма, который, впрочемъ, не былъ ея издателемъ. Французскія власти не разыскали ни автора, ни издателя, а удовлетворились тѣмъ, что арестовали Пальма, поспѣшно нарядили военный судъ надъ этимъ книгопродавцемъ и разстрѣляли его. Онъ шелъ на смерть съ мужествомъ мученика, сознавая, что изъ его крови подымется могучее пламя германскаго патріотизма. Извѣстіе объ этомъ убійствѣ дѣйствительно распространилось по всей Германіи и охватило ее словно пожаромъ. Возбужденіе и негодованіе достигли величайшей возможной для нихъ степени, и ненависть къ Наполеону сдѣлалась національною въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ прусскихъ правительственныхъ сферахъ долгое время, однако, не могли уяснить себѣ до чрезвычайности важнаго жизненнаго значенія пробудившагося такимъ образомъ народнаго чувства. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ ратификаціи договора, которымъ Наполеонъ замѣнилъ трактатъ, представленный ему въ Шенбруннѣ, берлинскій кабинетъ томился безсильнымъ негодованіемъ. Молодые офицеры, принадлежавшіе къ партіи, которая требовала войны, точили свои сабли и палаши на ступенькахъ крыльца французскаго посольства и требовали увольненія Гаугвица въ отставку. Было нѣсколько случаевъ нарушенія дисциплины, и король, заливаясь слезами, угрожалъ отречься отъ престола. Наполеонъ оставлялъ его въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно переговоровъ, происходившихъ въ Парижѣ съ Россіей и Англіей. Тѣмъ не менѣе въ августѣ мѣсяцѣ прусскій король узналъ окольнымъ путемъ, что Франція предлагала королю Георгу возвращеніе Ганновера. Вмѣстѣ съ тѣмъ французская армія продолжала по прежнему занимать въ южной Германіи чрезвычайно сильную стратегическую позицію, угрожавшую прусской территоріи, и тогда чаша его долготерпѣнія переполнилась.

Она была, впрочемъ, въ достаточной степени полною уже и тогда, когда прусскій король узналъ объ организаціи рейнскаго союза. Давнишняя соперница Пруссіи, Австрія, оказывалась, правда, униженной и вытѣсненной совсѣмъ изъ Германіи, но мѣсто ея за-

ступала французская имперія, являвшаяся гораздо болѣе опасной сосѣдкой, вслѣдствіе большого своего могущества и еще болѣе ненасытнаго честолюбія. Какъ только Фридрихъ Вильгельмъ III узналъ объ этой комбинаціи, онъ тотчасъ-же обратился къ русскому государю и отправилъ герцога Карла Брауншвейгскаго въ Петербургъ съ секретнымъ порученіемъ склонить, если возможно, императора Александра къ тому, чтобы онъ гарантировалъ неприкосновенность турецкой имперіи. Тогда бы исчезло яблоко раздора между державами на материкѣ Европы и облегчилась возможность заключенія франко-русскаго союза, который послужилъ бы для Пруссіи наилучшимъ обезпеченіемъ мира и спокойствія. Убриль велъ тогда какъ разъ переговоры въ Парижѣ съ Талейраномъ, и русскій государь, надѣявшійся, благодаря уступкамъ въ вопросахъ о Неаполѣ, Сардиніи и Ганноверѣ, обезпечиться нейтралитетомъ Франціи по отношенію къ завоевательнымъ своимъ проектамъ на Востокѣ, не согласился на предложеніе прусскаго короля. Тѣмъ не менѣе Россія изъявила готовность употребить всѣ свои силы къ огражденію независимости Пруссіи и неприкосновенности ея территоріи, а Пруссія, въ свою очередь, обязалась не нападать на Россію, вслучаѣ, еслибъ у императора Александра завязалась изъ-за Турціи война съ Франціей. Конфиденціальные совѣтники короля Фридриха Вильгельма III навели его на мысль устроить противовѣсъ Рейнскому союзу, организовавъ Сѣверо-германскій союзъ подъ протекторатомъ Пруссіи. Въ то время они закрывали еще глаза на возбужденіе національнаго патріотическаго чувства, охватившее всю Германію, и пребывали равнодушными, или же почти равнодушными къ разстрѣляпію Пальма.

Заботясь объ осуществленіи своего проекта, прусское правительство вступило и въ самомъ дѣлѣ съ Наполеономъ въ переговоры объ организаціи Сѣверо-германскаго союза, въ составъ котораго должны были войти Саксонія, оба Мекленбурга, Ольденбургъ, Гессенъ-Кассель, ганзейскіе города и нѣсколько мелкихъ герцогствъ, княжествъ и графствъ. Французскій императоръ не могъ отвѣтить Пруссіи категорическимъ отказомъ и согласился, но съ условіемъ, чтобъ она разоружилась. Тѣмъ временемъ императоръ Александръ презрительно отвергъ всѣ статьи убрилевскаго договора, по которому Россія не только отказывала въ своемъ покровительствѣ неаполитанскимъ Бурбонамъ и Савойскому дому, но уступала Франціи также въ ганноверскомъ вопросѣ и, сверхъ того, гарантировала неприкосновенность Оттоманской имперіи. Русскій государь разгнѣвался еще сильнѣе, чѣмъ Тугутъ, первый министръ австрійскаго императора Франца, когда, послѣ битвы подъ Маренго, Талейранъ уговорилъ дипломатическаго его агента Сентъ-Жульена на подобныя же уступки. Россія не пожелала вывести свои войска изъ Бокка ди-Каттаро, или же гарантировать неприкосновенность Турціи, такъ какъ это вовсе не соотвѣтствовало видамъ русской политики. Точно также, не смотря на обѣщаніе Франціи вывести свою армію изъ Германіи, Россія не соглашалась признать Балеарскіе острова достаточнымъ

вознагражденіемъ для короля Фердинанда за Неаполь и Сицилію. При такихъ обстоятельствахъ разоруженіе Пруссіи являлось какъ нельзя болѣе существеннымъ въ интересахъ преобладанія Наполеона въ Германіи, тѣмъ болѣе, что съ упраздненіемъ Германско-римской имперіи, Россія утратила прежнее свое право вмѣшательства въ германскія дѣла. Надо было ожидать, что рускій императоръ воспользуется первымъ же удобнымъ предлогомъ къ возвращенію себѣ этого права. Традиціонная русская политика исходила изъ того принципа, что Россія, въ качествѣ наслѣдницы Восточно-римской имперіи, должна стремиться къ гегемоніи путемъ именно такого вмѣшательства. Понятно, что Австрія, вытѣсненная изъ Германіи, не могла уже играть роль Западной римской имперіи.

Воинственное настроеніе Англіи и Россіи служило само по себѣ могущественной нравственной поддержкой для Пруссіи. Послѣ только что подписаннаго бѣдственнаго договора съ Франціей прусская армія оказывалась болѣе, чѣмъ когда-либо, деморализованной. Подобно австрійской арміи, она руководилась устарѣвшими традиціями и гордилась лаврами, добытыми предшествовавшимъ поколѣніемъ. Въ отжившей прусской системѣ военной организаціи нижніе чины фактически оказывались рабами. Капитаны являлись полными хозяевами и владѣльцами своихъ ротъ, которыя они какъ бы сдавали въ аренду правительству. Половинное число солдатъ въ каждой ротѣ обязательно были пруссаки, другая же половина набиралась изъ подонковъ всей Европы. Почти всѣ солдаты поступали на службу насильственнымъ образомъ, путемъ набора, или вербовки, и всѣ они обязаны были служить до тѣхъ поръ, пока ихъ не увольняли за преклонностью лѣтъ и негодностью къ службѣ, причемъ вмѣсто пенсіи имъ выдавали билетъ на право прошенія милостыни. Каждому капитану желательно было обезпечить своей ротѣ наибольшую строевую численность при наименьшихъ расходахъ. Каждый солдатъ являлся слишкомъ дорогою вещью, для того чтобъ можно было рисковать имъ иначе какъ подъ давленіемъ крайней необходимости. Между отдѣльными ротами не существовало нравственной связи и можно было заранѣе предвидѣть, что если какая-нибудь изъ отдѣльныхъ частей боевой машины придетъ въ разстройство, то всѣ остальныя части окажутся парализованными. Дисциплина въ прусской арміи отличалась чрезвычайною строгостью, и тѣлесныя наказанія примѣнялись самымъ безжалостнымъ образомъ. Генералы и офицеры, стоявшіе во главѣ арміи, были почтенными старцами, погрязшими по уши въ рутину своей спеціальности. Въ гусарскихъ полкахъ служили маіоры шестидесяти лѣтъ отъ роду. Главнокомандующему, герцогу Брауншвейгскому, минулъ ужъ семьдесятъ одинъ годъ. Этотъ герцогъ, продавшій до 6.000 своихъ подданныхъ Георгу III въ солдаты, для войны съ возмутившимися американцами, былъ страшный мотъ, кутила, и въ то же время педантъ, обращавшій вниманіе, преимущественно, на мелочныя подробности военнаго дѣла. Фельдмаршалу Меллендорфу было уже за восемьдесятъ лѣтъ, а Калькрейту—шестьдесятъ шесть. Даже и Блюхеръ, самый мо-

лодой и пылкій изъ прусскихъ генераловъ, отличавшійся дѣйствительною энергіей, былъ въ сущности уже старше шестидесяти лѣтъ. Особенной отсталостью щеголялъ прусскій главный штабъ, который давно занимался исключительно только безразсуднѣйшими ухищреніями и мудрствованіями надъ фридриховскими системами стратегіи и организаціи строевой и продовольственной части. Положимъ, что сама прусская армія не оставалась въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, что происходило во Франціи. Прусскіе офицеры, командированные для наблюденія за французскимъ способомъ веденія войны, привозили обстоятельныя донесенія о революціонной тактикѣ и стратегіи Наполеона. Тѣмъ не менѣе весь государственный организмъ въ большинствѣ случаевъ проникнутъ однимъ и тѣмъ же духомъ, а потому, въ царствованіе обоихъ Фридриховъ Вильгельмовъ, II и III, представлялось неправдоподобнымъ осуществленіе надлежащихъ реформъ въ какомъ-либо отдѣлѣ администраціи, не исключая и военнаго вѣдомства. Одни только молодые офицеры были на самомъ дѣлѣ знакомы съ фактической стороной французскихъ нововведеній въ военномъ искусствѣ и зачастую обсуждали эти нововведенія въ своихъ собраніяхъ. Къ несчастію для Пруссіи, аристократическая гордость ея офицеровъ препятствовала имъ цѣнить по достоинству военные таланты и боевую пригодность французскихъ демократовъ. Вообще же Пруссія являлась во всѣхъ отношеніяхъ неподготовленною къ войнѣ.

Въ продолженіи лѣта, пламенный энтузіазмъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ военной партіи, все сильнѣе высказывавшееся въ народѣ патріотическое сознаніе и угрожающій тонъ заявленій самого Наполеона, начали оказывать замѣтное вліяніе на прусское правительство. Кромѣ прежнихъ правонарушеній, французскій императоръ позволилъ себѣ еще новое. По его распоряженію захвачены были весьма цѣнныя монастырскія земли, пограничныя съ Бергскимъ герцогствомъ, но присужденныя въ 1802-мъ году Пруссіи. Учинивъ этотъ захватъ, Наполеонъ безцеремонно посовѣтовалъ Пруссіи вознаградить себя, объявивъ войну Швеціи и отобравъ отъ нея Померанію. Ходили слухи, что французскій гарнизонъ въ Везелѣ значительно усиленъ, и что Вюрцбургъ тоже занятъ французскими войсками. Утверждали даже, будто французы идутъ въ Саксонію. Удостовѣрившись подъ конецъ, что Наполеонъ дѣйствительно предлагалъ Англіи Ганноверъ, прусскій король уступилъ настояніямъ своего народа, которыя стали высказываться еще громче и еще болѣе возбужденнымъ тономъ, когда извѣстія о коварствѣ Наполеона дошли до всеобщаго свѣдѣнія. 9-го августа, въ тотъ самый день, когда лордъ Лаудердель потребовалъ отъ французскаго военнаго министра свои паспорты, отданъ былъ приказъ о мобилизаціи прусской арміи. Очевидно, что Наполеонъ не имѣлъ тогда самъ полной увѣренности въ боевой своей готовности. Въ виду невыяснившихся еще намѣреній русскаго государя, онъ выказывалъ по наружности желаніе купить разоруженіе Пруссіи цѣною согласія на организацію сѣверо-германскаго союза подъ ея

протекторатомъ. Въ депешѣ Талейрана отъ 22-го іюля къ французскому послу, въ Берлинѣ намекается даже на то, что Пруссія могла бы составить федерацію изъ всѣхъ государствъ, принадлежащихъ еще къ германской имперіи и объявить императорскую германскую корону наслѣдственной въ Бранденбургскомъ домѣ. Въ то же самое время, однако, Талейранъ старался препятствовать осуществленію этого проекта, совѣтуя саксонскому курфюрсту объявить себя независимымъ государемъ.

Враждебное вліяніе Франціи обнаружилось также и въ томъ фактѣ, что ганзейскіе города и Гессенъ-Кассель уклонились отъ прямого отвѣта на предложенія Пруссіи.

При всемъ томъ имѣется полное основаніе полагать, что Наполеонъ все-таки надѣялся на сохраненіе мира. Еще 26-го августа онъ, въ письмѣ къ Бертье, высказывалъ, по крайней мѣрѣ, намѣреніе очистить Германію. Черезъ недѣлю послѣ того, однако, французскій императоръ получилъ одновременно, нотой отъ 15-го августа, извѣщеніе объ отказѣ русскаго государя ратификовать договоръ, подписанный Убрилемъ, и требованіе короля Фридриха Вильгельма вывести французскія войска изъ Германіи. Требованіе это не было выполнено, такъ какъ Наполеонъ убѣдился, что противъ него безъ сомнѣнія организовалась уже новая коалиція. Если Пруссія вооружалась единственно только подъ вліяніемъ страха, то слѣдовало принудить ее къ прекращенію вооруженій, если же, напротивъ того, она готовилась къ войнѣ въ союзѣ съ Англіей и Россіей, то слѣдовало, не теряя времени, разгромить ее, прежде чѣмъ она успѣетъ получить подкрѣпленія. На самомъ дѣлѣ коалиція не успѣла тогда еще вполнѣ сформироваться, такъ какъ Пруссія номинально состояла въ войнѣ съ Англіей изъ-за Ганновера, а безъ англійскихъ субсидій коалиція оказывалась немыслимой. Король Фридрихъ-Вильгельмъ съ обычной своей неувѣренностью почти тотчасъ же раскаялся въ принятомъ имъ смѣломъ рѣшеніи и 24-го августа въ засѣданіи своего кабинета пытался было отмѣнить отданные уже приказы о мобилизаціи арміи. Наполеонъ, какъ и слѣдовало ожидать при такихъ обстоятельствахъ, принялъ безъ всякихъ колебаній энергическое рѣшеніе. Лорду Лаудерделю не были еще возвращены паспорты, и онъ, въ ожиданіи ихъ, оставался пока въ Парижѣ. Императоръ возобновилъ съ нимъ переговоры, но безъ всякихъ серьезныхъ цѣлей, единственно лишь съ намѣреніемъ выиграть время. Разсчитывая на истощеніе Англіи и робость Россіи, онъ не ожидалъ, что такъ скоро придется снова воевать и смотрѣлъ на предстоявшую войну какъ на тяжкую роковую необходимость, но тѣмъ не менѣе сталъ тотчасъ же къ ней готовиться. Громкая слава Фридриха-Великаго была тогда еще памятной во Франціи. Французскія войска подъ начальствомъ Наполеона успѣшно сражались съ австрійцами и русскими, но самъ императоръ считалъ пруссаковъ несравненно болѣе опасными соперниками. Кромѣ того, въ 1802 и 1805 годахъ, прусскіе офицеры имѣли случай наблюдать его собственную систему веденія войны, а потому должны были оказаться къ ней подготовленными.

„Прусская армія пользуется весьма почетною репутаціей,—сказалъ самъ Наполеонъ г-жѣ Ремюза.—Особенно напираютъ на превосходныя качества ея кавалеріи, тогда какъ французская конница не пользуется чрезмѣрнымъ уваженіемъ. Думаю, что намъ предстоитъ на этотъ разъ болѣе трудная задача, чѣмъ въ войнѣ съ австрійцами. Тутъ необходимо будетъ напряженіе всѣхъ нашихъ силъ".

Ввиду этихъ соображеній Наполеонъ принялъ мѣры къ значительному усиленію своей арміи и рѣшился двинуть противъ Пруссіи семь армейскихъ корпусовъ, гвардію, многочисленную кавалерію Мюрата и вспомогательныя баварскія войска. Французскіе офицеры начали немедленно же изучать всѣ пути изъ средней Германіи въ сѣверную. И они и самъ императоръ признали лучшимъ изъ этихъ путей наступленіе черезъ Бамбергъ. Къ 25-му сентября вооруженныя силы Франціи увеличились ста тысячами хорошо обученныхъ конскриптовъ и въ тотъ же самый день императоръ Наполеонъ выѣхалъ съ соблюденіемъ величайшей тайны изъ Парижа въ Майнцъ. Съ другой стороны, король Фридрихъ-Вильгельмъ не зналъ, что ему предпринять и къ кому обратиться за помощью. Миръ съ Англіей не былъ еще заключенъ и могъ быть купленъ единственно лишь отказомъ отъ Ганновера. По мнѣнію многихъ компетентныхъ современниковъ, прусскій король зналъ какъ нельзя лучше разстроенное состояніе собственной своей арміи и высокую боевую пригодность французскихъ войскъ. Онъ зналъ, что Россія не откажетъ ему въ поддержкѣ, но ему было извѣстно, что войска Императора Александра могутъ прибыть въ центральную Европу не ранѣе ноября мѣсяца. Прусскому королю и его совѣтникамъ, безъ сомнѣнія, слѣдовало также знать, что, ввиду чрезвычайно быстраго хода событій, нельзя воспользоваться ранѣе начала военныхъ дѣйствій восторженнымъ патріотизмомъ народа и организовать народное движеніе, которое могло бы оказать поддержку регулярнымъ войскамъ. Продолжительная тираннія его самого и его предшественниковъ уничтожила въ народныхъ массахъ способность къ быстрой инициативѣ. Баварскій дипломатическій агентъ въ Парижѣ былъ въ свою очередь убѣжденъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ уступалъ настояніямъ военной партіи, прямо разсчитывая на то, что прусская армія будетъ разбита въ первомъ же сраженіи, послѣ чего народъ пойметъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и дозволитъ своему королю заключить съ Наполеономъ миръ на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Неизвѣстно, до какой степени справедливы эти догадки, но во всякомъ случаѣ злополучный и нерѣшительный король, чувствуя себя не въ состояніи долѣе извлекать выгоды изъ бѣдствій, обрушивавшихся на его сосѣдей и держаться прежней слабохарактерной, колеблющейся политики, призналъ умѣстнымъ объявить войну Франціи, въ то время когда Англія все еще относилась къ нему враждебно, а Россія не обнаруживала намѣренія оказать особенно горячую поддержку. 24-го сентября онъ прибылъ въ Наумбургъ, главную квартиру своей арміи

а 1-го октября прусскій посолъ въ Парижѣ предъявилъ Франціи ультиматумъ своего монарха. Надлежало немедленно очистить Германію, вывести французскія войска изъ Везеля и не ставить никакихъ препятствій дѣлу организаціи Сѣверо-германскаго союза. Послѣднимъ срокомъ для представленія отвѣта назначено было 8-е октября. Наполеонъ получилъ этотъ ультиматумъ въ Байрейтѣ 7-го октября, когда его войска были уже на походѣ. Сами факты являлись такимъ образомъ краснорѣчивѣйшимъ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Іена и Ауерштадтъ.

Въ поединкѣ между двумя соперниками, сражающимися одинаковымъ оружіемъ, степень сопротивленія, оказанная побѣжденнымъ, можетъ до нѣкоторой степени служить мѣрою искусства и ловкости побѣдителя. Въ настоящей войнѣ это не всегда оказывается справедливымъ. Теперь всѣмъ и каждому извѣстно, до какой степени Пруссія была въ 1806 году слаба и неподготовлена къ войнѣ. Въ распоряженіи противниковъ Наполеона имѣется такимъ образомъ чрезвычайно легкій и удобный способъ ослабить обаяніе воинской его славы, указывая на ничтожество побѣжденнаго имъ врага. Такой методъ является, однако, несправедливымъ и въ то же время невѣрнымъ съ исторической точки зрѣнія. Нравственное мужество заслуживаетъ бо̀льшаго уваженія, чѣмъ физическая храбрость, а ввиду установившейся блестящей репутаціи, какою пользовались тогда прусскія войска, со стороны Наполеона было несомнѣнно большою смѣлостью рѣшиться на вооруженное столкновеніе съ Пруссіей. Нравственное мужество въ данномъ случаѣ соединялось съ замѣчательнымъ воинскимъ искусствомъ. Приготовленія Наполеона къ войнѣ съ Пруссіей были несравненно солиднѣе и обстоятельнѣе всѣхъ приготовленій къ предшествовавшимъ его кампаніямъ, а планъ кампаніи являлся однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ, какіе вообще составлялись до тѣхъ поръ геніальнѣйшими стратегами всѣхъ временъ и народовъ. Онъ не такъ сильно поражаетъ съ перваго взгляда, какъ нѣкоторые другіе планы кампаній, ввиду того, что грозныя географическія преграды, вродѣ напримѣръ, Альпійскихъ горъ, не играютъ въ немъ никакой роли Это не мѣшаетъ ему, однако, отличаться оригинальностью и служить великолѣпнымъ образцомъ замѣчательно ловкаго приспособленія средствъ къ достиженію предположенной цѣли. Кромѣ всего этого онъ обладаетъ тѣмъ важнымъ достоинствомъ, что увѣнчался успѣхомъ, черезчуръ даже громаднымъ для репутаціи его автора, такъ какъ въ результатѣ получилось такое впечатлѣніе, какъ еслибъ вздумали употребить паровой молотъ, дабы разбить куриное яйцо. Чтобы составить себѣ понятіе о талантахъ Наполеона, какъ полководца, необходимо уяснить себѣ хотя въ общихъ чертахъ грандіозный его планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться до нѣкоторой степени съ подробностями, имѣющими, вообще говоря, лишь чисто военный интересъ. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе,

что французскій императоръ всецѣло преобразился на время войны въ главнокомандующаго французскими арміями и, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, сосредоточивалъ всѣ силы своего генія исключительно только на веденіи войны. Во-вторыхъ, онъ выработалъ въ общихъ чертахъ планъ наступательнаго движенія въ Германію, неслыханный еще до тѣхъ поръ въ лѣтописяхъ европейскихъ войнъ, а затѣмъ принялся осуществлять его и разработывать въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ заключеніе онъ примѣнилъ принципъ, руководившій при выигрышѣ Аустерлицкаго сраженія, къ обширному стратегическому маневру, успѣхъ котораго обусловливался короткимъ знакомствомъ со всѣми частями употребленнаго въ дѣло военнаго механизма и превосходнымъ согласованіемъ всѣхъ этихъ частей. Принявъ все это въ соображеніе начинаешь понимать, что выполненіе такого плана могло окаи заться возможнымъ только полководцу, обладавшему геніальнымъ талантами Наполеона и сверхчеловѣческой его способностью къ труду. Выбравъ сперва Вюрцбургскую, а затѣмъ Форхгеймскую крѣпость опорнымъ своимъ пунктомъ, Наполеонъ рѣшилъ сосредоточить главныя силы на крайнемъ правомъ флангѣ своей линіи и охватитнепріятеля этимъ флангомъ такъ, чтобы зайти ему въ тылъ и отрѣзать путь отступленія на востокъ. Для этого необходимо было прежде всего сосредоточить французскія войска на линіи, параллельной Рейну и направлявшейся съ Сѣвера на Югъ, а затѣмъ произвести перемѣну фронта въ направленіи, перпендикулярномъ къ прежнему, стянувъ главную массу войскъ къ Востоку, между Бамбергомъ и Байрейтомъ, для того, чтобъ можно было обойти пруссаковъ черезъ Заальфельдъ и Іофъ. При этомъ Наполеонъ жертвовалъ прямымъ своимъ сообщеніемъ съ Франціей, черезъ Майнцъ, но взамѣнъ того обезпечивалъ себѣ другой косвенный путь сообщенія, черезъ Форхгеймъ, Вюрцбургъ и Мангеймъ, причемъ ему приходилось непосредственно базироваться на долину верхняго Дуная. Еслибъ пруссаки вздумали, паче чаянія, отвѣтить на его маневръ, протянувъ свой фронтъ далѣе къ Востоку, то ему представилась бы возможность употребить прежній любимый свой пріемъ аттаки и прорвать массою своихъ силъ центръ непріятельскаго расположенія. Дабы обезпечить по возможности линію Рейна, Наполеонъ приказалъ своему брату Луи занять Везель болѣе сильнымъ гарнизономъ и держаться въ готовности, чтобы аттаковать пруссаковъ вслучаѣ, если они сдѣлаютъ попытку обойти французовъ съ лѣваго фланга. Другимъ обезпеченіемъ служилъ пятнадцатитысячный корпусъ подъ командой Мортье, которому предписано было занять Майнцъ и производить наступательныя демонстраціи до самаго Франкфурта на Майнѣ. Къ послѣднимъ числамъ сентября мѣсяца всѣ эти подготовленія были удачно закончены, и войска сосредоточены въ полной готовности къ окончательному, рѣшающему маневру. По мѣрѣ того, какъ приготовленія подвигались впередъ, росла также и увѣренность императора въ успѣхѣ. Онъ писалъ къ Талейрану отъ 12-го сентября, что со стороны Пруссіи было бы сумасшествіемъ аттаковать его, не заручившись

сперва надежными союзниками. Онъ находилъ своихъ собственныхъ солдатъ превосходными. Они не обнаруживали ни малѣйшаго страха передъ знаменитою прусской арміей. Что касается до офицеровъ, которые чувствовали себя далеко не въ такой степени спокойными, то они держали себя, какъ подобаетъ искусно подготовленнымъ механическимъ приспособленіямъ, не надоѣдали императору совѣтами, но съ быстротою и точностью выполняли то, что имъ было предписано. Между величественнымъ царственнымъ планомъ наполеоновской кампаніи и мелочнымъ, плохо задуманнымъ прусскимъ планомъ военныхъ дѣйствій обнаруживался невѣроятно рѣзкій контрастъ. 30-го сентября престарѣлый герцогъ Брауншвейгскій и король со своимъ штабомъ находились въ Наумбургѣ, куда стянута была главная армія численностью въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. На усиленіе ея шелъ двѣнадцатитысячный корпусъ, находившійся, однако, еще въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Наумбурга. Князь Гогенлоэ стоялъ въ Хемницѣ, ожидая тамъ прибытія двѣнадцати тысячъ саксонцевъ, что представлялось совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ саксонскія войска еще не были мобилизованы. Между Эрфуртомъ и Эйзенахомъ находился генералъ Рюхель съ корпусомъ номинально въ 18,000 человѣкъ, но въ дѣйствительности гораздо слабѣе, такъ какъ значительная часть войскъ, назначенныхъ въ его составъ, не прибыла еще изъ Вестфаліи. Всѣ трое прусскихъ главнокомандующихъ одинаково не заботились собрать какія-либо свѣдѣнія о расположеніи французскихъ войскъ и не имѣли ни малѣйшаго представленія о намѣреніяхъ геніальнаго своего противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни у кого изъ нихъ не было порядочной карты окрестной страны. По словамъ самого Наполеона, все это были старички въ парикахъ. Положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій напоминало обстановку кампаніи предшествовавшаго года, когда генералъ Маккъ распредѣлялъ свои войска на Иллерѣ какъ бы умышленно такимъ образомъ, чтобы французамъ удобнѣе было разбить ихъ по одиночкѣ. Послѣдствія этого промаха ничему не научили пруссаковъ. Интересно замѣтить, что генералъ Жомини, состоявшій начальникомъ штаба въ корпусѣ Нея и, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тщательно ознакомившійся съ общимъ складомъ стратегическихъ соображеній Наполеона и съ его принципами веденія войны, заранѣе предсказалъ наиболѣе существенныя комбинаціи начинавшейся кампаніи.

Изумительная быстрота и точность движенія наполеоновскихъ войскъ на театрѣ войны обусловливались тѣмъ, что всѣ эти движенія были замѣчательно строго соображены и разсчитаны. Неразлучными спутниками Наполеона были оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и шталмейстеръ Коленкуръ. При этомъ послѣднемъ всегда имѣлась карта мѣстности, по которой императору приходилось ѣхать въ экипажѣ или верхомъ. Эта карта находилась въ полной готовности къ тому, чтобъ можно было ею тотчасъ же воспользоваться. Сидѣнья въ императорской каретѣ устроены были такъ, что легко превращались въ по-

стель, на которой Наполеонъ зачастую спалъ во время ночныхъ своихъ поѣздокъ. Обыкновенно, однако, Бертье и Мюратъ поочередно садились къ нему въ экипажъ, а Коленкуръ ѣхалъ верхомъ возлѣ самыхъ дверецъ кареты. Позади экипажа ѣхали тоже верхомъ, держась по возможности ближе къ колесамъ, семеро адъютантовъ, четырнадцать офицеровъ, назначенныхъ ординарцами, и четыре пажа. Всѣ они должны были находиться въ ежеминутной готовности мчаться во всю прыть съ приказаніями, которыя будутъ имъ отданы. Въ числѣ офицеровъ двое должны были знать туземный языкъ. Прислуживавшій Наполеону мамелюкъ Рустанъ ѣхалъ всегда тоже за экипажемъ вмѣстѣ съ двумя конными лакеями, которые везли съ собою географическія карты, документы и письменныя принадлежности. Эту свиту защищалъ конвой конныхъ егерей. Когда императоръ выходилъ по какой-нибудь причинѣ изъ экипажа, четверо конныхъ егерей мгновенно слѣзали съ лошадей и окружали его особу, становясь къ ней спиной и держа на руку ружья съ примкнутыми штыками, или заряженные пистолеты съ взведенными курками. Если императоръ шелъ, то они слѣдовали за нимъ, сохраняя таковое же относительное положеніе. Позади свиты ѣхали конюхи съ заводными лошадьми. Для самого императора держали всегда наготовѣ отъ семи до девяти верховыхъ лошадей. Императоръ путешествовалъ именно такимъ образомъ въ продолженіи всей прусской кампаніи. Впослѣдствіи недовѣріе Наполеона къ окружающимъ стало все болѣе возростать и къ концу его карьеры до такой степени обострилось, что численность императорской свиты должна была значительно уменьшиться. Если надлежало ѣхать на почтовыхъ, то для императора заранѣе заготовляли свѣжихъ лошадей (9 верховыхъ, или же 6 упряжныхъ) черезъ каждыя двѣнадцать или восемнадцать верстъ. При такихъ условіяхъ, онъ зачастую путешествовалъ со скоростью 20 и 25 верстъ въ часъ, часовъ по шести безостановочно. Подобныя же приспособленія, хотя въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, обезпечивали быстроту передвиженія также и для офицеровъ императорскаго главнаго штаба. Этотъ главный штабъ, во главѣ котораго стоялъ Бертье, считавшійся самимъ Наполеономъ необходимымъ человѣкомъ, былъ всегда настолько многочисленнымъ, что его оказывалось фактически возможнымъ раздѣлить на нѣсколько самостоятельныхъ штабовъ.

Въ главномъ штабѣ великой арміи числилось въ 1806 году тринадцать адъютантовъ, три начальника департаментовъ съ пятью помощниками, тридцать одинъ штабъ-офицеръ и тридцать инженеровъ. При начальникѣ артиллеріи состоялъ особый штабъ изъ восемнадцати офицеровъ, при начальникѣ инженеровъ имѣлся тоже особый штабъ изъ девятнадцати, а при генералъ-интендантѣ — изъ сорока трехъ офицеровъ. Останавливаясь на ночлегъ, императоръ находилъ тамъ каждый разъ въ полной готовности свою канцелярію: шатеръ, или же комнату съ пятью столами: одинъ, посерединѣ,—для него самого, и четыре, по угламъ,—для собственныхъ его секретарей. На императорскомъ столѣ всегда лежала карта,

оріентированная по компасу, на которой булавками съ разноцвѣтными шляпками обозначалось расположеніе всѣхъ частей его войскъ. Карта, имѣвшаяся у Наполеона въ прусскую кампанію, была изготовлена задолго до того времени въ одномъ экземплярѣ по его собственному предписанію. Замѣчательно, что у пруссаковъ не было такой карты, и обстоятельство это само по себѣ уже прекрасно характеризуетъ ихъ самонадѣянность и нерадивость. Тотчасъ же, по прибытіи императора, устроивалась также ему и спальня, на порогѣ которой ложился его мамелюкъ, Рустанъ. Въ сосѣдней комнатѣ располагались на ночлегъ дежурные офицеры. На обѣдъ отводилось не болѣе двадцати минутъ, такъ какъ въ походѣ Наполеонъ ѣлъ мало и торопливо. Въ семь часовъ вечера онъ всегда уже спалъ.

Въ часъ ночи императоръ снова вступалъ въ исполненіе обязанностей главнокомандующаго. Онъ являлся тогда въ свою канцелярію, гдѣ секретари уже работали, читалъ рапорты, поступившіе отъ всѣхъ начальниковъ дивизій, а затѣмъ, ходя взадъ и впередъ, диктовалъ депеши и приказы на слѣдующій день. Очевидцы утверждаютъ, будто Наполеонъ зачастую одновременно диктовалъ два разныхъ письма послѣдовательно чередовавшимися фразами, такъ что двое секретарей писали за-разъ подъ его диктовку два разныхъ письма, неимѣвшихъ иногда ни малѣйшаго соотношенія другъ къ другу. Пересмотрѣвъ и пополнивъ отданные имъ приказы, Наполеонъ отправлялъ ихъ къ Бертье. Въ три часа утра они разсылались уже изъ главной квартиры по назначенію и приходили къ отдѣльнымъ частямъ войскъ какъ разъ передъ тѣмъ, когда солдатамъ надо было выступать. Благодаря столь хорошо выработанному механизму обезпечивалась точность какъ отдачи распоряженій главнокомандующаго, такъ и выполненія этихъ распоряженій.

Пруссаки, послѣ долгихъ колебаній, рѣшились, наконецъ, перейти въ наступленіе со стороны Тюрингенвальда и съ этою цѣлью продвинулись длиннымъ разбросаннымъ фронтомъ до Эрфурта. Послѣ оживленныхъ препирательствъ въ штабѣ, длившихся цѣлыхъ три дня, армія заняла, наконецъ, 7-го октября, позицію не на южномъ, а на сѣверномъ склонѣ Тюрингенскихъ горъ. Герцогъ Брауншвейгскій, съ главными силами, расположился подъ Эрфуртомъ, Гогенлоэ—въ Бланкенгайнѣ, а Рюхель, на подкрѣпленіе къ которому шелъ изъ Касселя Блюхеръ, остановился въ Эйзенахѣ. Находившіеся передъ фронтомъ горные проходы оберегались пикетами. Наполеонъ фактически угадалъ еще 5-го числа, что пруссаки займутъ эту позицію. Онъ думалъ, что они сосредоточиваются въ Эрфуртѣ, съ намѣреніемъ ударить на лѣвое его крыло и чтобы предупредить непріятеля, немедленно-же двинулъ свои войска. Они шли тремя колоннами. 8-го октября, лѣвое крыло, подъ начальствомъ Ланна было уже въ Кобургѣ, имѣя позади себя, въ разстояніи одного перехода, корпусъ Ожеро. Въ центрѣ, Мюратъ перевалилъ уже черезъ невысокія Тюрингенскія горы у Заальбурга, Бернадоттъ и Даву находились въ самыхъ горахъ;

одинъ въ Лобенштейнѣ, а другой въ Нордгальденѣ; изъ двухъ же корпусовъ праваго крыла одинъ, подъ начальствомъ Сульта, выдвинулся къ Мюнхбергу, а другой, подъ командою Нея, находился однимъ переходомъ назади, въ Байрейтѣ. Благодаря этимъ искусно начатымъ и продолжавшимся передвиженіямъ войскъ, кампанія была 9-го октября, въ сущности, уже выиграна и притомъ на основаніи первоначально составленнаго Наполеономъ плана. Сообщеніямъ пруссаковъ съ эльбскою ихъ продовольственной базой угрожала серьезная опасность. Грозное обходное движеніе, предпринятое французскою арміей, выполнялось съ величайшей быстротой и стройностью, такъ что черезъ нѣсколько дней должно было привести ее въ тылъ пруссакамъ.

За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, полковникъ прусскаго генеральнаго штаба, Шарнгорстъ, выработалъ планъ, по которому армія его короля могла бы перевалить черезъ Тюрингенвальдъ двумя недѣлями раньше прибытія туда французовъ, закончить свое развертываніе, перейти въ наступленіе на равнинѣ и съ выгодою воспользоваться тамъ превосходной своей кавалеріей. Планъ этотъ былъ, разумѣется, отвергнутъ, такъ какъ нерѣшительный король все еще ласкалъ себя надеждами на то, что Наполеонъ приметъ его ультиматумъ. Когда, наконецъ, пришлось поневолѣ отказаться отъ этой надежды, король выѣхалъ на театръ войны къ арміи герцога Брауншвейгскаго и взялъ съ собою многочисленную свиту, которая принадлежала почти сплошь къ оптимистически настроенной придворной партіи, заранѣе увѣренной въ побѣдѣ надъ дерзкими французами. По прибытіи въ главную квартиру, тотчасъ же обнаружилась рѣзкая противоположность между взглядами королевской свиты и воззрѣніями герцога Брауншвейгскаго, вслѣдствіе чего герцогъ остался вскорѣ главнокомандующимъ лишь номинально. Не смотря на великодушныя усилія королевы Луизы вдохнуть бодрую рѣшимость въ своего супруга, онъ, ввиду разногласія между его совѣтниками, постоянно колебался и обнаруживалъ роковую безпомощность, отражавшуюся также и въ распоряженіяхъ прусскихъ главнокомандующихъ. Вслѣдствіе этой нерѣшительности и безпомощности, прусскія войска оказались въ критическій моментъ поставленными въ самыя неблагопріятныя условія. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ и на этотъ разъ находился, благодаря несравненному своему стратегическому искусству, въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ его соперникъ. Иниціатива была въ его рукахъ, тогда какъ пруссакамъ приходилось ограничиваться оборономъ и притомъ въ весьма неудобной позиціи. Наполеонъ не зналъ, гдѣ именно произойдетъ у него столкновеніе съ прусскими войсками, такъ какъ безпрерывные марши и контрмарши этихъ войскъ, вызывавшіяся постоянной смѣной противорѣчивыхъ приказаній, не дозволяли составить себѣ сколько-нибудь опредѣленное сужденіе о пунктѣ, въ которомъ пруссаки разсчитываютъ ударить на французовъ. Въ концѣ концовъ, однако, императоръ началъ склоняться къ убѣжденію, что ударъ будетъ направленъ противъ его лѣваго крыла.

Когда въ прусскомъ лагерѣ получены были, наконецъ, свѣдѣнія о томъ, что французская армія находится вблизи, герцогъ Брауншвейгскій и Шарнгорстъ объявили 9-го октября о необходимости сосредоточиться въ восточномъ направленіи и обрушиться со всею арміей на правое крыло непріятеля. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, однако, отдавалъ, повидимому, все еще предпочтеніе первоначально задуманному фланговому движенію на западъ и согласился лишь продвинуть впередъ войска Гогенлоэ, чтобъ задержать наступленіе Наполеона. Въ тотъ же самый день произошло поэтому подъ Шлейцомъ первое столкновеніе между прусаками и французами. Войска Гогенлоэ встрѣтились тутъ съ корпусомъ Бернадотта. Наполеонъ, присутствовавшій при этой стычкѣ, съ интересомъ слѣдилъ за нею, дабы составить себѣ понятіе о томъ, какъ станутъ драться пруссаки. Послѣ непродолжительнаго боя, князь Гогенлоэ отступилъ, чтобы оборонять Заальфельдскій горный проходъ. Наполеонъ все еще не имѣлъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ главныхъ силъ непріятеля, но, тѣмъ не менѣе, инстинктъ подсказалъ ему безотлагательно овладѣть этимъ горнымъ проходомъ. Ланну и Ожеро предписано было совмѣстно туда двинуться, такъ какъ бой подъ Шлейцемъ еще болѣе укрѣпилъ Наполеона въ предположеніи, что пруссаки не выдвинули сколько-нибудь значительныхъ силъ, противъ праваго его крыла. На слѣдующій день, авангардъ Гогенлоэ былъ отброшенъ съ занятыхъ имъ позицій, и большая дорога на Эрфуртъ очищена. Бой шелъ очень упорный, такъ какъ прусскіе солдаты, увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ французами, не успѣли тогда еще утратить бодрости духа. Принцъ Людвигъ, которымъ особенно гордилась прусская армія, былъ, однако, убитъ въ этомъ бою, и его смерть произвела въ прусскихъ рядахъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ если бы армія потерпѣла уже серьезное пораженіе.

Въ теченіе 10-го и 11-го октября колонны наполеоновской арміи безпрепятственно продолжали свое наступательное движеніе къ сѣверу. Это могло служить, повидимому, явнымъ доказательствомъ того, что главныя силы пруссаковъ находились все еще къ западу отъ рѣки Заалы. Наполеонъ принялъ тогда и самъ рѣшеніе повернуть на западъ, чтобъ розыскать непріятеля и принудить его къ наступательному или же оборонительному бою. Вслѣдствіе этого вся французская армія произвела внезапную перемѣну фронта, какъ это предсказалъ передъ тѣмъ Жомини и пошли 12-го октября на западъ къ рѣкѣ Заалѣ. Въ продолженіе цѣлаго дня французы не встрѣчали никакого сопротивленія и быстро подвигались впередъ. Ланнъ дошелъ до Іены и, перейдя тамъ рѣку, прогналъ за крутыя высоты лѣваго ея берега сильный прусскій отрядъ, высланный на рекогносцировку. Наполеонъ приказалъ остановить на 13-е октября наступательное движеніе, чтобы дать своимъ войскамъ необходимый роздыхъ. Съ самаго начала кампаніи они шли усиленными маршами съ быстротою, которая на одну треть превышала нормальную скорость, опредѣленную по уставу. Въ арміи говорили по этому, что „маленькій капралъ“

заставляетъ свои войска сражаться не штыками, а ногами. Самъ Наполеонъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Іену. Саксонцамъ пришлось противъ воли вступить въ союзъ съ пруссаками и многіе изъ жителей этого города относились сочувственно къ Наполеону. Одинъ изъ нихъ охотно указалъ удобную для пѣхоты тропинку, по которой можно было взобраться на высоты Ландграфенберга. Немедленно же приказавъ инженернымъ войскамъ исправить и раздѣлать эту дорогу, Наполеонъ отправился самъ на рекогносцировку и, безъ конвоя, подошелъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ позиціямъ, занятымъ прусскими войсками. Быстро осмотрѣвъ въ подзорную трубку эти позиціи и мѣстность, на которой можно было развернуть собственныя свои войска, императоръ рѣшилъ завязать бой на слѣдующій же день, вмѣсто того, чтобъ дать 16-го октября генеральное сраженіе подъ Эрфуртомъ, какъ предполагалъ это первоначально. Въ полной увѣренности, что передъ нимъ находятся главныя силы прусской арміи, онъ тотчасъ же послалъ Лефевру, Сульту, Нею и Ожеро приказанія идти какъ можно скорѣе съ своими войсками къ Іенѣ. Еще до разсвѣта всѣ они явились на мѣста, указанныя по диспозиціи, или, по крайней мѣрѣ, находились невдалекѣ отъ поля сраженія. Даву и Бернадоттъ дошли до Наумбурга, а Мюратъ съ кавалеріей былъ по сосѣдству отъ нихъ. Всѣмъ троимъ предписывалось идти къ Іенѣ, какъ только услышатъ тамъ пальбу. Пруссаки оказывались уже фактически окруженными, но, только лишь послѣ девятичасовыхъ оживленныхъ преній въ главной своей квартирѣ, которая находилась въ Веймарѣ, ихъ командиры уяснили себѣ этотъ фактъ. Тогда было рѣшено, что герцогъ Брауншвейгскій съ главными силами отойдетъ къ сѣверу, внизъ по теченію Заалы на Фрейбургъ, чтобы обезпечить такимъ образомъ свои сообщенія. Гогенлоэ надлежало прикрывать это отступательное движеніе, а Рюхелю,—сосредоточиться подъ Веймаромъ. Пока шли

Прусская королева Луиза.
(Съ портрета въ Гогенцоллернскомъ музеѣ, въ Берлинѣ).

препирательства въ прусской главной квартирѣ, французы не тратили даромъ времени. Такимъ образомъ упущена была пруссаками возможность избѣгнуть боя. Князю Гогенлоэ пришлось имѣть дѣло съ самимъ Наполеономъ, а герцогъ Брауншвейгскій встрѣтился подъ Ауэрштадтомъ съ маршаломъ Даву.

На разсвѣтѣ, 14-го октября, не смотря на сильный туманъ, самъ императоръ сталъ во главѣ войскъ маршала Ланна и, пригласивъ ихъ вспомнить побѣду, одержанную въ предшествовавшемъ году надъ Макомъ, приблизительно въ подобныхъ же условіяхъ, приказалъ начать аттаку. Онъ совершенно правильно опредѣлилъ численность непріятельскихъ войскъ въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Полагая однако, что остальныя прусскія войска скрываются еще за дымкою тумана императоръ былъ убѣжденъ, что передъ нимъ находится главная армія Фридриха Вильгельма III. Войска Ланна, воодушевленныя рѣчью, съ которой обратился къ нимъ Наполеонъ, до того энергично завязали бой съ непріятелемъ, что, съ помощью подоспѣвшаго авангарда корпуса Нея, сдерживали пруссаковъ болѣе чѣмъ два часа. Наполеонъ мастерски воспользовался этимъ временемъ, чтобы подвести къ мѣсту боя остальныя войска, имѣвшіяся у него подъ рукой и завершить тщательныя приготовленія къ подавляющей рѣшительной аттакѣ. Промедленіе съ этой аттакой являлось въ высшей степени характернымъ. Понимая свое безсиліе управлять дальнѣйшимъ ходомъ боя, разъ что онъ уже завязался, Наполеонъ тѣмъ болѣе упорствовалъ въ рѣшеніи распоряжаться до самыхъ мельчайшихъ подробностей началомъ его. Сдерживать въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ войска, увѣренныя въ побѣдѣ и охваченныя стремленіемъ ударить на врага, дѣло очень нелегкое. На этотъ разъ, когда императоръ подъѣхалъ къ своей гвардіи, восторженный голосъ изъ рядовъ крикнулъ: „Впередъ!“ — „Какой это безбородый мальчишка берется рѣшать, какъ долженъ я поступить въ данную минуту? Пусть-ка онъ покомандуетъ прежде войсками въ двадцати сраженіяхъ, прежде чѣмъ обращаться ко мнѣ съ своими совѣтами!“—возразилъ Наполеонъ.

Тѣмъ временемъ Гогенлоэ, выполняя возложенную на него задачу защищать тылъ арміи герцога Брауншвейгскаго, сдерживалъ наступательное движеніе французовъ, которое къ тому же казалось ему вначалѣ не особенно серьезнымъ. Вдоль растянутаго фронта прусской арміи кипѣлъ бой, въ которомъ успѣхъ колебался то въ ту, то въ другую сторону и подъ конецъ началъ даже склоняться какъ-будто въ пользу пруссаковъ. Въ продолженіи всего утра и въ первые часы по полудни не произошло тѣмъ не менѣе ничего рѣшительнаго. Къ двумъ часамъ послѣ полудня, съ прибытіемъ Рюхеля, численность прусскихъ войскъ на полѣ сраженія возросла, но, съ другой стороны, они понесли уже значительный уронъ и были сильно деморализованы безпрерывнымъ огнемъ французовъ, силы которыхъ съ каждымъ часомъ все болѣе развертывались на плоскогорьѣ. Около полудня Наполеонъ призналъ, что располагаетъ достаточнымъ количествомъ войскъ, дабы серьезно

приняться за дѣло. Сульту, Лефевру и Ожеро приказано было одновременно двинуться впередъ. Болѣе чѣмъ два часа пруссаки храбро и упорно сопротивлялись непріятелю, значительно превосходившему ихъ въ численности даже и послѣ того, какъ подошелъ съ своимъ корпусомъ Рюхель. Къ тому времени, впрочемъ, войска Гогенлоэ были до такой степени истощены, что эти подкрѣпленія не въ состояніи были пособить дѣлу. Корпусъ Рюхеля былъ тотчасъ же опрокинутъ и вынужденъ къ отступленію, такъ какъ Наполеонъ располагалъ тогда подавляющимъ превосход-

Принцъ Людвигъ Фердинандъ, убитый подъ Заальфельдомъ.
(Съ портрета въ Гогенцоллернскомъ музеѣ, въ Берлинѣ).

ствомъ въ силахъ. Разсчитываютъ, что противъ сорокапяти тысячъ пруссаковъ князя Гогенлоэ и двадцати семи тысячъ солдатъ Рюхеля дралось около ста тысячъ французовъ. Въ четыре часа пополудни сраженіе было выиграно. Пруссаки пытались собраться подъ Веймаромъ и дать тамъ отпоръ преслѣдовавшимъ ихъ французамъ, но поспѣвшій корпусъ Нея съ резервной кавалеріей Мюрата выбили ихъ оттуда и преслѣдовали на нѣкоторое разстояніе. Вечеромъ Наполеонъ вернулся въ Іену въ полной увѣренности, что уничтожилъ главныя силы прусской арміи.

Предположеніе это было какъ нельзя болѣе ошибочнымъ, но,

при всемъ томъ, нравственные результаты побѣды, одержанной подъ Іеной, оказывались до чрезвычайности существенными. Рано утромъ 14-го октября герцогъ Брауншвейгскій и король достигли съ главной прусской арміей до Ауэрштадта, разсчитывая переправиться неподалеку оттуда черезъ Заалу и дать въ случаѣ надобности на правомъ ея берегу отпоръ непріятелю.

Не считая резерновъ, у нихъ имѣлось подъ ружьемъ до 35,000 человѣкъ. Въ силу отданныхъ Наполеономъ приказаній, Бернадотту надлежало въ это время идти изъ Геры на Дорнбургъ, непосредственно въ тылъ пруссакамъ, непозаботившимся о своевременномъ охраненіи такового, но онъ еще не тронулъ съ мѣста свои войска и оставался поэтому въ связи съ Даву. Исходя изъ убѣжденія, что находившіяся передъ нимъ войска Гогенлоэ были главными силами прусской арміи, Наполеонъ нѣсколько позднѣе послалъ Даву предписаніе повернуть въ свою очередь съ тридцатитрехъ тысячной своей дивизіей въ болѣе южномъ направленіи и двинуться къ Апольдѣ. Къ этому присовокуплялось, что если Бернадоттъ находится по сосѣдству, то обоимъ корпусамъ можно идти вмѣстѣ, но императоръ высказывалъ надежду, что Бернадоттъ прибылъ уже въ Дорнбургъ. Бернадотту было сообщено объ этомъ приказѣ, но, вспомнивъ, какъ въ прошломъ году навлекъ на себя неудовольствіе императора своимъ бездѣйствіемъ, генералъ этотъ побоялся ослушаться буквы имѣвшихся у него инструкцій и не рѣшился слѣдовать истинному ихъ духу. Въ точности соблюдая формальную сторону отданныхъ ему приказаній, онъ двинулся къ Дорнбургу и такимъ образомъ не только лишилъ свой корпусъ возможности участвовать въ какомъ-либо изъ двухъ сраженій, разыгравшихся 14-го числа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставилъ и корпусъ Даву въ чрезвычайно опасное положеніе. Этотъ тридцатитрехтысячный корпусъ могъ быть совершенно уничтоженъ главными силами прусской арміи, въ которой насчитывалось вмѣстѣ съ резервами 53,000 человѣкъ, подобно тому какъ уничтожена была въ прошломъ году русскими войсками дивизія Мортье, оказывавшаяся въ такомъ же изолированномъ положеніи. Наполеонъ утверждалъ, будто послалъ ночью Бернадотту предписаніе подкрѣпить Даву. Сколько можно судить, заявленіе это было съ его стороны только уловкой, имѣвшей цѣлью свалить на медленность движеній Бернадотта нравственную отвѣтственность за рискъ, которому несомнѣнно подвергался корпусъ Даву. Бернадоттъ категорически отрицалъ полученіе такого приказа. Вслѣдствіе этого отношенія между нимъ и Наполеономъ стали еще болѣе натянутыми. Съ теченіемъ времени они до такой степени обострились, что пріобрѣли даже историческое значеніе.

Утромъ, 14-го октября, Даву началъ переправляться черезъ рѣку Заалу и перевелъ уже черезъ нее около двухъ третей своего корпуса, когда его авангардъ неожиданно встрѣтился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, близъ деревушки Гассенгаузена. Это были передовыя прусскія войска. Густой туманъ первоначально скрывалъ французовъ и пруссаковъ другъ отъ друга,

но Даву быстро двинулъ колонны свои впередъ и развернулъ ихъ вправо на высотахъ для одновременнаго нападенія на непріятеля, прусскія же войска двигались и развертывались до такой степени медленно, что лишь послѣдовательно ввязывались въ дѣло и такимъ образомъ утрачивали преимущество своего численнаго перевѣса. Бой начался кавалерійской аттакой Блюхера на правое крыло французовъ, но прусская конница оказалась не въ силахъ выдержать хладнокровный стойкій огонь французской пѣхоты и артиллеріи, а потому аттака была отбита, и Блюхеру пришлось въ безпорядкѣ отойти назадъ. Прусское правое крыло двинулось тогда въ обходъ французскаго лѣваго фланга и заставило французовъ укрыться въ деревушкѣ. Не въ силахъ будучи выбить оттуда непріятеля, пруссаки стояли цѣлыхъ два часа въ открытомъ полѣ, передъ этой деревушкой подъ самымъ убійственнымъ огнемъ.

Тѣмъ временемъ наступилъ полдень. Остальныя части корпуса Даву успѣли переправиться черезъ рѣку и прибыли на поле сраженія. Этотъ храбрый полководецъ, ставъ во главѣ прибывшихъ къ нему подкрѣпленій, стремительно ударилъ на пруссаковъ. Герцогъ Брауншвейгскій былъ въ то время уже смертельно раненъ. Король, принявъ на себя команду, распоряжался хотя и энергически, но былъ не въ силахъ сдержать натискъ французовъ. Лѣвое его крыло, аттакованное дивизіей Фріана, подалось назадъ, и король рѣшился отступить на присоединеніе къ резерву изъ 18,000 человѣкъ, оставленному въ критическую минуту въ Герштедтѣ. Вслѣдствіе раны, полученной герцогомъ Брауншвейгскимъ, онъ ослѣпъ на оба глаза и не въ состояніи былъ отдавать никакихъ приказаній, а потому объ этомъ резервѣ словно забыли. Французы тѣснили отступавшаго непріятеля и преслѣдовали его даже за Ауэрштадтомъ до пяти часовъ послѣ полудня, когда Даву приказалъ своимъ войскамъ остановиться. Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ полную возможность, притянувъ къ себѣ резервы, ударить съ свѣжими силами на утомленныхъ боемъ французовъ,но не сдѣлалъ этого и продолжалъ отступать, разсчитывая соединиться съ Гогенлоэ и дать на слѣдующій день сраженіе подъ Веймаромъ.

Ему пришлось встрѣтиться, однако, на дорогѣ туда не съ прусскими, а съ французскими войсками. Дѣйствительно, Бернадоттъ миновалъ уже Дорнбургъ и, занявъ своимъ авангардомъ Апольду, загородилъ дорогу въ Веймаръ. Это жестокое разочарованіе вызвало совершенный упадокъ духа какъ у самого короля, такъ и у его арміи. Все время до тѣхъ поръ прусскіе солдаты сражались хотя и неудачно, но мужественно и стойко, оправдывая такимъ образомъ блестящую свою репутацію. Теперь, однако, дисциплина въ ихъ рядахъ сразу рушилась. За весьма немногими исключеніями, ихъ батальоны и эскадроны разсѣялись и превратились въ толпы бѣглецовъ. Князю Гогенлоэ, впрочемъ, удалось собрать десятитысячный корпусъ, съ которымъ онъ быстро, но въ порядкѣ, отступилъ черезъ Нордгаузенъ къ Магдебургу, а оттуда, черезъ Нейруппинъ, къ Пренцлау. Блюхеръ тоже ушелъ съ не-

большимъ кавалерійскимъ отрядомъ. Сраженія подъ Ауэрштедтомъ и подъ Іеной являются въ тактическомъ отношеніи отдѣльными и самостоятельными, но въ стратегическомъ и нравственномъ они должны разсматриваться какъ одна и та же битва. Спеціалисты военнаго дѣла находятъ въ этой кампаніи почти первый примѣръ полнаго удачнаго осуществленія весьма щекотливаго маневра, извѣстнаго подъ названіемъ „обойти непріятеля“. Маневръ этотъ представляется, какъ уже упомянуто, весьма щекотливымъ. Дѣйствительно, обходящій оказывается при этомъ и самъ обойденнымъ, такъ что малѣйшій недосмотръ или-же несчастная случайность могутъ поставить его въ самое критическое положеніе. Въ данномъ случаѣ французы не рисковали проиграть кампанію, такъ какъ, благодаря искусно скомбинированнымъ движеніямъ своихъ корпусовъ, Наполеонъ обезпечилъ себѣ стратегически выигрышъ кампаніи. Съ другой стороны, однако, поведеніе Бернадотта хоти и оправдывалось съ формальной точки зрѣнія, но могло повести къ тактическому,проигрышу битвы, еслибъ пруссаки выказали больше энергіи, а Даву—меньше распорядительности и таланта. Успѣхъ, одержанный Наполеономъ, обусловливался отчасти тѣмъ, что „въ то время, когда другіе разсуждали, французская армія шла“ (какъ онъ объяснялъ это самъ), отчасти-же блестящими способностями его маршаловъ, всецѣло еще преданныхъ своему императору. Замѣчательно, что предпріятія, сопряженныя съ большимъ рискомъ, зачастую удаются лишь съ грѣхомъ пополамъ и съ большой натяжкой и проигрываются иной разъ въ такихъ случаяхъ, когда вѣроятности успѣха представляются на первый взглядъ гораздо болѣе благопріятными. Прусская кампанія принадлежала къ числу крупныхъ рискованныхъ предпріятій. Послѣдующія за нею кампаніи оказывались по замыслу еще крупнѣе, но ихъ успѣхъ обусловливался въ еще большей степени игрою случая, причемъ проигрышъ могъ бы каждый разъ повлечь за собой ужасающую катастрофу.

Разгромъ Пруссіи.

Пораженіе подъ Іеной подѣйствовало на Пруссію ошеломляющимъ образомъ. Нравственное впечатлѣніе, произведенное имъ, оказывалось въ высшей степени тягостнымъ. Долгіе годы безотвѣтственнаго управленія въ духѣ абсолютизма и милитаризма отмстили за себя, если можно такъ выразиться, однимъ ударомъ. Народъ, непріученный дѣйствовать самостоятельно, словно оцѣпенѣлъ и лишь въ немногихъ рѣдкихъ случаяхъ осмѣливался взяться за оружіе. Понятно, что такія частныя попытки противодѣйствія не могли увѣнчаться успѣхомъ. Фридриху Вильгельму во время бѣгства съ трудомъ лишь удалось удержать при себѣ королевскую свиту. На другой день послѣ пораженія онъ отправилъ къ Наполеону посла просить мира. Французскій императоръ возразилъ, что предпишетъ условіе мирнаго договора лишь послѣ того, какъ займетъ Берлинъ, и безостановочно шелъ съ своей арміей

впередъ. Прусскій дворъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, которыми командовалъ Лестокъ, ушелъ черезъ западную Пруссію и укрылся въ Кенигсбергѣ. Наполеонъ сознавалъ необходимость возможно полнѣе воспользоваться результатами одержанной побѣды и такъ осмотрительно организовалъ преслѣдованіе, что не упустилъ изъ виду даже самыхъ мелочныхъ деталей. Французскіе солдаты неудержимо шли впередъ. Прусскій резервный корпусъ былъ безъ труда разбитъ Бернадоттомъ подъ Галле и неосмотрительно укрылся въ Магдебургской крѣпости, гдѣ не было заготовлено продовольствія. Ланнъ занялъ Дессау, а Даву Виттенбергъ. Тѣмъ временемъ Даву, Сультъ и Ней обложили Магдебургъ, являвшійся тогда стратегическимъ ключемъ эльбской долины. Эта крѣпость держалась до ноября мѣсяца, а затѣмъ сдалась. Такая же участь постигла и Эрфуртъ. Французы захватили и опустошили фактически всю Пруссію. Даже князю Гогенлоэ съ остатками арміи, отступившими изъ-подъ Іены, не удалось отъ нихъ укрыться. Пѣхота Ланна и кавалерія Мюрата нагнали его и вытѣснили изъ Пренцлау. Тамъ, 27-го октября, онъ положилъ оружіе, повѣривъ на слово Мюрату, утверждавшему, будто прусскавъ окружила стотысячная французская армія, причемъ заявленіе это было подтверждено прусскимъ парламентеромъ, позволившимъ себя обмануть непростительнымъ образомъ. Самого короля Фридриха Вильгельма захватили бы въ плѣнъ подъ Вейсензее, еслибъ Блюхеръ, въ свою очередь, не обманулъ самымъ наглымъ образомъ французскаго генерала Клейна, увѣривъ его, будто заключено уже перемиріе, о которомъ въ дѣйствительности не было и рѣчи. Штеттинъ сдался 30-го октября кавалерійскому отряду Лассаля, а вскорѣ послѣ того открыла французамъ свои ворота также и Кюстринская крѣпость. Эти крѣпости, а также Шпандау и Гамельнъ сдались съ черезчуръ уже подозрительной поспѣшностью.Въ нѣкоторыхъ случаяхъ французскіе и прусскіе солдаты сообща шикали комендантамъ сдававшихся и осыпали ихъ бранью, называя трусами и подкупленными измѣнниками, что, надо полагать, представлялось неподлежащимъ сомнѣнію. Блюхеръ, послѣ многихъ мужественныхъ, но тщетныхъ попытокъ собрать войска, съ которыми можно было бы дать отпоръ побѣдоносному врагу, успѣлъ съ величайшими усиліями добраться съ своею конницей до Любека. Загнанный въ городъ, не смотря на замѣчательно храброе и стойкое сопротивленіе, онъ вынужденъ былъ тоже положить оружіе. На всемъ пространствѣ между Эльбою и Одеромъ не осталось такимъ образомъ никакихъ сколько-нибудь организованныхъ прусскихъ военныхъ силъ.

Въ императорскомъ декретѣ, изданномъ въ Іенѣ 15-го октября, Наполеонъ заранѣе уже объявилъ, что въ одержанномъ наканунѣ сраженіи завоевалъ всю Пруссію на западъ отъ Вислы. Онъ обнаружилъ при этомъ единственно только обычную свою догадливость и проницательность. Деморализація пруссаковъ въ непродолжительномъ времени оказалась такою же полной, какъ и покореніе ихъ страны. Обращеніе побѣдителей съ народомъ

являлось апогеемъ долгой карьеры французскихъ солдатъ и офицеровъ на аренѣ вымогательства и грабежа. Одновременно съ успѣхомъ Наполеона раскидывались все болѣе въ ширь также и завоевательные его планы. Поэтому онъ все менѣе обращалъ вниманіе на выборъ средствъ къ достиженію своихъ цѣлей и все болѣе хлопоталъ лишь о фактическомъ достиженіи таковыхъ. Армія была снова разбросана въ завоеванной странѣ, дабы облегчить такимъ образомъ ея продовольствіе, причемъ побѣдоносныя войска не упускали случая поживиться насчетъ побѣжденныхъ. Одинъ изъ самыхъ восторженно-преданныхъ Наполеону офицеровъ, служившихъ въ 1806 году во французской арміи, говоритъ: „Съ той самой минуты, когда Наполеонъ достигъ верховной власти, нравственный обликъ французскихъ солдатъ рѣзко измѣнился. Прежнее единеніе сердецъ у нихъ исчезло вмѣстѣ съ бѣдностью, смѣнившись стремленіемъ къ роскоши и къ удобствамъ жизни. Императоръ, въ силу политическимъ своихъ соображеній, считалъ умѣстнымъ благопріятствовать такому вырожденію воинскаго духа. Онъ находилъ выгоднымъ поставить армію въ безусловную отъ него зависимость и признавалъ свой образъ дѣйствій весьма искуснымъ и цѣлесообразнымъ".

Возмутительныя подробности о томъ, какъ Наполеонъ и его армія обходились съ Пруссіей, разсказывались уже неоднократно. 24-го октября императоръ, прибывъ въ Потсдамъ, знаменитую резиденцію Гогенцоллерновъ, публично посѣтилъ гробницу Фридриха Великаго. Заявивъ тамъ о глубокомъ своемъ уваженіи и почтеніи къ этому великому полководцу, онъ тѣмъ не менѣе послалъ шпагу, портупею и шляпу усопшаго героя въ Парижъ, въ качествѣ трофеевъ, дабы украсить ими Домъ Инвалидовъ. „Умъ, геній и привязанности Фридриха Великаго были родственными нашей націи, къ которой онъ питалъ всегда такое уваженіе",— говорилъ Наполеонъ, чтобы прикрыть этотъ поступокъ благовиднымъ предлогомъ. Такую же безцеремонность, чтобъ не сказать хуже, обнаруживалъ онъ также и по отношенію къ злополучной королевѣ Луизѣ. Во множествѣ послѣдовательныхъ бюллетеней онъ осыпалъ ложью и оскорбительными клеветами эту злополучную монархиню. Въ одномъ изъ бюллетеней заявлялось, что королева Луиза, „пожалуй, недурна собою, но весьма недальняго ума", а въ другомъ спрашивалось: „какіе именно таинственные поводы заставили женщину, поглощенную до тѣхъ поръ въ серьезныя занятія туалетомъ, вмѣшиваться въ политику, побуждать короля къ войнѣ и всюду зажигать огонь, недававшій покоя ей самой?" Приэтомъ намекалось, что этими таинственными поводами были личныя посѣщенія Императора Александра I въ Берлинѣ.

27-го октября Наполеонъ торжественно вступилъ въ прусскую столицу. Этотъ тріумфъ сопровождался величайшимъ великолѣпіемъ, какимъ только его можно было тогда обставить. Для означенной цѣли стянуто было въ Берлинѣ возможно большее количество побѣдоносныхъ войскъ, во главѣ которыхъ императоръ и въѣхалъ въ столицу побѣжденнаго врага. Одинъ изъ воиновъ На-

Мюратъ командуетъ кавалеріей подъ Іеной (Съ картины Шартье).

полеона, Куанье, описываетъ слѣдующимъ образомъ эту сцену: „Императоръ былъ дѣйствительно грандіозенъ въ простомъ своемъ костюмѣ, съ маленькой шляпой, украшенной грошевою ко-

кардой. Напротивъ того, весь его штабъ былъ въ парадныхъ мундирахъ. Постороннимъ, безъ сомнѣнія, казалось страннымъ, что единственный хуже всѣхъ одѣтый человѣкъ былъ на самомъ дѣлѣ вождемъ такой великолѣпной арміи. Чтобы „застращать всѣхъ въ первую минуту“ (какъ онъ совѣтовалъ это дѣлать Іосифу въ Неаполѣ) Наполеонъ распорядился арестовать князя Гацфельда, наиболѣе выдающагося представителя прусской аристократіи, на котораго можно было наложить руку. Его предписывалось предать военному суду по обвиненію въ измѣнѣ и шпіонствѣ. Уликою служило письмо, въ которомъ князь сообщалъ своему монарху подробности вступленія французскихъ войскъ въ Берлинъ. Письмо это оказывалось, по существу, до такой степени невиннымъ, что князь сдалъ его прямо на почту. Тамъ оно было немедленно арестовано и предъявлено Наполеону. Князю Гацфельду удалось избѣгнуть грозы лишь благодаря тому, что онъ на первое время скрылся и его не могли разыскать. Впослѣдствіи ему дарована была жизнь по личному слезному ходатайству его супруги и въ доказательство великаго милосердія побѣдоноснаго императора. Подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Италіи, картинныя галлереи, библіотеки, музеи и дворцы были разграблены и лучшія ихъ сокровища отправлены въ Парижъ.

Французскіе солдаты не нуждались въ подобныхъ примѣрахъ и поощреніяхъ, дабы хозяйничать въ завоеванномъ краѣ по-свойски. Любекъ, взятый будто бы штурмомъ, былъ прямо отданъ войскамъ на разграбленіе, совершенно также, какъ Павія въ первую итальянскую кампанію Бонапарта и французскія войска распоряжались тамъ безконтрольно. Впрочемъ, вездѣ въ Пруссіи, гдѣ только стояли эти войска, солдатамъ и офицерамъ стоило лишь предъявить напуганнымъ своимъ хозяевамъ какое-либо требованіе, чтобы оно было немедленно же исполнено. Требованія побѣдителей не отличались скромностью. Раздраженное, но безпомощное населеніе вынуждено было безропотно выносить не только ихъ хищничество, но также и самое наглое сладострастіе. Французскіе генералы держали себя въ этомъ отношеніи почти также, какъ состоявшіе подъ ихъ начальствомъ солдаты и офицеры. Подобно тому, какъ передъ тѣмъ въ Италіи и въ Австріи, Наполеонъ снисходительно одобрялъ ихъ подвиги по этой части, а потому они могли безнаказанно проявлять самую безграничную алчность. Понятно, что генералы и высшіе въ чинахъ офицеры выбирали себѣ для стоянки замки прусскихъ магнатовъ и дома богатыхъ горожанъ. Со стороны хозяевъ было бы крайне неосторожно отказать непрошеннымъ гостямъ въ чемъ-либо, что имъ особенно нравилось, а между тѣмъ французскіе генералы открыто восхищались многими цѣнными вещами. Императоръ полагалъ, что всѣ такія мелкія отступленія отъ кодекса общепризнанной нравственности должны увеличивать вѣрноподданическую преданность къ нему войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было извѣстно, что стоило только пригрозить маршаламъ назначеніемъ слѣдствія для провѣрки счетовъ, дабы тотчасъ же подавить въ нихъ всякую попытку про-

явленія независимости. Самымъ алчнымъ грабителемъ изъ французскихъ генераловъ былъ Массена, на котораго, по словамъ Наполеона, можно было повліять только деньгами, причемъ „въ первое время онъ удовлетворялся маленькой суммою, а теперь даже и милліарды не могутъ насытить его алчности". Въ другой разъ, впрочемъ, Наполеонъ отозвался объ этомъ генералѣ нѣсколько великодушнѣе. Онъ заявилъ, что за Массенной, какъ и за всякимъ другимъ, водятся грѣшки, но что предъ его талантами, какъ полководца, остается только преклонить колѣни. Во время нечаяннаго нападенія, произведеннаго небольшимъ партизанскимъ отрядомъ, у Бернадотта отняли фуру, нагруженную добычей, вывезенной имъ лично изъ Любека. Это его до чрезвычайности огорчило, и въ арміи ужасно смѣялись, когда онъ объяснялъ подавленное настроеніе своего духа тѣмъ, что утрата фуры помѣшала ему выдать солидныя наградныя деньги всѣмъ солдатамъ и офицерамъ его корпуса. Храброму Даву предстояло вскорѣ наполнить всю Польшу страхомъ своего имени. Братъ Наполеона, Жеромъ, найдя въ одномъ изъ польскихъ помѣщичьихъ замковъ погребъ, наполненный отборными токайскими винами, очистилъ его, нагрузилъ виномъ обозныя фуры и увезъ съ собою все до послѣдней бутылки.

Луи-Николай Даву, герцогъ Ауэрштедскій, князь Экмюльскій.
(Съ портрета въ Версальскомъ музеѣ).

Разгромивъ, заполонивъ и почти уничтоживъ такимъ образомъ Пруссію, Наполеонъ, не теряя ни минуты, поспѣшилъ воспользоваться одержанными имъ успѣхами, чтобъ нанести ударъ одновременно Россіи и Англіи.

Въ Восточномъ вопросѣ ему представлялся случай убить, какъ говорится, однимъ камнемъ двухъ воробьевъ сразу. Благодаря доставленнымъ ему въ 1803 году Себастіани обстоятельнымъ свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ на Востокѣ, Наполеонъ рѣшился фактически подчинить Турцію своему вліянію. Для достиженія этого результата необходимо было на первое время щадить подозрительность Австріи. Держава эта, хотя и была передъ тѣмъ низвергнута во прахъ, но уже начинала опять подыматься на

ноги. Замѣчательно, что ея разноплеменное и разношерстное населеніе выказывало несравненно болѣе бодрости и патріотизма, чѣмъ пруссаки, и что оно, своимъ мужествомъ и любовью къ отечеству, напоминало скорѣе французовъ.

Лѣтомъ, въ 1806 году, султанъ Селимъ III, какъ бы по собственному своему почину, но въ дѣйствительности подстрекаемый французскимъ посломъ, смѣнилъ господарей въ Молдавіи и Валахіи, которые оба слишкомъ уже явно держали сторону Россіи. Императоръ Александръ I тотчасъ же послалъ армію на Дунай, и султанъ сперва перепугался не на шутку, но 11-го ноября 1806 года, въ то время, когда положеніе Турціи представлялось наиболѣе опаснымъ, онъ получилъ оффиціальное извѣщеніе, что французскій императоръ располагаетъ теперь свободной трехсотъ тысячной арміей, дабы напасть на Россію и спасти Оттоманскую имперію отъ посягательствъ грозной ея сосѣдки. Наполеонъ обѣщалъ вторгнуться въ Россію со стороны Вислы съ тѣмъ, чтобы турецкая армія двинулась одновременно со стороны Днѣпра. Султанъ немедленно же повиновался, вслѣдствіе чего русскому Государю пришлось выставить противъ турокъ восьмидесятитысячную армію. Австрія, очевидно, вспоминая о томъ, какъ покинула ее Россія послѣ разгрома подъ Аустерлицемъ, не обнаруживала неудовольствій, или опасеній, по поводу такого образа дѣйствій Франціи, а Наполеонъ сознавалъ, что сдѣлалъ важный шагъ къ одержанію побѣды надъ Россіей и къ установленію надъ Турціей протектората, способнаго угрожать англійскому владычеству на Востокѣ.

Громовой стрѣлой, выкованной спеціально для Англіи, былъ императорскій французскій декретъ, изданный въ Берлинѣ 21-го ноября. Декретъ этотъ являлся какъ бы вѣнцомъ всего зданія континентальнаго амбарго, которое въ теченіе цѣлыхъ уже четырехъ лѣтъ привлекало къ себѣ до такой степени вниманіе своего творца. Англія являлась душою каждой коалиціи на материкѣ Европы, и Франціи оставалось только отвѣчать на эти коалиціи новыми континентальными завоеваніями. Благодаря островному своему положенію, Англія оказывалась обезпеченной отъ вторженія французскихъ армій. Можно было только бить ее по карману, стѣсняя ея торговлю, а слѣдовательно также и промышленность. Захвативъ въ свои руки Европу, Наполеонъ, разумѣется, могъ наносить Великобританіи удары въ самое больное мѣсто. Въ берлинскомъ декретѣ онъ постановилъ: „Британскія острова объявляются отнынѣ въ блокадѣ. Торговыя сношенія съ ними воспрещаются. Письма и посылки, адресованныя въ Англію, конфискуются. Точно также конфискуются и всѣ склады англійскихъ товаровъ на материкѣ Европы, въ предѣлахъ Франціи и союзныхъ съ нею державъ. Всѣ безъ исключенія англійскіе товары, англійскія суда, а равно также суда, нагруженныя товарами изъ англійскихъ колоній, не допускаются въ порта Франціи и дружественныхъ съ нею, хотя бы даже нейтральныхъ государствъ“.

Еще въ 1795 году комитетъ Общественной безопасности обсуж-

далъ вопросъ объ умѣстности и возможности закрыть доступъ англійскихъ товаровъ на материкъ Европы. Первоначальная мысль берлинскаго декрета не принадлежитъ поэтому Наполеону, но въ выборѣ момента и формы ея примѣненія починъ несомнѣнно исходилъ отъ него самого. Послѣдняя статья декрета была къ тому же придумана и проредактирована имъ лично. Немногія ея слова оказывались краснорѣчивѣе и содержательнѣе цѣлыхъ томовъ. Въ отвѣтъ на руководящій принципъ англійской политики, что „вражеское судно дѣлаетъ и находящіеся на немъ товары вражескими“, онъ постановилъ принципъ, что „вражеская страна дѣлаетъ и вывезенные изъ нея товары вражескими“, и въ силу этого принципа приказалъ конфисковать всѣ англійскіе товары, найденные въ странахъ, занятыхъ его войсками. Онъ пошелъ еще далѣе въ этой самоубійственной логикѣ и деспотически объявилъ Великобританіи самую безпощадную войну, постановивъ, что каждый англійскій подданный, оказавшійся въ упомянутыхъ странахъ, признается военноплѣннымъ, и что частная собственность всѣхъ англичанъ подлежитъ законнымъ образомъ захвату и конфискаціи. Эти крутыя мѣры, разсматриваемыя въ совокупности, должны были служить репрессаліями за Трафальгаръ и за изданный 16-го мая 1806 года англійскимъ правительствомъ указъ, объявлявшій весь материкъ Европы отъ Бреста до Эльбы въ блокадѣ, дабы такимъ образомъ раззорить въ конецъ французскую торговлю. Берлинскій декретъ долженъ былъ служить также отместкой за практиковавшійся англичанами обыскъ французскихъ судовъ и насильственный захватъ оттуда матросовъ на военныя британскія суда. Самъ Наполеонъ позволялъ себѣ подобное же неделикатное обращеніе съ англійскими военными и купеческими судами, но ему, безъ сомнѣнія, не удавалось нанести такимъ путемъ англичанамъ столько убытковъ и непріятностей, сколько они наносили французамъ. Въ 1806 году командировано было на Востокъ еще трое французскихъ агентовъ. Іосифъ Бонапартъ объяснилъ прусскому посланнику, что его братъ замышляетъ экспедицію въ Индію. Много лѣтъ спустя и самъ Наполеонъ, въ бесѣдѣ съ д-мъ О'Мера, подтвердилъ, что у него дѣйствительно имѣлось такое намѣреніе.

Ни одинъ изъ плановъ Наполеона не оказался для него въ концѣ концовъ такимъ гибельнымъ, какъ именно этотъ берлинскій декретъ. Колоніальные товары стали уже для населенія Европы жизненною необходимостью. Лишеніе ихъ вызывало въ каждой, даже самой бѣдной, семьѣ раздраженіе противъ Франціи и ея императора. Попытка заставить Россію слѣдовать этой разорительной политикѣ нанесла первый смертельный ударъ могуществу Наполеона, повлекшій за собою его паденіе.

Что касается до Пруссіи, то окончательное рѣшеніе по отношенію къ ней все еще заставляло себя ждать. На просьбу о мирѣ Наполеонъ сперва отвѣтилъ, что вступитъ въ переговоры лишь по прибытіи въ Берлинъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ торжественнаго въѣзда императора въ прусскую столицу переговоры о мирѣ

начались. Требованія, предъявленныя съ самого начала французскими уполномоченными, значительно превосходили то, что прусскіе дипломаты считали возможнымъ уступить. Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ одна крѣпость за другою отворяла свои ворота, требованія французовъ становились все тягостнѣе и неудобоисполнимѣе. Одно время Наполеонъ серьезно предполагалъ совершенно разрушить монархію Гогенцоллерновъ и раздѣлить между своими вассалами земли, пріобрѣтенныя въ разныя времена и разными путями ловкими потомками бранденбургскихъ маркграфовъ. Земли эти не были связаны даже территоріальнымъ единствомъ и тянулись двумя отдѣльными полосами съ Сѣверо-Востока на Юго-Западъ. Вольтеръ утверждалъ, будто онѣ на картѣ Европы изображаютъ собою пару подтяжекъ. Самое еще благопріятное, чего можно было добиться отъ Наполеона и что въ виду полнѣйшаго безсилія Пруссіи онъ и въ самомъ дѣлѣ считалъ съ своей стороны весьма великодушной уступкой, это было предложеніе заключить перемиріе, въ теченіе котораго французы займутъ всю Пруссію по рѣку Бугъ, а Фридрихъ Вильгельмъ запретитъ приближавшимся уже русскимъ войскамъ вступать на его территорію. Прусскій уполномоченный подписалъ такой договоръ, но его монархъ, надежды котораго росли по мѣрѣ того, какъ русская армія подходила ближе, отказался его ратификовать.

Легко представить себѣ отчаяніе Фридриха Вильгельма, когда онъ узналъ, какимъ именно образомъ распорядился императоръ Наполеонъ съ владѣніями союзниковъ Пруссіи. Курфюрстъ Гессенъ-Кассельскій просилъ о включеніи его въ члены Рейнскаго союза, но ему было въ этомъ отказано. Несмотря на то, что онъ во время войны оставался нейтральнымъ, ему сообщили, на другой день послѣ Іенской битвы, что императору извѣстно тайное его сочувствіе къ коалиціи. Фактъ этого сочувствія доказывался будто бы тѣмъ, что онъ, приведя свою армію на военное положеніе, все-таки же дозволилъ прусскимъ войскамъ пройти черезъ его территорію. Такой образъ дѣйствій вызывалъ для французскаго императора необходимость занять его владѣнія. Мортье, командовавшій французскими войсками въ Майнцѣ, получилъ приказаніе арестовать курфюрста и заключить его въ Мецскую крѣпость, а 4-го ноября состоялось лаконическое заявленіе, что Гессенскій домъ болѣе уже не царствуетъ. Дѣло въ томъ, что его владѣнія нужны были для образованія новаго вассальнаго королевства, которое въ теченіе уже нѣкотораго времени предполагалось учредить. Саксонскому курфюрсту, войска котораго сражались подъ Іеной въ прусскихъ рядахъ, предложено было напротивъ того воспользоваться привиллегіями нейтралитета, на что онъ съ радостью согласился, отрекшись отъ прежняго своего союзника. Герцоги Саксенъ-Готскій и Саксенъ-Веймарскій послѣдовали примѣру курфюрста и уцѣлѣли благодаря изъявленной ими покорности. Смертельно раненый герцогъ Брауншвейгскій прибылъ умирать въ свою столицу и обратился оттуда къ побѣдителю съ просьбою пощадить его владѣнія. Наполеонъ отвѣтилъ

ему самымъ безжалостнымъ отказомъ, въ которомъ напомнилъ извѣстную прокламацію, изданную герцогомъ въ 1712 году противъ французской республики, и заявилъ, что считаетъ его истиннымъ зачинщикомъ также и послѣдней войны. Брауншвейгъ, Ганноверъ и Гамбургъ со всѣми ихъ территоріями были заняты французскими войсками, и подчинены военному управленію.

Въ поступкѣ съ Гессенъ-Касселемъ французскій императоръ выказалъ себя совершенно открыто деспотомъ. Въ Пруссіи ему нельзя было разыгрывать роль освободителя, за отсутствіемъ сколько-нибудь распространеннаго въ народныхъ массахъ сознанія угнетеннаго ихъ положенія. Массы эти находились тогда еще къ состояніи глубокой апатіи. Въ политикѣ съ Саксоніей и Саксонскими герцогствами французскій императоръ выказалъ себя въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Тамъ, среди населенія, было очень распространено сочувствіе либеральнымъ идеямъ какъ въ административныхъ и юридическихъ, такъ и въ религіозныхъ вопросахъ, а Наполеонъ все еще считался тогда представителемъ этихъ идей. Необходимо замѣтить, что въ восточной Европѣ имѣлся народъ, видѣвшій въ немъ доброжелательнаго деспота и во всякомъ случаѣ признававшій за нимъ большее значеніе, чѣмъ это подобало бы представителю исключительно только либеральнаго принципа. Польша, потерпѣвшая неудачу въ своихъ попыткахъ жить подъ сѣнью конституціоннаго правительства и давно уже отличавшаяся слабостью внѣшней своей политики, была уничтожена и раздѣлена по соглашенію между могущественными ея сосѣдями, но тѣмъ не менѣе еще оставалась въ живыхъ. Въ поискахъ за спасителемъ, который могъ бы возродить ихъ отчизну, къ новой національной жизни, большинство поляковъ возложило всѣ свои упованія на Наполеона. Онъ старался извлечь для себя возможно большія выгоды изъ этого факта и сознавалъ, что для этого надлежитъ поторопиться, такъ какъ русскій Императоръ съ девяностотысячной арміей поспѣшно шелъ уже къ прусской границѣ. 19-го ноября прибыла въ Берлинъ депутація отъ польскаго дворянства. Наполеонъ принялъ ее съ самымъ демонстративнымъ почетомъ, далъ ей торжественную аудіенцію и отпустилъ, заявивъ, что Франція никогда не признавала раздѣла Польши и что поэтому онъ, въ качествѣ императора французовъ, считаетъ необходимымъ возстановить польскую независимость и снова организовать королевство, которое, будучи основано имъ, несомнѣнно окажется устойчивымъ на вѣчныя времена. Недѣлю спустя онъ уѣхалъ въ Познань и, вступивъ въ этотъ городъ подъ тріумфальною аркой, украшенною посвященіемъ: „Освободителю Польши“, вызвалъ энтузіазмъ, значительно опередившій наступательное движеніе его арміи. Почти тотчасъ же затѣмъ началась въ Варшавѣ патріотическая агитація, побудившая 60.000 поляковъ въ одномъ этомъ городѣ записаться въ ряды національной гвардіи. Было бы совершенно безцѣльно заниматься здѣсь обсужденіемъ вопроса о томъ, могъ-ли и хотѣлъ-ли на самомъ дѣлѣ Наполеонъ возстановить Польшу. Косціюшко и нѣкоторые другіе изъ болѣе

разсудительныхъ и осторожныхъ поляковъ не вѣрили въ рыцарское его великодушіе и держались въ сторонѣ. Нѣкоторые изъ польскихъ аристократовъ требовали немедленнаго и формальнаго признанія независимости ихъ отчизны, ставя таковое необходимымъ предварительнымъ условіемъ своего содѣйствія. Въ польскихъ народныхъ массахъ, однако, воскресли прежніе идеалы. Традиціонная, порывистая, но непостоянная и въ большинствѣ случаевъ плохо управляемая, энергія поляковъ вспыхнула яркимъ пламенемъ на службѣ новой западной имперіи.

Такой образъ дѣйствій французскаго императора неизбѣжно долженъ былъ возбудить въ Австріи опасенія за прочность владычества въ доставшемся на ея долю участкѣ прежняго польскаго королевства. Французскому послу въ Вѣнѣ, Андреосси поручено было извиниться, объяснивъ, что инсуррекціонное движеніе является необходимымъ слѣдствіемъ пребыванія императора Наполеона въ Познани, и что онъ вовсе не намѣренъ освобождать австрійскую Польшу. Тѣмъ не менѣе, если австрійскій императоръ безпокоится, то не соблаговолитъ-ли онъ обсудить вопросъ объ умѣстности получить часть Силезіи въ вознагражденіе за польскія земли, находящіяся теперь подъ его владычествомъ? Это коварное предложеніе связало императора Франца по рукамъ и ногамъ. Ему было бы очень пріятно получить кусочекъ Силезіи, но онъ не смѣлъ принять ее даже и всю, такъ какъ, поссорившись съ Россіей и съ Англіей, онъ оказался бы фактически вынужденнымъ вступить въ союзъ съ Франціей. Во всякомъ случаѣ, несмотря на то, что представитель Россіи въ Вѣнѣ, соотечественникъ Наполеона, корсиканецъ Поццо-ди-Борго, неутомимо старался поссорить Австрію съ Наполеономъ, императоръ Францъ рѣшился соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Поляки раздѣлились на три главныхъ партіи, между которыми не представлялось возможнымъ придти къ какому-либо соглашенію. Одна изъ нихъ, съ Косціушко во главѣ, держалась совершенно въ сторонѣ, другая,— подъ предводительствомъ Понятовскаго, оптимистически полагалась на доброжелательство Наполеона, а третья, наиболѣе выдающимся представителемъ которой являлся Чарторыйскій, предпочитала ждать освобожденія своей отчизны отъ русскаго Императора, пользовавшагося репутаціей просвѣщеннаго идеалиста. На этотъ разъ, какъ и во многихъ предшествовавшихъ случаяхъ, Наполеонъ скрывалъ истинныя свои намѣренія и замыслы за облакомъ противуположныхъ чувствъ и впечатлѣній, вызывавшихся у людей различныхъ сословій и состояній притворнымъ его великодушіемъ. Онъ поступалъ приблизительно также, какъ восьминогъ, который мутитъ вокругъ себя чистую воду, выпуская въ нее жидкость чернильнаго цвѣта, ослѣпляющую одновременно не только враговъ, но и тѣхъ, кто относится къ нему совершенно безразлично.

Война съ Россіей. Битва подъ Пултускомъ

Разгадкой образа дѣйствій Наполеона по отношенію къ Польшѣ является его стратегія. Государственная политика французскаго монарха въ данномъ случаѣ не выходила изъ рамокъ первоначальной попытки, такъ какъ онъ никогда не завоевывалъ въ дѣйствительности Польшу, а тѣмъ болѣе Россію. Послѣ сраженія подъ Іеной императоръ Александръ обнаружилъ большую дѣятельность. Не смотря на то, что ему пришлось выставить 80.000 штыковъ противъ Турціи, онъ собралъ еще и другую многочисленную армію, къ которой присоединился Лестокъ съ пятнадцатитысячнымъ прусскимъ корпусомъ. Было очевидно, что Русскій Государь рѣшился возобновить войну съ французами. Одно время у Наполеона не было точныхъ свѣдѣній, хотя бы даже относительно того: перейдутъ-ли русскія войска черезъ прусскую границу, или же нѣтъ? Онъ ожидалъ, что городъ Познань будетъ служить центральнымъ пунктомъ военныхъ операцій. Вскорѣ, однако, выяснилось, что русскіе стягиваются къ Пултуску. Выказывая изумительное довѣріе къ прочности своего режима во Франціи и не вдаваясь въ обсужденіе того, какимъ образомъ можетъ отразиться на внутреннихъ ея дѣлахъ вторичная война, предпринятая на такомъ громадномъ разстояніи отъ французскихъ предѣловъ, Наполеонъ рѣшился двинуться на встрѣчу новымъ противникамъ. Съ обычной быстротой и осторожностью, онъ переправилъ корпуса своей арміи сперва черезъ Вислу, а затѣмъ провелъ ихъ по равнинамъ, такъ что въ концѣ декабря армія его оказалась сосредоточенной въ виду непріятеля. Въ теченіе трехъ недѣль, употребленныхъ на эти операціи, сдѣлано было, кромѣ того, очень многое, чтобъ укрѣпить стратегическую позицію французовъ и обезпечить ея сообщенія съ базою. Русскіе были вытѣснены изъ Варшавы; крѣпость Торнъ осаждена; наведены мосты черезъ Вислу, Бугъ, Вкру, Наревъ и другія рѣки и организованъ интендантскій департаментъ. Театръ войны отличался на этотъ разъ отъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ приходилось передъ тѣмъ дѣйствовать Наполеону. Населеніе оказывалось значительно рѣже, чѣмъ въ Италіи и въ Германіи,—стояло на болѣе низкой степени цивилизаціи и вслѣдствіе этого являлось менѣе податливымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ земля была хуже обработана. Поселяне могли легко припрятать небольшіе, имѣвшіеся у нихъ запасы фуража и продовольствія, а на поляхъ въ это время года нельзя было ничѣмъ поживиться. Дороги оказывались изъ рукъ вонъ плохими, то есть приблизительно такими же, каковы онѣ въ настоящее время во многихъ сельскихъ округахъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Страна была пересѣчена многими глубокими и широкими рѣками, зачастую съ болотистыми берегами и вязкимъ илистымъ дномъ. Ко всему этому присоединялась невозможность получать сколько-нибудь надежныя свѣдѣнія о непріятелѣ за недостаткомъ хорошихъ шпіоновъ и развѣдчиковъ.

Эти новыя условія веденія войны еще болѣе усложнялись измѣненіемъ, послѣдовавшимъ въ характерѣ арміи Наполеона. Со времени сраженія подъ Аустерлицомъ въ рядахъ ея встрѣчалось уже много нѣмцевъ, а послѣ битвы подъ Іеной армія эта стала принимать все болѣе космополитическій характеръ. При первомъ же появленіи французскихъ императорскихъ орловъ въ Польшѣ, принцъ Жеромъ командовалъ тамъ цѣлымъ корпусомъ виртембергцевъ и баварцевъ. Въ другихъ французскихъ корпусахъ служило много поляковъ, итальянцевъ, швейцарцевъ и голландцевъ. Не было недостатка даже въ пруссакахъ изъ-за эльбскихъ прусскихъ областей. Это вызывало иной разъ путаницу и замѣшательство. Положеніе арміи не улучшалось отъ того, что и природные французскіе солдаты не успѣли еще хорошенько оправиться отъ кутежей, которымъ предавались за послѣднія шесть недѣль. Рѣшеніе императора „завоевать сухимъ путемъ владычество надъ моремъ“ внѣдрило у него въ умѣ сознаніе необходимости заручиться подавляющимъ численнымъ перевѣсомъ, а потому онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ потребовалъ отъ французскаго сената 80.000 конскриптовъ, которые, собственно говоря, могли быть призваны на законномъ основаніи подъ знамена не ранѣе какъ въ сентябрѣ 1807 года. Это послужило началомъ пагубнаго преждевременнаго призыва рекрутъ, долженствовавшаго въ концѣ обезсилить Францію и деморализовать армію. Уже и тогда, впрочемъ, чувство патріотизма въ ея рядахъ чрезвычайно ослабло и проявлялось главнымъ образомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда могло служить предлогомъ для грабежа. Однородность цѣлей, принциповъ, національностей и возраста должна была тоже исчезнуть.

Во время подготовительныхъ операцій, ухудшенія боевыхъ качествъ наполеоновской арміи въ сущности еще не обнаруживалось. Войска стойко шли по грязи, энергически работали, когда приходилось строить мосты, или чинить дороги, и безропотно ѣли продовольствіе, поставлявшееся плутами подрядчиками, хотя оно оказывалось весьма недоброкачественнымъ и несравненно худшимъ, чѣмъ то, къ которому они привыкли въ предшествовавшіе годы. Однако же, 26 декабря, когда дѣло дошло до боя, оказалось, что у наполеоновскихъ войскъ ослабѣла прежняя энергія бѣшенаго натиска. Первоначально имѣлось въ виду ударить на непріятеля сосредоточенными силами, но, въ послѣдній моментъ, Ланнъ съ своимъ корпусомъ былъ посланъ, чтобы отрѣзать русскимъ путь отступленія за рѣку Наревъ. Наполеонъ, какъ и подъ Іеной, предполагалъ главныя силы своего противника тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности не было, и вслѣдствіе этого неосторожно раздѣлилъ и ослабилъ собственныя свои войска. При такихъ обстоятельствахъ битва имѣла неопредѣленный и нерѣшительный характеръ. Ланнъ неожиданно наткнулся на главныя силы русской арміи, а именно, на колонны центра и праваго крыла и завязалъ съ ними упорный бой, удерживая ихъ на мѣстѣ съ десяти часовъ утра до двухъ часовъ пополудни. Получивъ тогда въ подкрѣпленіе дивизію Гюдена, онъ аттаковалъ

ею русское правое крыло. Къ Беннигсену, командовавшему этимъ крыломъ, подошли, однако, въ свою очередь резервы, съ помощью которыхъ аттака эта была отражена Ланнъ, одновременно ударившій на русскій центръ, былъ тоже отбитъ, выставленными противъ него превосходными силами. Въ тотъ же самый день Мюратъ, Даву, Ожеро достигли сосѣдней деревни, Голымина, гдѣ разсчитывали застать войска русскаго центра. На лѣвомъ крылѣ, подъ Нейденбургомъ, Ней стоялъ лицомъ къ лицу съ Лестокомъ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ ничего серьезнаго не произошло, такъ какъ французскій императоръ не могъ достаточно быстро маневрировать по грязи съ своей артиллеріей, а потому русскіе и пруссаки благополучно ушли изъ разставленныхъ имъ сѣтей. Сульту поручено было повторить тотъ самый обходный маневръ, который былъ выполненъ передъ іенскою битвой, но, вслѣдствіе оттепели, дороги сдѣлались до такой степени трудно проходимыми, что французскія войска оказались не въ силахъ дойти до Макова и такимъ образомъ отрѣзать русскимъ путь отступленія.

На слѣдующее утро послѣ этого нерѣшительнаго боя вся русская армія была уже далеко. Вслѣдствіе стратегическихъ соображеній и недостатка провіанта она отступила къ Остроленкѣ. Французы ее не преслѣдовали. Естественно возникающій вопросъ, почему въ данномъ случаѣ не было преслѣдованія, такъ и остается безъ опредѣленнаго отвѣта. Нѣкоторые писатели заявляютъ, что французскія войска были слишкомъ утомлены и находились въ очень дурномъ настроеніи духа; другіе говорятъ, что Наполеонъ, ввиду того, что дороги обратились въ настоящія трясины, не посмѣлъ отдалиться отъ продовольственной своей базы, какъ позволялъ себѣ это дѣлать лѣтомъ и въ плодородныхъ странахъ. Возможенъ, впрочемъ, еще и третій отвѣтъ: преслѣдованіе оказалось бы совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ могло бы развѣ предоставить въ распоряженіе французовъ еще полосу въ нѣсколько миль обнаженной равнины, чрезъ которую можно было бы продвинуть ихъ армію съ напряженіемъ всѣхъ ея силъ. Каждая изъ этихъ причинъ представляется въ достаточной степени вѣсской. Воины Наполеона были недовольны отсутствіемъ не только добычи, но даже и необходимаго комфорта, къ которому передъ тѣмъ успѣли привыкнуть. Въ первый разъ еще дѣло дошло до того, что солдаты армейскихъ полковъ кричали вслѣдъ проѣзжавшему мимо нихъ императору ругательства и притомъ безнаказанно. Даже и вѣрная гвардія позволяла себѣ отпускать на его счетъ двусмысленныя шуточки, но ее за это надлежащимъ образомъ отчитали. „Кратковременная двухнедѣльная кампанія,—пишетъ одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ,—сдѣлала насъ, по меньшей мѣрѣ, на десять лѣтъ старше и опытнѣе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя интендантство кормило изъ рукъ вонъ плохо, и продовольствіе войскъ находилось въ рукахъ безсовѣстныхъ спекуляторовъ, все-таки было опасно идти туда, гдѣ оно совсѣмъ не бралось обезпечивать подвоза. Наконецъ, попытка преслѣдовать русскую армію фактически ничего не могла доставить, кромѣ престижа, который въ эту минуту и

въ такомъ значительномъ разстояніи отъ Франціи не представлялъ собою въ глазахъ императора особенной цѣнности.

Элементъ разстоянія отъ Франціи, вообще говоря, игралъ теперь въ арміи Наполеона важную роль. Въ былое время, французскіе солдаты—республиканцы храбро сражались въ далекомъ Египтѣ и въ Сиріи. Идеалъ способенъ увлечь даже самаго заурядnаго француза Богъ знаетъ какъ далеко, а Французы воображали тогда, будто сражаются за принципы свободы и равенства. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ французскія арміи начали сражаться ради добычи и славы, онѣ стали ощущать потребность и въ томъ, и въ другомъ. Въ странѣ, служившей теперь театромъ военныхъ дѣйствій, добычи попадалось очень мало, а въ большинствѣ случаевъ ея даже и вовсе не было, славой-же можно было пользоваться единственно лишь въ формѣ поздравительныхъ восторженныхъ возгласовъ со стороны соотечественниковъ. Правда, что реляція о пултусской битвѣ, посланная въ Парижъ, была снабжена самыми поэтическими прикрасами, но, при всемъ томъ, одобреніе отчизны доходило въ Польшу лишь спустя долгое время и при томъ до того ослабленное разстояніемъ, что оказывалось почти неслышнымъ. Старинная французская поговорка утверждаетъ, будто Франція, послѣ Царства Небеснаго, самая очаровательная страна, и каждый французъ несомнѣнно держится этого убѣжденія. Самъ Наполеонъ говорилъ, что его французскіе солдаты не годятся для дальнихъ походовъ вслѣдствіе того, что ихъ одолѣваетъ тоска по родинѣ. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ на этотъ разъ отдыхъ лучшимъ средствомъ для возвращенія своимъ солдатамъ бодрости духа. Убѣжденіе это еще болѣе усилилось, когда Наполеонъ сдѣлалъ попытку осмотрѣть передовые посты. Карета его завязла въ грязи, да и верховая лошадь оказалась едва въ состояніи выволочить оттуда ноги, но тѣмъ не менѣе императоръ объѣхалъ достаточный участокъ позиціи, дабы убѣдиться, то его войска терпѣли всевозможныя бѣдствія и лишенія.

Если мѣры, принятыя съ цѣлью выиграть кампанію, оказались несоотвѣтствующими этой цѣли, то съ другой стороны мѣры къ обезпеченію войскамъ отдыха и возможнаго комфорта оказались вполнѣ удовлетворительными. Наполеонъ немедленно же расположилъ корпуса своей арміи вдоль по Вислѣ, причемъ позади каждаго изъ нихъ устроены были склады продовольствія и боевыхъ припасовъ. Интендантскій департаментъ подвергся коренным преобразованіямъ, обусловившимъ значительно большую его исправность. Линія расположенія французской арміи тянулась отъ Варшавы на сѣверо-западъ, черезъ Польшу въ Пруссію, до самаго устья Вислы близъ Данцига. Бернадоттъ командовалъ 18.000, Ней—16.000, Сультъ—28.000, Ожеро—11.000, Даву—20.000, Ланнъ—18,000 и Мюратъ—14,000 человѣкъ. Кромѣ того, въ гвардіи насчитывалось 15.000 человѣкъ, такъ что въ совокупности получалась сто сорокатысячная армія. Съ прибытіемъ конскриптовъ и войскъ, взятыхъ изъ гарнизоновъ разныхъ крѣпостей, изъ нихъ сформировали особый корпусъ, приблизительно въ 23.000 человѣкъ,

подъ начальствомъ Лефевра. Въ то же самое время императоръ, изъ своей главной квартиры въ Варшавѣ, распоряжался организаціей правительства для Польши и обученіемъ національной польской гвардіи. Русская армія продолжала ретироваться двумя колоннами до Шучина, гдѣ онѣ соединились и поступили подъ главное начальство Беннигсена. Пруссаки, подъ командой Лестока, находились въ Ангербургѣ. Дорога на Кенигсбергъ оставалась такимъ образомъ открытой. Въ началѣ января 1807 года, Ней соблазнился перспективой облегчить бѣдственное состояніе своихъ солдатъ и поживиться самому, захвативъ столицу восточной Пруссіи, а потому двинулся безъ всякаго приказанія изъ Нейденбурга, оставивъ Бернадотта, подъ Эльбингомъ, въ очень опасномъ положеніи. Лестоку удалось, однако, преградить Нею дорогу въ Кенигсбергъ до тѣхъ пора, пока прибытіе русскихъ, подъ командою Беннигсена, не заставило французскаго генерала вернуться назадъ на зимнія квартиры. Наполеонъ далъ Нею строжайшій выговоръ, на что имѣлъ полное основаніе, такъ какъ этотъ корпусный командиръ неосторожнымъ своимъ починомъ поднялъ русскую армію на ноги. Снявшись съ зимнихъ квартиръ, она не обнаруживала, повидимому, желанія вернуться туда обратно. Такимъ образомъ, разсчеты Наполеона дать въ это время года своей арміи отдыхъ, въ которомъ она дѣйствительно очень нуждалась, были совершенно разрушены.

Битва подъ Пултускомъ выяснила существованіе у русскихъ войскъ двухъ серьезныхъ недостатковъ, значительно ослаблявшихъ боевую ихъ пригодность. Во время сраженія, русскій главнокомандующій, Каменскій,—генералъ стараго закала, строго придерживавшійся рутины,—дважды уже отдавалъ приказаніе отступить. Единственно только неповиновеніе Беннигсена сдѣлало бой этотъ до такой степени нерѣшительнымъ, что русскіе могли приписывать себѣ даже побѣду. Во всякомъ случаѣ, если это была и побѣда, то она оказалась безплодной, такъ какъ плохая организація интендантства, чиновники котораго отличались только усердіемъ брать взятки, оставила солдатъ въ рѣшительный моментъ совершенно безъ продовольствія. Фельдмаршалъ Каменскій, которому исполнилось уже 76 лѣтъ, былъ уволенъ въ отставку по болѣзни, а Беннигсенъ заступилъ его мѣсто, но, въ организаціи интендантства, никакого улучшенія не послѣдовало. Въ русской арміи имѣлось много регулярной пѣхоты, но зато мало регулярной кавалеріи. Недостатокъ этотъ восполнялся, впрочемъ, съ лихвою обиліемъ казаковъ—своеобразной иррегулярной конницы, преимущественно съ Дона и Урала, гдѣ казаки уплачиваютъ казнѣ за отведенную имъ землю четырехлѣтнею военною службой на собственномъ иждивеніи. Тогда, какъ и теперь, они сражались съ варварскимъ ожесточеніемъ и аттаковали непріятеля въ разсыпную, каждый на собственный свой страхъ, не давая пощады побѣжденнымъ врагамъ до тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ не приказалъ платить имъ по червонцу за каждаго живого француза. Вслучаѣ надобности, казачьи полки проходили по полутораста

верстъ въ сутки. Для развѣдки и преслѣдованія непріятеля, казаки оказывались превосходнѣйшею конницей, какую только можно было пожелать.

Замѣчательнѣйшей характерной чертой русской арміи, проявлявшейся одинаково въ войскахъ всѣхъ родовъ оружія являлась преданность солдатъ и офицеровъ своему Государю. Она слагалась изъ религіознаго элемента, соединеннаго съ любовью къ отечеству и монарху. Все это вмѣстѣ, сливаясь въ одно нераздѣльное цѣлое, порождало весьма могущественное чувство, никоимъ образомъ не уступавшее по своей силѣ просвѣщенному патріотизму народовъ, стоявшихъ на болѣе высокой степени развитія. Совершенно иначе держали себя татарскія орды, приведенныя изъ среднеазіятскихъ степей. Онѣ сражались только ради добычи и, въ настоящемъ серьезномъ бою, разсчитывать на нихъ, повидимому, было немыслимо. Въ то время, какъ разъ, и казаки и татары рыскали всюду. Особенно много казаковъ встрѣчали французскіе разъѣзды. Назначеніе Беннигсена главнокомандующимъ и благополучно окончившійся бой подъ Пултускомъ возбудили величайшій энтузіазмъ среди голодавшихъ русскихъ солдатъ, громко требовавшихъ теперь рѣшительнаго сраженія. У Беннигсена имѣлось, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, 90.000 человѣкъ, и онъ вовсе не былъ расположенъ оставлять французовъ въ покоѣ, для того, чтобы они, на удобныхъ своихъ зимнихъ квартирахъ, могли отдохнуть, собраться съ силами и притянуть къ себѣ новыя подкрѣпленія. Беннигсенъ отличался отъ прусскихъ генераловъ тѣмъ, что для него уроки послѣднихъ кампаній не прошли даромъ. Еслибъ онъ обладалъ силой характера, соотвѣтствовавшей стратегическому его искусству, то Наполеонъ встрѣтилъ бы себѣ въ немъ опаснаго противника. Необходимо присовокупить ко всему этому, что прусскій король, который съ нѣсколькими тысячами человѣкъ заперся въ Кенигсбергѣ, находился тамъ въ очень опасномъ положеніи, такъ какъ ему угрожало близкое сосѣдство Нея и Бернадотта. Кромѣ того, гарнизонъ Грауденцской крѣпости держался лишь благодаря скудному продовольствію, которое иногда удавалось доставлять туда войскамъ Лестока.

Въ непродолжительномъ времени вся полоса, отдѣлявшая русскую армію отъ французской, была наводнена казаками. Въ безпрерывныхъ своихъ стычкахъ съ французскою легкою конницей они выказали такую смѣлость и ловкость, что ихъ враги невольно стали гораздо осторожнѣе и неувѣреннѣе. Благодаря казакамъ, армія Беннигсена могла удачно маскировать свои движенія. Русскій главнокомандующій надѣялся быстрыми переходами настигнуть Нея и уничтожить его корпусъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ вернуться на зимнюю свою стоянку. Подобный успѣхъ открылъ бы русскимъ путь къ Данцигу и дозволилъ бы имъ войти въ связь съ Грауденцемъ, Кольбергомъ и другими крѣпостями. Русская армія въ такой позиціи оказалась бы достаточно сильной для того, чтобы угрожать Наполеону въ Варшавѣ. Въ виду всего этого Беннигсенъ, приблизительно съ 65.000 человѣкъ, быстро предпринялъ

обходное движеніе въ сѣверо-западномъ направленіи, подъ прикрытіемъ густыхъ лѣсовъ, мимо Шпирдингскаго озера, къ Гейльсбергу, гдѣ и нашелъ Нея, 22-го января, въ полномъ отступленіи. Оказалось, однако, что русскій главнокомандующій слишкомъ понадѣялся на силы своихъ войскъ. Они были слишкомъ утомлены, чтобъ можно было предпринять что-либо рѣшительное. Тѣмъ временемъ наступили морозы и выпалъ снѣгъ. Дороги улучшились, такъ что и Ней и Бернадоттъ благополучно ушли въ Гильгенбургъ, причемъ Бернадотту удалось, сверхъ того, еще отразить русскій авангардъ въ стычкѣ подъ Морунгеномъ. При такихъ обстоятельствахъ Беннигсену пришлось ретироваться, чтобы дать отдыхъ своимъ войскамъ.

Французскій императоръ все еще находился въ Варшавѣ. Польская столица кипѣла веселой и довольно таки привольной жизнью. Новыя надежды пробудили тамъ у аристократіи стремленіе къ пиршествамъ, кутежамъ и попойкамъ, въ которыхъ зачастую принималъ выдающееся участіе „освободитель“, находившійся тогда въ самомъ расцвѣтѣ физическихъ своихъ силъ. Въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, Наполеонъ предавался чувственнымъ наслажденіямъ, а польскія дамы не скупились для него своими прелестями. Особенно нравилась ему графиня Валевская, очаровательная женщина, которую еще ребенкомъ заставили выдти замужъ за пожилого аристократа. Теперь ей дано было понять, что будущность Польши зависитъ отъ ея благосклонности къ Наполеону, такъ какъ онъ выбралъ именно ее изъ множества красавицъ, столпившихся вокругъ него, когда онъ явился на балъ. Предложеніе это привело графиню сперва въ величайшее негодованіе, но подъ конецъ она все-таки уступила настоятельнымъ увѣщаніямъ польскихъ патріотовъ и, противъ воли, согласилась стать любовницей Наполеона. Имѣется основаніе полагать, что родившійся отъ нея сынъ былъ первенцемъ великаго корсиканца. Появленіе этого ребенка на свѣтъ, совмѣстно съ отвращеніемъ, которое вызывали у императора сцены ревности, безпрерывно выкидываемыя ему Жозефиной, въ значительной степени усилили его убѣжденіе въ желательности развестись съ безплодной и неудобной супругой. Молодая польская графиня, въ свою очередь, почувствовала такую преданность къ отцу своего ребенка, что за время всего послѣдующаго пребыванія Наполеона въ Европѣ безстрашно подвергала себя серьезнымъ опасностямъ, чтобы только находиться поблизости отъ своего кумира и дѣйствительно послѣдовала за нимъ въ изгнаніе на островъ Эльбу.

Неудача для французской великой арміи: битва подъ Прейсишъ-Эйлау.

Нельзя сказать, чтобъ Наполеонъ чувствовалъ себя, при всемъ томъ, очень недовольнымъ, когда получилъ 27-го января 1807 года извѣстіе о движеніи Беннигсена, нарушившее веселое спокойствіе медоваго его мѣсяца. Онъ уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ смутно сознавалъ, что русскія войска что-то предпринимаютъ, но полагалъ, что они имѣютъ въ виду воспользоваться лишь кое-ка-

кими мелочными выгодами, которыя можно было извлечь изъ сдѣланнаго Неемъ неосторожнаго промаха. За отсутствіемъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, императоръ все еще оставался при прежнемъ мнѣніи, но тѣмъ не менѣе привелъ свою армію въ полную готовность къ походу. Необходимые для этого обозы были быстро снаряжены, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдано приказаніе временно снять осаду съ Данцига и занять Торнъ сильнымъ гарнизономъ. Достаточно одного взгляда на карту, дабы убѣдиться, что это было сдѣлано для обезпеченія новой, болѣе прямой линіи сообщеній съ Познанью и Берлиномъ на случай, если прежняя косвенная линія черезъ Варшаву и Бартенштейнъ подвергнется серьезной опасности вслѣдствіе фланговаго движенія русскихъ войскъ.

Полагая, что Беннигсенъ хочетъ проникнуть до Эльбинга и прикрыть свои сообщенія съ Данцигомъ, Наполеонъ отдалъ на 27-ое января приказаніе для контръ-марша въ этомъ направленіи, долженствовавшаго привести къ рѣшительному столкновенію въ окрестностяхъ Эльбинга, или же на востокъ оттуда. Предписанія, полученныя на слѣдующій день корпусами Даву и Ожеро, свидѣтельствуютъ, что Наполеонъ разсчитывалъ быстро сосредоточить войска подъ Вилленбергомъ, прорваться сквозь центръ Беннигсена, а затѣмъ разгромить оба фланга русской арміи. Ланнъ захворалъ послѣ битвы подъ Пултускомъ и все еще не оправился отъ болѣзни, а потому начальство подъ испытанными войсками его корпуса, которому предстояло играть выдающуюся роль въ предположенной операціи, было поручено генералу Савари. Ему надлежало прикрывать линію Нарева, чтобъ обезпечить такимъ образомъ свободу дѣйствій главнымъ силамъ французской арміи. Съ этой цѣлью онъ долженъ былъ аттаковать угрожавшій этой линіи русскій корпусъ Эссена. Черезъ три дня послѣ отдачи этихъ приказаній, стотысячная армія Наполеона развернулась уже въ направленіи отъ запада къ востоку на пространствѣ, ограниченномъ Вилленбергомъ, Гильгенбургомъ, Млавой и Пржесничемъ, съ сорокатысячнымъ резервомъ на лѣвомъ флангѣ и другимъ четырнадцатитысячнымъ резервомъ на оконечности праваго крыла. Все было приготовлено къ тому, чтобы при самыхъ выгодныхъ условіяхъ неожиданно напасть на Беннигсена, ударить ему во флангъ и однимъ сраженіемъ закончить кампанію. 31-го января отданы были послѣднія распоряженія для этой наступательной операціи, и французскія войска быстро двинулись впередъ. Подобно тому, какъ во Франконіи, наканунѣ іенской битвы, побѣда казалась заранѣе обезпеченной благодаря изумительной быстротѣ движенія значительныхъ военныхъ массъ. На этотъ разъ означенная быстрота движеній оказывалась еще большимъ чудомъ, такъ какъ дѣло происходило глубокой зимою.

На какой, подумаешь, тонкой паутинкѣ держится иногда судьба военныхъ предпріятій? Какъ разъ 31-го же января казаки перехватили одного изъ французскихъ курьеровъ, отправленнаго къ Бернадотту съ обстоятельнымъ изложеніемъ всего стратегическаго плана и приказаніемъ немедленно идти къ Гильгенбургу. Этотъ

драгоцѣнный документъ на слѣдующее же утро былъ въ рукахъ Беннигсена. Войска его все еще находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Они были плохо одѣты и кормились по преимуществу грабежомъ. Къ тому же численность ихъ не превышала 65.000, такъ какъ Лестокъ не подоспѣлъ еще изъ Морунгена на присоединеніе къ нимъ. Русскій главнокомандующій увидѣлъ, что находится въ ловушкѣ, изъ которой можетъ высвободиться лишь быстрымъ отступленіемъ. Онъ распорядился этимъ отступленіемъ мастерски и, къ 6-му февраля, благополучно дошелъ до Гейльсберга, хотя французскія колонны находились тогда въ свою очередь тоже невдалекѣ оттуда. Въ теченіе дня русскій аріергардъ вынужденъ былъ отступить въ Гейльсбергъ, а Беннигсенъ, продолжая идти всю ночь, прибылъ на слѣдующее утро въ городъ Эйлау или, вѣрнѣе, Прейсишъ-Эйлау, гдѣ рѣшился дать сраженіе, чтобы защитить Кенигсбергъ. Французы снова произвели натискъ на русскій аріергардъ, на этотъ разъ подъ Ландсбергомъ, куда Мюратъ пришелъ съ своею конницей утромъ 7-го февраля. Въ продолженіи цѣлаго дня русскіе, подъ начальствомъ князя Багратіона, сдерживали его натискъ и, мужественно сражаясь, медленно отступали къ Эйлау. Тамъ они остановились и упорно удерживали за собою городъ до тѣхъ поръ, пока не рѣшили, наконецъ, добровольно его очистить, въ виду того, что совершенно уже стемнѣло и что передъ ними находился непріятель, значительно превышавшій ихъ въ численности. Потери, понесенныя русскими въ продолженіи дня, превосходили 2,000 человѣкъ, но и французы понесли, надо полагать, не меньшій уронъ. Къ наступленію ночи, русскія войска расположились бивуаками неподалеку отъ Эйлау, нѣсколько позади, занимая линію приблизительно въ три съ половиною версты отъ Серпальтена на лѣвомъ до Шлодиттена на правомъ флангѣ. Лестокъ съ своими пруссаками дошелъ до Розиттена, верстахъ въ семнадцати позади, но ему прислано было приказаніе какъ можно поспѣшнѣе идти на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Французы занимали городъ Эйлау, близъ котораго расположились войска Мюрата, Сульта и Ожеро. Непосредственно позади нихъ находился императоръ Наполеонъ съ своею гвардіей. Корпусъ Нея былъ сравнительно далеко оттуда, въ сѣверо-западномъ направленіи, куда его двинули, чтобъ перехватить Лестока и помѣшать пруссакамъ присоединиться къ русской арміи.

На разсвѣтѣ, 8-го февраля, общее расположеніе стоявшихъ другъ противъ друга армій не представляло особыхъ преимуществъ ни для одной изъ нихъ. Сультъ находился передъ городомъ Эйлау на лѣвомъ крылѣ французовъ, Ожеро стоялъ въ центрѣ, а Сентъ-Илеръ съ одной изъ дивизій Сульта составлялъ правое крыло. За центромъ и правымъ крыломъ стоялъ Мюратъ съ кавалеріей, а въ тылу на возвышеніи расположилась гвардія, подъ начальствомъ Бессьера, образовавшая собою резервъ. Даву находился далеко въ правой сторонѣ, близъ Бартенштейна. Численность французскихъ войскъ, стянутыхъ подъ Эйлау, простиралось до 80.000.

Русскимъ правымъ крыломъ командовалъ Тучковъ, центромъ—Сакенъ, а лѣвымъ крыломъ—Остерманъ и Толстой. Резервъ, подъ начальствомъ Дохтурова и князя Голицына, находился позади центра. Численность русской арміи не превышала 58.000, но армія эта имѣла нѣкоторый перевѣсъ надъ французами въ артиллеріи. На низменной равнинѣ между обѣими арміями находилось нѣсколько замерзшихъ прудовъ, и земля была покрыта снѣгомъ. Наполеонъ разсчитывалъ послать корпусъ Даву въ обходъ русскаго лѣваго крыла въ то время, какъ Сентъ-Илеръ завяжетъ съ этимъ крыломъ бой. Вслѣдъ затѣмъ Ожеро и кавалерія должны были нанести ударъ русскому центру и опрокинуть его къ правому флагу. Совокупная аттака, произведенная войсками, значительно превышавшими въ численности русскую армію, должна была, по разсчетамъ Наполеона, завершиться блистательной побѣдой, а, съ прибытіемъ Нея на поле сраженія, русская армія долженствовала оказаться не только разбитой, но и уничтоженной.

Разсчетамъ этимъ не суждено было осуществиться въ дѣйствительности. Погода стояла холодная и чрезвычайно суровая. Утромъ дулъ порывистый вѣтеръ, переходившій иногда во вьюгу, а около полудня пошелъ сильный снѣгъ. Беннигсенъ взялъ на себя починъ боя и открылъ его энергическимъ артиллерійскимъ огнемъ. Наполенъ, угадывая его планъ, послалъ къ Нею приказаніе поторопиться и подкрѣпить Сульта. Въ девять часовъ утра русское правое крыло двинулось впередъ и оттѣснило къ городу Эйлау французское лѣвое крыло, оказывавшееся сравнительно слабымъ. Въ это мгновеніе Ожеро и Сентъ-Илеръ получили приказаніе двинуться въ аттаку. Вслѣдствіе сильныя вьюги они утратили связь другъ съ другомъ. Сентъ-Илеръ былъ отраженъ русской кавалеріей, а корпусъ Ожеро почти уничтоженъ артиллерійскимъ огнемъ и энергической аттакой войскъ русскаго центра! Храбрая конница Голицына домчалась до подошвы холма, гдѣ стоялъ самъ Наполеонъ. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми окружавшими французскаго императора, не исключая Бертье и Бессьера, которые въ величайшимъ возбужденіи призывали гвардію на помощь, умоляя ее спасти императора. Самъ онъ, однако, оставался совершенно хладнокровнымъ и только восклицалъ: „Какая дерзость! Какая дерзость!“ Дѣйствительно, утомленные преслѣдователи повернули назадъ, а затѣмъ Мюратъ, въ свою очередь, устремился съ своей конницей въ промежутокъ между центромъ и правымъ крыломъ русскихъ войскъ, Обѣ стороны были до такой степени утомлены, что, не доводя дѣло до рѣшительнаго столкновенія, прекратили аттаки и завязали перестрѣлку.

Около полудня прибылъ наконецъ Даву къ русскому лѣвому флангу, угрожая ему обходомъ. Это заставило подать назадъ русское лѣвое крыло. Сентъ-Илеръ двинулся тогда вторично въ аттаку и, совмѣстно съ Даву, выполнилъ, по крайней мѣрѣ отчасти, комбинацію, предположенную Наполеономъ. Русскіе, хотя и подавались назадъ, но отступали въ порядкѣ, храбро сражаясь за каждую пядь земли, но подъ вечеръ энергическое ихъ сопротивленіе начало

ослабѣвать и мѣстами отступленіе стало превращаться даже въ бѣгство. Въ этотъ критическій моментъ прибыло къ русскимъ на поле битвы подкрѣпленіе изъ 5000 пруссаковъ подъ начальствомъ Шарнгорста, сдѣлавшаго большой крюкъ, чтобы избѣжать Нея, завязавшаго бой съ Лестокомъ. Благодаря этому, къ сумеркамъ, французы вынуждены были остановиться, а вслѣдъ затѣмъ русскіе, перейдя въ наступленіе, выбили французовъ изъ всѣхъ занятыхъ ими деревушекъ. Съ наступленіемъ ночи пришлось прекратить сраженіе. Приказаніе, посланное Наполеономъ Нею, было получено лишь въ два часа послѣ полудня, такъ что онъ подошелъ къ полю битвы ужь слишкомъ поздно и не могъ принять въ ней участія. Обѣ арміи остались на своихъ позиціяхъ и каждая приписывала себѣ побѣду. Въ дѣйствительности ни одна изъ нихъ не проиграла и не выиграла сраженія, но обѣ были жестоко разгромлены, такъ какъ бой все время шелъ въ высшей степени отчаянный и кровопролитный. Обѣ стороны понесли почти одинаковый уронъ, простиравшійся для каждой изъ нихъ приблизительно до 18.000 человѣкъ. Вечеромъ Наполеонъ отдалъ уже приказаніе отступать, и Даву собирался начать отступленіе, когда ему донесли, что на непріятельскихъ бивакахъ поднялся сильный шумъ. Пройдя, насколько возможно далѣе, за линію своихъ передовыхъ постовъ, маршалъ прилегъ ухомъ къ землѣ и явственно разслышалъ, что шумъ отъ него удаляется. Такимъ образомъ онъ убѣдился въ отступленіи русской арміи. Это было для Наполеона пріятнымъ сюрпризомъ. Узнавъ объ отступленіи русскихъ, онъ тотчасъ же приказалъ своей арміи остаться на прежней позиціи. Утро освѣтило покинутые русскими биваки.

Нельзя съ точностью опредѣлить, какая изъ обѣихъ армій находилась въ худшемъ положеніи. Правильнѣе всего было бы, пожалуй, сказать, что обѣимъ приходилось очень скверно. Раненый Ожеро уѣхалъ съ поля сраженія, хотя и могъ еще держаться на конѣ. Это навлекло на него гнѣвъ императора Наполеона, который рѣшилъ совершенно упразднить его корпусъ, тѣмъ болѣе, что онъ и безъ того уже былъ почти уничтоженъ. Нѣкоторые полки были фактически истреблены. Впрочемъ, и оставшіеся въ живыхъ французы были до чрезвычайности истомлены и истощены голодомъ и усталостью. Одинъ изъ очевидцевъ говоритъ, что еслибъ около полудня не прибыли изъ Варшавы евреи съ четырьмя бочками водки, то нѣсколько тысячъ человѣкъ непремѣнно умерло бы отъ голода и усталости. Поле сраженія оказывалось густо усѣяннымъ трупами, которые мѣстами нагромождены были грудами. На бѣломъ снѣговомъ фонѣ сѣверной зимы результаты кровопролитнаго боя бросались въ глаза съ ужасающей явственностью. По всѣмъ направленіямъ видѣлись хищники, бродившіе, словно волки, разыскивая добычу. Мародерство приняло ужасающіе размѣры. Бѣдственное положеніе войскъ вызвало ослабленіе дисциплины и на много верстъ кругомъ тысячи голодавшихъ и обнищавшихъ солдатъ до чиста ограбили почти столь же нуждавшееся крестьянское населеніе.

Французской арміи очень хотѣлось уйти возможно дальше отъ этого рокового поля сраженія. Беннигсенъ, однако, фактически призналъ себя побѣжденнымъ уже тѣмъ, что отступилъ, каковое отступленіе пруссаки объявили грѣховнымъ и постыднымъ. Наполеонъ остался поэтому на полѣ битвы достаточно долго для того, чтобъ можно было приписать французамъ побѣду, и даже отправилъ нѣсколько отрядовъ якобы для преслѣдованія непріятеля. Мюратъ дѣйствительно чуть не завязалъ боя съ Беннигсеномъ, занявшимъ позицію подъ стѣнами Кенисберга. Тѣмъ временемъ Наполеонъ написалъ блестящую реляцію объ одержанной французами побѣдѣ и превосходномъ состояніи французской арміи. Реляція эта немедленно же была обнародована въ оффиціальныхъ парижскихъ газетахъ. Вскорѣ послѣ того, а именно 13-го февраля, французскій императоръ обратился къ королю Фридриху-Вильгельму съ предложеніями заключить перемиріе, или сепаратный миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ письмѣ къ королю онъ объяснилъ, что Пруссія находилась теперь просто напросто въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Россіи и что возстановленіе независимаго прусскаго королевства оказывалось существенно необходимымъ для упроченія европейскаго мира. Соглашаясь возвратить Фридриху Вильгельму всѣ его владѣнія по рѣкѣ Эльбѣ, Наполеонъ объявляетъ, что ничуть не интересуется Польшею. Увѣренность союзниковъ въ окончательномъ торжествѣ свидѣтельствуется тѣмъ, что прусскій король на отрѣзъ отказался вступить въ переговоры и объявилъ о своей рѣшимости остаться вѣрнымъ Россіи. Съ другой стороны уже самый фактъ того, что Наполеонъ обращался къ прусскому королю съ такими предложеніями, свидѣтельствуетъ, что онъ чувствовалъ опасность своего положенія. Дѣйствительно, существуютъ довольно вѣсскія свидѣтельства о томъ, что французскіе эмиссары предлагали отъ имени Наполеона возстановить Пруссію въ прежнихъ границахъ, если она откажется отъ союза съ Россіей.

Не смотря на все свое желаніе похвастать одержанной побѣдой, Наполеонъ вынужденъ былъ уступить требованіямъ фактической необходимости и черезъ нѣсколько дней послѣ битвы отвелъ свои войска назадъ, на плоскую возвышенность за рѣкою Пасаргой. Тамъ имъ можно было найти себѣ по крайней мѣрѣ болѣе удобный кровъ, но продовольствіе оказывалось все-таки плохимъ и до чрезвычайности скуднымъ. Главная квартира императора помѣщалась въ Остероде, въ хижинѣ, крытой соломой. Въ письмѣ къ своему брату Іосифу, онъ говоритъ, что живетъ въ снѣгу и грязи, безъ вина, водки и хлѣба. „Мы чувствовали бы себя здѣсь превосходно, если бы могли достать хлѣбца“, говорилъ онъ Сульту. „Мнѣ жилось бы здѣсь превосходно, если бы только можно было раздобыть съѣстного, но, вслѣдствіе недостатка продовольствія, я могу назвать свое положеніе единственно только сноснымъ“, пишетъ онъ 27 го февраля Талейрану. Это было совершенно справедливо, такъ какъ французская армія оказывалась теперь сравнительно болѣе сосредоточенною, а весной, когда глав-

ная квартира Наполеона передвинулась въ Финкенштейнъ, ему удалось даже окружить себя тамъ извѣстнымъ комфортомъ.

Военныя операціи, которыя привели къ битвѣ подъ Пултускомъ, явственно доказываютъ, что Наполеонъ не въ состояніи былъ тогда еще надлежащимъ образомъ освоиться съ новыми для него условіями польскаго театра войны. Зато въ операціяхъ, предшествовавшихъ сраженію подъ Эйлау, хотя онѣ и закончились неудачей, видна уже надлежащая оцѣнка всѣхъ мѣстныхъ трудностей и замѣчательное умѣнье ихъ преодолѣвать. Беннигсенъ стремился всегда дѣйствовать наступательно, но, не смотря на это, починъ постоянно переходилъ въ руки Наполеона. Сосредоточеніе французской арміи на плоской возвышенности близъ Остероде, когда пришлось отступить отъ Прейсишъ-Эйлау, свидѣтельствуетъ также о мастерскомъ пониманіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Въ теченіе остальныхъ зимнихъ мѣсяцевъ, французскіе солдаты, собираясь вокругъ лагерныхъ огней, пассивно переносили лишенія, позволяя себѣ, впрочемъ, слегка роптать и намекать на бѣдствія, которыя можетъ причинить многимъ честолюбіе одного человѣка. Французскій императоръ, показывая своимъ солдатамъ и подданнымъ примѣръ веселаго и жизнерадостнаго настроенія духа, никогда не жаловался на лишенія, которыя ему самому приходилось выносить. Здоровье его оставалось такимъ же превосходнымъ, какъ и въ предшествовавшемъ году. Его дѣятельность, утративъ прежній лихорадочный характеръ, оказывалась по меньшей мѣрѣ столь же интенсивной. Савари боялся, что онъ надорвется, осиливая въ одинъ мѣсяцъ такую уйму работы, которой хватило бы въ другое время даже ему самому на три мѣсяца. Въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Ремюза сообщаетъ, будто сама слышала, какъ Наполеонъ говорилъ, что чувствовалъ себя за эти мѣсяцы лучше чѣмъ когда либо до того, или послѣ того. Тѣлесная энергія, соединявшаяся съ прежней желѣзной волей, дѣлала и впрямъ чудеса, не смотря на то, что неутомимый секретарь императора, Маре, давно уже находился тогда при смерти.

Дабы исправить промахъ, сдѣланный оставленіемъ Данцига назади, въ рукахъ пруссаковъ, Лефевръ, съ новымъ своимъ корпусомъ, посланъ былъ осаждать этотъ укрѣпленный городъ. Савари оттѣснилъ, въ свою очередь русскихъ, отъ Нарева и заставилъ ихъ очистить Остроленку; Мортье угрожалъ Штральзунду и остановилъ шведовъ, которые, примкнувъ къ коалиціи, собирались, было, подъ конецъ, принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Для пополненія убыли въ рядахъ великой арміи произвели новые рекрутскіе наборы въ Швейцаріи и Польшѣ. Въ то же самое время двинули на присоединеніе къ ней нѣкоторыя части войскъ, стоявшихъ въ Силезіи и занимавшихся тамъ осадою крѣпостей. Нейссе и Глацъ все еще находились въ осадѣ, но съ Кольберга осада была снята. Благодаря этому численность войскъ для дѣйствій въ открытомъ полѣ увеличилась. На передовыхъ постахъ ежедневно происходили ожесточенныя стычки, но казаки оказывались для французской легкой конницы такими же непріятными противни-

ками, какъ и прежде, вслѣдствіе чего она не могла доставлять въ главную квартиру почти никакихъ свѣдѣній о расположеніи и замыслахъ русскихъ войскъ. Тѣмъ временемъ, финансовыя затрудненія, о которыхъ Наполеону тоже не было извѣстно ничего опредѣленнаго, препятствовали Россіи усилить надлежащимъ образомъ свою армію. Кредитъ Россіи до такой степени упалъ, что она нигдѣ не могла занять денегъ и обратилась къ Англіи съ просьбой о субсидіи, но получила отказъ. Императоръ Александръ I былъ страшно этимъ раздраженъ и напрягалъ всѣ средства своей имперіи до послѣдней степени, но при всемъ томъ съ трудомъ лишь добылъ для Беннигсена столько денегъ и людей, чтобы довести его армію до первоначальной численности.

На Нижнемъ Дунаѣ Россія вела войну довольно успѣшно, такъ какъ турки были парализованы непредусмотрѣнной ими опасностью. Англія послала къ Константинополю свою эскадру, и султанъ, хотя тотчасъ же объявилъ англичанамъ войну, но все-таки не на шутку перепугался. Посланный Наполеономъ въ турецкую столицу генералъ Себастіани вступилъ съ англійскимъ адмираломъ въ переговоры и тянулъ ихъ до тѣхъ поръ, пока береговыя баттареи оказались достаточно сильными, дабы принудить британскій флотъ къ отступленію. Успѣхъ этотъ вызвалъ у Наполеона новый энтузіазмъ къ восточнымъ проектамъ. Французскій императоръ придумалъ и выработалъ въ подробностяхъ цѣлый планъ союза съ Турціей и Персіей, долженствовавшаго положить предѣлъ честолюбивымъ замысламъ Россіи и Австріи. Въ концѣ апрѣля мѣсяца прибылъ въ Финкенштейнъ посолъ персидскаго шаха. Его приняли съ самой демонстративною пышностью, и Франція пришла въ величайшій восторгъ, вообразивъ, что восточные государи заискиваютъ милости ея императора. Наполеонъ обладалъ точными и обстоятельными свѣдѣніями о положеніи дѣлъ на Востокѣ и угадывалъ, словно родственнымъ инстинктомъ, особенности характера восточнаго человѣка. Онъ безъ труда добился заключенія съ Персіей договора, по которому Франція обязалась выгнать русскихъ изъ Грузіи и снабдить Персію артиллеріей, а взамѣнъ того шахъ обѣщалъ прервать сношенія съ Англіей, конфисковать все англійское имущество, какое только окажется въ его владѣніяхъ, побудить населеніе Аѳганистана и Кандагара къ войнѣ съ Англіей и собрать армію для вторженія въ британскую Индію. Въ случаѣ, если бы Французы пожелали тоже отправить сухимъ путемъ войска въ Индію, шахъ обѣщалъ дать имъ свободный пропускъ и снабдить продовольствіемъ, заготовивъ таковое въ пунктахъ, которые надлежало опредѣлить заранѣе, по общему соглашенію. Договоръ этотъ свидѣтельствуетъ явственнѣе всего остальнаго, сдѣланнаго Наполеономъ въ продолженіи этой зимы, столь изобиловавшей важными событіями, какую бодрость духа онъ сохранялъ, не смотря на разочарованія, неизбѣжно обусловленныя рискованнымъ его положеніемъ, и какимъ сангвиническимъ темпераментомъ онъ обладалъ, когда состояніе его здоровья не препятствовало этому.

Въ продолженіи послѣдней кампаніи императоръ Францъ придерживался политики невмѣшательства и неувѣреннаго нейтралитета, представлявшей большое сходство съ таковою же политикой Фридриха Вильгельма въ прошломъ году. Если бы зимою послѣ Эйлауской битвы Австрія рѣшилась на энергическое вмѣшательство, то ея воля была бы закономъ. Вѣнскій кабинетъ припоминалъ себѣ, однако, что Пруссія въ часъ опасности воздержалась отъ вмѣшательства и предоставила Наполеону полную свободу дѣйствій. Находя, что долгъ платежомъ красенъ, Австрія предоставляла теперь Пруссіи испить столь же горькую чашу и оставалась номинально нейтральной. Андреосси доносилъ тѣмъ не менѣе Наполеону, что имперія Габсбурговъ быстро возстановляла боевыя свои силы, и что подотговленія эти несомнѣнно свидѣтельствовали о намѣреніи возобновить войну. Новый австрійскій первый министръ, графъ Стадіонъ, отличался большою энергіей и разсудительностью. Французскій императоръ немедленно же обратился къ вѣнскому кабинету, предлагая заключить съ нимъ союзъ. Это дѣлалось единственно лишь съ намѣреніемъ выиграть время. Подобно тому, какъ въ предшествовавшемъ году призваны были подъ знамена конскрипты 1807 года, такъ и теперь онъ требовалъ созванія конскриптовъ 1808 года. Рейнскому союзу было предписано выставить свѣжія войска, и даже Испанія, дружба которой за послѣднее время начала представляться сомнительною, получила настоятельное приглашеніе выставить обѣщанный вспомогательный корпусъ. Ранѣе, чѣмъ закончились переговоры съ императоромъ Франціомъ, Наполеонъ удвоилъ уже численность своей арміи. Новоприбывшія подкрѣпленія остались въ Силезіи и средней Пруссіи какъ бы въ качествѣ резерва, но въ дѣйствительности онѣ находились тамъ неподалеку отъ австрійской границы, а потому играли роль серьезнаго предостереженія по адресу вѣнскаго кабинета.

26-го мая сильнѣйшая изъ крѣпостей на Балтійскомъ морѣ—Данцигъ, гдѣ командовалъ генералъ Калькрейтъ, вынуждена была, не смотря на мужественную упорную оборону, сдаться французамъ на капитуляцію. Корпусъ Лефевра такимъ образомъ освободился, и Наполеонъ могъ подкрѣпить имъ главную дѣйствующую свою армію, все еще стоявшую за рѣкою Пассаргой. Французскій императоръ вновь предложилъ тогда Австріи Силезію на этотъ разъ уже всю цѣликомъ и притомъ совершенно искренно, съ тѣмъ, чтобъ вѣнскій кабинетъ заключилъ союзъ съ Франціей. Наполеонъ изъявлялъ даже готовность дать имперіи Габсбурговъ соотвѣтственное вознагражденіе за Далмацію. Россія и Пруссія въ свою очередь подписали еще 26-го апрѣля въ Бартенштейнѣ новый договоръ, по которому обязались не заключать съ Франціей сепаратнаго мира и объявили, что постараются организовать совмѣстно съ Англіей, Австріей и съ Скандинавскими державами коалицію для освобожденія Европы отъ военной тиранніи Наполеона. Въ вѣнскомъ кабинетѣ опять-таки обнаружилось разногласіе по вопросу объ умѣстности снова объявить французамъ войну. Подъ конецъ Австрія предложила свои услуги въ качествѣ посредницы съ тѣмъ, чтобъ

не было рѣчи о возстановленіи Польши, чтобы Турція сохранила прежніе свои предѣлы и чтобъ новое положеніе дѣлъ въ Германіи было санкціонировано конгрессомъ. Наполеонъ медлилъ категорическимъ отвѣтомъ на это предложеніе до тѣхъ поръ, пока Россія и Пруссія вмѣсто того, чтобъ принять посредничество Австріи, обратились къ императору Францу съ настоятельной просьбой присоединиться къ Бартенштейнскому соглашенію. Послѣ фіаско, понесеннаго такимъ образомъ вѣнскою дипломатіей, Франція оказалась, по крайней мѣрѣ, на время обезпеченной отъ непосредственныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Австріи. Современники, обладавшіе должной проницательностью, съ трудомъ лишь вѣрили своимъ глазамъ и ушамъ. Они находили, что политика императора Франца является не просто нейтральной, а напротивъ того, въ высшей степени благопріятной Наполеону. Разгадка заключалась въ слѣдующемъ: Австрія какъ нельзя лучше знала слабость Пруссіи и не питала особеннаго довѣрія къ могуществу Россіи. Необходимо присоединить къ этому, что у Франціи имѣлись могущественные друзья въ Вѣнѣ, гдѣ Андреосси пользовался большимъ вліяніемъ, и что сама Австрія не была готова къ войнѣ. Она подвергалась бы серьезной опасности, заключивъ договоръ съ двумя союзниками, которые могли оказаться разбитыми, прежде чѣмъ она успѣетъ мобилизовать свои войска. При такихъ обстоятельствахъ имперія Габсбурговъ рѣшила временно воздержаться отъ вооруженнаго вмѣшательства, разсчитывая медленно, но благонадежно подготовить осуществленіе собственныхъ своихъ тайныхъ замысловъ. Въ то время, какъ сильныя резервныя войска, оставленныя Наполеономъ въ средней Европѣ, являлись до нѣкоторой степени угрозой по адресу Австріи, она выставила на границы Галиціи сильный военный кордонъ и высокомѣрно уклонилась отъ принятія на себя какихъ-либо обязательствъ, способныхъ воспрепятствовать осуществленію ея собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ.

Наполеонъ въ роли западнаго императора.

Нерѣшительная побѣда: Фридландъ. — Наполеонъ и Александръ въ Тильзитѣ. — Тильзитскіе переговоры и Тильзитскій трактатъ. — Наполеонъ и прусская королева Луиза.—Тріумфальный путь наполеоновской имперіи.— Великолѣпныя торжества въ Парижѣ и объединеніе Франціи.

Нерѣшительная побѣда: Фридландъ.

Положеніе дѣлъ въ Парижѣ казалось Наполеону еще менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Тогда, какъ и теперь, Франція уподоблялась одному изъ интересныхъ существъ, носящихъ въ зоологіи техническое названіе головоногихъ и состоящихъ почти цѣликомъ изъ головы и нѣсколькихъ щупальцевъ. Поэтому-то и въ данномъ случаѣ было упомянуто не о Франціи

а именно о Парижѣ. Императорскій престижъ опирался на два краеугольныхъ столба: на Парижъ и на весь остальной міръ. Съ отступленіемъ французской арміи за Пассаргу, всѣ измышленія плодовитаго его ума, дѣятельно распространявшіяся ловкими его агентами, оказались все-таки не въ силахъ обмануть искусныхъ дѣльцовъ на парижской биржѣ. При такихъ обстоятельствахъ французскіе государственные фонды претерпѣли сразу значительное пониженіе, а когда, послѣ того, Англія объявила о своемъ намѣреніи высадить на берегахъ Балтійскаго моря многочисленную армію, общественное довѣріе къ Наполеоновской политикѣ оказалось потрясеннымъ еще сильнѣе. Уже за годъ передъ тѣмъ французскій народъ былъ сильно изумленъ преждевременнымъ призывомъ конскриптовъ подъ знамена. Повтореніе этой мѣры вызвало во всей Франціи настоящій ужасъ.

Все это представлялось само по себѣ до чрезвычайности серьезнымъ. По дорогамъ изъ Парижа въ Остероде и Финкенштейнъ постоянно мчались взадъ и впередъ курьеры верхомъ и въ экипажахъ съ разспросами и отвѣтами на таковые. Характеръ этой переписки доказываетъ, что, хотя Наполеонъ находился вдалекѣ отъ своей столицы, все управленіе Франціей оставалось по прежнему сосредоточеннымъ въ его особѣ. Отъ него исходили всѣ административныя распоряженія. Онъ рѣшалъ всѣ дѣла, начиная съ государственныхъ вопросовъ первостепенной важности и до такихъ мелочей, какъ назначеніе добавочнаго содержанія опернымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ.

Наполеону чрезвычайно хотѣлось исправить разстроенные государственные французскіе финансы, но онъ положительно не умѣлъ взяться за рѣшеніе этой задачи. Словно въ какомъ-то ослѣпленіи, онъ предписалъ государственному казначейству выдавать ежемѣсячно по пятисотъ тысячъ франковъ въ ссуды фабрикантамъ, которые согласны будутъ не останавливать производства и сдавать свои издѣлія въ казенные склады, дабы обезпечивать таковыми полученныя ими ссуды. Онъ не пренебрегалъ даже такими мѣрами, какъ учрежденіе казенныхъ фабрикъ и заводовъ для изготовленія необходимыхъ для арміи предметовъ обмундированія и снаряженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ заново отдѣлать и меблировать Тюльерійскій дворецъ, причемъ рекомендовалъ женѣ и сестрамъ ни подъ какимъ видомъ не скряжничать.

Само собой разумѣется, что эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Почти въ такой же степени безуспѣшными были и его старанія возстановить общественное довѣріе путемъ оффиціозныхъ газетныхъ статей. Цензура во Франціи хозяйничала строже, чѣмъ когда либо, и Фуше получилъ отъ Наполеона приказаніе перехватывать изъ арміи частныя письма „неподобающаго“ содержанія. При всемъ томъ императору удалось безъ труда импонировать сенату и заручиться его одобреніемъ для новой конскрипціи. Вѣтренные французы начали вскорѣ довѣрчиво прислушиваться къ сладкогласнымъ увѣреніямъ Наполеона, будто молодежь, преждевременно призванная подъ знамена, будетъ играть роль единственно лишь

резерва государственной охраны. Они и въ самомъ дѣлѣ полагали, что Наполеонъ смотритъ на молодыхъ конскриптовъ какъ на „дѣтей, долженствующихъ повиноваться исключительно только законамъ природы и служить предметамъ его собственныхъ отеческихъ попеченій".

Луи Бонапартъ, управлявшій Голландіей сообразно съ національными голландскими интересами и поддерживавшій у себя въ семьѣ строгій, но благоразумный порядокъ, получалъ отъ французскаго императора суровые, страстные выговоры за свою бережливость. По словамъ Наполеона, надлежало заботиться лишь объ уплатѣ жалованья войскамъ, наборѣ необходимаго числа конскриптовъ, поощреніи голландскихъ католиковъ и придворныхъ празднествахъ, на которыхъ голландцы могли бы забывать про существованіе болѣе серьезныхъ вопросовъ, а веселой, молодой королевѣ Гортензіи предоставлялся бы случай выказать себя въ полномъ блескѣ. „Пусть ваша жена танцуетъ сколько ей вздумается,—писалъ Наполеонъ.—Это какъ нельзя болѣе приличествуетъ ея возрасту. Моей супругѣ перевалило ужь за сорокъ, а, тѣмъ не менѣе, я, съ поля битвы, уговариваю ее посѣщать балы, тогда какъ вы хотите, чтобы двадцатилѣтняя женщина вела жизнь монахини или же кормилицы, обязанной безотлучно сидѣть возлѣ ребенка,—купать и подмывать его".

Г-жа де-Сталь, утверждавшая, будто водосточныя канавки парижскихъ улицъ нравятся ей больше, чѣмъ швейцарскіе горные ручьи, воспользовалась отсутствіемъ Наполеона, являвшагося для нея пугаломъ. Она вернулась во Францію и дерзнула показываться даже въ парижскихъ предмѣстьяхъ. Провѣдавъ объ этомъ, Наполеонъ до чрезвычайности разгнѣвался, приказалъ схватить ее, какъ интриганку, и, вслучаѣ надобности, насильственно препроводить обратно въ Женеву. Приказаніе это было выполнено, но у императора осталось все-таки тяжелое предчувствіе, что г-жа Сталь была „вороной—предвѣстницей непогоды". Какъ бы съ намѣреніемъ вознаградить Францію за утрату литературныхъ талантовъ г-жи Сталь и ея пріятелей, были задуманы и приведены въ исполненіе многоразличные проекты къ созданію и поощренію императорской французской литературы. Своимъ демонстративнымъ презрѣніемъ къ идеаламъ Наполеонъ фактически доказывалъ, что ихъ-то именно и побаивается. Академіи было предписано ограничиться поприщемъ литературной критики. Когда въ публичныхъ ея засѣданіяхъ приходилось говорить про Мирабо, или же другихъ героевъ революціи, оратору „надлежало внушить, чтобы онъ, въ своихъ замѣчаніяхъ, касался исключительно только стиля, не затрогивая политическую сторону ихъ дѣятельности". Въ школахъ предписывалось обучать дѣтей исторіи и географіи, ограничиваясь только фактами и не вдаваясь въ обсужденіе какихъ-либо философскихъ или же религіозныхъ вопросовъ.

Въ теченіе этой зимы обнаружились отчасти самыя некрасивыя и порочныя стороны темперамента французскаго императора. Онъ выказалъ въ двоякомъ отношеніи чрезмѣрную снисходительность къ

своимъ собственнымъ слабостямъ, которая повлекла за собою весьма серьезные результаты. Первымъ дурнымъ симптомомъ было до безобразія распутное поведеніе, вызвавшее, между прочимъ, также самые горькіе упреки со стороны императрицы. Эта креолка, которой минуло сорокъ три года, а не сорокъ лѣтъ (Наполеонъ въ письмѣ къ своему брату галантно убавилъ ей цѣлыхъ три года) совершенно уже состарѣлась, причемъ у нея, повидимому, изгладились изъ памяти воспоминанія о грѣхахъ собственной ея молодости и средняго возраста. Она принялась ревновать своего мужа съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ, что обвиняла его не только въ прелюбодѣяніяхъ, но и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ „мерзостно говорить“. Она непремѣнно пріѣхала бы къ Наполеону въ Польшу, но онъ постоянно отговаривалъ ее отъ этого. Его увѣщанія, хотя и были облечены въ достаточно мягкую вѣжливую форму, но, тѣмъ не менѣе, оказывались равносильными запрещенію, котораго она не смѣла ослушаться. Г-жа Ремюза, относящаяся весьма недружелюбно къ Наполеону, утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ, будто онъ возражалъ на всѣ обвиненія Жозефины заявленіемъ, что имѣетъ право отвѣтить: „Я не такой человѣкъ, какъ всѣ остальные, а потому для меня законъ не писанъ“. Онъ писалъ женѣ, что постоянное ея пытье только компрометируетъ ее, указывая на отсутствіе характера и мужества. „Я не люблю трусовъ. Императрица должна всегда держать себя молодцомъ“, говорилъ онъ. Вторымъ указаніемъ, свидѣтельствовавшимъ, что Наполеонъ началъ опускаться, являлся тотъ фактъ, что онъ сталъ все менѣе обращать вниманія на подробности своей работы. Жизнь оказывается всегда черезчуръ короткой

Г-жа де-Сталь. (Съ портрета работы Жерара).

для того чтобы деспотъ могъ одновременно и удовлетворять своимъ страстямъ и быть хорошимъ государемъ, хотя бы даже при самыхъ благопріятныхъ для этого условіяхъ. По выздоровленіи Маре, самъ французскій императоръ сталъ значительно меньше вникать въ детали, тогда какъ личный его секретарь, напротивъ того, старался позабыть семейное свое горе и домашній скандалъ, уходя въ болѣе чѣмъ когда-либо колоссальную лихорадочную дѣятельность. При такихъ обстоятельствахъ, секретарь Наполеона пріобрѣлъ вліяніе, которымъ никогда еще передъ тѣмъ не обладалъ. Это тайное могущество, скрывавшееся позади трона, не преминуло сдѣлаться опаснымъ, не только для имперіи, но также для Франціи и для европейскаго мира.

Не смотря на свое численное превосходство, Наполеонъ потерпѣлъ подъ Эйлау неудачу, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, несравненнаго мужества русскихъ солдатъ и тактическаго искусства, выказаннаго Беннигсеномъ. Собственно говоря, въ бою, русскій полководецъ не потерпѣлъ пораженія, но у него не хватило достаточной рѣшительности и энергіи, такъ что, благодаря этому, Наполеонъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ остался побѣдителемъ. Правда, онъ тоже отступилъ и занялъ оборонительное положеніе, сознавая, что безъ громадныхъ подкрѣпленій и овладѣнія Данцигомъ нельзя предпринять серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій, но, при всемъ томъ, русскіе цѣлыхъ четыре мѣсяца не смѣли его тревожить. Беннигсенъ оказывался въ очень затруднительномъ положеніи. При русскомъ дворѣ обнаруживалось разногласіе относительно умѣстности продолжать войну. Вниманіе императора Александра было въ значительной степени отвлечено константинопольскими событіями, и вооруженныя силы, которыми можно было располагать на сѣверномъ театрѣ войны, казались недостаточными для одержанія рѣшительной побѣды. При такихъ обстоятельствахъ русскій полководецъ сознавалъ себя осужденнымъ на бездѣйствіе. Въ концѣ февраля мѣсяца сдѣлана была попытка отбросить лѣвое французское крыло за Вислу, но она не увѣнчалась успѣхомъ. Нѣсколько дней спустя самъ Наполеонъ произвелъ рекогносцировку на правомъ флангѣ расположенія своей арміи, и этой угрозы оказалось достаточно, чтобы парализовать всѣ замыслы его противника. Французскій императоръ имѣлъ въ виду возобновить военныя дѣйствія не ранѣе какъ 10 іюня. Къ этому времени у него на передовой линіи имѣлась уже прекрасно снаряженная и хорошо обезпеченная продовольствіемъ стошестидесятитысячная армія. Резервная армія, расположенная въ средней Европѣ, была еще многочисленнѣе, такъ что въ общей сложности въ распоряженіи Наполеона оказывалось до 400.000 штыковъ и сабель.

Тѣмъ временемъ, однако, хорошая погода, стоявшая въ концѣ весны, исправила дороги и осушила болота. Русскія войска, въ теченіе долговременнаго отдыха, запаслись новыми силами и, въ качествѣ истинныхъ дѣтей природы, ощутили съ приближеніемъ теплаго лѣта стремленіе къ дѣятельности. Беннигсенъ распола-

галъ тогда 90.000 арміей, не считая пруссаковъ, которыхъ вывели въ поле до 18.000 человѣкъ. Русскій главнокомандующій лишился, вслѣдствіе собственной мѣшкотности, содѣйствія надежнѣйшихъ изъ своихъ союзниковъ, а именно: бездорожья и непогоды. Зато онъ принялъ теперь рѣшеніе дѣйствовать наступательно и, предусматривая намѣренія Наполеона, двинулся самъ 6-го іюня къ рѣкѣ Пассаргѣ противъ корпуса Нея составлявшаго французскій аван-

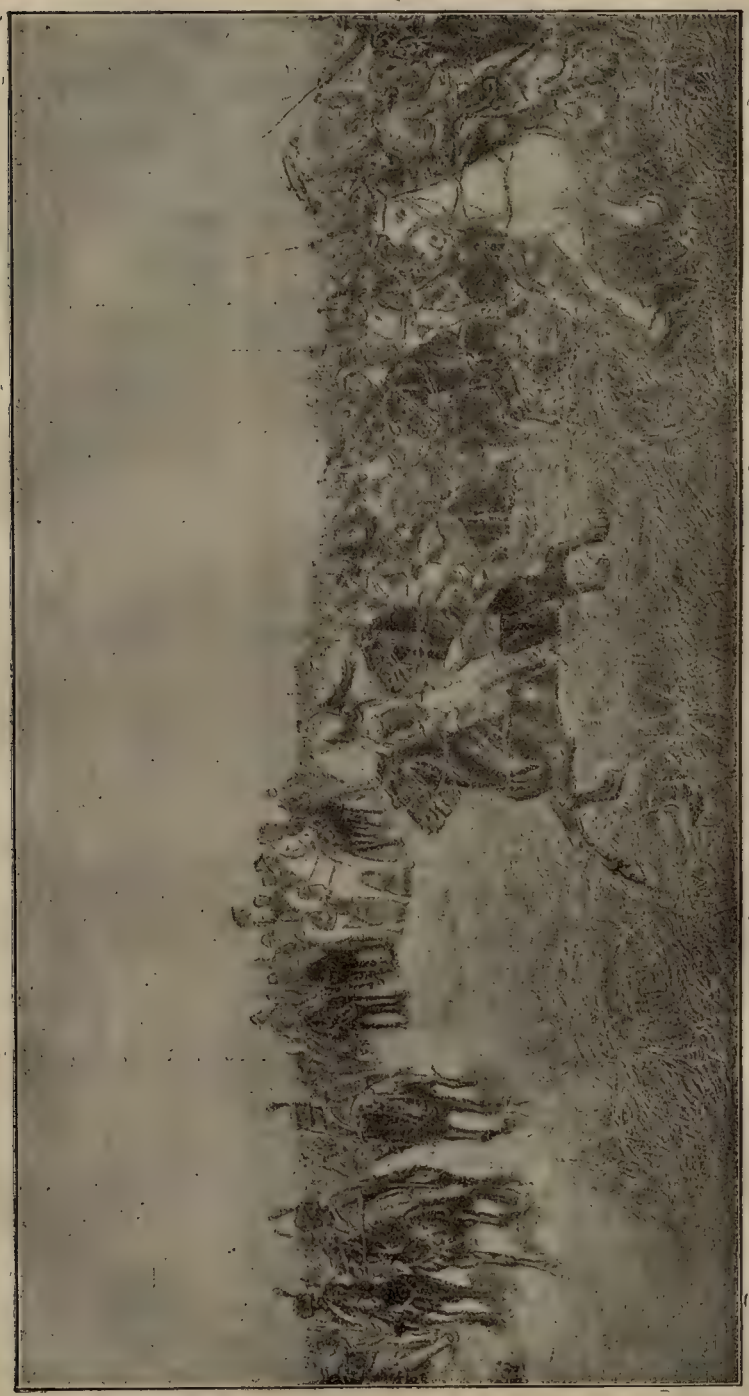
Маршалъ Ней. (Съ рисунка Мейсонье).

гардъ. Ней отступилъ, и 7-е число было потрачено русскими на безплодные маневры, которые повели только къ тому, что аттакованный французскій корпусъ Нея вошелъ въ связь съ главными силами своей арміи. Беннигсенъ надѣялся отрѣзать и уничтожить этотъ корпусъ, прежде чѣмъ Наполеонъ успѣетъ обрушиться на него самого всѣми силами, но такъ какъ это не удалось, вынужденъ былъ въ свою очередь отступить, причемъ оставилъ прусскій корпусъ Лестока далеко отъ себя

вправо и въ довольно рискованномъ положеніи. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ рѣшился немедленно перейти самъ въ наступленіе. 8-го іюня онъ началъ сосредоточивать войска и принимать мѣры къ тому, чтобъ, розыскавъ непріятеля, принудить его къ бою. Беннигсенъ отступилъ за рѣку Алле. Сультъ и Ланнъ, съ кавалеріей Мюрата впереди, направлены были вверхъ по лѣвому ея берегу къ Гейльсбергу. Даву и Мортье должны были переправиться чрезъ эту рѣку нѣсколько выше, чтобъ обойти русскихъ и отрѣзать имъ путь отступленія. Ней и гвардія оставались въ резервѣ, а Викторъ былъ отряженъ, чтобы удержать Лестока.

Первое столкновеніе произошло утромъ 10-го іюня близъ Гейльсберга; такъ какъ Беннигсенъ, чтобъ лучше выяснить себѣ намѣренія непріятеля, переправилъ тѣмъ временемъ значительную часть своихъ войскъ опять черезъ рѣку. Русскіе медленно подавались назадъ, энергически отражая натиски французовъ и, наконецъ, къ шести часамъ вечера, отошли на укрѣпленныя высоты близъ самаго города. Здѣсь они остановились и въ теченіе цѣлыхъ пяти часовъ отбрасывали одну за другой аттаковавшія ихъ французскія колонны. Въ одиннадцать часовъ ночи, не смотря на раннее лѣто и сравнительно высокую географическую широту, сдѣлалось ужь слишкомъ темно, чтобъ продолжать бой, и Саварп, находившійся при аттаковавшихъ войскахъ, счелъ это обстоятельство очень благопріятнымъ для французовъ. Наполеонъ расположился на бивакахъ и, проснувшись рано утромъ, надѣялся, что его противникъ снялся ночью съ позиціи и ушелъ подобно тому, какъ это случилось подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау. На этотъ разъ, однако, русскіе не пожелали доставить ему такое удовольствіе. Потери, понесенныя французами въ бою 10-го іюня, были до такой степени серьезны, что Наполеонъ, въ продолженіи всего 11-го числа, маневрировалъ для сосредоточенія подъ Гейльсбергомъ еще болѣе значительныхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Даву было предписано прорваться въ интервалъ между Лестокомъ и Беннигсеномъ, причемъ онъ обходилъ правое крыло русской арміи и отбрасывалъ пруссаковъ на Кенигсбергъ. Этимъ маневромъ опредѣлился дальнѣйшій характеръ всей кампаніи. Онъ возымѣлъ ожидаемое дѣйствіе, и утромъ 13-го іюня укрѣпленія на Гейльсбергскихъ высотахъ оказались покинутыми. Русскія войска ночью ретировались и въ продолженіи слѣдующихъ двухъ дней медленно отступали внизъ по теченію Алле въ общемъ направленіи къ Кенигсбергу. Вечеромъ 13-го іюня они прибыли въ Фридландъ.

Беннигсенъ разсчитывалъ отступать еще далѣе, надѣясь дойти до Велау и, переправившись на правый берегъ Прегеля, занять сильную оборонительную позицію передъ Кенигсбергомъ. Лестокъ, съ своими пруссаками, продвинулся уже значительно впередъ по направленію къ этому укрѣпленному городу. Между тѣмъ, въ три часа утра 14-го іюня, показались передъ Фридландомъ головныя части колонны маршала Ланна. Русскій главнокомандующій, предполагая, что будетъ имѣть дѣло съ однимъ только корпусомъ, немедленно повер-



1807. Подъ Фридландомъ. (Съ картины Мейсонье).

нулъ назадъ и, переправившись обратно на лѣвый берегъ Алле, прошелъ черезъ Фридландъ, чтобы ударить въ открытомъ полѣ на непріятеля. Онъ, очевидно, намѣревался слѣдовать наполеоновской системѣ дѣйствій, заключавшейся въ томъ, чтобы бить по одиночкѣ непріятельскія войска. Правое его крыло стояло за деревушкою Гейнрихсдорфъ, а лѣвое было прислонено къ Сортлакскому лѣсу. Русская армія выстроилась на этой позиціи приблизительно уже къ девяти часамъ утра. Неизвѣстно, какими именно свѣдѣніями о французахъ располагалъ Беннигсенъ, но, во всякомъ случаѣ, дальнѣйшія его дѣйствія и распоряженія представляются совершенно непонятными. Двинувшись впередъ, чтобы овладѣть Гейнрихсдорфомъ, русскіе, послѣ непродолжительнаго боя, были отражены. Ланнъ, успѣвшій ранѣе ихъ захватить эту деревушку, значительно выдвинувъ съ этою цѣлью лѣвое свое крыло, былъ подкрѣпленъ передовыми войсками корпуса Мортье. Беннигсенъ отступилъ поэтому около полудня на прежнюю свою позицію и пробылъ на ней въ бездѣйствіи цѣлыхъ три часа, ограничиваясь только безполезною перестрѣлкой съ непріятелемъ. Имѣя всю армію въ сборѣ на полѣ сраженія, онъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ и предоставилъ французамъ возможность безпрепятственно выстроиться. Принимая во вниманіе, что онъ успѣлъ сосредоточить войска прежде, чѣмъ это являлось возможнымъ для французовъ, можно сказать, что онъ занялъ по отношенію къ нимъ положеніе Наполеона подъ Іеной по отношенію къ пруссакамъ. Извѣстно, что французскій императоръ мастерски воспользовался тогда своимъ положеніемъ для нанесенія врагу удара во флангъ. Беннигсенъ упустилъ случай своевременно воспользоваться выгодами своего положенія, и промедленіе оказалось для него гибельнымъ. Тѣмъ временемъ успѣли подойти Ней, корпусъ Виктора съ своей артиллеріей, и гвардія. Въ три часа пополудни Наполеонъ приказалъ французскимъ войскамъ строиться къ бою, а два часа спустя Ней, находившійся на правомъ флангѣ, получилъ предписаніе аттаковать.

Русскіе лишь незадолго до того узнали, что передъ ними находятся главныя силы французской арміи. Беннигсенъ рѣшился поэтому отступить и переправиться назадъ черезъ Алле. Значительная часть русскихъ войскъ втянулась уже въ Фридландъ, находящійся еще на лѣвомъ берегу рѣки. Тѣмъ не менѣе, первый натискъ Нея по направленію къ этому городу былъ отраженъ съ страшнымъ урономъ. Отброшенный назадъ корпусъ Нея раздался вправо и влѣво передъ энергической русскою контръ-аттакой, но въ это мгновеніе Дюпонъ съ первою дивизіей Виктора появился въ самой серединѣ образовавшагося такимъ образомъ интервала, а генералъ Сенармонъ со всею корпусною артиллеріей Виктора, состоявшей изъ 36 орудій, вынесся впередъ, навстрѣчу русскимъ войскамъ, и, снявшись съ передковъ, въ самомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи, принялся осыпать ихъ картечью и гранатами. Этотъ убійственный огонь заставилъ русскихъ повернуть назадъ. Все лѣвое крыло Беннигсена втянулось въ городъ и перешло черезъ рѣку, но правое крыло, обратившееся вслѣдствіе этого въ арьергардъ, было насти-

гнуто Ланномъ, прежде чѣмъ оно успѣло переправиться, и оказалось вынужденнымъ принять бой при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Деревянный мостъ былъ охваченъ пламенемъ и еще до наступленія ночи войска, неуспѣвшія переправиться за рѣку, были фактически уничтожены.

Въ сраженіи подъ Фридландомъ участвовало до 80.000 французовъ и 55.000 русскихъ. Французы потеряли около 7.000, а русскіе около 16.000 человѣкъ и, кромѣ того, около 80 полевыхъ орудій. Это было единственное изъ наполеоновскихъ сраженій, въ которыхъ онъ не отрицалъ, что численное преимущество находилось на его сторонѣ. Въ тотъ же день Сультъ и Даву, съ кавалеріей Мюрата, вогнали Лестока въ Кенигсбергъ и приготовились обложить этотъ городъ. Имъ не удалось, однако, своевременно это выполнить, а потому корпусъ Лестока, вмѣстѣ съ войсками кенигсбергскаго гарнизона и королевскимъ дворомъ, успѣлъ отъ нихъ ускользнуть поспѣшнымъ бѣгствомъ по направленію къ русской границѣ. Беннигсенъ собралъ въ Алленбургѣ уцѣлѣвшія свои войска и, продолжая отступать съ ними въ порядкѣ, переправился четыре дня спустя въ Тильзитѣ черезъ Нѣманъ. Ему представлялась возможность дать снова бой Наполеону, или же заключить миръ, или, наконецъ, отступить во внутрь Россіи, какъ сдѣлалъ это императоръ Александръ послѣ пораженія подъ Аустерлицемъ. Французы, безъ сомнѣнія, не рѣшились бы гнаться за отступающими русскими войсками. Беннигсенъ признавалъ себя, однако, совершенно побѣжденнымъ. Онъ писалъ цесаревичу Константину: „Это уже не война, а просто на просто рѣзня. Докладывайте Императору, что угодно. Сдѣлайте только такъ, чтобъ можно было остановить безцѣльное кровопролитіе“.

Смотря по точкѣ зрѣнія, съ которой судятъ о кампаніи, закончившейся битвой подъ Фридландомъ, она представляется менѣе, или же, напротивъ того, болѣе геніальной,, чѣмъ остальныя наполеоновскія кампаніи. Если смотрѣть на французскаго императора исключительно какъ на полководца, то его образъ дѣйствій въ продолженіи этой кампаніи не выказываетъ особенной талантливости. Столкновеніе съ непріятелемъ произошло тамъ, гдѣ онъ вовсе не разсчитывалъ дать бой. Мѣшкотность противника дала ему случай выработать и выполнить подъ Фридландомъ блестящій планъ сраженія, въ которомъ французы понесли потери, совершенно ничтожныя по сравненію съ громаднымъ урономъ противника, но, тѣмъ не менѣе, это сраженіе не было окончательно подавляющею побѣдой. Оно заставило русскую армію отступить, но не уничтожило ее и не вызывало для Россіи необходимость въ заключеніи мира. Послѣ пораженія подъ Фридландомъ, Беннигсенъ имѣлъ возможность опереться на неисчерпаемыя средства могущественной Россійской имперіи. Къ дѣйствующей арміи примкнуло 25.000 пруссаковъ, прибывшихъ изъ Кенигсберга. Князь Лобановъ привелъ, сверхъ того, русскія резервныя войска, такъ что составилась опять грозная боевая сила. Отступленіе съ нею въ глубь Россіи поставило бы Наполеона, какъ полководца,

въ то самое положеніе, въ какомъ онъ находился передъ началомъ кампаніи. Отсутствіе сколько-нибудь рѣшительныхъ ея результатовъ было обусловлено со стороны Наполеона какъ будто умышленно слабымъ шахматнымъ ходомъ. Онъ направилъ Даву противъ Лестока, чтобъ дѣйствовать на оконечность праваго крыла непріятеля и черезъ это лишилъ себя возможности выполнить превосходно задуманный проектъ: окружить и уничтожить всю русскую армію.

Съ точки зрѣнія государственнаго дѣятеля, Фридландская кампанія представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ. Вслѣдствіе страннаго совпаденія, за мѣсяцъ передъ тѣмъ произошло въ Константинополѣ возстаніе янычаръ, низвергнувшее Селима III съ престола. Генералъ Себастіани утратилъ тогда все свое вліяніе, и положеніе Франціи въ Восточномъ вопросѣ категорически измѣнилось. Оффиціальныя депеши, извѣщавшія объ этомъ фактѣ, прибыли въ Тильзитъ лишь 28-го іюня, но весьма правдоподобно, что Наполеонъ неоффиціально зналъ о немъ еще передъ Фридландскимъ боемъ. Въ такомъ случаѣ очень можетъ быть, что французскій императоръ умышленно оставилъ для русской арміи лазейку и далъ сраженіе подъ Фридландомъ, дабы удовлетворить благородное честолюбіе своей арміи, покрывъ ее новой славой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оставлялъ императору Александру возможность заключить сравнительно почетный миръ. Зная честолюбивые замыслы восточной политики русскаго Императора, Наполеонъ имѣлъ полное основаніе надѣяться, что Россія согласится вступить въ союзъ съ Франціей, если только ей будетъ взамѣнъ обѣщано безпрепятственное выполненіе замысловъ, которымъ недавно еще нанесенъ былъ такой ударъ франко-турецкимъ союзомъ и вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ французскою политикою въ Константинополѣ. Подобная гипотеза представляется сама по себѣ въ высшей степени правдоподобной. Тѣмъ не менѣе, тщательное изученіе кампаніи какъ будто доказываетъ, что Наполеонъ, внезапно перейдя отъ обороны къ наступленію и сразу же увидѣвъ себя подъ Гейльсбергомъ лицомъ къ лицу съ пораженіемъ, рѣшился прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, которыя давали ему возможность какъ можно скорѣе и удобнѣе выпутаться изъ непріятнаго положенія. Если самонадѣянность, которую поддерживало у Наполеона въ продолженіи зимы превосходное состояніе его здоровья, успѣла нѣсколько ослабѣть, а въ то же время,— если геніальная проницательность политическаго дѣятеля взяла у него верхъ надъ сравнительно менѣе существенными стремленіями военнаго спеціалиста, то онъ могъ, разумѣется, предвидѣть и предусмотрѣть все, что послѣдовало затѣмъ. Предположивъ, однако, что упомянутая гипотеза не вѣрна, придется заключить, что Наполеонъ подъ Фридландомъ сдѣлалъ рѣшительно все для него возможное. Въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что онъ, какъ политическій дѣятель, превосходно воспользовался сравнительно незавиднымъ стратегическимъ своимъ положеніемъ. Дѣйствительно, мирный договоръ, заключенный вскорѣ послѣ фридландскаго сраженія, является самъ по себѣ единственнымъ въ исторіи дипломатіи.

Для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ имѣлись, положимъ, основательныя причины придти къ взаимному соглашенію. Необходимо замѣтить, что Наполеонъ никогда не позволялъ себѣ прибѣгать къ колкостямъ и личнымъ оскорбленіямъ по отношенію къ Александру I, хотя и не стѣснялся злословить самымъ безцеремоннымъ образомъ всѣхъ другихъ своихъ противниковъ. Когда 21-го іюня Беннигсенъ предложилъ заключить перемиріе, предложеніе это было принято не только вѣжливо, но и съ величайшей готовностью. Вскорѣ затѣмъ дѣла приняли такой оборотъ, какъ еслибъ оба императора считались уже не врагами, а

«1807».
(Съ литографіи Раффе).

близкими друзьями, съ нетерпѣніемъ ожидающими случая къ личному свиданію самаго нѣжнаго свойства. По крайней мѣрѣ еще до встрѣчи обоихъ императоровъ они держались такого тона во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ и демонстративно высказывались въ такомъ же смыслѣ передъ своими приближенными. Нѣкоторыя изъ причинъ, побуждавшихъ императора Александра желать мира, до такой степени очевидны, что не нуждаются въ комментаріяхъ. Пруссія, являвшаяся главной заинтересованной въ войнѣ державой, фактически уже не существовала. Англія, пользовавшаяся громадными выгодами отъ торговли съ Россіей, позволяла себѣ скряжничать и не выплатила субсидій, на которыя разсчитывало русское правительство. Вмѣстѣ

съ тѣмъ она промедлила съ давно обѣщанной балтійской экспедиціей до тѣхъ поръ, пока эта экспедиція, про которую такъ много толковали, сдѣлалась совершенно безцѣльной. Шведскаго короля до такой степени ненавидѣли собственные его подданные, что онъ оказывался совершенно безпомощнымъ и непригоднымъ въ качествѣ союзника. Въ самой Россіи существовала сильная партія, съ цесаревичемъ Константиномъ во главѣ, энергически высказавшаяся противъ войны съ Франціей и утверждавшая, что эта война ведется исключительно лишь въ интересахъ иностранцевъ. Къ партіи этой принадлежало большинство природныхъ русскихъ офицеровъ. Было очевидно, что Императоръ Александръ, участвовавшій въ войнѣ лишь въ качествѣ союзника, нисколько не утратитъ своего престижа на родинѣ, отказавшись отъ продолженія ссоры, въ которой Россія не была непосредственно заинтересована. Если у него имѣлись какія-либо обязательства передъ Пруссіей, то онъ несомнѣнно выполнилъ ихъ съ лихвою, пожертвовавъ „ради прусскаго короля“ своею гвардіей и цвѣтомъ русской арміи. Кромѣ того, въ русскихъ войскахъ обнаруживался недостатокъ продовольствія и вмѣстѣ съ тѣмъ государственные финансы оказывались нельзя сказать, чтобы въ цвѣтущемъ положеніи.

Со стороны императора Наполеона многое тоже представляется какъ нельзя болѣе яснымъ. Спеціалисты по части стратегіи справедливо замѣчаютъ, что подъ Фридландомъ онъ выигралъ сраженіе, но не разгромилъ врага въ конецъ. Между тѣмъ, положеніе дѣлъ въ Парижѣ оказывалось крайне неудовлетворительнымъ. Англійскій экспедиціонный корпусъ, долженствовавшій давно уже произвести высадку на берегахъ Балтійскаго моря, могъ и въ самомъ дѣлѣ явиться съ минуты на минуту. Король Густавъ шведскій, хотя и представлявшій собою сравнительно ничтожный факторъ, находился уже въ Помераніи, во главѣ десятитысячной англо-ганноверской арміи. Всего тревожнѣе, однако, было движеніе умовъ въ Пруссіи, вызвавшее уже дѣятельную партизанскую войну и предвѣщавшее этой державѣ скорое національное возрожденіе. Очевидно, что съ точки зрѣнія какъ восточной, такъ и европейской политики Наполеона, союзъ съ Россіей представлялся для Франціи несравненно выгоднѣе союза съ Пруссіей. Французскій императоръ рѣшился поэтому, въ бесѣдѣ своей съ посланцемъ императора Александра, представить Россіи самыя заманчивыя перспективы, а именно раздѣлъ Турціи и перенесеніе русской границы на Вислу, до впаденія этой рѣки въ Балтійское море.

Всѣ эти причины и соображенія не въ состояніи, однако, объяснить необычайнаго характера событій, предшествовавшихъ тильзитскому свиданію обоихъ императоровъ. Точно также они не объясняютъ того, что произошло на этомъ свиданіи, равно какъ не объясняютъ и условій заключеннаго тамъ договора. Когда Беннигсенъ предложилъ заключить перемиріе, Наполеонъ потребовалъ, чтобъ ему были уступлены въ качествѣ обезпеченія три крѣпости: Пиллау, Кольбергъ и Грауденцъ. Ему возразили, что Россія

не уполномочена договариваться объ уступкѣ прусскихъ крѣпостей. Тотчасъ же затѣмъ Наполеонъ отправилъ своего адъютанта Дюрока въ русскій лагерь освѣдомиться: не согласится-ли императоръ Александръ заключить сепаратный миръ? Подобный шагъ могъ съ одной стороны показаться явнымъ нарушеніемъ Бартенштейнскаго договора, но, съ другой стороны, этотъ договоръ можно было, съ чисто формальной точки зрѣнія, признать неимѣющимъ обязательной силы, такъ какъ Австрія его не подписала. Разумѣется, она съ удовольствіемъ подписала бы его теперь, когда ей угрожало заключеніе франко-русскаго союза, но время было уже упущено. Правда, что послѣ битвы подъ Прейсишъ - Эйлау, Фридрихъ - Вильгельмъ прусскій отказался заключить сепаратный миръ съ Наполеономъ, но молодой русскій Государь чувствовалъ себя въ совершенно иномъ положеніи. Прежняя монархическая Европа не представляла для него сама по себѣ ни малѣйшаго интереса. Точно также онъ относился совершенно равнодушно къ осуществленію проекта Западной, наполеоновской имперіи. Несравненно важнѣе представлялось ему упроченіе тѣмъ или другимъ способомъ русскаго вліянія въ Европѣ съ помощью раздѣла Турціи и распространенія русской имперіи на Западъ путемъ завоеванія Финляндіи. Разъ, что ему не удалось достигнуть цѣлей, ради которыхъ образовалась коалиція законныхъ государей, императоръ Александръ I, въ виду до невѣроятности соблазнительныхъ намековъ и полуобѣщаній, высказанныхъ Наполеономъ въ бесѣдѣ съ княземъ Лобановымъ, не видѣлъ надобности бороться противъ искушенія и выразилъ готовность заключить съ Франціей сепаратный миръ. Пруссія осталась при этомъ какъ бы въ сторонѣ. Дѣйствительно 21-го іюня состоялось перемиріе между Россіей и Франціей безъ всякихъ

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король Пруссіи.
(Съ картины Берлинскаго музея Гогенцолерновъ).

серьезныхъ гарантій и преимуществъ для французской арміи. Пруссіи не удалось одновременно съ Россіей обезпечить себѣ перемиріе. Предложенныя ей условія были до того тяжелы, что, не смотря на отчаянное положеніе, въ которомъ находился король Фридрихъ Вильгельмъ, онъ все-таки считалъ немыслимымъ для себя ихъ принять. Пруссія была до такой степени разгромлена и унижена, что не могла уже считаться равноправной съ Франціей или Россіей, но фактически находилась въ зависимости и отъ той и отъ другой. Прусскій дворъ, вынужденный скитаться съ мѣста на мѣсто, состоялъ теперь единственно лишь изъ самого короля Фридриха-Вильгельма, его министра Гарденберга и еще нѣсколькихъ лицъ, проживавшихъ сегодня здѣсь, а завтра тамъ, гдѣ надѣялись что-нибудь выхлопотать отъ бывшаго союзника Пруссіи, или же отъ ея завоевателя. Королева Луиза и вся остальная королевская прусская фамилія пребывали въ Мемелѣ, наиболѣе отдаленномъ отъ театра военныхъ дѣйствій, пограничномъ пунктѣ сравнительно ничтожной территоріи, которая оставалась незанятой еще побѣдоносными французскими войсками.

Императоръ Александръ I держалъ себя съ Наполеономъ совершенно иначе, чѣмъ другіе монархи, которымъ доводилось потерпѣть въ борьбѣ съ нимъ пораженіе. Предокъ Фридриха-Вильгельма всего лишь какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ купилъ себѣ королевскую корону услугами, которыя оказалъ германскоримскому императору, предоставивъ въ его распоряженіе свои войска. Слѣдовательно онъ, подобно Наполеону, являлся выскочкой, захватившимъ въ свои руки скипетръ. Австрійскій императоръ Францъ I былъ внукомъ Маріи-Терезіи, могущественной, властолюбивой монархини, царствовавшей прямо наперекоръ всѣмъ легитимистскимъ традиціямъ, такъ какъ ей удалось силою оружія укрѣпить за собою престолъ. Тѣмъ не менѣе австрійскій императоръ и прусскій король оказывались проникнутыми до мозга костей сознаніемъ законности державныхъ своихъ правъ, якобы создававшихъ для нихъ совершенно особое положеніе, устранявшее возможность относиться къ корсиканскому авантюристу какъ къ человѣку, равному себѣ. Послѣ аустерлицкой битвы, императоръ Францъ вынужденъ былъ смириться передъ побѣдителемъ, но при всемъ томъ бросалось въ глаза, что онъ подчинялся только давленію необходимости и въ дѣйствительности глядѣлъ на выскочку свысока,—съ подобающимъ презрѣніемъ. Точно также и злополучный прусскій король обнаруживалъ даже въ роли нищаго благородное достоинство, свидѣтельствовавшее, что онъ, по сравненію съ Наполеономъ, продолжаетъ смотрѣть на себя, какъ на существо высшей категоріи. Напротивъ того, русскій Государь, совершенно свободный отъ этихъ предразсудковъ, вовсе не былъ расположенъ кичиться передъ Наполеономъ и выказывать, что считаетъ себя выше французскаго императора. Сдѣлавъ первый шагъ къ сближенію, онъ началъ обнаруживать величайшее нетерпѣніе лично повидаться съ Наполеономъ. Французскому императору это являлось какъ нельзя болѣе на руку, а потому онъ не замедлилъ сдѣлать

формальное предложеніе, которое и было охотно принято русскимъ Императоромъ. Сношенія между русскими и французскими офицерами принимали съ каждымъ днемъ все болѣе дружескій и сердечный оттѣнокъ. Всѣ подробности, относившіяся до свиданія между претендентами на рангъ Восточнаго и Западнаго императоровъ, были вскорѣ улажены.

Наполеонъ и Александръ въ Тильзитѣ.

Утромъ, 25 іюня, 1807 года, по серединѣ рѣки Нѣмана, стоялъ закрѣпленный на якорѣ плавучій павильонъ, искусно сооруженный на лодкахъ и плотахъ французскими саперами. Этотъ павильонъ изящно убрали флагами и гирляндами, расположенными съ большимъ вкусомъ, вообще характеризующемъ французовъ. На переднемъ его фасадѣ изображена была монограмма колоссальныхъ размѣровъ изъ переплетавшихся другъ съ другомъ буквъ N и A. Въ павильонѣ имѣлись двѣ удобныхъ комнаты: одна для монарховъ, а другая для свиты. Русскіе и французскіе гвардейцы были выстроены лицомъ другъ къ другу, одни—по правому, другіе по лѣвому берегу рѣки. По сигналу, поданному пушечнымъ выстрѣломъ, отчалило отъ каждаго берега по лодкѣ, направлявшейся къ павильону, причемъ восторженныя русскія ура сливались съ французскими возгласами: „Да здравствуетъ императоръ!“ Пушечный выстрѣлъ являлся на этотъ разъ благой вѣстью о состоявшемся примиреніи. Въ одной изъ лодокъ находился императоръ Александръ I въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, а въ другой императоръ Наполеонъ—въ традиціонномъ своемъ сѣромъ походномъ сюртукѣ и старой треугольной шляпѣ съ грошевой кокардой. Французскій императоръ первый причалилъ къ плоту и встрѣтилъ августѣйшаго своего гостя съ самой подкупающей привѣтливостью, которою обладалъ въ такой неподражаемой степени. Послѣ оффиціальнаго обмѣна привѣтствій начался конфиденціальный разговоръ, продолжавшійся, затѣмъ, безъ перерыва и въ комнатѣ, которая была предназначена для свиданія монарховъ. Свита ихъ, находившаяся на почтительномъ разстояніи, не могла уловить ни единаго слова. Бесѣда продолжалась болѣе двухъ часовъ, но изъ нея дошли до свѣдѣнія потомства только первыя фразы, переданныя самимъ же Наполеономъ:

— Государь,—замѣтилъ ему русскій Императоръ,—я готовъ дѣйствовать съ вами за одно противъ англичанъ!

— Въ такомъ случаѣ мы поладимъ другъ съ другомъ и миръ между нами фактически заключенъ, — отвѣтилъ французскій императоръ.

Повидимому, не было ни малѣйшей тучки, способной омрачить взаимно дружественное настроеніе обоихъ монарховъ. Несомнѣнно, что они порѣшили заключить другъ съ другомъ двойственный союзъ и ни подъ какимъ видомъ не принимать въ него третье лицо. На одномъ изъ послѣдующихъ свиданій присутствовавшіе слы-

шали, какъ Наполеонъ говорилъ русскому Государю: „Мнѣ не разъ случалось спать въ постели вдвоемъ, но втроемъ никогда, признаться, не доводилось“. Савари утверждаетъ, будто молодой русскій Государь добродушно улыбнулся этой выходкѣ обольстительнаго, но нельзя сказать, чтобъ хорошо воспитаннаго, французскаго императора. Ничего загадочнаго въ этой фразѣ, разумѣется, не было. Всѣ понимали и безъ того, что Австрія не можетъ болѣе считаться равноправнымъ членомъ континентальнаго Олимпа, на которомъ число боговъ сводилось такимъ образомъ только къ двумъ.

Императоръ Александръ хотя и заключилъ сепаратный миръ съ Наполеономъ, но тѣмъ не менѣе не былъ расположенъ оставлять Пруссію на произволъ судьбы. Онъ безъ особеннаго труда выхлопоталъ для нея у новаго своего союзника существенныя уступки. Въ тотъ же самый день къ вечеру заключено было съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III перемиріе, по которому Пруссія временно сохранила несдавшіяся еще французамъ крѣпости въ Силезіи и Помераніи. Тѣмъ не менѣе предложеніе короля вступить съ Наполеономъ въ союзъ было немедленно отвергнуто. На другой день состоялось въ томъ же павильонѣ новое свиданье, но уже не между двумя, а между тремя монархами, такъ какъ на немъ участвовалъ также и прусскій король. Наполеонъ говорилъ безъ всякихъ стѣсненій рѣзкимъ и повелительнымъ топомъ, причемъ упрекалъ Фридриха-Вильгельма за двоедушіе его политики и, „пылая желаніемъ отомстить“ (по собственнымъ его словамъ), настоятельно требовалъ увольненія Гарденберга въ отставку. Прощаясь, онъ пригласилъ императора Александра на обѣдъ, но демонстративно упустилъ распространить это приглашеніе также и на Фридриха-Вильгельма. Было рѣшено, что для скорѣйшаго приведенія переговоровъ къ желаемому концу, всѣ три монарха будутъ находиться въ Тильзитѣ. Съ этою цѣлью половина города Тильзита была объявлена нейтральной и раздѣлена на три участка: русскій, французскій и прусскій. По состоявшемся такимъ образомъ предварительномъ соглашеніи оба императора вернулись какъ нельзя болѣе довольные другъ другомъ, каждый на свой берегъ рѣки. Впечатлѣніе, которое испытывалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ, сопровождавшій русскаго государя, можно сравнить развѣ лишь съ тѣмъ, что чувствуетъ паціентъ, когда надъ нимъ производятъ въ больницѣ серьезную хирургическую операцію. Русскій Императоръ переѣхалъ тотъ же часъ въ предназначенный для него участокъ города Тильзита. Прусскій король поселился тоже въ своемъ участкѣ въ домѣ мельника, но проводилъ тамъ каждый день всего лишь по нѣскольку часовъ, предпочитая грустное одиночество сосѣдней деревушки Пиктупененъ.

Императору Александру исполнилось въ это время уже тридцать лѣтъ. Онъ обладалъ сангвиническимъ темпераментомъ, большой впечатлительностью и честолюбіемъ, но въ то же время отличался зрѣлостью сужденій. Черты его красиваго лица имѣли славянскій типъ и весьма симпатичное выраженіе, а вся фигура дышала изяществомъ. Онъ обладалъ уже отъ природы чарующей

прелестью, еще болѣе развитой прекраснымъ воспитаніемъ. Наполеонъ, въ письмѣ къ Жозефинѣ отъ 25-го іюня, говоритъ: „Другъ мой, я только что видѣлся съ императоромъ Александромъ, который мнѣ очень понравился. Это очень красивый и благодушный молодой императоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гораздо умнѣе, чѣмъ вообще о немъ думаютъ". Самъ Наполеонъ былъ всего лишь на восемь лѣтъ старше русскаго Государя, но, въ отношеніи прони-

Русскій Императоръ Александръ I.
(Съ миніатюры изъ коллекціи герцога де-Бассано).

цательности и хитрости, оказывался на цѣлое поколѣніе впереди своихъ сверстниковъ. Классическій поворотъ лица, дозволявшій, всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, скульпторамъ изображать его ввидѣ юнаго Августа, почти окончательно утратился. Вообще здоровье, которымъ Наполеонъ пользовался за послѣдне время, значительно измѣнило его внѣшній видъ. Онъ сталъ походить несравненно меньше на римлянина и гораздо больше на итальянца, незатронутаго еще цивилизаціей. Прыщи и лишаи у него исчезли, цвѣтъ лица сдѣлался смуглый, но здоровый. Могущественное сложеніе Наполеона достигло къ этому времени полнаго своего развитія. Онъ сталъ человѣкомъ дороднымъ, но все-таки не отяжелѣлъ еще отъ полноты. Боль-

шая его голова сидѣла на шеѣ, напоминавшей толщиною и мощностью здоровенный столпъ. Выраженіе рта и подбородка оказывалось слегка чувственнымъ, но главной характерной чертою лица оставались глаза: блестящіе, живые и проницательные. Ему рѣдко случалось останавливать на комъ-нибудь пристальный взоръ. Обыкновенно глаза его перебѣгали съ одного предмета на другой. Онъ въ то время старался блистать хорошими манерами и вѣжливостью, являвшимися, впрочемъ, непривычною для него роскошью.

Графъ Кобенцель совершенно справедливо замѣтилъ, что достиженію владычества надъ всѣмъ міромъ обыкновенно предшествуетъ раздѣленіе этого владычества между двумя лицами. Въ данную минуту представлялось почти несомнѣннымъ, что въ концѣ концовъ власть должна будетъ перейти всецѣло къ Наполеону, тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ производилъ впечатлѣніе весьма увлекающагося человѣка, серіезно проникшагося самыми дружескими чувствами къ французскому государю. Кромѣ того, ему льстило вниманіе и уваженіе со стороны величайшаго человѣка въ Европѣ. Блестящая увлекательность обобщеній, которою отличались наполеоновскіе замыслы, чрезвычайно подкупала Императора Александра, а вмѣстѣ съ тѣмъ чарующее обращеніе французскаго императора трогало его сердце. Съ другой стороны, однако, самъ русскій Государь несомнѣнно обнаруживалъ весьма существенное вліяніе на императора Наполеона. Дѣло въ томъ, что у Александра I, съ рыцарскою откровенностью обращенія и самой романтичной восторженностью, соединялись замѣчательная настойчивость и значительная доза практичнаго здраваго смысла. Преимущества, пріобрѣтенныя Россіей по Тильзитскому договору, были предоставлены ей Наполеономъ главнымъ образомъ въ собственныхъ его интересахъ, такъ какъ могущественная Россія казалась самымъ надежнымъ средствомъ для окончательнаго парализованія Австріи. При всемъ томъ эти преимущества были достигнуты въ значительной степени лишь благодаря личному обаянію Императора Александра. Они несомнѣнно носили для Россіи характеръ важныхъ матеріальныхъ выгодъ, имѣвшихъ къ тому же на своей сторонѣ неоцѣненное достоинство прочности. Король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ всего только на два года моложе Наполеона, но по своему умственному развитію никоимъ образомъ не принадлежалъ къ выдающимся людямъ. Это былъ человѣкъ доброжелательный и недалекій,—гордый, но вмѣстѣ съ тѣмъ робкій и слабохарактерный. Ему суждено было стать очевидцемъ возрожденія Пруссіи подъ его скипетромъ, но онъ пока еще ничего не сдѣлалъ, дабы подвинуть впередъ дѣло этого возрожденія и въ припадкѣ раздраженія объявилъ войну, въ которой прусское королевство было фактически уничтожено. Онъ присутствовалъ на тильзитскихъ совѣщаніяхъ съ выраженіемъ грусти и отчаянія на грубоватомъ своемъ лицѣ,—гордый, но въ положеніи просителя,—король, но только по имени. Къ счастью, явилась къ нему подъ конецъ на помощь прелестная, добродѣтельная и умная его супруга, королева Луиза, бывшая превосходнѣйшимъ типомъ тогдашней жен-

щины. Надеждамъ ея не суждено было осуществиться. Ея очарованію предстояло потерпѣть пораженіе, но, при всемъ томъ, единственно только присутствіе королевы Луизы сохранило за Пруссіей во время тильзитскихъ переговоровъ обаяніе нѣкотораго достоинства.

Вообще тильзитское свиданіе является въ высшей степени замѣчательнымъ въ лѣтописяхъ дипломатіи, какъ по условіямъ внѣшней обстановки, характера и положенія дѣйствующихъ лицъ, такъ и по достигнутымъ на немъ результатамъ. Причины, побуждавшія Наполеона заключить перемиріе, являлись сами по себѣ въ достаточной степени очевидными, но относительно побудительныхъ поводовъ, обусловившихъ дальнѣйшій его образъ дѣйствій, приходится по неволѣ ограничиваться единственно только предположеніями. Французскіе либералы временъ революціи считали Пруссію, по естественному порядку вещей, обязанною держать сторону Франціи, и въ такой же степени негодовали на упорную ея рѣшимость сохранять нейтралитетъ, съ какою негодовали на эту державу Австрія и Англія, находившія, что прусскому королю, уже въ интересахъ самосохраненія, надлежало принять ихъ сторону. До сраженія подъ Іеной, Наполеонъ неоднократно пытался заключить союзъ съ Пруссіей. Неудача этихъ попытокъ, равно какъ отказъ Фридриха-Вильгельма заключить сепаратный миръ съ Франціей, еще болѣе укоренили у французскаго императора это традиціонное негодованіе. Онъ могъ двоякимъ путемъ достигнуть обезпеченія цѣлей, за которыя сражался: или возстановивъ Польшу и устроивъ изъ нея нѣчто вродѣ буффера между цивилизаціей своей имперіи и честолюбивыми замыслами полуварварской Россіи, или же вступить въ соглашеніе съ самою Россіей. Въ первомъ случаѣ ему угрожала перспектива нескончаемыхъ войнъ съ Россіей, Австріей и Пруссіей, причемъ эти войны пришлось бы вести въ разстояніи двухъ съ половиною тысячъ верстъ отъ Парижа. Не подлежало сомнѣнію, что Россія будетъ бороться до послѣдней капли крови, прежде чѣмъ согласится утратить польскія земли, благодаря которымъ врѣзалась, если можно такъ выразиться, въ самое сердце Европы, такъ какъ эта утрата низвела бы ее опять до положенія азіятской державы. Французскій императоръ убѣдился уже послѣ Эйлауской битвы, до какой степени ненадежной являлась его армія даже въ сравнительно хорошо обработанной и населенной прусской Польшѣ. Онъ могъ довольно явственно представить себѣ, въ какомъ настроеніи оказалась бы она, послѣ подобнаго же сраженія на берегахъ Днѣпра, въ литовскихъ равнинахъ. Эти соображенія, по всѣмъ вѣроятіямъ, обусловили не только фактъ заключенія мира, но и самый характеръ тильзитскаго договора. Наполеонъ хотѣлъ обезпечить свои пріобрѣтенія въ западной, южной и средней Европѣ. Для этого надлежало во что бы ни стало смирить Англію. Необходимо было заручиться не только союзомъ, но также искреннею дружбой Россіи. За согласіе подчиниться берлинскому декрету, т. е. запереть свои порты англійскимъ судамъ, Россіи предоставлялось удовлетворить всѣ прак-

тически осуществимые замыслы ея честолюбія. При такихъ обстоятельствахъ держава эта имѣла фактически возможность выговорить себѣ какія угодно выгодныя условія. Въ свою очередь Наполеонъ, располагая такою грозною силой, какою являлось присоединеніе Россіи къ торговой его политикѣ, разсчитывалъ мгновенно достигнуть осуществленія своихъ цѣлей. Онъ какъ разъ тогда писалъ своему брату Жозефу, что такая возможность является для человѣка верхомъ желаннаго могущества. Наполеонъ былъ увѣренъ, что Англія, въ виду окончательнаго подрыва ея торговлѣ, вынуждена будетъ уступить, послѣ чего, долговременный миръ упрочитъ, наконецъ, сооруженную имъ имперію. Въ такомъ случаѣ онъ фактически оказался бы властелиномъ половины материка въ восточномъ полушаріи. Если честолюбіе его этимъ не удовлетворится, то онъ все еще достаточно молодъ для попытки сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ обезпеченію себѣ всемірнаго владычества.

Переговоры въ Тильзитѣ и тильзитскій трактатъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что Великобританія никогда еще не держала себя такимъ гордымъ и вызывающимъ образомъ, какъ именно въ эту минуту. Король прогналъ министерство, извѣстное подъ названіемъ „Комбинаціи всѣхъ талантовъ", такъ какъ, по смерти Фокса, оно всецѣло утратило свой авторитетъ и вліяніе. Первымъ министромъ сталъ послѣ того герцогъ Портлендскій, слѣпой, но энергическій консерваторъ. Торійскія его воззрѣнія, не имѣвшія ничего общаго съ взглядами, которыхъ придерживался Питтъ въ эпоху политической своей зрѣлости, какъ нельзя болѣе согласовались съ образомъ мыслей самого монарха. Англія обезпечила себѣ, казалось, монополію европейской торговли. Швеція, Данія и Ганзейскіе города оставались единственными европейскими морскими державами, сохранявшими еще номинальный нейтралитетъ, но и для нихъ переходъ на сторону Франціи, или же Великобританіи являлся только вопросомъ времени. Всѣ прочія европейскія націи были непосредственно замѣшаны въ наполеоновскія войны и озабочены сохраненіемъ территоріальной своей неприкосновенности. При такихъ обстоятельствахъ, единственной серьезной соперницей Великобританіи на морѣ оказывалась республика Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, но и ее удалось временно застращать и принудить къ согласію на англійское истолкованіе морского международнаго права.

Признавъ важное значеніе колоній и необходимость для благоденствія европейскихъ націй, прежде всего постановили въ качествѣ общаго правила, что съ каждой изъ колоній можетъ торговать единственно только ея метрополія. Въ 1756 году Франція пыталась нарушить этотъ принципъ, разрѣшивъ нейтральнымъ судамъ принять участіе въ торговлѣ съ Вестъ-Индскими ея владѣніями. Англія тотчасъ же постановила тогда правило 1756 г., по которому нейтральныя державы не могутъ въ военное время

Наполеонъ и Александръ I въ Тильзитѣ разсматриваютъ карту Европы. (Рис. Тролорона).

пользоваться коммерческими выгодами, неразрѣшенными имъ въ мирное время. Этотъ принципъ удавалось проводить болѣе или менѣе категорически до 1793 года, когда Франція объявила англичанамъ войну и опять предложила нейтральнымъ флагамъ торговать въ колоніальныхъ ея портахъ. Возстановивъ свое преобладаніе на морѣ, Англія съ 1793 года заявила, что будетъ придерживаться принциповъ 1756 года, но въ слѣдующемъ же году отступила уже отъ этихъ принциповъ, дозволивъ нейтральнымъ торговымъ судамъ заходить, во время плаванія въ національныя ихъ колоніи или обратно, въ ея собственные, европейскіе, или же колоніальные порты. Въ 1797 году Франція объявила всѣмъ нейтральнымъ державамъ, что будетъ поступать съ ними такъ, какъ онѣ дозволяютъ это Великобританіи, и въ 1798 году закрыла свои порты всѣмъ судамъ, заходившимъ въ какой-либо изъ британскихъ портовъ. Дѣла оставались въ такомъ положеніи до заключенія аміенскаго мира.

Въ 1803 году, при возобновленіи войны между Англіей и Франціей, Великобританія признала опять обязательность принциповъ 1756 года, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволила косвенную торговлю между нейтральными и непріятельскими портами, постановивъ, однако, что нейтральныя суда невправѣ провозить военную контрабанду. Право такой посреднической торговли было до чрезвычайности выгоднымъ для американскихъ судохозяевъ и, въ продолженіи двухъ лѣтъ, океанская торговля всей Европы сосредоточилась въ ихъ рукахъ. Они накопили за это время колоссальныя богатства, между тѣмъ какъ Великобританія видѣла, что на поприщѣ мануфактурной дѣятельности ее начинаютъ вытѣснять континентальныя державы. Въ то же время колоніи ея враговъ достигли большаго чѣмъ когда-либо процвѣтанія. При такихъ обстоятельствахъ она отмѣнила въ 1805 году для нейтральныхъ державъ право посреднической торговли. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что, послѣ Трафальгарской битвы, она оставалась единственной воюющей державой, флагъ которой еще развѣвался на океанѣ, Великобританія не только начала строжайше приводить въ исполненіе новое правило, но стала также злоупотреблять постановленіемъ о военной контрабандѣ, безцеремонно примѣняя къ нейтральнымъ судамъ право обыска. Королевскимъ приказомъ, отданнымъ въ засѣданіи государственнаго совѣта 5-го сентября 1805 года, предписывалось осматривать всѣ нейтральные корабли, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно-ли они нагружены исключительно только нейтральными товарами и вмѣстѣ съ тѣмъ не везутъ никакой контрабанды. Это было равносильно заявленію, что каждое американское судно, нагруженное не американскими товарами, подлежитъ захвату. Въ маѣ 1806 года, еще болѣе безцеремоннымъ декретомъ отъ 16-го числа, Великобританія объявила всѣ европейскія гавани отъ Бреста до Эльбы въ блокадѣ. Это было разстояніе, превышавшее 1200 верстъ, такъ что англійскихъ военныхъ судовъ не хватало, дабы сдѣлать эту блокаду дѣйствительною. Несомнѣнно, что побѣда подъ Трафаль-

гаромъ вскружила голову англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ.

Указъ о блокадѣ, которая могла существовать единственно лишь на бумагѣ, являлся самъ по себѣ дерзкимъ вызовомъ, на который Наполеонъ счелъ нужнымъ отвѣтить берлинскимъ своимъ декретомъ. Американскія торговыя суда, подобно французскимъ, захватывались, обыскивались и задерживались англійскими военными кораблями при самомъ ничтожномъ подозрѣніи, что они вышли изъ враждебнаго порта или же предназначались въ таковой. Экипажъ ихъ безъ всякой пощады насильственно зачислялся въ матросы британскаго военнаго флота. Вашингтонское правительство разрѣшило своимъ подданнымъ прибѣгать къ репрессаліямъ, но американскіе судохозяева считали для себя несравненно выгоднѣе войти съ англичанами въ компромиссъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Монроэ, заключилъ съ англійскимъ министерствомъ соглашеніе, по которому благосостояніе американскаго торговаго судоходства оказалось снова обезпеченнымъ. Сѣверо-американскіе купцы продолжали заработывать себѣ крупные барыши, перевозя подъ американскимъ флагомъ англійскіе товары въ такіе порты, въ которые запрещено было показываться судамъ подъ англійскимъ флагомъ. Такимъ обходомъ изданнаго ею самою морского закона Великобританія сохранила за собой торговое преобладаніе, причемъ сбытъ англійскихъ товаровъ скорѣе увеличился, чѣмъ уменьшился. Она медлила предоставить Швеціи и Россіи тѣ же самыя льготы, какъ Соединеннымъ Штатамъ, до тѣхъ поръ, пока время не оказалось упущеннымъ. Дѣло въ томъ, что торговая предпріимчивость Великобританіи главнымъ образомъ заботилась тогда о пріисканіи себѣ новыхъ рынковъ сбыта въ Египтѣ и Южной Америкѣ.

Какимъ образомъ, спрашивалось, можно было бы одолѣть этого левіаѳана, высасывавшаго изъ Европы всѣ ея богатства, и являвшагося на моряхъ деспотическимъ тираномъ, который могъ по произволу избѣгать нападенія, или отражать таковое на своей собственной стихіи.

Безъ сомнѣнія, надлежало причинять американцамъ столько непріятностей и неудовольствій, чтобъ, подъ конецъ, общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ возмутилось противъ англійскаго контроля и возстало противъ притязаній Великобританскаго преобладанія на моряхъ. Безъ сомнѣнія, можно было этого добиться даже однимъ строгимъ примѣненіемъ берлинскаго декрета, но теперь являлась возможность достигнуть сразу весьма крупныхъ результатовъ, уничтоживъ всякую контрабанду и окончательно заперевъ для британскихъ товаровъ весь материкъ Европы, не только съ его портами, но и съ внутренними рынками. Достиженіе такого результата и въ самомъ дѣлѣ побудило Англію просить мира, а оно было мыслимо единственно лишь при содѣйствіи Россіи. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ задался цѣлью оградить Францію и французскую имперію, по скольку таковая уже была организована, вынудивъ Европу къ

долгому миру. Союзъ между двумя имперіями: французской и русской, являлся противовѣсомъ морскому преобладанію Великобританіи, которое съ теченіемъ времени неизбѣжно должно было рушиться въ борьбѣ съ возроставшимъ морскимъ могуществомъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Надо полагать, что именно эти соображенія играли руководящую роль во время тильзитскаго свиданія. Происходившіе тамъ переговоры имѣли, частью оффиціальный, частью же конфиденціальный характеръ. На первыхъ изъ нихъ присутствовали три монарха съ своими делегатами; Талейраномъ--въ качествѣ представителя Франціи, русскими уполномоченными Куракинымъ и Лобановымъ, прусскими—Калькрейтомъ и Гольцемъ. Въ конфиденціальныхъ переговорахъ участвовали иногда всѣ трое монарховъ, но большей частью они велись лишь между двумя императорами, которые находили присутствіе короля Фридриха-Вильгельма для себя стѣснительнымъ, такъ какъ оно разстроивало хорошее ихъ расположеніе духа. Генералы, офицеры и солдаты великихъ армій, столь мужественно сражавшіеся подъ Фридландомъ, выказывали теперь другъ другу взаимное уваженіе, тогда какъ прусскій король и его военная и штатская свита держались совершенно въ сторонѣ. Тотчасъ же послѣ оффиціальнаго блестящаго въѣзда императора Александра въ Тильзитъ Наполеонъ приступилъ къ размѣну плѣнныхъ и разослалъ командующимъ своими войсками въ Германіи предписанія возвратить мекленбургскія земли законному ихъ государю, состоявшему въ родствѣ съ русскимъ царствующимъ Домомъ. Съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Наполеонъ обходился далеко не такъ благосклонно. Какъ уже упомянуто, онъ потребовалъ удаленія Гарденберга, на котораго, равно какъ и на военную партію при прусскомъ дворѣ, возлагалъ всю отвѣтственность за объявленіе Пруссіей войны. Этотъ министръ, изгнанный по настоянію Наполеона изъ королевской свиты, проживалъ, однако, невдалекѣ отъ своего монарха. Въ сущности, онъ игралъ немаловажную роль въ тильзитскихъ переговорахъ, такъ какъ первый животрепещущій вопросъ о раздѣлѣ Турціи былъ возбужденъ по его почину и на основаніи проекта, составленнаго имъ въ общихъ чертахъ. Значительная часть территоріи прусскаго королевства была пріобрѣтена отъ Австріи и Польши благодаря раздѣламъ. Гарденбергъ совѣтовалъ теперь Россіи и Австріи подѣлить между собой Дунайскія княжества, а Франціи — овладѣть Греціей съ ея островами. Въ такомъ случаѣ можно было бы возстановить Польшу и отдать таковую саксонскому королю въ обмѣнъ на германскія земли, которыя онъ уступитъ Пруссіи. Императоръ Александръ I, которому представленъ былъ этотъ проектъ, уже одобренный королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, любезно его принялъ, но, сколько можно судить, не далъ этому проекту дальнѣйшаго хода.

Любимымъ развлеченіемъ обоихъ императоровъ являлись парады и разводы различнымъ частямъ французской арміи. Наполеону доставляло величайшее наслажденіе выказывать монаршее благо-

воленіе своимъ войскамъ и восторженную ихъ преданность ему лично. Молодецкая ихъ выправка, мундиры, изящный военный церемоніалъ, рослые тамбуръ-мажоры въ роскошныхъ мундирахъ, помахивавшіе въ тактъ своими булавами,—все это очень нравилось также и русскому Государю, у котораго, по словамъ князя Чарторыйскаго, имѣлось наслѣдственное пристрастіе къ воинскимъ торжествамъ.

Во время одного изъ такихъ парадовъ и, слѣдовательно, какъ разъ въ наиболѣе подходящую минуту, къ Наполеону, окруженному всѣмъ блескомъ его могущества, явился только что прибывшій курьеръ, который передалъ своему императору депеши, гдѣ сообщалось о низверженіи турецкаго султана Селима. „Ну что же,—воскликнулъ Бонапартъ,—я вижу здѣсь перстъ Провидѣнія, указывающій, что Оттоманской имперіи насталъ конецъ". Съ тѣхъ поръ онъ принялся безпрерывно говорить съ своими приближенными и съ императоромъ Александромъ о Восточныхъ дѣлахъ. Словно охваченный огнемъ пророческаго вдохновенія, онъ тотчасъ же набросалъ въ общихъ чертахъ проектъ освобожденія и возрожденія Греціи, а также эмансипаціи и реорганизаціи странъ и народовъ на Дунайскомъ прибрежьѣ и въ Левантѣ, путемъ распредѣленія ихъ между просвѣщенными монархами. Онъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, какимъ выражалась Екатерина Великая, когда хотѣла воодушевить свой народъ и русскихъ государственныхъ дѣятелей въ пользу своей Восточной политики. Наполеонъ указывалъ, однако, на необходимость обождать осуществленіемъ этихъ благодѣтельныхъ намѣреній. Турецкихъ варваровъ, безъ сомнѣнія, надо вытѣснить изъ Европы и Леванта, но это надо сдѣлать не торопясь, а съ надлежащею постепенностью, которая лучше всего сможетъ обезпечить должную прочность достигнутымъ такимъ образомъ результатамъ. Въ данную минуту надо позаботиться объ улаженіи болѣе настоятельныхъ и животрепещущихъ вопросовъ. Когда русскій Государь выполнитъ свое обѣщаніе и навѣститъ своего друга, французскаго императора, въ Парижѣ, у нихъ будетъ имѣться тамъ болѣе досуга для обсужденія дальнѣйшихъ плановъ.

Эти блестящія перспективы, какъ нельзя болѣе согласовались съ завѣтными желаніями русскаго Императора. Онъ обѣщалъ поэтому заключить съ Турціей сепаратный миръ, разсчитывая, что, при отсутствіи поддержки со стороны Франціи, Оттоманская Порта вынуждена будетъ согласиться на уступки, весьма существенныя для Россіи. Тѣмъ не менѣе, въ случаѣ упорства со стороны Турціи, предполагалось тотчасъ же приступить къ ея раздѣлу, и съ этою цѣлью былъ подготовленъ примѣрный проектъ ея раздѣла, долженствовавшій служить указаніемъ на территоріальныя пріобрѣтенія, которыхъ могла ожидать для себя притомъ Россія.

По мѣрѣ того, какъ дни проходили за днями, выработалась извѣстнаго рода рутина, благодаря которой жизнь монарховъ въ Тильзитѣ вошла въ опредѣленную колею. Императоры видѣлись другъ съ другомъ частнымъ образомъ по утрамъ, причемъ бесѣдовали о всевозможныхъ предметахъ, прогуливаясь по

комнатѣ, или же внимательно разсматривая вдвоемъ большую карту Европы, чтобы опредѣлить, какимъ именно образомъ придется распредѣлить ее впослѣдствіи. Императоръ Александръ откровенно объявилъ, что предубѣжденіе его противъ Наполеона разсѣялось при первомъ же свиданіи съ французскимъ монархомъ, а впослѣдствіи восклицалъ: „Отчего мы не познакомились другъ съ другомъ раньше?“ Онъ категорически отрекся отъ всякихъ симпатій къ легитимистской политикѣ въ Европѣ и сообщилъ Наполеону, что, навѣстивъ проживавшаго въ Митавѣ бурбонскаго претендента, именовавшаго себя королемъ Людовикомъ XVIII, нашелъ этого принца совершеннымъ ничтожествомъ. Александръ I согласился даже на предложеніе новообрѣтеннаго своего друга вести личные переговоры съ Наполеономъ помимо своего статсъ-секретаря барона Будберга. Это объяснялось убѣжденіемъ французскаго императора, что баронъ въ слишкомъ значительной еще степени проникнуть прежними идеями. „Вы будете моимъ секретаремъ, — сказалъ Наполеонъ, — а я вашимъ“. Послѣ полудня оба императора обыкновенно приглашали прусскаго короля съ его штабомъ на общую прогулку верхомъ. Впослѣдствіи самъ Наполеонъ юмористически разсказывалъ про эти прогулки. Будучи чрезвычайно смѣлымъ ѣздокомъ, онъ давалъ шпоры своему коню и мчался во всю прыть. Русскій Государь охотно слѣдовалъ его примѣру, тогда какъ прусскій король, столь же робкій въ сѣдлѣ, какъ и въ кабинетѣ, неловко подпрыгивалъ, задвинувъ ноги въ стремена, и нерѣдко зацѣпляя локтемъ руку Наполеона. Французскіе и русскіе офицеры ѣхали по товарищески вмѣстѣ, тогда какъ пруссаки держались отдѣльно. Цесаревичъ Константинъ обращался съ Мюратомъ, Бертье и Груши, какъ съ хорошими пріятелями, выказывая такимъ образомъ уваженіе къ воинскимъ ихъ талантамъ. Обѣдали подъ вечеръ, причемъ обѣдъ былъ всегда обильный и парадный, но весьма непродолжительный, такъ какъ обоимъ императорамъ хотѣлось какъ можно скорѣе остаться наединѣ другъ съ другомъ. Русскаго Государя чрезвычайно интересовало узнать, какимъ именно образомъ Наполеону всегда удавалось одерживать побѣды? — Чѣмъ объяснялось обаяніе его власти?—Каковы именно были семейныя его отношенія?—Какимъ образомъ устраивался онъ въ личной своей жизни? Французскаго императора такіе вопросы приводили въ самое веселое и сообщительное настроеніе. Онъ охотно разсказывалъ про свои побѣды и средства, съ помощью которыхъ они были одержаны; искренно и обстоятельно объяснялъ устройство и дѣйствіе административнаго своего механизма, — раскрывалъ передъ Императоромъ Александромъ свое сердце и объяснялъ, какъ болѣзненно поразила его смерть маленькаго Наполеона,—старшаго сына королевы Гортензіи.

Въ такихъ пріятныхъ разговорахъ часы отдыха быстро пролетали, и тогда монархи принимали снова участіе въ оффиціальныхъ дипломатическихъ переговорахъ. Какъ только возникало какое-нибудь разногласіе, Наполеонъ, избѣгая немедленнаго об-

стоятельнаго обсужденія спорнаго вопроса, сейчасъ же приступалъ къ разсмотрѣнію какого-нибудь другого пункта, относительно котораго представлялось возможнымъ сравнительно легче достигнуть соглашенія. На слѣдующій день рано утромъ, онъ присылалъ русскому Государю тщательно составленную краткую докладную записку относительно возбужденнаго передъ тѣмъ спорнаго вопроса, съ объясненіемъ доводовъ, побуждавшихъ Талейрана предъявлять именно такія требованія. Императоръ Александръ отвѣчалъ на эту записку, иногда письменно, но въ большинствѣ случаевъ словесно. При слѣдующемъ свиданіи, Наполеонъ старался, или же дѣлалъ видъ, будто старается достигнуть компромисса, что всегда ему и удавалось. Уполномоченные, въ числѣ которыхъ не было ни одного талантливаго человѣка за исключеніемъ Талейрана, получали отъ времени до времени текстъ рѣшеній, выработанныхъ сообща обоими императорами и обсуждали уже только подробности выполненія этихъ рѣшеній.

Благодаря невѣдомой до тѣхъ поръ простотѣ и ловкости, съ которою велись въ Тильзитѣ переговоры, дипломатическая работа подвигалась тамъ до чрезвычайности быстро. Всѣ трактаты оказались написанными и скрѣпленными подписями уже къ 7-му іюля. Составлено было три отдѣльныхъ дипломатическихъ документа, а именно: оффиціальный мирный трактатъ, конфиденціальный договоръ, состоявшій изъ семи секретныхъ пунктовъ, и союзный договоръ. Наполеонъ прежде всего обезпечилъ себѣ, со стороны Россіи, признаніе всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Франціей до 1805-го года. Русскій Государь впервые призналъ при этомъ случаѣ полную равноправность между обѣими имперіями, а также тогдашнія границы французской государственной системы, т. е. рейнскій союзъ (съ такими включеніями, которыя предполагалось въ него внести), Итальянское королевство съ Далмаціей, а также вассальныя отношенія Голландіи, Бергскаго великаго герцогства, Неаполитанскаго королевства и Швейцаріи въ французской имперіи. Говорятъ, будто состоялось кромѣ, всего этого, словесное соглашеніе, по которому представлялась Наполеону свобода дѣйствій въ Испаніи и Папской Области, а русскому Государю—въ Финляндіи. Послѣдующія событія заставляютъ признавать этотъ фактъ довольно правдоподобнымъ. Желая отмѣтить важное значеніе, которое французскій императоръ придавалъ своему союзу съ русскимъ государемъ, дано было понять недавней союзницѣ этой державы, Пруссіи, что она обязана заступничеству Россіи сохраненіемъ земель, которыя еще у нея остались. Постановленія, касавшіяся Пруссіи, были поэтому включены въ договоръ между Россіей и Франціей. Такимъ образомъ было рѣшено оставить Пруссію въ живыхъ. Между двумя великими имперіями долженъ былъ лежать поясъ нейтральныхъ государствъ, нѣчто вродѣ маркій, учрежденныхъ въ былое время Карломъ Великимъ. Одно время Наполеонъ совершенно серьезно относился къ проекту такого буффера. Силезія являлась въ немъ единственной брешью. Пруссія и Австрія, лежавшія по обѣ сто-

ровы этой бреши, утратили прежній свой престижъ и могущество и поставлены въ необходимость ждать дальнѣйшаго рѣшенія своихъ судебъ. Франція взяла на себя посредничество по заключенію мира между Россіей и Турціей, а Россія между Франціей и Англіей. Вслучаѣ отказа Великобританіи отъ примиренія,—т. е. вслучаѣ нежеланія ея признать неприкосновенность всѣхъ торговыхъ флаговъ въ открытомъ морѣ и отказа возвратить Франціи и ея союзникамъ колоніи, захваченныя у нихъ съ 1805 года,—Россія, совмѣстно съ Франціей, Даніей, Швеціей, Португаліей и Австріей, долженствовала объявить Англіи торговую войну и дополнить наложенное на британскую торговлю континентальное амбарго своимъ присоединеніемъ къ берлинскому декрету французскаго императора. Вслучаѣ отказа Турціи отъ заключенія мира на выгодныхъ для Россіи условіяхъ всѣ европейскія владѣнія султана, за исключеніемъ Румеліи и Константинополя съ его округомъ, предполагалось раздѣлить между Россіей и Франціей. По свѣдѣніямъ изъ компетентнаго русскаго источника, Наполеонъ словесно обѣщалъ, что Россія получитъ весьма существенныя территоріальныя пріобрѣтенія на Дунаѣ. Ходили слухи, будто въ составъ ихъ войдутъ: Бессарабія, Молдавія, Валахія и Болгарія.

Австріи нанесенъ былъ еще пресбургскимъ договоромъ тяжелый ударъ, а въ тильзитскомъ трактатѣ о ней непосредственно не упоминалось. Вопросъ о томъ, какъ надлежало поступить съ Пруссіей, являлся, напротивъ того, животрепещущимъ. Для пополненія великой мархіи между Востокомъ и Западомъ необходимо было включить въ нее Силезію. Первоначально Наполеонъ имѣлъ въ виду образовать изъ Силезіи и прусской Польши особое королевство. Такая мѣра, хотя и не была бы равносильной полному возстановленію Польши, но все же создала бы польское королевство и доставила бы Наполеону союзную польскую армію. Съ другой стороны было уже рѣшено, что западною границей владѣній короля Фридриха Вильгельма будетъ служить Эльба. Дальнѣйшее ослабленіе Пруссіи представлялось нежелательнымъ, такъ какъ нарушило бы всякое равновѣсіе между нею и Австріей. Къ тому же Императоръ Александръ дружески ходатайствовалъ за Пруссію и на случай, еслибъ ходатайство его не было принято, внесъ контръ-проектъ, представлявшійся не особенно пріятнымъ для Наполеона. Ввиду всего этого рѣшено было оставить Силезію за Пруссіей. Это была весьма важная уступка, сдѣланная единственно лишь въ угоду Императору Александру.

Наполеонъ счелъ необходимымъ показать, по крайней мѣрѣ, видъ, что онъ желаетъ выполнить щедрыя, но вообще говоря неопредѣленныя свои обѣщанія полякамъ. Съ этою цѣлью создано было великое герцогство Варшавское, въ составъ котораго вошли Варшава съ окрестною территоріей и Познанская область со многими не принадлежащими теперь къ ней землями. Подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній это великое герцогство было уступлено не въ качествѣ области, а какъ отдѣльный государственный организмъ, курфюрсту Саксонскому, котораго вмѣстѣ съ

тѣмъ провозгласили королемъ и членомъ Рейнскаго союза. Россія, взамѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ ею великому герцогству Варшавскому, получила отъ Пруссіи Бѣлостокскій округъ. Въ вознагражденіе за Бокку ди-Каттаро и за Іоническія острова, Данцигъ былъ снова объявленъ вольнымъ городомъ. Изъ прусскихъ земель по ту сторону Эльбы, вмѣстѣ съ Гессенъ-Кассельскими и многими иными территоріями, сформировано было Вестфальское королевство для принца Жерома, роднаго брата Наполеона. Теперь изгладилось уже воспоминаніе о томъ, что менѣе ста лѣтъ тому назадъ Германія была раздроблена на множество мелкихъ владѣній. Поучительно будетъ припомнить, что сформированіе Вестфальскаго королевства благополучно положило конецъ отдѣльному существованію двадцати четырехъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ государствъ: курфюршествъ, герцогствъ, графствъ, епископствъ и вольныхъ городовъ. Въ немъ находилась также чрезвычайно важная крѣпость Магдебургъ. Эта грозная крѣпость командуетъ долиной Эльбы, а потому утрата ея фактически дѣлала Пруссію покореннымъ, вассальнымъ государствомъ.

При такихъ обстоятельствахъ немудрено, если утрата Магдебурга казалась Фридриху Вильгельму верхомъ бѣдствія. Прусскій король ежедневно получалъ отъ Императора Александра I свѣдѣнія о томъ, какіе именно вопросы будутъ разсматриваться и обсуждаться. Сохраненіе Силезіи за Пруссіей, благодаря заступничеству русскаго Государя, подавало Фридриху Вильгельму надежду, что то же заступничество вернетъ Пруссіи также и Магдебургъ. Безтактная надоѣдливость Фридриха Вильгельма наскучила подъ конецъ, однако, даже Императору Александру, который обнаруживалъ сперва величайшую готовность помочь прусскому королю своимъ посредничествомъ, но подъ конецъ сталъ относиться къ нему гораздо холоднѣе. Король просилъ, чтобъ ему дозволили лично ходатайствовать о возвращеніи Магдебурга. Наполеонъ не согласился, однако, на это и объявилъ, что пруссаки могутъ отстаивать свои интересы чрезъ посредство ихъ уполномоченнаго. Гольцъ, на котораго была возложена эта обязанность, тотчасъ же началъ хлопотать объ аудіенціи у французскаго императора, но никоимъ образомъ не могъ ея добиться.

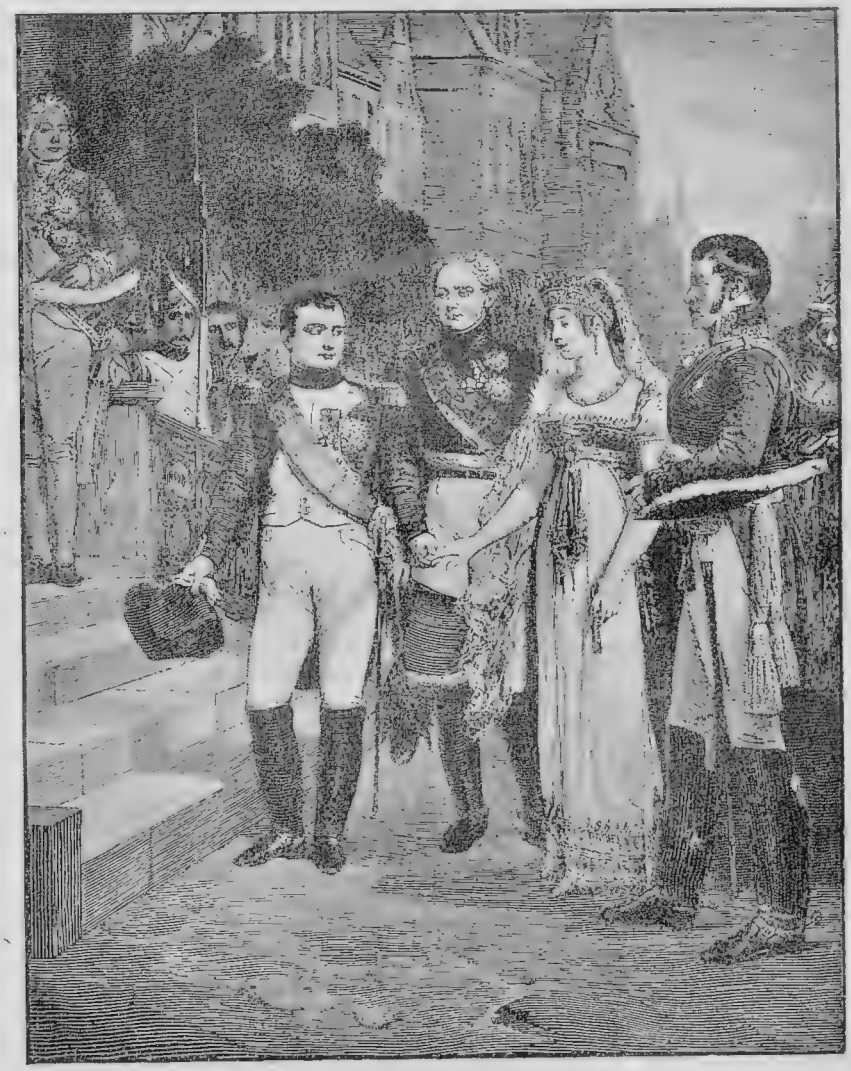
Наполеонъ и прусская королева Луиза.

Въ то время, когда дѣла прусскаго королевства находились въ упомянутомъ уже критическомъ положеніи, Фридрихъ Вильгельмъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ, согласился, наконецъ, пригласить въ Тильзитъ свою супругу. Искусно распущенные, между прочимъ также самимъ Наполеономъ, инсинуаціи и слухи, будто русскій Государь являлся уже чрезмѣрно усерднымъ поклонникомъ достоинствъ и прелестей королевы Луизы, возбудили у августѣйшаго ея супруга чувство ревности. Подъ конецъ, однако, не видя иного исхода, онъ понялъ необходимость присутствія ея въ Тильзитѣ. Она прибыла съ единственною цѣлью, во что бы ни стало вер-

вуть Пруссіи Магдебургъ. Королевѣ Луизѣ пришлось много выстрадать изъ-за саркастическихъ злостныхъ намековъ Наполеона относительно ея особы. На нее тяжело обрушилось фіаско берлинской военной партіи, вызванное страшными пораженіями подъ Іеной и Ауерштедтомъ. Ей пришлось вести скитальческую жизнь среди безпомощныхъ приближенныхъ, находившихся, какъ и она сама, въ опалѣ. При всемъ томъ, она не утратила нравственнаго своего достоинства и заранѣе объявила монархамъ, находившимся въ Тильзитѣ, о предстоящемъ своемъ посѣщеніи. Придворная карета, въ которой ѣхала королева Луиза съ своими статсъ-дамами, прибыла въ Тильзитъ 6-го іюля и остановилась у дверей мельника, подъ кровлей котораго проживалъ король. Офицеровъ и государственныхъ дѣятелей. собравшихся, чтобъ встрѣтить королеву и помочь ей добрымъ совѣтомъ, она тотчасъ же пригласила движеніемъ руки удалиться. Она прежде всего нуждалась въ спокойствіи, такъ какъ ей необходимо было собраться съ мыслями.

Почти немедленно же доложили о прибытіи Наполеона. Пока онъ взбирался по узкой, крутой лѣстницѣ, королева Луиза встала и вышла къ нему на встрѣчу. И друзья ея, и враги, одинаково лестно отзываются объ ея красотѣ, изяществѣ вкуса и обращенія. Она, дѣйствительно, имѣла царственный видъ въ бѣломъ платьѣ, шитомъ серебромъ, и съ жемчужною діадемою на головѣ. Въ квартирѣ мужа она сознавала себя хозяйкой, а потому сочла долгомъ извиниться за черезмѣрную крутизну лѣстницы, и замѣтила, что императору наврядъ-ли удобно было по ней взбираться. „Чего не сдѣлаешь ради достиженія такой цѣли!“ галантно отвѣчалъ побѣдитель, до нѣкоторой степени пораженный ея красотою. Королева, освѣдомившись изъ вѣжливости о томъ, какъ поживаетъ ея гость, и о томъ, какъ дѣйствуетъ на его здоровье сѣверный климатъ, безотлагательно сообщила Наполеону о цѣли своего прибытія въ Тильзитъ. Она была до чрезвычайности трогательна въ роли просительницы и, со слезами на глазахъ, вспоминала, какъ тяжко поплатилась ея родина за то, что обнажила оружіе и сохранила довѣріе къ традиціямъ и славѣ великаго Фридриха. Французскій императоръ былъ положительно смущенъ величественною патетичностью королевы Луизы: она держала себя съ такимъ грандіознымъ достоинствомъ, что онъ, спасовавъ передъ нею, утратилъ на мгновеніе всякую самоувѣренность и почувствовалъ себя обыкновеннымъ смертнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что французскій императоръ почувствовалъ себя также глубоко униженнымъ этимъ невыгоднымъ контрастомъ между его собственной личностью и грандіозной особою прусской королевы и что это разозлило его не на шутку. Долгое время спустя, онъ разсказывалъ самъ, что королева Луиза руководила бесѣдой въ продолженіи перваго свиданія. Онъ присовокуплялъ, что она все время стояла, откинувъ голову назадъ, ни дать ни взять, какъ мадемуазель Дюшенуа въ роли Химены. Безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ сказать этимъ сравненіемъ, что поза и тонъ королевы представлялись ему театральными; на самомъ дѣлѣ, однако, королева Луиза произвела на него такое силь-

ное впечатлѣніе, что онъ ощутилъ необходимость принять какія-нибудь мѣры, дабы не совсѣмъ ударить передъ нею въ грязь ли-



Наполеонъ встрѣчаетъ прусскую королеву Луизу въ Тильзитѣ 6-го іюля 1807 года. (Съ картины Госса въ Версальскомъ музеѣ).

цомъ. Прежде всего онъ принялся упрашивать королеву сѣсть и, выигравъ такимъ образомъ время, мгновенно импровизировалъ для себя роль, которая была бы какъ нельзя болѣе умѣстной на сценѣ Французской Комедіи. Сдѣлавъ попытку овладѣть въ свою очередь разговоромъ, онъ принялся разбирать съ видомъ знатока прелести

королевы Луизы,—съ величайшею похвалой отозвался объ ея костюмѣ и освѣдомился: сшито-ли ея платье изъ крепа или изъ индійской кисеи? „Неужели мы въ такую торжественную минуту будемъ говорить о тряпкахъ?“ возразила королева и затѣмъ тотчасъ же принялась ходатайствовать о возвращеніи Пруссіи Магдебурга. Въ самый разгаръ ея краснорѣчія, когда Наполеонъ чувствовалъ себя совершенно уже прижатымъ къ стѣнѣ, вошелъ въ комнату, какъ нельзя болѣе не кстати, супругъ Луизы, король Фридрихъ-Вильгельмъ. Онъ еще разъ доказалъ при этомъ справедливость установившейся за нимъ репутаціи человѣка недальняго ума, такъ какъ принялся спорить и доказывать, будто имѣлъ полное основаніе объявить французамъ войну за нарушеніе нейтралитета Аншпахской территоріи, и ссылался на разные другіе, столь же неумѣстные доводы. Это дало Наполеону возможность, тотчасъ же перемѣнить тему разговора и нѣсколько мгновеній спустя онъ откланялся. „Вы просите многаго,—сказалъ онъ на прощаньи королевѣ,—но я все-таки обѣщаю объ этомъ подумать“. Эта мужественная женщина сдѣлала все, что могла, но ея дѣло оказалось безповоротно проиграннымъ съ той самой минуты, когда она поставила своего судью въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ чувствовать себя простымъ смертнымъ по сравненію съ августѣйшей своей просительницей. Величественный тонъ ея увѣщаній былъ очарователенъ и грандіозенъ, но вовсе не дипломатиченъ. Не смотря на все это, она могла бы имѣть еще успѣхъ въ своемъ предпріятіи, если бы ея супругъ былъ нѣсколько разсудительнѣе. Впослѣдствіи Наполеону не разъ случалось говорить, что королева Луиза не преминула бы сильно повліять на ходъ переговоровъ, если бы пріѣхала въ Тильзитъ нѣсколько пораньше. Онъ радовался, что прусскій король выписалъ свою супругу лишь къ самому концу этихъ переговоровъ, въ то время, когда все было уже фактически закончено.

Остатокъ дня прошелъ для королевы въ вихрѣ возбужденія. Отъ Наполеона нѣсколько разъ являлись къ ней посланцы, сообщившіе о помилованіи взятаго въ плѣнъ прусскаго шпіона и передававшіе поздравленія отъ приближенныхъ императора. Королева охотно согласилась отобѣдать у Наполеона, и Бертье былъ посланъ, чтобы сопровождать ее до квартиры французскаго императора. Ее встрѣтили тамъ съ величайшимъ почетомъ и усадили на почетное мѣсто между хозяиномъ и русскимъ государемъ. Французскій императоръ держалъ себя съ самой утонченною вѣжливостью, — старался утѣшать Фридриха-Вильгельма и высказывалъ свое удивленіе по поводу мужества, обнаруженнаго королевой Луизой. „Знаете-ли, что мои гусары чуть не захватили васъ въ плѣнъ?“—сказалъ онъ ей.—„Мнѣ это представляется какъ-то невѣроятнымъ, государь, такъ какъ я не видѣла по сосѣдству ни одного француза“.—возразила она.—„Къ чему же вы такъ рисковали? Отчего бы вамъ не обождать въ Веймарѣ моего прибытія?“—„У меня, государь, не было тогда еще желанія видѣться съ вами!“—любезно возразила королева. Утверждаютъ, будто Талейранъ не на

шутку встревожился добрымъ согласіемъ, которое, повидимому, установилось между Наполеономъ и его гостьей, а потому позволилъ себѣ замѣтить въ разговорѣ съ Наполеономъ, что императоръ, безъ сомнѣнія, не захочетъ пожертвовать плодами своихъ побѣдъ ради глазокъ хорошенькой женщины. Неизвѣстно въ точности, данъ-ли былъ Наполеону этотъ совѣтъ, но во всякомъ случаѣ императоръ, вѣжливо и почтительно обращаясь съ королевой Луизой, все-таки старался не связывать себя никакими положительными обязательствами. Послѣ обѣда онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ очаровательной своей гостьей и довелъ свою снисходительность до того, что предложилъ ея статсъ-дамѣ, графинѣ Фоссъ, понюшку табаку изъ собственной своей табакерки. На слѣдующій день, въ письмѣ къ Жозефинѣ, Наполеонъ разсказываетъ, что ему все время приходилось держаться на-сторожѣ. День спустя, а именно 8-го іюля, онъ опять пишетъ своей супругѣ: „Прусская королева въ самомъ дѣлѣ очаровательная женщина и очень желаетъ мнѣ понравиться. Тѣмъ не менѣе тебѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія ревновать меня къ ней, такъ какъ я уподобляюсь теперь клеенкѣ, къ которой ничто не пристаетъ. Роль галантнаго кавалера обошлась бы мнѣ въ данномъ случаѣ слишкомъ дорого“. Какъ бы ни было, вѣжливость французскаго императора совершенно обманула злополучную королеву. Говорятъ, что уѣзжая съ обѣда къ своему супругу въ Пиктуненень, она была въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа.

Между тѣмъ, въ тотъ самый вечеръ, какъ разъ послѣ обѣда сдѣланъ былъ шагъ, котораго она такъ опасалась. Отдано было приказаніе подписать договоръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были передъ тѣмъ уже выработаны его условія. Въ послѣднюю минуту прусскій уполномоченный, Гольцъ, получилъ у Наполеона аудіенцію, которой до тѣхъ поръ такъ безуспѣшно добивался, но, когда онъ завелъ рѣчь объ ожиданіяхъ и надеждахъ королевы Луизы, французскій императоръ холодно объяснилъ, что его поведеніе съ ней обусловливалось долгомъ вѣжливости и никакого другого значенія имѣть не можетъ, причемъ просовокупилъ, что вообще прусскій домъ долженъ радоваться сохраненію за собой престола.

Талейранъ, въ свою очередь, предъявилъ написанный уже начисто текстъ договора, объяснивъ, что Наполеону некогда ждать, и что договоръ долженъ быть подписанъ не позже, какъ черезъ два дня. Таковы были извѣстія, полученныя королевой Луизой на слѣдующее утро. Она тотчасъ же вернулась въ Тильзитъ съ распухшими отъ слезъ глазками, но въ изящномъ костюмѣ и съ улыбкой на устахъ. Опять-таки она оказалась предметомъ самаго утонченнаго вниманія со стороны приближенныхъ и адъютантовъ Наполеона, но ожидаемый визитъ самого императора не состоялся. Тѣмъ не менѣе она опять была приглашена вечеромъ къ обѣду и снова заняла за столомъ почетное мѣсто. Наполеонъ тотчасъ же принялся говорить съ ней объ ея костюмѣ. „Что я вижу: прусская королева въ тюрбанѣ? Неужели это дѣлается въ пику русскому императору, который воюетъ теперь съ турками?“—спросилъ

онъ.—„Ну, нѣтъ, скорѣе, я думаю, что это имѣетъ цѣлью расположить въ мою пользу Рустана",—возразила королева, устремивъ большіе выразительные свои глаза на смуглаго мамелюка, стоявшаго за кресломъ своего властелина. По словамъ Наполеона, королева Луиза имѣла при этомъ видъ обиженной кокетки. Послѣ обѣда бесѣдовалъ съ ней уже не Наполеонъ, какъ въ предшествовавшій вечеръ, а Мюратъ. „Какъ проводите вы, ваше величество, время въ Мемелѣ?"—спросилъ онъ.—„Въ чтеніи".—„Что же читаетъ ваше величество?"—„Исторію прошедшаго".—„Но вѣдь, кажется, что и настоящее изобилуетъ достопримѣчательными событіями?" — „Мнѣ достаточно уже тяжело быть ихъ современницей",—отвѣчала королева.

Передъ тѣмъ, какъ встать изъ-за стола, Наполеонъ бесѣдовалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ королевой. Подъ конецъ, обернувшись, онъ вынулъ изъ букета, стоявшаго на столѣ въ роскошной вазѣ, великолѣпную розу, которую и поднесъ съ самымъ галантнымъ жестомъ королевѣ. Она на мгновеніе какъ будто колебалась, но затѣмъ, протянувъ хорошенькую свою ручку, сказала: „Принимаю, но съ Магдебургомъ". — „Ваше величество, принимаете то, что я даю",—холодно замѣтилъ Наполеонъ. Тѣмъ не менѣе онъ подалъ королевѣ руку, чтобы проводить ее до кареты. Разочарованная гостья обратилась на лѣстницѣ къ своему кавалеру и сказала ему голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія и съ трудомъ лишь сдерживаемыхъ слезъ: „Неужели я имѣла счастье видѣть въ такой непосредственной близости величайшаго человѣка не только нынѣшняго столѣтія, но и всѣхъ вообще историческихъ временъ, безъ того, чтобы онъ доставилъ мнѣ возможность и удовольствіе заявить ему, что я буду вѣкъ ему благодарна?" Наполеонъ торжественно-серьезнымъ тономъ отвѣтилъ ей на это: „Ваше величество, я заслуживаю сожалѣнія. Такова уже несчастная моя звѣзда". Статсъ-дама королевы Луизы разсказываетъ, что ея государыня не въ силахъ была подъ конецъ сдержать своего негодованія и, усаживаясь въ карету, замѣтила Наполеону съ горькимъ упрекомъ: „Государь, вы жестоко меня обманули!" Правда, что на слѣдующій день королева осыпала представлявшагося ей Дюрока упреками, но, впослѣдствіи, сама чистосердечно признавалась, что ей не удалось получить отъ Наполеона сколько-нибудь опредѣленнаго обѣщанія. Талейрану она сказала съ тонкимъ сарказмомъ, что объ ея пріѣздѣ въ Тильзитъ жалѣютъ лишь двое: онъ и она сама. Она находила, что выполнила долгъ любящей жены, нѣжной матери и добросовѣстной королевы, но сердце ея было надломлено. Послѣ утраты Кале англійская королева Марія говорила: „Если бы вскрыли мое сердце, то увидѣли бы въ немъ начертанное кровавыми буквами имя Кале". Королева Луиза трогательно вспоминала про это изреченіе, добавляя, что могла бы сказать то же самое про Магдебургъ.

Договоръ съ Пруссіей, подписанный двумя днями позднѣе, ни-

сколько не измѣнилъ условій, постановленныхъ относительно этой державы въ трактатѣ между Россіей и Франціей *).

Въ продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ Пруссія оставалась изувѣченной и порабощенной. Ей приходилось, скрѣпя сердце, безропотно выполнять всѣ требованія Наполеона. Всѣ ея владѣнія къ западу отъ Эльбы отошли къ Вестфальскому королевству. Котбусскій округъ былъ присоединенъ къ Саксоніи,—польскія области южной и восточной Пруссіи—къ великому герцогству Варшавскому, а Бѣлостокскій округъ къ—Россіи. Наполеонъ многократно уговаривалъ русскаго государя присоединить также Мемель и всю прусскую территорію къ востоку отъ Нѣмана, но императоръ Александръ I категорически отъ этого отказался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ съ Наполеона словесное обѣщаніе вывести въ непродолжительномъ времени французскія войска изъ прусскихъ владѣній. Такимъ образомъ, прусскій король номинально вернулъ себѣ верховную власть, по крайней мѣрѣ, надъ частью прежняго своего государства (менѣе чѣмъ надъ половиной). За это ему приходилось, однако, уплатить неопредѣленное еще въ точности, но колоссальное и почти неосуществимое вознагражденіе, долженствовавшее покрыть всѣ военныя издержки. Для обезпеченія этого платежа значительная часть французской арміи осталась, несмотря на соглашеніе съ императоромъ Александромъ, расположенной въ гогенцоллернскихъ владѣніяхъ. Прусскому народу присутствіе ихъ ежедневно напоминало объ унизительномъ для него пораженіи. Въ то-же время тяжкіе поборы, которые взимались съ пруссаковъ побѣдителями, вызывали въ народѣ величайшее раздраженіе. Въ общей сложности Пруссіи пришлось заплатить за неудачную войну болѣе милліарда франковъ, частью непосредственно деньгами, въ видѣ контрибуціи, частью же натурой, на содержаніе оккупаціонныхъ французскихъ войскъ. Все это значительно ускорило процессъ внутрен-

*) Наполеонъ говорилъ на о-вѣ Св. Елены Ласъ-Казасу, будто инцидентъ съ розой произошелъ на первомъ же обѣдѣ. Тогда, однако, королева Луиза не могла бы уѣхать съ обѣда въ столь оптимистическомъ настроеніи. Возможно, что она, дабы вывѣдать мысли Наполеона, и въ самомъ дѣлѣ воспользовалась розой, приколотой у нея на груди (какъ разсказываютъ французы). Въ такомъ случаѣ, допустивъ, что Наполеонъ, при послѣднемъ свиданіи съ королевой Луизой, позволилъ себѣ въ свою очередь предложить ей розу, пришлось бы признать его поступокъ по меньшей мѣрѣ не галантнымъ. Онъ до извѣстной степени имѣлъ характеръ насмѣшки и совершенно излишняго напоминанья о тщетности сдѣланной ею попытки.

Инцидентъ съ розой описывается у Марбо слѣдующимъ образомъ: „Разсказываютъ, что, желая сохранить Пруссіи важный городъ Магдебургъ, прусская королева за обѣдомъ въ высшей степени любезно бесѣдовала съ Наполеономъ, причемъ постоянно намекала на умѣстность подарить ей этотъ городъ. Желая перемѣнить тему разговора, Наполеонъ принялся хвалить великолѣпную розу, приколотую у королевы на груди. Говорятъ будто бы королева сказала тогда. «Угодно вамъ будетъ получить эту розу въ обмѣнъ на Магдебургъ?» Быть можетъ, что по правиламъ рыцарской вѣжливости слѣдовало бы принять розу, но императоръ былъ человѣкомъ слишкомъ практическимъ, для того чтобы попасться на такую удочку. Поэтому, выхваляя красоту розы и прелесть предлагавшей ее руки, онъ все-таки не взялъ цвѣтка".

няго оздоровленія и возрожденія Пруссіи, начавшійся за три года передъ тѣмъ. Несмотря на то, что упомянутые платежи въ общей сложности приблизительно равнялись всей суммѣ государственнаго прусскаго дохода за тридцать лѣтъ, разгромъ Пруссіи, являвшійся, по словамъ Поццо ди-Борго, художественно-ловкимъ дѣломъ разрушенія, повелъ вмѣсто того къ возрожденію прусской націи. Это былъ ударъ тяжелаго молота, который, дробя стекло, куетъ булатъ. Королевская прусская чета не могла, однако, оправиться отъ послѣдствій этого удара. Королева Луиза черезъ три года послѣ того умерла отъ горя. Король Фридрихъ-Вильгельмъ дожилъ до того времени, когда его государство стало опять могущественнымъ, но онъ все время находился въ подавленномъ душевномъ настроеніи и оставался консерваторомъ, неспособнымъ на какія-либо искреннія уступки либеральнымъ вѣяніямъ, все болѣе распространявшимся въ народныхъ массахъ. Онъ скончался въ 1840 году, оставивъ въ наслѣдіе своему пріемнику народное недовольство, искры котораго, таившіяся сперва подъ пепломъ, въ свое время вспыхнули грознымъ пожаромъ.

Дальнѣйшій ростъ наполеоновской имперіи.

Заключенные въ Тильзитѣ договоры между Россіей и Франціей были подписаны 7-го іюля. Главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, участвовавшимъ съ обѣихъ сторонъ въ этой грандіозно обставленной сценѣ примиренія, пожаловали въ этотъ день: русскимъ—французскіе, а французамъ—русскіе ордена. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскимъ и французскимъ гвардейскимъ полкамъ были устроены банкеты съ выпивкой и угощеніемъ. На слѣдующій день Наполеонъ сдѣлалъ прощальный визитъ императору Александру. Одѣвая утромъ мундиръ, онъ приказалъ камердинеру подрѣзать нитки, которыми былъ прикрѣпленъ крестъ ПочетнагоЛегіона. Когда русскій Государь вышелъ на встрѣчу своему посѣтителю, французскій императоръ обратился къ нему во всеуслышаніе съ просьбою о разрѣшеніи украсить своимъ орденомъ грудь храбрѣйшаго изъ русскихъ гренадеръ. Вызванъ былъ изъ рядовъ унтеръ-офицеръ Лазаревъ, посѣдѣвшій уже въ бояхъ. Императоръ Наполеонъ энергическимъ движеніемъ руки сорвалъ съ себя крестъ Почетнаго Легіона и укрѣпилъ его на груди русскаго унтеръ-офицера. Изъ рядовъ почетнаго караула раздались громкія ура, а унтеръ-офицеръ Лазаревъ, въ восторгѣ отъ оказанной ему чести, цѣловалъ Наполеону не только руки, но даже фалды мундира. На слѣдующій день императоръ Александръ переправился черезъ Нѣманъ и уѣхалъ въ Россію. Савари поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ французскаго посла. Ему было поручено поддерживать хорошее расположеніе и бодрость духа у русскаго Государя (что представлялось весьма умѣстнымъ въ виду угрюмаго недовольства, обнаруживавшагося въ петербургскихъ придворныхъ кружкахъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельно ознакомиться съ настроеніемъ русскаго народа.

До послѣдней минуты тильзитскаго свиданія русскій Государь находился, повидимому, подъ обаяніемъ императора Наполеона. Онъ прибылъ въ Тильзитъ въ качествѣ побѣжденнаго и возвращался оттуда заключивъ почетный миръ, заручившись дружбой великодушнаго побѣдителя и нимало не поступившись собственнымъ своимъ монаршимъ достоинствомъ и выгодами россійской имперіи. Ему удалось спасти недавнюю свою союзницу, Пруссію, отъ окончательной гибели и обезпечить себѣ самому нѣкоторое увеличеніе территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ I разсчитывалъ присоединить въ самомъ непродолжительномъ времени къ Россіи всю Финляндію и лучшія области Турціи. По прошествіи нѣсколькихъ дней этотъ чарующій миражъ началъ, однако, мало по малу исчезать. Въ дѣйствительности оказалось, что русскій государь не только не пріобрѣлъ Константинополя, но обѣщалъ, напротивъ того, очистить Молдавію и Валахію. Ему не удалось достигнуть очищенія Пруссіи французскими войсками, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рисковалъ окончательнымъ разрывомъ съ Англіей. Непріятнѣе всего представлялось ему, однако, вынужденное согласіе на организацію государства, которое, подъ прозрачною маской иного прозвища, оказывалось тѣмъ не менѣе зародышемъ возродившейся Польши. При такихъ обстоятельствахъ императору Александру начало казаться, что въ Тильзитѣ Наполеонъ его обманулъ. Имѣются достаточныя фактическія доказательства въ пользу того, что подобныя мысли начали проявляться у русскаго государя уже вскорѣ послѣ Тильзитскаго свиданія, но онъ подавлялъ ихъ сперва, такъ какъ считалъ для себя постыдными и неприличными. Впослѣдствіи онъ увидѣлъ себя поставленнымъ въ необходимость скрывать свое недовольство, такъ какъ ссора съ Англіей стала уже совершившимся фактомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не представлялось ни малѣйшей возможности подавить дурное настроеніе духа и недовольство русскаго народа. Въ непродолжительномъ времени французскій посолъ, Савари, сдѣлался въ Петербургѣ предметомъ общей ненависти и недоброжелательства. Ненависть эта разгоралась тѣмъ сильнѣе, что онъ обладалъ большимъ вліяніемъ на молодого русскаго императора. Донесенія, которыя посылалъ Наполеону этотъ посолъ, бывшій передъ тѣмъ полицейскимъ агентомъ, являлись до чрезвычайности поучительными и хорошо составленными. Изображавшіяся въ нихъ картины раздоровъ между партіями и придворныхъ заговоровъ въ восточномъ вкусѣ, —описанія роскоши, въ которой утопала аристократія и общей народной бѣдности, суевѣрія и варварства, — не могли производить на французскаго императора особенно успокоивающаго дѣйствія. Напротивъ того, онѣ укореняли въ душѣ Наполеона сомнѣнія въ прочности союза, заключеннаго имъ въ Тильзитѣ. Какъ уже упомянуто, онъ съ самаго начала не питалъ особеннаго довѣрія къ прочности этого союза.

Простившись съ императоромъ Александромъ, Наполеонъ въ тотъ же самый день отправился въ Кенигсбергъ, а оттуда проѣхалъ въ Дрезденъ. Онъ лично нисколько не заблуждался относительно

характерныхъ условій тогдашняго политическаго положенія и объявилъ, что ключъ отъ европейскаго мира находится въ Петербургѣ. Тамъ должны были рѣшиться существеннѣйшіе вопросы тогдашней міровой политики. При всемъ томъ Наполеонъ зналъ, какъ много онъ выигрывалъ, хотя бы даже временнымъ союзомъ съ Россіей. Передовые посты его имперіи оказывались теперь надлежаще выдвинутыми, причемъ съ одного изъ нихъ можно было достать, такъ сказать, рукою до заколдованнаго Востока. Временное содѣйствіе Россіи дозволяло Наполеону закрыть англичанамъ доступъ на материкъ Европы и дополнить серію пріобрѣтенныхъ уже успѣховъ. Важнѣе всего была, однако, для него возможность немедленно же успокоить Францію провозглашеніемъ мира и возстановленіемъ народнаго благоденствія. Правда, что ему пришлось намѣтить въ общихъ чертахъ программу раздѣла будущей восточной своей имперіи съ Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оскорбленная, униженная и истощенная Пруссія должна была питать къ нему непримиримую ненависть, тогда какъ Австрія, очевидно, чувствовала себя не въ своей тарелкѣ и выказывала подозрительную сдержанность. Съ другой стороны, однако, французскій императоръ ставилъ всѣ эти державы въ весьма затруднительное положеніе угрозой возстановленія Польши. Ему было извѣстно плохое состояніе русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ финансовъ, а также истощеніе, въ которое пришли вооруженныя ихъ силы. Это, повидимому, само по себѣ уже способно предотвратить со стороны упомянутыхъ державъ непосредственныя враждебныя дѣйствія, въ виду взаимнаго недовѣрія, существовавшаго между династіями. Наполеонъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, что въ Тильзитѣ приходилось импровизировать арію, которую онъ исполнялъ, тогда какъ, впослѣдствіи, представлялась уже возможность пѣть эту арію по нотамъ.

Для выполненія цѣлей и осуществленія возможностей, на которыя указывалось въ договорахъ, заключенныхъ въ Тильзитѣ, не имѣлось въ виду терять времени. Участь Швеціи и Ганзейскихъ городовъ была фактически рѣшена, но затѣмъ оставались еще въ Европѣ три небольшія морскія державы, номинально считавшіяся еще нейтральными, а именно Данія, Португалія и Этрурія. Къ каждой изъ нихъ надлежало предъявить нѣчто вродѣ ультиматума. Необходимыя для этого предварительныя инструкціи разосланы были Наполеономъ изъ Дрездена. Означенныя державы оказались поставленными въ необходимость выбирать между Англіей и Франціей. Имъ было достаточно явственно дано понять, что императоръ разсчитываетъ пользоваться по собственному усмотрѣнію морскими ихъ вооруженіями, т. е. кораблями, арсеналами, верфями, матеріальными запасами и матросами. Наполеонъ вообще держался того принципа, что лучше всего не высказывать своихъ намѣреній прежде того момента, когда они приведены уже въ исполненіе. Онъ и на этотъ разъ позаботился о томъ, чтобы понапрасну не мѣшкать. Необходимо замѣтить, что въ Дрезденѣ же была провозглашена конституція Варшавскаго

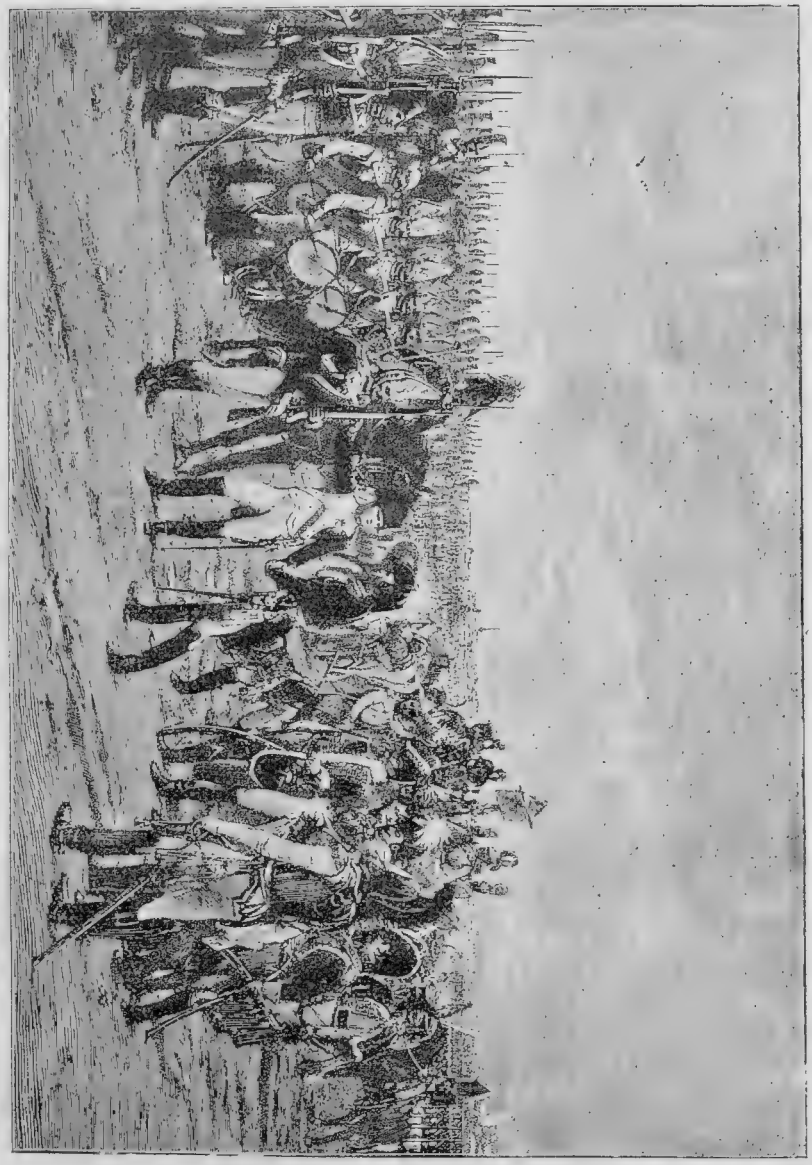
великаго герцогства. Образцомъ для нея послужила французская конституція, а потому она далеко не отличалась чрезмѣрной либеральностью.

Тѣмъ не менѣе она отмѣнила крѣпостное право, установила равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и ввела гражданскій наполеоновскій кодексъ.

Португалія уплатила въ 1804 году 16 милліоновъ франковъ за разрѣшеніе сохранять нейтралитетъ въ войнѣ между Англіей и Франціей. Несмотря на то, ей было предписано теперь запереть свои порты англійскимъ судамъ, захватить находящіеся тамъ британскія суда и товары и объявить войну Великобританіи. Жюно, состоявшій сперва французскимъ посломъ въ Лиссабонѣ, былъ посланъ съ двадцатисемитысячнымъ, якобы обсерваціоннымъ корпусомъ на границу, чтобы, въ случаѣ надобности, принудить Португалію къ выполненію этихъ предписаній. Англія, въ свою очередь, сочла тогда умѣстнымъ захватить португальскій флотъ и удержать его, „въ качествѣ гарантіи“, впредь до окончанія войны. Во время послѣдней кампаніи Наполеона въ Польшѣ и Пруссіи, этрурійскій король Людовикъ скончался, и его вдова, испанская инфанта Марія-Луиза, состоявшая регентшей за малолѣтняго своего сына, открыла для англійскихъ судовъ ливорнскую гавань. Принцу Евгенію предписано было собрать другой обсерваціонный корпусъ, силою въ 6.000 человѣкъ и выгнать англичанъ изъ Ливорно. Онъ безотлагательно выполнилъ данное ему порученіе. Дюрокъ тѣмъ временемъ намекнулъ испанскому послу, что Наполеонъ охотно согласится вознаградить Марію-Терезію за утрату Этруріи, уступивъ ей, напримѣръ, часть Португаліи. Остальную часть Португальскаго королевства онъ будетъ не прочь предоставить Годою, князю Мира.

Съ устраненіемъ этого „безобразія“ съ Аппенинскаго полуострова обнаружилось тамъ другое, еще болѣе крупное. Выяснилось, что папская область врѣзается клиномъ между итальянскимъ и неаполитанскимъ королевствами, уничтожая такимъ образомъ необходимую между ними связь. Послѣ коронованія Пій VII вернулся изъ Парижа разочарованный и раздосадованный. Убѣдившись, что обыкновенное свѣтское оружіе, въ видѣ штыковъ и сабель, не помогло ему противъ французовъ, онъ рѣшился пустить противъ нихъ въ ходъ духовное оружіе. Какъ уже упомянуто, онъ принялся отказывать Наполеону рѣшительно во всемъ. Такъ онъ отказался возложить на французскаго императора корону Западной имперіи,—распространить дѣйствіе конкордата на Венецію,—утвердить епископовъ, назначенныхъ во Франціи и въ Италіи свѣтской властью,—расторгнуть американскій бракъ принца Жерома и признать Жозефа неаполитанскимъ королемъ,—если ему самому не будетъ обезпечена независимость и самостоятельность въ смыслѣ права сохранять нейтралитетъ. Короче сказать, онъ хотя и нерѣшительно, но отрекался отъ союза съ Франціей и всѣхъ послѣдствій таковаго. Наполеонъ, въ свою очередь, предъявилъ ему требованіе о томъ, чтобы впредь назначать одинаковое число кардиналовъ изъ француз-

скихъ и римскихъ епископовъ,—изгнать изъ папской области агентовъ державъ, враждебныхъ Франціи, и закрыть порты этой области для англійскихъ судовъ. Императоръ заявилъ, что ему



Наполеонъ въ Тильзитѣ надѣваетъ на русскаго генерала свой собственный орденъ Почетнаго легіона.
(Съ картины Люпеля Робера).

надоѣли мелочныя ватиканскія дрязги, угрозы отлучить его отъ церкви и объявить его престолъ вакантнымъ. Ужь не хотятъ-ли засадить его въ монастырь и бичевать тамъ, какъ Людовика

Благочестиваго? Если папа не задается такими цѣлями, то пусть онъ пришлетъ парижскому кардиналу-легату настоящія посольскія полномочія и во всякомъ случаѣ откажется отъ нелѣпой политики угрозъ. Въ то же самое время принцъ Евгеній показалъ папѣ конфиденціальное письмо, которое, несмотря на такую помѣтку, несомнѣнно было написано въ назиданіе самому римскому первосвященнику. Отчимъ сообщалъ тамъ пасынку о своемъ намѣреніи созвать соборъ галликанской, итальянской, германской и польской церквей для обсужденія вопроса объ освобожденіи ихъ отъ римскаго ига. Его святѣйшество папа былъ до такой степени напуганъ этою перспективой, что поспѣшилъ удовлетворить наиболѣе настоятельныя требованія, изложенныя въ письмѣ, присланномъ ему лично, и, между прочимъ, отправилъ въ Парижъ нунція, снабженнаго надлежащими полномочіями. Притомъ, однако, онъ изъ упрямства не захотѣлъ выполнить въ буквальномъ смыслѣ требованія императора и назначилъ полномочнымъ своимъ посломъ не французскаго кардинала-легата, находившагося въ Парижѣ, а одного изъ итальянскихъ кардиналовъ. Наполеонъ объявилъ тогда римской куріи, что будетъ вести переговоры не иначе какъ только съ французскимъ кардиналомъ Байяномъ, а, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, найдетъ себя вынужденнымъ присоединить Анкону, Урбино и Мачерату къ итальянскому королевству. Ній тотчасъ же уступилъ по всѣмъ пунктамъ: назначилъ Байяна своимъ представителемъ въ Парижъ, согласился вступить въ союзъ съ Франціей и обѣщалъ короновать Наполеона въ западные императоры. Несмотря на это, присоединеніе упомянутыхъ городовъ съ ихъ округами къ итальянскому королевству стало существующимъ фактомъ, еще прежде чѣмъ папа успѣлъ заявить французскому императору о своемъ согласіи уважить его требованіе.

Изъ числа трехъ второстепенныхъ морскихъ державъ самою важной несомнѣнно являлась Данія, командовавшая входомъ въ Балтійское море. Наполеонъ сообщилъ датскому правительству, что оно должно безотлагательно объявить Англіи войну, или же утратито всѣ свои владѣнія на материкѣ Европы. Копенгагенскій кабинетъ обѣщалъ повиноваться, но медлилъ приводить обѣщаніе свое въ исполненіе. Утверждали, будто англійскіе шпіоны въ Тильзитѣ добыли кое-какія отрывочныя свѣдѣнія относительно секретныхъ пунктовъ заключенныхъ тамъ договоровъ, а министерство герцога Портлэндскаго, въ которомъ Каннингъ былъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, а Кэстльри военнымъ министромъ и министромъ колоній, угадало все остальное. Въ настоящее время извѣстно, что Каннингъ не подозрѣвалъ существованія секретныхъ пунктовъ, но былъ убѣжденъ, что между обоими императорами состоялось тайное соглашеніе, враждебное Англіи. Лѣтомъ министерство получило на этотъ счетъ, выражаясь его собственными словами, „самыя положительныя“ свѣдѣнія о томъ, что французы намѣреваются вторгнуться въ Голштинію и принудить Данію закрыть Зундскій проливъ британской торговлѣ. Степень обстоятельности этихъ свѣдѣній и способъ ихъ

полученія такъ и остались невыясненными. Опасность казалась дѣйствительно неминуемой. Датскій флотъ состоялъ не менѣе какъ изъ двадцати линейныхъ кораблей, 18 фрегатовъ, 9 бриговъ и многочисленныхъ канонерскихъ лодокъ. Получивъ такое подкрѣпленіе, французскій военный флотъ могъ бы опять выйти въ море. Англійское министерство поэтому безотлагательно обратилось къ Даніи съ предложеніемъ защищать ее отъ французовъ, обезпечить ея колоніи и снабдить ее рѣшительно всѣми оборонительными средствами: морскими, сухопутными и денежными. Взамѣнъ этого, Данія должна была, впредь до заключенія мира, отдать свой флотъ англичанамъ въ качествѣ залога. Управлявшій Даніей регентъ связалъ уже себя по отношенію къ Франціи положительными обязательствами, такъ что не могъ принять этихъ предложеній. Тогда англійская армія, подъ начальствомъ Каткарта, произвела высадку въ Зеландіи и обложила Копенгагенъ. Англійскій флотъ въ свою очередь бомбардировалъ его въ продолженіи цѣлыхъ трехъ дней съ моря, такъ что подъ конецъ датское правительство вынуждено было согласиться на предъявленныя ему требованія. Отвѣтственность за постыдный фактъ грубаго насилія всецѣло лежитъ въ данномъ случаѣ на Каннингѣ. Фактъ этотъ послужилъ первымъ шагомъ къ униженію націи, достойной всякаго уваженія, — повлекъ за собою для датчанъ утрату сперва Норвегіи, а затѣмъ Шлезвига и Голштиніи. Кромѣ того, бомбардированіе Копенгагена являлось мѣрой, въ высшей степени неполитичной, такъ какъ сдѣлало русскаго государя на цѣлыхъ четыре года ожесточеннымъ врагомъ Англіи. Датское правительство, доведенное до отчаянія, бросилось въ объятія Бернадотта. Король Христіанъ VII впалъ давно уже въ идіотизмъ, а его сынъ, Фридрихъ VI, при всей своей энергіи и доброжелательствѣ, былъ вынужденъ поставить Данію въ вассальныя отношенія къ Франціи договоромъ, подписаннымъ въ Фонтенебло 30-го октября 1807 года.

Бурбонская династія царствовала во многихъ европейскихъ странахъ, но нигдѣ не выказала полнѣе свою неспособность къ управленію государствомъ, чѣмъ въ Испаніи. Подобно свѣту угасающей лампады, который въ иныя мгновенья вспыхиваетъ какъ будто ярче, но все-таки постепенно ослабѣваетъ, прежняя слава этой знаменитой страны все болѣе омрачалась, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Людовикъ XIV радостно воскликнулъ: „Нѣтъ болѣе Пиренеевъ!“ Утративъ свое преобладаніе въ качествѣ колоніальной державы и когда-то грозныя свои морскія силы, Испанія вынуждена была платить дань Франціи, молча глядѣть, какъ Наполеонъ устраивалъ противузаконныя сдѣлки относительно земель, принадлежавшихъ ей по праву и сокрушаться о томъ, что за границей утрачивалось даже воспоминаніе о прежней ея славѣ. Тѣмъ не менѣе гордый испанскій народъ никогда не забывалъ своего прошлаго. Съ каждымъ послѣдовательнымъ униженіемъ, негодованіе испанцевъ все болѣе росло и, вскорѣ послѣ Трафальгарской битвы, они съ наслѣднымъ принцемъ во главѣ сдѣлали попытку противодѣйствовать скандальному управленію Годоя. Обѣ партіи старались

опереться на Францію, а между тѣмъ французскія интриги только растравляли распрю между ними до тѣхъ поръ, пока вся Испанія не была, наконецъ, охвачена въ высшей степени серьезными раздорами.

Когда въ предшествовавшемъ году Пруссія объявила Наполеону войну, и французскимъ легіонамъ предстояло сразиться съ войсками, обученными въ школѣ Фридриха Великаго, русскій посланникъ въ Мадритѣ сдѣлалъ энергическое усиліе, чтобы привлечь Италію къ коалиціи. Англія въ тоже самое время угрожала помочь освобожденію испанскихъ колоній въ южной Америкѣ и объявить ихъ независимыми республиками въ случаѣ несогласія мадридскаго кабинета на русскія предложенія.

Исходя изъ убѣжденія, что Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ побѣдителемъ изъ предстоявшей ему борьбы, Годой издалъ 14-го октября манифестъ, который, несмотря на двусмысленность употребленныхъ тамъ выраженій, весьма явственно намекалъ на неизбѣжность войны. По странному совпаденію, манифестъ этотъ былъ изданъ какъ разъ въ тотъ самый день, когда происходило сраженіе подъ Іеной. Понятно, что, узнавъ объ этомъ событіи, князь Мира поспѣшилъ отъ имени короля изъявить побѣдоносному императору покорность. Наполеонъ поблѣднѣлъ, читая въ Берлинѣ извѣстіе о предполагавшейся измѣнѣ, и сдѣлалъ видъ, будто она не дошла до его свѣдѣнія, но, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ, что ни въ какомъ случаѣ ея не проститъ. Изъявленіе покорности со стороны Карла IV дало французскому императору случай потребовать, чтобы испанскій флотъ шелъ въ Тулонъ, а вспомогательный пятнадцатитысячный испанскій корпусъ двинулся къ устью Эльбы, дабы противодѣйствовать ожидавшейся тамъ высадкѣ англичанъ. Испанія должна была, кромѣ того, взять на себя содержаніе двадцатипяти тысячъ военноплѣнныхъ пруссаковъ и съ большей строгостью чѣмъ когда-либо соблюдать запретительныя постановленія относительно англійской торговли въ своихъ портахъ и на внутреннихъ рынкахъ.

Слабохарактерное испанское правительство, непользовавшееся ни малѣйшимъ уваженіемъ у своихъ подданныхъ, не рѣшилось воспротивиться этимъ требованіямъ. Годой и королева Луиза продолжали скандальное свое сожительство, а король Карлъ IV присоединился къ заговору, составленному ими съ цѣлью устранить его сына, Фердинанда, отъ наслѣдованія престола. Молодой наслѣдный принцъ пользовался народными симпатіями. Онъ старался вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться благосклонностью Наполеона и заявилъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ съ одною изъ родственницъ императрицы Жозефины. На это предложеніе не послѣдовало никакого отвѣта, и принцъ Фердинандъ оказался совершенно безпомощнымъ, лицомъ къ лицу съ администраціей, пользовавшейся, казалось, поддержкою Франціи. Его скоро арестовали по обвиненію въ злоумышленіи на жизнь отца. Къ концу лѣта, въ 1807 году, все уже созрѣло къ предполагавшемуся Наполеономъ вмѣшательству съ цѣлью возрожденія Испаніи.

Такова была жатва, созрѣвшая, благодаря тильзитскимъ договорамъ на полѣ внѣшнихъ сношеній. Императоръ Наполеонъ упрямо утверждалъ впослѣдствіи, будто посѣвъ былъ произведенъ не имъ самимъ, а Талейраномъ. Что касается до впечатлѣнія, произведеннаго Тильзитскимъ миромъ во Франціи, то австрійскій посолъ въ Парижѣ, князь Меттернихъ, разсказывалъ, что тамъ въ кофейняхъ хладнокровно обсуждали проектъ окончательнаго переустройства Европы. Предполагалось, что въ Европѣ будетъ существовать всего только двѣ имперіи и семнадцать королевствъ съ новыми государями, находящимся въ родственныхъ или, по меньшей мѣрѣ, вассальныхъ отношеніяхъ къ этимъ имперіямъ. „Эти росказни,—говоритъ Меттернихъ,—доказываютъ, что вся Европа могла бы рушиться, не вызывая ни малѣйшей печали, изумленія, или хотя бы даже удовольствія у народа, достигшаго невообразимой степени нравственнаго униженія. Народъ этотъ до того утомленъ и деморализованъ девятнадцатью годами революціи и преступленій, изгладившими у него послѣдніе слѣды національнаго самочувствія, что смотритъ теперь съ самымъ хладнокровнымъ равнодушіемъ на все происходящее за границею. Тѣмъ не менѣе, благоразумные французы полагаютъ, что заключенные въ Тильзитѣ договоры, будучи одинаково выгодными для Россіи и Франціи, необходимо содержатъ въ себѣ зародышъ, который, при дальнѣйшемъ развитіи, окажется опаснымъ для этой послѣдней“. На самомъ дѣлѣ въ Европѣ не оказывалось теперь ни одного государства, за исключеніемъ Россіи, съ которымъ французская имперія не находилась бы въ натянутыхъ отношеніяхъ. Не было ни одного народа, за исключеніемъ самого французскаго, національное достоинство котораго не оказывалось бы оскорбленнымъ, и у котораго не кипѣла бы ненависть противъ побѣдоносной Франціи и ея императора.

Парижскія торжества и объединеніе Франціи.

Панорама тогдашняго настроенія Европы, набросанная самимъ императоромъ по возвращеніи въ Парижъ, имѣла, разумѣется, совершенно иную окраску. Наполеонъ пріѣхалъ въ Сенъ-Клу вечеромъ, 27-го іюля, чуть что не инкогнито. Парижское населеніе узнало лишь случайно о возвращеніи своего императора и тотчасъ же преисполнилось радостью и ликованьемъ. Столица была иллюминована и населеніе ея прислало Наполеону многое множество адресовъ, которые, по части раболѣпной лести, не оставляли желать ничего лучшаго и представлялись почти неподражаемыми. Наполеонъ изображался въ нихъ уже не въ качествѣ дѣятеля обыкновенной человѣческой исторіи, а выставлялся человѣкомъ героическихъ временъ, поставившимъ себя превыше почтительнаго удивленія, такъ что одно только чувство любви оказывалось еще въ состояніи вознестись въ тѣ выси, въ которыхъ онъ благоволилъ витать.

16 го августа французскій императоръ лично открылъ законо-

дательное собраніе рѣчью, въ которой объявилъ: „Со времени вашей послѣдней сессіи, новыя войны, новыя побѣды и новые договоры измѣнили лицо Европы. Если Бранденбургская династія все еще царствуетъ, то она обязана этимъ исключительно дружбѣ, которую онъ самъ питаетъ къ русскому государю. На берегахъ Эльбы воцарился новый король, природный французъ, который съумѣетъ привлечь къ себѣ сердца подданныхъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ и священнѣйшаго своего долга. Саксоніи возвращена прежняя самостоятельность, а населенію Данцига и Великаго герцогства Варшавскаго—прежняя государственная ихъ независимость. Всѣ вообще народы радуются разрушенію пагубнаго вліянія Англіи. Франція соединена съ Рейнскимъ союзомъ органическими его законами и образуетъ съ Голландіей, Италіей и Швейцаріей одну общую федерацію. Установившіяся дружескія отношенія съ Россіей скрѣплены взаимнымъ уваженіемъ". При достиженіи всѣхъ этихъ результатовъ служило Наполеону путеводной звѣздою, по его собственнымъ словамъ, единственно лишь благосостояніе его народа, которое онъ ставитъ несравненно выше личной своей славы. Ему бы очень хотѣлось достигнуть заключенія мира также и на морѣ. Въ интересахъ общаго умиротворенія онъ согласенъ преодолѣть справедливое негодованіе противъ британскаго народа, раздираемаго непримиримой борьбою партій. Императоръ обѣщалъ, что во всякомъ случаѣ окажется достойнымъ своего народа подобно тому, какъ и народъ оказался достойнымъ его лично. Въ заключеніе Наполеонъ добавилъ, что обдумалъ уже нѣкоторыя мѣропріятія, клонящіяся къ упрощенію и усовершенствованію различныхъ французскихъ учрежденій.

Картина военной и политической славы была написана въ этой рѣчи великимъ художникомъ, который въ одну кампанію радикально измѣнилъ значеніе императорскаго своего титула. Онъ сталъ изъ военнаго вождя повелителемъ государей и такимъ образомъ осуществилъ возрожденіе Западной имперіи. Понятно, что это должно было нравиться великодушному незлопамятному народу, обладавшему пылкимъ воображеніемъ и склонному къ восторженности. Произведенное такимъ путемъ выгодное впечатлѣніе еще болѣе усиливалось дѣятельностью, которую обнаруживалъ императоръ, добросовѣстно стараясь сдержать свое слово и поднять по мѣрѣ возможности народное благосостояніе Франціи. Подобно тому, какъ послѣ побѣды подъ Аустерлицемъ, Наполеонъ обратилъ прежде всего вниманіе на государственные финансы. Новый французскій торговый уставъ оказался почти столь же благодѣтельнымъ для торговаго сословія, какъ благодѣтельно было введеніе наполеоновскаго кодекса гражданскихъ законовъ для всего вообще народа. Французскому банку немедленно же было предписано понизить учетный процентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пригласили экспертовъ, дабы обсудить вопросъ о томъ, какимъ именно образомъ Италія и Рейнскій союзъ могутъ быть поставлены въ вассальныя отношенія къ французской промышленности и торговлѣ. Кромѣ всего этого, приняты были мѣры къ

поднятію національнаго труда путемъ выполненія крупныхъ публичныхъ сооруженій, работы по которымъ были начаты послѣ побѣды подъ Аустерлицемъ, но затѣмъ временно пріостановлены, въ виду начавшейся войны съ Пруссіей.

Еще до прусской кампаніи французскій императоръ и императрица зачастую путешествовали по Франціи, осматривая дорогой достопримѣчательныя мѣстности. Вездѣ, гдѣ останавливался императорскій экипажъ, Наполеонъ садился верхомъ на коня и, въ сопровожденіи одного, или нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, или еще чаще одного только Рустана и какого-нибудь адъютанта, производилъ нѣчто вродѣ бѣглой рекогносцировки, наводилъ справки, лично осматривалъ все наиболѣе заслуживавшее вниманія и составлялъ различныя соображенія. Немедленно затѣмъ онъ набрасывалъ проекты желательныхъ усовершенствованій: сооруженія новыхъ общественныхъ зданій, богадѣленъ, пріютовъ, водопроводовъ, проведенія дорогъ и каналовъ, проложенія новыхъ путей сообщенія черезъ горныя цѣпи, однимъ словомъ, того, что могло вызвать не только энтузіазмъ мѣстнаго населенія, но принести также существенныя выгоды для всей Франціи. Многимъ изъ этихъ проектовъ и даже, пожалуй, большинству изъ нихъ суждено было остаться только предположеніями, но нѣкоторые изъ самыхъ грандіозныхъ были все-таки выполнены, такъ что Наполеонъ оставилъ на Франціи столь же неизгладимый отпечатокъ, какъ и на французскомъ обществѣ. Дороги черезъ Симплонъ и Монъ-Сенисъ, главные каналы, соединяющіе рѣчныя системы, реставрація собора въ Сенъ-Дени, сооруженіе набережныхъ въ Парижѣ, большая Тріумфальная арка, Вандомская колонна, улицы Мира и Риволійская, мосты Аустерлицкій, Іенскій и Изящныхъ Искусствъ и т. д. и т. д. являются образчиками великолѣпныхъ сооруженій, предпринятыхъ по его иниціативѣ. Эти сооруженія дѣятельно производились лѣтомъ 1807 года, давая прекрасный заработокъ множеству рабочихъ и ремесленниковъ. Кромѣ того, во всѣхъ департаментахъ открылись мѣстныя мастерскія для доставленія занятій людямъ, которымъ не удалось заручиться иною работой. Такія мѣры могутъ казаться весьма нераціональными, такъ что спеціалисты по части политической экономіи вправѣ пожимать плечами и саркастически поводить бровями, когда заходитъ о нихъ рѣчь, но, при всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что это были грандіозныя мѣры, которыя, въ свое время, значительно увеличили благосостояніе французскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ какъ нельзя лучше удовлетворяли страсти къ изящному въ полезномъ, законномѣрность которой, впрочемъ, не признается наукой, построенной всецѣло на эгоизмѣ.

Въ тѣсной связи съ этою политикой являлось упомянутое уже, но вообще мало извѣстное наполеоновское мѣропріятіе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно оказалось успѣшнѣе всѣхъ другихъ и несомнѣнно очерчиваетъ весьма характернымъ образомъ личность великаго корсиканца. Зло, которому Наполеонъ хотѣлъ въ данномъ случаѣ противодѣйствовать, было, по крайней мѣрѣ, на время

фактически исцѣлено и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хроническій вопросъ, которымъ оно осложнялось, сталъ въ нынѣшней Франціи менѣе острымъ, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ уже передъ тѣмъ, земледѣльческое населеніе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе плодородныхъ округовъ, преимущественно же въ сѣверо-восточной Франціи, находилось въ самомъ бѣдственномъ экономическомъ положеніи. Это приписывалось многочисленности проживавшихъ тамъ евреевъ. Строгіе законы прежняго режима отняли у злополучныхъ французскихъ евреевъ возможность заниматься чѣмъ-либо, за исключеніемъ мелкой торговли и ростовщичества. Въ обѣихъ этихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности они сдѣлались знатоками. Послѣ эмансипаціи евреевъ они начали злоупотреблять свободой, которую доставила имъ революція. Вмѣсто того, чтобы расширить сферу своей дѣятельности, евреи продолжали заниматься мелкимъ торгашествомъ и ростовщичествомъ и окончательно захватили въ свои руки обѣ эти отрасли торговаго посредничества. Съ 1791 года поселилось на правомъ берегу Рейна значительное число польскихъ и германскихъ евреевъ. Оказывая энергическое содѣйствіе своимъ единоплеменникамъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, они, общими силами, такъ ловко обирали французскихъ крестьянъ, скупая у нихъ хлѣбъ на корню и выдавая ссуды подъ лихвенные проценты, что черезъ нѣсколько лѣтъ сами сдѣлались крупными землевладѣльцами, причемъ, сверхъ того, у нихъ числились за крестьянами долги, въ общей сложности больше двадцати трехъ милліоновъ франковъ. Питая отвращеніе къ физическому труду, они не прикладывали къ нему рукъ, а, благодаря отсутствію фамилій, безнаказанно уклонялись отъ исполненія воинской повинности, между тѣмъ суды были обременены множествомъ предъявленныхъ евреями тяжбъ по взысканію долговъ и продажамъ съ публичнаго торга заложенныхъ имѣній, причемъ, во всѣхъ случаяхъ, сумма первоначальнаго долга являлась исчезающей величиной сравнительно съ наросшими на него процентами.

Уже въ предшествовавшемъ 1806 году императорскимъ декретомъ были временно пріостановлены въ нѣкоторыхъ округахъ судебныя взысканія по долговымъ обязательствамъ, въ которыхъ заимодавцами являлись евреи. Многіе изъ болѣе выдающихся представителей французскаго еврейства заранѣе рѣшились склониться передъ надвигавшейся бурей и оказать правительству посильное содѣйствіе въ улаженіи еврейскаго вопроса. Наполеонъ, зная, что Ветхій Завѣтъ имѣетъ для евреевъ значеніе не только религіознаго, но также гражданскаго и политическаго свода законовъ, поступилъ съ большимъ тактомъ, обратившись именно къ самимъ же наиболѣе выдающимся и просвѣщеннымъ представителямъ еврейства; рѣшено было собрать для этой цѣли совѣтъ. Императоръ предписалъ префектамъ назначить членовъ этого совѣта и съ своей стороны тоже организовалъ правительственную коммисію, долженствовавшую присутствовать при его засѣданіяхъ. Рѣшеніе, принятое совѣтомъ, имѣлось въ виду представить на утвержденіе общеевропейскому синедріону. Депутаты фран-

цузскихъ евреевъ собрались въ Парижѣ въ концѣ 1806 года и, послѣ обстоятельнаго обсужденія, удовлетворительно отвѣтили на вопросные пункты, тщательно выработанные правительственной коммисіей. При всемъ томъ, въ 1807 году, экономическое положеніе еще болѣе обострилось. Синедріонъ собрался въ свою очередь въ началѣ февраля мѣсяца, причемъ члены его соперничали въ лести съ римскимъ духовенствомъ. Они помѣстили императорскаго орла надъ ковчегомъ Завѣта и составили изъ буквъ Н. и Ж., соединенныхъ съ именемъ Іеговы, монограмму, которою украшена была зала ихъ совѣщаній. 4 марта синедріонъ издалъ декретъ, до сихъ поръ еще служащій основой для религіознаго обученія еврейской молодежи. Въ немъ запрещалось многоженство и признавался принципъ гражданскаго брака; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось всѣмъ евреямъ относиться къ людямъ вѣрующимъ, что Богъ создалъ небо и землю, какъ къ своимъ братьямъ и согражданамъ. Евреямъ предписывалось также повиноваться гражданскимъ и военнымъ законамъ, не исключая и закона о конскрипціи. Они должны были обучать своихъ дѣтей различнымъ ремесламъ и промысламъ; ихъ приглашали также посвящать себя научной карьерѣ и обнаруживать свой патріотизмъ покупкою облигацій государственнаго долга. Лихоимство было категорически воспрещено. Евреямъ предписывалось именемъ религіи недозволять себѣ въ денежныхъ сдѣлкахъ никакой разницы между единовѣрцами и христіанами. Всѣ мелочныя подробности этихъ постановленій были предусмотрѣны и выработаны самимъ Наполеономъ, какъ это явствуетъ изъ его переписки съ министрами.

Годъ спустя, послѣ тщательнаго и зрѣлаго обсужденія, изданъ былъ императорскій декретъ. Имъ не только организовалась еврейская церковь и опредѣлялись ея отношенія къ государству, но вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось также гражданское и политическое положеніе французскихъ евреевъ. Они объявлялись такими же гражданами, какъ и остальные французы, но подъ условіемъ не взимать болѣе пяти процентовъ съ своихъ должниковъ, а въ случаѣ взиманія болѣе десяти процентовъ подвергались административной карѣ за лихоимство. Отъ каждаго еврея, жившаго въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ, требовалось разрѣшеніе на право заниматься торговлей и, сверхъ того, еще другое разрѣшеніе на право выдачи ссудъ подъ залоги. Евреямъ запрещалось впредь селиться въ Эльзасѣ, а въ другихъ департаментахъ они могли пріобрѣтать право жительства, лишь сдѣлавшись землевладѣльцами и обработывая сами принадлежавшіе имъ земельные участки. Евреи обязывались отбывать воинскую повинность, причемъ имъ запрещалось ставить вмѣсто себя замѣстителей, хотя это и дозволялось христіанамъ, ихъ согражданамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ евреевъ долженъ былъ принять и носить какую-нибудь фамилію. Этотъ особый законъ примѣнялся всюду со всею строгостью, за исключеніемъ Бордо, департамента Жиронды и Ронскаго департамента, гдѣ мѣстному населенію не приходилось терпѣть отъ евреевъ никакихъ

неудобствъ. Дѣйствіе означеннаго особаго закона оказалось благонадежнымъ и прочнымъ. Многія отдѣльныя личности изъ числа французскихъ евреевъ были вскорѣ отъ него освобождены и, наконецъ, къ 1812 году, онъ примѣнялся уже не въ качествѣ общаго правила, а только въ исключительныхъ случаяхъ въ цѣломъ департаментѣ или къ отдѣльной личности. Съ того времени во Франціи почти не существовало столь жгучаго въ другихъ странахъ еврейскаго вопроса. Евреи встрѣчаются тамъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности; они занимаютъ совершенно такое же гражданское, политическое, религіозное положеніе, какъ люди другихъ расъ и исповѣданій. Многіе французскіе евреи стяжали себѣ славу не только на финансовомъ поприщѣ, но также въ политикѣ, изящныхъ искусствахъ и наукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ французскіе евреи отличаются страстною преданностью къ родинѣ и сторонній наблюдатель съ трудомъ лишь можетъ отличить ихъ по наружности и внѣшнему виду отъ другихъ французовъ. Временное нарушеніе духа и буквы Наполеоновскаго кодекса изданіемъ вышеупомянутаго исключительнаго положенія объ евреяхъ оказалось до такой степени благодѣтельнымъ, что въ большинствѣ случаевъ избѣжало недоброжелательной критики и даже вообще прошло какъ бы незамѣченнымъ.

Обуздывая такимъ образомъ лихоимство и стараясь о развитіи народнаго благосостоянія, Наполеонъ I старался увѣнчать свое дѣло установленіемъ прочной системы государственныхъ финансовъ. Извѣстно, что за два года передъ тѣмъ онъ вынужденъ былъ, для спасенія французскаго государственнаго кредита, непосредственно затратить полученную съ австрійцевъ военную контрибуцію. Вообще онъ держался того принципа, что Франція должна платиться за свои войны единственно лишь кровью своихъ дѣтей. Онъ хорошо зналъ бережливость французскаго народа и жадность къ деньгамъ, характеризующую низшіе его классы, а потому не желалъ подрывать расположенія ихъ къ императорскому режиму выпускомъ бумажныхъ денегъ или же увеличеніемъ налоговъ. Паника въ 1805 году обострилась фактическою несостоятельностью синдиката банкировъ, выдававшаго правительству ссуды въ счетъ поступленія налоговъ и ежегодной контрибуціи съ Испаніи. Въ 1807 году военная контрибуція, взятая съ Пруссіи, Польши и Вестфаліи, получила двоякое назначеніе и послужила къ организаціи двухъ фондовъ, — одного спеціально военнаго—на покрытіе чрезвычайныхъ издержекъ, вызываемыхъ войною, а другого, являвшагося запаснымъ фондомъ государственнаго казначейства и замѣнявшаго упомянутый уже синдикатъ банкировъ. Такимъ образомъ во Франціи не послѣдовало никакого увеличенія налоговъ, заработки оказывалась въ изобиліи и, подъ вліяніемъ административной опеки, противъ которой такъ возстаетъ политическая экономія, колеса промышленности и торговли вертѣлись почти во всѣхъ французскихъ департаментахъ какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Государственные фонды котировались на биржѣ по 99 за 100. Во все послѣдующее царство-

ваніе Наполеона они никогда не стояли такъ высоко. При всемъ томъ имѣлась неудовлетворенная потребность, которая давала себя чувствовать весьма болѣзненнымъ образомъ. Кофе и сахаръ являлись для народа уже предметами необходимости, а не роскоши. Между тѣмъ, вслѣдствіе континентальнаго амбарго, и кофе и сахаръ стали до чрезвычайности дороги; кромѣ того, они доставлялись на рынокъ лишь въ незначительномъ количествѣ. Кофе мало по малу начали замѣнять разными болѣе или менѣе искусно подысканными суррогатами. Тростниковый же сахаръ сталъ постепенно замѣняться свекловичнымъ, производству котораго оказывалось Наполеономъ самое энергическое содѣйствіе. Онъ держалъ у себя на каминѣ, въ качествѣ украшенія, голову свекловичнаго сахара и отъ времени до времени посылалъ подобныя же драгоцѣнныя головы въ подарокъ дружественнымъ ему монархамъ. Разсказываютъ, будто одно должностное лицо, находившееся въ опалѣ, вернуло себѣ опять расположеніе Наполеона благодаря лишь тому, что обратило все свое помѣстье въ свекловичную плантацію. Въ такомъ высочайшемъ покровительствѣ свекловичной промышленности, французы усматривали доказательство не только здраваго смысла, но также и сочувствія со стороны императора народнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Наполеонъ въ роли источника почестей и могущества.

Новый феодализмъ.—Жизнь при Наполеоновскомъ дворѣ.—Война на сушѣ и на морѣ.—Грезы о всемірномъ владычествѣ.—Противодѣйствіе замысламъ Россіи и занятіе Португаліи.—Униженіе испанскаго королевскаго дома.

Новый феодализмъ.

Населеніе Парижа и всей вообще Франціи пришло вскорѣ въ превосходнѣйшее настроеніе духа. Народныя массы были обезпечены выгодною работою, сыты, одѣты и могли даже приберечь кое-какую денежку на черный день. Съ каждымъ часомъ онѣ проникались все болѣе явственнымъ сознаніемъ, что единство и могущество Франціи воплощаются въ ея императорѣ. То же самое сознаніе проникало, впрочемъ, и въ высшіе слои французскаго общества. Госпожа Ремюза считала, какъ извѣстно, Наполеона человѣкомъ до чрезвычайности неблаговоспитаннымъ. Ей была противна грубая фамильярность, съ какою онъ садился на колѣни къ своимъ любимцамъ или принимался крутить чье-нибудь ухо между пальцевъ, пока оно не разгорится до-красна. Ее шокировали неделикатныя выходки императора, который, получая отъ тайной полиціи свѣдѣнія о разныхъ домашнихъ скандалахъ, позволялъ себѣ иногда, шутки ради, разоблачать ихъ и такимъ образомъ сѣялъ раздоры въ семьяхъ своихъ приближенныхъ. Вообще она находила, что онъ душитъ общественную жизнь, дабы удоб-

нѣе управлять обществомъ. Недовольная статсъ-дама откровенно высказалась передъ сочувствовавшимъ ей Талейраномъ, оплакивая горькую участь, которая заставляла ее самоё служить при такомъ неприличномъ императорскомъ дворѣ. Она объяснила, что не выходитъ въ отставку единственно лишь потому, что нуждается въ средствахъ къ существованію. Отвѣтъ на эти жалобы получился неутѣшительный. Съ теченіемъ времени, пропасть, разверзшаяся между императоромъ и его продажнымъ министромъ, какъ нельзя лучше умѣвшимъ на словахъ мягко стлать, все болѣе расширялась. Князю Беневентскому приходилось зачастую выслушивать отъ Наполеона упреки и грубую брань въ такой обидной формѣ, возможности которой, вѣроятно, даже и не подозрѣвала почтенная статсъ-дама. Тѣмъ не менѣе Талейранъ возразилъ г-жѣ де-Ремюза, что Наполеонъ все-таки является надежнѣйшей опорой могущества и единенія Франціи. Ловкій дипломатъ объяснилъ негодующей статсъ-дамѣ, что при такихъ обстоятельствахъ имъ обоимъ надлежитъ, скрѣпя сердце, оказывать поддержку императору и выносить даже самыя непріятныя его слабости.

Безъ сомнѣнія, Наполеону были какъ нельзя лучше извѣстны чувства, которыя онъ вызывалъ безтактнымъ своимъ обращеніемъ. Онъ понималъ также, что новосозданная имъ аристократія нуждается, какъ и народъ, въ нѣкоторыхъ поблажкахъ, но, при всемъ томъ, его зачастую выводили изъ себя продажность и взяточничество приближенныхъ. Талейранъ, въ минуту откровенности, сознался самъ, что взялъ съ однихъ только германскихъ въ общей сложности, шестьдесятъ милліоновъ франковъ. Массена, Ожеро, Брюнъ и Жюно отличались тоже изрядною алчностью и весьма охотно набивали свои сундуки и карманы въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это вообще представлялось возможнымъ. Съ Талейраномъ Наполеонъ никогда не позволялъ себѣ особенно рѣзкихъ шутокъ, но съ другими вельможными грабителями онъ менѣе церемонился. Въ качествѣ предостереженія для остальныхъ, императоръ отъ времени до времени писалъ крупный чекъ на имя кого-нибудь изъ нихъ и дисконтировалъ этотъ чекъ въ той или другой банкирской конторѣ. Сколько извѣстно, не было случая, чтобы по такому чеку отказались когда-либо уплатить. Массену заставили однажды вернуть такимъ образомъ сразу два милліона франковъ. Что касается до стариннаго французскаго дворянства, то Наполеонъ какъ-то разъ насмѣшливо замѣтилъ: „я предлагалъ этимъ господамъ мѣста въ арміи, но они отказались. Я открылъ для нихъ прихожія моего дворца и они хлынули туда цѣлыми толпами“. Правда, что встрѣчались почетныя исключенія изъ этого общаго правила, но, вообще говоря, слѣдуетъ признать данную Наполеономъ характеристику стариннаго французскаго дворянства вполнѣ заслуженною. При всемъ томъ не подлежало сомнѣнію, что оно обладало еще извѣстнымъ могуществомъ. Поэтому Наполеонъ принялся съ своеобразнымъ саркастическимъ юморомъ распредѣлять почести и доходныя мѣста между представителями какъ стариннаго, такъ и новаго своего дворянства. Пред-

полагавшаяся при этомъ цѣль не была достигнута. Облагодѣтельствованное новое дворянство стало вслѣдствіе того лишь самостоятельнѣе и строптивѣе, а прежніе, старинные дворяне продолжали хранить въ глубинѣ души враждебное настроеніе къ „корсиканскому узурпатору“.

Между тѣмъ Наполеонъ именно для того, чтобы обезпечить себѣ симпатіи стариннаго дворянства, принялъ двѣ радикальныя мѣры, шедшія прямо въ разрѣзъ съ принципами революціи. Этими антиреволюціонными мѣрами являлось упраздненіе трибуната и возстановленіе правъ первородства. Связь между ними лежитъ въ одинаковости конечныхъ ихъ цѣлей. Съ упраздненіемъ трибуната возникала возможность замѣнить, безъ особеннаго сопротивленія со стороны законодательнаго корпуса, избирательный сенатъ наслѣдственной палатою перовъ. Сознавая себя въ достаточной степени могущественнымъ, Наполеонъ, очевидно, вознамѣрился сдѣлать уступку общечеловѣческой слабости, выражающейся, по словамъ Монтескье, желаніемъ увѣковѣчить свое имя. Понятно, что императоръ разсчитывалъ при этомъ также подвести благонадежный фундаментъ подъ свою собственную династію. Братья его Жозефъ, Луи и Жеромъ, именовались теперь уже не Бонапартами, а Наполеонами. Они сидѣли на вассальныхъ своихъ престолахъ въ качествѣ Іосифа-Наполеона, Луи-Наполеона и Жерома-Наполеона. Зять императора, бывшій трактирный слуга, Мюратъ, царствовалъ на такихъ же условіяхъ въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ. Кромѣ того, съ наполеоновской династіей породнились посредствомъ брачныхъ союзовъ трое мелкихъ государей, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ династіямъ. Всѣ они фактически обладали правомъ передачи престолонаслѣдія старшему въ родѣ, причемъ въ правительственной французской газетѣ „Moniteur“, отъ іюля мѣсяца 1810 года, заявлялось, что въ какое бы положеніе ни были поставлены эти государи политикою Наполеона и важными интересами его имперіи, они должны помнить, что первая ихъ обязанность служить вѣрой и правдой прежде всего самому императору, а затѣмъ—Франціи. „Что касается до прочихъ обязанностей, даже по отношенію къ народу, управленіе которымъ можетъ быть вамъ ввѣрено мною, то имъ надлежитъ придавать лишь второстепенное значеніе“.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ генералъ Бонапартъ объявлялъ, что французамъ нужны болѣе всего: слава и возможность удовлетворять національному тщеславію; что касается до свободы, то они не имѣютъ о ней ни малѣйшаго представленія. Императоръ Наполеонъ, въ своихъ размышленіяхъ вслухъ на эту же тему, высказывался приблизительно въ такомъ же смыслѣ и о всемъ населеніи континентальной Европы. Онъ утверждалъ, будто среди этого населенія найдутся лишь немногія отдѣльныя личности, которыя знаютъ, что такое свобода и пламенно желаютъ ею пользоваться. „Что касается до народныхъ массъ, то онѣ всюду нуждаются въ отеческой опекѣ и чувствуютъ себя совершенно довольными, до тѣхъ поръ, пока имъ живется подъ нею хорошо“. Истинные республи-

канцы составляли во Франціи ничтожное меньшинство, убѣжищемъ для котораго служилъ за послѣднее время трибунатъ. Многимъ казалось, что въ немъ одномъ сохранилась еще нѣкоторая тѣнь свободы, такъ какъ ему было предоставлено право гласнаго обсужденія, являющееся отличительною чертой свободнаго правительства. Трибунатъ пользовался, вслѣдствіе этого, обаяніемъ гражданской доблести и самый фактъ его существованія являлся уже утѣшеніемъ для немногихъ французовъ, все еще припоминавшихъ себѣ идеалы временъ революціи. Въ дѣйствительности, однако, онъ утратилъ всякое, сколько-нибудь серьезное значеніе. Законодательная машина дѣйствовала слѣдующимъ образомъ: въ тронной рѣчи объяснялось, въ общихъ чертахъ, положеніе страны; затѣмъ государственный совѣтъ формулировалъ мѣропріятія, на необходимость которыхъ было ему указано; трибунатъ, въ той или другой изъ своихъ секцій, высказывалъ имъ одобреніе, а законодательный корпусъ утверждалъ ихъ своимъ голосованіемъ. При такихъ обстоятельствахъ уничтоженіе трибуната представлялось большинству единственно лишь упраздненіемъ излишней формальности. Нѣкоторые изъ членовъ трибуната перешли въ законодательный корпусъ, другіе—на административныя должности, а право обсужденія законопроектовъ при закрытыхъ дверяхъ было передано нѣкоторымъ отдѣламъ законодательнаго корпуса. Какъ бы въ вознагражденіе за эту энергическую мѣру сенатъ постановилъ (какъ было принято тогда выражаться), что никому не дозволяется засѣдать въ законодательномъ корпусѣ ранѣе достиженія сорокалѣтняго возраста. Быть можетъ, Наполеонъ вспоминалъ при этомъ, что, подстрекаемый пламеннымъ своимъ честолюбіемъ, онъ добился провозглашенія себя императоромъ ранѣе, чѣмъ ему исполнилось тридцать восемь лѣтъ.

Трибунамъ сообщили безъ дальнихъ околичностей объ ихъ упраздненіи и это сообщеніе не вызвало тогда ни малѣйшаго протеста со стороны общественнаго мнѣнія. Впослѣдствіи припоминали, что англійскій парламентъ, въ царствованіе Плантагенетовъ, хотя и утратилъ всякое вліяніе, но все-таки не былъ упраздненъ, такъ что потомъ, въ болѣе благопріятныя для себя времена, могъ сразу воспрянуть къ могущественной дѣятельности. Въ кризисѣ, который суждено было пережить императорской Франціи, возрожденіе трибуната оказалось немыслимымъ. Съ упраздненіемъ его исчезъ навсегда послѣдній сборный пунктъ для разрозненныхъ сторонниковъ революціоннаго принципа. Дополненіемъ къ этой мѣрѣ являлось возстановленіе права передавать всецѣло и навсегда титулы и соединенныя съ ними помѣстья старшему въ родѣ. Правда, что въ первыхъ своихъ зачаткахъ разрѣшеніе учреждать маіораты слегка предшествовало упраздненію трибуната, но окончательный декретъ, узаконивавшій маіораты во Франціи, былъ обнародованъ лишь 1808 г. Къ тому же мѣра эта оказывается естественнымъ дополненіемъ и логическимъ слѣдствіемъ упраздненія трибуната.

До настоящаго времени представители старинной французской аристократіи до чрезвычайности огорчаются тѣмъ, что революція

и Наполеоновскій кодексъ отмѣнили прежнія привиллегіи первородства. Обладателямъ почетнаго громкаго титула хочется передать его во всемъ блескѣ потомству. Они готовы принести для этой цѣли серьезныя жертвы, доходящія до суроваго самоотреченія, — готовы вырѣзать въ своемъ сердцѣ девизъ: „noblesse oblige“, чтобы поддержать на будущія времена блескъ своего имени. Но они горько жалуются на то, что безъ маіората, доставляющаго титулу внѣшнюю осязательную поддержку въ видѣ помѣстьевъ, домовъ, неприкосновенныхъ капиталовъ и т. п., титулъ этотъ оказывается лишь пустымъ звукомъ, не имѣющимъ существеннаго значенія. Принудительный раздѣлъ имущества по смерти владѣльца дозволяетъ всѣмъ его дѣтямъ сводить, съ грѣхомъ пополамъ, концы съ концами и въ непродолжительномъ времени ведетъ къ раздробленію и уничтоженію богатства, которое, при маіоратѣ, осталось бы неприкосновеннымъ. Неудачи, понесенныя Франціей въ колоніальной ея политикѣ, обусловливались главнымъ образомъ отсутствіемъ между колонистами людей изъ хорошей фамиліи, тогда какъ англійская аристократія разсылала младшихъ своихъ сыновей во всѣ концы земли. Они основывали тамъ новые семейные очаги и, при благопріятныхъ условіяхъ, покрывали древнее, знаменитое свое имя новою славою. Отсутствіемъ маіоратовъ объясняется и мелочность французской общественной жизни, а именно: мелкія состоянія, мелкое честолюбіе, сравнительно незначительныя приданыя и мелкія семьи даже среди того общественнаго класса, который, развивая у себя чувства чести, долженъ былъ бы, если такъ можно выразиться, служить дрожжами, вызывающими броженіе среди практическаго матеріализма народныхъ массъ. Теперь, когда мѣщанство и купечество наживаютъ промышленностью и торговлей богатства, несравненно болѣе крупныя, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ аристократія,—когда люди науки пріобрѣтаютъ себѣ несравненно большее вліяніе авторитетомъ своего ума, а демагоги пользуются громаднымъ политическимъ могуществомъ, благодаря опорѣ, которую доставляютъ имъ голоса избирателей, титулы сами по себѣ утрачиваютъ почти всякое значеніе, а соединенныя съ ними аристократическія понятія о чести, рыцарской доблести и благородномъ изяществѣ не находятъ возможности проявляться въ достаточно благопріятной для себя обстановкѣ, гдѣ они могли бы служить примѣромъ для народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что всѣ подобные доводы не могутъ воскресить общаго довѣрія къ такому учрежденію, какъ первородство, быстро утрачивающее свой престижъ даже и въ Англіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ, абсолютная свобода распоряжаться имуществомъ по завѣщанію дозволяетъ мѣстнымъ крезамъ ограждать свои капиталы отъ раздробленія столь же благонадежнымъ образомъ, какъ и при существованіи маіоратовъ. Капиталисты оставляютъ большую часть состоянія самому способному изъ своихъ сыновей, который и является, такимъ образомъ, носителемъ фамильнаго имени фамильной гордости и владѣльцемъ фамильнаго богатства. Постановленія Наполеоновскаго кодекса не дозволяли, однако, завѣ-

щателю подобной свободы распоряженія имуществомъ. Составитель этого кодекса не поцеремонился нарушить изданные имъ самимъ законы, когда дѣло шло объ евреяхъ. Столь же безцеремонно отнесся онъ къ своему кодексу, когда задумалъ упрочить аристократію, разсчитывая создать изъ нея еще новую опору для своего престола. Двумя другими опорами долженствовали служить духовенство и народъ. Наполеонъ объяснялъ такой образъ дѣйствія слѣдующими соображеніями: „Законы написаны для народнаго блага, и если это благо требуетъ какихъ-либо иныхъ мѣръ, мы обязаны безотлагательно принимать таковыя, не стѣсняясь тѣмъ, что онѣ не состоятъ въ точномъ соотвѣтствіи съ общимъ нашимъ законодательствомъ". Съ технической стороны не представлялось для этого ни малѣйшаго затрудненія, такъ какъ императорская власть постепенно выработала себѣ въ сферѣ законодательства два совершенно различныхъ способа дѣйствій: при посредствѣ законовъ, санкціонированныхъ народнымъ представительствомъ и относившихся обыкновенно къ отвлеченнымъ юридическимъ вопросамъ, и съ помощью императорскихъ декретовъ, которые хотя и обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, но служили на самомъ дѣлѣ выраженіемъ личной воли Наполеона и распространялись на всю сферу примѣненія его власти.

Этимъ послѣднимъ способомъ Наполеонъ рѣшился создать во Франціи новое дворянство. По внѣшности казалось, будто эта мѣра является послѣднимъ ударомъ топора, долженствующимъ подрубить феодализмъ подъ самый его корень. Новые титулы не создавали сами по себѣ никакихъ привиллегій,—они являлись какъ бы гражданскимъ вѣнкомъ, къ полученію котораго каждый могъ стремиться. Учрежденіе ихъ само по себѣ нисколько не нарушало республиканскаго принципа равенства. Правда, что владѣльцы новыхъ титуловъ могли, съ теченіемъ времени, стать слишкомъ самостоятельными и независимыми, среди нихъ могло, пожалуй, даже выработаться сознаніе взаимной солидарности. Но императоръ Наполеонъ чувствовалъ тогда, что самъ быстро идетъ въ гору, и былъ убѣжденъ, что всегда окажется далеко впереди созданныхъ имъ королей, герцоговъ и князей. Впослѣдствіи, оказавшись плѣнникомъ на островѣ Св. Елены и съ горечью вспоминая о неблагодарности облагодѣтельствованныхъ имъ маршаловъ, онъ признавалъ созданіе новой аристократіи до чрезвычайности неудачнымъ шагомъ, сдѣланнымъ, дабы примирить Францію съ остальною Европою. Онъ какъ нельзя лучше уяснилъ себѣ впослѣдствіи, что орденъ Почетнаго легіона былъ и останется навсегда дорогимъ французскому сердцу, тогда какъ императорское французское дворянство съ самаго начала не пользовалось народными симпатіями, а потому учрежденіе его являлось само по себѣ шагомъ, нуждающимся въ оправданіи. Дѣйствительно, французскій народъ никогда не относился съ серьезнымъ сочувствіемъ къ новому дворянству и не былъ въ состояніи уяснить себѣ утонченной разницы между феодальной и императорской аристократіей. Уже съ первыхъ шаговъ при созданіи новаго дворянства Наполеонъ ощутилъ необходимость дѣйствовать

по возможности осторожнѣе. Такимъ образомъ окончательное учрежденіе императорскаго дворянства санкціонировано было сенатскимъ указомъ. Настроеніе умовъ французскаго народа представлялось Наполеону до такой степени легкомысленнымъ и неблагонадежнымъ, что этотъ императоръ, дозволявшій себѣ распоряжаться деспотически во всемъ остальномъ, не осмѣлился объявить свою особу такимъ же непосредственнымъ источникомъ почестей, какими являлись законные монархи.

Система новой императорской французской аристократіи должна была произвести на непосвященнаго впечатлѣніе чуда, свершившагося мгновенно, как ъбы по мановенію волшебнаго жезла. На самомъ дѣлѣ герцогскіе лены были организованы уже за годъ передъ тѣмъ. Итальянскіе титулы считались самыми почетными и были сопряжены съ самыми прибыльными надѣлами. Они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Сультъ былъ объявленъ герцогомъ Далматскимъ, Мортье—Тревизскимъ, Савари—герцогомъ Ровиго, Бессьеръ—герцогомъ Истрійскимъ, Дюрокъ—Фріульскимъ, Викторъ—герцогомъ Беллуно, Монсей—Конельянскимъ, Кларкъ—Фельтрскимъ, Массена — Риволійскимъ, Ланнъ—герцогомъ Монтебелло, Мармонъ—Рагузскимъ, Удино—герцогомъ Реджіо, Макдональдъ—Тарентскимъ, Ожеро—Кастильонскимъ, Бернадоттъ—княземъ Понто-Корво. Въ Германіи были организованы тоже три герцогскихъ лена. Даву получилъ герцогство Ауерштедсткое, Ней—Эльхингенское, Лефевръ—Данцигское. Бертье былъ объявленъ княземъ Нефшательскимъ. Это было сдѣлано для маршаловъ, но и гражданскіе сановники получили подобныя же отличія. Камбасересъ былъ назначенъ герцогомъ Пармскимъ, Маре—Бассанскимъ, Лебренъ—Піаченцкимъ, Фуше—Отрантскимъ, Шампиньи—Кадорскимъ. Сенаторы, члены государственнаго совѣта, главныя должностныя лица судебнаго вѣдомства и архіепископы были возведены въ графское достоинство. Этимъ французскимъ имперскимъ графамъ были тоже отведены богатыя ленныя помѣстья изъ казенныхъ земель въ Польшѣ, Германіи и Испаніи. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что военные получили гораздо большіе надѣлы, чѣмъ сановники гражданскаго вѣдомства.

Почти вся наполеоновская великая армія осталась за границею: во Францію вернулась только императорская гвардія, которой было внушено считать себя за нѣчто несравненно высшее, чѣмъ всѣ другія части войскъ. Даже и въ тогдашнія времена воинской роскоши учрежденныя Наполеономъ пенсіи казались чрезвычайно щедрыми. Каждый солдатъ, лишившійся на войнѣ употребленія какого-нибудь члена, получалъ изъ казначейства 500 франковъ въ годъ. Пенсіи оберъо-фицерамъ доходили въ такихъ же случаяхъ до 10.000 франковъ. Своихъ маршаловъ Наполеонъ положительно осыпалъ золотомъ. Бертье получилъ 1.000.000 франковъ, Ней, Даву, Сультъ и Бессьеръ по 600.000, Мортье и Викторъ—400.000, а остальные по 200.000 франковъ. Это была, однако, капля въ морѣ, сравнительно съ тѣмъ, что уплачивалось нѣкоторымъ изъ нихъ впослѣдствіи, благодаря совмѣщенію нѣсколькихъ должностей. Такъ Бертье получалъ одно время ежегодно 1.355.000 франковъ, Даву—

910.000, Ней—728.000, а Массена—683.000 франковъ. Содержаніе министровъ доходило до 200.000 франковъ, а послы получали иногда еще большія суммы. Наиболѣе талантливому изъ нихъ, Коленкуру, присылалось ежегодно въ Петербургъ 800.000 франковъ, чтобы съ честью поддерживать въ сѣверной Пальмирѣ престижъ императорской Франціи. Изъ писемъ Наполеона обнаруживается, между прочимъ, что уму приходилось иногда обращаться къ новоиспеченнымъ своимъ герцогамъ и графамъ съ энергическими увѣщаніями пользоваться дарованными имъ титулами.

Эдуардъ-Адольфъ-Казиміръ-Жозефъ Мартье, герцогъ Тревизскій.

(Съ картины Понсъ-Колю въ Версальскомъ музеѣ).

Революція избрала для себя художественное выраженіе въ строгой правильности классическихъ формъ. Наполеону съ самаго начала его карьеры приходилось подчиняться обаянію древнихъ грековъ и римлянъ. Все это вмѣстѣ сдѣлало искусство первой имперіи чѣмъ-то тяжелымъ, условнымъ и ученическимъ. Въ виду все возраставшей строгости цензуры литературѣ приходилось вдаваться въ разныя отвлеченности, или (что въ сущности сводилось къ тому же самому) въ созерцаніе событій настолько отдаленныхъ, что разсмотрѣніе ихъ не могло возбуждать съ цензурной точки зрѣнія никакихъ опасеній. Нѣкоторые литературные дѣятели взяли на себя неблагодарный трудъ защищать внѣшнія формы и результаты революціи, по сколько они воплощались въ имперіи, и въ то же время категорически доказывать безразсудность принциповъ, изъ которыхъ вытекало революціонное движеніе, создавшее эти результаты. Талантливые писатели, какъ, напримѣръ, Шенье, обнародовавъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, припрятали остальныя до болѣе благопріятнаго времени. Въ религіозномъ вопросѣ Наполеонъ держался того взгляда, что его подданные должны ненавидѣть англичанъ, какъ еретиковъ, и папу, какъ фанатика. „Идіологи и метафизики“ объявлены

были анархистами, потрясающими своими ученіями общественный порядокъ. Газеты не только не смѣли пикнуть слова, небрагопріятнаго для императорской политики, но вынуждены были также измѣнить свои заголовки: такъ „Французскій Гражданинъ“ обратился въ „Французскаго Курьера“, „Журналъ Преній“ (Journal des Débats) въ „Журналъ Имперіи“ (Journal de l'Empire). Столбцы ихъ наполнялись похвалами императору, а передовыя статьи по внѣшней политикѣ изготовлялись непосредственно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Нигдѣ не проявлялось ни малѣйшихъ симптомовъ существованія во Франціи какихъ-либо политическихъ партій. Въ одной газетной замѣткѣ проскользнуло разъ сообщеніе о необычайной роскоши при императорскомъ дворѣ. Злополучной редакціи сдѣлано было поэтому поводу строгое внушеніе съ заявленіемъ, что императоръ не потерпитъ ничего, враждебнаго его интересамъ.

Франсуа-Жозефъ Лефевръ, герцогъ Данцигскій.
(Съ портрета въ коллекціи барона Крейцера).

Вѣнцомъ государственной дѣятельности Наполеона слѣдуетъ, однако, признать окончательное осуществленіе проекта организаціи народнаго образованія, завершенной учрежденіемъ Императорскаго Университета. Подъ именемъ Французскаго Университета, онъ существуетъ до сихъ поръ фактически въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышелъ изъ рукъ своего творца. Подобно системѣ префектуръ, университетъ этотъ представляетъ безукоризненно дѣйствующую машину для общей централизаціи и подведенія всего подъ одинъ уровень. Онъ придаетъ всей массѣ образованныхъ французовъ одинаковый типъ, прививаетъ имъ съ ранней молодости стремленіе подчиняться авторитету и пассивное отношеніе къ пріобрѣтаемымъ научнымъ свѣдѣніямъ. Жозефъ де-Местръ утверждалъ, будто общественный порядокъ основывается одновременно на религіозномъ авторитетѣ и на авторитетѣ свѣтской власти, причемъ че-

ловѣкъ, отрицающій авторитетъ папы, рано или поздно станетъ отрицать также авторитетъ государства. Императору Наполеону удалось блестящимъ образомъ опровергнуть этотъ тезисъ. Вся система народнаго образованія во Франціи не только приняла свѣтскій характеръ, но была въ продолженіи цѣлой четверти столѣтія положительно антирелигіозной. Двадцать пять послѣдовательныхъ поколѣній французскихъ гражданъ (считая каждый выпускъ изъ университета за поколѣніе) вышли изъ этой лабораторіи съ самою ничтожною дозой религіозныхъ вѣрованій. За то они признавали

Николай-Жанъ де-Діе Сультъ, герцогъ Далматскій.

верховныя права государства и принципы государственнаго соціализма (въ умѣренной формѣ таковыхъ) несравненно охотнѣе, чѣмъ люди съ подобнымъ же образованіемъ, но не получившіе такой своеобразной интеллектуальной подготовки.

Императорскій университетъ является на самомъ дѣлѣ во Франціи всей совокупностью народнаго образованія, организованнаго въ общую строгопослѣдовательную систему, подчиненную самому дѣйствительному верховному контролю. Характерныя черты, намѣченныя въ законѣ 1802 года, о которомъ было уже упомянуто, и дополненныя въ 1806 году, были тщательно проведены въ жизнь. Какъ теоретическую ихъ сторону, такъ и методъ ихъ

выполненія мы здѣсь больше обсуждать не станемъ. Укажемъ лишь на тотъ многозначительный фактъ, что окончательная организація университета была установлена 17 марта 1808 года не законодательнымъ статутомъ, а императорскимъ декретомъ. Университету ассигнованъ былъ капиталъ въ 400.000.000 франковъ и особый бюджетъ, „дабы дѣло народнаго образованія не могло пострадать отъ какой-нибудь временной неурядицы въ имперскихъ финансахъ". Для того, чтобы духъ университета не поддавался преходящимъ вліяніямъ модныхъ философскихъ вѣяній, университетъ былъ хотя поставленъ въ зависимость отъ министерства, но все-таки отдѣленъ отъ него. У него имѣлись особые: гроссмейстеръ, канцлеръ и казначей. Верховный университетскій совѣтъ состоялъ изъ тридцати членовъ, изъ которыхъ десять пожизненныхъ назначались императоромъ, остальные же двадцать ежегодно назначались гроссмейстеромъ. Этотъ верховный совѣтъ устанавливалъ дисциплинарные порядки, тщательно просматривалъ учебники и назначалъ преподавателей во всѣ учебныя заведенія, за исключеніемъ главнѣйшихъ духовныхъ семинарій и нѣкоторыхъ техническихъ школъ. Первоначально требовалось, чтобы воспитатели, помощники ихъ и учителя среднихъ учебныхъ заведеній или такъ называемыхъ лицеевъ, были холостяками. Профессорамъ разрѣшалось вступать въ бракъ, но въ такомъ случаѣ они не могли пользоваться казенными квартирами въ зданіи учебнаго заведенія, фактически обращеннаго въ военную казарму. Именно эти среднія учебныя заведенія и являлись самою существенною частью Императорскаго Университета. Французская молодежь черпала изъ нихъ либеральное образованіе, по сколько оно признавалось для нея умѣстнымъ. При Наполеонѣ I оно заключалось по преимуществу въ математическихъ наукахъ съ легкой примѣсью латинскаго классицизма. Теперь программа его значительно увеличилась и расширилась. Даже питомцы элементарныхъ школъ находились въ тѣсной зависимости отъ щедротъ императора. Переходя въ лицей, молодежь оказывалась тамъ подъ непосредственнымъ его покровительствомъ. Дешевизна платы, взимавшейся за обученіе, совмѣстно съ полувоенной формой и школьной дисциплиной, запечатлѣвали на каждомъ шагу въ головахъ у питомцевъ и ихъ семей мысль объ имперіи, присущей всюду. Они поступали въ заведенія, выдержавъ правительственный экзаменъ; всѣ ихъ письма проходили чрезъ руки директора. Всѣ воспитанники находились подъ контролемъ тройной системы шпіонства, во главѣ которой стоялъ директоръ. Въ каждомъ лицеѣ имѣлось полтораста казенныхъ стипендій. Воспитанниковъ сажали за проступки подъ арестъ совершенно также, какъ это дѣлалось съ солдатами. Молодые лицеисты, заранѣе уже усвоивая себѣ военныя привычки, могли съ увѣренностью разсчитывать, что попадутъ на военную службу, такъ какъ двѣсти пятьдесятъ лучшихъ учениковъ ежегодно переводились въ военное училище, гдѣ они содержались и обучались уже на счетъ самого императора и гдѣ вся ихъ дальнѣйшая карьера состояла въ непосредственной зависимости отъ его покровительства;

другіе, менѣе выдававшіеся по своимъ способностямъ, опредѣлялись на государственную службу чиновниками, причемъ ихъ карьера зависѣла отъ благорасположенія императора. Всѣмъ вообще лицеистамъ ежечасно напоминало о величіи Наполеона присутствіе двухъ тысячъ четырехъ сотъ иностранцевъ изъ вассальныхъ владѣній его имперіи. Эти иностранцы, распредѣленные по разнымъ ли-

Маршалъ Жанъ-Ланнъ, герцогъ Монтебелло.
(Съ картины Ж. Б. Герена въ Версальскомъ музеѣ).

цеямъ, переработывались тамъ на счетъ императора въ французовъ и послушныхъ его подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они служили также заложниками и поручителями за добропорядочное поведеніе своихъ родителей.

Столь могущественная машина, безъ сомнѣнія, не могла работать безъ того, чтобы результаты ея трудовъ приняли осязательную форму. Несмотря на сравнительно краткое существованіе

имперіи, результаты эти оказались колоссальными и сильно измѣнили характерныя черты французскаго общества. Молодежь, воспитанная священниками или гувернерами, оказалась не въ состояніи тягаться съ своими сверстниками, на долю которыхъ выпало счастье воспитываться въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не будучи пророкомъ, можно было уже сразу предсказать, что частныя учебныя заведенія и духовныя семинаріи мало по малу изчезнутъ или сольются съ лицеями, послѣдовательно открывавшимися всюду, гдѣ оказывалась въ нихъ подобность. Воспитаніе тамъ обходилось и обходится еще и въ настоящее время очень дешево. Бережливые отцы семействъ придаютъ этому факту надлежащую цѣнность. Само собою разумѣется, что государство дѣлаетъ громадныя затраты на поддержанія лицеевъ, но общественное мнѣніе, предпочитая косвенные налоги прямымъ, относится сочувственно къ этимъ затратамъ, а ловкіе государственные дѣятели пользуются великолѣпной машиной, созданною Наполеономъ, для изготовленія изъ французской молодежи роялистовъ, имперіалистовъ или же республиканцевъ, смотря по тому, какая именно партія стоитъ въ данную минуту у кормила правленія.

Жизнь при Наполеоновскомъ дворѣ.

Позднимъ лѣтомъ и осенью 1807 года французскій императорскій дворъ щеголялъ большей пышностью и великолѣпіемъ, чѣмъ когда-либо. Старинное дворянство являлось теперь къ нему до чрезвычайности усердно, такъ какъ, по заявленію одной изъ статсъ-дамъ императрицы, при дворѣ „бывало уже порядочное общество“. По возвращеніи своемъ изъ Тильзита, Наполеонъ нашелъ, что Жозефина кутила на пропалую въ его отсутствіи, но ему неловко было жаловаться на ея мотовство, такъ какъ, ведя лично, въ большинствѣ случаевъ, очень скромную жизнь, онъ самъ на этотъ разъ поощрялъ свою семью къ крупнымъ затратамъ. Тѣмъ не менѣе ему не могло доставлять удовольствія, когда въ парадную коляску, въ которой онъ ѣхалъ съ своей супругой, падали неоплаченные счета за подписью императрицы. Разъ какъ-то онъ посадилъ даже въ Бисетрскую тюрьму одну безсовѣстную, но превосходную модистку, за то, что она, въ противность его приказаніямъ, снабжала своими произведеніями императрицу и брала за нихъ неслыханно дорого. Особа эта оказалась до такой степени необходимой всѣмъ придворнымъ дѣвицамъ и дамамъ, что онѣ толпились около ея тюремной камеры. При такихъ обстоятельствахъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, пришлось выпустить ее изъ тюрьмы.

Въ Сенъ-Клу, Мальмезонѣ, Тюльери и Фонтенебло незамедлили обнаружиться обычные общественные пороки, вызываемые придворной роскошью, но ихъ подавляли съ надлежащею строгостью, причемъ особенно сурово каралась азартная игра. Напротивъ того, въ самомъ Парижѣ процвѣтало тогда множество игорныхъ домовъ, а также домовъ терпимости, существовавшихъ съ разрѣшенія министра полиціи Фуше и доставлявшихъ тайной полиціи гро-

мадные доходы. Блестящіе парадные мундиры маршаловъ, изящныя и богатыя бальныя платья дамъ и дѣвицъ, расшитые золотомъ ливреи придворныхъ лакеевъ, танцы, домашніе спектакли,

Бракосочетаніе принца Евгенія Богарнэ съ принцессой Фредерикой-Екатериной Вюртембергской 22 августа 1807 г.
(Съ картины Ж. Б. Ренье въ Версальскомъ музеѣ).

концерты и увеселительныя прогулки—всѣ эти элементы должны были бы внести жизнерадостное оживленіе и веселье въ придворную жизнь, но, въ дѣйствительности, имъ этого не удавалось достигнуть.

Съ самимъ императоромъ, являвшимся средоточіемъ этой жизни, творилось что-то неладное. Онъ зачастую впадалъ въ дурное расположеніе духа,—становился угрюмымъ, неразговорчивымъ и раздражительнымъ. Иногда съ нимъ случались даже истерическіе припадки. Чтобы успокоить нервное возбужденіе императора, придворный врачъ прописалъ ему теплыя ванны, на которыя онъ и затрачивалъ по нѣскольку часовъ въ день. Въ образѣ жизни Наполеона обнаруживалась крайняя безпорядочность. Днемъ онъ зачастую впадалъ въ дремоту, или даже засыпалъ, но за то въ полночь зачастую вставалъ и принимался диктовать своимъ секретарямъ съ такою поспѣшностью, что они едва успѣвали за нимъ записывать. Съ старыми своими друзьями онъ обращался грубо и сурово. Даже Вандаммъ, несмотря на дерзкую свою безцеремонность, сознавался, что трепещетъ передъ этимъ «чортомъ». Одному только Ланну дозволялось оставаться на «ты» съ прежнимъ своимъ товарищемъ. Съ своими генералами Наполеонъ держалъ себя холодно, а въ отсутствіи ихъ позволялъ себѣ надъ ними насмѣхаться. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ про Даву: «Битва подъ Ауерштедтомъ покрыла этого маршала слишкомъ большою славой, бремя которой онъ окажется не въ силахъ вынести». О Неѣ Наполеонъ отзывался, какъ о человѣкѣ сварливомъ и склонномъ къ неблагодарности. Бессьеръ, Удино и Викторъ были, по словамъ Наполеона, единственно только посредственностями. Среди всѣхъ этихъ маршаловъ въ блестящихъ мундирахъ, звѣздахъ и лентахъ, самъ Наполеонъ расхаживалъ въ сѣромъ походномъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ съ излюбленной грошовой ея кокардой. Со стороны императора это было ловкимъ разсчетомъ тщеславія. Благодаря простотѣ костюма онъ не только выдѣлялся изъ среды окружавшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени скрадывалась все болѣе возроставшая его тучность. Менѣе бросалось въ глаза, что онъ начинаетъ уже ходить переваливаясь и что всѣ его движенія становятся неловкими и неуклюжими.

Лѣто 1807-го года ознаменовалось великимъ торжествомъ для всей семьи Буонапарте, изъ якобинцевъ обратившейся въ вѣнценосцевъ. Жеромъ Наполеонъ сочетался 22-го августа законнымъ бракомъ съ принцессой Екатериной Виртембергской. Еще въ Тильзитѣ самъ Наполеонъ бесѣдовалъ съ императоромъ Александромъ о брачныхъ союзахъ, приличествующихъ для Бонапартовъ, но этотъ прозрачный намекъ на желаніе породниться съ русскимъ царствующимъ домомъ былъ встрѣченъ довольно холодно. По мнѣнію французскаго императора, женитьба его брата на виртембергской принцессѣ являлась какъ нельзя болѣе блестящей партіей. Рейнскіе государи и другіе вассальные монархи поспѣшили въ Парижъ, гдѣ одинъ изъ нихъ обнаружилъ полнѣйшее отсутствіе предусмотрительности, начавъ демонстративно ухаживать за Жозефиной, въ надеждѣ заручиться такимъ образомъ расположеніемъ ея мужа. Когда августѣйшія особы, у которыхъ законность державныхъ правъ не подлежала никакому сомнѣнію, считали возможнымъ для себя вступать въ брачные союзы съ семьею импера-

тора, даже и самые гордые изъ представителей французской аристократіи не признавали болѣе для себя возможнымъ держаться отъ него поодаль. Наполеона чрезвычайно интересовало и забавляло, какъ они, подчиняясь намекамъ и указаніями Фуше, торопились добиться чести быть представленными съ соблюденіемъ всѣхъ надлежащихъ формальностей новому монарху, владычествующему не только надъ Франціей, но и надъ всей западной Европой.

Они не позволяли себѣ дерзкой насмѣшливости, по отношенію къ императору и его приближеннымъ: имъ была памятна участь, которой подверглась госпожа Сталь за саркастическія ея выходки; имъ было извѣстно также, что послѣдней каплей, переполнившей чашу долготерпѣнія французской полиціи и вызвавшей изгнаніе госпожи де-Шеврезъ, было ехидное замѣчаніе, съ которымъ она позволила себѣ обратиться къ самому Наполеону. Изумленный великолѣпіемъ ея брилльянтовъ, онъ довольно неучтиво освѣдомился у нея на придворномъ балу: «неужели онѣ и въ самомъ дѣлѣ настоящіе?» «А чортъ ихъ знаетъ—отвѣчала герцогиня, — во всякомъ случаѣ, они достаточно хороши для здѣшняго двора". Благодаря присоединенію новаго и на этотъ разъ благорасположеннаго элемента, французскій императорскій дворъ сталъ многочисленнѣе и изящнѣе, но во всякомъ случаѣ не жизнерадостнѣе. Императрица Жозефина держала себя такъ, что можно было заранѣе предвидѣть послѣдующую ея участь. Рѣшительно на всемъ, не исключая придворныхъ баловъ, лежалъ отпечатокъ какой-то неуклюжей принужденности. Смертельная скука, которою вѣяло отъ придворныхъ дамъ, являлась въ глазахъ Наполеона непростительнымъ грѣхомъ, отвѣтственность за который всецѣло падала на императрицу. Правда, что когда Наполеонъ совѣтовался на счетъ этого прискорбнаго обстоятельства съ Талейраномъ, князь Беневентскій довольно ловко свалилъ всю вину на него самого. Къ тому времени Талейранъ отказался отъ своего министерскаго поста и отношенія между нимъ и Наполеономъ были довольно натянутыми. Тѣмъ

Фредерика-Екатерина Виртембергская, королева Вестфальская.

не менѣе императоръ позволялъ ему высказываться безъ всякихъ стѣсненій и не пытался его обрывать. «Если при дворѣ такая смертельная скука,—объявилъ Талейранъ,—то единственно лишь потому, что удовольствія не могутъ идти подъ барабанный бой. Къ тому же у васъ самихъ всегда такой видъ, какъ если бы вы предполагали, что командуете войсками. Каждый ежеминутно ожидаетъ услышать приказаніе: «Милостивѣйшіе государи и государыни! впередъ, маршъ!»

Безпрерывныя безчисленныя интриги князя Беневентскаго, его продажность, себялюбіе, циническая безсовѣстность и самомнѣніе подъ конецъ подорвали его авторитетъ у Наполеона, Сохранивъ все еще большое вліяніе на императора, самъ Талейранъ какъ нельзя лучше понималъ, что утрачиваетъ прежнее могущество. До тѣхъ поръ онъ считалъ себя необходимымъ факторомъ въ управленіи имперіей, а теперь долженъ былъ убѣдиться, что подобной необходимости въ немъ болѣе не представлялось и что его времена прошли. На самомъ дѣлѣ изворотливый умъ Талейрана отличался отсутствіемъ творческаго элемента и сколько-нибудь опредѣленныхъ руководящихъ принциповъ. Систематическая созидающая политика оказызалась ему не подъ силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о происходившей въ то время соціальной эволюціи. Тогдашняя Европа являлась для Талейрана запечатанной книгой. Во всѣхъ прочихъ отрасляхъ государственнаго управленія дѣла шли какъ нельзя лучше, благодаря тому, что самъ Наполеонъ могъ провѣрять работу должностныхъ лицъ и имѣть за нею высшее наблюденіе, но въ дипломатіи онъ былъ самъ полнѣйшимъ профаномъ и дѣлалъ страшные промахи. Обстоятельство это наносило серьезный ущербъ его интересамъ. Талейранъ, если бы онъ даже и не былъ продажной душонкой, все-таки не могъ бы служить сколько-нибудь хорошимъ совѣтникомъ своему императору. Онъ былъ выдающимся, типичнымъ аристократомъ старой французской школы,—изящнымъ, ловкимъ и остроумнымъ собесѣдникомъ,—образцовымъ придворнымъ, умѣвшимъ превосходно соразмѣрять слова, жесты и движенія, но совершенно не способнымъ задаваться сколько-нибудь широкими, грандіозными воззрѣніями. Въ мелочахъ онъ отличался необыкновенною ловкостью, но въ то же время не обладалъ достаточной силой характера, чтобы переупрямить своего монарха или же руководить незамѣтнымъ образомъ его волею. Этому мѣшали характерныя особенности ума у Талейрана, а именно, отсутствіе у него творческой способности, стойкости и честности. Ни одинъ договоръ, заключенный Талейраномъ, не оказался прочнымъ. Ему было извѣстно, что даже въ Тильзитскомъ мирѣ процессъ разрушенія начался еще до подписанія мирныхъ договоровъ. Европейское равновѣсіе было нарушено тильзитскимъ соглашеніемъ не окончательно, какъ это предполагалось, а единственно лишь временно. Попытка Наполеона поставить Пруссію въ изолированное положеніе разрушила прежній антагонизмъ, который питали къ ней прочія гер-

манскія державы и положило такимъ образомъ начало сліянію, долженствовавшему возсоздать германскую національность и отомстить Франціи за Іену и Ауерштедтъ. Можно простить многое искателю приключеній, переживающему революціонныя бури, но въ Талейранѣ мы видимъ человѣка, который умѣлъ всегда приспособливать свои паруса къ каждому вѣтру, счастливо уходилъ отъ всѣхъ бурь и наживалъ себѣ барыши во всѣхъ портахъ. Онъ служилъ въ качествѣ высокопоставленнаго довѣреннаго: лица республикѣ, консульству, имперіи и возстановленному королевству. Обладая большимъ запасомъ практической мудрости, онъ на всякій случай давно уже подготовлялся къ тому, чтобы удалиться отъ дѣлъ, и скопилъ себѣ громадное состояніе, употребляя для этого средства, вызывавшія скандалъ даже въ императорской Франціи. При переходѣ отъ консульства къ имперіи, Талейранъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что Наполеонъ не захотѣлъ сдѣлать своихъ министровъ самыми высшими должностными лицами и архисановниками. Княжескій титулъ съ 200.000 франковъ въ годъ казался Талейрану вовсе не утѣшительнымъ, когда такіе люди, какъ Лебренъ и Камбасересъ имѣли передъ нимъ преимущество въ качествѣ архиказначея и архиканцлера, и когда они получали ежегодное содержаніе въ 350.000 франковъ. Это послѣднее обстоятельство представлялось особенно обиднымъ практическому уму князя Беневентскаго. Еще болѣе обидѣлся онъ, однако, когда при отъѣздѣ коннетабля Луи-Бонапарта изъ Парижа въ Гагу, дабы сдѣлаться тамъ Луи-Наполеономъ, королемъ голландскимъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, французскимъ коннетаблемъ, замѣстителемъ его былъ назначенъ возведенный въ вице-коннетабли князь Нефшательскій, Бертье. Это доставило Талейрану благовидный предлогъ отказаться по собственному почину отъ министерскаго поста. Онъ просилъ о пожалованіи ему высокаго сана, подобнаго тому, какъ это было сдѣлано для Бертье. Императоръ, изъ вѣжливости, замѣтилъ, что князь Беневентскій будетъ чувствовать себя несчастнымъ, очутившись не у кормила правленія, такъ какъ ему нельзя уже будетъ тогда оставаться въ кабинетѣ; министръ какъ нельзя лучше понималъ, какую именно роль ему надлежитъ играть въ этомъ маленькомъ домашнемъ спектаклѣ, а потому продолжалъ настаивать на выполненіи своего желанія. Ввиду этого его возвели 9-го августа въ санъ замѣстителя Великаго избирателя. Вмѣсто него назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ превосходный и трудолюбивый чиновникъ Шампаньи. Удаленіе Талейран не оказало ни малѣйшаго вліянія на иностранную политику императора Наполеона. Дѣйствительно, завсегдатаи императорскаго двора въ Фонтенебло утверждали, будто князь Беневентскій каждый вечеръ пробирался, прихрамывая, въ собственную канцелярію Наполеона. Тѣмъ не менѣе Талейранъ пользовался такою извѣстностью при всѣхъ европейскихъ дворахъ и съумѣлъ внушить обширному кругу своихъ знакомыхъ такое довѣріе къ своей дальновидности, что суевѣрные люди сочли выходъ его изъ министерства вѣрнымъ предвѣстникомъ бѣдственнаго переворота въ счастливой до тѣхъ поръ карьерѣ Наполеона.

Война на сушѣ и на морѣ.

Энергія, обнаруженная англійскимъ министерствомъ при насильственномъ захватѣ датскаго флота, была для Наполеона неожиданнымъ сюрпризомъ. Можно было съ увѣренностью предвидѣть, что послѣ такого смѣлаго поступка посредничество Россіи въ пользу заключенія мира окажется неудачнымъ. Предположенія эти дѣйствительно оправдались. По заключеніи тильзитскаго мира дипломатическія интриги въ Петербургѣ носили въ высшей степени сложный характеръ: императоръ Александръ кокетничалъ съ англійскими дипломатическими агентами и скрывалъ свои планы отъ собственныхъ подданныхъ, державшихся консервативныхъ воззрѣній. Онъ тщательно умалчивалъ о подробностяхъ свиданія своего съ Наполеономъ. Разсказы о томъ, будто нѣкоторыя лица изъ императорской свиты неосторожно проговорились и дали такимъ образомъ британскимъ дипломатамъ возможность предугадать остальное, оказываются лишенными основанія. Британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Каннингъ, былъ самъ по себѣ человѣкомъ очень догадливымъ. Убѣжденіе въ томъ, что между Наполеономъ и Александромъ состоялось въ Тильзитѣ соглашеніе, враждебное Англіи, въ достаточной степени объясняетъ бомбардированіе Копенгагена, отвѣтственность за которое падаетъ такимъ образомъ всецѣло на англійскаго статсъ-секретаря. Тѣмъ не менѣе, передъ этимъ событіемъ русскій государь такъ благосклонно относился къ англійскому посольству, что оно было вполнѣ увѣреннымъ въ прочности союза Англіи съ Россіей. Въ то же самое время Александръ I объявилъ французскому генеральному консулу Лессепсу, что свиданіе съ Наполеономъ доставило ему величайшее удовольствіе и что если Англія не пожелаетъ уступить добровольно, то обѣ союзныя имперіи принудятъ ее къ тому.

На формальное вступительное заявленіе Россіи объ умѣстности для Англіи заключить миръ съ Франціей Каннингъ отвѣтилъ требованіемъ сообщить ему секретныя статьи Тильзитскаго договора и отправленіемъ британскаго флота въ Балтійское море. Успѣхъ дерзкаго покушенія на Копенгагенъ встревожилъ русскаго государя. Подобно своему союзнику, онъ разсчитывалъ выиграть время. Быстрота, съ какою усвоили себѣ англичане презрительное отношеніе Наполеона къ правамъ нейтральныхъ державъ, чрезвычайно огорчила петербургскій кабинетъ. Можно было ожидать, что британскій флотъ попытается подобнымъ же образомъ разрушить Кронштадтъ или, быть можетъ, даже бомбардировать Петербургъ. На самомъ дѣлѣ, однако, вмѣсто дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій прибыло новое чрезвычайное посольство. Лондонскій кабинетъ просилъ императора Александра принять на себя посредничество въ дѣлѣ примиренія его съ Даніей, причемъ предлагалъ этой державѣ всякое вознагражденіе, какое только она пожелаетъ, за исключеніемъ возвращенія датскаго флота. Владычествуя на Балтійскомъ морѣ, Великобританія считала возможнымъ выказать съ своей стороны въ нѣкоторомъ родѣ великодушіе.

Усложнившееся такимъ образомъ политическое положеніе вызвало въ русскихъ правительственныхъ сферахъ чрезвычайное смущеніе. Предшествовавшая дружба съ Англіей не принесла Россіи ни малѣйшей выгоды, да къ тому же Англія требовала теперь отъ русскаго государя новыхъ, совершенно немыслимыхъ, доказательствъ дружескаго къ ней расположенія. Онъ, разумѣется, не могъ сообщить англійскому правительству секретныхъ статей Тильзитскаго договора и не могъ взять на себя посредничества между Великобританіей и державой, примкнувшей уже къ континентальной системѣ, къ которой обѣщалъ присоединиться и самъ. Съ другой стороны французскій посолъ Савари и генеральный консулъ Лессепсъ ежедневно напоминали императору Александру про обязательства, принятыя имъ относительно Наполеона. Это было въ сущности совершенно излишнимъ, такъ какъ означенныя обязательства соединялись для русскаго государя съ выполненіемъ завѣтнѣйшихъ честолюбивыхъ его замысловъ, а именно, съ присоединеніемъ Финляндіи на западѣ и придунайскихъ княжествъ: Валахіи и Молдавіи, на югѣ. Съ другой стороны, однако, благосостояніе богатыхъ русскихъ помѣщиковъ требовало свободнаго вывоза зерновыхъ хлѣбовъ и лѣсныхъ матеріаловъ на тѣхъ самыхъ англійскихъ судахъ, которыя снабжали ихъ многими колоніальными товарами и фабричными издѣліями, не изготовлявшимися тогда въ Россіи. Мысль о континентальной блокадѣ приводила этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ ужасъ. Многіе изъ ихъ представителей въ арміи прямо заявляли, что войска не станутъ проливать свою кровь ради поддержанія континентальной системы, долженствующей подорвать благосостояніе русскаго народа.

Такое напряженное положеніе не могло быть продолжительнымъ. Англичане провезли въ Россію и тайно распространяли тамъ брошюру, въ которой утверждалось, будто Тильзитскій миръ разорвалъ узы, соединявшія русскаго государя съ его народомъ и войсками. Савари, служившій одно время въ тайной полиціи, тряхнулъ на этотъ разъ стариною и, обнаруживъ происхожденіе этой подпольной брошюры, искусно доложилъ о ней императору Александру. Русскій государь былъ до чрезвычайности раздраженъ этимъ „памфлетомъ“ и высказалъ сожалѣніе объ отсутствіи у него въ Россіи способныхъ людей, которые могли бы помочь своему монарху въ благоразумномъ управленіи внѣшней политикой и проведеніи необходимыхъ внутреннихъ реформъ, какъ, напримѣръ, освобожденія крестьянъ. Необходимо замѣтить, что образъ дѣйствій Наполеона долженъ былъ естественнымъ образомъ вызывать тоже кое-какія недоразумѣнія. Вмѣсто того, чтобы очистить Пруссію, французскія войска не только расположились тамъ во всѣхъ приморскихъ городахъ, но продолжали угрожать русской границѣ совершенно такъ, какъ еслибъ считали Россію непріязненною страною. Наполеонъ признавалъ фактически несостоявшимся соглашеніе съ Калькрейтомъ относительно постепеннаго удаленія французской арміи изъ прусскихъ предѣловъ, такъ какъ пруссаки не могли добыть 150 милліоновъ франковъ, причитавшихся Фран-

ціи въ вознагражденіе за непосредственныя ея военныя издержки. Къ этому присоединялось также и то обстоятельство, что въ вопросѣ о раздѣлѣ Турціи не дѣлалось никакого дальнѣйшаго шага. Французы захватили Корфу и укрѣпились на этомъ островѣ. Въ перемиріи, заключенномъ при посредничествѣ Франціи между Россіей и Турціей, не было упомянуто ни единымъ словомъ о придунайскихъ княжествахъ. Русскія войска по прежнему занимали Валахію, но было очевидно, что русское вліяніе въ Константинополѣ значительно уже уступаетъ французскому, которое легко могло возрости до такой степени, что пріобрѣло бы возможность совершенно разрушить виды русской политики.

Таковы были тревожныя усложненія, вызвавшія въ концѣ концовъ разрывъ между Россіей и Англіей. 26 октября лордъ Левесонъ-Гоуэръ, англійскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, получилъ отъ графа Румянцева оффиціальную ноту, гдѣ заявлялось, что Россія дважды уже бралась за оружіе въ интересахъ Англіи, но тщетно старалась добиться отъ англичанъ хотя какого-нибудь содѣйствія, долженствовавшаго принести пользу прежде всего самой Великобританіи. Россія не требовала даже присылки ей подкрѣпленій, а только просила произвести диверсію и была до чрезвычайности опечалена, узнавъ, что ея союзница, вмѣсто того, чтобы оказать посильную поддержку обшему дѣлу, ограничилась ролью хладнокровной зрительницы кровопролитныхъ сценъ войны, возбужденной по ея настоянію, а въ то же самое время отправила экспедиціонные отряды для овладѣнія Египтомъ и нападенія на Буэносъ-Айресъ. Несмотря на все это, русскій Государь предлагалъ свое посредничество Англіи для примиренія ея съ Франціей. Великобританія отвѣтила на это неслыханнымъ насиліемъ и ограбленіемъ почтенной старинной монархіи. Развѣ могъ русскій Государь выступить въ роли защитника Англіи и оправдывать такой поступокъ? Подобное предположеніе являлось уже само по себѣ для него оскорбительнымъ. Указавъ вышеизложенные поводы къ недовольству, имѣвшіеся у Россіи, и объявивъ о рѣшимости этой державы держаться принциповъ вооруженнаго нейтралитета, графъ Румянцевъ сообщалъ о разрывѣ всѣхъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей до тѣхъ поръ, пока не будетъ доставлено съ ея стороны полнаго вознагражденія Даніи.

7 ноября Россія формально объявила Англіи войну. Англія отвѣтила на это королевскими указами отъ 18 и 26 того же мѣсяца, которыми всѣ континентальные порты, закрытые для ея флага, объявлялись въ блокадѣ. Всѣмъ нейтральнымъ державамъ было сообщено, что Великобританія рѣшилась пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ правомъ обыска. Нейтральнымъ судамъ предписывалось заходить въ британскіе порты прежде, чѣмъ слѣдовать къ мѣсту своего назначенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обязывались уплачивать пошлину съ своихъ товаровъ, не проданныхъ въ англійскихъ портахъ. Исключеніе было сдѣлано лишь для Соединенныхъ Штатовъ, которымъ всемилостивѣйше разрѣшались непосредственныя торговыя сношенія съ Швеціей, но лишь съ

одною только Швеціей. Такимъ образомъ нейтральнымъ державамъ предоставлялось на выборъ: или торговать подъ своимъ флагомъ англійскими товарами, или же окончательно отказаться отъ морской торговли.

Мѣра эта являлась дерзкимъ нарушеніемъ международнаго права даже въ томъ видѣ, какъ оно тогда понималось. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляла собою грубое оскорбленіе, нанесенное нейтральнымъ державамъ и особенно чувствительное для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Англичане распоряжались на океанѣ съ такою же беззастѣнчивостью, съ какою Наполеонъ хозяйничалъ на материкѣ Европы. При всемъ томъ означенная мѣра являлась могущественнымъ оружіемъ, которое, въ случаѣ успѣшнаго его примѣненія, могло бы окончательно разрушить наполеоновскую континентальную систему. Руководствуясь излюбленнымъ своимъ принципомъ выбивать клинъ клиномъ, французскій императоръ отвѣтилъ на британскіе королевскіе указы грознымъ миланскимъ своимъ декретомъ, отъ 17 декабря 1807 года. Въ немъ заявлялось, что каждый корабль, подчинившійся требованіямъ англійскаго адмиралтейства, или дозволившій себя обыскать, фактически является англійскимъ кораблемъ и будетъ считаться таковымъ. Въ виду этого каждая нація, не желавшая подчиняться дѣйствію берлинскаго и миланскаго декретовъ съ одной стороны и англійскихъ королевскихъ указовъ съ другой, должна была отстаивать свои права силою оружія. Американцамъ приходилось или принять унизительныя условія, поставленныя ей Англіей, или присоединиться къ французской системѣ и вести морскую войну съ Англіей, чтобы завоевать себѣ доступъ на континентальные европейскіе рынки.

Наполеонъ разсчитывалъ, что они выберутъ послѣднее, но оказалось, что онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Америкѣ. Джефферсонъ вторично занималъ тогда постъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ состоялъ вождемъ демократической партіи, ставившей земледѣльческіе интересы несравненно выше торговыхъ. Демократы опасались увеличивать государственный долгъ и не особенно хлопотали о преуспѣяніи торговли восточныхъ штатовъ. Поэтому, чтобы избѣгнуть дилеммы, подготовленной для нихъ Англіей и Франціей, они постановили знаменитое амбарго, воспрещавшее американцамъ всяческую иностранную торговлю. Американскимъ судамъ предписывалось избѣгать морей, ставшихъ подобно сушѣ ареной кровопролитнаго поединка, въ которомъ, по искреннему убѣжденію демократовъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты вовсе не были заинтересованы. Вывозъ изъ Америки въ Англію упалъ послѣ того въ одинъ годъ съ 49 до 9 милліоновъ долларовъ, иными словами, амбарго, причинивъ американской торговлѣ громадные убытки, не могло быть, однако, выполнено съ полною строгостью, такъ какъ судохозяева въ восточныхъ штатахъ соглашались унижаться передъ Англіей, чтобы сохранить за собою возможность наживать барыши на заокеанскихъ торговыхъ операціяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ фермеры внезапно пробудились къ сознанію того факта, что въ концѣ концовъ они страдаютъ сами въ такой же степени, какъ и купцы, отъ запрещенія американскимъ подданнымъ всякой торговли съ иностранцами. Во время возникшей при такихъ обстоятельствахъ агитаціи, Джефферсонъ закончилъ свою политическую карьеру безъ всякаго блеска. Преемникъ его, Мадисонъ, благоразумно замѣнилъ амбарго постановленіемъ о невмѣшательствѣ, которымъ разрѣшалось торговать со всѣми иностранными государствами, за исключеніемъ Англіи и Франціи. Купцы и судохозяева восточныхъ штатовъ остались, однако, недовольными даже и этой уступкой и не желали сообразоваться съ постановленіемъ президента. Партія федералистовъ стремилась къ усиленію сѣверо-американскаго флота и къ предоставленію Соединеннымъ Штатамъ надлежащаго мѣста въ европейской системѣ. Иными словами, она хотѣла, чтобы американскимъ морякамъ была отмежована законная доля въ торговлѣ заатлантическаго побережья. Такимъ образомъ тянулись дѣла до 1810 года, вызывая общее недовольство и взаимные попреки. Наполеонъ, въ этомъ году, объявилъ, что отказывается отъ политики, воплощенной въ берлинскомъ и миланскомъ его декретахъ. Это было, однако, съ его стороны только хитрой уловкой, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ продолжалъ слѣдовать означенной политикѣ. При всемъ томъ, личина дружескаго расположенія Франціи къ Соединеннымъ Штатамъ еще болѣе обострила и безъ того ужъ натянутыя ихъ отношенія къ Англіи и побудила сѣверо-американскую республику подъ конецъ объявить вторичную войну за независимость.

Какъ только русскій государь сдѣлалъ рѣшительный шагъ и окончательно объявилъ Англіи войну, политика Наполеона начала немедленно же развертываться и выясняться. Пруссіи тотчасъ же пришлось послѣдовать примѣру своего покровителя и, еще до открытія слѣдующей навигаціи, всѣ ея порты были укрѣплены и закрыты для англійскихъ судовъ. Движеніе, которое привело къ національному возрожденію Пруссію, немедленно же началось, не взирая на французскую оккупацію. Въ Кенигсбергѣ образовался союзъ Добродѣтели (Tugendbund), служившій для народныхъ массъ какъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ нравственности и патріотизма; перья Фихте, Шлейермахера и другихъ великихъ писателей продолжали будить въ народѣ благородное самосознаніе и чувство собственнаго достоинства. Штейнъ, согласившійся вступить въ министерство съ тѣмъ, чтобы королевскій тайный совѣтъ былъ упраздненъ, прежде всего освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По его настоянію произведены были также многія другія полезныя реформы, между прочимъ, отмѣнено прежнее сословное различіе въ правахъ землевладѣнія, вслѣдствіе чего облегчился переходъ земельныхъ участковъ изъ однихъ рукъ въ другія. Городамъ даровано было самоуправленіе. Народныя школы были подъ руководствомъ Вильгельма Гумбольдта совершенно преобразованы и вмѣстѣ съ тѣмъ открылся въ Берлинѣ университетъ, который послужилъ колыбелью для обновленнаго національнаго духа.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ преобразованій монархія Фридриха Великаго фактически перестала существовать. Авторитетъ прусскихъ юнкеровъ, являвшихся главнымъ столпомъ этой монархіи и необдуманно рѣшившихся воевать съ Франціей, временно затмился въ общемъ расцвѣтѣ національной энергіи. Просвѣщенный либерализмъ Пруссіи далъ толчокъ подобному же движенію во всей остальной Германіи. Что касается до арміи, то Гнейзенау и Шарнгорстъ безотлагательно принялись съ величайшимъ усердіемъ за ея организацію, причемъ Шарнгорстъ выказалъ себя геніальнымъ реформаторомъ. Дѣло дошло до того, что Наполеонъ былъ поставленъ въ необходимость раскрыть свои карты. Онъ запретилъ своей жертвѣ содержать болѣе чѣмъ сорока двухъ тысячную армію, и объявилъ въ Парижѣ, въ присутствіи брата Фридриха-Вильгельма, что оккупація прусскихъ крѣпостей перешла изъ узкой области частной въ широкую сферу общей политики. Безъ сомнѣнія, онъ давалъ понять этими словами, что, занимая прусскія крѣпости своими войсками, парализуетъ не только Пруссію, но вмѣстѣ съ тѣмъ Россію и Австрію. Ограниченіе численности наличныхъ вооруженныхъ силъ полоненной Пруссіи удалось обойти сокращеніемъ срока службы, причемъ мѣсто обученныхъ солдатъ немедленно заступали подъ знаменами новобранцы, такъ что въ окончательномъ результатѣ получался громадный запасъ людей, до нѣкоторой степени подготовленныхъ къ военному дѣлу. Тѣмъ не менѣе французская оккупація Пруссіи пріобрѣла, повидимому, характеръ постоянной мѣры.

Военная реорганизація Австріи оказывалась уже фактически законченною. Меттернихъ, въ письмѣ отъ 26-го іюля 1807 года, къ первому министру графу Стадіону, заявлялъ, что Тильзитскій миръ несетъ въ себѣ много зародышей собственнаго своего разрушенія, а потому мудрая администрація графа приведетъ съ теченіемъ времени Австрію къ такому моменту, когда 300.000 штыковъ и сабель, повинующихся одной волѣ и направленныхъ къ одной цѣли, дадутъ ей возможность играть первую роль въ Европѣ. «Это будетъ моментъ всеобщей анархіи, долженствующій ступить въ одну изъ эпохъ, которыя всегда слѣдуютъ за великими насильственными захватами и стираютъ съ лица земли слѣды завоевателей. Никто не въ состояніи предсказать, когда именно наступитъ такая эпоха, но ее можетъ отстрочить единственно лишь жизнь отдѣльной личности. Какъ бы геніальна не была эта личность, она не въ силахъ достигнуть болѣе крупныхъ результатовъ, особенно же принимая во вниманіе, что означенная личность не сдѣлала до сихъ поръ еще и перваго шага въ предотвращеніе естественнаго хода событій». Намекъ на бездѣтность Наполеона и на то, что его имперія держалась только имъ самимъ и должна была рушиться съ его смертью, достаточно ясенъ. Французскій императоръ и самъ какъ нельзя лучше понималъ неизбѣжное вліяніе такихъ соображеній на общее теченіе дѣлъ, а потому обращался съ императоромъ Францемъ нѣсколько мягче, чѣмъ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. При всемъ томъ,

поступки его были до чрезвычайности обидны для государственнаго достоинства Австріи. По договору въ Фонтенебло, заключенному 10 октября 1807 года, границы Итальян-скаго королевства были опредѣлены такимъ образомъ, что австрійскія владѣнія были урѣзаны «до самаго мяса», по словамъ самихъ австрійскихъ уполномоченныхъ. Довольно было одного намека со стороны Наполеона, чтобы австрійскій посолъ въ Лондонѣ посовѣтовалъ англичанамъ, въ интересахъ общаго мира, возвратить датскій флотъ и войти въ соглашеніе съ Франціей. Великобританія, разумѣется, отказалась выполнить этотъ совѣтъ, послѣ чего посолъ императора Франца, графъ Штарембергъ, немедленно удалился изъ Лондона. Онъ позаботился, впрочемъ, о томъ, чтобы разсѣять всѣ сомнѣнія, какія могли бы имѣться у Сентъ-Джемскаго кабинета, относительно причинъ, побудившихъ Австрію сдѣлать такой шагъ и далъ понять англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ, что хотя императоръ Францъ не рѣшается выступить противъ франко-русскаго союза, но въ глубинѣ сердца все-таки питаетъ симпатію къ Англіи. Какъ бы ни было, по наружности Австрія также раболѣпно, какъ и Пруссія, подчинилась давленію коалиціи между Франціей и Россіей.

Почти тотчасъ же послѣ своего разрыва съ Англіей русское правительство съ прискорбіемъ убѣдилось, что худшія его опасенія осуществились: Наполеонъ открылъ Россіи въ Тильзитѣ соблазнительную перспективу территоріальныхъ пріобрѣтеній. Отрава эта дѣйствовала медленно, но вѣрно. Сознавая опасность, которой подвергался, русскій государь пожертвовалъ всѣми иными политическими соображеніями и даже матеріальными выгодами своего народа, чтобы доказать искреннее намѣреніе соблюдать заключенные въ Тильзитѣ договоры. Объявленіе Англіи войны являлось съ его стороны какъ бы уплатой задатка. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ того, а именно 7-го ноября, отправленный въ Францію посолъ потребовалъ взамѣнъ этой уплаты формальнаго присоединенія къ Россіи обоихъ придунайскихъ княжествъ: Молдавіи и Валахіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ категорически выяснилъ Наполеону потребности своего собственнаго политическаго положенія. Тотчасъ же послѣ Тильзитскаго свиданья, французскій генералъ Гильемино былъ посланъ на дунайскій театръ войны въ качествѣ посредника между Россіей и Турціей. При его содѣйствіи было заключено въ Слободзеѣ перемиріе, со включеніемъ двухъ или трехъ пунктовъ, обѣщавшихъ, что Россія возвратитъ Турціи нѣкоторыя захваченныя ею суда и военные припасы. Русскому государю не понравились эти пункты. Онъ отказался утвердить договоръ о перемиріи и оставилъ свои войска въ Валахіи. Такой образъ дѣйствій со стороны Россіи долженъ былъ служить совершенно опредѣленнымъ указаніемъ на твердую ея рѣшимость побудить Наполеона къ точному формулированію обѣщаній, остававшихся до тѣхъ поръ неопредѣленными, и къ обезпеченію ихъ выполненія.

Французскій императоръ получалъ черезъ Савари обстоятель-

ныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ, и зналъ, что заключенный въ Тильзитѣ союзъ не пользуется симпатіями русскаго народа, а потому зависитъ единственно лишь отъ личнаго доброжелательства императора Александра. Онъ былъ бы очень радъ отдѣлаться отъ Россіи какимъ-нибудь легкимъ исправленіемъ турецкой ея границы и надавать ей, взамѣнъ болѣе серьезнаго вознагражденія, цѣлую массу новыхъ неопредѣленныхъ обѣщаній, но не посмѣлъ на это рѣшиться. При такихъ обстоятельствахъ онъ нашелъ всего умѣстнѣе сослаться на необходимость равномѣрнаго расширенія Восточной и Западной имперіи, разумѣется, не на Западѣ, принадлежавшемъ ему по праву, но въ спорныхъ земляхъ, пріобрѣтеніемъ которыхъ Россія разсчитывала упрочить себѣ вліятельное положеніе въ Европѣ. Желаніе Наполеона отсрочить раздѣлъ Турціи еще болѣе усилилось, когда онъ убѣдился, что султанъ Мустафа, низвергнувшій расположеннаго къ Франціи Селима, обнаруживалъ теперь въ свою очередь стремленіе подружиться съ французской имперіей и выполнять ея требованія. Мысль о пріобрѣтеніи Египта явилось снова у Наполеона, но обстоятельства въ данную минуту этому не благопріятствовали. Слѣдовало еще повременить ея осуществленіемъ.

Ко всему этому присоединялись соображенія, подсказывавшіяся Наполеону потребностями самосохраненія. Въ послѣднія двѣ кампаніи ему удалось одержать верхъ сперва надъ соединенными силами Австріи и Россіи, а затѣмъ надъ прусско-русскимъ союзомъ. Въ каждой изъ нихъ, однако, имѣлись моменты, когда коалиція всѣхъ трехъ державъ, безъ сомнѣнія, разгромила бы его великую армію. Вслѣдствіе этого онъ какъ нельзя болѣе охотно объявилъ бы въ Тильзитѣ, что Бранденбургскій домъ пересталъ царствовать, такъ какъ это устранило бы на будущія времена возможность направленнаго противъ него австро-прусско-русскаго союза. Въ угоду императору Александру мысль эта была временно оставлена. Обезпечившись союзомъ съ Россіей, Наполеонъ вернулся къ ней или сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, видъ, будто вернулся. Онъ находилъ, что Пруссія слишкомъ быстро уже собирается съ силами и что ожесточенная ея вражда является для Франціи все болѣе грозною. Ссылаясь на невозможность для Прусскаго королевства выплатить обѣщанную военную контрибуцію, Наполеонъ считалъ себя въ правѣ поступить съ нею, какъ съ обанкротившеюся державой, и объявилъ, что Россія можетъ присоединить къ себѣ придунайскія княжества, если Франціи будетъ разрѣшено отдать Силезію Варшавскому герцогству. Въ депешѣ своей къ Савари Наполеонъ писалъ: „Пруссія будетъ обладать тогда всего лишь 2.000.000 населеніемъ, но вѣдь это окажется вполнѣ достаточнымъ для обезпеченія всѣхъ нуждъ королевской фамиліи, къ тому же въ интересахъ самого прусскаго королевства какъ нельзя болѣе желательно тотчасъ же и безропотно обратиться въ второстепенную державу, такъ какъ всѣ старанія вернуть утраченное политическое положеніе усиливаютъ лишь бѣдственное положеніе прусскихъ подданныхъ, заставляя и правительство и народъ предаваться напрас-

нымъ сожалѣніямъ?“ Въ той же самой нотѣ говорится: „Императору было бы пріятнѣе всего, если бы турки могли благополучно сохранить за собою Молдавію и Валахію; тѣмъ не менѣе онъ готовъ передать эти области русскому государю въ обмѣнъ на упомянутое уже справедливое вознагражденіе со стороны прусскихъ земель. Вообще, хотя самъ императоръ и далекъ отъ того, чтобы желать окончательнаго раздѣла Турціи, но онъ желаетъ, чтобы вы не относились къ проекту такого раздѣла съ категорическимъ отрицаніемъ, а только настаивали на умѣстности повременить. Этотъ давнишній излюбленный проектъ русской политики является узами, способными соединить Россію тѣсною дружбой съ Франціей.

Наполеоновскія грезы о всемірномъ владычествѣ.

Сознавая всѣ трудности, съ которыми были сопряжены тогда переговоры въ С.-Петербургѣ, Наполеонъ отправилъ туда Коленкура, человѣка преданнаго ему лично и вмѣстѣ съ тѣмъ очень ловкаго дипломата. Замѣшанный въ страсбургскую и этгенгеймскую экспедицію, которыя привели къ захвату герцога Энгіенскаго, Коленкуръ совершенно незаслуженно навлекъ на себя также отвѣтственность за юридическое убійство злополучнаго герцога. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпило привязанность его къ Наполеону. Оба они, повидимому, какъ нельзя лучше понимали другъ друга. Императоръ Александръ въ свою очередь отправилъ въ Парижъ посла, являвшагося прямой противоположностью изящному и ловкому Коленкуру. Графъ Толстой былъ прямодушнымъ, безхитростнымъ воиномъ, выбраннымъ въ разсчетѣ на то, что интриги парижскаго общества не въ состояніи будутъ оказать на него ни малѣйшаго вліянія и что онъ будетъ договариваться съ самимъ Наполеономъ, какъ подобаетъ одному старому воину съ другимъ, и такимъ образомъ обезпечитъ Россіи возможно большое вознагражденіе за ея союзъ съ Франціей. Графу Толстому поручено было настаивать на освобожденіи Пруссіи отъ французскихъ войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ помнить, что онъ посланъ для упроченія гармоніи и взаимнаго довѣрія между Россіей и Франціей. На пути въ Парижъ графъ Толстой заѣхалъ въ Мемель засвидѣтельствовать свое почтеніе королю Фридриху-Вильгельму и королевѣ Луизѣ. Принимая во вниманіе высокое ихъ положеніе, онъ нашелъ, что они живутъ въ крайней бѣдности. Даже платья и другія мелочныя потребности личнаго комфорта они получали отъ щедроты русскаго государя. Это произвело глубокое впечатлѣніе на русскаго посла. Несмотря но то, что его приняли въ Парижѣ съ почетомъ, какого никогда не оказывали другимъ посламъ, онъ холодно держался поодаль отъ французскаго императора и придворныхъ. По крайней мѣрѣ, у него съ однимъ изъ высшихъ французскихъ сановниковъ дѣло дошло положительно до ссоры. Ходили даже слухи, будто между нимъ и маршаломъ Неемъ предположена была дуэль. Храбрый французскій маршалъ оскорбился заявленіемъ графа Толстого, что рус-

скія войска лишь случайно потерпѣли пораженіе, а въ дѣйствительности непобѣдимы и когда-нибудь это докажутъ французамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскому послу долго не удавалось обстоятельно переговорить съ Наполеономъ. Самъ посолъ и его свита избѣгали роскоши императорскаго дворца въ Фонтенебло и предпочитали посѣщать гостиную извѣстной актрисы, имя которой зачастую произносилось въ связи съ именемъ императора. При такихъ обстоятельствахъ дипломатическіе переговоры оказывались довольно безплодными. Наполеонъ предлагалъ оба дунайскихъ княжества за Силезію; въ случаѣ несогласія Россіи на эту комбинацію онъ изъявлялъ готовность вывести французскія войска изъ Пруссіи, если русскіе выведутъ свои войска изъ Валахіи. Онъ объявлялъ даже, что Константинополь, при окончательномъ раздѣлѣ Турціи, будетъ отданъ Россіи, но даже и это магическое слово не произвело ожидаемаго дѣйствія на русскаго посла.

Арманъ-Огюстенъ-Луи де-Коленкуръ. герцогъ Виченцскій. (Съ портрета, писаннаго Жераромъ).

Графъ Толстой писалъ въ Петербургъ, что Франція отсрочиваетъ очищеніе Пруссіи изъ эгоистическихъ видовъ, желая совершенно уничтожить Прусское королевство. Отправляясь изъ этой исходной точки, онъ изображалъ самыми мрачными красками ужасы Наполеоновской Европы. Эти донесенія приводили императора Александра въ дурное расположеніе духа. Онъ принялъ Коленкура съ такимъ же почестями, какія были оказаны въ Парижѣ Толстому, но отказался отъ предложенной сдѣлки. Онъ не хотѣлъ соглашаться на дальнѣйшій раздѣлъ Пруссіи частью потому, что считалъ это непристойнымъ съ сантиментальной точки зрѣнія, но главнымъ образомъ оттого, что не желалъ усилить великое герцогство Варшавское, которое представлялось ему ядромъ будущаго польскаго королевства. Что касается до придунайскихъ княжествъ, то онъ, разумѣется, хотѣлъ бы присоеди-

нить ихъ къ своей имперіи. Русское общественное мнѣніе временно подавило враждебное свое настроеніе къ Тильзитскому договору и спокойно выжидало, въ чемъ именно будутъ заключаться фактическіе его результаты. Одно только пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи могло возстановить довѣріе народа къ правительству и доставить союзу съ Франціей сколько-нибудь прочную почву. При такихъ обстоятельствахъ положеніе французскаго посла въ Петербургѣ казалось критическимъ, но Коленкуръ все-таки не отчаявался въ успѣхѣ и дѣятельно принялся хлопотать о сближеніи съ аристократическими кружками русской столицы. Благодаря замѣчательному умѣнью обходиться съ людьми, которымъ обладалъ герцогъ Виченцскій, а также многочисленнымъ соціальнымъ его талантамъ и громадности денежныхъ средствъ, которыми онъ располагалъ, это ему отчасти и удалось.

Въ декабрѣ 1807 года Наполеонъ совершилъ торжественное путешествіе по итальянскому своему королевству. Извѣстіе о критическомъ положеніи переговоровъ съ Россіей было получено имъ въ Венеціи, доставшейся ему по Пресбургскому миру, благодаря побѣдѣ подъ Аустерлицемъ. Онъ прибылъ въ Венецію для совѣщанія съ своимъ братомъ Іосифомъ о весьма важныхъ дѣлахъ, но, несмотря на то, своеобразное очарованіе этого дивнаго города немедленно пробудило въ отзывчивомъ умѣ императора цѣлую массу блестящихъ проектовъ. Быстрое путешествіе по Ломбардіи и кратковременное пребываніе въ Миланѣ, гдѣ онъ разразился громовымъ декретомъ въ отвѣтъ на британскіе королевскіе указы, убѣдили французскаго императора въ прочности его власти надъ этой великолѣпной страной. За время непродолжительнаго своего тамъ пребыванія онъ еще болѣе усилилъ обаяніе своей власти множествомъ щедрыхъ, великодушныхъ и благодѣтельныхъ мѣропріятій. Онъ прибылъ въ Венецію съ сознаніемъ своего могущества,—чувствуя, что вполнѣ располагаетъ, по крайней мѣрѣ, Адріатическимъ моремъ, такъ какъ ему принадлежали теперь оба берега этого моря и островъ Корфу, командующій выходомъ оттуда. Далѣе раскидывался блистательный Востокъ, созрѣвшій уже для завоеванія. Неужели онъ могъ упустить случай воспользоваться такой великолѣпной операціонной базою, когда при этомъ представлялась возможность пріобрѣсти вѣчную благодарность Венеціи, возстановивъ ея древнюю славу, и захватить въ руки игрушку, обладаніе которой давно уже манило его? Ненавистная его соперница, Великобританія, съ презрѣніемъ отвергавшая предложенныя условія мира, разсчитывала на преобладаніе свое на западныхъ моряхъ и не обращала вниманія на континентальную блокаду. У нея имѣлось одно только слабое мѣсто, гдѣ ей можно было бы нанести смертельный ударъ, и этой ахилессовой пятой являлась Индія. Подобныя соображенія до такой степени могущественно повліяли на пылкое воображеніе Наполеона, что онъ немедленно же ассигновалъ 4 милліона франковъ на улучшеніе венеціанскаго порта и нѣкоторыя другія работы, долженствовавшія служить для возстановленія хоть нѣкоторой части древняго величія царицы морей.

Новый годъ засталъ французскаго императора опять въ Тюльери, куда Наполеонъ прибылъ какъ разъ во время, чтобы получить присланныя съ курьеромъ изъ Россіи депеши, гдѣ еще болѣе энергически изъявлялись желанія императора Александра. Мысль объ окончательномъ раздѣлѣ турецкихъ земель приняла вслѣдствіе этого у Наполеона болѣе опредѣленную форму. При свиданіи съ княземъ Меттернихомъ, французскій императоръ намекнулъ, что и Австрія получитъ при такомъ раздѣлѣ соотвѣтственную долю. Коленкуру были посланы инструкціи, въ которыхъ предписывалось подавать русскому правительству надежды, дабы выиграть такимъ образомъ время и окончательно выяснить, дѣйствительно-ли немыслимо оставить дѣла въ положеніи, санкціонированномъ буквальнымъ смысломъ Тильзитскаго договора. Нерѣшительность, обнаруживавшаяся тогда у Наполеона, была вызвана двумя причинами. Одною изъ нихъ являлось, повидимому, постепенно выяснявшееся сознаніе, что грезы его и проекты должны, наконецъ, принять осязательную форму и что въ дивномъ таинствѣ такой жизни, какъ его собственная, одинъ шагъ влечетъ за собою неизбѣжно другой. Наполеонъ чувствовалъ, что его карьера охватываетъ весь земной шаръ, тогда какъ онъ самъ остается все-таки смертнымъ человѣкомъ, подверженнымъ старости, болѣзнямъ и уже достигшимъ высшаго предѣла своихъ силъ и способностей. За годъ передъ тѣмъ онъ писалъ Жозефинѣ что чувствуетъ себя въ самомъ невыносимомъ рабствѣ: «Моему властелину незнакомо чувство снисхожденія. Этимъ властелиномъ оказывается природа вещей». Другой причиной являлось безстрашное воинственное настроеніе британскаго короля и парламента. Объ этомъ было объявлено при открытіи законодательной сессіи 1807 года, какъ о фактѣ, способномъ увѣковѣчить войну. При такихъ обстоятельствахъ, весьма правдоподобно, что какой бы отвѣтъ ни далъ императоръ Александръ на щекотливый вопросъ, поставленный ему Наполеономъ, французскій императоръ все-таки бы считалъ, что его безопасность зависитъ въ данную минуту исключительно только отъ союза съ русскимъ Государемъ.

Для осуществленія своихъ замысловъ Наполеону прежде всего необходимо было выиграть время. Въ суткахъ всего лишь двадцать четыре часа, а въ его собственной нервной системѣ имѣлось лишь опредѣленное количество энергіи. Если вслѣдствіе отвѣта императора Александра раздѣлъ Турціи станетъ неизбѣжнымъ, надо будетъ предварительно сдѣлать два весьма важныхъ подготовительныхъ шага. Во-первыхъ, придется обезпечить себѣ надежный путь къ будущимъ восточнымъ областямъ его имперіи, а во-вторыхъ, понадобится округлить существовавшую уже въ то время западно-европейскую имперію энергическимъ вмѣшательствомъ въ испанскія дѣла и, въ случаѣ нужды, присоединить весь Пиринейскій полуостровъ. Не будучи знатокомъ географіи, можно убѣдиться при одномъ взглядѣ на карту, что при тогдашнемъ состояніи мореплаванія, когда двигателемъ для кораблей являлись лишь ненадежные вѣтры и въ не достаточной еще степени разслѣдованныя

теченія въ океанахъ и моряхъ, обладаніе Гибралтаромъ и Мальтой доставляло возможность если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени держать въ рукахъ торговлю съ Левантомъ. Англичане владѣли обоими этими стратегическими пунктами. Съ завоеваніемъ Испаніи Гибралтаръ могъ бы, пожалуй, перейти въ руки французовъ, но Мальта оказывалась совершенно въ иномъ положеніи. Грозные британскіе флоты дѣлали этотъ постъ положительно неприступнымъ. Спрашивается, однако: могла-ли на самомъ дѣлѣ Мальта преградить французской имперіи всѣ пути на Востокъ? Изъ Франціи она дѣйствительно преграждала всѣ торговыя туда дороги, но изъ Италіи, чрезъ Адріатическое море, лежалъ другой великолѣпный путь, который являлся, пожалуй, наилучшимъ и самымъ выгоднымъ въ коммерческомъ отношеніи.

Наполеонъ давно уже мечталъ о преобладаніи на Средиземномъ морѣ, и каждый послѣдовательный его договоръ съ сѣверными державами клонился къ усиленію французскаго вліянія на этомъ морѣ. Теперь ему, наконецъ, удалось овладѣть островомъ Корфу. Англичане, не располагавшіе большими сухопутными силами, были вынуждены отозвать свои войска изъ Сициліи и отправить ихъ въ Португалію. Французскимъ эскадрамъ, находившимся въ Брестѣ, Лоріанѣ и Рошфорѣ, было опять предписано соединиться въ Средиземномъ морѣ. Моментъ казался какъ нельзя болѣе удобнымъ для того, чтобы завоевать Сицилію, а владѣя этимъ островомъ и Корфу, Наполеонъ имѣлъ бы въ рукахъ наилучшій путь въ Египетъ. На самомъ дѣлѣ, однако, всѣ морскія предпріятія Наполеона оказывались какъ будто осужденными на неудачу. Англійскіе крейсера постоянно сновали близь береговъ Корфу, отрѣзая туда подвозъ продовольствія и заставляя находившіяся тамъ французскія войска положительно голодать. Высадка въ Сицилію была временно отложена, такъ какъ надлежало прежде всего очистить Іоническое море отъ англійскихъ судовъ. Тогда только позволительно было бы предпринять такую рискованную операцію, какъ отправленіе значительныхъ сухопутныхъ силъ на этотъ островъ. Въ случаѣ успѣха не трудно было бы вторгнуться въ Турцію, овладѣть Египтомъ и выполнить завѣтныя желанія императора Александра. Затѣмъ представлялась въ перспективѣ возможность нанести въ Азіи смертельный ударъ британскому могуществу.

Это былъ дѣйствительно гигантскій планъ, свидѣтельствовавшій о чрезвычайной разнузданности воображенія у его автора. Французскій императоръ ласкалъ себя обольстительнѣйшими грезами на яву. Однако же, и въ этихъ грезахъ его смущало порою появлявшееся привидѣніе. Иногда удавалось отгонять это привидѣніе прочь, но оно не исчезало вполнѣ и возвращалось опять съ самой упрямой настойчивостью. Всѣ пріобрѣтенія Наполеона оказывались фактически необезпеченными. Самое существованіе западной имперіи висѣло на тонкомъ волоскѣ одной человѣческой жизни. Для соединенныхъ коронъ Франціи и Италіи не было законнаго наслѣдника. Неустойчивое положеніе имперіи обсуждалось не только въ придворныхъ кружкахъ, но даже въ народѣ и становилось все

болѣе критическимъ. Для разрѣшенія задачи подведенія твердыхъ основъ подъ эту имперію необходимъ былъ прочный миръ и притомъ не въ отдаленномъ будущемъ, а по возможности немедленно. Русскій посолъ на обратномъ пути изъ Лондона чрезъ Францію разсказывалъ, что англичане вовсе не до такой степени озлоблены противъ французскаго императора, какъ это можетъ казаться со стороны. Въ сущности, это было только предположеніе, лишенное прочнаго основанія, но тѣмъ не менѣе о немъ въ свое время пошли толки. Наполеонъ тотчасъ же ухватился за него и объявилъ, что единственною цѣлью самыхъ завѣтныхъ и пламенныхъ его стремленій является водвореніе на землѣ мира.

Январь близился уже къ концу. Графъ Толстой былъ приглашенъ на императорскую охоту, и Наполеонъ устроился такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ наединѣ въ чащѣ лѣса. Послѣ долгой, неопредѣленной и непослѣдовательной, но весьма драматической бесѣды, въ которой Наполеонъ предлагалъ три прежнія альтернативы, а именно заключеніе мира между Россіей и Турціей, оставляя Придунайскія княжества этой послѣдней,—присоединеніе этихъ княжествъ къ Россіи въ обмѣнъ на Силезію, или—окончательный раздѣлъ Турціи въ будущемъ,—великій актеръ неожиданно замолчалъ. Затѣмъ, словно охваченный порывомъ откровенности, онъ схватился обѣими руками за шляпу, сорвалъ ее съ головы и швырнулъ на земь, воскликнувъ: „Послушайте, г-нъ Толстой, я говорю съ вами теперь не какъ французскій императоръ, а какъ старый боевой генералъ, бесѣдующій съ своимъ товарищемъ! Пусть считаютъ меня подлецомъ изъ подлецовъ, если я не выполню въ точности договоръ, заключенный мною въ Тильзитѣ, и не очищу Пруссію и герцогство Варшавское тотчасъ, какъ вы выведете ваши войска изъ Валахіи и Молдавіи. Я вѣдь не дуракъ и не ребенокъ, а потому знаю обязательства, которыя на себя принялъ и намѣренъ выполнить эти обязательства“.

Пропустивъ нѣсколько дней для того, чтобы эта драматическая сцена успѣла произвести полное дѣйствіе, французскій императоръ обратился 2-го февраля съ собственноручнымъ письмомъ къ русскому государю. Это было невиннѣйшее посланіе самаго добродушнаго свойства. Наполеонъ совѣтовалъ своему другу и союзнику усилить русскую армію и обѣщалъ ему всяческое содѣйствіе въ случаѣ, если бы оказалось, что шведская граница пролегаетъ слишкомъ уже близко отъ Петербурга. Наполеонъ присовокуплялъ къ этому слѣдующія соображенія: армія въ 50.000 русскихъ, французовъ и, быть можетъ, малую толику австрійцевъ, двинутая въ Азію черезъ Константинополь, не дойдетъ еще и до Евфрата, какъ Англія начнетъ уже трепетать. „У меня имѣются войска въ Далмаціи, у васъ—на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ состоится соглашеніе, мы оба будемъ уже въ Босфорѣ. Необходимо, однако, предварительно столковаться на личномъ свиданіи, для того, чтобы согласовать и уравновѣсить личные наши интересы. Толстой, по своему складу, не гармонируетъ съ Тильзитскимъ до-

говоромъ. Мы съ вами, или, пожалуй, даже Коленкуръ съ Румянцевымъ, могли бы все уладить къ 15-му марта, такъ что къ 1-му мая, одновременно со вступленіемъ арміи вашего величества въ Стокгольмъ, наши соединенныя войска могли бы уже оказаться въ Азіи. Намъ съ вами, безъ сомнѣнія, болѣе нравится миръ, но мы обязаны выполнять то, что предопредѣлено, и слѣдовать тѣмъ путемъ, по которому насъ ведетъ непреодолимый ходъ событій".

Письмо это было само по себѣ художественнымъ произведеніемъ. При его посредствѣ предполагалось, во-первыхъ, возбудить маленькую европейскую войну, краткую и энергическую, въ результатѣ которой Россія, умилостивленная пріобрѣтеніемъ Финляндіи, не станетъ уже такъ ревниво слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Испаніи и Пруссіи; во-вторыхъ, тамъ заключалась угроза, способная застращать Англію и побудить ее къ заключенію мира; въ третьихъ, оно парализовало враждебное отношеніе Австріи, призывая ее также къ участію въ дѣлежѣ. Все это вмѣстѣ должно было, наконецъ, въ четвертыхъ, упрочить династію Наполеона и подготовить окончательно выполненіе его плановъ на Востокѣ, при содѣйствіи Россіи или даже безъ ея содѣйствія. На случай, если Англія, паче чаянія, не устрашится угрозы, содержавшейся въ этомъ письмѣ, Наполеонъ предполагалъ возбудить войну неслыханныхъ до сихъ поръ размѣровъ, долженствовавшую охватить не только всю Европу, но также Малую Азію и Сѣверную Африку. Изъ хаоса, обусловленнаго ею, онъ разсчитывалъ создать прочный миръ, основанный на такомъ порядкѣ вещей, фундаментомъ и вѣнцомъ котораго окажется преобладаніе Франціи. Англія, безъ сомнѣнія, немедленно же устремится помогать Швеціи, которая являлась тогда единственной европейской державой, еще не принадлежавшей къ французской политической системѣ. Въ этотъ моментъ, Испанія и Португалія, предоставленныя на произволъ судьбы, неизбѣжно попадутъ въ разставленныя имъ сѣти. Еслибъ Англія, паче чаянія, выказала энергическую рѣшимость противодѣйствовать завоевательнымъ замысламъ французскаго императора, можно было бы отправить моремъ изъ Корфу экспедицію въ Египетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соединенная русская, французская и австрійская армія двинется на завоеваніе Турціи, Персіи и Ость-Индіи. Все въ совокупности представляло собою обширный, строго-логическій и грандіозный планъ, далеко оставлявшій за собою прежнія мечты корсиканскаго патріота, или же грезы пылкаго француза. Каждая послѣдующая побѣда увлекала счастливаго полководца все въ болѣе широкія сферы предпріятій, не имѣвшихъ уже никакихъ соотношеній съ узкими рамками національностей.

Противодѣйствіе политическимъ видамъ Россіи и занятіе Португаліи.

Инструкціи, которыя посылалъ Наполеонъ Коленкуру во время этого дипломатическаго кризиса, долго оставались неизвѣстными, такъ какъ въ документахъ императора онѣ отсутствовали. Копіи съ нихъ были найдены лишь восемьдесятъ семь лѣтъ спустя (считая

отъ того числа, которымъ инструкціи были помѣчены). Не подлежитъ сомнѣнію, что самыя инструкціи, въ которыхъ раскрывалась закулисная сторона политической системы французскаго императора въ моментъ, соотвѣтствовавшій поворотному пункту въ его карьерѣ, были уничтожены по его приказанію, подобно многимъ другимъ компрометирующимъ документамъ, въ надеждѣ изъять такимъ образомъ ихъ содержаніе изъ общей суммы человѣческихъ свѣдѣній. По отношенію къ упомянутымъ инструкціямъ это не удалось, такъ какъ сохранились снятыя съ нихъ достовѣрныя копіи. Онѣ показываютъ намъ императора Наполеона ловкимъ дипломатомъ въ итальянскомъ вкусѣ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ. Онъ ласкаетъ обѣщаніями, избѣгая строго опредѣленныхъ обязательствъ, говоритъ намеками,—умышленно затягиваетъ переговоры въ надеждѣ выиграть время и дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ,—изображаетъ собственные свои поступки въ самомъ лучшемъ свѣтѣ, нисколько не стѣсняясь искажать для этого истину,—пользуется Россіей, пока держава эта послушно содѣйствуетъ достиженію его цѣлей, и покидаетъ ее спустя нѣсколько дней безъ обѣщанной помощи, разъ что она отказывается служить слѣпымъ орудіемъ его политики.

Коленкуръ съ самаго начала уже побуждалъ русскаго государя овладѣть Финляндіей, но императоръ Александръ колебался, сознавая, что одержанный тамъ успѣхъ ослабитъ его притязанія на придунайскія княжества. Придворныя интриги начали къ тому времени опутывать его все болѣе густою сѣтью. Съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ политическое свое положеніе все болѣе неопредѣленнымъ и неудобнымъ. Въ концѣ концовъ русская политика стала обнаруживать величайшую непослѣдовательность. Въ то самое время, когда шведскаго посла успокоивали дружелюбными заявленіями, русскія войска внезапно ворвались въ Финляндію и не были отозваны оттуда. Императоръ Александръ одновременно съ этимъ снова заявилъ Наполеону о необходимости присоединить придунайскія княжества къ Россіи. Французскій императоръ въ отвѣтъ на это послалъ русскому государю въ подарокъ великолѣпныя вазы изъ севрскаго фарфора и превосходные образчики средневѣковаго оружія. Подъ конецъ, получено было собственноручное его письмо отъ 2 февраля. Первое впечатлѣніе этого письма оказалось до чрезвычайности благопріятнымъ. Императоръ Александръ, читая его, пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ: „я узнаю здѣсь стиль тильзитскихъ нашихъ бесѣдъ!—Какой великій человѣкъ!—Какая широта воззрѣній!“ При болѣе спокойномъ и хладнокровномъ обсужденіи, возникли, однако, у русскаго государя нѣкоторыя подозрѣнія.

Желаніе окончательно ихъ разсѣять побудило императора Александра обратиться къ своему другу и совѣтнику съ категорическою просьбою отказаться отъ всѣхъ замысловъ на Силезію. Коленкуру поручено было отвѣтить на это: „Императоръ Наполеонъ проситъ Ваше Величество не предъявлять ему такихъ настоятельныхъ требованій, съ какими онъ не дерзаетъ обращаться къ Вамъ“.

Двое уполномоченныхъ, Коленкуръ и Румянцевъ, принялись наконецъ обсуждать условія раздѣла Турціи, дабы подготовить такимъ образомъ второе личное свиданіе между обоими монархами. О немъ была рѣчь еще въ Тильзитѣ, а теперь Наполеонъ вторично предлагалъ его въ своемъ письмѣ изъ Парижа. Оба дипломатическихъ гладіатора обнаруживали одинаковое искусство. Предложенія и контръ-предложенія, запросы и поясненія, увѣренія въ дружбѣ и отвѣты на таковыя шли своимъ чередомъ, доставляя въ сущности всѣмъ участвующимъ сторонамъ довольно пріятное время препровожденіе, когда вдругъ русскій государь замѣтилъ, что время уходитъ, а дѣло все-таки не подвигается впередъ. Онъ объявилъ тогда съ нѣкоторой горячностью, что придется отложить свиданіе съ Наполеономъ, такъ какъ выяснилось, что къ тому времени, когда должно состояться это свиданіе, Коленкуръ съ Румянцевымъ не успѣютъ придти ни къ какому соглашенію. Безъ такого предварительнаго соглашенія самое свиданіе, очевидно, не могло привести къ желаемому результату. Тѣмъ временемъ русскія войска въ Финляндіи встрѣтили ожесточенное, упорное сопротивленіе. Имъ пришлось отступить изъ Эстерботніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Сомареса держалъ русскіе корабли въ блокадѣ. Присутствіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ наводило ужасъ на Петербургъ. При всемъ томъ русское правительство не могло ослабить своихъ войскъ въ придунайскихъ княжествахъ, такъ какъ это могло бы повести къ окончательной утратѣ этихъ княжествъ. Точно также нельзя было вывести русскія войска изъ Польши, ибо французы все еще занимали Силезію.

Предполагалось, что Бернадоттъ окажетъ энергическое содѣйствіе русскимъ войскамъ, вторгнувшись непосредственно въ Швецію. Въ разсчетѣ на эту диверсію, русскія войска и вступили, несмотря на свою малочисленность, въ Финляндію. Бернадоттъ дѣйствительно двинулся было въ походъ, но по какимъ-то, невыясненнымъ тогда, причинамъ остановился. Коленкуръ утверждалъ, будто онъ встрѣтилъ серьезныя затрудненія при переправѣ черезъ Бельтъ, но въ сущности эта остановка являлась ловкимъ шахматнымъ ходомъ въ игрѣ Наполеона. Французскій императоръ писалъ 25 апрѣля Талейрану: „Неужели воображаютъ, что я стану легкомысленно посылать своихъ солдатъ въ Швецію? Никакихъ барышей для меня оттуда не получится“. Одновременно съ этимъ французскія войска въ Польшѣ и Пруссіи начали сосредоточиваться и усиливаться, а въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, при сліяніи Буга съ Вислою, какъ разъ противъ русской границы, поспѣшно строилась большая крѣпость, надъ стѣнами которой развѣвалось трехцвѣтное знамя. Дѣйствительно, такое положеніе представлялось въ высшей степени неумѣстнымъ и неудобнымъ для русскаго государя,—внука Екатерины Великой, воспитаннаго Лагарпомъ,—доброжелательнаго неограниченнаго монарха-философа. Народъ не сочувствовалъ его политикѣ; передъ нимъ открывалась перспектива нескончаемыхъ войнъ; онъ самъ чувствовалъ себя парализованнымъ

буквою двусмысленнаго договора и ввязавшимся въ завоевательную войну, исходъ которой представлялся сомнительнымъ. Политическіе виды, осуществленіе которыхъ онъ считалъ наиболѣе необходимымъ, встрѣчали тайное, но тѣмъ не менѣе, какъ нельзя болѣе дѣйствительное сопротивленіе со стороны его союзника.

Образъ дѣйствій Наполеона по отношенію къ Россіи самъ по себѣ дѣлаетъ какъ нельзя болѣе понятнымъ тогдашнее положеніе въ сѣверной Европѣ и Австріи. Съ той же точки зрѣнія надлежитъ разсматривать и событія, происходившія въ сравнительно отдаленныхъ южно-европейскихъ странахъ. Безъ этого ходъ событій въ противуположныхъ концахъ Европы могъ бы показаться въ высшей степени загадочнымъ. Если петербургская политика Наполеона оказывалась далеко не прямодушной, что же слѣдуетъ сказать о его политикѣ въ папскихъ владѣніяхъ, Тосканѣ, Испаніи и Португаліи? Во время дипломатической рекогносцировки, которую производилъ Коленкуръ, уполномоченные дипломатическіе агенты этихъ странъ вели дѣятельные переговоры въ Фонтенебло. Кардиналъ Бэйянъ старался выхлопотать для папы Пія VII неприкосновенность папскихъ владѣній, но она была нарушена еще прежде, чѣмъ папа успѣлъ изъявить полное свое согласіе на потребованныя отъ него уступки. Испуганный римскій первосвященникъ выразилъ готовность примкнуть къ континентальной системѣ, изгнать изъ Рима монаховъ, согласиться на увеличеніе численности французскихъ кардиналовъ и распространить конкордатъ на Венецію. Выражаясь словами самого Наполеона (въ вѣнскомъ декретѣ отъ 12 го мая 1809-го года), „западный императоръ взялъ обратно отъ папства ленъ, пожалованный Карломъ Великимъ, находя, что папа злоупотребляетъ этимъ леномъ“. Всѣ три легатства были заняты уже въ декабрѣ 1807-го года, такъ что „не оставалось уже болѣе враждебной полосы земли, которая, протягиваясь отъ моря до моря, отдѣляла бы Неаполитанское королевство отъ Итальянскаго“.

Бэйяну было предложено, исходя изъ этого совершившагося факта, заключить съ имперіей формальный договоръ, по которому папа обязывался выполнить всѣ требованія Наполеона. Пій VII, возмущенный оккупаціей легатствъ, отказался утвердить этотъ договоръ. Повидимому, упорство папы доставило французскому императору совершенно такое же удовольствіе, какое могла бы ему принести полнѣйшая покорность Ватикана. Обратившись къ общественному мнѣнію и ссылаясь на давленіе необходимости, онъ, 2-го февраля, ввелъ свои войска въ Римъ; въ мартѣ мѣсяцѣ Анкона, Мачерата, Фермо и Урбино были присоединены къ итальянскому королевству; къ концу апрѣля 1808-го года иностранное духовенство было изгнано изъ Рима, папскія войска приведены къ присягѣ трехцвѣтному знамени, а дворянская гвардія распущена. Все управленіе папскими владѣніями сосредоточилось во французскихъ рукахъ. Въ теченіе цѣлаго года намѣстникъ Святаго Петра игралъ роль короля-лѣнтяя, запертаго въ Квириналѣ. Онъ не управлялъ, но все-таки царствовалъ, а потому

пришелъ въ сильнѣйшее раздраженіе, когда ему категорически предложили отказаться отъ свѣтской власти. Пій VII отвѣтилъ на это требованіе буллой отъ 10-го іюня 1809 года, которою отлучилъ отъ церкви насильниковъ, вторгнувшихся въ его владѣнія. Тогда его арестовали и отправили въ Гренобль, гдѣ онъ и проживалъ въ заточеніи. Наполеонъ, находясь самъ въ плѣну на островѣ Святой Елены и вспоминая прошлое, говорилъ, что ссора его съ папою являлась однимъ изъ самыхъ непріятнѣйшихъ эпизодовъ во всей его карьерѣ. Она значительно подорвала обаяніе, созданное Наполеону конкордатомъ, такъ какъ лишила его симпатій вѣрующихъ католиковъ не только въ самой Франціи, но и во всѣхъ другихъ странахъ.

Осенью же 1807-го года шли въ Фонтенебло переговоры, которые привели къ тайному соглашенію съ Испаніей относительно раздѣла Португаліи. Браганцскій домъ, подобно прочимъ законнымъ западно-европейскимъ тогдашнимъ династіямъ, подвергся нравственному и физическому вырожденію. Королева была умопомѣшанная, а ея сынъ, донъ-Жуанъ, состоявшій регентомъ королевства, хотя и былъ человѣкомъ благонамѣреннымъ и почтеннымъ, но не обладалъ талантами и способностями, необходимыми для того, чтобы оказаться въ такія бурныя времена на высотѣ своего положенія. Необходимо замѣтить, что португальскій народъ, въ противуположность испанскому, былъ проникнутъ демократическими принципами. Состоялось безмолвное соглашеніе, по которому въ виду громадной дани, выплачивавшейся Португаліей Франціи за разрѣшеніе соблюдать нейтралитетъ, Наполеонъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы на торговлю португальцевъ съ Англіей, являвшеюся необходимой для благосостоянія и, казалось, даже для самаго существованія ихъ отчизны. Берлинскій и миланскій декреты имѣли, однако, характеръ серьезныхъ боевыхъ мѣропріятій, и французскій императоръ настаивалъ на точномъ ихъ выполненіи. Португальскій регентъ доводился зятемъ Карлу IV, королю Испанскому, но, тѣмъ не менѣе, послѣ Тильзитскаго мира, Мадридскій дворъ сообща съ Французскимъ императорскимъ дворомъ рѣшился побудить португальское правительство къ закрытію всѣхъ портовъ англичанамъ и къ буквальному выполненію наполеоновскихъ декретовъ. Регенту, дону-Жуану, предложено было выслать изъ Лиссабона англійскаго посланника, арестовать всѣхъ англійскихъ подданныхъ и конфисковать всѣ англійскіе товары. Донъ-Жуанъ объявилъ, что соглашается на все, за исключеніемъ арестованія ни въ чемъ неповинныхъ торговцевъ.

Это неполное согласіе признано было достаточнымъ предлогомъ для начатія враждебныхъ дѣйствій. Французскаго посла въ Лондонѣ немедленно отозвали, а Жюно получилъ приказаніе тотчасъ же вступить въ Испанію и двинуться оттуда въ Португалію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, условія раздѣла Португаліи были окончательно улажены въ Фонтенебло съ уполномоченнымъ короля Карла, Псквіэрдо, причемъ Наполеонъ, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на это франко-испанское соглашеніе какъ на забавнѣйшую

шутку, какую ему когда-либо случалось придумать. Опасаясь, чтобы ее не разгадали слишкомъ рано, онъ положительно запретилъ Карлу IV сообщать о соглашеніи испанскимъ министрамъ. Отъ французскаго посла въ Мадридѣ тоже скрывали условія этой сдѣлки, по которой испанскій король получалъ титулъ „императора обѣихъ Америкъ", Этрурія формально присоединилась къ Итальянскому королевству, а взамѣнъ того испанскому королю фактически предоставлялась верховная власть надъ Португаліей. Ее предполагалось раздѣлить на три королевства, состоящихъ въ вассальной зависимости отъ Имперіи обѣихъ Америкъ. Въ одномъ изъ этихъ королевствъ долженъ былъ царствовать молодой этрурійскій король, въ другомъ—испанскій генералиссимусъ и генералъ-адмиралъ, князь Мира, возлюбленный королевы, и любимецъ короля, Мануэль Годой. Наконецъ престолъ третьяго вассальнаго королевства оставался свободнымъ въ распоряженіи императора обѣихъ Америкъ.

Жанъ-Андошъ Жюно, герцогъ Абрантесъ.
(Съ портрета, писаннаго Давидомъ).

Въ концѣ договора былъ помѣщенъ, повидимому, совершенно невинный пунктъ, постановлявшій, что въ Байонѣ будетъ организована новая сорокатысячная французская армія, чтобы отразить нападеніе англичанъ въ случаѣ, если они вздумаютъ произвести высадку въ Португаліи. Арміи этой дозволялось вступить въ Испанію, но не иначе, какъ съ разрѣшенія обѣихъ договаривающихся сторонъ. Тѣмъ временемъ Жюно, по приказанію Наполеона, посылалъ во Францію испанскія карты, планы, топографическіе наброски и маршруты. Вмѣстѣ съ нимъ шла 25.000 испанская армія, но черезъ три дня послѣ заключенія франко-испанскаго договора въ Фонтенебло, а именно 31-го октября, ему послано было предписаніе овладѣть всѣми португальскими крѣпостями и занять ихъ французскими войсками, ни подъ какимъ видомъ не дозволяя испанцамъ оставлять тамъ свои гарнизоны. Прежде всего, однако, предписывалось употребить всѣ усилія, чтобы захватить англій-

скій флотъ, стоявшій въ устьѣ рѣки Таго и овладѣть особою регента. Смѣтливый и алчный Жюно шелъ усиленными переходами и къ 27-му ноября привелъ уже утомленныя свои войска въ городъ Абрантесъ, находящійся верстахъ въ 110 отъ Лиссабона. Прибытіе его туда было величайшею неожиданностью для португальской столицы. При дворѣ дона-Жуана оно причинило тѣмъ большій переполохъ, что тамъ опасались взрыва народнаго сочувствія къ французамъ. Дѣйствительно, армія Жюно могла разсчитывать на восторженную встрѣчу со стороны многихъ вліятельныхъ элементовъ столицы, для которыхъ слова французъ и демократъ все еще считались синонимами. Сэръ Сидней Смитъ, командовавшій англійскою эскадрой въ устьѣ Таго, обратился къ дону-Жуану съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ, что Англія не признаетъ въ Португаліи никакого правительства, враждебнаго Браганцскому дому, и настойчиво совѣтовалъ ему отплыть съ королевской фамиліей въ южно-американскія владѣнія Португаліи. Слабохарактерный донъ-Жуанъ, вѣроятно, прочелъ уже въ парижскомъ „Moniteur“ отъ 13-го ноября правительственное сообщеніе: „Португальскій регентъ утрачиваетъ свой престолъ. Низверженіе Браганцскаго дома является новымъ доказательствомъ гибели, неизбѣжно ожидающей всѣхъ, кто дѣйствуетъ заодно съ англичанами“. Онъ издалъ прокламацію, въ которой, прикрывая громкими фразами собственную свою слабохарактерность, объявлялъ, что ни въ какомъ случаѣ не подчинится тиранніи Наполеона, сообщалъ объ отъѣздѣ своемъ въ Бразилію, назначалъ особый совѣтъ для управленія государствомъ и приглашалъ вѣрноподданныхъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ за Атлантическій океанъ. Очень немногіе лишь послѣдовали этому приглашенію и вмѣстѣ съ умалишенной королевой и прочими членами королевской фамиліи поспѣшно сѣли на суда.

Флотъ едва только успѣлъ выбраться изъ рѣки, когда Жюно, съ передовымъ отрядомъ запыхавшихся, усталыхъ солдатъ, достигъ уже Лиссабона. Добыча ускользнула у него изъ рукъ, но вмѣстѣ съ нею исчезла и умалишенная королева. При такихъ обстоятельствахъ французскій полководецъ немедленно задалъ себѣ вопросъ: почему бы ему не украсить собственнаго своего чела короною? Съ самаго начала карьеры Бонапарта онъ былъ вѣрнымъ его приспѣшникомъ и могъ осчастливить португальцевъ королевой, которая вела свой родъ отъ греческихъ императоровъ изъ фамиліи Комненовъ. Народъ отнесся къ французамъ самымъ дружественнымъ образомъ. Депутаціи отъ могущественнаго тайнаго общества „Свободныхъ каменьщиковъ“ явились съ поздравительными адресами. Правительственный совѣтъ не предъявилъ никакого сопротивленія; главнокомандующій и вся португальская армія изъявили покорность. Тѣмъ не менѣе французскій генералъ ничѣмъ не обнаруживалъ намѣренія установить въ Португаліи либеральное правительство и такимъ образомъ удовлетворить завѣтнымъ желаніямъ португальскаго народа. Напротивъ того, онъ раздѣлилъ Португалію на военные округа и захватилъ всѣ общественныя суммы,

но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая по возможности доставить себѣ популярность, хотя бы въ ущербъ интересамъ своего повелителя, взялъ перо и въ документѣ, въ которомъ Наполеонъ требовалъ съ португальцевъ уплаты сорока милліоновъ франковъ вознагражденія, самопроизвольно зачеркнулъ цифру 40 и вмѣсто нея написалъ 20. Взамѣнъ того португальскіе радикалы обѣщали просить его себѣ въ короли.

Ненасытная алчность Жюно, побуждавшая его не класть охулки на руку, послужила для всей его арміи образцомъ и примѣромъ. Частью вслѣдствіе этого, частью же въ виду наступившаго разочарованія и общей реакціи, проектъ возведенія Жюно на португальскій престолъ не осуществился. Въ непродолжительномъ времени испанскій генералъ Беллеска арестовалъ французскаго коменданта въ Опорто и поднялъ знамя возстанія въ пользу донъ-Жуана. Жюно, которому пришлось выступить изъ Лиссабона противъ инсургентовъ, предоставилъ управленіе столицей комитету, во главѣ котораго стоялъ опортскій епископъ. Этотъ прелатъ тотчасъ же обратился къ Англіи съ просьбой о помощи. Вскорѣ организовались повсемѣстно въ Португаліи тайныя юнты для ниспроверженія французскаго ига. Англія немедленно же отвѣчала на просьбу португальцевъ о помощи присылкою войскъ изъ Ирландіи и Сициліи. Самымъ могущественнымъ подкрѣпленіемъ оказался, однако, генералъ сэръ Артуръ Уэллеслей, назначенный командовать этими войсками. Въ началѣ августа 1808 года возгорѣлась уже война на пиринейскомъ полуостровѣ и лавры въ этой войнѣ достались на долю Англіи.

Униженіе испанскаго королевскаго дома.

Тѣмъ временемъ въ Испаніи произошелъ давно уже подготовлявшійся кризисъ. Трудно представить себѣ, до какой степени низко упала тамошняя Бурбонская монархія, увлекшая вмѣстѣ съ собою въ бездну также и всю страну. Населеніе Испаніи уменьшилось до десяти милліоновъ душъ; въ арміи числилось 120 тысячъ солдатъ, но изъ нихъ оказывалось на лицо не болѣе 50 тысячъ. Полчища чиновниковъ и привиллегированныхъ дворянъ, сосавшія словно піявки и безъ того уже истощенное государственное казначейство, могли сравниться лишь съ ордами монашествующаго и свѣтскаго духовенства, чернецами, послушниками и монастырскими слугами, жившими доходами съ церковныхъ имуществъ и поборами съ обнищавшаго народа. Примѣненіе закона о майоратахъ, въ самой суровой его формѣ, сдѣлало то, что помѣстья, не принадлежавшія церкви, сосредоточились въ рукахъ немногихъ собственниковъ, которые вели въ Мадридѣ роскошную жизнь и никогда не видывали въ глаза принадлежавшихъ имъ фермъ, лѣсовъ и пастбищъ. У крестьянъ не было ни малѣйшаго интереса совершенствовать то, что могло быть отъ нихъ отнято въ случаѣ смерти помѣщика, или же сдано на аренду по болѣе высокой цѣнѣ, именно въ виду произведенныхъ ими усовершенствованій. Окру-

женные цѣлыми ордами тунеядцевъ-слугъ, испанскіе гранды жили въ мрачномъ великолѣпіи обширныхъ своихъ дворцовъ. Остатками изобильныхъ, но незатѣйливыхъ яствъ, подававшихся на ихъ столы, кормились толпившіяся у ихъ воротъ стаи нищихъ. Въ конюшняхъ стояли цѣлыми сотнями мулы, а сараи были полны роскошными сбруями, употреблявшимися лишь по нѣсколько разъ въ годъ, чтобы доставить владѣльца, съ соблюденіемъ надлежащаго декорума, въ церковь или же во дворецъ. Общественная жизнь почти отсутствовала. Каждый изъ грандовъ жилъ исключительно только для себя одного, въ мрачномъ одиночествѣ и угрюмомъ равнодушіи.

Такова была почва, на которой стоялъ испанскій дворъ. Великодушный, но обманутый король, ревниво привязывавшійся къ своимъ приближеннымъ, не выносилъ ничего непріятнаго и каждый разъ въ такихъ случаяхъ изъявлялъ готовность отказаться отъ престола. Королева, одаренная умомъ и честолюбіемъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ капризной и порочной женщиной, дозволявшей себѣ положительно все. Годой, князь Мира, получившій этотъ титулъ вслѣдствіе заключеннаго имъ въ Базелѣ договора, закончившаго революціонныя войны между Франціей и Испаніей, на самомъ дѣлѣ управлялъ королевствомъ, успокоивая болѣзненную чувствительность короля и удовлетворяя страстямъ королевы. Чтобы сохранить за собою власть, этотъ любимецъ предался Наполеону, но, будучи отъ природы человѣкомъ коварнымъ и вѣроломнымъ, охотно отрекся бы отъ этого или же отъ всякаго другого покровителя, чтобы принять сторону того, кто показался бы ему въ данную минуту болѣе могущественнымъ. Въ каждой централизованной монархіи все держится на административномъ порядкѣ. Въ Испаніи же администрація оказывалась слабохарактерной и продажною. Каждый изъ ея членовъ старался по мѣрѣ силъ и возможности слѣдовать примѣру стоявшаго въ главѣ ея премьера, домъ котораго какъ бы служилъ складомъ награбленной добычи. Къ концу карьеры Годоя, награбленныя сокровища увозились на вьючныхъ мулахъ изъ его дворцовъ въ ночное время неизвѣстно куда. Разсказывали, будто Годой заграбилъ въ свои сундуки богатства Италіи, и многіе разсудительные люди признавали возможнымъ этому вѣрить.

Наслѣдникъ престола, герцогъ астурійскій, Фердинандъ былъ тогда молодымъ вдовцомъ, съ хорошими задатками, но безъ надлежащей твердости характера. Покойница его жена, сочетавшаяся съ нимъ бракомъ въ 1803 году, родная дочь неополитанской королевы Каролины, поссорилась съ своей свекровью Луизой и безвременно скончалась, по всѣмъ вѣроятіямъ отъ яда. Фердинанду извѣстна была скандальная обстановка семейной жизни его родителя и административныя злоупотребленія Годоя, но онъ не надѣялся на возможность сломить собственною своею слабою рукою до такой степени прочно укоренившееся зло. При всемъ томъ у него имѣлись многочисленные просвѣщенные послѣдователи, во главѣ которыхъ стояли герцогъ Инфантада и честолюбивый ка-

никъ Эскойквицъ, бывшій воспитатель наслѣднаго принца. Они выработали для Фердинанда слѣдующій планъ дѣйствій: Фердинандъ долженъ былъ отказаться отъ женитьбы на племянницѣ Годоя, которую ему предлагали въ невѣсты, а вмѣсто того просить руки одной изъ принцессъ Богарне и такимъ образомъ обезпечить себѣ сочувствіе и поддержку французскаго императора. Опираясь на такую поддержку, можно будетъ низвернуть Годоя и оздоровить испанскую администрацію. Само собою разумѣется, что реформаторы разсчитывали и сами не остаться въ убыткѣ при такихъ преобразованіяхъ.

Съ теченіемъ времени народныя симпатіи все болѣе переходили на сторону Фердинанда, такъ что подъ конецъ онъ сталъ вождемъ и представителемъ всѣхъ здоровыхъ элементовъ общества. Между убывавшей властью Годоя и возроставшей популярностью наслѣднаго принца установилось нѣчто въ родѣ равновѣсія. Въ 1807 году обѣ ожесточенныя партіи стояли другъ противъ друга словно гладіаторы, выжидая удобнаго случая, чтобы нанести смертельный ударъ. Положеніе это было создано самимъ Наполеономъ, но такъ какъ оно породило интриги, принимавшія съ каждымъ днемъ все болѣе серьезный характеръ, то французскому императору надлежало безотлагательно принять окончательное рѣшеніе: слѣдуетъ-ли выполнить желаніе Фердинанда, выраженное въ письмѣ, присланномъ съ Эскойквицемъ 12-го октября. Талейранъ и Фуше, оба высказывались въ пользу отвѣта въ утвердительномъ смыслѣ. Чѣмъ именно руководствовался въ данномъ случаѣ Талейранъ съ точностью опредѣлить нельзя. Послѣ побѣды подъ Аустерлицемъ онъ совѣтовалъ Наполеону предъявить къ Австріи умѣренныя требованія, но это обусловливалось тѣмъ, что его подкупили крупною взяткой. Очень можетъ быть, что и на этотъ разъ его здравый смыслъ и личныя выгоды случайно согласовались другъ съ другомъ. Весьма вѣроятно, что на него вліяла тутъ императрица Жозефина, положеніе которой становилось критическимъ, такъ какъ вся семья Бонапартовъ упорно и открыто требовала развода. Всѣ усилія Жозефины смягчить ожесточенныхъ своихъ враговъ оставались тщетными. Послѣдняя ея надежда заключалась въ пріисканіи августѣйшихъ жениховъ для ея собственныхъ родственницъ. Этимъ путемъ она разсчитывала доставить себѣ могущественную поддержку противъ братьевъ и сестеръ императора. Она очень любила хорошенькую свою племянницу, дѣвицу Таше де-ла-Пажери, и ей было бы очень пріятно посадить эту дѣвицу на испанскій престолъ, такъ какъ подобный успѣхъ удовлетворилъ бы естественный ея склонности и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочилъ бы ея собственное положеніе.

Нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній утверждать что Талейраномъ была получена взятка, хотя и на этотъ разъ могло быть полное совпаденіе здраваго смысла съ личнымъ интересомъ совѣтчика. Испанія находилась въ состояніи полнѣйшей дезорганизаціи, такъ что въ ея положеніи непремѣнно должна была послѣдовать рѣшительная перемѣна. Испанскій народъ былъ слишкомъ гордъ, что-

бы долѣе выносить такое униженіе. При такихъ обстоятельствахъ представлялось выгоднымъ оказать Фердинанду поддержку въ предположенныхъ имъ преобразованіяхъ и тѣмъ самымъ обезпечить французской системѣ не только испанское королевство, но и всѣ испанскія колоніальныя владѣнія. Фуше заявлялъ, что испанскій король былъ до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ французскихъ префектовъ. Если онъ оказывается непригоднымъ, то отчего не назначить на эту должность законнаго ея наслѣдника? Мысль о непосредственномъ присоединеніи испанскихъ колоній къ французской имперіи ослѣпила и увлекла императора Наполеона до такой степени, что онъ пренебрегъ возможностью обезпечить себѣ безъ всякихъ хлопотъ содѣйствіе и поддержку Испаніи. Рѣшившись посадить кого-нибудь изъ своихъ братьевъ на испанскій престолъ, онъ оставлялъ безъ вниманія громкіе призывы на помощь со стороны Карла и сватовство наслѣднаго принца Фердинанда. Всѣ возраженія членовъ его собственной семьи оставалась тщетными, и онъ дѣятельно принялся за выполненіе своего проекта. Новая конскрипція дала для Байоны 40-тысячную армію и генералу Кларку было поручено озаботиться укрѣпленіемъ границъ.

Какъ разъ въ надлежащій моментъ мадридскія интриги созрѣли для предположенной развязки; 28 октября вооруженный испанскій отрядъ арестовалъ принца Фердинанда и захватилъ его документы. Годой притворился больнымъ и не выходилъ изъ своихъ аппартаментовъ, предоставляя самой королевѣ разсмотрѣть эти документы. Утверждали, что въ числѣ ихъ оказался шифръ, которымъ пользовался принцъ Фердинандъ для переписки съ своими друзьями, докладная записка къ Наполеону, гдѣ принцъ обвинялъ Годоя въ намѣреніи завладѣть престоломъ и въ замаскированныхъ выраженіяхъ намекалъ на позорное поведеніе своей матери,—копія съ записки, которою Эскойквицъ просилъ у Наполеона, по порученію принца Фердинанда, руки французской принцессы, и готовый уже указъ за печатью Фердинанда VII, назначавшій герцога Инфантадо, по случаю кончины короля, губернаторомъ Новой Кастиліи. Въ этомъ указѣ не было проставлено только число. Два дня спустя было доказано непосредственное участіе Годоя въ арестованіи наслѣднаго принца и производствѣ у него обыска. Видѣли какъ сказавшійся больнымъ Годой прокрался въ сумерки въ Эскуріалъ. На слѣдующій день Карлъ IV, въ манифестѣ къ своему народу, сообщилъ о раскрытіи „заговора“ и обратился съ письмомъ подобнаго же содержанія къ Наполеону, жалуясь на то, что центромъ интриги являлся французскій посолъ Богарне. Это было фактически вѣрно, такъ какъ братъ перваго мужа императрицы, человѣкъ простодушный и честный, отличался крайней самоувѣренностью и попалъ, очертя голову, въ ловушку, устроенную для него въ Парижѣ. Онъ искренно желалъ угодить Жозефинѣ и отъ души презиралъ Годоя. Дружба, которую французскій посолъ открыто выказывалъ наслѣдному принцу, въ значительной степени способствовала возбужденію въ народѣ увѣренности, что Франція желаетъ возродить Испанію при посредствѣ законнаго наслѣдника испанскаго престола.

Карлъ IV увѣдомлялъ также французскаго императора о своемъ намѣреніи отнять у Фердинанда право престолонаслѣдія и смиренно просилъ Наполеона помочь ему совѣтомъ. Для суда надъ обвиненнымъ наслѣднымъ принцемъ назначена была коммисія изъ кастильскихъ грандовъ. Одновременно съ этимъ всячески старались вынудить у него сознаніе въ заговорѣ. Попытки эти не удались, но принцъ охотно повиновался приглашенію явиться на судъ грандовъ. Что именно происходило на судѣ, въ точности неизвѣстно, но можно себѣ это представить, тѣмъ болѣе что нѣкоторые факты все-таки были оглашены и въ результатѣ получилось нѣчто въ родѣ весьма непрочнаго, впрочемъ, компромисса какъ при дворѣ, такъ и въ народѣ. Принцъ объявилъ, что во время недавней болѣзни отца дѣйствительно написалъ найденный у него указъ; онъ безсовѣстно выдалъ своихъ сообщниковъ и объявилъ, что Богарне посовѣтовалъ ему просить у Наполеона руки одной изъ французскихъ императорскихъ принцессъ. Показаніе принца еще болѣе усилило общую увѣренность въ томъ, что Наполеонъ его поддерживаетъ. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы застращать короля и королеву; принца немедленно же освободили, заставивъ, впрочемъ, обратиться къ королю съ формальною просьбой о прощеніи. Король издалъ новый манифестъ, въ которомъ объявилъ, что даруетъ сыну помилованіе. Для соблюденія приличій друзья Фердинанда были преданы суду, но Годой не посмѣлъ задавать имъ вопросовъ, которые могли бы компрометировать французскаго посла, и всѣ они были оправданы.

Во время суда получались секретныя предписанія, но отъ кого именно они исходили, осталось въ точности неизвѣстно. По однимъ свѣдѣніямъ въ дѣло вмѣшалась королева, а по другимъ—великій инквизиторъ. Наполеонъ, въ свою очередь, прислалъ хитросоставленное и весьма коварное письмо, въ которомъ заявлялъ, что никогда не получалъ письма отъ герцога астурійскаго. Съ одной стороны это было фактически вѣрно, но съ другой—не подлежало сомнѣнію, что онъ зналъ о существованіи и содержаніи этого письма. Между тѣмъ французскій императоръ увѣрялъ, будто считалъ всю исторію просто на-просто придворною сплетней. Съ письмомъ императора былъ отправленъ 13-го ноября одинъ изъ самыхъ ловкихъ придворныхъ Наполеона, камергеръ де-Турнонъ. Ему поручено было собрать самыя точныя свѣдѣнія, какія только можно добыть относительно настроенія умовъ въ Испаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ разузнать секретнымъ образомъ, въ какомъ именно состояніи находятся пограничныя крѣпости, Памплелуна и Фонтарабія. Генералъ Дюпонъ получилъ въ тотъ же день предписаніе воспользоваться общимъ возбужденіемъ, вызваннымъ недавними событіями, чтобы перейти съ своей дивизіей границу, двинуться къ Виторіи и произвести тщательную рекогносцировку всей окрестной страны. Демонстративно выказывая свое полнѣйшее равнодушіе къ испанскимъ дѣламъ, а въ сущности, чтобы избѣжать непріятныхъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду другія весьма важныя цѣли, императоръ уѣхалъ въ Италію.

Вторженіе Дюпона въ Испанію послѣдовало какъ разъ въ тотъ самый день, когда Наполеонъ пріѣхалъ въ Миланъ.

За время пребыванія Наполеона въ Венеціи, въ тотъ самый моментъ, когда Россія оказывалась столь удачно парализованной, и когда былъ набросанъ въ общихъ чертахъ планъ осуществленія наполеоновской восточной политики, французскій императоръ имѣлъ свиданіе съ этрурійской королевой-регентшей. Оправдывая возлагавшіяся на нее ожиданія, она объявила, что не можетъ царствовать тамъ, гдѣ не управляетъ, такъ какъ ея владѣнія заняты на основаніи высшихъ соображеній французскими войсками. Наполеонъ распорядился отправить ее въ Мадритъ съ подобающей ея сану пышностью. Этрурія, гдѣ она нѣкоторое время царствовала, была окончательно присоединена къ Итальянскому королевству, а Богарне, ничего не подозрѣвавшій до тѣхъ поръ о замыслахъ относительно Португаліи, получилъ предписаніе поторопиться изготовленіямъ для бывшей этрурійской королевы новаго королевства въ Португаліи. Истинная цѣль зимняго путешествія Наполеона въ Италію заключалась, повидимому, въ свиданіи съ своими братьями, Жозефомъ и Люсьеномъ. Первый изъ нихъ былъ вызванъ изъ Неаполя въ Венецію, а второй—изъ Рима въ Мантую. Младшій братъ Наполеона, переживъ юношескую вспышку радикализма, сдѣлался умѣреннымъ республиканцемъ и непоколебимо стоялъ за свои убѣжденія. Онъ высказался противъ провозглашенія Наполеона наслѣдственнымъ консуломъ и хотя могъ бы требовать себѣ награды за услугу, оказанную во время брюмерскаго государственнаго переворота, но удалился отъ дѣлъ, чтобы заниматься науками и литературой; по смерти первой жены, отъ которой у него остались двѣ дочери, онъ, въ противность всѣмъ желаніямъ Наполеона, женился на очаровательной красавицѣ, госпожѣ де-Жобертонъ. Бракъ этотъ былъ заключенъ въ 1802 году. Наполеонъ требовалъ отъ брата, чтобы онъ развелся съ своею женою и послужилъ опорою для имперіи, вступивъ въ брачный союзъ съ какимъ-нибудь царствующимъ домомъ и возсѣвъ на престолъ какого-нибудь королевства. Люсьенъ значительно превосходилъ талантами и мужествомъ всѣхъ прочихъ братьевъ Наполеона, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкомъ добросовѣстнымъ, съ установившимися принципами и полнѣйшимъ равнодушіемъ къ благоденствію наполеоновской имперіи.

Онъ очень неохотно пріѣхалъ въ Мантую. Существуютъ двѣ версіи относительно того, что происходило тамъ во время его свиданія съ братомъ. По однимъ свѣдѣніямъ, Наполеонъ предложилъ Люсьену португальскую корону, если онъ выдастъ свою дочь Шарлотту за испанскаго наслѣднаго принца Фердинанда, но Люсьенъ отказался отъ этого наотрѣзъ. По другимъ свѣдѣніямъ, ему было сперва предложено этрурійское королевство. Обѣ версіи согласуются другъ съ другомъ относительно того, что подъ конецъ Наполеонъ обѣщалъ Люсьену итальянскую корону, въ случаѣ, если онъ разведется съ женою и будетъ царствовать согласно интересамъ императорской власти своего брата. Люсьенъ

отвергъ это предложеніе, заявивъ, что, пожалуй, приметъ корону, но будетъ царствовать, соблюдая исключительно только интересы своихъ подданныхъ. Что касается до развода съ женою, то онъ не хотѣлъ о немъ даже слышать. При такихъ обстоятельствахъ между братьями произошелъ довольно крупный разговоръ. Наполеонъ раздавилъ въ рукѣ часы, которыми все время игралъ, и прошипѣлъ при этомъ, что такимъ же образомъ раздавитъ всѣхъ, кто ему противится. „Ну, что же! попытайтесь учинить преступленіе“,—возразилъ ему Люсьенъ. Впрочемъ, передъ тѣмъ, какъ разстаться, братья примирились другъ съ другомъ. Наполеонъ потребовалъ, чтобы по меньшей мѣрѣ старшая дочь его брата была прислана въ Парижъ, дабы воспользоваться ею тамъ для упроченія имперіи новымъ брачнымъ союзомъ. Люсьенъ согласился на это, и принцесса Шарлотта, умная дѣвочка лѣтъ четырнадцати, была препровождена къ своей бабушкѣ, носившей титулъ „Madame mère“. Принцесса была очень недовольна этимъ распоряженіемъ и въ веселыхъ, полныхъ юмора письмахъ къ мачихѣ, которую она искренно любила, осмѣивала скупость бабушки и слабости остальныхъ своихъ родственниковъ. Подобно перепискѣ всѣхъ другихъ подозрительныхъ лицъ, ея письма перехватывались и читались въ такъ называемомъ „черномъ кабинетѣ“ тайной цензуры. Когда Наполеону доложили объ ихъ содержаніи, онъ послалъ молодую остроумную проказницу обратно къ отцу. Отчаявшись найти поддержку у Люсіена и его семьи, Наполеонъ формально усыновилъ своего пасынка Евгенія, итальянскаго вице-короля. Это было сдѣлано съ цѣлью утвердить и упрочить въ Италіи сознаніе зависимости ея отъ Франціи.

Характеръ Жозефа, старшаго брата Наполеона, успѣлъ къ тому времени тоже созрѣть. Жизненный опытъ исцѣлилъ Жозефа отъ страсти къ приключеніямъ, ознаменовавшей начало его карьеры. Онъ сталъ добросердечнымъ и добросовѣстнымъ монархомъ-философомъ, заботившимся по мѣрѣ силъ и возможности о благѣ своего народа, и поэтому пользовался искренней любовью подданныхъ. Редереръ привелъ неаполитанскіе финансы въ порядокъ, а введенныя самимъ Іосифомъ административныя реформы оказались чрезвычайно удачными. Единственнымъ недовольнымъ элементомъ являлось дворянство, негодовавшее на то, что отъ него отняли власть и отмѣнили многія изъ его привиллегій. Имѣются положительныя доказательства того, что Іосифъ былъ вызванъ въ Венецію и пріѣзжалъ туда, но о свиданіи его съ братомъ не сохранилось никакихъ документальныхъ данныхъ, кромѣ замѣтки карандашемъ, собственноручно написанной Іосифомъ на поляхъ мемуаровъ Міоде Мелито. Въ замѣткѣ этой сообщается, что Наполеонъ, говоря о ссорахъ между членами испанской королевской фамиліи, заявилъ, что онѣ по всѣмъ вѣроятіямъ приведутъ къ результатамъ, которыхъ онъ давно уже опасался. (Послѣднее слово подчеркнуто). „Мнѣ предстоитъ не мало хлопотъ, — сказалъ Наполеонъ своему брату.—Безпорядки въ Испаніи выгодны

только англичанамъ, желающимъ продолжать войну. Мнѣ лично они положительно вредны, такъ какъ ослабляютъ союзника, на содѣйствіе котораго я разсчитываю въ этой войнѣ". Само собою разумѣется, что эта замѣтка предназначалась для потомства и въ высшей степени вѣроятно, что Наполеонъ тогда же сообщилъ Іосифу о результатѣ своихъ переговоровъ съ Люсьеномъ. Ввиду категорическаго отказа Люсьена, самому Іосифу приходилось занять испанскій престолъ. Первое время онъ тоже наотрѣзъ отказался отъ этой незавидной чести и, подобно Люсьену, уѣхалъ, чуть не поссорившись съ братомъ. Возможность возведенія Жозефа на испанскій престолъ обсуждалась, впрочемъ, уже въ Тильзитѣ Наполеономъ и Александромъ I. Жозефъ до такой степени привыкъ повиноваться брату, что, по здравомъ размышленіи, раскаялся въ своемъ непослушаніи, которое въ сущности дѣлало ему честь. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, передъ отъѣздомъ изъ Венеціи обратно въ Неаполь, онъ послѣдовалъ совѣту Наполеона и отправилъ къ императору Александру довѣренное лицо, чтобы заручиться формальнымъ согласіемъ русскаго государя на свое перемѣщеніе изъ Неаполя въ Испанію. Онъ подчинялся неотразимому обаянію своего брата, такъ какъ Наполеонъ несомнѣнно обладалъ умѣніемъ очаровывать людей. Къ тому же имперія Карла V являлась послѣ имперіи Карла Великаго самой блестящей въ Европѣ. Жозефъ Бонапартъ могъ ласкать себя мечтами, что будетъ занимать, если не первое, то второе мѣсто, уступая въ могуществѣ и славѣ единственно только своему брату.

Годой былъ весьма ловкимъ дипломатомъ. Въ отвѣтъ на письмо Наполеона онъ обратился къ французскому императору съ личнымъ ходатайствомъ о выдачѣ замужъ за Фердинанда французской принцессы. Настаивая на умѣстности такого брака, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на необходимость обнародованія условій соглашенія, состоявшагося въ Фонтенебло. Между тѣмъ въ противность этому документу, былъ 23 декабря 1807 года изданъ въ Миланѣ императорскій декретъ, по которому Жюно назначался генералъ-губернаторомъ всей Португаліи. Этотъ документъ былъ сообщенъ 2 февраля 1808 года французскимъ посломъ испанскому королю, съ заявленіемъ, что дѣйствіе Фонтенеблоскаго договора должно быть временно пріостановлено. Что касается до Годоя, то Наполеонъ отвѣтилъ ему письмомъ, довольно неопредѣленнаго содержанія, въ которомъ начинала звучать также новая нотка: императоръ заявлялъ, что былъ бы очень радъ скрѣпить союзъ съ Испаніею узами брака, о которомъ такъ часто заходила рѣчь, но только не знаетъ, можно-ли выказать такое довѣріе наслѣдному принцу, обезчестившему себя заговоромъ противъ отца и не представившему никакихъ доказательствъ раскаянія. Къ этому присоединялось, что обнародованіе Фонтенеблоскаго договора было бы преждевременно. Глаза Годоя окончательно тогда раскрылись; агентъ его въ Парижѣ сообщилъ, что былъ очень холодно принятъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, а вскорѣ послѣ того дѣвицу Таше де-ла-Пажери выдали замужъ за герцога Аренбергскаго,

одного изъ третьестепенныхъ членовъ рейнскаго союза. Въ Мадридѣ полагали, что французскій императоръ отказалъ въ своей поддержкѣ обѣимъ придворнымъ партіямъ. Общественное мнѣніе, склонявшееся въ пользу, то одной, то другой изъ нихъ, скоро объединилось въ общемъ раздраженіи противъ Франціи. Въ непродолжительномъ времени начались всюду толки о томъ, что Наполеонъ, при соучастничествѣ Годоя, собирается уничтожить государственную независимость и самостоятельность Испаніи.

Тѣмъ временемъ была произведена новая конскрипція; въ Байону прибывали съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленныя массы французскихъ подростковъ, словно въ насмѣшку именовавшихся солдатами; всѣ они оттуда переходили черезъ границу въ Испанію. Здоровенные, рослые испанцы съ изумленіемъ глядѣли на этихъ малолѣтнихъ воиновъ. Не было еще никакихъ слуховъ о вторженіи англичанъ и франко-испанская армія, занимавшая Португалію, не нуждалась пока еще въ подкрѣпленіяхъ, но вслѣдъ за Дюпономъ явился въ Испанію Монсей съ 30 тысячами отроковъ, именовавшихся солдатами. Дюгемъ привелъ цѣлый корпусъ въ Барселону, обойдя Пиринеи вдоль морского побережья, а Дарманьякъ прошелъ съ своей дивизіей Ронсевальское ущелье и занялъ Памплелуну. Бессьеръ быстро слѣдовалъ за нимъ съ гвардіей, Жерому-Наполеону было предписано собрать въ Вестфаліи сорокатысячный корпусъ. Фигуерасъ, Санъ-Себастіанъ и Вальядолидъ оказались скоро въ рукахъ французовъ. Оффиціальный „Moniteur“ отъ 24-го января объяснилъ, что эти мѣры вызваны необходимостью противодѣйствовать намѣреніямъ англичанъ высадиться въ Кадиксѣ. Шесть дней спустя императоръ Наполеонъ, подводя итоги своимъ вооруженнымъ силамъ, объявилъ, что у него въ общей сложности подъ ружьемъ имѣется уже до 800 тысячъ человѣкъ и что вскорѣ будутъ призваны подъ знамена еще 80 тысячъ.

Въ виду такихъ фактовъ, князь Мира чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ. Слабохарактерный король и порочная его супруга были охвачены ужасомъ. Этотъ ужасъ еще болѣе усилился, когда пришло отъ Наполеона второе письмо, помѣченное 25-мъ февраля и явственно выказывавшее со стороны императора намѣреніе вызвать ссору. Наполеонъ писалъ: „Ваше Величество изволили просить руки французской принцессы для принца астурійскаго. Я выразилъ въ письмѣ отъ 10-го января мое согласіе на это, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ Ваше Величество болѣе не говорили объ этомъ бракѣ. Такой образъ дѣйствій набрасываетъ мрачный покровъ на многіе предметы, существенные для блага монхъ народовъ“. Нѣсколько недѣль спустя прибылъ изъ Парижа Исквіердо и, скрѣпя сердце, объявилъ ужасающую истину. Призрачный договоръ, заключенный имъ въ Фонтенебло, успѣлъ уже разсыпаться прахомъ и всю Португалію имѣлось теперь въ виду отдать цѣликомъ кому-нибудь изъ Бонапартовъ. Этимъ объяснялись грозныя вооруженія и сосредоточеніе французскихъ войскъ за рѣкою Эбро. Годой отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и требо-

валъ выполненія Фонтенеблоскаго договора. Исквіердо уѣхалъ съ этимъ отвѣтомъ въ Парижъ и, къ концу марта мѣсяца, Талейрану было поручено вступить съ нимъ въ переговоры, якобы съ цѣлью подыскать какой-нибудь компромиссъ.

Князю Беневентскому отъ души наскучило бездѣйствіе, такъ что онъ съ радостью воспользовался случаемъ выказать себя снова необходимымъ человѣкомъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ позволялъ себѣ нѣкоторую оппозицію Наполеону, но теперь совершенно отказался отъ такого образа дѣйствій и посвятилъ все свое дипломатическое искусство и ловкость осуществленію политическихъ видовъ своего императора. Въ составленномъ проектѣ новаго договора предоставлялись французамъ въ испанскихъ колоніяхъ одинаковыя права съ испанскими подданными. Португалія присоединялась къ Испаніи, но взамѣнъ того Франціи уступалась вся монархія къ сѣверу отъ Эбро, когда-то занятая Карломъ Великимъ, а теперь фактически занятая Наполеономъ. Услышавъ въ первый разъ про эти суровыя условія, Исквіердо даже вскрикнулъ съ отчаянія, но на всѣ свои возраженія получалъ холодный отвѣтъ: „такова воля императора“. Въ началѣ марта мѣсяца прибылъ въ Испанію Бессьеръ съ 35-тысячнымъ корпусомъ. Общая численность французскихъ войскъ къ югу отъ Пиринеевъ дошла такимъ образомъ уже до 100 тысячъ, не считая арміи Жюно. Тогда только испанцы окончательно пробудились отъ своей апатіи и поняли унизительное положеніе, въ которомъ столь неожиданно оказались. Возбужденіе умовъ все болѣе усиливалось, такъ что, наконецъ, взрывъ народнаго негодованія сдѣлался неизбѣжнымъ.

Въ этотъ критическій моментъ Наполеонъ сдѣлалъ весьма многозначительный шагъ: великій герцогъ Мюратъ прибылъ 13-го марта въ Бургосъ съ полномочіями главнокомандующаго и тотчасъ же принялъ начальство надъ всѣми французскими войсками въ Испаніи. Предписавъ всѣмъ дивизіямъ сосредоточиться, онъ не торопясь двинулся къ Мадриду. Князь Мира и король почувствовали тогда, что ихъ часъ пробилъ. Годою сперва было пришло на мысль послѣдовать примѣру Браганцскаго дома: бѣжать за океанъ и водворить испанскихъ Бурбоновъ въ Мексикѣ или Перу. Королева сначала тоже высказалась съ горячностью за проектъ, осуществленіе котораго сохранило бы все-таки тѣнь верховной власти за нею самой и ея любимцемъ, но потребовалось много времени, прежде чѣмъ удалось убѣдить Карла IV въ умѣстности такого рѣшенія. Наконецъ, 15-го марта, король уступилъ и созвалъ государственный совѣтъ, дабы объявить о предстоявшемъ отъѣздѣ королевской фамиліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано было предписаніе заготовить по дорогѣ въ Кадиксъ почтовые экипажи. Мадридское населеніе почувствовало, что ничего худшаго при существующихъ условіяхъ случиться не могло и, проклиная Годоя, упрашивало короля остаться.

Мадридцамъ не удавалось добиться удовлетворительнаго отвѣта изъ Аранжуеца, гдѣ находился тогда запуганный, колебавшійся дворъ, среди котораго обнаруживалось къ тому же разно-

гласіе. День шелъ за днемъ, а въ улицахъ Аранжуеца толпились массы ожесточеннаго народа, кричавшія: „смерть Годою!“ Въ этихъ возгласахъ высказывались оскорбленная гордость и негодованіе испанцевъ противъ премьера, котораго считали подкупленнымъ французами. Вечеромъ 17-го марта начался бунтъ и злополучный князь Мира убѣдился, что его домъ окруженъ вооруженною чернью. Полуодѣтый и голодный онъ пытался бѣжать сперва черезъ одну, а затѣмъ черезъ другую дверь, но видя, что вездѣ его сторожатъ, укрылся, наконецъ, на чердакѣ, гдѣ спрятался подъ кучею хлама, въ то время, какъ чернь хозяйничала по свойски въ роскошныхъ аппартаментахъ. На слѣдующее утро Карлъ IV, уступая негодующимъ крикамъ толпы, отрѣшилъ Годоя отъ всѣхъ должностей. Въ теченіе тридцати восьми часовъ князь Мира скрывался на чердакѣ, но подъ конецъ оказался не въ силахъ выносить мученія голода и жажды. Обманувъ бдительность собственныхъ своихъ лакеевъ, онъ выскочилъ на улицу, и 19-го марта, былъ арестованъ сторожившими его гвардейцами. Извѣстіе объ арестованіи Годоя быстро распространилось и со стороны солдатъ потребовалось много усилій и личнаго мужества, чтобы защитить его отъ насилія черни. Это удалось, впрочемъ, только отчасти. Когда гвардейцы дошли до казармы и укрылись съ своимъ арестантомъ за дверьми, онъ оказался весь въ крови и почти безъ чувствъ. Чернь собиралась уже выломать двери и завладѣть вырванной изъ ея рукъ добычей, когда Карлъ IV, чтобы усмирить бурю, послалъ своего сына переговорить съ народомъ.

Народъ обожалъ астурійскаго принца, которому удалось поэтому безъ труда успокоить бунтовщиковъ и спасти жизнь своего врага. Гордый грандъ, истомленный голодомъ и физической болью, упалъ передъ принцемъ на колѣни, умоляя его о покровительствѣ, но все-таки сохранилъ способность интересоваться политическимъ положеніемъ, такъ какъ даже и въ эту минуту съ его запекшихъ отъ жажды губъ сорвался вопросъ: „Что, вы уже король?“—„Нѣтъ, но скоро имъ буду“, отвѣтилъ принцъ. Возбужденная чернь удалилась, заручившись обѣщаніемъ, что измѣнникъ, продавшій честь своей отчизны, будетъ отданъ подъ судъ, который поступитъ съ нимъ по всей строгости законовъ. Король Карлъ тотчасъ же началъ принимать мѣры къ избавленію Годоя отъ дальнѣйшихъ непріятныхъ столкновеній съ чернью, но эти распоряженія не удалось сохранить въ тайнѣ и бунтъ начался снова. Въ Мадридѣ народъ сжегъ всѣ принадлежавшіе князю Мира дворцы, за исключеніемъ одного, относительно котораго существовало предположеніе, будто онъ принадлежитъ еще королю. Карлъ IV вынужденъ былъ тогда уступить, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился снять съ себя бремя королевской власти. Въ тотъ же день, а именно 19-го марта, онъ подписалъ всѣ необходимые документы и отказался отъ престола въ пользу своего сына. На другой день утромъ, въ засѣданіи верховнаго государственнаго совѣта, созваннаго въ Аранжуецѣ, Карлъ IV объяснилъ, что слишкомъ ужъ угнетенъ горемъ и тяжкимъ бременемъ управленія, такъ что,

въ интересахъ своего здоровья, долженъ отдохнуть въ болѣе мягкомъ климатѣ, гдѣ предполагаетъ вести жизнь частнаго лица.

Наполеонъ въ борьбѣ съ принципомъ національности.

Низложеніе испанскихъ Бурбоновъ.—Народное возстаніе испанцевъ и одержанные ими успѣхи.—Возрожденіе Германіи подъ вліяніемъ почина Пруссіи. — Наполеонъ и Александръ въ Эрфуртѣ. — Испанская кампанія Наполеона.

Низложеніе испанскихъ Бурбоновъ.

Если можно указать моментъ очевиднаго поворота къ худшему въ счастливой до тѣхъ поръ карьерѣ Наполеона, то этимъ моментомъ слѣдуетъ признать весну 1808 года. Принявъ рѣшеніе пополнить въ западной Европѣ свою систему торговой войны съ Англіей и увлекаясь презрѣніемъ, которое чувствовалъ къ испанской королевской фамиліи, Наполеонъ впалъ въ ошибку самаго пагубнаго свойства, а именно, отнесся съ легкомысленнымъ презрѣніемъ также и къ испанской народности. Между тѣмъ, съ первымъ проявленіемъ ея національнаго чувства начался процессъ, закончившійся низверженіемъ Наполеона и разрушеніемъ его имперіи. Испанія, Пруссія и Австрія послѣдовательно пробудились къ сознанію, что династія не составляетъ еще сама по себѣ націи, что энергія, нравственные принципы и способность къ могучей организаціи лежатъ, собственно говоря, въ самомъ народѣ... Съ пробужденіемъ національнаго сознанія, стремленіе къ объединенію приняло среди отдѣльныхъ народностей такой же страстный характеръ, какой имѣло передъ тѣмъ во Франціи. Царствующія династіи стали исполнителями народной воли. Подавленныя до тѣхъ поръ силы современной жизни, пробились наружу и разрушеніе Наполеоновскаго имперіализма сдѣлалось только вопросомъ времени.

Тотчасъ же по восшествіи своемъ на престолъ, Фердинандъ обратился къ Наполеону съ просьбою о покровительствѣ. Съ собственноручными письмами новаго короля отправилось 20-го марта посольство, состоявшее изъ трехъ грандовъ. Карлъ и Луиза раскаялись, однако, въ своемъ отреченіи отъ престола еще прежде, чѣмъ выполнены были всѣ требуемыя для того формальности. Только что прибывшая въ Мадридъ Этрурійская королева уговаривала ихъ тоже объявить отреченіе отъ престола вынужденнымъ. Съ самой позорной непослѣдовательностью они отправили въ свою очередь посольство, но къ Мюрату, съ просьбою о вмѣшательствѣ и заступничествѣ за нихъ и Годоя. Мюратъ, по лѣности, или изъ желанія выиграть время, потребовалъ, чтобы эта просьба была предъявлена ему въ видѣ формальнаго письмен-

наго документа и безотлагательно получилъ такой документъ за подписями короля и королевы. Тамъ заявлялось, что они сложили съ себя корону подъ давленіемъ страха и просятъ о возстановленіи ихъ на престолѣ. Документъ этотъ оказался для Наполеона въ высшей степени цѣннымъ оружіемъ. Тѣмъ не менѣе французскій главнокомандующій находился въ величайшемъ недоумѣніи. Не зная въ точности плановъ императора, онъ не смѣлъ признать Фердинанда королемъ и не рѣшался возстановить на испанскомъ престолѣ Карла IV, противъ котораго фактически была двинута его армія. Въ виду такого затруднительнаго положенія онъ послалъ въ Аранжуецъ адъютанта съ словеснымъ успокоительнымъ заявленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ускоривъ движеніе передовыхъ частей своей арміи, вступилъ съ ними 23 марта въ Мадридъ. Въ инструкціяхъ къ своему зятю Наполеонъ разрѣшалъ ему вступить въ испанскую столицу, пополнить тамъ запасы продовольствія и дать своимъ войскамъ роздыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, строжайше предписывалось успокоить во что бы то ни стало всѣ опасенія королевскаго двора. Въ этихъ инструкціяхъ, однако, не была принята въ разсчетъ возможность аранжуецкаго государственнаго переворота, кореннымъ образомъ измѣнившаго положеніе дѣлъ. Со стороны Мюрата было бы всего благоразумнѣе отступить отъ буквальнаго смысла данныхъ ему инструкцій, но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ измѣнившіяся обстоятельства породили у него самого новые замыслы. На это потребовалось всего лишь какія-нибудь сутки. Онъ усмотрѣлъ для себя въ Мадридѣ вакантный королевскій престолъ. Всѣ другіе родственники Наполеона: Луи, Жеромъ и Жозефъ носили уже короны. Великое герцогство Бергское было само по себѣ вещь недурная, но королевство оказалось бы не въ примѣръ лучше, и Мюрату до чрезвычайности хотѣлось усѣсться на испанскій престолъ. Для этого надлежало, оставляя Фердинанда въ тѣни, выставить славу и могущество Франціи въ самомъ блестящемъ свѣтѣ.

Само по себѣ, занятіе Мадрида французскими войсками было крупной безтактностью. Еще безтактнѣе со стороны французскаго полководца являлось торжественное вступленіе въ испанскую столицу, съ войсками, состоявшими изъ безбородыхъ мальчишекъ. Населеніе встрѣтило его съ самой презрительной холодностью. На слѣдующій день послѣдовалъ въѣздъ короля Фердинанда въ Мадридъ. Народъ положительно обезумѣлъ отъ восторга и выказалъ молодому своему королю страстную преданность, не предвѣщавшую ничего хорошаго для проектовъ великаго герцога Бергскаго Іоахима I. Человѣкъ, менѣе ослѣпленный себялюбіемъ, увидѣлъ бы неизбѣжность народнаго возстанія. Мюратъ не отличался, однако, ни скромностью, ни проницательностью. Это былъ блестящій, смѣлый кавалерійскій генералъ, являвшійся иногда хорошимъ главнокомандующимъ, но всегда оказывавшійся плохимъ государственнымъ дѣятелемъ. Такъ и теперь, онъ запуталъ нити испанской интриги въ такой гордіевъ узелъ, который можно было разрубить только мечемъ войны. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, онъ, какъ извѣстно, не достигъ желаемой цѣли, а добился совершенно противоположныхъ результатовъ.

Наполеонъ, получивъ 25-го марта донесеніе Мюрата объ аранжецкомъ переворотѣ и своей политикѣ нейтралитета, похвалилъ великаго герцога и посовѣтовалъ ему балансировать по прежнему, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, не признавая новаго короля и не выказывая своими поступками, что прежній король фактически пересталъ уже царствовать. Въ тотъ же самый день, 25-го марта, послано было королю Луи-Наполеону въ Гагу письмо, требовавшее категорическаго отвѣта: согласенъ-ли онъ принять испанскій престолъ. Жозефъ, какъ извѣстно, колебался переѣхать изъ Неаполя въ Мадридъ, а потому временно находился въ немилости. Между тѣмъ, дѣятельность, съ какою голландцы занимались контрабандою, убѣдила Наполеона, что единственное средство къ поддержанію континентальнаго амбарго заключается въ окончательномъ присоединеніи Голландіи къ Франціи. Три дня спустя Мюратъ получилъ еще болѣе лестное для себя письмо, въ которомъ, между прочимъ, брошена была, словно невзначай, фраза: „думаю, что Годой заѣдетъ въ Байону". Разумѣется, это являлось намекомъ на желательность отправить князя Мира во Францію. Наполеонъ разсчитывалъ, что Мюратъ, принявъ этотъ намекъ къ свѣдѣнію, примется надлежаще за дѣло, а потому послалъ того же числа Бессьеру приказаніе встрѣтить прежняго короля и королеву съ величайшимъ почетомъ, „если они будутъ проѣзжать мимо". Мюрату поручено было разгласить въ Мадридѣ, что французскій императоръ, давно уже намѣревавшійся навѣстить испанскую столицу, не преминетъ туда пріѣхать. Наполеонъ былъ до такой степени увѣренъ въ понятливости своихъ подчиненныхъ, что съ тѣхъ поръ считалъ всю королевскую испанскую семью у себя какъ бы уже въ плѣну.

Существуетъ документъ, въ формѣ письма Наполеона къ Мюрату, помѣченнаго 29-го марта. Оно несомнѣнно написано Наполеономъ, но предназначалось только для отвода глазъ и вовсе не было отправлено къ Мюрату или же представляетъ собою позднѣйшую фабрикацію, съ предвзятой цѣлью ввести въ заблужденіе потомство. Въ письмѣ этомъ Наполеонъ обращается, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, къ Мюрату, называетъ его императорскимъ высочествомъ и фактически излагаетъ какъ разъ то самое, что, спустя десять лѣтъ, было извѣстно всѣмъ и каждому. Онъ категорически объявляетъ, что испанскій народъ способенъ воодушевляться въ самой сильнѣйшей степени политическими страстями и можетъ неопредѣленно долго вести войну съ вторгнувшимися къ нему чужеземцами; что національное возрожденіе Испаніи должно и можетъ быть достигнуто лишь съ соблюденіемъ надлежащей предосторожности и постепенности и что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ торопиться. Въ то же время протектору, какъ именуется въ этомъ письмѣ Мюратъ, разрѣшается, если онъ найдетъ это нужнымъ, признать Фердинанда законнымъ королемъ. Въ заключеніе Наполеонъ высказываетъ Мюрату порицаніе за слишкомъ поспѣшное

занятіе Мадрида и предостерегаетъ его отъ всякихъ мѣропріятій, способныхъ вызвать непреодолимую оппозицію со стороны народныхъ массъ.

Принимая во вниманіе чисто фактическую сторону дѣла, слѣдуетъ признать безразличной степень достовѣрности такого письма, равно какъ и то обстоятельство, было-ли оно дѣйствительно отправлено къ Мюрату, или же нѣтъ. Полнѣйшая дезорганизація была подготовлена въ Испаніи самимъ Наполеономъ, хотя, безъ сомнѣнія, придворныя интриги дѣятельно существовали тамъ и раньше, чѣмъ агенты французскаго императора принялись ихъ раздувать. Наполеонъ, очевидно, разсчитывалъ, что безхарактерные испанскіе Бурбоны послѣдуютъ примѣру португальскаго королевскаго дома и удалятся въ Америку. Государственный переворотъ, случившійся въ Аранжуецѣ, являлся горькимъ разочарованіемъ для хитраго корсиканца и въ значительной степени разстраивалъ его планы. Во всякомъ случаѣ поведеніе Мюрата и характеръ Фердинанда VII затрудняли, или даже устраняли возможность всякой комбинаціи, при которой осуществленіе непреклонныхъ намѣреній французскаго императора могло бы встрѣтить въ Испаніи хотя бы тѣнь доброжелательства. При такихъ обстоятельствахъ и въ подобный критическій моментъ, грубая брань, которою императоръ имѣлъ привычку осыпать своего зятя за мелкіе промахи и ошибки, оказывалась совершенно безцѣльной, тѣмъ болѣе, что, въ виду неизбѣжно долженствовавшей вспыхнуть революціи, образъ дѣйствій Мюрата былъ, пожалуй, не хуже всякаго другого. Безъ сомнѣнія, Мюратъ долженъ нести выпадающую на его долю отвѣтственность, но такая же отвѣтственность лежала бы всецѣло на немъ и безъ подложнаго письма, котораго въ дѣйствительности онъ никогда и не получалъ. Презрѣніе народа къ солдатамъ-подросткамъ, съ которыми онъ вступилъ въ Мадридъ, и къ его собственной показной торжественности и роскоши, совмѣстно съ озлобленіемъ, вызваннымъ послѣдующимъ его жестокосердіемъ, въ значительной степени объясняетъ многое, оказавшееся пагубнымъ для французскаго престижа и для самой Франціи.

Дабы завладѣть испанскою короной надлежало удалить вождей обѣихъ споривщихъ изъ-за нея партій со сцены скандальныхъ ихъ интригъ. Нельзя было сначала предвидѣть, удастся это, или нѣтъ. Наполеонъ выѣхалъ 2-го апрѣля въ Байону, сопровождаемый императрицею Жозефиной и блестящей свитой, а въ Мадридъ былъ отправленъ ловкій и пронырливый Савари. Въ своихъ мемуарахъ герцогъ Ровиго утверждаетъ, будто данныя ему инструкціи отличались крайней неопредѣленностью. Императору желательно было знать, „заслуживаютъ-ли Бурбоны низверженія съ престола“, иными словами, „можетъ-ли быть продѣлана надъ ними эта операція“. Относительно собственной своей особы Савари наивно заявилъ, что значительная доля личнаго его участія въ послѣдующихъ событіяхъ обусловливалась простой случайностью. Мюратъ выполнилъ какъ словесныя инструкціи, переданныя ему черезъ Са-

вари, такъ и указанія, имѣвшія характеръ легкихъ намековъ. На основаніи этихъ инсинуацій, Карлъ IV и его супруга оказывались въ Эскуріалѣ фактически плѣнниками, хотя съ ними обращались съ величайшимъ уваженіемъ. Годою дано было также понять, что онъ вскорѣ долженъ будетъ ѣхать въ Байону. Мюратъ на этомъ не остановился и позволилъ себѣ намекнуть Наполеону, что не мѣшало бы пригласить въ Байону и Фердинанда. Французскій посолъ Богарне первый объявилъ Фердинанду, что вѣрнѣе всего расположить къ себѣ императора, встрѣтивъ его на половинѣ пути. Савари еще передъ своимъ отъѣздомъ въ Мадридъ намекнулъ на эту комбинацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было вручено письмо къ Мюрату, гдѣ изъявлялось желаніе, чтобы принцъ астурійскій или оставался въ Мадридѣ, или пріѣхалъ бы повидаться съ императоромъ, который не имѣетъ въ виду немедленно ѣхать въ Испанію, но проживетъ нѣсколько времени въ Байонѣ. Тщательно выработанный планъ какъ нельзя лучше удался. Въ точности неизвѣстно, что именно говорилъ Савари Фердинанду,—какими надеждами онъ его соблазнялъ и какія именно обѣщанія далъ онъ ему отъ лица Наполеона, но, во всякомъ случаѣ, 10-го апрѣля молодой король поручилъ управленіе Мадридомъ особой юнтѣ и выѣхалъ, чтобы встрѣтиться съ Наполеономъ въ Бургосѣ. Онъ тѣмъ охотнѣе на это согласился, что Мюратъ преспокойно отказывался до тѣхъ поръ признавать его королемъ, тогда какъ Савари относился къ нему съ величайшей угодливостью и постоянно давалъ ему титулъ королевскаго величества. Министры Фердинанда: Эскойквицъ и Каваллосъ въ своихъ оправдательныхъ запискахъ утверждаютъ, будто Савари, дабы усилить впечатлѣніе, произведенное такимъ его обращеніемъ, сказалъ, какъ бы въ порывѣ военной откровенности, что императоръ ѣдетъ, чтобы лично увидѣть, дѣйствительно-ли Фердинандъ относится къ французской политикѣ съ такимъ же искреннимъ сочувствіемъ, какъ и его отецъ. Понятно, что на императора произведетъ самое благопріятное впечатлѣніе такой фактъ, какъ желаніе молодого короля лично видѣться съ нимъ, еще до пріѣзда его въ Мадридъ.

Въ Бургосѣ Фердинандъ узналъ, что Наполеонъ еще не прибылъ въ испанскіе предѣлы. Въ Виторіи ему сообщили, что императоръ не проѣзжалъ еще черезъ Бордо. Испанцы какъ нельзя болѣе порицали поѣздку своего короля, но радостно привѣтствовали его во время двухдневнаго путешествія въ Бургосъ. Тамъ онъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи народныхъ массъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ границѣ, тѣмъ сильнѣе возростало ихъ негодованіе на то, что они называли его „безуміемъ“. Въ Виторіи Фердинандъ пригласилъ поэтому къ себѣ Савари, карета котораго „случайно“ оказалась среди экипажей его свиты, и горько упрекалъ его въ обманѣ. Дѣло оказывалось, однако, непоправимымъ: всюду кругомъ были разбросаны французскія войска, въ томъ числѣ великолѣпная гвардейская кавалерія Бессьера. Если бы Фердинандъ сдѣлалъ попытку вернуться обратно, то это имѣло бы

характеръ прямого оскорбленія, нанесеннаго императору Наполеону, чего французскіе солдаты ни подъ какимъ видомъ не допустили бы. Молодой король, терзаясь опасеніями, написалъ и отправилъ съ особымъ курьеромъ длинное письмо, въ которомъ, излагая всѣ обстоятельства дѣла, просилъ императора вывести его изъ двусмысленнаго положенія, въ которомъ онъ оказывается поставленнымъ.

Отвѣтъ на это письмо былъ немедленно полученъ, но оказался весьма оскорбительнаго свойства, такъ какъ въ немъ Наполеонъ тщательно избѣгалъ признать Фердинанда королемъ. Тамъ заявлялось, что императоръ давно уже собирался навѣстить Мадридъ и произвести нѣкоторыя необходимыя реформы, но что его задержали дѣла на сѣверѣ, а тѣмъ временемъ произошелъ въ Аранжуецѣ переворотъ, который существенно измѣнилъ прежнее положеніе. Императоръ высказывалъ надежду, что Фердинандъ поспѣшитъ положить конецъ всѣмъ попыткамъ преданія Годоя суду, такъ какъ это неминуемо повлекло бы къ разоблаченіямъ, долженствующимъ обезчестить королеву. „Вспомните, Ваше „Королевское Высочество", что у васъ нѣтъ никакихъ правъ на престолъ, кромѣ тѣхъ, которыя перешли къ вамъ отъ матери", писалъ Наполеонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ освѣдомлялся, было-ли отреченіе короля Карла IV отъ престола свободнымъ или вынужденнымъ поступкомъ? Ему хотѣлось бы лично переговорить съ Фердинандомъ, чтобы уяснить себѣ, какую именно роль въ этомъ отреченіи играли бунты, происходившіе въ Аранжуецѣ. Наполеонъ заявилъ также, что «Его Королевское Высочество» поступилъ очень безтактно въ вопросѣ о своемъ сватовствѣ. Ему не слѣдовало дѣлать такого шага безъ вѣдома короля. Вообще всякія частныя сношенія съ иностранными государями со стороны наслѣднаго принца являются уже преступленіемъ. Императоръ присовокупилъ, что если въ Аранжуецѣ не было произведено насилія надъ Карломъ IV, то онъ съ своей стороны охотно признаетъ Фердинанда испанскимъ королемъ и сочтетъ его бракъ съ французской принцессой выгоднымъ не только для испанскаго, но и для французскаго народа.

На слѣдующій день, а именно 17-го апрѣля, посланы были Бессьеру приказанія воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства, если принцъ будетъ продолжать свое путешествіе, но тотчасъ же арестовать его и доставить подъ конвоемъ въ Байону, если бы онъ вздумалъ вернуться назадъ въ Бургосъ. Читая оскорбительныя заявленія, а также обѣщанія и комплименты, которыми было пересыпано письмо Наполеона, Фердинандъ колебался и не зналъ, что дѣлать. Состоявшіе въ его свитѣ испанцы совѣтовали вернуться, но Савари смѣялся надъ ихъ опасеніями и не только словоохотливо разсыпался въ комментаріяхъ относительно сомнительныхъ мѣстъ письма, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не скупился на обѣщанія. 20-го апрѣля Фердинандъ VII, король испанскій, какъ именовали его приверженцы, въѣзжалъ уже въ Байону. Онъ не былъ встрѣченъ, тамъ съ королевскими почестями, но взамѣнъ того увидѣлся у самыхъ воротъ съ тремя грандами, которыхъ отправилъ чрезвычайными послами къ Наполеону. Они грустно сообщили ему, что

по заявленію самого императора—„Бурбоны не могутъ болѣе царствовать въ Испаніи. Съ печальными лицами и колеблющимися шагами молодой монархъ и его свита послѣдовала за Дюрокомъ и Бертье въ отведенную имъ плохенькую квартиру.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ ею въ Байонѣ, императрица Жозефина была очень любезной и радушной хозяйкой. Она старалась успокоивать и облегчать грустное настроеніе гостей, явившихся къ ней не по своей охотѣ. Вечеромъ, въ день прибытія Фердинанда, данъ былъ блестящій балъ въ Марракѣ (замкѣ, гдѣ помѣщался императорскій дворъ). Фердинанда и его свиту угостили тамъ на славу; приближенные молодого короля по мѣрѣ того, какъ пиршество приближалось къ концу, чувствовали себя все въ болѣе веселомъ настроеніи духа и начали питать самыя оптимистическія надежды. Ихъ шокировало только то обстоятельство, что императоръ, обращаясь къ своему гостю, называлъ его не королемъ, а просто принцемъ; тѣмъ не менѣе обстоятельство это представлялось сравнительно маловажнымъ, такъ что, на обратномъ пути въ отведенныя имъ помѣщенія, всѣ они были въ жизнерадостномъ настроеніи, за исключеніемъ каноника Эскойквица, которому предложено было остаться для краткой частной бесѣдѣ съ Наполеономъ, тогда какъ Савари дано было порученіе проводить принца. При этомъ какъ министру, такъ и самому принцу въ одинъ и тотъ же часъ объяснили въ краткихъ, рѣзкихъ и ясныхъ выраженіяхъ фактическое положеніе дѣлъ, то есть, что Бурбоны уже не царствуютъ въ Испаніи и что Фердинандъ можетъ получить въ вознагражденіе этрурійское королевство, если откажется съ соблюденіемъ всѣхъ должныхъ формальностей отъ престола, на который даже и технически не имѣетъ законныхъ правъ, въ виду заявленія Карла IV, что его застращали и такимъ образомъ вынудили отречься отъ короны. По распоряженію Наполеона заявленіе это было отпечатано и обнародовано въ Мадридѣ, а вслѣдъ за тѣмъ онъ пригласилъ короля Карла, королеву Луизу и Годоя въ Байону.

Освободить князя Мира изъ подъ ареста оказалось для Мюрата не особенно легкой задачей, такъ какъ юнта опасалась раздражить мадридское населеніе, передавъ французамъ человѣка, возбудившаго къ себѣ общую ненависть, главнымъ образомъ вслѣдствіе подозрѣнія, что онъ подкупленъ Наполеономъ. Тѣмъ не менѣе великому герцогу, наконецъ, удалось этого добиться и въ послѣднихъ числахъ апрѣля освобожденный арестантъ прибылъ въ Байону, гдѣ къ 30-му числу собрались всѣ маріонетки, долженствовавшія участвовать въ спектаклѣ, подготовленномъ и поставленномъ на сцену французскимъ императоромъ. Годой до такой степени утратилъ всю энергію и бодрость духа, что безропотно согласился играть предназначенную ему роль. Карлу IV оказывали въ пути королевскія почести и онъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, исправлялъ должность короля. Фердинандъ, вызывавшій своимъ характеромъ и поведеніемъ презрительное негодованіе даже у Талейрана, выступилъ на сценѣ въ роли подсудимаго, обвиняв-

шагося въ нанесеніи безчестья своимъ родителямъ. Въ первомъ дѣйствіи выставлялась напоказъ чрезвычайно обидная для королевскаго достоинства картина безхарактерности и слабости. Фердинанду велѣно было предстать передъ его родителями, признававшими себя царствовавшей въ Испаніи королевской четой, и передъ императоромъ. Годой, производившій на Талейрана впечатлѣніе быка, уже ошеломленнаго ударомъ обуха по головѣ, мрачно сидѣлъ тутъ же. Престарѣлый король требовалъ отъ сына, чтобы онъ возвратилъ корону. Фердинандъ отказывался ее вернуть и упрямился такъ, что престарѣлый король подъ конецъ поднялся съ кресла и, качаясь на своихъ разбитыхъ ревматизмомъ ногахъ, замахнулся на сына тростью. Второе требованіе возврата короны предъявлено было письменно и на него послѣдовалъ уже другой отвѣтъ. Фердинандъ изъявилъ готовность отказаться отъ престола передъ общимъ собраніемъ кортесовъ въ Мадридѣ, но единственно лишь въ пользу своего отца. Достаточно было одного намека со стороны Наполеона, чтобъ дряхлый старикъ, понимавшій, что этотъ намекъ равносиленъ приказанію, отклонилъ предложеніе сына, объявивъ, что Испанію можетъ спасти единственно лишь императоръ Наполеонъ. Два дня спустя императорскій декретъ назначилъ Мюрата диктаторомъ Испаніи съ титуломъ намѣстника.

Тѣмъ временемъ великій герцогъ Бергскій дѣятельно интриговалъ, стараясь проложить себѣ всякими правдами и неправдами тропу къ королевскому престолу. Самымъ надежнымъ средствомъ ускорить ходъ событій являлось устройство уличнаго бунта въ Мадридѣ. Французская оккупація сама по себѣ уже до чрезвычайности раздражила нервы испанской столицы. Народное недовольство еще болѣе усилилось вслѣдствіе отъѣзда короля Фердинанда, а послѣдовавшее за нимъ освобожденіе Годоя привело умы въ самое возбужденное состояніе. Зная, что матеріалы для взрыва приготовлены, Мюратъ фактически поджегъ ихъ, во-первыхъ, измѣнивъ размѣщеніе французскихъ войскъ, такъ что они стали угрожать столицѣ и являлись уже какъ бы не союзниками, а завоевателями, а во-вторыхъ, заявивъ, что инфантъ донъ-Франциско съ своимъ дядей и остальными членами королевской фамиліи, не исключая королевы этрурійской и ея дѣтей, должны немедленно ѣхать въ Байону. Все мадридское населеніе возстало 2-го мая, чтобъ воспротивиться столь наглой тиранніи. Мюратъ заранѣе уже подготовился къ этой вспышкѣ. Столкновеніе между испанскими патріотами и войсками было непродолжительно, но кровопролитно. Французы потеряли убитыми около 400, а патріоты около 800 человѣкъ. Кандидатъ на королевскій престолъ уступилъ съ демонстративною кротостью просьбамъ и представленіямъ правительственной юнты и обѣщалъ общую амнистію. Онъ считалъ, однако, умѣстнымъ дать маленькій урокъ будущимъ своимъ подданнымъ, а потому, несмотря на это обѣщаніе, разстрѣлялъ, въ примѣръ другимъ, сотни двѣ инсургентовъ. Онъ не зналъ, что этотъ самый день принесетъ ему горькое разочарованіе. Дѣйстви-

тельно, какъ разъ 2-го мая, Наполеонъ отправилъ Мюрату письмо, въ которомъ заявлялъ, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ сдѣлать его королемъ испанскимъ, но предоставляетъ ему за то выборъ между неаполитанской и португальской короной.

Наполеону наскучило уже въ Байонѣ: ему хотѣлось скорѣе вернуться въ Парижъ, гдѣ удобнѣе было заняться хлопотами объ упроченіи имперіи и династіи. Упрямаго Фердинанда призвали поэтому еще разъ предъ лицо его родителя и тамъ, въ присутствіи французскаго императора, обвинили въ подстрекательствѣ мадридцевъ къ бунту. Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ молчалъ, не подымая глазъ отъ земли. „Если вы сегодня же, къ полуночи, не признаете своего отца законнымъ королемъ и не объявите объ этомъ въ Мадридѣ, то съ вами будетъ поступлено какъ съ бунтовщикомъ“, холодно замѣтилъ императоръ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Фердинанду VII пригрозили при этомъ даже смертною казнью.

Сопротивленіе было такимъ образомъ сломлено. Фердинандъ отказался отъ престола въ пользу отца, и отъ наслѣдственныхъ своихъ правъ въ пользу Наполеона. Карлъ IV уже ранѣе передалъ всѣ свои монаршія права французскому императору. Добродушный старичекъ, гостившій у Наполеона, дѣйствительно чувствовалъ себя веселымъ и жизнерадостнымъ, какъ это и было, безъ сомнѣнія, желательно радушному его хозяину. Фердинандъ оставался, однако, молчаливымъ и угрюмымъ, несмотря на то, что ему подарили Наваррскій замокъ, съ милліономъ франковъ дохода, и обѣщали, что всѣмъ членамъ королевской фамиліи назначена будетъ самая щедрая пенсія, Наполеону не нравилось такое поведеніе молодого его гостя. Онъ поручилъ, поэтому, Талейрану отвезти принца Фердинанда въ роскошный Валансейскій свой замокъ, объяснивъ, что характеръ этого молодого человѣка можно опредѣлить однимъ словомъ „мрачный“. Бѣдняга Талейранъ оказался осужденнымъ на почетную должность тюремщика при низложенномъ монархѣ, содержавшемся подъ охраной восьмидесяти конныхъ жандармовъ. Императоръ былъ настолько великодушенъ, что не заключилъ въ тюрьму этого молодого преступника, добровольно отдавшагося въ его руки; взамѣнъ того Талейрану было поручено слѣдить за молодымъ принцемъ, забавлять его и пріискать, если возможно, хорошенькую дѣвицу, которая сумѣла бы плѣнить его до такой степени, что въ ея обществѣ онъ позабылъ бы о прельщеніяхъ и соблазнахъ верховной власти. Въ качествѣ знатока человѣческаго сердца, Наполеонъ разсчитывалъ, что время ослабитъ у принца Фердинанда честолюбивыя стремленія и желанія мести. Нѣсколько дней спустя Карлъ, Луиза и Годой удобно устроились всѣ втроемъ въ Компіенѣ, а Фердинандъ съ своимъ братомъ угрюмо уѣхалъ въ гости къ Талейрану въ Валансэ. Постыдная безхарактерность Фердинанда не замедлила тамъ обнаружиться. Въ день своего прибытія къ мѣсту назначенія, онъ написалъ Наполеону письмо, полное самыхъ унизительныхъ изъявленій покорности. Вскорѣ послѣ того онъ поздравилъ французскаго императора съ вступленіемъ Жозефа на испанскій коро-

левскій престолъ и, не довольствуясь этимъ, послалъ самому Жозефу-Наполеону поздравленіе по случаю его коронованія, причемъ далъ Жозефу титулъ „Его Католическаго Величества".

Народное возстаніе въ Испаніи и одержанные имъ успѣхи.

Наполеону извѣстно было таинственное могущество, которымъ пользовалась во всей Европѣ законная монархическая власть. Не имѣя лично ни малѣйшаго уваженія къ принципу законности, онъ тѣмъ не менѣе былъ непрочь по возможности воспользоваться его обаяніемъ. Ошибшись въ оцѣнкѣ силы испанскаго патріотизма, онъ сдѣлалъ еще и другой промахъ, вообразивъ, что испанцы признаютъ законнымъ своимъ государемъ каждаго, кого ему взду мается назначить наслѣдникомъ законныхъ монархическихъ правъ, только что переданныхъ въ его руки испанскими Бурбонами. Родной братъ французскаго императора, Луи-Наполеонъ, недавно представилъ къ тому же и самъ наглядное доказательство могущественнаго вліянія новой обстановки на понятія о законности. Въ отвѣтъ на письмо Наполеона отъ 25 марта, онъ наотрѣзъ отказался отъ испанскаго престола, ссылаясь на то, что поклялся въ вѣрности голландцамъ. Это побудило Наполеона немедленно же снять опалу съ Жозефа и вызвать его въ Байону. Жозефъ пріѣхалъ туда, повидимому, очень охотно, объясняя это искреннимъ желаніемъ высвободить возлюбленнаго своего брата Наполеона изъ затруднительнаго положенія. Вскорѣ все, повидимому, было готово ко вступленію новаго монарха на престолъ.

Фонтенеблоскій договоръ вызвалъ политической своей стороной неожиданныя усложненія, которыя привели затѣмъ къ роковымъ послѣдствіямъ. Не особенно существенныя на первый взглядъ военныя обязательства, включенныя въ этотъ договоръ, казались выполненными довольно удачно. Одна испанская армія находилась вдали отъ отечества на берегахъ Балтійскаго моря, подъ строгимъ надзоромъ Бернадотта, другая армія уведена была въ западную Испанію и расположена вдоль португальской границы, а тѣмъ времени сѣверныя и среднія испанскія области были заняты французами. Генералъ Солано пытался было вступить съ своими войсками въ эти области, но его парализовали инструкціи, полученныя отъ министровъ Карла IV, остававшихся въ Мадридѣ. Не зная, въ какой степени означенные министры имѣли право распоряжаться во время революціоннаго кризиса, Солано лишь на половину повиновался этимъ инструкціямъ и, вмѣсто того, чтобы вернуть войска на прежнія стоянки, только пріостановилъ ихъ движеніе. Этого было совершенно достаточно для цѣлей Наполеона, такъ какъ по близости отъ Мадрида не имѣлось регулярныхъ испанскихъ войскъ. При такихъ обстоятельствахъ, когда испанскихъ нотаблей созвали въ Байону, имъ неудобно было уклониться отъ такого предложенія, и полтораста депутатовъ дѣйствительно туда прибыли. 6-го іюля 1808 года эти кортесы предложили Жозефу-Наполеону испанскую корону и онъ ее принялъ.

Новая конституція, при посредствѣ которой Наполеонъ намѣревался возродить Испанію, была представлена на разсмотрѣніе тѣхъ же кортесовъ и удостоилась ихъ утвержденія.

Заручившись этимъ документомъ и кабинетомъ талантливыхъ министровъ, его „католическое величество“ представилось собственной своей персоной Мадридскому населенію. Карлъ IV и его приближенные нашли компіенскій климатъ слишкомъ холоднымъ и переѣхали сперва въ Марсель, а затѣмъ въ Италію. Мюратъ сталъ королемъ Неаполитанскимъ, а Фердинандъ нашелъ жизнь во Франціи очень пріятной и охотно лобызалъ руку, свергнувшую его съ престола. Наполеонъ, вернувшись въ Парижъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ: его до нѣкоторой степени тревожило настроеніе испанскаго народа. При всемъ томъ онъ надѣялся, что недовольство окажется мѣстнымъ и будетъ подавлено энергическими мѣрами, подобно тому, какъ это удавалось во Франціи, Испаніи и на Востокѣ. Оказалось, однако, что онъ жестоко ошибался.

Испанская исторія являлась уже въ теченіе долгаго времени почти сплошною лѣтописью позора. Презрѣнный характеръ людей, стоявшихъ у кормила правленія, казалось, совершенно подавилъ врожденное благородство испанскаго народа и заставилъ мѣстную аристократію погрузиться какъ бы въ летаргическій сонъ. Въ лѣтописяхъ самой худшей эпохи испанскаго униженія необходимо поставить рядомъ другъ съ другомъ имена Годоя и Эскойквица, одинаково виновныхъ въ политическомъ преступленіи. Оба они прикрывали свою собственную алчность и честолюбіе дѣйствіями своихъ креатуръ: короля Карла IV и принца Фердинанда. По сценѣ этого заговора движется также женская фигура королевы Луизы, подобіе которой можно встрѣтить развѣ въ описаніяхъ вѣдьмъ, фурій и гетеръ. При всемъ томъ, однако, одиннадцати милліонный испанскій народъ не былъ въ сущности испорченымъ и развращеннымъ. Пассивные отъ природы испанцы, скованные цѣпями традицій и устарѣвшихъ учрежденій, долгое время томились въ рабствѣ у развращеннаго своего правительства. Съ удаленіемъ Бурбоновъ всѣ прежнія орудія рабства были немедленно же смѣщены. Какъ самъ Наполеонъ, такъ и его братъ Жозефъ были, безъ сомнѣнія, искренне убѣждены, что честная и способная администрація въ современномъ духѣ не замедлитъ возродить въ Испаніи порядокъ, промышленность, благоденствіе и внутренній миръ. Въ такомъ случаѣ испанскій народъ не преминетъ возчувствовать благодарность къ своимъ освободителямъ, проникнется живѣйшими къ нимъ симпатіями и окажется преданнымъ и вѣрнымъ союзникомъ французскаго императора въ борьбѣ противъ коварнаго и тиранническаго англійскаго правительства. Было бы безцѣльно разсуждать, въ какой именно степени могла осуществиться эта мечта, если бы реформаторамъ не пришлось употребить въ дѣло такія негодныя орудія, какими являлась дряхлость короля, развращенная страстность королевы, алчность Годоя, эгоизмъ Эскойквица, ненадежность Фердинанда и честолюбіе Мюрата. Безъ сомнѣнія, съ такимъ арсеналомъ порочныхъ свойствъ и качествъ

трудно было совершить благодѣтельный переворотъ. Тѣмъ не менѣе главнѣйшій промахъ заключался не въ употребленіи подобныхъ орудій, а въ презрѣніи къ испанской національности, обнаруженномъ сперва въ заключеніи Фонтенеблоскаго договора, затѣмъ въ нарушеніи его послѣдующимъ захватомъ Португаліи и, наконецъ, въ оккупаціи Испаніи французскими войсками Заявляя, что байонскія событія принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы Талейранъ говоритъ, будто позволилъ себѣ однажды совершенно хладнокровно замѣтить Наполеону, что въ обществѣ многое прощается свѣтскому человѣку, но плутовство въ карточной игрѣ не прощается никогда. Если только у Талейрана дѣйствительно хватило смѣлости высказаться такимъ образомъ, то замѣчаніе его дѣйствительно было одновременно до чрезвычайности колкимъ и мѣткимъ.

Поворотъ, послѣдовавшій въ судьбахъ Наполеона, можно приписать до извѣстной степени кровавой бойнѣ 2 мая, произведенной въ Мадритѣ, вопреки амнистіи, которая была обѣщана Мюратомъ. Трудно выяснить теперь, въ какой степени являлся Наполеонъ отвѣтственнымъ за поступки Мюрата. Безъ сомнѣнія, несправедливо приписывать французскому императору вездѣсущіе и всевѣдѣніе и возлагать непосредственно на него отвѣтственность за подробности каждаго мѣропріятія. Существуетъ предположеніе, будто Мюратъ руководствовался во всѣхъ деталяхъ инструкціями Наполеона. Это не доказано и весьма неправдоподобно, но не подлежитъ сомнѣнію, что Мюратъ дѣйствовалъ въ Наполеоновскомъ духѣ. Какъ бы ни было, пламя возстанія вспыхнуло послѣ того въ каждомъ изъ испанскихъ домашнихъ очаговъ. Недовольство, вызванное въ Мадритѣ, оказывалось уже и само по себѣ достаточно опаснымъ, хотя про Мадритъ нельзя сказать, чтобы онъ являлся всей Испаніей, подобно тому, такъ Парижъ является всей Франціей. Съ другой стороны, въ каждомъ изъ испанскихъ провинціальныхъ округовъ пробудился восторженный мѣстный патріотизмъ. Здоровая и неиспорченная испанская кровь забила горячимъ ключомъ при извѣстіи о коварствѣ, съ которымъ французы обращались не только съ королевскимъ домомъ, но даже и съ гражданами,—настоящими испанцами и испанками,—братьями и сестрами всѣхъ испанцевъ. Наполеонъ не предусмотрѣлъ возможность такого факта и уяснилъ ее себѣ лишь много лѣтъ спустя, когда его самого умудрили многіе годы горькаго опыта. Мадритскіе безпорядки, подавленные Мюратомъ съ такимъ страшнымъ кровопролитіемъ, казались тогда французскому императору единственно только желанной случайностью, благодаря которой получалась возможность сломить упорство Фердинанда; никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій онъ не предусматривалъ.

На самомъ дѣлѣ испанская столица была переполнена тогда провинціалами, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ страны, чтобы привѣтствовать восшествіе обожаемаго ими Фердинанда VII на престолъ. Они вернулись на родину, проникнутые ненавистью къ французамъ и полные горькаго негодованія къ политикѣ, лжи и обмана, съ помощью которой Испанія и Португалія были оттор-

гнуты отъ торговой системы, обезпечивавшей населенію извѣстную долю благосостоянія и многія удобства. Взамѣнъ этого имъ навязывали теперь не только короля-иностранца, но, сверхъ того, другую торговую систему, требовавшую громадныхъ жертвъ, вызывавшую вмѣстѣ съ тѣмъ застой въ промышленности, разстройство въ государственномъ хозяйствѣ и присутствіе чужеземныхъ войскъ. Одною изъ слабыхъ сторонъ испанской монархіи считалась всегда недостаточная централизація, но въ данномъ случаѣ это обстоятельство являлось весьма выгоднымъ, такъ какъ придавало тѣмъ большую силу мѣстному патріотизму. Населеніе каждаго города, мѣстечка и деревни обладало своей собственною мѣстной гордостью, которая была оскорблена полученными изъ Мадрита извѣстіями, о томъ, что непрошенно вторгнувшіеся въ Испанію французы попираютъ не только испанскія права, но также и всѣ принципы добросовѣстности и гуманности. Національная воля была возбуждена у испанцевъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо передъ тѣмъ или послѣ того. Она высказывалась съ каждымъ днемъ все громче и громче, такъ, что подъ конецъ пламя восторженной преданности національному дѣлу вспыхнуло всюду и слилось въ страшный пожаръ, охватившій всю Испанію. Въ каждой общинѣ организовался комитетъ народной обороны. Отдѣльные комитеты сплотились для сопротивленія вражескому вторженію. Выставленные ими въ поле небольшіе вооруженные отряды или гверильи, соединялись при случаѣ вмѣстѣ для нанесенія энергическаго удара общему врагу. Сопротивленіе французамъ возгоралось повсемѣстно въ Испаніи. Это должны были чувствовать даже кортесы, утверждавшіе въ Байонѣ новую конституцію.

До тѣхъ поръ, въ исторіи Европы, вся политическая дѣятельность носила по преимуществу династическій характеръ. Правда, что давно уже успѣли сложиться многія народности, но всѣ онѣ признавали надъ собою власть могущественныхъ династій. Сущность національности какъ бы воплощалась въ царствующемъ домѣ, тогда какъ общность учрежденій, языка, религіи, отчизны, одинаковости цѣлей и судебъ отступали на второй планъ. Испанія, подобно Италіи, обладала опредѣленно отграниченной національной территоріей и весьма однороднымъ населеніемъ, хотя среди него и замѣчались бросающіеся въ глаза мѣстныя особенности. Страна инквизиціи, невѣжества и нетерпимости, короче сказать— страна, дошедшая до крайней степени упадка надъ деспотическимъ давленіемъ, представлялась естественно наиболѣе подготовленною къ тому, чтобы начать контръ-революцію, которая, обуздавъ черезмѣрныя увлеченія французской революціи, воплощавшіяся въ Наполеонѣ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ національности, вывела на сцену міровой исторіи народность и національное сознаніе въ качествѣ самыхъ могучихъ силъ девятнадцатаго столѣтія.

Именно это и случилось въ Испаніи. Наполеоновская стратегія смѣялась надъ военными построеніями временъ Фридриха Великаго, а испанскіе гверильясы смѣялись надъ какими бы то ни было военно-научными правилами. Они сбирались вмѣстѣ, чтобы

дать бой, а затѣмъ снова разсыпались, лишая такимъ образомъ врага возможности отплатить имъ отвѣтнымъ ударомъ. Впрочемъ, успѣхи, которые одерживали иногда испанскія регулярныя войска, свидѣтельствуютъ, что командовшимъ ими генераламъ была отчасти знакома наполеоновская система веденія войны. При въѣздѣ Іосифа въ Мадридъ, вся страна находилась уже въ открытомъ возстаніи, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ французскія войска вынуждали населеніе подчиняться, скрѣпя сердце, французскому владычеству. Духовенство, такъ долго пребывавшее въ лѣнивомъ бездѣйствіи, внезапно ощутило въ себѣ энергію сопротивляться и умѣніе управлять. Примкнувъ къ инсургентамъ, оно воспользовалось простодушной вѣрою испанцевъ, чтобы возбудить народныя страсти и вызвать неумолимую вражду къ преслѣдователямъ папы. Несмотря на хаотическую неопредѣленность элементовъ возстанія, оно все-таки являлось по существу народнымъ движеніемъ. Даже Наполеонъ соглашался впослѣдствіи, что самъ испанскій народъ по собственному почину отказался признать новую конституцію и высказался за Фердинанда VII. Это наглядно подтверждается общимъ ходомъ событій; астурійскіе горцы поднялись всѣ разомъ; жители Картагены открыли двери своихъ арсеналовъ волонтерамъ, прибывшимъ изъ сосѣднихъ деревень; Сарагосскіе граждане отразили осаждавшія ихъ французскія войска; населеніе Валенціи сперва перерѣзало французовъ, укрывшихся въ цитадели, а затѣмъ, послѣ отчаяннаго боя, заставило отступить дивизію Монсея, атаковавшую городъ. Испанскіе вожди терпѣли пораженіе каждый разъ, когда пытались дать французамъ бой въ открытомъ полѣ, но когда они укрывались въ горахъ и сражались по разбойничьи, имъ нерѣдко случалось одерживать побѣды.

Испанское возстаніе вспыхнуло до такой степени быстро и повсемѣстно, что отряды, на которые раздробилась французская армія, вынуждены были запереться въ городахъ, гдѣ имъ удалось удержаться. При этомъ они показывали видъ, будто относятся съ презрѣніемъ къ испанскимъ національнымъ гвардейцамъ, выроставшимъ всюду словно изъ подъ земли, но въ дѣйствительности не на шутку побаивались этихъ вооруженныхъ гражданъ, находившихся въ состояніи величайшаго озлобленія. Все чаще и чаще происходили между отдѣльными французами и испанцами ссоры, при которыхъ это озлобленіе, разгораясь въ яркую вспышку гнѣва, заканчивалось смертельными ударами испанскаго кинжала. Такіе инциденты, повторяясь многократно, начали вызывать панику среди французскихъ солдатъ-молокососовъ. Захваты и разграбленіе городовъ служили уже въ теченіе многихъ лѣтъ традиціонной забавой для великой арміи. Забава эта въ Италіи и Германіи сопровождалась лишь самою ничтожною опасностью для жизни, а между тѣмъ доставляла колоссальную добычу. Молодые конскрипты, неоднократно слышавшіе объ этомъ отъ своихъ отцовъ, нашли, къ величайшему своему разочарованію, что въ Испаніи взятіе города приступомъ сопряжено для самихъ побѣдителей съ большими потерями, тогда какъ добычи оказывается мало, или

даже и вовсе не оказывается. Во многихъ случаяхъ французамъ приходилось жестоко расплачиваться своими боками. Такъ, напримѣръ, въ Кадиксъ была прислана французская эскадра для совмѣстнаго дѣйствія съ войсками, отправленными Наполеономъ, яко бы для отраженія предполагавшейся высадки туда англичанъ, но въ дѣйствительности для того, чтобы застращать южную Испанію. Прибытіе сухопутныхъ войскъ замедлилось вслѣдствіе того, что къ сѣверу Кадикса вспыхнуло возстаніе. Воспользовавшись этимъ, кадикское населеніе въ свою очередь вооружилось и овладѣло французскими кораблями. Трупы французскихъ солдатъ оказывались сплошь и рядомъ изуродованными; разсвирипѣвшіе испанцы не давали пощады даже и раненымъ.

Въ концѣ мѣсяца, французскій главнокомандующій Мюратъ съ своими помощникомъ, генераломъ Монсеемъ, находился въ Мадридѣ, гдѣ было сосредоточено до 30 тысячъ человѣкъ. Жюно съ 25-ти-тысячнымъ корпусомъ занималъ Португалію. Бессьеръ имѣлъ 25 тысячъ, часть которыхъ подъ его начальствомъ стояла въ Старой Кастиліи, а другая, подъ командою Вердье, въ Арагоніи. Дюгемъ съ 13-ти-тысячнымъ отрядомъ занималъ Каталонію, а Дюпонъ съ 24-хъ-тысячнымъ корпусомъ находился на берегу рѣки Таго, близъ Толедо. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль іюня мѣсяца инсургенты имѣли четыре крупныхъ стычки съ французскими войсками въ различныхъ мѣстностяхъ Испаніи. 6-го числа—Вердье—подъ Логроно, 7-го—Фреръ—близъ Сеговіи, 8-го—Лефевръ—подъ Туэлой, а 12-го—Лассаль—близъ Вальядолида разбили выдвинувшія противъ нихъ шайки инсургентовъ. Въ половинѣ іюня французскимъ войскамъ было предписано перейти въ общее наступленіе, причемъ имъ пришлось, для болѣе полной оккупаціи края, раздѣлиться на мелкіе отряды. Пока Лефевръ осаждалъ Саррагосу, Монсей съ 10-ти-тысячнымъ отрядомъ двинулся къ Валенсіи. Дюпонъ съ 9-ти-тысячнымъ отрядомъ пошелъ въ Андалузію, а корпусъ Бессьера раскинулся по всей Кастиліи до стѣнъ Сантандера, который заперъ свои ворота и приготовился къ сопротивленію. Враждебное настроеніе и отчаянная храбрость испанскаго народа сдѣлали то, что всѣ предпріятія французовъ потерпѣли фіаско. Каждое изъ этихъ частныхъ предпріятій не достигло предположенной цѣли. Правда, что французы овладѣли Кордовой, но имъ пришлось ее тотчасъ покинуть. Наполеонъ немедленно же измѣнилъ тщательно выработанный стратегическій планъ, оказавшійся неудачнымъ, и рѣшился сосредоточить разбросанные свои отряды на томъ пунктѣ, гдѣ могла грозить имъ наиболѣе серьезная опасность. Къ тому времени Палафоксъ и другіе испанскіе вожди выказали себя очень способными генералами. Опаснѣе всего представлялась въ данную минуту возможность, что испанская армія овладѣетъ Мадридомъ. Туда предписано было стянуться французскимъ войскамъ. 14-го іюля Бессьеръ одержалъ побѣду подъ Мединой де-Ріо-Сека надъ испанскими войсками, которыя подъ предводительствомъ Ла-Куесты и генерала Блэка (ирландца) пытались заступить ему дорогу. Одинъ только корпусъ Дюпона ока-

зывался все еще въ опасномъ положеніи; къ нему были немедленно посланы подкрѣпленія, но испанцы подъ начальствомъ Кастаньоса настигли въ Каролинскомъ проходѣ (черезъ Сьерра-Морену) этотъ корпусъ, численность котораго возросла до 25-ти тысячъ человѣкъ *), и принудили Дюпона 21-го іюля заключить въ Байленѣ капитуляцію, по которой весь его корпусъ положилъ оружіе. Байленская катастрофа являлась для французовъ жестокимъ ударомъ, такъ какъ послѣ нея имъ нельзя уже было держаться въ Мадридѣ. Императоръ приказалъ своимъ войскамъ отступить за Дуэро и поручилъ Бессьеру поддерживать сообщенія съ Жюно черезъ Вальядолидъ. Въ сущности онъ началъ теперь выяснять себѣ трудности своего предпріятія. Въ инструкціяхъ къ французскимъ генераламъ совѣтуетъ воздерживаться отъ системы кордоновъ, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ, какъ испанцы, хотя и признавалъ цѣпь постовъ полезной для пресѣченія контрабанды. Кромѣ этого измѣненія въ общемъ планѣ дѣйствій, существовали указанія на то, что самъ императоръ собирается пріѣхать въ Испанію и принять на себя главное начальство. Это представлялось дѣйствительно необходимымъ, такъ какъ его подростки-солдаты не остановились даже и на линіи Дуэро. Очистивъ Мадридъ, они поспѣшно ретировались до тѣхъ поръ, пока не укрылись за Эбро, гдѣ считали себя какъ бы уже на французской окраинѣ. Осада Сарагоссы была снята и Дюгемъ вывелъ свои войска изъ Каталоніи.

Положеніе Жюно стало при такихъ обстоятельствахъ до чрезвычайности непріятнымъ, особенно же когда Уэллеслей, высадившись въ началѣ августа съ 14-тысячнымъ англійскимъ отрядомъ близъ Корунны, убѣдился, что мѣстная юнта въ немъ не нуждается и безотлагательно двинулся въ Португалію. Оттѣснивъ 17 августа французскіе аванпосты, онъ четырмя днями позднѣе атаковалъ и разбилъ Жюно подъ Вимейрой. Въ самый разгаръ боя, когда побѣда склонилась уже на сторону англичанъ, пріѣхалъ генералъ Буррардъ, принявшій надъ ними начальство, какъ старшій въ чинѣ. Уэллеслею нельзя было тогда болѣе распоряжаться, а такъ какъ новый главнокомандующій не хотѣлъ слушаться его совѣтовъ, то Жюно удалось уйти на чрезвычайно сильную позицію близъ Цинтры. Хотя онъ и былъ тамъ совершенно отрѣзанъ отъ своей базы, находившейся въ Испаніи, но все-таки могъ выторговать себѣ капитуляцію на выгодныхъ условіяхъ. Англичане обязались доставить его самого и всю его армію съ оружіемъ и багажемъ во Францію. Такимъ образомъ Португалія оказалась тоже очищенной отъ французскихъ войскъ.

Наполеонъ получилъ извѣстіе о Байленской катастрофѣ, въ то время, когда находился въ Сенъ-Клу, близъ Парижа. Не трудно представить себѣ, въ какое негодованіе она привела его. Онъ до извѣстной степени отдавалъ себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ и предвидѣлъ, что испанцы не станутъ соблюдать условій

*) По болѣе точнымъ свѣдѣніямъ Жомини, всего 15 тысячъ человѣкъ. Смотри „Vie politique et militaire de Napoleon“, изданіе 1829 г., стр. 331.

капитуляціи, заключенной съ Дюпономъ. Дѣйствительно, они утверждали, что непріятельская армія, вступившая въ ихъ страну подъ личиной союзницы, не заслуживаетъ того, чтобы держать данное ей слово, тѣмъ болѣе, что эта армія позволяла себѣ похищать изъ испанскихъ храмовъ церковную утварь и не сдержала обѣщанія возвратить таковую. Письма, которыя Наполеонъ получалъ отъ Жозефа, успѣвшаго уже горько разочароваться, являлись, въ теченіе нѣкотораго времени, длиннымъ рядомъ сѣтованій. Онъ освѣдомлялся у императора, нельзя-ли положить конецъ систематическому разграбленію церквей и утверждалъ, что національное движеніе въ Испаніи столь же непреодолимо, какъ французская революція. Положеніе представлялось ему совершенно безнадежнымъ, такъ какъ онъ находилъ, что если Франція могла выставить милліонъ вооруженныхъ гражданъ, то Испанія выставитъ, въ свою очередь, по меньшей мѣрѣ, полъ-милліона. Жозефъ увѣдомлялъ брата о крайне незавидномъ своемъ положеніи и писалъ: „На моей сторонѣ только негодяи, а всѣ честные люди и патріоты противъ меня. Они совершенно открыто говорятъ, что меня слѣдовало бы зарѣзать".

Императоръ, отвѣчая на эти сѣтованія, писалъ: „Мои генералы годятся лишь на должность второстепенныхъ караульныхъ начальниковъ. Рѣка Эбро сама по себѣ только оборонительная линія, а намъ надо перейти въ наступленіе. Мы двинемся впередъ изъ Туделы". Указывая пальцемъ на свой мундиръ, онъ говорилъ: „у меня теперь здѣсь пятно!" Успокоивая опасенія своего брата, Наполеонъ объяснялъ, что испанскія дѣла давно уже улажены по соглашенію съ Россіей. Европа признала совершившимся фактомъ перемѣну, произведенную лигою на Пиринейскомъ полуостровѣ. Всѣ безпорядки въ Испаніи вызваны священниками и монахами, которые произвели возстаніе въ интересахъ алчной и безсовѣстной инквизиціи: «Чего тутъ говорить о смерти!—писалъ онъ,—впереди и жизнь и побѣда. Ручаюсь вамъ за то и другое... Быть можетъ, я и найду въ Испаніи Геркулесовы столбы, но они не послужатъ предѣлами моего владычества". Придерживаясь прежнихъ своихъ принциповъ, Наполеонъ отказался „отозвать воровъ", какъ просилъ Жозефъ, и объявилъ, что война имѣетъ свои законы, оправдывающіе разграбленіе города, взятаго вооруженною силой.

Все это свидѣтельствовало о нравственномъ мужествѣ французскаго императора, но не подлежитъ сомнѣнію, что на душѣ у него въ то время было до чрезвычайности тяжело. Страшныя муки, которыя онъ испытывалъ, отчасти высказываются въ тогдашнихъ его письмахъ. Самъ Наполеонъ лучше чѣмъ кто-либо другой понималъ, до какой степени его положеніе измѣнилось къ худшему. Обаяніе его славы было омрачено. Планы восточной его политики и заключеніе мира съ Англіей оказывались отложенными на неопредѣленное время. Значеніе Россіи значительно возростало и руки у нея оставались развязанными, а вмѣстѣ съ тѣмъ у Австріи и Пруссіи могло явиться поползновеніе свергнуть съ себя ненавистное иго французской имперіи. Неужели обширному

зданію, воздвигнутому имъ съ такимъ трудомъ, суждено сразу обрушиться подъ его ногами? Вслѣдъ за донесеніемъ о сдачѣ Жюно на капитуляцію, пришла и другая непріятная вѣсть о томъ, что испанскія войска подъ командою Ла-Романы, стоявшія сперва въ Гамбургѣ, а потомъ двинутыя въ Данію въ качествѣ авангарда арміи Бернадотта, передались англичанамъ и отплыли на англійскихъ судахъ въ Испанію, чтобы принять участіе въ освобожденіи своей отчизны отъ французовъ. Эта новая катастрофа сдѣлала невозможной демонстрацію противъ Швеціи, обѣщанную русскому императору.

Возрожденіе Германіи при посредствѣ Пруссіи.

Совокупность бѣдственныхъ неудачъ, обрушившихся одна за другою на французовъ въ Италіи и Португаліи: пораженіе подъ Валенціей, пораженіе подъ Сарагоссой, пораженіе и сдача на капитуляцію подъ Байленомъ, пораженіе подъ Вимейрой и сдача на капитуляцію, отступленіе изъ Мадрида, оставленіе оборонительной линіи Дуэро, переходъ отъ наступленія къ пассивной оборонѣ и утрата всего Иберійскаго полуострова, за исключеніемъ полосы по правую сторону Эбро,—все это представлялось до чрезвычайности непріятнымъ и позорнымъ для французскаго оружія. Тѣмъ не менѣе, при благопріятныхъ условіяхъ можно было бы еще поправить дѣло. Въ данномъ случаѣ, однако, условія слагались очень неблагопріятно. Успѣхи, одержанные испанскимъ народомъ, были какъ нельзя болѣе на руку врагамъ Наполеона какъ во Франціи, такъ и за-границею, и вызывали въ нихъ все большій подъемъ духа.

Въ данную минуту императоръ Наполеонъ могъ все-таки полагаться на Францію: населеніе ея было совершенно искренно предано имперіи, республиканцы и роялисты до того уменьшились въ численности и были такъ придавлены цензурою, что оказывались фактически безсильными. Талантливые и способные люди уже не сторонились отъ императорскаго правительства, но поступали къ нему на службу. Администрація государственныхъ финансовъ и судебнаго вѣдомства дѣйствовала надлежащимъ образомъ, состояніе промышленности все улучшалось, такъ что наиболѣе предпріимчивые и смѣтливые коммерсанты начали относиться съ довѣріемъ къ успѣху континентальной системы, какъ къ средству обезпеченія европейской монополіи за французской мануфактурной промышленностью и торговлей. Тщательно выработанная система централизаціи поддерживала между департаментами и Парижемъ такую тѣсную связь, что нигдѣ не обнаруживалось ни малѣйшихъ явныхъ признаковъ недовольства. Народу не сообщали дѣйствительныхъ фактовъ и онъ плохо понималъ значеніе даже того, что доходило до его свѣдѣнія. Наполеонъ имѣлъ тогда полное право говорить: „Франція — это я“. Все, что онъ ни дѣлалъ, было поэтому хорошо. Постоянное усиленіе духа милитаризма въ народѣ сдѣлало его пассивнымъ и послушнымъ. Французамъ было извѣстно, что

за Пиринеями вышли какія-то непріятности, но лѣтній сезонъ еще не окончился и не подлежало сомнѣнію что еще до наступленія зимы императоръ водворитъ тамъ должный порядокъ. Великая армія шла теперь изъ Германіи черезъ Францію въ Испанію. Положеніе дѣлъ тамъ, очевидно, было не шуточное, но относительно результатовъ, которые должны были получиться, не существовало ни малѣйшихъ сомнѣній.

При французскомъ императорскомъ дворѣ царила самая торжественная скука. Механизмъ придворнаго церемоніала шелъ своимъ чередомъ, но въ немъ не ощущалось вѣянія духа, оживлявшаго его до тѣхъ поръ. Духъ этотъ занятъ былъ теперь болѣе важными дѣлами, такъ что, даже въ присутствіи императора, а тѣмъ болѣе въ его отсутствіи, весь грандіозный механизмъ оказывался безцѣльнымъ. Ни для кого не было уже тайною, что нѣжная грація, привѣтливый взоръ, благородный, стройный станъ, утонченный вкусъ и увлекательное обращеніе Жозефины не въ состояніи отсрочить на сколько-нибудь долгое время неизбѣжную ея участь. Маленькій племянникъ и любимецъ Наполеона, сынъ Гортензіи, умеръ. У Жозефа имѣлись только дочери; при такихъ обстоятельствахъ, въ виду отсутствія у императора наслѣдниковъ, разводъ его съ Жозефиной предписывался государственными соображеніями. Почтеніе, которое выказывали императрицѣ, и снисходительно милостивое обращеніе ея съ своими приближенными являлись просто на-просто показнымъ фарсомъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ея могущество и вліяніе совершенно уже утратились. Самъ императоръ игралъ въ этомъ фарсѣ болѣе чѣмъ когда-либо таинственную роль. Онъ не хотѣлъ допускать по внѣшности никакой перемѣны и всѣ придворные старались по мѣрѣ силъ и возможности сообразоваться съ его волей. Главныя дѣйствующія лица продолжали играть свою роль до конца. Они какъ будто выказывали другъ другу расположеніе и довѣріе, являвшееся по временамъ, быть можетъ, и непритворнымъ. Между ними происходили по временамъ ссоры, объясненія и примиренія, случались даже на мгновеніе возвраты къ прежней супружеской нѣжности, но въ результатѣ всего этого ближе и ближе надвигался окончательный разрывъ, неизбѣжность котораго вызывала общія опасенія.

Положеніе дѣлъ за-границей не представляло, въ свою очередь, ничего успокоительнаго для Наполеона и даже, напротивъ того, должно было вызывать у него серьезную тревогу. Пруссія переживала процессъ внутренняго обновленія, которое было бы всего умѣстнѣе назвать возрожденіемъ. Прежняя военная монархія Фридриха Великаго, при которой король держалъ всю страну въ такомъ же суровомъ подчиненіи, какъ если бы она была военнымъ лагеремъ, исчезла безповоротно. Упомянутый уже Тугендбундъ раскинулся по всей Пруссіи. Партизанская война прекратилась, но, подъ вліяніемъ нравственныхъ стимуловъ, все населеніе прониклось набожностью, чистотой нравовъ, чувствомъ собственнаго достоинства, мужествомъ и усвоило себѣ способность къ орга-

низаціи. Присутствіе французовъ не могло подавить этотъ новый духъ и подливало только масла въ огонь народной ненависти. Всюду въ Пруссіи происходили тайныя патріотическія сходки и сборища. Шарнгорстъ продолжалъ дѣятельно трудиться надъ преобразованіемъ и обученіемъ прусской арміи, а Штейнъ, несмотря на то, что король вовсе не сочувствовалъ его видамъ, трудился съ благороднымъ самоотверженіемъ надъ завершеніемъ новой системы государственной администраціи. Церкви были переполнены молящимися, какъ нельзя лучше понимавшими каждый намекъ въ пламенныхъ проповѣдяхъ своихъ пасторовъ, вдохновленныхъ патріотизмомъ. Школы, гимназіи и университеты были переполнены учащимися, молодой энтузіазмъ которыхъ находилъ себѣ величайшее поощреніе со стороны преподавателей, умѣвшихъ соединить въ своей дѣятельности два качества, рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ, а именно: строгую научность и могучую увлекательность изложенія.

Императрица Жозефина въ Мальмезонскомъ паркѣ. (Съ картины Прюдона, въ Луврѣ).

Въ августѣ мѣсяцѣ Наполеонъ, всматривавшійся и прислушивавшійся съ величайшимъ интересомъ во все, что творилось въ Пруссіи, прочелъ, наконецъ, самъ, въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ Штейна, что этотъ министръ и его сотоварищи замышляютъ распространить дѣло національнаго возрожденія не только на Пруссію, но и на всю Германію. Знаменитый прусскій государственный дѣятель, освободивъ народъ отъ гнета деспотизма и убѣдившись на родномъ своемъ краѣ въ благодѣтельномъ вліяніи произведенныхъ политическихъ и административныхъ реформъ, собирался распространить эти реформы также и во всей остальной Германіи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Наполеонъ потребовалъ увольненія Штейна въ отставку. Чтобы придать больше внушительности своему требованію, онъ наложилъ секвестръ на вестфальскія помѣстья короля Фридриха-Вильгельма и вмѣстѣ съ тѣмъ пригрозилъ продлить на неопредѣленное время занятіе Пруссіи французскими войсками. Очевидно, что прусскому правительству не

оставалось иного выбора, какъ уступить, такъ какъ страна, несмотря на свое обновленіе, оказывалась не въ силахъ одна, безъ союзниковъ, завязать борьбу съ французской имперіей. Штейнъ вышелъ поэтому въ отставку, пробывъ во главѣ правленія приблизительно около года. Въ теченіе этого, сравнительно недолгаго времени, онъ успѣлъ подготовить путь для всѣхъ преобразованій, благодаря которымъ, въ концѣ концовъ, возсоздалась Пруссія. Движенія, которыя въ Испаніи и Германіи угрожали наполеоновскому престижу, имѣли національный характеръ. Кромѣ нихъ, однако, угрожали наполеоновской имперіи еще два другихъ движенія, которыя можно, пожалуй, назвать династическими. Первымъ изъ нихъ являлась дворцовая революція въ Константинополѣ. Султанъ Мустафа IV былъ слабохарактерной креатурой янычаръ, которые возвели его на престолъ по низверженіи Селима. Вскорѣ онъ сталъ презрѣннымъ орудіемъ своихъ „ямаковъ",—стамбульскихъ милиціонеровъ. Они представляли изъ себя нѣчто въ родѣ разбойничьей шайки, издѣвавшейся надъ закономъ и державшей въ страхѣ турецкую столицу. Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ стало, наконецъ, невыносимымъ даже для самихъ турокъ, и рущукскій паша явился съ своими войсками къ воротамъ столицы, чтобы возвести опять на престолъ Селима III, все еще содержавшагося плѣнникомъ въ сералѣ. Выломавъ двери этого неприкосновеннаго отдѣленія султанскаго дворца, прежде всего нашли тамъ трупъ Селима, убитаго Мустафой, который, совершивъ это преступленіе, разсчитывалъ остаться единственнымъ потомкомъ Отмана, способнымъ сидѣть на султанскомъ престолѣ. Солдаты принялись, однако, грабить дворецъ и розыскали при этомъ тщательно скрывавшагося до тѣхъ поръ молодого принца Махмуда. Они провозгласили его султаномъ и возвели на престолъ, назначивъ своего вождя великимъ визиремъ. Этому Махмуду II суждено было сдѣлаться однимъ изъ самыхъ энергическихъ реформаторовъ среди турецкихъ султановъ.

Новое оттоманское правительство было расположено къ реформамъ; оно презрительно относилось къ французскому вліянію и обладало энергической рѣшимостью подавить злоупотребленія, которыя погубили предшествовавшее правительство. Турецкая столица была слишкомъ распущена для того, чтобы подобная строгость пришлась ей по душѣ. Всѣ элементы неудовольствія снова зашевелились: янычары, улемы и простонародье, не довѣряя правительственнымъ мѣропріятіямъ, одинаково обнаруживали нежеланіе повиноваться кому бы то ни было; турецкіе паши на Дунаѣ принялись, въ свою очередь, относиться съ большимъ пренебреженіемъ къ слободзинскому перемирію, на которое такъ разсчитывалъ Наполеонъ для осуществленія своихъ видовъ на Востокѣ. Они начали сосредоточивать свои войска и приготовились перейти въ наступленіе противъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ придунайскихъ княжествахъ. Этими пашами руководило въ данномъ случаѣ желаніе заручиться военнымъ престижемъ передъ заключеніемъ съ Россіею сепаратнаго мира, который дозволилъ

бы имъ вернуться въ Константинополь и стать тамъ у кормила правленія. Все вообще складывалось такъ, какъ если бы надо было ожидать окончательной утраты французскаго вліянія въ Турціи. Надо было опасаться, что на Востокѣ разразится кризисъ прежде, чѣмъ Наполеонъ успѣетъ принять мѣры, дабы воспользоваться таковымъ.

Байонскія событія произвели особенно сильный переполохъ въ австрійскомъ Домѣ. Унизивъ Гогенцоллерновъ, Наполеонъ воспользовался только правомъ побѣдителя, причемъ, въ виду возрождавшагося могущества Пруссіи, начинали поговаривать, что онъ не довелъ дѣла до конца, или же хватилъ слишкомъ уже черезъ край. Ослабивъ прусское государство, онъ нанесъ сильный ударъ старинной союзницѣ Франціи, но все же не уничтожилъ ее въ конецъ. Какъ уже упомянуто, онъ опирался при этомъ на общепризнанное тогда въ Европѣ право побѣдителя. Съ другой стороны, Австрія была съ незапамятныхъ временъ соперницей Франціи въ погонѣ за территоріальными пріобрѣтеніями. Наполеонъ, послѣ Аустерлица, обошелся съ нею довольно круто, причемъ Габсбурги не могли ссылаться на прежнюю дружбу къ Франціи. Байонскія событія отмѣтили, однако, новый фазисъ наполеоновскаго честолюбія. Послѣдовательныя заявленія французскаго императора, что та или другая изъ мелкихъ династій перестала царствовать, оправдывались до тѣхъ поръ или завоеваніями, или иными вѣскими политическими доводами. Въ данномъ случаѣ, однако, испанскіе Бурбоны были покорнѣйшими и послушнѣйшими союзниками французскаго императора, безпрекословно выполнявшими всѣ его желанія. При низложеніи ихъ нельзя было сослаться на политическія соображенія или же на право завоеванія. Низверженіе этого царствующаго дома, все еще занимавшаго видное мѣсто среди европейскихъ правительствующихъ династій, было достигнуто съ помощью интригъ и обусловливалось единственно только ненасытнымъ самолюбіемъ Наполеона. Ко всему этому оно оказывалось особенно ненавистнымъ, благодаря тому, что предлогомъ этого насилія выставлена была необходимость произвести въ Испаніи надлежащія реформы. Все это заставило императора Франца сильно призадуматься. Римъ, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, сперва обращалъ побѣжденныхъ въ союзниковъ или, точнѣе говоря, въ вассаловъ, а потомъ лишь уничтожалъ послѣднюю тѣнь ихъ независимости и обращалъ ихъ земли въ римскія провинціи. Наполеонъ, повидимому, держался, вообще говоря, той же политики, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказывалъ полнѣйшую готовность миновать промежуточныя стадіи и напрямикъ идти къ истинной своей цѣли. Австрія, раздраженная уже безцеремонностью, съ которою Наполеонъ распорядился Этруріею и Папской Областью, была не въ силахъ долѣе выносить неувѣренность въ своей собственной участи. Новая военная ея система была въ полномъ порядкѣ, арміи реорганизованы и приведены въ надлежащую боевую готовность, администрація дѣйствовала надлежащимъ образомъ, а полководцы и государственные

дѣятели исполнены увѣренности, что ихъ отчизна съумѣетъ на этотъ разъ постоять за себя. Французскій императоръ обратился къ Австріи въ іюнѣ мѣсяцѣ съ такимъ же рѣзкимъ предостереженіемъ, какое послалъ Пруссіи въ сентябрѣ, увѣщевая обѣ державы строго соблюдать континентальную систему, но это предостереженіе не произвело въ Вѣнѣ никакого впечатлѣнія. Напротивъ того, вѣнская печать тотчасъ послѣ того заговорила въ воинственномъ тонѣ и требовала, чтобы объявили Франціи войну. Англійскіе товары во множествѣ ввозились черезъ тріестскій портъ. Между Сентъ-Джемскимъ и Вѣнскимъ кабинетами установились болѣе частыя и правильныя сношенія. Австрійскій народъ поддерживалъ своего монарха и обнаруживалъ самое воинственное настроеніе. Катастрофы въ Испаніи связали Наполеону руки, такъ что онъ не могъ принять никакихъ спеціально военныхъ мѣръ. Онъ ограничился тѣмъ, что отозвалъ Даву изъ Польши въ Силезію и усилилъ войска, стоявшія подъ командою Мортье въ Франконіи.

Съ грандіознѣйшей непослѣдовательностью Наполеонъ измѣнилъ въ одно мгновеніе ока весь политическій свой планъ дѣйствій, подобно тому, какъ ему случалось зачастую измѣнять на войнѣ свои операціонные планы. Послѣ Тильзитскаго свиданія, въ продолженіи многихъ уже мѣсяцевъ, французская политика держала императора Александра въ самомъ тяжеломъ, неопредѣленномъ положеніи. Онъ не встрѣчалъ фактической поддержки со стороны Франціи какъ въ войнѣ своей съ Швеціей, такъ и въ переговорахъ съ Турціей, а между тѣмъ продолжавшееся занятіе Пруссіи французскими войсками и укрѣпленіе стратегическихъ пунктовъ въ Варшавскомъ герцогствѣ являлось несомнѣнно угрозой для Россіи. Коленкуръ нашелъ возложенную на него задачу притворства и откладыванія дѣла въ долгій ящикъ черезвычайно трудною, отчасти вслѣдствіе враждебнаго вліянія Поццо ди-Борго, отчасти-же вслѣдствіе того, что завоеваніе симпатій московскаго общества было работой пока еще не привычной для французской дипломатіи, такъ что ей дорого приходилось платиться за ученье. Нельзя сказать, чтобы Коленкуру удалось одержать большіе успѣхи въ этомъ направленіи, но за то онъ, самъ того не замѣчая, почувствовалъ искреннюю привязанность къ русскому государю и началъ добросовѣстно подавать ему совѣты. Это не понравилось Наполеону и онъ поспѣшилъ образумить своего посла, напомнивъ Коленкуру желательность не забывать, что онъ прежде всего французъ. Коленкуръ энергически протестовалъ противъ инсинуацій своего императора, но послѣдующая переписка съ нимъ и съ русскимъ государемъ стала до такой степени обстоятельной и подробной, что Наполеонъ фактически исправлялъ самъ должность своего посла.

Содержаніе писемъ французскаго императора имѣло частью личный и дружескій, частью же дѣловой характеръ. Такъ, въ нихъ содержались намеки, долженствовавшіе заранѣе подготовить императора Александра къ тому, что предполагалось устроить въ

Байонѣ. Иногда шла также рѣчь о предполагавшемся вторичномъ свиданіи между обоими императорами, о которомъ говорилось сперва въ Тильзитѣ и затѣмъ многократно уже упоминалось. Тѣмъ не менѣе, пока не обнаружилось еще ни малѣйшей перемѣны фронта; неопредѣленныя обѣщанія такъ и оставались невыполненными и Франція продолжала неоказывать Россіи ни малѣйшаго фактическаго содѣйствія. Иными словами, европейская политика пребывала въ томъ самомъ положеніи, въ какое была поставлена Тильзитскимъ договоромъ, причемъ, несмотря на союзъ между Россіей и Франціей, руководящую роль играла воля самого Наполеона. Байонскія событія глубоко потрясли императора Александра. Его союзникъ зналъ, что они произведутъ на русскаго государя сильное впечатлѣніе, а потому отослалъ въ Петербургъ 10 іюля письмо, въ которомъ пытался, хотя и не особенно удачно, оправдать свое поведеніе. Александръ I, въ сущности, не очень интересовался судьбами старинныхъ европейскихъ династій и, оправившись отъ перваго потрясенія, началъ добродушно подшучивать надъ королемъ; которому остается теперь только жить „для своей Луизы и своего Эммануила“. Послѣ того русскій государь занялъ совершенно опредѣленное положеніе относительно испанскаго вопроса и высказалъ полнѣйшее одобреніе дѣйствіямъ своего союзника. Французскій посолъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, тѣмъ временемъ, окончательно выработали свой проектъ раздѣла Турціи. Тогда русскій государь изъявилъ полное и безусловное согласіе на вторичное свиданіе съ императоромъ Наполеономъ.

Прежде улаженія подробностей столь важнаго свиданія надлежало многое еще привести въ порядокъ. Въ особенности представлялось необходимымъ, съ точки зрѣнія французской политики, обуздать Австрію. Въ Тріестъ прибылъ англійскій корабль съ депутаціей отъ испанскихъ инсургентовъ, предлагавшей эрцгерцогу Карлу испанскую корону. Австрія продолжала съ каждымъ днемъ все болѣе вооружаться. Парализовать ее могла единственно лишь Россія. Несмотря на свои хлопоты въ Байонѣ, Наполеонъ какъ нельзя лучше объ этомъ помнилъ и не забывалъ также своихъ замысловъ относительно Востока. Такъ, онъ приказалъ принять энергическія мѣры къ реорганизаціи французскаго флота, долженствовавшаго дѣйствовать совмѣстно съ русскою эскадрой, и распорядился, чтобы ему были представлены обстоятельные доклады по географіи и военной исторіи персидскаго государства. Послѣ Байленской катастрофы, о которой Наполеонъ узналъ въ первыхъ числахъ августа, онъ нимало не утратилъ обычной своей смѣтливости, хотя у него и было весьма тяжело на сердцѣ. 5 августа посланъ былъ къ Александру I курьеръ съ письмами, помѣченными 21 іюля и написанными такъ, какъ если бы Наполеонъ ничего еще не зналъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Испаніи. Ему предписано было ѣхать съ величайшею быстротою и перегнать всѣхъ обыкновенныхъ курьеровъ, дабы, прибывъ въ Петербургъ раньше ихъ, онъ могъ представить русскому государю, въ качествѣ безкорыстнаго подарка отъ его друга и союз-

ника, обѣщаніе очистить Пруссію и даже, пожалуй, великое герцогство Варшавское. 24 часа спустя отправленъ былъ другой курьеръ съ письмомъ, сообщавшимъ въ самой мягкой формѣ о неудачахъ въ Испаніи. Наполеонъ особенно безпокоился въ этомъ письмѣ о русской эскадрѣ, которая пошла въ Лиссабонъ, но выражалъ надежду, что она ускользнетъ, увѣряя, будто послѣднія извѣстія, которыя удалось получить отъ ея командира, довольно благопріятны. Все это было, въ сущности, весьма фальшиво, но предположенная цѣль оказалась достигнутой: истинный смыслъ Байленской катастрофы былъ въ значительной степени замаскированъ и впечатлѣніе, которое она не приминула бы въ противномъ случаѣ произвести на русскаго государя, ослаблено.

Въ ожиданіи, пока его письма произведутъ въ Петербургѣ желаемое дѣйствіе, Наполеонъ отправилъ въ Вѣну отъ собственнаго своего имени формальной запросъ по поводу австрійскихъ вооруженій. Двѣ недѣли спустя, французскій императоръ категорически потребовалъ таковаго же шага и отъ русскаго государя, снова раскрывая передъ Россіею перспективы безпредѣльнаго расширенія на Востокѣ, если только удастся избѣжать возобновленія европейской войны. Обѣщанія Наполеона по прежнему очаровывали императора Александра I, но онъ, тѣмъ не менѣе, еще колебался обратиться къ Австріи съ запросомъ угрожающаго свойства. Враждебная французамъ партія въ Россіи твердила съ упрямствомъ попугаевъ, что Испанія уже уничтожена, такъ что на очереди стоятъ сперва Австрія, а потомъ Россія. Кромѣ того, русскій государь сознавалъ самъ, какъ нельзя лучше, что соглашенія, подобныя заключеннымъ въ Тильзитѣ, могутъ быть легко ниспровергнуты какими-либо непредвидѣнными обстоятельствами.

Во что обратилась бы, спрашивается, тогда Европа безъ сдерживающаго элемента, какимъ являлась въ ней монархія Габсбурговъ? Ввиду этихъ соображеній русское правительство признало умѣстнымъ обратиться къ вѣнскому кабинету лишь съ легкимъ намекомъ, подкрѣпленнымъ не особенно серьезной угрозой. Императоръ Александръ I писалъ: „Миръ является теперь для Австріи наилучшей политикой... Замѣтьте, что заключенный мною въ Тильзитѣ договоръ можетъ обусловливать собою для меня также и нѣкоторыя обязательства...“ Это предостереженіе произвело тогда въ Вѣнѣ сильнѣйшее впечатлѣніе.

Тѣмъ временемъ производились спѣшныя приготовленія къ свиданію, сдѣлавшемуся необходимымъ для обѣихъ сторонъ. Наполеонъ задавался всего только одною цѣлью: выставить передъ всею Европой, для сохраненія своего престижа, союзъ между Россіей и Франціей какъ нельзя болѣе прочнымъ. Императоръ Александръ, въ свою очередь, преслѣдовалъ нѣсколько различныхъ цѣлей. Ему хотѣлось сдѣлать болѣе сноснымъ для Пруссіи иго тяготѣвшаго надъ нею подчиненія, присоединить Финляндію къ Россіи и добиться выгоднаго для русскихъ раздѣла Турціи (что главнымъ образомъ и заставляло его дорожить союзомъ съ Наполеономъ). Все это было фактически обѣщано русскому государю

еще въ Тильзитѣ, но онъ до тѣхъ поръ не могъ принудить Францію къ выполненію этихъ обѣщаній. Несмотря на льстивыя дипломатическія увѣренія Коленкура и заигрыванія Наполеона, русскій государь принялъ энергическое рѣшеніе требовать выполненія обязательствъ, принятыхъ на себя его союзникомъ, и поставить это выполненіе въ зависимость уже не отъ доброй воли Наполеона, а отъ необходимости, созданной для французскаго императора условіями политической обстановки.

Талейранъ, которому смертельно надоѣла скучная жизнь въ Валансэ въ качествѣ надсмотрщика за испанскими принцами, хотѣлъ во что бы ни стало вернуть себѣ прежнее дипломатическое вліяніе. При содѣйствіи многихъ преданныхъ друзей онъ принялся дѣятельно подготовлять почву для своего возвращенія къ государственной дѣятельности и политическому могуществу. Благодаря его интригамъ, русскій государь получалъ изъ оффиціозныхъ источниковъ извѣстія, будто Франція, недавно еще опьяненная побѣдами и завоеваніями, разсчитываетъ теперь, что благоразуміе ея союзника послужитъ для нея самой оплотомъ отъ дальнѣйшихъ честолюбивыхъ предпріятій слишкомъ увлекающагося ея императора. Дипломатическіе агенты самого Александра вскорѣ начали подтверждать справедливость этихъ сообщеній. Они доносили, что французская нація, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе разсудительная ея часть, утомлена уже завоевательной имперской политикой Наполеона. Если бы это оказалось въ самомъ дѣлѣ вѣрнымъ, можно было бы воспользоваться Испаніей и Австріей, чтобы сдерживать Францію, пока Россія станетъ осуществлять свои замыслы на Дунаѣ. Неискренность Франціи, какъ союзницы, долженствовала, при такихъ обстоятельствахъ, имѣть лишь второстепенное значеніе, такъ какъ Россія могла добиться своихъ цѣлей уже благодаря безсилію Наполена имъ противодѣйствовать.

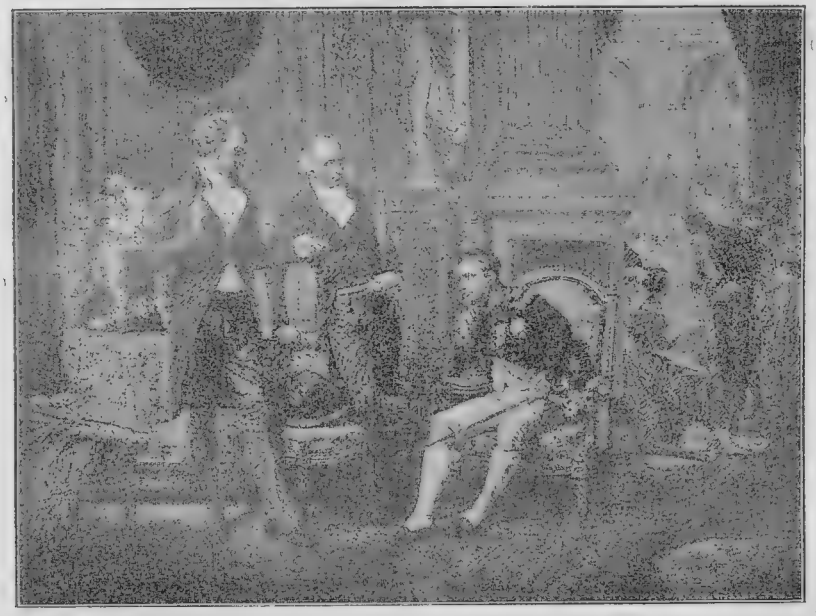
Французскій императоръ заранѣе предусмотрѣлъ возможность такой перемѣны въ настроеніи своего союзника. Къ тому же Коленкуръ увѣдомлялъ его о томъ, что это настроеніе съ каждымъ часомъ принимаетъ все болѣе опредѣленную форму непреложнаго рѣшенія. Стороннему наблюдателю моментъ этотъ казался критическимъ, но великій авантюристъ былъ все еще убѣжденъ въ возможности сладить съ угрожавшею бурей. Въ настоящее время трудно опредѣлить, откуда именно исходилъ импульсъ, побудившій Наполеона обратиться, ввиду этихъ осложненій, къ Талейрану. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ такому шагу послужилъ какой-нибудь намекъ, высказанный въ разговорѣ съ императоромъ кѣмъ-либо изъ многочисленныхъ при его дворѣ поклонниковъ опальнаго дипломата. Какъ бы ни было, этотъ ловкій интриганъ быстро всплылъ снова на поверхность. Депеши Коленкура, совмѣстно съ словесными объясненіями самого Наполеона, быстро подготовили Талейрана къ выполненію предстоявшей ему роли совѣтчика. Самъ Наполеонъ призналъ умѣстнымъ принять по отношенію къ Австріи самоувѣренный, угрожающій тонъ. 15 го августа состоялся въ Сенъ-Клу большой придворный выходъ, на который

были приглашены представители иностранныхъ державъ. Русскому и австрійскому посламъ пришлось стоять тамъ другъ возлѣ друга. Подобно тому, какъ и передъ разрывомъ Аміенскаго мира, Наполеонъ публично высказалъ въ данномъ случаѣ свои воззрѣнія, на этотъ разъ въ бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ, княземъ Меттернихомъ. Онъ говорилъ, впрочемъ, съ нимъ вѣжливѣе и спокойнѣе, чѣмъ тогда съ англійскимъ посломъ. Упрекая австрійскаго монарха въ неблагодарности, Наполеонъ изложилъ въ общихъ чертахъ политику, которой предполагалъ слѣдовать. Онъ объяснилъ, что если императоръ Францъ не пожелаетъ разоружиться и признать Іосифа королемъ испанскимъ, Россія будетъ сдерживать Австрію и подѣлитъ съ Франціей Востокъ, не допустивъ Габсбургскую монархію къ участію въ дѣлежѣ. Въ продолженіи всей длинной рѣчи Наполеона графъ Толстой оставался совершенно холоднымъ и безстрастнымъ. Въ депешахъ своихъ къ императору Александру онъ постоянно заявлялъ и повторялъ, что, раздавивъ Австрію, Наполенъ непремѣнно обрушится на Россію. За двѣ недѣли передъ тѣмъ французскій императоръ имѣлъ личное свиданіе съ суровымъ русскимъ генераломъ и, разумѣется, утверждалъ совершенно противное, но всѣ его увѣренія оказались безцѣльными и нисколько не пошатнули убѣжденій, которыя составилъ себѣ графъ Толстой. Рѣчь, сказанная Меттерниху, являлась у Наполеона какъ бы второю тетивой для лука на случай, если бы не удалось въ Эрфуртѣ всецѣло склонить императора Александра на сторону Франціи. Вообще онъ имѣлъ на выходѣ чрезвычайно смѣлый и самоувѣренный видъ, а тонъ его рѣчей казался еще болѣе гордымъ и властнымъ, чѣмъ когда-либо. Въ частныхъ бесѣдахъ съ Меттернихомъ и другими представителями иностранныхъ державъ онъ высказывался въ смыслѣ готовности удовлетвориться тѣмъ, что имѣетъ. Испанія будетъ несомнѣнно умиротворена и не станетъ болѣе угрожать его тылу. Австрія и Россія въ собственныхъ своихъ интересахъ останутся вѣрными его союзницами и раздѣлятъ съ нимъ владычество надъ міромъ, тогда какъ непримиримый общій врагъ ихъ всѣхъ—Англія окажется въ концѣ концовъ вынужденной,—вслѣдствіе утраты средствъ къ существованію,—позорно уступить по всѣмъ пунктамъ.

Наполеонъ и Александръ въ Эрфуртѣ.

Знаменитое свиданіе двухъ наиболѣе могущественныхъ тогдашнихъ монарховъ состоялось 27-го сентября въ Эрфуртѣ и длилось 18 дней. Это была самая крупная изъ дипломатическихъ битвъ Наполеона, и онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Эрфуртъ являлся его городомъ и ему, разумѣется, предстояло играть роль хозяина. Обнаруженное приэтомъ блестящее гостепріимство могло бы произвести впечатлѣніе даже и на менѣе воспріимчивую натуру, чѣмъ у императора Александра. Придворная роскошь и воинскія торжества обиліемъ своимъ придавали съ одной стороны свиданію монарховъ до извѣстной степени варварскій характеръ, тогда какъ, съ другой, вели-

чайшіе изъ германскихъ ученыхъ и беллетристовъ были созваны въ Эрфуртъ, чтобы доставить удовольствіе русскому государю. Наполеонъ обнаруживалъ, какъ и въ Тильзитѣ, откровеннѣйшее на первый взглядъ личное довѣріе и самое царственное великодушіе. Талейранъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ русскимъ государственнымъ канцлеромъ Румянцевымъ, причемъ, какъ сознается самъ въ своихъ мемуарахъ, нятриговалъ въ ущербъ интересамъ своего монарха „для спасенія Австріи отъ угрожавшей ей опасности". Ежедневно Наполеонъ и Александръ прогуливались вмѣстѣ въ большой парадной залѣ Эрфуртскаго дворца, обращен-



Наполеонъ, Гете и Виландъ.
(Съ картины Э. Э. Гиллемахера).

ной въ канцелярію,—обсуждали сообща подробности предстоявшаго соглашенія и постановляли окончательныя рѣшенія. Въ самой окружавшей ихъ атмосферѣ было что-то опьяняющее. Дабы почтить обоихъ императоровъ, съѣхались въ Эрфуртъ короли: баварскій, вюртембергскій и вестфальскій съ своими супругами и придворными сановниками. Съ этой же цѣлью прибыли туда князь-примасъ Рейнскаго Союза и другіе мелкіе германскіе державцы. Гостиныя, театры и улицы въ Эрфуртѣ блистали расшитыми золотомъ и серебромъ мундирами, великолѣпными бальными платьями и драгоцѣнными уборами. 4-го октября представлена была въ театрѣ, въ присутствіи высочайшихъ особъ, трагедія Вальтера „Эдипъ". При словахъ: „Дружба великаго человѣка является даромъ боговъ", Императоръ Александръ поднялся съ мѣста и, схвативъ Наполеона за руку,

стоялъ нѣсколько мгновеній въ позѣ, наглядно свидѣтельствовавшей о возобновленіи союза между Россіей и Франціей. Театръ гремѣлъ тѣмъ временемъ отъ рукоплесканій.

Еще достопамятнѣе было появленіе въ Эрфуртѣ величайшаго изъ тогдашнихъ геніальныхъ сыновъ Германіи, прибывшаго положить дань почтительнаго своего уваженія къ ногамъ человѣка, котораго онъ считалъ не только тогда, но и долгое время впослѣдствіи самымъ могучимъ дѣятелемъ и величайшимъ идеалистомъ въ мірѣ. Гете и Наполеонъ встрѣчались другъ съ другомъ дважды, а именно въ Эрфуртѣ и въ Веймарѣ. Въ обоихъ случаяхъ воинъ искалъ свиданія съ литераторомъ—par nobile fratrum. Они бесѣдовали о Вертерѣ и его страданіяхъ. Императоръ отзывался объ этой повѣсти одобрительно, причемъ обнаруживалъ знаніе подробностей. Говорятъ, будто онъ критиковалъ, впрочемъ, въ ней одно мѣсто, но неизвѣстно какое именно. Поэтъ, который только что окончилъ тогда „Избирательное сродство“, повидимому, признавалъ въ блестящемъ своемъ посѣтителѣ существо высшей категоріи, одаренное сверхчеловѣческими способностями и перешагнувшее за рубежъ ограниченій, сковывающихъ обыкновенныхъ смертныхъ. Самъ Гете говорилъ, что великаго человѣка могутъ узнать только равные ему по достоинству. Что для него значили простые смертные и узы политическаго рабства,— отдѣльные народы и честолюбивые ихъ замыслы,—по сравненію съ обществомъ, гдѣ умъ и нравственное чувство, пользуясь столь же безграничной свободой, какъ у достославныхъ древнихъ олимпійцевъ, могли безпрепятственно слѣдовать по излюбленнымъ своимъ стезямъ въ области, управляемой исключительно только воображеніемъ? Наполеонъ привѣтствовалъ великаго германскаго поэта лаконической фразой: „Вы—человѣкъ!“, что очень польстило Гете, усмотрѣвшаго въ ней аналогію по контрасту съ извѣстнымъ изрѣченіемъ „Се человѣкъ!“ Поэтъ чувствовалъ въ ней намекъ на то, что является гражданиномъ не одной лишь Германіи, но всего міра. Цезарь XIX столѣтія уговаривалъ великаго писателя выполнить давнишнее намѣреніе и создать драму, выбравъ ея героемъ великаго римлянина. Необходимо замѣтить, что Наполеонъ считалъ Юлія Цезаря своимъ прототипомъ и былъ убѣжденъ, что Гете несравненно лучше справился бы съ такою темой, чѣмъ это сдѣлалъ Вольтеръ. Однажды въ Сенъ-Клу Наполеонъ отозвался съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ о могуществѣ сценическаго творчества и, говоря про Корнеля, объявилъ, что французскій народъ обязанъ его генію многими изъ благороднѣйшихъ своихъ импульсовъ и наиболѣе блестящихъ подвиговъ. „Если бы Корнель былъ еще въ живыхъ,—сказалъ Наполеонъ,—я возвелъ бы его въ княжеское достоинство!“ Бесѣдуя съ Гете, онъ говорилъ, что въ искусствѣ, какъ и въ политикѣ, должны играть выдающуюся роль законность въ построеніи и упорядоченное чувство красоты. По поводу драмы, написанной нѣмецкимъ поэтомъ въ подражаніе Шекспиру и представлявшей собою смѣшеніе трагедіи съ комедіей, ужаснаго съ смѣшнымъ, онъ уди-

вился, что такой великій умъ, какъ Гете, не отдаетъ предпочтенія рѣзко опредѣленнымъ образцамъ. Оба эти сужденія, сопоставленныя вмѣстѣ, прекрасно характеризуютъ воззрѣнія Наполеона на искусство.

Среди блестящихъ зрѣлищъ, которыя устраивались для развлеченія французскаго императора въ хорошенькомъ, небольшомъ городкѣ Веймарѣ, гдѣ Наполеона окружала съ раболѣпнымъ подобострастіемъ приниженная имъ германская аристократія, онъ изъявилъ желаніе увидѣться также съ человѣкомъ, который, въ два различные періода своей карьеры, служилъ воплощеніемъ сперва мощи, а затѣмъ слабости германскаго народа. Онъ попросилъ, чтобъ ему представили престарѣлаго Виланда. Вообще, за время экскурсіи своей въ Веймаръ Наполеонъ говорилъ почти исключительно на научныя темы, дѣлая видъ, что преклоняется передъ германской ученостью, германской наукой и литературой. „Я и самъ увлекался научными вопросами въ казармахъ, въ бытность мою молодымъ артиллерійскимъ поручикомъ“, вспоминалъ Наполеонъ, окидывая холоднымъ проницательнымъ взоромъ гордыхъ нѣмецкихъ государей и герцоговъ, которые толпились вокругъ него и въ буквальномъ смыслѣ слова прислуживали ему за обѣдомъ. Какъ разъ на балу у великой герцогини Наполеонъ и потребовалъ, чтобы ему представили Виланда.

Вечеромъ этотъ добросердечный старичекъ, который велъ тогда уже скромный и умѣренный образъ жизни, слушалъ артистовъ Французской Комедіи, привезенныхъ изъ Парижа вмѣстѣ съ другими декоративными предметами роскоши и декламировавшихъ „Смерть Цезаря“ со сцены великогерцогскаго театра. Онъ слышалъ многозначительно высказанныя Тальмой слова: „Управляй безъ насилія завоеваннымъ тобою міромъ“, а затѣмъ, утомленный чрезмѣрнымъ обиліемъ впечатлѣній, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ празднествѣ и уѣхалъ домой. Великая герцогиня веймарская, чтобы почтить высокаго своего гостя, послала собственную карету за авторомъ Оберона. Поэту не хотѣлось, чтобы вершитель судебъ Европы его дожидался, а потому онъ сѣлъ въ карету не переодѣвшись и не напудрившись, въ домашнемъ своемъ костюмѣ, мѣховыхъ туфляхъ и въ маленькой ермолкѣ на головѣ. Свиданіе его съ Наполеономъ имѣло очень драматическій характеръ. Танцы пріостановились, когда императоръ вышелъ на встрѣчу своему гостю. Всѣ присутствовавшіе собрались на нѣкоторомъ разстояніи въ кружокъ, внимательно всматриваясь и пытаясь разслышать бесѣду великаго полководца съ поэтомъ. Она велась, однако, такъ тихо, что всѣ эти усилія остались тщетными.

Самъ Виландъ не счелъ умѣстнымъ въ подробности разсказать или описать разговоръ свой съ Наполеономъ. Во всякомъ случаѣ выяснилось, однако, что великій воинъ показалъ себя при этомъ достойнымъ своей репутаціи геніальнаго человѣка. Свысока относясь къ германскому дворянству, онъ держалъ себя съ простодушнымъ ученымъ, какъ равный съ равнымъ. Говоря о древнемъ Римѣ, Наполеонъ защищалъ императоровъ противъ Тацита, обсуждалъ

причины успѣховъ распространенія христіанства и утверждалъ, что главною заслугой всѣхъ вообще религій является огражденіе нравственности. Поэтъ отвѣчалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него это требовалось, на ломанномъ французскомъ языкѣ, и былъ очень радъ тому, что императоръ говорилъ по преимуществу самъ. Иногда, впрочемъ, Наполеонъ обращался къ нему съ вопросами. Такъ, онъ освѣдомился, какое изъ своихъ произведеній предпочитаетъ самъ Виландъ. Поэтъ возразилъ, что не придаетъ ни одному изъ нихъ особенной цѣнности, но что „Агатонъ“ и „Оберонъ“ кажутся ему все-таки лучше другихъ.

Затѣмъ французскій императоръ задалъ германскому поэту вопросъ, съ которымъ вообще любилъ обращаться къ ученымъ и литераторамъ: „Въ какія именно времена человѣчество чувствовало себя наиболѣе счастливымъ?“—„Опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ нельзя,—возразилъ Виландъ,—добро и зло, добродѣтель и порокъ непремѣнно чередуются другъ съ другомъ. Философія должна выставлять хорошее въ болѣе яркомъ свѣтѣ и дѣлать дурное болѣе сноснымъ“. „Прелестно, восхитительно!—воскликнулъ Наполеонъ.— Несправедливо рисовать всё мрачными красками, какъ это дѣлалъ Тацитъ. Онъ, разумѣется, искусный художникъ, смѣлый обольстительный колористъ, но прежде всего бьетъ на эффектъ. Исторія должна избѣгать иллюзій. Ей слѣдуетъ освѣщать событія и выставлять на видъ поучительную ихъ сторону, а не ограничиваться описаніями и разсказами, разсчитанными на то, чтобъ производить сильное впечатлѣніе. Тацитъ недостаточно выясняетъ причины и скрытыя пружины событій. Онъ не углубляется въ таинственную подкладку мыслей и поступковъ,—не изслѣдуетъ достаточно строго и критически существовавшую между ними связь, для того чтобы потомство могло составить себѣ о нихъ справедливое и безпристрастное сужденіе. Исторія, какъ я её понимаю, должна была бы рисовать людей и народы такими, какими они представлялись на самомъ дѣлѣ въ современную имъ эпоху. Ей слѣдуетъ принимать во вниманіе внѣшнія обстоятельства, необходимо долженствовавшія существенно вліять на поступки, а вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была бы указывать рамки, которыми ограничивалось это вліяніе. Нѣтъ, римскіе императоры не были такими дурными людьми, какими ихъ описываетъ Тацитъ! Я вынужденъ поэтому предпочесть ему Монтескье, который все-таки справедливѣе и болѣе близокъ къ истинѣ въ своихъ критическихъ сужденіяхъ“.

О христіанствѣ Наполеонъ высказался слѣдующимъ образомъ: „Философы тщетно стараются отыскать нравственное ученіе выше того, которое, примиривъ человѣка съ самимъ собою, обезпечило миръ и общественное спокойствіе народамъ, равно какъ счастье и надежду отдѣльнымъ личностямъ“. Бесѣда эта длилась два часа и закончилась по почину не Наполеона, а самого Виланда, который, повидимому, усталъ стоять. „Ну чтожь, прощайте; желаю вамъ доброй ночи!“ ласково сказалъ ему императоръ.

Таковы были зрѣлища, развертывавшіяся тогда передъ гла-

зами Европы. Одни празднества слѣдовали за другими. Театральные спектакли, процессіи, парады, придворныя охоты, балы и обѣды смѣняли другъ друга. Присутствовавшіе, очевидно, разсылали по всѣмъ странамъ свѣта разсказы о проявлявшейся приэтомъ изумительной гармоніи. Императоры, короли, принцы, дворянство, маршалы, генералы и солдаты, ученые, поэты, артисты и дипломаты,—самые блестящіе актеры на великой міровой сценѣ—всѣ сообща выполняли въ Эрфуртѣ живую картину, подобную которой трудно встрѣтить въ исторіи. Звѣзды русскихъ орденовъ и ленты Почетнаго Легіона впервые еще сверкали на груди такихъ людей, какъ Гете и Виландъ, безъ сомнѣнія, неожидавшихъ удостоиться подобныхъ отличій. Союзъ двухъ императоровъ выказалъ себя передъ лицомъ всего свѣта сильнѣе и демонстративнѣе, чѣмъ когда-либо.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ это было дѣйствительно справедливо, такъ какъ къ концу Эрфутскаго свиданья императоръ Александръ добился отъ Наполеона выполненія если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма многихъ своихъ требованій. Рѣшено было, что обѣ имперіи станутъ и впредь дѣйствовать сообща для возстановленія общаго мира, на условіяхъ, которыя обезпечатъ за Франціей пріобрѣтенія, сдѣланныя ею послѣ Тильзитскаго договора, и утвердятъ за Россіей ея завоеванія на сѣверѣ и югѣ. Дѣла въ Финляндіи приняли, тѣмъ временемъ, для Россіи болѣе благопріятный оборотъ, Молдавія же и Валахія, къ пріобрѣтенію которыхъ императоръ Александръ такъ стремился, были уже заняты русскими войсками. Въ сущности, предполагалось принудить Англію къ признанію новаго порядка вещей, установленнаго Франціей въ Испаніи и санкціонировать присоединеніе къ Россіи Финляндіи, Молдавіи и Валахіи. Если бы Австрія вздумала заключить союзъ съ турками для противодѣйствія видамъ Россіи, то Франція должна была вступиться за свою союзницу. Россія, въ свою очередь, обязалась принять сторону Франціи, еслибъ вѣнскій кабинетъ вздумалъ объявить Наполеону войну. Во всякомъ случаѣ императору Францу предстояло признать новыхъ королей, испанскаго и неаполитанскаго, подъ фактическимъ совмѣстнымъ давленіемъ Россіи и Франціи. Предусматривая для Англіи возможность упорствовать въ своей враждебности, оба императора рѣшили черезъ годъ съѣхаться другъ съ другомъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣропріятій. Россія обезпечивала себѣ весьма существенныя выгоды и, въ данный моментъ, франко-русскій союзъ не только казался, но и былъ на самомъ дѣлѣ могущественнѣе и прочнѣе, чѣмъ когда-либо.

Съ другой стороны, однако, союзъ этотъ заключалъ въ себѣ дѣятельные зародыши разложенія, которыхъ въ немъ прежде не было. Императоръ Александръ и его министры выказали во время переговоровъ такую стойкость, что между русскимъ и французскими государями дѣло доходило не разъ до жаркихъ препирательствъ и рѣзкихъ объясненій, воспоминанія о которыхъ, по возвращеніи императора Александра въ Петербургъ, послужили для него источникомъ все болѣе усиливавшихся подозрѣній. Кромѣ того, рус-

скому императору пришлось уступить по одному весьма существенному пункту. Было постановлено, что русско-французскій договоръ долженъ оставаться во всей своей совокупности тайнымъ, по меньшей мѣрѣ, въ продолженіи десяти лѣтъ. Россіи предоставлялось занимать Молдавію и Валахію и считать эти княжества принадлежащими ей безповоротно, но она не могла открыто присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ, до полученія отъ Англіи отвѣта на мирныя предложенія. По мнѣнію Наполеона, англо-турецкій союзъ являлся въ всякомъ случаѣ крайне нежелательнымъ, но въ то же время и союзъ между Россіей и Турціей, въ качествѣ неизбѣжнаго слѣдствія побѣды, одержанной Россіей, могъ бы раскрыть глаза Сентъ-Джемскому кабинету и, разъяснивъ ему сущность эрфуртскаго соглашенія, вызвать что-нибудь вродѣ копенгагенской катастрофы, которую, какъ извѣстно, обусловили подозрѣнія, возбужденныя въ Лондонѣ Тильзитскимъ свиданьемъ. Такимъ образомъ, конечныя цѣли Эрфуртскаго договора должно было хранить въ тайнѣ, въ теченіе неопредѣленно долгаго времени.

Другимъ опаснымъ элементомъ эрфуртскаго соглашенія являлся заключавшійся тамъ новый вызовъ по адресу Пруссіи и Австріи. Вообще полагаютъ, что Наполеонъ уговаривалъ императора Александра занять русскими войсками не только Варшаву, но также нѣкоторыя австрійскіе и прускіе пограничные округа. Подобный шагъ, безъ сомнѣнія, поссорилъ бы Россію съ сосѣдями и такимъ образомъ парализовалъ бы среднюю Европу на все время французскихъ войнъ въ Испаніи. Если подобная комбинація дѣйствительно имѣлась въ виду, то она могла бы удовлетворительно объяснить два факта. Пруссія, доведенная до отчаянія, посылала въ Парижъ одного агента за другимъ, дабы побудить Наполеона хоть сколько-нибудь смягчить его требованія. Послѣднимъ изъ этихъ агентомъ былъ братъ короля, принцъ Вильгельмъ, который, въ началѣ сентября, условился съ французскими уполномоченными, что Пруссія уплатитъ сто сорокъ милліоновъ франковъ, передаетъ Франціи всѣ крѣпости по Одеру и сократитъ свою армію до 42.000 человѣкъ, взамѣнъ чего Наполеонъ выведетъ свои войска изъ прусскихъ владѣній и уменьшитъ сумму военнаго вознагражденія на $14^1/_2$ милліоновъ франковъ. Три недѣли спустя, а именно 9-го октября, Наполеонъ пригласилъ принца охотиться за зайцами на полѣ сраженія подъ Іеной. Этотъ инцидентъ, въ связи съ требованіемъ уволить Штейна въ отставку, весьма многозначительно выяснялъ политику Наполеона по отношенію къ Пруссіи.

Императоръ Францъ посылалъ изъ Вѣны въ Эрфуртъ генерала Винцента. При этомъ оффиціально имѣлось въ виду представить объясненія касательно производившихся въ Австріи вооруженій, хотя, въ дѣйствительности, генералу Винценту было поручено вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за происходившими тамъ переговорами. Онъ безъ труда склонилъ продажнаго Талейрана на свою сторону, но, несмотря на это, Наполеонъ обращался съ нимъ не особенно вѣжливо и отослалъ его назадъ къ императору Францу съ письмомъ, содержавшимъ горькіе упреки и угрозы. Штейнъ, послѣ вы-

нужденной своей отставки, нашелъ, подобно Гарденбергу, убѣжище въ Вѣнѣ. Тамъ онъ примкнулъ къ вліятельной партіи, состоявшей изъ русскаго посла, Поццо ди-Борго, и другихъ лицъ, которыя, враждуя съ Франціей, упорно разжигали въ высшихъ австрійскихъ сферахъ воинственныя стремленія. Дѣятельными интригами этой партіи объясняется и слѣдующая фраза въ письмѣ Наполеона къ императору Францу: „Послѣдній массовый наборъ неизбѣжно заставилъ бы меня объявить войну, еслибъ я могъ предполагать, что онъ самъ и военныя приготовленія, состоявшія съ нимъ въ связи, являлись результатомъ соглашенія съ Россіей". Здѣсь содержался намекъ на возможность того, что Россія была заинтересована въ военныхъ приготовленіяхъ Австріи. Однажды въ Эрфуртѣ, когда наполеоновскіе гренадеры проходили мимо обоихъ государей церемоніальнымъ маршемъ, русскому императору пришлось слушать, какъ Наполеонъ хвалилъ ихъ за мужество, выказанное подъ Пултускомъ и Фридландомъ. Вообще Наполеонъ зачастую обнаруживалъ недостатокъ надлежащаго такта и деликатности. Говорятъ, будто однажды въ Тюльери онъ обратился къ одной изъ своихъ придворныхъ дамъ, не отличавшейся цѣломудріемъ, съ вопросомъ: „Правда, что вы любите мужчинъ?"—„Да, если они вѣжливы!" возразила находчивая дама. Въ Эрфуртѣ Талейранъ объяснялъ безтактность своего монарха слѣдующими соображеніями: „Мы французы, цивилизованнѣе нашего императора,—говорилъ онъ баварскому первому министру Монжела,—Наполеонъ I является представителемъ древне-римской цивилизаціи".

Въ Эрфуртѣ произошелъ, впрочемъ, и другой инцидентъ, еще болѣе чреватый радикальными перемѣнами. Благодаря коварнымъ инсинуаціямъ Фуше и дошедшимъ до всеобщаго свѣдѣнія подробностямъ ссоры между королевой Гортензіей, отстаивавшей интересы своей матери, и великой герцогиней бергской, —представительницей партіи Бонапартовъ,—всюду начали говорить о разводѣ между Наполеономъ и Жозефиной. Новое положеніе, пріобрѣтенное Наполеономъ въ Тильзитѣ въ качествѣ признаннаго главы западно-европейскихъ государей, сколько извѣстно, и тогда уже вызвало у него мысль о необходимости развода. Во всякомъ случаѣ мысль эта не выразилась тогда въ достаточно опредѣленной формѣ и не побудила его къ безповоротнымъ рѣшеніямъ. Осенью, въ слѣдующемъ году, французскій императоръ обращался въ Фонтенебло до такой степени сурово и пренебрежительно съ Жозефиной, что въ придворныхъ кружкахъ начали серьезно предполагать у него намѣреніе добиться развода. Всѣ задавали себѣ вопросъ: на кого именно падетъ его выборъ? Въ томъ же году, по приказанію императора былъ представленъ ему списокъ наличныхъ незамужнихъ принцессъ. Въ этотъ списокъ были внесены: шестнадцатилѣтняя, Марія-Луиза австрійская, племянница саксонскаго короля, Марія-Амелія, и двѣ сестры императора Александра, младшей изъ которыхъ еще не исполнилось тринадцати лѣтъ. Всѣ вообще предполагали, что Наполеонъ сдѣлаетъ предложеніе которой-нибудь изъ русскихъ принцессъ. Слухъ объ этомъ вскорѣ

дошелъ до Петербурга, и бойкіе языки тогдашнихъ петербургскихъ сплетницъ и сплетниковъ тотчасъ же объявили нареченной невѣстой французскаго императора великую княжну Екатерину Павловну, такъ какъ она была уже взрослой и, кромѣ того, охотно училась французскимъ танцамъ. Императоръ Александръ и его министры были въ отчаяніи, такъ какъ національная русская партія до крайности возмущалась перспективой согласія Государя на подобный бракъ, а между тѣмъ отказъ могъ бы повлечь за собою расторженіе союза, отъ котораго зависѣла возможность достиженія важныхъ политическихъ цѣлей.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, Фуше, который зналъ о борьбѣ, происходившей тогда въ душѣ Наполеона, намекнулъ французской императрицѣ и, надо полагать, съ вѣдома ея супруга, на желательность, чтобъ она взяла на себя починъ развода. Вмѣсто того Жозефина расплакалась и съ растрепанными волосами бросилась къ мужу требовать личнаго объясненія. Онъ принялся утѣшать ее, увѣряя въ своей любви и преданности, но тѣмъ не менѣе уѣхалъ въ Италію, не разсѣявъ вполнѣ ея опасеній. По возвращеніи изъ Милана онъ, въ присутствіи императрицы, далъ строгій выговоръ своему министру полиціи, продолжавшему интриговать въ прежнемъ духѣ, и категорически запретилъ ему это. Тѣмъ не менѣе дерзкій министръ не обратилъ вниманія на запрещеніе императора и продолжалъ оказывать давленіе на Жозефину. Въ мартѣ 1808 года парижская придворная атмосфера была переполнена предвѣстниками роковой надвигавшейся супружеской бури. Общественное мнѣніе раздѣлилось на двѣ партіи: сторонниковъ и противниковъ развода императорской четы. Однажды вечеромъ назначенъ былъ въ Тюльери придворный спектакль. Ихъ величества на него не явились. Наполеонъ вмѣсто того, чтобы одѣться, ушелъ въ свою спальню и послалъ за Жозефиной. Она явилась въ блестящемъ бальномъ костюмѣ и нашла своего супруга въ постели, блѣднаго и разстроеннаго. Онъ тотчасъ-же принялся излагать ей затруднительное свое положеніе, раскрывая все свое сердце, и хотя не выказывалъ прямо, что проситъ жену взять на себя починъ развода, но нѣмымъ своимъ отчаяніемъ какъ будто умолялъ ее высказать рѣшительное слово. Императрица осталась, однако, непреклонной. „Неужели мнѣ придется усыновить незаконныхъ моихъ дѣтей?“ спрашивалъ Наполеонъ въ горькомъ разочарованіи. Она утвердительно кивнула головой. Изумленный и тронутый этимъ изъявленіемъ согласія, императоръ поклялся никогда ее не покидать, и дѣло остановилось пока на этомъ.

Въ Эрфуртѣ Наполеонъ ощутилъ съ новою силой необходимость развестись съ женой и упрочить свою династію болѣе соотвѣтственнымъ брачнымъ союзомъ. Онъ приказалъ Талейрану и Коленкуру замѣтить мимоходомъ въ присутствіи императора Александра, что вопросъ о разводѣ съ Жозефиной имѣетъ существенное значеніе съ точки зрѣнія международной европейской политики. Наполеонъ увѣрялъ своихъ дипломатовъ, будто интересуется знать, какъ отнесется къ этому осторожному намеку

его союзникъ. Ему возразили, что предполагавшійся бракъ между русской великой княжной и шведскимъ королемъ не состоялся вслѣдствіе религіозныхъ затрудненій, такъ какъ король былъ протестантъ, а великая княжна православная. Наполеонъ съ недовольнымъ видомъ пожалъ плечами, и французскимъ дипломатамъ пришлось выполнить возложенное на нихъ порученіе. Русскій государь отнесся къ проекту развода, повидимому, очень сочувственно и, въ бесѣдѣ съ Наполеономъ, самъ возбудилъ рѣчь объ этомъ предметѣ, заявивъ, что не только вѣрноподданные, но и лучшіе друзья французскаго императора искренно желаютъ, чтобы онъ упрочилъ вторымъ бракомъ свое дѣло и свою династію.

Это, разумѣется, повлекло за собой конфиденціальныя объясненія, въ которыхъ было упомянуто о возможности не только политическаго, но и брачнаго союза. Еслибъ Наполеонъ немедленно же просилъ руки великой княжны Екатерины Павловны, можетъ быть, что русскій государь и не отвѣтилъ бы на эту просьбу отказомъ. Французскій императоръ колебался, однако, сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, а потому упомянулъ только вскользь о младшей сестрѣ Александра I, великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, бывшей тогда еще ребенкомъ, и не сказалъ, въ сущности, ничего опредѣленнаго. Дабы засвидѣтельствовать, что Эрфуртское свиданіе скрѣпило еще прочнѣе узы, соединявшія Россію съ Франціей, оба императора обратились къ англійскому королю, Георгу III, съ коллективнымъ письмомъ, въ которомъ предлагали ему заключить миръ на основаніи принципа „uti possidetis“. Наполеонъ и Александръ разстались другъ съ другомъ съ самыми пламенными выраженіями дружбы и преданности, но, по возвращеніи русскаго государя въ Петербургъ, старшая его сестра была съ величайшей поспѣшностью выдана замужъ за герцога Ольденбургскаго. Только послѣ того императоръ Александръ I сталъ чувствовать себя, повидимому, спокойнѣе.

Неудачный исходъ кампаніи на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ спѣшилъ въ Испанію, куда направлялись уже всѣ легіоны великой его арміи, которые оказалось возможнымъ вывести изъ Пруссіи. Надо было смыть во чтобы бы ни стало позоръ капитуляцій, заключенныхъ въ Байленѣ и Цинтрѣ. Когда эти великолѣпныя боевыя войска проходили по Франціи, ихъ всюду встрѣчали съ почестями, подобающими побѣдителямъ. Гражданскія власти устраивали въ честь имъ банкеты; медоточивыя уста избранныхъ ораторовъ расточали имъ похвалы, а поэты воспѣвали звучными стихами ихъ славу. Эти восторженныя встрѣчи казались войскамъ совершенно искренними и одушевляли, не только солдатъ, но и офицеровъ, бодрымъ, жизнерадостнымъ энтузіазмомъ. Историку извѣстно въ настоящее время то, чего не знали тогда во французской арміи. Оказывается, что военный министръ, вслѣдствіе личнаго предписанія, даннаго ему Наполеономъ, подготовилъ даже самыя мелочныя подробности этого

торжественнаго шествія. Всѣмъ префектамъ разосланы были обстоятельныя инструкціи. Въ Парижѣ заказаны были три серіи воинственныхъ пѣсенъ, которыя потомъ разослали по разнымъ мѣстамъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы, какъ писалъ императоръ, «солдату не пришлось слышать одну и ту же пѣсню дважды». Успѣхъ получился полный, и торжественныя встрѣчи войскамъ имѣли по наружности характеръ самаго искренняго выраженія народныхъ чувствъ.

Въ началѣ ноября мѣсяца собралась подъ стѣнами Бургоса уже не утомленная, упавшая духомъ армія, а грозная вооруженная сила, состоявшая изъ отборныхъ, испытанныхъ въ бояхъ ветерановъ. Правда, что Жозефъ до тѣхъ поръ почти ничего не сдѣлалъ, дабы воспользоваться безразсудной безпечностью, обнаруженною испанцами, обрадованными одержанной ими побѣдой. Въ сущности, Жозефъ ровно ничего не сдѣлалъ, такъ какъ, несмотря на обстоятельныя инструкціи, чуть не ежедневно получавшіяся отъ Наполеона, онъ и Журданъ (состоявшій при немъ въ качествѣ военнаго эксперта въ Неаполѣ и занявшій теперь ту же самую должность въ Испаніи) постепенно утратили всѣ выгоды сильной стратегической позиціи своихъ войскъ. Зато французскіе подростки, которымъ приходилось сражаться въ продолженіи цѣлаго лѣта, сдѣлались нѣсколько старше и опытнѣе. Оборонительный образъ дѣйствій, котораго держались французскіе генералы, пріучилъ солдатъ къ лагерной жизни и доставилъ имъ возможность окрѣпнуть силами. Съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій обнаружился и у этихъ подростковъ подъемъ духа, такъ что они оказались почти столь же хорошими солдатами, какъ и войска, прибывшія изъ Германіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальство надъ французскими войсками въ Испаніи приняли теперь лучшіе наполеоновскіе генералы: Викторъ стоялъ въ Амурріо, Бессьеръ—въ Мирандѣ на берегу Эбро, Монсей—въ Тафаллѣ, Лефевръ—близъ Бильбао, Ней—въ Логроно на берегу Эбро и Сенъ-Сиръ—въ Ла-Хункерѣ. Каждый изъ нихъ имѣлъ подъ начальствомъ корпусъ силою отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ. Дюгемъ, съ десятитысячной дивизіей занималъ Барцелону. Въ Толозѣ и Виторіи стоялъ резервъ изъ гвардіи и кавалеріи силою въ 35,000. Двадцатичетырехъ-тысячный корпусъ Мортье находился въ тылу и, кромѣ того, Жюно, встрѣченный въ Парижѣ гораздо радушнѣе, чѣмъ онъ этого ожидалъ, шелъ съ девятнадцати-тысячнымъ корпусомъ тоже въ Испанію. Въ общей сложности тамъ была сосредоточена двухсотъ-сорокатысячная французская армія. Наполеонъ, прибывшій 3-го ноября въ Байону, утверждалъ, будто эта армія простирается отъ 300 до 400 тысячъ человѣкъ. Во всякомъ случаѣ это была могущественная боевая сила, преувеличивать численность которой не представлялось ни малѣйшей надобности. Противъ нея стоялъ подъ Вальмаседой генералъ Блэкъ, съ тридцатью двумя тысячами испанцевъ, составлявшихъ лѣвое крыло испанской арміи. Крыло это вскорѣ было усилено прибытіемъ восьмитысячнаго корпуса Ла-Романы, высадившагося

уже въ Сантандерѣ. Центръ, численностью въ 25.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Кастаньоса, былъ расположенъ между Калагеррой и Туделой, а правое крыло, изъ семнадцати тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Палафокса, находилось частью въ самой Сарагоссѣ, частью же въ окрестностяхъ. Подъ Барцелоной стоялъ Вивесъ, съ двадцатитысячнымъ корпусомъ, а близъ Бургоса находился восемнадцатитысячный общій резервъ, подъ командою Бельведера. Такимъ образомъ численность регулярной испанской арміи не превышала ста двадцати тысячъ человѣкъ. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что кромѣ этой регулярной арміи существовала иррегулярная боевая сила неопредѣленной, но во всякомъ случаѣ громадной численности, такъ какъ въ составъ ея входило почти все населеніе Испаніи, способное носить оружіе.

Несмотря на хлопоты, заботы и развлеченія, выпадавшія на долю Наполеона въ Эрфуртѣ, онъ все-таки находилъ время тщательно изучать съ военной и политической точекъ зрѣнія положеніе дѣлъ въ Испаніи, а подъ конецъ написалъ Жозефу, что пріѣдетъ туда самъ и покончитъ дѣло однимъ ловкимъ ударомъ. Надежда эта основывалась на томъ, что лѣвое крыло испанской арміи, подъ начальствомъ генерала Блэка, оказывалось значительно выдвинутымъ впередъ безъ надлежащей поддержки, такъ что могло быть отрѣзано отъ остальной арміи и уничтожено, послѣ чего центръ и правое крыло послѣдовательно подверглись бы той же участи. Если этотъ планъ не удалось выполнить въ точности, то въ этомъ слѣдуетъ винить лишь отсутствіе надлежащей выдержки у храбраго генерала Лефевра. Блэкъ выступилъ 31-го октября изъ Дюранго и аттаковалъ французовъ. Лефевръ не только отразилъ его нападеніе, но, въ увлеченіи боемъ, отбросилъ сверхъ того испанскія войска слишкомъ далеко къ Вальмаседѣ. Императоръ имѣлъ совершенно иные виды и отдалъ уже предписаніе заманивать Блэка впередъ, по направленію къ Бискайѣ и Наваррѣ. Впрочемъ, онъ и теперь еще не хотѣлъ окончательно отказаться отъ стратегическаго своего плана. Испанцы хотя и обнаружили неожиданно для самихъ себя воинственный духъ, но, опьяненные побѣдой, утратили всякое благоразуміе и осторожность. Къ тому же они были почти незнакомы съ военнымъ искусствомъ. Каждый генералъ ихъ дѣйствовалъ за собственный страхъ, а потому у нихъ не было даже выработано никакого общаго операціоннаго плана. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ рѣшилъ направить главныя силы французскихъ войскъ къ Бургосу, чтобы отрѣзать Блэка отъ остальной испанской арміи и разбить его на-голову, причемъ два корпуса, подъ начальствомъ Сульта, посланы были въ обходъ, чтобы пресѣчь ему путь отступленія.

Бургосъ былъ взятъ 10-го ноября почти безъ сопротивленія. На слѣдующій же день Блэкъ былъ разбитъ подъ Эспинозой. Разсѣянныя его колонны, обойденныя Сультомъ, не удалось, однако, захватить въ плѣнъ, такъ какъ онѣ бѣжали въ разсыпную въ Астурійскія горы, гдѣ соединились съ корпусомъ Ла-Романы. Не теряя ни минуты, Наполеонъ отправилъ Нея съ конницей въ юго-восточномъ

направленіи, чтобы ударить въ тылъ Кастаньосу, въ то самое время, когда Ланнъ, командовавшій корпусомъ Монсея и дивизіей Лагранжа, аттакуетъ его съ фронта. Войска испанскаго центра подъ начальствомъ Кастаньоса были, какъ уже упомянуто, расположены между Калагеррой и Туделой. Къ 20-му ноября Ней и Ланнъ заняли уже назначенныя для нихъ позиціи, и гибель Кастаньоса казалась совершенно неизбѣжной. 23-го ноября Ланнъ аттаковалъ его войска и обратилъ ихъ въ бѣгство, но Ней, съ своей кавалеріей, по какой-то невыясненной вполнѣ причинѣ не тронулся съ мѣста и не отрѣзалъ имъ путь отступленія. Благодаря этому бѣжавшимъ испанцамъ удалось снова собраться въ Сигуентѣ, а Палафоксъ тѣмъ временемъ заперся въ Сарагоссѣ. Великолѣпный стратегическій планъ Наполеона былъ выполненъ почти безъ сопротивленія, такъ какъ испанскія войска разсѣялись какъ дымъ передъ натискомъ великой арміи. Тѣмъ не менѣе, цѣли, къ которымъ стремился Наполеонъ, фактически не были достигнуты. Сультъ на правомъ крылѣ, а Ней на лѣвомъ,—не выказали должной быстроты и энергіи. Поэтому испанскія войска вмѣсто того, чтобъ очутиться взятыми въ плѣнъ, или уничтоженными, были только разсѣяны, причемъ, разумѣется, понесли довольно значительныя потери. Для обыкновеннаго полководца, разумѣется, и такой результатъ показался бы удовлетворительнымъ, такъ какъ онъ доставлялъ возможность безотлагательно сдѣлать другой рѣшительный шагъ.

Капитуляціи, заключенныя въ Цинтрѣ и Байленѣ, вмѣстѣ съ возстаніемъ, вспыхнувшимъ всюду въ Испаніи, вызвали въ Португаліи враждебное настроеніе къ французамъ. Португальцы вполнѣ сочувствовали теперь испанцамъ и были почти въ такой же степени расположены сопротивляться самымъ ожесточеннымъ образомъ наполеоновскимъ войскамъ, которыя попытались бы вторгнуться на ихъ территорію. Выгодныя для французовъ условія капитуляціи, которую заключилъ Жюно, вызвали въ Англіи величайшее негодованіе. Не только Дальримпль и Буррардъ, но и самъ Веллеслей, были отозваны изъ арміи, чтобы представить отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Веллеслей былъ торжественно оправданъ, Дальримпль же и Буррардъ, хотя и не были непосредственно уличены въ нарушеніи долга, но все-таки съ тѣхъ поръ остались фактически не у дѣлъ. Англійскими войсками на Пиренейскомъ полуостровѣ командовалъ теперь сэръ Джонъ Муръ. Получивъ въ подкрѣпленіе еще 10.000 человѣкъ и совершенно увѣренный въ народныхъ симпатіяхъ Португаліи, онъ двинулся въ Испанію. Наполеону казалось очевиднымъ, что англійскій главнокомандующій задался цѣлью овладѣть Мадридомъ.

Предположеніе это было ошибочнымъ. На самомъ дѣлѣ испанцы, въ упоеніи радости, вообразили себѣ, что возьмутъ въ плѣнъ Наполеона со всей его арміей, подобно тому, какъ захватили въ плѣнъ дивизію Дюпона. Они были, однако, настолько вѣжливы, что пригласили англичанъ присутствовать при сдачѣ французскаго императора на капитуляцію. Муръ имѣлъ предписаніе помогать испанцамъ, а потому принялъ посланное ему приглашеніе, хотя зналъ

заранѣе, каковы будутъ результаты сумасбродныхъ испанскихъ надеждъ и упованій. Съ одною изъ своихъ колоннъ онъ прибылъ 13-го ноября въ Саламанку, а главныя части другой его колонны находились въ Асторгѣ. Въ первой изъ этихъ колоннъ насчитывалось 15.000, а во второй—не болѣе 10.000 человѣкъ. Какъ разъ въ этотъ день англійскій главнокомандующій получилъ свѣдѣніе о побѣдахъ, одержанныхъ Наполеономъ. Ввиду этого онъ остановился, чтобы обождать, куда именно двинутся французскія войска. Оказалось, что они двинулись къ Мадриду. Монсей остался осаждать Сарагоссу; Лефевру поручено было прикрывать правый, а Нею лѣвый флангъ главныхъ силъ, которыя 28-го ноября перешли въ дѣятельное наступленіе.

Первымъ серьезнымъ препятствіемъ, встрѣченнымъ имъ на пути, оказывался Гвадаррамскій горный хребетъ. Чтобы перевалить черезъ него, надлежало форсировать Соммосьеррскій горный проходъ. Ущелье это защищалось не только пѣхотой, расположенной на высотахъ, но также и артиллеріей. Весьма выгодно поставленная баттарея изъ шестнадцати орудій обстрѣливала его вдоль. Рано утромъ, 30-го ноября, французская пѣхота начала взбираться на высоты по обѣимъ сторонамъ узкаго ущелья и, пользуясь густымъ туманомъ, успѣшно поднялась на самый гребень, гдѣ стояли бивуаками испанскія войска. Они не выдержали внезапнаго нападенія и были тотчасъ же сбиты съ позиціи. Одновременно съ этимъ двинулся на баттарею полкъ польскихъ уланъ. Аттака его была произведена до такой степени блистательно, что артиллеристы успѣли дать только одинъ залпъ, а въ слѣдующее затѣмъ мгновенье уланы были уже на баттареѣ. Къ завтраку французы вполнѣ овладѣли горнымъ проходомъ. Вечеромъ 2-го декабря вся французская армія съ артиллеріей и обозами стояла уже на Шамартенскихъ высотахъ, подъ стѣнами Мадрида. Несмотря на мужественное сопротивленіе остававшагося тамъ малочисленнаго отряда регулярныхъ войскъ, поддержаннаго храбрымъ населеніемъ, испанская столица вынуждена была черезъ двое сутокъ сдаться на капитуляцію. Наполеонъ находилъ, что, при существующихъ обстоятельствахъ, съ испанцами не слѣдуетъ особенно церемониться. Воспользовавшись уличными безпорядками, вызванными вторичнымъ занятіемъ Мадрида французами, онъ объявилъ капитуляцію недѣйствительной и оставилъ испанскихъ офицеровъ военнoплѣнными. Нижніе чины бѣжали изъ города еще за день передъ тѣмъ.

Военныя операціи въ Испаніи нельзя было еще считать законченными. Муръ, котораго Наполеонъ разсчитывалъ встрѣтить подъ Мадридомъ, не показывался въ долинѣ Таго. Его слѣдовало прежде всего розыскать. Наполеонъ разослалъ съ этою цѣлью отряды по всѣмъ направленіямъ, но, лишь въ половинѣ декабря мѣсяца, удалось приблизительно выяснить, гдѣ именно находятся англичане. Полученныя съ аванпостовъ донесенія очень изумили Наполеона. Онъ рѣшилъ, что англичане намѣреваются покинуть Португалію и устроить себѣ продовольственную базу въ Ферролѣ. Рѣшившись помѣшать этому, императоръ выступилъ 20-го числа съ половиною

арміи изъ Мадрида, а 22-го — перевалилъ уже черезъ покрытыя снѣгами Гвадаррамскія горы.

Тѣмъ временемъ Муръ принялъ съ своей стороны тоже энергическое рѣшеніе: привлечь на себя вниманіе французовъ, отвлечь главныя ихъ силы и затѣмъ медленно отойти къ сѣверу. Выполненіе этого маневра должно было, какъ онъ полагалъ, спасти Андалузію отъ французскаго вторженія и, дозволяя населенію южной Испаніи организовать энергическое сопротивленіе, могло бы подготовить французамъ новую Байленскую катастрофу. Съ этою цѣлью онъ собирался 23-го декабря ударить на Сульта, но, узнавъ о быстромъ приближеніи Наполеона, немедленно отказался отъ этого намѣренія и началъ поспѣшно отступать. Трое сутокъ спустя онъ благополучно уже перевелъ свои войска за рѣку Эслу. Тогда началось знаменитое преслѣдованіе, при которомъ Наполеонъ стремительно гнался за англійскими войсками, но все-таки не могъ ихъ настигнуть. Чтобы ободрить усталыхъ своихъ солдатъ онъ шелъ вмѣстѣ съ ними самъ пѣшкомъ по снѣгу, разсчитывая нагнать непріятельскій арьергардъ и, принудивъ его къ бою, задержать отступленіе Мура. Тѣмъ временемъ Сультъ съ всевозможною быстротой шелъ къ Мансильѣ, угрожая ударить во флангъ англичанамъ. 29-го декабря французскіе казалерійскіе разъѣзды дошли до Эслы, но были отброшены англійскимъ арьергардомъ. Муръ, тороплив› уничтоживъ продовольственные магазины, устроенные въ Беневенто, ушелъ къ Асторгѣ.

Отступленіе продолжалось послѣ того еще два дня. Муръ послѣ нѣсколькихъ арьергардныхъ стычекъ добрался, наконецъ, до Корунны, гдѣ надѣялся сѣсть на суда. Сультъ переправился, наконецъ, въ свою очередь тоже черезъ Эслу, а въ день новаго 1809 года императоръ Наполеонъ прибылъ въ Асторгу. Онъ былъ убѣжденъ, что англійскій флотъ находится уже въ Ферролѣ. Погода стояла скверная, и здоровье императора нѣсколько пострадало отъ суровыхъ холодовъ. Кромѣ того, онъ получилъ изъ Парижа и отъ своихъ представителей за-границей письма тревожнаго содержанія, ввиду которыхъ рѣшилъ, что ему лично не къ чему долѣе гоняться за англійской арміей. Игра положительно не стоила свѣчъ, а потому онъ поручилъ дальнѣйшее преслѣдованіе Сульту. Корпусъ Нея оставленъ былъ въ Асторгѣ въ качествѣ резерва, а Наполеонъ съ своею гвардіей пошелъ обратно къ Вальядолиду, куда и прибылъ 6-го января. Тамъ онъ отдыхалъ цѣлыхъ десять дней. За это время были получены новыя, еще болѣе тревожныя депеши. Обстоятельства складывались такъ, что присутствіе императора являлось безусловно необходимымъ въ Парижѣ, несмотря на то, что дѣла въ Испаніи представлялись далеко еще не законченными.

23-го января Наполеонъ былъ уже въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Блестящее отступленіе Мура,—мужество и спокойствіе духа, выказанныя этимъ генераломъ во время тяжелаго бѣдственнаго отступленія,—превосходная дисциплина, которую онъ съумѣлъ сохранить въ своихъ войскахъ даже въ моментъ горькаго разочарованія, когда, по прибытіи въ Корунну, выяснилось, что тамъ

еще нѣтъ ожидавшагося флота,—геройская битва съ Сультомъ, разыгравшаяся 16-го сентября,—смертельная рана, полученная Муромъ въ моментъ, когда аттаки французовъ были уже отбиты и самоотверженіе, съ которымъ Муръ, уже при смерти, сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія о немедленной посадкѣ своихъ войскъ на прибывшія наконецъ, суда,—все это вмѣстѣ является блестящей страницей въ англійской военной исторіи. Это, быть можетъ, замѣчательнѣйшій примѣръ стойкости англійскихъ войскъ, особенно же, если принять во вниманіе тяжелую обстановку, въ которой производилось отступленіе. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что, лишь благодаря счастливому случаю, оно не закончилось гибельною катастрофой. Какъ бы ни было, отступленіе это подняло духъ англійской арміи и примѣръ Мура обезпечилъ впослѣдствіи Веллингтону возможность одерживать побѣды надъ французами.

При отъѣздѣ Наполеона изъ Испаніи положеніе дѣлъ тамъ представлялось, съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ, далеко неудовлетворительнымъ. Мадридское населеніе встрѣтило геніальнаго полководца очень холодно и заперлось въ домахъ. Улицы оказались совершенно пустыми, а потому о какихъ-либо изъявленіяхъ народнаго восторга не могло быть и рѣчи. Мадридцы не захотѣли даже полюбоваться великолѣпнымъ военнымъ парадомъ, устроеннымъ нарочно для нихъ. Мелкое дворянство и аристократія относились къ побѣдителю одинаково холодно и держались отъ него всторонѣ. Было очевидно, что никакими ласками, угрозами и прельщеніями нельзя добиться отъ испанцевъ хотя бы даже пассивнаго примиренія съ фактомъ новаго завоеванія ихъ отчизны. Надлежало поэтому пустить въ ходъ иныя мѣры. Еще 4-го декабря Наполеонъ, выступивъ въ роли великаго преобразователя, издалъ въ Шамартенскомъ лагерѣ, подъ стѣнами Мадрида, рядъ декретовъ, постановившихъ для Испаніи самыя радикальныя реформы. Всѣ феодальныя привиллегіи и внутреннія таможенныя пошлины между отдѣльными испанскими областями были отмѣнены. Инквизиція упразднялась, и двѣ трети монастырей были закрыты. Мѣры эти сами по себѣ являлись въ высшей степени полезными и подрубали подъ корень ядовитое дерево, въ смертоносной тѣни котораго чахла до тѣхъ поръ Испанія. При всемъ томъ, означенныя реформы могли бы принести желанную пользу лишь вслучаѣ полнаго завоеванія Испаніи и водворенія въ ней порядочной администраціи.

Условіе это не было соблюдено. Правда, что испанская армія оказывалась разбитой на-голову, но, несмотря на такой разгромъ, она все же не была уничтожена. Оккупація Испаніи французскими войсками являлась тоже далеко не полной. Куда бы войска эти не шли и какіе бы стратегическіе пункты они не занимали, а все-таки въ тылу и на флангахъ у нихъ постоянно дѣйствовали болѣе или менѣе многочисленные отряды вооруженныхъ испанскихъ партизановъ. Строго проведенная система военной централизаціи въ Пруссіи придала пораженію подъ Іеной рѣшаю-

щее значеніе для всей территоріи этого королевства, раздѣленнаго на нѣсколько отдѣльныхъ клочковъ. Напротивъ того, компактность испанской территоріи и мѣстная автономія ея населенія дѣлали побѣды французовъ положительно безплодными, такъ какъ села и мелкіе города продолжали упорно сопротивляться и послѣ разгрома армій.

До прибытія Наполеона, братъ его Іосифъ, выгнанный изъ своей столицы, пользовался властью и вліяніемъ исключительно лишь въ качествѣ главнокомандующаго французскою арміей. Теперь же онъ вломился въ амбицію и напоминалъ, что испанскимъ королемъ является въ дѣйствительности онъ самъ, а не его братъ. Его оскорбляла и раздражала безцеремонность, съ которою императоръ Наполеонъ взялъ въ свои руки верховную власть надъ Испаніей. Жозефъ полагалъ, что онъ лично могъ бы всего лучше столковаться съ испанцами, пріобрѣсти ихъ расположеніе и упрочить всю власть на Пиринейскомъ полуостровѣ. Ему было очень обидно оставаться, несмотря на королевскій свой санъ, въ сторонѣ въ то время, когда превозглашались такія радикальныя реформы. Онъ «сгоралъ отъ стыда передъ своими подданными» и объявилъ брату, что отрекается отъ всѣхъ правъ на престолъ, предпочитая честь и спокойствіе совѣсти столь дорого купленной верховной власти. Это разсердило Наполеона и заставило его пригрозить, что раздѣлитъ Испанію на военные округа. Впрочемъ, подобно своему мягкосердечному брату, самъ Наполеонъ отступилъ передъ выполненіемъ плана, который повлекъ бы за собой совершенное уничтоженіе такой древней и почтенной національности, какъ испанская.

Населеніе Мадрида согласилось вторично присягнуть Іосифу и признать его своимъ королемъ. Въ награду за это французскія войска были выведены изъ испанской столицы. Подобныя же вѣрноподданническія заявленія присылались изо всѣхъ областей, занятыхъ французами. Такимъ образомъ, подъ императорскимъ французскимъ покровительствомъ, Іосифъ снова возсѣдалъ на призрачномъ своемъ престолѣ. Его вѣрноподданнымъ дарована была якобы либеральная конституція, представлявшая собою сколокъ съ французской конституціи. „Отъ васъ самихъ зависитъ,— объявилъ Наполеонъ,—упрочить за собой эту хартію. Если всѣ мои усилія окажутся тщетными, и вы не оправдаете моего довѣрія, мнѣ придется поневолѣ поступить съ вашею родиной, какъ съ завоеванной страной, и возвести моего брата на какой-либо иной престолъ. Въ такомъ случаѣ я возложу испанскую корону на самого себя и заставлю всѣхъ недоброжелателей ее уважать, такъ какъ Богъ ниспославъ мнѣ власть и твердую рѣшимость преодолѣвать препятствія».

Въ апогеѣ земного величія.

Австрійскія реформы.—Пятая война съ Австріей.—Экмюльскій бой.—Пораженіе подъ Асперномъ и побѣда подъ Ваграмомъ.

Австрійскія реформы.

Полученныя Наполеономъ въ Испаніи извѣстія изъ Европы были несомнѣнно очень тревожнаго характера. Оказывались затронутыми такіе существенные интересы, по сравненію съ которыми все остальное отступало на задній планъ. Наполеону приходилось покинуть въ Испаніи наполовину лишь законченное дѣло. Несмотря на успѣхъ своихъ стратегическихъ плановъ, онъ упустилъ, вслѣдствіи поспѣшнаго своего отъѣзда, случай уничтожить англійскія войска, которымъ пришлось бы положить оружіе, такъ какъ предназначавшіяся для нихъ транспортныя суда не успѣли своевременно прибыть въ Корунну. Народное возстаніе въ Испаніи не было еще подавлено, хотя для этого и предполагалось принять выработанныя самимъ Наполеономъ энергическія мѣры. Присяга Іосифу и конституціи была принесена подъ принужденіемъ и притомъ меньшинствомъ, которое, несмотря на свою набожность, считало эту присягу недѣйствительной. Все это было, разумѣется, само по себѣ очень непріятно, но представлялось сущими пустяками по сравненію съ тѣмъ, что случилось въ средней Европѣ за время отсутствія оттуда французскаго императора.

Еще въ бытность Наполеона первымъ консуломъ,—когда онъ покрывалъ себя въ Италіи славою подъ Маренго,—организовалась въ Парижѣ клика пронырливыхъ эгоистичныхъ авантюристовъ, которые, выдвинувшись благодаря Наполеону, помышляли о томъ какъ бы имъ удержаться у кормила правленія и вслучаѣ его смерти. За время пребыванія Наполеона въ Испаніи, та же самая клика съ Талейраномъ и Фуше во главѣ, принялась опять строить планы къ обезпеченію за собой политическаго вліянія на случай, если Наполеона постигнетъ въ Испаніи катастрофа. Клика эта интриговала до такой степени дѣятельно, что обманула даже князя Меттерниха. Онъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, будто за нею стоитъ многочисленная партія французскихъ патріотовъ, которые, возмущаясь непрерывно предъявляемыми къ Франціи ея императоромъ требованіями содѣйствовать ему въ предпріятіяхъ, совершенно ненужныхъ для ея благосостоянія, охотно желали бы отдѣлаться отъ Наполеона. Положеніе во Франціи представлялось австрійскому послу до такой степени критическимъ, что, въ концѣ ноября мѣсяца, онъ покинулъ свой постъ и уѣхалъ въ Вѣну. Донесенія генерала Винцента о выяснившихся въ Эрфуртѣ разногласіяхъ между обоими императорами было встрѣчено въ австрійской столицѣ полнѣйшимъ довѣріемъ. Тамъ распространилось убѣжденіе въ полнѣйшей ненадежности франко-русскаго союза.

Удаленіе Штейна изъ Пруссіи еще болѣе усилило сочувствіе

прусскаго населенія къ политическимъ его стремленіямъ. Сочувствіе это энергически проявлялось на всемъ протяженіи прусскаго королевства, не исключая даже и тогдашней королевской резиденціи, Кенигсберга. Пруссія не только сознавала себя опять могущественною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пламенно желала отмстить за вынесенное ею униженіе. Народныя движенія въ Пруссіи и Австріи, усиливая другъ друга путемъ взаимодѣйствія, дошли до того, что наиболѣе выдающіеся ихъ вожди стали относиться совершенно безразлично къ династическому вопросу. Они находили, что процессъ возрожденія Германіи можетъ быть выполненъ какъ Гогенцоллернами, такъ и Габсбургами. Въ эту насыщенную электричествомъ атмосферу прибылъ Меттернихъ съ своими преувеличенными заявленіями о существованіи во Франціи могущественной реакціонерной партіи. Извѣстіе это неминуемо должно было послужить искрой и вызвать воспламененіе накопившихся взрывчатыхъ элементовъ. Князь Меттернихъ объяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что испанская война парализовала такую значительную часть вооруженныхъ силъ Наполеона, что онъ можетъ располагать для военныхъ дѣйствій въ средней Европѣ не болѣе какъ двухсотъ-тысячной арміей. Одна Австрія, благодаря результатамъ дѣятельныхъ своихъ вооруженій, будетъ въ состояніи управиться съ войсками, которыя выставитъ противъ нея французскій императоръ въ первый періодъ войны. Австрія хлопотала въ Англіи объ ассигнованіи ей субсидіи, безъ которой не на что было содержать армію на военномъ положеніи; Великобританія же отказалась выдать деньги прежде чѣмъ австрійскія войска выступятъ дѣйствительно въ поле. Это обстоятельство еще болѣе ускорило развязку. Императоръ Францъ и безъ того уже склонялся въ пользу войны, а первый его министръ Стадіонъ давно находилъ, что не слѣдуетъ предоставлять Наполеону возможность укрѣпить свое могущество санкціей времени. При такихъ обстоятельствахъ вѣнскій кабинетъ рѣшилъ нанести французскому императору ударъ, пользуясь запутаннымъ положеніемъ его дѣлъ въ Испаніи.

Русскій государь, уѣзжая изъ Эрфурта, чувствовалъ себя нельзя сказать, чтобы совершенно спокойнымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ясно сознавалъ, что можетъ осуществить политическіе свои виды лишь при посредствѣ Наполеона. Онъ находилъ поэтому, что существовавшая въ Европѣ система распредѣленія политическаго могущества должна до поры до времени оставаться неизмѣнной, а потому рѣшился по возможности не допускать ея нарушенія. На обратномъ пути въ Россію онъ имѣлъ время обдумать условія политическаго положенія. Его до такой степени поразило воинственное настроеніе пруссаковъ, что, проѣзжая черезъ Кенигсбергъ, онъ нашелъ умѣстнымъ устранить, по крайней мѣрѣ на время, короля Фридриха Вильгельма отъ поползновеній къ реваншу. Онъ пригласилъ поэтому короля погостить въ Петербургѣ. Приглашеніе это было принято, и старанія императора Александра увѣнчались въ такой степени успѣхомъ, что его гость вернулся въ Кенигсбергъ въ болѣе мирномъ настроеніи, чѣмъ когда-либо. Прус-

скій король увѣдомилъ австрійскаго императора, что намѣренъ держаться въ данномъ случаѣ одинаковой политики съ Россіей,— что Австрія ни подъ какимъ видомъ не должна начинать наступательной войны, хотя, разумѣется, вправѣ отразить вражеское нападеніе. На запросъ, сдѣланный ему изъ Вѣны, самъ русскій государь отвѣчалъ 2-го марта, что если Австрія объявитъ Франціи войну, то Россія выполнитъ свои обязательства по отношенію къ Наполеону. Шесть недѣль спустя, убѣдившись, что Францъ рѣшился все-таки воевать и весьма тщательно приготовился къ войнѣ, русское правительство признало умѣстнымъ забросить якорь и съ подвѣтреной стороны, а потому конфиденціально сообщило о своемъ нежеланіи, въ случаѣ войны съ Австріей, наносить ей сколько-нибудь серьезные удары.

Вѣнскій кабинетъ какъ нельзя лучше зналъ, что Александръ I и Фридрихъ Вильгельмъ не были, въ данномъ случаѣ, представителями завѣтныхъ чувствъ и стремленій своихъ народовъ. Передъ Австріей открывалась возможность стать во главѣ обширнаго національнаго возстанія противъ Наполеона, причемъ она нашла бы себѣ поддержку не только въ могущественной русской консервативной партіи, но также въ энтузіазмѣ пруссаковъ, среди которыхъ Арндтъ уже восклицалъ: „Умремъ за свободу и Австрію!“ и, наконецъ,—въ страстномъ вѣрноподданическомъ чувствѣ ея собственныхъ разноплеменныхъ народовъ, въ томъ числѣ и храбрыхъ тирольцевъ.Они, хотя и подпали подъ иго Наполеона, но все еще не думали съ нимъ мириться и были ежеминутно готовы къ возстанію. Французскій посолъ въ Вѣнѣ доносилъ отъ 18-го марта 1809-го года, что въ 1805 году одно только австрійское правительство хотѣло войны, армія же и народъ считали ее нежелательной. Напротивъ того, теперь правительство, армія и народъ въ одинаковой степени желали войны. Австрійскій уполномоченный, посланный въ Англію для переговоровъ о выдачѣ субсидій, имѣлъ порученіе объяснить, что, въ случаѣ побѣды, его правительство намѣревается обезпечить себѣ ту-же самую степень политическаго могущества, какою пользовалось до Прессбургскаго договора. По отношенію къ сосѣднимъ государствамъ Австрія имѣла въ виду удовлетвориться лишь незначительными исправленіями своихъ собственныхъ границъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревалась вознаградить младшіе отпрыски габсбургской династіи за утраченные ими престолы. Такое вознагражденіе можно будетъ отыскать въ Германіи или въ Италіи. Вообще же, по разрушеніи наполеоновской системы вассальныхъ Франціи государствъ, надо будетъ возвратить вошедшія въ составъ ихъ территоріи прежнимъ законнымъ владѣльцамъ, не исключая даже германскихъ государей, враждебно относящихся къ Австріи.

Довѣрчивость порицателей Наполеона во многихъ случаяхъ превышаетъ легковѣріе его панегиристовъ. Этимъ только и можно объяснить утвержденіе, будто Наполеонъ, находясь въ Испаніи, не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о собиравшейся противъ него грозѣ. Неосновательность такихъ предположеній совершенно оче-

видна. Баварія была вѣрнымъ вассаломъ французскаго императора, а Польша возлагала на него всѣ свои надежды. Онъ получалъ оттуда точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Германіи. Свѣдѣнія эти подтверждались донесеніями многочисленныхъ и хорошо оплачивавшихся шпіоновъ. Необходимо замѣтить, что императорская Франція всегда щеголяла превосходно организованной системой шпіонства, чрезъ посредство которой Наполеонъ постоянно получалъ самыя обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о всемъ, происходившемъ за-границей. Тѣ самые историки, которые утверждаютъ, что послѣ битвы подъ Маренго Бонапартъ уѣхалъ изъ Италіи въ Парижъ, дабы скрыть нанесенное ему пораженіе, говорятъ, будто онъ прятался въ Мальмезонѣ, пытаясь замаскировать непосредственное свое участіе въ юридическомъ убійствѣ герцога Энгіенскаго, и разсказываютъ, будто поспѣшный отъѣздъ изъ Испаніи вызывался единственно только желаніемъ свалить на Жозефа всю отвѣтственность за неудачу испанской политики. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ критическіе моменты большинство людей руководствуется въ своихъ поступкахъ сложной совокупностью побудительныхъ причинъ. Подобнымъ обвиненіямъ нельзя поэтому отказать въ извѣстнаго рода ловкости по части сопоставленія фактовъ, но тѣмъ не менѣе они не выдерживаютъ критики уже потому, что сраженіе подъ Маренго, закончившееся побѣдой французовъ, подняло престижъ Наполеона не только въ военныхъ сферахъ, но и во всей Франціи; удаленіе въ Мальмезонъ не побудило перваго консула отречься отъ выпадавшей на его долю отвѣтственности за выполненіе смертнаго приговора надъ герцогомъ Энгіенскимъ, относительно же отъѣзда Наполеона изъ Испаніи слѣдуетъ признать, что французскому императору положительно нельзя было долѣе медлить отсутствіемъ изъ Парижа. Ему надлежало пресѣчь во что бы ни стало интриги смертельныхъ враговъ, выдававшихъ себя за преданныхъ его приверженцевъ и въ то же самое время принять энергическія военныя мѣры, чтобъ встрѣтить бурю, угрожавшую разразиться въ Средней Европѣ. Если бы Наполеонъ уѣхалъ изъ Испаніи подъ давленіемъ соображеній чисто личнаго свойства, то совпаденіе этихъ соображеній съ дѣйствительной политической необходимостью пришлось бы приписать воздѣйствію сверхъестественныхъ силъ. Въ данномъ случаѣ, однако, секретарь Наполеона сообщаетъ, что письма, полученныя императоромъ въ Асторгѣ, содержали въ себѣ извѣстія самаго обезпокоивающаго свойства. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать это показаніе ложнымъ. Всѣ вѣроятности оказываются въ пользу мнѣнія, являвшагося общепринятымъ до тѣхъ поръ, пока противъ него не выступила за послѣднее время группа слишкомъ легковѣрныхъ уже французскихъ историковъ, которые, увлекаясь пристрастіемъ своимъ къ республикѣ, считаютъ долгомъ противорѣчить всѣмъ заявленіямъ сторонниковъ Наполеона, какъ извѣстно, тоже нестѣсняющихся и сказать, при случаѣ, истину.

Какъ бы ни было, французскій императоръ разослалъ еще изъ Испаніи государямъ Рейнскаго союза заявленія необходимости

привести войска на военное положеніе. При этомъ онъ сообщалъ сдержаннымъ и осторожнымъ тономъ, что ему надлежитъ приготовиться ко всякимъ случайностямъ, такъ какъ въ точности неизвѣстно, пьетъ-ли вѣнскій кабинетъ воду рѣки Забвенья, Леты, или же довольствуется дунайской водицей. Зато поступки Наполеона имѣли какъ нельзя болѣе опредѣленный характеръ. Тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Парижъ, онъ заставилъ Талейрана присмирѣть и стушеваться. Императоръ въ бесѣдѣ съ Редереромъ спросилъ: „Неужели Іосифъ станетъ говорить, какъ англичанинъ, или же поступать, какъ Талейранъ? Я покрылъ съ ногъ до головы Талейрана почестями, богатствами и брилліантами, но онъ пустилъ ихъ въ ходъ противъ меня самого и при первомъ же случаѣ измѣпилъ мнѣ настолько, насколько это оказывалось, вообще говоря, возможнымъ. Въ мое отсутствіе онъ утверждалъ, будто умолялъ меня на колѣняхъ отказаться отъ вмѣшательства въ испанскія дѣла, тогда какъ въ дѣйствительности цѣлыхъ два года приставалъ ко мнѣ съ проектами такого вмѣшательства... Совершенно такъ же поступилъ онъ и въ исторіи съ герцогомъ Энгіенскимъ. Я ровно ничего не зналъ про герцога, и самъ Талейранъ заставилъ меня обратить на него вниманіе. Я не вѣдалъ, гдѣ именно находится герцогъ, но Талейранъ указалъ его мѣстопребываніе... Онъ посовѣтовалъ мнѣ казнить герцога, а затѣмъ разыгрывалъ комедію, оплакивая передъ всѣми своими знакомыми его кончину“.

Одновременно съ этимъ столбцы „Moniteur“ наполнялись отчетами объ успѣхахъ, одержанныхъ императоромъ въ Испаніи. Само собой разумѣется, что эти отчеты являлись не во всѣхъ отношеніяхъ согласными съ истиной. Подобно тому, какъ послѣ сраженія подъ Маренго было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе одно лишь благопріятное, съ умолчаніемъ всего остального. Австрія желала войны отчасти уже для того, чтобъ получить отъ Англіи обѣщанную субсидію. Подобнымъ же образомъ и Франція нуждалась въ деньгахъ, чтобы свести какъ-нибудь концы съ концами. Наполеону не удалось покончить съ Испаніей однимъ ударомъ, а потому онъ впервые еще вернулся изъ успѣшной кампаніи безъ громадной военной контрибуціи. Между тѣмъ и на этотъ разъ французскіе финансы, приведенные передъ тѣмъ, съ грѣхомъ пополамъ, въ порядокъ, успѣли уже разстроиться, такъ что ихъ надлежало опять какъ-нибудь упорядочить. Французская промышленность нуждалась въ мирѣ для своего развитія и процвѣтанія, но континентальная блокада до такой степени вредила торговлѣ, что лишь заключеніе мира на сушѣ и на морѣ могло на самомъ дѣлѣ возстановить народное благосостояніе. Наполеонъ устраивался всегда такъ, чтобы свалить на непріятеля всю отвѣтственность за объявленіе войны, а потому и на этотъ разъ объявилъ въ февралѣ мѣсяцѣ, что переговоры съ Австріей не привели къ желаемому результату. Съ одной стороны это было совершенно вѣрно, такъ какъ Австрія хотѣла войны, но съ другой—не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутые переговоры представляли со стороны Франціи одну только формальность, имѣвшую цѣлью обез-

печить себѣ содѣйствіе Россіи, которая обязалась помогать Наполеону единственно лишь въ томъ случаѣ, когда Австрія окажется зачинщицей.

При такихъ обстоятельствахъ во Франціи снова началъ воскресать воинственный духъ. Никто не протестовалъ противъ пагубной политики преждевременнаго призыва конскриптовъ подъ знамена. На этотъ разъ созвали не только конскриптовъ 1810 года, безъ всякихъ почти льготъ и послабленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставили подъ ружье также и тѣхъ, кому даны были льготы въ 1806, 1807, 1808 и 1809 годахъ. Такимъ путемъ получилось въ общей сложности до 160.000 рекрутъ. Въ виду необходимости воспользоваться ими безотлагательно, какъ боевою силой, ихъ распредѣлили между полками полевой арміи, сформировавъ въ каждомъ полку пятый батальонъ изъ подростковъ-новобранцевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ эрцгерцогъ Карлъ стоялъ во главѣ австрійскаго военнаго вѣдомства, были произведены серьезныя реформы, не только увеличившія численность и боевую пригодность арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно преобразовавшія и генеральный штабъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ Австрія не только ковала и оттачивала себѣ мечъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обучалась также искусству съ нимъ обращаться. Она прекрасно воспользовалась уроками предшествовавшихъ своихъ войнъ съ Наполеономъ, а потому французскому императору предстояло на этотъ разъ разрѣшить стратегическую задачу совершенно иного свойства, чѣмъ предшествовавшія. Эрцгерцогъ Карлъ, обладавшій кромѣ недюжиннаго таланта и серьезной боевой опытностью, цѣлыхъ два года уже изучалъ предстоявшую ему кампанію. Выработанный имъ планъ дѣйствій заключался въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: напасть на Даву въ Саксоніи, разбить его и, обратившись къ обще-германскому патріотизму, поднять противъ Наполеона все населеніе сѣверной и средней Германіи.

По мѣрѣ того, однако, какъ приближалась пора приводить этотъ планъ въ исполненіе, начало сказываться нравственное вліяніе убійственныхъ грозныхъ ударовъ, которые столько разъ уже наносились австрійцамъ французскими арміями. Въ высшихъ австрійскихъ военныхъ сферахъ стала обнаруживаться нерѣшительность. Первому министру, графу Стадіону, было какъ нельзя лучше извѣстно, что дипломатія сдѣлала все отъ нея зависѣвшее и могла оттянуть объявленіе войны развѣ лишь на нѣсколько недѣль. Полагая, что непріятель воспользуется этой отсрочкой гораздо лучше чѣмъ Австрія, которая при своей бѣдности почти не могла мечтать о дальнѣйшемъ развитіи боевыхъ своихъ силъ, онъ настаивалъ на необходимости ударить безотлагательно на французовъ, но эрцгерцогъ Карлъ, въ свою очередь, побаивался стать лицомъ къ лицу съ такой великолѣпной боевой машиной, какъ наполеоновская армія, не закончивъ еще кое-какихъ мелочныхъ приготовленій. Въ январѣ мѣсяцѣ онъ началъ усиленно задерживать объявленіе войны, вслѣдствіе чего лишь въ февралѣ получено было отъ императора Франца приказаніе перейти въ наступленіе. Тѣмъ

временемъ оказалось необходимымъ измѣнить весь планъ кампаніи. Главная армія подъ начальствомъ эрцгерцога Карла должна была сосредоточиться въ Богеміи, чтобъ дѣйствовать оттуда въ любомъ направленіи, въ какомъ это потребуется для разрушенія замысловъ Наполеона. Гиллеру, съ отдѣльнымъ корпусомъ, предписывалось охранять линію Инна, эрцгерцогу Фердинанду надлежало идти на Варшаву, а эрцгерцогу Іоанну — вступить изъ Италіи въ Тироль и поднять тамъ народное возстаніе. Эрцгерцогъ Карлъ объявилъ войну лишь 9-го апрѣля, когда передвиженія войскъ были почти закончены, и корпусъ Гиллера дошелъ уже до Инна.

Эрцгерцогъ Іоаннъ.

Казалось, что эта война разыграется совершенно иначе, чѣмъ всѣ предшествовавшія. Конфиденціальныя инструкціи, данныя австрійскому послу въ Лондонѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что императоръ Францъ былъ вполнѣ увѣренъ въ побѣдѣ и разсчитывалъ безотлагательно возстановить вліяніе Габсбургскаго дома въ Италіи и Германіи. Въ такомъ именно смыслѣ слѣдовало понимать употребленныя въ этихъ инструкціяхъ выраженія о возвращеніи земель законнымъ ихъ владѣльцамъ и легкомъ исправленіи австрійскихъ границъ. Иными словами, имѣлось въ виду вернуть Европу къ тому самому положенію, въ которомъ она находилось до появленія Наполеона на политической аренѣ. Кромѣ этой династической стороны дѣла пущена была въ ходъ также и національная сторона. Эрцгерцогъ Карлъ въ приказѣ по арміи объявлялъ своимъ войскамъ: „Свобода Европы укрылась подъ вашими знаменами. Ваши по-

бѣды разорвутъ цѣпи, которыми она скована. Нѣмецкіе ваши братья, находящіеся теперь въ рядахъ непріятеля, ожидаютъ отъ васъ своего освобожденія". Обращаясь ко всей вообще Германіи, онъ говорилъ: „Австрія сражается не за одну лишь свою самостоятельность и независимость, но обнажила мечъ также за свободу и національное достоинство Германіи". Въ другой прокламаціи, написанной Гентцомъ, талантливѣйшимъ изъ вѣнскихъ государственныхъ дѣятелей, объявлялось, что война ведется не противъ Франціи, а противъ наполеоновской системы завоеваній, вызывающей повсемѣстно въ Европѣ безпорядокъ.

Въ тонѣ и содержаніи этихъ документовъ слышится что-то наполеоновское. Въ Вѣнѣ, очевидно, разсуждали слѣдующимъ образомъ: «если династія выскочки, опирающаяся на жизнь одного человѣка, не имѣющаго къ тому же прямыхъ наслѣдниковъ, успѣшно обращается къ народу и, отождествляя свои интересы съ народными, пріобрѣтаетъ себѣ могущественную поддержку массъ, то отчего же древней династіи, являющейся мощнымъ стволомъ съ обильными отпрысками, не послѣдовать тому же примѣру? Династія Габсбурговъ разсчитывала оказаться при этомъ въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Наполеонъ, относившійся съ одинаковымъ неуваженіемъ къ естественнымъ физическимъ границамъ государствъ и рамкамъ, создаваемымъ одинаковостью происхожденія, языка, вѣры и обычаевъ, характеризующихъ націю. Его имперія презрительно взирала на такія ограниченія, разсчитывая положить себѣ въ основаніе общечеловѣческое братство и обезпечить общій прогрессъ путемъ повсемѣстнаго торжества либеральныхъ принциповъ гражданской свободы. Австрія думала противодѣйствовать распространенію наполеоновской имперіи призывомъ къ братской солидарности всѣхъ нѣмцевъ,—къ могучему національному чувству и традиціямъ историческаго прошлаго. Она надѣялась, что ея арміи, одушевленныя этимъ чувствомъ, одержатъ побѣду надъ Франціей и наполеоновскими вассалами, оправдывая тѣмъ самымъ ея политику.

Еслибъ для такого оправданія достаточенъ былъ только наглядный примѣръ, то австрійское правительство могло бы смѣло указать на тирольцевъ. Со времени Прессбургскаго трактата они все еще не примирились съ своими цѣпями и какъ разъ теперь снова находились въ открытомъ возстаніи противъ баварскаго владычества. Административныя реформы, введенныя Максиміліаномъ баварскимъ, являлись на самомъ дѣлѣ въ высшей степени благодѣтельными. Энергическое противодѣйствіе безконтрольной власти духовенства надъ простонародьемъ въ Тиролѣ принесло съ теченіемъ времени какъ нельзя болѣе полезные плоды. Въ данную минуту, однако, эти реформы еще сильнѣе ожесточили народныя массы противъ правительства. Горцы вообще меньше страдали отъ феодализма, чѣмъ обитатели равнинъ. Между аристократіей и крестьянствомъ существовала тѣсная, какъ бы патріархальная связь, выражавшаяся преданностью къ національнымъ учрежденіямъ, обычаямъ, костюмамъ, привычкамъ, мѣстнымъ на-

званіямъ и т. п. Тирольцамъ вовсе не хотѣлось, чтобъ имя ихъ страны исчезло изъ исторіи. Они не желали утратить прежнія симпатичныя и удобныя для нихъ учрежденія,—не хотѣли подчиниться конскрипціи и примкнуть къ общему движенію въ пользу равноправности, въ силу котораго пришлось бы отбывать воинскую повинность на одинаковыхъ условіяхъ съ баварцами. Тирольцамъ хотѣлось сохранить мѣстныя свои представительныя собранія и нести военную службу исключительно лишь въ качествѣ развѣдчиковъ и стрѣлковъ. Они, впрочемъ, и являлись болѣе всего способными именно къ такой службѣ.

Болѣе просвѣщенное городское населеніе было, въ сущности, довольно баварской администраціей. За то невѣжественные, суевѣрные и восторженные крестьяне являлись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ австрійскихъ эмиссаровъ. Провѣдавъ, что война неизбѣжна и будетъ вскорѣ объявлена, они немедленно взялись за оружіе, захватили Инспрукъ и отражали всѣ попытки баварскихъ войскъ овладѣть этимъ городомъ. Австрійцы, вступившіе въ Инспрукъ, были встрѣчены тамъ съ энтузіазмомъ. Это происходило въ половинѣ апрѣля, какъ разъ въ то время, когда эрцгерцогъ Іоаннъ, разбивъ итальянскаго вице-короля Евгенія, оттѣснилъ его за Эчъ, а эрцгерцогъ Фердинандъ вынудилъ Понятовскаго къ отступленію и занялъ 20-го апрѣля Варшаву. Подобные успѣхи должны были вскружить австрійцамъ головы. Великій французскій полководецъ оказывался какъ будто захваченнымъ врасплохъ, и преимущество успѣшнаго начала кампаніи перешло, повидимому, на сторону его непріятелей.

Пятая война съ Австріей. Битва подъ Экмюлемъ.

Наполеонъ гордился тѣмъ, что въ его кампаніяхъ врагу не удавалось подчинить его своей волѣ. Онъ не задавалъ себѣ вопросовъ, что именно намѣревается предпринять непріятель и какимъ образомъ можно помѣшать осуществленію его замысловъ, такъ какъ это привело бы только къ оборонительной войнѣ. Онъ предпочиталъ наступательный образъ дѣйствій, а потому ставилъ себѣ единственно лишь вопросъ, гдѣ лучше нанести ударъ. Въ данномъ случаѣ онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, избравъ операціонной линіей долину Дуная и устроивъ главную квартиру въ Регенсбургѣ. Предстоявшая ему задача была несравненно труднѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Сосредоточеніе войскъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ должно было происходить по линіи наименьшаго сопротивленія и притомъ въ виду непріятеля, обладавшаго перевѣсомъ въ численности. Четыре дивизіи Даву стояли соотвѣтственно въ Магдебургѣ, Ганноверѣ, Штеттинѣ и Байрейтѣ. Ему же были подчинены поляки и саксонцы. Двѣ дивизіи Бернадотта были расположены въ Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ. Дивизія Удино стояла въ Гайнау. Войска рейнскаго союза начали уже собираться подъ знамена въ разныхъ городахъ и мѣстеч-

кахъ, изъ которыхъ только что выступили въ Испанію двѣ французскихъ дивизіи.

Вначалѣ марта мѣсяца Бертье былъ снова назначенъ начальникомъ штаба великой арміи и получилъ отъ Наполеона надлежащія предписанія. Они отличались краткостью, ясностью и опредѣленностью, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что великій полководецъ чувствуетъ себя опять на знакомой почвѣ при обычныхъ условіяхъ, лицомъ къ лицу съ хорошо извѣстнымъ ему врагомъ, который хотя и сдѣлался сильнѣе, чѣмъ прежде, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ остался такимъ же, какимъ былъ. Даву предписывалось собрать свои войска въ Бамбергѣ; полякамъ надлежало держаться въ Варшавѣ, а саксонцамъ въ Дрезденѣ. Туда же велѣно было идти Бернадотту съ его двумя дивизіями, чтобы принять начальство надъ саксонцами. Удино былъ направленъ въ Аугсбургъ, куда обѣщали прислать ему подкрѣпленіе. Обѣ дивизіи, шедшія въ Испанію, были остановлены на пути и отправлены въ Ульмъ, дабы поступить подъ начальство Массены. Кромѣ того двѣ новыя дивизіи, собранныя во Франціи, двинуты были въ Страсбургъ. Рейнскимъ государямъ предписывалось тотчасъ же мобилизовать свои войска и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобъ убѣдиться въ справедливости заявленія Наполеона объ имѣвшейся для него возможности сосредоточить свою армію, въ случаѣ надобности „съ быстротою молніи“, около Мюнхена. Онъ не ожидалъ, однако, чтобъ непріятель перешелъ въ наступленіе ранѣе половины апрѣля. Къ тому времени французскій императоръ разсчитывалъ собрать и привести въ надлежащую боевую готовность германскую свою армію. До тѣхъ поръ имѣвшіяся въ наличности войска должны были сдерживать наступательныя попытки эрцгерцога Карла. Къ концу марта мѣсяца надлежало стянуть къ Бамбергу, Ульму и Аугсбургу 10.000 французскихъ солдатъ, не считая 30.000 баварцевъ, которые должны были, подъ начальствомъ Лефевра, сосредоточиться близъ Мюнхена. Вообще же Наполеонъ думалъ располагать къ открытію военныхъ дѣйствій уже двухсотъ тысячной прекрасно организованной арміей. Въ предписаніи отъ 28-го марта онъ заявлялъ: „Если бы австрійцы вздумали аттаковать ранѣе 10-го апрѣля, армію надлежитъ сосредоточить за Лехомъ, причемъ правое крыло займетъ Аугсбургъ, а лѣвое примкнетъ въ Донаувертѣ къ правому берегу Дуная“. Затѣмъ слѣдовали самыя обстоятельныя инструкціи, въ которыхъ императоръ объяснялъ Бертье значеніе каждаго движенія, равно какъ побудительныя причины, заставившія его избрать Регенсбургъ главною квартирой. Расположивъ такимъ образомъ армію, онъ обезпечивалъ ей командованіе Дунаемъ, прикрывалъ пути ея сообщеній и пріобрѣталъ возможность сообразоваться съ условіями времени и пространства, такъ чтобы открыть кампанію, когда ему вздумается.

Эти соображенія и вынудили въ сущности австрійцевъ вторично перемѣнить операціонный свой планъ. Они ожидали, что французы повторятъ маневръ Моро и двинуться впередъ черезъ Мюнхенъ, а вмѣсто

того имъ пришлось вторично прикрывать свою столицу. Двѣ дивизіи остались въ Богемскихъ горахъ, остальная же армія, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, направилась кружнымъ путемъ черезъ Линцъ на соединеніе съ Гиллеромъ, чтобъ перейти затѣмъ въ наступленіе по дунайской долинѣ. Двѣ дивизіи, оставшіяся въ Богеміи, должны были, въ рѣшающій моментъ, подкрѣпить главныя силы, двинувшись кратчайшимъ прямымъ путемъ черезъ Регенсбургъ. Тотчасъ же по объявленіи войны, австрійцы переправились за Инъ и начали сосредоточиваться, но лишь къ 16-му дошли до линіи Изара. Эрцгерцогъ Карлъ слишкомъ уже берегъ силы своихъ войскъ, утомленныхъ долгимъ походомъ черезъ Линцъ и вслѣдствіе этого упустилъ случай измѣнить весь ходъ европейской исторіи. Наполеонъ еще не прибылъ, а Бертье, не отличавшіяся особой талантливостью, обнаружилъ полнѣйшую неспособность выполнить распоряженія геніальнаго своего главнокомандующаго.

Наполеонъ имѣлъ въ виду сосредоточить свою армію такъ, чтобы всѣ ея части могли въ случаѣ надобности оказывать другъ другу поддержку, а затѣмъ разсчитывалъ воспользоваться этой боевою силой сообразно съ обстоятельствами. Вмѣсто буквальнаго выполненія данной ему инструкціи Бертье хотѣлъ сообразоваться съ ея духомъ и сдѣлалъ приэтомъ множество промаховъ. Войсками на лѣвомъ берегу Дуная командовалъ Даву, а на правомъ Массена. Первому надлежало сосредоточиться въ Ингольштадтѣ, а второму—на берегахъ рѣки Леха. Бертье рѣшилъ, однако, отступить отъ благоразумныхъ распоряженій Наполеона и, совершенно потерявъ голову, вздумалъ сосредоточить армію не за Лехомъ, а непосредственно подъ Регенсбургомъ, т. е. значительно ближе къ непріятелю. Военные спеціалисты, нерасположенные къ Бертье, увѣряютъ, будто онъ всегда отличался полнѣйшею неспособностью къ стратегическимъ соображеніямъ, а потому и въ данномъ случаѣ не подозрѣвалъ, что предоставляетъ австрійцамъ возможность разбить французскую армію по частямъ. Даву предписано было идти въ Регенсбургъ и остановиться тамъ, остальныя же войска должны были спѣшить туда на соединеніе съ нимъ. Въ результатѣ оказалось невозможность собрать армію раньше, чѣмъ въ трое сутокъ. Одна ея половина находилась въ Регенсбургѣ, а другая въ Аугсбургѣ, причемъ австрійцы имѣли полную возможность броситься въ промежутокъ между обѣими половинами и разгромить каждую изъ нихъ по частямъ.

Провѣдавъ о передвиженіяхъ, происходившихъ во французской арміи, эрцгерцогъ Карлъ дѣйствительно принялъ такое рѣшеніе. Онъ переправился черезъ Изаръ и двинулся оттуда вправо на Регенсбургъ, чтобы раздавить Даву численнымъ своимъ превосходствомъ, прежде чѣмъ Массена успѣетъ собрать разсѣянныя свои войска и подоспѣть къ Даву на подкрѣпленіе. Это благоразумное рѣшеніе принято было, однако, австрійскимъ главнокомандующимъ слишкомъ поздно. Тогдашній сигнальный телеграфъ исполнилъ свою обязанность. Наполеонъ получилъ въ Па-

рижѣ, 12-го апрѣля, извѣстіе о томъ, что война объявлена и что австрійцы перешли уже за Иннъ. 16-го числа, послѣ четырехдневнаго почти безостановочнаго переѣзда на почтовыхъ, онъ прибылъ въ Донаувертъ. Путаница, которую надѣлалъ Бертье, отступивъ отъ тщательно выработаннаго Наполеономъ плана, привела великаго полководца въ величайшее негодованіе. Оно, впрочемъ, тотчасъ же разсѣялось, какъ только онъ узналъ по выходѣ изъ экипажа, гдѣ именно находится непріятель. Въ первый моментъ Наполеонъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Убѣдившись, однако, въ справедливости представленныхъ ему донесеній, императоръ, по словамъ очевидцевъ, какъ будто сразу выросъ. Глаза его засверкали, и онъ воскликнулъ съ выраженіемъ восторженной радости: „Въ такомъ случаѣ эрцгерцогъ попался! Армія его погибла... Черезъ мѣсяцъ мы будемъ въ Вѣнѣ!“ Первымъ крупнымъ промахомъ непріятеля было движеніе черезъ Линцъ, второй же промахъ онъ только что еще собирался сдѣлать.

Стратегическія распоряженія Наполеона въ слѣдующіе затѣмъ нѣсколько дней являются, по собственному его мнѣнію и по мнѣнію военныхъ спеціалистовъ, его комментаторовъ, самыми геніальными и блестящими въ продолженіи всей его военной карьеры. Еслибъ что-либо задержало Наполеона въ пути, кампанія оказалась бы проигранной, быть можетъ, безповоротно, такъ какъ Бертье, сообразивъ, наконецъ, пагубныя послѣдствія своей ошибки, не усматривалъ ни малѣйшей возможности ее поправить и отдавалъ войскамъ разнорѣчивыя приказанія, еще болѣе ухудшавшія и безъ того уже критическое положеніе дѣлъ. Одинъ изъ генераловъ (Пеле) прямо заподозрилъ его даже въ измѣнѣ. За послѣднія сутки войска стали чувствовать себя положительно деморализованными, и вся армія упала духомъ. Съ прибытіемъ Наполеона настроеніе это измѣнилось словно по мановенію волшебнаго жезла. Всѣ отъ генерала до солдата прониклись бодрой энергіей. 17-го апрѣля Даву получилъ уже приказаніе выступить изъ Регенсбурга и вызвать непріятеля на бой фланговымъ маршемъ по правому берегу Дуная, мимо головныхъ частей австрійскихъ войскъ, прямо къ Ингольштадту. Лефевръ долженъ былъ прикрывать это движеніе, а Вреде съ одной баварской дивизіей держаться на-готовѣ, чтобы подкрѣпить войска Даву въ томъ пунктѣ, куда непріятель направитъ главный ударъ. Массенѣ было приказано идти на слѣдующій же день изъ Аугсбурга тоже къ Ингольштадту, чтобы примкнуть къ арміи и, захвативъ непріятеля на походѣ, бить порознь его колонны. Съ этою цѣлью ему приказано было держаться къ востоку, направляясь на Шаффенгофенъ. Разбросанная передъ тѣмъ французская армія оказалась такимъ образомъ въ одно мгновеніе ока сосредоточенной, а между тѣмъ развѣдчики съ передовыхъ постовъ ежечасно привозили донесенія, изъ которыхъ явствовало, что австрійцы признали умѣстнымъ раздробить свои силы.

Армія эрцгерцога Карла переправилась черезъ Изаръ въ наилучшемъ порядкѣ. Самъ эрцгерцогъ перешелъ черезъ эту рѣку въ Ландсхутѣ. Продолжая энергически наступательное свое движеніе,

австрійцы успѣли бы еще врѣзаться между Даву и Лефевромъ. Вмѣсто того, однако, эрцгерцогъ, при видѣ болотъ и лѣсистыхъ холмовъ, среди которыхъ приходилось маневрировать его войскамъ, пришелъ какъ бы въ нѣкоторое смущеніе. Не зная въ точности, гдѣ именно находится непріятель, онъ раздѣлилъ свои войска на три колонны, двигавшіяся разными дорогами, и такимъ образомъ растянулъ до чрезвычайности свою линію, правое крыло которой находилось въ Эссенбахѣ, центръ выдвинулся изъ Ландсхута въ Гогентанъ, а лѣвое крыло было въ Морсбахѣ. Въ четыре часа утра, 18-го апрѣля, Лефевръ получилъ уже приказаніе ударить на лѣвое крыло австрійцевъ, а къ Массенѣ безпрерывно мчались ординарцы съ настоятельными увѣщаніями идти какъ можно скорѣе. Наполеонъ надѣялся, что войска Массены успѣютъ принять участіе въ аттакѣ, которая первоначально должна была имѣть характеръ демонстраціи, съ цѣлью отвлечь вниманіе австрійцевъ отъ Даву, но при содѣйствіи этихъ войскъ могла бы доставить французамъ рѣшительную побѣду.

Эрцгерцогъ Карлъ собралъ въ теченіе дня близъ Рора 66.000 человѣкъ для наступательнаго удара и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинулъ въ Лудмансдорфъ 35.000 человѣкъ, долженствовавшихъ прикрывать его съ фланга. Кромѣ того, двадцатипятитысячный корпусъ остался въ Моосбургѣ. Ночью прибылъ къ Даву послѣдній изъ его корпусовъ, по соединеніи съ которымъ онъ тотчасъ же началъ фланговое свое движеніе. Массена, поспѣшно собравъ свои войска, шелъ уже изъ Аугсбурга къ Ингольштадту, когда получилъ предписаніе повернуть: или влѣво къ Абенсбергу—на соединеніе съ Даву, или же вправо къ Ландсхуту,—чтобы атгаковать эрцгерцога Карла съ тылу. Выборъ той или другой комбинаціи поставленъ былъ въ зависимость отъ большей или меньшей энергіи наступательныхъ дѣйствій эрцгерцога. Лефевру предписывалось дѣйствовать оборонительно, держаться въ Абенсбергѣ и ждать дальнѣйшихъ событій. Утромъ, 19-го апрѣля, Даву и эрцгерцогъ Карлъ, продолжая свое движеніе, все болѣе сближались другъ съ другомъ. Въ одиннадцать часовъ произошло столкновеніе между французскимъ авангардомъ и лѣвымъ крыломъ австрійцевъ. Оно весьма стойко оборонялось, но тѣмъ не менѣе было съ большими потерями сбито съ позиціи.

Многочисленный австрійскій отрядъ, посланный къ Абенсбергу, чтобы ударить Даву во флангъ, былъ тоже отбитъ Лефевромъ. Къ вечеру вся французская армія оказалась уже сосредоточенной въ рукѣ геніальнаго своего полководца. Даву стоялъ на лѣвомъ крылѣ, примыкая къ рѣкѣ Лаберъ, Лефевръ съ баварцами и нѣсколькими французскими дивизіями находился въ центрѣ за рѣкою Абенъ, а Массена съ правымъ крыломъ миновалъ уже Моосбургъ. Въ теченіе всего лишь шестидесяти часовъ Наполеонъ задумалъ и выполнилъ три отдѣльныхъ стратегическихъ движенія: сосредоточеніе всей арміи назадъ къ Ингольштадту,—наступленіе правымъ крыломъ, чтобы облегчить рискованный маневръ, предстоявшій лѣвому крылу,—и перемѣна фронта такимъ

образомъ, что правое крыло отрѣзало непріятеля отъ операціонной его базы.

„На войнѣ бросается каждому въ глаза его собственное затруднительное положеніе, тогда какъ затрудненія, испытываемыя непріятелемъ, остаются незамѣченными. Самоувѣренность является поэтому для полководца необходимой“, писалъ около этого времени французскій императоръ своему пасынку Евгенію. Его самого нельзя было во всякомъ случаѣ упрекнуть въ недостаткѣ самоувѣренности. Утромъ, 23-го апрѣля, онъ объявилъ въ приказѣ по войскамъ, что непріятель находится въ полномъ отступленіи. Такой образъ дѣйствій со стороны австрійцевъ былъ бы, разумѣется, самымъ благоразумнымъ, но, въ данномъ случаѣ, Наполеонъ все-таки же ошибся, слишкомъ самоувѣренно взявшись опредѣлить, какъ именно поступитъ его противникъ. Въ результатѣ стычекъ и контрмаршей предшествовавшаго дня австрійская армія была фактически разрѣзана на двѣ части, изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ самого эрцгерцога, шла на Регенсбургъ, а другая, подъ командой Гиллера, двигалась совершенно безцѣльно въ сѣверо-западномъ направленіи, причемъ разстояніе отъ одного фланга арміи до другого превышало тридцать верстъ. Лучшій изъ боевыхъ генераловъ Наполеона, маршалъ Ланнъ, прибылъ ночью передъ тѣмъ изъ Испаніи. Присутствіе его усилило во французскихъ рядахъ увѣренность въ побѣдѣ. Ему немедленно дали подъ команду корпусъ, составленный изъ дивизій Морана, Гюдена и Нансути. Даву получилъ приказаніе сдерживать непріятеля съ фронта, а Массенѣ было предписано: съ половиной своихъ войскъ идти изъ Моосбурга внизъ по теченію Изара въ тылу эрцгерцога Карла, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ его флангу, а другую половину послать, подъ командою Удино, къ Абенсбергу.

Утромъ, 20-го апрѣля, самъ императоръ, съ войсками Ланна и Вреде, двинулся впередъ, чтобъ окончательно разрѣзать непріятельскую армію на двѣ части. Это было выполнено безъ малѣйшихъ затрудненій, такъ какъ малочисленный отрядъ, оставленный для поддержанія связи между войсками эрцгерцога и Гиллера, немедленно же разсѣялся передъ натискомъ французовъ и отступилъ частью на сѣверъ, частью же на югъ. Вслѣдъ затѣмъ Гиллеръ былъ оттѣсненъ въ Ландсхутъ, откуда поспѣшно отступилъ къ Неймаркту, оставивъ линію Изара въ рукахъ французовъ. Одновременно съ этимъ Даву двинулся противъ войскъ эргерцога. Они были значительно сильнѣе того фланга, которымъ командовалъ Гиллеръ, но тѣмъ не менѣе тоже отступили и заняли Экмюль, построившись на шоссе, которое вело къ Регенсбургу. Въ Ландсхутѣ императоръ узналъ, что главныя силы австрійцевъ находятся не передъ нимъ, а передъ Даву. Поручивъ Бессьеру съ кавалерійскимъ отрядомъ и двумя дивизіями пѣхоты преслѣдовать Гиллера, онъ самъ, 22-го апрѣля, въ три часа утра, двинулся къ Экмюлю. При этомъ случаѣ опять было безотлагательно принято въ рѣшительный моментъ и въ виду непріятеля геніальное рѣшеніе. Съ той самой желѣзною волей,

съ тѣмъ же упорствомъ и стойкостью, которыя характеризовали его первыя кампаніи, Наполеонъ шелъ все время во главѣ своихъ войскъ. Къ часу пополудни, совершивъ безъ малаго тридцативерстный переходъ, передовыя его войска столкнулись близь Экмюля съ непріятельскими аванпостами.

Тѣмъ временемъ прибыла къ Регенсбургу одна изъ австрійскихъ дивизій, оставленныхъ прикрывать Богемію. Получивъ такимъ образомъ подкрѣпленіе, эрцгерцогъ Карлъ рѣшился перейти въ наступленіе, которое и началось уже съ полудня. Войскамъ Вандама пришлось бы принять на себя всю тяжесть удара, но какъ разъ въ моментъ рѣшительнаго столкновенія появился на полѣ битвы авангардъ Наполеона. Императоръ, въ сопровожденіи Ланна, заслышавъ выстрѣлы, пустилъ своего коня вскачь и, поднявшись на вершину небольшого холма, увидѣлъ быстро надвигавшіяся массы австрійцевъ. Онъ тотчасъ же приказалъ Вандаму овладѣть Экмюлемъ, а Ланну предписалъ переправиться черезъ Лаберъ и обойти непріятеля. Тѣмъ временемъ Даву, выяснивъ себѣ направленіе австрійской аттаки, ударилъ въ правый флангъ вражескихъ колоннъ и, несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ, заставилъ ихъ податься назадъ. Черезъ какихъ-нибудь два часа французская армія шла уже по всей линіи впередъ, тѣсня передъ собою непріятеля, который продолжалъ, однако, энергически сопротивляться. Бой имѣлъ, такимъ образомъ, нерѣшительный характеръ, до семи часовъ вечера, когда Ланнъ закончилъ обходное свое движеніе.

Всякое сопротивленіе оказалось тогда сломленнымъ. Наполеонъ отдалъ было приказаніе энергически преслѣдовать разбитаго врага, но, уступивъ настояніямъ своихъ генераловъ, ссылавшихся на крайнюю усталость войскъ, согласился отмѣнить это приказаніе и, вслѣдствіе этого, далъ возможность эрцгерцогу Карлу уйти въ Регенсбургъ. Ночью и рано утромъ австрійцы перебросили черезъ Дунай понтонный мостъ, а днемъ, послѣ аріергардной схватки, во время которой французы загнали ихъ въ городъ, войска эрцгерцога Карла переправились на лѣвый берегъ Дуная по двумъ мостамъ, каменному и понтонному. Три дня спустя, эрцгерцогъ соединился съ другой своей дивизіей, оставленной въ Богемскихъ горахъ, и собралъ въ Хамѣ опять восьмидесятитысячную армію. Событія доказали такимъ образомъ правильность рѣшенія, первоначально принятаго Наполеономъ. Если бы онъ, не обращая вниманія на возраженія генераловъ и усталость солдатъ, энергически преслѣдовалъ австрійцевъ, разбитыхъ подъ Экмюлемъ, ему не пришлось бы потомъ сражаться съ ними подъ Асперномъ и Ваграмомъ. Нѣсколько времени спустя, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ австрійскихъ генераловъ, Наполеонъ утверждалъ, будто воздержался тогда отъ преслѣдованій единственно лишь изъ-за политическихъ соображеній. Онъ не рѣшился загнать эрцгерцога Карла въ Богемію, опасаясь народнаго возстанія въ сѣверной Германіи. Приводя такіе доводы, французскій императоръ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду лишь замаскировать свой собственный про-

махъ. Впослѣдствіи, на островѣ Св. Елены, Наполеонъ совершенно откровенно заявилъ: „Еслибъ я послѣ Экмюля поступилъ такъ, какъ сдѣлали пруссаки послѣ Ватерлоо, то есть безотлагательно преслѣдовалъ бы разбитаго врага, то австрійская армія, притиснутая къ Дунаю, оказалась бы въ самомъ безвыходномъ положеніи".

На этомъ пустынномъ островѣ, будучи почти уже при смерти, Наполеонъ писалъ: „Трудъ—моя стихія. Зрѣніе у меня ухудшилось, и физическія силы падаютъ, но я никогда не замѣчалъ, чтобы способность къ труду ослабѣвала. Она представляется мнѣ какъ бы безпредѣльной". Это можно сказать во всякомъ случаѣ о дѣятельности Наполеона въ продолженіи пятидневныхъ боевъ, закончившихся экмюльскою побѣдой. „Его величество находится въ вожделѣнномъ здравіи,—писалъ Бертье 24-го апрѣля.—Императоръ, по своему обыкновенію, неутомимо работаетъ умственно и физически". Опять-таки былъ упущенъ случай уничтожить врага въ конецъ, но тѣмъ не менѣе казалось позволительнымъ чувствовать себя въ хорошемъ расположеніи духа и съ удовольствіемъ вспоминать, что менѣе чѣмъ въ недѣлю удалось создать изъ хаоса стройный порядокъ, нанести пораженіе грозному врагу, разрѣзать его армію на двое, разбить одну половину и отбросить ее въ безпорядкѣ въ сторону отъ операціонной линіи. Наполеонъ до самой своей смерти считалъ стратегическія операціи, закончившіяся экмюльскою битвой, самымъ художественнымъ своимъ произведеніемъ по этой части. Извѣстный военный критикъ, Жомини, вполнѣ раздѣлялъ взглядъ великаго полководца. Первый періодъ наполеоновской кампаніи 1809 года извѣстенъ во французской исторіи подъ названіемъ пятидневнаго боя подъ Танномъ, Абенсбергомъ, Ландсхутомъ, Экмюлемъ и Регенсбургомъ. Этотъ послѣдовательный рядъ боевъ и стычекъ, какъ уже упомянуто, чуть не закончился полнымъ уничтоженіемъ австрійской арміи.

Во всякомъ случаѣ побѣда, одержанная Наполеономъ, имѣла чрезвычайно важное значеніе. Гордости и самоувѣренности габсбургскаго правительства нанесенъ былъ тяжкій ударъ. О прежней самоувѣренности у него не было болѣе и помина. Потерявъ въ пять дней болѣе 50.000 солдатъ, австрійцы увидѣли себя въ необходимости перейти отъ наступленія къ оборонѣ. Эрцгерцогъ Карлъ хлопоталъ даже о немедленномъ заключеніи мира, но Наполеонъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Пораженіе подъ Экмюлемъ отразилось неблагопріятно для австрійцевъ также и на другихъ театрахъ войны. Эрцгерцогу Іоанну пришлось покинуть Тироль, а по возвращеніи своемъ въ Италію онъ оказался лицомъ къ лицу уже не съ однимъ вице-королемъ Евгеніемъ, котораго передъ тѣмъ такъ удачно разбилъ. Въ помощники этому прекрасному молодому человѣку, но плохому генералу, назначенъ былъ Макдональдъ. Подобнымъ же образомъ и въ Польшѣ эрцгерцогу Фердинанду, несмотря на одержанные имъ первоначально успѣхи, пришлось отступать. Со стороны французовъ Лефевръ съ баварскими войсками былъ оставленъ въ Зальцбургѣ,

чтобы воспрепятствовать прорыву тирольскихъ горцевъ на сѣверъ, а вся остальная армія Наполеона получила предписаніе немедленно же двинуться къ австрійской столицѣ.

При этомъ наступательномъ движеніи французы не встрѣтили почти никакого сопротивленія. Гиллеръ, командовавшій лѣвымъ крыломъ австрійцевъ, пріостановилъ, правда, свое отступленіе, переправился черезъ Иннъ съ тринадцатитысячнымъ корпусомъ и произвелъ подъ Эрдингомъ удачное нападеніе на Вреде. До него, вѣроятно, дошелъ слухъ о томъ что эрцгерцогъ Карлъ идетъ къ Пассау, но этотъ слухъ оказался ложнымъ, вслѣдствіе чего Вреде поспѣшно повернулъ назадъ и переправился обратно за Иннъ. Онъ продолжалъ отступательное свое движеніе, остановившись лишь на мгновенье на берегу Трауна, чтобы воспользоваться имѣющеюся тамъ сильной позиціей, на которой разсчитывалъ удержаться, вслучаѣ, еслибъ эрцгерцогъ Карлъ подоспѣлъ тамъ къ нему на присоединеніе. Подъ Эбельсбергомъ Гиллеръ въ продолженіи нѣкотораго времени успѣшно сопротивлялся напиравшимъ на него французамъ, но, несмотря на блестящее мужество, выказанное при этомъ австрійскими войсками, они вынуждены были подъ конецъ уступить врагу, на сторонѣ котораго оказывался значительный численный перевѣсъ. Убѣдившись, что эрцгерцогъ Карлъ не рѣшается дѣйствовать сколько-нибудь энергическимъ образомъ и отчаявшись въ возможности спасти свои войска отъ окончательнаго разгрома на правомъ берегу Дуная, Гиллеръ переправился въ Маутернѣ на лѣвый берегъ рѣки, дабы соединиться съ эрцгерцогомъ Карломъ, и разрушилъ за собою мостъ. Соединенныя войска Гиллера и эрцгерцога Карла заняли позицію на склонахъ Визамберга, высокаго придунайскаго холма, находящагося къ сѣверу отъ Вѣны и командующаго плодородными равнинами, по которымъ эта рѣка протекаетъ мимо австрійской столицы.

Французскія войска шли правымъ берегомъ этой рѣки и почти безостановочно приближались къ Вѣнѣ, не встрѣчая нигдѣ серьезнаго сопротивленія. 10-го мая армія Наполеона стояла уже передъ австрійской столицей. Въ тогдашнее время, какъ и теперь, Вѣна не была обнесена укрѣпленіями сколько-нибудь пригодными къ оборонѣ. Гарнизонъ ея состоялъ изъ мѣстнаго ополченія и небольшого отряда регулярныхъ войскъ, присланнаго Гиллеромъ, чтобы придать мужества горожанамъ и поощрить ихъ къ оборонѣ. Защитниками города командовалъ эрцгерцогъ Максимиліанъ. На этотъ разъ дѣйствительно сдѣлали въ Вѣнѣ кое-какія приготовленія къ оборонѣ. Предмѣстья были очищены, и населеніе собралось за старинными кирпичными городскими стѣнами, воздвигнутыми за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, чтобъ защищать Вѣну отъ турецкихъ полчищъ. Наполеонъ думалъ было сперва, что встрѣтитъ такое же ожесточенное, отчаянное сопротивленіе, какое пришлось ему преодолѣть въ Мадридѣ, но первая же попытка французовъ отрѣзать сообщеніе Вѣны съ рѣкою и нѣсколько гранатъ, пущенныхъ въ городъ, заставили злополучную столицу сдаться на капитуляцію.

Эрцгерцогъ Максимиліанъ выѣхалъ изъ Вѣны въ полночь 11-го мая, а 12-го Наполеонъ вернулся уже въ сосѣдній Шенбрунскій дворецъ, гдѣ устроилъ главную свою квартиру. Приходившія къ нему туда донесенія имѣли характеръ какъ нельзя болѣе благопріятный для французовъ. Понятовскій снова занялъ Варшаву, которую очистилъ эрцгерцогъ Фердинандъ, вынужденный спѣшить на соединеніе съ своимъ братомъ Карломъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ, быстро преслѣдуемый Макдональдомъ, въ свою очередь вынужденъ былъ уйти за Каринтійскія горы въ Венгрію, гдѣ опасались либеральнаго движенія противъ австрійскаго владычества. Баварцы, подъ начальствомъ Лефевра, выгнали послѣ отчаянной кровопролитной борьбы тирольскихъ повстанцевъ изъ Инспрука. Настало, повидимому, время завершить деморализацію всей австрійской имперіи полнымъ уничтоженіемъ ея арміи. Императоръ Францъ, объявляя войну, посѣялъ бурю и долженъ былъ теперь пожать, что посѣялъ.

Съ самаго начала войны Наполеонъ настаивалъ на томъ, что зачинщикомъ ея являлось австрійское правительство. Въ оффиціальной своей газетѣ онъ не находилъ никакихъ выраженій достаточно рѣзкихъ для охарактеризованія образа дѣйствій габсбургскаго правительства и повстанцевъ, осмѣливавшихся кое-гдѣ сопротивляться французскимъ войскамъ. Точно также и въ своихъ прокламаціяхъ императоръ Наполеонъ отзывался самымъ оскорбительнымъ образомъ о тирольцахъ и прусскомъ партизанѣ, маіорѣ Шиллѣ, который, отличившись послѣ сраженія подъ Іеной, пытался теперь воспользоваться австро-французской войною, чтобы вызвать возстаніе въ сѣверной Германіи. Онъ собралъ уже отрядъ мужественныхъ германскихъ патріотовъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на строжайшія запрещенія и угрозы установленныхъ властей, серьезно разсчитывалъ поднять своихъ соотечественниковъ противъ Наполеона. Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной французами подъ Экмюлемъ, лишило его, однако, всѣхъ шансовъ успѣха. Отброшенный въ Штральзундъ, маіоръ Шилль палъ въ бою, завязавшемся въ улицахъ этого города. Наполеонъ называлъ его, „чѣмъ-то вродѣ разбойника, покрывшаго себя всевозможными преступленіями въ послѣднюю прусскую кампанію“. Подобнымъ же образомъ Наполеонъ не стѣснялся публично объявлять австрійскаго императора „неблагодарнымъ, трусливымъ клятвопреступникомъ“. Зато онъ всячески ласкалъ вѣнское населеніе, обращаясь къ жителямъ столицы, какъ къ „добрымъ людямъ, покинутымъ и брошеннымъ на произволъ судьбы“. Онъ утверждалъ, будто послѣднимъ дѣломъ бѣжавшаго изъ Вѣны габсбургскаго правительства являлось безцѣльное убійство и поджогъ. „Подобно Медеѣ, оно собственноручно умерщвляло собственныхъ своихъ дѣтей“.

Политика лести народнымъ массамъ и самаго безпощаднаго порицанія ихъ государей успѣшно примѣнялась Наполеономъ въ Италіи и, съ тѣхъ поръ, никогда не выходила у него изъ употребленія. Необходимо замѣтить, что въ наполеоновскія времена

она оказывалась въ Европѣ дѣйствительнѣйшимъ революціоннымъ орудіемъ, какое только можно было придумать. Французскій императоръ въ своихъ прокламаціяхъ, разумѣется, безцеремонно искажалъ истину, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя было назвать также и сплошною ложью. Преувеличивая значеніе промаховъ и некрасивыхъ поступковъ со стороны враждебныхъ ему государей, онъ, безъ сомнѣнія, изображалъ положеніе дѣлъ въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи, но, благодаря этому, Франція и его солдаты восторженно сражались и терпѣли за то, что имъ все-таки же представлялось великою идеей. Неразвитые крестьяне, умственныя способности которыхъ были почти заглушены многовѣковымъ притѣсненіемъ, испытывали подъемъ духа подъ впечатлѣніемъ пламенныхъ рѣчей императора. Среднее сословіе не такъ-то легко вдавалось въ обманъ, но было лишено возможности опровергать заявленія такого человѣка, какъ Наполеонъ. Къ тому же, между немногими дѣйствительно развитыми людьми враждебныхъ Наполеону національностей, сознававшими унизительное состояніе, до котораго довела ихъ отчизну деспотическая форма правленія, прокламаціи французскаго императора производили зачастую, по крайней мѣрѣ, временно, сильное впечатлѣніе.

Это обнаруживалось весьма явственно въ Польшѣ. Монархія Габсбурговъ владѣла, однако, еще и другою территоріей, населеніе которой, очень дорожа своими собственными правами, мало интересовалось престижемъ монарха, чуждаго ему по крови. Венгерцы являлись въ то время консервативнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ талантливымъ народомъ. Многіе изъ нихъ были пламенными протестантами, свѣдущими и образованными людьми, дорожившими своими учрежденіями, въ которыхъ удачно объединялись лучшіе элементы гражданственности и патріархальнаго строя. Наполеонъ обратился къ нимъ 15-го мая съ прокламаціей, которую слѣдуетъ признать въ своемъ родѣ мастерскимъ произведеніемъ. Напомнивъ, что императоръ Леопольдъ II, въ теченіе кратковременнаго своего царствованія, признавалъ національныя права венгерцевъ, и что Францъ I присягалъ соблюдать ихъ законы и конституцію, Наполеонъ указалъ, что императоръ Францъ, если и собиралъ венгерскій сеймъ, то единственно лишь съ цѣлью вытребовать у него денегъ на веденіе войнъ. Въ виду такого недостойнаго обращенія съ Венгріей, ей слѣдовало бы теперь, по мнѣнію Наполеона, воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, дабы «низвергнуть съ себя австрійское иго и провозгласить національную свою независимость». Прокламація эта произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но при всемъ томъ венгерскій народъ, въ массѣ, остался вѣрнымъ своему королю-императору.

За четыре года передъ тѣмъ Наполеонъ издалъ въ Шенбруннѣ указъ, въ которомъ объявлялось, что неаполитанскіе Бурбоны перестали царствовать. На этотъ разъ, въ томъ же самомъ Шенбруннскомъ дворцѣ, написанъ былъ другой столь же многозначительный декретъ, помѣченный, впрочемъ, 17-го мая, изъ „императорскаго лагеря въ Вѣнѣ“. Документъ этотъ былъ составленъ еще

ловче, чѣмъ манифестъ къ венгерцамъ. Ссылаясь на злоупотребленія, возникавшія съ незапамятныхъ временъ отъ соединенія духовной и свѣтской власти въ лицѣ папъ, Наполеонъ отмѣнялъ подарокъ, сдѣланный Карломъ Великимъ Адріану I (болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ), сообщалъ, что Пій VII болѣе не царствуетъ и что, въ вознагражденіе за утрату свѣтской власти, ему ассигнуется добавочный ежегодный доходъ въ два милліона франковъ. Въ мирное время подобный декретъ вызвалъ бы въ Европѣ величайшее возбужденіе, но, въ антрактѣ между двумя дѣйствіями грандіозной войны, умы были заняты по преимуществу соображеніями, относившимися къ вѣроятному ея исходу. Общественное мнѣніе интересовалось главнымъ образомъ предстоявшимъ генеральнымъ сраженіемъ и почти не удостоивало вниманія перемѣну, являвшуюся, въ сущности, лишь новой фазой давнишней борьбы, въ которой папская власть съ незапамятныхъ уже временъ терпѣла одно пораженіе за другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, упраздненіе свѣтской власти папъ являлось жестокимъ ударомъ для австрійскаго дома, такъ какъ довершало упроченіе наполеоновскаго владычества въ Италіи и тѣмъ самымъ разрушало послѣднюю надежду Австріи вернуть себѣ прежнее вліяніе въ Европѣ путемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Такова была театральная диверсія, поставленная Наполеономъ на сценѣ міровой политики въ теченіе нѣсколькихъ дней затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, наступившаго послѣ овладѣнія Вѣной. Само собой разумѣется, впрочемъ, что военныя приготовленія велись тѣмъ временемъ съ усиленной дѣятельностью. Секретари Наполеона работали денно и нощно, курьеры и ординарцы мчались по всѣмъ направленіямъ, дороги Средней Европы были запружены пѣхотой, артиллеріей и обозами. Импульсы всей этой кипучей дѣятельности, направлявшейся къ ясно сознанной цѣли, исходили отъ самого Наполеона.

Эрцгерцогъ Карлъ былъ, по части стратегіи, превосходный теоретикъ, уступавшій изъ современниковъ пальму первенства одному только Наполеону. Послѣ пагубнаго промаха, сдѣланнаго подъ Ландсхутомъ, гдѣ онъ раздѣлилъ свою армію, эрцгерцогу быстро удалось оправиться. Какъ уже упомянуто, онъ перешелъ въ Регенсбургѣ на лѣвый берегъ Дуная и, притянувъ къ себѣ дивизію, расположенную до тѣхъ поръ въ Богемскихъ горахъ, сосредоточилъ близъ Хама солидную боевую силу въ 80.000 человѣкъ. Затѣмъ, однако, онъ опять сталъ жертвою своей нерѣшительности. Обратившись къ Наполеону съ предложеніемъ вступить въ переговоры о мирѣ, онъ слишкомъ долго замѣшкался въ Будвейсѣ и упустилъ случай соединиться съ Гиллеромъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ загородить французамъ путь въ Вѣну. Когда, наконецъ, Гиллеръ самъ переправился черезъ Дунай и примкнулъ къ главнымъ силамъ австрійской арміи, эрцгерцогъ, расположивъ свои войска на склонахъ Бизамберга, повидимому, не ставилъ себѣ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Ожиданіе, что миръ будетъ вскорѣ заключенъ, какъ будто

парализовало этого, во всякомъ случаѣ недюжиннаго, полководца. Не получая, однако, никакого отвѣта на предложенія, съ которыми онъ обращался къ Наполеону, и узнавъ, что австрійское правительство тоже не помышляетъ еще отказываться отъ борьбы, эрцгерцогъ въ свою очередь проснулся отъ оцѣпенѣнія, въ которомъ за послѣднее время находился. Онъ выработалъ грандіознѣйшій, быть можетъ, изъ всѣхъ своихъ операціонныхъ плановъ, принципъ котораго былъ примѣненъ четыре года спустя самимъ Наполеономъ подъ Дрезденомъ. Австрійскій главнокомандующій рѣшился освободить Вѣну, угрожая отрѣзать французамъ пути сообщенія.

Основная идея этого плана не представляла сама по себѣ въ данномъ случаѣ ничего новаго. Суть дѣла заключалась въ маневрахъ, требовавшихся для ея осуществленія, но надо отдать справедливость эрцгерцогу Карлу, что всѣ подробности этихъ маневровъ были разработаны превосходно. Коловрату съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ предписывалось неожиданно двинуться къ Линцу и овладѣть этимъ городомъ, а также находящимся тамъ мостомъ черезъ Дунай. Тѣмъ временемъ эрцгерцогъ Іоаннъ, соединившись съ тирольской арміей, ушедшей въ верховья Энса, долженъ былъ двинуться тоже къ Линцу и войти въ связь съ Коловратомъ. Оказалось, однако, что Массена овладѣлъ долиною Энса, а на подкрѣпленіе къ дивизіи Вандама, занимавшей Линцъ, шелъ уже Бернадоттъ. Дѣло въ томъ, что императоръ Наполеонъ разгадалъ планъ своего противника и отдалъ съ замѣчательной поспѣшностью всѣ распоряженія, необходимыя для того, чтобы помѣшать его осуществленію. Попытки австрійцевъ отрѣзать великой французской арміи сообщеніе съ Германіей такимъ образомъ не удались, и Наполеонъ могъ сосредоточить все свое вниманіе на задачѣ устроить переправу черезъ большую рѣку въ виду непріятеля. Ему не разъ уже случалось выполнять такую задачу, но при совершенно иныхъ условіяхъ. Теперь впервые еще надо было переправляться черезъ такую широкую рѣку, какъ Дунай, имѣя передъ собою многочисленную, искусно предводительствуемую непріятельскую армію.

Дунай течетъ по преимуществу однимъ русломъ до самаго выхода своего въ равнину, раскидывающуюся къ сѣверу отъ Вѣны. Тамъ онъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ, между которыми лежатъ многочисленные острова. Почти всѣ рукава Дуная представляютъ собою довольно большія рѣки. Нѣкоторыя изъ нихъ даже судоходны. Наполеонъ рѣшилъ выбрать для переправы два пункта, одинъ изъ которыхъ находился ниже, а другой выше столицы,—построить въ обоихъ пунктахъ мосты и переправиться тамъ, гдѣ это окажется удобнѣе. Приготовленія къ переправѣ выше Вѣны не удались вслѣдствіе чрезвычайной бдительности австрійцевъ. Ниже столицы условія оказались болѣе благопріятными. Массенѣ удалось, безъ особенныхъ затрудненій, собрать тамъ достаточное количество матеріаловъ для постройки мостовъ. Завладѣвъ предварительно островомъ Лобау, онъ съ 20 мая успѣлъ

соединить этотъ островъ съ обоими берегами. Тѣмъ временемъ эрцгерцогъ Карлъ двинулся съ своей Бизамбергской позиціи впередъ и занялъ на равнинѣ линію, которая тянулась между селеніями: Корнейбургомъ, Энцерсфельдомъ, Гроссъ-Эберсдорфомъ и Штреберсдорфомъ. Въ свою очередь, у французовъ, вице-король Евгеній и Макдональдъ прибыли съ своей арміей въ Вилахъ, откуда могли идти безпрепятственно къ Вѣнѣ, такъ какъ эрцгерцогъ Іоаннъ, отступавшій по долинѣ Дравы въ Венгрію, находился уже въ Фелькермаркѣ. Необходимо замѣтить, что островъ Лобау былъ занятъ лишь 18 мая восьмьюстами французскихъ солдатъ, которые переправились туда на лодкахъ и прогнали находившійся тамъ малочисленный австрійскій отрядъ. На слѣдующій день пріѣхалъ туда Наполеонъ и распорядился постройкой необходимыхъ укрѣпленій. 20 мая началась переправа, и Массена съ легкой конницей Ланна былъ посланъ на рекогносцировку.

Пораженіе Наполеона подъ Асперномъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, повидимому, рѣшившійся не препятствовать переправѣ французовъ, дабы заставить ихъ такимъ образомъ разыграть рѣшительную битву съ большою рѣкою въ тылу, передвинулся нѣсколько въ сторону и занималъ теперь линію деревень Штреберсдорфъ, Герасдорфъ и Дейтчъ-Ваграмъ. Утромъ 21 мая часть арміи Наполеона переправилась черезъ главный рукавъ Дуная, причемъ нѣкоторыя войска находились на островѣ Лобау, а другія стояли уже на лѣвомъ берегу. Тѣмъ не менѣе значительная часть боевыхъ силъ оставалась еще на правомъ берегу Дуная. Французская конница была снова выдвинута впередъ, чтобы очистить равнину отъ разъѣздовъ австрійской легкой кавалеріи. Самъ Наполеонъ, желая осмотрѣть впереди лежавшую мѣстность, поднялся на небольшую отлогую гряду холмовъ, окаймляющую низменные прибрежные луга. Неподалеку отъ холма, съ котораго Наполеонъ производилъ свою рекогносцировку, находилось хорошенькое селеніе Аспернъ, состоявшее, подобно сосѣднимъ деревнямъ, изъ одноэтажныхъ каменныхъ домовъ и высокихъ каменныхъ же амбаровъ. Нѣкоторые изъ нихъ были очень обширны и обладали стѣнами въ нѣсколько футовъ толщины. Отдѣльные хутора и кладбище были обнесены тоже каменною оградой. Нѣсколько далѣе къ востоку виднѣлось другое селеніе, Эслингъ, тоже съ нѣсколькими сотнями жителей, а еще далѣе можно было явственно различить большое село Энцерсдорфъ. Равнина хотя и не могла назваться волнообразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не была лишена нѣкоторыхъ неровностей. Ее прорѣзало множество небольшихъ ручьевъ и рѣчекъ, направленія которыхъ обозначались деревьями, росшими по ихъ берегамъ. Значительнѣйшая изъ этимъ рѣчекъ, Руссбахъ, протекала въ нѣсколькихъ миляхъ сѣвернѣе отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Наполеонъ. Внимательно осмотрѣвшись кругомъ, императоръ обратился къ Массенѣ и сказалъ: „Я буду подаваться на-

задъ на лѣвомъ крылѣ и наступать на правомъ, и такимъ образомъ заставлю австрійцевъ перемѣнить фронтъ влѣво". Иными словами, онъ предполагалъ, примыкая лѣвымъ крыломъ къ берегу Дуная, обойти лѣвый флангъ австрійцевъ, а затѣмъ прижать ихъ самихъ тыломъ къ рѣкѣ. Если бы маневръ этотъ удалось выполнить, австрійская армія оказалась бы уничтоженной, такъ какъ у нея не имѣлось никакихъ средствъ для переправы черезъ Дунай.

Людямъ, неодареннымъ такою смѣлостью, подобный планъ дѣйствій могъ бы показаться до сумасбродности дерзкимъ. Болѣе осторожный полководецъ на мѣстѣ Наполеона безотлагательно и безъ всякаго колебанія занялъ бы возможно сильнѣе Асперпъ, Эсслингъ и Энцерсдорфъ, дабы обезпечить себѣ линію отступленія и достаточный просторъ для развертыванія арміи. Пелэ, въ своихъ мемуарахъ, увѣряетъ, будто Наполеонъ отдалъ единственно только приказъ „переправляться черезъ рѣку и ударить на непріятеля". Какъ бы ни было, а на лѣвомъ берегу Дуная у французовъ имѣлось всего только три пѣхотныхъ дивизіи, причемъ Асперпъ былъ занятъ лишь незначительнымъ передовымъ отрядомъ. Эрцгерцогъ Карлъ рѣшился, по возможности, сохранить на своей сторонѣ перевѣсъ въ численности и съ этою цѣлью пустилъ по главному рукаву Дуная нѣсколько плотовъ, нагруженныхъ каменьями, разсчитывая съ ихъ помощью разорвать мосты, соединявшіе островъ Лобау съ правымъ берегомъ. Попытка эта хотя и не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе значительно ослабила самый большой изъ французскихъ мостовъ. Тѣмъ временемъ австрійцы двинулись впередъ пятью колоннами, изъ которыхъ одна шла черезъ Брейтенлее къ Асперну, другая—черезъ Адеркла къ Эсслингу, а третья выходила на Энцерсдорфъ въ правый флангъ французамъ; двѣ остальныя состояли изъ кавалеріи и двигались въ направленіи отъ Брейтенлее къ Асперну. Приблизительно въ часъ послѣ полудня, съ того мѣста, гдѣ находился Наполеонъ, можно было уже явственно различать надвигавшіяся австрійскія войска. Пѣхотная колонна, шедшая на Асперпъ, оказывалась ближе всѣхъ. Чрезмѣрная самоувѣренность, обнаруженная сперва было Наполеономъ, немедленно-же разсѣялась передъ такою грозною дѣйствительностью. Пока австрійскія войска развертывались для аттаки и выбивали французскій передовой отрядъ изъ Асперна, императоръ приказалъ дивизіи Молитора отнять у нихъ это селеніе и держаться въ немъ, причемъ главное руководство обороной поручилъ Массенѣ. Дивизія Леграна и Буде расположены были въ тылу Молитора по правую и лѣвую его сторону. Бессьеръ съ кавалеріей Ласалля и Д'Эспанья стоялъ между Асперномъ и Эсслингомъ, дивизія Карра Сенъ-Сира, прибывшая нѣсколько позднѣе, составляла общій резервъ. Ланну и Буде съ небольшимъ отрядомъ поручено было оборонять Эсслингъ. Что касается до Энцерсдорфа, то его пришлось покинуть; и это селеніе было немедленно же занято войсками австрійскаго лѣваго крыла.

Въ Асперпѣ загорѣлся ожесточенный бой. Французы ворвались

туда, но были выбиты свѣжими австрійскими войсками, а затѣмъ вторично бросились въ аттаку, захватили селеніе, снова были выбиты оттуда и т. д. и т. д. Всего упорнѣе шелъ бой за обладаніе кладбищемъ на западной окраинѣ Асперна. Въ Эсслингѣ ключемъ позиціи являлся большой амбаръ съ толстыми стѣнами и сводчатыми погребами, за который кипѣла тоже упорная битва. Тѣмъ временемъ со всевозможной поспѣшностью подходили свѣжія французскія войска по мѣрѣ того, какъ имъ удавалось переправиться черезъ Дунай, но въ три часа пополудни масса бревенъ и вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ, которыя несла рѣка вслѣдствіе сильныхъ дождей, выпавшихъ въ горахъ, сорвали большой мостъ на главномъ рукавѣ Дуная. На сторонѣ австрійцевъ за все время боя имѣлся значительный перевѣсъ въ численности. Вмѣстѣ съ тѣмъ баттареи ихъ продольно обстрѣливали французскія войска и причиняли имъ страшный уронъ. Подъ конецъ, однако, Бессьеру удалось выбить австрійцевъ изъ Эсслинга, и французы удержались въ этомъ селеніи до сумерокъ, когда австрійцы прекратили бой, чтобы расположиться на ночлегъ бивуаками. Въ Асперпѣ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ участвовало въ дѣлѣ большое количество войскъ, ожесточенная рѣзня продолжалась до самой полуночи. Легранъ двинулся туда съ своей дивизіей, когда уже совершенно стемнѣло. Эрцгерцогъ Карлъ не хотѣлъ уступить этого селенія, но тщетно старался выбить оттуда непріятеля. Несмотря на меньшую свою численность и сравнительно плохую позицію, французы удачно отстаивали захваченный ими участокъ селенія и, когда, наконецъ, огонь прекратился, они все еще занимали тамъ половину главной улицы.

Къ полуночи французамъ удалось снова исправить свой мостъ и Даву, выполняя настоятельное приказаніе Наполеона, началъ поспѣшно переправлять съ праваго берега на островъ Лобау подкрѣпленія, преимущественно же артиллерію. Остальныя войска, состоявшія въ его распоряженіи, дѣятельно сосредоточивались на правомъ берегу въ полной готовности къ переправѣ. Въ два часа утра австрійцы сдѣлали новое усиліе вытѣснить французовъ изъ Асперна и вскорѣ послѣ того повели аттаку также на Эсслингъ. Массена вызвалъ тогда въ Асперпъ цѣлую дивизію Карра Сенъ-Сира. Часъ спустя, оба нападенія австрійцевъ были отбиты, и весь Асперпъ очищенъ отъ непріятеля. Въ то время, когда кипѣлъ еще отчаянный бой за обладаніе обоими селеніями, императоръ произвелъ еще разъ рекогносцировку на полѣ сраженія и, получивъ въ семь часовъ утра отъ Даву извѣстіе, что часть подкрѣпленій переправилась уже на островъ Лобау, рѣшился прорвать центръ австрійцевъ. Съ этою цѣлью онъ смѣло двинулъ впередъ всѣ войска, находившіяся у него подъ рукою. Тѣмъ временемъ, однако, поврежденный и спѣшно исправленный мостъ черезъ Дунай снова разорвался, такъ что дальнѣйшая переправа остановилась. Пришлось по необходимости отвести выдвинувшіяся было впередъ войска назадъ и ограничиться оборопою линіи между Асперномъ и Эсслингомъ. Австрійцы, ободренные неожиданнымъ отступленіемъ французовъ, возобновили свои нападенія съ удвоен-

ной энергіей. Аспернъ и Эсслингъ многократно переходили изъ рукъ въ руки, причемъ бой шелъ опять съ особеннымъ ожесточеніемъ за обладаніе первымъ изъ нихъ. Австрійцамъ удалось было прорваться между этими селеніями сквозь центръ французской боевой линіи, но Наполеонъ двинулъ туда кавалерію Бессьера и только что прибывшую съ острова Лобау артиллерію, которымъ и удалось, послѣ отчаянной схватки, отбросить австрійцевъ назадъ. На правомъ крылѣ французской позиціи австрійцы, послѣ кровопролитной борьбы, овладѣли Эсслингомъ и удерживали его за собою приблизительно до трехъ часовъ послѣ полудня, когда ихъ выбила оттуда часть находившейся до тѣхъ поръ въ резервѣ наполеоновской молодой гвардіи. Обѣ стороны казались послѣ того до такой степени утомленными, что бой прекратился самъ собою, или, правильнѣе говоря, перешелъ въ артиллерійскую перестрѣлку съ дальней дистанціи. Аспернъ и Эсслингъ остались въ рукахъ французовъ, а потому они могли считать себя, пожалуй, побѣдителями. Въ дѣйствительности, однако, положеніе ихъ являлось критическимъ. Въ семь часовъ вечера императоръ собралъ военный совѣтъ. Большинство французскихъ маршаловъ высказалось въ пользу обратной переправы черезъ Дунай и отступленія въ Вѣну. „Отчего уже не отступить тогда прямо въ Страсбургъ?— замѣтилъ Наполеонъ.—Ничто не мѣшаетъ эрцгерцогу Карлу принудить меня къ этому. Если ему вздумается отрѣзать отъ Линца, я буду вѣдь вынужденъ двинуться туда, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ станетъ на главномъ моемъ пути сообщенія. Вообще же мнѣ придется тогда покинуть австрійскую столицу, являющуюся главной продовольственной базой для нашей арміи". Никакихъ возраженій на это представить было нельзя, а потому, вмѣсто отступленія въ Вѣну, рѣшено было отвести войска съ лѣваго берега Дуная на островъ Лобау и держаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не закончится постройка благонадежнаго моста, по которому Даву будетъ въ состояніи переправить всѣ войска, находившіяся подъ его командой на правомъ берегу Дуная.

Послѣ двухъ дней жестокаго оборонительнаго боя, въ которомъ французы выказали такое геройское мужество, что австрійцы нѣсколько разъ серьезно помышляли уже объ отступленіи, Наполеону все-таки пришлось оставить поле битвы противнику.

Побѣда Наполеона подъ Ваграмомъ.

Французскій императоръ никогда еще до тѣхъ поръ не испытывалъ такого горькаго разочарованія, какъ вечеромъ 22-го мая и въ ближайшіе за тѣмъ два или три дня. Онъ могъ противупоставить семидесятитысячной непріятельской арміи на лѣвомъ берегу Дуная всего лишь какихъ-нибудь 45.000 человѣкъ и долженъ былъ признать въ глубинѣ души виновнымъ въ этомъ себя самого. Громадный уронъ, понесенный подъ Аспернъмъ французскими войсками, оказывался, безъ сомнѣнія, обусловленнымъ чрезмѣрной самоувѣренностью французскаго императора и неосторож-

нымъ его презрѣніемъ къ австрійскимъ войскамъ, которыя, послѣ долговременнаго, труднаго ученичества, сражались теперь уже не хуже французскихъ ветерановъ и состояли подъ командою полководца, изучившаго стратегію по наполеоновскимъ войнамъ. За время боя Эсслингъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, а сколько именно разъ французскія войска утрачивали Асперпъ и снова туда врывались, въ точности даже не выяснено. Теперь французамъ пришлось очистить оба эти селенія, залитыя ихъ собственной и вражеской кровью. Послѣдняя аттака австрійцевъ противъ центра французской боевой линіи была ведена и отражена съ геройскимъ мужествомъ. Австрійцы потерпѣли въ ней страшный уронъ, но и французамъ она обошлась не дешево, тѣмъ болѣе, что маршалъ Ланнъ былъ приэтомъ смертельно раненъ. Результаты двухдневнаго боя сводились для французовъ къ утратѣ нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ, въ томъ числѣ и этого маршала, талантливѣйшаго изъ корпусныхъ командировъ великой арміи, единственнаго изъ старыхъ друзей и товарищей Наполеона, съумѣвшаго остаться безукоризненно честнымъ и безстрашнымъ. Хуже всего, однако, представлялось то обстоятельство, что непобѣдимый до тѣхъ поръ полководецъ былъ, если не побѣжденъ, то во всякомъ случаѣ отраженъ въ своей попыткѣ уничтожить австрійскую армію, причемъ неудача эта была испытана имъ не гдѣ-нибудь на краю свѣта, какъ напримѣръ, въ Испаніи, или подъ Прейсишъ-Эйлау, а предъ глазами всей Европы,— на полѣ сраженія, выбранномъ имъ самимъ.

Проѣзжая мимо носилокъ, на которыхъ лежалъ изувѣченный старый его товарищъ, находившійся уже въ полубезсознательномъ состояніи, императоръ Наполеонъ, и самъ чувствовавшій себя въ высшей степени разстроеннымъ, оказался не въ силахъ совладать съ собою, соскочилъ съ коня и, въ неудержимомъ припадкѣ нѣжнаго чувства, бросился обнимать и цѣловать смертельно раненаго маршала. Вечеромъ, когда Наполеону подали ужинать, онъ не дотронулся до блюдъ и по щекамъ его катились горькія слезы. Вообще ему рѣдко лишь доводилось испытывать подобное состояніе. При всемъ томъ въ продиктованномъ имъ бюллетенѣ значилось: „Непріятель отступилъ на свои позиціи, оставивъ поле сраженія за нами“. Французы имѣли такое-же право приписывать себѣ побѣду подъ Асперномъ, какъ русскіе могли считать себя побѣдителями подъ Прейсишъ-Эйлау. Съ чисто-формальной точки зрѣнія это была, положимъ, побѣда, но съ фактической она оказывалась равносильной пораженію. Австрійцы тоже считали себя побѣдителями, такъ какъ непріятель вынужденъ былъ ночью уйти съ лѣваго берега Дуная обратно на островъ Лобау. Они приписывали честь побѣды послѣдней кавалерійской аттакѣ, произведенной княземъ Лихтенштейномъ на центръ французской боевой линіи и утверждали, что аттака эта хотя и была отражена, но сильно потрясла духъ французовъ. На мирномъ аспернскомъ кладбищѣ австрійцы поставили, въ память двухдневнаго побѣдоноснаго боя, заливщаго это кладбище въ буквальномъ смыслѣ слова кровью, монументъ,

который изображаетъ величественнаго льва, раненаго на смерть. Начальникъ штаба арміи эрцгерцога Карла писалъ 24-го мая: „Мы не могли воспользоваться побѣдой, такъ какъ занятая непріятелемъ сильная позиція устраняла всякую возможность преслѣдованія“. Это было ему извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо другому, такъ

Ваграмское сраженіе.
(Съ картины Орасa Верне въ Версальскомъ музеѣ).

какъ въ предшествовавшій вечеръ австрійцы пытались выбить французскую армію съ острова Лобау, но были за это жестоко наказаны.

Настроеніе обѣихъ армій характеризуется слѣдующими двумя фактами. Разсказываютъ, что 23-го мая Наполеонъ снова посѣтилъ Ланна, который находился на этотъ разъ въ полномъ сознаніи и понималъ, что ему предстоитъ умереть. Съ обычнымъ своимъ без-

страшіемъ и суровой строгостью стараго республиканца, онъ высказалъ своему товарищу и другу то, что другіе считали необходимымъ скрывать отъ императора. „Армія утомилась безцѣльнымъ кровопролитіемъ, а французскій народъ болѣе не расположенъ истощать послѣднія свои силы". Онъ понимаетъ, что проливаетъ свою кровь и раззоряется уже не ради принципа, а единственно только для удовлетворенія ненасытнаго наполеоновскаго честолюбія. Отказавшись затѣмъ слушать изъявленія сочувствія императора, пытавшагося его утѣшать, смертельно раненый маршалъ отвернулся отъ Наполеона лицомъ къ стѣнѣ. По словамъ Марбо и Пелэ, разсказъ этотъ является просто на-просто вымысломъ нѣкоего Каде де-Гассикура, но во вякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ замѣчательной мѣткости и хлесткости, потому что изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что настроеніе французской арміи дѣйствительно было таково, какимъ оно изображается въ словахъ, приписываемыхъ Ланну. Быстрота переходовъ и постоянныя сраженія не дозволяли солдатамъ и офицерамъ особенно много поживиться на счетъ непріятеля. Молодежь и люди, неуспѣвшіе еще скопить себѣ состоянія, испытывали поэтому разочарованіе. Громадныя богатства у наполеоновскихъ маршаловъ, а также многихъ генераловъ и офицеровъ, служили для своихъ владѣльцевъ энергическимъ стимуломъ желать мира, такъ какъ во время войны ими все равно нельзя было пользоваться. Многомилліонное состояніе Массены не избавляло его отъ необходимости подвергать себя на полѣ сраженія серьезнымъ лишеніямъ и опасностямъ, хотя этотъ маршалъ искренно сознавался, что предпочитаетъ пріятную жизнь славной смерти. Все это создавало во французской арміи могущественное, хотя и скрытое еще чувство неудовольствія противъ дальнѣйшей войны.

Приблизительно таково же было настроеніе эрцгерцога Карла и его арміи. Единственнымъ результатомъ одержанной ими побѣды являлась возможность занять болѣе удобную позицію на томъ самомъ Маршфельдѣ, на которомъ обѣ стороны понесли такія страшныя потери. Равнина эта завалена была трупами почти 50.000 тысячъ убитыхъ, среди которыхъ насчитывалось приблизительно одинаковое число французовъ и австрійцевъ. Эрцгерцогъ считалъ, что при такихъ условіяхъ дипломатія должна непремѣнно вмѣшаться въ дѣло. Онъ утверждалъ, что бой подъ Асперномъ долженъ неизбѣжно повліять на Наполеона и обезпечить Австріи возможность заключенія мира на выгодныхъ условіяхъ. Императоръ Францъ остался, однако, непреклоннымъ и предпочелъ выждать окончательное рѣшеніе. Его братъ Фердинандъ долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Польши, а эрцгерцогъ Іоаннъ находился уже въ Венгріи. Королю Фридриху Вильгельму II, въ случаѣ если онъ окажетъ содѣйствіе Австріи, предложили, въ награду, Варшаву. Король этотъ оказался, однако, столь же несговорчивымъ, какъ и самъ императоръ Францъ. Опасаясь, что Австрія захватитъ себѣ гегемонію въ Германіи и ожидая бо̀льшихъ выгодъ отъ союза

съ Россіей, Фридрихъ Вильгельмъ, въ противность настоятельнымъ совѣтамъ своихъ министровъ, отказался помочь сопернику. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя, удостовѣрившись, что русскій государь намѣренъ остаться нейтральнымъ, прусскій король далъ свое согласіе на то, чтобъ приступить въ тайнѣ къ вооруженіямъ, но это согласіе было уже слишкомъ запоздалымъ. Вспыхнувшее

Жакъ-Александръ Бернаръ Лоу, маркизъ Лористонъ.
(Съ портрета, писаннаго Жераромъ).

въ Вестфаліи возстаніе, на помощь которому маіоръ Шилль, безъ вѣдома и противъ воли начальства, повелъ изъ Берлина свой гусарскій полкъ, было безъ труда подавлено. Блистательные успѣхи, одержанные Наполеономъ въ Баваріи, какъ бы оправдывали политику короля, а совершенная безплодность побѣды, которую приписывали себѣ австрійцы подъ Аспернмъ, фактически подтверждала справедливость его воззрѣній. Воинственное настроеніе прусскаго народа оказало, однако, на короля такое сильное нрав-

ственное давленіе, что онъ увидѣлъ себя въ необходимости предложить Австріи заключеніе формальнаго союза. Истинный характеръ габсбургской политики проявился въ неопредѣленности отвѣта, даннаго австрійскимъ правительствомъ на это предложеніе. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить немедленнымъ согласіемъ, Австрія обратилась сперва къ Англіи съ просьбою о болѣе энергическомъ содѣйствіи и только убѣдившись въ невозможности разсчитывать на англичанъ, неохотно вступила въ переговоры съ Пруссіей, воздерживаясь приэтомъ отъ сколько-нибудь опредѣленныхъ обѣщаній. Тѣмъ временемъ эрцгерцогъ Карлъ и Наполеонъ стояли въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль другъ противъ друга, держась, подобно гладіаторамъ, на-готовѣ безотлагательно воспользоваться малѣйшимъ промахомъ со стороны противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оба они дѣятельно сосредоточивали свои силы къ новому рѣшительному бою на томъ же самомъ полѣ сраженія.

Приготовленія Наполеона свидѣтельствовали, повидимому, о рѣшимости поставить въ предстоящемъ генеральномъ сраженіи все на одну карту. Онъ совершенно отказался отъ западной своей коммуникаціонной линіи и вывелъ почти всѣ войска изъ Тироля. Войска эти, подъ начальствомъ Лефевра, прибыли въ Линцъ на смѣну дивизіямъ Вандама и Бернадотта, которыя оказалось вслѣдствіе этого возможнымъ придвинуть къ Вѣнѣ. Вице-король Евгеній вступилъ въ Штирію и дошелъ уже до Брюкка, такъ что находился подъ рукою. Даже Мармонъ съ 10.000 человѣкъ вызванъ былъ изъ Иллиріи. Оградивъ такимъ образомъ южную свою линію сообщеній, императоръ Наполеонъ выдвинулъ двѣ дивизіи для наблюденія за арміей эрцгерцога Іоанна, находившейся подъ Прессбургомъ. Къ 10 іюня Наполеонъ сосредоточилъ уже въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ двухсотъ сорокатысячную армію. Эрцгерцогъ Іоаннъ пытался перейти въ наступленіе по направленію къ Раабу, но былъ аттакованъ, разбитъ и отброшенъ назадъ въ Венгрію вице-королемъ Евгеніемъ, который, тщательно выполняя инструкціи своего геніальнаго отчима, одержалъ такимъ образомъ побѣду, весьма важную по ея послѣдствіямъ.

Между тѣмъ на островѣ Лобау кипѣла самая оживленная дѣятельность. Черезъ главный рукавъ Дуная перекинутъ былъ новый мостъ, построенный на этотъ разъ очень прочно. Для предотвращенія несчастныхъ случайностей, подобныхъ тѣмъ, изъ-за которыхъ проиграна была битва подъ Асперномъ, мостъ этотъ былъ защищенъ не только эстакадой изъ свай, вбитыхъ поперекъ рѣки въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи вверхъ по теченію, но охранялся также гребными судами, вооруженными пушками. Австрійцы отступили за Руссбахъ на позицію, тянувшуюся съ Дейтчъ-Ваграма къ Маркграфъ-Нейзидлю, оставивъ всего одинъ корпусъ на прежней аспернско-эсслингской позиціи, которая была теперь сильно укрѣплена. Въ виду этого Наполеонъ совершенно измѣнилъ свой планъ дѣйствій. Оградивъ островъ Лобау сильными укрѣпленіями, онъ, подъ прикрытіемъ многочисленной поставленной тамъ артиллеріи, соединилъ этотъ островъ съ материкомъ не

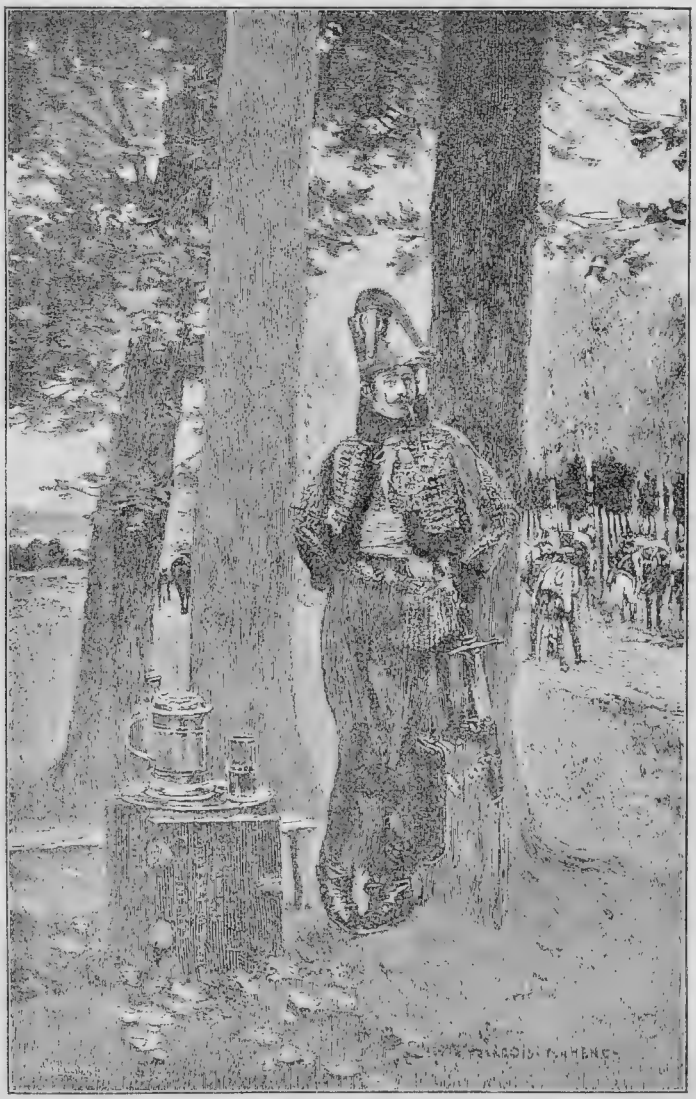
однимъ, а нѣсколькими мостами. Ниже по теченію Дуная были сдѣланы подобныя же приготовленія. Благодаря этому, французскія войска пріобрѣтали возможность быстро переправиться на лѣвый берегъ Дуная и притомъ, значительно восточнѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, они, вмѣсто того, чтобъ аттаковать съ фронта укрѣпленную австрійскую передовую позицію между Асперномъ и Эсслингомъ, достигали Энцерсдорфа подъ покровительствомъ собственныхъ своихъ укрѣпленій, обходили, такъ сказать при самой переправѣ, лѣвый флангъ непріятеля и оказывались въ тылу лѣваго крыла сильно укрѣпленной австрійской передовой позиціи стоявшаго на высотахъ за Руссбахомъ, на пространствѣ между Маркграфъ-Нейзидлемъ, Порбарсдорфомъ и Ваграмомъ, гдѣ начинался уже центръ австрійской арміи. Эти приготовленія были закончены къ 1-му іюлю, послѣ чего Наполеонъ переѣхалъ изъ Шенбруннскаго дворца на островъ Лобау. Во время битвы подъ Асперномъ, онъ наблюдалъ за ея ходомъ съ колеблющихся ступенекъ веревочной лѣстницы, прикрѣпленной къ одному изъ самыхъ высокихъ деревьевъ на этомъ островѣ. Теперь для этой же цѣли онъ привезъ съ собой большую складную лѣстницу, употреблявшуюся въ Шенбруннскомъ дворцѣ для подрѣзанія деревьевъ. Что касается до австрійцевъ, то эрцгерцогъ Іоаннъ все еще находился въ Прессбургѣ, а эрцгерцогъ Карлъ усилилъ свою армію всего лишь до 130.000 человѣкъ. Противъ нея, на островѣ Лобау и близъ этого острова, стояло 180.000 французскихъ солдатъ, не считая 22.000, находившихся тоже невдалекѣ.

Къ 5-му іюню французы закончили всю подготовительную часть маневра, задуманнаго Наполеономъ. Переправа была удачно совершена въ предшествовавшую ночь, вполнѣ согласно съ диспозиціей, такъ какъ демонстрація, произведенная противъ Асперна, навела австрійцевъ на ложный слѣдъ. Утромъ 5 іюня противники оказались выстроившимися другъ противъ друга, но въ нѣсколько косвенномъ направленіи. Правое французское крыло, охватывая лѣвый флангъ австрійцевъ, протягивалось за Энцерсдорфъ до Виттау, такъ что могло отразить наступленіе эрцгерцога Іоанна, шедшаго на подкрѣпленіе къ главнымъ силамъ, или же выдти въ тылъ австрійскому лѣвому крылу. Французскій центръ приходился противъ этого крыла австрійцевъ, а Массена, командовавшій французскимъ лѣвымъ крыломъ, долженъ былъ, примыкая къ Дунаю, аттаковать селеніе Герасдорфъ, находившееся въ австрійскомъ центрѣ. Бернадотту и вице-королю Евгенію было поручено ударить на австрійское лѣвое крыло, стоявшее за Руссбахомъ на протяженіи отъ Ваграма до Маркграфнейзидля. Наполеонъ ждалъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ донесенія отъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, высланныхъ по дорогамъ къ Прессбургу. Убѣдившись въ пять часовъ пополудни, что войска эрцгерцога Іоанна не трогаются съ мѣста и, повидимому, намѣрены остаться подъ Прессбургомъ, французскій императоръ приказалъ готовиться къ бою и, приблизительно въ семь часовъ вечера, двинулъ свои колонны въ аттаку.

Массена энергически сдерживалъ центръ и правое крыло непріятеля въ то время, какъ Наполеонъ направилъ свой собственный центръ и правое крыло на позиціи, занятыя австрійскимъ лѣвымъ флангомъ. Эрцгерцогъ Карлъ, предусматривая этотъ маневръ, быстро стянулъ свои резервы изъ-за Герасдорфа на угрожаемое лѣвое крыло и такимъ образомъ выигралъ время для того, чтобы подвести подкрѣпленія съ праваго своего крыла, стоявшаго на Бизамбергѣ. Бернадоттъ шелъ до такой степени медленно, что его войска не явились въ рѣшительный моментъ на мѣсто боя, а это, разумѣется, привело Наполеона въ величайшее негодованіе. Аттака, произведенная въ семь часовъ вечера войсками Удино на Ваграмъ, не удалась. Селеніе это служило ключемъ австрійской позиціи, образовавшей тутъ выдающійся уголъ, и за обладаніе имъ шелъ самый отчаянный бой. Къ девяти часамъ вечера французы были отброшены по всей линіи и вынуждены вернуться на позиціи, которыя занимали рано утромъ. Въ одиннадцать часовъ вечера Евгеній и Бернадоттъ сдѣлали сообща новую попытку овладѣть Ваграмомъ, но завязавшійся при этомъ кровопролитный бой опять таки оказался совершенно безцѣльнымъ. Ночью разосланы были французскимъ войскамъ приказанія передвинуться далѣе вправо и сосредоточиться рано утромъ на позиціяхъ за Руссбахомъ. На зарѣ это было уже выполнено и, къ разсвѣту, французскія войска находились въ полной готовности возобновить нападеніе. Императоръ провелъ ночь безъ сна на тигровой шкурѣ у бивачнаго костра, разложеннаго передъего шатромъ.

Эрцгерцогъ Карлъ не чувствовалъ, однако, ни малѣйшаго желанія терпѣливо выжидать аттаки французовъ. Успѣшный оборонительный бой воодушевилъ его войска, и эрцгерцогъ, пользуясь этимъ, рѣшился выполнить смѣлый, но въ то же время блестящій маневръ. Онъ приказалъ правому своему крылу, подъ начальствомъ Кленау, идти вдоль Дуная противъ ослабленнаго лѣваго фланга французовъ, разсчитывая такимъ образомъ его обойти въ то самое время, когда, съ разсвѣтомъ, австрійскій центръ ударитъ тоже на этотъ флангъ, которымъ командовалъ Массена. Диспозиція эта была выполнена и, въ продолженіи нѣкотораго времени, австрійцы неудержимо подавались впередъ, заставляя Массену отступать шагъ за шагомъ. Можно было подумать, что счастье перемѣнилось, и что Наполеонъ окажется разбитымъ, благодаря ловкости, съ которой непріятель усвоилъ себѣ его собственные тактическіе пріемы. Австрійцы, завладѣвъ Асперномъ и Эсслингомъ, шли уже къ сѣверу оттуда. Войска ихъ центра и праваго крыла, вступивъ между собою въ связь, совершенно окружили лѣвое крыло французовъ и аттаковали его во флангѣ. Побѣда была уже, казалось, въ ихъ рукахъ, когда вдругъ, совершенно неожиданно, открыла по нимъ огонь тяжелая артиллерія съ острова Лобау. Въ ихъ рядахъ обнаружилось колебаніе. Въ этотъ критическій моментъ великій артиллеристъ ввелъ въ дѣло излюбленное свое оружіе и выдвинулъ противъ австрійцевъ грозную баттарею. Лористону было поручено руководить этимъ рѣшающимъ маневромъ, и онъ выполнилъ его

такъ блистательно, что побѣда тотчасъ же перешла на сторону французовъ. По самымъ скромнымъ разсчетамъ въ распоряженіе



Антуанъ-Шарлъ-Луи Коллине, графъ Лассаль.
(Съ картины Франсуа Фламанга).

Лористона было предоставлено сто полевыхъ орудій, въ томъ числѣ шестьдесятъ орудій гвардейской артиллеріи. Прикрытіемъ имъ служили кирассиры и легкая кавалерія. Нѣкоторые очевидцы

утверждаютъ, будто число пушекъ у Лористона доходило до четырехсотъ, но это несомнѣнно преувеличеніе. Какъ бы ни было, грозная французская баттарея вынеслась во всю прыть навстрѣчу австрійцамъ и, снявшись съ передковъ, открыла такой бѣглый огонь картечью, гранатами и шраппелями, что непріятель не только вынужденъ былъ остановиться, но съ приближеніемъ пѣхоты Макдональда, посланной Наполеономъ поддержать сломанное лѣвое крыло, оказался въ необходимости отступить. Австрійцы пробовали было остановиться и дать отпоръ быстро надвигавшимся на нихъ французамъ, но были подъ конецъ отброшены назадъ къ подошвѣ Бизамберга.

Тѣмъ временемъ Даву аттаковалъ лѣвое крыло австрійцевъ. Во время боя постоянно прибывали туда свѣжія французскія войска, такъ что около полудня подъ командой Даву оказалось болѣе трети всей арміи. Несмотря на преимущество болѣе возвышенной позиціи, австрійцы были не въ состояніи выдержать все болѣе усиливавшійся натискъ и медленно отодвигались къ сѣверу, загибая оконечность фланга дугою назадъ. Тѣмъ временемъ вице-король Евгеній овладѣлъ Ваграмомъ, а затѣмъ повернулъ къ сѣверу на соединеніе съ Макдональдомъ, который, притянувъ дивизію Вреде, безостановочно тѣснилъ передъ собою непріятельскія войска. Австрійскіе резервы были всѣ собраны къ лѣвому крылу, чтобы противодѣйствовать натиску Даву и Удино. При такихъ обстоятельствахъ правое крыло эрцгерцога Карла оказалось снова сбитымъ съ позиціи и вынужденнымъ отступать по брюннскому шоссе. Это происходило въ два часа пополудни. Даву приказано было ждать сигнала къ рѣшительному удару. Сигналъ этотъ былъ поданъ и, въ то самое время, когда Удино быстро поднялся на Парбасдорфскія высоты, его товарищъ явился передъ Маркграфнейзидлемъ, гоня передъ собою непріятеля. Въ австрійской боевой линіи тотчасъ же образовался прорывъ, и разстроенное лѣвое крыло начало поспѣшно отступать съ намѣреніемъ собраться за Ваграмомъ, по другую сторону Руссбаха и присоединиться къ главнымъ силамъ. Это дѣйствительно ему удалось, потому что французы остановились какъ разъ за селеніемъ, именемъ котораго названо и самое сраженіе. Одинъ изъ наиболѣе блестящихъ французскихъ кавалерійскихъ генераловъ, Лассаль, былъ убитъ въ послѣдней аттакѣ. Обѣ арміи расположились на ночь биваками. На слѣдующее утро эрцгерцогъ Карлъ отступилъ къ Цнаиму. Массена, Даву и Мармонъ слѣдовали за нимъ съ авангардомъ всей наполеоновской арміи. При этомъ произошло нѣсколько стычекъ между войсками австрійскаго арьергарда и тѣснившими ихъ французами, причемъ австрійцамъ не разъ удавалось успѣшно отражать аттаки передовыхъ французскихъ отрядовъ. Между прочимъ Мармону пришлось подъ стѣнами Цнаима неожиданно перейти отъ наступленія къ оборонѣ. Уронъ, понесенный австрійцами въ Ваграмскомъ сраженіи, простирался по ихъ оффиціальнымъ отчетамъ до 24.000 человѣкъ, въ томъ числѣ выбыли изъ строя 753 офицера. Французы, по австрійскимъ же

свѣдѣніямъ, взяли въ плѣнъ всего только 7.500 человѣкъ, а понесли убитыми ранеными и плѣнными приблизительно такой же уронъ Между прочимъ австрійцы взяли 12 штандартовъ и 11 пушекъ *).

Эрцгерцогъ Карлъ послалъ еще 6-го іюля рано утромъ своего адъютанта въ Прессбургъ, предписывая эрцгерцогу Іоанну немедленно же выступить оттуда и аттаковать непріятеля съ тылу. Увѣряютъ, будто адъютантъ нашелъ мосты черезъ рѣку Маршъ разрушенными и вслѣдствіе этого прибылъ на шесть часовъ позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало, для того, чтобы оказалось возможнымъ своевременно выполнить приказаніе главнокомандующаго. Многіе современники, въ томъ числѣ родной братъ Іоанна, эрцгерцогъ Карлъ, приписывали это роковое промедленіе преступной небрежности самого эрцгерцога Іоанна. Благодаря придворнымъ интригамъ и умышленному, упорному искаженію фактовъ, удалось свалить вину на эрцгерцога Карла, но впослѣдствіи выяснилось, что на самомъ дѣлѣ виноватъ эрцгерцогъ Іоаннъ, котораго поэтому и сослали въ Штирію. Если бы предписаніе эрцгерцога Карла было выполнено, Наполеону пришлось бы разрѣшить несравненно болѣе трудную задачу, и окончательный результатъ боя могъ бы оказаться совершенно инымъ. Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ, принимая въ разсчетъ предшествовавшую Асперискую битву, побѣда была куплена дорогой цѣной, а вмѣстѣ съ тѣмъ австрійская армія не чувствовала себя вполнѣ деморализованной.

Напротивъ того, въ самый моментъ одержанія побѣды французы, расположившіеся на отдыхъ, были охвачены внезапнымъ паническимъ страхомъ при появленіи передовыхъ разъѣздовъ эрцгерцога Іоанна. Тысячи побѣдоносныхъ солдатъ, не помня себя отъ ужаса, бросились бѣжать къ Дунаю. Если бы эрцгерцогъ Іоаннъ явился нѣсколькими часами раньше на поле битвы, она могла бы, какъ уже упомянуто, закончиться для австрійцевъ не пораженіемъ, а побѣдой. Теперь ему съ 13.000 человѣкъ, разумѣется, нельзя было ввязываться въ бой съ болѣе чѣмъ полуторастотысячной французской арміей, а потому онъ благоразумно отступилъ назадъ въ Венгрію.

Передъ Асперискою битвой у самого Наполеона обнаруживались опасные симптомы чрезмѣрной самонадѣянности. Тѣ же самые симптомы проявлялись теперь также и у его солдатъ, вслѣдствіе чего главнокомандующему нельзя было уже полагаться на нихъ въ такой степени, какъ прежде. Между прочимъ, въ корпусѣ Бернадотта обнаружился за послѣднее время упадокъ дисциплины, доходившій почти до открытаго ослушанія. Являясь превосходно организованной военной машиной, великая армія дралась въ совокупности еще хорошо, но составлявшіе ее отдѣльные элементы утратили уже прежнюю свою суровую доблесть. Они считали теперь побѣду, грабежъ и кутежи чѣмъ-то вродѣ законнаго возна-

*) По французскимъ свѣдѣніямъ уронъ австрійцевъ простирался до 60.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 20.000 плѣнныхъ, кромѣ того, было взято у нихъ 10 знаменъ и 40 орудій.

гражденія за оппесенные ими труды. Въ виду общаго ослабленія дисциплины у нихъ начали проявляться симптомы, изъ которыхъ позволительно было заключить, что буйство, неповиновеніе и отсутствіе стойкой выдержки, замѣчавшейся во время кампаніи въ Польшѣ и Пруссіи, нисколько не ослабѣли и послѣ того.

Если бы императоръ Наполеонъ не обманывалъ себя самого, онъ понялъ бы, что страданія и лишенія, сопряженныя съ труднымъ и дальнимъ походомъ, сдѣлаютъ такихъ людей ненадежными въ часъ опасности. Впрочемъ, онъ и самъ значительно измѣнился. Генералъ Бонапартъ успокоился бы не иначе какъ разгромивъ въ конецъ своего врага, между тѣмъ какъ императоръ Наполеонъ счелъ умѣстнымъ вступить въ переговоры о мирѣ съ противникомъ, хотя и побѣжденнымъ, но еще не утратившимъ бодрости духа и способности къ сопротивленію. Если бы французскому императору приходилось вести войну исключительно только въ интересахъ самосохраненія, то противъ заключенія мира при такихъ условіяхъ нельзя было бы ничего возразить. Напротивъ того, съ точки зрѣнія завоевательной его политики оно представлялось нелогичнымъ. Кампанія, закончившаяся сраженіями подъ Аспернымъ и Ваграмомъ, фактически сводилась къ борьбѣ между двумя почти равносильными бойцами. Императоръ Францъ, котораго Наполеонъ разсчитывалъ окончательно раздавить, а потому всего лишь нѣсколько недѣль тому назадъ осыпалъ оскорбленіями самаго обиднаго свойства, являлся для французской имперіи очень опаснымъ врагомъ. Правда, онъ былъ побѣжденъ, но продолжать съ нимъ борьбу оказалось бы, пожалуй, не безопаснымъ для не вполнѣ еще окрѣпшей наполеоновской державы. Оробѣвшій завоеватель разсуждалъ, что для него выгоднѣй воспользоваться синицей, имѣвшейся уже въ рукахъ, чѣмъ рисковать всѣмъ въ попыткахъ завладѣть журавлемъ. Такимъ только образомъ и можно объяснить замѣчательное сальто-мортале въ наполеоновской дипломатіи, обнаружившееся нѣсколько недѣль спустя.

Борьба за сохраненіе власти.

Австрійскій бракъ.—Упроченіе наполеоновской имперіи.—Наслѣдіе и наслѣдникъ.—Всенародное вооруженіе.—Съѣздъ государей.—Вторженіе въ Россію.

Австрійскій бракъ.

Ваграмская побѣда могла бы остаться совершенно безплодной, если бы германскіе народы выказали такую же любовь къ самостоятельности и независимости, какая была обнаружена испанцами. Тирольцы, подъ начальствомъ популярнаго своего вождя Гофера, все еще продолжали кровопролитную, упорную борьбу съ французами. Въ сѣверной Германіи начали уже показываться вспыхивавшіе кое-гдѣ знаменательные огоньки партизанской войны, причемъ во главѣ партизанскихъ отрядовъ являлись такіе люди,

какъ Шилль, Дернбергъ, Каттъ и Брунсвикъ, предшественники Люцова. Эрцгерцогъ Фердинандъ, стоявшій уже въ Польшѣ, готовился вступить съ Востока въ Пруссію, чтобы поддержать тамъ народное возстаніе, какъ только оно возгорится. Англичане сформировали уже давно обѣщанный ими экспедиціонный корпусъ, долженствовавшій высадиться въ Голландіи, или Сѣверной Германіи. Тѣмъ временемъ, состояніе французской арміи и самого Наполеона существенно измѣнилось къ худшему. Студентъ одного изъ германскихъ университетовъ покушался убить французскаго императора ножемъ; хотя покушеніе это не удалось, но оно вызвало у Наполеона упадокъ духа, усилившійся еще болѣе вслѣдствіе того, что Наполеонъ былъ передъ тѣмъ раненъ подъ Регенсбургомъ,—упалъ съ лошади и сильно расшибся близъ Шенбрунна,—потерпѣлъ неудачу подъ Асперномъ и оказался въ необходимости рисковать жизнью, какъ простой солдатъ, чтобы подогрѣть мужество своихъ войскъ подъ Ваграмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился, что поддержка, оказанная ему Россіей противъ Австріи, не имѣла особенно серьезнаго характера. На Пиренейскомъ полуостровѣ дѣла принимали тоже неблагопріятный оборотъ, и Сульту пришлось отступить изъ Португаліи. Въ Германіи не нашлось, однако, компетентнаго вождя, который взялся бы объединить имѣвшіеся элементы народнаго возстанія противъ Наполеона. Гоферъ былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ; отряды германскихъ партизанъ разсѣялись; эрцгерцогъ Карлъ вмѣсто того, чтобы отступать далѣе къ сѣверу и вызвать въ Германіи вооруженное возстаніе, заключилъ 11-го іюля въ Цнаимѣ перемиріе. Давно обѣщанная Англіей экспедиція была послана противъ Антверпена и потерпѣла фіаско. Россія же, въ свою очередь, сочла умѣстнымъ вступить въ болѣе тѣсныя дружескія отношенія съ побѣдителемъ подъ Ваграмомъ. Благодаря этому, Наполеонъ имѣлъ возможность унизить Австрію. Этой гордой имперіи пришлось 14-го октября подписать въ Шенбруннѣ мирный договоръ, превратившій ее фактически въ второстепенную державу. Отрѣзанная вконецъ отъ Средиземнаго моря, она вынуждена была уплатить военную контрибуцію въ 35 милліоновъ франковъ,—уступить обширную территорію съ тремя милліонами жителей,—сократить свою армію до 150.000 человѣкъ и присоединиться къ французской континентальной системѣ.

Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ еще до ратификаціи мирнаго договора. Онъ до чрезвычайности спѣшилъ развестись съ Жозефиной и, заключивъ приличествовавшій его положенію брачный союзъ, основать новую династію. Совершенно безцѣльно было бы распространяться объ этомъ разводѣ, послѣдовательныя сцены котораго разыгрывались въ атмосферѣ театральнаго пафоса. Пасынокъ Наполеона, Евгеній, объявилъ своей матери рѣшеніе, принятое императоромъ, и 16-го декабря состоялся разводъ, обставленный такимъ образомъ, чтобы выдвинуть возможно полнѣе на видъ громадность жертвы, которую обѣ стороны приносили Франціи. Жозефина удалилась въ Мальмезонъ, гдѣ, по-

лучая ежегодную пенсію въ два милліона франковъ, жила до самой своей смерти очень прилично. Не было даже и рѣчи объ исходатайствованіи у папы разрѣшенія на этотъ разводъ, такъ какъ римскій первосвященникъ содержался тогда въ Савонѣ, подъ надзоромъ французскихъ властей. На заявленіе Наполеона объ упраздненіи свѣтской власти папъ онъ отвѣчалъ буллою, въ которой отлучилъ отъ церкви императора и всѣхъ его совѣтниковъ. Упорно отказывавшійся отречься отъ первосвященническаго сана, папа былъ арестованъ и препровожденъ въ Гренобль, но присутствіе тамъ подобнаго узника вызывало въ французскихъ народныхъ массахъ усиленіе католическаго религіознаго чувства, казавшееся при такихъ обстоятельствахъ Наполеону не безопаснымъ. Приказано было поэтому отправить папу обратно въ Италію, гдѣ онъ и содержался подъ строгимъ надзоромъ до 1812-го года, когда его привезли въ Фонтенебло и окружили тамъ царственной роскошью. За мѣсяцъ до окончательнаго развода, Наполеонъ формально обратился къ русскому государю и просилъ руки шестнадцатилѣтней августѣйшей его сестры. Императоръ Александръ чувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи. Сообразуясь съ русскими обычаями, онъ передалъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе вдовствующей императрицы-матери, которая и объявила великую княжну Анну Павловну слишкомъ молодой для супружества. Успѣшная война, закончившаяся униженіемъ Австріи, поставила Россію въ совершенно изолированное положеніе. Увеличеніе великаго герцогства Варшавскаго по Шенбруннскому трактату являлось какъ бы предвѣстникомъ возстановленія Польши. При такихъ обстоятельствахъ прямой категорическій отказъ Наполеону былъ бы равносиленъ окончательному разрыву франко-русскаго союза. Иными словами, Россіи пришлось бы тогда отказаться отъ Молдавіи и Валахіи, а также отъ всѣхъ видовъ на выгодный для нея раздѣлъ Турціи. Естественно, что императоръ Александръ старался выиграть время и далъ своему союзнику уклончивый отвѣтъ, который нельзя было истолковать ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ совѣтовалъ Наполеону нѣсколько обождать, но это не сообразовалось съ видами нетерпѣливаго французскаго монарха, который объявилъ своимъ приближеннымъ: „Отсрочка равносильна отказу!“ Наполеонъ казался очень огорченнымъ. Онъ сдѣлался задумчивымъ, разсѣяннымъ и, по словамъ Камбасереса, шествовалъ, окруженный славою, но въ одиночествѣ, зная, что враги совѣщаются уже другъ съ другомъ о томъ, какъ подѣлить послѣ его смерти французскую имперію. Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ и въ самой Франціи далеко не благоденствовалъ. Континентальная система производила жестокій подрывъ торговлѣ. Набожные католики роптали на неуважительное обращеніе съ папой. Какъ прежняя, такъ и новая аристократія становилась все надменнѣе и лишь нехотя выказывала внѣшнее уваженіе къ выскочкѣ, сидѣвшему на престолѣ. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ пришелъ къ заключенію, что для упроченія власти необходимо сдѣлать рѣшительный шагъ, и приготовился къ этому шагу.

Утративъ значительную часть лучшихъ своихъ владѣній, лишенная приморскихъ портовъ и низведенная на степень зависимой державы, Австрія сохранила отъ прежней своей славы единственно только репутацію незапятнаннаго благородства царственной Габсбургской династіи. Впрочемъ, даже и владычеству этой династіи угрожала, повидимому, серьезная опасность, какъ это выяс-

Жозефина въ Мальмезонѣ.
(Съ картины Реалье-Дюма).

нялось изъ заявленій Наполеона о характерѣ императора Франца, особенно же, при сопоставленіи этихъ заявленій съ участью испанскихъ Бурбоновъ. Во время переговоровъ въ Шенбруннѣ Наполеонъ пользовался услугами нѣкоего Александра де-Лаборда, одного изъ профессіональныхъ дипломатовъ, отдававшихъ себя въ распоряженіе каждаго, кто соглашался платить имъ хорошія деньги. Въ интересахъ австрійской имперіи Лабордъ указалъ

князю Меттерниху на умѣстность заключить брачный союзъ между Габсбургами и однимъ изъ членовъ семейства Бонапартовъ, причемъ лучше всего было бы, разумѣется, породниться съ самимъ Наполеономъ, выдавъ за него, если возможно, эрцгерцогиню Марію-Луизу. Австрійскій первый министръ намоталъ это, какъ говорится, себѣ на усъ и, по возвращеніи Лаборда въ Парижъ, воспользовался съ должной осторожностью его совѣтомъ, вѣроятно, черезъ посредство австрійскаго посла князя Шварценберга, который вскользь намекнулъ Наполеону на возможность отыскать въ Австріи подходящую невѣсту для такого жениха, какъ французскій императоръ. До паденія Наполеона, Меттернихъ приписывалъ себѣ иниціативу этого брачнаго союза, но послѣ того началъ утверждать, будто первый починъ исходилъ изъ Парижа. Въ сущности безразлично, кто изъ двухъ: Францъ I, или же Наполеонъ I, началъ хлопотать о заключеніи упомянутаго брака, такъ какъ вскорѣ выяснилось, что они оба находили его въ одинаковой степени желательнымъ. Узнавъ, что рукою русской великой княжны располагаетъ враждебно настроенная къ Бонапартамъ вдовствующая императрица, императоръ Наполеонъ отвѣтилъ русскому государю холоднымъ письмомъ и рѣшился жениться на австрійской эрцгерцогинѣ.

Дабы представить разводъ въ видѣ печальной, но неизбѣжной необходимости, формальные переговоры о выдачѣ Маріи-Луизы замужъ за императора Наполеона были начаты Жозефиной, совмѣстно съ ея дѣтьми: Евгеніемъ и Гортензіей. Имъ помогали австрійскій посолъ и г-жа фонъ-Меттернихъ, находившаяся еще въ Парижѣ, хотя ея супругъ вернулся въ Вѣну и занялъ тамъ мѣсто графа Стадіона. Другимъ шагомъ, направленнымъ къ той же цѣли, являлось внесеніе въ собранный на чрезвычайное засѣданіе государственный французскій совѣтъ двухъ проектовъ брачнаго союза: съ австрійскимъ и русскимъ царствующими домами. Мюратъ, Камбасересъ и, вѣроятно, Фуше высказались въ пользу женитьбы Наполеона на русской великой княжнѣ. Говорятъ, будто Фуше объяснилъ при этомъ, что въ Европѣ существовали тогда двѣ партіи: выигравшихъ и проигравшихъ вслѣдствіе французской революціи. Россія принадлежала къ первой изъ этихъ двухъ партій, а потому являлась единственной надежной союзницей Франціи. Полагаютъ, что, говоря такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ виду вернуть себѣ расположеніе Наполеона, временно утраченное вслѣдствіе безтактности, обнаруженной въ Нидерландахъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ переговоры съ англичанами. Большинство совѣта подчинялось, однако, вліянію Маре, считавшаго особенно желательнымъ умиротворить Австрію, которая до тѣхъ поръ служила центральнымъ ядромъ каждой коалиціи противъ Франціи. Талейранъ произнесъ длинную, неопредѣленную рѣчь, въ которой, склонялся, повидимому, тоже на сторону Маре. Существуютъ, однако, вѣсскія указанія на то, что Наполеонъ, до послѣдней минуты, еще помышлялъ о бракѣ съ русской великой княжной. Какъ бы ни было, государственный совѣтъ, въ концѣ концовъ, высказался

въ пользу женитьбы французскаго императора на австрійской эрцгерцогинѣ. Рѣшеніе это было одобрено семейнымъ совѣтомъ, и Бертье, недавно пожалованный титуломъ князя Ваграмскаго, получилъ приказаніе ѣхать въ Вѣну въ качествѣ чрезвычайнаго посла, дабы служить замѣстителемъ Наполеона при бракосочетаніи съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой, которое и состоялось въ Вѣнѣ 11-го марта 1810-го года. Австрійцы видѣли въ этомъ брачномъ союзѣ залогъ безопасности для своей родины и надѣялись, что она въ непродолжительномъ времени вернетъ себѣ прежнее могущество, а потому радовались совершенно искренно. Въ Россіи консервативная партія надѣялась, что узы, соединявшія Россію съ ненавистной наполеоновской континентальной системой, окажутся безповоротно порванными. Императоръ Александръ какъ нельзя лучше понималъ, что бракъ Наполеона съ австрійской эрцгерцогиней наноситъ смертельный ударъ завѣтнымъ видамъ русской политики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ искренно сожалѣлъ о неизбѣжно предстоявшемъ охлажденіи личной своей дружбы съ Наполеономъ. Коленкуръ пытался увѣрить государя, будто причиной рѣшенія, принятаго французскимъ императоромъ, являлось главнымъ образомъ различіе въ вѣроисповѣданіяхъ. Александръ I отвѣчалъ на это, что признаетъ упомянутое рѣшеніе совершенно правильнымъ, такъ какъ Франція нуждается въ прямомъ и безспорномъ наслѣдникѣ императорскаго своего престола. Тѣмъ не менѣе французскій посолъ замѣтилъ, что выраженіе лица у русскаго императора было сумрачное. Онъ, очевидно, предчувствовалъ, что процессъ разрушенія тильзитскаго союза вступилъ уже во вторую свою стадію.

Въ Вѣнѣ происходили тѣмъ временемъ въ высшей степени блестящія торжества. Контрактъ гражданскаго брака былъ подписанъ 10-го, а религіозный обрядъ исполненъ, какъ было заранѣе рѣшено, 11-го марта. На послѣдовавшемъ затѣмъ банкетѣ Бертье былъ освобожденъ отъ выполненія формальностей этикета, обязательныхъ при австрійскомъ императорскомъ дворѣ для простого смертнаго, хотя бы даже съ княжескимъ титуломъ. Три дня спустя, эрцгерцогъ Карлъ усадилъ молодую французскую императрицу въ дорожную ея карету, которая и тронулась въ путь при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, съ трудомъ лишь заглушавшихъ восторженныя прощальныя привѣтствія искренно радовавшагося народа. Путешествіе Маріи-Луизы черезъ Баварію и Виртембергъ представлялось одною нескончаемой овацією, такъ какъ населеніе этихъ странъ считало свое благосостояніе связаннымъ съ благоденствіемъ Франціи. 26-го марта кортежъ императрицы, проѣхавъ черезъ Страсбургъ, находился уже на пути къ Суассону.

Послѣ развода своего съ Жозефиной, Наполеонъ удалился въ Тріанонскій дворецъ въ Версали, какъ бы для того, чтобъ провести тамъ приличнымъ образомъ въ одиночествѣ первое время добровольнаго своего вдовства. Выбранная имъ резиденція была, какъ извѣстно, любимымъ мѣстопребываніемъ австрійской эрцгерцогини Маріи-Антуанетты, вышедшей замужъ за французскаго короля

Людовика XVI. Возможно поэтому, что Наполеонъ имѣлъ въ виду доставить такимъ выборомъ удовольствіе своей невѣстѣ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ. Въ теченіе цѣлой недѣли онъ старался развлекаться царственной, но непривычной для себя забавой, а именно императорскою охотой, и однажды посѣтилъ въ Мальмезонѣ разведенную свою супругу. Слѣдующіе затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ опять таки въ Парижѣ, руководя переговорами о брачномъ союзѣ и устанавливая всѣ подробности этикета въ многосложномъ придуманномъ имъ церемоніалѣ торжества своего бракосочетанія во Франціи. Уладивъ все къ собственному удовольствію, онъ выѣхалъ въ Компіенъ, чтобъ руководить приготовленіями къ встрѣчѣ будущей своей супруги и провелъ послѣднюю недѣлю, ожидая ее тамъ. Часть этого времени Наполеонъ употреблялъ на довершеніе свѣтскаго своего образованія и, между прочимъ, старательно учился вальсировать. Ежедневно онъ посылалъ молодой императрицѣ письмо съ живыми цвѣтами и ежедневно же получалъ отъ нея отвѣтъ на безукоризненномъ французскомъ языкѣ.

Когда молодая императрица прибыла на послѣднюю станцію, августѣйшій женихъ выѣхалъ ей на встрѣчу. На половинѣ дороги между Суассономъ и Компіеномъ были раскинуты три великолѣпныхъ шатра. Оба крайнихъ предназначались: одинъ — для свиты императрицы, а другой—для свиты императора, въ среднемъ же должны были встрѣтиться другъ съ другомъ августѣйшіе новобрачные. Сообразуясь съ древними традиціями феодализма, молодая императрица должна была преклонить колѣни передъ императоромъ въ знакъ того, что признаетъ себя первою его подданной. Извѣщенный о томъ, что императрица вскорѣ прибудетъ уже въ Суассонъ, августѣйшій ея женихъ пришелъ въ такое нетерпѣніе, что измѣнилъ тщательно выработанный имъ церемоніалъ встрѣчи. Сѣвъ въ карету, въ сопровожденіи всего только одного неаполитанскаго короля Мюрата, онъ проѣхалъ далеко за Суассонъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился, наконецъ, съ экипажами молодой императрицы. Тогда, выскочивъ изъ своей кареты, онъ проворно растворилъ дверцы ея экипажа и бросился туда съ поспѣшностью влюбленнаго юноши обнимать и цѣловать свою невѣсту. Предшествовавшія распоряженія относительно церемоніала встрѣчи были отмѣнены, и въ тотъ же вечеръ къ десяти часамъ свадебный поѣздъ прибылъ въ Компіенъ. Пламенная страстная натура Наполеона заставила его также и тамъ забыть всѣ требованія не только придворнаго этикета, но и общепринятыхъ приличій. Ссылаясь на то, что онъ чрезъ посредство Бертье обвѣнчанъ уже съ Маріей-Луизой, онъ остался почевать подъ одною съ нею кровлей, вмѣсто того, чтобъ занять приготовленную для него комнату въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ. Чтобъ извинить чрезмѣрную поспѣшность своего образа дѣйствій, Наполеонъ сослался на прецедентъ Генриха IV. На слѣдующій день были представлены императрицѣ дамы и кавалеры ея двора, которые и принесли ей установленную присягу. Утромъ новобрачная чета прибыла въ Сенъ-Клу, а два дня спустя, т. е. 1-го апрѣля, совершено было

гражданское бракосочетаніе въ присутствіи всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ, въ томъ числѣ и всѣхъ кардиналовъ, за исключеніемъ двухъ. Необходимо замѣтить, что вся коллегія кардиналовъ, кромѣ нѣсколькихъ стариковъ, сославшихся на преклонныя свои лѣта и болѣзненное состояніе, была, вскорѣ послѣ арестованія папы, перевезена изъ Рима въ Парижъ. Вечеромъ данъ былъ великолѣпный балъ съ роскошной иллюминаціей дворца и фонтановъ и съ аккомпаниментомъ пушечной пальбы. По народнымъ примѣтамъ 1-е апрѣля признавалось не особенно благопріятнымъ для бракосочетанія. Погода стояла тоже плохая, но парижское населеніе, несмотря на проливной дождь, валило густыми толпами въ Сенъ-Клу въ ожиданіи еще болѣе великолѣпныхъ зрѣлищъ, которыми ему вскорѣ предстояло насладиться. На слѣдующій же день состоялся торжественный въѣздъ новобрачной императорской четы въ столицу. Церковный обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ въ большой галлереѣ Луврскаго дворца въ присутствіи самаго блестящаго собранія, когда-либо виданнаго во Франціи, какъ заявлялось въ тогдашнихъ газетахъ. При этомъ случилась, однако, маленькая непріятность, а именно всѣ двадцать семь кардиналовъ блистали своимъ отсутствіемъ. Они увѣряли, будто оно съ ихъ стороны являлось только простою формальностью, обусловленной тѣмъ, что Пій VII не санкціонировалъ еще развода Наполеона съ Жозефиной, но французскій императоръ сознавалъ значеніе формальностей настолько же хорошо, какъ и любой изъ римскихъ прелатовъ. Всѣ двадцать семь кардиналовъ были изгнаны изъ Парижа и лишены не только громадныхъ своихъ доходовъ, но также права носить красное кардинальское облаченіе. Въ народѣ ихъ прозвали послѣ того черными кардиналами.

Парижане и весь французскій народъ, въ первомъ порывѣ вѣрноподданнической преданности, положительно не знали, какъ и чѣмъ выказать въ достаточной степени свою радость. Парижъ и всѣ вообще французскіе города и мѣстечки были великолѣпно иллюминованы. На улицахъ толпился народъ, опьяненный восторгомъ. Императрицѣ были поднесены роскошные подарки.

Съ извѣстной точки зрѣнія надлежало признать Марію-Луизу красавицей. Длинные роскошные свѣтлорусые волосы смягчали у нея слишкомъ яркій румянецъ щекъ. Добродушные голубые глазки озаряли хорошенькое, полненькое, но не вполнѣ опредѣлившееся личико, общее выраженіе котораго дышало искренностью и прямотой, но губы у нея были слишкомъ уже полны, талія слишкомъ длинна и недостаточно эластична. Вообще всѣ формы молодой императрицы напоминали еще неуклюжаго подростка и совершенно гармонировали съ чрезвычайной ея робостью и застѣнчивостью. Марія-Луиза была очень набожна и, какъ это явствуетъ изъ ея писемъ, потратила въ предшествовавшую зиму много времени на молитвы о томъ, чтобъ Провидѣніе соблаговолило избрать Наполеону другую супругу. Тѣмъ не менѣе, разъ что эти молитвы не были услышаны, она подчинилась своей участи съ

фаталистической покорностью католички, тѣмъ болѣе, что была воспитана въ повиновеніи родителямъ, которое требовалось тогда въ Германіи отъ всѣхъ дѣвушекъ, какое бы высокое общественное положеніе онѣ ни занимали. На банкетѣ, происходившемъ въ Луврѣ, австрійскій посолъ, приписывавшій себѣ починъ этого брачнаго союза и съ гордостью принимавшій поздравленія, которыми его осыпали, налилъ полный бокалъ вина и, подойдя къ окну, объявилъ толпѣ, заполнявшей всю площадь передъ дворцомъ, что пьетъ этотъ бокалъ за здравіе будущаго римскаго короля. Титулъ этотъ предназначался въ священной римской имперіи наслѣднику престола. Австрійскій монархъ, посломъ котораго былъ князь Шварценбергъ, недавно только отрекся отъ титула римскаго императора, считавшагося самымъ почетнымъ изъ многочисленныхъ его титуловъ. Толпѣ было извѣстно, однако, что тостъ этотъ предназначался въ честь будущаго наслѣдника Наполеона. Она сразу поняла все значеніе такого поступка со стороны посла и разразилась громкими привѣтственными криками при этомъ новомъ доказательствѣ австрійской дружбы.

Упроченіе Наполеоновской имперіи.

Для упроченія Наполеоновской имперіи было сдѣлано уже многое. Папская область была раздѣлена на два французскихъ департамента. Риму надлежало стать второй столицей новой династіи. Папѣ, долженствовавшему пользоваться ежегоднымъ доходомъ въ четыре милліона франковъ, разрѣшалось проживать попеременно въ принадлежавшихъ ему дворцахъ разныхъ городовъ, съ условіемъ, чтобы онъ и его преемники дали клятву никогда не противиться постановленіямъ галиканской церкви. Первоначально Пій VII утвердилъ было епископовъ, назначенныхъ императоромъ Наполеономъ, но послѣ того, какъ его лишили свободы, онъ наотрѣзъ отказалъ имъ въ инвеститурѣ. При такихъ обстоятельствахъ назначенные Наполеономъ епископы управляли своими епархіями въ качествѣ викаріевъ. Для большаго подчиненія римской церкви своей власти Наполеонъ распорядился перевести высшіе церковные суды изъ Рима въ Парижъ,—сократилъ число епархій въ римской области съ тридцати до четырехъ и закрылъ тамъ всѣ монастыри. Повсемѣстно въ Италіи: въ Піемонтѣ, Лигуріи, Тосканѣ, Пармѣ и Піаченцѣ,—сдѣланы были подобныя же измѣненія, несомнѣнно имѣвшія характеръ весьма полезныхъ реформъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ громадныя суммы, вырученныя за конфискованныя церковныя имѣнія, оказали существенную поддержку государственнымъ финансамъ Франціи. Тѣмъ не менѣе умѣстность подобнаго образа дѣйствій представлялась довольно сомнительной, въ виду того обстоятельства, что благочестивые католики, въ самой Франціи и за-границей, были глубоко оскорблены мѣропріятіями, лишавшими папскую власть всякаго значенія.

Пораженіе подъ Трафальгаромъ наглядымъ образомъ выяснило, что Франція не можетъ обезпечить себѣ силою оружія пре-

Наполеонъ учится вальспровать.
(Рисунокъ Люція Росси).

обладанія на морѣ. Воюя въ Испаніи и въ Средней Европѣ, Наполеонъ пытался раззорить Англію своими постановленіями о блокадѣ ея портовъ и наложеніемъ амбарго на англійскіе суда и товары. Онъ захватывалъ всѣ нейтральныя суда, нагруженныя

британскими товарами, и старался вредить англійской торговлѣ съ помощью многочисленныхъ своихъ крейсеровъ и каперовъ. Онъ завоевалъ прибрежья Средиземнаго моря, Атлантическаго океана, Сѣвернаго и Балтійскаго морей, а между тѣмъ заграничная англійская торговля послѣ 1805-го года не только не сокращалась, а, напротивъ того, все болѣе возрастала. Контрабандисты и многочисленные искатели приключеній, прикрывавшіеся нейтральнымъ флагомъ, смѣялись надъ указами Наполеона и находили себѣ друзей во всѣхъ портахъ, преимущественно же въ Голландіи и въ ганзейскихъ городахъ. Наполеона все это приводило въ величайшее негодованіе, такъ какъ онъ понималъ, что въ данномъ случаѣ идетъ борьба на жизнь и на смерть между британскими королевскими и французскими императорскими указами. Весьма вѣроятно, что онъ не выступилъ въ поле противъ Веллингтона именно вслѣдствіе желанія прежде всего привести въ должный порядокъ континентальную свою систему. «Испанскій вередъ» былъ, разумѣется, неудобнымъ и мучительнымъ, но утрата силъ вслѣдствіе контрабанды, дѣятельно производившейся черезъ Амстердамъ и Гамбургъ, казалась въ данный моментъ еще худшимъ зломъ. Сто тысячъ лучшихъ войскъ, въ томъ числѣ также императорская гвардія, направлены были въ Испанію, но главныя силы предназначались для дѣйствій на Сѣверѣ. Даву получилъ предписаніе занять французскими гарнизонами всѣ прибрежныя крѣпости къ западу отъ Данцига, а Удино долженъ былъ принудить голландцевъ къ точному выполненію наполеоновскихъ указовъ. Земли, пріобрѣтенныя отъ Австріи, были раздѣлены между союзниками Франціи: Баваріей, Италіей, Вюртембергомъ и Баденомъ. Дальбергъ получилъ Регенсбургъ, Евгеній—Франкфуртъ, а Жеромъ—Ганноверъ и Магдебургъ. Всѣмъ имъ пришлось заплатить порядочныя деньги за эти пріобрѣтенія. Южная Германія была постепенно очищена отъ французскихъ войскъ, но взамѣнъ того, значительное число ветерановъ было двинуто въ Германіи къ морскому прибрежью. Этому прибрежью, равно какъ важному по своему стратегическому положенію Валлійскому кантону въ Швейцаріи, предстояло, по разсчетамъ Наполеона, присоединеніе къ Франціи. Императоръ хотѣлъ придать торговой своей войнѣ съ Англіей еще болѣе серьезный и безпощадный характеръ. Плодородная почва южной Европы доставляла мѣстному населенію возможность найти въ ея произведеніяхъ суррогаты хлопка, кофе, индиго и сахара, привозившихся передъ тѣмъ изъ колоній, но суровый Сѣверъ оказывался менѣе производительнымъ, а сыны его—менѣе терпѣливыми и не столь находчивыми. Луи, Жеромъ и Мюратъ сочувствовали своимъ подданымъ и смотрѣли сквозь пальцы на невыполненіе наполеоновскихъ указовъ. Имъ предстояло поплатиться за это утратой своихъ владѣній, полностью, или, по крайней мѣрѣ, отчасти. Замѣчательно, что самыми крупными контрабандистами являлись въ дѣйствительности французское и англійское правительства. Нужды французской промышленности были до такой степени велики, что Наполеонъ увидѣлъ себя въ необходимости

выдавать за большія деньги разрѣшеніе на вызозъ морскимъ путемъ французскихъ товаровъ, накопившихся въ чрезмѣрномъ изобиліи, а также—на ввозъ красильныхъ веществъ и ворвани, въ которыхъ обнаруживалась большая потребность для національныхъ французскихъ производствъ. Англійское правительство, въ свою очередь, продавало разрѣшенія, обезпечивавшія покупателей отъ обыска, если только ихъ товары шли въ англійскіе порты, или же отправлялись оттуда. Подобныя разрѣшенія продавались владѣльцамъ судовъ нейтральныхъ, или выдававшихъ себя за нейтральныя. При такихъ обстоятельствахъ вошло въ обычай снабжать торговыя суда фальшивыми документами, что, безъ сомнѣнія, содѣйствовало порчѣ общественной нравственности. Торговля, производившаяся съ помощью подобныхъ уловокъ, приносила громадные барыши. Многіе купцы, отличавшіеся до тѣхъ поръ и послѣ того своей добросовѣстностью (въ числѣ ихъ были также и американцы), вступали въ компромиссъ съ совѣстью. Слѣдуя поговоркѣ: „съ волками жить—по волчьи выть“, они снабжали свои суда, вмѣстѣ съ другими необходимыми морскими принадлежностями, также и фальшивыми документами. Это продолжалось и послѣ того, какъ Наполеонъ обратилъ все свое вниманіе на болѣе строгое наблюденіе за приморскими портами и охрану прибрежья Сѣвернаго и Балтійскаго морей. По договору, заключенному 17-го сентября 1809-го года между Россіей и Швеціей, эта послѣдняя держава не только уступила Россіи Финляндію, но обѣщала также закрыть свои порта всѣмъ англійскимъ судамъ, за исключеніемъ прибывающихъ съ грузомъ соли и колоніальныхъ товаровъ. Въ 1810-мъ году Швеція обѣщала Наполеону ничего не ввозить, кромѣ соли, а онъ обѣщалъ вернуть ей за это Померанію. Такимъ нелѣпымъ образомъ велась борьба между двумя державами, изъ которыхъ одна казалась неуязвимой на сушѣ, а другая на морѣ.

Благодаря женитьбѣ Наполеона на эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ, Австрія, повидимому, искренно примкнула къ его континентальной системѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ полной готовности начать новую кампанію и возобновить съ большей чѣмъ когда-либо энергіей торговую войну, послужившую одной изъ главныхъ причинъ къ его низверженію. Двумя другими могущественными элементами, содѣйствовавшими его паденію, являлись, какъ извѣстно, пробужденіе національнаго сознанія у покоренныхъ имъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣна людей, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Въ то время, однако, звѣзда Наполеона только что приближалась еще къ своему зениту. Въ концѣ апрѣля мѣсяца императоръ отправился вмѣстѣ съ молодой супругой на голландскую границу, дабы уяснить себѣ путемъ личныхъ наблюденій, въ какой степени почти открытое нарушеніе Голландіей настоятельныхъ его указовъ могло оправдать въ данную минуту упраздненіе ея автономіи и окончательное низверженіе существовавшаго королевскаго правительства. Номинально путешествіе это было предпринято, чтобы доставить удовольствіе молодой императрицѣ и дать возможность вѣрноподданному насе-

ленію Бельгіи и Брабанта лицезрѣть ея прелести. Эта цѣль выставлялась на видъ во всѣхъ оффиціальныхъ распоряженіяхъ, относившихся до путешествія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти въ каждомъ изъ посѣщенныхъ августѣйшей четою городовъ первые лучи восходящаго солнца видѣли императора уже верхомъ на конѣ. Онъ тщательно осматривалъ всюду войска, корабли, укрѣпленія и арсеналы. Послѣ солнечнаго заката Наполеонъ, повидимому, нечувствовавшій усталости, продолжалъ еще бесѣдовать съ мѣстными властями, входя во всѣ подробности администраціи и отдавая всюду распоряженія, свидѣтельствовавшія, что необычайныя государственныя его способности сохранились во всей силѣ и блескѣ. По наружности путешествіе это закончилось такъ же благополучно, какъ и началось. Милости разсыпались всюду щедрою рукою. Народъ, въ свою очередь, обнаруживалъ самый необузданный восторгъ каждый разъ, когда показывалась императрица, старавшаяся, впрочемъ, несмотря на свою вѣжливость, держаться подальше отъ народныхъ массъ. Не случилось, повидимому, ничего такого, что могло бы испортить расположеніе духа императору, возвращавшемуся въ Парижъ. Въ дѣйствительности, однако, это настроеніе духа не поддается описанію, до такой степени Наполеонъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и взбѣшеннымъ случайнымъ выясненіемъ измѣны родного его брата Луи. Разоблаченіе сдѣлано было въ данномъ случаѣ неумышленно самимъ Луи наканунѣ прощанія своего съ императорской четой. Для объясненія этого инцидента необходимо припять во вниманіе нѣкоторые предшествовавшіе факты.

Съ ранней уже молодости Луи обнаруживалъ качества, благодаря которымъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе Наполеона. Школа бѣдности, въ которой старшему брату приходилось воспитывать и обучать младшаго, была вмѣстѣ съ тѣмъ для обоихъ братьевъ также и школой взаимной привязанности. Въ продолженіи итальянской и египетской кампаній младшій братъ состоялъ адъютантомъ у старшаго. Ставъ первымъ консуломъ, Наполеонъ прежде всего озаботился о томъ, чтобъ выдать красавицу Гортензію Богарне за своего любимаго брата. Въ 1804 году Луи былъ произведенъ въ генералы и назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а въ 1806 году возведенъ на голландскій престолъ. Наполеонъ любилъ его сына, какъ родного своего ребенка, и предполагалъ, что онъ будетъ наслѣдовать императорскій престолъ, но, какъ извѣстно, малютка этотъ скончался еще въ раннемъ дѣтствѣ. Раздавая престолы своимъ родственникамъ, Наполеонъ разсчитывалъ, что они останутся въ положеніи вассаловъ, послушныхъ императорской его волѣ. Въ дѣйствительности, однако, даже голландскій король, подобно остальнымъ членамъ семьи Бонапартовъ, возведеннымъ въ королевское достоинство, считалъ высокое свое положеніе принадлежащимъ ему по праву, а потому управлялъ своею страною, если не въ личныхъ своихъ интересахъ, то, во всякомъ случаѣ, и не въ интересахъ наполеоновской имперіи. Онъ съ самаго начала уже наполнялъ свои письма горькими жалобами на все, чѣмъ его

надѣлилъ Наполеонъ, въ томъ числѣ также и на жену. Наполеонъ неоднократно обращался къ своему брату съ выговорами и угрозами, но они не приводили къ ожидаемому результату. Луи продолжалъ по прежнему принимать гораздо ближе къ сердцу интересы своихъ подданныхъ и собственной власти, чѣмъ интересы имперіи своего брата.

Дѣло дошло подъ конецъ до того, что императоръ рѣшился перевести непокорнаго голландскаго короля куда-нибудь въ другое мѣсто. Въ письмахъ къ Луи онъ намекалъ, что воздухъ въ Голландіи не годился для тогдашняго ея монарха и что, безъ сомнѣнія, придется присоединить эту страну къ Франціи. Въ мартѣ 1808 года онъ прямо предложилъ Луи обмѣнять голландскую корону на испанскую. Нѣсколько позднѣе предложена была голландскому королю другая сдѣлка, сводившаяся къ обмѣну Брабанта и Зеландіи на Ганзейскіе города. Припоминая себѣ, кто именно были монархи, дѣлавшіе такія предложенія и отказывавшіеся отъ нихъ, мы не можемъ допустить даже и на минуту, чтобы отказъ со стороны Луи обусловливался чувствомъ патріотизма и честнаго стремленія исполнить королевскій свой долгъ. Все въ данномъ случаѣ сводилось къ назойливой строптивости и нежеланію подчиняться старшему брату. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ глядѣлъ именно такимъ образомъ на эти отказы, а потому пришелъ въ величайшее раздраженіе. Послѣ того, какъ англійская экспедиція на островѣ Вальхернъ потерпѣла фіаско, французскія войска остались въ Брабантѣ и Зеландіи, а самого Луи императоръ вызвалъ въ Парижъ. Въ первый моментъ въ головѣ Луи мелькнула отчаянная мысль о сопротивленіи, но, одумавшись, онъ все-таки же повиновался. Тотчасъ же по пріѣздѣ во французскую столицу онъ узналъ, что участь его королевства рѣшена. Наполеонъ объявилъ законодательному корпусу о настоятельной необходимости радикально измѣнить отношенія между Голландіей и Франціей. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, объяснилъ, что самая почва Голландіи образовалась изъ наноса трехъ французскихъ рѣкъ: Рейна, Мааса и Шельды, а потому предназначалась самою природой составлять нераздѣльную часть Франціи. Луи пытался бѣжать изъ Парижа въ свое королевство, но это ему не удалось. Онъ послалъ тогда, съ графомъ Виландтомъ, приказанія не впускать французскія войска въ голландскую столицу и пограничныя крѣпости. Приказъ этотъ былъ полученъ и соотвѣтственныя распоряженія сдѣланы, но самъ король не замедлилъ убѣдиться въ безцѣльности сопротивленія. Онъ вынужденъ былъ подписать договоръ, которымъ обязывался, между прочимъ, открыть французскимъ войскамъ свои крѣпости, наложить амбарго на всѣ нейтральныя и притворяющіяся таковыми суда въ голландскихъ портахъ, въ томъ числѣ также и на суда подъ американскимъ флагомъ. Онъ остался королемъ лишь по имени и получилъ тогда, въ началѣ апрѣля 1810 года, разрѣшеніе вернуться въ Амстердамъ.

Послѣдующій образъ дѣйствій Наполеона обусловливался какъ будто внезапною перемѣной въ его воззрѣніяхъ. На самомъ дѣлѣ,

однако, французскій императоръ руководился давнишней живучей надеждой побудить Англію къ заключенію съ нимъ мира. Собираясь присоединить Голландію, онъ вспомнилъ, что этотъ шагъ будетъ въ высшей степени нежелательнымъ для Англіи и предположилъ, что она согласится, наконецъ, на заключеніе прочнаго мира, если онъ обѣщаетъ отказаться отъ своихъ намѣреній относительно Голландіи. Въ виду этихъ соображеній онъ приказалъ своему брату вступить съ Англіей въ переговоры. Луи поручено было поставить на видъ сентъ-джемскому кабинету, что голландское королевство можетъ окончательно погибнуть, если британское правительство не согласится покончить войну свою съ Франціей прочнымъ миромъ. Распоряженіе Наполеона было выполнено и хотя дипломатическій агентъ голландскаго короля, Лабушеръ, не имѣлъ надлежащихъ полномочій для серьезныхъ переговоровъ о мирѣ, начало къ такимъ переговорамъ было во всякомъ случаѣ положено. Какъ разъ въ это время вмѣшался въ дѣло Фуше, не въ мѣру услужливый Мефистофель первой имперіи. Онъ прислалъ своего агента въ Лондонъ, предлагая сентъджемскому кабинету миръ на условіи возстановленія испанскихъ Бурбоновъ и вознагражденія Людовика XVIII на счетъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Предполагалось отнять у нихъ часть территоріи и образовать изъ нея самостоятельное королевство.

Агентъ Фуше прибылъ въ англійскую столицу нѣсколько ранѣе Лабушера, но сентъ-джемскій кабинетъ категорически отказался имѣть съ нимъ какое-либо дѣло. Съ Лабушеромъ обошлись вѣжливѣе, но подъ конецъ ему тоже заявили, что мирные переговоры могли бы привести къ серьезному результату лишь въ томъ случаѣ, еслибъ починъ ихъ исходилъ не отъ голландскаго короля, а отъ самого французскаго императора. Неудачная вальхериская экспедиція вызвала въ Англіи величайшее неудовольствіе. Министерство Каннинга вышло въ отставку, а преемникъ его лордъ Веллеслей былъ представителемъ могущественной партіи, стоявшей за продолженіе войны во что бы ни стало. Къ тому же Наполеонъ, не настаивая на немедленномъ заключеніи мира, прислалъ дипломатическую ноту, въ которой изъявлялъ готовность очистить Голландію и ганзейскіе города, если англійское правительство въ свою очередь отмѣнитъ свои указы 1807 года, стѣснявшіе торговлю нейтральныхъ державъ. Императорская нота, которую, очевидно, можно было бы истолковать въ смыслѣ подготовительнаго шага къ заключенію мира, заканчивались характерною угрозой: „Если Англія не согласится немедленно на предлагаемый ей компромиссъ, то она, утративъ уже свою торговлю съ Неаполемъ, Испаніей, Португаліей и Тріестскимъ портомъ, будетъ лишена также торговли съ Голландіей, ганзейскими городами и Сициліей“.

Не смущаясь первою неудачей, Фуше, съ обычной своей дерзостью, сдѣлалъ новую попытку вступить съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ въ переговоры о заключеніи мира между Англіей и

Франціей. На этоть разъ онъ избралъ своимъ орудіемъ Уврара, состоявшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Лабушеромъ. Беззастѣнчивый интриганъ очень ловко принялся за дѣло чрезъ посредство своего пріятеля, который въ простотѣ души полагалъ, будто Увраръ является представителемъ воззрѣній самого Наполеона. Понятно, что возобновившіеся при такихъ условіяхъ переговоры можно было вести безъ всякихъ стѣсненій. Все положеніе на материкѣ Европы фактически признавалось подлежащимъ, вслучаѣ надобности, измѣненію. Излюбленный проектъ Фуше объ американскомъ королевствѣ для Людовика XVIII былъ дополненъ намекомъ на возможность осуществленія таковаго при помощи союзной англо-французской экспедиціи. По возвращеніи Лабушера въ Голландію, значительную часть этихъ переговоровъ пришлось вести письменно. Наполеонъ, узнавъ во время поѣздки своей по Бельгіи о томъ, что Увраръ принималъ какое-то участіе въ переговорахъ, немедленно заподозрилъ обманъ и потребовалъ себѣ представленія дипломатической переписки. Самый фактъ существованія этой переписки до крайности разгнѣвалъ Наполеона. Не подлежить сомнѣнію, что подобные письменные документы страшно компрометтировали его политику. Уваръ впослѣдствіи утверждалъ, будто лично сообщалъ императору о ходѣ переговоровъ, въ которыхъ служилъ посредникомъ, но на самомъ дѣлѣ у него не было никакихъ доказательствъ справедливости столь неправдоподобнаго заявленія. Правда, что около этого времени, по распоряженію французскаго правительства, наложено было амбарго на сто тридцать американскихъ судовъ, находившихся въ континентальныхъ европейскихъ портахъ, но, несмотря на противузаконность этой мѣры, она не можетъ служить доказательствомъ того, чтобъ Наполеонъ дѣйствительно намѣревался выкроить изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ королевство Людовику XVIII.

Законъ о наложеніи амбарго, постановленный въ 1807 году американскимъ конгрессомъ, вполнѣ согласовался съ видами Наполеона. Это доказывается, между прочимъ, байонскимъ декретомъ 1808 года, предписывавшимъ арестовать во французскихъ портахъ и продавать съ публичнаго торга всѣ американскія суда, нарушившія этотъ законъ. Актъ о невмѣшательствѣ, утвержденный конгрессомъ 1-го марта 1809 года, дозволялъ, однако, американскимъ кораблямъ, обладавшимъ одновременно разрѣшеніями отъ французскаго и англійскаго правительствъ, а также фальшивыми документами на принадлежность корабля какой-либо нейтральной державѣ, торговать почти безъ всякихъ ограниченій англійскими товарами. Наполеонъ счелъ умѣстнымъ усмотрѣть въ этомъ открыто враждебный поступокъ со стороны конгресса и возразилъ на него декретомъ изъ Ранбулье 10-го марта 1810 года, въ силу котораго и были конфискованы американскіе корабли вмѣстѣ съ ихъ грузами, на сумму, въ общей сложности, болѣе восьми милліоновъ долларовъ. Вообще Наполеонъ позволялъ себѣ очень безцеремонно поступать съ Сѣверо-Американскими

Соединенными Штатами. Въ промежутокъ съ 1802 по 1811 годъ конфисковано было подъ разными предлогами въ французскихъ портахъ 558 кораблей подъ американскимъ флагомъ. Кромѣ того, значительное число ихъ было захвачено также въ Голландіи, Испаніи, Даніи и Неаполѣ, но за это же время Великобританія конфисковала 917 американскихъ судовъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы Наполеонъ, принимая такія крутыя мѣры, задавался какою-либо иною цѣлью, кромѣ того, чтобъ поставить затлантическую республику во враждебныя отношенія съ Англіей.

Какъ бы ни было, французскій императоръ одно время собирался предать Фуше суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но, во избѣженіе непріятныхъ разоблаченій, ограничился увольненіемъ этого интригана отъ должности. Вмѣсто Фуше былъ назначенъ министромъ полиціи Савари, который самъ признаетъ, что его боялись больше, чѣмъ чумы. Луи до такой степени упорствовалъ въ предпочтеніи національныхъ голландскихъ интересовъ имперскимъ французскимъ, что Наполеонъ подъ конецъ вышелъ совсѣмъ изъ терпѣнья и, написавъ брату чрезвычайно рѣзкое письмо, приказалъ своимъ войскамъ занять Амстердамъ. Луи помышлялъ было о вооруженномъ сопротивленіи, но голландскіе министры убѣдили его въ безцѣльности подобной попытки, а потому онъ отрекся отъ престола въ пользу сына, а самъ уѣхалъ инкогнито въ Теплицъ, въ Богемію. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней не знали, гдѣ именно онъ находится. Чтобы пресѣчь лживыя инсинуаціи самаго грязнаго свойства, которыя немедленно же начали повсемѣстно распространяться, разослана была французскимъ представителямъ за-границей циркулярная нота, въ которой поведеніе голландскаго короля объяснялось давнишней уже хронической болѣзнью. Около того же времени другой братъ Наполеона, Люсьенъ, нашелъ жизнь во французскомъ департаментскомъ городѣ, какимъ сдѣлался Римъ, для себя неудобной и предпочелъ уѣхать въ Америку. На пути туда корабль его былъ захваченъ англійскимъ крейсеромъ, вслѣдствіе чего Люсьену пришлось жить до 1814 года въ Англіи, гдѣ онъ не имѣлъ, впрочемъ, никакого основанія жаловаться на свою судьбу.

Нельзя отрицать, что Луи былъ для голланцевъ очень хорошимъ королемъ и что онъ ввелъ въ управленіе государствомъ многія реформы, чрезвычайно полезныя для народа. Видя, что народъ терпитъ ущербъ отъ строгаго примѣненія континентальной блокады, Луи, чтобъ облегчить положеніе своихъ подданныхъ, отказался выполнять инструкціи своего брата. Съ точки зрѣнія національнаго чувства, которому придаютъ теперь всюду столь большое значеніе, низверженіе такого короля съ престола можетъ казаться чуть не преступленіемъ со стороны Наполеона. Въ дѣйствительности, однако, Наполеонъ понималъ, что исходъ борьбы его съ Англіей зависитъ исключительно отъ сосредоточенія всѣхъ силъ имперіи въ однѣхъ рукахъ, а потому не могъ допустить противодѣйствія своимъ планамъ со стороны вассальныхъ госу-

дарей. „Что мнѣ оставалось дѣлать?—восклицалъ онъ на островѣ Св. Елены.—Оставить Голландію въ рукахъ непріятеля или назначить туда новаго короля?“ Съ его точки зрѣнія на эти вопросы

Люсьенъ Бонапартъ, князь Канино.
(Въ Версальскомъ музеѣ.)

возможенъ былъ только одинъ отвѣтъ. Необходимо замѣтить также, что, за четырехлѣтіе французской администраціи въ Голландіи, государственный долгъ тамъ сократился съ 80 до 20 милліоновъ франковъ. Всюду въ управленіи водворился строгій порядокъ и, благодаря разумной бережливости, народнымъ массамъ было обезпечено спокойное благосостояніе, котораго онѣ не могли бы достигнуть при управленіи Луи Наполеона. Французскій императоръ имѣлъ полное основаніе жаловаться, что его братья и сестры начали думать и поступать совершенно также, какъ еслибъ были наслѣдственными государями, независимо и самостоятельно царствовавшими Божіей Милостью. Еще осенью 1802 года онъ въ разговорѣ съ княземъ Меттернихомъ сказалъ:

„Нельзя теперь полагаться на родственниковъ, все равно близкихъ, или же дальнихъ. Мнѣ бы не слѣдовало возводить на престолъ даже родныхъ своихъ братьевъ". Слѣдуя политикѣ, высказывавшейся въ только что приведенныхъ словахъ, Наполеонъ прирѣзалъ въ мартѣ 1810 года непосредственно къ своей имперіи всю Испанію по рѣку Эбро, а въ декабрѣ слѣдующаго года присоединено было къ Франціи прибрежье Сѣвернаго и Балтійскаго морей до самаго Любека. При этомъ оказался лишеннымъ престола герцогъ Ольденбургскій, недавно сочетавшійся бракомъ съ родной сестрой императора Александра, великой княжною Екатериной Павловной. Такой образъ дѣйствій привелъ въ страшное негодованіе Жозефа,—до чрезвычайности огорчилъ Жерома Наполеона и послужилъ однимъ изъ поводовъ къ окончательному разрыву между Россіей и Франціей. Тѣмъ временемъ Валлійскій кантонъ былъ преобразованъ въ Симплонскій департаментъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ четыре департамента были сформированы изъ прибрежной полосы Сѣвернаго моря, вслѣдствіе чего границы имперіи Наполеона раздвинулись шире чѣмъ когда-либо. Иллирійскія области, а также Іоническіе острова являлись военными ея передовыми постами. Въ Бискайѣ, Наваррѣ, Аррагоніи и Каталоніи введено было тоже военное управленіе. Мюратъ царствовалъ въ Неаполѣ, а мѣсто его, на престолѣ великаго герцогства Бергскаго, занялъ инфантъ Людовикъ. Сестра Наполеона, Элиза, состояла великой герцогиней Тосканской, княгиней Луккской и Піомбинской, а другая сестра, Полина,—герцогиней Гуастальской. Эти государства, вмѣстѣ съ Вестфаліей, Испаніей, Нефшательскимъ и Беневентскимъ княжествами, Италіей, Рейнскимъ союзомъ, Гельветской республикой, Баваріей, Саксоніей, Виртембергомъ и Даніей съ Норвегіей, находились всѣ въ вассальной зависимости отъ Франціи. Римъ, Генуя, Парма, Флоренція, Сіена, Ливорно, Оснабрюкъ, Мюнстеръ, Бременъ и Гамбургъ были главными городами французскихъ департаментовъ, все число которыхъ доходило теперь до 130. Обладаніе подобной имперіей съ такимъ колоссальнымъ протяженіемъ береговой линіи, повидимому, осуществляло мечты государственныхъ дѣятелей французской революціи, постановившихъ въ 1796 году закрыть рынки континентальной Европы для британской торговли. Декреты, изданные Наполеономъ въ 1810 году, 5-го августа и

18-го октября, въ Тріанонѣ и Фонтенебло, повидимому, завершали эту систему. Англійскіе товары подлежали конфискаціи всюду, хотя бы даже въ четырехъ миляхъ за чертою имперской границы. Контрабандисты подвергались всюду самому безпощадному преслѣдованію. Одни только владѣльцы особыхъ разрѣшеній могли привозить континентальные товары. Датскій король Фридрихъ VI, помня захватъ англичанами датскаго флота, былъ пламеннѣйшимъ сторонникомъ Наполеона и строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ датскіе и норвежскіе порты были закрыты для англійскихъ судовъ. Необходимо замѣтить также, что онъ надѣялся, благодаря дружбѣ съ Наполеономъ, обезпечить себѣ обладаніе Швеціей, гдѣ царствовалъ престарѣлый уже и бездѣтный Карлъ XIII. Онъ тоже состоялъ въ дружбѣ съ французскимъ императоромъ, но его подданные не были въ такой степени раздражены противъ англичанъ, какъ датчане, и обладали извѣстнаго рода самостоятельностью. При всемъ томъ государственные шведскіе чины, помышляя о пріисканіи наслѣдника бездѣтному своему королю, искренно желали угодить Наполеону и вслѣдствіе этого остановили свой выборъ на Бернадоттѣ. Командуя французскими войсками въ Помераніи, онъ съумѣлъ пріобрѣсти тамъ расположеніе шведовъ. Кромѣ того, шведскимъ государственнымъ чинамъ было извѣстно, чтоо нъ доводится зятемъ брату Наполеона, королю Іосифу. Въ виду всего этого они предположили, что Бернадоттъ, въ качествѣ дальняго родственника и стараго товарища Наполеона, будетъ для нихъ самымъ выгоднымъ королемъ и обезпечитъ Швеціи дружественныя симпатіи монарха великой Западной имперіи. Императоръ былъ втайнѣ чрезвычайно взбѣшенъ этимъ предложеніемъ, но Бернадоттъ былъ человѣкомъ слишкомъ опаснымъ и слишкомъ хорошо освѣдомленнымъ для того, чтобы стоило становиться ему поперекъ дороги. Поэтому Наполеонъ разрѣшилъ ему сдѣлаться шведскимъ наслѣднымъ принцемъ. Желая вознаградить новую свою отчизну за утрату Финляндіи, Бернадоттъ просилъ дозволенія завладѣть Норвегіей. Наполеонъ не могъ, однако, согласиться на такой шагъ уже потому, что не былъ расположенъ ссориться съ Даніей. Прежній якобинецъ, сдѣлавшійся теперь наслѣдникомъ шведскаго престола Карломъ-Іоанномъ, принялся тотчасъ же по прибытіи въ Стокгольмъ интриговать противъ бывшаго своего императора и главнокомандующаго. Россія, старательно искавшая себѣ союзниковъ въ предстоящей борьбѣ за существованіе, предложила уже въ декабрѣ 1810 года шведскому правительству свой союзъ, обѣщая въ награду за то Норвегію. Во всякомъ случаѣ, съ избраніемъ Бернадотта въ наслѣдники шведскаго престола, дружба Швеціи стала уже для Франціи ненадежной.

Наслѣдіе и наслѣдникъ.

Было бы ошибочно предполагать, что зимою съ 1810 на 1811 годъ Наполеонъ, въ объятіяхъ молодой своей импера-

трицы, не обращалъ должнаго вниманія на положеніе дѣлъ въ Испаніи, или же что онъ не придавалъ должнаго значенія событіямъ, происходившимъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Совершенно разочарованный Іосифъ, въ письмахъ къ своему брату, терзалъ его несправедливыми придирками къ образу дѣйствій французскихъ войскъ и требовалъ, чтобъ они, усмиряя кровожадныхъ его подданныхъ, прибѣгали къ мѣрамъ кротости и долготерпѣнія. Въ отвѣтъ на это Наполеонъ приказалъ изготовить для испанскаго короля формальный актъ отреченія отъ престола и объявить, что, въ случаѣ дальнѣйшихъ недоразумѣній, вся Испанія будетъ присоединена къ Франціи и раздѣлена на департаменты. Какъ и слѣдовало ожидать, народное возстаніе въ Испаніи возгорѣлось послѣ того съ еще большею силой, Англія тоже удвоила свою энергію, чтобы противодѣйствовать окончательному завоеванію Пиринейскаго полуострова французами. Въ послѣднюю войну съ Австріей Массена выказалъ въ полномъ блескѣ военныя свои дарованія, а потому былъ назначенъ главнокомандующимъ французскими войсками въ Испаніи. Съ нимъ прибыла туда императорская гвардія и кое-какія другія подкрѣпленія, такъ что вся численность французскихъ войскъ на Пиринейскомъ полуостровѣ достигала въ общей сложности на бумагѣ 80.000 человѣкъ, изъ которыхъ на самомъ дѣлѣ подъ ружьемъ имѣлось не болѣе 50.000. Веллингтонъ, съ прибывшимъ къ нему на подкрѣпленіе корпусомъ Гилля и съ 25.000 португальской арміей, располагалъ приблизительно такими же силами. Кампанія 1810 года на Пиринейскомъ полуостровѣ открылась въ іюнѣ мѣсяцѣ прибытіемъ Массены къ укрѣпленному испанскому городу Сіудадъ-Родриго, который, послѣ упорнаго пятинедѣльнаго сопротивленія, вынужденъ былъ 10-го іюля къ сдачѣ. Затѣмъ французы осадили сильную пограничную крѣпость Альмейду, которая тоже сдалась въ началѣ сентября мѣсяца. Веллингтонъ вынужденъ былъ послѣ того отступать, причемъ выказалъ большую распорядительность и, между прочимъ, успѣшно отразилъ 27-го сентября, подъ Бузако, нападеніе, произведенное на его арьергардъ. Массена продолжалъ, однако, и послѣ того тѣснить отступавшую англійскую армію до тѣхъ поръ, пока не оказался 9-го октября неожиданно для самого себя передъ неприступной укрѣпленной позиціей подъ Торресъ-Ведрасомъ, давно уже подготовленной Веллингтономъ для того, чтобы прикрывать Лиссабонъ.

Сультъ, одержавъ 19-го ноября 1809 года рѣшительную побѣду надъ испанцами подъ Оканьей, двинулся въ Андалузію. Ему предписывалось соединиться съ Массеной, чтобы нанести англійской арміи рѣшительный ударъ. Недовольный тѣмъ, что его подчинили Массенѣ, Сультъ вмѣсто того, чтобы выполнить эти предписанія, занялся осадой Кадикса, которую велъ къ тому же въ высшей степени вяло. Онъ оставался подъ стѣнами этого города до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ Наполеона фактическаго выговора, послѣ чего, съ половиною своихъ войскъ, пошелъ къ Бадахосу и овладѣлъ этимъ городомъ. Соединиться съ арміей

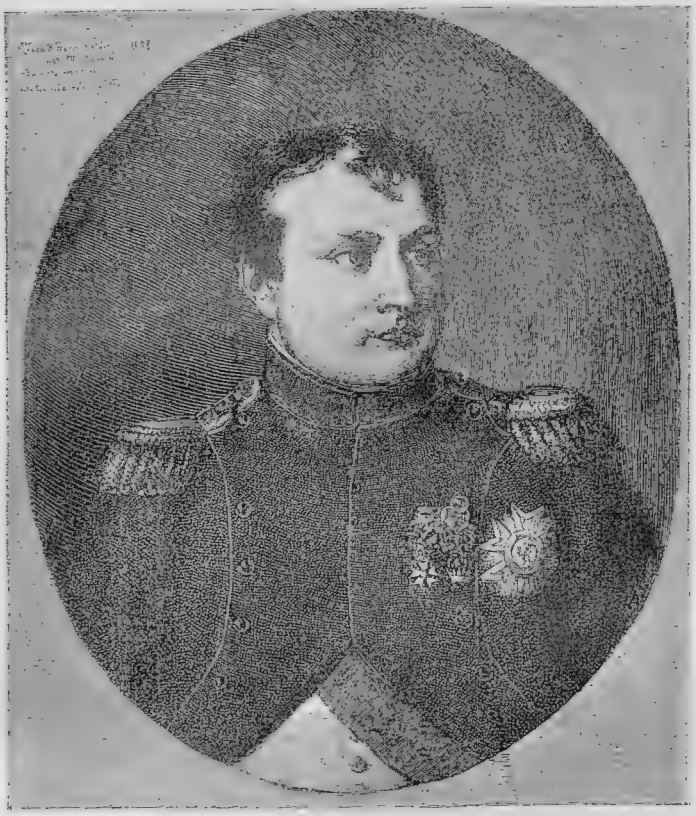
Массены онъ все-таки не пожелалъ. Извѣстіе о томъ, что два талантливѣйшихъ маршала не выполнили возложеннаго на нихъ порученія, разумѣется, было очень непріятно Наполеону и привело его въ величайшее раздраженіе. Тѣмъ не менѣе, испанскія дѣла имѣли для него въ данную минуту лишь второстепенное значеніе. Присоединеніе прибрежья Сѣвернаго моря къ Франціи вызвало дипломатическій конфликтъ съ Россіей. Кромѣ того, семейныя дѣла тоже въ значительной степени поглощали вниманіе императора. Во всякомъ случаѣ онъ не выслалъ Массенѣ подкрѣпленій, которыхъ требовалъ этотъ маршалъ. Въ продолженіе зимы французскія и англійскія войска удерживали занятыя ими позиціи, единственно лишь благодаря чуть не геніальной талантливости своихъ полководцевъ. Подъ конецъ, однако, Сультъ, оставивъ въ Бадахосѣ гарнизонъ, вернулся оттуда къ Кадиксу. Вслѣдствіе этого и Массенѣ пришлось въ мартѣ мѣсяцѣ двинуться обратно въ Испанію. Англичане вышли тогда изъ неприступнаго своего укрѣпленнаго лагеря и осадили Бадахосъ, а 5-го мая разбили Массену подъ Фуентесъ де-Оноро, въ одномъ изъ упорнѣйшихъ сраженій въ этой войнѣ. Старый маршалъ впалъ послѣ того въ немилость и былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ Мармонъ. 16-го мая Сультъ въ свою очередь двинулся на выручку Бадахоса, но былъ тоже разбитъ въ сраженіи подъ Альбуерой. Побѣда эта оказалась, однако, безплодной для англичанъ, такъ какъ Веллингтонъ, узнавъ, что къ французамъ идутъ подкрѣпленія изъ Саламанки, счелъ необходимымъ уступить безъ боя численному превосходству и ушелъ 18-го іюня назадъ въ Португалію. Весь остальной 1811 годъ прошелъ въ бездѣйствіи. Одинъ только Сюше совершилъ рядъ блистательныхъ подвиговъ, а именно: уничтожилъ армію Блэка, овладѣлъ Валенсіей и занялъ Арагонію. Весною въ 1812 году Веллингтонъ взялъ крѣпости Сіудадъ-Родриго и Бадахосъ, а затѣмъ, двинувшись впередъ въ Испанію, одержалъ 22-го іюля 1812-го года надъ Мармономъ блестящую побѣду подъ Саламанкой, послѣ чего направился къ Мадриду, чтобы низвергнуть Іосифа съ престола. Узнавъ объ этомъ, Сультъ немедленно же покинулъ Кадиксъ и поспѣшно двинулся къ сѣверу, а Мармонъ, въ свою очередь, занялъ Бургосъ. Англичане, очутившись между двумя непріятельскими арміями, упали духомъ. Деморализація въ рядахъ войска и хаотическое состояніе англійской политики побудили Веллингтона опять удалиться въ Португалію, такъ что, къ концу года, французы владѣли всей Испаніей за исключеніемъ южнаго прибрежья. Этотъ безславный успѣхъ не могъ, однако, поднять духъ французскихъ войскъ, находившихся на Пиринейскомъ полуостровѣ. Полки постепенно таяли отъ болѣзней и побѣга изъ подъ знаменъ, такъ что французское военное могущество въ Испаніи все болѣе ослабѣвало. Можно было съ увѣренностью заключить, что Пиринейскому полуострову не суждено остаться подъ властью Наполеона.

Несмотря на бѣдственную для французовъ войну на Пиринейскомъ полуостровѣ, отличительныя черты французскаго характера

проявились тамъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Разсказъ Марбо про молодую красавицу маркитантку 26-го полка, которая, послѣ дѣла подъ Бузако, безстрашно прошла сквозь линію англійскихъ постовъ, чтобы облегчить страданія бригаднаго своего командира, генерала Симона, взятаго тамъ въ плѣнъ и вернулась съ своимъ осломъ сквозь эту же цѣпь къ французскимъ передовымъ войскамъ, одинаково дѣлаетъ честь геройскому альтруизму французовъ, представительницей котораго являлась эта маркитантка и рыцарской вѣжливости англичанъ, не позволившихъ себѣ нанести оскорбленіе женщинѣ. Столь же поучительно и повѣствованіе Марбо о французскихъ дезертирахъ, которые, избравъ себѣ предводителемъ, молодца, носившаго прозвище маршала Стокпота, организовали нѣчто вродѣ разбойничьей шайки и засѣли въ монастырѣ неподалеку отъ Сантарема, гдѣ находилась главная квартира Массены. Провѣдавъ объ этомъ, главнокомандующій немедленно уничтожилъ эту шайку и жестоко наказалъ дезертировъ. Здѣсь наглядно обнаруживается бѣдственное положеніе французскихъ войскъ, выносившихъ такія тяжкія лишенія, что подъ конецъ нѣкоторые слабохарактерные элементы бѣжали изъ подъ знаменъ, дабы снискивать себѣ пропитаніе грабежомъ. Одновременно указывается и на энергическія мѣры, употреблявшіяся при случаѣ для возстановленія дисциплины. Не слѣдуетъ забывать также, что двое изъ лучшихъ французскихъ беллетристовъ и поэтовъ были въ дѣтствѣ свидѣтелями ужасающихъ сценъ, происходившихъ въ Испаніи за время ея занятія французскими войсками, и эти сцены произвели на нихъ обоихъ глубокое впечатлѣніе. Жоржъ-Зандъ провела въ Мадридѣ большую часть 1808 года, а Викторъ Гюго учился въ 1811 году въ одной изъ мадридскихъ школъ, гдѣ ему приходилось зачастую драться съ товарищами за своего „Великаго императора“, котораго испанскіе мальчуганы называли вмѣсто Наполеона—Наполадронъ, т. е. Напо разбойникъ. У Жоржъ-Зандъ сохранилось непреодолимое влеченіе къ Испаніи, а Викторъ Гюго увѣковѣчилъ свои впечатлѣнія въ великолѣпнѣйшихъ дивныхъ стихахъ.

Было бы нелѣпо предполагать, что Наполеонъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило на самомъ дѣлѣ въ Испаніи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, сосредоточивъ свои силы на Пиринейскомъ полуостровѣ, онъ могъ бы окончательно его умиротворить, обративъ въ безлюдную пустыню. Прежде чѣмъ прибѣгать, однако, къ такимъ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ странѣ, которую имѣлось въ виду присоединить къ французской имперіи, Наполеонъ хотѣлъ лишить испанскихъ повстанцевъ могущественной поддержки, получавшейся ими отъ Англіи, такъ какъ былъ убѣжденъ, что безъ этой поддержки возстаніе не замедлитъ прекратиться само собою. Между тѣмъ Великобританія неизбѣжно бы обанкротилась, если бы удалось парализовать ея контрабандную торговлю, тѣмъ болѣе, что предпринимавшіяся ею раззорительныя экспедиціи въ Голландію, Испанію и Сицилію оказывались или совсѣмъ неудачными, или во всякомъ

случаѣ не приводили къ желаемому результату. Въ случаѣ, если бы русскій государь продолжалъ выполнять обязательства, принятыя имъ на себя по Тильзитскому договору, Англія неминуемо вынуждена была бы просить мира, такъ какъ единственный путь, по которому британскіе товары могли еще попадать на материкъ Европы, лежалъ черезъ Россію. Правда, что французскіе государ-



Наполеонъ Бонапартъ въ 1809 г.

ственные финансы находились тоже не въ блестящемъ положеніи, но у самого императора не было недостатка въ деньгахъ. Когда въ 1809 году началась декабрьская сессія законодательнаго собранія, было уже вполнѣ очевидно, что конституціонные порядки въ наполеоновской имперіи представляютъ собою единственно только фарсъ. Сенаторы собственнымъ своимъ указомъ оставили себя въ прежнихъ должностяхъ; депутаты во вновь сформированныхъ департаментахъ назначены были императорскимъ

декретомъ, избавлявшимъ ихъ отъ лишнихъ формальностей избранія. Въ новомъ сводѣ уголовныхъ законовъ нѣкоторыя преступленія наказывались конфискованіемъ имущества. Законодательное собраніе утвердило, сверхъ того, отдачу судоходныхъ каналовъ въ аренду частнымъ обществамъ. Получавшіяся такимъ путемъ суммы, вмѣстѣ съ громадными военными контрибуціями и различными вознагражденіями, взимавшимися съ иностранныхъ государствъ, составляли въ сущности колоссальный фондъ для подкупа. Многочисленныя французскія арміи, покрывавшія Европу, словно тучи саранчи, оказывались прекрасно вооруженными, обмундированными и снабженными всѣмъ необходимымъ, но потребныя для этого суммы было не легко пріискать, такъ какъ наполеоновскіе маршалы и генералы отличались крайнею ненасытностью. Впрочемъ, и гражданскіе администраторы немногимъ лишь развѣ уступали имъ въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, высшія должностныя лица, по словамъ самого Наполеона, обращаясь къ нему, каждый разъ протягивали руку за милостыней. Подобно большинству выскочекъ, Наполеонъ отличался щедростью, но люди, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, не питали къ нему благодарности, а, напротивъ того, съ возраставшею дерзостью предъявляли все большія и большія требованія. Система вынужденныхъ пожертвованій со стороны частныхъ лицъ была къ этому времени развита до весьма широкихъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе, зимою 1809 — 10 года, ее еще болѣе усовершенствовали и упорядочили. Суммы, исторгнутыя у германскихъ государей, испанскихъ грандовъ, англійскихъ купцовъ, итальянскаго духовенства и т. п. были еще не вполнѣ израсходованы. Остатокъ, вмѣстѣ съ „добровольными“ пожертвованіями отъ робкихъ политическихъ дѣятелей, хитрыхъ духовныхъ сановниковъ, мошенничавшихъ подрядчиковъ и нечистыхъ на руку финансистовъ, возведенъ былъ теперь въ достоинство экстраординарнаго императорскаго фонда. Прежнее его наименованіе „армейскій фондъ“, пригодное для временъ, когда нравственность во Франціи не успѣла еще упасть до такой степени низко, признавалось теперь неумѣстнымъ. Конфискованные дворцы, лѣса, помѣстья и рыбныя ловли, равно какъ деньги, вырученныя отъ продажи американскихъ кораблей, являлись теперь частною собственностью императора. Послѣ этого неудивительно, если высшіе военные и гражданскіе сановники Наполеона пользовались тоже громадными содержаніями, Бертье получалъ ежегодно 1.350.800 франковъ; Даву—910.000; Ней—728.000; Массена—500.000; Сультъ естественно былъ недоволенъ своими 350.000 франковъ, а потому хотѣлъ заручиться португальской короной. Въ виду такой щедрости къ маршаламъ, а также значительныхъ затратъ на богоугодныя заведенія и общественныя постройки, общая сумма расходовъ по императорскому фонду достигала до 430 милліоновъ, но въ то же время поступленія изъ вышеупомянутыхъ источниковъ дошли до 760 милліоновъ, такъ что у Наполеона, за всѣми расходами, оставалось въ карманѣ еще 330 милліоновъ.

По упраздненіи независимой законодательной власти и обезпеченіи себѣ громаднаго фонда, находившагося въ безотчетномъ его пользованіи, Наполеонъ, временно удовлетворивъ алчность наиболѣе полезныхъ своихъ сподвижниковъ и введя неумолимо строгую цензуру, могъ сдѣлать еще одинъ существенный шагъ для установленія окончательной тиранніи. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не отступилъ и передъ этимъ шагомъ. Въ предѣлахъ имперіи имѣлось много недовольныхъ, слишкомъ вліятельныхъ для того, чтобы казалось желательнымъ оставить ихъ на свободѣ, но слишкомъ опасныхъ, дабы ихъ можно было предать обычнымъ порядкомъ суду. Для этой многочисленной категоріи враговъ наполеоновской имперіи устроили шесть государственныхъ тюремъ, каждая изъ которыхъ постепенно обратилась въ колонію злополучныхъ арестантовъ, лишенныхъ свободы безъ суда, такъ называемымъ административнымъ порядкомъ. На вопросъ: какъ отнеслось къ этой мѣрѣ французское просвѣщенное общественное мнѣніе? пришлось бы отвѣтить другимъ вопросомъ: гдѣ именно слѣдовало искать это мнѣніе? Книгопродавцы-издатели платили громадныя суммы за сравнительно ничтожныя льготы, которыми пользовались, а получавшіяся такимъ образомъ деньги употреблялись на пенсіи нуждавшимся литераторамъ. Другіе писатели награждались орденами и академическими знаками отличія, съ которыми тоже соединялись денежныя субсидіи, другіе были возведены въ недавно лишь учрежденное баронское достоинство. Благодаря такимъ мѣропріятіямъ, громадное большинство людей, наиболѣе способныхъ сформировать общественное мнѣніе и управлять имъ, оказывалось на содержаніи у правительства. Даже Карно согласился получать ежегодную пенсію въ 10.000 франковъ. Единственнымъ исключеніемъ являлась г-жа Сталь, которая, обидѣвшись равнодушіемъ къ ней Наполеона, ни за что не хотѣла впослѣдствіи съ нимъ примириться. Комитетъ общественной безопасности выслалъ ее изъ Парижа, какъ интриганку, а директорія учредила надъ ней въ Швейцаріи надзоръ. Послѣ паденія директоріи, г-жа Сталь прибѣгла было къ покровительству Наполеона, но, не найдя у него поддержки, сдѣлалась непримиримѣйшимъ его врагомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, проведенныхъ ею въ изгнаніи, она странствовала по Англіи, Россіи, Пруссіи и Швеціи, стараясь всячески подрывать авторитетъ Наполеона, выставляя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ всѣ его поступки и хлопоча о составленіи противъ него коалицій, которыя подъ конецъ его и погубили. Ея книга о возрожденной Германіи представляла собою весьма цѣнное серьезное изслѣдованіе. Тамъ предлагалось Франціи принять себѣ въ образецъ эволюцію, происшедшую у непримиримѣйшаго ея врага. Наполеоновская цензура еще болѣе усилила значеніе этой книги своими на нее нападками и стараніями помѣшать ея распространенію. Раздача премій за лучшія научныя и беллетристическія произведенія, появившія въ первомъ десятилѣтіи XIX-го вѣка, происходила съ подобающей торжественностью въ 1810 году. Имена увѣнчанныхъ тогда лицъ оказываются теперь въ большинствѣ случаевъ извѣст-

ными лишь историкамъ-спеціалистамъ, интересующимся событіями этого періода.

Вообще, съ 1810 по 1811 годъ, частная жизнь императора Наполеона была фактически посвящена благотворительности. Онъ не только назначилъ изъ собственнаго своего фонда пожизненную пенсію Карно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, щедро раздавалъ крупныя суммы разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, не всегда достойнымъ этихъ милостей въ такой же степени, какъ бывшій директоръ республики. Канова, приглашенный изъ Рима, чтобъ изваять съ натуры статую молодой императрицы, выхлопоталъ крупную субсидію ученымъ обществамъ и художественнымъ кружкамъ Вѣчнаго города. Шенье, бывшій, подобно Карно, завзятымъ противникомъ имперіи, рѣшился подъ конецъ поступить на ея службу и былъ назначенъ старшимъ инспекторомъ университета. Впрочемъ, онъ недолго пользовался этой выгодной должностью, такъ какъ вскорѣ послѣ того умеръ. При общемъ распредѣленіи благостынь, разумѣется, не были забыты и прежніе фавориты. Талейранъ понесъ недавно крупную утрату вслѣдствіе банкротства банка, въ который былъ у него вложенъ громадный капиталъ, а потому императоръ призналъ умѣстнымъ купить у него болѣе чѣмъ за два милліона франковъ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ его дворцовъ. Императорскій дворъ имѣлъ свою резиденцію иногда въ Сенъ-Клу, Рамбулье, Тріанонѣ, но по преимуществу—въ Фонтенебло. Всѣ придворные успѣли настолько уже свыкнуться съ церемоніаломъ, что не дѣлали никакихъ грубыхъ неловкостей. Жизнь при французскомъ императорскомъ дворѣ отличалась величайшей роскошью и блескомъ, обусловленными громадностью затрачивавшихся на нее суммъ. Когда обнаружилось, что императрица находится въ интересномъ положеніи, Наполеонъ ознаменовалъ свою радость торжественными празднествами и крупными пожертвованіями въ пользу различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Между прочимъ, имъ было основано при этомъ случаѣ большое родовспомогательное заведеніе съ воспитательнымъ домомъ. Императрицѣ создано было выдающееся положеніе, какъ предсѣдательницѣ благотворительнаго общества, состоявшаго изъ тысячи дамъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи, подъ покровительство которыхъ были поставлены парижскія богоугодныя заведенія.

Нескрываемая восторженная радость будущаго отца выражалась въ самомъ деликатномъ и нѣжномъ вниманіи къ матери будущаго ребенка. Все существо Наполеона, казалось, совершенно перемѣнилось. Вплоть до самаго разрѣшенія Маріи-Луизы отъ бремени онъ былъ для нея преданнымъ, любящимъ и вѣрнымъ мужемъ. Рано утромъ 20-го марта 1811 года Наполеону донесли, что императрица мучается родовыми болями и что, вслѣдствіе неправильнаго положенія младенца, слѣдуетъ выбирать между жизнью матери, или ребенка. Легче представить себѣ, чѣмъ описать, чувство, которое испытывалъ Наполеонъ въ этотъ критическій моментъ. Въ случаѣ смерти ожидаемаго младенца существованіе

императорской династіи снова подвергнется опасности. Враги Наполеона могли снова ласкать себя надеждами на то, что съ его смертью рушится также и созданная имъ имперія. При всемъ томъ Наполеонъ ни на минуту не колебался. „Заботьтесь исключительно только о матери!“ вскричалъ онъ.

Опасенія врачей оказались напрасными. Правда, что новорожденный мальчикъ лежалъ минутъ семь безъ дыханія, какъ бы не зная, слѣдуетъ-ли ему принять предстоявшую жизненную карьеру, или же отказаться отъ таковой. Подъ конецъ, однако, онъ вздохнулъ полною грудью, и изъ его устъ вырвался громкій крикъ. Наполеонъ обернулся, схватилъ свое сокровище на руки и прижалъ его къ своему сердцу. Залпъ ста пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ парижанамъ рожденіе императорскаго наслѣднаго принца. Столица имперіи исполнилась радости и ликованія, которыя отразились затѣмъ повсемѣстно въ Европѣ отъ Данцига и до Кадикса. Одни празднества слѣдовали за другими и въ продолженіи нѣкотораго времени надѣялись, что храмъ Януса будетъ запертъ на долгое время. Ни одному еще мальчику не случалось являться на сцену земной жизни среди такого великолѣпія. Никто, повидимому, не предназначался до тѣхъ поръ къ такимъ блистательнымъ почестямъ. Страстная родительская преданность Наполеона къ его сыну оставалась всегда неизмѣнной. Она сохранилась у императора и послѣ того, какъ онъ былъ покинутъ Маріей-Луизой, признавшей умѣстнымъ измѣнить развѣнчанному своему супругу, несмотря на то, что его сынъ выросъ въ отчужденіи отъ него и обратился въ австрійскаго принца.

Всеобщее вооруженіе противъ Россіи.

По случаю рожденія наслѣднаго принца императоръ получилъ множество поздравительныхъ адресовъ. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ былъ отъ парижской торговой палаты. Адресъ этотъ удостоился отвѣта, который привлекъ на себя общее вниманіе. Сущность отвѣта заключалась въ заявленіи, что континентальная система ложится уже тяжкимъ гнетомъ на Великобританію, гдѣ склады переполнены колоніальными товарами и произведеніями собственныхъ фабрикъ, не находящихъ себѣ рынковъ для сбыта. Признавая себя преемникомъ Карла Великаго, Наполеонъ обѣщалъ черезъ четыре года обзавестись военнымъ флотомъ, а черезъ десять лѣтъ окончательно раззорить Англію. Онъ хвалился успѣхами, достигнутыми уже въ производствѣ свекловичнаго сахара, а также своимъ собственнымъ богатствомъ, которое все возрастало, тогда какъ Австрія стояла на рубежѣ государственнаго банкротства. Существуетъ три различныхъ версіи этого знаменитаго отвѣта. Въ одной изъ нихъ утверждается, будто Наполеонъ сказалъ: „Я пощадилъ въ Тильзитѣ русскаго государя въ виду обѣщаннаго имъ мнѣ содѣйствія, но если онъ не сдержитъ своихъ обѣщаній, то я, въ случаѣ надобности, явлюсь къ нему въ Ригу, въ Москву, или даже въ Петербургъ“. Если императоръ въ дѣйствитель-

ности и не позволялъ себѣ такихъ заявленій, то ихъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать весьма правдоподобными и вполнѣ соотвѣтствовавшими его властной диктаторской самонадѣянности.

Въ отвѣтѣ на адресъ парижской торговой палаты заслуживаютъ особаго вниманія три пункта: отсутствіе всякаго намека на состояніе французскихъ финансовъ, игнорированіе церковнаго вопроса и угроза по адресу Россіи. Меттернихъ доносилъ, что Франція—богатѣйшая страна въ мірѣ, но тѣмъ не менѣе, государственное ея казначейство совершенно пусто. Общая цифра поступленія доходовъ за 1811 годъ простиралась до 900 милліоновъ франковъ, но все-таки ожидался дефицитъ въ 54 милліона, такъ какъ суммы, ассигнованныя на содержаніе арміи и флота, были повышены съ 550 до 610 милліоновъ франковъ. Требуя, чтобы каждое поколѣніе расплачивалось само за свои издержки, императоръ увеличилъ косвенные налоги и установилъ табачную монополію. Въ продолженіи лѣта стояли во Франціи сильныя засухи. Къ тому же спросъ на французскій шелкъ и вина въ Россію внезапно сократился, вслѣдствіе чего финансовый годъ закончился фактическимъ дефицитомъ въ 48 милліоновъ франковъ. Богатство, о которомъ столь надменно упоминалъ Наполеонъ, принадлежало ему лично, такъ какъ императорскій фондъ былъ совершенно независимымъ отъ государственнаго казначейства.

Пій VII, послѣ заключенія своего въ Савону, упорно отказывалъ въ инвеституръ епископамъ, назначеннымъ Наполеономъ. Недовольствуясь этимъ, онъ запретилъ итальянскимъ и французскимъ капитуламъ избирать императорскихъ ставленниковъ въ викаріи. Это являлось уже нарушеніемъ конкордата, и набожные католики опасались, что подобное объявленіе войны вызоветъ со стороны императора энергическія репрессаліи. По распоряженію Наполеона созванъ былъ западный имперскій католическій соборъ, обнаружившій такую же покорность свѣтской власти, какъ и еврейскій синедріонъ. Представленія со стороны этого собора заставили Пія VII въ свою очередь тоже смягчиться.

Въ настоящее время нельзя выяснить, была-ли вышеупомянутая угроза, направленная противъ Россіи, дѣйствительно высказана тогда же или въ данномъ случаѣ смѣшиваютъ отвѣтъ Наполеона на поздравленія торговой палаты съ тронною рѣчью, прочитанной въ іюнѣ мѣсяцѣ при открытіи законодательной сессіи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что еще въ концѣ марта мѣсяца вся Европа была убѣждена въ непреклонномъ намѣреніи Наполеона воевать съ Россіей.

На самомъ дѣлѣ онъ пока еще не принималъ подобнаго рѣшенія. Подъ вліяніемъ любви къ сыну онъ, повидимому, мечталъ даже о возможности отказа отъ дальнѣйшихъ завоеваній, дабы упрочить за своимъ наслѣдникомъ имѣвшуюся уже въ наличности великолѣпную имперію. Большинство французскихъ войскъ было выведено изъ Средней Европы. Размѣры вознагражденія за военныя издержки, которое должна была уплатить Пруссія, были значительно сокращены, и цифра этого вознагражденія въ точности

опредѣлена. Великобританія согласилась на предложенныя Наполеономъ условія размѣна плѣнныхъ. Онъ заключилъ отсюда, что ей, безъ сомнѣнія, успѣла уже надоѣсть раззорительная и кровопролитная война на Пиринейскомъ полуостровѣ. Въ такомъ случаѣ французскій императоръ надѣялся достигнуть въ непродолжительномъ времени полнаго умиротворенія Испаніи. Точно также онъ былъ увѣренъ, что населеніе прибрежной полосы Сѣвернаго моря не замедлитъ примириться съ своимъ присоединеніемъ къ Франціи. Существуютъ, впрочемъ, вѣсскія указанія на то, что Наполеонъ понималъ истинное свое положеніе. Въ дѣйствительности

Король Римскій.
(Съ наброска Пьера Поля Прюдона).

ему нельзя было остановиться. Онъ слишкомъ давно уже руководствовался девизомъ: „Все далѣе и далѣе впередъ“. Иногда съ устъ его срывалось выраженіе: „Императоръ материка Европы“. Въ мартѣ мѣсяцѣ отдано было предписаніе снарядить двѣ морскія экспедиціи: одну—въ Сицилію и Египетъ, а другую въ Ирландію. Утверждаютъ, будто онъ сказалъ: „Спрашиваютъ, куда именно мы пдемъ и гдѣ поставлю я новые Геркулесовы столпы? Мы сперва покончимъ съ Европой, а затѣмъ, подобно разбойникамъ, отбивающимъ добычу у другой разбойничьей шайки, сравнительно менѣе храброй, ударимъ на Индію“. Около того же самаго времени баварскій посланникъ, заявлявшій о желательности сохраненія мира, услышалъ въ отвѣтъ: „Черезъ какихъ-нибудь три

года я буду властелиномъ всего земного шара". Молліенъ находилъ войну несвоевременной и неумѣстной въ виду разстройства французскихъ финансовъ. „Напротивъ того,— возразилъ Наполеонъ,—разстройство финансовъ само по себѣ уже является побудительнымъ поводомъ къ войнѣ".

Положеніе Англіи было очень тяжелое, но она все еще не отчаявалась и не хотѣла отказываться отъ борьбы. Единственнымъ элементомъ неопредѣленности въ политическомъ положеніи являлся по этому русскій государь, которому исполнилось къ тому времени уже тридцать два года. За четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, приготовляясь къ предстоявшей ему роли просвѣщеннаго самодержца, онъ очень сблизился съ княземъ Чарторыйскимъ, и многократно бесѣдовалъ съ этимъ молодымъ полякомъ о возстановленіи Польши въ качествѣ обособленнаго члена русской имперіи. Въ 1805 году императоръ Александръ серьезно намѣревался выполнить это намѣреніе, но вскорѣ отказался отъ этой попытки, а князь Чарторыйскій уѣхалъ въ свои помѣстья. Результаты Тильзитскаго мира совершенно охладили императора Александра къ мысли о возрожденіи Польши, и онъ отказался отъ этой мысли, чтобы не увеличивать числа европейскихъ народностей, опредѣленныя территоріальныя границы которыхъ могли бы препятствовать разростанію Россійской имперіи въ ширь. Присоединіе Россіи къ торговой системѣ Наполеона оказывалось слишкомъ дорогимъ платежомъ за одну Финляндію, такъ какъ Молдавія и Валахія не были еще окончательно присоединены къ русскимъ владѣніямъ, а Франція между тѣмъ захватила себѣ великое герцогство Ольденбургское. Бракъ Наполеона съ австрійской эрцгерцогиней являлся, сверхъ того, серьезнымъ препятствіемъ къ осуществленію замысловъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. При такихъ обстоятельствахъ князь Чарторыйскій былъ снова приглашенъ ко двору. Онъ нашелъ императора Александра очень разстроеннымъ и не на шутку напуганнымъ. Русскій государь чувствовалъ, что у завѣтныхъ его политическихъ плановъ ускользаетъ почва подъ ногами. Между тѣмъ ему приходилось теперь выбирать между окончательнымъ разрывомъ съ Франціей и выполненіемъ обѣщаній, данныхъ Наполеону.

Въ 1809 году императоръ Александръ хотѣлъ заключить чрезъ посредство Коленкура договоръ, по которому Наполеонъ обязался бы ни подъ какимъ видомъ не возстановлять Польши и самое имя Польши исключить изъ оффиціальнаго употребленія. По всѣмъ вѣроятіямъ договоръ этотъ не состоялъ въ связи съ проектомъ женитьбы Наполеона на русской великой княжнѣ, но тѣмъ не менѣе, нельзя категорически отрицать существованія подобной связи. Если бы Наполеонъ подписалъ означенный договоръ, то Александръ I могъ бы отказать ему въ рукѣ своей сестры и безнаказанно смѣяться надъ хитрымъ корсиканцемъ, дозволившимъ себя провести. На самомъ дѣлѣ, однако, Наполеонъ предложилъ другую версію договора, въ которой обѣщалъ „не оказывать помощи и содѣйствія чужеземной державѣ, или же мѣст-

ному возстанію, съ цѣлью возстановленія польскаго королевства". Черезъ нѣсколько дней по полученіи въ Петербургѣ этой депеши пришло извѣстіе о сватовствѣ Наполеона за Марію-Луизу и русскій государь рѣшилъ немедленно же выработать себѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ письмѣ къ князю Голицыну онъ заявилъ объ умѣстности возстановить Польшу подъ своимъ собственнымъ королевско-императорскимъ скипетромъ. По истеченіи нѣкотораго времени государь сообщилъ, однако, Чарторыйскому, что, не допуская возможности возвращенія польскихъ областей, присоединенныхъ уже къ Россіи, онъ, пожалуй, согласенъ надѣть на себя корону великаго герцогства Варшавскаго съ Галиціей включительно. Въ Вѣну было конфиденціально отправлено довѣренное лицо, чтобъ вывѣдать мнѣніе императора Франца относительно этого проекта, причемъ предлагалось щедро вознаградить Австрію при раздѣлѣ Турціи за утрату Галиціи. Императоръ Францъ воздержался, однако, отъ всякаго отвѣта, и дипломатическое состязаніе между Парижемъ и Петербургомъ опять возобновилось. Наполеону представлено было возраженіе на его контрпроектъ и въ этомъ документѣ опять-таки содержалась не нравившаяся ему фраза: „Королевство польское ни подъ какимъ видомъ не должно быть возстановлено". Упрямство русской дипломатіи разгнѣвало Наполеона. Онъ продиктовалъ уклончивый отвѣтъ на русское возраженіе и началъ постепенно подготовлять общественное мнѣніе къ войнѣ, усиливать вооруженіе нѣкоторыхъ крѣпостей, занятыхъ въ Пруссіи его войсками, и тѣснѣе сближаться съ Австріей. Переговоры съ Россіей шли, однако, своимъ чередомъ. Русское правительство настаивало на упомянутой уже непріятной Наполеону фразѣ, тогда какъ французская дипломатія съ негодованіемъ отвергала заключавшуюся въ этой фразѣ инсинуацію.

Тѣмъ временемъ князь Меттернихъ, убѣжденный, что при раздѣлѣ Турціи Австрія можетъ получить отъ Наполеона больше, чѣмъ согласился бы уступить ей русскій государь, всячески старался сѣять раздоры между Россіей и Франціей. Въ Вѣнѣ существовала тогда сильная русская партія, поддерживавшая тѣсныя сношенія съ Варшавой, гдѣ многіе поляки разсчитывали на возстановленіе своей отчизны съ помощью императора Александра. Какъ въ Вѣнѣ, такъ въ особенности въ Варшавѣ, много говорилось о возстановленіи Польши и фраза эта не сходила съ газетныхъ столбцовъ. Между тѣмъ, русскій посолъ въ Парижѣ обратился къ французскому правительству съ настоятельными представленіями, по поводу „упорно держащагося слуха, будто императоръ Наполеонъ собирается возстановить Польшу". Это до того раздражило французскаго императора, что онъ въ первомъ порывѣ негодованія пригрозилъ войною, но тотчасъ же затѣмъ написалъ заявленіе въ примирительномъ духѣ и объявилъ, что съ своей стороны свято соблюдаетъ обязательства, принятыя Франціей по тильзитскому договору. 1-го іюля, когда это заявленіе находилось еще въ рукахъ переписчиковъ, произошелъ инцидентъ, который, какъ многіе тогда полагали, непосредственно вызвалъ радикаль-

ную перемѣну въ теченіи историческихъ событій. Во время великолѣпнаго празднества у австрійскаго посла, декораціи театральной сцены, устроенной на дворѣ, вспыхнули, и быстро распространившійся пожаръ охватилъ зданіе посольства. Всѣмъ вліятельнымъ гостямъ удалось, однако, спастись здравыми и невредимыми, за исключеніемъ русскаго посла князя Куракина, получившаго такіе сильные обжоги, что онъ не могъ болѣе выполнять оффиціальныхъ своихъ обязанностей. Почти тотчасъ же послѣ того настроеніе Наполеона неожиданно перемѣнилось. Онъ довольно рѣзко объяснился съ уполномоченнымъ по дѣламъ русскаго посольства и прекратилъ дальнѣйшіе переговоры. Когда извѣстіе объ этомъ получено было въ Петербургѣ, императоръ Александръ вторично обратился къ Швеціи, обѣщая ей Норвегію, въ случаѣ вступленія съ нимъ въ союзъ.

Такая крутая перемѣна въ обращеніи Наполеона съ представителями Россіи вызвана была сообщеннымъ ему княземъ Меттернихомъ извѣстіемъ, что русскія войска, расположенныя въ Валахіи, двигаются впередъ и дошли уже до Дуная. Императоръ Францъ просилъ 17-го іюля своего зятя присоединиться къ австрійскому протесту противъ русской завоевательной политики. Наполеонъ благородно отказался нарушить, такимъ образомъ, тильзитскій союзный договоръ съ Россіей, но, обращаясь къ Меттерниху, многозначительно сказалъ: „Если Россія вздумаетъ съ нами ссориться, то утратитъ Финляндію, Молдавію и Валахію“. Онъ присовокупилъ къ этому, что въ случаѣ захвата Россіей, въ противность обязательствамъ, принятымъ ею на себя въ 1808 году, какихъ-либо территорій къ югу отъ Дуная, онъ самъ сочтетъ долгомъ вступиться за австрійскіе интересы. Тѣмъ не менѣе, вся Европа была, повидимому, убѣждена въ неизбѣжности войны. Всюду на водахъ говорили исключительно только объ этомъ. Русская партія въ Вѣнѣ начала дѣйствовать смѣлѣе. Непримиримый врагъ Наполеона, Поццо ди-Борго, временно скрывавшійся въ Россіи, появился опять въ Вѣнѣ въ русскомъ мундирѣ. За нимъ очень ухаживали и слушали его слова съ такимъ же уваженіемъ, какъ если бы это были изреченія оракула. Французскій толмачъ, ѣхавшій въ Персію, встрѣтился въ Вѣнѣ съ Поццо-ди-Борго, который и уговорилъ его перейти въ русскую службу. Куракинъ тѣмъ временемъ, отчасти поправился и собирался уѣхать изъ Парижа на родину. Наполеонъ обратилъ черезъ него вниманіе императора Александра на всѣ упомянутые факты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ Коленкуру прекратить всѣ переговоры о польскомъ вопросѣ. Полякамъ дано было строжайшее предписаніе воздерживаться отъ всякихъ манифестацій.

Кое-что изъ русскихъ дипломатическихъ тайнъ, безъ сомнѣнія, дошло до свѣдѣнія Наполеона, но императоръ Александръ, повидимому, не особенно этимъ смущался. Онъ неустанно готовился къ войнѣ, приводилъ свои крѣпости въ оборонительное положеніе и устроивалъ укрѣпленные лагери въ районѣ между Двиною и Днѣпромъ. Всего болѣе озабочивала его Польша. Разсчитывая на под-

Марія-Луиза и Римскій король.
(Съ картины Ф. Жерара въ Версальскомъ музеѣ).

держку іезуитовъ противъ Наполеона, являвшагося гонителемъ папы, онъ вернулся опять къ прежнему своему проекту, о чемъ и написалъ Чарторыйскому. Этотъ польскій магнатъ, проживъ долгое время на родинѣ, пришелъ, однако, къ убѣжденію, что его соотечественники возлагаютъ по преимуществу свои надежды на французскаго императора, разсчитывая получить отъ него несравненно болѣе широкое самоуправленіе, чѣмъ отъ русскаго государя. Отвѣтъ Чарторыйскаго оказался поэтому неблагопріятнымъ для тогдашнихъ видовъ русской политики. Императоръ Александръ рѣшилъ, что если дѣло дойдетъ до войны съ Франціей, то эта война будетъ имѣть съ его стороны оборонительный характеръ и тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ Англіей и Швеціей относительно континентальной системы. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1811 года онъ издалъ, кромѣ того, указъ, которымъ, воспрещая ввозъ шелковыхъ тканей, винъ и другихъ предметовъ роскоши изъ Франціи, облегчалъ доступъ въ Россію англійскимъ колоніальнымъ товарамъ. Это было уже съ его стороны открыто враждебнымъ поступкомъ, равносильнымъ объявленію торговой войны своему союзнику. Пруссія немедленно же обратилась къ русскому государю съ оффиціозными предложеніями, но они были отвергнуты.

Не легко опредѣлить степень отвѣтственности Наполеона за событія, которыя уже совершились и которымъ еще предстояло свершиться. Властное его честолюбіе одинаково презрительно относилось къ народнымъ чувствамъ и къ династической политикѣ. Увѣренный въ неизмѣнной преданности Франціи, Наполеонъ непреклонно слѣдовалъ своей системѣ территоріальнаго расширенія,—самымъ беззастѣнчивымъ образомъ проводилъ ребяческія свои воззрѣнія на государственные финансы и политическую экономію и безпощадно преслѣдовалъ личные свои эгоистичные интересы. Съ другой стороны, императоръ Александръ, заручившись автономіей Пруссіи въ награду за свой союзъ съ Франціей, съ самаго же начала оказался ненадежнымъ союзникомъ. Овладѣвъ Финляндіей, онъ уклонялся отъ выполненія континентальной системы, а въ послѣдней австро-французской войнѣ фактически заискивалъ расположеніе австрійцевъ. Политика его въ вопросѣ о брачномъ союзѣ представлялась съ французской точки зрѣнія очень подозрительной, а въ польскомъ вопросѣ онъ высказалъ оскорбительное недовѣріе къ императору Наполеону. Наконецъ, русскій государь объявилъ Франціи дипломатическую войну, вступивъ въ сношенія съ Англіей и въ тайные переговоры съ Австріей. Эта послѣдняя держава сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобъ вызвать между Россіей и Франціей войну, разсчитывая сама остаться въ барышахъ, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Швеція въ свою очередь, подчиняясь вліянію Бернадотта, обнаруживала готовность оказать всяческое содѣйствіе Россіи, дабы избавиться такимъ образомъ отъ французскаго протектората. 2-го апрѣля 1811 года самъ Наполеонъ признавалъ неизбѣжность войны. „Все это напоминаетъ,—писалъ онъ,—сцену изъ оперы, въ которой

англичане управляютъ театральными машинами". Недѣлю спустя онъ объявилъ русскому правительству, что знаетъ о сосредоточеніи войскъ въ Польшѣ и съ своей стороны тоже дѣлаетъ соотвѣтственныя приготовленія. Вмѣсто слишкомъ миролюбиваго Коленкура прислали въ Петербургъ генерала Лористона, а министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ, взамѣнъ Шампаньи, нетерпѣливый и пылкій Маре. Передъ фактическимъ начатіемъ военныхъ дѣйствій надлежало уладить еще очень многое. Слѣдовало по возможности достигнуть благопріятнаго отношенія къ Франціи нѣсколькихъ державъ, многія изъ которыхъ далеко не сочувствовали наполеоновской имперіи. Пруссія обладала уже серьезнымъ могуществомъ, порожденнымъ на почвѣ пламеннаго патріотизма самоотреченіемъ и народнымъ воспитаніемъ. Швеція неохотно выносила иго гегемоніи, присвоенной себѣ Наполеономъ. Данія, дружески расположенная къ Франціи, оставалась все-таки независимой, благодаря широкому развитію въ ней народнаго самоуправленія. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты негодовали на стѣсненіе своей торговли. Турція, больная при-смерти, являлась тогда, какъ и теперь, краеугольнымъ камнемъ европейской политики. Предстояла борьба между двумя системами ненасытнаго властолюбія: современною западной и старинной теократической—восточной. Наполеонъ не вполнѣ ясно сознавалъ конечныя цѣли своей собственной карьеры. По словамъ Гете, „онъ жилъ полностью въ сферѣ идеала, но не могъ сознательно уяснить себѣ его". Александръ Великій безсознательно сражался за распространеніе греческой культуры, Юлій Цезарь—за ниспроверженіе вредныхъ учрежденій устарѣвшей уже политической системы, а Карлъ Великій—за осуществленіе Царствія Божія на землѣ. Наполеонъ, подобнымъ же образомъ, являлся бойцомъ за національность, личную свободу и державныя права народа. Если бы кто-нибудь сказалъ ему это, то онъ, безъ сомнѣнія, не мало бы удивился.

Исторія Англіи является лѣтописью ея борьбы за національность и свободу религіозную, гражданскую и политическую, а также и за коммерческое преобладаніе. Прирожденное стремленіе Великобританіи къ высшимъ формамъ цивилизаціи какъ нельзя лучше мирилось, однако, съ суровой рѣшимостью противодѣйствовать системѣ, которая на материкѣ Европы являлась орудіемъ прогресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ угрожала для самой Англіи раззореніемъ.

Въ январѣ 1812 года Веллингтонъ взялъ штурмомъ Сіудадъ Родриго, а 6-го апрѣля овладѣлъ Бадахосомъ. 18-го апрѣля Наполеонъ предложилъ Англіи миръ, по которому Испанія въ прежнихъ ея границахъ осталась бы подъ властью Іосифа, а Португалія была бы возвращена Браганцскому дому, въ Неаполѣ царствовалъ бы Мюратъ, а въ Сициліи—Фердинандъ. Въ виду существовавшихъ тогда условій политическаго положенія, комбинація эта заслуживала быть принятой во вниманіе, но англійскій кабинетъ тѣмъ не менѣе ее отклонилъ. Утративъ такимъ образомъ

надежду на заключеніе мира съ Великобританіей, Наполеонъ принялся раздумывать о томъ, какой именно политики надлежитъ ему держаться относительно другой протестантской страны, чувствовавшей, что для нея все еще идетъ борьба за существованіе. Многія хорошо освѣдомленныя лица утверждаютъ, будто французскій императоръ одно время хотѣлъ совершенно разрушить царство Гогенцоллерновъ. Если такое намѣреніе дѣйствительно и существовало, то Наполеонъ вскорѣ отъ него отказался уже потому, что оно было сопряжено съ совершенно излишнимъ рискомъ. Удачное проведеніе реформъ, задуманныхъ Штейномъ и Гарденбергомъ, завершеніе системы народнаго образованія и реорганизація арміи сдѣлали Пруссію опять могущественной державой, тѣмъ болѣе грозной, что ея народъ былъ охваченъ чувствомъ истиннаго патріотизма. Вліяніе Пруссіи распространялось по всей Германіи. Тайныя общества, имѣвшія всюду свои развѣтвленія, подготовляли объединеніе всѣхъ нѣмцевъ, причемъ ихъ члены мечтали уже о перенесеніи западной границы своей отчизны на гребни Юры, Вогезовъ и Арденскихъ горъ. Первоначально король Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ русскому государю, предлагая ему свой союзъ и стотысячную армію. Императоръ Александръ, желая вести чисто оборонительную войн, холодно отнесся къ этому предложенію, но въ концѣ 1811 года согласился, въ случаѣ нападенія Наполеона на Пруссію, выдвинуть свои войска, „если это окажется возможнымъ“, на Вислу. Тѣмъ временемъ Австрія сперва было хотѣла остаться нейтральной, но отказалась отъ этой политики въ разсчетѣ на то, что какая бы страна ни одержала верхъ, война приведетъ во всякомъ случаѣ къ раздѣлу Пруссіи. Успѣхи Россіи на Дунаѣ вызывали у императора Франца тревожное опасеніе. Узнавъ, что Наполеонъ выставилъ армію въ 400.000 человѣкъ, австрійское правительство заключило изъ этого, что Франція непремѣнно одержитъ побѣду. При такихъ обстоятельствахъ въ мартѣ 1812 года подписали договоръ, по которому тридцати-тысячный австрійскій корпусъ былъ предоставленъ въ распоряженіе Наполеона. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія выговорила себѣ территоріальныя вознагражденія въ Галиціи, Иллиріи, а, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, также и въ Силезіи. Во время этихъ переговоровъ король Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ о грандіозныхъ приготовленіяхъ Наполеона къ войнѣ и, послѣ нѣкотораго колебанія, послалъ Шарнгорста вывѣдать настроеніе Австріи. Донесенія Шарнгорста произвели на короля такое сильное впечатлѣніе, что 24-го февраля 1812 года подписанъ былъ уже между Франціей и Пруссіей договоръ, по которому Пруссія, не требуя ничего взамѣнъ, посылала двадцатитысячный корпусъ въ дѣйствующую армію Наполеона и мобилизовала 42.000 солдатъ для занятія гарнизоновъ, причемъ французскимъ войскамъ предоставлялся свободный проходъ черезъ прусскую территорію съ правомъ взимать тамъ реквизиціи, въ счетъ платежа за военное вознагражденіе. Таково было положеніе, въ которое привела гордую возродившуюся прусскую націю близорукость русской по-

литики. Можно представить себѣ, какъ негодовалъ тогда на эту политику прусскій народъ.

Французская дипломатія дѣйствовала, вообще говоря, успѣшно, но въ Швеціи ей не особенно повезло. Императоръ Александръ предлагалъ Бернадотту Норвегію въ уплату за союзъ съ Россіей, намекая вмѣстѣ съ тѣмъ на возможность для шведскаго наслѣднаго принца когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ, возсѣсть на французскій престолъ. Наполеонъ, въ свою очередь, предлагалъ Финляндію за вспомогательный сорокатысячной шведскій корпусъ. Новоиспеченный наслѣдный принцъ выказывалъ, однако, необычайную робость и застѣнчивость. Онъ велъ переговоры съ обѣими сторонами, не осмѣливаясь принять окончательнаго рѣшенія. Эти колебанія внезапно прекратились въ январѣ 1812 года, когда Даву занялъ шведскую Померанію. 12-го апрѣля подписанъ былъ уже формальный союзъ между Швеціей и Россіей, повлекшій за собою заключеніе перемирія между Россіей и Великобританіей. Такое перемиріе являлось безусловно необходимымъ, такъ какъ Россіи слѣдовало вывести свои войска изъ придунайскихъ княжествъ для предстоящей рѣшительной борьбы съ Наполеономъ. Надлежало поэтому вступить въ какое либо соглашеніе съ Турціей. Русское правительство встрѣтило со стороны Блистательной Порты полнѣйшую готовность къ такому соглашенію и въ свою очередь предложило Турціи весьма благопріятныя условія. Наполеонъ требовалъ, чтобы султанъ выставилъ въ поле сто тысячную армію и въ такомъ случаѣ обѣщалъ вернуть Оттоманской имперіи все, что было отнято отъ нея русскими. Англія пригрозила, однако, бомбардированіемъ Константинополя, въ случаѣ еслибъ султанъ вздумалъ упрямиться, а потому, 28-го мая 1812 года, онъ заключилъ съ Россіей сдѣлку, по которой рѣка Прутъ должна была служить границей между владѣніями Россіи и Турціи.

Несмотря на изъявленную Портой покорность, Великобританіи не суждено было остаться пассивною зрительницей предстоявшей войны. Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, вообще говоря, удавалось до тѣхъ поръ ограждать свой нейтралитетъ, но торговля ихъ несла чувствительный ущербъ. Въ 1810 году 1-го мая конгрессъ постановилъ воспретить торговлю съ Великобританіей, если Наполеонъ отмѣнитъ стѣснительные свои декреты, и обратно воспретить торговлю съ Франціей, если Великобританія отмѣнитъ свои указы. Мадиссонъ и республиканская партія надѣялись такимъ образомъ облегчить бѣдственное положеніе американскихъ фермеровъ и купцовъ. Наполеонъ, пользуясь мѣшкотностью существовавшихъ тогда сношеній, объявилъ, что отказывается отъ берлинскаго и миланскаго декретовъ, но продолжалъ вмѣстѣ съ тѣмъ попрежнему конфисковать американскія торговыя суда. Англія не дала ему поймать себя на удочку и продолжала примѣнять свои указы, дополнивъ ихъ еще новыми строгостями. Подобный образъ дѣйствій привелъ населеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ такое негодованіе, что они потребовали объявленія войны противъ притѣснителей, и 19-го іюля 1812 года война эта была дѣйствительно объ-

явлена. Такимъ образомъ дипломатическое жонглерство Наполеона увѣнчалось въ данномъ случаѣ полнымъ успѣхомъ.

Государямъ Рейнскаго союза отданы были уже за годъ передъ тѣмъ надлежащія предписанія. Подданные ихъ не чувствовали на малѣйшаго стремленія воевать съ Россіей, но усердіе государей устраняло возможность хотя бы даже самой слабой оппозиціи. Саксонскій король заранѣе уже питалъ самую пламенную благодарность въ счетъ будущихъ благъ, которыя ожидалъ отъ Наполеона. Его великое герцогство Варшавское фактически превратилось въ вооруженный лагерь, такъ какъ и сами поляки ожидали теперь національнаго своего возрожденія и готовы были принести ради этого величайшія жертвы. Владѣнія князя-примаса были преобразованы въ великое герцогство для пасынка Наполеона, Евгенія, который долженъ былъ уступить свое вице-королевство маленькому римскому королю. Населеніе новаго великаго герцогства, польщенное назначеніемъ ему новаго монарха выставило даже большій контингентъ, чѣмъ отъ него требовалось. Виртембергъ и Баденъ, провѣдивъ, что Наполеонъ предпочитаетъ враговъ ненадежнымъ друзьямъ, нашли возможнымъ исполнить свои обязанности. Жеромъ Наполеонъ, слѣдуя инстинктивнымъ стремленіямъ, одушевлявшимъ всѣхъ близкихъ родственниковъ державнаго его брата, пытался уклоняться подъ разными предлогами, но его супруга была женщина благоразумная. Къ тому же оба они имѣли передъ глазами примѣръ Луи Бонапарта, наглядно свидѣтельствовавшій о возможности утратить королевскій санъ въ случаѣ слишкомъ упорнаго неповиновенія императорской волѣ. Вторичное настоятельное требованіе, обращенное къ вестфальскому королю, было поэтому безотлагательно выполнено. Баварія и Швейцарія выставили свои контингенты безъ всякихъ недоразумѣній и препирательствъ. Между германскими нѣмцами имѣлось у Наполеона немало враговъ. Одни ненавидили его за безцеремонное обращеніе съ папой, другіе — за разрушеніе множества мелкихъ германскихъ государствъ, а нѣкоторые набожные протестанты усматривали даже въ немъ всѣ отличительные признаки Антихриста. Тѣмъ не менѣе громадное большинство нѣмцевъ пребывало въ выжидательномъ состояніи и воздерживалось отъ окончательнаго рѣшенія. Многіе признавали, что Наполеонъ внесъ новую жизнь даже и въ государственную дѣятельность монарховъ, принадлежавшихъ къ старинным европейскимъ династіямъ. Нѣкоторые либералы, какъ напримѣръ Гете, Виландъ и Дальбергъ, надѣялись, что успѣхи Наполеона поведутъ къ полному уничтоженію феодализма и устарѣлыхъ учрежденій, препятствовавшихъ прогрессу.

Это уже совершилось во Франціи, вслѣдствіе чего крестьянство и горожане стояли за имперію. Въ самомъ Парижѣ высшимъ классамъ населенія былъ еще памятенъ терроръ, а потому они готовы были поддерживать монархію въ какой угодно формѣ, лишь бы только она обезпечивала спокойствіе и порядокъ. Коегдѣ можно было еще встрѣтить немногихъ радикаловъ и сравни-

тельно гораздо большее число роялистовъ, но весь народъ въ массѣ жаждалъ единственно только славы и безопасности. Французы искренно радовались нравственному успокоенію, временно доставленному имъ императорской властью, которая ограждала семью, собственность и, до нѣкоторой степени, даже религію. Семейная жизнь въ Тюльери могла и на самомъ дѣлѣ назваться образцовой. Императоръ проводилъ очень пріятно для себя время въ домашнемъ кружкѣ. Онъ игралъ на бильярдѣ, катался верхомъ, прогуливался въ экипажѣ и даже бѣгалъ взапуски и возился съ молодой своей супругой; любовь же его къ малюткѣ-сыну являлась просто изумительной. Тѣмъ не менѣе онъ не превращался въ пуританина и не препятствовалъ никому предаваться грѣховной жизни, если только за это вносился приличный денежный кушъ. Такимъ путемъ составлялись громадныя суммы, обогощавшія секретный императорскій фондъ. Строгое примѣненіе континентальной системы вызывало застой въ промышленности, и каждая семья испытывала массу мелкихъ лишеній, за отсутствіемъ возможности пользоваться сахаромъ и другими колоніальными продуктами, успѣвшими уже войти въ общее употребленіе. Тѣмъ не менѣе во Франціи проявлялась, вообще говоря, надежда на то, что эти лишенія вскорѣ прекратятся. Надлежало только обождать еще немного, а между тѣмъ приходилось мириться съ еще худшими вещами, чѣмъ съ такимъ ожиданіемъ. Крестьянству надоѣло уже видѣть своихъ сыновей, служившихъ въ арміи и возвращавшихся изъ тяжелыхъ утомительныхъ походовъ безъ славы и добычи. Оно начало негодовать на законъ о конскрипціи, еще въ отрочествѣ отрывавшій подроставшее поколѣніе отъ семьи. Уклоненія отъ воинской повинности стали до такой степени частыми, что пришлось издать грозный законъ, по которому отвѣтственность за дезертировъ возлагалась не только на семью, но также на цѣлую общину и подъ конецъ даже на цѣлый уѣздъ. Этотъ законъ безпощадно приводился въ исполненіе отрядами конницы, извѣстными подъ названіемъ летучихъ колоннъ. Въ концѣ концовъ все мужское населеніе Франціи, способное носить оружіе, было привлечено къ военной службѣ и раздѣлено на три разряда: первый, второй и запасный призывы. Къ этому послѣднему принадлежали всѣ мужчины въ возрастѣ отъ сорока до шестидесяти лѣтъ. Несмотря, однако, на этотъ и многіе другіе поводы къ недовольству, надежда на скорую перемѣну къ лучшему вызывала въ народныхъ массахъ восторженный подъемъ духа. Въ мартѣ 1812 года Наполеонъ располагалъ уже 475.000 войска, готоваго двинуться въ походъ по первому его приказанію.

Съѣздъ государей.

По наружности у Наполеона было все уже готово къ объявленію войны. Армія его была фактически готова къ предстоявшей кампаніи, по скольку дѣло касалось ея снаряженія, организаціи, обезпеченія интендантскимъ довольствіемъ и даже страте-

гическимъ планомъ. Все было разработано до мельчайшихъ подробностей, какія только могли быть доступны оффиціальной предусмотрительности. Весь вопросъ заключался въ томъ, въ какой степени могъ полагаться великій полководецъ на стойкость и выносливость своихъ солдатъ и офицеровъ. Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ началъ обнаруживаться въ рядахъ арміи ропотъ. Наполеонъ еще съ 1808 года занялся изученіемъ римскихъ походовъ въ восточныя страны, а Ланнъ въ 1809 году предупреждалъ императора, что многіе изъ самыхъ довѣренныхъ сподвижниковъ готовы ему измѣнить, если онъ вздумаетъ продолжать свою карьеру завоевателя. Другой искренній другъ Наполеона, Декре, выразилъ въ 1810 году опасеніе, что имперія и самъ императоръ погибнутъ когда-нибудь въ ужасающей стихійной катастрофѣ, а въ 1811 году Реньо де-Сенъ Жанъ д'Анжели воскликнулъ: „Этотъ несчастный погубитъ себя самого, погубитъ насъ, погубитъ рѣшительно все!“ Оба эти послѣднія зловѣщія предсказанія, безъ сомнѣнія, не доходили до ушей Наполеона. По свѣдѣніямъ изъ не особенно достовѣрныхъ, впрочемъ, источниковъ самъ императоръ будто бы заявлялъ: „Меня неудержимо уноситъ судьба къ невѣдомому будущему!“

Коленкуръ не скрывалъ, что личныя его опасенія за это будущее возростали по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе обстоятельно ознакомлялся съ Россіей. Понятовскій сомнѣвался, чтобы Литва возстала противъ русскаго государя. Сегюръ и Дюрокъ предсказывали, что Франція утратитъ свой энтузіазмъ, если ей будетъ суждено сдѣлаться просто на-просто одной изъ областей великой имперіи. Даже Фуше счелъ нужнымъ составить докладную записку противъ войны съ Россіей и обратить въ ней вниманіе императора на участь Карла XII. Содержаніе этой докладной записки было заранѣе сообщено Наполеону однимъ изъ его шпіоновъ, а потому, когда авторъ записки явился съ нею къ императору, онъ былъ встрѣченъ презрительными насмѣшками. Считая Пруссію совершенно безсильной и безпомощной, императоръ порицалъ Даву за пессимистическія донесенія о всюду обнаруживавшихся тамъ новыхъ патріотическихъ вѣяніяхъ. Спустя много времени послѣ того, Жомини утверждалъ, будто великій полководецъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ друзей и наперстниковъ, заявлялъ, что жаждетъ возбужденія боя.

Несмотря на опасенія, проявлявшіяся у немногихъ выдающихся французовъ, общественное мнѣніе было увѣрено въ побѣдѣ. Подробности о только что упомянутыхъ заявленіяхъ появились лишь послѣ катастрофы. На самомъ дѣлѣ, въ 1812 году, шансы успѣха предстоявшей кампаніи казались значительно большими, чѣмъ въ 1809-мъ. Самъ Наполеонъ былъ болѣе увѣренъ въ окончательной побѣдѣ. Новобранцы, которыми онъ пополнилъ ряды великой своей арміи, были, повидимому, не хуже прежнихъ конскриптовъ, призывавшихся когда-либо подъ знамена со временъ учрежденія консульства. Ветеранъ Куанье, на вопросъ о томъ, какого онъ мнѣнія о походѣ въ Россію, отвѣтилъ: „Провидѣніе и

мужество ни въ какомъ случаѣ не покинутъ хорошаго солдата". Что касается до главнокомандующаго, то онъ въ значительной степени отрѣшился отъ прежнихъ своихъ кутежей и любовныхъ похожденій. Эта перемѣна обусловливалась частью политическими соображеніями, частью же искренней привязанностью къ женѣ и младенцу-сыну. Въ ранней молодости и въ первый періодъ возмужалости, Наполеонъ позволялъ себѣ увлекаться женщинами, но ни одна изъ нихъ, не исключая даже Жозефины, не могла остановить его на пути къ власти. Что касается до Маріи-Луизы, то онъ смотрѣлъ на нее, какъ на царственную супругу, по отношенію къ которой нельзя было выказать достаточной степени уваженія и вниманія. Привыкнувъ къ уступчивости въ бытность свою австрійской эрцгерцогиней, она обнаруживала такую же уступчивость и на императорскомъ французскомъ престолѣ, производя такое впечатлѣніе, какъ если бы у нея не было собственной воли и собственнаго почина. Многіе находили, что Марія-Луиза оставалась австріячкой не только по внѣшности, но также и въ душѣ. Быть можетъ, это была приманка, брошенная ястребу для того, чтобы удержать его отъ дальнѣйшихъ хищническихъ нападеній на истерзанную и ослабленную имъ имперію Габсбурговъ. Какъ бы ни было, но семейное счастье Наполеона никоимъ образомъ не могло подорвать его энергіи и геніальныхъ способностей. Возможно, впрочемъ, что по временамъ оно побуждало его къ чрезмѣрной осторожности, реакціей противъ которой являлась столь же чрезмѣрная самоувѣренность.

Въ продолженіи двухлѣтнихъ дипломатическихъ препирательствъ починъ исходилъ какъ будто со стороны Россіи, но въ дѣйствительности подстрекательницей къ войнѣ являлась Франція. Нельзя указать одной какой-либо опредѣленной причины для этой войны. Нѣкоторые возлагаютъ всю отвѣтственность за нее на Наполеона, указывая, что всемірное владычество, къ которому онъ стремился, дѣлало войну съ Россіей неизбѣжной. Меттернихъ, напротивъ того, утверждаетъ, что Россія непростительнымъ образомъ сама вела дѣло къ войнѣ. Тильзитскій союзъ опирался, главнымъ образомъ, на личную дружбу между заключившими его императорами, а потому долгая разлука между ними неизбѣжно должна была его ослабить. Тѣсныя связи между русской и австрійской аристократіей, которыя обѣ негодовали на континентальную систему, значительно уменьшавшую доходы съ громадныхъ помѣстьевъ,—англійская политика, которою руководилъ Кэстльри,—и ольденбургскій вопросъ,—все это вмѣстѣ клонилось къ одному и тому же результату. Съ точки зрѣнія императора Александра главныя усложненія обусловливались польскимъ вопросомъ и континентальною системой, тогда какъ вопросъ о брачномъ союзѣ имѣлъ лишь второстепенное значеніе. Въ январѣ 1812 года русскій государь предъявилъ свой ультиматумъ Наполеону, отвѣтившему на сосредоточеніе русскихъ войскъ передвиженіемъ передовыхъ частей грозной своей арміи въ Эрфуртъ и Магдебургъ. Императоръ Александръ изъявлялъ готовность удалить русскія войска отъ гра-

ницы, если Наполеонъ выведетъ, въ свою очередь, свои войска изъ Германіи. Онъ соглашался даже на замѣну для своего зятя Ольденбургскаго великаго герцогства городомъ Эрфуртомъ съ прилежащей къ нему территоріей и дозволялъ Варшавѣ оставаться столицей саксонской области. При этомъ, однако, Александръ I не упоминалъ ни однимъ словомъ о континентальной системѣ, а между тѣмъ, для Наполеона отреченіе Россіи отъ этой системы было равносильно разрушенію всей его имперской политики. Въ надеждѣ обезпечить себѣ уступку и относительно этого наиболѣе существеннаго вопроса, французскій императоръ двинулъ войска къ Вислѣ, какъ разъ на другой день послѣ подписанія союзнаго договора своего съ Пруссіей.

Можно было ожидать, что Россія отвѣтитъ на этотъ вызовъ вторженіемъ въ Варшавское великое герцогство. Хотя возрожденная Польша и подготовилась къ оборонѣ, но все-таки можно было сломить ея сопротивленіе, прежде чѣмъ Великая армія успѣетъ подойти къ ней на выручку. Кромѣ того, съ самаго начала 1812 года, во Франціи появились довольно неблагопріятные предвѣстники. Продовольственныхъ запасовъ оказывалось очень мало, а спекуляторы, пользуясь этимъ, дѣятельно скупали весь хлѣбъ, подвозившійся на рынки, и такимъ образомъ вызывали его вздорожаніе. Наполеонъ сознавалъ поэтому необходимость пробыть еще нѣсколько времени въ своей столицѣ и успокоить умы, принявъ мѣры къ пресѣченію упомянутыхъ злоупотребленій. Задаваясь по наружности желаніемъ избѣгнуть окончательнаго разрыва съ Россіей, но въ дѣйствительности лишь для того, чтобы избѣжать преждевременнаго открытія военныхъ дѣйствій, онъ пригласилъ къ себѣ русскаго флигель-адъютанта Чернышева, который, въ продолженіи уже трехъ лѣтъ, состоялъ при немъ въ качествѣ яваго шпіона, посылавшаго свои донесенія въ Петербургъ. Французскій императоръ объявилъ, что согласится на всѣ условія русскаго ультиматума, если только взамѣнъ указа, изданнаго въ декабрѣ 1810 года, будетъ заключенъ между Россіей и Франціей добропорядочный торговый договоръ, иными словами, если императоръ Александръ приметъ на себя обязательство соблюдать духъ и букву континентальной системы. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ полученію отвѣта отъ русскаго государя, боевыя силы Наполеона продолжали стягиваться къ Вислѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удалось различными палліативными мѣрами временно облегчить экономическую неурядицу во Франціи. Отвѣтъ, присланный въ послѣднихъ числахъ апрѣля, сводился къ заявленію, что Россія не можетъ существовать безъ нейтральной торговли. Императоръ Александръ соглашался до нѣкоторой степени измѣнить свой указъ, но требовалъ, чтобы Франція, въ доказательство своего миролюбія, предварительно очистила Пруссію и вознаградила чѣмъ-нибудь Швецію за Померанію. 1-го мая французская армія дошла до Вислы, а 9-го числа того же мѣсяца Наполеонъ съ своею супругой выѣхалъ изъ Парижа въ Дрезденъ.

Могучая волна германскаго патріотизма чуть не утопила На-

полеона въ 1809 году. Бракъ французскаго императора съ австрійской эрцгерцогиней отстранилъ Габсбургскій домъ отъ прежней руководящей его роли въ Германіи. Путешествіе Наполеона съ Маріей-Луизой въ Дрезденъ и временное пребываніе тамъ императорскаго двора имѣли цѣлью ослѣпить народныя массы на материкѣ Европы и, быть можетъ, также застращать русское правительство. Во время дрезденскихъ блестящихъ торжествъ, французы обнаруживали искренній энтузіазмъ, а нѣмцы не выказывали ни малѣйшей ненависти. Высшая германская аристократія, мелкіе державцы и болѣе крупные государи примкнули къ французской императорской свитѣ и придали ей новый небывалый еще до тѣхъ поръ блескъ. Всѣ союзные съ Франціей монархи, съ императоромъ Франціемъ, какъ самымъ старѣйшимъ, во главѣ, выстроились, чтобы встрѣтить августѣйшаго французскаго императора. Марія-Луиза держала себя съ величіемъ, подобающимъ западной императрицѣ. Она покровительственно относилась къ своему отцу и мачихѣ, и выхваляла превосходство парижской цивилизаціи передъ вѣнскою. Въ Дрезденѣ она впервые встрѣтилась съ австрійскимъ камергеромъ Нейпергомъ, который впослѣдствіи сталъ морганатическимъ ея супругомъ. Наполеонъ выказалъ себя измѣнившимся къ лучшему. Онъ сталъ сдержаннѣе, умѣреннѣе и все время обнаруживалъ наилучшее расположеніе духа. Его вассалы и родственники, маршалы и генералы казались не только довольными, но даже веселыми. Одинъ лишь прусскій король, утратившій злополучную свою красавицу-супругу, постоянно оставался печальнымъ. Ходили, однако, слухи о сватовствѣ прусскаго наслѣднаго принца за одну изъ племянницъ Наполеона. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что за веселою внѣшностью скрывались во многихъ случаяхъ тяжкія заботы, а также горькія чувства разочарованія и опасенія. Самъ французскій императоръ, исполняя обязанности радушнаго хозяина, посвящалъ все свободное отъ нихъ время неустанной работѣ и по-долгу сидѣлъ запершись въ кабинетѣ съ разными дипломатами. Въ качествѣ послѣдняго шага къ сохраненію мира, но въ сущности для того, чтобы собрать обстоятельныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ, отправленъ былъ Нарбоннъ къ императору Александру, съ приглашеніемъ навѣстить французскую императорскую чету въ Дрезденѣ. Одновременно съ этимъ командированъ былъ въ Польшу аббатъ де-Прадтъ, чтобы возбудить среди поляковъ чувство восторженной преданности къ Франціи.

Безпримѣрный еще по своему блеску императорскій дворъ разъѣхался 28-го мая изъ Дрездена. Самъ Наполеонъ быстро прослѣдовалъ оттуда черезъ Познань и Варшаву въ Торнъ. Поляки встрѣчали его съ самымъ демонстративнымъ восторгомъ. Имъ и въ голову не приходило, что французскій императоръ, котораго они считали своимъ освободителемъ, заключилъ уже съ тестемъ договоръ, по которому уступалъ Австріи Галицію. Наполеону пришлось дорого поплатиться за эту измѣну польскому дѣлу и за пренебреженіе, съ которымъ онъ относился къ полякамъ. Искренно позаботившись объ организаціи мощнаго ядра

польской національности, онъ этимъ самымъ затруднилъ бы или, быть можетъ, даже окончательно устранилъ возможность союза между Россіей, Австріей и Пруссіей, подъ ударами котораго погибла подъ конецъ его имперія. Основатель императорской династіи не могъ, впрочемъ, отнестись съ надлежащимъ довѣріемъ къ польской демократіи. Когда собравшійся въ Варшавѣ сеймъ обратился къ нему съ просьбою признать фактъ существованія Польши, Наполеонъ неодобрительно высказался о томъ, что эта просьба написана не на польскомъ, а на французскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказалъ истинное свое настроеніе, предназначивъ австрійскій вспомогательный корпусъ для дѣйствій на Волыни. Это было сдѣлано, очевидно, съ такимъ разсчетомъ, чтобъ устранить возможность возбужденія среди русскихъ поляковъ несбыточныхъ ожиданій, подъ вліяніемъ энтузіазма, который неизбѣжно вызвало бы среди нихъ появленіе французскихъ, или же польскихъ войскъ. Прибывъ въ Вильну, Наполеонъ убѣдился, что пассивное населеніе Литвы не расположено возставать противъ Россіи и не дѣлалъ никакихъ попытокъ поднять такое возстаніе. Кажется, что сперва онъ имѣлъ въ виду свести дѣло къ пограничной кампаніи. Въ такомъ случаѣ планъ этотъ подвергся вскорѣ радикальному измѣненію. Пользуясь тѣмъ, что Австрія фактически примкнула къ его системѣ и, удерживая за собою Венецію и Тріестъ, какъ опорные пункты для восточной своей политики, императоръ рѣшился оттѣснить Россію отъ Европы и, быть можетъ, отбросить ее совсѣмъ въ Азію. Еслибъ ему это удалось, Польша была бы, пожалуй, присоединена къ Франціи и раздѣлена на департаменты, вмѣсто того чтобъ создавать изъ нея безпокойное вассальное полунезависимое государство.

Перемѣна, постепенно происходившая во внѣшности Наполеона и въ его тѣлосложеніи, была уже совершенно закончена къ тому времени, когда началась кампанія 1812 года. Онъ сильно пополнѣлъ, и всѣ его движенія, утративъ прежнюю живость и угловатость, сдѣлались до чрезвычайности медленными. По временамъ у него обнаруживались проявленія повышенной чувствительности, истолковывавшіяся компетентными лицами въ смыслѣ симптомовъ истерики, но, вообще говоря, преобладающее настроеніе оказывалось вялымъ. У него начали уже появляться первые признаки мучительной болѣзни (затрудненнаго мочеиспусканія), которая вскорѣ достигла полнаго своего развитія. Быть можетъ, именно поэтому императоръ имѣлъ всегда утомленный видъ. Ему случалось, разумѣется, приходить также и въ возбужденіе, но оно зачастую вызывалось до смѣшного ничтожными причинами. Отправляясь въ предшествовавшіе походы, онъ уѣзжалъ всегда изъ Парижа безъ шума и на-легкѣ, какъ подобаетъ непритязательному воину. На этотъ же разъ онъ окружилъ себя придворною роскошью и намѣревался привезти на театръ войны драматическую и оперную труппу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ до чрезвычайности заботиться о соблюденіи внѣшняго императорскаго декорума и возилъ съ собою въ чемоданахъ императорскія регаліи и парад-

ное облаченіе, которое было на немъ въ день коронованія. Видъ у него остался въ достаточной степени внушительнымъ и величественнымъ, но во взорѣ не замѣчалось прежней живости и прежняго огня. Онъ производилъ впечатлѣніе больного, равнодушнаго ко всему окружающему. Нельзя было даже подмѣтить, чтобы онъ гордился великолѣпной своей арміей и питалъ къ ней особенное довѣріе. При всемъ томъ, тщательное изученіе подробностей кампаніи 12-го года доказываетъ, что геній великаго полководца нимало не ослабѣлъ. Стратегическія комбинаціи Наполеона въ эту кампанію были грандіознѣе чѣмъ когда-либо. Только въ исторіи Востока можно было бы отыскать прецеденты такой многочисленности боевыхъ массъ, которыя шли теперь по мановенію французскаго императора на Россію, но ничего подобнаго великолѣпной организаціи всего механизма, пущеннаго имъ въ ходъ, никогда еще до тѣхъ поръ не встрѣчалось. У каждаго корпуса имѣлся собственной свой обозъ для подвоза продовольствія и боевыхъ припадлежностей. Громадные интендантскіе и артиллерійскіе склады были заранѣе уже заготовлены въ Модлинѣ, Торнѣ, Пиллау, Данушѣ и Магдебургѣ. Въ арсеналахъ двухъ послѣднихъ крѣпостей сосредоточены были артиллерійскіе парки, предназначавшіеся для осады Динабурга и Риги. При арміи имѣлось много понтонныхъ парковъ съ запасами всевозможныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для мостовыхъ сооруженій. Артиллерія состояла изъ 1.350 полевыхъ орудій, съ 18.000 лошадей. Для перевозки громадныхъ запасовъ интендантскаго довольствія заготовлено было нѣсколько тысячъ воловьихъ подводъ. Въ крѣпостяхъ, пограничныхъ съ театромъ войны, хранился, кромѣ того, пятидесятидневный запасъ продовольствія на 400.000 человѣкъ. Зная условія русскаго театра войны, Наполеонъ готовился пролагать для своихъ полчищъ путь черезъ рѣки и болота и кормить громадную армію, не раззоряя мѣстное населеніе. Предполагалось добывать на театрѣ войны единственно только фуражъ для лошадей и воловъ. Выработанный Наполеономъ стратегическій планъ кампаніи былъ самъ по себѣ великолѣпенъ. Составными его элементами являлись неожиданное сосредоточеніе боевыхъ силъ и прорывъ сквозь непріятельскую оборонительную линію, долженствовавшій закончиться рѣшительной побѣдой и занятіемъ вражеской столицы. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на всѣ препятствія, съ которыми пришлось для этого бороться. Императоръ намѣревался въ первый годъ ограничиться завоеваніемъ Минска и Смоленска, перезимовать тамъ и заняться организаціей завоеванной имъ территоріи. Если это не подѣйствуетъ на русское правительство, то весною въ слѣдующемъ году Наполеонъ разсчитывалъ дойти до Москвы и, занявъ древнюю русскую столицу, принудить императора Александра къ заключенію мира.

Нашествіе на Россію.

При отъѣздѣ Наполеона изъ Дрездена войска его были расположены такъ, что русскіе не могли предугадать, съ какой

именно стороны: съ сѣвера или съ юга, Наполеонъ разсчитываетъ нанести имъ ударъ. Они раздѣлили поэтому свою армію на двѣ части. Барклай-де-Толли, съ 127.000 человѣкъ, стоялъ передъ Вильной, а Багратіонъ, съ 66.000, находился въ Волыни, прикрываясь болотами, раскинувшимися въ верховьяхъ Припети. Барклай ласкалъ себя сперва было надеждой на возможность нанести французамъ при самомъ открытіи кампаніи неожиданный быстрый ударъ, и такимъ образомъ одержать надъ врагомъ съ самаго начала побѣду, которая не преминула бы поднять духъ русскихъ войскъ и нравственно ослабить непріятеля. Онъ вскорѣ убѣдился, однако, въ опасности своего собственнаго положенія и рѣшился притянуть къ себѣ армію Багратіона, мѣсто которой должны были заступить другія войска. Военныя дѣйствія начались съ того, что Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ и, быстро двигаясь впередъ, овладѣлъ Вильной. Баркалай отступилъ съ первой арміей на укрѣпленный лагерь, устроенный подъ Дриссой, дабы прикрывать Петербургъ. Если-бы Жеромъ съ своимъ корпусомъ въ точности выполнилъ приказанія Наполеона и шелъ съ достаточной быстротою изъ Гродно наперерѣзъ Багратіону, то вторая русская армія оказалась бы со всѣхъ сторонъ окруженной французскими войсками, значительно превышавшими ее въ численности и, безъ сомнѣнія, была бы уничтожена. Планъ этотъ не удался вслѣдствіе нерадивости вестфальскаго короля и невѣжественнаго его самомнѣнія, выражавшагося нежеланіемъ слушаться болѣе опытныхъ генераловъ. Благодаря этому, Багратіонъ успѣлъ повернуть назадъ и, спустившись внизъ по теченію Днѣпра, укрылся отъ преслѣдованія. Наполеонъ одно мгновенье помышлялъ о томъ, чтобы, соединивъ корпуса Нея и вице-короля итальянскаго, отрѣзать путь отступленія Барклаю, но Ней въ это время продвинулся уже слишкомъ далеко къ Динабургу, а потому не могъ прибыть во-время для осуществленія этой комбинаціи. Багратіонъ, успѣвшій совершить длинное обходное движеніе, вступилъ уже въ связь съ первой арміей и, повидимому, обезпечилъ себѣ возможность соединиться съ нею передъ Смоленскомъ. При этихъ передвиженіяхъ обѣ русскихъ арміи потеряли много людей, такъ что могли теперь въ совокупности составить боевую силу всего лишь въ 120.000 человѣкъ. Русское правительство нигдѣ не могло раздобыть денегъ. Дрисскій укрѣпленный лагерь оказывался весьма ненадежнымъ оплотомъ противъ такого предпріимчиваго врага, какъ Наполеонъ, а настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи стало до чрезвычайности неблагопріятнымъ. Русскій народъ обвинялъ во всемъ нѣмцевъ, окружавшихъ императора. Въ обѣихъ столицахъ деморализація дошла до такой степени, что государю пришлось поспѣшить туда пріѣздомъ, дабы предотвратить взрывъ народнаго негодованія. Хотя за послѣднее время онъ лично и не пользовался популярностью, но, въ данномъ случаѣ, его присутствіе произвело желаемое дѣйствіе. Петербургское и московское дворянство и купечество воспламенились воинственнымъ духомъ, раскрыли свои сундуки и снарядили многочисленное ополченіе. Къ концу

іюля мѣсяца вся Россія, проникшись увѣренностью въ побѣдѣ, съ нетерпѣніемъ ждала рѣшительнаго сраженія.

Наполеонъ, въ свою очередь, тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ развязки. Если русская армія, на своей собственной территоріи, таяла такимъ образомъ въ лѣтнія жары отъ болѣзней и побѣга изъ подъ знаменъ, то можно себѣ представить, какую убыль несли французскія войска. Положеніе ихъ могло улучшить лишь выигранное рѣшительное сраженіе и, послѣ переправы черезъ Нѣманъ, солдаты все время ждали битвы, какъ праздника. Страшныя жары, пыль и жажда быстро ослабляли численность французскихъ колоннъ, двигавшихся усиленными маршами; безпощадное сѣверное солнце парализовало жизненную энергію какъ у людей, такъ и у животныхъ; крестьяне, разбѣгаясь передъ надвигавшимися непріятельскими полчищами, опустошали свои поля; лошадей и воловъ приходилось кормить полусгнившей соломой, сорванной съ крышъ покинутыхъ избъ, вслѣдствіе чего они падали во множествѣ; обозы не поспѣвали поэтому за войсками, и утомленнымъ, обезсиленнымъ солдатамъ пришлось питаться почти исключительно мясомъ. Во французской арміи развилась страшная диссентерія, отъ которой солдаты гибли, какъ мухи. Въ баварскомъ корпусѣ, состоявшемъ подъ командой Сенъ-Сира, ежедневная смертность одно время доходила отъ 700 до 800 человѣкъ. Въ другихъ частяхъ войскъ ежедневная убыль была хотя и меньше, но все-таки достигала очень солидныхъ размѣровъ. Факты эти объясняютъ до нѣкоторой степени медленность послѣдующихъ движеній Великой арміи. Впрочемъ, политическія соображенія требовали, чтобы Наполеонъ прежде, чѣмъ идти впередъ, далъ надлежащее административное устройство русскимъ губерніямъ, оставшимся у него въ тылу. Онъ дѣйствительно прилагалъ къ этому всевозможныя старанія. Безъ сомнѣнія, никогда еще ему не случалось трудиться надъ разрѣшеніемъ задачи, столь колоссальной въ своихъ размѣрахъ. Подробности военныхъ и политическихъ мѣропріятій требовали тщательнаго всесторонняго обсужденія, причемъ необходимо было дѣйствовать тѣмъ осмотрительнѣе, что надлежало готовиться къ рѣшительному упорному бою съ мужественнымъ и стойкимъ врагомъ.

Витебскъ и Смоленскъ занимаютъ аналогичное положеніе на Двинѣ и Днѣпрѣ. Первая изъ этихъ рѣкъ направляется къ сѣверо-западу, а вторая къ юго-востоку и углубляется далеко внутрь Россіи. Барклай-де-Толли разсчитывалъ соединиться съ княземъ Багратіономъ подъ Витебскомъ. Наполеонъ, прибывъ туда 27-го іюля, надѣялся, въ свою очередь, что русскіе дадутъ ему случай выиграть рѣшительное сраженіе подъ этимъ городомъ. Оказалось, однако, что Даву такъ быстро гнался за Багратіономъ, что оттѣснилъ вторую русскую армію значительно далѣе на востокъ. Первая армія вынуждена была поэтому тоже поспѣшно отступать къ Смоленску, гдѣ она, наконецъ и соединилась съ войсками Багратіона. При тогдашнихъ путяхъ сообщенія быстрота, съ которою приходилось преслѣдовать отступавшія русскія арміи, выдвинула центръ французской арміи значительно впередъ и заставила его

утратить непосредственную связь съ обоими крыльями, изъ которыхъ одно, состоявшее изъ пруссаковъ, находилось близь Риги, а другое—австрійское, вступило въ Волынь. Надлежало сосредоточить длинную растянутую линію центра великой арміи, и такъ какъ мѣстныя условія стали болѣе благопріятными, Наполеонъ рѣшилъ было стянуть свои войска къ Витебску и дать имъ тамъ роздыхъ, въ которомъ они дѣйствительно нуждались. Его маршалы и генералы до такой степени упали духомъ, что ихъ и въ самомъ дѣлѣ радовала перспектива продолжительной стоянки въ окрестностяхъ Витебска, гдѣ климатическія условія являлись сравнительно благопріятными. Одинъ только Мюратъ возражалъ противъ продолжительнаго отказа отъ наступательныхъ операцій, начавшихся столь удачно. Наполеонъ отвѣтилъ на его возраженія, объяснивъ, что война съ Россіей потребуетъ для своего окончанія не менѣе трехъ лѣтъ, но вскорѣ измѣнилъ принятое имъ рѣшеніе. Войска его быстро начали оправляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ ихъ командирамъ вернулась прежняя бодрость духа и увѣренность въ возможности окончить войну однимъ ударомъ. Австрійцамъ подъ командой князя Шварценбера на правомъ крылѣ, а Макдональду и пруссакамъ на лѣвомъ, посланы были приказанія, свидѣтельствовавшія, что Наполеонъ замышлялъ какой-то грандіозный маневръ. Ему дѣйствительно хотѣлось возможно скорѣе заручиться выдающимся блестящимъ успѣхомъ, дабы поддержать свой престижъ среди поляковъ, который началъ было ослабѣвать съ такою же быстротой, съ какой таяла великая его армія. Французскому императору нечѣмъ было пополнять убыль въ ея рядахъ, но возстановить свой престижъ онъ хотѣлъ во что бы то ни стало, а это могло быть достигнуто, какъ онъ самъ говорилъ Жомини, единственно только „порядочнымъ сраженіемъ“. Успѣшныя мелкія схватки на правомъ и лѣвомъ флангѣ, вызванныя выполненіемъ приказовъ Наполеона о сосредоточеніи войскъ, повидимому, предвѣщали французамъ быстрый рѣшительный успѣхъ.

Русскія арміи, соединившіяся подъ Смоленскомъ, въ свою очередь радовались тому, что перехитрили Наполеона и съ нетерпѣніемъ ждали генеральнаго сраженія. Одинъ только главнокомандующій, Барклай-де-Толли, считалъ подобное сраженіе до чрезвычайности рискованнымъ. Тѣмъ не менѣе, уступая общему воодушевленію, онъ двинулся впередъ, чтобы предложить непріятелю бой. 9-го августа произошла стычка между передовыми разъѣздами. Наполеонъ тотчасъ же двинулъ свои войска впередъ, но такъ какъ ни у русскихъ, ни у французовъ не имѣлось точныхъ свѣдѣній о расположеніи противника, то Барклай подался слишкомъ далеко вправо и, вмѣсто того, чтобы столкнуться съ французской арміей, потерялъ ее изъ виду. Попытка къ наступленію, со стороны русскихъ войскъ, имѣла, по мнѣнію Наполеона, характеръ такого дерзкаго вызова, на который непремѣнно слѣдовало отвѣтить, давъ Барклаю-де-Толли порядочное сраженіе подъ стѣнами Смоленска. Этотъ старинный укрѣпленный городъ лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, а потому прежде

всего слѣдовало переправиться черезъ эту рѣку. Операція эта была произведена самымъ блестящимъ образомъ. Барклай-де-Толли находился еще на правомъ берегу Днѣпра, въ разстояніи цѣлаго перехода отъ Смоленска, когда Ней и Мюратъ развернули уже 16-го августа свои войска на лѣвомъ берегу и двинулись къ Смоленску, разсчитывая овладѣть этимъ городомъ. Багратіонъ успѣлъ, однако, ихъ предупредить, поспѣшно переведя одинъ изъ своихъ корпусовъ въ городъ по имѣвшемуся тамъ мосту, а съ остальными войсками быстро двинулся внизъ по теченію Днѣпра, чтобъ задержать переправу остальной французской арміи. Первая попытка Нея взять штурмомъ ветхія, но довольно толстыя еще кирпичныя стѣны, которыми обнесенъ былъ Смоленскъ, не увѣнчалась успѣхомъ, а потому предписано было предварительно разрушить ихъ артиллерійскимъ огнемъ. Вечеромъ 17-го августа вся французская армія выстроилась на лѣвомъ берегу между городомъ и рѣкою, русская же армія стояла на высотахъ противуположнаго берега. Ночью съ 17-го на 18-е августа русская армія переправилась черезъ Днѣпръ по смоленскому мосту, оставила въ Смоленскѣ сильный аріергардъ, а въ четыре часа утра авангардъ ея двинулся уже къ Москвѣ. Наполеонъ, убѣжденный, что русскіе дадутъ ему сраженіе подъ стѣнами Смоленска, терпѣливо ждалъ до полудня, но затѣмъ, чтобъ вызвать Барклая-де-Толли къ бою, приказалъ снова штурмовать городъ. Къ позднему вечеру французамъ удалось овладѣть смоленскими предмѣстьями, но самый городъ русскіе все еще удерживали за собою. Ночью, благодаря пожару, вспыхнувшему въ нѣкоторыхъ городскихъ кварталахъ, русскій аріергардъ благополучно выступилъ изъ Смоленска. На слѣдующее утро онъ ушелъ уже такъ далеко, что преслѣдовавшіе французы не могли завязать съ нимъ боя; тѣмъ болѣе, что русскіе, отступая, разрушали за собою мосты. 23-го августа Барклай-де-Толли снова остановилъ свою армію и занялъ оборонительную позицію за рѣкою Ушей. Съ чисто формальной точки зрѣнія Наполеонъ одержалъ верхъ надъ русскими, такъ какъ овладѣлъ Смоленскомъ, который считался когда-то важнымъ пограничнымъ укрѣпленнымъ городомъ, но фактически ему не удалось принудить русскихъ къ рѣшительному сраженію, или-же отрѣзать имъ путь отступленія. Нею и Мюрату поручено было преслѣдовать отступавшую русскую армію, но они дѣйствовали безсвязно и неосмотрительно, обнаруживая первые симптомы деморализаціи, отразившіеся впослѣдствіи столь пагубно на судьбахъ Великой арміи. Мюратъ заранѣе уже предвидѣлъ, что русскіе ни въ какомъ случаѣ не дадутъ генеральнаго сраженія подъ Смоленскомъ, а потому просилъ Наполеона не посылать войска на штурмъ. Уже по взятіи Смоленска, адъютантъ Наполеона, Раппъ, напомнилъ императору о страшныхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось бороться французскимъ войскамъ на каждомъ шагу послѣ переправы черезъ Нѣманъ, и просилъ, по крайней мѣрѣ, на время, отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія въ глубь Россіи, тѣмъ болѣе, что французская армія занимала весьма выгодную для

обороны линію между Смоленскомъ и Витебскомъ, прикрытую съ обоихъ флланговъ большими рѣками: Западной Двиною и Днѣпромъ. Наполеонъ предпочелъ, однако, принять во вниманіе, что барки, предназначавшіяся у него для перевозки грузовъ, сѣли на мель, а колесный обозъ пришелъ въ совершенное разстройство вслѣдствіе страшной убыли лошадей и воловъ. Привезенныхъ изъ Парижа поддѣльныхъ русскихъ ассигнацій никто болѣе не хотѣлъ принимать; а при такихъ обстоятельствахъ вопросъ о продовольствіи арміи, простиравшейся по меньшей мѣрѣ все еще до 185.000 человѣкъ, представлялся очень труднымъ для рѣшенія. Для прокормленія такой арміи всего удобнѣе казалось овладѣть какимъ-нибудь многолюднымъ городомъ. Ввиду этихъ соображеній Наполеонъ двинулъ свои войска 24-го августа далѣе на Востокъ, по направленію къ Москвѣ, разсчитывая, что если вообще окажется возможнымъ принудить императора Александра къ заключенію мира, то онъ выкажетъ большую готовность къ уступкамъ, когда одна изъ его столицъ будетъ уже занята непріятелемъ. Французы обладали совершенно обезпеченной операціонной базой. Въ Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ и Смоленскѣ оставлены были гарнизоны тысячъ по четырнадцати въ каждомъ. Правда, что линія отъ Нѣмана до Москвы представлялась очень растянутой, но Шварценбергъ на правомъ крылѣ обладалъ достаточными силами, дабы помѣшать прорыву Тормасова въ тылъ Великой арміи, а Витгенштейнъ, дѣйствовавшій противъ лѣваго крыла французовъ, былъ слишкомъ слабъ и не могъ предпринять ничего серьезнаго. Соображенія эти оказались невѣрными, потому что силы русскихъ постоянно возрастали, тогда какъ численность французскихъ войскъ и на операціонной базѣ, и на передовой линіи все убывала. Необходимо также присовокупить, что австрійцы держали себя въ Россіи подобно тому, какъ русскія войска держали себя въ предшествовавшую кампанію въ Австріи. Они производили скорѣе впечатлѣніе дружественнаго отряда, вышедшаго на военную прогулку, чѣмъ непріязненныхъ боевыхъ силъ, вторгнувшихся въ русскія владѣнія.

Въ настоящее время совершенно ясно, что чрезмѣрное удлиненіе французской операціонной линіи было само по себѣ уже серьезнымъ промахомъ, какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и по другимъ причинамъ, которыя тогда было, разумѣется, гораздо труднѣе разсмотрѣть. Такъ, напримѣръ, Наполеонъ не имѣлъ яснаго представленія о могуществѣ русскаго народнаго чувства любви къ отечеству, а между тѣмъ, лицомъ къ лицу съ такимъ народнымъ чувствомъ, единичный человѣкъ является, такъ сказать, исчезающей величиною, хотя въ періоды ослабленія этого чувства такой человѣкъ и можетъ играть роль всесвѣтнаго завоевателя.

Консервативная русская партія обвиняла Барклая-де-Толли въ томъ, что онъ, оставаясь черезчуръ нѣмцемъ въ душѣ, робко маневрировалъ вмѣсто того, чтобы сражаться. Въ особенную вину ставилось ему то обстоятельство, что онъ покинулъ чудотворный

образъ Смоленской Божьей Матери въ рукахъ непріятеля. Уступая давленію общественнаго мнѣнія, императоръ Александръ назначилъ главнокомандующимъ Кутузова, любимца консервативной славянской партіи, но Барклая-де-Толли уговорили остаться при арміи и продолжали на первое время дѣйствовать въ его же духѣ, т. е. отступали передъ надвигавшимися французами до 3-го сентября, когда русская армія остановилась на правомъ берегу Колочи противъ Бородина, чтобы защитить Москву отъ непріятельскаго вторженія. Авангардъ Наполеона аттаковалъ 4-го сентября и потѣснилъ передъ собою русскій аріергардъ, который и отошелъ на соединеніе съ главными силами. У Наполеона имѣлось тогда подъ рукою 128.000 человѣкъ. Вечеромъ онъ обратился къ войскамъ съ краснорѣчивымъ приказомъ по арміи. Напоминая аустерлицкую битву, онъ увѣщевалъ солдатъ вести себя такъ, чтобы будущія поколѣнія могли сказать про каждаго изъ нихъ: „Онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ стѣнами Москвы“. Какъ-разъ на слѣдующее утро прибылъ изъ Парижа курьеръ, привезшій, между прочимъ, портретъ малолѣтняго римскаго короля. Наполеонъ выставилъ этотъ портретъ передъ своею палаткой и приглашалъ всѣхъ офицеровъ имъ любоваться. Вечеромъ, 5-го сентября, прибылъ другой курьеръ, съ извѣстіемъ о пораженіи Мармона подъ Саламанкой. Наполеонъ молча выслушалъ это извѣстіе и удалился въ свою палатку. Его приближенные слышали, какъ онъ, расхаживая тамъ, разсуждалъ вслухъ самъ съ собою и высказывалъ сожалѣніе о варварской необходимости воевать. Онъ провелъ всю ночь въ тревожныхъ опасеніяхъ, чтобы русская армія не ускользнула опять, какъ она дѣлала это уже неоднократно. Въ пять часовъ утра онъ выѣхалъ на рекогносцировку и, убѣдившись, что противники занимаютъ прежнюю позицію, громко воскликнулъ: „Наконецъ-то они въ нашихъ рукахъ. Впередъ! Откроемъ себѣ московскія ворота!“

Русскіе, воодушевленные религіознымъ чувствомъ, и убѣжденные, что непремѣнно одержатъ успѣхъ, приняли, тѣмъ не менѣе, мѣры къ тому, чтобы обезпечить его себѣ по возможности. Рѣшившись дать генеральное сраженіе, они укрѣпили выбранное для этого мѣсто редутами и траншеями. Въ упорныхъ схваткахъ, предшествовавшихъ этому сраженію, солдаты и ополченцы шли впередъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ, восклицая: „Съ нами Богъ!“ и когда передніе ряды падали, стоявшіе позади рвались впередъ черезъ трупы своихъ товарищей. Всѣ эти доблестныя усилія оказались тщетными. Въ продолженіи 4-го и 5-го сентября русскія войска были послѣдовательно сбиты съ передовыхъ своихъ позицій и къ десяти часамъ вечера 5-го сентября вся русская армія была оттѣснена на главную позицію, простиравшуюся отъ рѣки Москвы на сѣверѣ до Утицы на югѣ и прикрытую съ фронта рѣкою Колочей. Слабые въ оборонительномъ отношеніи пункты были усилены грозными редутами. Въ русской арміи насчитывалось подъ ружьемъ до 120.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 17.000 ополченцевъ въ крестьянскихъ зи-

пунахъ. Противъ нея стояла въ боевомъ порядкѣ французская армія. На крайнемъ правомъ крылѣ находился Понятовскій, а въ центрѣ Даву и вице-король итальянскій. Гвардія стояла въ резервѣ за центромъ. Лѣвое крыло составляли корпуса Нея и Жюно, подавшіеся нѣсколько назадъ. По диспозиціи сраженіе должно было начаться на другой день артиллерійскимъ огнемъ. Понятовскому предписывалось идти въ обходъ русскаго лѣваго крыла, а вице-король Евгеній, перейдя Колочу по тремъ мостамъ, выстроеннымъ за ночь, долженъ былъ аттаковать правое русское крыло, въ то время какъ дивизіи Морана и Жерара ударятъ на центръ и овладѣютъ построенными тамъ укрѣпленіями.

Диспозиція эта была почти буквально приведена въ исполненіе, но русскіе сражались съ такимъ упорствомъ, что предположенный блестящій маневръ превратился въ кровопролитный бой лицомъ къ лицу. Французская артиллерія открыла огонь уже съ шести часовъ утра. Понятовскій двинулся было въ обходъ, но встрѣтилъ такое сильное сопротивленіе, что его пришлось поддержать послѣдовательно корпусами Нея и Жюно. Тогда Ней и Даву ударили на русскій центръ, а вице-король итальянскій обрушился на правое крыло. Это облегчило Понятовскому возможность двинуться впередъ и къ девяти часамъ утра онъ выполнилъ обходное свое движеніе, но понесъ такія страшныя потери, что не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Въ десять часовъ утра Ней и Даву, подкрѣпленные дивизіей Фріана, овладѣли редутами въ русскомъ центрѣ, но, въ свою очередь, были ослаблены до того, что остановились лицомъ къ лицу съ русскими войсками. Русская боевая линія подалась во внутрь, но все-таки не была прорвана. Вице-король Евгеній, собравъ весь свой корпусъ, произвелъ тогда бѣшеный натискъ на правое русское крыло. Онъ встрѣтилъ геройское сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе, къ тремъ часамъ пополудни оно было сломлено, и русскія войска вынуждены податься назадъ. Всѣ усилія выбить французовъ изъ занятыхъ ими позицій остались тщетными. Французская артиллерія начала продольно обстрѣливать русскую боевую линію. Къ тому же самому времени корпусъ Жюно подкрѣпилъ войска Понятовскаго, послѣ чего они сбили также русское лѣвое крыло съ сильной его позиціи. Обѣ арміи были до такой степени утомлены сверхчеловѣческимъ напряженіемъ силъ въ жестокомъ бою, что провели ночь другъ противъ друга. Русскіе были слишкомъ утомлены, чтобы помышлять о бѣгствѣ, а французы до того выбились изъ силъ, что не могли воспользоваться одержанной ими побѣдой. Рано утромъ 7-го сентября, по распоряженію Кутузова, началось поспѣшное отступленіе. Французы столь же поспѣшно надвигались за отступавшими войсками. Между командирами русскаго аріергарда и французскаго авангарда состоялось соглашеніе, по которому было обѣщано сдать Москву безъ выстрѣла, если французы, въ свою очередь, обяжутся не мѣшать свободному отступленію русскихъ войскъ черезъ Москву. Обѣ стороны сдержали свое обѣщаніе, но московскій губернаторъ, графъ Ростопчинъ, помѣшалъ точному выполненію конвен-

ціи. Значительная часть московскаго населенія вышла черезъ шесть дней послѣ Бородинскаго боя вмѣстѣ съ русскими войсками изъ столицы. Одновременно съ этимъ, среди деревянныхъ по преимуществу домовъ тогдашней Москвы начали показываться тамъ и сямъ тонкія струйки подымавшагося дыма. Два часа спустя, по выходѣ послѣднихъ русскихъ солдатъ изъ Москвы, въѣхали въ городъ передовые отряды конницы Мюрата, но они не обратили тогда серьезнаго вниманія на только что начинавшіеся пожары. Наполеонъ тоже не приписалъ имъ серьезнаго значенія, когда, глядя съ Поклонной горы на раскинувшійся передъ нимъ городъ, приказалъ своей гвардіи вступить туда и занять Кремль, древнюю цитадель, заключавшую въ своей оградѣ драгоцѣннѣйшія русскія святыни. Кутузовъ, хваставшійся тѣмъ, что провелъ ночь на полѣ сраженія, убѣдилъ не только москвичей, но и самого русскаго государя, что одержалъ подъ Бородиномъ побѣду. Онъ увѣрялъ, будто отступаетъ единственно лишь для того, чтобы выждать прибытія побѣдоносныхъ, испытанныхъ въ бояхъ, легіоновъ дунайской арміи. Тогда, выждавъ удобный случай, онъ уничтожитъ супостатовъ, дерзновенно вторгнувшихся въ Россію.

Западный императоръ принужденъ къ оборонѣ.

Очищеніе Москвы.—Отступленіе изъ Россіи.—Ужасы переправы черезъ Березину.—Возвращеніе блуднаго сына.—Возстаніе народовъ.—Первая кампанія въ Саксоніи.—Народы во всеоружіи.—Послѣдняя побѣда западнаго императора.

Очищеніе Москвы.

„Матушка Москва“, какъ называетъ русскій народъ древнюю свою столицу, является обильнымъ источникомъ національнаго русскаго вдохновенія. Она орошается рѣкою того же имени, а ея сердцемъ служитъ Кремль, который представляетъ собою цитадель русской архитектуры, русскаго православія, авторитета власти и образованія. Вокругъ Кремля группируются прочіе кварталы столицы. Занимая одинаковое пространство съ Парижемъ, они содержатъ лишь вчетверо меньшее населеніе. Эпитетъ священнаго города оправдывается святынями, хранящимися въ Кремлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ также поддерживается 360 московскими церквами съ колокольнями и куполами, напоминающими форму луковицы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Москва, при въѣздѣ въ нее, производила впечатлѣніе громаднаго скопленія окруженныхъ рощами и садами деревень, въ каждой изъ которыхъ имѣлись своя помѣщичья усадьба и приходская церковь. Кругомъ раскидывался поясъ богатыхъ дачъ. Красота зрѣлища, представлявшагося путешественнику, который подъѣзжалъ къ Москвѣ, была такова, что возбуждала восторженное чувство даже въ самой холодной груди. Москвичи надѣялись, что побѣда,

одержанная Кутузовымъ подъ Бородиномъ, избавитъ, по крайней мѣрѣ, ихъ домашніе очаги отъ позора вражеской оккупаціи. Поэтому когда губернаторъ объявилъ, что на военномъ совѣтѣ постановили покинуть столицу, не вступая вторично въ бой съ непріятелемъ, населеніе было поражено словно неожиданнымъ громовымъ ударомъ. Оно какъ бы обезумѣло отъ горя и пришло въ совершенное отчаяніе. По дорогамъ, которыя вели изъ Москвы далѣе вглубь Россіи, тянулись длинныя вереницы повозокъ и пѣшеходовъ, покинувшихъ столицу. Съ грустными лицами они безотраднымъ голосомъ пѣли соотвѣтствующіе случаю церковные гимны.

Очищеніе Москвы ознаменовалось со стороны русскихъ гражданскихъ властей весьма своеобразными поступками. Въ силу заключенной съ французами военной конвенціи русскому аріергарду разрѣшено было безпрепятственно отступить изъ подъ Бородина подъ условіемъ передать Москву въ цѣлости и сохранности французскому авангарду. Между тѣмъ уже 14-го сентября, въ самый день вступленія французовъ въ древнюю русскую столицу, вспыхнули въ ея предмѣстьяхъ пожары. Трудно выяснить теперь совершенно достовѣрнымъ образомъ, были-ли они умышленными, или же обусловливались простою случайностью. Само собой разумѣется, что мѣстныя власти, получивъ извѣстіе о томъ, что Москва будетъ очищена, старались по возможности уничтожить имѣвшіеся въ городѣ запасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ были отворены двери тюремъ и выпущены на улицу цѣлыя орды буйныхъ преступниковъ. При всемъ томъ 15-го сентября въ Москвѣ обнаруживался еще въ достаточной степени порядокъ. На слѣдующій день, однако, вспыхнулъ жестокій пожаръ. Въ двѣнадцатомъ году и еще долго послѣ того объясняли этотъ пожаръ поджогомъ со стороны самихъ французовъ, но по мѣрѣ распространенія современныхъ идей, оправдывающихъ наиболѣе энергическія мѣры народной самозащиты, русскіе историки начали приписывать сожженіе Москвы самимъ москвичамъ и усматривать въ этомъ съ ихъ стороны геройскій поступокъ. Теперь утверждаютъ, будто московскій губернаторъ первый поджегъ собственную свою дачу. Всего правдоподобнѣе, что патріотическій фанатизмъ населенія, совмѣстно съ преступными вожделѣніями арестантовъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, повлекъ за собою почти одновременный поджогъ многихъ домовъ въ различныхъ московскихъ кварталахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, въ виду систематическаго опустошенія окрестной страны бѣжавшими ея обитателями, позволительно допустить также и умышленный поджогъ столицы по заранѣе обдуманному плану.

Вступленіе французовъ въ Москву сравнивали съ появленіемъ труппы знаменитыхъ актеровъ передъ пустою театральной залой. Когда всюду въ городѣ начали вспыхивать пожары, приняты были энергическія мѣры къ тому, чтобъ съ ними бороться. Восемьсотъ поджигателей, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія (или патріотическаго подвига), были безотлагательно казнены. По мѣрѣ того, какъ обрушивались стѣны горѣвшихъ складовъ съ разными запасами, въ числѣ которыхъ было много спиртныхъ напитковъ, сог-

нанные на пожаръ москвичи и французскіе солдаты стали напиваться до пьяна. Побѣдители принялись тогда за грабежъ съ такимъ усердіемъ, что не пощадили даже Кремля. Въ концѣ концовъ удалось совладать съ огнемъ и возстановить въ городѣ порядокъ, но лишь послѣ того, какъ три четверти Москвы сдѣлались жертвою пламени. Кремль и остальная четверть города были спасены. Вечеромъ на четвертый день занятія Москвы французская армія расположилась со всѣмъ возможнымъ при существовавшихъ обстоятельствахъ грубымъ комфортомъ въ самой столицѣ и въ ея окрестностяхъ. Конница Мюрата начала посылать разъѣзды и доставлять Наполеону донесенія объ арміи Кутузова. Желая заручиться сочувствіемъ сосѣднихъ крестьянъ, Наполеонъ обратился къ нимъ съ прокламаціей, составленной въ обычномъ для него духѣ прельщенія и коварства. Французскій императоръ надѣялся, что крестьяне перейдутъ на его сторону и подымутъ бунтъ противъ помѣщиковъ и законнаго своего государя. „Умремъ за вѣру и царя!“ отвѣчали русскіе мужички на бонапартовскіе манифесты. Съ этими возгласами они разбили французскій отрядъ, стоявшій въ Вереѣ, нападали на отсталыхъ великой арміи и затрудняли сообщеніе между Москвою и Смоленскомъ. Крестьяне вмѣстѣ съ московскими обывателями, бѣжавшими изъ столицы, работали день и ночь, чтобы снять хлѣбъ съ полей,—прятали, что могли, въ ямы, вырытыя въ землѣ, а остальное уничтожали. Вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣятельно нападали на французскіе обозы. Ужасъ охватилъ побѣдоносныхъ завоевателей, которые пришли въ окончательное отчаяніе, провѣдавъ о военныхъ мѣрахъ, принимавшихся русскими, и уяснивъ себѣ, что армія Кутузова становится съ часу на часъ все болѣе грозною.

По настоянію Кэстльри, Бернадоттъ отпустилъ во свояси русскій корпусъ, предоставленный въ его распоряженіе, дабы содѣйствовать завоеванію Норвегіи. Такимъ образомъ Витгенштейнъ, дѣйствовавшій на правомъ флангѣ русской арміи, получилъ неожиданное подкрѣпленіе, увеличившее численность его войскъ до 40.000 человѣкъ и дозволившее ему серьезно угрожать съ сѣвера крайней оконечности лѣваго крыла Наполеона. Благодаря посредничеству Англіи, удалось также заключить миръ между Россіей и Турціей, освободившій молдавскую армію Чичагова, которая вскорѣ соединилась съ войсками Тормасова и оказалась почти вдвое многочисленнѣе боевыхъ силъ, имѣвшихся на крайнемъ правомъ флангѣ французской арміи у князя Шварценберга. Тѣмъ временемъ Кутузовъ занялъ позицію при Тарутинѣ, угрожавшую лѣвому флангу главныхъ силъ великой арміи, расположенныхъ въ Москвѣ и окрестностяхъ. Туда ежедневно стекались въ его лагерь новобранцы, которыми и пополнялись сильно порѣдѣвшіе ряды русскихъ войскъ. Послѣ Бородинскаго сраженія Наполеонъ ежедневно ожидалъ посольства отъ русскаго государя, но императоръ Александръ и не думалъ просить мира. Критическое положеніе французской арміи естественно нарушало философское спокойствіе Наполеона, и, 20-го марта, онъ сдѣлалъ самъ первый шагъ къ пе-

реговорамъ, увѣдомивъ несообщительнаго своего врага, что Москва стала жертвою пламени, и что это несчастье можно было бы предотвратить, еслибъ переговоры начались немедленно же послѣ пораженія русскихъ войскъ подъ Бородиномъ. На это письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Тогда, 5-го октября, былъ отправленъ въ лагерь Кутузова Лористонъ, яко бы для переговора относительно размѣна плѣнныхъ. Русскій главнокомандующій объявилъ, что не имѣетъ на это надлежащихъ полномочій и долженъ предварительно сдѣлать запросъ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ французскому генералу удалось вывѣдать, что русская армія протянулась южнѣе Тарутина по направленію къ Калугѣ, чтобы опереться на плодородныя губерніи, лежавшія позади, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожать въ еще большей степени, чѣмъ прежде, слабому французскому правому флангу.

Стойкое рѣшительное молчаніе императора Александра представляется и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно характернымъ фактомъ. До тѣхъ поръ онъ шелъ на уступки послѣ каждой крупной неудачи, какъ, напримѣръ, послѣ Аустерлица и Фридланда. Что же именно вызывало у него теперь такую энергію? Правда, что при немъ безотлучно находился извѣстный непримиримый прусскій патріотъ Штейнъ, но, съ другой стороны, русскій государь имѣлъ возлѣ себя вождя французской партіи Румянцева, совѣтовавшаго какъ можно скорѣе заключить миръ съ Наполеономъ. Консервативная русская партія, упавшая духомъ послѣ удачнаго вторженія французовъ въ самое сердце русской имперіи, громко требовала, чтобы правительство вступило въ переговоры о мирѣ. Англійское посольство, состоявшее изъ лорда Каткарта и нѣсколько англійскихъ офицеровъ, подъ начальствомъ сэра Роберта Вильсона, присланныхъ, чтобы реорганизовать русскую армію, во всякомъ случаѣ не могли ровно ничего сдѣлать, такъ какъ не пользовались ни малѣйшимъ вліяніемъ. По наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ приходится заключить, что императоръ Александръ въ это время чувствовалъ себя словно ошеломленнымъ. Обрушившаяся на него грозная буря вызвала у него нѣчто вродѣ фаталистической покорности року. Не полагаясь на собственныя свои силы, онъ подчинился, повидимому, вліянію князя Голицына, благочестіе котораго доходило до мистицизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ то время русскій государь впервые началъ прилежно читать Библію и зачастую восклицать: „Все это сдѣлала рука Всевышняго!“ Покидая Петербургъ, чтобы отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, онъ, какъ разъ передъ отъѣздомъ, основалъ русское Библейское общество. Сколько можно судить, рѣшимость русскаго государя продолжать борьбу съ Наполеономъ вызвана была въ несравненно большей степени довѣріемъ къ Божественному Промыслу, чѣмъ сознательнымъ пониманіемъ благопріятной для Россіи перемѣны, происшедшей на театрѣ войны.

Со времени занятія Москвы французами прошло уже цѣлыхъ пять недѣль, казавшихся нескончаемо долгими смущенному за-

воевателю, зѣвавшему даже въ театрѣ во время спектаклей. Забывъ прежнюю свою строгую воздержность въ пищѣ, онъ проводилъ теперь по нѣскольку часовъ за столомъ, единственно только для того, чтобъ какъ-нибудь убить время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разлукѣ съ законной супругой, онъ предался порокамъ и заразился дурною болѣзнью. Наполеонъ пересталъ интересоваться даже своими войсками. Онъ былъ до такой степени озабоченъ упорнымъ молчаніемъ своего противника, что находился въ постоянномъ лихарадочномъ возбужденіи, дѣлавшемъ его равнодушнымъ ко всему остальному. Корона, скипетръ и порфира, которыми онъ хотѣлъ вѣнчаться на престолъ Западной имперіи, лежали у него запакованные въ походномъ чемоданѣ. Дарю совѣтовалъ обратить Москву въ укрѣпленный лагерь и перезимовать тамъ. „Это по истинѣ львиный совѣтъ", сказалъ Наполеонъ, но тѣмъ не менѣе не счелъ возможнымъ принять его во вниманіе. Зато вопросъ объ отступленіи французской арміи изъ Москвы долженъ былъ вскорѣ выступить на очередь. Наполеонъ занимался иногда его обсужденіемъ, но, впрочемъ, вяло и не торопясь, до тѣхъ поръ, пока, 18-го октября, установившееся само собою перемиріе между французами и русскими не было неожиданно прервано внезапнымъ нападеніемъ, произведеннымъ на войска французскаго авангарда, состоявшаго подъ начальствомъ Мюрата. Тогда только проснулся въ Наполеонѣ главнокомандующій, предъ которымъ стушевалась подъ конецъ особа императора. Въ виду грозной дѣйствительности разсѣялись мечты о всемірной имперіи, вассаломъ которой являлся бы русскій государь. Вмѣстѣ съ ними исчезли также мечты о послѣдующемъ походѣ изъ Закавказья къ берегамъ Ганга, уничиженіи Англіи и освобожденіи океановъ. Политическія соображенія побуждали Наполеона двинуться изъМосквы сперва къ Сѣверо-западу, какъ бы съ намѣреніемъ идти на Петербургъ, но стратегическія соображенія одержали верхъ. Между двумя альтернативами: отступленіемъ прямо къ Смоленску въ опустошенной странѣ, или болѣе кружнымъ путемъ на Юго-Западъ черезъ плодоносную мѣстность по направленію къ Калугѣ, какъ бы съ намѣреніемъ ударить на Кутузова, Наполеонъ выбралъ послѣднюю. Причины этого являются сами по себѣ понятными. Театръ войны приходился внутри треугольника, заключавшагося между Ригой, Брестъ-Литовскомъ и Москвою. Отъ Москвы до Риги, гдѣ находился лѣвый флангъ Наполеона, насчитывалось около 800 верстъ,—отъ Риги до Бреста—600, а отъ Москвы до Бреста, служившаго опорнымъ пунктомъ правому флангу великой арміи,—около 1000 верстъ. Кратчайшая возможная линія отступленія по перпендикуляру, опущенному изъ вершины этого треугольника на его основаніе, равнялась безъ малаго тоже восемьсотъ верстъ. Всѣ эти разстоянія оказывались по истинѣ громадными, а между тѣмъ лѣвое крыло великой арміи состояло всего лишь изъ 42.000 человѣкъ, а правое—приблизительно изъ 34.000. Кромѣ того, на протяженіи между Вильной и Москвою, стояло въ различныхъ пунктахъ 42.000 человѣкъ. Ни одну изъ чудовищно длинныхъ фланговыхъ линій

нельзя было надлежаще прикрывать ничтожными силами, которыя для этого предназначались. Въ свою очередь также и операціонная линія оказывалась слабо защищенной. Разъ, что великой арміи приходилось отступать, какіе шансы имѣлись у нея для того, чтобъ это отступленіе не повлекло за собою катастрофы? Рѣшительно никакихъ.

Наврядъ-ли когда-нибудь состоится между историками окончательное соглашеніе относительно причинъ, обусловившихъ гибельный для французовъ исходъ кампаніи 1812-го года. Сравненіе численности боевыхъ силъ и организаціи снабженія ихъ продовольствіемъ при современныхъ условіяхъ военнаго дѣла, дозволяющихъ пользоваться желѣзными дорогами и телеграфомъ, съ длиною операціонныхъ линій, которыя считаются теперь возможными, обнаруживаетъ тѣмъ не менѣе главнѣйшую изъ причинъ катастрофы, заключающуюся въ томъ, что организація подвозовъ была не въ силахъ у Наполеона держаться на уровнѣ съ его стратегіей. Императоръ бралъ слишкомъ уже верхъ надъ полководцемъ. Первый изъ нихъ вздымался въ такія выси, гдѣ былъ не въ силахъ держаться второй, несмотря на могучія свои крылья. Говорятъ, будто великую армію сгубили въ 1812 году особо неблагопріятныя метеорологическія условія, въ которыхъ и усматриваютъ проявленіе Воли Господней. На самомъ дѣлѣ, однако, осень въ 1812 году стояла теплая, а зима началась сравнительно поздно. Главною причиной неудачи кампаніи являлись вовсе не безотрадныя степи, чудовищные морозы, неслыханные снѣга, или какое-либо иное извращеніе законовъ природы. Катастрофу нельзя даже приписать разноплеменному составу великой арміи, или же противному всѣмъ историческимъ традиціямъ направленію ея движенія съ юга на сѣверъ. Виною всему была попытка примѣнить факторы стратегической системы, выработанной для обыкновенныхъ международныхъ войнъ, къ грандіознымъ пропорціямъ войны, охватывавшей цѣлую часть свѣта. Наиболѣе естественная мысль объ отступленіи прямо къ Смоленску была первоначально отвергнута, такъ какъ, въ виду ненадежности прикрытія фланговъ и опустошенной мѣстности, по которой надо было проходить, разстояніе представлялось слишкомъ уже громаднымъ. Тѣже самыя соображенія, а въ особенности дальность разстоянія, препятствовали Наполеону ударить и на Петербургъ. Движеніе на Калугу разсматривалось сперва какъ маневръ, долженствовавшій сбить русскихъ со слѣда, но, съ переходомъ Кутузова въ наступленіе, маневръ этотъ подсказывался требованіями необходимости. Надлежало идти далѣе вглубь Россіи, чтобы, прикрывъ флангъ и тылъ отъ покушеній предпріимчиваго врага, обезпечить своимъ войскамъ продовольствіе въ странѣ, гдѣ громадность разстояній препятствовала возможности организовать сколько-нибудь правильное интендантское довольствіе. Еслибъ Кутузовъ вздумалъ помѣшать переходу Наполеона опять въ наступленіе, то въ крайнемъ случаѣ можно было бы всегда отойти прямо изъ Калуги на Смоленскъ, пока русская армія стала бы готовиться къ новому генеральному сраженію.

Въ Москвѣ распространились слухи, будто Наполеонъ выступаетъ оттуда лишь для того, чтобы проучить Кутузова, послѣ чего немедленно же вернется назадъ. Мортье съ восьмитысячнымъ отрядомъ молодой гвардіи, дѣйствительно, оставленъ былъ въ столицѣ съ предписаніемъ взорвать, передъ выступленіемъ оттуда, Кремль. Главныя силы французской арміи перешли черезъ рѣчку Пахру и двинулись къ рѣкѣ Лужѣ. 24-го октября показался въ виду русскій авангардъ. Если бы Кутузовъ воспользовался имѣвшимися у него вѣрными свѣдѣніями о положеніи французскихъ войскъ и безотлагательно ударилъ на непріятеля всѣми своими силами, война могла бы немедленно же окончиться однимъ рѣшительнымъ сраженіемъ. Вмѣсто того, однако, вице-король Евгеній, послѣ кровопролитнаго боя, удержалъ за собой Малоярославецъ, а Кутузовъ робко отступилъ. Тѣмъ временемъ французамъ, остававшимся въ Москвѣ, начала мало по малу выясняться истина. Видя громадную добычу, которую укладывали въ повозки съ офицерскимъ багажомъ, а также сокровища московскаго искусства, подъ тяжестью которыхъ чуть не ломились телѣги наполеоновскаго обоза, французы проживавшіе въ Москвѣ, рѣшили, что имъ тоже слѣдуетъ уйти оттуда вслѣдъ за арміей. Дѣйствительно, они, съ женами, дѣтьми и всѣмъ домашнимъ скарбомъ примкнули къ хвосту обозной колонны. Масса этихъ бѣглецовъ, вмѣстѣ съ толпами отсталыхъ и обозной челяди, безъ сомнѣнія, должны были мѣшать быстротѣ движеній французской арміи. Дѣйствительно, безъ нихъ русскій авангардъ былъ бы, вѣроятно, не въ состояніи даже нагнать отступавшія французскія войска. Попытка Мортье взорвать Кремль не удалась и послужила лишь наглядным доказательствомъ мстительности скрывавшагося въ Наполеонѣ озлобленнаго дикаря. Короче сказать, всѣ планы Наполеона были теперь словно осуждены на неудачу и во всѣхъ его дѣйствіяхъ обнаруживалась крайняя нерѣшительность. Вслѣдствіе страшнаго боя подъ Малоярославцемъ, число раненыхъ во французской арміи возросло на 4.000 человѣкъ. Прежній Наполеонъ, не обращая на нихъ особеннаго вниманія, ударилъ бы на Кутузова, чтобы разбить русскую армію, если бы даже она засѣла въ лѣсистыхъ тѣснинахъ, или же быстро двинулся бы мимо нея черезъ Калугу, или, наконецъ, поспѣшно поворотилъ бы назадъ, чтобы выйти опять на сѣверную дорогу къ Смоленску. Измученный больной французскій императоръ, вмѣсто того, чтобы принять безотлагательно которое-нибудь изъ этихъ рѣшеній, созвалъ военный совѣтъ и цѣлую недѣлю обдумывалъ различныя высказанныя тамъ предложенія. Лишь по прошествіи этого времени, онъ принялъ окончательное рѣшеніе и двинулъ свои колонны по сѣверной дорогѣ къ Смоленску. Въ письмѣ къ Жюно, императоръ объяснилъ эту отсрочку необходимостью позаботиться о раненыхъ и доставить имъ перевязочныя средства изъ склада, имѣвшагося въ Можайскѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, Наполеонъ остановился недостаточно долго для обезпеченія надлежащаго комфорта раненымъ и не извлекъ никакихъ преимуществъ изъ удачнаго для французовъ

кровопролитнаго боя подъ Малоярославцемъ. Рѣшившись, наконецъ, отступать по смоленской дорогѣ, онъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о положеніи непріятеля, пошелъ длиннымъ окольнымъ путемъ. Настоящихъ морозовъ еще не было, хотя стояли уже холодныя осеннія ночи. Съ другой стороны, впрочемъ, надо принять во вниманіе, что войска великой арміи были въ рваныхъ лѣтнихъ мундирахъ и безъ сапогъ. Итальянцы, иллирійцы и нѣмцы страдали больше другихъ, и сформированные изъ нихъ полки несли страшную убыль отсталыми. Разсказы русскихъ плѣнныхъ объ ужасахъ приближавшихся морозовъ производили ужасающее впечатлѣніе на упавшихъ духомъ французовъ, находившихся въ такой страшной дали отъ благословенной своей родины.

Отступленіе изъ Россіи.

Французская армія отступала уже цѣлыхъ девять дней безъ всякихъ сколько-нибудь достопримѣчательныхъ инцидентовъ. Мортье примкнулъ къ ней 27-го октября, послѣ чего Даву съ его корпусомъ приказано было идти въ тылу арміи, прикрывая ея обозы. Наполеонъ не садился уже болѣе верхомъ на коня. Иногда онъ ѣхалъ въ экипажѣ, но большую часть дороги шелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ солдатами, обнаруживая совершенно такой же, какъ и у нихъ, упадокъ духа. Вдоль дороги тянулись опустошенныя поля и обуглившіяся развалины, а по сторонамъ ея сидѣли и лежали многочисленными группами обезсилѣвшіе солдаты, оказывавшіеся не въ состояніи слѣдовать за своими частями. Проходя мимо поля Бородинскаго сраженія, французскіе полкисъ ужасомъ глядѣли на страшныя груды все еще непогребенныхъ тѣлъ. Раненые въ этомъ сраженіи, которыхъ везли теперь изъ временныхъ лазаретовъ вслѣдъ за отступающей арміей, представляли собою, впрочемъ, еще болѣе ужасное зрѣлище, превращавшее иной разъ меланхолію очевидцевъ въ умопомѣшательство. 30-го октября Наполеонъ узналъ, что Шварценбергъ отступилъ за Бугъ, покинувъ, такимъ образомъ, открытой дорогу изъ Бреста, по которой армія Чичагова, могла ударить во флангъ отступавшимъ французскимъ войскамъ. Викторъ, узнавъ о затруднительномъ положеніи своего императора, оставилъ пятнадцатитысячный отрядъ въ Смоленскѣ, а съ прочими войсками, имѣвшимися въ его распоряженіи, двинулся къ берегамъ Двины на соединеніе съ Сенъ-Сиромъ. Онъ хотѣлъ обезпечить главную армію, хотя отъ покушеній со стороны Витгенштейна, который дѣйствительно перешелъ уже въ наступленіе. Такимъ образомъ линія отступленія великой арміи фактически оказывалась не достаточно прикрыта отъ ударовъ ни съ сѣвера, ни съ юга. Одновременно съ этимъ, аріергардъ Даву все болѣе таялъ отъ тяжкихъ лишеній и постоянной тревоги, въ которой держали французовъ казачьи разъѣзды Платова. Въ виду такого затруднительнаго положенія вся армія была переформирована. Обозамъ предписывалось идти по самой серединѣ, имѣя „полъ-батальона впереди, полъ-батальона

Русскіе крестьяне нападаютъ на отставшихъ французовъ.
(Съ картины Морица Оранжа).

позади и по батальону справа и слѣва, такъ чтобы, въ случаѣ надобности, можно было отстрѣливаться одновременно во всѣ стороны. Нея, съ его корпусомъ, назначили на самый опасный постъ, а именно въ аріергардъ. Тамъ онъ выказалъ такое отчаянное мужество, что заслужилъ себѣ титулъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ.

Кутузову было обѣщано, что его армія получитъ значительныя подкрѣпленія, но обѣщанія эти такъ и остались невыполненными. Вспышка патріотическаго усердія вскорѣ угасла, а потому подкрѣпленія людьми и предметами снаряженія все сокращались и стали подъ конецъ совершенно ничтожными. При такихъ обстоятельствахъ Кутузовъ считалъ неумѣстнымъ тѣснить и безъ того уже отступавшаго непріятеля. Русскій авангардъ, пройдя напрямикъ дорогой, неизвѣстной Наполеону, неожиданно столкнулся, однако, съ отступавшими французскими войсками подъ Вязьмой, 3-го ноября. Русскіе были не расположены сражаться, и главнокомандующій ихъ не пожелалъ ввести въ дѣло главныя силы своей арміи.

Такимъ образомъ вторично былъ упущенъ случай уничтожить отступавшаго врага, у котораго подъ ружьемъ имѣлось теперь уже не болѣе 60.000 человѣкъ. Наполеонъ былъ далеко впереди, когда войска Кутузова двинулись въ аттаку. Битвой распоряжались съ французской стороны маршалы, по соглашенію съ вицекоролемъ Евгеніемъ и Понятовскимъ. Русскимъ удалось было отрѣзать французскій аріергардъ, но корпуса Евгенія и Понятовскаго мгновенно поворотили назадъ и повели такую энергическую аттаку, что Даву могъ тѣмъ же временемъ безпрепятственно присоединиться къ главнымъ силамъ. Французы потеряли въ этомъ бою до 4.000, а русскіе понесли по меньшей мѣрѣ столь же значительный уронъ. На слѣдующее утро ни у тѣхъ, ни у другихъ не имѣлось ни малѣйшаго желанія возобновлять битву. Обѣ арміи шли съ всевозможной поспѣшностью, причемъ какъ французы, такъ и русскіе выбивались изъ силъ и несли страшную убыль отсталыми. Наполеонъ узналъ лишь 4-го ноября о дѣлѣ подъ Вязьмой и тотчасъ же задумалъ маневръ, долженствовавшій вовлечь его преслѣдователей въ ловушку. Убѣдившись, однако, что корпуса, учавствовавшіе въ бою, жестоко разстроены, онъ пришелъ въ отчаяніе и отказался отъ этого маневра. Упадокъ духа у самого Наполеона и всей его арміи усилился тѣмъ, что въ этотъ день впервые пошелъ снѣгъ, бѣлые хлопья котораго зловѣще носились въ холодномъ воздухѣ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ отступленіе происходило все же въ нѣкоторомъ порядкѣ, хотя маршалъ Ней, въ письмѣ къ Бертье, извѣщалъ, что уже 4-го числа въ великой арміи имѣлось до 4.000 отсталыхъ, число которыхъ возрастало съ каждымъ днемъ. 6-го ноября получено было донесеніе отъ маршала Виктора. Соединившись съ Сенъ-Сиромъ, онъ задержалъ на нѣкоторое время цѣлымъ рядомъ упорныхъ боевъ наступленіе Витгенштейна, но подъ конецъ обоимъ маршаламъ пришлось отступать шагъ за шагомъ, покинувъ линію Двины и склады, имѣвшіеся въ Витебскѣ.

Войска ихъ находились теперь всего лишь въ какихъ-нибудь пятидесяти верстахъ отъ главной арміи. „Переходите сейчасъ же въ наступленіе. Отъ этого зависитъ спасеніе арміи“—въ отчаяніи отвѣтилъ Наполеонъ. Извѣстіе это было тяжкимъ ударомъ для главно-

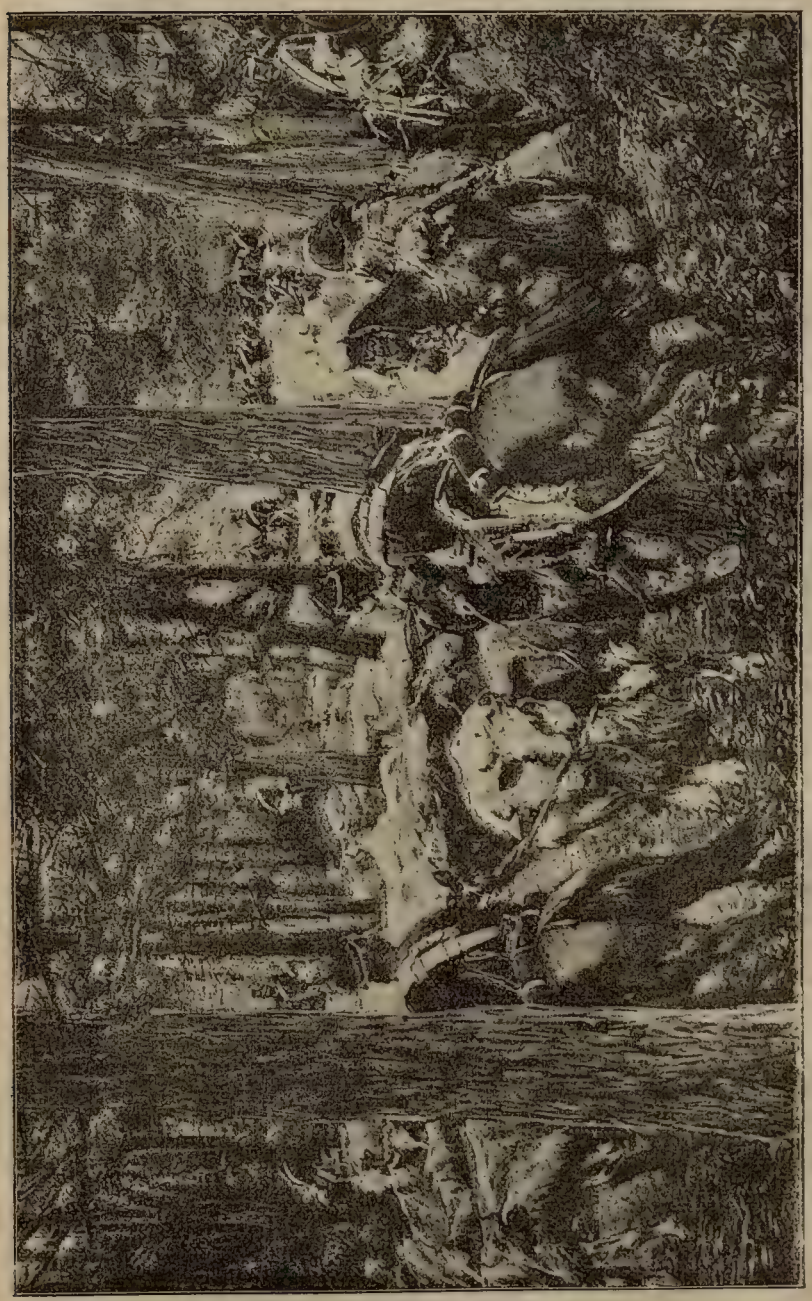
„Сомкни ряды!“
(Съ литографіи Раффе).

командующаго, но императоръ пришелъ въ еще большій ужасъ, получивъ изъ Парижа донесенія о заговорѣ Мале и произведенной попыткѣ низвергнуть имперію, которая, благодаря ложнымъ слухамъ о смерти императора, чуть не увѣнчалась успѣхомъ. „А развѣ забыли про Наполеона II?“—тревожно воскликнулъ Напо-

леонъ I. Онъ могъ пережить утрату своей великой арміи, репутаціи и личнаго престижа, но утрата Франціи представлялась для него окончательной, безповоротной гибелью.

Съ вечера наступилъ жестокій морозъ, и началась безпощадно суровая русская зима. Объ этомъ свидѣтельствуетъ знаменитый двадцать девятый наполеоновскій бюллетень. Несмотря на болѣе поздніе увѣренія, вымышленныя для поддержанія легенды объ уничтоженіи Великой арміи стихійными силами, осень продержалась гораздо болѣе обыкновеннаго. Тѣмъ не менѣе зима вступила, наконецъ, въ свои права. Плохо одѣтыя войска начали страшно терпѣть отъ стужи. Люди и лошади гибли цѣлыми сотнями. Остававшіеся въ живыхъ срѣзали съ павшихъ лошадей мясо, которымъ и утоляли свой голодъ. Необходимо было идти впередъ возможно скорѣе. Всѣ, кто пытался отойти въ сторону отъ большой дороги, попадали въ руки непріятеля. Случалось, что на бивакахъ умирало за ночь до 300 человѣкъ. Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, что въ борьбѣ за существованіе слабѣйшіе гибли иногда отъ руки собственныхъ своихъ товарищей. Полупомѣшанные отъ холода, голода и всяческихъ лишеній солдаты французскаго авангарда прибыли 9-го ноября въ Смоленскъ. Къ 13-му подошли туда же остатки аріергарда съ находившимися при немъ отсталыми. Корпусъ Нея покрылъ себя славой, но за то почти совершенно растаялъ въ ея лучахъ. Безстрашно сражаясь и умирая, онъ спасъ половину Великой арміи, дошедшую до Смоленска. Другая половина погибла дорогой. Итальянскій вице-король Евгеній шелъ болѣе дальнимъ и кружнымъ путемъ, но его войска понесли меньшую убыль и были сравнительно менѣе деморализованы, чѣмъ прочіе остатки великой арміи. Настойчивость, съ какою Мюратъ пытался гоняться за русскими казаками, повлекла за собою для французской кавалеріи утрату почти всѣхъ лошадей. Кавалерія шла поэтому въ пѣшемъ строю.

Сцены, происходившія въ Смоленскѣ, были въ высшей степени позорными. Тамошній гарнизонъ заперъ сперва было ворота передъ толпою оборванцевъ съ отмороженными членами, требовавшей крова и пищи. Когда удалось отчасти возстановить въ этой толпѣ дисциплину, гвардія была впущена въ городъ. Имѣвшихся въ Смоленскѣ запасовъ хватило бы на цѣлыхъ двѣ недѣли для всей арміи, но раздача ихъ производилась до такой степени неправильно, что только одной гвардіи удалось заручиться двухнедѣльнымъ продовольствіемъ, тогда какъ армія получила запасъ всего лишь на недѣлю. Больныхъ и раненыхъ удалось, однако, пристроить въ домахъ и снабдить наиболѣе необходимымъ. Мало по малу удалось возстановить порядокъ. Отсталые были снова зачислены въ полки. Значительное число обозныхъ повозокъ уничтожили, а лошадей изъ нихъ передали артиллерійскому вѣдомству. Армія была раздѣлена на четыре корпуса, которыми командовали самъ Наполеонъ, вице-король Евгеній, Даву и Ней. Вслѣдъ затѣмъ оправившаяся французская армія съ бодрымъ духомъ приготовилась къ выступленію изъ Смоленска. Презрѣніе На-



Солдаты Марбо на фуражировкѣ при отступленіи изъ Москвы.
(Рисунокъ Мирбаха).

полеона къ своимъ врагамъ могло сравниться развѣ лишь съ трепетнымъ страхомъ, который они къ нему питали. Онъ рѣшилъ поэтому, что его четыре колонны будутъ идти черезъ Литву въ послѣдовательномъ порядкѣ въ разстояніи одного перехода одна отъ другой. Самъ императоръ съ 6.000 гвардіи шелъ въ авангардѣ. Остальныя 4.000 гвардейцевъ были присоединены къ корпусу Нея и составляли аріергардъ. Первый эшелонъ выступилъ изъ Смоленска 12-го ноября. Пять дней спустя взорваны были башни смоленской крѣпостной ограды и вышли изъ города послѣдніе полки аріергарда. Больные и раненые были оставлены на попеченіе непріятеля, и русскіе обошлись съ ними человѣколюбиво, но многочисленные французскіе мародеры, пробавлявшіеся грабежомъ, были почти всѣ перебиты вступившимъ въ Смоленскъ русскимъ авангардомъ. Все это время стояли сильные холода, и морозъ зачастую доходилъ до 15°.

Наполеонъ разсчитывалъ отступать черезъ Красный и Борисовъ на Минскъ, такъ какъ ожидалъ, что князь Шварценбергъ, усиленный 14.000 новобранцевъ изъ Германіи, прикроетъ переправу черезъ Березину подъ Борисовымъ. Русскіе шли все время параллельно съ отступающими французами, постоянно тревожа ихъ нападеніями съ тыла и фланговъ. 15-го ноября русскій авангардъ встрѣтился съ первымъ эшелономъ французской арміи подъ Краснымъ. Самъ Наполеонъ, командовавшій этимъ эшелономъ, только что показался изъ города, какъ русская артиллерія открыла огонь. Визгъ ядеръ, проносившихся мимо, вызвалъ нѣкоторое смущеніе между приближенными императора. „Все это пустяки,— хладнокровно замѣтилъ Наполеонъ, продолжая идти впередъ.— Пушечныя ядра цѣлыхъ двадцать лѣтъ уже летали постоянно мимо насъ“. Ему было хорошо извѣстно, что осторожный противникъ не рѣшится серьезно аттаковать его самого и гвардію. При всемъ томъ можно было ожидать нападенія русскихъ на аріергардъ Великой арміи, а потому Наполеонъ остановился обождать его прибытія. Рано утромъ, 17-го числа, онъ произвелъ усиленную рекогносцировку, какъ бы съ намѣреніемъ повернуть назадъ и завязать рѣшительный бой съ русскими войсками. Кутузовъ тотчасъ же приказалъ своему авангарду податься назадъ и приготовился дать оборонительное сраженіе. Тѣмъ временемъ Евгеній и Даву подошли уже близко, Ней же еще только выступалъ изъ Смоленска. Вмѣстѣ съ его шеститысячнымъ корпусомъ тянулось почти такое же число отсталыхъ, сильно замедлявшихъ движеніе. 18-го числа русскіе сдѣлали попытку отрѣзать колонну Нея, которой приходилось при самыхъ бѣдственныхъ условіяхъ прикрывать отступленіе французской арміи. Ней выказалъ геройское мужество, но, будучи не въ силахъ пробиться сквозь всю русскую армію, повернулъ къ Днѣпру и переправился 19-го числа черезъ эту рѣку по льду. Платовъ съ казаками преслѣдовалъ его по пятамъ и загораживалъ ему дорогу, но безстрашный маршалъ и его сподвижники, очищая себѣ путь штыками, мужественно шли впередъ и къ ночи вошли, наконецъ, въ

связь съ корпусомъ вице-короля Евгенія, вышедшимъ къ нимъ на встрѣчу. 20-го числа, когда произведена была перекличка, у Нея оказалось въ рядахъ всего лишь восемьсотъ человѣкъ. Все еще стоялъ жестокій холодъ.

На слѣдующій день наступила оттепель. Пошелъ дождь. Пластъ снѣга проламывался подъ ногами у людей, и дороги превратились въ лужи, полныя холодной воды и мелкихъ льдинокъ. Обувь у солдатъ была вся рваная, такъ что каждый шагъ для нихъ сопровождался тяжкими муками. Многія тысячи храбрыхъ воиновъ, терпѣливо выносившихъ до тѣхъ поръ лишенія, съ которыми приходилось бороться при этомъ бѣдственномъ отступленіи, выбились теперь совершенно изъ силъ,—побросали свои ружья и ранцы. Въ наполеоновской гвардіи начали проявляться еще 17-го ноября признаки ослабленія дисциплины. Одинъ только императоръ казался совершенно спокойнымъ и хладнокровнымъ. Въ продолженіи многихъ дней уже онъ раздѣлялъ всѣ лишенія съ своими солдатами. Одѣтый въ длинную кунью шубу, съ толстой березовой палкой въ рукахъ, онъ молча шелъ въ ихъ рядахъ, не выказывая ни малѣйшихъ признаковъ физическаго или нервнаго утомленія. Представляя себѣ Наполеона, который стоялъ подъ Краснымъ, размышляя, сколько времени еще позволительно ему бравировать передъ непріятелемъ, который могъ бы его уничтожить, еслибъ только осмѣлился нанести рѣшительный ударъ, мы должны придти къ заключенію, что катастрофа эта была предотвращена единственно лишь благодаря присутствію духа французскаго императора и ужасу, который все еще наводило на враговъ его имя. Къ 18-му ноября въ рядахъ французской арміи насчитывалось едва лишь какихъ-нибудь 25.000 человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ выказалъ себя опять таки на высотѣ положенія. Выступивъ передъ строемъ своей гвардіи, онъ обратился къ ней съ слѣдующими задушевными словами: „Вы сами видите разстройство моей арміи. Большинство солдатъ побросало ружья. Если вы послѣдуете ихъ примѣру, всякая надежда будетъ потеряна“. Рѣчь эта произвела желаемое впечатлѣніе. На слѣдующій день въ Оршѣ у Наполеона имѣлась еще армія, но о корпусѣ Нея не было никакихъ извѣстій. Несмотря на пасмурную погоду, можно было, повидимому, надѣяться, что страданія Великой арміи закончатся съ переправой черезъ Березину и прибытіемъ въ Минскъ, гдѣ было заготовлено громадное количество продовольствія, зимней одежды и боевыхъ припасовъ. Какъ разъ въ это время, однако, выяснилось, что Викторъ и князь Шварценбергъ не въ силахъ сдерживать напиравшія на нихъ русскія войска. Стратегическій планъ императора Александра заключался въ томъ, чтобы Чичаговъ и Витгенштейнъ, оттѣснивъ стоявшія передъ ними сравнительно малочисленныя непріятельскія войска, соединились подъ Борисовымъ и заградили тамъ путь главной французской арміи, отступавшей передъ Кутузовымъ. Городъ Борисовъ и находившійся въ немъ мостъ черезъ Березину были заняты полкомъ поляковъ, который, безъ сомнѣнія, не могъ выдержать нападенія сосредоточивавшихся къ нему русскихъ колоннъ. При

такихъ обстоятельствахъ французскій императоръ рѣшилъ, что Великой арміи необходимо идти съ крайней поспѣшностью, дабы, своевременно переправившись черезъ Березину, выпутаться изъ приготовленной для нея ловушки. Въ эту тяжелую минуту примкнулъ къ арміи Ней съ остатками своего корпуса. Присутствіе этого маршала само по себѣ уже подняло духъ французскихъ войскъ. Закупивъ у подрядчиковъ-евреевъ всѣ съѣстные припасы, какіе только можно было раздобыть, бросивъ тяжелый понтонный паркъ и употребивъ лошадей изъ подъ него подъ немногія полевыя артиллерійскія орудія, найденныя въ Оршѣ, Наполеонъ приказалъ Виктору и Удино идти усиленными переходами и встрѣтить его въ Борисовѣ, а 21-го двинулъ съ отчаянной поспѣшностью свою армію по грязи, лужамъ и гололедицѣ къ этому рѣшительному пункту. Французскія войска прибыли, однако, къ Борисову слишкомъ поздно. Въ тотъ самый день авангардъ Чичагова занялъ городъ и захватилъ мостъ черезъ Березину. Вслѣдствіе оттепели, ледъ на рѣкѣ взломало, и она представляла собою теперь водную поверхность болѣе чѣмъ въ 26 саженъ въ ширину, по которой во множествѣ носились большія льдины.

Ужасы переправы черезъ Березину.

Положеніе французской арміи казалось совершенно безвыходнымъ. Наполеонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ надвигавшимися врагами, которымъ удалось преградить ему дорогу и прикрыться отъ него разлившеюся широкой рѣкой, обнаруживалъ какое-то сверхъестественное спокойствіе. По всѣмъ вѣроятіямъ, спокойствіе это вызывалось у него рѣшеніемъ пожертвовать въ случаѣ надобности всей арміей для личной своей безопасности, отъ которой зависѣли судьбы имперіи. Онъ приказалъ Удино, у котораго было всего только 8.000 человѣкъ, вытѣснить Чичагова изъ Борисова, а Виктору послано было предписаніе во что бы ни стало не пускать Витгенштейна къ Березинѣ. Разсчитывать на Шварценберга было нельзя, такъ какъ русскому корпусу Сакена удалось отвлечь его вниманіе отъ необходимости прикрывать во что бы ни стало Минскъ. Удино удалось выполнить возложенную на него задачу, но русскіе, вынужденные очистить Борисовъ, сожгли находившійся тамъ мостъ. Нѣкоторымъ, хотя и слабымъ утѣшеніемъ для Наполеона послужило извѣстіе, что его кавалерія нашла близъ Студянки бродъ черезъ Березину. Рано утромъ, 23-го ноября, посланы были туда французскіе саперы со всѣми рабочими и строительными матеріалами, какіе только можно было достать. Къ несчастью, Викторъ не получилъ своевременно приказаній Наполеона, а потому не успѣлъ преградить путь корпусу князя Витгенштейна, направлявшемуся тоже къ Студянкѣ. Онъ подвигался, однако, очень медленно впередъ, Чичаговъ же, въ свою очередь, обманутый ловкою демонстраціей Удино, ушелъ на цѣлый переходъ ниже Борисова, чтобы обезпечить себя отъ воображаемой опасности. Такимъ образомъ, французы могли

работать безъ всякой помѣхи, а тѣмъ временемъ, благодаря наступившему опять морозу, болотистые берега рѣки настолько окрѣпли, что можно было удобно подвозить необходимый для мостовъ строительный матеріалъ. 26-го числа удалось покончить постройку обоихъ мостовъ. Легкій мостъ, предназначавшійся только для пѣхоты, изготовили уже рано утромъ, а другой, болѣе широкій, который считали достаточно прочнымъ для переправы артиллеріи и повозокъ, законченъ былъ лишь подъ вечеръ. Пѣхота Удино немедленно же переправилась черезъ первый изъ этихъ мостовъ. Небольшому отряду кавалеріи удалось тоже перейти на правый берегъ, переправивъ своихъ лошадей вплавь. Нѣсколько часовъ спустя, начала переходить по другому мосту артиллерія. Противуположный берегъ былъ въ достаточной степени очищенъ отъ непріятеля, для того, чтобы переправившіяся французскія войска могли идти на Вильну по прямой дорогѣ, идущей къ сѣверу отъ Минска. Этимъ успѣхомъ великая армія была обязана не только неслыханному своему счастью, но главнымъ образомъ стойкому мужеству и самоотверженію понтоперовъ, безропотно работавшихъ въ теченіе многихъ часовъ въ холодной водѣ, среди громадныхъ пловучихъ льдинъ.

Съ двумя короткими перерывами, вызывавшимися поломкой болѣе широкаго моста, переправа черезъ Березину шла своимъ чередомъ, хотя и безъ соблюденія должнаго порядка, вслѣдствіе чего по временамъ она даже пріостанавливалась. Приблизительно въ полдень 27-го ноября, Наполеонъ, въ свою очередь, переправился черезъ Березину и двинулся оттуда далѣе къ Стахову. Передовыя войска Виктора прибыли въ тотъ же день послѣ полудня въ Борисовъ, опередивъ, такимъ образомъ, князя Витгенштейна, который аттаковалъ, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ ихъ аріергардъ и взялъ въ плѣнъ 2.000 человѣкъ. Чичаговъ, узнавъ, наконецъ, что попался въ просакъ, появился ночью на противуположномъ берегу противъ Борисова. Установивъ черезъ рѣку сообщеніе съ противуположнымъ берегомъ, оба опоздавшихъ русскихъ генерала рѣшили двинуться на другой день за-разъ по правому и лѣвому берегу рѣки, направляясь вверхъ противъ теченія. Въ восемь часовъ утра, Чичаговъ, съ 26.000 человѣкъ, аттаковалъ 17.000 армію, которую выставили противъ него Удино и Ней. Два часа спустя, Витгенштейнъ съ 25.000 обрушился на семитысячный корпусъ Виктора. Несмотря на такое неравенство въ силахъ, французамъ удалось сохранить за собою мосты. Цѣлый день шелъ кровопролитный бой, которому придавали неопредѣленный и безпорядочный характеръ многія тысячи отсталыхъ и все болѣе усиливавшійся морозъ. Во время этой геройской обороны происходили сцены, которыя сами напрашиваются на описаніе. Всѣ дороги и подъѣзды къ мостамъ были запружены отсталыми. Несчетная толпа французовъ, выѣхавшихъ изъ Москвы съ своими женами и дѣтьми, а также нестроевые и лагерная челядь стегали съ громкими проклятіями уставшихъ своихъ лошадей, подталкивая собственными плечами колеса повозокъ. Падавшихъ лю-

дей безжалостно давили цѣлыми сотнями. Воздухъ былъ наполненъ стонами и рыданіями осиротѣвшихъ семействъ. Тѣхъ, кто послабѣе, прямо сталкивали съ моста въ мрачныя волны рѣки, которая начала отъ морозовъ подергиваться уже саломъ. Къ полудню поднялся рѣзкій вѣтеръ, обратившійся къ тремъ часамъ въ настоящую бурю. Какъ разъ въ это время большой мостъ обрушился подъ тяжестью тѣснившихся на немъ повозокъ, и всѣ находившіеся на немъ въ этотъ моментъ утонули. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ, что крикъ предсмертной ихъ агоніи покрылъ собою вой бури и грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Этотъ ужасающій крикъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль потомъ неумолчно звучалъ въ его ушахъ.

Происшедшая катастрофа мгновенно отрезвила толпу, тѣснившуюся на берегу рѣки. Переправа по другому мосту нѣкоторое время послѣ того производилась въ порядкѣ. Къ сумеркамъ, однако, и буря, и битва ожесточились еще сильнѣе. Мало по малу по обѣ стороны моста начали тѣсниться къ рѣкѣ густыя толпы отсталыхъ. Многіе бросались очертя голову въ бѣшеную рѣку, другіе же, не видя для себя никакого выхода, сидѣли въ нѣмомъ отчаяніи на берегу. Въ девять часовъ вечера начали переправляться остатки корпуса Виктора. Русская артиллерія подъѣхала тогда ближе и принялась обстрѣливать мостъ. Весь онъ былъ вскорѣ покрытъ трупами, образовавшими какъ бы сплошную настилку поверхъ досокъ, но тѣмъ не менѣе переправа продолжалась своимъ чередомъ, пока не перешли на правый берегъ всѣ солдаты. Большой мостъ удалось кое-какъ исправить, несмотря на жестокій огонь русской артиллеріи, но тѣмъ не менѣе оба моста оказывались ненадежными. Отъ времени до времени маленькія группы отдѣлялись отъ толпы и перебѣгали черезъ мостъ по страшно колебавшейся подъ ними настилкѣ изъ мертвецовъ. На слѣдующее утро, однако, къ восьми часамъ, французскій аріергардъ, не смѣя ждать долѣе, зажегъ оба моста, несмотря на то, что на противуположномъ берегу рѣки, въ Студянкѣ, осталось еще до 7.000 отсталыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сожжены также и построенные черезъ болота деревянные подъѣздные пути къ мостамъ. Повѣствованія русскихъ о томъ, очевидцами чего они были утромъ, обрисовываютъ безпримѣрныя еще въ исторіи ужасы. Рѣка успѣла за ночь замерзнуть, и трупы болѣе тысячи утопленниковъ оказывались на поверхности замороженными во льду! Въ числѣ этихъ выставленныхъ напоказъ мертвецовъ было много женщинъ и дѣтей. Всѣ хижины въ селеніи оказались заваленными мертвецами. 24.000 труповъ были одновременно преданы огню. Вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно увѣряютъ, что когда снѣгъ весною разстаялъ, то найдено было еще 12.000 труповъ. Спустя десять лѣтъ послѣ бѣдственной переправы черезъ Березину многочисленные низменные островки ниже мѣста переправы были покрыты еще незабудками, росшими на грудахъ человѣческихъ костей.

На слѣдующій день послѣ этой переправы императоръ, въ письмѣ къ Маре, высказалъ истинное положеніе дѣлъ и прис-

вокупилъ: „При такихъ обстоятельствахъ присутствіе мое въ Парижѣ необходимо для Франціи, для имперіи и даже для самой

Наполеонъ покидаетъ въ Сморгоняхъ Великую армію.
(Съ картины Н. Розена).

арміи". Въ тотъ же день онъ составилъ знаменитый свой бюллетень, помѣченный 3 декабря. Тамъ утверждалось, будто вплоть

до 6-го ноября императоръ воевалъ очень успѣшно, но что затѣмъ стихійныя силы фактически уничтожили Великую армію. Бюллетень заканчивался фразой: „Здоровье его величества находится въ наилучшемъ состояніи“. Только одну эту фразу во всемъ бюллетенѣ и можно признать несомнѣнно вѣрною.

По мѣрѣ того, какъ жалкіе остатки Великой арміи приближались къ Вильнѣ, численность ихъ все сокращалась. Многіе впадали отъ голода и холода въ бредъ, другіе же заболѣвали тифозной горячкой. 9-го декабря имѣлось, однако, все еще подъ ружьемъ 9.000 человѣкъ. Два дня спустя, Наполеонъ созвалъ маршаловъ, чтобъ объявить имъ свое рѣшеніе немедленно же ѣхать въ Парижъ. Послѣ того Великая армія фактически перестала существовать. 8-го января, при 25° мороза, нѣсколько безоружныхъ несчастливцевъ, быть можетъ, всего лишь около 500, вступили вмѣстѣ съ Мюратомъ въ Вильну. Уши, шея и ноги были у нихъ обернуты тряпками. Сами они были окутаны въ изодранныя шинели умершихъ товарищей, женскіе салопы, священническія ризы и вообще во все, что могло сколько-нибудь прикрывать отъ холода. Вслѣдъ за этимъ авангардомъ прибылъ въ Вильну Ней съ 400 человѣкъ и Вреде съ 2.000. Наконецъ, втянулись въ городъ еще 2.000 или 3.000 отсталыхъ. Такова была заключительная сцена великой наполеоновской драмы нашествія на Россію. Для его воиновъ и лошадей лѣтнія жары оказались столь же пагубными и смертоносными, какъ и зимніе морозы. Онъ погубилъ свое дѣло вслѣдствіе ошибочной оцѣнки соотношеній между стихійными силами природы и человѣческой стратегіей. Окончательная же катастрофа была вызвана роковою его нерѣшимостью въ критическіе моменты, когда промедленіе, казавшееся желательнымъ съ точки зрѣнія дипломата и государственнаго дѣятеля, являлось пагубнымъ для арміи. Россія, подобно Испаніи, обнаружила живучесть, свойственную низшимъ организмамъ. Жизненная ея энергія не была сосредоточена въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ, обладаніе которымъ могло бы парализовать всю страну. Берлинъ представлялъ собою прусское королевство, но Москва не имѣла подобнаго же значенія для Россіи.

Покидая въ Сморгоняхъ Великую армію, Наполеонъ не имѣлъ надобности бѣжать отъ нея тайно, какъ онъ бѣжалъ когда-то отъ египетской своей арміи. Дѣло въ томъ, что онъ былъ теперь уже не простымъ главнокомандующимъ, а главою государства, и что рѣшенія его имѣли безапелляціонный характеръ. Путешествуя инкогнито, онъ проѣхалъ черезъ Вильну, Варшаву и Дрезденъ. Маре было поручено завѣдываніе дѣлами въ Литвѣ, де-Прадтъ получилъ обстоятельныя инструкціи относительно того, какъ слѣдуетъ обращаться съ поляками, а 14-го декабря Наполеонъ послалъ изъ Дрездена императору Францу и королю Фридриху-Вильгельму письма, при посредствѣ которыхъ пытался обезпечить себѣ и на будущее время содѣйствіе Австріи и Пруссіи. Саксонскаго короля онъ прочно опуталъ узами личнаго своего обаянія, которое никогда всецѣло не утрачивалось. Въ теченіе этого быстраго,

но тѣмъ не менѣе долгаго путешествія, офицеры изъ германскихъ нѣмцевъ дважды устраивали покушенія на жизнь Наполеона, но ему удалось оба раза спастись отъ смерти именно благодаря строжайшему своему инкогнито. Заговоры эти служили предвѣстниками того, что должно было вскорѣ произойти въ Германіи. Все это казалось, однако, Наполеону исчезающей величиною сравнительно съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Парижѣ, по скольку оно выяснилось при заговорѣ Мале. Обстоятельства, сопровождавшія этотъ заговоръ, привели въ ужасъ императора, надѣявшагося было уже, что его усилія основать новую династію увѣнчались успѣхомъ. Мале, дворянинъ по происхожденію, былъ страстной натурой, послѣдовательно прошедшей сквозь всю гамму отъ роялиста до радикала. Затѣмъ онъ обратился въ заговорщика и еще въ 1800 году помышлялъ овладѣть особою перваго консула. Въ 1807 году его снова засадили въ тюрьму Ла-Форсъ за попытку низвергнуть имперію. Притворившись умалишеннымъ, онъ добился перемѣщенія изъ тюрьмы въ сумасшедшій домъ, гдѣ успѣшно завязалъ нити новаго заговора и затѣмъ бѣжалъ. Въ 1812 году, 23-го октября, онъ внезапно явился къ командиру парижской національной гвардіи съ извѣстіемъ, что Наполеонъ скончался 7-го числа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ подложный сенатскій указъ объ установленіи во Франціи временнаго республиканскаго правительства. Благодаря изумительному своему безстыдству, Мале заставилъ солдатъ и офицеровъ слѣдовать за собой. Во главѣ ихъ онъ освободилъ своихъ соучастниковъ, Лагори и Гидаля, изъ тюрьмы Ла-Форсъ, арестовалъ министра полиціи Савари и полицейскаго префекта, Паскье, а затѣмъ нанесъ рану парижскому коменданту Гюлену, котораго тоже хотѣлъ арестовать. Товарищъ Гюлена, Дусе, бросился, однако, на смѣлаго заговорщика, сшибъ его съ ногъ и арестовалъ самъ. Савари и Паскье были тотчасъ же освобождены и, прежде чѣмъ слухи о заговорѣ успѣли разнестись по городу, всѣ заговорщики были уже арестованы. Мале и двѣнадцать другихъ главныхъ соучастниковъ были преданы военному суду и казнены. Парижскіе остроумцы утверждали, будто весь этотъ заговоръ выдуманъ самою полиціей. Поскольку дѣло касалось французской столицы, оно, повидимому, не представляло ничего серьезнаго и закончилось каламбурами. Наполеонъ чувствовалъ себя, однако, сильно встревоженнымъ, такъ какъ понималъ, чѣмъ могла завершиться для него подобная попытка. Узнавъ о числѣ разстрѣлянныхъ, онъ воскликнулъ: „Да это было просто напросто массовое избіеніе!“

Еслибъ война 1812 года закончилась удачно для Наполеона, она послужила бы вѣнцомъ его имперскому могуществу. Въ данномъ случаѣ, однако, неудача этой кампаніи была уже извѣстна массѣ французскаго народа, среди которой распространялись самые зловѣщіе слухи. Самъ императоръ былъ такъ далеко, что сдѣлался какой-то миѳической личностью. Императрица не пользовалась народной любовью. Малютку наслѣдника престола не считали нужнымъ принимать въ разсчетъ. Имперскіе администра-

тивные порядки подвергались строгому осужденію, а континентальную систему справедливо обвиняли въ томъ, что она вызываетъ дороговизну, подавляетъ промышленность и заставляетъ каждую семью терпѣть лишенія. Пій VII жилъ теперь съ величайшимъ комфортомъ въ Фонтенебло, но тѣмъ не менѣе считался тамъ плѣнникомъ, и это чрезвычайно смущало вѣрующихъ католиковъ, вызывая у нихъ опасеніе, что, можетъ быть, небо карало въ данномъ случаѣ Францію за дерзость ея правительства, осмѣлившагося наложить руку на римскаго первосвященника. Хуже всего было то, что цвѣтъ французской молодежи погибъ подъ императорскими орлами. Въ бывшихъ роялистскихъ округахъ начало проявляться все болѣе усилившееся ожесточеніе противъ императорскаго режима.

События на Пиренейскомъ полуостровѣ не могли успокоить тревожнаго настроенія, овладѣвшаго народными массами во Франціи. Мармону удавалось, до 22-го іюля, ловкими своими маневрами ставить Веллингтона въ затруднительное положеніе, но въ этотъ роковой день онъ слишкомъ далеко растянулъ лѣвое свое крыло и вслѣдствіе этого потерпѣлъ подъ Саламанкой рѣшительное пораженіе, результатомъ котораго оказалась для французовъ утрата всей южной Испаніи. Сюше, овладѣвъ Аррагоной, удержалъ за собой этотъ укрѣпленный городъ, а затѣмъ стянулъ имѣвшіяся въ распоряженіи его войска въ восточныя испанскія области. Такимъ образомъ Каталонія и Аррагонія оставались еще въ рукахъ Наполеона, а потому король Іосифъ имѣлъ возможность устроить себѣ въ Валенсіи временную столицу. Веллингтонъ, которому безпрерывно связывало руки хаотическое отсутствіе системы въ англійской политикѣ, вынужденъ былъ, несмотря на одержанную побѣду, отступить назадъ къ португальской границѣ.

Возвращеніе блуднаго сына.

Предписывая строго выполнять британскіе королевскіе указы, стѣснявшіе морскую торговлю нейтральныхъ державъ, Каннингъ нанесъ серьезный ущербъ самой Великобританіи. Въ 1812 году, въ началѣ мая, торійскій премьеръ Персеваль былъ умерщвленъ Беллингемомъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ переустройствѣ министерства, мѣсто маркиза Веллеслея занялъ Кэстльри. 13-го мая упомянутые указы были отмѣнены, но Соединенные Штаты объявили уже Великобританіи войну. На сухомъ пути американцы сразу же потерпѣли полнѣйшее фіаско, но на морѣ одержали въ пяти схваткахъ столько же побѣдъ, причемъ два англійскихъ фрегата вынуждены были спустить флагъ передъ равносильнымъ имъ непріятелемъ. Это являлось ужасающей новостью для британцевъ, которымъ было очень непріятно убѣдиться, что сыновья оказывались достойными своихъ отцовъ. Тяжелое положеніе Веллингтона и успѣхи американцевъ на морѣ были очень пріятными для Наполеона свѣтлыми бликами въ мрачной картинѣ общеевропейскаго

положенія, съ которымъ очутился онъ лицомъ къ лицу по возвращеніи своемъ изъ Москвы.

Императоръ, вернувшійся во Францію въ качествѣ блуднаго сына, не выказывалъ ни малѣйшаго упадка духа. Физическія силы его словно возродились среди невѣроятныхъ трудностей и лишеній ужасающей кампаніи двѣнадцатаго года. Точно также, затрудненія, съ которыми приходилось теперь бороться Наполеону, казалось, еще болѣе изощрили государственные его таланты и способности. Обращаясь къ депутаціи раболѣпнаго сената, онъ прямо объявилъ ей, что при существующихъ условіяхъ всѣ малодушныя должностныя лица должны быть уволены въ отставку, такъ какъ присутствіе ихъ на службѣ только подрываетъ авторитетъ закона. Отвѣчая на адресъ государственнаго совѣта, онъ безпощадно громилъ всѣхъ приписывавшихъ народу державныя права, которыми народныя массы не въ состояніи пользоваться на самомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ высказалъ строжайшее порицаніе всѣмъ мечтавшимъ основать авторитетъ власти не на принципѣ справедливости, естественной природѣ вещей, или гражданскихъ правахъ, а на капризѣ людей, не понимающихъ ровнехонько ничего ни въ законодательствѣ, ни въ администраціи. Значеніе такихъ заявленій было совершенно ясно. Они произвели ожидаемое дѣйствіе, и вся государственная французская машина немедленно же пришла въ наилучшій порядокъ. Депутаціи начали прибывать не только изъ всѣхъ концовъ Франціи, но также изъ большихъ городовъ имперіи: изъ Рима и Милана, Гамбурга и Амстердама. Высказывавшіяся ими увѣренія въ вѣрноподданической преданности сдерживались единственно лишь рамками, возможными для человѣческаго языка. Нѣкоторые остряки вспоминали при этомъ знаменитую сцену Мольера, въ которой одураченный Оргонъ обнаруживаетъ полнѣйшее равнодушіе къ любящей своей женѣ, интересуясь исключительно однимъ только Тартюфомъ.

Несмотря на эту хлесткую шутку, правительство Наполеона стояло во Франціи еще непоколебимо прочно. Возвращеніе императора вызвало въ народныхъ массахъ достаточно сильный энтузіазмъ, который все болѣе возросталъ и распространялся во всѣ стороны по мѣрѣ того, какъ императоръ ежедневно и ежечасно обнаруживалъ по истинѣ дивныя свои административныя способности. Несмотря на сокращенія въ бюджетахъ, общественныя работы въ Парижѣ шли своимъ чередомъ. Устройство морской станціи въ Брестѣ было закончено и демонстративно скромная семейная жизнь во дворцѣ началась снова, въ назиданіе и поученіе для простонародья. Императоръ заботливо пекся о ветеранахъ и заботился объ оказаніи помощи нуждающимся семьямъ воиновъ, погибшихъ за Францію. Вездѣ, гдѣ предстояло совершить доброе дѣло, императорская чета выступала на первый планъ. Зато, когда выяснилось, что составленъ уже проектъ учрежденія регентства для Маріи-Луизы, проектъ этотъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія со стороны общественнаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что похвальное искреннее чувство, лежавшее въ основѣ означенной бла-

готворительной дѣятельности, успѣло уже произвести желаемый драматическій эффектъ. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что проектъ регенства, предоставляя императрицѣ весь блескъ верховной власти въ самой имперіи и вассальныхъ ея государствахъ, былъ тщательно обставленъ благоразумными ограниченіями. Въ рукахъ талантливой преданной супруги, такая власть могла бы служить могущественной поддержкой отсутствующему мужу, сражающемуся за свою имперію. Доставшись тщеславной нерѣшительной женщинѣ, быть можетъ, носившей даже въ сердцѣ своемъ измѣну, имперское регентство, несмотря на пышный свой блескъ и благоразуміе рамокъ, которыми оно было обставлено, не могло имѣть особенной цѣнности даже и въ качествѣ оплота противъ заговоровъ Талейрана и его клики, желавшихъ разрушенія имперіи, дабы имѣть случай поживиться добычею на ея развалинахъ.

По возвращеніи изъ Россіи Наполеонъ совершенно искренно объявлялъ, что болѣе всего желаетъ мира. Весь вопросъ заключался, однако, въ томъ, каковъ именно долженъ быть этотъ миръ? Вопросъ этотъ затрогивалъ въ сущности все международное положеніе Европы. Наполеонъ имѣлъ достаточное основаніе считать Испанію совсѣмъ почти уже выбившейся изъ силъ и думать, что если процессъ опустошенія продлится тамъ еще года три, то испанскій народъ, утомленный безплодной борьбою, предпочтетъ возродиться къ новой жизни подъ управленіемъ мягкосердечнаго и добродушнаго Іосифа. Императору естественно было также полагаться на преданность государствъ Рейнскаго союза. Тѣмъ не менѣе, здѣсь, какъ и въ кампаніи двѣнадцатаго года, грандіозные стратегическіе планы Наполеона уносились далеко за черту возможнаго для остальныхъ элементовъ его системы. Считая себя воплощеніемъ новаго общественнаго порядка, онъ ошибся въ оцѣнкѣ творческихъ силъ переворота, происходившаго въ средней и южной Германіи. Нѣкоторые намеки на результаты этого національнаго движенія, безъ сомнѣнія, не могли отъ него ускользнуть. Холодность князя Шварценберга должна была навлечь кое-какія подозрѣнія на Австрію. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе военнаго могущества Пруссіи само собою бросалось въ глаза, такъ что его нельзя было вполнѣ скрыть. Вскорѣ по возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ съ огорченіемъ узналъ, что прусскіе его союзники вступили въ соглашеніе съ русскимъ государемъ. Это было сдѣлано вопреки волѣ ихъ короля, но, тѣмъ не менѣе, служило явственнымъ симптомомъ народнаго прусскаго настроенія. Усматривая въ катастрофѣ, постигшей Великую армію, перстъ Божій, прусскія войска наотрѣзъ отказывались служить когда-либо въ рядахъ французской арміи.

Бесѣдуя проѣздомъ черезъ Варшаву съ де-Прадтомъ, Наполеонъ предсказывалъ, что вскорѣ будетъ имѣть подъ знаменами опять трехсотъ-тысячную армію. Очевидно, онъ включалъ въ это число также австрійскій и прусскій контингенты. Хвастливо напоминая предшествовавшія событія своей жизни, въ которыхъ участь его висѣла на волоскѣ, онъ разсказывалъ, какъ подъ Ма-

ренго австрійцы били его до шести часовъ пополудни, а на слѣдующее утро онъ былъ уже властелиномъ всей Италіи.—Подъ Эс-

Гедетъ.
(Съ картины Мейсонье).

слингомъ Австрія была спасена отъ окончательной гибели лишь неожиданнымъ подъемомъ воды въ Дунаѣ на шестнадцать футъ въ одну ночь. Точно также и теперь онъ одерживалъ побѣды надъ русскими во всѣхъ сраженіяхъ, разсчитывая, что они подъ конецъ запросятъ мира. Развѣ можно было предусмотрѣть обнаруженное ими упрямство, или же предвидѣть геройское сожженіе Москвы, за которое, безъ сомнѣнія, отвѣтственность падетъ на него самого? Такъ и теперь, если только союзники останутся ему вѣрными, онъ быстро создастъ себѣ новую Великую армію и, въ концѣ-концовъ, одержитъ побѣду.—Слова эти въ устахъ Наполеона, не были просто на-просто хвастовствомъ, такъ какъ приведенныя имъ цифры оказывались въ сущности правильными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ смутно подозрѣвалъ и самъ французскій императоръ, вооруженныя силы Россіи тоже постепенно таяли. Изъ двухсоттысячной арміи оставалось у Кутузова всего лишь около 40.000 человѣкъ ко времени вступленія его въ Вильну вслѣдъ за уходившими оттуда наполеоновскими войсками. Армія Витгенштейна понесла тоже соотвѣтственную убыль. Что касается до дунайской арміи, то ея потери оказывались еще болѣе значительными. При такихъ обстоятельствахъ Кутузовъ желалъ мира столь же пламенно, какъ и самъ Наполеонъ. Преслѣдованіе остатковъ французской арміи производилось поэтому до чрезвычайности вяло и было фактически возложено на неопытнаго еще Ермолова, Витгенштейна и неспособнаго Чичагова. Разладъ между французскими маршалами и неповиновеніе ихъ главнокомандующему были вопіющими фактами, которые, однако, въ данномъ случаѣ вполнѣ уравновѣшивались раздоромъ между русскими генералами и отсутствіемъ между ними талантливыхъ полководцевъ.

Русскій государь, однако, вовсе не желалъ мира. Изъ выпавшаго на его долю суроваго опыта, онъ вынесъ двѣ прочно обоснованныхъ идеи: что Наполеонъ не могъ бы даже при всемъ своемъ желаніи отречься отъ преобладающаго вліянія въ Европѣ и что для Россіи представляется теперь случай явиться освободительницей европейскихъ народовъ. Одно время Александръ I считалъ возможнымъ провозгласить себя королемъ польскимъ при помощи іезуитовъ и друзей князя Чарторыйскаго. Глава іезуитскаго ордена, зная могущество Наполеона, бѣжалъ въ Испанію, такъ что его подъ рукою не оказалось; что же касается до Чарторыйскаго, то онъ замышлялъ въ случаѣ низверженія Наполеона объединить Польшу и потребовать для нея такую либеральную конституцію, какой, разумѣется, она не могла получить отъ самодержавнаго русскаго императора. Единственнымъ пригоднымъ конституціоннымъ польскимъ королемъ оказался бы при такихъ обстоятельствахъ только самъ князь, или кто-нибудь изъ близкихъ его родственниковъ. Императоръ Александръ не имѣлъ тогда еще точныхъ свѣдѣній о замыслахъ своего друга дѣтства, но разгадалъ ихъ въ достаточной степени для того, чтобы утратить всякое желаніе возстановлять Польшу въ какой бы то ни было формѣ. Остановившись на этомъ, онъ принялъ благоразумное рѣ-

шеніе увеличить боевыя свои силы, не истощая и безъ того уже раззореннаго русскаго государства. Цѣли этой можно было достигнуть, обезпечивъ себѣ содѣйствіе сильныхъ армій, сформированныхъ въ Пруссіи и въ Австріи. Съ такими ясно опредѣленными намѣреніями, русскій государь выѣхалъ 18-го декабря изъ Петербурга въ Вильну.

За четыре дня передъ тѣмъ, Мюратъ перевелъ остатки Великой арміи черезъ Нѣманъ, а 19-го вступилъ въ Кенигсбергъ. Маршалъ Макдональдъ узналъ лишь 18-го декабря изъ полученной отъ Бертье депеши объ окончательной катастрофѣ, которою закончилось нашествіе на Россію, и 28-го декабря прибылъ съ своимъ авангардомъ въ Тильзитъ. Союзный прусскій корпусъ находился въ тылу. Командовавшій имъ генералъ Іоркъ уже цѣлыхъ два мѣсяца состоялъ въ перепискѣ съ русскимъ правительствомъ и зналъ всѣ подробности разгрома французовъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ Макдональдъ. Витгенштейну было поручено отрѣзать французскому маршалу путь отступленія, но вслѣдствіе мѣшкотности, характеризовавшей всѣ движенія русскихъ войскъ, онъ опоздалъ это сдѣлать. Всего только одинъ передовой отрядъ Дибича встрѣтился съ пруссаками на ихъ собственной территоріи. Генералъ Іоркъ оказался тогда передъ очень трудною дилеммой. Онъ обладалъ достаточными силами для того, чтобы разбить Дибича на-голову, но съ другой стороны, прусскіе солдаты были расположены къ Россіи и ожесточены противъ Наполеона. Самъ корпусной командиръ раздѣлялъ симпатіи своихъ подчиненныхъ, а потому, принявъ во вниманіе возможность сослаться въ крайнемъ случаѣ на изолированное свое положеніе, онъ заключилъ 30-го декабря Таурогенскую конвенцію, въ силу которой восточно-прусскій округъ, занятый его корпусомъ, объявленъ былъ нейтральнымъ впредь до полученія обстоятельныхъ инструкцій изъ Берлина. Шесть дней спустя, прибылъ уполномоченный отъ короля Фридриха-Вильгельма, будто бы для того, чтобы разжаловать Іорка въ солдаты, а въ дѣйствительности для заключенія союза съ Россіей. При содѣйствіи Штейна, пріѣхавшаго нарочно изъ Вѣны, союзный договоръ былъ составленъ въ окончательной формѣ и подписанъ въ Калишѣ 28-го февраля. Пруссія и Германія возродились по этому договору, подъ эгидой Россіи, къ новой самостоятельной государственной жизни. Съ разрѣшенія русскаго государя, Штейнъ немедленно же приступилъ къ реорганизаціи областей, занятыхъ прусскими войсками. При такихъ обстоятельствахъ Мюрату нельзя было держаться на своихъ позиціяхъ подъ Данцигомъ и на Вислѣ. Въ продолженіе всей кампаніи онъ гораздо болѣе заботился о личномъ своемъ престижѣ, чѣмъ объ интересахъ Наполеона и съ нетерпѣніемъ ждалъ случая покинуть корабль, который, какъ ему казалось, шелъ уже ко дну. 15-го января онъ сдалъ въ Познани команду надъ арміей вице-королю Евгенію и уѣхалъ въ Неаполь. Неаполитанскій король торопился отъѣздомъ, главнымъ образомъ, потому, что уже 12-го числа русскія войска вступили въ великое герцогство Варшавское и направлялись къ столицѣ. Князь Швар-

ценбергъ съ собственнымъ своимъ корпусомъ и остатками двухъ другихъ корпусовъ: Ренье и Понятовскаго, могъ бы безъ всякаго труда задержать наступательное движеніе непріятеля. Вмѣсто того, однако, австрійскій генералъ вступилъ въ переговоры съ русскимъ правительствомъ, обѣщалъ временно соблюдать нейтралитетъ. При появленіи передъ Варшавой нѣсколькихъ казаковъ, онъ очистилъ 5-го февраля этотъ городъ, какъ бы уступая превосходнымъ силамъ непріятеля, а затѣмъ отступилъ за Вислу къ австрійской границѣ.

Всѣ эти тяжкіе удары какъ бы скользнули по непроницаемой бронѣ наполеоновской энергіи и бодрости духа. Французскій народъ къ тому времени былъ уже всецѣло охваченъ энтузіазмомъ. Онъ положительно обожалъ тогда своего императора. Конскрипція на 1813 годъ дала 140.000 новобранцевъ. Четыре артилерійскихъ полка были сформированы изъ матросовъ, которымъ все равно приходилось оставаться не у дѣлъ. Три тысячи жандармовъ были приняты на службу въ кавалерію. Даже нѣкоторые національные гвардейцы поступили на службу въ армію. 13-го января сенатскимъ указомъ постановлено было призвать подъ знамена еще 100.000 человѣкъ изъ списковъ 1813 года. Кромѣ того, повелѣвалось немедленно же созвать конскриптовъ 1814 года, для того, чтобы 150.000 подростковъ этого призыва могли въ теченіе года окрѣпнуть въ лагерной жизни и оказаться, такимъ образомъ, пригодными къ немедленному употребленію въ дѣло, когда имъ придетъ время поступить на дѣйствительную службу. Дабы снабдить офицерами эту громадную боевую силу, заключавшую въ себѣ почти треть мужского населенія Франціи въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ, вызваны были изъ Испаніи всѣ штабъ и оберъ-офицеры, безъ которыхъ оказывалось возможнымъ обойтись. Начинавшіе постепенно возвращаться унтеръ-офицеры и офицеры изъ числа отсталыхъ отъ великой арміи немедленно же зачислялись опять на службу. Съ ними обращались, какъ съ побѣдителями, осыпая ихъ похвалами и наградами, до тѣхъ поръ, пока французскій народъ, сбитый окончательно съ толку, не сталъ считать себя, наконецъ, не на шутку побѣдителемъ. Наполеонъ старался всячески поддерживать это сознаніе, выказывая вездѣ и всюду колоссальную мощь Франціи,—вливая новую жизнь во всѣ отрасли гражданскаго и военнаго управленія. Постепенно усиливая, такимъ образомъ, возбужденіе умовъ, Наполеонъ воспламенилъ въ сердцахъ французовъ могучій пламенный патріотизмъ, опираясь на который сенатъ, въ апрѣлѣ 1813 года, призвалъ подъ знамена еще 180.000 человѣкъ, частью изъ національныхъ гвардейцевъ, частью же изъ людей, обыкновенно освобождаемыхъ отъ воинской повинности. Тѣмъ временемъ, со всѣхъ селъ и весей Франціи и западной Германіи собрано было значительное число лошадей для кавалеріи и артиллеріи. При такихъ обстоятельствахъ, не принимая въ разсчетъ корпусовъ, стоявшихъ въ Испаніи, а также вспомогательныхъ войскъ, которыя можно было собрать въ Баваріи, Саксоніи и всѣхъ вообще государствахъ Рейнскаго союза. Франція и ея чародѣй императоръ имѣ-

ли къ 1-му мая (за вычетомъ больныхъ, дезертировъ и слабосильныхъ, которыхъ насчитывалось не мало въ каждой изъ этихъ трехъ категорій), почти полмилліона солдатъ подъ ружьемъ. У нихъ не хватало, повидимому, лишь одного существеннаго элемента успѣха: имъ надлежало быть двумя годами старше и опытнѣе.

Возстаніе народовъ противъ Наполеона.

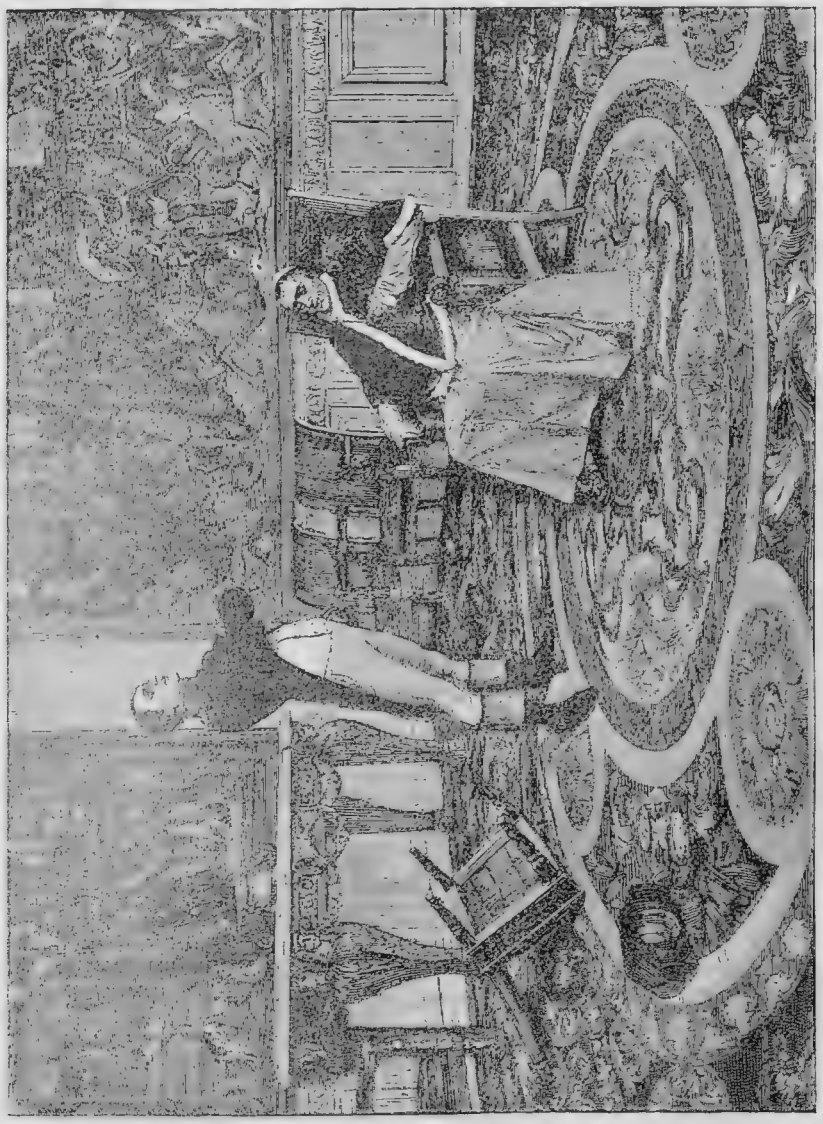
Чудеса эти удалось совершить безъ помощи драгоцѣнныхъ списковъ арміи, которые Наполеонъ любилъ называть своей библіотекой. Къ тому времени отдѣльные ея тома были затеряны, уничтожены, или же брошены въ мѣстахъ, гдѣ послѣдовательно находилась императорская главная квартира. Великій полководецъ привелъ въ порядокъ военную свою организацію, единственно лишь благодаря своей по истинѣ замѣчательной памяти. Неудивительно, если при такихъ обстоятельствахъ финансовое положеніе французской имперіи оказывалось далеко не блестящимъ. Созданіе новой арміи потребовало громадныхъ расходовъ, для покрытія которыхъ пришлось обратиться къ «добровольнымъ» взносамъ отъ богатыхъ корпорацій и денежныхъ тузовъ, равно какъ къ новому выпуску бумажныхъ денегъ. Обезпеченіемъ этихъ бумажныхъ денегъ должны были служить земли, принадлежавшія нѣсколькимъ тысячамъ общинъ. Стоимость по оцѣнкѣ простиралась до 370 милліоновъ франковъ, а между тѣмъ онѣ приносили въ общей сложности всего лишь девятимилліонный годичный доходъ. Со временемъ доходъ этотъ могъ, разумѣется, возрасти, но въ данную минуту тотъ же самый доходъ можно было получить со 135 милліоновъ франковъ, помѣщенныхъ въ пятипроцентныхъ облигаціяхъ государственнаго долга, котировавшихся по 75 за 100. Императорское правительство такъ и сдѣлало. Завладѣвъ общинными землями, оно выручило на этой операціи 235 милліоновъ чистаго барыша, уплативъ за нихъ 140 милліонами пятипроцентныхъ облигацій, которыя и были отложены для покрытія процентами съ нихъ мѣстныхъ общинныхъ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фондъ этотъ долженъ былъ служить обезпеченіемъ облигацій, выпускавшихся для покрытія расходовъ впредь до продажи упомянутыхъ земель. Дабы помѣшать чрезмѣрному ихъ обезцѣненію, императоръ затратилъ 71 милліонъ франковъ изъ своего собственнаго запаснаго капитала, хранившагося въ погребахъ Тюльерійскаго дворца. Въ предшествовавшемъ году законодательный корпусъ бездѣйствовалъ. Императоръ, въ бытность свою въ Дрезденѣ, говорилъ Меттерниху, что расчитываетъ упразднить его совсѣмъ. Теперь онъ былъ снова наэлектризованъ, дабы санкціонировать ребяческія финансовыя мѣропріятія императора престижемъ народнаго одобренія.

Платежныя обѣщанія даже за подписью самыхъ великихъ людей не равноцѣнны дѣйствительному платежу. Подобнымъ же образомъ даже и могучая воля Наполеона не могла создать всюду во Франціи одинаковый подъемъ патріотическаго духа. Желая

привить его старинной и новой своей аристократіи, императоръ предложилъ, чтобъ молодые ея представители, ускользнувшіе тѣмъ или инымъ способомъ отъ воинской повинности, „добровольно“ поступили теперь на службу. Предполагалось сформировать изъ нихъ четыре полка особой почетной гвардіи. Пришлось, однако, вскорѣ отказаться отъ этого проекта, такъ какъ аристократическая молодежь не годилась даже для службы на маневрахъ въ мирное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ родственники этой молодежи вовсе не были расположены отдавать ее Наполеону въ заложники. Кромѣ того, самый проектъ не понравился также и старой императорской гвардіи.

Пій VII со времени переселенія своего въ Фонтенебло утратилъ значительную долю прежняго упрямства. Это обусловливалось заключеніемъ тѣснаго союза между Франціей и Австріей. Галликанское духовенство грозило папѣ низложеніемъ съ престола, но Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы эта угроза была приведена въ исполненіе, такъ какъ боялся раздражить вѣрующихъ католиковъ въ Баваріи, Италіи и Австріи, являвшихся важными факторами въ задачѣ, которую ему предстояло разрѣшить. Послѣ обмѣна новогоднихъ поздравленій начались опять переговоры между свѣтской и духовной властью. Первоначально императоръ предъявлялъ чрезмѣрныя требованія, а папа отказывался отъ всякихъ уступокъ. Наконецъ, 18-го января, самъ Наполеонъ прибылъ въ Фонтенебло въ сопровожденіи Маріи-Луизы и вошелъ безъ доклада въ комнату своего плѣнника. Папа даже вздрогнулъ отъ пріятнаго изумленія.—„Отецъ мой!“—вскричалъ посѣтитель.—„Сынъ мой“,—отвѣтилъ ему папа. Императоръ восторженно обнялъ и поцѣловалъ старца. На слѣдующее утро начались между Наполеономъ и папой личные переговоры, длившіеся пять дней. Что именно тамъ происходило и было говорено, осталось тайной для простыхъ смертныхъ, такъ какъ августѣйшія договаривавшіяся лица не сочли нужнымъ объ этомъ разглашать. Какъ бы ни было, но 23 го января выработаны были условія новаго конкордата. Пій VII, съ своими кардиналами, долженъ былъ жить въ Авиньонѣ, пользуясь солиднымъ ежегоднымъ доходомъ, за что, въ свою очередь, обязался санкціонировать надлежащей инвеституроі епископовъ, которые будутъ назначаться государственнымъ совѣтомъ. Всѣмъ опальнымъ прелатамъ надлежало дать амнистію и возстановить епископскія каѳедры, уничтоженныя въ бывшей Папской области. Папѣ предоставлялось назначать по своему выбору десятерыхъ епископовъ во Франціи, или же въ Италіи. Кромѣ того, ему слѣдовало возвратить всѣ недвижимыя его имущества, на которыя наложенъ былъ императорскимъ правительствомъ секвестръ. Документъ этотъ подлежалъ обнародованію не иначе, какъ по соглашенію съ кардиналами, а Наполеонъ, тѣмъ временемъ, обѣщалъ усердно заботиться о безчисленныхъ интересахъ католической церкви. Договаривавшіяся стороны только лишь успѣли разстаться, какъ императоръ началъ уже сожалѣть о ничтожности сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній, а папа, въ свою очередь, сталъ испытывать совершенно не на

шутку угрызенія совѣсти. Кардиналы, какъ и слѣдовало ожидать при такихъ обстоятельствахъ, обнаружили величайшее недовольствоновымъ конкордатомъ. Французскій императоръ, предусматри-



Наполеонъ и Пій VII въ Фонтенебло.
(Съ картины Ж. Поля Лорана).

вая возможность дальнѣйшихъ усложненій, нарушилъ тогда свое обѣщаніе и обнародовалъ 14-го февраля текстъ конкордата въ формѣ императорскаго указа. Пій VII отрекся 24-го марта отъ этого договора. Наполеону удалось извлечь изъ временнаго своего согла-

шенія съ папой нѣкоторыя выгоды и вмѣстѣ съ тѣмъ создать полезный прецедентъ, являвшійся важнымъ шагомъ въ борьбѣ противъ свѣтской власти римскаго первосвященника, но, тѣмъ не менѣе, онъ не получилъ ожидаемой поддержки ни отъ Франціи, ни отъ папскаго престола, съ которымъ поступилъ или черезчуръ сурово, или слишкомъ уже снисходительно.

Въ предшествовавшемъ году заключенъ былъ черезъ посредство Великобританіи союзъ между Испаніей, представляемой ея кортесами, и Россіей. Недавній поступокъ Іорка самъ по себѣ уже служилъ достаточнымъ указаніемъ образа мыслей прусскаго народа. Наполеонъ зналъ поэтому, что ему предстоитъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ грозною коалиціей, состоявшей изъ Великобританіи, Россіи, Швеціи, Турціи, Испаніи и Пруссіи. Перспектива эта нисколько его, повидимому, не пугала. Онъ отказывался отъ всякихъ уступокъ. Правда, что онъ предлагалъ заключить миръ, но не иначе какъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ предлагалъ это и прежде. Впрочемъ, онъ намекалъ на возможность нѣкотораго территоріальнаго увеличенія для Пруссіи, все еще связанной съ Франціей союзнымъ договоромъ. Австріи, въ свою очередь, онъ подавалъ надежды на пріобрѣтеніе Иллиріи. Такого рода заявленія, высказывавшіяся сверхъ того самымъ торжественнымъ, широковѣщательнымъ слогомъ, безъ сомнѣнія, не могли считаться симптомами искренняго миролюбія. Во Франціи у всѣхъ сословій имѣлись основательные поводы къ недовольству, но, среди бряцанья оружіемъ и ослѣпительнаго блеска приготовленій къ войнѣ, даже отмѣна конкордата не обратила на себя особеннаго вниманія; безпорядки же, происходившіе въ нѣкоторыхъ голландскихъ городахъ, остались совсѣмъ незамѣченными. Слухи о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Наполеона распространялись тѣмъ не менѣе всюду, какъ въ самой Франціи, такъ и за границей. Вмѣстѣ съ тѣмъ денегъ у него было много, и коллосальныя вооруженія производились дѣятельнымъ образомъ. Очевидно, что онъ пламенно желалъ заключить именно такой миръ, какой можетъ существовать между львомъ и его добычей. 15-го апрѣля западный императоръ, все еще не смирившій своей гордыни, отправился изъ Парижа на театръ военныхъ дѣйствій.

Изъ мелкихъ остатковъ Великой арміи, покинутыхъ Мюратомъ въ Познани на произволъ судьбы, вице-король Евгеній, собирая постепенно подходившихъ отсталыхъ, составилъ четырнадцатитысячную армію, съ которой разсчитывалъ удержать надвигавшіяся русскія войска. Послѣ того, однако, какъ на лѣвомъ флангѣ Іоркъ измѣнилъ дѣлу французскаго императора, а на правомъ флангѣ князь Шварценбергъ фактически послѣдовалъ его примѣру, принцу Евгенію пришлось отказаться отъ прежняго своего намѣренія оборонять Вислу. Вслѣдствіе этого онъ отступилъ въ Берлинъ, но встрѣтилъ тамъ холодный пріемъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго. Русскія войска продолжали тѣмъ временемъ наступательное свое движеніе, а потому принцъ Евгеній отошелъ, наконецъ, за Эльбу и, въ началѣ марта, перенесъ свою главную

квартиру въ Лейпцигъ. Постепенно стали подходить къ нему на подкрѣпленіе свѣжія войска изъ Франціи и различныхъ городовъ, гдѣ находились французскіе гарнизоны, такъ что на передовой линіи, шедшей по дугѣ отъ Бремена черезъ Магдебургъ, Бернбургъ, Виттенбергъ, Мейсенъ и Дрезденъ, собралось вскорѣ до 75.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на шесть корпусовъ подъ начальствомъ Вандама, Лористона, Виктора, Гренье, Даву и Ренье. Наполеонъ приказалъ вице-королю Евгенію занять позицію передъ Магдебургомъ, откуда можно было бы подоспѣть на защиту Голландіи въ случаѣ нападенія на нее англичанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ позиція эта прикрывала Дрезденъ. Стратегическій планъ Наполеона заключался тогда въ слѣдующемъ: онъ разсчитывалъ собрать эльбскую армію на линіи между Магдебургомъ, Гавельбергомъ и Виттенбергомъ, а майнскую армію между Вюрцбургомъ, Эрфуртомъ и Лейпцигомъ. Первая изъ этихъ армій должна была двинуться черезъ Гавельбергъ къ Штеттину, а вторая слѣдовать по пятамъ за первой, освободить Данцигъ и овладѣть нижнимъ теченіемъ Вислы. 21-го марта вице-король Евгеній принялся было выполнять инструкціи своего вотчима. Безъ сомнѣнія, это ему бы и удалось, еслибъ онъ не встрѣтилъ неожиданнаго препятствія со стороны пробудившагося въ Пруссіи чувства патріотизма, которое выражалось пламеннѣйшей ненавистью къ французамъ. Государи Рейнскаго союза, повинуясь предписаніямъ своего императора, выставили потребованныя отъ нихъ войска, но не обнаружили при этомъ особеннаго усердія. Исключеніе составлялъ только саксонскій король, находившійся въ совершенно особомъ положеніи. Послѣ свиданія съ Наполеономъ, проѣзжавшимъ черезъ Дрезденъ во время бѣгства изъ Россіи, саксонскій король прекрасно понималъ всю опасность своего собственнаго положенія. Лучшее украшеніе его короны—Варшава—была уже утрачена, а прусскій народъ собирался возстать противъ французскаго императора. При такихъ обстоятельствахъ саксонскому королю поневолѣ пришлось возложить свои упованія на Австрію. Между тѣмъ австрійское правительство само находилось въ нерѣшимости. Народныя массы относились враждебно къ Наполеону, императоръ же Францъ не зналъ, что именно ему слѣдуетъ предпринять, а потому откладывалъ окончательное рѣшеніе. При такихъ обстоятельствахъ, князь Меттернихъ, опираясь на сочувствіе Саксоніи, принялся вести чрезвычайно ловкую дипломатическую игру.

Уже за годъ передъ тѣмъ его дипломатія носила двуличный характеръ. Стараясь чрезъ посредство австрійскаго посла въ Стокгольмѣ поссорить Россію съ Швеціей, онъ почти одновременно съ этимъ увѣрялъ Гарденберга, что Россія въ концѣ разгромлена, Англія же выбилась изъ силъ, такъ что Австріи придется вскорѣ принять на себя роль посредницы. Задаваясь этой цѣлью, онъ обѣщалъ, что австрійскія войска будутъ воздерживаться отъ сколько-нибудь серьезныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, подобно тому, какъ русскіе щадили австрійцевъ въ кампаніи 1809 года. Князю Шварценбергу дано было положительное предписаніе при-

беречь драгоцѣнныя свои войска для кампаніи 1813 года. Въ письмѣ своемъ изъ Дрездена къ императору Францу, Наполеонъ, находившійся тогда въ отчаяніи, просилъ усилить австрійскій вспомогательный корпусъ и воспрепятствовать вторженію арміи Кутузова въ Польшу. Меттернихъ побудилъ своего государя оставить это письмо безъ отвѣта, а вмѣсто того послать въ Лондонъ чрезвычайное посольство для переговоровъ о мирѣ и отправить графа Бубну, пользовавшагося особымъ расположеніемъ Наполеона, въ Парижъ для веденія тамъ такихъ же переговоровъ. Французскій императоръ остался при своемъ прежнемъ ультиматумѣ, но предложилъ Австріи денежную субсидію, если держава эта согласится удвоить численность вспомогательнаго своего корпуса. Меттернихъ, принявшій тогда уже рѣшеніе разорвать союзъ съ Наполеономъ, отказался выставить вспомогательныя войска и конфиденціально совѣтовалъ Пруссіи дѣйствовать за одно съ Россіей противъ Франціи. Тщательно избѣгая формулировать какія-либо опредѣленныя условія будто бы столь горячо желаннаго мира, князь Меттернихъ отказался отъ совмѣстнаго дѣйствія съ Россіей въ пользу возвращенія Пруссіи отторгнутыхъ отъ нея польскихъ областей. Такимъ образомъ ему удалось избѣгнуть открытаго разрыва съ Франціей,—пріобрѣсти полную увѣренность въ томъ, что театромъ войны будетъ на первое время служить Саксонія, и выиграть время, дабы закончить начатыя въ Австріи громадныя вооруженія, опираясь на которыя она разсчитывала выступить въ качествѣ могущественной посредницы.

Пруссія съ своей стороны сознавала необходимость принять категорическое рѣшеніе. Король Фридрихъ-Вильгельмъ колебался, но прежде всего сдѣлалъ попытку обратиться къ Наполеону, предлагая ему свой союзъ за увеличеніе прусской территоріи, или же уплату 90 милліоновъ франковъ въ вознагражденіе за продовольствіе, поставленное французскимъ войскамъ въ 1812 году. Съ каждымъ днемъ, однако, пруссаки все болѣе выказывали свое сочувствіе къ Россіи и, 22-го января 1813 года, королевскій дворъ выѣхалъ въ Бреславль, чтобы удалиться изъ сферы французскаго вліянія. Наполеонъ не замедлилъ отвѣтить на прусскія предложенія, но не упомянулъ при этомъ ни слова объ уплатѣ вознагражденія и не принялъ на себя никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ касательно увеличенія прусской территоріи, такъ что ограничился исключительно лишь неопредѣленными обѣщаніями. Разочарованный Фридрихъ-Вильгельмъ весьма неохотно лишь согласился на мобилизацію великолѣпной своей заново организованной арміи. Онъ ласкалъ себя надеждой удержать императора Александра за Вислой и принудить Наполеона къ перемиріе, прежде чѣмъ французскія войска успѣютъ переправиться черезъ Эльбу. Гарденбергъ, Штейнъ и Шарнгорстъ были, однако, убѣждены въ невозможности умиротворенія Европы безъ возстановленія прежняго политическаго равновѣсія. Они требовали поэтому предварительнаго разрушенія противузаконной гегемоніи, захваченной себѣ Наполеономъ и высказывали эти тре-

бованія тѣмъ настойчивѣе, что изъ сѣверной Германіи поступали чуть не ежедневно отъ всѣхъ сословій адресы и петиціи, въ которыхъ высказывалось величайшее негодованіе по поводу владычества французовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгій и трудный процессъ

Добыли „языка“.
(Съ картины Мейсонье).

германскаго объединенія къ этому времени закончился, по крайней мѣрѣ, въ духовной сферѣ. „У меня всего только одно отечество, а именно Германія,—писалъ Штейнъ въ декабрѣ 1812 года.—Въ эту эпоху могучей народной нашей эволюціи царствующія династіи мнѣ совершенно безразличны“. Штейнъ всегда былъ и

оставался до конца своей жизни либераломъ, въ одинаковой степени возмущавшимся тиранiей Наполеона и своего собственнаго короля. Императоръ Александръ относился очень сочувственно къ его стремленiямъ, такъ какъ польскiя области, которыми очень дорожила Пруссiя, не могли представлять подобнаго же интереса для объединенной Германiи. Убѣжденный въ поддержкѣ русскаго государя, Штейнъ рѣшился пріѣхать въ Бреславль ко двору короля Фридриха-Вильгельма, чтобъ хлопотать тамъ о возможно быстрой мобилизацiи прусскихъ войскъ. Опираясь на авторитетъ Александра I, онъ побудилъ уже восточно-прусскiя земства одобрить дѣйствiя генерала Iорка и привести на военное положенiе запасныя войска и ополченцевъ. Готовность, съ которою земства выполнили требованiя Штейна, являлась тѣмъ многозначительнѣе, что онъ упорно отказывался дѣйствовать чрезъ посредство популярнаго Тугендбунда, или какихъ-либо иныхъ тайныхъ сообществъ, а между тѣмъ продолжительное изгнанiе сдѣлало его до нѣкоторой степени чуждымъ собственнымъ соотечественникамъ.

Было бы трудно въ краткихъ словахъ представить, хотя бы даже въ общихъ чертахъ, картину душевнаго настроенiя прусскаго народа въ первые мѣсяцы 1813 года. Ненависть къ Наполеону приняла положительно вызывающiй характеръ. Король, послѣ смерти возлюбленной своей супруги, сдѣлался мрачнымъ и угрюмымъ. Онъ располагалъ великолѣпной полуторастотысячной армiей, а военное вѣдомство распоряжалось такъ хорошо, что въ арсеналахъ имѣлось достаточное количество оружiя и снаряженiя для всей прусской молодежи въ возрастѣ отъ 17 до 24 лѣтъ. Почти никто изъ способныхъ носить оружiе не пожелалъ уклониться отъ воинской повинности. Большинство добровольно шло подъ знамена. Нѣкоторые вносили выкупной платежъ, а затѣмъ опредѣлялись все-таки на службу. Женщины продавали свои волосы парикмахерамъ, а золотыя украшенiя ювелирамъ. Вырученныя деньги употреблялись на патрiотическiя пожертвованiя, а вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ браслетовъ, серегъ, брошь и колецъ, покупались желѣзные. Были случаи, что рослыя и дюжiя германскiя дѣвушки переодѣвались въ мужское платье и опредѣлялись на службу преимущественно въ артиллерiю. Одна такая дѣвица, служившая, впрочемъ, въ пѣхотѣ, участвовала въ нѣсколькихъ сраженiяхъ и оставалась въ рядахъ до тѣхъ поръ, пока не была серьезно ранена. Крестьяне смотрѣли безъ всякаго сожалѣнiя на пылающiя свои хижины, когда сожженiе ихъ могло нанести вредъ французамъ. Кернеръ пѣлъ восторженныя свои пѣсни и сражался,—Арндтъ проповѣдывалъ германское единство,—Лютцовъ собиралъ знаменитыхъ своихъ черныхъ гусаръ, а въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ патрiотизмъ былъ такимъ могучимъ ключемъ, что первый призывъ къ войнѣ съ Наполеономъ раздался изъ устъ профессора Стефенса въ бреславльскомъ университетѣ. Немедленно же всѣ студенты не только въ Бреславлѣ, но также въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ, Галле, Iенѣ и Геттингенѣ поступили добровольцами въ дѣйствующую армiю. Русскихъ всюду встрѣчали какъ избавителей. Они пользо-

вались сочувствіемъ не только прусской арміи, но и всѣхъ вообще пруссаковъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ не въ силахъ противодѣйствовать могучему напору пробудившагося народнаго духа. Онъ противъ воли долженъ былъ подвигаться впередъ шагъ за шагомъ, откладывая до болѣе благопріятнаго времени свои проекты увеличенія Пруссіи,—призывая къ оружію запасныхъ и резервистовъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ постепенно до необходимости заключить съ Россіей Калишскій договоръ, обезпечивавшій Пруссіи прежнія ея границы,—вступить въ сношенія съ Австріей и подъ конецъ призвать не только пруссаковъ, но даже всѣхъ нѣмцевъ Рейнскаго союза къ возстанію для освобожденія общей отчизны отъ чужеземнаго ига. Колебавшимся государямъ пригрозили лишеніемъ престола. Штейнъ былъ поставленъ во главѣ особаго административнаго комитета, долженствовшаго заботиться объ учрежденіи новаго правительства въ странахъ, которыя будутъ заняты союзными русско-прусскими войсками.

Обстоятельства складывались весьма неблагопріятно для саксонскаго короля. Россія овладѣла уже варшавскимъ его великимъ герцогствомъ, а Пруссія была очень расположена присвоить себѣ его королевство. Великолѣпная саксонская столица, Дрезденъ, восторженно привѣтствовала русско-прусскія войска, прибывшія туда по выступленіи корпуса Даву. Дѣло въ томъ, что дрезденцы очень страдали подъ гнетомъ военной оккупаціи. Тѣмъ не менѣе, когда Фридрихъ Августъ обратился къ Австріи и фактически отдалъ свою армію въ распоряженіе князя Меттерниха, большая часть саксонскаго населенія отнеслась къ этому шагу очень сочувственно. Такой успѣхъ австрійской политики былъ, впрочемъ, далеко не единственнымъ, такъ какъ вся вообще европейская дипломатія вскорѣ начала оказывать дѣятельную поддержку возстанію народовъ противъ узурпатора. Тѣмъ временемъ Наполеонъ принялъ, слишкомъ запоздалое, впрочемъ, рѣшеніе уничтожить прусское королевство, раздѣливъ его на части, и предложилъ Бернадотту не только Померанію, но также всѣ земли между Эльбой и Везеромъ. Хитрый гасконецъ, собравъ обстоятельныя свѣдѣнія о народномъ движеніи въ Пруссіи, счелъ для себя надежнѣе и безопаснѣе присоединиться съ тридцатитысячнымъ корпусомъ къ коалиціи, обѣщавшей отдать ему Норвегію. Великобританія отказалась отъ первоначальнаго своего проекта увеличить Ганноверское королевство, такъ чтобы оно простиралось отъ Шельды до Эльбы, и поддержала новую коалицію противъ Наполеона уплатою крупныхъ субсидій Швеціи и Пруссіи. Бернадоттъ, обѣщавшій выставить тридцатитысячный вспомогательный корпусъ, перевезъ первую колонну этого корпуса, состоявшую изъ 12.000 человѣкъ, моремъ въ Германію, гдѣ ей было поручено, вмѣстѣ съ прусскимъ корпусомъ Бюлова, прикрывать Берлинъ. Войска эти вскорѣ вошли въ связь съ русскою арміей и составили правое ея крыло. Фельдмаршалъ Кутузовъ скончался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ чего главнокомандующимъ назначенъ былъ опять Барклай-де-Толли. Блюхеръ, съ другимъ прусскимъ корпусомъ, примкнулъ тѣмъ време-

немъ къ войскамъ русскаго центра. Князь Меттернихъ сообразилъ значеніе всѣхъ этихъ событій прежде, чѣмъ они успѣли свершится, и пришелъ къ убѣжденію въ нежелательности заключать съ Наполеономъ такой миръ, который оставилъ бы французскому императору прежнее его преобладаніе въ Европѣ. Чтобъ обезпечить себѣ миръ, Наполеону слѣдовало, говоря словами Талейрана, удовлетвориться ролью французскаго короля. При такихъ обстоятельствахъ Австрія признала умѣстнымъ отказаться отъ Силезіи, которую предлагалъ ей Наполеонъ взамѣнъ стотысячной вспомогательной арміи. Австрійскій первый министръ былъ убѣжденъ, что боевыя силы, которыя выставитъ монархія Габсбурговъ, поддержанныя тридцатьютысячной саксонской арміей, окажутся вполнѣ достаточными, дабы выступить въ критическій моментъ въ роли вооруженной посредницы и предписать Европѣ миръ на условіяхъ, которыя возстановятъ прежній престижъ этой древней монархіи.

Первая кампанія въ Саксоніи.

Весь образъ дѣйствій Наполеона свидѣтельствовалъ о принятомъ имъ безповоротномъ рѣшеніи сохранить за собой преобладаніе въ Европѣ, или погибнуть. При первомъ же появленіи казачьяго отряда Теттенберна гамбургское населеніе возстало и выгнало находившійся тамъ малочисленный французскій отрядъ, послѣ чего Гамбургъ оставался до конца мая мѣсяца въ рукахъ союзниковъ. Сравнительно болѣе сильные французскіе гарнизоны въ Данцигѣ, Штеттинѣ, Кюстринѣ, Глогау, Модлинѣ и Замостьѣ, надлежаще подкрѣпленные вице-королемъ Евгеніемъ, удерживали, однако, за собой упомянутыя крѣпости. Необходимо замѣтить, что отсутствіе этихъ ветерановъ въ рядахъ наполеоновской арміи значительно ослабляло боевую ея пригодность. Другимъ элементомъ слабости являлась въ ней малочисленность кавалеріи. Несмотря на усилія императорскаго правительства и пламенный патріотизмъ французовъ, не удалось собрать достаточнаго числа лошадей, пригодныхъ для кавалерійской службы. Между тѣмъ самъ Наполеонъ неоднократно и категорически высказывалъ твердое убѣжденіе въ безуспѣшности наступательной войны безъ хорошей конницы, поддерживаемой дальнобойною артиллеріею. Французскій императоръ разсчитывалъ, впрочемъ, исправить и пополнить недостатки своей кавалеріи и артиллеріи въ послѣднія три недѣли передъ открытіемъ кампаніи. Третьимъ элементомъ слабости возродившейся Великой арміи являлось настроеніе духа наполеоновскихъ маршаловъ, среди которыхъ сразу же обнаружился духъ строптивости и неповиновенія. Наиболѣе выдающіяся мѣста занимали: начальникъ штаба Бертье, командиръ императорской гвардіи—Мортье, Даву, Ней, Бертранъ, Лористонъ, Мармонъ, Ренье, Макдональдъ и Удино, командовавшіе корпусами, находившимися уже на театрѣ военныхъ дѣйствій. Викторъ шелъ туда же съ своимъ корпусомъ,

Ожеро готовился принять начальство надъ баварцами, Раппъ стоялъ въ Данцигѣ, а Понятовскій въ Галиціи. Въ общей сложности насчитывалось 12 корпусовъ, въ которыхъ состояло по спискамъ 235.000, а въ дѣйствительности имѣлось на лицо всего лишь 200.000. Изъ нихъ 135.000 человѣкъ находились въ полной боевой готовности, когда императоръ принялъ 17-го апрѣля въ Майнцѣ главное начальство надъ арміей. Подъ командой у вице-короля Евгенія имѣлось, кромѣ того, еще 47.000 человѣкъ. Смущенный преувеличенными слухами о многочисленности войскъ, выставленныхъ будто бы уже русскими и пруссаками, Наполеонъ двинулся въ Саксонію тремя недѣлями раньше, чѣмъ первоначально разсчитывалъ, и такимъ образомъ оказался жертвою собственной своей чрезмѣрной нервности. При должномъ хладнокровіи и спокойствіи онъ, безъ сомнѣнія, далъ бы себѣ болѣе точный отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ. Россія стала крайне апатичной, какъ только театръ военныхъ дѣйствій удалился изъ ея предѣловъ. Что же касается до Пруссіи, то, въ виду недостаточности имѣвшихся въ ея распоряженіи денежныхъ средствъ, несмотря на всѣ усилія Шарнгорста, нельзя было творить чудеса. При такихъ обстоятельствахъ союзники могли выставить въ поле всего лишь семидесятитысячную армію. Оба монарха всячески старались о поддержаніи взаимнаго согласія, но эти старанія не могли замѣнить собою недостатокъ въ численности войскъ. На сторонѣ союзниковъ имѣлось только одно существенное преимущество, а именно изобиліе отличныхъ лошадей для кавалеріи и артиллеріи. „Чѣмъ хуже войска, тѣмъ нужнѣе для нихъ артиллерія. Генеральныя сраженія выигрываются артиллеріей“, говорилъ самъ Наполеонъ. Теперь, имѣя въ своемъ распоряженіи армію, состоявшую почти сплошь изъ неопытныхъ новобранцевъ, съ малочисленной кавалеріей и артиллеріей старой конструкціи, на скоро собранной изъ арсеналовъ, французскій императоръ, сознававшій, что не можетъ вполнѣ уже полагаться на своихъ генераловъ, воскликнулъ: „На время этой войны я стану опять генераломъ Бонапартомъ!“

Преждевременное начало кампаніи должно было уже само по себѣ придать Австріи преобладающее значеніе въ европейской политикѣ. Правда, что она далеко еще не закончила военныя свои приготовленія, но во всякомъ случаѣ боевыя ея силы съ каждымъ днемъ возрастали, тогда какъ силамъ всѣхъ прочихъ державъ предстояло постепенно истощаться. Коалиція противъ Наполеона должна была оказаться подъ конецъ совершенно безпомощной безъ содѣйствія Габсбургской монархіи. Предусматривая это, Наполеонъ составилъ свой стратегическій планъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы парализовать политику австрійскаго вооруженнаго нейтралитета, враждебный характеръ котораго онъ начиналъ уже сознавать. Сущность его плана заключалась въ томъ, чтобы, соединившись съ вице-королемъ Евгеніемъ, прорвать непріятельскую линію, а затѣмъ, поворотивъ къ югу, уничтожить лѣвое крыло противника и предстать предъ Австріей побѣдителемъ.

Союзники не переходили, однако, въ наступленіе, а потому, хотя главныя силы Наполеона и соединились 28-го апрѣля съ войсками вице-короля, первое столкновеніе произошло лишь 1-го мая, когда французскій авангардъ вытѣснилъ русскіе аванпосты изъ Люцена, гдѣ за 180 лѣтъ передъ тѣмъ Густавъ-Адольфъ разбилъ Валленштейна. Русскій центръ стоялъ между Эльстеромъ и Плейсой. Армія Наполеона занимала болѣе растянутую позицію, угрожая противникамъ охватомъ одновременно съ праваго и лѣваго фланга. Въ стычкѣ, происходившей 1-го мая въ Ропахскомъ ущельѣ, маршалъ Бессьеръ, аттаковавшій съ однимъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ позицію русскаго авангарда, былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Русскія войска оказались отброшенными назадъ, но французская армія понесла большую потерю въ лицѣ этого превосходнаго кавалерійскаго генерала. Мармонъ, которому императоръ простилъ неудачу въ Испаніи, прибылъ уже къ арміи, но даже и онъ не могъ вполнѣ замѣнить собою храбраго, испытаннаго въ бояхъ начальника кавалеріи, который въ продолженіи безъ малаго семнадцати лѣтъ почти безотлучно находился при Наполеонѣ.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе недостатка у французовъ кавалеріи, пригодной для развѣдочной службы, битва, разыгравшаяся подъ Люценомъ, имѣла для Наполеона характеръ неожиданной случайности. Виттгенштейнъ, временно командовавшій союзными войсками, выслалъ пятитысячный отрядъ какъ бы для прикрытія Лейпцига, къ которому двигались главныя силы французовъ, а самъ, собравъ въ одну общую массу войска своего центра и лѣваго крыла, переправился рано утромъ 2-го мая черезъ рѣку Эльстеръ, съ намѣреніемъ разгромить корпусъ Нея, шедшій на правомъ флангѣ французской арміи. Часамъ къ девяти утра корпусъ Лористона, при которомъ находился самъ Наполеонъ, встрѣтился съ русскимъ отрядомъ, загораживавшимъ дорогу къ Лейпцигу. Завязался такой ожесточенный бой, что императоръ одно время думалъ, будто имѣетъ дѣло съ цѣлымъ правымъ крыломъ союзной арміи. Онъ немедленно послалъ поэтому за Неемъ, который и прибылъ къ 11 часамъ утра. Выѣхавъ съ храбрѣйшимъ изъ своихъ маршаловъ на рекогносцировку, Наполеонъ только что успѣлъ убѣдиться въ малочисленности отряда, стоявшаго между нимъ и городомъ, крыши котораго, виднѣвшіяся въ туманной дали, были усѣяны любопытными зрителями, когда позади него, съ праваго его фланга, раздался грохотъ учащенныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Императоръ немедленно же превратился тогда въ генерала Бонапарта. Свернувъ свою армію въ колонны, что подъ непріятельскимъ огнемъ является однимъ изъ труднѣйшихъ маневровъ, онъ устремился съ нею прямо на выстрѣлы и, опередивъ войска, помчался въ галопъ съ своею свитой. Вернувшись къ своему корпусу, маршалъ Ней ринулся въ самый разгаръ боя, чтобы принять начальство надъ подростками-новобранцами, начинавшими уже подаваться подъ натискомъ непріятеля, имѣвшаго на своей сторонѣ большой перевѣсъ въ численности. На линіи отъ Малаго и Большого Гершена до Старзиделя шелъ цѣлый день

ожесточенный бой, кипѣвшій особенно упорно въ самомъ Старзиделѣ. Къ пяти часамъ вечера пруссаки были выбиты изъ Кайи и начали отходить назадъ къ обоимъ Гершепамъ, въ которыхъ до тѣхъ поръ еще держались. Наполеонъ съ самаго начала боя находился все время впереди, ободряя подростковъ-новобранцевъ своимъ присутствіемъ и примѣромъ, такъ что они сражались нисколько не хуже ветераповъ. Видя, что пруссаки начинаютъ ослабѣвать, онъ выдвинулъ свою артиллерію, несмотря на сомнительную ея доброкачественность и намѣревался пробить ею брешь въ рядахъ союзниковъ, а затѣмъ послать въ эту брешь молодую гвардію.

Подъ Бауценомъ въ Саксоніи, ночь съ 20 на 21 мая 1813 г.
(Съ литографіи Раффе).

Прибывшіе въ эту критическую минуту русскіе резервы заставили Наполеона отложить рѣшительную аттаку до семи часовъ вечера. Макдопальдъ, сломивъ подъ Эйсдорфомъ выставленныя противъ него войска, ударилъ тогда союзникамъ во флангъ. Другой ударъ былъ одновременно съ этимъ направленъ на ихъ центръ, и сраженіе закончилось полной побѣдой французовъ. Русскіе резервы, прикрывая отступленіе, не дали ему превратиться въ окончательное бѣгство, но, тѣмъ не менѣе, французы тѣснили союзниковъ по всей линіи до тѣхъ поръ, пока не заставили ихъ переправиться за Эльбу. Безъ кавалеріи Наполеонъ не могъ надлежащимъ образомъ воспользоваться своею побѣдой. Прибывъ 8-го числа въ Дрезденъ, французы нашли, что русскіе взорвали тамъ всѣ четыре моста

черезъ рѣку и укрѣпились въ новомъ городскомъ кварталѣ, на правомъ берегу Эльбы. Такимъ образомъ Люценская побѣда не повлекла за собою рѣшающихъ результатовъ. Обѣ арміи понесли почти одинаковый уронъ, который простирался для каждой изъ нихъ до 20.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Французскіе гимназисты и прусскіе студенты сложили свои головы въ сущности совершенно задаромъ. Побѣдителю досталось сравнительно лишь немного плѣнныхъ и пушекъ. Шарнгорстъ былъ убитъ въ сраженіи, но французы, какъ это уже упомянуто, утратили въ предшествовавшей стычкѣ Бессьера. Необходимо замѣтить, что союзники ждали со дня на день прибытія изъ Америки генерала Моро, который поступилъ на русскую службу и собирался употребить блестящія свои военныя способности противъ родного края. При такихъ обстоятельствахъ союзники хотя и потерпѣли пораженіе, но все-таки же не падали духомъ. Французамъ побѣда не принесла особенно существенныхъ матеріальныхъ выгодъ, но, безъ сомнѣнія, въ значительной степени подняла увѣренность молодыхъ солдатъ въ возможности бить даже посѣдѣвшихъ въ бояхъ непріятельскихъ гренадеровъ. Впрочемъ, сраженіе выигранное подъ Люценомъ, доставило Наполеону, по крайней мѣрѣ, возможность притянуть къ себѣ саксонскую армію. Король Фридрихъ-Августъ отказался отъ своей солидарности съ австрійской политикой. Его войска прибыли изъ Торгау и примкнули къ Великой арміи, вслѣдствіе чего союзники признали для себя умѣстнымъ отступить на Востокъ, за рѣку Шпре. Вся Эльба до самаго ея устья оказалась въ рукахъ французовъ. Датскій король выслалъ къ Гамбургу небольшой вспомогательный корпусъ. Командиръ его, убѣжденный, что Наполеонъ не въ состояніи держаться противъ коалиціи, сперва было принялъ сторону русскихъ, но послѣ побѣды, одержанной французами подъ Люценомъ, предложилъ свои услуги Вандамму. Гамбургъ былъ снова занятъ французами. Трехтысячный его гарнизонъ, состоявшій изъ шведовъ, поспѣшно удалился, а 30-го мая Даву съ 15.000 французовъ и 3.000 датчанъ занялъ этотъ городъ.

Главная цѣль Наполеона такъ и осталась невыполненной. Австрія все еще сохраняла возможность играть роль вооруженной посредницы, опираясь на достаточныя для этого силы. Австрійскій посолъ въ союзномъ лагерѣ объявилъ, что она потребуетъ упраздненія великаго герцогства Варшавскаго, востановленія Пруссіи, отказа Франціи отъ Голландіи, Ольденбургскаго великаго герцогства и Ганзейскихъ земель, отреченія Наполеона отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, уступки Иллиріи и Далмаціи австрійской имперіи, а также исправленія западной австрійской границы. Графъ Бубна, отправленный къ Наполеону, настаивалъ на необходимости для Франціи вышеупомянутыхъ территоріальныхъ уступокъ, которыя однѣ только и могли, по его словамъ, обезпечить водвореніе общаго мира на материкѣ Европы. Въ такомъ случаѣ Великобританія вынуждена будетъ въ свою очередь согласиться на уступки, и Наполеонъ получитъ взамѣнъ

владѣній, которыя утратитъ въ Европѣ, соотвѣтственное вознагражденіе въ колоніяхъ. Австрійскія предложенія, какъ и слѣдовало ожидать, были приняты союзниками очень охотно, французскій же императоръ отнесся къ нимъ весьма критически. Между Наполеономъ и саксонскимъ королемъ, человѣкомъ очень образованнымъ и добросердечнымъ, котораго Наполеонъ положительно очаровалъ почти сыновнимъ почтительно-нѣжнымъ своимъ обхожденіемъ, происходили долгія совѣщанія. Графу Бубнѣ, который иногда въ нихъ участвовалъ, приходилось тогда сидѣть за столомъ далеко за полночь. Вице-король Евгеній былъ, однако, немедленно же отправленъ въ Италію, чтобы собрать тамъ новую армію. Ему предписывалось дѣйствовать совершенно открыто для того, чтобы Австрія знала объ этихъ военныхъ приготовленіяхъ. Коленкуру дана была, въ свою очередь, инструкція возобновить личныя сношенія съ императоромъ Александромъ и уступить по всѣмъ пунктамъ, на которые Франція не соглашалась передъ кампаніей двѣнадцатаго года. „Я расположенъ построить для русскаго государя золотой мостъ, чтобы спасти его отъ интригъ Меттерниха“, писалъ Наполеонъ. Надежды, возлагавшіяся на этотъ шагъ, оказались тщетными. При русскомъ дворѣ явилось новое дипломатическое свѣтило, въ лицѣ молодого графа Нессельроде, и Коленкуру было отказано въ личномъ свиданіи, котораго онъ такъ желалъ. Ему сообщили также, что французскій императоръ можетъ, если угодно, обратиться къ Россіи съ своими предложеніями чрезъ посредство австрійскаго кабинета.

Занявъ Дрезденъ, Наполеонъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не зналъ, гдѣ именно находится непріятель. Это опять-таки обусловливалось отсутствіемъ у французовъ кавалеріи, достаточной для того, чтобъ ей можно было поручить преслѣдованіе отступившаго врага. Во время переговоровъ съ Австріей одержана была французами вторичная побѣда, которая по той же причинѣ не привела ни къ какимъ результатамъ. Узнавъ, что союзники, вмѣсто того, чтобъ раздѣлиться на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, какъ онъ сперва было на это разсчитывалъ, стояли подъ Бауценомъ въ сильной оборонительной позиціи за рѣкою Шпре, императоръ выступилъ въ полдень 18-го мая изъ Дрездена съ намѣреніемъ нанести имъ рѣшительный ударъ. Союзная армія, усиленная прибытіемъ Барклая-де-Толли съ шестнадцатитысячнымъ русскимъ и Клейста съ одиннадцатитысячнымъ прусскимъ корпусами имѣла подъ ружьемъ около 90.000 человѣкъ. 19 го мая Іоркъ и Барклай де-Толли выдвинулись изъ Бауцена впередъ, но русскій корпусъ былъ отброшенъ Бертраномъ послѣ кратковременнаго упорнаго боя, а пруссаки оказались вынужденными отступить подъ менѣе энергичнымъ, но тѣмъ не менѣе стойкимъ натискомъ Лористона. Къ наступленію ночи французы стояли уже передъ Бауценской позиціей, прикрытой съ фронта небольшою рѣчкой, за которой расположены были въ двѣ линіи союзныя войска. Первая линія тянулась вдоль берега, а вторая была расположена на позади лежащихъ высотахъ. Около полудня 20-го мая французы двинулись

въ аттаку. Макдональдъ взялъ штурмомъ бауценскій мостъ, а Мармонъ и Бертранъ переправились по на-скоро построеннымъ черезъ рѣку понтоннымъ мостамъ. Въ три часа французы развернулись уже на противоположнымъ берегу и завязали съ непріятелемъ упорный бой по всей линіи. Къ шести часамъ армія союзниковъ была мѣстами уже сбита съ позиціи. Часть первой ея линіи отступила за городъ на высоты, а къ восьми часамъ отброшена была туда и вся остальная армія. На слѣдующее утро въ пять часовъ Наполеонъ, который провелъ безсонную ночь, отдалъ диспозицію къ сраженію и въ восемь часовъ бой загорѣлся опять по всей линіи. Тогда только мамелюкъ, прислуживавшій императору, устроилъ ему постель изъ нѣсколькахъ тигровыхъ шкуръ, и Наполеонъ уснулъ на ней подъ грохотъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Онъ проспалъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ въ полной увѣренности, что его распоряженія, выполненныя въ точности, обезпечатъ французамъ побѣду. Къ часу послѣ полудня Ней сломилъ русское правое крыло, находившееся подъ начальствомъ Барклая, а Наполеонъ, пробудившись отъ сна, послалъ Мармона и Бертрана ударить справа на непріятельскій центръ. Къ четыремъ часамъ союзники находились уже въ полномъ отступленіи. Если бы у Наполеона нашлось тогда достаточное количество артиллеріи и кавалеріи, союзная армія была бы, разумѣется, уничтожена, но французская пѣхота, несмотря на все напряженіе силъ, не могла угнаться за проворно уходившимъ отъ нея непріятелемъ.

— Какъ, неужели вся эта рѣзня оказалась безъ результатовъ?— спрашивалъ Наполеонъ.—Мы не захватили ни одной пушки,—не взяли ни одного плѣннаго?

Дѣло этимъ не ограничилось. По временамъ отступавшія колонны оборачивались и встрѣчали преслѣдовавшихъ французовъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ. Близь Рейхенбаха генералъ Брюйеръ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Другое ядро убило генерала Кирхнера, а затѣмъ ударило въ дерево и, сдѣлавъ рикошетъ, смертельно ранило Дюрока, любимаго адъютанта и преданнаго друга Наполеона. Утраты эти поразили императора въ самое сердце. Онъ остановился и до поздней ночи пробылъ въ состояніи самаго глубокаго отчаянія. „Бѣдняга,—говорили солдаты одинъ другому,—онъ оплакиваетъ потерю своихъ дѣтей“. Къ нему обращались за приказаніями, но онъ былъ не въ силахъ ихъ отдавать и отвѣчалъ на всѣ вопросы: „До завтра“. Онъ безпрерывно подходилъ къ постели умиравшаго своего адъютанта. Подъ конецъ самъ Дюрокъ былъ не въ силахъ выносить столь тяжелаго зрѣлища, какимъ являлся упадокъ духа у побѣдоноснаго императора, и просилъ его вернуться къ войскамъ. Наполеонъ простился съ своимъ другомъ долгимъ поцѣлуемъ и продолжалъ преслѣдованіе, которое, впрочемъ, велось безъ особенной настойчивости и, какъ уже упомянуто, не привело ни къ какимъ результатамъ. Побѣда подъ Бауценомъ оказалась, по своимъ послѣдствіямъ, гибельной для Наполеона. Еслибъ маршалъ Ней въ точности выполнилъ данныя ему инструкціи, она, по своимъ результатамъ, могла бы

сравняться съ битвою подъ Фридландомъ. Коленкуръ, безъ сомнѣнія, удостоился бы тогда аудіенціи у русскаго государя. Въ данномъ случаѣ, однако, судьба благопріятствовала союзникамъ. Армія ихъ была спасена, и Австрія, присоединеніемъ своимъ къ коалиціи, могла склонить побѣду на ея сторону. Графъ Нессельроде былъ вполнѣ убѣжденъ, что Меттернихъ примкнетъ къ коалиціи, а потому, несмотря на крайне неблагопріятную общую остановку, уклонился отъ непосредственныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Вмѣсто Виттгенштейна главнокомандующимъ союзными арміями назначенъ былъ Барклай-де-Толли и, чтобы доставить Австріи возможность выступить въ роли посредницы, предложено было французскому императору заключить перемиріе. Еслибъ ему было въ точности извѣстно состояніе союзныхъ войскъ, то крайнее безсиліе противниковъ и разладъ, обнаруживавшійся въ ихъ рядахъ, побудили бы его, безъ сомнѣнія, отказаться отъ перемирія. Такой отказъ, быть можетъ, измѣнилъ бы всю новѣйшую исторію Европы. Наполеонъ переживалъ, однако, въ это время упадокъ духа. Преданные, испытанные въ бояхъ, генералы падали кругомъ него, словно переспѣлая пшеница подъ градомъ. Его солдаты-подростки хотя дрались, какъ ветераны, но не могли обладать такою же стойкостью въ перенесеніи трудностей и лишеній кампаніи, которая привела бы ихъ снова въ Польшу, или даже въ Россію. Кромѣ того, между низшими чинами и генералами обнаруживалось недовольство. У Наполеона не было кавалеріи и артиллеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ двухъ побѣдоносныхъ сраженій, въ арміи его оставалось подъ ружьемъ всего только 120.000 человѣкъ. Барклай-де-Толли фактически собирался отступать въ глубь Россіи, а между тѣмъ въ самомъ Парижѣ начала уже шевелиться измѣна. Короче сказать, Наполеонъ призналъ умѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, обсудить сдѣланное ему предложеніе.

Великое вооруженіе народовъ.

Для этого онъ рѣшился поставить предварительно свою армію въ самое выгодное для нея положеніе и преслѣдовалъ отступавшія союзныя войска до самаго Бреславля, который и былъ къ концу мая занятъ французами. Корпусъ Удино угрожалъ Берлину. Войска союзниковъ стояли за Швейдницомъ, а корпуса Нея, Лористона, Ренье, Макдональда и Бертрана фактически охватывали ихъ уже со всѣхъ сторонъ. Самъ Наполеонъ съ своею гвардіей находился въ Неймарктѣ. Ударивъ соединенными силами въ направленіи къ югу, на Эйленбергъ, французскій императоръ могъ бы окончательно разсѣять союзныя русско-прусскія войска, но такая побѣда обошлась бы не дешево и самой французской арміи, которая очутилась бы затѣмъ лицомъ къ лицу съ 100.000 австрійцевъ, сосредоточенныхъ, по слухамъ, уже его тестемъ въ Богеміи. При такихъ обстоятельствахъ императоръ Францъ имѣлъ бы возможность предписать Наполеону не только перемиріе, но пожалуй даже условія мира, что могло оказаться еще худшимъ. Время

представлялось французскому императору столь же цѣннымъ, какъ и его врагамъ. Пока они будутъ созывать резервы и усиливать свои арміи, 180.000 конскриптовъ 1814 года дойдутъ до Эльбы, а вице-король Евгеній успѣетъ сформировать въ Италіи грозную армію. Исходя изъ такихъ соображеній, Наполеонъ не только согласился на предложенія союзниковъ, но сдѣлалъ еще и другой пагубный для себя шагъ. Роковое перемиріе было подписано 4-го іюня въ селеніи Пойшвицѣ. Имъ постановлено было оставить нейтральную полосу, которая долженствовала тянуться на юго-западъ отъ устьевъ Эльбы до Богеміи и раздѣлять до 20-го іюля враждующія стороны. Рѣшено было ни подъ какимъ видомъ не возобновлять военныхъ дѣйствій до 1-го августа. Французы согласились очистить Бреславль, но Гамбургъ остался въ ихъ рукахъ.

Условія эти были подписаны послѣ долгихъ пререканій, такъ какъ союзники, несмотря на полный разгромъ боевыхъ своихъ силъ, требовали очищенія Бреславля и Гамбурга съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій всего только на одинъ мѣсяцъ. Настаивая на такихъ требованіяхъ, они разсчитывали, несомнѣнно, на поддержку не только Англіи, но также и Австріи. Компромиссъ, однако, состоялся тотчасъ же, какъ только императоръ Францъ, переживавшій тогда сильнѣйшее нервное возбужденіе, пріѣхалъ въ Гачинъ близъ богемской границы и началъ тамъ совѣщаться съ графомъ Нессельроде. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ подъ Бауценомъ, въ Вѣнѣ заговорили, что Наполеонъ ангелъ или чортъ, но во всякомъ случаѣ не простой смертный. Австрійское правительство было до чрезвычайности встревожено также и попыткою побѣдителя вступить непосредственно въ переговоры съ императоромъ Александромъ. Зная, что возобновленіе союза съ Россіей предало бы Австрію опять въ руки Наполеона, вѣнская дипломатія не щадила никакихъ средствъ для поддержанія воинственнаго духа у императора Александра. Между тѣмъ, графъ Нессельроде требовалъ, чтобы Австрія немедленно же примкнула къ коалиціи, а императоръ Францъ считалъ себя еще неподготовленнымъ къ войнѣ. Подъ конецъ Меттерниху, пустившему въ ходъ всю свою ловкость, удалось добиться отъ Нессельроде согласія на слѣдующія основы для посредничества со стороны Австріи: упраздненіе Варшавскаго великаго герцогства, присоединеніе Данцига къ Пруссіи, возвращеніе Иллиріи австрійцамъ, объявленіе Ганзейскихъ городовъ независимыми, расторженіе Рейнскаго союза и возвращеніе Пруссіи западныхъ ея границъ 1806 года. Условія эти были гораздо скромнѣе ультиматума, предложеннаго передъ битвой подъ Бауценомъ, но союзники могли смѣло на нихъ согласиться, пріобрѣтая взамѣнъ увѣренность, что Австрія ни подъ какимъ видомъ не приметъ сторону Франціи. Говорятъ, будто Меттернихъ далъ словесно такое завѣреніе русскому государю. 27-го іюля было формально рѣшено созвать конгрессъ для заключенія мира на материкѣ Европы на вышеозначенныхъ основахъ, послѣ чего должно было состояться заключеніе общаго мира также и съ Англіей. Въ тотъ же самый день подписанъ былъ въ

Рейхенбахѣ секретный договоръ, по которому, въ случаѣ непринятія упомянутыхъ условій Наполеономъ, Австрія обязывалась присоединиться къ союзу между Россіей и Пруссіей и объявить Франціи войну. Было рѣшено, что если Наполеонъ отвергнетъ австрійскій ультиматумъ, то Австрія присоединится 20-го іюля къ коалиціи и не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока французы не очистятъ крѣпостей на Вислѣ и Одерѣ, занятыхъ ихъ гарнизонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановили освободить Италію отъ французскаго владычества, возвратить Испанію Бурбонамъ и вернуть Австріи тѣ границы, которыя она имѣла въ 1805 году.

„Если у союзниковъ нѣтъ искренняго желанія заключить миръ, то перемиріе можетъ оказаться для насъ пагубнымъ“,—сказалъ Наполеонъ, уѣзжая изъ своей главной квартиры въ Дрезденъ. Впослѣдствіи онъ думалъ, что если бы выказалъ большую настойчивость и не согласился на перемиріе, то Австрія не рѣшилась бы противъ него высказаться. Такую увѣренность нельзя считать, однако, вполнѣ основательной. При всемъ своемъ дипломатическомъ искусствѣ, Наполеонъ былъ профаномъ въ династической политикѣ. Хотя Австрія создалась, возросла и неоднократно спасалась отъ гибели, благодаря удачно заключавшимся брачнымъ союзамъ, Габсбургскій домъ въ своей политикѣ никогда не руководствовался принципомъ долга, налагаемаго родственными связями. Императоръ Францъ былъ не прочь воспользоваться своей дочерью для достиженія политическихъ цѣлей и очень радовался тому, что его зять, поддаваясь чувству семейной привязанности, воображаетъ, будто это чувство должно налагать на родственниковъ соотвѣтственныя обязанности. Инстинктъ полководца, побудившій Наполеона въ первый моментъ заподозрить со стороны Австріи измѣну, оказался совершенно правильнымъ. Подозрѣнія Наполеона пробудились, впрочемъ, снова тотчасъ же по его прибытіи въ Дрезденъ, такъ какъ графъ Бубна принялся настаивать на соблюденіи совершенно излишнихъ и давно уже, повидимому, сданныхъ въ архивъ формальностей при переговорахъ и возбудилъ живѣйшее негодованіе Наполеона очевидной своей рѣшимостью оттягивать дѣло въ долгій ящикъ. Вслѣдствіе этого императоръ потребовалъ къ себѣ князя Меттерниха для личнаго объясненія. Князь Меттернихъ, само собой разумѣется, не могъ представить никакихъ отговорокъ, способныхъ удовлетворить французскаго императора. Со времени возвращенія Кэстльри къ кормилу правленія, въ январѣ 1812 года, Великобританія содержала въ Берлинѣ, Петербургѣ и Вѣнѣ ловкихъ дипломатическихъ агентовъ, располагавшихъ крупными суммами и готовыхъ заплатить какія угодно деньги за организацію мощной коалиціи противъ Наполеона. Прибытіе сэра Чарльза Стюарта изъ Берлина и лорда Каткарта изъ Петербурга въ главную квартиру союзниковъ обусловило характеръ перемирія, заключеннаго ими съ Наполеономъ 14-го и 15-го іюня. Эти же дипломатическіе агенты заключили, кромѣ того, еще особыя конвенціи съ Пруссіей и Россіей. Означенными договорами объясняется образъ дѣйствій какъ графа Бубны въ Дрез-

депѣ, такъ и конгресса, собравшагося потомъ въ Прагѣ. Пруссія фактически отказалась отъ всѣхъ своихъ притязаній на Ганноверъ и обязалась держать подъ ружьемъ 80.000 человѣкъ, взамѣнъ денежной субсидіи въ 666.000 фунт. стерлинговъ. Россія приняла на себя обязательство держать на театрѣ военныхъ дѣйствій армію въ 160.000 человѣкъ, выговоривъ себѣ за это субсидію въ 1.333.000 фунт. стерлинговъ. Кромѣ того, Великобританія согласилась доплачивать ей полмилліона фунт. стерлинговъ за попеченіе объ англійскихъ корабляхъ въ русскихъ портахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было торжественно постановлено, что ни Россія, ни Великобританія не станутъ вести порознь съ Наполеономъ переговоры о мирѣ. Послѣдовательныя стадіи изолированнаго положенія, въ которомъ очутился Наполеонъ, а именно перемиріе, двѣ конвенціи о субсидіяхъ и секретный договоръ, подписанный 27-го іюня въ Рейхенбахѣ, дѣлаютъ совершенно безцѣльнымъ обсужденіе вопроса, дѣйствительно-ли Наполеонъ желалъ заключить миръ при знаменитомъ своемъ свиданіи съ Меттернихомъ, которое состоялось тоже 27-го іюня. Это свиданіе, длившееся съ трехъ четвертей двѣнадцатаго часа дня почти до девяти часовъ вечера, неправильно считается многими поворотнымъ пунктомъ въ карьерѣ Наполеона.

До этого момента посредничество Меттерниха имѣло несомнѣнно двуличный характеръ. Въ рукахъ Наполеона имѣлись этому письменныя доказательства. Неудивительно, если ловкій австрійскій министръ, описывая свое свиданіе съ французскимъ императоромъ, называетъ это свиданіе очень „страннымъ“ и сгущаетъ тѣни изображаемой имъ картины, искусно пропуская нѣкоторыя существенныя подробности и умалчивая то, о чемъ непріятно было бы разсказать. Онъ могъ бы, пожалуй, заимствоваться такимъ пріемомъ у англійскаго дипломата лорда Уйтворта. Какъ бы ни было, враждебный Наполеону повѣствователь утверждаетъ, будто французскій императоръ въ отвѣтъ на заявленіе, что его солдаты просто на-просто подростки, швырнулъ шляпу свою въ уголъ и сердито прошипѣлъ: „Вы не понимаете того, что происходитъ въ душѣ истиннаго воина. Я выросъ на полѣ битвы, и милліонъ человѣческихъ жизней не составляетъ для меня ровнехонько ничего!“ Князь Меттернихъ разсказываетъ также, будто императоръ назвалъ второй свой бракъ крупною глупостью и обвинялъ даже его самого въ продажности. Все это, быть можетъ, и не было со стороны князя Меттерниха положительной клеветою. Подъ давленіемъ государственной необходимости у военныхъ вырабатываются взгляды, способные привести въ ужасъ людей, не принадлежащихъ къ этой спеціальности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кошутъ говорилъ лицу, заслуживающему довѣрія, что собственными глазами видѣлъ письма, въ которыхъ Марія-Луиза безцеремонно измѣняла мужу въ интересахъ отца. Никто не отрицалъ у Наполеона способности разгадывать характеры, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что въ раздраженіи онъ имѣлъ привычку рубить съ плеча и называть вещи настоящимъ ихъ именемъ. Въ данномъ случаѣ имѣлось

полное основаніе сердиться, такъ какъ Меттерних объявилъ о расторженіи австро-французскаго союза, заключеннаго при такой торжественной обстановкѣ всего лишь годъ тому назадъ. Съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отрекаясь отъ всѣхъ родственныхъ соображеній, онъ далъ понять своей жертвѣ, что Австрія является теперь уже не посредницей, а вооруженнымъ арбитромъ, рѣшившимся вернуть себѣ прежнее вліяніе и могущество, дѣйствуя по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. вступивъ въ союзъ съ Россіей и водворивъ на материкѣ Европы миръ, не распространяющійся на Великобританію. Такая комбинація предоставляла Англіи и Франціи вести другъ съ другомъ борьбу до полнаго истощенія, тогда какъ Австрія, Россія и Пруссія могли тѣмъ временемъ собраться съ силами. Единственнымъ оружіемъ Наполеона противъ Англіи являлась континентальная его система. Разумѣется, ему было трудно отъ нея отказаться въ виду побѣдоносно начатой уже кампаніи. Если вмѣсто общаго мира надо было удовлетвориться только миромъ на материкѣ Европы, то его слѣдовало заключить послѣ блестящей рѣшительной побѣды. Между тѣмъ, чтобы собрать войска для генеральнаго сраженія съ соединенными боевыми силами Россіи, Австріи и Пруссіи, нужно было время. Первымъ роковымъ промахомъ Наполеона было заключеніе Пойшвицкаго перемирія, вторымъ же промахомъ было согласіе продолжить это перемиріе до 10-го августа, подъ предлогомъ необходимости дать время Пражскому конгрессу выработать условія для умиротворенія материковой Европы.

Пражскій конгрессъ являлся въ сущности кукольною комедіей и заслуживаетъ быть упомянутымъ въ исторіи единственно лишь, какъ иллюстрація характера князя Меттерниха. Австрійскій министръ, къ концу конгресса, вообразилъ себя тѣмъ самымъ лицомъ, за которое себя выдавалъ, а именно вооруженнымъ посредникомъ, заставляющимъ европейскую политику вернуться опять въ династическое русло. На самомъ дѣлѣ, какъ справедливо говорилъ Наполеонъ, Меттернихъ только мнилъ, будто всѣмъ управляетъ, тогда какъ всѣ управляли имъ. За маріонетками, подвизавшимися на сценѣ Пражскаго конгресса, стояли: фатализмъ императора Александра, — возрожденная прусская національность, — Австрія, начинавшая пробуждаться къ самосознанію, и, въ заключеніе, — британское золото и британскія побѣды. Веллингтону удалось, наконецъ, объединить разрозненныя силы народнаго движенія въ Испаніи, и его армія фактически угрожала вторженіемъ во Францію. Знаменитое его движеніе на Виторію, которое привело къ рѣшительному сраженію, выигранному имъ тамъ 21-го іюля 1813 года, принудило Наполеона окончательно отказаться отъ Пиринейскаго полуострова. Онъ вывелъ уже оттуда лучшія свои войска и лучшихъ генераловъ и сознавалъ безцѣльность дальнѣйшей борьбы за поддержаніе Іосифа на престолѣ. Въ образѣ дѣйствій Наполеона обнаруживалась, поэтому, полнѣйшая послѣдовательность. Онъ смѣло предъявилъ конгрессу свой ультиматумъ: uti possidetis, и уѣхалъ

въ Майнцъ, гдѣ пробылъ съ 25-го іюля по 1-е августа, вырабатывая проектъ обороны Пиренеевъ и отправляя маршала Сульта противъ его воли въ кампанію, долженствовавшую упрочить за этимъ маршаломъ репутацію недюжиннаго полководца. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ заранѣе уже ожидалъ, что изъ конгресса не выйдетъ ничего путнаго, а потому предпочиталъ держаться отъ него подальше. Императрица Марія-Луиза прибыла въ Майнцъ къ августѣйшему своему супругу. Быть можетъ, Наполеонъ ласкалъ себя надеждой, что жена будетъ ходатайствовать за него передъ императоромъ Францемъ. Весьма вѣроятно также, что въ продолжительныхъ своихъ бесѣдахъ съ Маріей-Луизой онъ пріучалъ ее къ выполненію обязанностей регентши, долженствовавшей отстаивать въ Парижѣ интересы своего мужа и сына. Фуше, состоя не у дѣлъ, занимался интригами подозрительнаго свойства. Ему дано было теперь порученіе распутать хитросплетенія двуличной австрійской дипломатіи. При всемъ томъ императоръ употреблялъ большую часть времени на приготовленія къ предстоящей борьбѣ за существованіе, а именно на сформированіе кавалеріи и артиллеріи, а также на обезпеченіе своей арміи свѣжими подкрѣпленіями. Съ Даніей былъ заключенъ болѣе прочный союзъ, а Мюрата удалось, хотя и не безъ труда, побудить къ выполненію вассальныхъ своихъ обязанностей относительно поколебленной наполеоновской имперіи. Беньо, стоявшій во главѣ французскаго регентства въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ, былъ неожиданно приглашенъ однажды исполнять у Наполеона должность секретаря и, въ торопяхъ, два раза усаживался въ кресло, предназначавшееся для императора. „Вы, какъ я вижу, рѣшились сидѣть на моемъ мѣстѣ, но, признаться, выбрали для этого не совсѣмъ удобный моментъ“, замѣтилъ ему Наполеонъ. Городскимъ головою въ Майнцѣ былъ Сентъ-Андре, бывшій членъ конвента и стойкій республиканецъ. Однажды онъ и Беньо, вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ, сопровождали Наполеона въ прогулкѣ на лодкѣ. Императоръ такъ заинтересовался очаровательнымъ видомъ Биберихскаго замка, что, заглядѣвшись, сильно перегнулся за бортъ. „Какая, подумаешь, интересная констелляція! — шепнулъ старый революціонеръ на ухо испуганному Беньо.—Міровыя судьбы зависятъ теперь, пожалуй, отъ добраго пинка“.

На самомъ дѣлѣ, міровымъ судьбамъ не предстояло такъ легко измѣнить предопредѣленное свое теченіе. Мѣсто Наполеона на тронѣ западной имперіи не суждено было занять никому другому. Все политическое положеніе на материкѣ Европы долженствовало подвергнуться радикальному измѣненію, дабы передать въ другія руки дальнѣйшее развитіе дѣла, начатаго революціей. При этомъ идея западной имперіи должна была исчезнуть, подобно множеству другихъ начинаній, не имѣвшихъ подъ собой прочной почвы. Еще до возвращенія Наполеона въ Дрезденъ лорду Эбердину, котораго Кэстльри послалъ въ Вѣну, удалось выполнить возложенное на него порученіе. Условный договоръ тройственнаго союза, подписанный 27-го іюня въ Рейхенбахѣ, былъ ратифико-

ванъ 1-го августа императоромъ Францомъ, который обязался, за колоссальную субсидію отъ Великобританіи, выставить двухсоттысячную армію на соединеніе съ русскими и прусскими войсками. Французскимъ агентамъ, находившимся въ Прагѣ, удалось съ помощью подкупа добыть подробные списки вооруженныхъ силъ, которыми располагала Австрія. Убѣдившись въ грандіозности австрійскихъ вооруженій, Наполеонъ былъ въ первую минуту положительно ошеломленъ и тотчасъ же сталъ съ удвоенной энергіей хлопотать объ увеличеніи собственныхъ своихъ боевыхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обнаружилъ по истинѣ изумительное дипломатическое искусство. Понимая, что окажется совершенно изолированнымъ, если три державы, подѣлившія между собою Польшу, сойдутся съ Англіей и примутъ отъ нея субсидію, французскій императоръ рѣшился употребить въ дѣло послѣднюю стрѣлу, имѣвшуюся въ его колчанѣ. До истеченія перемирія оставалось всего только нѣсколько дней, и онъ сдѣлалъ попытку купить нейтралитетъ Австріи, принявъ предложенныя ею условія возстановленія политическаго равновѣсія въ Европѣ.

Предложеніе, сдѣланное Наполеономъ, до крайности озадачило императора Франца. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней онъ не зналъ, на что рѣшиться, а затѣмъ обратился къ Наполеону съ контръпредложеніемъ, содержавшимъ въ себѣ оговорку, которая обезпечивала государямъ Рейнскаго союза династическую независимость. Эта оговорка сняла завѣсу съ политики князя Меттерниха. Напуганный германскимъ національнымъ движеніемъ, угрожавшимъ доставить Пруссіи первенствующую роль, Меттернихъ рѣшился во что бы ни стало увѣковѣчить въ Германіи взаимное соперничество мелкихъ державцевъ и съ его помощью доставить тамъ Австріи такое же преобладающее вліяніе, какое она разсчитывала получить въ Италіи. Соглашаясь на такой ультиматумъ, Наполеонъ лишался содѣйствія германскихъ своихъ войскъ и утрачивалъ всякое вліяніе на германскомъ берегу Рейна, хотя Вестфальское королевство и великое герцогство Бергское остались бы тогда подъ властью государей французской національности. Наполеонъ не терялъ еще надежды остаться западнымъ императоромъ, а потому, очевидно, долженъ былъ отвергнуть такой ультиматумъ. Онъ медлилъ, однако, отвѣтомъ до вечера 9-го августа, когда предложилъ, въ качествѣ послѣдней уступки, упразднить великое герцогство Варшавское. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывался отъ Данцига и Иллиріи, включительно съ Фьюме, но удерживалъ за собою Тріестъ. Къ тому времени дипломатическое положеніе въ Прагѣ сильно усложнилось, и, когда условія Наполеона были неоффиціально сообщены уполномоченнымъ, воинственное настроеніе лорда Каткарта, усиливавшееся извѣстіемъ объ успѣхахъ, одержанныхъ Веллингтономъ, побудило англійскаго дипломата обратить вниманіе русскаго государя на чрезмѣрно возраставшее могущество Австріи. Сторонники національнаго движенія въ Пруссіи начали тоже опасаться, что ея освобожденіе окажется отложеннымъ на неопредѣленное время. При такихъ обстоятельствахъ

русскій и прусскій уполномоченные сослались на то, что ультиматумъ Наполеона былъ сообщенъ имъ лишь частнымъ образомъ, оффиціальнаго же сообщенія не послѣдовало къ двѣнадцати часамъ ночи 10-го августа. Какъ только пробило полночь, они встали и объявили князю Меттерниху, что считаютъ свое дѣло законченнымъ, и что Австрія должна въ свою очередь выполнить обязательства, принятыя ею на себя по Рейхенбахскому договору.

Князь Меттернихъ счелъ неумѣстнымъ тотчасъ же снять съ себя маску и продолжалъ обсуждать съ Коленкуромъ послѣднія предложенія Наполеона, но прочіе дипломаты не скрывали восторженной своей радости. Гумбольдтъ остался въ Прагѣ до тѣхъ поръ, пока австрійское правительство не отправило въ Дрезденъ формальнаго объявленія войны. Тотчасъ же вспыхнули заранѣе приготовленные на Богемскихъ холмахъ маяки, извѣстившіе объ этомъ событіи русскія и прусскія войска, которыя ожидали его съ нетерпѣніемъ. Наполеонъ не терялъ еще надежды на возможность заручиться нейтралитетомъ Австріи, такъ какъ зналъ, что по условіямъ перемирія надлежитъ объявить за недѣлю о возобновленіи военныхъ дѣйствій. 13-го августа онъ согласился на всѣ требованія Австріи, настаивая лишь на удержаніи за Франціей Гамбурга и Тріеста, а 15-го августа изъявилъ готовность отказаться даже и отъ этихъ портовъ. Съ формальной точки зрѣнія согласіе это являлось уже слишкомъ запоздавшимъ, а потому его предложенія были отклонены. Кому именно въ данномъ случаѣ слѣдуетъ поставить въ вину возобновленіе военныхъ дѣйствій, было бы въ настоящее время очень трудно выяснить. Среди хитросплетенной сѣти переговоровъ можно, впрочемъ, указать на слѣдующіе факты: Россія и Швеція заключили союзъ противъ Наполеона еще 24-го марта 1812 года. Пруссія примкнула къ этой коалиціи 28-го февраля 1813 года, вслѣдствіе солидарности народныхъ своихъ интересовъ съ интересами Россіи. Великобританія выступила тѣмъ временемъ на сцену, заключивъ съ Швеціей 3 марта 1813 года торговое соглашеніе, послѣ чего англійская и австрійская дипломатія начали совмѣстно стараться объ упроченіи коалиціи и снабженіи ея необходимыми денежными средствами. Разсматривая Пойшвицкіе и Пражскіе переговоры въ связи со всей карьерой Наполеона, можно сказать, что они шли по пути, приготовленному безпредѣльнымъ его честолюбіемъ. Напротивъ того, обсуждая эти переговоры въ отдѣльности, по ихъ существу, надо признать, что нравственное право оказывалось въ данномъ случаѣ на его сторонѣ. Каковы бы ни были передъ тѣмъ его стремленія, теперь онъ на самомъ дѣлѣ искренно желалъ мира. Считая, что великодушно поступилъ съ Австріей, лежавшей у его ногъ, онъ былъ возмущенъ до глубины души, когда убѣдился, до какой степени она его одурачила. Онъ медлилъ согласіемъ на условія, которыя она отъ него вымогала, такъ какъ желалъ мира не только для материка Европы и въ интересахъ одного Габсбургскаго дома, но для всей вообще Европы.

Только такой всеобщій миръ удовлетворилъ бы интересамъ его имперіи. Теперь, по прошествіи болѣе восьмидесяти лѣтъ и при освѣщеніи совершившихся съ тѣхъ поръ историческихъ событій, необходимо признать до извѣстной степени справедливыми убѣжденія Наполеона въ томъ, что усиленіе національнаго сознанія и воскрешеніе династическихъ вліяній являлись тормазами для освободительнаго дѣла прогресса, начатаго революціей, представителемъ которой онъ продолжалъ себя считать, совершенно, впрочемъ, ошибочно.

Послѣднія блестящія побѣды французскаго императора.

Къ открытію второй саксонской кампаніи союзники имѣли подъ ружьемъ 435.000, а Наполеонъ всего 350.000 человѣкъ. Ввиду такого численнаго перевѣса у непріятеля, императору надлежало примѣнить всѣ свои стратегическіе таланты для того, чтобы склонить побѣду на свою сторону. Онъ это и выполнилъ съ бо́льшей чѣмъ когда-либо геніальностью, выбравъ Эльбу естественной оборонительной своею линіей. Гамбургъ занималъ почти неприступное положеніе на одной изъ ея окопечностей. Южнѣе линія эта прикрывалась тремя сильными крѣпостями: Магдебургомъ, Виттенбергомъ и Торгау. Дрезденъ, гдѣ слѣдовало всего скорѣе ожидать прорыва, былъ обращенъ въ укрѣпленный лагерь для арміи, долженствовавшей служить главнымъ его оплотомъ. Даву и Удино съ 70.000 отдѣльной арміей должны были угрожать Берлину, дабы отвлечь возможно большее количество непріятельскихъ войскъ къ этой столицѣ, а затѣмъ, притянувъ къ себѣ французскіе гарнизоны изъ крѣпостей Штеттина и Кюстрина, осадить Шпандау, оттѣснить союзниковъ за Одеръ, выждать благопріятную минуту и ударить во флангъ главнымъ силамъ коалиціи. Наполеонъ, съ остальными 280.000, намѣревался выждать натискъ соединенныхъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ армій. Въ лагерѣ союзниковъ находились теперь генералы Жомини и Моро. Первый изъ нихъ, родомъ швейцарецъ, передался непріятелю подъ тѣмъ предлогомъ, что, вслѣдствіе недоброжелательства Бертье, его не произвели въ слѣдующій чинъ и что, въ качествѣ иностранца, онъ вправѣ служить тамъ, гдѣ находитъ для себя выгоднѣе. Моро, въ свою очередь, поддался доводамъ своей жены, хитрой, честолюбивой женщины, увѣрявшей, что онъ будетъ сражаться не съ Франціей, а единственно только съ Наполеономъ, и поступилъ на русскую службу. Оба эти генерала, вмѣстѣ съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, фактически составляли весь военный совѣтъ. Бернадоттъ и Моро увлекались перспективой заручиться лично для себя верховной властью во Франціи и вообще заботились бо́льше о собственныхъ своихъ интересахъ, чѣмъ объ интересахъ коалиціи. Подвигаемые честолюбивыми своими замыслами, они выработали планъ, благодаря которому удалось, наконецъ, одолѣть Наполеона и залить Францію кровью. По ихъ совѣту сформированы были три бо́льшихъ арміи:—сѣверная бранденбургская изъ шведовъ, прусса-

ковъ и небольшого количества русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Бюлова, Бернадотта и Чернышева,—восточная—силезская изъ русскихъ и пруссаковъ подъ начальствомъ князя Витгенштейна и Блюхера, прозваннаго семидесятилѣтнимъ юношей и, наконецъ,—главная южная армія—изъ австрійцевъ подъ начальствомъ князя Шварценберга,—русскихъ войскъ подъ командой Барклая-де-Толли и русской гвардіи, во главѣ которой стоялъ великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Фельдмаршалъ Шварценбергъ оказывался фактически парализованнымъ присутствіемъ въ его главной квартирѣ всѣхъ трехъ монарховъ и генерала Моро. Различіе интересовъ естественно должно было вызывать тамъ разногласіе въ мнѣніяхъ. Такимъ образомъ съ самаго начала обнаружилась у союзниковъ боязливая осторожность и нерѣшительность, тогда какъ въ главной квартирѣ Наполеона имѣлась, по крайней мѣрѣ, единая твердая воля. Оба противника задались сначала ошибочными предположеніями. Императоръ Францъ ожидалъ, что Наполеонъ и на этотъ разъ направитъ свой главный ударъ на Вѣну. Всѣмъ тремъ союзнымъ арміямъ предписывалось, поэтому оставаться въ выжидательномъ положеніи. Та изъ нихъ, на которую нападутъ французы, должна была тотчасъ же отступать, заманивая ихъ за собою, чтобы другія двѣ арміи могли зайти во флангъ и въ тылъ дерзновенному врагу, который окажется тогда окруженнымъ со всѣхъ сторонъ превосходными силами. Союзники угадали, или, по крайней мѣрѣ, вообразили, будто угадываютъ, что Наполеонъ оставитъ гвардію свою въ резервѣ, а затѣмъ выдвинетъ ее за линіей своего расположенія туда, гдѣ у союзниковъ окажется наиболѣе слабое мѣсто, дабы прорваться тамъ и побить ихъ по частямъ. Мысль эта была дѣйствительно очень остроумной, и самъ Наполеонъ впослѣдствіи сознавался, что его противники измѣнились къ лучшему. Тѣмъ не менѣе она оказывалась невѣрной, такъ какъ геніальный французскій полководецъ въ свою очередь ошибочно преувеличивалъ значеніе перевѣса въ численности, имѣвшагося на сторонѣ его враговъ, и почти впервые еще былъ намѣренъ держаться оборонительнаго образа дѣйствій. Рѣшеніе это произвело въ данный моментъ могущественное нравственное воздѣйствіе какъ на его генераловъ, которые всѣ безъ исключенія требовали мира, такъ и на подростковъ новобранцевъ, изъ которыхъ состояло большинство его арміи. Они, подобно своему императору, прониклись убѣжденіемъ, что сражаются теперь не съ завоевательными, а чисто оборонительными цѣлями, защищая собственную жизнь. Отчаянное мужество французскихъ войскъ усиливалось сознаніемъ, что такіе же подростки дрались подъ Люценомъ и Бауценомъ нисколько не хуже заслуженныхъ ветерановъ и что теперь, по крайней мѣрѣ, у Наполеона имѣлось достаточное количество кавалеріи и артиллеріи.

Въ то время никто не замѣчалъ у него ни малѣйшихъ слѣдовъ безпокойства, или волненія. Лишь впослѣдствіи измѣнникъ Мармонъ, имени котораго суждено было сдѣлаться ненавистнымъ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній честныхъ французовъ,

разсказываетъ, что въ своихъ инструкціяхъ маршалу Даву Наполеонъ называлъ «сбродомъ» непріятельскія войска, съ которыми предстояло имѣть дѣло этому маршалу и утверждаетъ, будто императоръ придавалъ слишкомъ важное стратегическое значеніе Берлину. По словамъ этого памфлетиста, руководящей пружиной дѣйствій Наполеона въ кампаніи 1813 года являлась личная ненависть къ Пруссіи. Особенно старательно пытается Мармонъ выдвинуть на первый планъ то обстоятельство, что малолѣтки наполеоновской арміи гибли, словно вешній цвѣтъ отъ морозовъ, и что 40 000 подростковъ лежало уже въ лазаретахъ. Онъ указываетъ также на страшное взяточничество въ интендантствѣ и во всѣхъ отдѣлахъ военной администраціи. Солдатамъ по-долгу не уплачивалось жалованье. По словамъ очевидца, казначей Пейрусъ, которому Наполеонъ только что передалъ 4 000 франковъ на памятникъ Дюроку, хладнокровно положилъ четвертую часть этой суммы въ карманъ, замѣтивъ вслухъ, что не намѣренъ отступать отъ существующихъ обычаевъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе арміи было нисколько не хуже, чѣмъ въ 1809 году, когда побѣда привела все въ надлежащій порядокъ. Если гдѣ и проявлялись тревожныя опасенія, то единственно только въ лагерѣ союзниковъ. Между тѣмъ никогда еще Пруссія, даже во времена Фридриха Великаго, не обладала такой великолѣпной арміей. Австрійскія войска были прекрасно снаряжены и хорошо обучены, русскія же войска отличались не только высокими боевыми своими качествами, но также и многочисленностью, такъ какъ Беннигсенъ дѣятельно формировалъ для нихъ въ Польшѣ сильные резервы. Несмотря на превосходство свое въ численности, союзники не чувствовали себя увѣренными въ собственныхъ силахъ. Австрія играла первенствующую роль, но ея фельдмаршалъ, князь Шварценбергъ, не могъ считаться хотя бы даже посредственнымъ полководцемъ. Изъ болѣе молодыхъ австрійскихъ генераловъ лишь одинъ, а именно Радецкій, обнаружилъ впослѣдствіи выдающійся талантъ. Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ слишкомъ различались другъ отъ друга всѣмъ складомъ характера, для того, чтобы союзъ между ними могъ покоиться на естественныхъ прочныхъ основахъ. Выработанные ими планы отличались къ тому же неопредѣленностью, оставлявшей командирамъ отдѣльныхъ армій большой просторъ, которымъ они зачастую и пользовались.

Военныя дѣйствія начались, вслѣдствіе самовольства Блюхера, прямымъ нарушеніемъ перемирія со стороны союзниковъ. Блюхеру всегда хотѣлось дѣйствовать самостоятельно. Онъ выговорилъ себѣ такую самостоятельность еще до присоединенія Австріи къ коалиціи, которое вообще нанесло тяжкій ударъ его честолюбію. Неохотно подчиняясь чьимъ-либо приказаніямъ, Блюхеръ не считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ для себя обязательнымъ сообразоваться съ условіями перемирія, а потому, 14-го августа, вторгнулся черезъ Стригау въ нейтральную полосу. Наполеонъ, узнавъ, что сорокатысячный русскій корпусъ, отдѣлившись отъ силезской арміи, направляется къ Богеміи, выступилъ 15-го августа изъ Дрездена

и расположился такъ, чтобы командовать Изерскими горными проходами на верхней Эльбѣ, а въ то же время заручиться возможностью ударить на Блюхера, отрѣзать выдвинувшійся русскій корпусъ, или же, въ случаѣ надобности, вернуться въ Дрезденъ, защита котораго спеціально поручалась Сенъ-Сиру. 20-го августа, когда Блюхеръ дошелъ въ Бунцлау до береговъ Бобера, оказалось, что, благодаря искуснымъ распоряженіямъ Наполеона, Ней, Мортье, Лористонъ и Макдональдъ стояли уже наготовѣ его встрѣтить. Самъ императоръ находился въ Лаубанѣ со всей гвардіей. Если бы Блюхеръ остался на своей позиціи, русская армія, бывшая подъ его начальствомъ, оказалась бы уничтоженной. Семидесятилѣтній пылкій юноша не рискнулъ, однако, принять бой и вмѣсто того отступилъ за Дейксель, слѣдуя заранѣе выработанному общему плану. Наполеонъ заключилъ отсюда, будто самъ прусскій фельдмаршалъ не питаетъ довѣрія къ пригодности своей арміи. Быть можетъ, что такое поспѣшное заключеніе вызвано было у Наполеона массою тревожныхъ донесеній, которыя онъ получалъ отъ своихъ маршаловъ. 23-го августа, въ письмѣ къ Маре, императоръ говорилъ, что его корпусные командиры питаютъ нѣкоторое довѣріе къ собственнымъ силамъ единственно лишь при немъ. „Вездѣ, гдѣ меня нѣтъ, непріятель кажется имъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности». Особенно недоволенъ былъ Наполеонъ Мармономъ, позволившимъ себѣ строго критиковать всякій планъ дѣйствій, при которомъ одному или нѣсколькимъ маршаламъ приходилось предпринимать что-нибудь самостоятельное въ Бранденбургѣ, или Силезіи. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ, составивъ планъ кампаніи, требовалъ его выполненія. Въ данномъ случаѣ онъ, впрочемъ, и самъ отступилъ отъ этого плана, увлекшись преслѣдованіемъ Блюхера. 22-го августа силезская армія находилась уже за Кацбахомъ, а французскій авангардъ слѣдовалъ за нею почти вплоть, когда въ главную квартиру Наполеона пришло донесеніе о томъ, что австрійскія и русскія войска, вступивъ въ Саксонію, угрожаютъ уже Дрездену. Обстоятельныя инструкціи, написанныя Наполеономъ Макдональду, которому было поручено загородить Блюхеру путь въ Саксонію, въ то время какъ Лористонъ, обходя пылкаго старца съ фланга, отрѣзалъ его отъ Берлина, свидѣтельствуютъ о замѣчательной быстротѣ соображеній Наполеона и его способности предусматривать всякія случайности.

Написавъ эти инструкціи, Наполеонъ съ корпусами Мармона, Вандама и Виктора, кавалеріей Латуръ-Мобура и гвардіей, поспѣшилъ обратно къ Дрездену, дабы подкрѣпить войска Сенъ-Сира. 25-го августа, проходя черезъ Бауценъ, онъ узналъ, что Удино потерпѣлъ неудачу подъ Лукау, но не придалъ значенія этому извѣстію и на слѣдующій день къ девяти часамъ утра прибылъ въ Дрезденъ. Часомъ позже явилась туда его гвардія, совершивъ въ три дня почти невѣроятный переходъ болѣе чѣмъ въ 120 верстъ. Вандамъ съ сорокатысячнымъ корпусомъ стоялъ уже въ Пирнѣ, всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дрездена, а кор-

пусъ Сенъ-Сира занималъ временныя укрѣпленія, которыми былъ обнесенъ этотъ городъ. Наполеону надлежало во что бы ни стало удержать за собою Дрезденъ, являвшійся ключемъ оборонительной его линіи. Главныя силы непріятеля были сосредоточены для удара, хотя союзники не выяснили себѣ еще, какимъ именно образомъ надлежитъ его нанести. На военномъ совѣтѣ, происходившемъ у союзниковъ въ это самое утро, принятъ былъ, наконецъ, послѣ долгихъ преній проектъ Моро идти въ аттаку семью колоннами. Онъ отказался сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, но объяснилъ, что французовъ инымъ способомъ ни за что не одолѣть, и что если одна изъ аттакующихъ колоннъ будетъ разбита, то остальныя должны, не смущаясь этимъ, напирать съ еще большей энергіей. Вслѣдствіе долгихъ препирательствъ союзники упустили, однако, наиболѣе удобный моментъ для аттаки и начали ее лишь въ четыре часа пополудни, когда главныя силы французской арміи переправились уже за Эльбу и подкрѣпили войска, защищавшія Дрезденъ. Въ продолженіи двухъ часовъ шелъ ожесточенный упорный бой. Русскіе, австрійцы и пруссаки, аттаковавшіе съ трехъ разныхъ сторонъ, значительно подались впередъ, такъ что, къ шести часамъ вечера, Наполеонъ рѣшилъ ввести въ дѣло свою гвардію. Мортье съ двумя дивизіями молодой гвардіи быстро ударилъ на русскія войска и къ полуночи оттѣснилъ ихъ за деревушку Штрифенъ. Сенъ-Сиръ въ свою очередь вывелъ пруссаковъ изъ занятыхъ ими позицій и отбросилъ ихъ къ Штреле. Ней, съ двумя дивизіями молодой гвардіи, опрокинулъ часть австрійскихъ войскъ въ Плауенъ, а Мюратъ, съ двумя пѣхотными дивизіями и кавалеріей Латуръ-Мобура, очистилъ отъ остальныхъ австрійцевъ Фридрихштадтское предмѣстье. Наполеонъ устраивался такъ, чтобъ находиться вездѣ. Объѣхавъ поздней ночью боевую линію своихъ войскъ, онъ уснулъ въ пріятномъ сознаніи, что съ 70.000 новобранцевъ, большинство которыхъ состояло изъ подростковъ, онъ отразилъ полуторастотысячную непріятельскую армію. Воодушевляющее значеніе личнаго его присутствія стоило такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ 80.000 лучшихъ непріятельскихъ солдатъ. Ночью прибыли въ Дрезденъ Мармонъ и Викторъ съ своими корпусами, а Вандамъ на разсвѣтѣ началъ обстрѣливать Пирну и заставилъ такимъ образомъ союзниковъ отдѣлить туда часть своихъ силъ.

Утромъ 27-го августа поднялся бурный вѣтеръ съ дождемъ. Обстоятельство это считаютъ очень благопріятнымъ для французовъ, такъ какъ оно позволило имъ удобнѣе маскировать свои движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляло дѣйствительность непріятельскаго пушечнаго и ружейнаго огня. Во всякомъ случаѣ второй день боя оказался для союзниковъ еще пагубнѣе перваго. Къ шести часамъ утра обѣ арміи стояли уже другъ противъ друга. На правомъ крылѣ французовъ находились корпусъ Виктора и кавалерія Латуръ-Мобура. Затѣмъ слѣдовали Мармонъ, старая гвардія и Ней, съ двумя дивизіями молодой гвардіи; корпуса Сенъ-Сира и Мортье составляли новое крыло. Противъ французской арміи находились русскіе, пруссаки и австрійцы, приблизительно

на прежней своей болѣе возвышенной позиціи, охватывавшей французскую и тянувшуюся къ западу и югу до Плацена. Между ихъ центромъ и лѣвымъ крыломъ имѣлся интервалъ для австрійскаго корпуса Кленау, шедшаго изъ Тарандта и запоздавшаго прибытіемъ, вслѣдствіе непогоды. Въ семь часовъ утра артиллерія молодой гвардіи открыла огонь, но вскорѣ прекратила его на мгновенье, убѣдившись, что снаряды не долетаютъ на высоты, занятыя непріятелемъ. „Ничего, продолжайте стрѣлять!“ немедленно же приказалъ императоръ. Надо привлечь вниманіе непріятеля на этотъ пунктъ“. Маневръ Наполеона увѣнчался успѣхомъ. Въ десять часовъ утра Мюратъ ворвался въ упомянутый интервалъ между центромъ и лѣвымъ крыломъ союзниковъ. Повернувъ затѣмъ на западъ, въ направленіи къ Эльбѣ, онъ частью уничтожилъ, частью взялъ въ плѣнъ всѣ войска крайняго непріятельскаго лѣваго фланга. Союзники держались сперва въ Пирнѣ, но послѣ полудня отступили оттуда къ Петерсвальду. Бой шелъ также и по всей остальной линіи, но французскія войска ограничивались тамъ оборономъ. Наполеонъ проспѣлъ цѣлый день передъ костромъ въ какой-то странной апатіи, вызванной, повидимому, начинавшимся у него разстройствомъ желудка. Вскорѣ послѣ полудня Шварценбергъ узналъ о результатахъ аттаки, произведенной Мюратомъ, но все-таки не прекращалъ боя. Когда ему донесли, однако, что Пирна, на правомъ крылѣ, уже въ рукахъ французовъ, онъ рѣшился отступить и въ пять часовъ пополудни его колонны начали медленно отходить назадъ. Въ шесть часовъ Наполеонъ убѣдился, что сраженіе кончено и, сѣвъ на коня, апатично поѣхалъ рысью во дворецъ, причемъ дождь струился потоками по традиціонной его шляпѣ и сѣрому походному сюртуку.

Крушеніе западной имперіи.

Политика и стратегія.—Гибель Великой арміи.—Франкфуртскія предложенія.—Вторженіе во Францію.—Наполеонъ напрягаетъ послѣднія свои силы.—Великій полководецъ въ безвыходномъ положеніи.

Политика и стратегія.

Ночью послѣ побѣды своей подъ Дрезденомъ Наполеонъ полагалъ, что непріятель возобновитъ на другой день битву. Дѣйствительно, упавшіе духомъ союзники обсуждали чуть не до разсвѣта на военномъ совѣтѣ, нельзя-ли принять съ выгодой для себя генеральное сраженіе на Диппольдисвальдскихъ высотахъ. Оказалось, однако, что союзная армія страшно разгромлена и потеряла треть своего состава выбывшими изъ строя. Разбитая на лѣвомъ флангѣ и угрожаемая съ тыла, она начала на слѣдующее утро отступать въ порядкѣ къ Руднымъ горамъ. Все шло благополучно до тѣхъ поръ, пока не выяснилось, что корпусъ

Вандамма загородилъ ей дорогу. Значительная часть войскъ бросилась тогда опрометью въ горы, и отступленіе превратилось въ бѣгство. Между тѣмъ, лишь въ четыре часа послѣ полудня, Наполеонъ, доѣхавъ верхомъ до самой Пирны, приказалъ одному корпусу Вандамма, усиленному небольшими подкрѣпленіями, преслѣдовать непріятеля. Оставивъ затѣмъ Мортье предписаніе держаться въ Пирнѣ, онъ сѣлъ въ карету и преспокойно вернулся опять въ Дрезденъ. Вообще весь образъ дѣйствій такого геніальнаго полководца, какъ Наполеонъ, представляется въ данномъ случаѣ до чрезвычайности страннымъ. Онъ могъ нанести во второй день боя страшный ударъ союзной арміи, но, вмѣсто того, ограничился только разгромомъ одного ея крыла и, послѣ второго дня, не распорядился сколько-нибудь энергически преслѣдовать отступавшаго врага. Даже и на третій день преслѣдованіе производилось только для вида. Дѣйствительно, Наполеонъ, начавъ приводить свой планъ въ исполненіе, впалъ тотчасъ же въ состояніе какой то загадочной усталости и апатіи. Въ продолженіи всего боя онъ находился въ такомъ состояніи, изъ котораго слегка пробудился лишь когда ему донесли, что Моро смертельно раненъ. Причины этой апатіи могли быть физическаго, или же нравственнаго свойства, но еще вѣроятнѣе, что онѣ сводились главнымъ образомъ къ ошибкѣ въ политическихъ разсчетахъ. Если вѣрить капитану Куанье, то, въ ночь съ 27-го на 28-е августа, въ французскомъ штабѣ знали какъ нельзя лучше, что непріятель разбитъ на-голову. Удивляясь, что Наполеонъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы воспользоваться побѣдой, офицеры, въ товарищеской бесѣдѣ другъ съ другомъ, честили своего императора на чемъ свѣтъ стоитъ. „Этотъ... погубитъ насъ всѣхъ“... говорили они, приправляя свои слова самыми нелестными эпитетами по адресу Наполеона. Если вѣрить самому великому полководцу, то съ нимъ близъ Пирны сдѣлался страшный приступъ рвоты, заставившій его въ этотъ роковой день положиться во всемъ на другихъ. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя всѣ имѣющіяся свѣдѣнія, приходится заключить, что болѣзненное состояніе императора не играло на самомъ дѣлѣ такой существенной роли и что, съ чисто военной точки зрѣнія, французскіе офицеры имѣли полное основаніе его проклинать. Наполеонъ, какъ будто умышленно, воздержался отъ уничтоженія австрійской арміи, въ надеждѣ, что его тесть, въ благодарность за такое снисхожденіе, отречется отъ коалиціи и возобновитъ съ нимъ союзъ.

Еслибъ наступательное дѣйствіе Удино и Макдональда къ Берлину увѣнчалось успѣхомъ, а самъ Наполеонъ ограничился только защитой Дрездена, гдѣ съ самаго начала предполагалъ дѣйствовать лишь оборонительно, то онъ, разумѣется, могъ бы достигнуть заключенія мира на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, даже ограничившись тѣмъ, что отбросилъ главную армію союзниковъ черезъ Богемію къ Прагѣ, отнявъ у нея всякую охоту къ новымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Продолжительная служба подъ начальствомъ геніальнаго полководца ослабила, однако, у француз-

скихъ маршаловъ духъ иниціативы. Въ Испаніи лучшіе изъ нихъ дѣлали разъ за разомъ страшные промахи. Маршалы, командовавшіе корпусами на германскомъ театрѣ войны, обнаруживали подобное же отсутствіе смѣлаго почина и самостоятельной находчивости въ рѣшительную минуту. Правда, что они заслужили себѣ славу, командуя отборными войсками, тогда какъ теперь самыя сливки арміи оставались непосредственно въ распоряженіи Наполеона. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что они сражались тогда за богатство, чины и почести. Теперь имъ болѣе всего хотѣлось наслаждаться пріобрѣтенными земными благами. Всѣ они были крайне ожесточены противъ Наполеона за то, что онъ опоздалъ изъявить свое согласіе на условія австрійскаго посредничества. Кромѣ того, изъ числа ихъ противниковъ, Бернадоттъ воспитывался въ одной съ ними школѣ и сражался теперь за корону. Блюхеру, отличавшемуся чрезмѣрной пылкостью и несдержанностью темперамента, приданъ былъ надежный тормазъ въ лицѣ Гнейзенау, начальника его штаба. Кромѣ того, однимъ изъ корпусовъ семидесятилѣтняго юноши командовалъ Бюловъ, снискавшій себѣ репутацію очень порядочнаго генерала. Всѣ эти условія въ совокупности объясняютъ въ достаточной степени неудачи, понесенныя французскими маршалами подъ Гросберепомъ, Кацбахомъ и Кульмомъ, вслѣдствіе которыхъ Наполеонъ, удержавъ за собой Дрезденъ и отрѣзавъ главную армію союзниковъ, не достигъ предположеннаго имъ результата. Всѣ его стратегическіе разсчеты какъ на театрѣ войны, такъ и въ области политики, потерпѣли изъ-за этого фіаско.

Первую изъ этихъ неудачъ, собственно говоря, нельзя было даже назвать пораженіемъ. Удино, двинувшись съ семидесятитысячной арміей черезъ Виттенбергъ къ Берлину, встрѣтилъ передъ собой Бернадотта съ восьмидесятитысячной арміей. Хитрый гасконецъ, мечтавшій царствовать во Франціи, боялся нанести пораженіе французской арміи, а потому подалъ совѣтъ покинуть прусскую столицу безъ боя. Это показалось, однако, слишкомъ обиднымъ для пруссаковъ, а потому пришлось поневолѣ оказать хотя для вида нѣкоторое сопротивленіе. 22-го августа произошло нѣсколько стычекъ, а на другой день Бюловъ, въ противность приказаніямъ Бернадотта, завязалъ подъ Гросберепомъ серьезное сраженіе, которое тянулось цѣлый день съ перемѣннымъ успѣхомъ. Подъ вечеръ, однако, французы завладѣли аттакованнымъ ими селеніемъ. Несмотря на это, Удино былъ до такой степени смущенъ энергическимъ сопротивленіемъ пруссаковъ, что совершенно упалъ духомъ и отступилъ въ Виттенбергъ, довольно вяло преслѣдуемый непріятелемъ. Блюхеръ, узнавъ 21-го августа о причинахъ, заставившихъ Наполеона вернуться въ Дрезденъ, рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для нападенія на Макдональда. По странному стеченію обстоятельствъ, французскій маршалъ, какъ разъ въ это самое время, покинувъ оборонительную позицію, на которой Наполеонъ приказалъ ему держаться, самъ шелъ впередъ съ намѣреніемъ дать непріятелю сраженіе. 25-го августа

обѣ арміи сошлись на берегахъ Кацбаха. Несмотря на дождь и туманъ, завязался упорный бой, закончившійся тѣмъ, что французы были разбиты и понесли страшный уронъ. Вслѣдствіе ужасающаго ливня вся окрестная мѣстность обратилась въ болото. Тѣмъ не менѣе Блюхеръ цѣлыхъ пять дней гнался за разбитымъ противникомъ и остановился лишь въ Наумбургѣ на правомъ берегу Квейсы, захвативъ 18.000 плѣнныхъ и 103 пушки. Ко всему этому присоединилась еще катастрофа подъ Кульмомъ. Трудно было выбрать генерала, менѣе способнаго, чѣмъ неосмотрительный хотя и безстрашный Вандаммъ, къ такой деликатной операціи, какою являлось движеніе въ тылъ непріятельской арміи. „Еслибъ у меня имѣлось два Вандамма, то пришлось бы одного изъ нихъ разстрѣлять“, высказался про него самъ Наполеонъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Вандаммъ оказался далеко впереди войскъ Мармона, Сенъ-Сира и Мюрата, высланныхъ, впрочемъ, слишкомъ поздно ему на подмогу. Не принимая никакихъ мѣръ предосторожности, онъ спустился 29-го августа съ горъ въ лощину передъ Кульмскимъ ущельемъ и, къ изумленію своему, нашелъ это ущелье уже занятымъ русскою гвардіей. Попытки выбить русскихъ изъ занятой ими неприступной позиціи оказались тщетными. На слѣдующее утро самъ Вандаммъ былъ аттакованъ превосходными силами и вынужденъ къ отступленію черезъ другое горное ущелье къ Петерсвальду, тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ. При выходѣ изъ этого ущелья онъ неожиданно столкнулся съ направлявшимся туда прусскимъ корпусомъ Клейста. И французы, и пруссаки были положительно ошеломлены, что не помѣшало имъ, однако, ринуться другъ на друга съ мужествомъ отчаянія. Тѣмъ временемъ подоспѣла русская гвардія, тѣснившая Вандамма съ тылу, и этотъ маршалъ, потерявъ до 7.000 человѣкъ убитыми и ранеными, сдался съ 5.000 человѣкъ въ плѣнъ. Сенъ-Сиръ, Мармонъ и Мюратъ явились къ горнымъ проходамъ уже тогда, когда все было кончено.

Кульмская катастрофа нанесла смертельный ударъ грандіозному стратегическому плану Наполеона. Разумѣется, нельзя было обвинять французскаго императора за неудачу подъ Гросберепомъ, или за пораженіе, которое понесъ Макдональдъ подъ Кацбахомъ, но отвѣтственность за Кульмъ лежитъ всецѣло на немъ самомъ. Онъ былъ виноватъ тѣмъ, что поручилъ обходное движеніе именно Вандамму и не поддержалъ этого движенія энергическимъ преслѣдованіемъ разбитой арміи Шварценберга. Находясь на островѣ Св. Елены, Наполеонъ пытался объяснить разгромъ своей имперіи послѣ Дрезденской битвы болѣзнью, воспрепятствовавшей ему безотлагательно принять надлежащія мѣры къ преслѣдованію союзной арміи,—наводненіемъ, затруднившимъ Макдональду переправу черезъ рѣку Боберъ, и заявленіемъ баварскаго короля, что по прошествіи нѣкотораго времени онъ долженъ будетъ примкнуть къ коалиціи. Съ точки зрѣнія историка объясненія эти не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Они являются только попыткою повліять на чувства читателей, недостаточно знакомыхъ съ обстоя-

тельствами дѣла. Фактически вѣрно, что процессъ преобразованія великаго полководца въ политическаго дѣятеля, давно уже происходившій у Наполеона, оказался подъ Дрезденомъ совершенно законченнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и слѣдующій его шагъ. До тѣхъ поръ онъ держался правила сосредоточивать всѣ свои силы для нанесенія врагу рѣшительнаго удара. Операціоннымъ его объектомъ являлись непріятельскія арміи, и онъ старался ихъ уничтожить, или же поставить въ такое положеніе, при которомъ возникала возможность полнаго ихъ уничтоженія. Теперь онъ сталъ выбирать себѣ объектомъ дѣйствій уже не арміи, а столицы. Увѣряя, будто въ данномъ случаѣ было нежелательно растянуть стратегическій фронтъ до Праги, императоръ Наполеонъ, дабы обезпечить себѣ выгодную оборонительную линію, вернулся къ прежнему своему плану наступательнаго движенія къ Берлину. Отправивъ Нея, чтобы принять начальство надъ арміей, которою командовалъ передъ тѣмъ Удино, французскій императоръ даже не пытался тревожить главную армію союзниковъ и далъ ей возможность безпрепятственно оправиться и собраться съ силами. Желаніе одержать политическую побѣду, недозволившее ему уничтожить армію князя Шварценберга, совершенно явственно проявилось и на этотъ разъ. Французскій императоръ разсчитывалъ застращать Пруссію ударомъ, нанесеннымъ въ самое ея сердце и заставить такимъ образомъ прусскія войска выдѣлиться изъ состава коалиціонныхъ армій, а затѣмъ обратить вниманіе императора Франца на родственное свое чувство, избавившее австрійскую территорію отъ вторженія побѣдоносной французской арміи. Несмотря на всѣ порицанія, которыя были высказаны этому проекту, безъ сомнѣнія недостойному такого геніальнаго полководца, какимъ былъ Наполеонъ, нельзя отрицать того, что онъ представлялъ нѣкоторые шансы успѣха. Нею было предписано немедленно перейти въ наступленіе, а самъ Наполеонъ поспѣшно двинулся съ главными силами въ Гейерсвердъ, разсчитывая вступить тамъ въ связь съ его арміей и разсѣять войска Бернадотта, еслибъ они, паче чаянія, осмѣлились на попытку къ сопротивленію.

Это оказалось бы осуществимымъ, еслибъ Макдональду удалось задержать Блюхера, а Мюрату Шварценберга, хотя бы недѣли на двѣ. Между тѣмъ битва подъ Кацбахомъ до такой степени разстроила армію Макдональда, что Наполеону пришлось прежде всего двинуться къ Бауцену, чтобъ выручить эту армію изъ затруднительнаго положенія, въ которое она оказывалась поставленной. Раздраженный столь неожиданной диверсіей, императоръ быстро двинулся на Блюхера съ намѣреніемъ дать ему хорошій урокъ. 5-го сентября, однако, выяснилось, что Блюхеръ вовсе не расположенъ мѣряться силами съ Наполеономъ, и французскій императоръ отдалъ уже своимъ войскамъ приказъ идти на Берлинъ, но эти распоряженія пришлось немедленно же отмѣнить, такъ какъ получены были извѣстія о томъ, что Шварценбергъ снова идетъ къ Дрездену. Наполеонъ безотлагательно вернулся тогда въ сак-

сонскую столицу. Къ 10-му сентября онъ сосредоточилъ подъ Дрезденомъ свои войска въ полной готовности принять тамъ снова оборонительный бой. Узнавъ, что 60.000 австрійцевъ идутъ вдоль берега Эльбы, чтобы ударить во флангъ французской арміи, ко-

Сынъ Наполеона, король Римскій.
(Съ картины сэра Томаса Лауренса).

торая вздумала бы двинуться на Блюхера, онъ послалъ молодую гвардію въ Бауценъ на подкрѣпленіе Макдональду. 16-го сентября императоръ произвелъ рекогносцировку, 17-го происходили небольшія стычки, повторившіяся также и на слѣдующій день. Все это убѣдило Наполеона въ намѣреніи князя Шварценберга дѣйствовать оборонительно, а потому онъ вернулся въ Дрезденъ, рѣ-

шившись дозволить союзникамъ слѣдовать системѣ „движенія взадъ и впередъ“, какъ онъ называлъ ихъ маневры, до тѣхъ поръ, пока не представится подходящій случай разгромить ихъ подавляющимъ ударомъ. Тѣмъ временемъ Блюхеръ началъ опять угрожать Макдональду, занимавшему сильную позицію на Фишбахскихъ высотахъ, имѣя справа корпусъ Лористона. Мортье занималъ опять Пирну, а Викторъ, Сенъ-Сиръ и Лобау наблюдали за горными проходами изъ Богеміи.

Фактически общее положеніе было совершенно такое же, какъ мѣсяцъ тому назадъ, передъ сраженіемъ подъ Дрезденомъ. Князь Шварценбергъ могъ утѣшать себя мыслью, что предотвратилъ вторженіе французскихъ войскъ въ Австрію, а Наполеонъ сознаніемъ, что все еще занимаетъ прежнюю сильную оборонительную позицію. Побѣда, одержанная подъ Дрезденомъ, хотя и не привела ни къ какимъ результатамъ, но выгоды положенія оказывались несомнѣнно все-таки же на сторонѣ французскаго императора. Тѣмъ временемъ Ней, выполняя данное ему предписаніе, перешелъ еще 5-го сентября въ наступленіе. Армія Бернадотта занимала позицію подъ Ютербогомъ, правое же ея крыло, подъ начальствомъ Тауенцина, протянулось на западъ оттуда, къ Денневицу. Маршалу Бертрану поручено было произвести 6-го числа демонстрацію противъ этого крыла, для того чтобы остальная армія успѣла тѣмъ временемъ пройти мимо непріятеля, не обративъ на себя его вниманія. Ней выступилъ, однако, тремя часами позже, чѣмъ слѣдовало, а потому стычка между Тауенциномъ и Бертраномъ затянулась такъ долго, что встревожила Бюлова. Явившись на выстрѣлы со всѣмъ своимъ корпусомъ, онъ завязалъ съ французами серьезный бой, въ которомъ сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ пруссаковъ. Затѣмъ, однако, Ней началъ постепенно вводить въ дѣло корпусъ Удино, находившійся до тѣхъ поръ въ резервѣ, и побѣда стала склоняться на сторону французовъ. Борстелю, сражавшемуся при Гросбееренѣ подъ начальствомъ Бюлова, удалось, однако, въ рѣшительный моментъ, вопреки приказаніямъ Бернадотта, привести свои войска на помощь Бюлову и Тауенцину и ударить съ ними на саксонцевъ, которые до тѣхъ поръ храбро сражались подъ французскими знаменами. Они не выдержали этого натиска и, отхлынувъ назадъ, увлекли за собою значительную часть корпуса Удино. Пруссаки устремились въ интервалъ, оставленный саксонцами, а затѣмъ когда подошелъ Бернадоттъ съ шведами и русскими, дальнѣйшее сопротивленіе оказалось для французовъ невозможнымъ. Ней былъ отброшенъ въ Торгау съ потерей 15.000 человѣкъ, 80 пушекъ и 400 обозныхъ повозокъ. Уронъ пруссаковъ простирался до 9.000 убитыми и ранеными.

Битва подъ Денневицемъ сосредоточила въ одно цѣлое результаты впечатлѣній, вызванныхъ предшествовавшими частными неудачами. Въ общей сложности получилось до чрезвычайности невыгодное для французовъ нравственное впечатлѣніе, передъ которымъ совершенно стушевывалась побѣда, одержанная ими подъ

Дрезденомъ. Французы все еще великолѣпно сражались въ присутствіи Наполеона, но, безъ него, блестящія ихъ боевыя качества оказывались словно парализованными. Очевидно, что война успѣла уже имъ надоѣсть. Напротивъ того, пруссаки, видя, что имъ удается, и притомъ въ большинствѣ случаевъ собственными силами, бить знаменитѣйшихъ французскихъ маршаловъ одного за другимъ, пришли въ величайшее воодушевленіе. Не только запасные, но даже ополченцы начали сражаться съ геройствомъ старыхъ солдатъ. 7-го сентября Ней посовѣтовалъ Наполеону отступить за рѣку Заалу, и всѣ прочіе маршалы высказались въ пользу такого отступленія. Партизанскіе отряды, наводнявшіе страну въ тылу французской арміи, захватывали обозы съ продовольственными запасами. Даву находилъ своихъ голландцевъ и фламандцевъ плохими солдатами, которыхъ трудно было въ рѣшительный моментъ побудить къ энергическому наступленію. Въ великой арміи оставалось подъ ружьемъ всего лишь около 250.000 человѣкъ. Мародерство все болѣе усиливалось, и окрестности стоянокъ французскихъ войскъ были положительно опустошены. Германскіе крестьяне и горожане, побуждаемые чувствомъ патріотизма, съ замѣчательнымъ равнодушіемъ относились къ сожженію своихъ жилищъ и раззоренію всего хозяйства. Система передвиженій впередъ и назадъ, повидимому, ихъ очень интересовала, а самому Наполеону они дали прозвище „Бауценскаго парня“. При такихъ обстоятельствахъ въ французскомъ лагерѣ стало обнаруживаться подавленное настроеніе, тогда какъ у союзниковъ робость постепенно смѣнялась мужествомъ, а взаимныя пререканія—единодушіемъ. Эти постепенныя преобразованія, повидимому, повлекли за собой еще большую путаницу въ безъ того уже сложномъ сплетеніи политическихъ и стратегическихъ соображеній, такъ много вредившемъ успѣху геніальныхъ военныхъ плановъ великаго полководца. Съ формальной стороны нѣтъ основанія порицать быстрыя перемѣны въ предположенныхъ Наполеономъ операціяхъ, такъ какъ эти перемѣны вызывались всегда тѣмъ или иными случайностями. Точно также подробности движеній, которыя привели главныя его силы къ продолжительному бездѣйствію, сами по себѣ въ отдѣльности представляются безукоризненными. Между тѣмъ все это въ совокупности имѣло поистинѣ гибельные результаты. Искусный докторъ воздерживается непосредственно лечить заболѣвшій органъ до тѣхъ поръ, пока не поправитъ общаго здоровья своего паціента настолько, чтобъ можно было съ увѣренностью разсчитывать на успѣхъ, тогда какъ плохой врачъ торопится въ такихъ случаяхъ приступить немедленно къ леченію. Наполеонъ выработалъ дѣйствительно грандіозный планъ сосредоточенія своихъ войскъ въ окрестностяхъ Дрездена, гдѣ они могли отдохнуть и приготовиться къ рѣшительному удару на врага, который осмѣлился бы сдѣлать попытку прорыва сквозь линію Эльбы. Между тѣмъ, узнавъ о приготовленіяхъ Блюхера къ наступленію, онъ приказалъ Макдональду, быстро двинуться ему навстрѣчу. Опрокинувъ передовыя войска Блюхера по направленію къ Ферстгену, Наполеонъ

потратилъ цѣлый день въ колебаніяхъ: преслѣдовать-ли отступавшаго Блюхера, или же поворотить къ западу и разсѣять другой сильный отрядъ вездѣсущихъ противниковъ, которые, по донесеніямъ Нея, перекинули уже мостъ черезъ Эльбу при впаденіи въ эту рѣку Чернаго Эльстера. 23-го сентября французскій императоръ вернулся, не сдѣлавъ ни того ни другого, на лѣвый берегъ Эльбы, чтобы дать роздыхъ своимъ войскамъ. Наполеонъ называлъ истинно-великимъ такого лишь человѣка, который можетъ властвовать надъ создаваемыми имъ положеніями. Если признать это опредѣленіе правильнымъ, то самъ Наполеонъ въ данный моментъ не оказывался болѣе великимъ. У союзниковъ имѣлись теперь мосты черезъ Эльбу не только близъ устья Эльстера, но также близъ Акена и Росслау. Линія Эльбы постепенно утрачивала важное оборонительное свое значеніе. Французамъ становилось все труднѣе держаться не только на правомъ, но также и на лѣвомъ берегу этой рѣки. Оказывалось положительно необходимымъ сосредоточить разбросанныя французскія войска на болѣе западной оборонительной линіи, тянувшейся къ сѣверу отъ Лейпцига. Удино, находившійся одно время въ опалѣ, получилъ начальство надъ двумя дивизіями молодой гвардіи, съ порученіемъ прикрывать въ тылу арміи Дрезденъ. 1-го октября выяснилось, что Шварценбергъ маневрируетъ на лѣвомъ флангѣ, стараясь обойти Великую армію съ юга, а Блюхеръ, съ такой же цѣлью направляется къ сѣверу. Было очевидно, что союзники приняли важное рѣшеніе. Самъ Наполеонъ въ бесѣдѣ съ Мармономъ сознавался, что его шахматная партія становится очень запутанной.

Дѣйствительно, дипломатія императора оставила далеко за собою стратегическія средства великаго полководца. Наполеонъ распространялъ всюду черезъ своихъ агентовъ вѣсти о томъ, что во французскихъ военныхъ депо будетъ собрано къ 27-му октября 120.000 новыхъ конскриптовъ въ счетъ призыва 1815 года и 120.000 конскриптовъ семи предшествовавшихъ призывовъ, находившихся на льготѣ. Подобные же подростки одержали побѣду подъ Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ, а 120.000 взрослыхъ новобранцевъ обѣщали оказаться въ большинствѣ случаевъ совершенно годными солдатами. Протрубивъ заранѣе о предстоявшемъ увеличеніи боевыхъ своихъ силъ, Наполеонъ послалъ генералу Бубнѣ письмо для передачи императору Францу. Оно оказалось, однако, слишкомъ уже запоздалымъ. Между тремя державами былъ уже заключенъ 9-го сентября оборонительный и наступательный союзъ для освобожденія государей Рейнскаго союза отъ французскаго ига и для возвращенія Пруссіи и Австріи границъ, которыя онѣ имѣли въ 1805 году. Этотъ договоръ побудилъ Баварію отречься отъ союза съ Франціей и заставилъ германскія войска, сражавшіяся еще подъ французскими знаменами, съ нетерпѣніемъ ждать случая, когда можно будетъ, наконецъ, отказаться отъ ненавистной службы Наполеону. Такія чувства одушевляли между прочимъ и саксонцевъ. Они же объясняли заявленіе, полученное французскимъ императоромъ во время Дрезденскаго сраженія отъ

короля баварскаго. Король этотъ 8-го октября формально присоединился къ коаліціи съ тридцатишеститысячной арміей, выговоривъ себѣ за то признаніе полной независимости Баваріи. Въ виду такого положенія дѣлъ, парламентеръ, посланный Наполеономъ, долженъ былъ вернуться обратно съ письмомъ своего императора. Оно не было принято генераломъ Бубною. Тѣмъ временемъ Блюхеръ, совершивъ великолѣпное стратегическое движеніе, оттѣснилъ Бертрана къ Биттерфельду и стоялъ уже къ западу отъ Эльбы передъ Кембергомъ съ 64.000 человѣкъ. Бернадоттъ съ 80.000 арміей переправлялся въ Акенѣ и Росслау черезъ эту рѣку, а князь Шварценбергъ съ 170.000 арміей шелъ уже съ юга на Лейпцигъ, тогда какъ Беннигсенъ съ 50.000 резервныхъ войскъ находился въ Теплицѣ. Союзники очевидно сосредоточились къ Лейпцигу, съ намѣреніемъ отрѣзать Наполеону путь отступленія, если онъ не поторопится уйти. 5-го октября онъ дѣйствительно принялъ рѣшеніе отступить. Мюрату было поручено съ тремя пѣхотными корпусами и однимъ кавалерійскимъ, удерживать армію Шварценберга до тѣхъ поръ, пока не закончатся всѣ подготовительные маневры, необходимые для отступленія.

Гибель Великой арміи.

Какимъ образомъ надлежало, однако, обставить это отступленіе? Въ обстоятельныхъ замѣткахъ Наполеона (сохранившаго до конца жизни привычку излагать, для большей ясности, свои мысли письменно) указываются двѣ альтернативы. Оставивъ два корпуса въ Дрезденѣ, можно было выслать три другихъ на развѣдки къ Хемницу, а затѣмъ, съ пятью другими корпусами и гвардіей, ударить на Шварценберга. Ничто не препятствовало также усиливъ войска Мюрата, заслонить ими Лейпцигъ отъ Шварценберга, чтобъ съ главными силами прогнать Блюхера и Бернадотта за Эльбу. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, рѣка эта, обладающая пологими низменными берегами, должна была зимою замерзнуть и утратить всякое оборонительное значеніе. Оба эти проекта были, при такихъ обстоятельствахъ, отвергнуты и взамѣнъ того, 7-го октября отдано приказаніе отступать за рѣку Заалу, обрывистые берега которой представляли собою нѣчто вродѣ естественной крѣпостной ограды. Самъ Наполеонъ въ своихъ замѣткахъ заявлялъ о необходимости очистить Дрезденъ. Союзники утратятъ тогда возможность прятаться за Богемскими и Саксонскими горами, но зато будутъ хозяйничать по всей Саксоніи, если онъ не остановится за Мульдой, чтобъ нанести ударъ сѣверной и силезской арміямъ или же не примкнетъ къ Мюрату, чтобъ разгромить армію Шварценберга. Положимъ, можно было еще сосредоточить всю Великую армію подъ Лейпцигомъ и принять тамъ бой со всѣми союзными арміями, имѣвшими теперь на своей сторонѣ значительный перевѣсъ въ численности. Ночь на 7-е октября прошла въ колебаніяхъ относительно выбора одной изъ упомянутыхъ трехъ комбинацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако,

шли дѣятельныя приготовленія къ отступленію. У Наполеона было все, какъ говорится, на чеку, чтобы выполнить такое рѣшеніе, которое окажется наиболѣе сообразнымъ съ обстоятельствами. Ночью императоръ два раза принималъ теплыя ванны. Привычка пить крѣпкій кофе, чтобы разгонять сонъ, вызывала у него нервные припадки, которые еще болѣе обострились подъ бременемъ тяжкихъ заботъ, лежавшихъ теперь на императорѣ. Много было писано о таинственной болѣзни, которая будто бы все болѣе усиливалась у Наполеона, но показанія всѣхъ его приближенныхъ въ этотъ періодъ времени свидѣтельствуютъ, что въ продолженіи всей второй саксонской кампаніи онъ, вообще говоря, пользовался прекраснымъ здоровьемъ. Разумѣется, у него бывали періоды нервной усталости и апатіи, чрезмѣрнаго возбужденія и соотвѣтственной реакціи, выражавшейся въ болѣзненномъ недовѣріи къ самому себѣ. Все это можетъ быть объяснено, предположивъ существованіе особой патологической причины. Какъ бы ни было, послѣдующія катастрофы въ достаточной степени объясняются и безъ такой гипотезы воздѣйствіемъ многоразличныхъ естественныхъ причинъ, хотя и сложныхъ, но все-таки доступныхъ истолкованію.

Личная дружба уже и въ молодости не разъ заставляла Наполеона принимать неблагоразумныя рѣшенія. Есть основаніе заключить, что и подъ Лейпцигомъ она навлекла на него катастрофу. Чувство нѣжной привязанности, которую саксонскій король питалъ къ очаровательной своей столицѣ, побудило Наполеона въ послѣднюю минуту, а именно, 8 октября отказаться отъ своихъ зрѣло-обдуманныхъ плановъ и принять самое пагубное рѣшеніе, какое вообще было возможно при существовавшихъ условіяхъ, а именно: оставить Сенъ-Сира и Лобау съ тремя корпусами въ Дрезденѣ. Зная неизбѣжность рѣшительнаго сраженія, Наполеонъ добровольно лишилъ себя поддержки этихъ трехъ корпусовъ. Впрочемъ, помимо этого обстоятельства, великій полководецъ сдѣлалъ еще и другую ошибку. Ожидаемое сраженіе произошло совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Его главная квартира находилась 10-го октября въ Дюбенѣ, а его корпуса шли вдоль лѣваго берега Эльбы въ полной готовности сразиться съ арміями Бернадотта и Блюхера, но никакого непріятеля передъ ними не оказалось. Командиры силезской и бранденбургской армій были смущены и встревожены неожиданной быстротою движеній Наполеона. Бернадоттъ серьезно помышлялъ о переправѣ обратно за Эльбу, дабы избѣжать генеральнаго сраженія съ французами, которыхъ онъ уже считалъ будущими своими подданными. Восторженный старый пруссакъ пристыдилъ, однако, своего союзника, убѣдивъ его двинуться, по крайней мѣрѣ, на югъ отъ Акена, соединиться съ силезскою арміей и стать на сообщеніяхъ Наполеона. Быть можетъ, что, продолжая обходное свое движеніе, удастся соединиться съ княземъ Шварценбергомъ, но если бы даже это оказалось невыполнимымъ, то взаимное положеніе французовъ и союзниковъ станетъ совершенно такимъ же, какимъ оно было въ Силезіи и сведется къ извѣданной уже си-

стемѣ движеній взадъ и впередъ. Наполеонъ провелъ въ Дюбенѣ чрезвычайно скучно цѣлый день, зѣвая и черкая перомъ по бумагѣ, но имѣя возлѣ себя въ готовности секретаря и географа. Когда стали доходить вѣсти о движеніи Бернадотта, онѣ пока-

Іосифъ-Антонъ, князь Понятовскій.

зались императору до такой степени странными, что онъ отнесся къ нимъ съ недовѣріемъ. Наконецъ, 12-го числа выяснилось, что Блюхеръ идетъ на Галле. Императоръ немедленно же приказалъ тогда своимъ войскамъ двинуться къ Лейпцигу. Нѣкоторые военные критики-спеціалисты утверждаютъ, будто на этотъ разъ Наполеона погубило промедленіе. На самомъ дѣлѣ обвиненія

ихъ совершенно неосновательны. Перейдя за Эльбу и двинувшись къ Берлину розыскивать тамъ непріятеля, Наполеонъ далъ бы этимъ только возможность Блюхеру и Бернадотту скорѣе соединиться другъ съ другомъ и войти въ связь съ арміей Шварценберга. Навряд-ли позволительно требовать всевѣдѣнія даже и отъ такого полководца, какъ Наполеонъ. За невозможностью получить достаточно точныя свѣдѣнія онъ могъ бы, разумѣется, принять соотвѣтственное рѣшеніе, если бы угадалъ намѣренія противниковъ. Впрочемъ, можно до нѣкоторой степени объяснить его мѣшкотность нежеланіемъ броситься очертя голову въ жерло воронки, по мѣткому замѣчанію Мармона. Утромъ 13-го числа, когда заканчивались послѣднія приготовленія къ движенію на Лейпцигъ, получено было извѣстіе объ измѣнѣ Баваріи. Оно распространилось по всей арміи съ быстротою пороховой вспышки, но произвело менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать и помогло Наполеону снабдить краснорѣчивою фразой начало бюллетеня отъ 15-го октября, объявлявшаго о предстоящемъ сраженіи.

За день передъ тѣмъ Мюратъ, постепенно отступавшій передъ южной арміей союзниковъ, былъ настигнутъ подъ Вахау авангардомъ князя Шварценберга. Неаполитанскій король сражался цѣлый день весьма успѣшно и съ самымъ блистательнымъ мужествомъ. Онъ нѣсколько разъ отбрасывалъ непріятельскую конницу и заставлялъ ее поспѣшно уходить подъ защиту главныхъ силъ. При грохотѣ его артиллеріи Наполеонъ производилъ рекогносцировку поля сраженія въ самомъ Лейпцигѣ и въ окрестностяхъ. Ночью онъ встрѣтился съ своимъ зятемъ. Императоръ казался совершенно спокойнымъ. Въ немъ какъ будто ожила прежняя энергія, и благодаря этому, онъ скорѣе союзниковъ сосредоточилъ свою армію. У него подъ ружьемъ имѣлось на полѣ битвы 170.000 человѣкъ, не считая Ренье съ 14.000 корпусомъ, находившагося по сосѣдству. Если бы Сенъ-Сиръ и Лобау съ 30.000 штыковъ, оставленныхъ безъ всякой надобности въ Дрезденѣ, присоединились къ главнымъ силамъ, численный перевѣсъ оказался бы на сторонѣ французовъ, такъ какъ союзники не могли никоимъ образомъ стянуть немедленно къ полю битвы болѣе 200.000 человѣкъ. Бернадоттъ все еще находился близъ Мерзебурга. Блюхеръ подходилъ уже со стороны Галле, но все еще былъ слишкомъ далеко для того, чтобы принять на другой день участіе въ боѣ. Несмотря на свои колебанія и промахъ, заключавшійся въ удерживаніи за собой Дрездена, у Наполеона имѣлись въ первый день боя шансы одержать побѣду. Городъ Лейпцигъ, опоясанный многочисленными селеніями, лежитъ въ низменной равнинѣ, орошаемой рѣками: Партой, Плейсой и Эльстеромъ. Эта послѣдняя раздѣляется къ западу на нѣсколько рукавовъ съ болотистыми берегами. Черезъ нихъ проходитъ по высокой насыпной плотинѣ большая дорога въ Франкфуртъ, для которой перекинутъ черезъ глубокое главное русло Эльстера единственный имѣющійся на этой рѣкѣ мостъ. На востокъ, въ направленіи къ Конневицу, мѣстность становится возвышеннѣе и волнообразнѣе, а къ

югу и юго-востоку кое-гдѣ пересѣкается даже холмами. На этой волнообразной мѣстности Наполеонъ и хотѣлъ дать рѣшительное сраженіе Шварценбергу. Корпусъ Мармона былъ выдвинутъ къ Мекерну, сѣвернѣе Лейпцига, для наблюденія за Блюхеромъ. Что касается до Бернадотта, то онъ съ своими шведами находился еще

Жеромъ Бонапартъ, король Вестфальскій.
(Съ картины Гро въ Версальскомъ музеѣ).

только въ Оппинѣ. Вечеромъ 15-го октября, закончивъ распоряженія къ завтрашнему бою, Наполеонъ объѣхалъ линію своихъ аванпостовъ. Въ сумерки три бѣлыя ракеты взвились съ южной стороны на небосклонѣ. Нѣсколько мгновеній спустя поднялись, въ отвѣтъ на нихъ, далеко къ сѣверу отъ Лейпцига четыре красныхъ ракеты. Безъ сомнѣнія, это были сигналы, которыми князь Шварценбергъ обмѣнивался съ Блюхеромъ. Бивачный костеръ пе-

редъ палаткой Наполеона былъ разложенъ между Рейдницомъ и Кротендорфомъ за фронтомъ расположенной тамъ старой гвардіи.

Сраженіе началось на слѣдующій день рано утромъ. Наполеонъ ждалъ до девяти часовъ утра, а затѣмъ двинулся во главѣ своей гвардіи къ Либертволквицу, близъ Вахау, на правомъ берегу Плейсы, гдѣ несомнѣнно долженъ былъ произойти рѣшительный бой, такъ какъ густыя массы союзниковъ подъ начальствомъ Барклая и Витгенштейна аттаковали этотъ пунктъ четырьмя колоннами. Между Плейсой и Эльстеромъ, близъ Конневица, стоялъ Понятовскій противъ Шварценберга и Меерфельдта. Къ западу отъ Эльстера, близъ Линденау, расположенъ былъ корпусъ Бертрана, прикрывавшій единственную линію отступленія по франкфуртской большой дорогѣ. Противъ него находились австрійскія войска Гіулая. Такимъ образомъ поле битвы раздѣлялось какъ бы на четыре различныхъ участка. Бой начался аттакою союзниковъ по всему фронту. На главномъ пунктѣ она была упорной и кровопролитной, такъ какъ союзныя войска хотя и не выказали особеннаго искусства, но зато обнаружили блестящую храбрость. Передъ полуднемъ перевѣсъ склонялся, однако, скорѣе на сторону Наполеона. Викторъ подъ Вахау и Лористонъ въ Либертволквицѣ успѣшно отразили каждый по шести отчаянныхъ нападеній. Въ промежуткѣ между этими пунктами собрана была грозная баттарея въ 150 орудій, а позади стоялъ сильный кавалерійскій резервъ въ готовности прорваться въ Гюльденгоссѣ сквозь центръ непріятельской боевой линіи, чтобы затѣмъ сломить правое ея крыло. Шварценбергъ, пытаясь охватить французовъ съ фланга, безцѣльно бродилъ съ своими войсками по болотистымъ лугамъ между Плейсой и Эльстеромъ, такъ что не могъ принять серьезнаго участія въ битвѣ. Въ полдень у французовъ было все подготовлено къ рѣшительному удару. Когда отдано было приказаніе прорвать непріятельскій центръ, французская артиллерія открыла такой стремительный огонь, что послѣдовательные ея залпы слились въ одинъ протяжный вой. Въ два часа пополудни Викторъ и Удино справа, а Мортье и Макдональдъ слѣва подходили уже къ Гюльденгоссѣ, но союзники держались еще въ этомъ селеніи. Въ три часа устремилась прямо на него кавалерія подъ начальствомъ Мюрата, Латуръ-Мобура и Келлермана. Сдѣлавъ отчаянное усиліе, она прорвала непріятельскую боевую линію, и въ Лейпцигѣ зазвонили уже въ колокола, преждевременно торжествуя побѣду. Русскій государь вытребовалъ отъ Шварценберга войска, составлявшія резервъ, и, въ четыре часа, они, съ гвардейскими казаками, аттаковали французскую конницу и откинули ее назадъ. Къ наступленію ночи Викторъ вернулся въ Вахау, а Макдональдъ—въ Либертволквицъ. Одновременно съ главною аттакой союзниковъ Меерфельдъ устремился изъ Конневица къ Делицу, но его дивизія была приэтомъ почти уничтожена, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ. Въ Мекернѣ Мармонъ, послѣ мужественнаго сопротивленія непріятелю, превосходившему его численностью, понесъ большой уронъ на лѣвомъ крылѣ и оказался вынужденнымъ отодвинуть назадъ правое крыло. Онъ все еще удер-

живалъ за собою Голичъ и Эйтричъ, но главныя силы его арміи были, однако, отброшены въ Лейпцигъ. Къ наступленію ночи три холостыхъ выстрѣла послужили сигналомъ пріостановить бой по всей линіи.

Несмотря на значительный перевѣсъ въ численности у союзниковъ, французы не утратили въ первый день боя ни одной важной позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ единственно лишь у нихъ и было обнаружено умѣнье управлять боемъ. Только армія Блюхера одержала нѣкоторый успѣхъ, отбивъ у Виктора Мекернъ, который былъ занятъ корпусомъ Іорка. Наполеонъ сознавалъ, однако, себя погибшимъ, если ему не удастся отступить. Очевидно онъ разсчитывалъ въ первый же день одержать рѣшительную побѣду, такъ какъ въ Лейпцигѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ отступленію. Единственной переправой черезъ Эльстеръ являлся мостъ на большой франкфуртской дорогѣ. На слѣдующій день, 17-го октября, наступило воскресенье. Обѣ стороны были утомлены боемъ, и французскій императоръ считалъ необходимымъ постараться о томъ, чтобъ выиграть время. Ночью происходили долгія совѣщанія, и французскіе корпуса, расположенные на южномъ фронтѣ, были слегка усилены подкрѣпленіями изъ резерва. Утромъ, плѣнный австрійскій генералъ, Меерфельдъ, былъ отправленъ къ союзнымъ войскамъ съ предложеніемъ заключить перемиріе и съ изъявленіемъ согласія Наполеона на объявленныя въ Прагѣ условія австрійскаго посредничества. Наполеонъ, отказываясь отъ Иллиріи и Польши, соглашался признать полную независимость Голландіи, Ганзейскихъ городовъ, Испаніи и объединенной Италіи. Припоминая, что державы, учавствовавшія въ коалиціи, получали денежныя субсидіи отъ Англіи, стремившейся подчинить Голландію своему вліянію, и что Австрія хотѣла заручиться преобладаніемъ въ Италіи, надо предположить, что Наполеонъ только хотѣлъ выиграть время и не разсчитывалъ серьезно повліять на своего тестя. День прошелъ безъ особо важныхъ инцидентовъ, кромѣ непродолжительной попытки Мармона отбить у пруссаковъ Мокернъ нечаяннымъ нападеніемъ и прибытія къ союзникамъ арміи Бернадотта. Намекъ Гнейзенау на условія, при которыхъ Великобританія согласилась выплачивать свои субсидіи, заставилъ шведскаго наслѣднаго принца явиться на поле сраженія. Утверждали, будто Наполеонъ отдалъ еще съ утра приказанія построить нѣсколько мостовъ черезъ западные рукава Эльстера. Если эти приказанія были дѣйствительно отданы, то они остались невыполненными. Французы построили всего только одинъ плохенькій мостъ на дорогѣ, ведущей изъ города, а не на путяхъ отступленія къ Западу съ позицій, занятыхъ французскими войсками въ предмѣстьяхъ. Подчиненнымъ Наполеона слѣдовало, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, распорядиться даже и безъ его приказаній, но, подобно машинистамъ поѣзда, который мчится съ быстротою молніи къ неизбѣжной катастрофѣ, маршалы утратили всякое присутствіе духа. Мармонъ утверждаетъ, будто и самъ Наполеонъ находился въ состояніи какой-то апатіи. Быть можетъ, что онъ, несмотря на всю

неправдоподобность успѣха переговоровъ съ своимъ тестемъ, все еще сохранялъ нѣкоторую надежду; вѣроятнѣе же всего, что его ошеломило бѣдствіе, обрушившееся на Великую армію. Никакого отвѣта отъ императора Франца не было получено. Союзники условились не отвѣчать на предложенія Наполеона и не прекращать военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока на правомъ берегу Рейна останется хоть одинъ французскій солдатъ. Въ полночь Наполеонъ убралъ передовые свои отряды на главную позицію и принялъ необходимыя мѣры къ тому, чтобъ его армія была на другой день въ готовности принять бой, или же отступить, смотря по обстоятельствамъ.

На зарѣ 18-го октября французская армія занимала уже новую позицію. Правое ея крыло подъ начальствомъ Мюрата стояло между Конневицемъ и Делицемъ. Центръ, выдвинутый впередъ, находился въ Пробстгейдѣ. Лѣвое крыло, подъ командою Нея, стояло фронтомъ къ сѣверу между Поунсдорфомъ и Голисомъ. Внутри этой дуги, около самаго Лейпцига, была расположена вся остальная, испытанная въ бояхъ, французская армія подъ начальствомъ знаменитыхъ своихъ вождей: Понятовскаго, Ожеро, Виктора, Друо, Келлермана, Удино, Латуръ-Мобура, Макдональда, Мармона, Ренье и Сугама. Наполеонъ, съ старою гвардіей, составлявшей резервъ, стоялъ въ Тонбергѣ на небольшомъ холмѣ. Онъ заботился главнымъ образомъ о сохраненіи за Великой арміей ея пути отступленія, который оставался еще открытымъ въ семь часовъ утра, когда начался бой. Князь Шварценбергъ съ лѣвымъ крыломъ не могъ проникнуть далѣе Конневица. Беннигсенъ съ правымъ крыломъ энергически наступалъ, разсчитывая войти въ связь съ Бернадоттомъ и совершенно окружить французскую армію. Это не удалось, но Мармонъ вынужденъ былъ податься назадъ передъ Блюхеромъ, а Ней отступить передъ Бернадоттомъ и Беннигсеномъ, обошедшими его съ обоихъ фланговъ. Такимъ образомъ къ ночи обѣ французскія арміи соединились на западныхъ окраинахъ Лейпцига, гдѣ Бертранъ разбилъ Гіулая и такимъ образомъ сохранилъ для арміи путь отступленія, по которому уже съ полудня тянулись ея обозы. Несмотря на грандіозность мужества, съ которымъ велся съ обѣихъ сторонъ бой на флангахъ Великой арміи, оно было превзойдено блестящими воинскими подвигами, совершенными въ центрѣ. Тамъ, въ теченіе цѣлаго дня, на глазахъ Наполеона, производились бѣшенныя аттаки, встрѣчавшія столь же отчаянный отпоръ. Цѣлые ряды падали, словно трава подъ косою, и смѣнялись новыми рядами, надвигавшимися сзади. Съ особенно безпримѣрнымъ ожесточеніемъ кипѣлъ бой близъ Пробстгейды, гдѣ стоялъ корпусъ Виктора. Союзныя войска разъ за разомъ бросались на эту позицію въ штыки. Едва успѣвали французы отбить аттаку одной колонны, какъ мѣсто ея заступала уже другая. Французская артиллерія встрѣчала аттакующихъ такимъ градомъ картечи и гранатъ, что, по словамъ очевидцевъ, обрывки человѣческихъ тѣлъ носились въ воздухѣ. Десять разъ русскіе и пруссаки ходили въ штыки и десять разъ ихъ опрокидывали назадъ. То

же самое почти происходило и въ Штеттерицѣ, гдѣ подъ конецъ, однако, утратился всякій порядокъ. Завязался рукопашный бой, въ которомъ ни та, ни другая сторона не уступала. Исходъ боя въ этомъ пунктѣ долго оставался нерѣшеннымъ, но подъ конецъ союзники подались назадъ. Къ сумеркамъ пушки до того разгорячились, что изъ нихъ почти нельзя уже было стрѣлять. Что касается до ружей, то они раскалились еще сильнѣй. Остававшіеся съ обѣихъ сторонъ въ строю, изнемогая отъ усталости, уснули тамъ, гдѣ стояли. Всѣ ники спали на коняхъ, артиллерійскія лошади—въ упряжкѣ. Наполеонъ узналъ тогда, что 35.000 саксонцевъ, стоявшихъ на лѣвомъ его крылѣ, передались непріятелю. Кто-то изъ приближенныхъ императора пододвинулъ деревянный стулъ, на который онъ тяжело опустился и тотчасъ же впалъ словно въ оцѣпенѣніе. Съ полчаса просидѣлъ онъ на стулѣ въ безсознательномъ состояніи напоминавшемъ по внѣшности глубокій сонъ. Мракъ кругомъ все болѣе сгущался. Французскіе маршалы и старшіе генералы, столпившись вокругъ сосѣднихъ бивачныхъ костровъ, угрюмо ожидали пробужденія императора. На небѣ, усѣянномъ звѣздами, начала подыматься луна. Наполеонъ, очнувшись, отдалъ послѣднія приказанія къ отступленію, всѣ приготовленія къ которому были, какъ онъ полагалъ, сдѣланы за день передъ тѣмъ. Исполнивъ такимъ образомъ долгъ полководца, императоръ, душевное состояніе котораго легче вообразить, чѣмъ описать, уѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ ему приготовлено было помѣщеніе въ гостинницѣ подъ вывѣской „Прусскаго Герба“.

Цѣлую ночь французскія войска безостановочно переправлялись черезъ Эльстеръ по каменному мосту, но, уже съ ранняго утра, союзники начали напирать на аррьергардъ Наполеона, вслѣдствіе чего все большее количество войскъ спѣшило къ этому мосту, являвшемуся единственнымъ путемъ отступленія. Наполеонъ все утро безцѣльно бродилъ по Лейпцигу, отдавая приказанія, имѣвшія цѣлью по возможности сохранить спокойствіе и порядокъ въ рядахъ отступавшей арміи. Видъ у него былъ, однако, такой растерянный и одежда въ такомъ безпорядкѣ, что французскіе солдаты и офицеры зачастую его не узнавали и, вмѣсто того, чтобъ повиноваться, отвѣчали ему дерзостями. Нѣжно простившись съ саксонскимъ королемъ, императоръ посовѣтовалъ злополучному своему союзнику выговорить у коалиціи условія, по возможности выгодныя для Саксоніи, а затѣмъ, примкнувъ къ отступавшимъ войскамъ, прошелъ вмѣстѣ съ ними къ Линденау и остановился на берегу рѣки Эльстера. Одинъ изъ французскихъ генераловъ, увидѣвъ человѣка, который совершенно безучастно смотрѣлъ на проходившія мимо войска, потихоньку насвистывая пѣсенку: „Мальбругъ идетъ на войну...“ обратился къ нему съ разспросами. Въ первую минуту онъ не узналъ императора въ плохо одѣтомъ человѣкѣ, который стоялъ совершенно одинъ, безъ свиты. Въ слѣдующее затѣмъ мгновенье генералъ, замѣтивъ свой промахъ, страшно растерялся, но императоръ, повидимому, даже не слышалъ его разспросовъ. Очевидцамъ казалось, будто его сердце

окаменѣло. Отступленіе шло своимъ чередомъ и, вообще говоря, весьма успѣшно, когда, въ два часа послѣ полудня, произошла катастрофа, причины которой до сихъ поръ еще остались не вполнѣ разъясненными. Полагаютъ, что все сводится къ ошибкѣ французскаго унтеръ-офицера, которому было поручено взорвать каменный мостъ черезъ Эльстеръ, послѣ того, какъ переправятся всѣ французскія войска. Видя, что по сосѣдству съ мостомъ никого болѣе нѣтъ, онъ вообразилъ, будто вся армія переправилась уже черезъ рѣку и поджегъ заранѣе приготовленную подъ мостомъ мину. Мостъ этотъ взлетѣлъ на воздухъ, а имѣвшійся по сосѣдству другой временной мостъ обрушился еще ранѣе. Взрывъ моста послужилъ какъ бы сигналомъ для рѣшительной аттаки союзниковъ на Лейпцигъ. Французскій арьергардъ, продолжая упорно сопротивляться, быстро отходилъ къ мосту, разсчитывая черезъ него перейти на другой берегъ, но отступленіе оказалось уже отрѣзаннымъ, такъ какъ мостъ былъ разрушенъ. Многіе бросились въ глубокую рѣку, пытаясь переправиться черезъ нее вплавь. Нѣкоторые, въ томъ числѣ князь Понятовскій, утонули, другіе же, какъ, напримѣръ, раненый маршалъ Макдональдъ, благополучно переплыли черезъ рѣку. Произошла ужасающая сцена. По словамъ очевидцевъ, кровь стыла отъ ужаса при видѣ безпорядочной массы лошадей, всадниковъ и пѣхотинцевъ, которую уносили мрачныя волны Эльстера, въ то время, какъ на нее бросались въ отчаяніи съ берега, другія, словно обезумѣвшія съ отчаянія, такія же массы. Рене и Лористонъ съ 20.000 человѣкъ вынуждены были положить оружіе. Саксонскаго короля отправили плѣнникомъ въ Берлинъ, а Штейнъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ монарховъ, принялъ на себя управленіе его государствомъ. Въ десять часовъ вечера, Бертранъ занялъ съ своимъ корпусомъ Вейсенфельсъ, а Удино, шедшій въ арьергардѣ, остановился подъ Линденау и далъ энергическій отпоръ союзнымъ войскамъ, которыя неосторожно увлеклись преслѣдованіемъ.

На слѣдующее утро, а именно 20-го октября, Наполеонъ чувствовалъ себя опять бодрымъ и дѣятельнымъ. У него подъ знаменами оставалось еще до 120.000 человѣкъ. Столько же и притомъ лучшихъ его ветерановъ занимали гарнизоны въ крѣпостяхъ на Эльбѣ, Одерѣ и Вислѣ. Крѣпости эти, обложенныя мѣстнымъ ополченіемъ, безъ сомнѣнія не могли долго держаться и дѣйствительно начали вскорѣ сдаваться одна за другой. Что касается до арміи, отступавшей изъ подъ Лейпцига, то она страшно страдала отъ голода и усталости. Тѣмъ не менѣе императоръ нисколько этимъ, повидимому, не смущался. „Онъ держалъ себя совершенно такъ же при отступленіи изъ Россіи!“ угрюмо говорили солдаты, участвовавшіе въ кампаніи двѣнадцатаго года. Въ арміи появилась эпидемія голоднаго тифа, распространявшаяся съ ужасающей быстротой. Партизаны наводняли всю окрестную страну. Колонны союзниковъ шли не только въ тылу французской арміи, но и параллельно съ ней, вдоль обоихъ ея фланговъ, а между тѣмъ навстрѣчу ей двигалась изъ Аншпаха свѣжая пятидесятишеститысячная баварская армія, подъ начальствомъ

генерала Вреде. Въ Эрфуртѣ отдѣлились отъ арміи Наполеона всѣ остававшіеся еще въ ней до тѣхъ поръ саксонцы и баварцы. Отступленіе изъ Германіи сопряжено было несомнѣнно съ серьезной опасностью, но французская армія проявила во время этого отступленія самое блестящее мужество, а Наполеонъ выказалъ безпримѣрное искусство и величайшее присутствіе духа. Подъ Козеномъ и Эйзенахомъ онъ, своими маневрами, привелъ союзниковъ въ недоумѣніе, а подъ Ганау, 29-го октября, уничтожилъ баварскую армію въ генеральномъ сраженіи, причемъ выказалъ такое личное мужество и непоколебимое спокойствіе, съ которыми можетъ сравниться лишь образъ дѣйствій его подъ Краснымъ, въ предшествовавшемъ году. Тѣмъ не менѣе Великая армія, переправившись черезъ Рейнъ въ Майнцѣ, насчитывала подъ ружьемъ всего лишь 70.000 человѣкъ. Не только дома, но и улицы этого города были вскорѣ завалены жертвами тифозной эпидеміи. Больные умирали цѣлыми сотнями и трупы оставались по нѣсколько дней безъ погребенія. Прежде, чѣмъ удалось побороть эту страшную заразную болѣзнь, она вынесла нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ рядовъ единственной арміи, которою располагалъ въ данную минуту Наполеонъ.

Франкфуртскія предложенія.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ явилось, по своимъ послѣдствіямъ, однимъ изъ важнѣйшихъ во всеобщей исторіи, такъ какъ передало Пруссіи гегемонію въ континентальной Европѣ. Французская имперія въ предсмертной своей агоніи отмстила Габсбургскому дому за королевскую Францію. Положимъ, что Австрія не была оттѣснена въ низовья Дуная, но тѣмъ не менѣе Пруссія получила могущественный импульсъ, побудившій ее впослѣдствіи двинуться по пути дальнѣйшаго развитія военнаго могущества, для расширенія своей территоріи посредствомъ завоеваній. Казалось, будто Лейпцигское сраженіе являлось одновременно торжествомъ для трехъ династій. На самомъ дѣлѣ, однако, пробудившееся у германскихъ нѣмцевъ національное сознаніе выбрало себѣ тамъ династію, на которую имѣло намѣреніе опереться. Сраженіе это очень мѣтко названо нѣмецкими историками „Битвой народовъ“. Франціи суждено было сдѣлаться послѣ него опять игралищемъ устарѣвшей династической системы. Гражданскія и политическія права, которыя англійская народность пріобрѣла себѣ лишь путемъ тяжкихъ вѣковыхъ усилій, французскій народъ хотѣлъ захватить себѣ сразу. Правамъ этимъ суждено было выскользнуть у него изъ рукъ на цѣлыхъ шестьдесятъ еще лѣтъ. Лишь по прошествіи этого срока, живучій духъ французской демократіи нашелъ себѣ подходящее выраженіе въ характерныхъ для него, своеобразныхъ учрежденіяхъ. Монархамъ, одержавшимъ побѣду подъ Лейпцигомъ, казалось, что имъ удалось тамъ въ конецъ подавить революціонный либерализмъ. На самомъ дѣлѣ, однако, торжество либеральныхъ принциповъ было обезпечено, такъ какъ они не-

решли подъ естественную для нихъ охрану національныхъ организмовъ. Скопленіе племенъ и народностей, составлявшее французскую имперію, представлялось совершенно безформеннымъ. Рушившись подъ Лейпцигомъ, оно смѣнилось гораздо болѣе жизнеспособными національными организмами. 1813, 1848 и 1870 годъ отмѣчаютъ собою послѣдовательныя стадіи развитія конституціонной ихъ жизни.

Въ саксонскую кампанію обнаружилось завершеніе процесса, путемъ котораго великій полководецъ, безпрерывно стѣснявшій собственную свою свободу дѣйствій политическими опасеніями, сталъ, наконецъ, какъ въ военномъ, такъ и политическомъ отношеніи игрушкою обстоятельствъ. Планъ кампаніи двѣнадцатаго года былъ самъ по себѣ хорошо разсчитанъ, но его размѣры и цѣли напоминаютъ скорѣе древняго восточнаго завоевателя, чѣмъ трезваго европейскаго воина. Съ помощью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ задача, которую ставилъ себѣ Наполеонъ, быть можетъ, и оказалась бы выполнимой, но это, разумѣется, не должно считаться извиненіемъ преждевременной и неумѣстной попыткѣ честолюбиваго западнаго императора. Саксонскія кампаніи отличались, въ свою очередь, смѣлостью замысла и геніальнымъ искусствомъ стратегическихъ комбинацій, но и въ данномъ случаѣ размѣры плана грѣшили чудовищною грандіозностью. Пагубнѣе всего было то, что самое выполненіе оказывалось нерѣшительнымъ и перемежающимся. Организація боевой машины являлась, какъ и въ походѣ 1812 года, не вполнѣ соотвѣтствующей численности войскъ и протяженію театра войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненные Наполеона, хотя и повиновались императору, но сплошь и рядомъ, повидимому, оказывались продажными эгоистами, не питавшими искренней преданности къ французской имперіи и ея императору. Бонапартъ властвовалъ надъ сердцами и, прикрывая личные интересы маской служенія великимъ принципамъ, обезпечивалъ себѣ преданность подчиненныхъ грубоватымъ добродушіемъ, постоянной удачей и достаточными наградами. Императоръ Наполеонъ заглушилъ преданность своихъ приближенныхъ щедростью, превышавшею всякіе предѣлы, но сопряженною съ требованіями выполнять все болѣе грандіозные его планы. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ основы его величія начинали колебаться, у французскаго императора стали все въ большей степени проявляться гуманныя стремленія. Въ первые мѣсяцы 1813 года ему какъ-то довелось сказать: „Сердце у меня отъ природы, какъ и у всякаго другого, доступно состраданію и сочувствію, но я съ ранней молодости не допускалъ эту струну звучать, и теперь она окончательно уже смолкла“. Онъ ошибался. Бѣдствія войны именно въ этомъ году произвели на него самое тяжелое впечатлѣніе. Его кошелекъ былъ всегда открытъ для страждущихъ. Онъ самъ освободилъ саксонскаго короля отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Франціи. По наружности, сердце Наполеона какъ будто окаменѣло при отступленіи отъ Лейпцига, но, несмотря на то, онъ запретилъ своимъ войскамъ сжечь лейпцигскія предмѣстья, хотя это дозволило

бы задержать непріятельское преслѣдованіе. Передъ отъѣздомъ изъ Майнца въ Сенъ-Клу онъ выказалъ величайшую заботливость и самое искреннее состраданіе къ солдатамъ, во множествѣ умиравшимъ отъ тифа.

Непосредственнымъ результатомъ лейпцигскаго сраженія было

Наполеонъ въ 1813 году.
(Съ картины Панье).

могучее проявленіе духа національности, если не созданнаго, то во всякомъ случаѣ закаленнаго въ огнѣ блистательной карьеры Наполеона. Австрійская армія немедленно послѣ того оттѣснила вице-короля Евгенія за Адижъ, а затѣмъ въ Италіи тотчасъ же проявилась самая ожесточенная ненависть къ ея королю-императору. Соперничая съ населеніемъ средней Европы, итальянцы завели у себя опять въ государственно-политическомъ отношеніи ве-

личайшую неурядицу. Что касается до Рейнскаго союза, то онъ распался на составныя свои части; мекленбургскія герцогства стали опять независимыми, вестфальскій король Жеромъ бѣжалъ во Францію, Виртембергъ, Гессенъ-Дармштадтъ и Баденъ послѣдовали примѣру Баваріи, а Гессенъ-Кассель, Брауншвейскія герцогства, Ганноверъ и Ольденбургъ были столь быстро возвращены прежнимъ владѣльцамъ, что административная комиссія Штейна не успѣла еще учредить тамъ гражданскаго управленія. Голландія призвала къ себѣ принца Оранскаго, Испанія оказывала Веллингтону дѣятельную поддержку, благодаря которой маршалъ Сультъ былъ не только отброшенъ за Пиренеи, но разбитъ также на французской почвѣ и вынужденъ запереться въ Байоннѣ. Императоры русскій и австрійскій, а также прусскій король, во время неторопливаго своего движенія черезъ Германію, прекрасно сознавали, что надо будетъ и впредь считаться съ духомъ національности. Питая недовѣріе къ Россіи, Австрія желала немедленно заключить миръ. Россія смотрѣла на возстановленіе Голландіи подъ эгидой Англіи, какъ на важный шагъ къ упроченію торговаго и морского преобладаній Великобританіи, весьма непріятнаго для видовъ русской политики на Востокѣ. При такихъ обстоятельствахъ консервативная русская партія тоже требовала мира. Съ другой стороны, императору Александру хотѣлось отплатить за Москву вступленіемъ своихъ войскъ въ Парижъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ недовѣрчиво относился къ тому, что онъ называлъ якобинствомъ русскаго государя, но прусскія войска горѣли желаніемъ отмстить французамъ, а потому не сочувствовали мирнымъ стремленіямъ. Впрочемъ, даже и наиболѣе просвѣщенные изъ числа прусскихъ государственныхъ дѣятелей думали, что одинъ лишь полный разгромъ наполеоновской Франціи будетъ въ состояніи уничтожить могущество ея императора и разрушить преданность къ нему французскихъ народныхъ массъ. Искусно противупоставляя эти разнорѣчивыя стремленія одно другому, князь Меттернихъ добился на нѣкоторое время пріостановки военныхъ дѣйствій, коалиція же съ своей стороны выработала рядъ предложеній, разсчитанныхъ на то, чтобъ заручиться симпатіями французовъ и такимъ образомъ лишить Наполеона наиболѣе надежныхъ средствъ къ успѣшному сопротивленію.

Франкфуртскія предложенія, принятыя 9-го ноября, были для Франціи лишь немногимъ тяжелѣе условій пражскаго ультиматума, что въ нихъ и выставлялось демонстративнаго на видъ. Австрія брала себѣ достаточный участокъ итальянской территоріи для того, чтобы пользоваться преобладаніемъ на Аппенинскомъ полуостровѣ. Франція сохраняла Савойю и Ниццу, остальныя же итальянскія земли объявлялись независимыми. Франціи предлагали отказаться отъ всякихъ притязаній на Испанію и Голландію и довольствоваться „естественными“ своими границами, т. е. Альпами, Пиренеями, Океаномъ и Рейномъ. Наполеону предоставлялось даже нѣкоторая доля вліянія на германскія дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему подавали надежду на возможность уладить, путемъ конгресса, также и

недоразумѣнія между Франціей и Великобританіей. Его увѣряли, что Англія, удовлетворившись исключительными правами, которыя присвоила себѣ на морѣ и ради которыхъ все время вела войну, вернетъ Франціи захваченныя ею колоніи. Засѣдавшія во Франкфуртѣ уполномоченные Россіи, Австріи, Пруссіи и Великобританіи, приняли эти предложенія, но императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ остались ими недовольны. Кэстльри, несмотря на все свое хладнокровіе, пришелъ чуть не въ бѣшенство при мысли о томъ, что Франція сохранитъ за собою Бельгію, такъ какъ Антверпенъ являлся тогда средоточіемъ всей среднеевропейской торговли. Такое настроеніе у трехъ изъ числа договаривавшихся сторонъ позволяетъ сомнѣваться въ серьезности франкфуртскихъ предложеній. Сомнѣнія эти еще болѣе усиливаются тѣмъ, что о предложеніяхъ этихъ было сообщено Франціи лишь неоффиціально, и съ заявленіемъ, что переговоры не должны останавливать веденія военныхъ дѣйствій. Наконецъ, князь Меттернихъ, въ своихъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ мемуарахъ, прямо сознается, что франкфуртскія предложенія имѣли единственно только характеръ маневра, долженствовавшаго поссорить Наполеона съ французскимъ народомъ и, главнымъ образомъ, вызвать противъ него неудовольствіе въ французской арміи. Онъ говоритъ, что Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ ни подъ какимъ видомъ не согласились бы на эти предложенія, еслибъ не были заранѣе увѣрены, что Наполеонъ „ни за что въ свѣтѣ добровольно ихъ не приметъ“. При всемъ томъ, непосвященные въ эти закулисныя тайны думали, что Наполеонъ, выражаясь собственными его словами, лишился короны изъ-за Антверпена. Полагали, будто ему стоило только внять медоточивымъ рѣчамъ австрійскаго перваго министра и немедленно вступить въ переговоры, для которыхъ не имѣлось вполнѣ опредѣленной оффиціальной основы, чтобы сохранить себѣ и своей династіи Францію съ революціонными ея границами. Выходило такъ, какъ еслибъ отъ него самого зависило, отрекшись отъ честолюбивыхъ своихъ замысловъ, удержать за Франціей если не преобладающее, то, по крайней мѣрѣ, выдающееся вліяніе въ совѣтахъ Европы.

Ни самъ Наполеонъ, ни французская нація не дались, однако, въ обманъ. Заключенный при такихъ условіяхъ миръ неминуемо оказался бы позорнымъ для Франціи и поставилъ бы ее подъ опеку союзныхъ державъ. Франція ненавидѣла прежніе монархическіе порядки и все состоявшее съ ними въ связи. Она была убѣждена, что торжество этихъ порядковъ равносильно торжеству принциповъ феодализма и деспотической монархіи. Опытъ демократическаго народовластія въ ней самой потерпѣлъ, правда, фіаско, но люди либеральнаго образа мыслей, какъ во Франціи, такъ и вообще въ Европѣ, не утратили изъ-за этого своей вѣры въ державныя права народа. Они были убѣждены, что непремѣнно долженъ существовать какой-либо способъ цѣлесообразнаго проявленія и осуществленія этихъ правъ. Наиболѣе просвѣщенные люди во Франціи и за-границей видѣли въ Напо-

леонѣ спасителя европейскаго общества. Саксонская королева горько упрекала князя Меттерниха за измѣну „священному дѣлу Наполеона“. Такое настроеніе умовъ объясняется убѣжденіемъ, что Наполеонъ пользовался народнымъ могуществомъ для народнаго же блага. Его мощная десница одна только и могла управлять такою грандіозною силой. Говорятъ, будто французы, услыхавъ о франкфуртскихъ предложеніяхъ, поперемѣнно сѣтовали и смѣялись при мысли о томъ, что судьбы современной Европы окажутся въ рукахъ какихъ-нибудь Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, являвшихся воплощеніемъ германскаго феодализма. Признаніе за всѣмъ человѣческимъ родомъ гражданскихъ и политическихъ правъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, встрѣтило всюду въ средней Европѣ благодарную почву. Казалось дѣйствительно злою ироніей ставить посѣвъ, подававшій такія блестящія надежды, подъ опеку вождей враждебнаго ему направленія. Сплоченные въ однородную націю, французы не понимали что недавно еще народившійся въ другихъ государствахъ духъ національности могъ въ данный моментъ выражаться единственно лишь въ династическихъ формахъ. Точно также они не предусматривали тогда, что прежнія среднеевропейскія династіи вынуждены будутъ въ интересахъ самосохраненія пользоваться своей властью, сообразуясь съ требованіями проявившагося у народовъ самосознанія.

Наполеонъ, повидимому, хорошо зналъ образъ мыслей французовъ и какъ нельзя лучше понималъ, что, уже въ виду такого образа мыслей, не могъ удовлетвориться ролью французскаго короля, хотя бы даже и съ императорскимъ титуломъ. Онъ до того унижалъ національныя и династическія чувства во имя идеаловъ революціи, что не могъ бы скрыть своего отступничества отъ этихъ идеаловъ. И такъ уже народныя массы въ средней Европѣ, инстинктивно угадывая въ французскомъ императорѣ шарлатана, пользовавшагося блестящими принципами, какъ маскою, для личнаго своего честолюбія, были столь же ожесточены противъ Наполеона, какъ и царствовавшіе надъ ними государи. Въ маѣ 1813 года, когда императоръ Францъ, въ угоду данастической гордости Габсбургскаго дома, раздобылъ цѣлую кипу фальшивыхъ документовъ, свидѣтельствовавшихъ, будто Бонапарты царствовали когда-то въ Тревизо, Наполеонъ мѣтко ему отвѣтилъ: „Я веду свое родословіе только съ Маренгскаго сраженія“. Онъ зналъ, что его права развѣются прахомъ при первой же битвѣ, которая разрушитъ результаты Маренгскаго боя. Иными словами, Наполеонъ понималъ, что безъ искренней поддержки французскаго народа не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія и что, въ роли французскаго короля, такою поддержкою пользоваться не будетъ. Если вліяніе того, что Франція ошибочно признавала только своей революціей, будетъ замкнуто въ рамки революціонныхъ или иныхъ какихъ-либо спеціально французскихъ границъ, престижъ ея императора неизбѣжно исчезнетъ вмѣстѣ съ ея гегемоніей въ Европѣ. Наполеону нужно было сохранить за собою императорскій престолъ, который служилъ бы орудіемъ распростране-

нія французскаго вліянія далеко за предѣлы самой Франціи. То, что произошло въ Парижѣ, можетъ поэтому считаться въ свою очередь демонстраціей въ отвѣтъ на попытку князя Меттерниха обмануть французскій народъ перспективой немедленнаго заключенія выгоднаго для Франціи мира, въ случаѣ, если она отречется отъ Наполеона. Императоръ обратился къ своему народу съ воззваніемъ, въ которомъ призывалъ его собрать всѣ силы уже не для наступательной войны, а чтобы дать отпоръ ненавистному врагу, рѣшившемуся вторгнуться въ французскіе предѣлы.

Не получая никакого опредѣленнаго предложенія, которое можно было бы принять или отвергнуть и желая побудить союзниковъ къ представленію такового, Наполеонъ рѣшился фактически игнорировать неоффиціальное сообщеніе Меттерниха о франкфуртскихъ предложеніяхъ и послалъ союзнымъ государямъ ноту, въ которой заявлялось, что онъ всегда задавался цѣлью способствовать независимости всѣхъ вообще націй и освобожденію ихъ отъ гнета какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ. Французская нота прибыла въ Франкфуртъ 16 ноября. Ее истолковали тамъ въ смыслѣ нежеланія Наполеона признать исключительныя права, которыя приписывала себѣ Англія на моряхъ. Вслѣдствіе этого союзники разослали по всѣмъ городамъ Франціи манифестъ, въ которомъ заявлялось, заимствованнымъ у самого Наполеона слогомъ, объ искреннемъ ихъ желаніи видѣть Францію великой, могущественной и благоденствующей. Они увѣряли, будто ведутъ войну не съ Франціей, но съ преобладаніемъ, которымъ Наполеонъ пользовался такъ долго, къ несчастью для Европы и самой Франціи. Въ виду этого, союзники заранѣе гарантировали Франціи границы, несравненно болѣе широкія, чѣмъ подъ владычествомъ ея королей. Въ отвѣтъ на означенный манифестъ Наполеонъ разослалъ по всей Франціи множество надежныхъ агентовъ, поручивъ имъ противодѣйствовать всѣми мѣрами враждебнымъ вліяніямъ, которыхъ можно было опасаться. Агенты эти нашли общественное мнѣніе всюду на сторонѣ императора, но отмѣтили, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшее недовольство народныхъ массъ противъ Маре, считавшагося подстрекателемъ къ пагубнымъ для Франціи войнамъ. Маре тотчасъ же перевели въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ, а вмѣсто него назначили миролюбиваго Коленкура завѣдывать министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Новый министръ, тотчасъ же послѣ своего назначенія, а именно 2-го декабря, обратился къ Меттерниху съ нотой, гдѣ объявлялъ, что признаетъ условія базы для мирныхъ переговоровъ, которые были изложены въ общихъ чертахъ въ французскомъ соглашеніи. Это, разумѣется, потребуетъ отъ Франціи большихъ жертвъ, но Наполеонъ не станетъ о нихъ сожалѣть, если Англія съ такимъ же самоотверженіемъ позаботится объ изысканіи средствъ къ заключенію общаго, почетнаго для всѣхъ мира. Меттернихъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ ничто не препятствуетъ созванію конгресса, и что онъ, съ своей стороны, предложитъ Англіи послать на конгрессъ уполномоченнаго. На этомъ, однако, дѣло и кончилось. Князь Меттернихъ въ своихъ мемуа-

рахъ упоминаетъ лишь вскользь объ оффиціальномъ согласіи французскаго правительства приступить къ переговорамъ о мирѣ. Напротивъ того, онъ очень обстоятельно распространяется о разногласіяхъ между союзными монархами по поводу предстоявшей новой кампаніи. Лишь къ концу 1813 года они пришли на этотъ счетъ къ полному соглашенію другъ съ другомъ.

Вторженіе во Францію.

Событія, происшедшія во Франціи въ краткій промежутокъ времени между первыми числами ноября 1813 года, когда Наполеонъ прибылъ въ Сенъ-Клу, и послѣдними числами декабря того же года, представляются до такой степени неправдоподобными, что ихъ какъ-то странно даже заносить на страницы трезвой исторіи. Изъ 575.000 французовъ (не считая нѣмцевъ и поляковъ), состоявшихъ въ Великой арміи подъ ружьемъ въ 1812 и 13 годахъ, около 300.000 были въ плѣну, или занимали гарнизоны въ отдаленныхъ заграничныхъ крѣпостяхъ, а 175.000 числились убитыми, ранеными, или же пропавшими безъ вѣсти, такъ что на лицо оставалось всего лишь 100.000 человѣкъ. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1813 года призвано было императорскими и сенатскими декретами подъ знамена еще 976.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 160.000 изъ призывовъ съ 1804 по 1814 годъ, частью уже отбывавшихъ воинскую повинность,—160.000 изъ призыва 1815 года,—176.500 зачислялось въ регулярную національную гвардію,—14.000—въ ополченіе и, сверхъ того, изъ всѣхъ призывовъ, съ 1804 по 1814 годъ включительно, взято было однимъ росчеркомъ пера еще 300.000 человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ могло бы показаться, что все мужское населеніе Франціи, способное носить оружіе, призвано подъ знамена. На самомъ дѣлѣ, однако, хотя и получалось на первый взглядъ такое впечатлѣніе, но Франція могла бы выставить даже и втрое большее число солдатъ. Несмотря на страшный уронъ въ заграничныхъ и междоусобныхъ войнахъ, населеніе ея, во времена имперіи, непрерывно и быстро возрастало. Какъ бы ни было, но въ дѣйствительности изъ 936.000 человѣкъ, призванныхъ подъ знамена, было организовано въ вооруженную силу не болѣе трети, а приведено въ полную боевую пригодность и выставлено въ поле—всего лишь какая-нибудь восьмая часть. Это обусловливалось отчасти неспособностью, или можетъ быть даже чѣмъ-нибудь худшимъ, со стороны администраціи, отчасти же сопротивленіемъ населенія такому массовому набору. Общее настроеніе французскаго народа наглядно характеризуется тѣмъ обстоятельствомъ, что даже ненавистныя летучія колонны, при всей безцеремонности своего образа дѣйствій, сплошь и рядомъ не могли отыскать рекрутъ, укрывавшихся отъ воинской повинности, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось отцовъ, мужей, или единственныхъ сыновей, являвшихся кормильцами семьи. Поля обрабатывались женщинами и дѣтьми, при помощи лопатъ и мотыкъ за от-

сутствіемъ лошадей, которыхъ можно было бы запрягать въ плуги, и мужчинъ, способныхъ управлять таковыми. Правительственныя кассы ссудъ были переполнены. Казенные склады почти не вмѣщали въ себѣ фабричныхъ произведеній, для которыхъ не находилось сбыта. Облигаціи французскаго государственнаго долга упали до половины нарицательной стоимости. Звонкая монета исчезла изъ обращенія, а ростовщичество страшно усилилось. При всемъ томъ, четыре пятыхъ французскаго населенія даже и не думали приписывать наполеоновской имперіи бѣдствія, отъ которыхъ имъ приходилось такъ много терпѣть.

Зато остальная пятая пришла въ состояніе величайшаго возбужденія. Законодательному собранію, созванному на 19-е декабря, предъявлена была дипломатическая переписка, обставленная правительственными разъясненіями, свидѣтельствовавшими о непремѣнномъ желаніи союзниковъ воевать. Въ отвѣтъ на тронную рѣчь, законодательное собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ вотировало адресъ, гдѣ, въ воздаяніе за дополнительные кредиты для военнаго вѣдомства, фактически требовало отъ императора возвращенія къ конституціонной формѣ правленія. Наполеонъ даже не пытался скрывать своего негодованія и тотчасъ же распустилъ собраніе. Громадное большинство населенія какъ нельзя лучше понимало несвоевременность въ такой моментъ возбуждать препирательства о политическихъ правахъ. Тѣмъ не менѣе у каждаго изъ недовольныхъ депутатовъ имѣлись въ его избирательномъ округѣ пріятели и, несмотря на кризисъ, при которомъ національное существованіе Франціи оказывалось поставленнымъ на карту, во многихъ мѣстностяхъ обнаруживалась республиканская агитація. Что касается до роялистовъ, то они и тогда, и въ продолженіи еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были тише воды ниже травы, довольствуясь лишь колкими намеками и двусмысленными остротами. Такъ напримѣръ, когда въ газетахъ появлялась громкая реляція подъ заголовкомъ: „Послѣдняя побѣда императора“, они провозглашали тосты за „послѣднюю“ императорскую побѣду. Чтобы снарядить и вооружить новобранцевъ, начавшихъ уже собираться въ рекрутскія депо, Наполеонъ пожертвовалъ 55 милліоновъ франковъ изъ собственнаго своего фонда, хранившагося въ подвалахъ Тюльерійскаго дворца. Остававшіеся затѣмъ десять милліоновъ были постепенно перевезены въ Блуа. Во всякомъ случаѣ онъ не могъ ни за какія сокровища купить то, чего не имѣлось въ данную минуту во Франціи. Боевые припасы и артиллерійскія принадлежности были, по его же распоряженію, вывезены изъ французскихъ арсеналовъ въ разные укрѣпленные пункты средней Европы. Въ самой Франціи остался только хламъ, почти негодный къ употребленію. Новобранцевъ приходилось зачастую снабжать охотничьими ружьями и ножами, или же старинными мушкетами, съ которыми они не умѣли обращаться. Вмѣсто мундировъ они въ большинствѣ случаевъ носили крестьянскія блузы, съ деревянными башмаками и мужицкими шапками. Несмотря на малочисленность артиллеріи и кавалеріи, для нихъ недоставало поло-

виннаго количества лошадей. Хуже всего оказывался, однако, недостатокъ времени на обученіе новобранцевъ самымъ простымъ тактическимъ построеніямъ и даже обращенію съ оружіемъ. Впослѣдствіи случались отъ этого казусы, подобные слѣдующему: одинъ изъ офицеровъ спросилъ въ бою у подростка, стоявшаго совершенно пассивно подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, отъ чего онъ самъ не стрѣляетъ; юноша безъискусственно возразилъ на это, что могъ бы стрѣлять не хуже всякаго другого, еслибъ только умѣлъ зарядить ружье.

Недовольные императорскимъ правительствомъ были хотя и малочисленны, но имѣли въ своей средѣ людей очень вліятельныхъ и дѣятельныхъ, умѣвшихъ интриговать подъ носомъ префектовъ и гражданскихъ властей. Они издавали прокламаціи, въ которыхъ обѣщали всяческія блага тѣмъ, кто примкнетъ къ движенію, враждебному имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли союзникамъ планы французскихъ крѣпостей. Талейранъ началъ пророчествовать. Онъ говорилъ, что союзники воодушевлены мщеніемъ, предсказывалъ измѣну Мюрата, разграбленіе Парижа и разглашалъ множество полуистинъ, являвшихся опаснѣе всякой клеветы. Атмосфера до такой степени переполнилась тревожными слухами, что отъ времени до времени обнаруживалась серьезная паника. Такъ, напримѣръ, городъ Шомонъ сдался подъѣхавшему къ нему отдѣльному виртембергскому гусару. Сколько-нибудь распространеннаго революціоннаго движенія тѣмъ не менѣе не замѣчалось. Народныя массы вскорѣ начали задавать себѣ вопросъ: кого именно изъ Бурбоновъ посадятъ имъ въ короли, и какъ отнесется онъ къ владѣльцамъ бывшихъ королевскихъ и церковныхъ имуществъ? Вопросъ этотъ такъ сильно озадачивалъ французскихъ крестьянъ и горожанъ, что они не безъ удовольствія слушали марсельезу, которую, по распоряженію императорскихъ агентовъ, начали снова играть всѣ шарманщики на городскихъ улицахъ. Самъ Наполеонъ прогуливался по Парижу безъ свиты, и его привѣтствовали всюду восторженными возгласами. Въ торжественныхъ случаяхъ показывали публикѣ императрицу и маленькаго наслѣднаго принца, каждый разъ съ большимъ сценическимъ успѣхомъ. Народное остроуміе прозвало подростковъ новобранцевъ „Маріями-Луизами“. Эти подростки выказывали несравненное мужество, но не могли, однако, пріобрѣсти свойственную ветеранамъ стойкость, выигрывающую сраженія. Какъ бы ни было, періодическія изданія, театральныя представленія, концерты и танцовальныя собранія дѣятельно эксплуатировались въ интересахъ имперскаго патріотизма. Императорское правительство расправлялось самымъ безцеремоннымъ образомъ съ попадавшимися въ его руки враждебными, или же просто подозрительными элементами. Впрочемъ, даже и усерднѣйшіе слуги имперіи испытывали понятныя опасенія. Многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Савари, принимали на всякій случай мѣры предосторожности, припрятывая свои сокровища въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и пріискивая для своихъ семействъ надежныя убѣжища. Вообще же, въ началѣ 1814 года, гро-

мадное большинство какъ городского, такъ и сельскаго населенія Франціи было на сторонѣ Наполеона. Французы пламенно желали мира, но хотѣли, чтобъ онъ былъ почетнымъ для Франціи и оставилъ ее подъ скипетромъ императора.

Наполеонъ въ своемъ кабинетѣ.
(Съ картины Делароша).

Искреннее желаніе мира со стороны самого Наполеона свидѣтельствуется, повидимому, фактомъ освобожденія двухъ важнѣйшихъ изъ его плѣнниковъ, а именно испанскаго короля и папы. Если бы Фердинанда безотлагательно отправили въ его королев-

ство въ тотъ день, когда было подписано соглашеніе между нимъ и Наполеономъ, т. е. 8 декабря, то, по словамъ самого Веллингтона, дальнѣйшее продолженіе войны оказалось бы для Англіи немыслимымъ. Талейранъ, принимавшій дѣятельное участіе въ роялистскихъ заговорахъ, очевидно держался того же мнѣнія, какъ и англійскій полководецъ. Онъ лукаво намекнулъ своему плѣннику о необходимости предварительно ратифицировать чрезъ кортесы договоръ объ его освобожденіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ временное испанское правительство могло бы, пожалуй, не признать его королемъ. Договоръ былъ дѣйствительно представленъ кортесамъ и отвергнутъ ими, такъ какъ либераламъ хотѣлось, чтобъ король безъ всякаго принужденія поклялся въ вѣрности новой конституціи. Освобожденіе Фердинанда на такихъ условіяхъ состоялось лишь въ мартѣ мѣсяцѣ 1814 года, и эта отсрочка оказалась пагубной для французскихъ интересовъ въ Испаніи. Тамошніе либералы не рѣшались тогда уже отстаивать свободныя учрежденія, такъ какъ выяснилось, что династическому консерватизму суждено одержать въ Европѣ временную побѣду. Въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ король Фердинандъ уничтожилъ всѣ либеральныя начинанія, являвшіяся результатами шестилѣтнихъ трудовъ, послѣ чего Испанія подпала опять подъ власть монархическаго и клерикальнаго деспотизма съ свитою неразлучныхъ съ ними бѣдствій. Франція усмотрѣла тѣмъ не менѣе въ образѣ дѣйствій своего императора самое искреннѣйшее миролюбіе. Убѣжденіе это еще болѣе окрѣпло благодаря освобожденію папы, послѣдовавшему 22 января положительно безъ всякихъ условій. Уступчивость, выказанная въ обоихъ этихъ случаяхъ Наполеономъ, произвела самое выгодное впечатлѣніе на французскія народныя массы, незнавшія тогда еще, что союзники уже вступили на французскую территорію, хотя самому Наполеону это было извѣстно какъ нельзя лучше.

На слѣдующій день Наполеонъ совершилъ, въ качествѣ императора, послѣдній оффиціальный шагъ, требовавшій съ его стороны большого физическаго и нравственнаго мужества. Парижская національная гвардія была реорганизована, но ея офицеры не обнаруживали искренней преданности дѣлу имперіи. Между ними оказывалось много роялистовъ и нѣкоторое число радикальныхъ республиканцевъ. Послѣднія событія долженствовали усилить возбужденіе среди этихъ недовольныхъ элементовъ, но тѣмъ не менѣе всѣ офицеры были потребованы въ Тюльерійскій дворецъ. Опасность, которой подвергался при этомъ Наполеонъ, удваивалась тѣмъ фактомъ, что имъ предписывалось явиться при оружіи. Выстроившись въ большой, такъ называемой Маршальской, залѣ, они провели нѣкоторое время въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Наконецъ, колоссальная дверь залы распахнулась настежь, и къ нимъ вышелъ императоръ, сопровождаемый только своей супругой и сыномъ, находившимся на рукахъ у его гувернантки, г-жи де-Монтескью. Наполеонъ сообщилъ безъ всякихъ обиняковъ, что собирается стать во главѣ арміи, разсчитывая, съ помощью

Бога и храбрыхъ своихъ войскъ, прогнать непріятеля изъ французскихъ предѣловъ обратно за границу. Заявленіе это было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ. Тогда, взявъ за руку императрицу и малолѣтняго своего сына, онъ продолжалъ: „Ввѣряю императрицу и римскаго короля мужеству національной гвардіи". Офицеры по прежнему молчали. Минутку спустя, Наполеонъ, съ трудомъ лишь сдерживая свое волненіе, добавилъ: „Ввѣряю вамъ мою жену и сына". Французское великодушіе оказалось не въ силахъ противустоять такому призыву. Офицеры, поддавшись внезапно охватившему ихъ порыву, вышли изъ рядовъ, устремились къ императорской четѣ, и въ стѣнахъ Маршальской залы раздались громкіе возгласы: „Да здравствуетъ императоръ!" Многіе изъ офицеровъ, уходя въ почтительномъ молчаніи, плакали совершенно искренно. Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, императоръ получилъ сочувственный адресъ, покрытый подписями тѣхъ самыхъ людей, въ преданности которыхъ онъ имѣлъ до тѣхъ поръ полное основаніе сомнѣваться.

Въ продолженіи долгихъ зимнихъ ночей Наполеонъ работалъ съ такою лихорадочной дѣятельностью и энергіей, которыя даже и у него являлись изумительными. Онъ не щадилъ ни себя, ни другихъ,—не принималъ въ разсчетъ никакихъ предубѣжденій, или хотя бы даже самыхъ добросовѣстныхъ оппозиціонныхъ воззрѣній. Онъ требовалъ, чтобы каждый французъ жертвовалъ рѣшительно всѣмъ для Франціи и настоятельно утверждалъ, будто она нуждается въ немъ лично гораздо болѣе, чѣмъ онъ въ ней. Многіе милліоны сторонниковъ и враговъ французскаго императора имѣли такое убѣжденіе, а потому неудивительно, если и самъ Наполеонъ чистосердечно его раздѣлялъ. Во всякомъ случаѣ онъ задался теперь цѣлью выказать себя полководцемъ, способнымъ спасти отечество въ бѣдственныя времена, когда все, казалось, угрожало окончательнымъ крушеніемъ. Несмотря на колоссальную трудность задачи, стратегическій планъ французскаго императора былъ самъ по себѣ великолѣпенъ и разработанъ до мельчайшихъ подробностей. Лѣвый берегъ Рейна онъ раздѣлилъ на три оборонительныхъ участка. Оборона нижняго теченія рѣки была поручена войскамъ Макдональда, расположеннымъ въ Кельнѣ, а Мармону надлежало охранять среднее теченіе. Остатки Великой арміи, вернувшіеся изъ Германіи, были подѣлены между обоими этими маршалами. Верхнерейнскій участокъ состоялъ въ завѣдываніи маршала Виктора, въ распоряженіи котораго находились гарнизоны большихъ пограничныхъ крѣпостей, которые предполагалось усилить начавшими уже прибывать новобранцами. Бертранъ занималъ съ небольшимъ отрядомъ Кастель на правомъ берегу Рейна, напротивъ Майнца, причемъ его отрядъ являлся какъ бы передовымъ наблюдательнымъ постомъ.Въ общей сложности, однако, Наполеонъ имѣлъ на Рейнѣ въ первое время лишь около 50.000 человѣкъ. Союзники, поборы которыхъ въ странахъ Рейнскаго союза значительно превзошли все, учинявшееся когда-либо Наполеономъ и его маршалами, вытребовали себѣ, кромѣ того,

у Великобританіи новыя субсидіи и, благодаря этому, сосредоточили на правомъ берегу Рейна къ 1-му января около 285.000 человѣкъ. Къ концу февраля мѣсяца въ спискахъ французской арміи числилось 650.000 человѣкъ, не считая національныхъ гвардейцевъ; коалиція же, съ Великобританіей включительно, имѣла подъ знаменами около милліона солдатъ и офицеровъ. Скинувъ сорокъ процентовъ съ этихъ цифръ, можно съ увѣренностью принять, что Франціи, съ 350.000 взрослыхъ и подростковъ, приходилось бороться противъ Европы, выставившей самую надежную свою 600.000 боевую силу. При этомъ приняты въ разсчетъ французскія арміи, дѣйствовавшія въ Каталоніи, Пиренейскихъ горахъ, Италіи и Нидерландахъ, а также гарнизоны всѣхъ крѣпостей, занятыхъ еще французскими войсками, но съ другой стороны, включены русскіе, австрійскіе и прусскіе резервы, равно какъ враждебныя французамъ арміи, дѣйствовавшія въ Испаніи, Италіи и Голландіи. Послѣ Лейпцигскаго сраженія Бернадоттъ двинулся прежде всего къ сѣверу, дабы обезпечить себѣ пріобрѣтеніе Норвегіи, на которую давно уже зарился. Не забывая намековъ русской дипломатіи на возможность для него самого занять съ теченіемъ времени французскій престолъ, шведскій наслѣдный принцъ на прощанье посовѣтовалъ союзникамъ не углубляться внутрь Франціи, по крайней мѣрѣ, въ первую кампанію, и удовлетвориться лишь завладѣніемъ пограничною полосою. Въ Гамбургѣ онъ предложилъ Даву капитуляцію, которая обезпечивала этому маршалу и его арміи свободное возвращеніе во Францію. Отклонивъ эту капитуляцію, Даву сдѣлалъ несомнѣнно большой промахъ, но уже тотъ фактъ, что она была предложена, до чрезвычайности раздражилъ союзниковъ, въ особенности же императора Александра. Слишкомъ разсчетливому шведскому наслѣдному принцу предписано было послѣ того, двинуться съ своей арміей къ нижнему теченію Рейна. Онъ пребывалъ тамъ въ бездѣйствіи, наблюдая за Нидерландами, но два лучшихъ его корпуса были переданы въ распоряженіе Блюхера.

Въ бюллетенѣ, обнародованномъ Наполеономъ по выступленіи изъ Москвы, высказывалось, хотя и въ замаскированныхъ выраженіяхъ, порицаніе Мюрату, обнаружившему недостатокъ энергіи и стойкости, дозволивъ Кутузову нанести пораженіе французскому авангарду. Это жестоко раздражило какъ неаполитанскаго короля, такъ въ особенности его супругу — родную сестру Наполеона. Въ письмахъ къ брату она безцеремонно осыпала его бранью. Неудивительно поэтому, если слабохарактерный и раздражительный король, являвшійся, впрочемъ, блестящимъ кавалерійскимъ генераломъ, покинулъ подъ Эрфуртомъ знамена своего зятя. Поспѣшно вернувшись въ Неаполь, онъ тотчасъ же заключилъ съ Австріей союзъ и двинулся съ 80.000 арміей на Римъ, при чемъ распространялъ по всей Италіи прокламаціи самаго воинственнаго содержанія. Тѣмъ временемъ, вице-король Евгеній былъ поставленъ въ безвыходное положеніе измѣной своего тестя, баварскаго короля, открывшей союзникамъ Тироль, слѣдствіемъ чего

оказалась для Наполеона утрата всей Италіи. Ожеро, у котораго послѣдніе останки преданности къ Наполеону собирались уже испариться, получилъ приказаніе присоединить къ 40.000 новобранцевъ всѣхъ старослуживыхъ солдатъ, какіе только найдутся въ юго-восточной Франціи, чтобы дать возможность отступить туда всѣмъ войскамъ вице-короля, или хотя бы нѣкоторой ихъ части. Евгеній, послѣ нерѣшительной битвы подъ Ровербелло, находился самъ въ очень затруднительномъ положеніи какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія, а потому не могъ послать во Францію никакихъ подкрѣпленій до апрѣля мѣсяца, когда ему удалось, наконецъ, заключить перемиріе, предоставившее французскимъ войскамъ право вернуться на родину. Какъ бы ни было, Ожеро встрѣтился подъ Женевой съ австрійскими войсками подъ начальствомъ графа Бубны. Располагая сравнительно меньшими силами и не имѣя особеннаго стремленія предпринимать съ ними смѣлые и рискованные маневры, онъ отступилъ съ своей маленькой арміей передъ союзниками. При такихъ обстоятельствахъ грандіозный проектъ Наполеона ударить съ соединенными итальянскими, неаполитанскими, французскими и швейцарскими войсками во флангъ союзникамъ, вторгнувшимся во Францію, оказался неосуществимымъ.

Пруссія являлась теперь опаснѣйшимъ и ожесточеннѣйшимъ изъ всѣхъ враговъ Наполеона, такъ какъ задалась цѣлью сокрушить во что бы ни стало его могущество. Штейнъ, Блюхеръ и Гнейзенау съ своими сторонниками требовали немедленнаго наступленія по самому удобному для этого пути, а именно черезъ Люттихъ и Брюссель. Австрійцы, опасавшіеся Пруссіи почти въ такой же степени, какъ и самого Наполеона, всѣ, за исключеніемъ генерала Радецкаго, признавали такое наступательное движеніе слишкомъ опаснымъ. Воспользовавшись примѣромъ Наполеона относительно взиманія реквизицій въ побѣжденной странѣ, союзники рѣшились отнестись съ такимъ же какъ онъ пренебреженіемъ къ международному праву, а потому самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушили нейтралитетъ Швейцаріи. Рѣшено было двинуть главную армію черезъ Базель во Францію, обходя такимъ образомъ не только грозную линію прирейнскихъ крѣпостей, но также и вогезскія горы. Одновременно съ этимъ Блюхеръ долженъ былъ переправиться черезъ Рейнъ, на среднемъ его теченіи, а Бюловъ, съ тридцатитысячнымъ корпусомъ, дѣйствовать въ Нидерландахъ, вмѣстѣ съ англійскими войсками подъ начальствомъ Грегема. Съ чисто военной точки зрѣнія этотъ операціонный планъ представлялся весьма неудовлетворительнымъ, но онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ князя Меттерниха, который очень встревожился, узнавъ впервые 13-го января о соглашеніи между русскимъ государемъ и Бернадоттомъ относительно французскаго престола. Какъ Меттерниху, такъ и Шварценбергу искренно хотѣлось закончить войну съ Франціей по возможности гдѣнибудь на границѣ. Могущественная Пруссія и стремленія Россіи къ преобладающему вліянію въ Европѣ казались австрійцамъ

гораздо опаснѣе наполеоновской имперіи, замкнутой въ предѣлы одной Франціи. Блюхеръ, оставивъ подъ Майнцемъ заслонъ изъ 28.000 человѣкъ, переправился 9-го января черезъ Рейнъ неподалеку оттуда съ 47.000 арміей. Князь Шварценбергъ съ главною арміей, въ которой насчитывалось подъ ружьемъ 209.000 человѣкъ, перешелъ черезъ Рейнъ въ Базелѣ и окрестностяхъ, а затѣмъ двинулся четырьмя колоннами къ Лангру. Тонкій оборонительный фронтъ французскихъ войскъ началъ концентрически отступать къ Шалону на Марнѣ. Къ началу второго періода кампаніи 1814 года Блюхеръ, обложивъ крѣпости на Мозелѣ, направился менѣе чѣмъ съ 30.000 человѣкъ къ городу Арсису-на-Обѣ Шварценбергъ съ главными силами находился еще близъ Лангра, а французы сосредоточились на линіи отъ Витри-ле-Франсее до Сенъ-Дизье. Наполеонъ, прибывъ 26-го января въ Шалонъ, оставилъ вмѣсто себя въ Парижѣ своего брата Іосифа. Несмотря на малочисленность войскъ, искусный полководецъ съумѣлъ тотчасъ же воспользоваться ошибками своихъ противниковъ и врѣзался между вторгнувшимися во Францію непріятельскими арміями. Имѣя подъ рукой 40.000 человѣкъ, онъ сознавалъ полную возможность разгромить съ ними Блюхера.

Наполеонъ напрягаетъ всѣ силы своего генія.

1814 годъ является наиболѣе изумительнымъ во всей военной карьерѣ Наполеона. Смѣлость его плановъ, быстрота движеній, неожиданности, которыя онъ приготовлялъ непріятелю, поддержка, которую ему удавалось получать отъ истощенной Франціи, преданность, которую онъ умѣлъ внушить своимъ плохо одѣтымъ и переутомленнымъ войскамъ, находившимся все время въ самомъ опасномъ положеніи среди союзныхъ армій, многократно превышавшихъ ихъ численностью,—все это является до такой степени необычайнымъ, что, подъ впечатлѣніемъ контраста, дѣйствія союзниковъ представляются неуклюжими и безсвязными. Передъ другимъ противникомъ они, безъ сомнѣнія, проявились бы въ совершенно иномъ свѣтѣ. Разсудительность Гнейзенау, смѣлость Блюхера, умъ и храбрость Радецкаго, опираясь на многочисленныя храбрыя арміи, одержали бы несравненно легче верхъ надъ Франціей, если бы ея войсками командовалъ не Наполеонъ, а какой-нибудь другой, хотя бы даже и далеко не заурядный полководецъ. Французскій императоръ обладалъ не только личнымъ престижемъ, стоившимъ, какъ онъ самъ любилъ объ этомъ заявлять, цѣлой стотысячной арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ одаренъ такою сверхчеловѣческой умственной и физической энергіей, что напоминалъ собою искуснаго фехтмейстера, который одной своей шпагой прикрываетъ, словно огненнымъ колесомъ, все окружающее пространство. Послѣ небольшой стычки за обладаніе городомъ Сенъ-Дизье, кампанія открылась битвою подъ Бріенномъ, гдѣ Блюхеръ, спѣшившій войти въ связь съ главною союзной арміей, былъ настигнутъ, 29-го января, геніальнымъ своимъ противникомъ. Бой, на-

чавшійся лишь поздно пополудни, длился съ величайшимъ упорствомъ до полуночи, когда прусскій фельдмаршалъ, едва не захваченный французами въ плѣнъ, поспѣшно отступилъ къ Транну. Силезская армія была такъ сильно разгромлена, что для нея оказывалось уже нед остаточнымъ войти только въ связь съ австрійцами. Блюхеръ и примкнулъ поэтому къ главнымъ силамъ близь Бара на Обѣ, откуда князь Шварценбергъ двинулся къ Оксерру. Не зная, что пруссакамъ уже удалось соединиться съ австрійцами, Наполеонъ двинулся съ маленькой своей арміей въ Ла-Ротьеръ, разсчитывая удержать за собою мостъ черезъ рѣку Объ въ Лемонѣ, усилить такимъ образомъ нравственное значеніе Бріеннской побѣды и вынудить Блюхера къ новому бою. Мармонъ съ лѣвымъ крыломъ находился близь селенія Мервилье, а Мортье, стоявшій еще въ Труа, получилъ предписаніе примкнуть къ дѣйствующей арміи императора. Маневръ этотъ былъ со стороны Наполеона отчаянной попыткой застращать союзныхъ государей. Съ стратегической точки зрѣнія онъ оказывался совершенно неправильнымъ, такъ какъ, даже въ случаѣ побѣды, французская армія могла оказаться обойденною съ фланга и отрѣзанной отъ Парижа. Для этого требовалось только, чтобы князь Шварценбергъ, заслонившись отъ Наполеона силезскою арміей, продолжалъ наступательное свое движеніе. Подкрѣпленный русскою двѣнадцатитысячной гвардейской дивизіей, Блюхеръ аттаковалъ 1-го февраля французскую армію. Бой длился цѣлыхъ два дня съ перемѣннымъ успѣхомъ для союзниковъ и закончился тѣмъ, что Наполеонъ благополучно переправился черезъ рѣку Объ и снова остановился подъ городомъ Труа съ намѣреніемъ принять тамъ бой. Блюхеръ потерялъ до 6.000, а французы около 4.000 тысячъ убитыми и ранеными, хотя имъ приходилось все время сражаться съ непріятелемъ, по меньшей мѣрѣ вдвое превышавшимъ ихъ численностью. Если бы союзники ввели въ дѣло всѣ свои силы, кампанія немедленно же бы окончилась. Теперь же одержанный Блюхеромъ успѣхъ только вскружилъ имъ голову, внушивъ чрезмѣрную самоувѣренность. Они рѣшили двинуться къ Парижу двумя колоннами, причемъ Блюхеръ, считавшій себя не на шутку побѣдителемъ Наполеона, шелъ къ французской столицѣ кратчайшимъ путемъ, вдоль берега Марны.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней колонны союзниковъ медленно подвигались впередъ. Они были очень разбросаны и, очевидно, не ожидали подвергнуться нападенію, тѣмъ болѣе, что имѣли достовѣрныя свѣдѣнія о малочисленности французской арміи. Наполеонъ отступалъ тоже не спѣша, давая роздыхъ своимъ войскамъ и усиливая ихъ подкрѣпленіями, прибывавшими изъ различныхъ рекрутскихъ депо. Послѣ полудня, 9-го февраля, выступая изъ Ножана въ Сезанъ, императоръ писалъ своему брату Іосифу, что у него имѣется уже въ общей сложности отъ 60 до 70.000 человѣкъ, принимая въ разсчетъ инженерныя войска и артиллерію. Онъ полагалъ, что въ силезской арміи подъ командою Блюхера найдется только 45.000, а въ главной арміи князя Шварценберга—не болѣе полутораста тысячъ человѣкъ, включая въ это число

войска графа Бубны и казаковъ. „Если мнѣ удастся разбить силезскую армію, такъ чтобы парализовать ее хотя бы на нѣсколько дней, то я обезпечу себѣ возможность ударить на князя Шварценберга. Съ подкрѣпленіями, которыя вы мнѣ пришлете къ тому времени, я буду располагать 70 или 80.000 человѣкъ. Не думаю, чтобы онъ могъ противупоставить мнѣ въ первый моментъ болѣе 110, или 120.000. Впрочемъ, если у меня окажется слишкомъ мало войска для нападенія на Шварценберга, то я все-таки съумѣю задержать его недѣли на двѣ или на три, а тѣмъ временемъ могутъ представиться новыя комбинаціи". Это былъ послѣдній изъ грандіозныхъ стратегическихъ плановъ Наполеона, которому было суждено увѣнчаться успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе и въ немъ упускалось изъ виду одно весьма важное обстоятельство. Императоръ Наполеонъ лично оставался самымъ смѣлымъ боевымъ генераломъ, когда-либо подвизавшимся на театрѣ военныхъ дѣйствій, но его маршалы находились въ самомъ подавленномъ настроеніи духа и заранѣе отчаявались въ успѣхѣ. Въ тотъ самый моментъ, который казался Наполеону такимъ благопріятнымъ, Мармонъ испытывалъ нѣчто вродѣ паническаго страха. Зато Блюхеръ, командовавшій силезскою арміей, впалъ въ совершенно противуположную крайность, а именно: былъ слишкомъ уже увѣренъ въ невозможности серьезнаго сопротивленія со стороны французовъ. Разбросавъ болѣе чѣмъ когда-либо свои войска, онъ, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ дней, шелъ впередъ усиленными переходами, въ надеждѣ отрѣзать корпусъ Макдональда и разбить этого маршала. Второпяхъ онъ оставилъ два своихъ русскихъ корпуса такъ далеко позади, что имъ нельзя было ни откуда получить поддержки, тѣмъ болѣе, что давно обѣщанныя подкрѣпленія не успѣли еще подойти. Двинувшись 10-го февраля впередъ изъ Сезанна, Мармонъ встрѣтилъ подъ Шамподеромъ дивизію Олсуфьева, которая оказалась совершенно изолированной. Въ ней имѣлось подъ ружьемъ около 4.500 человѣкъ. Мармонъ былъ немногимъ лишь сильнѣе, но его войска такъ энергически аттаковали русскихъ, неожидавшихъ нападенія, что вся дивизія Олсуфьева была фактически уничтожена, а командиръ ея взятъ въ плѣнъ. Успѣхъ этотъ до того обрадовалъ Наполеона, что онъ сталъ опять поговаривать о возможности перенести театръ войны на берега Вислы, но замолчалъ, увидѣвъ, какое угрюмое выраженіе появилось на лицахъ Мармона и другихъ маршаловъ при одномъ уже намекѣ на подобную возможность. Тѣмъ не менѣе, продолжая столь же успѣшно дѣло, начатое подъ Шамподеромъ, можно было съ увѣренностью разсчитывать на побѣду и возстановленіе императорскаго могущества. Наполеонъ приказалъ поэтому Нансути и Макдональду идти съ величайшей поспѣшностью къ Монмирайлю, гдѣ разсчитывалъ нанести силезской арміи другой подобный же ударъ.

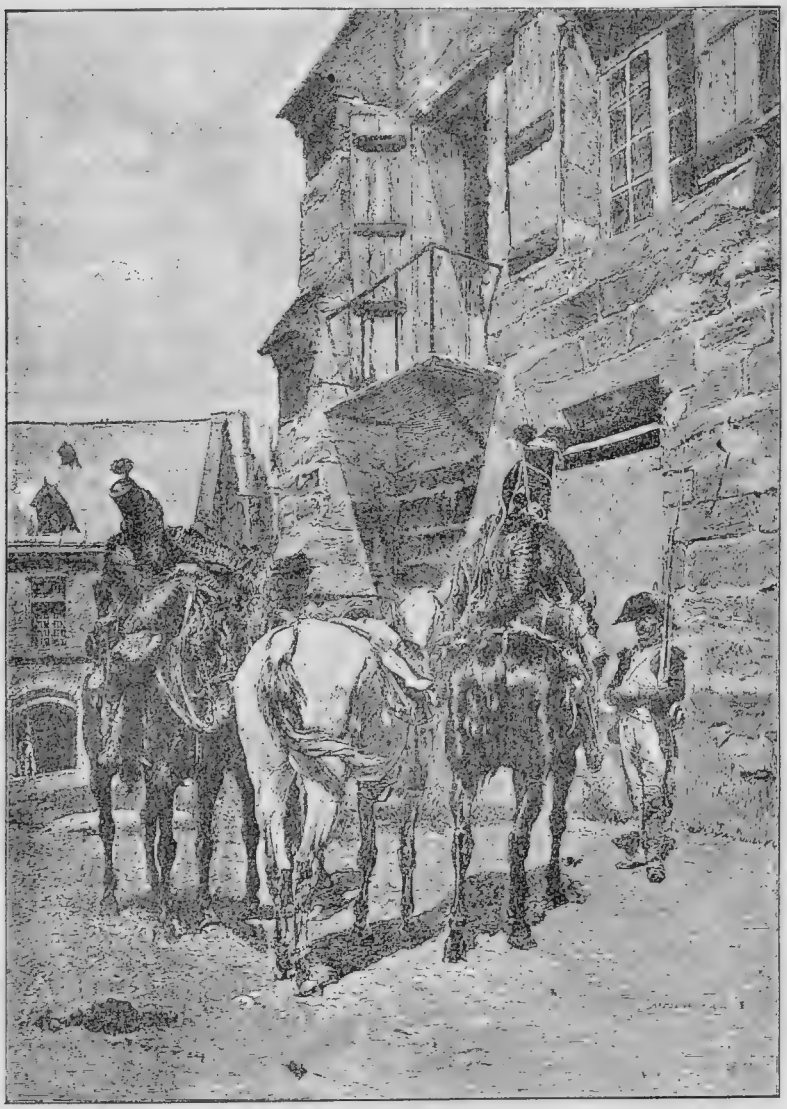
Битва подъ Монмирайлемъ была гораздо серьезнѣе шамподерской, такъ какъ Блюхеръ успѣлъ притянуть къ себѣ корпуса Сакена, Іорка, Клейста и Капцевича. Бой начался 11-го февраля,

за часъ до полудня, со стороны французовъ, сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Развлекая непріятеля этой канонадой, Наполеонъ маневрировалъ такъ, чтобы сосредоточить свои главныя силы противъ русскихъ и отдѣлить ихъ отъ Іорка и другихъ прусскихъ корпусовъ. Въ два часа онъ самъ повелъ рѣшительную аттаку, а Мортье завязалъ съ пруссаками бой, имѣвшій значеніе простой демонстраціи. Маневръ этотъ удался. Въ сумерки непріятель находился уже въ полномъ отступленіи къ Шато-Тьерри, разсчитывая воспользоваться имѣвшимся тамъ ближайшимъ мостомъ черезъ Марну. Наполеонъ надѣялся, что Макдональдъ успѣетъ своевременно подойти, дабы завладѣть этимъ мостомъ и отрѣзать русскимъ путь отступленія, что, разумѣется, придало бы побѣдѣ еще болѣе рѣшительный характеръ. Вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ этому маршалу не удалось, однако, выполнить возложенную на него задачу. Союзники, отступавшіе съ величайшей поспѣшностью, безпощадно разграбили городъ и ушли за Марну, разрушивъ за собою мостъ. Они встрѣтили кое-гдѣ сопротивленіе единственно лишь со стороны мѣстнаго населенія, жестоко расправлявшагося съ многочисленными отсталыми. 13-го февраля французы заняли Шато-Тьерри, исправили тамъ мостъ и перешли въ свою очередь на правый берегъ Марны. На слѣдующее утро Мармону поручено было наблюдать за отступавшимъ Блюхеромъ, а Наполеонъ, ободренный одержанными успѣхами, мечталъ уже о возможности ударить на Шварценберга и разбить главную армію союзниковъ, такъ какъ надѣялся, что его побѣды наведутъ ужасъ на австрійскаго фельдмаршала, дѣйствительно принадлежавшаго къ числу весьма посредственныхъ полководцевъ. Императоръ ошибся, однако, въ данномъ случаѣ въ своихъ разсчетахъ. Князь Шварценбергъ дѣйствительно боялся его не на шутку и помнилъ, какіе жестокіе удары наносили не разъ уже французы австрійскимъ арміямъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ идти впередъ. 12-го февраля Виктору пришлось покинуть Ножанскій мостъ, и Наполеонъ вынужденъ былъ послать къ нему на подкрѣпленіе Макдональда съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ въ Монтеро. Рано утромъ 14-го февраля получено было извѣстіе, что Блюхеръ перешелъ опять въ наступленіе и отбросилъ маршала Мармона къ Фромантьеру. Въ полдень Наполеонъ соединился съ этимъ маршаломъ подъ Этожемъ, совершивъ знаменитый фланговый маршъ по болотистой, трудно проходимой мѣстности. Движеніе это считаютъ однимъ изъ самыхъ геніальныхъ маневровъ Наполеона. Двинувшись оттуда къ Вошану, французская пѣхота аттаковала армію Блюхера съ фронта, между тѣмъ какъ кавалерія, подъ начальствомъ Груши, обошла непріятеля съ фланга и ударила ему въ тылъ. Армія Блюхера казалась осужденной на неизбѣжную гибель, но, къ счастью для нея, артиллерія, которая была послана вмѣстѣ съ французскою конницей, значительно отстала вслѣдствіе бездорожья. Благодаря этому, войска Блюхера, построившись въ каре, отступавшія въ шахматномъ порядкѣ, хотя и понесли жестокій уронъ, но все-таки успѣли проложить себѣ путь сквозь

французскую конницу и укрыться въ лѣсу. Оттуда они поспѣшно отступили въ Бержеръ. Французы преслѣдовали ихъ только до Этожа. Наполеонъ разсчитывалъ сперва гнаться за остатками силезской арміи до самаго Шалона и, лишь окончательно ихъ уничтоживъ, вернуться назадъ, чтобы ударить на Шварценберга. Его остановило, однако, извѣстіе о томъ, что австрійскія и русскія войска дошли уже въ долинѣ Сены до Монтеро. Корпуса Удино и Виктора были оттѣснены къ Нанжи, и самому Парижу угрожала серьезная опасность.

Долго утверждали, будто въ трехъ только что упомянутыхъ бояхъ французы имѣли на своей сторонѣ значительный перевѣсъ въ численности, такъ что Наполеонъ, одерживая побѣды, не обнаруживалъ при этомъ обычной своей геніальности. Достаточнымъ отвѣтомъ на эти инсинуаціи служатъ цифровыя данныя, точность которыхъ признается теперь всѣми военными спеціалистами. Въ дѣлѣ подъ Шампобером 4.850 французовъ дрались съ 4.700 русскими. Подъ Монмиралемъ 22.700 русскихъ и пруссаковъ сражались съ 12.800 французовъ, а въ третьемъ бою, подъ Этожемъ, Наполеонъ, съ 10.300 человѣкъ, чуть не уничтожилъ армію Блюхера, имѣвшую подъ ружьемъ 21.500 человѣкъ. Естественно поэтому сравнивать эти три побѣды съ битвами подъ Монтенотте, Миллезимо и Дего. При внимательномъ обсужденіи, онѣ должны быть признаны даже еще болѣе блестящими. Наполеонъ, въ сорокачетырехлѣтнемъ возрастѣ, обнаружилъ такую же смѣлость, стойкость и геніальность, какъ въ дни своей молодости, но кромѣ всего этого онъ преодолѣвалъ въ 1814 году тяжкія трудности зимняго похода. Ему приходилось считаться съ неблагопріятной погодой, совершать быстрыя передвиженія по непроходимымъ почти дорогамъ, или же вести войска напрямикъ черезъ полузамерзшія болота и поля, залитыя водой, выступившей изъ сосѣднихъ канавъ. Наконецъ, ему надлежало теперь преодолѣвать сопротивленіе, созданное его же собственнымъ примѣромъ и воспитанное, если можно такъ выразиться, въ его школѣ. Онъ сражался съ отборными войсками материковой Европы, состоявшими подъ командой генераловъ и офицеровъ, закаленныхъ въ бояхъ и пользовавшихся въ теченіе семнадцати лѣтъ уроками военнаго дѣла, которые онъ преподавалъ самъ въ предшествовавшихъ своихъ кампаніяхъ. Неудивительно, если по временамъ французскій императоръ увлекался одерживаемыми имъ блестящими успѣхами и съ изумленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: неужели вся соединенная противъ него Европа не успѣла въ столь долгій періодъ времени обучиться военному дѣлу, такъ что ея полчища, въ два съ половиной раза превышавшія численность его арміи, вынуждены будутъ отступить, подъ предводительстомъ испытанныхъ своихъ боевыхъ генераловъ, не только за Рейнъ, но за Эльбу, Одеръ и, пожалуй, даже за Вислу. Читая прозаическую научно точную и какъ нельзя болѣе разсудительную военную его переписку, какъ-то не вѣрится, чтобы онъ серьезно могъ задаваться такими мечтами. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ

политическихъ и дипломатическихъ планахъ Наполеона замѣчались иногда колебанія, которыя можно только приписать самообману,



Ординарцы.
(Съ картины Мейссонье).

вызванному опьяненіемъ успѣха, побуждавшимъ его, послѣ побѣды надъ Шампобером, говорить Мармону о перенесеніи театра войны на Вислу.

Даже и теперь очень трудно разгадать затаенныя мысли князя Меттерниха и дипломатовъ, имѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1814 году рѣшающее вліяніе на судьбы Франціи. Въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ всѣ были увѣрены, что послѣ лейпцигскаго сраженія Наполеонъ постоянно самъ отвергалъ предложенія, съ которыми разъ за разомъ обращались къ нему союзные монархи, пылавшіе страстнымъ желаніемъ заключить миръ. Всѣ думали, что французскаго императора погубила сумасбродная сангвиническая увѣренность въ возможности силою оружія вернуть еще себѣ преобладаніе на материкѣ Европы. Недавно появившіеся въ свѣтъ мемуары, а въ особенности мемуары самого князя Меттерниха, вынуждаютъ, однако, заключить, что всѣ мирныя предложенія со стороны союзниковъ, послѣ лейпцигскаго сраженія, оказывались еще болѣе неискренными и фиктивными, чѣмъ передъ этимъ сраженіемъ и позже Пойшвицкаго перемирія. Кэстльри, прибывъ въ началѣ 1814 года въ главную квартиру союзниковъ, нашелъ какъ монарховъ, такъ и министровъ, убѣжденными въ томъ, что всякій миръ съ Наполеономъ окажется единственно лишь смѣшнымъ перемиріемъ. Слѣдствіемъ этого являлась общая увѣренность въ безусловной необходимости окончательно низвергнуть французскаго императора съ престола. Миролюбивому французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Коленкуру, дано уже было понять, что союзные монархи считаютъ умѣстнымъ отказаться отъ франкфуртскихъ своихъ предложеній и оставить Франціи лишь тѣ границы, которыя она имѣла въ бытность королевствомъ, т. е. отрѣзать отъ нея Бельгію съ важнымъ торговымъ городомъ Антверпеномъ. Относительно этого пункта обнаруживалось полное согласіе, не замѣчавшееся по всѣмъ остальнымъ пунктамъ. Русскій государь хотѣлъ во что бы ни стало завоевать Францію, низложить Наполеона и предложить французскому народу выборъ какой угодно формы правленія. Онъ намѣревался присоединить всю Польшу къ своимъ владѣніямъ, вознаградивъ императора Франца Эльзасомъ за Галицію. При такой комбинаціи Австрія оказалась бы парализованной непріязнью Пруссіи и Франціи, а потому не могла бы уже служить помѣхой видамъ русской политики на Востокѣ. Князь Меттернихъ желалъ вернуть прежнее политическое равновѣсіе, а потому рѣшился возстановить Бурбоновъ. Императоръ Францъ, въ свою очередь, писалъ своей дочери, что ни подъ какимъ видомъ не дозволитъ свергнуть ее и ея сына съ французскаго престола. Король Фридрихъ-Вильгельмъ и его министръ желали только обезпечить Пруссіи обладаніе тѣмъ, что ей удалось себѣ вернуть, благодаря побѣдѣ подъ Лейпцигомъ, но Штейнъ и его единомышленники хотѣли окончательно разгромить Францію. Кэстльри говорилъ съ авторитетомъ уполномоченнаго державы, у которой вся коалиція состояла на жалованьѣ. Онъ рѣшилъ отстранить Францію отъ всякаго вліянія въ Нидерландахъ, посадить на ея престолъ Бурбоновъ и установить въ Европѣ такое равновѣсіе, при которомъ Великобританія могла бы дѣлать, что ей заблагоразсудится во всѣхъ остальныхъ частяхъ свѣта. Онъ

не допускалъ даже и рѣчи о возвращеніи кому-либо колоній, отнятыхъ англичанами, или же о признаніи за торговыми судами нейтральныхъ державъ естественнаго права поддерживать коммерческія сношенія съ государствомъ, которому Англія объявила войну. Не обладая выдающимися государственными способностями, Кэстльри зачастую подчинялся вліянію Меттерниха. Оба они очень хлопотали о заключеніи невозможнаго союза между свободой, опирающейся на конституцію, и феодальнымъ деспотизмомъ.

Такъ называемый конгрессъ открылся, тѣмъ не менѣе, 5-го февраля въ Шатильонѣ. Чтобъ уяснить себѣ истинное его значеніе, необходимо принять во вниманіе, что рейхенбахскій договоръ все еще оставался секретнымъ. Эта конвенція и была дѣйствительнымъ фактомъ, скрывавшимся за пражскимъ конгрессомъ, франкфуртскими предложеніями и мангеймскими переговорами, служившими только для отвода глазъ. Всѣ они не имѣли ни малѣйшаго серьезнаго значенія, не говоря уже о шатильонскомъ конгрессѣ, собравшемся единственно только для соблюденія приличій. Въ мемуарахъ князя Меттерниха откровенно объясняется истинное положеніе дѣлъ. Нарушеніе швейцарскаго нейтралитета имѣло цѣлью возстановить въ Бернѣ прежнюю аристократическую конституцію и вернуть этому кантону преобладаніе надъ сосѣдними миніатюрными республиками. Императоръ Александръ, все еще выказывавшій внѣшнее уваженіе либеральнымъ принципамъ, изъявилъ по этому поводу свое неудовольствіе и воспретилъ возвращать Валлисъ прежнимъ его владѣльцамъ. Медленность движеній арміи князя Шварценберга, вызывавшаяся сперва робкою осторожностью, вполнѣ согласовалась съ желаніемъ Меттерниха истощить въ конецъ Францію, а затѣмъ вернуть ее Бурбонамъ. Блюхеръ и прусскіе либералы, въ свою очередь, хотѣли разгромить Францію для того, чтобъ Пруссія могла сбросить съ себя тяжкое иго милитаризма и обзавестись либеральнымъ конституціоннымъ правительствомъ, а потому негодовали, видя себя прикованными къ границѣ. Всѣ эти взаимно-противорѣчивыя стремленія и вызывавшееся ими раздраженіе отражались въ оффиціальныхъ переговорахъ, которые демонстративно велись на шатильонскомъ конгрессѣ. Наполеонъ угадалъ истинное положеніе дѣлъ, или, вѣрнѣе, былъ извѣщенъ о немъ своими шпіонами. Онъ относился поэтому совершенно равнодушно къ шатильонскому конгрессу и сперва даже отказывался дать Коленкуру полномочія, необходимыя для участія въ переговорахъ. Подъ конецъ, однако, французскіе маршалы, напуганные перспективой нескончаемой войны, которую открылъ имъ злополучный намекъ императора о возможности перенесенія театра военныхъ дѣйствій опять на Вислу, стали до такой степени настаивать на необходимости воспользоваться миролюбивыми заявленіями союзныхъ монарховъ, что Наполеонъ вынужденъ былъ имъ уступить.

Маре, долго считавшійся виновникомъ упрямыхъ отказовъ Наполеона отъ условій, которыми Австрія обставила свое посред-

ничество, оказывается, судя по его мемуарамъ, человѣкомъ самаго миролюбиваго характера. Въ настоящее время уже извѣстно, что упрямство Наполеона было тутъ, какъ говорится, не причемъ, и что присоединеніе Австріи къ коалиціи противъ западнаго императора было рѣшено Меттернихомъ тотчасъ же послѣ неудачной для французовъ кампаніи 1812 года. Маре описываетъ сношенія свои съ Наполеономъ во время шатильонскаго конгресса, причемъ, очевидно, задается цѣлью доказать собственную свою любовь къ миру. Послѣ неудачнаго боя подъ Ла-Ротьеромъ страшно перепуганный Коленкуръ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ просилъ о предоставленіи ему полномочій для заключенія мира. Маре, передавая это письмо Наполеону, просилъ его уступить и покориться судьбѣ. Наполеонъ, очевидно, нерасположенный къ уступкамъ, читалъ въ это время какъ разъ сочиненіе Монтескье: „О причинахъ величія и упадка римлянъ“ и указалъ тамъ на слѣдующую фразу: «Наиболѣе поразительный извѣстный мнѣ случай величія духа проявился въ рѣшеніи современнаго намъ монарха скорѣе погибнуть подъ развалинами своего трона, чѣмъ согласиться на предложенія, унизительныя для его царственнаго сана. Онъ обладалъ слишкомъ возвышенною душою, для того чтобы спуститься ниже того уровня, на который его оттѣснила непріязненная воля рока».—„Мнѣ лично, государь,—возразилъ Маре,—извѣстна еще болѣе грандіозная комбинація. Вамъ представляется теперь возможность пожертвовать своею славой, дабы закрыть бездну, угрожающую въ противномъ случаѣ поглотить не только васъ самихъ, но и Францію“.—„Ну, что же, господа, если вы пришли къ такому убѣжденію, заключайте миръ!—отвѣтилъ на это Наполеонъ.—Пусть Коленкуръ устраивается, какъ хочетъ, и подписываетъ, что ему заблагоразсудится. Я могу вынести всякое бѣдствіе, какое на меня обрушится, но, разумѣется, не стану диктовать унизительныя для себя условія мирнаго договора“. Маре сообщилъ Коленкуру о согласіи императора, но министръ иностранныхъ дѣлъ не пожелалъ принять на себя тяжкую отвѣтственность, налагавшуюся на него этимъ согласіемъ и требовалъ обстоятельныхъ инструкцій. Императоръ упорно отказывалъ въ нихъ, но взамѣнъ того далъ Коленкуру письменное разрѣшеніе принять всѣ мѣры, какія покажутся необходимыми для спасенія столицы. Коленкуръ началъ тогда снова просить обстоятельныхъ инструкцій, въ которыхъ Наполеонъ опять таки ему отказалъ, но затѣмъ, уступая настояніямъ Бертрана и Маре, изъявилъ, наконецъ, согласіе отказаться отъ Бельгіи и даже всего лѣваго берега Рейна. На другой день утромъ, а именно 8-го февраля, предполагалось подписать оффиціальную ноту, извѣщавшую объ этихъ уступкахъ; но тѣмъ временемъ получены были извѣстія о наступательномъ движеніи Блюхера. Войдя въ шатеръ императора, Маре нашелъ Наполеона погруженнымъ въ изученіе развернутой передъ нимъ карты. „Мнѣ теперь не до васъ,—объявилъ ему Наполеонъ.—Я замышляю дать хорошую потасовку Блюхеру“. При такихъ обстоятельствахъ подписаніе ноты было

отложено на неопредѣленно долгое время. Императоръ Александръ, ссылаясь на отказъ Коленкура представить условія, на которыхъ французскій императоръ согласенъ договариваться о мирѣ, временно пріостановилъ засѣданіе конгресса. Одержавъ разъ за разомъ три побѣды надъ силезскою арміей, Наполеонъ письменно сообщилъ, что предполагаетъ заключить миръ, принявъ въ основу франкфуртскія предложенія. Коленкуръ обратился къ союзникамъ съ просьбою о перемиріи и совѣтовалъ Наполеону хоть нѣсколько умѣрить свои требованія. Австрія очень желала перемирія, но императоръ Александръ упорно отказывался возобновить засѣданія конгресса до 18-го февраля, когда вся обстановка, повидимому, перемѣнилась, такъ что союзники какъ будто и въ самомъ дѣлѣ искренно желали заключить миръ. Коленкуръ, въ виду письма, полученнаго имъ отъ Наполеона 12 февраля, отказывался вести переговоры безъ обстоятельныхъ инструкцій и, за неимѣніемъ таковыхъ, упустилъ случай воспользоваться благопріятнымъ психологическимъ моментомъ. На него падаетъ такимъ образомъ отвѣтственность за то, что онъ не употребилъ въ дѣло письменное разрѣшеніе, данное ему Наполеономъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Маре утверждаетъ, что Коленкуръ могъ бы тогда спасти Францію, а потомъ ему не представлялось уже къ этому случая.

Безвыходное положеніе великаго полководца.

Пруссаки и австрійцы охотно соглашались на перемиріе съ Наполеономъ, полагая, что предъявленная Коленкуромъ просьба о перемиріи является со стороны французскаго императора какъ бы сознаніемъ въ полномъ безсиліи продолжать войну. Напротивъ того, согласіе, данное русскимъ государемъ 18 февраля на возобновленіе засѣданій шатильонскаго конгресса, было исторгнуто военными дѣйствіями, происходившими между 14 и 18 числами. Убѣдившись въ опасности, угрожавшей Парижу, Наполеонъ поручилъ Мармону наблюдать за разбитой арміей Блюхера, и, выступивъ къ Ла-Ферте-су-Жуарръ 15 февраля, сдѣлалъ съ своей арміей изумительно быстрый переходъ. Въ тридцать шесть часовъ французскія войска прошли около 80 верстъ и вечеромъ 16 февраля были уже на мѣстѣ. Они оказались достаточно еще свѣжими, для того чтобы на слѣдующее же утро перейти въ наступленіе. Австрійцы вынуждены были податься назадъ, вверхъ по теченію Сены. Предусматривая это наперед, Наполеонъ приказалъ маршалу Виктору овладѣть Монтеро и находившимся тамъ мостомъ. Этому маршалу пришлось, однако, предварительно вытѣснить австрійскій отрядъ изъ Вальжуана, такъ что онъ прибылъ въ Монтеро лишь въ шесть, или семь часовъ вечера. Найдя этотъ городъ занятымъ четырнадцатитысячнымъ корпусомъ германскихъ нѣмцевъ, подъ начальствомъ наслѣднаго принца виртембергскаго, Викторъ удовлетворился тѣмъ, что отбросилъ передовые непріятельскіе посты и расположился на

ночлегъ передъ городомъ. Наполеонъ, выбивъ 17 февраля Витгенштейна изъ Нанжи, разсчитывалъ быстро переправиться въ Монтеро черезъ мостъ, дабы такимъ образомъ воспрепятствовать князю Шварценбергу занять Фонтенебло и слѣдовательно охватить французское правое крыло. Императоръ чрезвычайно разгнѣвался на то, что маршалъ Викторъ не выполнилъ въ точности данныхъ ему инструкцій. Приписывая это вялости, онъ отнялъ у Виктора команду надъ корпусомъ. Вскорѣ, однако, тронутый сердечнымъ сокрушеніемъ, которое выказывалъ Викторъ, Наполеонъ преложилъ гнѣвъ на милость и отдалъ ему подъ начальство дивизію молодой гвардіи, подчинивъ его, впрочемъ, маршалу Нею. Со времени открытія кампаніи уже у троихъ наполеоновскихъ маршаловъ, а именно: Ожеро, Макдональда и Виктора обнаружилось физическое и духовное переутомленіе, не дозволявшее имъ подняться до уровня боевой пригодности, которой ожидалъ отъ нихъ Наполеонъ. „Намъ слѣдуетъ облечься въ сапоги и рѣшимость 1793 года“, писалъ императоръ маршалу Ожеро. Дѣйствительно, одна только чисто революціонная энергія могла въ этотъ моментъ спасти его дѣло. 18 февраля, послѣ шестичасового боя, французы, предводимые Жераромъ и Пажолемъ, ворвались въ Монтеро. Наполеонъ остановился въ Нанжи. Бертье получилъ тамъ черезъ парламентера письмо отъ князя Шварценберга съ заявленіемъ, что союзники прекращаютъ наступательное движеніе вслѣдствіе извѣстія о состоявшемся за день передъ тѣмъ подписаніи предварительныхъ условій мира. Очевидно, что это была беззастѣнчивая военная хитрость, нисколько не уступавшая коварнымъ уловкамъ, къ которымъ прибѣгали иногда наполеоновскіе генералы. Возможно, впрочемъ, что всѣ австрійскіе марши и контръ-марши, въ продолженіи предшествовавшихъ десяти дней, имѣли только характеръ хвастливой демонстраціи, разсчитанной на дипломатическій эффектъ. Какъ бы ни было, энергическое наступленіе Наполеона не на шутку застращало австрійскаго фельдмаршала. Въ то время, пока французы одерживали побѣду подъ Монтеро, главная армія союзниковъ отступала къ Труа, гдѣ и расположилась въ боевомъ порядкѣ. Наполеонъ съ негодованіемъ писалъ своему брату Іосифу о военной хитрости, къ которой счелъ нужнымъ прибѣгнуть князь Шварценбергъ, и заявлялъ, что союзники собираются, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ свою очередь просить перемирія, присовокупляя, что онъ лично согласится теперь подписать миръ не иначе, какъ на условіяхъ, изложенныхъ ими самими въ франкфуртскихъ предложеніяхъ. Тѣмъ временемъ онъ переправился съ своей арміей черезъ Сену и прибылъ въ Ножанъ, рѣшившись нанести ударъ главнымъ силамъ союзниковъ.

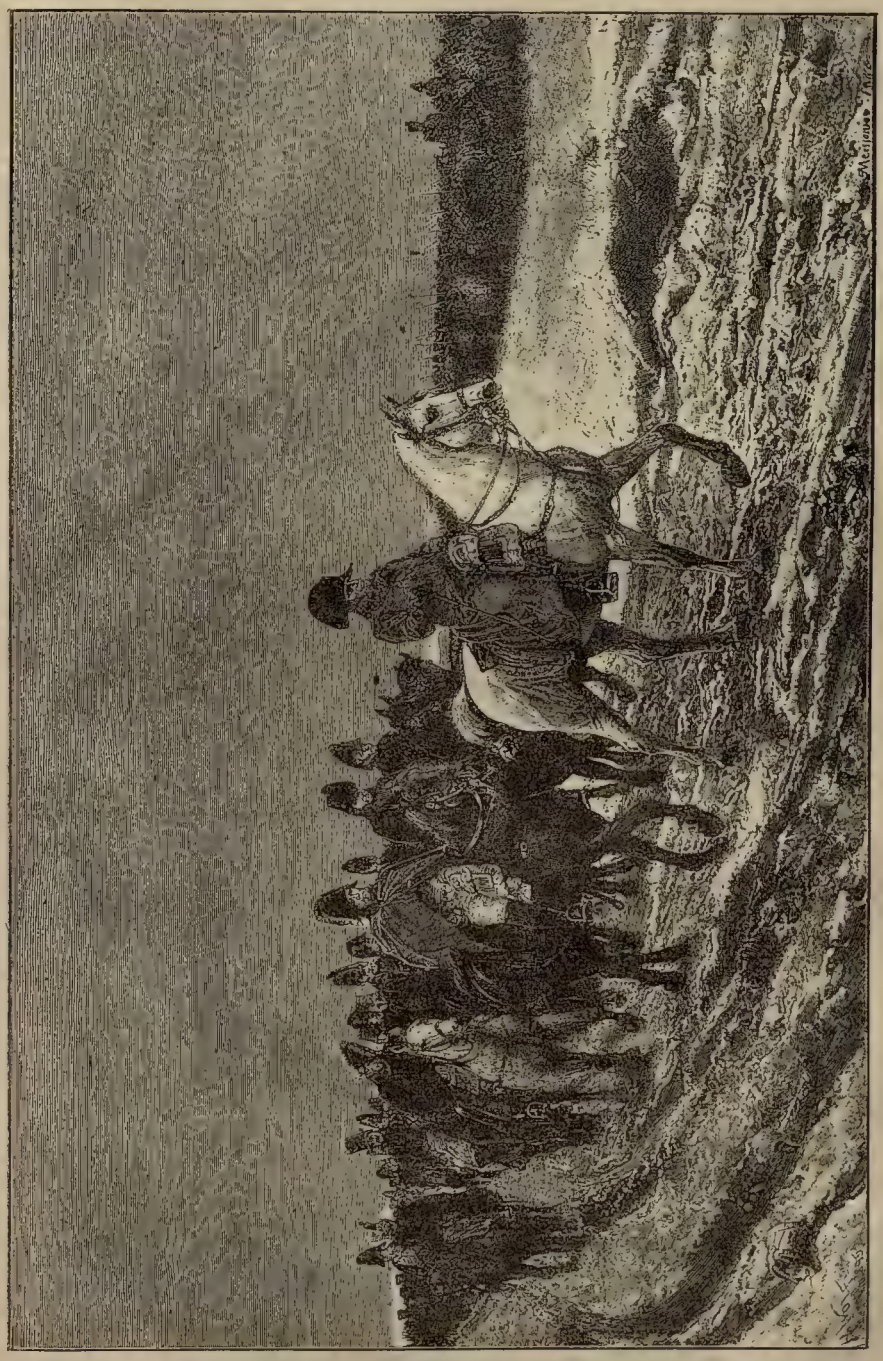
Французскій императоръ разсчитывалъ, что разгромленная имъ силезская армія не въ состояніи будетъ явиться на выручку къ князю Шварценбергу. Между тѣмъ Блюхеръ, обнаружившій въ данномъ случаѣ необычайную дѣятельность, собралъ свои войска въ Шалонѣ, гдѣ къ нимъ присоединились значительныя под-

крѣпленія, и, 21 февраля, армія его явилась уже въ Мери на Сенѣ, угрожая лѣвому флангу Наполеона, въ случаѣ движенія французовъ къ Труа. Тѣмъ временемъ, въ Парижѣ и во всей Франціи, пламя патріотизма возгорѣлось съ новою силою. Французскія войска были воодушевлены одержанными ими блестящими побѣдами, а потому Наполеонъ имѣлъ полное основаніе воспользоваться столь благопріятными условіями, чтобъ дать непріятелю рѣшительное сраженіе. Онъ послалъ Удино съ 10.000 корпусомъ сдерживать 45.000 армію Блюхера. Маршалъ этотъ выполнилъ блестящимъ образомъ возложенную на него обязанность. Онъ выбилъ пруссаковъ изъ части селенія, лежавшей на лѣвомъ берегу Сены, и устроилъ тамъ предмостное укрѣпленіе, подъ прикрытіемъ котораго разсчитывалъ удачно отражать всѣ покушенія непріятеля. Мармонъ остался съ 8.000 человѣкъ въ Сезаннѣ, чтобы прикрывать Парижъ, а Мортье, съ 10.000 корпусомъ, находился въ Суасоннѣ, дабы препятствовать всякимъ попыткамъ наступленія со стороны корпусовъ Іорка и Сакена. Заслонившись отъ арміи Блюхера, Наполеонъ съ главными своими силами двинулся къ Труа, разсчитывая ударить тамъ на армію князя Шварценберга. Французскія войска подошли лишь поздно вечеромъ къ этому городу и, такъ какъ не всѣ корпуса еще прибыли, императоръ отложилъ сраженіе до утра. У князя Шварценберга имѣлось подъ ружьемъ до 70.000 человѣкъ, но тѣмъ не менѣе онъ не осмѣлился принять бой и въ четыре часа утра, на разсвѣтѣ 22 февраля, ушелъ съ главными силами за рѣку Объ, оставивъ на позиціи аррьергардъ, въ тонкой растянутой линіи, чтобы поддерживать бивачные огни вдоль всего фронта и такимъ образомъ обмануть французскіе передовые посты. Прибывъ въ Баръ, австрійскій фельдмаршалъ написалъ 26 февраля чрезвычайно интересное оправдательное письмо, въ которомъ заявлялъ, что пораженіе подъ Труа повлекло бы за собой для союзниковъ необходимость отступленія уже не за Объ, а за Рейнъ. „Одна лишь крайняя необходимость могла бы побудить меня дать рѣшительный бой арміи, расположенной сражаться съ самоувѣренностью, пріобрѣтенной успѣхами, одержанными ею въ нѣсколькихъ предшествовавшихъ менѣе крупныхъ битвахъ, особенно же, когда эта армія маневрируетъ на собственной своей территоріи, имѣя возможность во всякое время пополнять запасы продовольствія и боевыхъ принадлежностей и, сверхъ того, опираясь на содѣйствіе вооруженныхъ крестьянъ“,—писалъ этотъ полководецъ.

Отступленіе князя Шверценберга придало иной характеръ дипломатическимъ переговорамъ въ Шатильонѣ. 19 февраля Коленкуръ получилъ отъ Наполеона депешу, которою отмѣнялись данныя ему передъ тѣмъ полномочія заключить миръ на такихъ условіяхъ, на какихъ это ему заблагоразсудится. Въ тотъ же самый день прибылъ къ Наполеону ультиматумъ конгресса, выработанный за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Союзные монархи требовали, чтобъ Франція отказалась отъ всѣхъ ея пріобрѣтеній съ 1792 года и чтобы самъ Наполеонъ не принималъ никакого уча-

стія въ международныхъ соглашеніяхъ, которыя могутъ имѣть мѣсто по заключеніи мира. Въ этой послѣдней оговоркѣ, очевидно, заключался намекъ на умѣстность для французскаго императора отречься отъ престола. Понятно, что этотъ намекъ вызвалъ у Наполеона бурное раздраженіе. Бертье и Маре съ трудомъ лишь удалось его успокоить, послѣ чего онъ послалъ конгрессу уклончивый оффиціальный отвѣтъ, не устранявшій возможности продолжать переговоры. Одновременно съ этимъ онъ составилъ, однако, контръ-проектъ, который и адресовалъ непосредственно императору Францу. Отказываясь уступить Антверпенъ и Бельгію, Наполеонъ въ этомъ контръ-проектѣ демонстративно ссылался на франкфуртскія предложенія самихъ союзныхъ государей. Въ заключеніе онъ заявлялъ: „Если намъ нельзя будетъ положить оружіе иначе какъ на оскорбительныхъ условіяхъ, предлагаемыхъ конгрессомъ, то геній Франціи и Провидѣніе, безъ сомнѣнія, окажутся на нашей сторонѣ".

Контръ-проектъ Наполеона вызвалъ у австрійскаго императора, какъ это, впрочемъ, и ожидалось, убѣжденіе, что миръ на материкѣ Европы на условіяхъ франкфуртскихъ предложеній оставитъ Франціи возможность собраться съ силами, обзавестись грознымъ военнымъ флотомъ и продолжать войну съ Англіей. Союзники чувствовали себя сильно встревоженными и отвѣтили въ миролюбивомъ тонѣ, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о заключеніи перемирія. Наполеонъ согласился, постановивъ, однако, что военныя дѣйствія могутъ продолжаться во время предварительныхъ переговоровъ и что въ протоколъ должно быть внесено заявленіе: „Уполномоченные соберутся въ Шатильонѣ для обсужденія мира на условіяхъ, предложенныхъ въ Франкфуртѣ". Комиссія для переговоровъ о перемиріи съѣхалась 24 февраля, въ то время, когда союзники уже раздумали заключать таковое. Это явствуетъ между прочимъ изъ депеши Фридриха-Вильгельма къ Блюхеру отъ 26 февраля, въ которой прямо заявляется: «Никакого перемирія на самомъ дѣлѣ не будетъ". Въ тотъ же день, на военномъ совѣтѣ, было рѣшено сформировать особую армію для вторженія въ южную Францію. Блюхера уполномочили сдѣлать диверсію, чтобы отвлечь Наполеона отъ главной арміи союзниковъ. Онъ, впрочемъ, уже заранѣе самъ принялъ такое рѣшеніе, передвинувшись съ своей арміей вправо. Наполеонъ, оставивъ Макдональда и Удино съ сорокатысячной арміей идти слѣдомъ за княземъ Шварценбергомъ, поспѣшно двинулся съ остальными своими войсками вслѣдъ за Блюхеромъ. 28 февраля комиссія, долженствовавшая договориться о заключеніи перемирія, отсрочила свои засѣданія, предъявивъ французскимъ уполномоченнымъ единственно лишь для соблюденія формальностей, прежній ультиматумъ союзныхъ державъ. Къ тому времени, въ главной квартирѣ союзниковъ полагали, что вниманіе Наполеона въ достаточной степени отвлечено отъ арміи князя Шварценберга. Австрійскій фельдмаршалъ, войска котораго отдохнули и оправились, началъ дѣйствовать гораздо самоувѣреннѣе, зная, что Блюхеръ



1814. Кампанія во Франціи. (Съ картины Мейссонье).

идетъ къ Парижу, а Наполеонъ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Обладая громаднымъ превосходствомъ въ численныхъ силахъ, главная армія перешла опять въ наступленіе. Оттѣснивъ войска Макдональда и Удино къ западу отъ Труа, она остановилась опять у этого города, собираясь отступить за Рейнъ, какъ только Блюхеръ потерпитъ новое пораженіе. Шатильонскій конгрессъ формально возобновилъ свои засѣданія 1 марта. Эта безцѣльная кукольная комедія продолжалась до 19 марта, когда засѣданія конгресса окончательно прекратились. Никто изъ высокопоставленныхъ лицъ, за исключеніемъ князя Шварценберга и прусскаго короля, не присутствовали на этихъ засѣданіяхъ. Всѣ остальные монархи и дипломаты уѣхали въ Шалонъ, гдѣ 9 марта Россія, Австрія и Пруссія подписали договоръ съ Англіей, помѣченный первымъ числомъ означеннаго мѣсяца. Они обязались, за ежегодную субсидію въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которая будетъ дѣлиться между ними поровну, держать на театрѣ войны по сто пятьдесять тысячь человѣкъ хотя бы даже въ продолженіи двадцати лѣтъ, если Наполеонъ не захочетъ удовлетвориться для Франціи тѣми границами, которыя она имѣла при короляхъ. Оговорка эта была, очевидно, сдѣлана, лишь для соблюденія приличій.

Шалонская конвенція являлась предшественницей извѣстнаго тройственнаго союза между Россіей, Австріей и Пруссіей, который стѣснялъ свободу дѣйствій Англіи въ послѣдующій періодъ ея исторіи.

Переправившись 27-го февраля черезъ Марну съ половиной своей арміи, Блюхеръ сдѣлалъ попытку перейти черезъ Уркскій каналъ, чтобы аттаковать Мо съ Сѣвера. Маршалы Мармонъ и Мортье, въ распоряженіи которыхъ имѣлось всего лишь 16.000 человѣкъ, успѣшно отразили эту попытку. Вслѣдъ затѣмъ къ нимъ подошло изъ Парижа подкрѣпленіе изъ 6.000 новобранцевъ, и тогда самому Блюхеру пришлось поспѣшно отступать. Войска его были бы совершенно уничтожены, еслибъ Наполеонъ подоспѣлъ во-время отрѣзать имъ путь отступленія. Онъ и дѣйствительно шелъ съ величайшей поспѣшностью впередъ, вверхъ по Уркской долинѣ, но все-таки прибылъ къ берегамъ Марны слишкомъ поздно, чтобы разгромить силезскую армію, арьергардъ которой успѣлъ уже перейти обратно черезъ Марну. Наполеонъ находился въ недоумѣніи, не лучше-ли ему вернуться, чтобы покончить счета съ княземъ Шварценбергомъ, но, принимая во вниманіе, что Суассонская крѣпость занята достаточно сильнымъ гарнизономъ, рѣшилъ, что Блюхеръ долженъ будетъ отступать на Востокъ и переправиться черезъ рѣку Энъ близъ Фима, причемъ можно будетъ нанести пруссакамъ гибельный ударъ во флангъ. Разсчетъ этотъ оказался, однако, ошибочнымъ. Къ несчастью для Наполеона, маршалъ Мармонъ оставилъ въ Суассонѣ комендантомъ совершенно неопытнаго генерала, который сдалъ крѣпость почти безъ сопротивленія 2-го марта, когда Бюловъ и Винценгероде, прибывшіе изъ Нидерландовъ, неожиданно передъ нею явились.

Благодаря этой совершенно непредвидѣнной удачѣ, Блюхеръ получилъ возможность укрыться въ Суассонѣ и дать тамъ роздыхъ своимъ утомленнымъ разстроеннымъ войскамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему присоединились тамъ два свѣжихъ корпуса, воодушевленныхъ одержаннымъ ими успѣхомъ. Они послужили потомъ для Блюхера превосходнымъ аррьергардомъ.

Наполеонъ, которому и въ голову не приходила возможность сдачи Суассона, не выказалъ никакими внѣшними проявленіями отчаянія, которое онъ, безъ сомнѣнія, испытывалъ, видя, что отъ него ускользнула силезская армія, казавшаяся уже осужденной на окончательную гибель. Французскій императоръ переправился 5-го марта черезъ Энъ и занялъ Реймсъ, чтобы отрѣзать, по крайней мѣрѣ, всякое сообщеніе между Блюхеромъ и Шварценбергомъ. Оттуда онъ повернулъ на соединеніе съ Мармономъ и Мортье, намѣреваясь оттѣснить Блюхера далѣе на сѣверъ. Въ письмѣ къ Жозефу Наполеонъ объяснялъ, что имѣлъ при этомъ въ виду заручиться достаточнымъ досугомъ, для того, чтобы вернуться черезъ Шалонъ и разгромить армію Шварценберга.

Несмотря на неудачи, которыя терпѣлъ до тѣхъ поръ Блюхеръ при каждой своей попыткѣ перейти въ наступленіе, онъ не имѣлъ намѣренія уходить безъ боя и, вмѣсто того, чтобы отступать къ сѣверу, поворотилъ на востокъ, разсчитывая ударить Наполеону во флангъ. Обѣ арміи встрѣтились неожиданно другъ съ другомъ 6-го марта подъ Краономъ и завязали тамъ бой, имѣвшій, однако, въ первый день нерѣшительный характеръ. Наполеонъ былъ незнакомъ съ окрестною мѣстностью, а потому старался получить по возможности обстоятельныя свѣдѣнія отъ жителей. Кто-то случайно упомянулъ при немъ о де-Бюсси, мэрѣ ближайшаго мѣстечка. Изумительная память Наполеона тотчасъ же заставила его вспомнить о поручикѣ де-Бюсси, служившемъ вмѣстѣ съ нимъ въ полку ла-Фэръ. Мэръ, дѣйствительно, оказался бывшимъ поручикомъ и, стараясь услужить императору, сообщилъ ему множество мелочныхъ подробностей, которыя могли лишь сбить съ толку Наполеона. Дѣйствительно, императоръ вынесъ такое впечатлѣніе, что Блюхеръ не рѣшится дать бой на столь неудобной мѣстности, и что на слѣдующій день придется имѣть дѣло лишь съ его аррьергардомъ. Предположенія эти не оправдались. Правда, что мѣстность оказалась неудобной для передвиженій кавалеріи и артиллеріи, но Блюхеръ все-таки не отчаявался въ успѣхѣ. Русская пѣхота, предводимая Сакеномъ, стояла какъ стѣна, цѣлый день отражая послѣдовательныя аттаки Нея и Виктора. Лишь къ ночи прусскій главнокомандующій убѣдился въ невозможности воспользоваться на обледенѣвшихъ поляхъ многочисленною своею кавалеріею и отдалъ приказаніе отступать къ Лаону. Такимъ образомъ французы одержали подъ Краономъ побѣду, обошедшуюся очень дорого. Обѣ стороны понесли почти одинаковый уронъ, но для малочисленной французской арміи уронъ этотъ оказывался гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ для союзниковъ. Преслѣдованіе отступавшаго непріятеля

велось очень энергично, но все-таки не дало сколько-нибудь крупныхъ результатовъ. „Молодая гвардія таетъ, какъ снѣгъ. Старая гвардія еще цѣла, но численность гвардейской кавалеріи значительно уменьшилась“, признается самъ Наполеонъ въ одномъ изъ неоффиціальныхъ своихъ писемъ. Тѣмъ не менѣе онъ спѣшилъ впередъ. Ночь съ 7-го на 8-е марта онъ провелъ на постояломъ дворѣ подъ вывѣскою „Ангела Хранителя“. Тамъ прибылъ къ нему курьеръ изъ Шатильона. Конгрессъ все еще продолжалъ свои засѣданія, но геніальному полководцу это было совершенно безразлично. Онъ зналъ, что союзники увеличивали свои требованія съ каждой одержанной ими побѣдой, а между тѣмъ, потерпѣвъ пораженіе, не считали нужнымъ сокращать таковыя. Наполеонъ зналъ, что коалиція, состоя на жалованьѣ у Англіи, задалась цѣлью во что бы то ни стало его уничтожить. Какимъ бы сговорчивымъ онъ ни былъ, это не помогло бы дѣлу, несмотря на всѣ лицемѣрныя увѣренія князя Меттерниха. По временамъ французскій императоръ самъ говорилъ, что стоитъ надъ бездонною пропастью, добавляя: „Постараюсь быть послѣднимъ изъ числа тѣхъ, кого она поглотитъ“. Онъ не далъ никакого отвѣта на присланное ему извѣщеніе и провелъ всю ночь, выработывая диспозицію къ сраженію подъ Лаономъ.

Городъ этотъ стоитъ на холмѣ, довольно круто подымающемся террасами надъ равниной. Блюхеръ расположилъ 8-го марта свою армію въ этомъ городѣ и по обѣимъ его сторонамъ, причемъ самъ Лаонъ несомнѣнно являлся ключемъ всей позиціи. Наполеонъ былъ охотникомъ до ночныхъ движеній въ дружественной странѣ, а потому, на разсвѣтѣ 9-го марта, армія его явилась уже на поле сраженія и оттѣснила непріятельскіе передовые посты. Въ семь часовъ утра Ней и Мортье, подъ прикрытіемъ тумана, начали бой и овладѣли двумя селеніями у самой подошвы холма. Мармонъ, дѣйствовавшій на правомъ крылѣ, подался слишкомъ въ сторону, такъ что оказался отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ русскимъ казачьимъ отрядомъ. Тѣмъ не менѣе онъ аттаковалъ селеніе Ати и послѣ упорнаго боя, продолжавшагося цѣлый день, овладѣлъ частью этого селенія. Тамъ войска его расположились биваками, а самъ онъ уѣхалъ въ замокъ Эпи, гдѣ разсчитывалъ провести съ комфортомъ ночь. Наполеонъ узналъ лишь въ полдень, что Мармонъ далъ себя отрѣзать. Это заставило императора повести, съ большей, чѣмъ когда-либо энергіей, аттаку на Лаонъ. Французамъ не удалось, однако, ворваться въ городъ. Удачная оборона придала Блюхеру достаточно самоувѣренности для того, чтобы задумать и выполнить ночное нападеніе на войска Мармона, которыя и были совершенно разбиты ударившими на нихъ корпусами Іорка и Клейста. На разсвѣтѣ 10-го марта Наполеонъ стоялъ, повидимому, въ полной готовности продолжать бой. Даже, получивъ извѣстіе о разгромѣ праваго своего крыла, онъ не выказалъ ни малѣйшаго смущенія. Напротивъ того, отданныя имъ распоряженія дышали такимъ же безстрашіемъ, какъ еслибъ его армія находилась все еще въ цѣлости и сохранности. Со стороны Наполеона это было, вѣ-

Это онъ! (Съ картины Фламента).

роятно, военною хитростью, разсчитанной на то, чтобы обмануть непріятеля относительно дѣйствительной численности французской

арміи. Означенная хитрость дѣйствительно удалась, такъ какъ пруссаки не посмѣли преслѣдовать Мармона, ожидая съ минуты на минуту рѣшительнаго нападенія главныхъ силъ наполеоновской арміи. Они убѣдились въ своей ошибкѣ лишь въ четыре часа пополудни, когда армія эта начала уже отступать. На слѣдующее утро она прибыла въ Суассонъ, потерявъ въ неудачномъ лаонскомъ бою до 6.000 убитыми и ранеными. Присутствіе Наполеона на полѣ сраженія и на этотъ разъ парализовало союзниковъ. Оно внушило имъ такой ужасъ, что они не посмѣли преслѣдовать отступавшую французскую армію. Въ главной квартирѣ Блюхера происходили такіе раздоры, что генералъ Іоркъ въ негодованіи бросилъ свой корпусъ и уѣхалъ въ Голландію. Блюхеръ, въ свою очередь, находилъ для себя положительно невозможнымъ командовать при такихъ условіяхъ арміей. Главное начальство надъ нею должно было бы перейти тогда по старшинству къ генералу Ланжерону, французскому эмигранту на русской службѣ. Стараясь отклонить отъ себя эту опасную честь, онъ говорилъ: „Ради самого неба, чтобы тамъ ни случилось, но мы, начальствующіе, все-таки должны держаться вмѣстѣ“. „Начальствующіе“ со слезами на глазахъ написали дрожащими руками, въ крупныхъ каракуляхъ, письмо, упрашивая Іорка вернуться. Письмо это, вмѣстѣ съ посланіемъ отъ прусскаго наслѣднаго принца, дѣйствительно побудило упрямаго, но талантливаго Іорка преложить гнѣвъ на милость и принять опять команду надъ своимъ корпусомъ.

Тѣмъ временемъ арьергардъ Ланжерона, подъ начальствомъ Сенъ-При, тоже французскаго эмигранта, овладѣлъ Реймсомъ. Наполеонъ могъ остановиться въ Суассонѣ всего лишь на одинъ день, но къ нему подошли тамъ новыя подкрѣпленія, состоявшія изъ двухъ съ половиной тысячъ кавалеріи, двухъ полковъ пѣхоты, въ томъ числѣ одного, сформированнаго изъ старыхъ солдатъ, и нѣсколькихъ артиллерійскихъ баттарей. Подкрѣпленія эти были присланы изъ Парижа, хотя настроеніе умовъ тамъ представлялось уже крайне неблагопріятнымъ. Парижскому населенію извѣстно было истинное положеніе дѣлъ. Іосифъ чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, императрица же и ея дворъ со дня на день ждали какой-нибудь катастрофы. На югѣ Франціи Сультъ былъ отброшенъ къ Тулузѣ, на юго-западѣ шевелились роялисты, а на югѣ-востокѣ армія Ожеро отступала къ Тулону. Армія Макдональда была настолько слабѣе главныхъ силъ фельдмаршала Шварценберга, что при первой же попыткѣ ихъ къ наступленію должна была покинуть Провенъ. Между тѣмъ не было ни малѣйшей возможности скрыть неудачу подъ Лаономъ. При всемъ томъ, административный имперскій механизмъ продолжалъ работать своимъ чередомъ, изготовляя солдатъ изъ предназначавшагося для того сырого матеріала. Благодаря подкрѣпленіямъ, полученнымъ въ Суассонѣ, Наполеонъ пополнилъ убыль въ рядахъ своей арміи. Мармонъ, въ свою очередь, принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы поправить по возможности бѣду, которая произошла по его недосмотру, и собралъ въ Фимѣ подъ своимъ начальствомъ около 8.000

человѣкъ. Смѣлость стратегическихъ мѣропріятій Наполеона производила теперь на этого маршала подавляющее впечатлѣніе. Онъ становился фактически неспособнымъ къ отчаянному самопожертвованію, которое одно только и могло сдѣлать его пригоднымъ помощникомъ императору при тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ Мармону очень хотѣлось загладить свою неудачу подъ Атисомъ. Рано утромъ, 13-го марта, главная французская армія выступила изъ подъ Суассона, а въ четыре часа пополудни Мармонъ повелъ уже аттаку на Реймсъ. Самъ Наполеонъ пріѣхалъ къ началу боя, но войска его подходили лишь медленно и постепенно. Особенно чувствовался недостатокъ въ артиллеріи большого калибра, которая могла бы разбить городскія ворота. Борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ величайшимъ мужествомъ и храбростью. Генералъ Сенъ-При былъ убитъ ядромъ изъ той самой пушки, которая смертельно ранила Моро въ сраженіи подъ Дрезденомъ. Наполеонъ писалъ своему брату по этому поводу: „Поневолѣ приходится воскликнуть: О, Провидѣніе!“ Къ десяти часамъ вечера войска, оборонявшія Реймсъ, начали поспѣшно отступать оттуда. Наполеонъ всталъ тогда съ медвѣжьей шкуры, на которой отдыхалъ передъ бивачнымъ костромъ и, опасаясь, чтобы добыча отъ него не ускользнула, приказалъ только что прибывшей артиллеріи немедленно же разбить ворота. Вслѣдъ затѣмъ французы ринулись на штурмъ и взяли городъ послѣ кровопролитнаго боя, въ которомъ союзники потеряли 3.000 человѣкъ убитыми и столько же плѣнными. Уронъ французовъ не превышалъ 1.000 человѣкъ. При въѣздѣ императора въ Реймсъ населеніе встрѣтило его съ величайшимъ восторгомъ. Весь городъ былъ иллюминованъ самымъ блестящимъ образомъ.

На слѣдующее утро Наполеонъ, встрѣтившись съ маршаломъ Мармономъ, осыпалъ его горькими упреками за поведеніе подъ Ати. Вообще онъ говорилъ съ нимъ въ такомъ тонѣ, въ какомъ разгнѣванный отецъ могъ бы говорить съ своимъ нерадивымъ сыномъ. Фактъ этотъ служитъ уже самъ по себѣ доказательствомъ, что Наполеонъ сознавалъ всю безнадежность своего положенія. Мармонъ только что одержалъ побѣду и былъ, такъ сказать, героемъ дня. Ради этого можно было простить маршалу предшествовавшую вину и тѣмъ самымъ обезпечить себѣ дальнѣйшую его преданность. Еслибъ Наполеонъ чувствовалъ себя не въ такой степени разстроеннымъ, онъ бы непремѣнно такъ и сдѣлалъ. Зная, однако, что война можетъ протянуться въ самомъ выгодномъ для него случаѣ еще лишь нѣсколько недѣль, онъ невольно впадалъ въ шаржъ, доигрывая до конца роль увѣреннаго въ себѣ монарха и полководца. Надо полагать, впрочемъ, что передъ Наполеономъ мелькала по временамъ, даже и въ эти критическія времена, надежда на успѣхъ. За послѣдніе два года на циферблатѣ его счастья тѣнь постепенно убывала. Французскому императору положительно не везло и, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ случайностей, одна блестящая его комбинація за другой терпѣли фіаско. При всемъ томъ, идеи великаго полководца оставались такими же грандіозными, какъ и

въ лучшія времена его славы. Никогда еще онъ не обнаруживалъ столь изумительнаго искусства въ дѣлѣ приспособленія своихъ плановъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе результаты не соотвѣтствовали потраченнымъ на нихъ усиліямъ. При такихъ обстоятельствахъ немудрено, если проступокъ, который, въ счастливыя времена, показался бы Наполеону легкой провинностью, производилъ теперь на него впечатлѣніе тяжкой вины. Высшіе французскіе военные и гражданскіе сановники брали примѣръ только съ дурныхъ, а не съ хорошихъ сторонъ своего императора. Они пріобрѣли подобныя же слабости, какъ и Наполеонъ, но не сохранили въ себѣ изумительной его энергіи и геніальной ловкости. Они утратили юношескій пылъ, благодаря которому Наполеонъ увлекалъ ихъ въ былыя времена за предѣлы кажущагося осуществимымъ, а теперь, когда, въ такой критическій моментъ, императоръ, для осуществленія геніальныхъ своихъ замысловъ, нуждался, положительно нуждался въ крайнемъ напряженіи энергіи со стороны подчиненныхъ, они то и дѣло оказывались несостоятельными. Началомъ конца послужила для геніальнаго полководца упомянутая уже утрата Суассона, сдавшагося непріятелю безъ настоятельной необходимости въ такую минуту, когда, съ сохраненіемъ этого города въ рукахъ французовъ, силезская армія оказывалась обреченной на неизбѣжную гибель. Еслибъ суассонскій комендантъ не принялъ предложенной ему капитуляціи, война совершенно измѣнила бы свой характеръ, ибо князь Шварценбергъ окончательно уже рѣшился отступить за Рейнъ, какъ только получитъ извѣстіе о разбитіи Блюхера. При существующихъ же условіяхъ, Наполеонъ, видя, что счастье отворачивается отъ него съ такимъ упорствомъ, утратилъ самъ вѣру въ въ себя и сдѣлался болѣзненно раздражительнымъ, что, разумѣется, еще болѣе усиливало недовольство его маршаловъ. Въ присутствіи Наполеона чувство патріотизма у мѣстнаго населенія вспыхивало какъ порохъ, хотя все-таки народъ не подымался еще на супостата. При такихъ обстоятельствахъ, великій полководецъ пересталъ подъ конецъ вести войну сколько-нибудь правильнымъ и раціональнымъ образомъ. Подобно утомленному бойцу на шпагахъ, онъ дѣлалъ отъ времени до времени грозные выпады, но голова его была уже отуманена и самая шпага надломлена. Можно было, разумѣется, отыскать во Франціи еще нѣкоторыя уцѣлѣвшія хранилища энергіи и употребить въ дѣло кое-какіе неиспытанные еще стратегическіе пріемы, но въ концѣ концовъ предстояла все-таки неизбѣжная гибель. Движеніе на Реймсъ являлось, со стороны Наполеона, грознымъ, судорожнымъ ударомъ умирающаго гладіатора.

Наполеонъ въ изгнаніи и возвращеніе его оттуда.

Напряженіе послѣднихъ силъ.—Сдача Парижа.—Первое отреченіе отъ престола.—Императоръ острова Эльбы.—Наполеонъ-освободитель Франціи.

Напряженіе послѣднихъ силъ.

Взятіе Реймса хотя и не оказало существеннаго вліянія на окончательные результаты кампаніи, но во всякомъ случаѣ являлось для союзниковъ серьезной угрозой. Получивъ извѣстіе о происшествіяхъ подъ Лаономъ, Шварценбергъ немедленно двинулъ свою армію на Макдональда, а Блюхеръ, давъ своимъ утомленнымъ войскамъ двухдневный раздыхъ, которымъ воспользовался и самъ для возстановленія нѣкотораго порядка среди непокорныхъ своихъ подчиненныхъ, тоже перешелъ въ наступленіе и осадилъ Компіенъ. Взятіе Наполеономъ Реймса заставило и австрійцевъ, и пруссаковъ пріостановиться. Въ обѣихъ арміяхъ обнаружился упадокъ духа, и онѣ принялись отходить назадъ. Ланжеронъ писалъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ: „Наполеонъ былъ какимъ-то пугаломъ для нашихъ командировъ. Онъ мерещился имъ всюду. Дѣйствительно, онъ колотилъ насъ всѣхъ поочередно. Смѣлость его предпріятій, быстрота движеній и замѣчательное искусство комбинацій, держали насъ въ постоянномъ страхѣ. Едва лишь мы успѣвали выработать какой-либо планъ дѣйствій, какъ онъ уже оказывался разстроеннымъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, повинуясь призыву Наполеона, французскіе крестьяне вели теперь противъ союзниковъ организованную народную войну и отплачивали за грабежи, поджоги и военныя экзекуціи жестокими репрессаліями, при мысли о которыхъ морозъ подиралъ по кожѣ солдатъ, отправлявшихся на фуражировку. Ужасъ, охватившій союзниковъ, дошелъ почти до паническаго страха, когда получено было извѣстіе о томъ, что Бернадоттъ, спокойно стоявшій въ Люттихѣ съ 23.000 своихъ шведовъ, принялъ парламентера, присланнаго ему Іосифомъ. Неужели этотъ хитрый честолюбецъ, все еще носившійся съ мыслью царствовать во Франціи, собирался теперь измѣнить коалиціи?

Изъ Парижа постоянно прибывали подкрѣпленія въ лагерь Наполеона. Правда, они были не велики, но императоръ, узнавъ, что Шварценбергъ и Блюхеръ оба отступили, счелъ возможнымъ ударить вторично на перваго изъ нихъ. Оставивъ Мармона съ 7.000 человѣкъ въ Берри (au—Bac), а Мортье съ 10.000 въ Реймсѣ и Суассонѣ, онъ приказалъ имъ во что бы ни стало прикрывать Парижъ отъ наступательныхъ попытокъ со стороны Блюхера, а самъ двинулся 17-го марта къ Арси на Обѣ. Онъ могъ бы идти прямо на Мо, но это движеніе имѣло бы чисто оборонительный характеръ, загораживая союзникамъ дорогу къ Парижу, тогда какъ задуманный Наполеономъ маневръ долженъ былъ, по собственнымъ

его словамъ, потрясти непріятеля и вызвать неожиданныя, новыя усложненія.

Движеніе арміи Шварценберга за послѣдніе три дня вызвали у Наполеона предположеніе, что австро-русскія войска собираются отступить въ вогезскія горы, или еще далѣе. Французскій императоръ находилъ это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что оно вполнѣ согласовалось съ его собственными завѣтными надеждами. Поэтому, 20-го марта, онъ объявилъ о своемъ рѣшеніи направиться далѣе къ востоку, за Труа, къ пограничнымъ крѣпостямъ, находившимся все еще въ рукахъ французовъ. Въ этотъ самый день, однако, ему пришлось разочароваться. Высланные имъ кавалерійскіе разъѣзды вскорѣ вернулись. Тѣснимые непріятельскою конницей, они мчались съ такой быстротой, что остановились лишь послѣ того, какъ императоръ, обнаживъ шпагу, самъ загородилъ имъ дорогу. Затѣмъ послѣдовалъ краткій, но упорный бой, въ которомъ 16.000 французовъ сражались съ 24.500 непріятелей. Этотъ случайно завязавшійся бой оказался нерѣшительнымъ, но во всякомъ случаѣ Наполеонъ удержалъ за собою позицію. Сосѣдняя деревня Торси была тоже атакована союзниками, и французамъ пришлось сперва тамъ податься назадъ, но затѣмъ они, въ свою очередь, ударили на непріятеля и къ ночи завладѣли опять селеніемъ. Отовсюду съ передовыхъ постовъ получались, однако, извѣстія, что союзники не отступаютъ, а, напротивъ того, идутъ впередъ. Такое неожиданное проявленіе мужества со стороны князя Шварценберга озадачило Наполеона. Послѣ долгаго размышленія, онъ счелъ, однако, возможнымъ заключить, что выдвинутыя противъ него войска составляютъ лишь аррьергардъ, прикрывающій отступленіе непріятельскихъ главныхъ силъ. Нельзя сказать, чтобы предположенія французскаго императора являлись вполнѣ ошибочными. Тѣмъ не менѣе они уклонялись отъ истины въ достаточной степени для того, чтобы совершенно разстроить его разсчеты.

Благодаря сверхчеловѣческимъ усиліямъ Коленкура, шатильонскій конгрессъ все еще продолжалъ свои засѣданія. 13-го марта министръ Наполеона обратился къ своему императору съ послѣднимъ, отчаяннымъ возваніемъ. Происходившія тѣмъ временемъ военныя дѣйствія задержали гонца на три дня, но тотчасъ же по его прибытіи, 16-го марта, Маре, присоединившійся къ настояніямъ Коленкура, вынудилъ согласіе Наполеона на значительныя уступки, въ томъ числѣ на уступку Антверпена, Майнца и Александріи. Въ оффиціальной депешѣ отъ 17-го марта, адресованной Коленкуру, Маре сообщалъ, что императоръ уполномочиваетъ заключить миръ на какихъ угодно условіяхъ, съ одной лишь оговоркой относительно рѣшимости удержать за собою то, чѣмъ будетъ владѣть ко времени прекращенія военныхъ дѣйствій. Посланный съ этой депешой тоже задержался въ дорогѣ лишнихъ три дня и лишь 21-го марта доѣхалъ до Шатильона. Коленкуръ въ это время какъ разъ выѣзжалъ оттуда. Вторичное полномочіе заключить миръ на какихъ угодно условіяхъ было получено слиш-

комъ уже поздно. Несмотря на всю свою ловкость, министръ Наполеона оказался не въ силахъ тянуть переговоры долѣе 18-го марта. Не получивъ немедленнаго отвѣта на свою просьбу, онъ, за нѣсколько дней до прекращенія засѣданій, отправилъ къ императору второго гонца съ извѣщеніемъ, что конгрессъ окончательно закрывается. Наполеонъ узналъ объ этомъ въ Феръ-Шампенуазѣ, вскорѣ послѣ того, какъ былъ отправленъ гонецъ въ Шатильонъ. За день передъ тѣмъ были получены императоромъ весьма непріятныя извѣстія изъ южной Франціи. Городъ Бордо отворилъ свои ворота небольшому англійскому отряду подъ начальствомъ Гилля, причемъ народъ восторженно привѣтствовалъ герцога Ангулемскаго, который публично объявилъ о вступленіи французскаго короля Людовика XVIII на престолъ своихъ предковъ. Повидимому, эти извѣстія, равно какъ и прекращеніе шатильонскаго конгресса, не произвели на французскаго императора особенно глубокаго впечатлѣнія. Наполеонъ хорошо зналъ своихъ гасконцевъ и въ то же время полагалъ, что его новыя полномочія успѣли уже прибыть въ Шантильонъ. Воодушевленный самыми оптимистическими надеждами и желая какъ можно лучше воспользоваться промежуткомъ времени до окончанія переговоровъ, онъ быстро двинулся къ городу Арси.

Въ Труа, главной квартирѣ князя Шварценберга, происходило нѣчто вродѣ паники. Здоровье самого князя такъ сильно пострадало отъ тягостей зимней кампаніи, что онъ слегъ въ постель. Только что успѣлъ онъ предписать первое отступательное движеніе, какъ во всей арміи обнаружилось лихорадочное стремленіе отойти возможно дальше. Дѣла приняли такой оборотъ, что, казалось, будто корпуса этой арміи, за отсутствіемъ должной распорядительности въ главной квартирѣ, разбредутся при отступленіи такъ, что не смогутъ оказывать другъ другу поддержки. Имѣлось полное основаніе опасаться, что Наполеонъ уничтожитъ ихъ порознь грозными ударами, подобными тѣмъ, которые онъ нѣсколько разъ уже наносилъ силезской арміи. Всѣ были до такой степени запуганы, что, когда распространился ложный слухъ, будто императоръ Александръ соглашается возобновить конгрессъ для переговоровъ о мирѣ, на основаніи франкфуртскихъ предложеній, къ этому слуху отнеслись съ радостнымъ довѣріемъ.

Странная нерѣшительность, которую князь Шварценбергъ постоянно обнаруживалъ со времени его вторженія во Францію, обусловливалась, кромѣ свойственной ему робкой осторожности, несомнѣнно также и политическими соображеніями князя Меттерниха, желавшаго сохранить эту страну подъ владычествомъ зятя австрійскаго императора. Мемуары Кэстльри, Меттерниха и самого Шварценберга вызываютъ, впрочемъ, такое впечатлѣніе, какъ еслибъ послѣ пражскаго конгресса дѣло велось вѣнскимъ кабинетомъ начистоту. Дѣйствительно, въ нихъ утверждается, что Австрія не имѣла въ виду щадить Наполеона, или же отнестись къ нему иначе, чѣмъ это было сдѣлано ею подъ конецъ. Современники держались, однако, совершенно противоположнаго взгляда. Русскіе офи-

церы въ арміи князя Шварценберга были внѣ себя отъ негодованія и, по словамъ одного изъ нихъ, подозрѣвали измѣну „во всемъ, что дѣлалось и что не дѣлалось“. Императоръ Александръ въ этотъ критическій моментъ сильно хлопоталъ, но не о заключеніи мира, а о водвореніи нѣкотораго порядка при отступленіи арміи, дабы спасти такимъ образомъ отдѣльные ея корпуса отъ угрожавшей имъ катастрофы. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что союзники одержатъ въ концѣ концовъ верхъ, а потому употреблялъ свои досуги на разработку церемоніала торжественнаго вступленія своего въ Парижъ во главѣ союзныхъ армій. Какъ бы ни было, онъ навѣстилъ 19-го марта князя Шварценберга, лежавшаго въ постели, и убѣдилъ австрійскаго фельдмаршала держаться на позиціи до тѣхъ поръ, пока отступающіе корпуса не успѣютъ сосредоточиться. Затѣмъ рѣшено было остановиться и дать французамъ снова отпоръ на Траннскихъ высотахъ. Такой образъ дѣйствій показался, однако, нѣкоторымъ изъ болѣе смѣлыхъ австрійскихъ генераловъ слишкомъ уже трусливымъ. По настояніямъ одного изъ нихъ (по всѣмъ вѣроятіямъ Радецкаго), было рѣшено, не посовѣтовавшись съ русскимъ государемъ, сосредоточить войска близъ Арси на лѣвомъ берегу Оба и перейти въ наступленіе со стороны Планси. Это самовольно принятое рѣшеніе повлекло за собою битвы подъ Арси и Торси. Императоръ Александръ чувствовалъ себя до чрезвычайности раздраженнымъ. Онъ утверждалъ, что Наполеонъ въ дѣйствительности замышляетъ задержать главныя силы союзниковъ демонстраціями, чтобы доставить себѣ возможность отрѣзать ихъ сообщенія, дѣйствуя на крайней оконечности праваго ихъ фланга черезъ Баръ и Шалонъ. Предположеніе это было и въ самомъ дѣлѣ близкимъ къ истинѣ. Наполеонъ въ концѣ концовъ рѣшилъ устремиться въ вогезскія горы, побудить крестьянъ къ поголовному возстанію, вызвать гарнизоны изъ пограничныхъ крѣпостей, подкрѣпить ими свою армію и ударить съ тылу на союзниковъ, вторгнувшихся во Францію.

Австрійскому фельдмаршалу пришлось вторично и, притомъ, совершенно нечаянно разрушить искуснѣйшія комбинаціи геніальнаго своего противника. Отступленіемъ своимъ 22 февраля отъ Труа, онъ избѣгнулъ рѣшительнаго сраженія, спасъ главную армію и заставилъ Наполеона истощить свои силы въ погонѣ за силезской арміей. Рѣшеніе, принятое 19 марта княземъ Шварценбергомъ, еще болѣе упрочило у Наполеона убѣжденіе, что союзники страшно запуганы. Вслѣдствіе этого убѣжденія великій полководецъ сдѣлалъ самый крупный промахъ, какой только былъ возможенъ въ его положеніи. Онъ задался химерическимъ проектомъ сосредоточить ничтожныя разбросанныя свои войска на французскихъ границахъ, предоставляя арміямъ союзниковъ идти на Парижъ. Несмотря на дерзкую смѣлость, съ которою производилось сосредоточеніе французской арміи, оно шло безпрепятственно своимъ чередомъ. 20 марта императоръ сообщилъ своему военному министру: „Надо будетъ бросить Труа и поспѣшно двинуться къ восточнымъ моимъ крѣпостямъ“. Въ тотъ же день отдано было

маршалу Мармону слѣдующее приказаніе: „Если Блюхеръ вздумаетъ напирать, вы должны, не загораживая ему дорогу въ Парижъ, идти съ возможной поспѣшностью къ Шалону". Это не было со стороны Наполеона внезапнымъ рѣшеніемъ. Въ письмѣ отъ 8 февраля къ брату своему Іосифу онъ упоминалъ уже о возможности такой комбинаціи. Изъ Реймса послано было Іосифу же второе письмо, въ которомъ настоятельно предписывалось заботиться о томъ, чтобы императрица и римскій король не попались въ руки австрійцамъ. „Не покидайте моего сына!—упрашивалъ императоръ.—Вспомните, что мнѣ пріятнѣе видѣть его на днѣ Сены, чѣмъ въ рукахъ враговъ Франціи. Судьба Астіанакса, томившагося въ плѣну у грековъ, казалась мнѣ всегда наиболѣе плачевной изъ всѣхъ, о какихъ только упоминается въ исторіи".

Стратегическій планъ, принятый въ концѣ концовъ Наполеономъ, свидѣтельствуетъ, что онъ сталъ космополитомъ до мозга костей. Если онъ когда-либо и понималъ значеніе, которое имѣла для Франціи система централизаціи, доведенная имъ же самимъ до такой чрезмѣрной степени, то, безъ сомнѣнія, успѣлъ уже позабыть объ этомъ. Ему слѣдовало бы, повидимому, знать, что съ утратой Парижа Франція окажется обезглавленной, и что въ отдѣленныхъ отъ столицы членахъ никоимъ образомъ не удастся развить достаточной энергіи для сопротивленія чужеземному вторженію.

Ему пришлось вскорѣ убѣдиться въ этомъ путемъ личнаго горькаго опыта. Послѣ полудня, 20 марта, тысячъ шестнадцать французовъ имѣли передъ Арси нѣсколько жаркихъ, но не рѣшительныхъ стычекъ съ союзниками, численность которыхъ доходила приблизительно до 25.000. У французовъ выбыло изъ строя около 1.800, а у союзниковъ — 2.700 человѣкъ. Наполеонъ оставался въ полной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ аррьегардомъ отступающей уже арміи, а Шварценбергъ, въ свою очередь, былъ убѣжденъ, что французы гораздо сильнѣе, чѣмъ они оказывались въ дѣйствительности. Ночью къ обѣимъ сторонамъ прибыли значительныя подкрѣпленія, такъ что рано утромъ у Наполеона сосредоточилось 27.500 человѣкъ. Онъ считалъ такую армію въ своихъ рукахъ за глаза достаточной, чтобы деморализовать отступавшихъ австрійцевъ и въ десять часовъ угра приказалъ начать аттаку. Ней и Себастіани должны были овладѣть плоскогорьемъ, находившимся позади города. Можно представить себѣ ихъ изумленіе и недовольство, когда они увидѣли оттуда всю армію князя Шварценберга численностью не менѣе 100.000, выстроенную въ боевомъ порядкѣ на равнинѣ, тянувшейся къ востоку оттуда. Пѣхота стояла въ трехъ густыхъ колоннахъ. По обѣ стороны ея расположилась кавалерія, а въ центрѣ боевой линіи собрана была вся артиллерія, состоявшая изъ 370 орудій. Для неспеціалиста такое зрѣлище могло показаться чрезвычайно внушительнымъ и блестящимъ. Пестрые нарядные мундиры, сверкающіе штыки, развѣвающіяся знамена, длинные ряды войскъ, расположенныхъ въ сомкнутомъ строѣ, представляли въ общей совокупности, надо полагать, довольно

живописное зрѣлище. На передовыя французскія войска оно произвело, однако, совершенно иное впечатлѣніе. Они инстинктивно поняли полную неспособность полководца, стянувшаго такимъ образомъ свою армію въ одно мѣсто, какъ бы съ намѣреніемъ похвастать передъ врагомъ ея многочисленностью и выставить ее на убой. Ни мало не задумываясь, французская кавалерія и конная артиллерія энергически завязали дѣло, какъ бы вызывая противника на контръ-аттаку, но самъ Наполеонъ, узнавъ дѣйствительное положеніе вещей, утратилъ всякое желаніе дать непріятелю серьезное сраженіе. Онъ охотно завязалъ бы бой при равныхъ силахъ, но не рискнулъ сразиться съ непріятелемъ, на сторонѣ котораго имѣлось четверное преимущество въ численности. Себастіани съ конницей и конной артиллеріей оставленъ былъ на высотахъ, чтобы маскировать отступленіе, къ которому Наполеонъ немедленно же рѣшился приступить. Оно и дѣйствительно началось въ половинѣ перваго послѣ полудня. Военная хитрость Наполена удалась до такой степени хорошо, что союзники, встревоженные и напуганные демонстраціей Себастіани, были поражены паническимъ страхомъ. Даже и русскій государь категорически отвергалъ всякую мысль о переходѣ въ наступленіе. Такимъ образомъ вещественное превосходство въ силахъ оказалось и на этотъ разъ парализованнымъ мощью генія. Подъ конецъ, однако, получены были отъ разъѣздовъ донесенія, что колонны французскихъ войскъ переправились за рѣку Объ и движутся по противоположному ея берегу. Даже и тогда, впрочемъ, союзники чувствовали себя до такой степени запуганными, что не сразу рѣшились перейти въ наступленіе. Однако, когда двѣ трети арміи Наполеона переправились черезъ рѣку, французскій аррьергардъ былъ, послѣ кровопролитнаго боя, вытѣсненъ изъ Арси. Послѣднимъ переправился черезъ Объ корпусъ Удино. Обождавъ, пока саперы разрушили мостъ, онъ поспѣшно двинулся на соединеніе съ главными силами къ Витри. На пути примкнули къ нимъ корпуса Жерара и Макдональда, такъ что у Наполеона составилась сорокатысячная армія.

Въ то время, какъ Наполеонъ парализовалъ престижемъ своего генія всѣ усилія непріятельскихъ армій и полководцевъ, двое изъ его маршаловъ успѣли себя сильно скомпрометировать. Блюхеръ, хотя и былъ до чрезвычайности ослабленъ кровопролитными битвами, которыя пришлось выдержать его арміи, перешелъ въ наступленіе тотчасъ же, какъ только освободился отъ непосредственной близости Наполеона и, 18 марта, переправился черезъ рѣку Энъ. Тогда Мармонъ, въ противность прямымъ предписаніямъ Наполеона держать для себя открытымъ путь отступленія въ Шалонъ, принялся отходить къ Фиму, гдѣ соединился съ корпусомъ маршала Мортье. Дѣйствуя такимъ образомъ, Мармонъ имѣлъ въ виду удержать Блюхера отъ наступленія къ Парижу. Пока онъ занимался такимъ образомъ безцѣльными демонстраціями, союзники овладѣли городами Реймсомъ и Эперне. Къ Шалону не оставалось послѣ того иного пути, какъ

длиннымъ обходомъ черезъ Шато-Тьерри и Этожъ. Между тѣмъ Блюхеръ поспѣшно шелъ впередъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы войти въ связь съ арміей князя Шварценберга. Со стороны Мармона сдѣланъ былъ непоправимый промахъ. Маршалъ Ожеро обнаружилъ подобную же неспособность къ самостоятельному командованію арміей. Онъ началъ съ 8 марта цѣлый рядъ нелѣпыхъ демонстративныхъ движеній, которыми думалъ воспрепятствовать сформированію у союзниковъ южной арміи. Убѣдившись въ безцѣльности этихъ демонстрацій, Ожеро, послѣ нѣсколькихъ совершенно излишнихъ маршей и контръ-маршей, вернулся въ Ліонъ, гдѣ и стоялъ въ бездѣйствіи, словно ожидая, пока союзники покончатъ съ организаціей своихъ войскъ. 20 марта армія ихъ, наконецъ, подошла къ Ліону и осадила его. Ожеро имѣлъ подъ своимъ начальствомъ непосредственно 21.500 человѣкъ. Кромѣ того, на выручку къ нему шли 6.800 ветерановъ изъ Каталоніи и семитысячный корпусъ, составленный изъ войскъ, дѣйствовавшихъ прежде въ Тосканѣ и Піемонтѣ, а теперь сосредоточенный уже въ Шамбери. Атакующіе располагали всего лишь 32.000-ой арміей, состоявшей притомъ главнымъ образомъ изъ новобранцевъ. Если бы Ожеро выказалъ надлежащую рѣшительность и энергію, Ліонъ могъ бы продержаться до прибытія подкрѣпленій и тогда армія союзниковъ оказалась бы въ безвыходномъ положеніи. Въ дѣйствительности, однако, самъ маршалъ, равно какъ и мѣстныя власти, не выказали ни мужества, ни распорядительности. Никто не позаботился объ усиленіи города, хотя бы даже полевыми укрѣпленіями. По сосѣдству, въ Авиньонѣ, находился цѣлый осадный паркъ, который было бы не трудно доставить въ Ліонъ, но его не позаботились туда привезти. Въ самый разгаръ боя, Ожеро призвалъ гражданскихъ властей и объявилъ, что считаетъ умѣстнымъ очистить городъ. Ровно ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, они безропотно согласились на это. Такимъ образомъ восточная французская столица совершенно незаслуженно досталась въ добычу союзникамъ. Еслибъ, нѣсколькими недѣлями раньше, мѣсто Ожеро заступилъ Сюше, это измѣнило бы, пожалуй, весь ходъ исторіи. Наполеонъ дѣйствительно имѣлъ было въ виду назначить Сюше главнокомандующимъ, но не выполнилъ своего намѣренія, такъ какъ опасался обидѣть стараго заслуженнаго маршала. Въ данномъ случаѣ, какъ и подъ Лейпцигомъ, чувство дружеской пріязни оказало ему плохую услугу.

Ночью, по отступленіи своемъ изъ подъ Арси, Наполеонъ отправилъ сильный отрядъ на рекогносцировку къ Витри. Городъ этотъ оказался занятымъ пруссаками, а потому французская армія повернула къ Сенъ-Дизье, куда и вступила 23 марта, послѣ жаркаго боя. Она оказалась такимъ образомъ какъ разъ посерединѣ между непріятельскими линіями сообщеній съ Страсбургомъ и Базелемъ. Наполеонъ спрашивалъ себя: которую изъ этихъ двухъ линій вернется защищать князь Шварценбергъ? Задаваясь единственно лишь мыслью увлечь своего врага въ сторону наименѣе выгодную для союзниковъ, императоръ двинулъ свою ар-

мію изъ Сенъ-Дизье къ сѣверу, разсчитывая, что робкій австрійскій фельдмаршалъ бросится выручать тотъ изъ путей сообщенія, которому угрожала наибольшая опасность. Лаская себя такими иллюзіями, Наполеонъ отправилъ свою кавалерію дѣйствовать въ тылу у союзниковъ. Разъѣзды ея захватили нѣсколькихъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ шатильонскомъ конгрессѣ. Самъ австрійскій императоръ чуть не попался въ плѣнъ къ своему зятю и едва лишь успѣлъ спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ изъ Бара. Казалось страннымъ, что въ тылу союзниковъ, до самаго Лангра, не было войскъ, но это объяснялось до извѣстной степени донесеніями о сосредоточеніи непріятельскихъ силъ подъ Витри. Наполеонъ думалъ, что союзники покинули Труа и оставили Лангръ незанятымъ въ надеждѣ отклонить его отъ выполненія задуманнаго плана. Это было, какъ извѣстно, лишь самообманомъ. Сосредоточенныя въ Витри непріятельскія войска оказывались въ дѣйствительности восьмитысячнымъ кавалерійскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Винценгероде, откомандированнымъ изъ силезской арміи, чтобы идти по пятамъ за Наполеономъ и вводить его такимъ образомъ въ заблужденіе. Вслѣдствіе невыполненія Мармономъ данныхъ ему инструкцій и грубаго промаха, сдѣланнаго этимъ маршаломъ, Блюхеръ вошелъ въ связь съ арміей Шварценберга, и обѣ арміи двигались съ всевозможною быстротою прямо къ Парижу. Наполеонъ не зналъ объ этомъ до 8 марта. Русская кавалерія, выступивъ изъ Витри, шла тогда какъ разъ по направленію къ Сенъ-Дизье, а Наполеонъ, думая имѣть дѣло съ главными частями сильной непріятельской арміи, напалъ на нее энергичнѣе, чѣмъ бы слѣдовало и слишкомъ быстро принудилъ ее къ бѣгству. Союзники потеряли въ этомъ дѣлѣ 2.000 плѣнныхъ и до 500 убитыхъ. Наполеонъ узналъ здѣсь впервые отъ плѣнныхъ ужасающую истину и сперва было отнесся къ ней съ недовѣріемъ. Прибывъ послѣ полудня въ Витри, онъ услышалъ, однако, подтвержденіе тѣхъ же извѣстій. Сѣвъ на коня, императоръ быстро помчался назадъ въ Сенъ-Дизье и заперся тамъ съ подробными своими географическими картами.

Союзники не сразу уяснили себѣ намѣренія Наполеона. Послѣ переправы черезъ рѣку Объ и даже еще на слѣдующій день, движенія ихъ имѣли характеръ безсвязныхъ попытокъ разузнать, что именно замышляетъ Наполеонъ. Утромъ 23-го сентября имъ удалось перехватить двухъ гонцовъ съ важными депешами: курьера отъ маршала Бертье къ Макдональду, съ извѣщеніемъ о томъ, гдѣ именно находился Наполеонъ, и верхового съ коротенькой запиской отъ самого Наполеона къ императрицѣ. Эта знаменитая записка, въ которой излагался въ общихъ чертахъ стратегическій планъ великаго полководца, утрачена, такъ какъ Блюхеръ, ознакомившись съ ея содержаніемъ, счелъ необходимымъ изъ вѣжливости вернуть ее гонцу и снабдить этого гонца свободнымъ пропускомъ. Тѣмъ не менѣе она была въ точности переведена на нѣмецкій языкъ и оказывается приблизительно слѣдующаго содержанія: „Другъ мой, я сегодня цѣлый день не слѣзалъ съ коня.

20-го числа я взялъ городъ Арси на рѣкѣ Обѣ. Непріятель атаковалъ насъ въ восемь часовъ вечера, но былъ мною разбитъ, причемъ потерялъ 4.000 человѣкъ и четыре пушки. 21-го онъ завязалъ снова бой, чтобы облегчить движеніе своихъ колоннъ къ Бріенну и Бару на Обѣ. Я рѣшилъ уйти въ долину Марны, чтобы отвлечь непріятеля отъ Парижа и приблизиться къ восточнымъ моимъ крѣпостямъ. Сегодня вечеромъ буду въ Сенъ-Дизье. Прощай, другъ мой. Поцѣлуй моего мальчика". Савари утверждаетъ, будто имѣлась еще приписка: „Этотъ маневръ или спасетъ меня, или же погубитъ въ конецъ".

Опасность, которой подвергались пути сообщенія союзниковъ, въ первый моментъ навела на главную ихъ квартиру паническій страхъ. Одумавшись, однако, они успокоились и примирились съ мыслью утратить пути сообщенія съ Страсбургомъ и Базелемъ, такъ какъ могли, взамѣнъ того, базироваться черезъ Шалонъ на Нидерланды и, сдѣлавъ надлежащій обходъ, ударить Наполеону въ тылъ. Императоръ Францъ, желавшій сохранить болѣе непосредственную связь съ своими владѣніями, рѣшился, однако, ѣхать въ Ліонъ, къ южной арміи. Ночью перехвачена была пачка писемъ, адресованныхъ Наполеону находившимися въ Парижѣ его сановниками. Во всѣхъ этихъ письмахъ высказывалось самое безнадежное отчаяніе. Между прочимъ, Савари писалъ императору: «Въ случаѣ приближенія непріятельскихъ войскъ къ столицѣ, нельзя поручиться рѣшительно ни за что". На слѣдующее утро, 24-го марта, арміи Блюхера и Шварценберга соединились другъ съ другомъ. На военномъ совѣтѣ, состоявшемся безъ участія императора Франца и князя Меттерниха, Шварценбергъ присоединился къ наиболѣе смѣлому изъ высказанныхъ тамъ мнѣній. Онъ рѣшилъ немедленно же двинуться въ погоню за Наполеономъ и принудить его къ сраженію. Войска уже тронулись, и одно время казалось, что безразсудный планъ Наполеона увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при составленіи этого плана, французскій императоръ выказалъ глубокое знакомство съ характеромъ своего противника.

Что касается до императора Александра, то у него все болѣе укрѣплялась рѣшимость во что бы ни стало уничтожить Наполеона. Въ главной квартирѣ русскаго государя находился уже цѣлую недѣлю извѣстный агентъ роялистовъ Витролль. Извѣстія о постоянно возроставшемъ могуществѣ роялистовъ, старанія Поццо ди-Борго, непримиримаго врага Наполеона, и перехваченныя письма, свидѣтельствовавшія о полномъ упадкѣ духа среди высшихъ французскихъ сановниковъ, все это, взятое вмѣстѣ, еще болѣе закалило мистическую рѣшимость Александра I. Въ тотъ же день, т. е. 24-го марта, онъ пригласилъ своихъ военныхъ совѣтниковъ: Барклая де-Толли, Волконскаго, Дибича и Толя. Указавъ имъ на картѣ мѣста расположенія войскъ, онъ спросилъ: „Что выгоднѣе въ данномъ случаѣ: преслѣдовать-ли Наполеона, или же идти на Парижъ?" Барклай высказался въ пользу первой альтернативы, Дибичъ посовѣтовалъ раздѣлить армію на двѣ части и такимъ образомъ пуститься въ погоню одновре-

менно за обоими зайцами, Толь же энергически настаивалъ на желательности безотлагательно устремиться со всей арміей на беззащитную французскую столицу. Русскій государь съ восторгомъ слушалъ краснорѣчивую защиту своего собственнаго образа мыслей и объявилъ, что вполнѣ присоединяется къ мнѣнію Толя. Всѣ присутствовавшіе съ обычной сговорчивостью, характеризующей придворныхъ, одобрили рѣшеніе своего монарха, послѣ чего императоръ Александръ, сѣвъ на коня, поѣхалъ на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Шварценбергомъ, которымъ и предложилъ новый планъ дѣйствій. Прусскому королю планъ этотъ очень понравился, князь же Шварценбергъ сперва было колебался, но потомъ тоже уступилъ. Ночью разосланы были всѣмъ корпусамъ, шедшимъ уже къ французской границѣ, приказанія возвращаться прямо назадъ. Блюхеру отправили длинную депешу съ обстоятельнымъ разъясненіемъ причинъ такого маневра и 25-го марта соединенныя арміи, богемская и силезская, шли уже къ Парижу со всею возможной для нихъ поспѣшностью. Впервые еще союзныя войска оказывались проникнутыми энтузіазмомъ. Блюхеръ, который, вслѣдствіе пылкой своей энергіи, получилъ отъ своихъ солдатъ прозвище фельдмаршала „Впередъ“, былъ внѣ себя отъ радости.

Обѣ арміи двигались параллельно другъ другу, не встрѣчая сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Само собой разумѣется, что малочисленные отряды новобранцевъ, или же національныхъ гвардейцевъ, прикрывавшіе транспорты съ продовольствіемъ, были не въ силахъ задержать это движеніе, хотя и обнаруживали самую блестящую храбрость въ схваткахъ съ непріятелемъ, значительно превосходившимъ ихъ силами. Корпусамъ маршаловъ Мармона и Мортье удалось соединиться другъ съ другомъ лишь 25-го марта, но и тогда маленькая ихъ армія имѣла подъ ружьемъ не болѣе 16.000. Союзники, имѣвшіе въ восемь разъ болѣе войскъ, оттѣснили ее черезъ Феръ-Шампенуазъ и Шарантонъ къ Парижу. Во время этого отступленія Мармонъ не выказалъ ни энергіи, ни даже здраваго смысла. Онъ далъ союзникамъ отрѣзать войска, находившіяся у него на флангахъ, и занять стратегическіе пункты, которые можно было бы удержать за собою. При всемъ томъ армія, съ которой онъ прибылъ 29-го марта къ Парижу, могла бы послужить драгоцѣннымъ ядромъ для сформированія многочисленнаго столичнаго ополченія, но ее совершенно деморализовалъ упадокъ духа, обнаруживавшійся у главнокомандующаго. Эссаръ, командовавшій въ Мо, вынужденъ былъ 27-го марта покинуть этотъ укрѣпленный городъ, удержаніе котораго за французами могло бы имѣть важное значеніе для обороны Парижа. Дѣло въ томъ, что среди шеститысячнаго гарнизона насчитывалось всего лишь около 800 старослуживыхъ солдатъ, поспѣшно набранныхъ изъ числа отсталыхъ отъ арміи Мармона. Остальныя войска состояли изъ плохо вооруженныхъ и необученныхъ еще рекрутъ, пришедшихъ въ паническій страхъ при видѣ направлявшейся къ городу арміи Блюхера. Хотя, при отступленіи изъ Мо

къ Парижу, 28-го марта, эти новобранцы сражались цѣлый день довольно мужественно, непріятель послѣдовательно оттѣснялъ ихъ съ одной позиціи на другую, и вечеромъ, 29-го марта, имъ тоже пришлось расположиться на бивакахъ передъ воротами столицы. Положимъ, что при существующихъ условіяхъ такое любопытство представляется и безцѣльнымъ, но тѣмъ не менѣе на уста невольно навертывается вопросъ: что произошло бы, если бы Мармонъ вмѣсто того, чтобы отступить 18-го марта къ Фиму, выполнилъ, не мудрствуя лукаво, приказанія своего императора и отошелъ къ Реймсу. Занявъ этотъ городъ, онъ неизбѣжно задержалъ бы дерзкое наступательное движеніе Блюхера. Въ такомъ случаѣ силезская армія не могла бы такъ скоро соединиться съ богемскою и, по всѣмъ вѣроятіямъ, союзники остановились бы на рѣшеніи князя Шварценберга погнаться за Наполеономъ. Письмо французскаго императора съ заключавшимися въ немъ драгоцѣнными свѣдѣніями тоже не было бы въ такомъ случаѣ перехвачено. Судьба измѣнила бы, пожалуй, тогда вѣдь свое рѣшеніе.

Паденіе Парижа.

Весьма вѣроятно, что императоръ Наполеонъ, тщательно разсматривая въ Сенъ-Дизье карту Франціи, занимался, между прочимъ, также и подобными соображеніями. Онъ былъ очень блѣденъ и не говорилъ ни съ кѣмъ изъ приближенныхъ. Ему было извѣстно пораженіе, отбросившее Мармона и Мортье въ Парижъ. Слѣдовало ожидать, что союзники безотлагательно овладѣютъ французской столицей. Среди политическихъ партій обнаруживалось опасное броженіе, а между тѣмъ маршалы Наполеона выказывали все большую вялость, да и ему самому не удалось перенести театра военныхъ дѣйствій въ Лотарингію. Получавшіяся каждый день донесенія пріобрѣтали, безъ сомнѣнія, невѣрную окраску, проходя черезъ руки людей, интриговавшихъ за собственный счетъ. Съ другой стороны, однако, имѣлся на лицо фактъ, который одинъ могъ послужить противовѣсомъ всему остальному. Населеніе сѣверной и восточной Франціи возстало, наконецъ, за императора и отечество. Въ продолженіи многихъ лѣтъ раздавались въ Европѣ крики негодованія на грабежи наполеоновскихъ солдатъ, но какъ только союзныя арміи сами вторглись во Францію, онѣ, какъ говорится, заткнули своихъ противниковъ за поясъ также и по части грабежей и насилій надъ безоруженными жителями. Особенно отличались въ этомъ направленіи дикія орды, явившіяся на театръ войны изъ русской Азіи. Онѣ съ такою безсовѣстностью удовлетворяли безчеловѣчнымъ своимъ страстямъ, что французскіе крестьяне въ первое время оцѣпенѣли отъ ужаса и словно утратили всякую возможность сопротивляться. Теперь, однако, они начали массами вооружаться противъ непріятеля и, съ 25 по 28 марта, ихъ партизанскіе отряды привели уже въ армію Наполеона до 2.000 плѣнныхъ. Кромѣ того, наборъ новыхъ войскъ подвигался впередъ, и всѣ французскіе уѣздные города были уже за-

няты болѣе или менѣе хорошо обученными регулярными полками. Дюнеттъ велъ изъ Меца четырехтысячный, а Бруссье—изъ Страсбурга—пятитысячный отрядъ. Изъ вердюнскаго горнизона можно было смѣло взять 1.000 старослужившихъ солдатъ, замѣнивъ ихъ новобранцами. Подобныя же подкрѣпленія ожидались изъ другихъ крѣпостей. Сугамъ съ цѣлой дивизіей стоялъ въ Ножанѣ, Алликсъ съ другой дивизіей въ Оксерѣ. Такимъ образомъ армія, которою располагалъ Наполеонъ, фактически имѣла подъ ружьемъ уже до 70.000 человѣкъ. Съ помощью партизанскихъ отрядовъ, которые набрасывались отовсюду съ страстной ненавистью на чужеземцевъ, вторгнувшихся во Францію, вѣнценосный полководецъ могъ, пожалуй, разсчитывать на успѣхъ. Онъ зналъ, что въ военныхъ совѣтахъ его враговъ мысль о народномъ возстаніи во Франціи вызывала величайшій ужасъ, а между тѣмъ возстаніе это начало уже разгораться. Наполеонъ полагалъ, что его враги при такихъ обстоятельствахъ станутъ дѣйствовать съ обычною своей робкой осторожностью, и предоставятъ ему, по меньшей мѣрѣ, двѣ недѣли для выполненія предположеннаго маневра. Считая, что въ сосредоточенной близъ Витри его арміи, съ подкрѣпленіями изъ сосѣднихъ гарнизоновъ, наберется всего лишь 60.000 человѣкъ, а соединенныя арміи Сюше, Сульта и Ожеро составятъ тоже 60.000, Наполеонъ, присоединивъ къ нимъ 14.000 армію Мармона и 16.000 человѣкъ изъ кадровъ ближайшихъ рекрутскихъ депо, могъ составить полуторастотысячную армію. Отрядивъ отъ нея 50.000 человѣкъ, чтобы отрѣзать непріятелю всѣ пути отступленія, онъ сохранилъ бы еще у себя стотысячную армію, противъ которой союзники наврядъ-ли могли бы сосредочить, ко дню рѣшительнаго сраженія, болѣе значительныя силы.

Понятно, что въ такую критическую минуту французскій императоръ не могъ обойтись безъ благонадежныхъ помощниковъ. Поэтому, проведя нѣсколько часовъ наединѣ, въ обдумываніи новаго плана дѣйствій, онъ созвалъ совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго и представилъ свои соображенія. На этомъ совѣтѣ присутствовали только Бертье, Ней, Лефевръ, Коленкуръ и Маре. Маршалы Удино и Макдональдъ, корпуса которыхъ находились въ Барѣ и Пертѣ, не могли прибыть во-время. Наполеонъ зналъ, впрочемъ, что, по мнѣнію этихъ маршаловъ, слѣдовало продолжать войну или въ Лотарингіи, или же избрать центральнымъ пунктомъ будущихъ операцій городъ Санъ. Бертье находился положительно въ отчаяніи, точно также какъ и Коленкуръ, который, послѣ отъѣзда изъ Шатильона, тщетно старался возобновить переговоры о заключеніи мира на какихъ бы ни было условіяхъ. Ней обладалъ большимъ физическимъ мужествомъ, но не принадлежалъ къ натурамъ, изъ которыхъ выработываются мученики. Лефевръ, отъ природы слабохарактерный, страдалъ какъ разъ въ это время припадками старческаго изнеможенія. При такихъ обстоятельствахъ совѣтъ категорически высказался за необходимость заключить миръ во что бы ни стало. Императоръ предусмотрѣлъ уже возможность такого рѣшенія, а потому немедленно принялъ мѣры, долженство-

вавшія облегчить выполненіе такового. Рано утромъ, 28-го марта, французская армія двинулась къ Парижу, Она шла туда нѣ-

Застава Клиши. Оборона Парижа въ 1814 году. (Съ картины Ораса Верне въ Луврѣ).

сколько кружнымъ путемъ черезъ Баръ-на-Обѣ и Фонтенебло, очевидно выбранныхъ въ виду слѣдующихъ трехъ вѣскихъ соображеній: войска могли тамъ кормиться мѣстными средствами,

правый флангъ арміи прикрывался рѣкою Сеной, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпленный городъ Мо, занятый уже непріятельскими войсками, оставался въ сторонѣ. Однимъ этимъ маршрутомъ уже доказывается замѣчательная ясность сужденія и тонкость разсчета, какими отличались вообще всѣ стратегическіе планы Наполеона. Написано было множество страницъ о грубыхъ ошибкахъ и самообманахъ, въ которые будто бы впадалъ французскій императоръ передъ концомъ своей карьеры, но въ дѣйствительности нигдѣ въ распоряженіяхъ Наполеона нельзя отыскать фактическихъ данныхъ, на которыхъ можно было бы построить такое обвиненіе. Утромъ, 28-го числа, отрядъ вооруженныхъ крестьянъ привелъ къ Наполеону съ криками радости плѣнника, въ которомъ подозрѣвали самого графа Артуа. Онъ оказался въ дѣйствительности Вейсенбергомъ, австрійскимъ посломъ, ѣхавшимъ въ Лондонъ. По приказанію Наполеона его тотчасъ же освободили на слово и отправили обратно съ письмами къ императору Францу и князю Меттерниху. По странной игрѣ случая, въ свитѣ посла находился также Витролль, переодѣтый лакеемъ, но его никто не узналъ.

Въ Дулеванѣ Наполеонъ получилъ шифрованную депешу отъ вѣрнаго своего сторонника Ла-Валетта, директора почтоваго департамента. Онъ просилъ императора спѣшить какъ можно скорѣе въ Парижъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ предстоитъ неизбѣжная катастрофа. Эта депеша придала крылья нетерпѣнію Наполеона. Въ Дуланкурѣ встрѣтили его курьеры съ письмами подобнаго же содержанія, а потому войскамъ отдано было приказаніе идти съ удвоенною скоростью и, къ ночи 29-го марта, они прибыли уже въ Труа. Подкрѣпивъ себя тамъ нѣсколькими часами сна, Наполеонъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, отбросивъ всякое попеченіе о личной безопасности, отправился впередъ съ небольшимъ прикрытіемъ, разсчитывая вечеромъ прибыть въ Вильневъ на рѣкѣ Ваннъ. Это ему дѣйствительно удалось. Тамъ, взявъ себѣ почтовую телѣжку, онъ съ Коленкуромъ помчался на курьерскихъ къ Парижу. Въ двухъ другихъ телѣжкахъ, слѣдовавшихъ сзади, ѣхали: въ первой трое адъютантовъ, а во второй—генералъ Гурго и маршалъ Лефевръ. Гурго пользовался репутаціей превосходнаго артиллериста, а Лефевръ, хотя и заговаривался отъ старости, но все-таки могъ поднять населеніе парижскихъ предмѣстьевъ на защиту столицы. Въ Санѣ Наполеонъ узналъ, что непріятель собирается уже аттаковать Парижъ. Въ Эссонѣ было получено извѣстіе, что рѣшительный бой уже завязался, а верстахъ въ пятнадцати отъ Парижа, на почтовой станціи Куръ де-Франсъ, поздно ночью пришла роковая вѣсть о сдачѣ Парижа. Достовѣрность этого ужасающаго извѣстія не подлежала сомнѣнію, такъ какъ оно было привезено кавалерійскимъ офицеромъ Белльяромъ, котораго Мортье отправилъ впередъ, съ небольшимъ отрядомъ, въ качествѣ квартерьера для своего корпуса и войскъ Мармона.

Марія-Луиза играла свою роль императрицы-регентши настолько хорошо, насколько это было возможно при ея молодости и неопытности. Императоръ, въ своихъ письмахъ, однажды лишь счелъ

нужнымъ сдѣлать ей выговоръ, да и то за сравнительно ничтожную провинность, сводившуюся къ нарушенію этикета. Императрица позволила себѣ принять важнаго сановника, а именно архиканцлера въ своей спальнѣ. Вообще она держала себя съ достоинствомъ и дѣйствовала въ примирительномъ духѣ. Однажды ей даже удалось произвести большое впечатлѣніе: она съ большимъ эффектомъ произнесла пламенную рѣчь, составленную для нея мужемъ и присланную прямо изъ главной квартиры. Около императрицы группировался чрезвычайно разношерстный государственный совѣтъ, въ которомъ засѣдали: мягкосердечный, но все-таки довольно талантливый Жозефъ Савари, потерявшій голову среди опутавшихъ его интригъ и не обладавшій военными способностями, а затѣмъ: генералъ Кларкъ, работавшій въ военномъ министерствѣ съ правильностью заведеннаго автомата,—Талейранъ, являвшійся душой заговора противъ Наполеона, что не мѣшало ему съ величайшимъ самодовольствомъ носить почетный титулъ намѣстника великаго избирателя,—умный, но нерѣшительный Камбасересъ и ловкій, но осторожный Монталиве. Въ французской столицѣ не было вліятельнаго должностного лица, въ которомъ совмѣщались бы выдающіяся способности, энтузіазмъ и энергія, но при всемъ томъ снаряженіе войскъ шло своимъ чередомъ съ величайшею правильностью. Ежедневно полки кое-какъ обученныхъ и съ грѣхомъ пополамъ обмундированныхъ рекрутъ посылались оттуда на театръ военныхъ дѣйствій. Парижская національная гвардія имѣла подъ ружьемъ всего лишь 12.000 человѣкъ. Она не отличалась приверженностью къ императорскому правительству и была довольно чувствительна къ стрѣламъ роялистскаго остроумія, но при всемъ томъ держала себя смирно и выполняла свои обязанности. По внѣшности все шло своимъ чередомъ съ правильностью хорошо устроеннаго часового механизма, такъ что Наполеонъ совершенно серьезно помышлялъ о новомъ наборѣ и отказался отъ этой мысли единственно лишь вслѣдствіе того, что въ арсеналахъ и складахъ почти уже не оставалось оружія и боевыхъ принадлежностей. Парижъ хотя и считался большимъ укрѣпленнымъ военнымъ складочнымъ пунктомъ, но въ дѣйствительности представлялъ собою устарѣвшую крѣпость съ арсеналами, наполненными разнымъ хламомъ. За послѣднее время имѣлось въ виду возвести передъ стѣнами Парижа линію редутовъ и кое-что было даже сдѣлано въ этомъ направленіи, но, за недостаткомъ энергіи со стороны парижскаго военнаго начальства, эти судорожныя попытки такъ и остались незаконченными.

Тщательное разсмотрѣніе того, что шевелилось подъ гладкою на первый взглядъ поверхностью парижской столичной жизни, выясняетъ существованіе тамъ многихъ опасныхъ элементовъ. Домъ Талейрана являлся очагомъ самыхъ оживленныхъ интригъ. Императорскіе префекты, вродѣ Паскье и Шабраля, не принимали лично участія въ этихъ интригахъ, но смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Число заговорщиковъ съ каждымъ днемъ возрастало. Между ними находились очень вліятельные люди, какъ, напримѣръ, де-Прадтъ, Луи, Вит-

ролль, Ройе-Колларъ, Ламбрехтъ, Грегуаръ и Гара, а также многія важныя должностныя лица въ разныхъ департаментахъ государственнаго управленія. Между прочимъ Буррьенъ обнаружилъ большую дѣятельность по части подкупа и вымогательствъ. Старинные непримиримые роялисты, какъ, напримѣръ, Монморанси, Ноайль, Данфоръ, Фицъ-Джемсъ и Монтескью все менѣе заботились о томъ, чтобы скрывать свою дѣятельность. Одинъ изъ камергеровъ Жозефа, Жокруа, служилъ у заговорщиковъ шпіономъ и доставлялъ имъ самыя свѣжія новости. Наполеонъ зналъ, что хаосъ въ столицѣ все болѣе усиливается и послалъ, еще изъ Реймса, строжайшій выговоръ министру полиціи Савари. Талейранъ продолжалъ, однако, интриговать съ самой беззастѣнчивой дерзостью. Первоначально онъ желалъ, повидимому, чтобы Наполеонъ погибъ насильственной смертью, надѣясь воспользоваться продолжительнымъ регентствомъ въ своихъ собственныхъ корыстныхъ цѣляхъ. Во всякомъ случаѣ онъ энергически высказывался противъ отъѣзда императрицы и наслѣднаго принца изъ Парижа. Тѣмъ не менѣе онъ же отправилъ страстнаго роялиста Витролля къ графу Нессельроде съ письмомъ, начертаннымъ симпатическими чернилами. Письмо это по прочтеніи оказалось неразрѣшимой загадкой, такъ какъ допускало два совершенно противуположныхъ толкованія. Покойный маршалъ Ланнъ, давно уже разгадавшій Талейрана, называлъ этого бывшаго епископа «навозной кучей въ шелковыхъ чулкахъ». Мюратъ утверждалъ, будто Талейранъ способенъ не измѣниться въ лицѣ даже при полученіи „добраго пинка пониже спины“. Соучастники Талейрана въ заговорѣ не долюбливали его почти въ такой же степени, какъ и открытые его враги. Это не мѣшало намѣстнику великаго избирателя распоряжаться всѣми нитями заговора, сѣять коварные намеки и злостныя инсинуаціи, распространять цѣлыми ворохами анонимные памфлеты и тайно провозить въ Парижъ англійскія газеты. Однажды министръ полиціи засталъ его врасплохъ во время весьма подозрительнаго свиданія съ де-Прадтомъ. Талейранъ немедленно расхохотался нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ, а де-Прадтъ послѣдовалъ его примѣру, послѣ чего и самъ Савари тоже расхохотался. Къ концу марта мѣсяца, въ массахъ парижскаго населенія начало обнаруживаться опасное для имперіи настроеніе, симптомомъ котораго являлась необычайная чувствительность къ различнымъ подпольнымъ вліяніямъ. Въ нумерѣ лондонской газеты „Times“, отъ 15-го марта, прочитанномъ многими изъ парижанъ, задавался вопросъ: можетъ-ли Парижъ ждать себѣ пощады отъ Блюхера и казаковъ, когда для нихъ пробьетъ часъ возмездія? Авторъ статьи считалъ возможнымъ, что знаменитая французская столица, въ моментъ, когда онъ писалъ эти строки, обратилась уже въ груду пепла. Понятно, что такія предположенія способны были создать нѣчто вродѣ паники, и, 28-го марта, высшіе правительственные сановники, собравшись на совѣщаніе, постановили отправить на слѣдующій же день императрицу и ея сына въ Рамбулье. Столь пагубное рѣшеніе было принято отчасти подъ вліяніемъ страха, но главнымъ образомъ

въ виду письма, въ которомъ Наполеонъ упоминалъ о печальной участи Астіанакса. Люди, постановившіе это рѣшеніе, были убѣждены, что парижскій народъ сталъ бы сражаться до послѣдней капли крови за молодого Наполеона и оплакивали сдѣланный

Огюстъ-Фредерикъ-Луи Вьессъ де-Мармонъ, герцогъ Рагузскій.
(Съ картины Герена въ Версальскомъ музеѣ).

ими шагъ. Талейранъ сказалъ на прощанье министру полиціи: «Какое страшное паденіе въ исторіи! Имя, которое могло бы остаться неразрывно связаннымъ съ цѣлымъ вѣкомъ, окажется соединеннымъ лишь съ повѣствованіемъ о нѣсколькихъ приключеніяхъ... Впрочемъ, не всѣмъ же, вѣдь, погибать подъ развалинами

колоссальнаго зданія имперіи!» Съ этого часа реставрація Бурбоновъ сдѣлалась неизбѣжною. На другой день утромъ императорскіе экипажи грустною вереницей медленно проѣзжали по парижскимъ улицамъ. Немногіе прохожіе безучастно глядѣли имъ вслѣдъ, когда они направлялись къ Рамбулье. Малолѣтній Римскій король ни за что не хотѣлъ уѣзжать изъ Тюльери. Онъ цѣплялся за двери своей комнаты и кричалъ благимъ матомъ. Долгое время не могли его успокоить. Мать и весь придворный женскій персоналъ были страшно испуганы такимъ поведеніемъ наслѣднаго принца, въ которомъ усматривали дурную примѣту. Впрочемъ, всѣ, сколько-нибудь знакомые съ общимъ положеніемъ дѣлъ, понимали, что отъѣздъ императрицы и ея сына изъ Парижа неизбѣжно повлечетъ за собою паденіе имперіи. Депутація національныхъ гвардейцевъ тщетно старалась отговорить Марію Луизу отъ принятаго ею рѣшенія. Неудачная попытка депутаціи и отдаленный грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ подѣйствовали самымъ подавляющимъ образомъ на парижское населеніе. Хлесткая прокламація Жозефа, увѣрявшая, будто августѣйшій его братъ гонится по пятамъ за арміей союзниковъ, съ отчаянія устремившейся къ Парижу, оказалась не въ силахъ разсѣять этого впечатлѣнія. Правительственныя должностныя лица казались парализованными. Всѣмъ было извѣстно, что столица не подготовлена къ сопротивленію. Еслибъ народъ захотѣлъ вооружиться, то для него не оказалось бы оружія. Одинъ только военный министръ, Клэркъ, началъ подъ конецъ обнаруживать должную энергію. Изъ имѣвшихся на лицо новобранцевъ сформировали шесть ротъ. Національная гвардія поставлена подъ ружье, а воспитанники политехнической школы призваны подъ знамена; сообщеніе съ маршаломъ Мармономъ было обезпечено, а къ вечеру Монмартръ, Белльвиль и Сенъ-Дени оказались уже до нѣкоторой степени укрѣпленными. Союзники какъ нельзя лучше знали, что имъ слѣдуетъ поторопиться выполненіемъ своихъ плановъ прежде, чѣмъ успѣетъ прибыть въ Парижъ Наполеонъ, котораго они боялись, какъ огня. Утромъ 29-го марта авангардъ ихъ, появившійся подъ Парижемъ, потребовалъ сдачи города. Во время переговоровъ, генералы, командовавшіе этимъ авангардомъ, пришли къ убѣжденію, что войскъ у нихъ слишкомъ мало, и, находя положеніе свое опаснымъ, предложили заключить перемиріе на четыре часа. Оно было заключено съ обычной оговоркой, что въ продолженіи его войска обѣихъ сторонъ не должны двигаться съ мѣста, но это обѣщаніе было нарушено самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Въ сумерки императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ съ своими арміями были уже въ виду знаменитой столицы. „Трудности и опасности похода, всѣ прошлыя обиды и униженія, все это было забыто въ радостномъ волненіи“, писалъ одинъ русскій офицеръ. Императоръ Александръ былъ погруженъ, однако, въ глубокую задумчивость. Онъ зналъ, что если Парижъ продержится дня два, къ столицѣ подойдутъ съ запада подкрѣпленія, которыя не дозволятъ союзникамъ овладѣть городомъ до прибытія туда Наполеона. При такихъ обстоятельствахъ русскій государь факти-

чески принялъ на себя команду надъ союзными арміями и отдалъ строжайшія предписанія приготовиться къ аттакѣ, долженствовавшей начаться на другой день рано утромъ.

Съ самой зари и до полудня 30-го марта шелъ подъ Парижемъ почти непрерывный бой. Нападавшіе обнаруживали увѣренность въ побѣдѣ, а защитники мужество отчаянія. Войска Мармона и Мортье выказывали блестящую храбрость, ополченцы же и воспитанники политехнической школы соперничали въ стойкости другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ полудня сдѣлалось, однако, очевиднымъ, что Парижу не устоять. Жозефъ, именемъ императора, уполномочилъ Мармона вступить въ переговоры и уѣхалъ вслѣдъ за императрицей, которую нашелъ уже въ Шартрѣ, далеко за Рамбулье. Она рѣшилась, для большей безопасности, переправиться за Луару. Въ четыре часа пополудни, пруссаки овладѣли Монмартрскимъ холмомъ и приготовились бомбардировать оттуда городъ. Одновременно съ этимъ подошелъ къ главнымъ силамъ союзниковъ ихъ аррьергардъ. При такихъ обстоятельствахъ Мармонъ счелъ дальнѣйшее сопротивленіе безцѣльнымъ. Непріятель угрожалъ отрѣзать его войскамъ путь отступленія, а, кромѣ того, у него имѣлись положительныя инструкціи спасти, во что бы то ни стало, Парижъ отъ разграбленія. Правда, что столичное населеніе не обнаруживало недостатка въ мужествѣ. Громадныя толпы стояли у воротъ за баррикадами, съ громкими криками требуя себѣ оружія и патроновъ. Примчавшійся гонецъ сообщилъ, что Наполеонъ ѣдетъ и находится уже всего лишь въ сотнѣ верстъ отъ столицы. Часовые, выставленные на возвышенныхъ пунктахъ, завидѣвъ гдѣ-нибудь вдали генерала на бѣлой лошади, кричали: „Это онъ!» Восторженныя ожиданія оказывались, однако, разъ за разомъ тщетными. „Онъ“ не являлся и дальнѣйшее кровопролитіе представлялось безцѣльнымъ, такъ какъ доблестная оборона Парижа длилась достаточно долго, чтобы честь Франціи была спасена. Когда Мармонъ вступилъ съ своими войсками въ городъ, его встрѣтили тамъ, какъ человѣка, сдѣлавшаго все, что было вообще возможно. Переговоры немедленно же открылись, и союзники почувствовали, что у нихъ съ души словно камень свалился. Они охотно согласились на капитуляцію, которая, обезпечивая перемиріе и свободный пропускъ войскамъ, оборонявшимъ Парижъ, гарантировала полную имущественную и личную безопасность его населенію.

Послѣ полудня и вечеромъ 30-го марта, домъ Мармона служилъ сборнымъ пунктомъ для уполномоченныхъ, которымъ было поручено веденіе переговоровъ, и для немногихъ политическихъ дѣятелей, остававшихся въ столицѣ. Тамъ совершенно свободно толковали, что роль Бонапарта сыграна и что на французскій престолъ вступитъ опять династія Бурбоновъ. Всѣ называли Мармона превосходнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ человѣкомъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ, зять маршала, состоявшій камергеромъ при императорскомъ дворѣ, сообщалъ ему по секрету, что какая бы участь ни постигла другихъ наполеоновскихъ маршаловъ,

Мармонъ и Макдональдъ во всякомъ случаѣ удостоятся пощады. Талейранъ демонстративно пытался бѣжать, но, по странной игрѣ случая, его кучеръ выѣхалъ не въ тѣ ворота, въ какія слѣдовало, и долженъ былъ вслѣдствіе этого вернуться назадъ въ Парижъ. Поздно вечеромъ онъ явился къ Мармону уже прямо въ качествѣ уполномоченнаго отъ Бурбоновъ съ предложеніями перейти на ихъ сторону. Свиданіе его съ маршаломъ было непродолжительно и, казалось, не привело ни къ какимъ результатамъ. Въ дѣйствительности, однако, Мармонъ почувствовалъ, что судьбы Франціи зависятъ теперь отъ него одного. Этого было достаточно для того, чтобы въ душѣ его возгорѣлось самое необузданное тщеславіе. Проходя по корридорамъ, хитрый французскій дипломатъ привѣтствовалъ встрѣтившагося съ нимъ князя Орлова и просилъ, чтобъ ему было разрѣшено поднести глубочайшее свое уваженіе къ стопамъ русскаго государя. „Не премину предъявить этотъ банковый чекъ его величеству“, колко отвѣтилъ ему Орловъ. Узнавъ про этотъ инцидентъ, императоръ Александръ сказалъ: „Пока это лишь анекдотъ, но онъ можетъ съ теченіемъ времени попасть въ исторію“.

Торжественное вступленіе союзниковъ въ Парижъ началось 31 марта, въ семь часовъ утра. Впереди ѣхалъ императоръ Александръ съ своимъ спутникомъ, прусскимъ королемъ. Войска соблюдали строжайшій порядокъ. Не было ни грабежа, ни насилій. Толпы роялистовъ тѣснились на улицахъ, привѣтствуя завоевателей и оглашая воздухъ криками: „Да здравствуетъ Людовикъ XVIII!“. Послѣ полудня Талейранъ и графъ Нессельроде долго совѣтывались другъ съ другомъ во дворцѣ бывшаго епископа. Когда подъ вечеръ къ нимъ присоединились русскій государь и прусскій король, затратившіе весь день на церемоніалъ торжественнаго вступленія въ французскую столицу, между дипломатами состоялось уже соглашеніе касательно возвращенія Франціи Бурбонамъ. Тѣмъ не менѣе, для соблюденія формальностей, состоялось немедленно же оффиціальное совѣщаніе, на которомъ, кромѣ обоихъ монарховъ и ихъ министровъ, присутствовали князья Шварценбергъ и Лихтенштейнъ, Поццо-ди-Борго и Дальбергъ. На совѣщаніи предсѣдательствовалъ императоръ Александръ, но говорилъ по преимуществу Тайлеранъ, ловко съумѣвшій захватить въ свои руки управленіе преніями. Русскій государь предлагалъ нѣсколько комбинацій, способныхъ обезпечить сохраненіе мира. По словамъ его, на французскомъ престолѣ могъ бы остаться даже Наполеонъ, разумѣется, при условіи представленія надлежащихъ гарантій. Въ случаѣ отреченія его отъ престола, императрица Марія-Луиза могла бы остаться регентшей за малолѣтняго римскаго короля. Безъ сомнѣнія, являлась возможной также и реставрація Бурбоновъ. Наконецъ, по слухамъ, упомянуто было, въ числѣ другихъ комбинацій о возведеніи на французскій престолъ Бернадотта, а также о возвращеніи французамъ республиканской формы правленія. Изъ всѣхъ этихъ комбинацій только одна согласовалась съ принципомъ законности, съ которымъ отождествилъ себя импе-

раторъ Александръ, присоединившись къ коалиціи. Къ тому же, опираясь на этотъ принципъ, Россія могла всего удобнѣе прояв-

Принцесса Полина Бонапартъ.
(Съ картины Р. Лефевра въ Версальскомъ музеѣ).

лять свой авторитетъ въ западной Европѣ. Всѣ эти соображенія были демонстративно выставлены на видъ коварнымъ Талейраномъ и произвели на императора Александра величайшее впечатлѣніе.

При такихъ обстоятельствахъ было уже нетрудно постановить рѣшеніе ни подъ какимъ видомъ не вступать въ переговоры о мирѣ съ Наполеономъ Бонапартомъ, или же съ кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи. Это былъ первый ударъ, нанесенный Талейраномъ облагодѣтельствовавшему его императору. Второй ударъ оказался еще болѣе ловкимъ и убійственнымъ. Раболѣпному сенату предложено было назначить временное правительство и выработать новую конституцію, скрѣпленную гарантіей союзныхъ государей. Сенатъ этотъ, несмотря на свое низкопоклонничество, хранилъ все-таки въ глубинѣ души искру національнаго французскаго патріотизма. Даже крайняя радикальная партія, въ лицѣ бордосца Лене, вынуждена была съ этимъ согласиться. Послѣ того, какъ просуществовала сутки новая администрація, въ составъ которой вошли Талейранъ съ двумя своими креатурами: Дальбергомъ и Жокуромъ,—роялистъ Монтескью и сторонникъ имперіи Бернонвилль, весьма неохотно лишь присоединившійся къ вышеупомянутымъ членамъ исполнительнаго комитета, созванъ былъ законодательный корпусъ. Семьдесятъ девять депутатовъ сочли умѣстнымъ явиться на засѣданіе. Послѣ не особенно долгихъ преній, они объявили Наполеона свергнутымъ съ престола за нарушеніе конституціи. Муниципальный совѣтъ и всѣ высшія имперскія учрежденія изъявили на это полное свое согласіе. Самый Парижъ какъ будто совершенно измѣнился. На улицахъ, въ театрѣ, однимъ словомъ, повсюду появились бѣлыя бурбонскія кокарды и ленточки, словно цвѣты, распустившіеся ранней весной. Зато внѣ главнаго фокуса агитаціи, а также въ парижскихъ предмѣстьяхъ, народныя массы роптали и по временамъ выказывали даже открытое недовольство. Къ западу и югу отъ Парижа вся страна энергически стояла за императора. Регенство, устроившееся въ Блуа, собирало рекрутъ, издавало краснорѣчивыя воззванія и вообще не обнаруживало ни малѣйшаго упадка духа.

Въ послѣдніе часы 30-го марта, встрѣтившись съ Бельяромъ и узнавъ отъ него о случившемся, Наполеонъ предался самому несдержанному и жесточайшему гнѣву. Забывая свои собственные ошибки и промахи, онъ обвинялъ всѣхъ другихъ съ бѣшенствомъ, которое граничило съ умопомѣшательствомъ, и не находилъ достаточно оскорбительныхъ выраженій, дабы заклеймить ими Кларка и своего брата Іосифа. Дойдя почти до состоянія невмѣняемости, императоръ потребовалъ себѣ карету и поѣхалъ по направленію къ Парижу, разспрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ и обвиняя маршаловъ Мармона и Мортье въ трусости. Адъютанты старались его урезонить, но всѣ ихъ усилія оставались тщетными до тѣхъ поръ, пока верстахъ въ полутора отъ станціи карета не встрѣтилась съ авангардомъ Мортье, выступившимъ изъ Парижа въ силу капитуляціи, заключенной съ союзниками. Наполеонъ сообразилъ тогда, что стоитъ лицомъ къ лицу съ судьбою, противъ которой борьба немыслима. Продолжая путь далѣе, онъ рисковалъ попасться въ плѣнъ, или же подвергнуться еще худшей участи. Генералъ Флаго былъ поэтому отправленъ посовѣтоваться

съ Мармономъ, а Коленкуръ помчался хлопотать объ аудіенціи у русскаго государя. Отвѣтъ отъ Мармона получился съ быстротой, свойственной, повидимому, лишь неблагопріятнымъ извѣстіямъ. Маршалъ этотъ признавалъ положеніе совершенно безнадежнымъ. Съ выѣздомъ императорскаго двора изъ Парижа, населеніе столицы упало духомъ. Національная гвардія, по словамъ Мармона, никуда не годилась. Онъ велъ съ собою лишь собственный корпусъ и корпусъ Мортье, въ которыхъ насчитывалось въ общей сложности подъ ружьемъ еще 20.000 человѣкъ. Наполеонъ, къ которому вернулось, тѣмъ временемъ, обычное спокойствіе и самообладаніе, отдалъ своимъ маршаламъ вполнѣ цѣлесообразныя приказанія занять между рѣками Эссоной и Сеной позицію, примыкавшую лѣвымъ флангомъ къ первой, а правымъ ко второй изъ этихъ рѣкъ. Третья рѣка Іонна защищала ее отъ обхода съ тыла. Не подлежало сомнѣнію, что Наполеонъ намѣревался дать сраженіе, хотя изъ его маршаловъ одинъ только Макдональдъ высказался за немедленный бой подъ Парижемъ. Изъ числа прочихъ генераловъ Бертье, Друо, Бельяръ, Флаго и Гурго предпочитали вернуться въ Лотарингію. Войска, однако, быстро подходили и въ полночь, передъ отъѣздомъ своимъ въ Фонтенебло, Наполеонъ окончательно рѣшился дать сраженіе союзникамъ.

Послѣ полудня, 1-го апрѣля, императоръ пріѣхалъ изъ Фонтенебло въ главную квартиру маршала Мармона. Какъразъ въ то время, когда онъ поздравлялъ этого маршала съ мужествомъ, выказаннымъ при оборонѣ Парижа, прибыли комиссары, подписывавшіе капитуляцію, и сообщили о послѣднихъ событіяхъ въ столицѣ. Слушая ихъ, Наполеонъ становился все болѣе мрачнымъ и задумывался, а затѣмъ, ничего не говоря, уѣхалъ обратно въ Фонтенебло. На слѣдующее утро, однако, онъ былъ уже опять въ прекрасномъ настроеніи духа. Во время смѣны дворцоваго караула онъ сошелъ во дворъ „Бѣлаго коня“, гдѣ его восторженно привѣтствовали нижніе чины и офицеры обоихъ батальоновъ, состоявшихъ въ караулѣ. Глаза его сверкали прежнимъ огнемъ и весь онъ казался проникнутымъ энергіей и увѣренностью въ побѣдѣ. Присутствовавшіе говорили другъ другу: „Онъ опять сталъ тѣмъ самымъ Наполеономъ, какимъ мы его видѣли въ Потсдамѣ и Шенбруннѣ“. Послѣ полудня, однако, вернулся изъ Парижа Коленкуръ, и горизонтъ, повидимому, снова омрачился. Единственное, чего удалось добиться Коленкуру при всемъ своемъ краснорѣчіи, заключалось въ согласіи русскаго государя еще разъ обсудить вопросъ о заключеніи мира съ имперскимъ регентствомъ, причемъ Наполеону во всякомъ случаѣ предварительно надлежало отречься отъ престола. Императоръ былъ не въ состояніи спокойно выслушать докладъ вѣрнаго своего слуги. Несмотря на всѣ усилія сдерживать свои порывы, у него вырвалось нѣсколько рѣзкихъ словъ. Имъ овладѣвала, повидимому, какая-то загадочная, ужасающая мысль. Невеселое объясненіе вскорѣ закончилось, и Коленкуръ оставилъ Наполеона одного въ кабинетѣ. Единственнымъ лекарствомъ отъ болѣзни, которою страдалъ

французскій императоръ, являлась лихорадочная дѣятельность, а потому, когда 3-го апрѣля прибыли въ Фонтенебло двѣ дивизіи старой и молодой гвардіи, имъ былъ немедленно же назначенъ смотръ. Наполеонъ въ великолѣпномъ мундирѣ, съ блестящею свитой, въ которой находились въ числѣ другихъ генераловъ Ней и Монсей, присутствовалъ на этомъ смотру. Къ концу его императоръ созвалъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ, объяснилъ имъ въ обычныхъ краткихъ и ясныхъ выраженіяхъ фактическое положеніе дѣлъ и въ заключеніе сказалъ: „Чрезъ нѣсколько дней я буду аттаковывать Парижъ. Могу я на васъ разсчитывать?“ На этотъ энергическій вопросъ, произнесенный голосомъ, въ которомъ дрожало сдерживаемое волненіе, не послѣдовало никакого отвѣта. Наполеонъ прервалъ мертвое молчаніе, освѣдомившись: „Я вѣдь не ошибся, разсчитывая на васъ?“ Этотъ послѣдній призывъ со стороны великаго актера произвелъ желаемое впечатлѣніе. Отовсюду кругомъ грянули восторженныя изъявленія преданности, которыя Наполеону такъ хотѣлось услышать. Какъ только офицеры вернулись на свои мѣста, старые „ворчуны“ (такъ прозывали сами французы наполеоновскихъ ветерановъ) разразились бурными возгласами: „Да здравствуетъ императоръ!“ а затѣмъ разошлись подъ музыку марсельезы и наполеоновскаго гимна.

Французскій императоръ несомнѣнно выработалъ уже себѣ къ этому времени совершенно опредѣленный планъ дѣйствій. За исключеніемъ Мортье, Друо и Жерара, старшіе генералы были къ нему не расположены, младшіе же, надѣявшіеся на повышеніе, питали по прежнему самую раболѣпную преданность къ державному своему полководцу. Армія была ему тоже искренно предана. Это объяснялось частью тѣмъ, что она являлась представительницей всего французскаго народа, частью же вліяніемъ личнаго обаянія Наполеона. Въ данную минуту у императора имѣлось, повидимому, подъ ружьемъ всего лишь 60.000 человѣкъ, въ томъ числѣ у Мармона 12.500, у Мортье—6.000, Макдональда—2.700, Удино—5.500, Жерара—3.000, Нея—2.300, Друо—9.000 и, кромѣ того, 11.600 человѣкъ гвардейской и армейской кавалеріи. Императоръ могъ присоединить къ нимъ 1.600 поляковъ, 2.250 новобранцевъ и 1.500 старослуживыхъ солдатъ, содержавшихъ гарнизоны въ Фонтенебло и Меленѣ. Нѣсколько далѣе расположены были войска, занимавшія Санъ, Туръ, Блуа и Орлеанъ, гдѣ въ общей сложности насчитывалось подъ ружьемъ до 8.000 человѣкъ. За ними далѣе къ югу, находились арміи Сульта, Сюше, Ожеро и Мезона, изъ которыхъ можно было бы составить боевую силу въ 60.000 человѣкъ. Союзники потеряли въ бою подъ Парижемъ до 9.000 человѣкъ, но, получивъ подкрѣпленія, располагали приблизительно 140.000 арміей. Само собой разумѣется, что такое положеніе не могло представляться безнадежнымъ геніальному полководцу, фаталистически вѣрившему въ свое счастье и маскировавшему за послѣднее время этотъ фатализмъ увѣреніемъ, что возлагаетъ свои надежды на Провидѣніе. Какъ бы ни было, съ

прибытіемъ Макдональда, 4 апрѣля, Наполеонъ тщательно выработалъ диспозицію къ сраженію. Каждому корпусу указано было мѣсто, которое ему надлежало занять, и сдѣланы были на этотъ предметъ всѣ должныя распоряженія. Около полудня Наполеонъ явился, по обыкновенію, къ смѣнѣ карауловъ, причемъ войска привѣтствовали его, какъ и всегда, восторженными возгласами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора стояли, однако, столпившись въ кучу маршалы и старшіе генералы. Нагнувшись другъ къ другу, они вели между собою оживленный разговоръ, не глядя на императора. Изъ этой группы послышались произнесенныя громовымъ голосомъ Нея слова: „Насъ можетъ избавить отъ этого одно лишь отреченіе отъ престола!“ Наполеонъ невольно вздрогнулъ, но къ нему тотчасъ же вернулось самообладаніе. Онъ сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ этой жестокой угрозы, и вернулся къ себѣ въ кабинетъ.

Одновременно съ рѣшеніемъ, на которомъ остановились въ Фонтенебло наполеоновскіе маршалы, послѣдовала фактическая измѣна одного изъ нихъ, оказавшаяся для наполеоновской имперіи пагубнѣе всего остального. Въ письмѣ маршала Мармона къ русскому Государю, отъ 3 ноября, помѣщена была слѣдующая фраза: „Я готовъ покинуть съ своими войсками армію императора Наполеона на условіяхъ, которыя должны быть мнѣ обезпечены письменнымъ согласіемъ на нихъ вашего величества“. 1 апрѣля агенты временнаго правительства договаривались съ однимъ сильно скомпрометированнымъ дворяниномъ Мобрейлемъ, соглашавшимся за хорошее вознагражденіе убить Наполеона. На слѣдующій день князь Шварценбергъ прислалъ во французскій лагерь послѣднія парижскія газеты и множество оттисковъ манифеста, въ которомъ заявлялось, что, вслѣдствіе сенатскаго указа и постановленій законодательнаго корпуса, солдаты и офицеры наполеоновской арміи освобождаются отъ присяги, данной ими на вѣрность императору. Мармонъ отослалъ полученные имъ документы къ маршалу Бертье. Большинство офицеровъ отнеслось къ нимъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Нѣкоторые, однако, прочитавъ манифестъ, стали задумываться. 3 апрѣля явился къ Мармону опять посланецъ отъ князя Шварценберга съ предложеніями, которыя были выслушаны весьма охотно. Подъ обаяніемъ почестей, оказанныхъ Мармону въ Парижѣ, тщеславный маршалъ воображалъ, что ему удастся сыграть роль Монка. Онъ мысленно видѣлъ Францію благоденствующей, благодаря возстановленію мира и общественнаго порядка, причемъ вся честь приписывалась исключительно только ему и повсюду возносились хвалы великодушному его патріотизму. Между тѣмъ цѣль эта могла быть, по его мнѣнію, достигнута не только безъ всякаго ущерба, но даже съ соблюденіемъ личной выгоды. Маршалу Мармону не только обезпечивали Рагузское его герцогство, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали всевозможныя иныя щедрыя награды и почести. При такихъ обстоятельствахъ, онъ согласился на предложенія союзныхъ монарховъ, съ условіемъ, что его войскамъ разрѣшатъ съ почетомъ отступить

въ Нормандію. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что, при заключеніи этой конвенціи, маршалъ Мармонъ позаботился также о своемъ императорѣ. Онъ выговорилъ Наполеону жизнь и свободу въ мѣстопребываніи, указанномъ по взаимному соглашенію союзными государями и Франціей. На слѣдующее утро, а именно 4-го апрѣля, получено было отъ князя Шварценберга согласіе союзныхъ монарховъ на эти предложенія, послѣ чего Мармонъ немедленно же началъ подговаривать офицеровъ своего корпуса къ измѣнѣ. Въ четыре часа пополудни прибыло въ главную его квартиру наполеоновское посольство, ѣхавшее изъ Фонтенебло въ Парижъ. Лица, изъ которыхъ состояло это посольство, изъявили желаніе повидаться съ Мармономъ.

Первое отреченіе Наполеона отъ престола.

Нею, какъ и другимъ маршаламъ и корпуснымъ командирамъ, совѣщавшимся другъ съ другомъ во дворѣ Фонтенеблоскаго дворца, отреченіе Наполеона отъ престола казалось наилучшей гарантіей мира и сохраненія имперіи. Лично для себя они ожидали сохраненія должностей и обезпеченія возможности пользоваться на досугѣ почестями и богатствами, которыя соединялись съ ними. Такая перспектива являлась настолько увлекательной, что трудно было устоять противъ искушенія. Возгласъ маршала Нея оказывался по этому выраженіемъ категорически принятаго безповоротнаго рѣшенія.

Войдя въ свой кабинетъ, Наполеонъ нашелъ тамъ Бертье, Маре, Коленкура и Бертрана. Скрывая охватившее его волненіе, императоръ принялся за обычную работу, которую приходится выполнять каждому полководцу наканунѣ большого сраженія. Почти тотчасъ же послышались, однако, въ корридорѣ торопливые шаги. Дверь растворилась настежъ, и на порогѣ ея появились Ней, Лефевръ, Удино и Макдональдъ. Ней, принявшій на себя руководящую роль, на мгновеніе смутился подъ устремленнымъ на него пристальнымъ взоромъ императора, а затѣмъ угрюмо спросилъ: „Извѣстно-ли вашему величеству, что происходитъ въ Парижѣ?“—„Нѣтъ, не извѣстно“, отвѣчалъ императоръ. Отвѣтъ этотъ съ его стороны былъ, разумѣется, завѣдомо ложнымъ, такъ какъ онъ прочелъ сенатскій указъ еще вечеромъ наканунѣ. „Зато мнѣ это извѣстно!“ громовымъ голосомъ воскликнулъ Ней и разсказалъ факты, о которыхъ только что было сообщено. Необходимо замѣтить, что уже шесть недѣль тому назадъ, въ Ножанѣ, Ней и Удино пытались застращать подобнымъ же образомъ Наполеона, но тогда онъ безъ труда заставилъ ихъ замолчать. На этотъ разъ императоръ заговорилъ въ примирительномъ духѣ, представляя вѣскія доказательства справедливости своихъ словъ. Онъ долго и краснорѣчиво объяснялъ маршаламъ стратегическія выгоды своего положенія, изъ которыхъ вытекала для него полная увѣренность въ побѣдѣ. Изъ числа присутствовавшихъ маршаловъ одинъ только Макдональдъ не былъ непосредственно замѣшанъ въ заговорѣ, но и онъ, оче-

видно, находился въ дурномъ настроеніи духа. Дѣло въ томъ, что, за день передъ тѣмъ, Макдональдъ получилъ черезъ Мармона письмо отъ Бернонвилля. Оно было тогда же прочитано Наполеономъ, но содержаніе его не сохранилось потомству.

Что именно случилось, или же было говорено затѣмъ, во время свиданія между Наполеономъ и возмутившимися его маршалами, въ точности неизвѣстно. Заявленія очевидцевъ оказываются до

Этьеннъ-Жакъ-Жозефъ-Александръ Макдональдъ, герцогъ Тарентскій.
(Съ картины Давида).

такой степени противорѣчивыми, что, безъ сомнѣнія, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Современники утверждали, будто, въ критическій моментъ, когда Ней объявилъ, что армія станетъ повиноваться ближайшимъ своимъ начальникамъ и не пойдетъ на Парижъ въ угоду императору, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ изъявили жестами готовность сейчасъ же умертвить Наполеона. Если дѣло происходило такимъ образомъ, то Наполеонъ никогда еще не выказывалъ большаго душевнаго величія, какъ именно въ эту минуту. Сдержавъ справедливое свое негодованіе, онъ повелительнымъ движеніемъ руки заставилъ измѣнившихъ маршаловъ уда-

литься. Затѣмъ, оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, онъ изъявилъ ему готовность подписать отреченіе свое отъ престола.

Документъ этотъ въ окончательной своей редакціи имѣлъ слѣдующее содержаніе: „Разъ что союзныя державы объявляютъ императора Наполеона единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію европейскаго мира, императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, изъявляетъ готовность отречься отъ престола, покинуть Францію и даже положить жизнь за благоденствіе отчизны, неразрывно связанное съ правами его сына, равно какъ правами императрицы-регентши и общими имперскими законами". Весь вопросъ заключался въ томъ, изъ кого именно должно состоять посольство, которое представитъ этотъ документъ русскому государю. Однимъ изъ пословъ, разумѣется, надлежало быть Коленкуру, другимъ Наполеонъ рѣшился назначить Нея, именно вслѣдствіе руководящей роли, которую принялъ на себя этотъ маршалъ, но кто же будетъ третьимъ посломъ? Прежде всего мелькнула у французскаго императора мысль о Мармонѣ, и онъ приказалъ уже изготовить полномочія на имя этого маршала, но затѣмъ одумался. Ему казалось неловкимъ назначить посломъ человѣка, до такой степени завѣдомо ему преданнаго. Еще во время экспедиціи своей въ Египетъ онъ взялъ Мармона себѣ въ адъютанты. Съ тѣхъ поръ Мармонъ былъ все время, по мнѣнію императора, искреннимъ его другомъ и довѣреннымъ совѣтникомъ. Маршалъ этотъ, такъ сказать, вскормленный и вспоенный въ походной палаткѣ своего вождя и государя, могъ, въ увлеченіи дружбы, слишкомъ сильно заботиться о личныхъ интересахъ своего благодѣтеля и чрезъ это повредить общему дѣлу. Въ виду такихъ соображеній вмѣсто Мармона назначили третьимъ посломъ Макдональда. Посольству надлежало, впрочемъ, проѣзжать черезъ Эссонъ, и Наполеонъ поручилъ передать Мармону, что если герцогъ Рагузскій желаетъ отправиться съ посольствомъ въ Парижъ, то ему будутъ тоже присланы вѣрительныя грамоты. Предложеніе это ошеломило дѣятельнаго заговорщика, успѣвшаго склонить на свою сторону пятерыхъ генераловъ своего корпуса, а именно: Сугама, Мерлена, Дижсона, Ледрю и Меньядье (начальника штаба корпуса). Измѣнническій замыселъ оказывался въ полномъ ходу на пути къ выполненію, такъ что нельзя было уже остановить начатое дѣло. Между тѣмъ если русскій государь согласится на заключеніе мира съ регентствомъ, въ какомъ окажутся положеніи зачинщики заговора? Съ другой стороны, если бы измѣна дошла до свѣдѣнія Наполеона, послѣдователь Монка могъ съ увѣренностью разсчитывать, что будетъ черезъ нѣсколько часовъ разстрѣлянъ. При такихъ обстоятельствахъ маршалъ Мармонъ счелъ нужнымъ безотлагательно принять категорическое рѣшеніе. Онъ сообщилъ Нею и Макдональду о сдѣланномъ имъ шагѣ и, когда его заявленіе было встрѣчено громкими порицательными возгласами, беззастѣнчиво принялся утверждать, будто нисколько еще не скомпрометированъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ готовность присоединиться къ посольству. Желая избавить своего товарища отъ дальнѣйшихъ искушеній,

Ней и Макдональдъ согласились взять его съ собою. Сугаму, какъ старшему въ чинѣ, поручено было командовать корпусомъ. Ему предписывалось сообщить войскамъ объ отреченіи Наполеона отъ престола, но не предпринимать никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ. Въ главной квартирѣ князя Шварценберга Мармонъ нашелъ средство сообщить австрійскому главнокомандующему объ измѣнившихся обстоятельствахъ. По словамъ Мармона, князь Шварценбергъ немедленно же освободилъ его отъ всякихъ обязательствъ, но по какому-то странному случаю въ тотъ же вечеръ часамъ къ девяти вся эта исторія дошла до свѣдѣнія Талейрана. Блѣдный отъ ужаса, онъ поспѣшилъ къ императору Александру и принялся возбужденнымъ тономъ доказывать полнѣйшую неумѣстность заключенія мира съ регентствомъ. Русскій государь выслушалъ Талейрана, но презрительно отпустилъ его, объявивъ, впрочемъ, что человѣкъ, довѣрившійся Россіи, не будетъ имѣть повода въ этомъ раскаяваться.

Аудіенція посольству Наполеона дана была императоромъ Александромъ почти въ полночь. Мармонъ не присутствовалъ на ней. Безъ сомнѣнія, его мучила совѣсть, а потому онъ тихонько удалился въ домъ Нея ожидать тамъ, чѣмъ дѣло кончится. Русскій государь внимательно и сочувственно слушалъ Коленкура, краснорѣчиво говорившаго въ пользу имперіи. Самъ Александръ сознавалъ, что сдѣлалъ ложный шагъ, фактически согласившись, пять дней тому назадъ, на возстановленіе Бурбоновъ. За это время онъ убѣдился, что дѣло Бурбоновъ становится съ каждымъ днемъ все менѣе популярнымъ. Не только народъ и войска, но даже національная гвардія не выказывали ни малѣйшаго одобренія дѣйствіямъ временнаго правительства. Съ другой стороны, французская армія оставалась непоколебимо вѣрной своему императору. Находя собственную честь и честь Россіи въ достаточной степени отомщенной, русскій государь началъ снова поддаваться вліянію давнишней своей нелюбви къ деспотическимъ принципамъ прежняго французскаго королевскаго режима. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что, съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, императорская династія во Франціи окажется выгоднѣе всякой другой. Сознаніе это укрѣплялось у него все сильнѣе по мѣрѣ того какъ онъ слушалъ побудительные доводы Коленкура, утверждавшаго, что весь французскій народъ и вся армія желаютъ регентства. Рѣчь Коленкура до такой степени подѣйствовала на Александра I, что, два дня спустя, Ней и Макдональдъ положительно увѣряли, будто дѣло имперіи было окончательно уже выиграно, когда въ два часа утра явился къ императору одинъ изъ его флигель-адъютантовъ и доложилъ ему что-то по русски. Государь слушалъ его съ такимъ изумленіемъ, что офицеръ вынужденъ былъ повторить свой докладъ. „Господа,— объявилъ тогда императоръ Александръ,—вы основываете свои требованія на непоколебимой преданности арміи императорскому правительству; между тѣмъ авангардъ наполеоновской арміи только что дезертировалъ. Онъ находится теперь уже въ чертѣ

расположенія нашихъ войскъ". Извѣстіе это оказалось вѣрнымъ. Узнавъ объ отреченіи императора отъ престола, войска Мармона пришли въ совершенное отчаяніе и были серьезно демонализованы. Между тѣмъ изъ Фонтенебло прибылъ ординарецъ съ приказаніемъ Сугаму явиться къ императору по дѣламъ службы. Нечистая совѣсть рисовала воображенію этого генерала всяческіе ужасы, а когда затѣмъ пріѣхалъ адъютантъ Наполеона, Гурго, и потребовалъ съ Сугамомъ свиданія, генералъ этотъ тотчасъ же предположилъ, что его немедленно арестуютъ, и страшно перепугался. Созвавъ другихъ, столь же скомпрометированныхъ генераловъ, онъ разсказалъ имъ о своихъ опасеніяхъ. Немедленно же войска были поставлены въ ружье. Около полуночи имъ отдано было приказаніе идти впередъ. Не зная, куда ихъ ведутъ, солдаты сперва молчали, но затѣмъ, очутившись между двумя линіями австрійцевъ они наотрѣзъ отказались повиноваться своимъ офицерамъ. Ихъ, однако, увѣрили, будто къ утру они вступятъ съ этими самыми австрійцами въ бой, отъ котораго должно зависѣть спасеніе имперіи. Повѣривъ этому ложному заявленію, солдаты успокоились. Прибывъ, наконецъ, въ Версаль и узнавъ истину, они взбунтовались. Тогда явился къ нимъ маршалъ Мармонъ, которому и удалось ихъ застращать и убѣдить въ необходимости примириться съ тѣмъ, чего нельзя уже измѣнить. Узнавъ о поступкѣ Сугама, онъ поспѣшилъ въ переднюю русскаго государя, куда собрались уже въ самомъ веселомъ расположеніи духа члены временнаго правительства. Когда вышли изъ пріемной члены посольства, бросившіе на Мармона взглядъ, который заставилъ его оцѣпенѣть отъ ужаса, измѣнникъ маршалъ пробормоталъ: „Я охотно отдалъ бы руку на отсѣченіе, если бы можно было воротить то, что случилось".—„Неужели только руку? Тутъ, пожалуй, было бы мало даже и вашей головы",—горько возразилъ Макдональдъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мармону удавалось играть роль героя, но вскорѣ его тщеславный, пустой характеръ выказалъ въ истинномъ свѣтѣ его поведеніе. Изъ титула герцога Рагузскаго, который носилъ Мармонъ, выработалось слово р а г у з а д а, служившее синонимомъ измѣны. Въ продолженіи Ста Дней онъ, разумѣется, былъ вычеркнутъ изъ списка французскихъ маршаловъ. Осыпанный почестями при второй реставраціи, Мармонъ вторично оказался измѣнникомъ и, въ 1830 году, передался на сторону республиканцевъ. Въ народѣ его прозвали Іудой-предателемъ, и онъ умеръ въ изгнаніи, презираемый всѣми.

Убѣжденный, что его отреченіе отъ престола не побудитъ императора Александра спасти имперію во Франціи, Наполеонъ послалъ къ Маріи-Луизѣ гонца съ предложеніемъ немедленно отправить Шампаньи въ Дижонъ, гдѣ находился тогда ея отецъ. Наполеонъ, все-таки, надѣялся, что австрійскій императоръ вступится за интересы дочери. Затѣмъ, 4-го апрѣля онъ созвалъ на военный совѣтъ своихъ офицеровъ, чтобъ заручиться сознательной и усердной ихъ поддержкой въ предстоящемъ сраженіи, которое считалъ неизбѣжнымъ. Въ виду отсутствія маршаловъ и корпусныхъ командировъ,

младшіе генералы единогласно высказали полнѣйшее одобреніе стратегическому и тактическому его плану. Къ самому концу совѣщанія получены были, однако, извѣстія о томъ, что произошло въ Эссонѣ. Узнавъ всѣ подробности, Наполеонъ немедленно принялъ мѣры къ заполненію пробѣла въ своей оборонительной линіи. Онъ, повидимому, нисколько не смутился и, говоря объ измѣнѣ Мармона, совершенно спокойно замѣтилъ: „Бѣдняга, онъ будетъ несравненно несчастнѣе меня!“ Необходимо принять во вниманіе, что всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ Наполеонъ говорилъ Коленкуру: „У меня въ арміи ведутъ честнымъ образомъ игру только нижніе чины и офицеры, не заслужившіе себѣ еще графскихъ, герцогскихъ и княжескихъ титуловъ. Страшно сказать, но это, тѣмъ не менѣе, чистая правда! Знаете-ли, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать? Выслать всѣхъ этихъ бывшихъ героевъ изъ арміи. Пусть себѣ они спятъ на своихъ пуховикахъ и важничаютъ въ гордыхъ своихъ замкахъ. Надо было бы освободиться отъ этихъ недовольныхъ и начать войну опять съ молодыми людьми, обладающими юношеской, незапятнанной еще доблестью“. При такихъ обстоятельствахъ императоръ былъ отчасти подготовленъ даже и къ измѣнѣ Мармона. На слѣдующее утро, 5-го апрѣля, онъ издалъ талантливѣйшій изъ когда-либо написанныхъ имъ манифестовъ. Въ полдень произведенъ былъ смотръ ветеранамъ, прибывшимъ изъ Испаніи, а послѣ полудня отдѣльныя части арміи двинулись уже, чтобы перейти за Луару и прикрыть резиденцію императорскаго правительства. Въ девять часовъ вечера вернулось, однако, изъ Парижа посольство съ дурными вѣстями. Оно сообщило, что русскій государь отказывается принять отреченіе Наполеона отъ престола, а сенатъ собирается уже провозгласить Людовика XVIII французскимъ королемъ. Союзные государи соглашаются, однако, оставить Наполеону императорскій титулъ съ тѣмъ, чтобы онъ царствовалъ единственно лишь надъ островомъ Эльбой. Безстрашный императоръ спокойно возразилъ, что, при такихъ условіяхъ, война не можетъ повлечь за собой ничего худшаго, и тотчасъ же началъ излагать посламъ свои стратегическіе планы.

Его, однако, прервали. Какимъ именно образомъ и при какихъ условіяхъ это было сдѣлано, остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Всѣ трое членовъ посольства вышли вмѣстѣ изъ кабинета, но тѣмъ не менѣе, они въ своихъ мемуарахъ излагаютъ обстоятельства дѣла совершенно различнымъ образомъ. Каждый какъ бы умышленно старается вызвать такое впечатлѣніе, будто исключительно ему одному принадлежалъ починъ всего, что было говорено и сдѣлано. Еслибъ можно было отнестись съ нѣкоторымъ довѣріемъ хотя къ разсказу Коленкура, то съ помощью метода такъ называемыхъ косвенныхъ доказательствъ удалось бы достигнуть извѣстной достовѣрности. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, очевидно, нельзя положиться и на Коленкура. Изъ того, что произошло впослѣдствіи, позволительно заключить, что всѣ трое наполеоновскихъ пословъ успѣли, къ своему возвращенію въ лагерь, сдѣлаться пламенными роялистами. По крайней мѣрѣ, они подписали уже договоръ

о перемиріи, въ которомъ предусматривалось возстановленіе бурбонской монархіи во Франціи. Маршалъ Макдональдъ утверждаетъ, будто именно онъ „срѣзалъ Наполеона", начавшаго уже излагать свои соображенія, объявивъ императору, что ему слѣдуетъ теперь, безъ всякихъ условій и оговорокъ, отречься отъ престола. Ней, въ свою очередь, грубымъ тономъ замѣтилъ, что армія утратила уже теперь довѣріе къ себѣ самой и къ своимъ вождямъ. Императоръ сперва объявилъ маршаламъ, что признаетъ ихъ поведеніе бунтомъ, но затѣмъ, какъ бы покорившись судьбѣ, обѣщалъ дать отвѣтъ на слѣдующій день. Онъ въ то время не зналъ еще, что корпусные командиры согласились не повиноваться приказаніямъ, которыя онъ пожелалъ бы отдать на слѣдующій день. При всемъ томъ, когда дверь заперлась за вышедшими изъ кабинета маршалами, свѣтлый до тѣхъ поръ умъ Наполеона какъ будто омрачился. Императоръ почувствовалъ страшнѣйшій упадокъ духа и, тяжело опустившись въ кресло, проговорилъ вполголоса: „У этихъ людей нѣтъ ни сердца, ни разума. Я побѣжденъ не столько судьбою, сколько эгоизмомъ и неблагодарностью товарищей моихъ по оружію". Измѣна всѣхъ маршаловъ въ дѣйствительности произвела потрясающее дѣйствіе на великаго мірового гражданина, сознававшаго въ данную минуту, что у него нѣтъ отчизны. Уже съ 1808 года онъ носилъ у себя на шеѣ въ качествѣ талисмана ладанку съ смертельнымъ ядомъ, какъ увѣряютъ, ціанистымъ каліемъ, или натромъ. Разсказываютъ, будто ночью онъ принялъ этотъ ядъ, но вмѣсто смертельнаго обморока у него начались только жестокія судороги. Услышавъ страшный крикъ въ комнатѣ императора, камердинеръ бросился къ его постели и будто бы разслышалъ еще слова: „Мармонъ совсѣмъ меня доканалъ! Несчастный, я такъ его любилъ... Измѣна Бертье поразила меня въ самое сердце!.. Вотъ каковы оказались мои старые друзья и товарищи по оружію". Немедленно призванный лейбъ-медикъ императора далъ ему противоядіе, послѣ чего судороги прекратились. Наполеонъ на нѣкоторое время уснулъ, а затѣмъ, пробудившись, окончательно пришелъ въ себя и успокоился. Въ мемуарахъ Коленкура разсказывается, что ихъ авторъ, войдя рано утромъ къ императору, изумился страшной перемѣнѣ, которая съ нимъ произошла: „Глаза у Наполеона ввалились и потускнѣли. Онъ, кажется, съ трудомъ лишь узнавалъ окружавшіе предметы. Все выраженіе лица краснорѣчиво выражало страшную душевную муку". Говорятъ, будто Наполеонъ объявилъ: „Потеря трона не могла бы сама по себѣ сдѣлать для меня жизнь невыносимой. Военная моя карьера настолько богата славой, что одному человѣку этой славы за глаза довольно. Съ измѣною счастья я могъ еще примириться, но знаете-ли, чего я положительно не въ силахъ вынести? Подлой низости и ужасающей людской неблагодарности! Въ виду такой несчастной низости, такого безстыднаго эгоизма я съ отвращеніемъ отвернулся, и самая жизнь сдѣлалась для меня противной... Наврядъ-ли кто-нибудь пойметъ, сколько я выстрадалъ за послѣдніе двадцать дней".

Нѣкоторыя подозрѣнія на достовѣрность этихъ разсказовъ набрасываетъ тотъ фактъ, что на слѣдующее уже утро Наполеонъ, по внѣшности совершенно здоровый и спокойный, созвалъ къ себѣ маршаловъ и обратился къ нимъ съ послѣднимъ призывомъ. Изъ показаній его секретаря и лейбъ-медика явствуетъ, что онъ былъ сильно боленъ, но все остальное производитъ впечатлѣніе узоровъ, умышленно вышитыхъ на канвѣ этой болѣзни. Безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду нѣсколько сгустить краски императорской легенды. Что бы ни происходило, однако, въ эту тяжелую для Наполеона ночь, но во всякомъ случаѣ его попытка повліять на маршаловъ и заручиться опять ихъ поддержкой оказалась тщетной. Тогда Наполеонъ подписалъ вторичное отреченіе отъ престола, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ виду заявленія союзныхъ державъ, что императоръ Наполеонъ является единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію европейскаго мира, императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, такъ какъ нѣтъ такихъ личныхъ жертвъ, передъ которыми бы онъ отступилъ, ради блага Франціи“. Заручившись этимъ документомъ, Ней поспѣшилъ обратно въ столицу, гдѣ французскій сенатъ немедленно же провозгласилъ королемъ пожилого уже, доброжелательнаго, но весьма недалекаго Людовика XVIII. Ничему не научившись и ничего не забывъ, король этотъ, при вступленіи на престолъ своихъ предковъ, сдѣлалъ новой Франціи кое-какія уступки, достаточныя, какъ онъ полагалъ, дабы обезпечить себѣ въ первый моментъ народную поддержку. Поспѣшность, съ какою примкнули къ бѣлому знамени люди, осыпанные Наполеономъ почестями и наградами, является безпримѣрной въ исторіи. Въ числѣ первыхъ перешли къ Бурбонамъ: Журданъ, Ожеро, Мезонъ, Лагранжъ, Нансути, Удино, Келлерманъ, Лефевръ, Гюленъ, Мило, Латуръ-Мобуръ, Сегюръ, Бертье и Бельяръ. Французскія войска, находившіяся близъ Парижа, подчинились, скрѣпя сердце, новому порядку вещей, но, въ провинціи, почти повсемѣстно вспыхивало недовольство, доходившее чуть не до бунта. Наполеоновскіе солдаты, чувствуя себя оскорбленными, отплачивали за это насмѣшками и бранью по адресу роялистовъ, ненависть которыхъ къ имперіи и республикѣ пробудилась вслѣдствіе этого съ большей, чѣмъ когда-либо, силою и дошла, если можно такъ выразиться, до бѣлаго каленія. Настроеніе войскъ являлось въ данномъ случаѣ вѣрнымъ симптомомъ почти повсемѣстнаго настроенія народныхъ массъ во Франціи. При торжественномъ въѣздѣ Людовика XVIII и его брата въ Парижъ, ихъ обоихъ привѣтствовали довольно сочувственно, но тѣмъ не менѣе многіе изъ очевидцевъ этой встрѣчи предсказывали, что Бурбонамъ наврядъ-ли удастся долго просидѣть на французскомъ престолѣ.

Вполнѣ сознавая, что Наполеонъ обладалъ еще во Франціи громаднымъ нравственнымъ могуществомъ, императоръ Александръ внялъ просьбамъ французскихъ маршаловъ рыцарски позаботиться о благосостояніи ихъ бывшаго монарха и далъ полную волю своимъ ве-

ликодушнымъ стремленіямъ. Сперва онъ предложилъ, чтобъ побѣжденный его врагъ поселился въ Россіи, обѣщая обставить пребываніе тамъ Наполеона величайшимъ комфортомъ. Комбинація эта представлялась, однако, неумѣстною съ точки зрѣнія другихъ союзныхъ монарховъ. Подъ конецъ было рѣшено создать для Наполеона нѣчто вродѣ особой имперіи, съ сохраненіемъ придворнаго церемоніала и достаточнаго цивильнаго листа, такъ, чтобъ бывшій западный императоръ пожизненно оставался почетнымъ гостемъ всей Европы. Эта идея, сама по себѣ, отзывалась донъ-кихотствомъ, но, съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что Наполеонъ не былъ въ плѣну, не учинилъ никакаго унизительнаго поступка и что въ тогдашнемъ цивилизованномъ мірѣ многіе все еще глядѣли на него, какъ на витязя и спасителя культурной Европы, попавшагося въ руки жестокихъ ея притѣснителей. Въ результатѣ получился договоръ, заключенный Наполеономъ, какъ частнымъ лицомъ съ одной стороны, и четырьмя державами: Австріей, Пруссіей, Россіей и Англіей, съ другой. Договоръ этотъ имѣлъ, впрочемъ, единственною санкціей только французское общественное мнѣніе и добросовѣстность лицъ, взявшихся его выполнять, такъ какъ союзники налагали на Францію извѣстныя обязательства по отношенію къ Наполеону. Она должна была выплачивать ему каждый годъ два милліона франковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предоставлялось царствовать на островѣ Эльбѣ, кромѣ того, союзники уступали Парму, Піаченцу и Гуасталлу на вѣчныя времена Маріи-Луизѣ и Римскому королю съ его потомствомъ". Договоръ этотъ являлся единственнымъ въ своемъ родѣ, но вѣдь и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ подписанъ, оказывались тоже исключительными. Противъ него былъ возбужденъ всего только одинъ протестъ, да и то со стороны Кэстльри, находившаго, что не слѣдовало именовать въ этомъ договорѣ генерала Бонапарта императоромъ Наполеономъ. Протестъ этотъ не былъ тогда принятъ во вниманіе, но до сихъ поръ еще многіе изъ выдающихся англичанъ называютъ болѣе великаго изъ двухъ царствовавшихъ во Франціи Наполеоновъ просто на-просто Бонапартомъ.

Въ Фонтенебло были отправлены четыре комиссара: по одному отъ каждой изъ державъ. Имъ дали строжайшую инструкцію выказывать Наполеону уваженіе, подобающее императору. Онъ съ своей стороны относился къ тремъ изъ нихъ очень вѣжливо, но объявилъ совершенно излишнимъ присутствіе четвертаго, а именно прусскаго представителя, графа Трухзесса Вальдбурга, такъ какъ на пути къ острову Эльбѣ нигдѣ не предстояло встрѣчаться съ прусскими войсками. По мѣрѣ того, какъ подвигались приготовленія къ отъѣзду, выяснялось, что изъ высшихъ имперскихъ сановниковъ будутъ сопровождать Наполеона въ изгнаніе только двое: Бертранъ и Друо. Всѣхъ прочихъ императоръ уволилъ въ отставку, милостиво съ ними простившись. Между прочимъ, Коленкуру онъ подарилъ 300.000 франковъ изъ остатковъ своего фонда, хранившихся въ Блуа. Камердинеръ Констанъ и мамелюкъ Рустанъ были уволены по ихъ

собственному желанію, но тоже получили щедрыя награды. Относительно маршрута и сотни возовъ, нагруженныхъ книгами, мебелью и разными художественными предметами, Наполеонъ условливался замѣчательно точнымъ и обстоятельнымъ образомъ. „Меня порицаютъ за то, что я пережилъ свое паденіе. Это совершенно ошибочно... Необходимо гораздо болѣе мужества, чтобъ пережить незаслуженное несчастье“, говорилъ бывшій французскій императоръ. Однажды лишь подмѣтили у него упадокъ духа. Сидя за столомъ, онъ неожиданно ударилъ себя по лбу и, словно говоря съ самимъ собою, воскликнулъ: „Праведный Боже, неужели это возможно?“ Все было готово къ 25-му апрѣля, но императрица, которая по условіямъ договора, должна была проводить своего супруга до бухты Сенъ-Тропе, не явилась къ назначенному сроку. Наполеонъ утверждалъ, что ее удержали насильно, и отказывался тронуться съ мѣста, угрожая взять назадъ свое отреченіе отъ престола. Австрійскій комиссаръ, Коллеръ, увѣрилъ его, наконецъ, что Марія-Луиза по собственному желанію рѣшила не присутствовать при отъѣздѣ эльбскаго императора. Въ убѣжденіи, что все уже кончено, находившееся до тѣхъ поръ въ Блуа имперское правительство разъѣхалось. Жозефъ и Жеромъ удалились въ Швейцарію; императрица же Марія Луиза нашла себѣ прибѣжище у августѣйшаго своего родителя.

Сообщеніе объ этомъ поразило Наполеона, и онъ отвѣтилъ на него словами, которымъ предстояло получить въ будущемъ весьма важное значеніе: „Прекрасно, я сдержу свои обѣщанія, но если мнѣ представится еще хоть одинъ поводъ къ жалобамъ, я буду считать себя отъ нихъ совершенно свободнымъ“. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ затрогивалъ разныя другія темы, причемъ у него, однако, обнаруживалась большая раздражительность. Такъ онъ счелъ нужнымъ замѣтить, что со стороны императора Франца безбожно хлопотать о расторженіи брака своей дочери,—что союзъ между Россіей и Пруссіей дѣлаетъ политическое положеніе Австріи довольно опаснымъ,—что русскій государь и король Фридрихъ-Вильгельмъ поступили не совсѣмъ деликатно, навѣстивъ Марію Луизу въ Рамбулье,—что онъ самъ вовсе не какой-нибудь узурпаторъ, а совершенно законный государь, и что, пожалуй, лучше было бы заключить съ союзниками миръ въ Прагѣ или Дрезденѣ. Внезапно перемѣнивъ тонъ разговора, Наполеонъ съ интересомъ освѣдомился, что именно долженъ онъ предпринять, въ случаѣ, если населеніе острова Эльбы не пожелаетъ признать его императоромъ. Коллеръ посовѣтовалъ ему поселиться тогда въ Англіи. Наполеонъ возразилъ, что и самъ думалъ объ этомъ, но опасается, что англичане, интересамъ которыхъ онъ постоянно старался вредить, наврядъ-ли окажутъ ему особенно радушный пріемъ. Коллеръ высказалъ въ видѣ предположенія, что серьезнаго вреда Англіи Наполеонъ все-таки не сдѣлалъ, а потому англичане, вѣроятно, отнесутся къ нему благодушно. Наконецъ, около полудня, Наполеонъ сошелъ въ дворцовый дворъ, гдѣ стояла еще рота гренадеръ его старой гвардіи.

Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ вызвали впередъ. Бывшій ихъ вождь въ немногихъ трогательныхъ словахъ благодарилъ ихъ за неизмѣнную вѣрность. „Съ вашей помощью я могъ бы продолжать войну за Луарой, но я предпочелъ принести личные мои интересы въ жертву Франціи,—сказалъ Наполеонъ.—Продолжайте же ей служить", значится въ наполеоновской редакціи этого краснорѣчиваго воззванія, но комиссарамъ послышалось, будто императоръ сказалъ: „Продолжайте же служить государю, выбранному народомъ". Онъ добавилъ, что охотно покончилъ бы съ жизнью, еслибъ его не удерживало желаніе записать на память потомству великіе подвиги его воиновъ. Затѣмъ Наполеонъ обнялъ Пти, командовавшаго ротой, прижалъ къ своей груди императорскаго орла старой гвардіи, носившагося съ честью по полямъ столькихъ знаменитыхъ сраженій, поцѣловалъ его и сѣлъ въ поданную уже карету. Изъ рядовъ старой гвардіи раздались громкія рыданія. Крупныя слезы катились по загорѣлымъ щекамъ людей, давно уже, повидимому, разучившихся плакать.

Наполеонъ доѣхалъ до Ліона безъ всякой помѣхи. По временамъ народъ, останавливавшійся поглазѣть на экипажи императора и сопровождавшихъ его комиссаровъ, прощался съ бывшимъ своимъ императоромъ восторженными изъявленіями преданности и доброжелательства. Ниже Ліона, однако, въ долинѣ Роны, обнаружилось совершенно иное настроеніе. Провансальцы, бывшіе самыми радикальными революціонерами, оказывались теперь преданнѣйшими сторонниками реставраціи. Про Наполеона и его семью распущены были самыя непристойныя инсинуаціи и клеветы. Утверждали, будто его мать была распутная женщина, отецъ же простой мясникъ. Самого Наполеона называли незаконнорожденнымъ ублюдкомъ, нареченнаго при крещеніи Николаемъ. Зачастую, когда онъ проѣзжалъ черезъ селенія, раздавались насмѣшливые крики: „Долой Бонапарта! Долой Николая!" Въ то же время до свѣдѣнія Наполеона дошло, что наемный убійца Мобрейль, съ шайкою головорѣзовъ, выѣхалъ изъ Парижа за нимъ въ погоню, будто бы съ цѣлью розыскать коронныя драгоцѣнности и государственные фонды, замѣшавшіеся въ пожитки Наполеона. Близъ Валанса, 24-го апрѣля, экипажи Наполеона встрѣтились съ каретою маршала Ожеро. Маршалъ этотъ, бывшій вначалѣ своей карьеры отъявленнымъ республиканцемъ, вышелъ изъ кареты. Прежній его императоръ отвѣтилъ на это тѣмъ же и освѣдомился, не ѣдетъ-ли маршалъ уже къ королевскому двору? Мѣткое словцо попало прямо въ цѣль, но Ожеро не выказалъ особаго смущенія. Обращаясь къ Наполеону, какъ въ давно минувшія времена, прямо на ты, онъ угрюмо объявилъ, что руководствовался въ своемъ поведеніи исключительно только искренней любовью къ отечеству. Частью благодаря счастливому случаю, частью же вслѣдствіе соблюденія должныхъ мѣръ предосторожности, удалось избѣгнуть встрѣчи съ шайками людей, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ поджидали бывшаго императора, котораго поклялись умертвить. Близъ Оргона толпа роялистовъ обступила его карету. Наполеонъ,

поблѣднѣвъ отъ страха, спрятался за Бертрана и сидѣлъ, прижавшись въ уголкѣ, до тѣхъ поръ, пока не подъѣхалъ русскій конвой, съ прибытіемъ котораго немедленная опасность была устранена. Тогда Наполеонъ переодѣлся ямщикомъ и благополучно проѣхалъ въ такомъ видѣ черезъ городъ. Слухи о враждебномъ настроеніи, обнаруживавшемся будто бы въ Э, побудили Наполеона одѣть одного изъ адъютантовъ въ свою традиціонную треугольную шляпу и сѣрый походный сюртукъ. Въ этомъ городѣ бывшій французскій императоръ сильно заболѣлъ. Повидимому, съ нимъ сдѣлался такой же припадокъ, какъ передъ тѣмъ въ Фонтенебло. Этотъ припадокъ, впрочемъ, скоро прошелъ, благодаря своевременно поданной медицинской помощи. Прусскій комиссаръ утверждалъ, будто онъ обусловливался дурной болѣзнью. Оттуда изгнанникъ, жизнь котораго подвергалась серьезной опасности отъ множества наемныхъ убійцъ и фанатиковъ, продолжалъ путь въ австрійскомъ мундирѣ и ѣхалъ въ экипажѣ австрійскаго комиссара. Переодѣтый такимъ образомъ эльбскій императоръ чувствовалъ себя сравнительно въ большей безопасности. Начиная съ города Люка, его везли подъ конвоемъ австрійскихъ гусаръ. Несмотря на военный конвой, чернь въ каждомъ послѣдующемъ городѣ обнаруживала все большую враждебность. Наполеону становилось все хуже и, во избѣжаніе возроставшей опасности, пришлось перемѣнить маршрутъ. Единственнымъ свѣтлымъ бликомъ на мрачномъ фонѣ картины этихъ непріятностей оказалось для Наполеона посѣщеніе легкомысленной, но любящей его сестры Полины. Она старалась утѣшить брата и обѣщала раздѣлить съ нимъ изгнаніе. Наконецъ, императорскіе экипажи прибыли въ приморскій городъ Фрежю. Къ Наполеону снова вернулась бодрость духа, когда онъ увидѣлъ тамъ въ гавани англійскій фрегатъ и французскій бригъ.

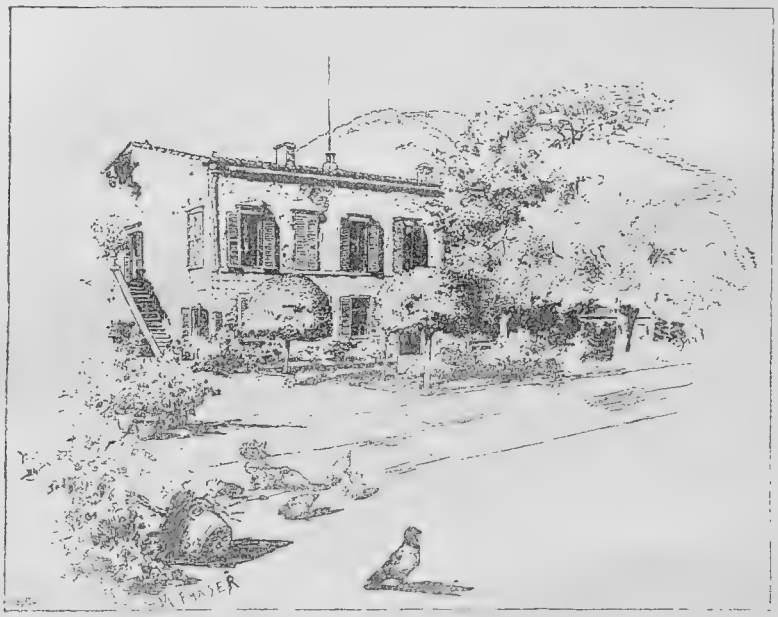
Бывшій императоръ усмотрѣлъ также и въ этомъ обстоятельствѣ нарушеніе договора. Его обязались отправить изъ Сенъ-Тропе на корветѣ, а, между тѣмъ, предоставляли теперь въ распоряженіе его только бригъ. Онъ сдѣлалъ видъ, будто чувствуетъ себя обиженнымъ и, отказавшись воспользоваться бригомъ, просилъ разрѣшенія помѣститься на англійскомъ фрегатѣ „Неустрашимый“, въ качествѣ гостя капитана Ушера. Разрѣшеніе это было дано, и онъ не преминулъ имъ воспользоваться, такъ какъ считалъ себя на англійскомъ кораблѣ гораздо безопаснѣе отъ всякихъ преступныхъ покушеній. Обѣщанный французскій корветъ ждалъ въ Сенъ-Тропе августѣйшаго своего пассажира, но внезапная перемѣна маршрута помѣшала ему прибыть во время въ Фрежю. Быть можетъ, по той же причинѣ не всѣ пожитки Наполеона удалось погрузить на корабль. Фактъ этотъ тоже былъ выставленъ Наполеономъ, какъ нарушеніе заключеннаго съ нимъ договора. Прощаніе его съ русскимъ и прусскимъ комиссарами было непродолжительно, но императоръ держалъ себя при этомъ съ большимъ достоинствомъ. Австрійскіе гусары отдали ему и комиссарамъ всѣ надлежащія воинскія почести. Когда Наполеонъ, въ сопровожденіи

англійскаго и австрійскаго комиссаровъ, прибылъ на фрегатъ, ихъ встрѣтили тамъ салютомъ изъ двадцати четырехъ пушечныхъ выстрѣловъ. Императоръ принялся было уже хвалить Англію и британскую цивилизацію. Онъ держалъ себя такъ, какъ если бы вполнѣ полагался на рыцарскую честь англійскаго джентльмена, обязаннаго въ качествѣ представителя побѣдоносной Великобританіи обходиться до-нельзя вѣжливо съ побѣжденнымъ государемъ. Салютъ, которымъ привѣтствовали его прибытіе, привелъ его въ превосходнѣйшее настроеніе духа. Приближенные Наполеона заявляютъ, что онъ сдѣлался опять императоромъ до мозга костей. Его самолюбіе почувствовало, однако, тяжкій ударъ, когда, прибывъ на фрегатъ, онъ узналъ, что салютовали, собственно говоря, не ему, а комиссарамъ и что вѣжливый, но энергическій капитанъ Ушеръ рѣшилъ обращаться съ своимъ знаменитымъ гостемъ, какъ съ обыкновеннымъ частнымъ лицомъ. Въ продолженіи переѣзда Наполеонъ выражалъ иногда свое неудовольствіе по поводу строгаго формализма морской дисциплины, но все-таки довольно благодушно относился къ этому формализму и не предъявлялъ никакихъ чрезмѣрныхъ притязаній. Это было первымъ его столкновеніемъ съ англійскими порядками и обычаями. Иногда они его интересовали, но зачастую раздражали. Особенно не нравились ему послѣобѣденныя попойки и соблюденіе воскреснаго дня. Случалось, что онъ презрительно пожималъ тогда плечами и уходилъ въ свою каюту. Въ бесѣдѣ съ австрійскимъ комиссаромъ, Коллеромъ, Наполеонъ самъ назвалъ свое поведеніе по дорогѣ въ Фрежю трусливымъ и согласился, что съ его стороны переодѣванье было неприлично. Онъ объяснялъ, впрочемъ, этотъ фактъ болѣзненнымъ своимъ состояніемъ, ослабившимъ обычную его энергію. Вообще, императоръ въ своемъ разговорѣ обращался преимущественно къ минувшимъ событіямъ, причемъ, съ кажущеюся наивностью, выставлялъ свой образъ дѣйствій въ совершенно новомъ свѣтѣ. Это было съ его стороны началомъ цѣлаго ряда историческихъ комментарій, не прерывавшихся до самой его смерти. Во всѣхъ наполеоновскихъ комментаріяхъ обнаруживается единство цѣли, по части объясненія фактовъ и обогащенія ихъ прикрасами. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ рѣчь впослѣдствіи. 4-го мая „Неустрашимый“ бросилъ якорь въ гавани Порто-Феррайо, главнаго города на островѣ Эльбѣ.

Эльбскій императоръ.

Населеніе острова Эльбы далеко не отличалось единомыслiемъ. Среди него имѣлись имперіалисты и роялисты, не говоря уже о значительной партіи, высказывавшейся въ пользу государственной его независимости и самостоятельности. При всемъ томъ, австрійскій и англійскій комиссары безъ труда возбудили у эльбскаго населенія пламеннѣйшія вѣрноподданическія чувства къ новому императору, намекнувъ, что Наполеонъ привезъ съ собою въ новое свое государство баснословно громадные капиталы. Передъ наступ-

леніемъ ночи, съ 4-го на 5-е мая, императоръ и его дворъ уже устроились на островѣ, и новая администрація вступила тамъ въ дѣйствіе. Ознакомившись съ средствами и нуждами безконечно малаго своего государства, императоръ примѣнилъ къ управленію имъ всѣ свои таланты. Онъ улучшилъ дороги, укрѣпилъ важнѣйшіе стратегическіе пункты и сформировалъ прекрасную армію, численностью въ 1.600 человѣкъ, кадрами для которой послужили 400 гвардейцевъ, присланныхъ къ нему изъ Фонтенебло. Наполеонъ входилъ во всѣ подробности бюджета внѣшнихъ и внутреннихъ расходовъ своей крохотной имперіи. Соловарни и желѣзные руд-



Вилла Наполеона въ Порто-Феррайо.

ники, являвшіеся главными источниками мѣстнаго благосостоянія, немедленно сдѣлались значительно доходнѣе. Податное обложеніе стало несравненно болѣе равномѣрнымъ и цѣлесообразнымъ. Благодаря высшимъ добродѣтелямъ французскаго мѣщанина, а именно: бережливости и хорошему хозяйничанью, въ бюджетѣ острова сводились концы съ концами независимо отъ привезеннаго Наполеономъ изъ Франціи остатка тюльерійскихъ сокровищъ, простиравшагося приблизительно до пяти милліоновъ франковъ. Геніальныя государственныя способности, властвовавшія когда-то надъ міромъ, проявлялись съ такимъ же успѣхомъ въ сферѣ, которая, по сравненію, казалась почти микроскопическою.

Принцесса Полина Боргезе, которая вскорѣ послѣ свадьбы развелась съ вторымъ мужемъ и была съ 1810 года удалена изъ Парижа за дерзкое поведеніе съ императрицей, не замедлила

выполнить свое обѣщаніе и пріѣхала на островъ Эльбу, чтобы утѣшать своего брата. Мать Наполеона, державшаяся въ сторонѣ отъ сына въ періодъ его благоденствія, пріѣхала теперь тоже утѣшать его въ несчастьѣ. Перехваченныя письма княгини Полины Боргезе свидѣтельствуютъ, что она, въ бытность свою на Эльбѣ, вела, по меньшей мѣрѣ, такую же легкомысленную жизнь, какъ и въ любомъ другомъ мѣстѣ, но въ нихъ не содержится никакихъ данныхъ для обоснованія скандальныхъ слуховъ объ интимныхъ ея сношеніяхъ съ Наполеономъ. Между тѣмъ слухи эти усердно изобрѣтались и распространялись при дворѣ Людовика XVIII. Вообще безсовѣстное обвиненіе въ кровосмѣшеніи оказывается совершенно голословнымъ.

Бережливость Наполеона являлась не только умѣстной, но даже необходимой, въ виду того факта, что французское правительство и не думало выплачивать пенсію въ два милліона франковъ, обѣщанную въ договорѣ, который заключили съ нимъ четыре союзные державы. Послѣ кратковременнаго пребыванія на островѣ Эльбѣ, Коллеръ откровенно объявилъ, что пенсія эта, по его мнѣнію, такъ и останется невыплаченной. При такихъ обстоятельствахъ, онъ лично счелъ всего умѣстнѣе уѣхать съ острова, который былъ переполненъ шпіонами Бурбоновъ. Шпіоны эти умѣли пробраться всюду, такъ что Наполеонъ могъ разговаривать безъ стѣсненія лишь съ англійскимъ представителемъ, сэромъ Нейлемъ Кэмпбелемъ, или же съ британскими аристократами, пріѣзжавшими удовлетворить свое любопытство. Въ лѣтнія жары дворъ эльбскаго императора жилъ въ палаткахъ за городомъ, на сосѣднихъ высотахъ. Туда пріѣхала какая-то таинственная дама съ ребенкомъ. Ихъ встрѣтили съ большимъ почетомъ и радушіемъ, но тщательно скрывали отъ всѣхъ постороннихъ. Ходили слухи, будто пріѣхала императрица Марія-Луиза, но въ дѣйствительности это была графиня Валевская съ сыномъ, котораго родила бывшему французскому императору. Она все еще обожала Наполеона. Проведя нѣсколько дней на островѣ въ строжайшемъ инкогнито, графиня съ своимъ сыномъ уѣхала также таинственно, какъ и пріѣзжала. Женщины легкаго поведенія толпились вокругъ императорской резиденціи, открыто стараясь обратить на себя вниманіе Наполеона, что имъ нерѣдко и удавалось. Зато единственная женщина, которой непремѣнно слѣдовало бы находиться возлѣ него, блистала своимъ отсутствіемъ. Извѣстно, что Марія-Луиза искренно хотѣла пріѣхать и что въ маленькомъ императорскомъ дворцѣ въ Порто-Феррайо приготовлены были уже для нея аппартаменты. Ея отецъ, императоръ Францъ, каждый разъ, однако, ставилъ различныя препятствія ея отъѣзду, а подъ конецъ ее держали въ Шенбруннскомъ дворцѣ какъ бы подъ арестомъ. Свободу Маріи-Луизы стѣсняли до такой степени, что ея бабушка, королева обѣихъ Сицилій, Каролина, воскликнула какъ-то разъ въ негодованіи: „Если бы я была на мѣстѣ этой бѣдняжки, я спустилась бы ночью на простыняхъ изъ окна и непремѣнно бы убѣжала. Надзоръ за Маріей-Луизой былъ порученъ изящному и ловкому

камергеру Нейппергу, котораго она видѣла впервые въ Дрезденѣ. Онъ съумѣлъ такъ обойти слабохарактерную отъ природы молодую женщину, что она, наконецъ, пала жертвой подосланнаго къ ней искусителя. Наполеонъ еще въ августѣ мѣсяцѣ получалъ отъ своей супруги страстныя посланія, но затѣмъ они сдѣлались холодными и чисто формальными, а напослѣдокъ Марія-Луиза, уступивъ настояніямъ князя Меттерниха, совершенно прекратила переписку съ мужемъ. Вся эта прискорбная исторія была доведена до свѣдѣнія Наполеона черезъ посредство французовъ, остававшихся еще въ штатѣ римскаго короля. Императоръ не хотѣлъ, однако, вѣрить ихъ донесеніямъ и до декабря мѣсяца продолжалъ надѣяться. Только послѣ того онъ пересталъ докучать императрицѣ письмами, съ настоятельными требованіями безотлагательно къ нему пріѣхать.

На островѣ Эльбѣ Наполеону нельзя было пожаловаться на недостатокъ посѣтителей. Число ихъ доходило иногда до 300 въ день. Между ними оказывалось нѣсколько англичанъ, еще менѣе французовъ, но очень много итальянцевъ. Тяжесть австрійскаго ярма начала, съ теченіемъ времени, раздражать населеніе бывшаго наполеоновскаго королевства. Оно съ грустью вспоминало теперь о кроткомъ правленіи Евгенія. При такихъ обстоятельствахъ, въ Италіи организовался широко развѣтвленный, хотя и не особенно серьезный заговоръ, съ цѣлью провозгласить Наполеона королемъ. Люсьенъ вернулся въ Римъ, дабы оказывать посильное содѣйствіе этому движенію, а Мюратъ, замѣчая недобросовѣстность великихъ державъ въ вопросахъ второстепенной важности, началъ серьезно трепетать за собственный свой престолъ. Повидимому, Наполеонъ велъ постоянную переписку съ Мюратомъ и многими другими лицами. Онъ сознавалъ себя совершенно свободнымъ отъ обязательствъ, принятыхъ по договору, заключенному въ Фонтенебло, такъ какъ имѣлъ теперь въ рукахъ доказательства, что, во время его проѣзда черезъ южную Францію, роялистскіе агенты возбуждали противъ него народъ и замышляли даже его убить. Кромѣ того, изъ условленной по договору ежегодной пенсіи ему не было еще уплачено ни гроша, а потому собственное его состояніе постепенно таяло. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Наполеонъ держалъ себя, однако, такъ, какъ если бы и въ самомъ дѣлѣ намѣревался сдѣлать изъ Эльбы свой „островъ отдохновенія“, какъ онъ его назвалъ тотчасъ же по своемъ прибытіи туда. Упорное несоблюденіе державами заключеннаго съ нимъ договора заставило императора измѣнить свое рѣшеніе. Краеугольнымъ камнемъ договора являлась для Наполеона полная его государственная самостоятельность и независимость на островѣ Эльбѣ. Въ случаѣ нарушенія таковой самый договоръ утрачивалъ всякое значеніе даже съ чисто формальной точки зрѣнія международнаго права. Великія державы признали эту самостоятельность и независимость. Одинъ только англійскій комиссаръ Кэмпбель остался на островѣ Эльбѣ, объяснивъ, впрочемъ, что состоитъ уже не комиссаромъ, а посломъ при дворѣ эльбскаго императора.

Въ трактатѣ, подписанномъ 30 мая 1814 года Людовикомъ XVIII и коалиціей державъ, Франція получила, въ сущности, тѣ самыя границы, какими обладала въ 1792 году. Судьбы земель, подпавшихъ подъ ея власть во времена революціи и Наполеона, предстояло рѣшить на европейскомъ конгрессѣ. Онъ дѣйствительно и собрался въ Вѣнѣ 1 ноября 1814 года. Вскорѣ выяснилось, что четыре державы, принадлежавшія къ коалиціи, расположены безцеремонностью своего обращенія съ европейскими территоріями далеко превзойти все, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи Наполеономъ. Не прошло еще и мѣсяца съ открытія конгресса, какъ Талейранъ, ловкими своими дипломатическими ухищреніями и беззастѣнчивой игрою на струнѣ законности, превратился въ главную движущую пружину конгресса. Ему удалось вызвать у Меттерниха и Кэстльри такое негодованіе противъ диктаторскихъ замашекъ Россіи и Пруссіи, что Австрія и Великобританія подписали 3 января 1815 года тайный договоръ съ Франціей, по которому обязались совмѣстно противодѣйствовать агрессивнымъ стремленіямъ сѣверныхъ державъ, въ случаѣ надобности даже силою оружія. Договоръ этотъ возвратилъ Франціи международное ея положеніе, какъ великой державы. Въ половинѣ февраля 1815 года Россія и Пруссія увидѣли себя въ необходимости сдѣлаться сговорчивѣе. Взамѣнъ уступокъ, на которыя онѣ согласились, рѣшено было свергнуть Мюрата съ неаполитанскаго престола. Такого рода компромиссъ угрожалъ, или, точнѣе сказать, разрушалъ въ концъ верховную власть Наполеона надъ миніатюрной его эльбской имперіей. Дѣйствительно, императора могли обвинить въ соучастничествѣ съ Мюратомъ, удалить подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ съ острова Эльбы и отправить въ такое мѣсто, откуда нельзя будетъ оказывать уже ни малѣйшаго вліянія на европейскую политику.

Съ первыхъ уже засѣданій обнаружилось на вѣнскомъ конгрессѣ между представителями великихъ державъ полнѣйшее единодушіе относительно умѣстности поступить съ Наполеономъ именно такимъ образомъ. Нѣкоторое разногласіе выказывалось только по вопросу, куда именно лучше всего его сослать? Кэстльри совѣтовалъ отправить бывшаго французскаго императора на Азорскіе острова. Другіе отдавали предпочтеніе островамъ Зеленаго мыса. Упомянуто было также и про островъ Св. Елены (куда заходили, чтобъ запастись свѣжей водой, корабли, огибавшіе мысъ Доброй Надежды). Въ точности неизвѣстно, кѣмъ и когда именно былъ предложенъ этотъ островъ. Очень можетъ быть, что починъ исходилъ отъ Веллингтона, котораго въ февралѣ мѣсяцѣ назначили, вмѣсто Кэстльри, англійскимъ уполномоченнымъ. Ему самому довелось побывать на Св. Еленѣ, и онъ зналъ, что этотъ островокъ, затерянный въ океанѣ, является самымъ уединеннымъ уголкомъ на всемъ земномъ шарѣ. Вопросъ о высылкѣ Наполеона съ острова Эльбы не возбуждался еще формальнымъ образомъ на конгрессѣ, но общее соглашеніе всѣхъ державъ было до такой степени очевиднымъ, что французское королевское

правительство сочло возможнымъ, 8 марта 1815 года, обнародовать въ оффиціальной своей газетѣ прокламацію къ національной гвардіи, гдѣ заявлялось, что на вѣнскомъ конгрессѣ принципіально рѣшено уже отправить Наполеона куда-нибудь подальше. Не подлежитъ сомнѣнію, что до эльбскаго императора доходили обо всемъ этомъ свѣдѣнія. Впрочемъ, даже и безъ того, каждому, не исключая и самого Наполеона, легко было сообразить, что, въ виду невыполненія всѣхъ прочихъ статей фонтенеблоскаго договора, нельзя было разсчитывать также на уваженіе великихъ державъ къ статьѣ, обезпечивавшей эльбской имперіи государственную независимость и самостоятельность. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о перемѣнѣ, которая произошла въ настроеніи французскаго общественнаго мнѣнія. Чтобы вступить на престолъ, Людовикъ XVIII долженъ былъ обѣщать Франціи искренне-либеральную конституцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ, въ безразсудномъ своемъ ослѣпленіи, дошелъ до мысли считать все прошлое какъ бы несовершившимся и объявилъ, что въ девятнадцатый годъ царствованія всемилостивѣйше даруетъ конституціонную хартію своимъ вѣрноподданнымъ. Верхняя палата, или палата пэровъ, являлась послушнымъ его орудіемъ, такъ какъ онъ предоставилъ себѣ по конституціи право назначать туда кого угодно, по собственному своему усмотрѣнію. Безсильный тѣломъ и духомъ король не въ состояніи былъ сдержать реакціонерныя стремленія своихъ родственниковъ, которые, покинувъ Францію во время революціи, вернулись туда при содѣйствіи непріятельскихъ армій. Народъ относился къ этимъ принцамъ одновременно съ ненавистью, презрѣніемъ и страхомъ. Между тѣмъ и принцы, и вернувшіеся съ ними эмигранты, были снабжены доходными синекурами и начали поговаривать о необходимости возвратить прежнія помѣстья законнымъ владѣльцамъ. Духовники увѣщевали „незаконныхъ владѣльцевъ“ возвратить на смертномъ одрѣ эти помѣстья по принадлежности, угрожая въ противномъ случаѣ вѣчными адскими муками. Иногда имъ удавалось достигнуть такимъ путемъ желанной цѣли. Вообще крайняя клерикальная партія начала снова подымать голову. Съ возстановленіемъ должности королевскаго великаго духовника эта вліятельная духовная особа тотчасъ же принялась препятствовать стремленіямъ министерства провести на самомъ дѣлѣ свободу вѣроисповѣданія, обѣщанную конституціей. По извѣстнымъ праздникамъ было запрещено заниматься мірскими дѣлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось служить панихиды по Пишегрю, Моро и Кадудалю, причемъ за панихиды по Кадудалю платилъ самъ король. Когда, наконецъ, духовенство отказало актрисѣ въ погребеніи по христіанскому обряду, въ Парижѣ дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ.

Нисколько этимъ не смущаясь, королевское правительство продолжало слѣдовать самоубійственной своей политикѣ. Даже въ Вандеѣ, отличавшейся искренней преданностью законной монархіи, возникло сильнѣйшее недовольство. Значительное ограниченіе избирательныхъ правъ вызвало повсемѣстно ропотъ противъ олигархіи

и тиранніи. Въ Нимѣ протестанты открыто заявляли, что опасаются повторенія Варѳоломеевской ночи. Даже умѣренные роялисты приходили въ недоумѣніе и не могли ничего возразить, когда при нихъ клеймили новый порядокъ вещей мѣткимъ прозвищемъ „отеческой анархіи“. Въ арміи, какъ старослуживые солдаты, такъ и новобранцы, бѣжали толпами изъ подъ знаменъ, видя, что заслуженныхъ офицеровъ увольняютъ массами въ отставку, дабы очистить мѣста для аристократической молодежи. Впрочемъ, и само правительство охотно увольняло отъ службы старыхъ солдатъ, назначая имъ такую ничтожную пенсію, при которой оставалось только умереть съ голоду, или просить милостыню. Въ непродолжительномъ времени французы начали показывать другъ другу монеты съ портретомъ Наполеона, шепотомъ передавая лозунгъ: „Мужайтесь и надѣйтесь“ или: „Онъ былъ и будетъ“, или же, наконецъ: „Проснитесь французы, императоръ бодрствуетъ“. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1814 года начали распространяться въ провинціальныхъ округахъ слухи, что Наполеонъ непремѣнно вернется и всюду водворитъ надлежащій порядокъ. Осенью вся Франція страстно желала возвращенія Наполеона и съ нетерпѣніемъ ждала его прибытія. Парижское населеніе держало себя нѣсколько осторожнѣе, но, тѣмъ не менѣе, называло Мармона Іудой-предателемъ, а Бертье—Петромъ апостоломъ, такъ какъ онъ отрекся отъ своего императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, любимая забава парижанъ заключалась въ томъ, чтобы, привязавъ бѣлую кокарду къ хвосту собаки, гонять несчастное животное по улицамъ столицы, швыряя въ него камнями и палками. Еще до начала парламентской сессіи выяснилось, что въ палатѣ депутатовъ будутъ, кромѣ роялистовъ, засѣдать также бонапартисты и либералы, или, точнѣе, якобинцы. Бюджетъ, представленный на разсмотрѣніе палаты, наглядно доказывалъ, что король обходится Франціи гораздо дороже императора. Палата пэровъ утвердила законопроектъ вознагражденія эмигрантовъ за родовыя ихъ помѣстья, конфискованныя революціонерами, а затѣмъ провела еще болѣе ненавистный законопроектъ объ установленіи цензуры по дѣламъ печати. Повсюду начали тогда говорить, что существовавшій порядокъ вещей не можетъ оказаться прочнымъ.

Число нижнихъ чиновъ и офицеровъ, вернувшихся во Францію изъ плѣна, или же изъ гарнизоновъ въ среднеевропейскихъ крѣпостяхъ, простиралось въ общей сложностидо 300.000. Они состояли на половину изъ старыхъ наполеоновскихъ солдатъ. Къ этимъ тремъ стамъ тысячамъ надлежитъ присовокупить армію Сульта, которая, не зная объ отреченіи Наполеона отъ престола, дала агличанамъ, неудачно, впрочемъ, для себя, сраженіе подъ Тулузой, а также и войска, вернувшіяся изъ Италіи. Не только ихъ офицеры, но даже нижніе чины привыкли къ уваженію, которымъ всегда пользовались во времена имперіи. Между тѣмъ, вернувшись на родину, они убѣдились, что никто не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и, кромѣ того, узнали, что съ высшими имперскими сановниками обращаются далеко не вѣжливо. Дамъ, первенство-

вавшихъ при императорскомъ дворѣ, фактически выгоняли теперь изъ Тюльерійскаго дворца многозначительными вопросами и громкими «a parte» со стороны августѣшихъ особъ, заступившихъ ихъ мѣсто. Всюду говорили о томъ, какъ раздражило Нея грубое оскорбленіе, нанесенное его женѣ герцогинею Ангулемской. Хорошо обученные офицеры и унтеръ-офицеры вернувшихся во Францію войскъ увольнялись цѣлыми тысячами на такихъ же условіяхъ, на которыхъ производилось «оздоровленіе» наполеоновской арміи, т. е. пенсія назначалась только объявлявшимъ себя вѣрующими католиками, остальные же не получали ровно ничего. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, пенсія не выплачивалась даже и тѣмъ, кому она была обѣщана. На офицерскія мѣста назначались молодые роялисты. Жалованье старой гвардіи было сокращено. Всѣмъ, произведеннымъ въ офицеры за отличіе, отказывали въ дальнѣйшемъ движеніи по службѣ. Учредили новую дворянскую гвардію и закрыли пріюты, гдѣ воспитывались сироты солдатъ и офицеровъ, причисленныхъ къ ордену Почетнаго Легіона. Негодованіе, вызванное этими мѣрами, было до такой степени велико, что король оказался вынужденнымъ уволить военнаго министра въ отставку. Мармону очень хотѣлось занять этотъ постъ, но Людовикъ XVIII не посмѣлъ выполнить его желаніе и назначилъ военнымъ министромъ Сульта. Впрочемъ, и Сультъ скоро скомпрометировалъ себя въ общественномъ мнѣніи чрезмѣрно суровымъ своимъ поступкомъ съ генераломъ Эксельманомъ, когда выяснилось, что этотъ генералъ состоялъ въ перепискѣ съ Наполеономъ. Къ половинѣ 1815 года почти всѣ французскіе солдаты оказывались бонапартистами въ душѣ. Друзья ихъ и родственники въ большинствѣ случаевъ держали ихъ сторону.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ, а Талейранъ и Фуше снова занялись уже самыми дѣятельными интригами, являвшимися для нихъ, если можно такъ выразиться, родною стихіей. Они помышляли объ орлеанскомъ принцѣ, сынѣ Филиппа Эгалите, считая его пригоднымъ для Франціи конституціоннымъ королемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ шла рѣчь также о возстановленіи имперскаго регентства. Эта комбинація представлялась заговорщикамъ наиболѣе благонадежной, но единственно лишь при условіи устранить всякую возможность возвращенія Наполеона во Францію. Въ теченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ они продолжали вести эту двойную интригу, а вокругъ ихъ заговора группировалось множество другихъ болѣе мелкихъ. Агенты Фуше особенно успѣшно работали среди войскъ, расположенныхъ близъ сѣверо-восточной границы Франціи. Лордъ Ливерпуль фактически отозвалъ Веллингтона въ Лондонъ изъ опасенія, чтобы герцогъ не былъ похищенъ заговорщиками. Мармонъ, въ свою очередь, счелъ необходимымъ поставить парижскій гарнизонъ подъ ружье. 21-го января 1815 года роялисты поминали день смерти Людовика XVI самыми несдержанными угрозами по адресу бывшихъ революціонеровъ. Всѣ были до такой степени возмущены преданіемъ гене-

рала Эксельмана суду, что Фуше рѣшился, наконецъ, облечь свой заговоръ въ болѣе опредѣленную форму. Ожидали, что Карно и Даву примутъ участіе въ этомъ заговорѣ, но оба они наотрѣзъ отказались. Несмотря на то, заговорщики успѣли уже склонить на свою сторону столькихъ вліятельныхъ генераловъ и офицеровъ, что составленный ими планъ повсемѣстнаго возстанія во Франціи являлся какъ нельзя болѣе осуществимымъ. Бонапартисты, роялисты и якобинцы были въ одинаковой степени согласны поднять оружіе противъ существовавшаго порядка вещей. Этотъ порядокъ казался всѣмъ до такой степени невыносимымъ, что никому не приходило въ голову серьезно возбудить вопросъ о формѣ правленія, которая должна замѣнить отеческую анархію. Всѣ были убѣждены, что каждая новая форма правленія окажется значительно лучше.

Трудно уяснить теперь, насколько точными свѣдѣніями обо всемъ этомъ располагалъ Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. Во всякомъ случаѣ онъ тщательно маскировалъ свои чувства и старался ничѣмъ не компрометировать себя. Здоровье его совершенно поправилось. Имѣя за собой громадный жизненный опытъ, онъ былъ всего лишь сорока пяти лѣтъ отъ роду и казался какъ разъ въ самомъ соку. Малорослый, съ толстою шеей и наклонностью къ дородности, онъ производилъ впечатлѣніе крѣпкаго сильнаго мужчины. Слегка отвислыя щеки и полная нижняя губа выказывали присутствіе чувственности, но впечатлѣніе это стушевывалось высокимъ челомъ, открытымъ на вискахъ. Сложеніе у него было вообще могучее, но руки и ноги отличались изяществомъ очертаній и были сравнительно очень малы. Движенія его, при всей нервности, казались хорошо соразмѣренными. Глаза оставались по прежнему ясными и проницательными. Несмотря на страстную свою натуру, онъ превосходно владѣлъ собою и умѣлъ какъ нельзя лучше сосредоточивать всѣ силы на разрѣшеніи задачи, которую себѣ ставилъ. Онъ относился къ эльбскому крестьянину съ такимъ же естественнымъ доброжелательствомъ, съ какимъ говорилъ передъ тѣмъ съ корсиканскими горцами, или же съ рядовыми Великой арміи. Въ обращеніи съ подчиненными Наполеонъ держалъ себя съ достоинствомъ, а, принимая многочисленныхъ своихъ посѣтителей, выказывалъ много такта и добродушнаго юмора. Съ матерью и сестрой онъ обходился до такой степени сердечно, что обѣ онѣ чувствовали себя какъ нельзя болѣе счастливыми. Онъ опасался единственно только того, что его похитятъ съ Эльбы, или же убьютъ. Готовый встрѣтить насильственную смерть съ мужествомъ, подобающимъ воину, Наполеонъ со страхомъ помышлялъ, что его могутъ увезти съ острова Эльбы и держать гдѣ-нибудь въ заточеніи еще многіе годы. Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя до него доходили, онъ имѣлъ полное основаніе опасаться и того и другого. Фанатики роялисты и католическіе священники во Франціи и въ Италіи чуть не каждую недѣлю составляли заговоры на его жизнь. Варварійскіе пираты, безъ сомнѣнія, охотно похитили-бы эльбскаго

императора, въ надеждѣ получить за него солидный выкупъ, но еще охотнѣе устроилъ бы такое похищеніе Маріоттъ, отправленный именно для этого Талейраномъ въ Ливорно, или Брюларъ, ожесточенный давнишній врагъ Бонапарта, назначенный, благодаря своей ненависти къ „узурпатору", губернаторомъ въ Корсику. Весьма вѣроятно, что Наполеонъ зналъ обо всемъ этомъ, а потому именно жилъ на островѣ Эльбѣ, соблюдая надлежащія мѣры предосторожности. Съ теченіемъ времени онъ сталъ рѣже видаться съ Кэмбпелемъ, но шотландскій джентльменъ не приписывалъ этого факта какому-нибудь недовольству со стороны императора. Уѣзжая съ острова Эльбы 16 го февраля, чтобъ провести нѣсколько времени во Флоренціи, выполняя тамъ обязанности англійскаго посланника, Кэмпбель положительно заявилъ, что если Наполеону будутъ выплачивать пенсію, обѣщанную по договору, то онъ спокойно останется на островѣ Эльбѣ.

Въ настоящее время вспоминаютъ, что еще въ іюлѣ 1814 года Наполеонъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ англійскихъ гостей, замѣтилъ, что Людовикъ XVIII, окруживъ себя людьми, измѣнившими имперіи, поступилъ очень неосторожно, такъ какъ они, безъ сомнѣнія, измѣнятъ также и ему при первомъ удобномъ случаѣ. Въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ мѣсяцевъ Наполеонъ ничѣмъ не выказывалъ, чтобъ у него имѣлись какіе-либо серьезные замыслы и не пытался удерживать тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые обнаруживали желаніе съ нимъ разстаться. Въ декабрѣ того же года съ нимъ произошла въ этомъ отношеніи рѣзкая перемѣна. Онъ замѣтилъ одному изъ своихъ старыхъ гвардейцевъ и притомъ, по словамъ этого солдата, весьма многозначительнымъ тономъ: „Вижу, гренадеръ, что ты здѣсь скучаешь; погоди; еще и на нашей улицѣ будетъ праздникъ". Опустивъ золотую монету въ руку гренадера, онъ ушелъ, напѣвая пѣсенку: „Не всегда судьба жестока". Тѣхъ, кто собирался уѣзжать, онъ уговаривалъ теперь остаться, объясняя: „Потерпите немножко, мы проведемъ здѣсь зиму настолько хорошо, насколько окажется вообще для насъ возможнымъ, а весной попробуемъ устроиться иначе". Можетъ быть, что эти туманные намеки находились въ связи съ движеніемъ, подготовлявшимся въ Италіи, но, 10 го февраля 1815 года, эльбскій императоръ получилъ подробный и обстоятельный отчетъ обо всемъ, что происходило въ Вѣнѣ. Вечеромъ, 12-го февраля, пріѣхалъ къ нему близкій пріятель Маре, Флери-де-Шабулонъ, переодѣтый матросомъ. Наполеонъ узналъ отъ него во всей подробности истинное положеніе дѣлъ во Франціи. Услышавъ о проектѣ возстановленія регентства, эльбскій императоръ съ горячностью воскликнулъ: „На кой прахъ имъ понадобилось регенство? Вѣдь я же, слава Богу, еще живъ!" Два дня спустя, послѣ долгихъ совѣщаній, Флери отправился въ Неаполь посмотрѣть, не удастся-ли тамъ чего-нибудь добиться, а Наполеонъ, въ свою очередь, началъ дѣятельно подготовляться къ возвращенію во Францію. Вѣсть объ этомъ вскорѣ распространилась между его сторонниками на материкѣ Европы и, три дня спустя, къ нему прибылъ

переодѣтый марсельскимъ купцомъ человѣкъ, личность котораго такъ и осталась невыясненной. Человѣкъ этотъ объявилъ, что, за исключеніемъ богачей и вернувшихся эмигрантовъ, рѣшительно все населеніе Франціи ждетъ съ самымъ страстнымъ нетерпѣніемъ возвращенія императора. Ему стоитъ только водрузить палку съ своей шляпой на берегу Прованса для того, чтобъ вокругъ этой шляпы немедленно же собрался весь народъ. Сдѣлавшись впослѣдствіи лжеисторикомъ, Наполеонъ увѣряетъ, въ одной изъ своихъ историческихъ замѣтокъ, что нарушенія фонтенеблоскаго договора и опасеніе быть увезеннымъ съ острова Эльбы нисколько не повліяли на его рѣшеніе вернуться во Францію. Это не мѣшаетъ ему въ другой замѣткѣ утверждать совершенно противоположное. Легенда, которую Наполеонъ старательно выработывалъ, требовала со стороны его самого полнѣйшей увѣренности, что французы непоколебимо преданы ему, какъ знаменоносцу революціи. Онъ счелъ поэтому умѣстнымъ вспомнить лишь о чувствахъ, вызванныхъ у него докладомъ Флери, выяснившимъ, что положеніе во Франціи успѣло уже въ достаточной степени созрѣть и притомъ раньше, чѣмъ онъ самъ этого ожидалъ. Въ февралѣ 1815 года у Наполеона, безъ сомнѣнія, имѣлись, однако, и другія побудительныя причины, совершенно иного свойства. По крайней мѣрѣ, Пейру, состоявшій у эльбскаго императора въ должности казначея, слышалъ разсужденія своего монарха о томъ, что оставаться въ Порто-Феррайо будетъ, пожалуй, еще опаснѣе возвращенія во Францію. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ самой Франціи и всему внѣшнему міру, образъ дѣйствій Наполеона въ достаточной степени оправдывался презрительнымъ равнодушіемъ Людовика XVIII и его министровъ къ обязательствамъ, возложеннымъ на нихъ фонтенеблоскимъ договоромъ. Императоръ Александръ и даже Кэстльри сперва было предъявили по этому поводу Талейрану негодующій протестъ, но хитрый дипломатъ, успѣвшій уже въ то время порядкомъ запутаться въ сѣтяхъ собственныхъ своихъ заговоровъ, отдѣлался тогда отъ этого протеста уклончивымъ отвѣтомъ.

Соблюдая строжайшую тайну, Наполеонъ чрезвычайно ловко собралъ и снарядилъ маленькую свою флотилію, состоявшую изъ корвета „Непостоянный“, уступленнаго ему по фонтенеблоскому договору, и семи другихъ меньшихъ судовъ. Во время этихъ приготовленій то и дѣло приходили въ Порто-Феррайо и уходили оттуда французскія и англійскія военныя суда, наблюдавшія за сосѣдними водами, но командиры этихъ судовъ не замѣчали ничего подозрительнаго. Отъѣздъ Кэмпбеля вызвалъ среди населенія острова Эльбы ложный слухъ, будто Англія благопріятствуетъ какой-то экспедиціи, которую намѣренъ предпринять эльбскій императоръ. Слухъ этотъ несомнѣнно содѣйствовалъ устраненію всякихъ серьезныхъ подозрѣній, такъ что, когда, 26 февраля, маленькая армія изъ 1.600 человѣкъ съ 80 лошадьми и нѣсколькими пушками была уже посажена на суда, никто изъ непосвященныхъ, повидимому, не понималъ дѣйствительнаго значенія этого факта. Всѣ

приближенные Наполеона были внѣ себя отъ радости, кромѣ Друо, считавшаго предпріятіе Наполеона въ высшей степени дерзкимъ и сумасброднымъ. Чтобы не возбуждать подозрѣній, каждому судну маленькой эскадры приказано было идти своимъ особымъ курсомъ. Дѣйствительно, отдѣльныя суда наполеоновской флотиліи, шедшія порознь, не обратили на себя вниманія военныхъ крейсеровъ, долженствовавшихъ наблюдать за островомъ Эльбой. Нѣкоторые корейсера показывались иной разъ въ виду „Непостоян наго“, но не сочли нужнымъ его опросить. По мѣрѣ того, какъ одна опасность за другой устранялась сама собою, росла также и бодрость духа великаго искателя приключеній. Подъ конецъ онъ и самъ проникся восторженной радостью и принялся вспоминать про аустерлицкую свою побѣду. 1 марта вахтенный „Непостояннаго“ увидѣлъ передъ собою французскій берегъ. Словно по мановенію волшебнаго жезла всѣ остальныя суда флотиліи въ то же самое мгновенье показались въ виду. Къ четыремъ часамъ утра вся эльбская армія благополучно высадилась на песчаномъ берегу Жуанскаго залива. Полковникъ императорской гвардіи, Камброннъ, былъ тотчасъ же отправленъ въ Каннъ раздобыть лошадей путемъ реквизиціи, причемъ строжайше предписывалось ни подъ какимъ видомъ не проливать даже и капли крови. Жители прибрежья до сихъ поръ еще разсказываютъ, что въ числѣ многихъ лицъ, приведенныхъ ночью къ Наполеону, расположившемуся на бивакахъ, былъ также и князь монакскій, ѣхавшій по береговой дорогѣ въ каретѣ, запряженной четверкой лошадей. „Куда вы ѣдете?“ — спросилъ Наполеонъ. — „Возвращаюсь въ свои владѣнія“, — отвѣчалъ ему князь. — „Клянусь Богородицей, что и я дѣлаю то же!“—весело возразилъ ему императоръ.

Наполеонъ въ роли освободителя Франціи.

Вспоминая смертельный страхъ, испытанный менѣе года тому назадъ, на большой дорогѣ, ведущей черезъ Э, и зная, что тогдашнія опасенія были совершенно основательны, Наполеонъ двинулъ свою армію прямо къ Гренобло, тѣмъ болѣе, что ему сообщили о враждебныхъ чувствахъ населенія Дофине къ существовавшему тогда королевскому режиму. Въ Каннѣ жители отнеслись совершенно равнодушно къ возвращенію Наполеона. Въ Грассѣ генералъ, состоявшій воинскимъ начальникомъ, заблаговременно бѣжалъ. По прибытіи Наполеона въ этотъ городъ начали раздаваться уже кое-гдѣ робкіе возгласы: „Да здравствуетъ императоръ!“ Оттуда до станціи Динь, на большой дорогѣ въ Гренобль, ведетъ горная тропа черезъ хребетъ высотою въ 12.000 фут. надъ уровнемъ моря. Въ какихъ-нибудь двадцать часовъ маленькая армія Наполеона прошла болѣе 50 верстъ. Старые ворчуны шутили другъ съ другомъ насчетъ маленькаго капрала, шедшаго вмѣстѣ съ ними пѣшкомъ. Альпійскія деревушки снабжали ихъ въ изобиліи продовольствіемъ, а правительственные чиновники доставляли Наполеону во множествѣ паспортные бланки, благодаря которымъ онъ могъ послать вѣрныхъ

людей въ Гренобль и Марсель, гдѣ войсками командовалъ Массена. Небольшой гарнизонъ, стоявшій въ Динѣ, сочувствовалъ Бонапарту, но все-таки не счелъ умѣстнымъ немедленно перейти на его сторону и заранѣе отступилъ. Войска, находившіяся въ Систеронѣ, были избавлены отъ всякихъ колебаній приказаніемъ соединиться съ обсерваціоннымъ корпусомъ, высланнымъ изъ Марсели, чтобы наблюдать за движеніями наполеоновской арміи. Въ Ганѣ должностныя лица пытались было организовать сопротивленіе, но угрозы народа заставили ихъ отказаться отъ этой попытки. Къ тому времени крестьяне выходили цѣлыми сотнями навстрѣчу Наполеону, но при всемъ томъ, армія его увеличилась всего лишь четырьмя человѣками: въ ея ряды поступили двое солдатъ съ Антибскихъ острововъ, кожевникъ изъ Гресса и одинъ жандармъ. Наполеонъ былъ, однако, до того увѣренъ въ успѣхѣ, что отпустилъ примкнувшихъ къ нему крестьянъ, увѣряя ихъ, что войска, съ которыми ему неизбѣжно предстоитъ встрѣтиться, немедленно же станутъ подъ его знамена. 7-го марта, головныя части арміи Наполеона прибыли въ Ла-Мюръ, находящійся лишь въ небольшомъ переходѣ отъ Гренобля. Ихъ встрѣтили тамъ съ энтузіазмомъ и вынесли ведро плохого мѣстнаго вина, чтобы дать солдатамъ слегка освѣжиться. Когда всѣ они утолили жажду, Наполеонъ попросилъ дать и ему тоже чарочку и выпилъ свою порцію наравнѣ съ другими. Его войска и всѣ присутствовавшіе были внѣ себя отъ восторга, когда маленькая армія, немедленно послѣ того, двинулась къ сосѣдней деревушкѣ Лаффре, гдѣ стоялъ небольшой отрядъ, высланный изъ Гренобля, чтобы разрушить мостъ черезъ рѣчку Дракъ. Солдаты, душевное настроеніе которыхъ нельзя было разгадать, стояли сомкнутымъ строемъ поперекъ большой дороги. Конница держала копья къ аттакѣ, а у пѣхоты ружья были заряжены. Ей отдано было приказаніе стрѣлять по Наполеону, какъ только онъ покажется въ виду. Критическое мгновенье, наконецъ, наступило. „Вотъ и онъ! Пли!“ скомандовалъ роялистъ-офицеръ. Солдаты взяли ружья на изготовку. Лица ихъ поблѣднѣли, колѣни затряслись, и они не выполнили отданнаго имъ приказанія. Наполеонъ совершенно одинъ медленно подошелъ къ войскамъ на пистолетный выстрѣлъ. Онъ былъ въ традиціонномъ своемъ сѣромъ походномъ сюртукѣ и традиціонной же треугольной шляпѣ, украшенной на этотъ разъ трехцвѣтною кокардой. „Солдаты пятаго полка,—сказалъ онъ звучнымъ спокойнымъ голосомъ,—я передъ вами!“ Затѣмъ, подойдя еще на нѣсколько шаговъ ближе, онъ растегнулъ сюртукъ и, обнаживъ грудь, воскликнулъ: „Если здѣсь между вами найдется хоть одинъ солдатъ, расположенный убить своего императора, онъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно. Моя грудь къ его услугамъ“.

При этихъ словахъ стройные ряды войскъ, выставленныхъ противъ Наполеона, мгновенно превратились въ толпу растроганныхъ, плачущихъ людей, которые съ восторженными привѣтствіями бросились цѣловать ноги Наполеона и старались хоть прикоснуться къ поламъ поношенной его походной одежды. Обступивъ со всѣхъ

сторонъ своего императора, они не находили членораздѣльныхъ словъ для того, чтобы выразить ему свою преданность. „Солдаты!—воскликнулъ этотъ чародѣй, — я прибылъ лишь съ горстью храбрецовъ, именно разсчитывая на васъ и на весь французскій народъ! Бурбоны царствуютъ незаконно, такъ какъ возведены на престолъ не народомъ. Вашимъ отцамъ угрожаетъ возстановленіе титуловъ, привиллегій и феодальныхъ правъ! Такъ вѣдь я говорю?“—„Точно такъ!“— подтвердила толпа. Какъ разъ въ это мгновенье появился всадникъ въ мундирѣ національнаго гвардейца, но съ большой трехцвѣтной кокардой на шляпѣ. Подъѣхавъ къ Наполеону, онъ сказалъ: „Государь, я перчаточникъ Жанъ Дюмуленъ. Приношу на службу вашего величества сто тысячъ франковъ и себя самого!“ Въ это время въ войскахъ гренобльскаго гарнизона переходила изъ рукъ въ руки прокламація, въ которой Наполеонъ объяснялъ неудачу кампаніи четырнадцатаго года измѣной и обѣщалъ, что въ случаѣ войны побѣда снова осѣнитъ его знамена. Командиръ седьмого пѣхотнаго полка, Лабейдойеръ, первый объявилъ о своемъ рѣшеніи стать подъ императорскія знамена. Офицеры, изъ числа роялистовъ, съ ужасомъ убѣдились, что нижніе чины почти поголовно стоятъ за Наполеона. Рѣшено было при такихъ обстоятельствахъ увести утромъ войска куда-нибудь подальше отъ Гренобля. Мѣру эту не удалось привести въ исполненіе, такъ какъ въ семь часовъ утра Наполеонъ явился уже передъ городомъ и потребовалъ сдачи. Комендантъ не могъ сопротивляться солдатамъ и народу, а потому бѣжалъ съ немногими сторонниками королевской власти, и, къ десяти часамъ утра, гренобльскія ворота растворились настежь передъ Наполеономъ. Встрѣча, устроенная гренобльцами вернувшемуся изгнаннику, была до чрезвычайности сердечной и внушительной. Отдохнувъ тамъ тридцать шесть часовъ, онъ двинулся къ Ліону уже во главѣ семитысячной арміи.

„Вплоть до Гренобля я былъ еще искателемъ приключеній, но въ Греноблѣ сталъ уже государемъ“, писалъ впослѣдствіи Наполеонъ на островѣ Св. Елены. Въ такомъ случаѣ придется добавить, что въ Ліонѣ онъ сдѣлался императоромъ, не только по имени, но и фактически. Восточная столица Франціи встрѣтила его съ привѣтственными возгласами, такими же бурными, какъ проклятія, которыми она осыпала на прощанье графа Артуа и Макдональда, поспѣшно бѣжавшихъ оттуда. Вспомнивъ уроки молодости, почерпнутые частью на островѣ Корсикѣ, частью въ долинѣ Роны, возвращавшійся во Францію императоръ тщательно слѣдилъ дорогой за настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Онъ всюду нашелъ искреннее желаніе мира, а потому еще до вступленія въ Ліонъ принялся самоувѣренно обѣщать Франціи почетный миръ. Вскорѣ, однако, онъ усмотрѣлъ, что однимъ миромъ Франція не удовлетворится. Она жаждала, кромѣ того, еще и свободы. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ объяснилъ, что единственною его заботой будетъ огражденіе интересовъ и принциповъ революціи отъ всякихъ посягательствъ со стороны вернувшихся эмигрантовъ.

Франція, возстановивъ свою славу, будетъ жить въ мирѣ съ прочими европейскими державами, если только онѣ не станутъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Такимъ образомъ Наполеонъ являлся въ роли освободителя Франціи. Дабы отбить у чужеземцевъ охоту къ вторичному вторженію и застращать внутреннихъ враговъ, надлежало, чтобы великая нація единодушно и громогласно высказала полнѣйшее довѣріе своему освободителю. Поэтому изъ Ліона, второй столицы имперіи, разослано было предписаніе произвести выборы въ національное собраніе для пересмотра конституціи. Чтобы вызвать въ народѣ впечатлѣніе, будто Австрія сочувствуетъ образу дѣйствій Наполеона, было предложено ліонцамъ послать отъ себя трехъ делегатовъ въ Парижъ на предстоящее коронованіе императрицы и римскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ издалъ декретъ, изгонявшій изъ Франціи эмигрантовъ, вернувшихся туда съ Людовикомъ XVIII, и разрушавшій однимъ почеркомъ пера всѣ притязанія стариннаго французскаго дворянства. Дворянская гвардія была упразднена, а Талейранъ, Мармонъ, Ожеро и Дальбергъ заочно преданы суду. Вслѣдствіе этихъ мѣропріятій вѣрноподданическія чувства къ императору распространились по всей Франціи съ изумительной быстротой. Армія Сульта, собранная на юго-восточной границѣ, чтобы противодѣйствовать Мюрату, если бы онъ вздумалъ поддержать предпріятіе Наполеона, прониклась почти вся этими чувствами. Массена, подчинявшійся, кажется, вліянію Фуше, оставался нейтральнымъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Ней примкнулъ къ общему движенію и соединился съ Наполеономъ въ Оксеррѣ. „Обнимите меня, дорогой генералъ! Очень радъ съ вами свидѣться. Я не нуждаюсь ни въ какихъ объясненіяхъ или оправданіяхъ!“ воскликнулъ искренно обрадованный императоръ.

Миновавъ Отенъ, Наполеонъ шелъ уже по долинѣ Іонны къ Парижу, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Нельзя сказать, чтобы народныя массы обнаруживали всюду одинаково восторженное настроеніе, но тѣмъ не менѣе энтузіазмъ солдатъ и сторонниковъ ихъ всюду одерживалъ верхъ. Королевское правительство многократно высылало противъ „узурпатора“ сильные отряды войскъ, но эти войска неизмѣнно переходили на его сторону. Однажды утромъ нашли на рѣшеткѣ, ограждавшей Вандомскую колонну, напечатанное большими буквами заявленіе:

НАПОЛЕОНЪ ЛЮДОВИКУ XVIII.

„Дорогой кузенъ, незачѣмъ посылать мнѣ болѣе войскъ. У меня ихъ и безъ того уже довольно“.

Парижское населеніе съ трудомъ лишь сдерживало бурю охватившаго его волненія. Между тѣмъ королевское правительство не обладало должной энергіей для того, чтобъ организовать, хотя въ послѣднюю минуту, рѣшительное сопротивленіе. Правда, что Людовикъ XVIII сталъ выказывать чрезвычайную уступчивость, благодаря которой въ палатахъ было проведено нѣсколько весьма

хорошихъ законовъ, но эти запоздалыя мѣры не обратили на себя вниманія народныхъ массъ и не пріобрѣли королевскому режиму ничьихъ симпатій. Созвали также добровольцевъ, но формированіе ихъ дружинъ шло до чрезвычайности вяло. Съ прибытіемъ Наполеона въ Фонтенебло, 18 марта, резервныя войска, стоявшія въ самомъ Парижѣ и окрестностяхъ столицы, съ южной ея стороны, немедленно перешли къ нему въ полномъ составѣ. На слѣдующій день Людовикъ XVIII издалъ поэтому манифестъ къ арміи, полный самаго безнадежнаго отчаянія, и поспѣшно уѣхалъ въ Лилль, такъ что, утромъ 20 марта, французская столица оказалась безъ всякаго правительства. На улицахъ толпился народъ, но никакихъ безпорядковъ не происходило, до тѣхъ поръ, пока нѣсколькимъ роялистамъ не вздумалось напасть на отставнаго офицера, позволившаго себѣ гулять съ императорской кокардой на шляпѣ. Тотчасъ же организовалась городская національная гвардія, которой и удалось безъ труда возстановить порядокъ. Сторонникамъ имперіи очень хотѣлось захватить Тюльерійскій дворецъ, но имъ этого не дозволили. Дворецъ былъ занятъ одновременно двумя вооруженными отрядами имперіалистовъ и роялистовъ. Надъ всѣми остальными публичными зданіями безпрепятственно развѣвались одни только императорскіе флаги. Послѣ полудня бывшія имперскія должностныя лица совершенно спокойно вернулись на прежнія свои мѣста, не только въ канцеляріяхъ, но и во дворцѣ. Въ девять часовъ вечера быстро подъѣхала къ Тюльерійскому дворцу почтовая коляска, изъ которой вышелъ Наполеонъ. Присутствовавшимъ казалось, что онъ какъ-то странно улыбается. Онъ произвелъ на нихъ впечатлѣніе человѣка, которому грезится на яву. Императоръ немедленно же былъ подхваченъ своими сторонниками на руки. Его внесли торжественно во дворецъ по лѣстницѣ, причемъ жизнь его подвергалась серьезной опасности отъ слишкомъ страстныхъ порывовъ вѣрноподданнической преданности. Императора такъ усердно обнимали, что онъ чуть было не задохся. Во всякомъ случаѣ у него отлегло на душѣ, когда онъ вошелъ, наконецъ, въ свой кабинетъ и заперъ за собой двери. Въ кабинетѣ ждали Наполеона немногіе старые испытанные и преданные его сторонники съ Коленкуромъ во главѣ. Восторженный пріемъ во дворцѣ представлялъ собою рѣзкій контрастъ съ апатіей, обнаруживавшейся на парижскихъ улицахъ. Народъ почти разошелся уже по домамъ и вмѣсто ожидаемаго восторга выказывалъ полнѣйшее равнодушіе. Самъ Наполеонъ замѣтилъ по этому поводу Моллену: „Парижане также мало интересуются моимъ пріѣздомъ, какъ и отъѣздомъ Бурбоновъ“.

Во время своего пребыванія на островѣ Эльбѣ Наполеонъ употреблялъ часть своихъ досуговъ на составленіе конспекта большого сочиненія, въ которомъ доказывалось, что его династія обладаетъ такими же законными правами на престолъ, какъ и любая другая изъ династій, когда-либо царствовавшихъ во Франціи. Мечты объ имперіи, долженствовавшей охватить всю Европу, разсѣялись у Наполеона навсегда, или, по крайней мѣрѣ, временно,

такъ что въ данную минуту онъ являлся апостоломъ государственной независимости и державныхъ правъ французскаго народа. Передъ отходомъ своимъ ко сну въ Тюльерійскомъ дворцѣ онъ довелъ уже этотъ фактъ до всеобщаго свѣдѣнія организаціей министерства, которое въ наше время было бы названо своднымъ кабинетомъ, такъ какъ содержало въ себѣ представителей различныхъ оттѣнковъ общественнаго мнѣнія. Маре, Даву, Камбасересъ, Годенъ, Молліенъ, Декре, Коленкуръ, Фуше и Карно назначены были министрами. Всего изумительнѣе, однако, казалось назначеніе умѣреннаго республиканца Бенжамена Констана предсѣдателемъ вновь организованнаго государственнаго совѣта. Одновременно съ этимъ объявлено было, что предстоитъ пересмотръ конституціи и что цензура уже отмѣнена. По поводу этого мѣропріятія Наполеонъ замѣтилъ, что въ продолженіи минувшаго года на него лично вылили въ печати столько помоевъ, что ничего худшаго сказать, повидимому, уже не могутъ, между тѣмъ какъ про его враговъ имѣется еще возможность вдоволь злословить. Въ бесѣдѣ съ Констаномъ онъ откровенно изложилъ цѣли, которыхъ разсчитывалъ достигнуть путемъ пересмотра конституціи. Народныя массы привѣтствовали его возвращеніе, такъ какъ видѣли въ немъ своего человѣка. По первому его знаку всѣхъ дворянъ тотчасъ же бы перерѣзали. Онъ вовсе не желалъ, однако, вызывать крестьянскую войну и кровопролитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая явившійся у французовъ позывъ къ свободѣ преній, публичному судопроизводству, свободѣ выборовъ, отвѣтственному министерству и вообще ко всему строю конституціоннаго правительства, онъ лично счелъ долгомъ удовлетворить этому аппетиту. Французскій народъ хотѣлъ, кромѣ всего этого, также и мира, но императоръ могъ доставить ему желанный миръ единственно только побѣдой. Правда, что въ ліонскихъ своихъ декретахъ, равно какъ въ бесѣдахъ съ частными лицами, онъ словно намекалъ на переговоры съ иностранными державами, но въ дѣйствительности эти переговоры принадлежали къ области чистаго вымысла.

Новое императорское министерство отдавало себѣ совершенно ясный отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ и тѣмъ съ большей энергіей принялось за работу. 23 апрѣля была уже обнародована добавочная конституціонная хартія, расширявшая избирательныя права французскихъ гражданъ. Этой дополнительной хартіей государственная церковь была упразднена, свобода вѣроисповѣданій обезпечена и послѣдніе остатки наслѣдственныхъ привиллегій отмѣнены. Впрочемъ, остались попрежнему двѣ палаты, причемъ многіе имперскіе сановники, а также принцы Люсьенъ, Жозефъ и Жеромъ были назначены членами палаты пэровъ. Какъ саркастически замѣтилъ Шатобріанъ, новая имперская конституція являлась исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ конституціи Людовика XVIII. Предисловіе къ этому второму изданію было, впрочемъ, написано цѣликомъ вновь. Тамъ заявлялось, что Наполеонъ долгое время хлопоталъ о сооруженіи въ Европѣ грандіозной феде-

ральной системы, сообразной съ духомъ времени и благопріятствующей прогрессу цивилизаціи, но совершенно отказался теперь отъ этого намѣренія и желаетъ посвятить всѣ свои силы достиженію лишь одной цѣли, а именно возможно полному огражденію и осуществленію во Франціи принциповъ свободы. Эти несомнѣнно ловкія разъясненія не вызвали, однако, во Франціи особенно восторженнаго энтузіазма. Вмѣстѣ съ добавочной хартіей они были приняты плебесцитомъ, въ которомъ за нихъ подали всего 1.300.000 голосовъ, т. е. менѣе половины того числа, которое высказалось за консульство и наслѣдственную имперію. Это обусловливалось страннымъ равнодушіемъ, вызывавшимся еще болѣе странной, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердой увѣренностью, что Франція обезпечила себѣ подъ конецъ прочный и почетный миръ.

Здѣсь было уже упомянуто о военномъ заговорѣ въ сѣверной Франціи, устроенномъ благодаря интригамъ Фуше. Вслѣдствіе враждебнаго настроенія, вызваннаго по отношенію къ королевской власти этимъ заговоромъ, Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Гентъ черезъ пять дней по прибытіи Наполеона въ Парижъ. Принцамъ королевскаго дома удалось, въ продолженіи еще нѣсколькихъ дней, поддерживать на югѣ Франціи нѣчто вродѣ междуусобной войны, но французскій народъ въ массѣ сознавалъ, что имѣетъ государя, выбраннаго имъ самимъ. Онъ былъ убѣжденъ, что если Франція займется исключительно только собственными своими дѣлами, то ее оставятъ въ покоѣ. Долгое время изъ-за границы не получалось никакихъ извѣстій, а между тѣмъ во внутренней французской жизни происходили такія быстрыя и радикальныя реформы, что общественное вниманіе поневолѣ сосредоточивалось исключительно на нихъ. Въ этомъ отношеніи послѣдовала, однако, радикальная перемѣна въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда французамъ пришлось убѣдиться, что передъ ними снова встаетъ грозный призракъ войны, и что всѣ старинныя европейскія династіи объединились въ рѣшеніи уничтожить наполеоновскій режимъ, считая это необходимымъ въ интересахъ личной своей самообороны. Каждый французъ, обладавшій какимъ-либо достояніемъ, мысленно видѣлъ уже себя раззореннымъ. Каждая мать предчувствовала, что сынъ ускользаетъ изъ ея объятій въ то самое море крови, въ которомъ, въ теченіе четверти столѣтія, утопали уже надежды французской націи.

Вся Франція страшно упала духомъ. На это имѣлось у нея, впрочемъ, полное основаніе, такъ какъ представлявшаяся перспектива была дѣйствительно самаго ужасающаго свойства. Англія, связавшая себя союзами съ Австріей, Россіей и Пруссіей въ борьбѣ противъ Наполеона за національное свое благосостояніе, оказывалась теперь вынужденной продолжать эту борьбу. Она утратила большую часть талантливыхъ и авторитетныхъ своихъ вождей, а немногіе, остававшіеся еще въ живыхъ, были поражены такимъ паническимъ страхомъ, что чувствовали себя не въ силахъ сколько-нибудь здраво обсудить фактическое положеніе дѣлъ. Болѣзнь Георга III заставила, наконецъ, передать управленіе государствомъ самому легкомысленному и безпутному изъ всѣхъ англій-

скихъ королей, принцу-регенту, царствовавшему впослѣдствіи подъ именемъ Георга IV. Его министры Персиваль и Ливерпуль были не просто консерваторами изъ принципа, а чѣмъ-то вродѣ нигилистовъ-реакціонеровъ. Хозяйничанье ихъ во внутреннихъ англійскихъ дѣлахъ создало уже почву для народныхъ волненій, долженствовавшихъ вскорѣ послѣ того вынудить у правительства самыя широкія реформы. Кэстльри даже не подозрѣвалъ пагубныхъ послѣдствій, какія повлекъ за собою для Англіи шомонскій договоръ. Ему хотѣлось только погубить во что бы ни стало Наполеона. Онъ искренно соглашался, чтобы, въ уплату за это, свободная Англія поддерживала всюду за-границей систему династической политики, враждебную всяческой свободѣ. Вѣнскій конгрессъ не былъ представительствомъ государствъ, а коалиціей династій, рѣшившихъ взаимно поддерживать другъ друга, въ интересахъ самозащиты. Возвращеніе Наполеона на французскій престолъ, съ точки зрѣнія этой коалиціи, не могло быть терпимо уже потому, что повлекло бы за собой признаніе за французскимъ народомъ права выбирать себѣ государя, и такимъ образомъ создало бы опасный прецедентъ, который не преминулъ бы нанести смертельный ударъ деспотической монархіи въ западной Европѣ. Великобританія, въ свою очередь, опасалась, что возстановленіе имперіи во Франціи не только нанесетъ серьезный ударъ англійской промышленности и торговлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно ослабитъ вліяніе и престижъ англійскаго народа. Шестая коалиція противъ Франціи составилась поэтому безъ всякаго труда, хотя и на совершенно новыхъ основахъ. Извѣстіе объ исчезновеніи Наполеона съ острова Эльбы получено было въ Вѣнѣ 6 марта. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ того, Марія-Луиза, совершенно подчинившаяся уже вліянію Нейппперга, письменно объявила, что не принимаетъ никакого участія въ замыслахъ Наполеона. Нѣсколько дней спустя дана была чистая отставка всѣмъ французамъ, состоявшимъ еще при особѣ малолѣтняго римскаго короля. Прощаясь съ Меневалемъ, малютка поручилъ ему кланяться отцу. Къ тому времени переговоры между великими державами шли замѣчательно успѣшно, благодаря тому, что каждая изъ нихъ обезпечила уже себѣ все наиболѣе для нея существенное. 13 марта конгрессъ, по настоянію Кэстльри, публично объявилъ Наполеона врагомъ и нарушителемъ общаго мира, находящимся внѣ закона. Виги характеризовали въ засѣданіи англійскаго парламента этотъ документъ, какъ авторитетное подстрекательство къ убійству отдѣльной личности, и называли его позорнымъ для Англіи, но изъ всѣхъ большихъ лондонскихъ газетъ одна только „Morning Chronicle“ рѣшилась ихъ поддержать и объявить, что для Великобританіи совершенно безразлично, кто именно царствуетъ во Франціи: Бурбоны или Бонапартъ. Эти мужественные протесты остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и, къ 25 марта, вся Европа, за исключеніемъ Неаполитанскаго королевства, ополчилась противъ одной Франціи.

Затменіе славы Наполеона.

Конституціонная имперія во Франціи.—Линьи и Катръ-Бра.—Ватерлоо.—Наполеонъ ищетъ убѣжища на англійскомъ кораблѣ.—Св. Елена.

Конституціонная имперія во Франціи.

Непрклонное рѣшеніе династической Европы объявить Наполеона лишеннымъ покровительства законовъ и вернуть Францію Бурбонамъ было номинально постановлено коаліціей изъ восьми державъ: Австріи, Великобританіи, Пруссіи, Россіи, Франціи, Испаніи, Португаліи и Швеціи. На самомъ дѣлѣ Швеція занята была тогда завоеваніемъ Норвегіи, Испанія же и Португалія, хотя и подписали союзный договоръ, но не разсчитывали матеріально содѣйствовать его выполненію, такъ что фактическія силы коаліціи, возродившейся въ Вѣнѣ, обусловливались лишь возобновленіемъ Шомонскаго договора. Австрія, Пруссія и Россія обязались выставить въ поле каждая по 180.000 человѣкъ, Великобританія же съ своей стороны обѣщала выплачивать имъ субсидіи въ прежнемъ размѣрѣ.

Наполеонъ въ бѣломъ пикейномъ сюртукѣ.

Европейскимъ монархамъ было заявлено 4-го апрѣля 1815 года, что имперія во Франціи означаетъ собою миръ. Они отвѣтили на это заявленіе мобилизаціей своихъ войскъ и протоколомъ за общею подписью, въ которомъ Парижскій трактатъ объявленъ былъ нарушеннымъ и болѣе несуществующимъ. Въ виду такого безвыходнаго положенія Наполеонъ обратился къ Талейрану, но этотъ государственный дѣятель слишкомъ хорошо зналъ настроеніе вѣнскаго конгресса, а потому не принялъ предложенныхъ ему полномочій вести отъ лица Наполеона переговоры съ союзными державами. Непостоянный Фуше задумалъ тогда устроить новый заговоръ, на этотъ разъ противъ Наполеона, и освѣдомился у Меттерниха, въ какой степени можно будетъ заговорщикамъ разсчитывать на поддержку со стороны Австріи. Князь Меттернихъ ничего ему не отвѣтилъ, прочіе же дипломаты объявили, что не желаютъ вмѣшиваться во внутреннія французскія дѣла. Увѣренія эти были, впрочемъ, далеко не искренними, такъ какъ соединенная Европа въ дѣйствительности рѣшила уже возстановить Бурбоновъ на французскомъ престолѣ.

Въ виду собиравшейся надъ нимъ грозы, Наполеонъ, съ безстрашнымъ спокойствіемъ, занимался уложеніемъ государственныхъ французскихъ внутреннихъ дѣлъ. Трудъ этотъ оказывался далеко не легкимъ. На пути изъ Гренобля въ Парижъ императоръ опирался на воскресшую ненависть народныхъ массъ къ дворянству и духовенству. Въ Ліонѣ онъ имѣлъ случай убѣдиться, до какихъ увле-

ченій можетъ доходить эта ненависть, и шепотомъ замѣтилъ одному изъ своихъ приближенныхъ: „Это чистое умопомѣшательство!“ При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ, по прибытіи въ Парижъ, рѣшился опереться на умѣренно либеральную партію. Это рѣшеніе лишило его поддержки революціонныхъ якобинскихъ элементовъ. Якобинцы въ негодованіи своемъ на императора, вернувшагося съ острова Эльбы, вступили въ соглашеніе съ роялистами и начали совмѣстно съ ними интриговать противъ Наполеона. Вскорѣ выяснилось, что ни Марія-Луиза, ни Римскій король не будутъ короноваться и что на поддержку со стороны Австріи разсчитывать нельзя. Послѣ того даже настроеніе имперіалистовъ сдѣлалось ненадежнымъ. Предстоящая война вызывала повсемѣстно во Франціи такія опасенія, что первыя мѣры къ реорганизаціи арміи надо было принять чуть не украдкой. Сформированіе кадровъ не представляло серьезныхъ трудностей. На призывъ императора немедленно же явилось подъ знамена значительное число благонадежныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, но созывомъ конскриптовъ нельзя было торопиться, такъ какъ онъ былъ бы равносиленъ признанію войны неизбѣжною. Изъ 300.000 старослуживыхъ солдатъ, вернувшихся на родину, не болѣе 60.000 зачислились опять на службу добровольцами, тогда какъ императоръ надѣялся, что такихъ добровольцевъ явится, по крайней мѣрѣ, 240.000. Настроеніе національной гвардіи было до такой степени неблагопріятнымъ, что многіе считали со стороны Наполеона дерзкою смѣлостью произвести ей смотръ. Онъ, однако, рѣшился это сдѣлать, и 16-го апрѣля смотръ дѣйствительно состоялся. Правда, что въ первую половину смотра національные гвардейцы встрѣчали императора мертвымъ молчаніемъ, но затѣмъ начали кое-гдѣ изъ рядовъ раздаваться отдѣльные возгласы: „Да здравствуетъ императоръ!“ а подъ конецъ вся національная гвардія, бывшая на смотру, прониклась до нѣкоторой степени энтузіазмомъ.

Въ половинѣ мая начали съѣзжаться въ Парижъ депутаты учредительнаго собранія, выборы въ которое были предписаны Наполеономъ еще изъ Ліона. По примѣру народныхъ собраній во времена Карла Великаго, засѣданія его должны были производиться подъ открытымъ небомъ. Этому учредительному собранію поручалось выработать для Франціи новую конституцію. Между тѣмъ выяснилось, что привезенныя депутатами данныя о настроеніи умовъ въ департаментахъ, весьма неблагопріятны. Данныя эти очень встревожили парижское общественное мнѣніе. Вскорѣ обнаружилось, что въ Вандеѣ вспыхнула опять междуусобная война, которая повлекла бы за собой самыя пагубныя послѣдствія для наполеоновской имперіи, если бы вождь инсургентовъ, Ла-Рошъ-Жакленъ, не былъ 4-го іюня убитъ. Смерть его еще болѣе ожесточила, впрочемъ, нерасположеніе аристократіи къ Наполеону. Еще непріятнѣе для императора былъ тотъ фактъ, что, изъ числа 629 депутатовъ 500 оказались сторонниками конституціоннаго режима, относившимися къ самому Наполеону совершенно равнодушно. Преданныхъ ему друзей насчитывалось въ собраніи всего лишь 60 человѣкъ. Остальные 30 или

40 депутатовъ оказывались якобинцами, находившимися подъ вліяніемъ Фуше. При такихъ обстоятельствахъ императоръ не осмѣлился открыть обѣщанный народный сеймъ. Надлежало, однако, чѣмъ-нибудь замѣнить это зрѣлище. Великій драматическій артистъ не долго задумывался надъ этимъ вопросомъ. Онъ рѣшилъ созвать депутатовъ, 1-го іюня, на торжественную церемонію, долженствовавшую состояться подъ открытымъ небомъ. Тамъ учредительному собранію предложено будетъ утвердить своею санкціей добавочную конституціонную партію. Имѣлось въ виду устроить грандіозное зрѣлище, которое вполнѣ замѣнило бы собою обѣщанное Майское поле и произвело бы глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Проектъ церемоніала былъ составленъ Сегюромъ и всѣ подробности тщательно обсуждены самимъ Наполеономъ, но тѣмъ не менѣе результаты оказались далеко не соотвѣтствовавшими ожиданіямъ. Никакого глубокаго впечатлѣнія достигнуть не удалось. Правда, что на скамьяхъ для зрителей собралось около 17.000 человѣкъ, а все поле было запружено народомъ. Артиллерія салютовала пушечными выстрѣлами, народъ привѣтствовалъ императорскую карету, маршаловъ, лейбъ-гвардію и появленіе торжественной процессіи. Тѣмъ не менѣе, когда Наполеонъ и его братья выступили впередъ, наряженные, словно актеры, въ театральные костюмы изъ бѣлаго бархата, съ плащами испанскаго покроя, усѣянными вышитыми золотомъ пчелами, служившими императорской эмблемой, и въ шляпахъ съ широкими полями и страусовыми перьями, въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ разочарованія. Всѣ разсчитывали увидѣть императора въ мундирѣ. Многіе были даже убѣждены, что онъ явится въ мундирѣ національной гвардіи.

Во всякомъ случаѣ народъ не выразилъ своего разочарованія обычными въ такихъ случаяхъ у французовъ непочтительными жестами и возгласами. Тѣмъ временемъ министры и маршалы заняли мѣста, указанныя имъ по церемоніалу. Въ числѣ маршаловъ были знакомые уже парижанамъ знаменитые генералы: Ней, Монсей, Келлерманъ, Серрюрье, Лефевръ, Груши, Удино, Журданъ, Сультъ и Массена. Затѣмъ выступила впередъ депутація народнаго представительства. Предсѣдатель ея прочелъ адресъ, въ которомъ заявлялось, что Франція желаетъ управляться государемъ, выбраннымъ ею самою и обѣщаетъ ему въ случаѣ войны дѣятельную поддержку. Наполеонъ тогда всталъ и, несмотря на смѣшной свой костюмъ, привлекъ къ себѣ общее вниманіе, излагая причины, вслѣдствіе которыхъ счелъ долгомъ предложить на утвержденіе депутатамъ готовую уже дополнительную конституціонную хартію и такимъ образомъ избѣгнуть несвоевременныхъ теперь преній и препирательствъ. Онъ объявилъ, что дополнительная хартія можетъ быть впослѣдствіи измѣнена и дополнена, но, при всемъ томъ, его сообщеніе вызвало рукоплесканія лишь со стороны немногихъ военныхъ. Когда, недѣлю спустя, открылась сессія народнаго представительства, палата депутатовъ избрала своимъ президентомъ Ланжюине, одного изъ непримиримыхъ противниковъ наполеоновскаго

режима. Императорская тронная рѣчь оказалась очень дѣльною и отличалась примирительнымъ духомъ. Обѣ палаты обнаруживали, вообще говоря, недовѣріе къ правительству, выразившееся, между прочимъ, также и въ отвѣтномъ ихъ адресѣ. Онѣ обѣщали пробудить всѣ силы Франціи, но исключительно только для цѣлей государственной обороны. Пэры объявили, что, благодаря новымъ своимъ учрежденіямъ, Франція не станетъ увлекаться даже искушеніями побѣды. Депутаты въ свою очередь обѣщали, что никакія силы не смогутъ увлечь французскій народъ за предѣлы законной самозащиты. Даже воля побѣдоноснаго монарха не въ состояніи будетъ подвинуть народъ на это.

Труды и лишенія, вынесенные Наполеономъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, замѣтно отразились на его внѣшности. Лицо сохранило спокойное свое безстрастное выраженіе, но сильно похудѣло, и челюсти начали очень выдаваться впередъ. Онъ похудѣлъ всюду, за исключеніемъ таліи, такъ что его животъ, оставшійся до тѣхъ поръ почти незамѣтнымъ, сдѣлался теперь какъ бы отвислымъ. Это особенно бросалось въ глаза, когда Наполеонъ стоялъ, сложивъ на немъ руки. Императоръ сохранилъ, впрочемъ, привычку складывать ихъ также за спиной, но зачастую измѣнялъ эту позу, чтобы понюхать табаку, или же почесать себѣ носъ. Иногда у него вырывался непроизвольный вздохъ, который можно было принять за выраженіе подавленнаго внутренняго волненія. Къ тому же времени явилась у Наполеона привычка щуриться и глядѣть сквозь полуоткрытыя вѣки, какъ если бы у него начала обнаруживаться чрезмѣрная дальнозоркость. Непроизвольное миганье лѣвымъ глазомъ и подергиваніе уха стали проявляться съ большею чѣмъ когда-либо силой. По мѣрѣ накопленія трудностей и непріятностей общее состояніе здоровья императора значительно ухудшилось. У него начались серьезныя страданія желудка и мочевыхъ путей, къ которымъ присоединился также упорный сухой кашель. Чтобы ослабить нервное разстройство, которымъ сопровождалось это болѣзненное состояніе, пришлось прибѣгнуть опять къ продолжительнымъ теплымъ ваннамъ. На этотъ разъ, однако, болѣзнь плохо поддавалась леченію и вслѣдствіе этого пріобрѣла для непосвященныхъ какой-то таинственный характеръ. Враги Наполеона прямо объявляли ее сифилитической. Это представляется, однако, весьма неправдоподобнымъ. Дѣйствительно, Наполеонъ былъ всю свою жизнь окруженъ людьми, которые ради краснаго словца не пожалѣли бы, какъ говорится, ни матери, ни отца. Въ появившихся за послѣднее время во множествѣ ихъ мемуарахъ, такой компрометирующій фактъ, безъ сомнѣнія, былъ бы доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія. За отсутствіемъ сколько-нибудь положительныхъ данныхъ, высказывается нѣкоторыми спеціалистами предположеніе, что въ данномъ случаѣ у Наполеона проявлялись первыя стадіи болѣзни, отъ которой онъ впослѣдствіи умеръ. Съ другой стороны, въ виду быстрыхъ измѣненій душевнаго настроенія, перемежающагося возбужденія и упадка духа, усиленной чувствительности и грубой рѣзкости, находятъ возможнымъ объяснить

состояніе французскаго императора особою формой истеричной эпилепсіи. Вслѣдствіе утомленія и нервнаго разстройства Наполеону дѣйствительно случалось проливать слезы передъ портретомъ своего сына и громко протестовать противъ измѣнившей ему судьбы. При всемъ томъ онъ обладалъ достаточной степенью разсудительности, чтобы сообразить полнѣйшую неумѣстность довѣрить, на время своего отъѣзда къ арміи, управленіе государствомъ регентству, а потому устроился такъ, чтобы вести дѣла самому, чрезъ посредство курьеровъ и довѣренныхъ посланцевъ. Въ государственномъ совѣтѣ долженъ былъ предсѣдательствовать Жозефъ съ правомъ рѣшающаго голоса, если остальные голоса раздѣлятся поровну. Люсьенъ засѣдалъ въ томъ же совѣтѣ, но верховную власть Наполеонъ оставилъ за собой.

Заступивъ мѣсто Кэстльри на вѣнскомъ конгрессѣ, Веллингтонъ тотчасъ же доказалъ, что его мѣсто скорѣе на полѣ сраженія, чѣмъ за зеленымъ столомъ международной дипломатіи. Онъ и Блюхеръ стояли оба за немедленное вторженіе во Францію, но императоръ Александръ желалъ сохранить за собой преобладающее вліяніе, и всѣ державы изъявили желаніе двинуть свои арміи противъ общаго врага, а потому было рѣшено начать военныя дѣйствія лишь 27-го іюня, когда русскія войска успѣютъ дойти до французской границы. Предполагалось двинуться на французовъ тремя арміями: князь Шварценбергъ, съ 250.000 австрійцевъ, русскихъ и баварцевъ разсчитывалъ переправиться черезъ Рейнъ въ верхнемъ теченіи этой рѣки; Блюхеръ, съ 150.000 пруссаковъ, долженъ былъ составить центръ общаго наступательнаго фронта, а Веллингтонъ, съ 150.000 арміей, набранной изъ голландцевъ, бельгійцевъ, ганноверцевъ и англичанъ (послѣднихъ около 38.000), предназначался для дѣйствій на правомъ крылѣ. Обѣ послѣднія арміи находились къ 1 му іюня уже въ состояніи боевой готовности, причемъ, однако, Веллингтону не нравились разношерстныя его войска. Даже и англійскіе полки его арміи не принадлежали къ числу изълучшихъ, такъ какъ ветераны, покрывшіе себя славой на Пиренейскомъ полуостровѣ, отправлены были въ Сѣверную Америку, гдѣ, въ битвѣ подъ Нью-Орлеаномъ, нашли себѣ достойныхъ соперниковъ въ мужественныхъ стрѣлкахъ Джаксона.

Наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій у Наполеона имѣлось подъ ружьемъ 124.000 человѣкъ и 3.500 нестроевыхъ. Веллингтонъ располагалъ 106.000, изъ которыхъ 4.000 ганноверцевъ остались занимать гарнизоны, у Блюхера же было болѣе 117.000 солдатъ. Ни одному изъ обоихъ союзныхъ полководцевъ не приходило въ голову, что Наполеонъ врѣжется клиномъ въ разбросанную линію своихъ противниковъ, занимавшую протяженіе болѣе чѣмъ въ 150 верстъ. Такое смѣлое наступательное движеніе казалось имъ неправдоподобнымъ, такъ какъ французской арміи приходилось тогда оставить Арденнскія горы у себя въ тылу. Наполеонъ рѣшился, однако, перейти черезъ Арденны, воспользовавшись для этой цѣли долинами рѣкъ Самбры и Мааса. Принимая во вниманіе различіе

въ топографическихъ условіяхъ, планъ этотъ оказывался въ сущности тождественнымъ съ тѣмъ, который былъ выполненъ имъ же въ 1796 году такимъ блестящимъ образомъ въ Піемонтѣ.

Линьи и Катръ-Бра.

Кампанія открылась при довольно благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Совершивъ великолѣпный маршъ въ ночь съ 14 на 15 іюня, первый и второй корпуса наполеоновской арміи, подъ командой Эрлона и Рейля, выдвинулись къ Солеру на Самбрѣ и образовали лѣвое крыло арміи. Третій корпусъ, подъ начальствомъ Вандамма шелъ отъ Арденнскихъ горъ черезъ Филиппвилль, дабы образовать правое крыло. Четвертый и шестой корпуса, подъ командой Жерара и Лобау, съ гвардіей и резервной кавалеріей, подъ начальствомъ Груши, сосредоточивались на линіи Мозеля, чтобъ двинуться оттуда, тоже черезъ Филиппвилль, для образованія центра арміи. Передъ фронтомъ лежало широкое шоссе, которое вело почти прямо въ Брюссель, находившійся верстахъ въ шестидесяти къ сѣверу. Другая шоссейная же дорога поворачивала къ востоку на Люттихъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ передовыхъ французскихъ войскъ лежитъ на Люттихскомъ шоссе Сомбрефъ, и немногимъ лишь дальше на большой брюссельской дорогѣ находилось Катръ-Бра. Оба эти важные въ данную минуту стратегическіе пункта соединялись большою дорогой изъ Нивелля въ Намюръ. Совершивъ такое движеніе, французская армія тѣмъ самымъ доказала превосходныя свои качества, а полководецъ, занявшій для нея столь великолѣпную стратегическую позицію, обнаружилъ положительно геніальное вдохновеніе. Онъ командовалъ теперь операціонными линіями Веллингтона и Блюхера, находившихся еще вдалекѣ другъ отъ друга, раздѣленныхъ серьезными мѣстными препятствіями и не расположенныхъ къ тому же дѣйствовать сообща. Подъ командой у Наполеона состояли генералы, пользовавшіеся заслуженною боевой репутаціей. Правда, что нѣкоторыя изъ славныхъ именъ отсутствовали въ ихъ спискѣ. Такъ, напримѣръ, Мортье удержанъ былъ болѣзнью на самой французской границѣ, но зато начальникомъ штаба у Наполеона состоялъ теперь Сультъ. Ней ѣхалъ уже принять начальство надъ войсками. Рейль, Эрлонъ и Фуа пріобрѣли себѣ боевой опытъ въ войнахъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Извѣстно, что двадцать два года подъ знаменами значительно цивилизовали „Дикаго гунна“, какъ прозывали маршала Вандамма. Келлерманъ покрылъ себя славою подъ Маренго, Лобао былъ извѣстенъ своей неустрашимостью, а Жераръ отличился въ кампаніи двѣнадцатаго года. Воинскія заслуги Груши казались довольно сомнительнаго свойства, но, тѣмъ не менѣе, онъ отличился подъ командою Журдана и Моро, а затѣмъ, въ продолженіи долголѣтней службы, не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы запятнать его репутацію.

Почти половина войскъ у Блюхера состояла изъ ополченцевъ. Значительная часть солдатъ въ регулярныхъ полкахъ оказывались

новобранцами, но всѣ они были прекрасно обучены и хорошо снаряжены. Одушевлявшая ихъ страстная ненависть равнялась развѣ лишь „французской фуріи“, съ которой армія Наполеона шла, чтобы сражаться за національное существованіе своей родины. Среди прусскихъ офицеровъ сохранилось еще такое уваженіе къ рутинѣ и такіе закоренѣлые аристократическіе предразсудки, что король не осмѣливался выступить противъ нихъ и нарушить традиціонное правило производства въ чины по старшинству. Для того, чтобы поставить Гнейзенау на второе мѣсто послѣ Блюхера въ командованіи арміей, пришлось дать Іорку, Клейсту и Тауенцину другія назначенія, а Бюлову поручить начальство надъ резервными войсками, долженствовавшими занимать Бельгію во время наступленія Блюхера къ Парижу. Здоровье престарѣлаго, но все еще пылкаго фельдмаршала не улучшилось вслѣдствіе кутежей за послѣдній годъ. Трое изъ находившихся у него корпусныхъ командировъ: Цитенъ, Пирхъ и Шильманъ были способными генералами, не имѣвшими, однако, до тѣхъ поръ случая особенно отличиться. Заслуженной первоклассной боевой репутаціей пользовались въ прусской арміи, выставленной противъ французовъ, единственно только Гнейзенау и Бюловъ, но имя Блюхера оказывало въ прусскихъ рядахъ могущественное дѣйствіе, и присутствіе престарѣлаго фельдмаршала вызывало настоящій энтузіазмъ. Что касается до Веллингтона, то солдаты и офицеры его арміи питали къ нему полное довѣріе и считали его талантливымъ полководцемъ. Присланные изъ Англіи новобранцы были хорошо обучены, а старослуживые солдаты представляли собою надежную боевую силу. Генералы, находившіеся подъ командою Веллингтона, точно также не обладали извѣстностью, какъ и генералы, которыми располагалъ Гнейзенау. Зато, въ большинствѣ случаевъ, это были джентльмены, съ высоко развитымъ чувствомъ долга и большой исполнительностью. Однимъ изъ корпусовъ командовалъ принцъ Оранскій, почтенный воинъ, имя котораго являлось, однако, въ данномъ случаѣ болѣе цѣннымъ, чѣмъ опытъ, пріобрѣтенный имъ на Пиренейскомъ полуостровѣ въ качествѣ адъютанта. Другимъ корпусомъ командовалъ лордъ Гилль, отличный подчиненный, способный вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться и самостоятельно. Тѣмъ не менѣе единственный англійскій генералъ, пользовавшійся извѣстностью также и заграницей, былъ Пиктонъ, которому пришлось пасть въ сраженіи подъ Ватерлоо. Что касается до боевыхъ качествъ трехъ армій, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, то каждая національность выставляетъ на видъ слабыя стороны своихъ войскъ и слишкомъ преувеличиваетъ достоинства двухъ другихъ армій. Благодаря этому ловкому маневру, собственные промахи кажутся простительными, одержанныя же побѣды пріобрѣтаютъ еще большій блескъ. Армія Наполеона была лучше организована, чѣмъ войска Веллингтона и Блюхера. Она превосходила каждую изъ нихъ порознь численностью кавалеріи и артиллеріи, но уступала имъ обѣимъ въ численности пѣхоты. Состояніе здоровья самого Наполеона было очень плохо и дѣло, за которое онъ

взялся, представлялось почти безнадежнымъ. Принимая въ разсчетъ его геніальность и личный престижъ, все-таки надо признать, что вѣроятности успѣха были противъ него, приблизительно въ отношеніи трехъ къ двумъ.

Передовые посты Цитена, подъ Шарлеруа, донесли на разсвѣтѣ 17-го іюня о видѣнныхъ ими французскихъ бивачныхъ кострахъ. Въ тотъ же вечеръ прусская цѣпь начала отступать къ Флерусу, куда постепенно двигалась и вся остальная прусская армія. Какъ-то не вѣрится, что это являлось со стороны союзниковъ первымъ шагомъ къ сосредоточенію разбросанныхъ своихъ силъ, тѣмъ болѣе, что для Веллингтона и Блюхера наступленіе французовъ не было неожиданностью. Оба главнокомандующихъ за два дня уже передъ тѣмъ знали въ общихъ чертахъ о движеніяхъ арміи Наполеона, но считали умѣстнымъ обождать, пока эти движенія вполнѣ опредѣлятся. Веллингтонъ до конца жизни непоколебимо держался того мнѣнія, что со стороны французовъ было бы въ стратегическомъ отношеніи гораздо правильнѣе маневрировать съ цѣлью обойти правое его крыло, захватить продовольственные его боевые запасы и отрѣзать ему пути сообщенія. Такой маневръ, однако, непосредственно повлекъ бы за собою соединеніе обѣихъ союзныхъ армій въ одну боевую массу, численностью вдвое происходившую французовъ и угрожавшую сообщеніямъ самого Наполеона. При такихъ обстоятельствахъ мнѣніе Веллингтона можетъ быть принято къ свѣдѣнію, какъ объясняющее, но неоправдывающее его образъ дѣйствій. На разсвѣтѣ, 15-го іюня, французскимъ войскамъ прочитанъ былъ краснорѣчивый возбуждающій приказъ по арміи, напоминавшій прежніе наполеоновскіе приказы. Войска бодро двинулись впередъ тремя колоннами. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ Рейля, выбило прусскія передовыя войска изъ Тюена, оттѣснило ихъ черезъ Маршіеннъ, овладѣло тамъ мостомъ черезъ Самбру и переправилось на лѣвый берегъ этой рѣки. Къ десяти часамъ утра операція эта была уже закончена. Въ центрѣ, гдѣ находился самъ Наполеонъ, сосредоточивались главныя силы арміи. Тамъ были войска Пажоля, Вандамма, Лобау, Эксельмана, Келлермана, Мало и гвардія. Въ движеніи ихъ произошло серьезное замедленіе, вызванное неосмотрительностью Сульта, поручившаго доставку приказаній въ корпусные штабы всего лишь одному адъютанту, который встрѣтился съ непріятельскими разъѣздами и былъ убитъ въ стычкѣ съ ними. Въ подобномъ же недосмотрѣ оказался, какъ извѣстно, виновнымъ Бертье передъ сраженіями подъ Эйлау и Ваграмомъ, и Наполеонъ не счелъ тогда нужнымъ особенно сильно его журить, но Сульту данъ былъ на этотъ разъ строгій выговоръ. Наполеонъ объявилъ промедленіе, вызванное неосмотрительностью начальника штаба, „прискорбнымъ несчастьемъ“. Дѣйствительно, было уже далеко за полдень, когда Пажоль съ авангардомъ дошелъ до Шарлеруа и послѣ жаркой стычки выгналъ оттуда пруссаковъ. Правое крыло, подъ начальствомъ Жерара, выступило въ пять часовъ утра, но вскорѣ остановилось, приведенное въ смущеніе несчастной случайностью еще болѣе

непріятнаго характера. Выяснилось, что командиръ лучшей ея дивизіи, генералъ Бурмонъ, послѣдовательно перебывавшій шуаномъ, имперіалистомъ и роялистомъ, дезертировалъ къ непріятелю съ своимъ начальникомъ штаба и восемью солдатами. Онъ присутствовалъ передъ тѣмъ на военномъ совѣтѣ, а потому обладалъ самыми точными свѣдѣніями о предположенныхъ Наполеономъ операціяхъ. Измѣна Бурмона страшно деморализовала его дивизію. Жерару пришлось потратить много времени на то, чтобы успокоить войска, преступно покинутыя ихъ командиромъ передъ лицомъ непріятеля. При такихъ обстоятельствахъ онъ лишь къ наступленію ночи дошелъ до Шатле, верстахъ въ семи ниже Шарлерау, гдѣ тоже удалось овладѣть мостомъ на Самбрѣ и переправить половину корпуса черезъ эту рѣку.

Послѣ своего прибытія въ Шарлеруа Наполеонъ цѣлыхъ четыре часа оставался въ бездѣйствіи, не зная, гдѣ находятся прочія войска его центра и съ нетерпѣніемъ ожидая отъ нихъ донесеній. За это время пруссаки успѣли безпрепятственно стянуться къ Флерусу, за исключеніемъ небольшого отряда, сосредоточившагося подъ Госсели на брюссельской дорогѣ, но безъ труда разсѣяннаго войсками Рейля. Казалось, что дорога на Катръ-Бра открыта и, когда въ половинѣ пятаго прибылъ въ главную квартиру Ней, ему поручены были войска лѣваго крыла съ словеснымъ предписаніемъ занять этотъ важный стратегическій пунктъ. По крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, Наполеонъ утверждалъ, что имъ такое предписаніе было отдано. Во всемъ остальномъ Нею предоставлялось распоряжаться самостоятельно. Если бы удалось занять Катръ-Бра, можно было бы попытаться овладѣть также и Сомбрефомъ. Шоссе между этими пунктами являлось единственнымъ путемъ для соединенія обѣихъ союзныхъ армій, а потому Наполеонъ заручился бы тогда возможностью аттаковать каждую изъ нихъ въ отдѣльности, съ вѣроятностями успѣха, даже въ томъ случаѣ, если оба послѣдовательныхъ боя произошли такъ скоро одинъ за другимъ, что фактически слились бы въ одно сраженіе. Въ дѣйствительности, однако, или Ней не понялъ отданнаго ему приказанія, или же Наполеонъ внесъ въ свои замѣтки то, что имѣлось въ виду сказать, но не было сказано въ дѣйствительности. Ней увѣрялъ, что послѣднія слова императора были: „Идите впередъ и отбросьте непріятеля“, тогда какъ Наполеонъ положительно утверждаетъ, будто приказалъ ему занять Катръ-Бра и во что бы ни стало удержать за собою этотъ важный пунктъ. Точно также является спорнымъ вопросъ: разсчитывалъ-ли Наполеонъ по овладѣніи мостами и переправѣ черезъ Самбру закончить свои операціи 15-го же числа захватомъ Катръ-Бра и Сомбрефа? Каковы бы ни были намѣренія Наполеона, но только Ней немедленно же устремился къ Госсели, оставилъ тамъ Рейля, двинулъ одну дивизію въ погоню за пруссаками, а другую направилъ съ кавалеріей Пире къ Катръ-Бра, и самъ сталъ во главѣ гвардейской кавалеріи, чтобы пособить овладѣнію этимъ важнымъ пунктомъ. Въ семь часовъ вечера его

войска, къ немалому своему изумленію, встрѣтились съ сильнымъ отрядомъ нассауцевъ изъ арміи Веллингтона, которые, пройдя Катръ-Бра, заняли селеніе Франь, верстахъ въ четырехъ впереди этого перекрестка. Нѣмцы даже и не пытались серьезно сопротивляться, но Ней вмѣсто того, чтобы немедленно же занять Катръ-Бра, остановилъ свои войска во Франѣ, а самъ помчался въ главную квартиру совѣтоваться съ Наполеономъ. У него имѣлись на это весьма благовидные предлоги. Штабъ его не былъ еще организованъ, а корпусъ Эрлона находился далеко назади. Вслѣдствіе этого Ней сознавалъ, что не располагаетъ достаточными силами для выполненія возложеннаго на него порученія. Въ это самое время Наполеонъ, не слѣзавшій съ коня съ трехъ часовъ утра и убѣдившійся, что прусскія войска не остановятся въ Флерусѣ, а отступятъ на соединеніе съ главными своими силами, вернулся назадъ въ Шарлеруа и совершенно утомленный бросился тамъ въ постель. Онъ все время выносилъ страшную пытку отъ усложненія страданій мочевого пузыря, гемороидальныхъ и разныхъ иныхъ болей, усилившихся вслѣдствіе продолжительной верховой ѣзды. Это болѣзненное состояніе повлекло за собою упадокъ духа. По крайней мѣрѣ, самъ Наполеонъ говорилъ на островѣ св. Елены, будто утратилъ тогда прежнюю увѣренность въ успѣхѣ. Во всякомъ случаѣ это представляется весьма правдоподобнымъ. День все-таки былъ въ достаточной степени удачный, но цѣною какой затраты энергіи была куплена эта удача? Несомнѣнно, что самъ Наполеонъ больше чѣмъ кто-либо сознавалъ отсутствіе хлесткой энергіи въ движеніяхъ его войскъ, или же сколько-нибудь замѣтнаго покровительства судьбы геніальнымъ его комбинаціямъ.

Блюхеръ въ продолженіи цѣлаго дня обнаруживалъ чрезвычайно пламенное усердіе. Съ самаго начала мая мѣсяца онъ не имѣлъ серьезныхъ совѣщаній съ герцогомъ Веллингтономъ, да и передъ тѣмъ все дѣло ограничилось у нихъ общимъ разговоромъ, при которомъ состоялось нѣчто вродѣ соглашенія соединить обѣ арміи гдѣ-нибудь южнѣе Сомбрефа. Прусскій фельдмаршалъ выбралъ поэтому Сомбрефъ для сосредоточенія своихъ войскъ и отданныя имъ приказанія были въ сущности удовлетворительно выполнены. До сихъ поръ, однако, осталось необъясненнымъ, отчего пруссаки не взорвали мостовъ въ Маршьеннѣ и Шатле. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказанія, посланныя Гнейзенау Бюлову, были составлены въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что этотъ послѣдній ихъ не понялъ и двинулъ свой корпусъ, въ которомъ имѣлась величайшая надобность, совершенно не туда, куда слѣдовало. Поведеніе Веллингтона, въ свою очередь, представляется совершенно загадочнымъ. Вскорѣ послѣ полудня, получивъ черезъ принца Оранскаго обстоятельныя свѣдѣнія о движеніяхъ своего противника, онъ совершенно спокойно и хладнокровно приказалъ своимъ войскамъ приготовиться къ выступленію, а въ пять часовъ пополудни двинулъ ихъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы сосредоточить всю армію подъ Нивеллемъ, самымъ восточнымъ пунктомъ, который вообще имѣлось въ виду занять. Въ десять часовъ вечера,

уѣзжая на балъ къ герцогинѣ Ричмондской, онъ далъ окончательныя инструкціи для сосредоточенія войскъ въ этомъ пунктѣ. Черезъ двадцать минутъ послѣ того, какъ принцъ Оранскій пріѣхалъ самъ на балъ съ новыми донесеніями, Веллингтонъ отослалъ его назадъ въ Катръ-Бра, а затѣмъ, пригласивъ герцога Ричмондскаго, которому предстояло командовать резервными войсками, когда они будутъ сформированы, потребовалъ себѣ карту и увелъ его въ особую комнату. Заперевъ тамъ за собою двери, англійскій фельдмаршалъ разразился крѣпкимъ словцомъ и объявилъ: „Наполеонъ меня надулъ!“ Затѣмъ онъ сообщилъ герцогу, что приказалъ арміи сосредоточиваться уже не въ Нивеллѣ, а въ Катръ-Бра, присовокупляя: „Впрочемъ, тамъ не удастся его остановить. Должно быть, придется дать ему сраженіе здѣсь“. При этомъ онъ указалъ на картѣ, ногтемъ большого пальца, Ватерлоо: Веллингтонъ выѣхалъ на передовыя позиціи лишь утромъ на слѣдующій день. Двадцать семь лѣтъ спустя, онъ началъ голословно увѣрять, будто приказалъ своей арміи сосредоточиться къ лѣвому крылу, подобно тому, какъ Блюхеръ приказалъ пруссакамъ сосредоточиваться къ правому флангу. Вечеромъ 15 іюня Катръ-Бра и Сомбрефъ не были еще въ рукахъ Наполеона, но тѣмъ не менѣе войска его занимали уже промежуточные пункты и, еслибъ на слѣдующее утро ему удалось овладѣть одновременно обоими этими мѣстечками, то первая партія въ грандіозной его игрѣ оказалась бы выигранной. Повидимому, надлежало поставить все на карту для достиженія такого результата.

Неизвѣстно, о чемъ именно говорили Ней и Наполеонъ другъ съ другомъ въ продолженіи ночи; но во всякомъ случаѣ задолго еще до разсвѣта Ней находился уже на своемъ посту, а между тѣмъ, до самаго почти полудня, ни одинъ французскій солдатъ не тронулся изъ Шарлеруа. Повидимому, самъ Наполеонъ, или Ней, или, наконецъ, они оба, были вполнѣ убѣждены, что Веллингтонъ не успѣетъ сосредоточить свою армію ранѣе чѣмъ въ сутки. Упадокъ силъ, обнаруживавшійся у Наполеона, не препятствовалъ ему, однако, исполнять обязанности главнокомандующаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что часамъ къ пяти утра онъ отправилъ Нею предварительную инструкцію, а затѣмъ, тоже раннимъ утромъ, принялъ мѣры къ переправѣ въ Шателе остальной части корпуса Жерара. Обсудивъ послѣ того альтернативу движенія прямо на Брюссель, или же удара, направленнаго на армію Блюхера, онъ, къ семи часамъ вечера, принялъ окончательное рѣшеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Можно признать почти достовѣрнымъ, что императоръ откладывалъ энергическое наступленіе, желая дать роздыхъ своимъ войскамъ, которыя пробыли передъ тѣмъ на ногахъ цѣлыхъ семнадцать часовъ. Къ девяти часамъ утра, удостовѣрившись, что Ней располагаетъ достаточными силами, Наполеонъ отдалъ этому маршалу приказаніе овладѣть Катръ-Бра, объяснивъ, что одновременно съ этимъ Груши двинется къ Сомбрефу, а самъ императоръ удовлетворится на первое время тѣмъ, что займетъ Жанблу. Затѣмъ онъ погрузился какъ будто въ летаргическое состояніе.

Груши, подъ команду которому данъ былъ отдѣльный отрядъ, получилъ отъ Наполеона письменное извѣщеніе, въ которомъ значилось, что императоръ предполагаетъ аттаковать пруссаковъ въ Сомбрефѣ и даже въ Жанблу, а затѣмъ ударитъ совмѣстно съ Неемъ на англичанъ. Планъ Наполеона былъ самъ по себѣ очень хорошъ. Императоръ съ главными силами занималъ центральную позицію, откуда могъ, вслучаѣ надобности, оказать своевременную поддержку Нею, или Груши, но геніальныя его способности были отуманены или болѣзнью, или же чрезмѣрной самоувѣренностью. Узнавъ, что пруссаки заняли Флерусъ значительными силами, онъ долго колебался двинуться туда съ большею частью арміи, держа себя такъ, какъ еслибъ былъ убѣжденъ, что тамъ находится всего лишь одинъ изъ корпусовъ Блюхера. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ противъ нихъ Вандама. Пруссаки отступили изъ Флеруса и развернулись у подошвы холма, на которомъ находилось селеніе Линьи. Прибывъ около полудня въ Флерусъ, Наполеонъ испыталъ непріятное разочарованіе. Оказалось, что противъ него стоитъ въ боевомъ порядкѣ 87.000 человѣкъ, т. е. вся армія Блюхера, за исключеніемъ корпуса Бюлова. Между тѣмъ Наполеонъ могъ сосредоточить противъ этой арміи только войска своего центра и праваго крыла. Къ тому же 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ Лобау оставлены были въ Шарлеруа въ качествѣ общаго резерва.

Рано утромъ Веллингтону, напрягавшему всѣ свои старанія, удалось сосредоточить въ Катръ-Бра довольно значительныя силы. Оставивъ ихъ подъ командой принца Оранскаго, онъ приблизительно въ часъ пополудни поѣхалъ на вѣтряную мельницу въ Бри, чтобы повидаться тамъ съ Блюхеромъ. Оба главнокомандующихъ разстались съ полной увѣренностью, что главныя силы французской арміи находятся подъ Линьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ между Блюхеромъ и Веллингтономъ состоялось словесное соглашеніе, по которому англичане обѣщались явиться на выручку къ пруссакамъ, если только не будутъ сами аттакованы. Прощаясь съ Блюхеромъ, англійскій главнокомандующій рѣзко порицалъ тактическое расположеніе прусской арміи, но Блюхеръ, проникшійся увѣренностью, что герцогъ во всякомъ случаѣ придетъ къ нему на помощь, рѣшилъ остаться на своей позиціи. Наполеонъ, съ подобнымъ же упорствомъ, старался себя увѣрить, что передъ нимъ стоитъ лишь аррьергардъ, прикрывающій отступленіе главной прусской арміи, а потому отправилъ Нею приказаніе (второе по счету) ударить съ корпусами Рейля, Эрлона и Келлермана на Катръ-Бра и уничтожить всѣ непріятельскія войска, какія тамъ окажутся. Приказаніе это было послано въ два часа пополудни. Вслѣдъ затѣмъ Вандамъ повелъ аттаку на прусскія позиціи, но встрѣтилъ сопротивленіе, неоставлявшее ни малѣйшихъ сомнѣній въ многочисленности непріятельской арміи. Наполеонъ безотлагательно написалъ тогда двѣ депеши приблизительно одинаковаго содержанія, изъ которыхъ одна отправлена была къ Нею съ адъютантомъ, а другая послана прямо Эрлону съ гвардейскимъ унтеръ-офицеромъ. Обоимъ предписывалось спѣшить къ Линьи

въ интересахъ отчизны. Эрлону, кромѣ того, объявлялось, что онъ поступаетъ изъ подъ команды Нея въ распоряженіе самого императора. Депеша заканчивалась словами: „Спѣшите какъ можно скорѣе. Вы спасете Францію и увѣнчаете себя славою". Этотъ приказъ, оригиналъ котораго отысканъ лишь недавно, чуть не погубилъ рѣшительно все. Еще до возвращенія Веллингтона въ Катръ-Бра войска Нея завязали бой съ принцемъ Оранскимъ. Къ полудню этотъ бой принялъ самый ожесточенный характеръ. При такихъ обстоятельствахъ Эрлонъ, получивъ прямое приказаніе отъ императора, пришелъ въ величайшее недоумѣніе и подъ конецъ рѣшился отправить къ Линьи лучшую свою дивизію Дюрютта. Такимъ образомъ онъ лишилъ себя возможности помочь Нею, который вслѣдствіе этого не могъ въ точности выполнить данныхъ ему инструкцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не явился своевременно также и на помощь къ Наполеону. Блюхеръ, очевидно, рѣшившійся дать во что бы ни стало сраженіе, ожидалъ появленія англійскихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока это было возможно для его пылкаго, нетерпѣливаго темперамента. Убѣдившись, что Веллингтонъ не посылаетъ ему подкрѣпленій, онъ сперва выбранилъ англичанъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а затѣмъ отдалъ роковое приказаніе аттаковать французовъ. Топографическія условія были таковы, что движеніе впередъ неизбѣжно должно было ослабить его центръ. Наполеонъ тотчасъ же это замѣтилъ и приказалъ своей гвардіи упирать въ образовавшійся интервалъ. Одно мгновеніе императоръ колебался, замѣтивъ, что противъ лѣваго его фланга показались какія-то войска. Удостовѣрившись, что это была дивизія, присланная Эрлономъ, онъ, не медля ни минуты, приказалъ рвать непріятельскій центръ. Боевая линія Блюхера была тотчасъ же сломлена, и отступленіе пруссаковъ быстро обратилось въ поспѣшное бѣгство. Самъ Блюхеръ не успѣлъ пересѣсть съ раненаго коня на другую лошадь. Бѣглецы въ суматохѣ сшибли его съ ногъ, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ безсознательномъ состояніи. Офицеры прусскаго штаба считали своего фельдмаршала убитымъ, или же взятымъ въ плѣнъ. Нѣсколько минутъ, протекшихъ прежде, чѣмъ разыскали Блюхера, оказались для союзниковъ наиболѣе производительными во всю кампанію 1815 года, такъ какъ Гнейзенау воспользовался ими, чтобы направить поспѣшно отступавшія прусскія войска къ сѣверу, на Вавръ, параллельно тому пути, по которому непремѣнно слѣдовало теперь отступать и Веллингтону, какъ бы успѣшны ни были его дѣйствія подъ Катръ-Бра. Это отступленіе, при которомъ прусская армія покидала свои пути сообщенія съ Намюромъ, обезпечило за Гнейзенау славу искуснаго стратега. Наполеонъ съ своей стороны сдѣлалъ крупный промахъ. Вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись прибытіемъ одной изъ дивизій Эрлона, организовать энергическое преслѣдованіе, которое, безъ сомнѣнія, уничтожило бы разбитую прусскую армію, онъ вообразилъ себѣ, что пруссакамъ нанесенъ достаточно тяжелый ударъ, отъ котораго они не въ состояніи будутъ вскорѣ оправиться. Онъ былъ убѣжденъ, что прусская армія бѣжитъ въ направленіи къ востоку и не могъ себѣ

представить, чтобы она въ такую критическую минуту рискнула пожертвовать своими сообщеніями. Воображая, что Блюхеръ совершенно и окончательно уже отрѣзанъ отъ Веллингтона, французскій императоръ отправилъ Пажоля съ однимъ только кавалерійскимъ корпусомъ въ погоню за разгромленнымъ врагомъ. Извѣстіе о томъ, что тысячъ пять пруссаковъ отступаютъ по намюрской дорогѣ и стараются сдерживать натиски преслѣдующей ихъ французской конницы, окончательно убѣдило Наполеона въ справедливости сдѣланнаго имъ предположенія. Онъ узналъ лишь на другой день, что это была роковая ошибка.

Почти одновременно съ сраженіемъ подъ Линьи происходила битва подъ Катръ-Бра. Въ одиннадцать часовъ Ней получилъ отъ императора приказанія, въ которыхъ намѣчена была для него въ общихъ чертахъ программа дѣйствій. Полчаса спустя прибыло категорическое предписаніе ударить на Катръ-Бра соединенными корпусами Эрлона, Рейля и Келлермана, а въ пять часовъ примчался адъютантъ съ третьимъ приказаніемъ: идти изъ Катръ-Бра къ Линьи. Въ два часа пополудни Катръ-Бра былъ занятъ всего лишь 7.000 англичанъ и бельгійцевъ, но къ нимъ быстро подходили подкрѣпленія, такъ что, въ половинѣ седьмаго, тамъ сосредоточилось уже до 30.000 человѣкъ. Въ два часа у Нея имѣлось 17.000. Хотя онъ и притянулъ къ себѣ Эрлона, но, за отсутствіемъ дивизіи Дюрютта, въ половинѣ седьмаго у него имѣлось въ общей сложности всего лишь 20.000 человѣкъ, съ которыми очевидно нельзя было выполнить данное ему предписаніе. Если бы Ней еще наканунѣ вечеромъ взялъ Катръ-Бра, или же аттаковалъ это мѣстечко утромъ, 16 числа, въ промежутокъ между одиннадцатью и двумя часами, то развязка кампаніи получилась-бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершенно иная. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что ему предписывалось только сдѣлать энергическую демонстрацію, чтобы задержать непріятеля. Если онъ дѣйствительно понялъ такимъ образомъ отданное ему приказаніе, то, безъ сомнѣнія, образъ его дѣйствій надо будетъ признать совершенно правильнымъ. Тѣмъ не менѣе, имѣющіяся фактическія данныя, во всей ихъ совокупности, заставляютъ предположить, что Ней позволилъ себѣ въ данномъ случаѣ самовольно пренебречь отданнымъ ему Наполеономъ словеснымъ приказаніемъ взять Катръ-Бра. Во всякомъ случаѣ войска, состоявшія подъ командою Нея, дрались подъ Катръ-Бра съ замѣчательнымъ мужествомъ, но, въ виду большаго численнаго превосходства, имѣвшагося на сторонѣ непріятеля, были вынуждены вернуться назадъ въ Франь. На слѣдующее утро Веллингтонъ бесѣдовалъ съ генераломъ Боульсомъ, когда прискакалъ къ нему на взмыленной лошади офицеръ генеральнаго штаба и сообщилъ шепотомъ извѣстіе о пораженіи пруссаковъ подъ Линьи. Нисколько не измѣнившись въ лицѣ, англійскій главнокомандующій сказалъ своему собесѣднику: „Старика Блюхера дьявольски лихо вздули, такъ что онъ отошелъ верстъ на тридцать назадъ къ Вавру. Если онъ отступилъ, то и мы должны послѣдовать его примѣру. Въ Англіи навѣрное

будутъ говорить, что и насъ тоже поколотили, но я лично ничего не могу тутъ подѣлать. Разъ, что пруссаки отступили, мы тоже должны отойти назадъ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ надлежащія распоряженія и, къ девяти часамъ утра, 17 іюля, армія его начала отступать по брюссельской дорогѣ. Такимъ образомъ, вообще говоря, положеніе дѣлъ къ вечеру 16 іюня оказывалось все-таки благопріятнымъ для Наполеона. Сражаясь въ двухъ пунктахъ съ непріятелемъ, превосходившимъ его въ численности, онъ одержалъ въ одномъ изъ этихъ рѣшительную побѣду и, такимъ образомъ, обезпечилъ себѣ завладѣніе тоже и другимъ пунктомъ. Безполезно вдаваться въ предположенія о томъ, что могло бы случиться, еслибъ корпусъ Бюлова находился при арміи Блюхера, а корпуса Эрлона и Лобау своевременно присоединились къ главнымъ силамъ Наполеона, или если бы произошелъ только одинъ изъ такихъ казусовъ. Фактически вѣрно, что Наполеонъ, благодаря искуснымъ своимъ стратегическимъ распоряженіямъ, овладѣлъ и Сомбрефомъ и Катръ-Бра.

Пруссаки потеряли до 20.000 человѣкъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Врачамъ пришлось порядкомъ возиться съ Блюхеромъ, чтобы поставить его на ноги, но прусская армія шла съ величайшей поспѣшностью всю ночь, а къ утру вошелъ съ нею въ связь корпусъ Бюлова, который, наконецъ, выяснилъ себѣ, куда ему слѣдовало идти. Отступленіе продолжалось въ теченіе 17 іюня. Оно представляется въ высшей степени смѣлымъ маневромъ, такъ какъ войскамъ приходилось двигаться по пересѣченной мѣстности, почти безъ дорогъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежняя продовольственная база была брошена, а потому пруссакамъ приходилось голодать до тѣхъ поръ, пока Гнейзенау не организовалъ доставки продовольствія изъ Лувена. Прусская армія бодро переносила тягости и лишенія, выпавшія ей на долю. Побѣда, одержанная подъ Ватерлоо, придаетъ еще большій блескъ этому отступательному движенію, разрушившему всѣ планы Наполеона. Французскому императору сперва и въ голову не приходило, чтобы разбитый врагъ могъ покинуть естественную продовольственную свою базу и уйти не къ Люттиху, а по какому-нибудь иному направленію. Онъ полагалъ, что союзныя арміи окончательно разъединены, а потому, давъ своимъ войскамъ продолжительный роздыхъ, рѣшилъ, по тщательномъ обсужденіи всѣхъ извѣстныхъ ему фактическихъ условій, быстро двинуться на соединеніе съ Неемъ и аттаковать армію Веллингтона тамъ, гдѣ удастся ее настигнуть. Во всякомъ случаѣ, со стороны такого полководца, какъ Наполеонъ, является совершенно непонятнымъ упущеніе принять своевременныя энергическія мѣры къ разъясненію, гдѣ именно находился разбитый врагъ. Зная рѣшительный, смѣлый характеръ Блюхера и многочисленность арміи, состоявшей подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала, Наполеонъ все-таки призналъ умѣстнымъ отрядить на всякій случай противъ него Груши съ 33.000 человѣкъ. Этотъ обсерваціонный корпусъ долженъ былъ служить заслономъ для главной арміи и съ этою цѣлью двинуться по люттихской дорогѣ, по крайней мѣрѣ, до

Намюра. Затѣмъ уже Наполеонъ счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры противъ случайности, которую считалъ неправдоподобною, хотя въ дѣйствительности она являлась уже совершившимся фактомъ, и приказалъ Груши двинуться отъ Намюра къ сѣверу и спѣшить къ Жанблу, чтобы совершенно отрѣзать пруссакамъ возможность придти на помощь Веллингтону. Во всякомъ случаѣ, Груши имѣлъ строжайшее предписаніе поддерживать все время связь между своимъ отрядомъ и главною арміей. Въ восемь часовъ утра, когда Наполеонъ вышелъ изъ своей квартиры въ Флерусѣ, генералъ Флаго ждалъ отвѣта на привезенный имъ только лишь отъ Нея запросъ относительно подробностей сраженія подъ Линьи. Императоръ тотчасъ же продиктовалъ депешу, являющуюся знаменитѣйшимъ изъ документовъ въ обширной литературѣ по поводу ватерлооской битвы. Въ этой депешѣ, увѣдомляя объ одержанной побѣдѣ, Наполеонъ порицалъ Нея за безсвязность его дѣйствій въ предшествовавшій день и категорически приказывалъ маршалу занять Катръ-Бра, и какъ это давно уже было предписано. Эрлону тоже высказывалось порицаніе за то, что онъ не прибылъ съ своимъ корпусомъ въ Сентъ-Аманъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Наполеонъ забылъ содержаніе поспѣшно набросаннаго имъ приказа Эрлону: „Portez-vous... a la hauteur de Ligny, et fondez sur St.-Amand ou vice versa; c'est ce que je ne sais bien“ (Выдвиньтесь... на высоту Линьи и ударьте на Сентъ-Аманъ, или же на Линьи; я хорошенько этого не знаю). Императоръ утверждалъ также въ своей депешѣ, что, еслибъ Ней удержалъ при себѣ Эрлона и Рейля, то ни одинъ англичанинъ не ушелъ бы изъ Катръ-Бра, а если бы, напротивъ того, Эрлонъ выполнилъ его приказаніе, то вся прусская армія была бы уничтожена. Если Ней съ войсками, имѣвшимися въ его распоряженіи, не въ силахъ овладѣть Катръ-Бра, то императоръ явится туда самъ. Сѣвъ затѣмъ въ коляску, Наполеонъ поѣхалъ въ Линьи. Лобау былъ немедленно отправленъ съ своимъ корпусомъ въ Марбе, по направленію къ Катръ-Бра. Поощривъ свои войска заслуженной похвалою и переговоривъ съ плѣнными, Наполеонъ около полудня узналъ, что войска Веллингтона все еще занимаютъ позицію подъ Катръ-Бра. Тотчасъ же послано было Нею предписаніе немедленно аттаковать англичанъ, причемъ присовокуплялось, что императоръ ѣдетъ уже въ Марбе. Это было не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Наполеонъ, передъ отъѣздомъ, долго еще бесѣдовалъ съ Груши, обстоятельно разъясняя этому генералу сущность возложеннаго на него порученія. Груши, очевидно, находилъ это порученіе для себя непосильнымъ и, подъ конецъ, объявилъ, что пруссаки слишкомъ далеко уже ушли впередъ, вслѣдствіе чего ихъ наврядъ-ли удастся еще болѣе разстроить начатымъ столь поздно преслѣдованіемъ. Возраженія его были признаны неосновательными, и Наполеонъ дружественно простился съ своимъ маршаломъ, сознавая, однако, что возложилъ важное и довольно трудное порученіе на человѣка, очевидно, необладавшаго надлежащей энергіей для выполненія такового. Встрѣченные Наполеономъ кавалерійскіе отряды, возвращавшіеся съ рекогносцировки,

высказывали сомнѣніе относительно того, что главныя силы пруссаковъ отступили дѣйствительно къ Намюру. При такихъ обстоятельствахъ отдѣльный отрядъ долженъ былъ дѣйствовать еще осмотрительнѣе. Наполеонъ продиктовалъ Бертрану новыя положительныя инструкціи для Груши и немедленно же послалъ ихъ командиру отдѣльнаго отряда, роль котораго становилась еще важнѣе. Ему предписывалось ограничиться рекогносцировкой по направленію къ Намюру, но двинуться прямо въ Жанблу и во что бы ни стало разъяснить: не идетъ-ли Блюхеръ на соединеніе съ Веллингтономъ? Разумѣется, Груши долженъ былъ заботиться о сохраненіи связи съ главной арміей, но во всемъ остальномъ ему предоставлялось поступать по собственному усмотрѣнію. Сѣвъ затѣмъ въ коляску, Наполеонъ поѣхалъ къ Катръ-Бра. Тамъ, вскочивъ на коня, онъ устремился преслѣдовать отступавшій англійскій аррьергардъ. Негодуя на то, что Ней упустилъ случай, разбить, по крайней мѣрѣ, часть арміи Веллингтона, императоръ объявилъ Эрлону: „Вы, господа, погубили Францію“. Руководя преслѣдованіемъ, Наполеонъ выказывалъ такую дѣятельность и энергію, что нѣсколько разъ выѣзжалъ подъ выстрѣлы англійской артиллеріи, пытавшейся задержать наступленіе французовъ. Что касается до Груши, то ему было и въ самомъ дѣлѣ не легко выполнить инструкціи Наполеона. Въ два часа пополудни начался сильный дождь, продолжавшійся до самаго утра. Въ Жанблу надо было идти проселками, которые отъ дождя переполнились вязкою грязью и сильно затрудняли движеніе. Лишь поздно вечеромъ стянулся къ Жанблу весь отрядъ Груши. Къ десяти часамъ вечера маршалъ этотъ началъ уже подозрѣвать, гдѣ именно находились пруссаки. Не зная еще хорошенько истиннаго положенія непріятеля и его намѣреній, онъ тотчасъ же отправилъ въ главную квартиру письмо, которое и было получено Наполеономъ въ два часа утра. Въ письмѣ этомъ Груши заявлялъ, что двинется на Вавръ, дабы не допустить пруссаковъ въ Брюссель и помѣшать соединенію ихъ съ Веллингтономъ. Нѣсколько часовъ спустя, вполнѣ убѣдившись, что Блюхеръ отступаетъ на Вавръ, Груши двинулъ свои войска туда же, по прямой дорогѣ черезъ Сартъ-а-Вальгенъ. Это было со стороны маршала величайшимъ безразсудствомъ, такъ какъ его отрядъ, наступая по правому берегу рѣки Диля, утрачивалъ всякую связь съ главными силами и лишался возможности помѣшать соединенію Блюхера съ Веллингтономъ.

Ватерлоо.

Въ ночь съ 17-го на 18-е іюня, армія Веллингтона дошла до высотъ Монъ-Сенъ-Жана, сѣверной окраинѣ которыхъ суждено было сдѣлаться полемъ знаменитаго ватерлооскаго сраженія, по поводу котораго еще и до сихъ поръ идетъ въ кружкахъ спеціалистовъ такая оживленная полемика. Отступленіе прикрывалъ аррьергардъ, состоявшій изъ пѣхотной дивизіи и сильнаго кавалерійскаго отряда, поддерживаемаго конною артиллеріей. Англи-

чане ретировались правильно и не спѣша, причемъ движеніе ихъ задерживалось до нѣкоторой степени сильнымъ дождемъ. Ней, все еще стоявшій во Франѣ, зналъ, что передъ нимъ находится далеко не одинъ только аррьергардъ. Дѣйствительно, за ночь, въ Катръ-Бра сосредоточилась значительная часть англо-бельгійской арміи. Провѣдавъ, что англичане начинаютъ отступать, французскій маршалъ немедленно-же двинулъ впередъ большую часть своей кавалеріи, чтобы содѣйствовать наступленію главныхъ силъ Наполеона. Французскія войска быстро сосредоточивались на передовой линіи и вскорѣ составили армію въ 71.500 человѣкъ съ 240 орудіями, не считая корпуса Жерара, оставленнаго въ Линьи въ качествѣ поддержки для Груши. То обстоятельство, что Веллингтонъ собирался принять бой на заранѣе уже выбранной оборонительной позиціи согласовалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ желаніями и разсчетами Наполеона. Онъ болѣе всего опасался, что англійскій фельдмаршалъ отступитъ за Суанійскій лѣсъ. Тогда Веллингтонъ обезпечилъ бы себѣ возможность войти въ связь съ Блюхеромъ, и соединеніе обѣихъ армій было бы гораздо лучше обезпечено, чѣмъ на позиціи у Монъ-Сенъ-Жана. Рекогносцировка, произведенная французской кавалеріей, разсѣяла всѣ эти опасенія. Въ сумерки авангардъ Наполеона расположился бивуаками на фермѣ Белль-Альянсъ, гдѣ его отдѣляла отъ непріятеля лишь широкая, но не глубокая лощина. Остальная армія еще шла. частью по дорогѣ, частью же по вспаханнымъ, низменнымъ полямъ, на которыхъ земля превратилась отъ дождя въ густое мѣсиво грязи. Приходилось переправляться черезъ притоки Диля, въ которыхъ вода значительно поднялась, а затѣмъ пробираться по болотистымъ лугамъ на ихъ берегахъ. Армія Веллингтона, пройдя тамъ уже раньше, забрала всю провизію и фуражъ. Кромѣ того, она имѣла возможность разложить костры, возлѣ которыхъ можно было погрѣться и обсушиться. У французовъ, напротивъ того, ощущался недостатокъ въ продовольствіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ пришлось провести ночь на поляхъ безъ всякаго крова. За неимѣніемъ дровъ нельзя было разложить даже и костры. У Веллингтона имѣлось въ общей сложности 68.000 человѣкъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ праваго его фланга, въ Галѣ, стоялъ еще восемнадцатитысячный корпусъ; а въ двѣнадцати верстахъ отъ лѣваго фланга и въ двадцати отъ Ватерлоо, главной квартиры Веллингтона, находились уже войска Блюхера. Веллингтонъ далъ знать прусскому фельдмаршалу, что отступитъ къ Брюсселю, если не получитъ подкрѣпленія. Блюхеръ увѣдомилъ въ два часа ночи англійскаго главнокомандующаго, что непремѣнно его поддержитъ. Наполеонъ въ свою очередь утверждаетъ, будто ночью, съ 17-го на 18-е іюня, дважды посылалъ къ Груши офицеровъ съ приказаніемъ отрядить 7.000 человѣкъ изъ Вавра (гдѣ, по мнѣнію французскаго императора, долженъ былъ тогда находиться Груши) и двинуть ихъ въ Сенъ-Ламберъ, чтобы возстановить такимъ образомъ связь съ главною арміей. Такое движеніе, разумѣется, совершенно отрѣзало бы Блюхера отъ Веллингтона. Заявленіе императора оказы-

вается голословнымъ и объясняется довольно прозрачными мотивами. Если бы союзники были дѣйствительно разъединены, то со сто-

Фельдмаршалъ герцогъ Веллингтонъ.
(Съ портрета сэра Томаса Лауренса).

роны Наполеона не было бы сдѣлано непростительнаго промаха, и его маневръ оказался бы совершенно правильнымъ. Напротивъ того, при существованіи для нихъ возможности соединиться и въ

виду состоявшагося уже на этотъ счетъ между ними соглашенія, оказывалось, что Наполеонъ поставилъ себя самъ въ затруднительное положеніе, выбраться изъ котораго было уже не легко.

Груши категорически отрицаетъ полученіе двухъ послѣднихъ приказовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осталось невыясненнымъ, кто именно были офицеры, долженствовавшіе передать ихъ ему. Черновыя этихъ приказовъ не удалось разыскать и, въ довершеніе всего, на другой день въ диспозиціяхъ къ бою и приказахъ по арміи не упоминается о томъ, чтобы императоръ сдѣлалъ подобныя распоряженія. Въ виду всего этого необходимо допустить—или, что двукратныя заявленія Наполеона на островѣ Св. Елены обусловливались забывчивостью, вслѣдствіе которой онъ смѣшалъ свои намѣренія и предположенія съ тѣмъ, что было имъ дѣйствительно выполнено, или же—надо допустить, что императоръ умысленно искажалъ истину, дабы свалить неудачу кампаніи на нераспорядительность Груши. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что у самого этого маршала совѣсть была нечиста. Въ продолженіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ Груши умалчивалъ о письменномъ приказѣ, полученномъ черезъ Бертрана и не занесенномъ въ книгу главнаго штаба, такъ какъ онъ былъ продиктованъ Бертрану, а не Сульту. Въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ Груши утверждалъ, будто ему даны были только словесныя приказанія, а когда, по прошествіи этого срока, напечаталъ, наконецъ, точный текстъ данныхъ ему письменныхъ инструкцій, онъ приложилъ къ нему умышленно искаженный текстъ собственнаго своего донесенія изъ Жанблу въ ночь съ 17-го на 18-е іюня. Маршалъ силился такимъ образомъ доказать, что вовсе не считалъ главною своей задачей препятствовать соединенію союзныхъ армій, а помышлялъ главнымъ образомъ о нападеніи на пруссаковъ. Письмо Груши, отправленное часовъ въ десять вечера, было получено въ главной квартирѣ Наполеона въ два часа утра, на другой день, т. е. 18-го іюня. Самъ императоръ и начальникъ его штаба, Сультъ, знали тогда уже, что вся прусская армія идетъ къ Вавру. При всемъ томъ они не дали Груши съ возвращавшимся адъютантомъ никакихъ обстоятельныхъ инструкцій. Маршалу предоставлялось дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, очевидно, вслѣдствіе увѣренности, что онъ самъ къ тому времени успѣетъ еще обстоятельнѣе выяснить себѣ истинное положеніе дѣлъ и врѣжется клиномъ между пруссаками и арміей Веллингтона. Сторонники Наполеона строго порицаютъ Груши за то, что онъ, рано утромъ 18-го іюня, не двинулся въ Мустье, гдѣ, при надлежащей энергіи, могъ бы переправиться со всѣмъ своимъ отрядомъ къ одиннадцати часамъ утра на лѣвый берегъ Диля, и такимъ образомъ ввелъ бы свои войска въ сферу дѣйствія главной арміи. Быть можетъ, ему удалось бы тогда предупредить соединеніе союзныхъ армій, а, въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ подкрѣпить главную армію въ рѣшающій моментъ боя. Мемуары Марбо свидѣтельствуютъ, что Наполеонъ дѣйствительно ожидалъ прибытія войскъ Груши со стороны Мустье. По мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ спеціалистовъ, подобное движеніе представлялось, однако,

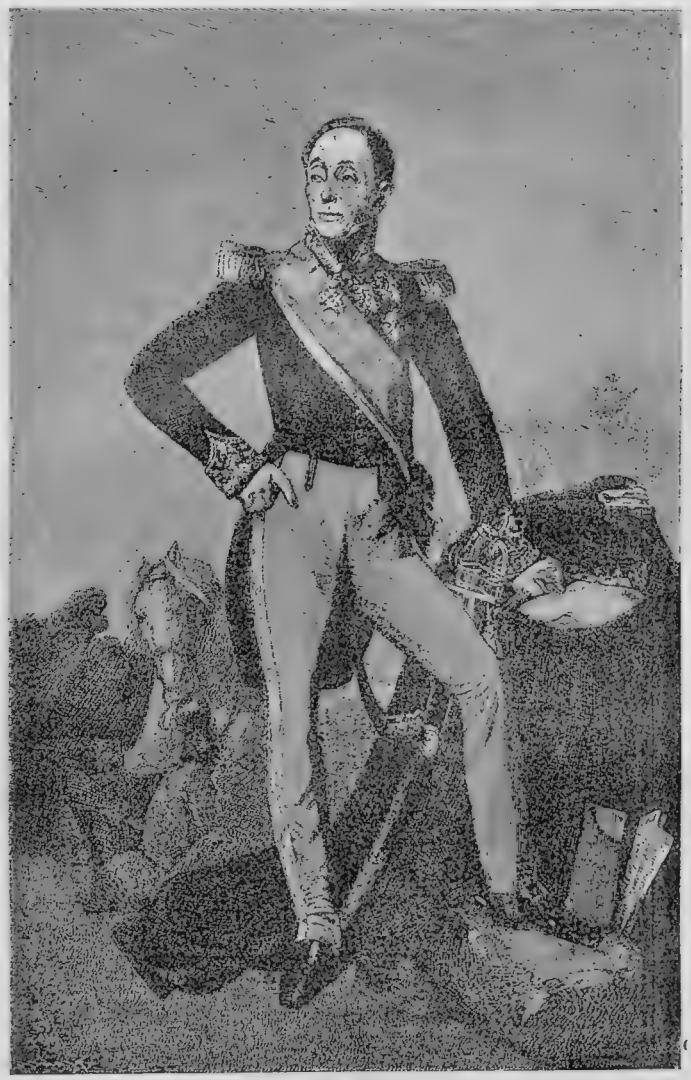
рискованнымъ. Дороги были до такой степени плохи, что, послѣ проливнаго дождя, артиллерія могла бы двигаться по нимъ развѣ лишь очень медленно. Къ тому же прусскіе разъѣзды успѣли бы, пожалуй, своевременно увѣдомить главныя силы Блюхера объ этомъ движеніи, и пруссаки постарались бы тогда принять мѣры къ воспрепятствованію переправѣ отряда Груши черезъ Дилль въ Мустье или же въ любомъ иномъ мѣстѣ. Необходимо принять также во вниманіе, что Груши, вѣроятно, не зналъ о намѣреніи Веллингтона принять бой передъ Суанійскимъ лѣсомъ. По мнѣнію Наполеона и многихъ другихъ менѣе компетентныхъ экспертовъ, такое рѣшеніе со стороны англійскаго главнокомандующаго являлось серьезнымъ промахомъ. Повидимому, Груши былъ убѣжденъ, что англійская и прусская армія имѣютъ въ виду соединиться подъ Брюсселемъ и дать тамъ генеральное сраженіе. Когда, наконецъ, въ Вальгенѣ стала явственно слышаться пушечная пальба съ поля сраженія подъ Ватерлоо, Жераръ энергически настаивалъ на необходимости тотчасъ же идти на выстрѣлы. Груши на это не согласился и, по строгому смыслу, имѣвшагося у него письменнаго приказа, а также словесныхъ инструкцій, поскольку онъ себѣ ихъ уяснилъ, рѣшилъ, напротивъ того, нанести пруссакамъ ударъ въ Ваврѣ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ полагалъ, что Наполеонъ, безъ сомнѣнія, уже разбилъ Веллингтона, и что надо лишь помѣшать соединенію англичанъ съ прусскою арміей. Впрочемъ, если бы Груши двинулся прямо на выстрѣлы къ Монъ-Сенъ-Жану, то ему навряд-ли удалось бы измѣнить этимъ ходъ событій. Надлежало идти верстъ двадцать по самымъ труднымъ дорогамъ. Наканунѣ войска Груши прошли въ девять часовъ немногимъ болѣе половины этого разстоянія.

Самъ Наполеонъ, очевидно, не ожидалъ, чтобъ пруссаки могли такъ быстро оправиться отъ нанесеннаго имъ пораженія. На зарѣ дождь пересталъ, и Наполеонъ употребилъ нѣсколько часовъ на производство самыхъ тщательныхъ рекогносцировокъ. Грязь оказывалась мѣстами до такой степени вязкой, что императоръ лишь съ посторонней помощью вытаскивалъ изъ нея ноги. Существуетъ анекдотъ, будто за завтракомъ Наполеонъ объявилъ, что счастье никогда еще не благопріятствовало ему въ такой степени. На замѣчаніе относительно возможности Блюхеру чего добраго придти еще на помощь англичанамъ, онъ возразилъ, что для приведенія прусской арміи въ порядокъ надо затратить по меньшей мѣрѣ три дня! Все это согласуется съ неоднократно высказывавшимися Наполеономъ собственными его преувеличенными представленіями о разгромѣ прусской арміи подъ Линьи. Сопоставляя это предвзятое мнѣніе съ фактическими трудностями, которыя встрѣчало движеніе артиллеріи, можно, пожалуй, усмотрѣть здѣсь нѣкоторое, хотя и недостаточное, основаніе тому, что Наполеонъ такъ поздно повелъ 18-го іюня аттаку противъ арміи Веллингтона. Этимъ же объясняется, отчасти, небрежность, выразившаяся въ предоставленіи Груши полной свободы дѣйствій. Въ восемь часовъ утра планъ сраженія былъ уже набросанъ. Въ девять разосланы были прика-

занія по всей линіи. Часамъ къ десяти, измученный, но увѣренный въ побѣдѣ императоръ прилегъ заснуть на часокъ, а въ одиннадцать онъ сѣлъ на коня и проѣхалъ по брюссельскому шоссе на ферму Белль-Альянсъ. Вѣроятно, что во время его сна послана была начальникомъ штаба къ маршалу Груши депеша, помѣченная десятью часами утра и предписывавшая этому маршалу маневрировать черезъ Вавръ, дабы войти въ связь съ главною арміей. Хотя, по свѣдѣніямъ Марбо, Наполеонъ разсчитывалъ, что Груши подойдетъ послѣ полудня со стороны Мустье, ровно въ часъ была послана этому маршалу другая депеша, о которой императоръ, безъ сомнѣнія, зналъ. Между тѣмъ, въ этой депешѣ одобрялось намѣреніе Груши идти на Вавръ черезъ Сартъ-а-Вальгенъ, причемъ, однако, предписывалось «маневрировать во всякомъ случаѣ въ нашемъ направленіи». Въ припискѣ ко второму приказу заявляется о необходимости торопиться, такъ какъ Бюловъ находится, вѣроятно, уже на высотѣ Сенъ-Ламберта. Очевидно, что Наполеонъ и Сультъ, предоставляя Груши такую широкую свободу дѣйствій, разсчитывали тѣмъ не менѣе, что онъ будетъ поддерживать связь съ главными силами, позаботится отрѣзать Блюхера отъ Веллингтона и во всякомъ случаѣ не допуститъ пруссаковъ принять участіе въ сраженіи. Какъ бы ни было, часы, проведенные Наполеономъ въ бездѣйствіи, употреблялись его врагами съ величайшею для себя пользой. Въ полдень Бюловъ находился уже въ Сенъ-Ламбертѣ, а два другихъ прусскихъ корпуса выступали изъ Вавра. Движенія эти казались запоздалыми, но Гнейзенау не довѣрялъ Веллингтону, который дѣйствительно не выполнилъ своего обѣщанія поддержать пруссаковъ подъ Линьи. Сомнѣваясь въ томъ, что англійскій фельдмаршалъ рѣшится дать отпоръ французамъ подъ Ватерлоо, прусскій начальникъ штаба опасался, чтобъ армія Блюхера не оказалась опять оставленною на произволъ судьбы. Въ случаѣ отступленія Веллингтона къ Брюсселю, пруссакамъ пришлось бы отходить къ Лувену, или же быть снова разбитыми наголову. Эти опасенія разсѣялись лишь послѣ того какъ, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами утра, загремѣли пушечные выстрѣлы. Тогда только пруссаки быстро двинулись на соединеніе съ англичанами. Къ четыремъ часамъ пополудни они были уже въ готовности ударить во флангъ арміи Наполеона. Груши, дойдя, какъ разъ, въ это время до Вавра, нашелъ тамъ всего лишь одинъ изъ корпусовъ арміи Блюхера, состоявшій подъ командою Тильмана.

Вернувшись изъ Белль-Альянсъ, Наполеонъ избралъ себѣ наблюдательный постъ на Россомскомъ холмѣ. Передъ нимъ разстилалась долина, шириною приблизительно версты въ полторы. Ее пересѣкала большая дорога, тянувшаяся по прямой линіи до большой фермы Ла-Гэ-Сентъ, лежавшей на противоположной сторонѣ. Оттуда дорога отлого подымалась на первый гребень, проходила мимо деревушки Монъ-Сенъ-Жанъ, а затѣмъ взбиралась еще выше, на второй гребень высотъ, откуда спускалась опять въ лощину. Въ Монъ-Сенъ-Жанъ находился центръ арміи Веллингтона. Шоссе изъ Не-

веля въ Брюссель пересѣкало долину приблизительно въ полуверстѣ къ западу отъ большой дороги. На этомъ шоссе, въ долинѣ, какъразъ посерединѣ между двумя склонами, лежала Гугомонская ферма



Эммануель маркизъ де-Груши.
(Съ картины Рульяра въ Версальскомъ музеѣ).

съ каменными амбарами. Приблизительно въ верстѣ восточнѣе Монъ-Сенъ-Жана, въ томъ направленіи, откуда надлежало прибыть прусакамъ, разбросано было нѣсколько другихъ фермъ: Папелоттская, Логе, Смогенская и Фришармонская. Долина была покрыта туч-

ными полями, на которыхъ вызрѣвали уже хлѣба. Тамъ не было ни рвовъ, ни заборовъ, но зато вдоль посерединѣ ее пересѣкалъ бугоръ крестообразной формы, отроги котораго достигали съ одной стороны до Белль-Алльянсъ, а съ другой—заходили за Гугомонскую ферму. Большая дорога шла сквозь выемку въ продольномъ хребтѣ этого бугра. Гугомонская ферма представляла собою настоящую крѣпость, такъ какъ была обнесена толстыми кирпичными стѣнами со рвомъ впереди. Она стояла въ большомъ фруктовомъ саду, окруженномъ надежнымъ заборомъ. Домъ въ Ла-Гэ-Сентъ былъ тоже кирпичный, и образовалъ одну изъ сторонъ четыреугольника, дополнявшагося двумя амбарами и прочнымъ заборомъ тоже изъ кирпича. Постройки эти не были такими же прочными и солидными, какъ на Гугомонской фермѣ, но тѣмъ не менѣе являлись сильнымъ передовымъ укрѣпленіемъ, оборонявшимъ подступы къ Монъ-Сенъ-Жану. Правое крыло и центръ Веллингтона были такимъ образомъ хорошо прикрыты, лѣвое же крыло превосходно защищалось поименованными уже небольшими фермами. Армія его стояла развернутая въ три линіи, изъ которыхъ лишь первая была вполнѣ на виду у французовъ. Вторая линія отчасти уже скрывалась за гребнемъ возвышенности, третья-же оказывалась совершенно спрятанной за нимъ. Главная квартира Веллингтона находилась въ Ватерлоо, въ трехъ верстахъ сѣвернѣе Монъ-Сенъ-Жана. Главный путь отступленія къ Брюсселю прерывался Суанійскимъ лѣсомъ, но имѣлись два другихъ пути, изъ которыхъ одинъ велъ къ морю, а другой на Вавръ. Линія отступленія къ морю прикрывалась расположеннымъ въ Галѣ восемнадцатитысячнымъ корпусомъ. Не надѣясь на стойкость голландскихъ и бельгійскихъ своихъ войскъ, Веллингтонъ тщательно размѣстилъ ихъ между англійскими и нѣмецкими полками, чтобы предотвратить такимъ образомъ возможность общей паники. Передъ наблюдательнымъ постомъ Наполеона развертывалась тоже въ трехъ линіяхъ и французская армія. Въ первой линіи, тянувшейся отъ Фришемона до нивелльской дороги, стояли два пѣхотныхъ корпуса, по обѣимъ сторонамъ фермы Белль-Алльянсъ. На правомъ и лѣвомъ ея крылѣ находилось по кавалерійскому корпусу. Всей этой линіей командовалъ Ней. Вторая линія была короче первой. На флангахъ у нея стояла тоже кавалерія, а въ центрѣ находились двѣ дивизіи: одна пѣхотная, другая кавалерійская. Въ третьей линіи, образовавшей собою резервъ, стояла гвардія. При каждой линіи имѣлось надлежащее количество артиллеріи, расположенное вдоль большой дороги. Со стороны непріятеля французская армія казалась развернутой въ формѣ вѣера, сосредоточивавшагося къ тылу. Она представляла собою блестящее зрѣлище, такъ какъ каждый пѣхотинецъ и всадникъ были на виду, и численностью превышала на 4.000 человѣкъ непріятельскую армію. Къ одиннадцати часамъ утра почва достаточно подсохла для того, чтобы обезпечить французамъ возможность воспользоваться преимуществомъ своимъ въ артиллеріи. Отъ времени до времени являлись къ нимъ на передовые посты перебѣжчики отъ непріятеля. Безъ сомнѣнія, все это должно было производить мо-

гущественное впечатлѣніе на разношерстныя англо-бельгійскія войска, расположенныя по другую сторону долины. Надо принять, впрочемъ, во вниманіе, что единственнымъ годнымъ для французовъ путемъ отступленія являлась дорога на Шарлеруа, да и она проходила сквозь глубокую выемку. Солдаты были очень утомлены и притомъ не могли считаться первоклассною боевою силой. Въ армейскихъ полкахъ половина наличнаго состава оказывалась изъ рекрутъ. Даже и въ гвардіи ихъ насчитывалось приблизительно 25%. Большинство опытныхъ унтеръ-офицеровъ пришлось произвести въ офицерскіе чины и замѣнить ихъ людьми, нуждавшимися еще въ строгомъ контролѣ со стороны ближайшаго начальства. Это заставило прибѣгать къ глубокому строю, который не только уменьшалъ длину линіи огня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставлялъ войска нести большой уронъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Наскоро собранная французская кавалерія значительно уступала по качеству не только англійской, но даже и германской конницѣ.

Занявъ свой наблюдательный постъ, Наполеонъ въ традиціонномъ своемъ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ стоялъ тамъ нѣсколько мгновеній неподвижно. Войска, сквозь ряды которыхъ онъ проѣзжалъ, встрѣчали его съ энтузіазмомъ, и очевидно, что присутствіе императора производило на нихъ попрежнему чарующее дѣйствіе. Въ этотъ критическій моментъ онъ, казалось, держалъ судьбу въ собственныхъ рукахъ. Онъ мечталъ уже о возможности разгромить двухъ непримиримѣйшихъ своихъ враговъ и какъ-нибудь умиротворить двухъ другихъ, не столь прямо заинтересованныхъ въ его гибели. Онъ надѣялся покрыть себя новой славою и упрочить за собою имперію. Разсудокъ долженъ былъ, однако, нашептывать Наполеону, что эта греза являлась въ дѣйствительности только самообманомъ, такъ какъ, послѣ Пейшвицкаго перемирія, Россія и Австрія оказывались столь же ожесточенными его врагами, какъ Австрія и Пруссія, хотя и не выказывали свою вражду съ такою искренностью. На лицѣ Наполеона отражалось какъ физическое, такъ и духовное страданіе. Чрезмѣрная его самоувѣренность и обусловленная ею мѣшкотность служили симптомами упадка силъ. Напряженіе, въ которомъ онъ находился за послѣдніе три дня, могло бы, впрочемъ, сломить любого здороваго человѣка, а въ данномъ случаѣ оно дѣйствовало на почвѣ чрезмѣрной затраты тѣлесной и духовной энергіи въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ. 18-е іюня приходилось въ понедѣльникъ, но всюду царило спокойствіе, напоминавшее воскресный день. Погода стояла пасмурная и жаркая. Воздухъ былъ, казалось, пропитанъ сырымъ душнымъ зноемъ. Обѣ стоявшія другъ противъ друга арміи пребывали въ выжидательномъ молчаніи, съ энергической рѣшимостью завязать другъ съ другомъ смертельный бой. Веллингтонъ находилъ западное свое крыло въ достаточной степени прикрытымъ. Онъ счелъ бы себя въ полной безопасности, еслибъ вся прусская армія могла своевременно подоспѣть туда, гдѣ находился уже ея авангардъ. Англичанамъ надлежало поэтому маневрировать къ востоку и заботиться о сохраненіи связи съ прус-

саками. Наполеону въ свою очередь надлежало, раздавивъ британскій центръ и лѣвое крыло, отбросить всю армію Веллингтона къ правому ея флангу, дабы вторично разъединить такимъ образомъ союзниковъ. Съ этой цѣлью онъ рѣшился произвести демонстрацію противъ Гугомонской фермы и такимъ образомъ привлечь резервы Веллингтона къ правому его крылу, послѣ чего было бы достаточно одного энергическаго удара, чтобы сломить остальную часть боевой линіи и отбросить ее къ западу, въ сторону отъ Брюсселя. Планъ этомъ самъ по себѣ отличался грандіозною простотой, какъ и всѣ вообще стратегическія идеи Наполеона въ теченіе кампаніи 1815-го года. Выполненіе его оказалось, однако, столь же мѣшкотнымъ и вялымъ, какъ и всѣ вообще движенія французской арміи въ кампанію, за исключеніемъ перваго великолѣпнаго марша, который привелъ къ сосредоточенію на передовой линіи. У французовъ не было недостатка въ личной храбрости, но, съ самаго начала кампаніи, у нихъ обнаруживался недостатокъ раціональнаго взаимнаго содѣйствія со стороны отдѣльныхъ полковъ, дивизій и корпусовъ, равно какъ отсутствіе личнаго самопожертвованія дивизіонныхъ и корпусныхъ командировъ, которые соглашались бы стушевываться въ организованномъ движеніи, вполнѣ подчиняясь единой руководящей волѣ главнокомандующаго.

Наполеонъ привѣтствовалъ Веллингтона огнемъ 120 орудій, направленнымъ противъ центра и лѣваго крыла англичанъ. Вообще говоря, огонь этотъ былъ довольно недѣйствительнымъ, хотя, впрочемъ, дымъ пушечной пальбы отчасти прикрылъ первое наступательное движеніе французскихъ войскъ, а именно аттаку Гугомонской фермы лѣвымъ фланговымъ корпусомъ Рейля. Онъ состоялъ изъ трехъ дивизій, подъ начальствомъ Башелю, Фуа и принца Жерома, которому данъ былъ въ руководители Гильемено. Имѣя передъ собою цѣпь стрѣлковъ, колонна Жерома прикрылась отчасти лѣсомъ, находившимся къ юго-западу отъ Гугомонской фермы, но встрѣтила энергическое сопротивленіе. На опушкѣ фруктоваго сада стояли нассаусцы, ганноверцы и отрядъ англійскихъ гвардейцевъ. Все это были отборные люди, а позади, на высотѣ, была расположена англійская баттарея. Двѣ другія дивизіи Рейля быстро подвигались впередъ и въ продолженіи нѣкотораго времени имѣли, повидимому, существенный успѣхъ. Правда что, встрѣченные сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и убійственной ружейной пальбою изъ бойницъ, прорѣзанныхъ въ стѣнахъ Гугомонской фермы, аттакующіе начали колебаться. Тѣмъ не менѣе они, ободряемые собственной своей многочисленностью, все-таки шли впередъ. Бригада Бодуена охватила даже ферму съ тыла, прогнала англійскихъ гвардейцевъ, стоявшихъ передъ сѣверными ея воротами и аттаковала эти ворота. Нѣсколько человѣкъ уже ворвались туда, и можно было ожидать, что первая аттака Наполеона увѣнчается полнымъ успѣхомъ, когда пятеро англичанъ, напрягая всѣ силы, захлопнули тяжелыя ворота передъ самымъ носомъ аттакующихъ. Одному безстрашному французскому

гренадеру удалось перелѣзть черезъ заборъ, но онъ и его товарищи, находившіеся внутри двора, были немедленно же убиты. Второй приступъ, произведенный тоже съ сѣверной стороны, не удался. Столь же безплодными были приступы противъ западной и восточной ограды Гугомонской фермы. Всѣ они были отражены англійскими гвардейцами, которые, выдвинувшись впередъ изъ фермы, оттѣснили французовъ въ лѣсъ, но не могли выбить ихъ оттуда. Эти кровопролитныя аттаки производились въ противность приказаніямъ корпуснаго командира. Войска его должны были ограничиться только демонстраціей, но въ разгаръ боя ихъ нельзя уже было удержать.

Сэръ Томасъ Пиктонъ.
(Съ портрета Ши).

Вторымъ фазисомъ сраженія являлась главная аттака, произведенная корпусомъ Эрлона на лѣвое крыло англійской арміи. Въ первомъ часу пополудни, захваченъ былъ прусскій гусаръ съ запискою, въ которой Блюхеръ увѣдомлялъ Веллингтона, что идетъ къ нему на помощь. Немедленно сдѣлана была упомянутая уже приписка ко второй депешѣ, посланной маршалу Груши. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ принялъ мѣры къ нанесенію рѣшительнаго удара англійской арміи. Онъ чувствовалъ себя въ это время такъ плохо, что вынужденъ былъ сойти съ коня. Сидя у стола, на которомъ была разложена карта, императоръ, по словамъ очевидцевъ, то и дѣло впадалъ въ дремоту и мгновенно опять изъ нея пробуждался. Ней и Эрлонъ, которымъ приходилось распоряжаться самимъ на полѣ сраженія, выработали для аттаки построеніе такое сложное, что оно оказалось практически неосуществимымъ. Происшедшая при этомъ суматоха маскировалась безпрерывнымъ ужа-

сающимъ и смертоноснымъ артиллерійскимъ огнемъ. По истеченіи нѣкотораго времени все пришло, однако, въ порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ возможной фланговой аттаки со стороны пруссаковъ, а затѣмъ корпусъ Эрлона двинулся впередъ четырьмя колоннами подъ начальствомъ Донзело, Алли, Марконье и Дюрютта. Противъ нихъ стоялъ сильно пострадавшій уже отъ артиллерійскаго огня корпусъ Пиктона, а также нѣсколько голландскихъ и бельгійскихъ полковъ, мужество которыхъ, казавшееся всегда довольно сомнительнымъ, было на этотъ разъ совершенно подавлено тѣмъ обстоятельствомъ, что англичане приняли ихъ по ошибкѣ за французовъ (вслѣдствіе сходства ихъ мундировъ съ французскими) и встрѣтили дружнымъ ружейнымъ огнемъ чуть не въ упоръ. Дюрюттъ, на крайнемъ правомъ флангѣ, овладѣлъ Папелоттскою фермой, но былъ оттуда немедленно выбитъ. Бой сосредоточился тогда за овладѣніе фермою Ла-Гэ-Сентъ. Садъ и огородъ мигомъ очутились въ рукахъ французовъ. Зданія фермы не были надлежащимъ образомъ приведены въ оборонительное состояніе, но маіоръ Берингъ, командовавшій защищавшими ее войсками, держался тамъ съ геройскимъ мужествомъ. Аттакующіе, которыхъ поддерживала до тѣхъ поръ артиллерія, стрѣлявшая залпами надъ ихъ головами, начали взбираться на гребень возвышенности, окаймлявшей долину, вслѣдствіе чего орудія должны были замолчать. Зато громкіе боевые крики французовъ оглашали воздухъ. Голландцы и бельгійцы, стоявшіе въ первой линіи, заслышавъ приближавшіеся грозные возгласы, дали тылъ. Несмотря на насмѣшки и угрозы англійскихъ гренадеръ и солдатъ королевскаго шотландскаго полка, они бѣжали безостановочно до тѣхъ поръ, пока не достигли безопаснаго мѣста, гдѣ остановились и снова построились. Пиктонъ остался такимъ образомъ безъ всякой поддержки, но въ это рѣшающее мгновеніе генералу Донзело вздумалось примѣнить опять новое тактическое построеніе, вслѣдствіе чего въ его рядахъ произошло маленькое замѣшательство. Пиктонъ воспользовался этимъ, дабы ударить на французовъ. Англійская артиллерія поддержала его аттаку убійственнымъ огнемъ, и французы были отброшены назадъ. Самъ Пиктонъ былъ при этомъ смертельно раненъ, но одержанный имъ успѣхъ дозволилъ Веллингтону привести къ рѣшительному пункту свою пѣхоту и послать англійскую конницу противъ французскаго кавалерійскаго отряда, который, подъ начальствомъ Русселя, очистилъ уже отъ непріятельскихъ стрѣлковъ поля вокругъ Ла-Гэ-Сентъ и быстро подходилъ теперь, чтобъ поддержать аттаку Эрлона. Полкамъ Сумсета и Понсонби приказано было ударить на французскую конницу. Завязалась жестокая сѣча, но французская кавалерія, наконецъ, подалась, и вся линія Эрлона отхлынула назадъ въ порядкѣ. Англичане пытались нѣсколько разъ ее разстроить смѣлыми контръ-аттаками, но всѣ ихъ попытки были отражены. Грозный ударъ, съ помощью котораго Наполеонъ разсчитывалъ склонить побѣду на свою сторону, во всякомъ случаѣ не увѣнчался успѣхомъ. Тѣмъ временемъ подъ Гугомономъ шелъ еще де-

монстративный бой, а пруссаки хотя еще не показывались на полѣ сраженія, но уже начинали строиться за лѣсомъ Пари въ боевой порядокъ.

Передъ возобновленіемъ рѣшительнаго боя наступила долгая, зловѣщая пауза. Веллингтонъ воспользовался ею, чтобъ подкрѣпить разгромленное свое лѣвое крыло, а Наполеонъ сформировалъ, подъ начальствомъ Лобау, особый отрядъ, на который возложено было отраженіе прусской фланговой аттаки. Нею хотѣлось загладить свою неудачу новой фронтальной аттакой на Веллингтона, Наполеонъ разрѣшилъ ему это, или, по крайней мѣрѣ, ничего не возразилъ. Французская артиллерія продолжала громить англійскую боевую линію, а тѣмъ временемъ Ней собралъ въ центрѣ самую большую массу кавалеріи, когда-либо ходившую въ аттаку на европейскомъ полѣ сраженія. Громада эта состояла изъ 12,000 тяжелой и легкой конницы. Маршалъ имѣлъ въ виду поддержать Рейля, все еще пытавшагося овладѣть Гугомонской фермой, а затѣмъ прорвать съ правой стороны центръ Веллингтона. Колонна Донзело, приведенная опять въ порядокъ, устремилась прямо на Гэ-Сентъ, а массы французской кавалеріи начали быстро подыматься на гребень высотъ. Артиллеристы Веллингтона, стоявшіе безъ всякаго прикрытія, продолжали стрѣлять до тѣхъ поръ, пока аттакующіе не подошли къ нимъ на сорокъ шаговъ, а затѣмъ, давъ послѣдній залпъ, обратились въ бѣгство. Французы на мгновенье замялись, но тотчасъ же устремились впередъ съ громкими восторженными возгласами. Передъ французскою конницей стояли пустыя внутри англійскія каре, построенныя въ четыре шеренги. Первая шеренга стояла на колѣняхъ, вторая держала ружья на руку, а двѣ заднія стрѣляли залпами. Всадники, не рѣшаясь ударить на эти каре, сверкавшія стальной щетиной штыковъ, мчались вдоль сомкнутыхъ рядовъ, стрѣляя изъ пистолетовъ и размахивая саблями, пока наконецъ не утомились отъ этихъ безцѣльныхъ усилій, въ продолженіи которыхъ англичане разстрѣливали ихъ въ упоръ. Утверждаютъ, будто кавалерійская бригада Дюбуа, не зная мѣстныхъ условій, слетѣла на полномъ карьерѣ въ оврагъ, гдѣ, впослѣдствіи, будто бы нашли и схоронили полторы тысячи человѣческихъ и двѣ тысячи конскихъ труповъ. Англійская резервная конница, поддержанная огнемъ пѣхоты и нѣсколькихъ наскоро собранныхъ баттарей, окончательно отразила эту первую кавалерійскую аттаку Нея. Вторая аттака была отброшена подобнымъ же образомъ. Неустрашимый маршалъ потребовалъ тогда покрѣпленія, и ему было прислано еще 37 эскадроновъ. Наполеонъ отправилъ къ нему драгунъ Келлермана, въ качествѣ послѣдняго имѣвшагося подъ рукой свободнаго кавалерійскаго резерва. Дивизія тяжелой гвардейской кавалеріи, подъ начальствомъ Гюйо, тоже приняла участіе въ этой аттакѣ. По однимъ свѣдѣніямъ она была вытребована Неемъ, а по другимъ явилась сама, чтобы поддержать товарищей. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ впослѣдствіи, потому что, въ дальнѣйшей стадіи боя, отсутствіе этой дивизіи тамъ, гдѣ ей надлежало находиться, существенно повліяло на исходъ сраженія. Усиленная

свѣжими подкрѣпленіями кавалерія Нея нѣсколько разъ бросалась на англичанъ, но всѣ ея усилія оставались тщетными. Впрочемъ, нѣкоторыя англійскія каре были сломлены, и участь арміи Веллингтона держалась на волоскѣ, когда французская конница, понесшая страшный уронъ, отступила, наконецъ, назадъ.

Энергія и дѣятельность англійскаго главнокомандующаго представляли собою рѣзкій контрастъ съ постоянно возраставшей апатіей Наполеона. Тѣмъ не менѣе, Веллингтонъ чувствовалъ невозможность долѣе сопротивляться. Было уже шесть часовъ пополудни, и онъ посылалъ къ Блюхеру разъ за разомъ офицеровъ, съ просьбою явиться какъ можно скорѣе на помощь, но не получалъ никакого отвѣта. Теперь онъ видѣлъ себя лицомъ къ лицу съ окончательнымъ пораженіемъ. Беринъ до послѣдняго времени держался съ несравненною храбростью въ Гэ-Сентъ. Къ нему постоянно присылали туда подкрѣпленія, но въ патронахъ ощущался у него недостатокъ. Убѣдясь въ тщетности кавалерійскихъ своихъ аттакъ, Ней уѣхалъ передъ послѣднею аттакой на лѣвый флангъ, взялъ съ собой дивизію Башелю и нѣсколько полевыхъ орудій, а затѣмъ, поддержанный ихъ огнемъ, бѣшено ударилъ въ штыки на ферму. Аттака эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Войска, защищавшія ферму, бѣжали, и Ней, во главѣ цѣлой дивизіи, прорвался въ самомъ центрѣ сквозь англійскую боевую линію. Если бы его аттака была поддержана, то битва подъ Ватерлоо оказалась бы выигранной французами. Пруссакъ Мюффлингъ, состоявшій адъютантомъ у Веллингтона, бросился въ отчаяніи навстрѣчу своимъ соотечественникамъ и, подъѣзжая къ главнымъ частямъ дивизіи Цитона, воскликнулъ: «Битва проиграна, если вы не поторопитесь и не поддержите безотлагательно англійскую армію!» Адъютантъ Нея, посланный къ императору просить подкрѣпленія изъ пѣхоты, необходимаго, чтобы завершить побѣду, былъ встрѣченъ суровымъ отказомъ. Дѣло въ томъ, что одна бригада прусскаго корпуса Бюлова двинулась уже въ половинѣ пятаго въ аттаку. Аттака эта была сперва отражена; но затѣмъ возобновилась съ новой энергіей, такъ какъ къ первой бригадѣ присоединились еще двѣ другихъ. Кромѣ того Сультъ жаловался, что Ней непроизводительно израсходовалъ кавалерію. Вообще онъ, какъ и большинство другихъ генераловъ, обнаруживалъ самовольство, граничившее съ непослушаніемъ. Часть гвардіи была уже двинута на подкрѣпленіе отряда Лобау. При такихъ обстоятельствахъ, на требованіе послать пѣхоту, императоръ возразилъ: «Откуда вамъ я ее достану? Ужь не прикажете-ли мнѣ ее родить?» Если бы въ Наполеонѣ воскресъ въ эту минуту прежній генералъ Бонапартъ, онъ, безъ сомнѣнія, устремился бы самъ на Веллингтона съ имѣвшеюся еще въ резервѣ гвардейской пѣхотой и такимъ образомъ довершилъ бы блестящую аттаку Нея. Окончательно разбивъ англійскую армію, Наполеонъ успѣлъ бы еще придти на помощь къ Лобау, прежде чѣмъ явились на поле сраженія главныя силы пруссаковъ. Императоръ этого не сдѣлалъ и такимъ образомъ упустилъ послѣдній представлявшійся ему случай одержать побѣду надъ союзными арміями.

Необходимо замѣтить, впрочемъ, что пруссаки вели уже въ это время грозную аттаку во флангъ французской боевой линіи. Бюловъ съ кавалеріей принца Вильгельма прусскаго (впослѣдствіи императора Вильгельма I) шелъ на Планшенуа. Вслѣдствіе этого Наполеонъ послалъ треть драгоцѣннаго своего резерва, а именно: молодую гвардію, подъ командой Дюгема, чтобы подкрѣпить правое крыло Лобау. Войска Дюрютта находились въ тылу лѣваго его крыла, а потому положеніе этого отряда представлялось сравнительно обезпеченнымъ. Пруссаки ударили на него, однако, съ такимъ мужествомъ, что ворвались въ Планшенуа, но были тотчасъ же выбиты оттуда французами. Блюхеръ двинулъ тогда въ аттаку восемь свѣжихъ батальоновъ. Они, вмѣстѣ съ шестью, участвовавшими уже въ бою, устремились въ лощину, которая вела въ деревню. Французы вытянулись по обѣимъ сторонамъ этой лощины, и въ теченіе нѣкотораго времени она была для пруссаковъ настоящей „Долиной Смерти“. Тѣмъ не менѣе имъ удалось, наконецъ, выбраться оттуда, и въ рядахъ французской молодой гвардіи обнаружилось колебаніе. Наполеонъ двинулъ ей на подмогу два батальона старой гвардіи подъ начальствомъ Морана. Ихъ стойкость подѣйствовала своимъ примѣромъ также и на молодую гвардію, и селеніе было очищено отъ пруссаковъ, потерявшихъ во время этой бѣшеной аттаки и контръ-аттаки болѣе 2.000 человѣкъ одними убитыми. Въ семь часовъ вечера Бюловъ оказался отброшеннымъ на прежнюю свою позицію и рѣшился выжидать тамъ прибытія корпуса Пирша, тѣмъ болѣе, что ему необходимо было хоть сколько-нибудь возстановить порядокъ въ своихъ войскахъ, разстроенныхъ упорнымъ, кровопролитнымъ боемъ. Въ это время у Наполеона изъ 23 батальоновъ гвардейской пѣхоты оставалось въ резервѣ лишь 12 батальоновъ, т. е. менѣе 6.000 человѣкъ. Веллингтонъ успѣлъ заслонить прорывъ, сдѣланный Неемъ въ боевой его линіи, но, тѣмъ не менѣе, все его правое крыло находилось въ опасномъ положеніи. Зато лѣвое крыло было уже подкрѣплено пруссаками Цитена. Часть ихъ кавалеріи распредѣлилась по другимъ слабымъ мѣстамъ англійской боевой линіи. Въ это мгновеніе Цитенъ, провѣдавъ объ отступленіи Бюлова, пріостановился и самъ. Дюрюттъ воспользовался его колебаніемъ и, сдѣлавъ послѣднее отчаянное усиліе, овладѣлъ Попелоттской, Ла-Гэйской и Смогенской фермами, разсчитывая такимъ образомъ предотвратить пагубное соединеніе обѣихъ непріятельскихъ армій. Цитену пришлось затратить полчаса на то, чтобы выбить французовъ опять оттуда. Тѣмъ временемъ прибылъ на поле сраженія свѣжій прусскій корпусъ Пирха. При его содѣйствіи, Бюловъ, поддерживаемый убійственнымъ огнемъ грозныхъ своихъ баттарей, аттаковалъ войска Лобау и гвардію, занимавшую Планшенуа. Герой битвы подъ Асперномъ, Лобау, стоялъ непоколебимо, какъ скала, до тѣхъ поръ, пока войска Дюрютта и остатки корпуса Эрлона, бѣжавшіе мимо его фланга, не вызвали панику въ его собственныхъ рядахъ. Тогда все французское правое крыло смѣшалось и отступило, за исключеніемъ

старой гвардіи, которая мужественно обороняла кладбище въ Планшенуа до тѣхъ поръ, пока не увидѣла себя окруженной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Къ тому времени изъ двухъ гвардейскихъ батальоновъ составилась всего лишь одна рота въ 250 человѣкъ, надъ которой принялъ начальство Пеле. Взявъ своего орла въ середину, она построилась въ каре, ударила на кавалерію, загораживавшую ей дорогу, и пробилась сквозь нее, потерпѣвъ, впрочемъ, такой значительный уронъ, что уцѣлѣвшихъ людей едва хватало на составленіе каре.

Къ тому времени стало очевиднымъ, что французы не въ силахъ устоять противъ соединенныхъ армій Блюхера и Веллингтона. Французская армія была уже разстроена боемъ и значительно уступала въ численности своимъ противникамъ. Несмотря на это, генералъ Бонапартъ могъ бы отступить съ нею въ порядкѣ. Императоръ Наполеонъ, хотя бы даже въ роли освободителя Франціи, находился, однако, въ совершенно иныхъ условіяхъ. Отступленіе являлось для него только кратковременной отсрочкой момента окончательной гибели. Великій авантюристъ, стоявшій на Россонскомъ холмѣ лицомъ къ лицу съ своей судьбою, рѣшился поэтому сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе и, поставивъ все на карту, посмотрѣть, не удастся-ли еще выиграть сраженіе. Одно мгновеніе ему пришло на мысль перемѣнить фронтъ, опираясь на Гугомонскую ферму, находившуюся теперь въ рукахъ французовъ. Подъ конецъ онъ остановился, однако, на рѣшеніи разгромить, если можно, правое крыло арміи Веллингтона и отбросить ее на пруссаковъ такъ, чтобы обѣ арміи смѣшались въ одну нестройную массу, надъ которой, съ помощью Груши, явилась бы надежда одержать побѣду. Отказавъ Нею въ подкрѣпленіи, въ такую минуту, когда подобная комбинація представлялась еще возможной, онъ послалъ отборныя свои войска, задержать фланговую аттаку Бюлова и все еще разсчитывалъ, что успѣетъ тѣмъ временемъ разгромить Веллингтона. Онъ въ данномъ случаѣ упустилъ изъ виду стойкую энергію своего противника. Разсказываютъ, будто герцогъ Веллингтонъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Эти драматическія росказни, разумѣется, не заслуживаютъ особеннаго довѣрія, но все-таки онъ несомнѣнно ощутилъ большое облегченіе, когда пруссаки примкнули къ его лѣвому крылу и завязали, въ свою очередь, бой съ французами. Онъ немедленно же началъ приводить въ порядокъ сильно пострадавшія свои войска, ни на минуту не помышляя объ отдыхѣ. Когда Наполеонъ задумалъ сломить правое крыло Веллингтона послѣднимъ отчаяннымъ ударомъ, офицеры и солдаты англо-бельгійской арміи не знали еще о результатахъ, достигнутыхъ уже пруссаками. Имъ было извѣстно, однако, что подкрѣпленіе прибыло, а потому, въ половинѣ восьмого вечеромъ, они выказали въ бою такое же стойкое мужество, какъ и въ одиннадцать часовъ утра. Задача Веллингтона держаться на позиціи до прибытія Блюхера оказывалась фактически выполненной. Быть можетъ даже, что его солдаты слышали издали пушечные выстрѣлы пруссаковъ, но, тѣмъ не менѣе, за отдаленностью раз-

стоянія нельзя было судить, въ какой степени успѣшно дѣйствовали явившіеся къ англичанамъ на помощь союзники. Самъ Веллингтонъ и его армія не могли съ увѣренностью знать, что именно ихъ ожидало. При такихъ обстоятельствахъ необхо-

Ватерлоо.
(Съ картины Шартье).

димо признать, что энергическая рѣшимость Веллингтона и его арміи стоять до конца свидѣтельствовала о блестящемъ нравственномъ мужествѣ, какъ у самого полководца, такъ и у его подчиненныхъ. Противъ этой-то арміи, одушевленной такою грозной рѣшимостью, Наполеонъ двинулъ послѣдніе свои резервы—

старую и такъ называемую среднюю гвардію. Это были отборныя войска, выработанныя его геніемъ въ теченіе всей боевой своей карьеры. Большинство рядовыхъ вышли изъ крестьянскаго сословія и родились еще въ до-революціонный періодъ. Не отличаясь изящною или особо интеллигентною внѣшностью, они, тѣмъ не менѣе являлись превосходною боевою машиной. Высокія мѣховыя шапки и длинные усы придавали имъ еще болѣе грозный видъ. Это былъ рослый, сильный и ловкій народъ, прекрасно обученный и привыкшій соблюдать строгую дисциплину. Гвардейцевъ хорошо кормили и платили имъ хорошее жалованье. Императоръ являлся для нихъ единственнымъ кумиромъ, а казармы замѣняли имъ родину. Гвардейцы были одушевлены страстной любовью къ императорской Франціи. Имъ надлежало дать вождя, снискавшаго уже себѣ ихъ уваженіе. Честь ими командовать была предоставлена маршалу Нею. Когда они шли съ гордой самоувѣренностью по большой дорогѣ изъ Шарлеруа, императоръ пропустилъ ихъ мимо себя. Имъ, какъ и большинству прочихъ французскихъ войскъ, было сказано, что доносившійся издали гулъ пушечныхъ выстрѣловъ объясняется аттакой Груши, ударившаго на пруссаковъ. Императоръ объявилъ, что все уже подготовлено къ окончательному удару и что немедленно начнется наступленіе по всей линіи, при которомъ каждому солдату доведется принять участіе въ несомнѣнной побѣдѣ; даже больные поднялись и поспѣшили встать въ ряды. Громкіе боевые возгласы наполеоновской гвардіи грозно гремѣли въ то время, когда ея колонны стройно двигались по діагонали черезъ сѣверную гряду крестообразнаго холма, пересѣкающаго лощину.

Веллингтонъ, извѣщенный, какъ полагаютъ, перебѣжчикомъ о предстоявшей новой аттакѣ, поспѣшно отдалъ своему центру приказаніе подготовиться къ ней. Онъ выдвинулъ бригаду Мейтланда, чтобы встрѣтить французовъ съ фронта, а самъ, съ баттареей Непира, расположился нѣсколько правѣе. Едва только успѣлъ онъ предупредить свои войска объ аттакѣ, какъ появилась уже головная часть французской колонны. Англійскія баттареи привѣтствовали ее залпомъ, причемъ подъ Неемъ была убита пятая въ этотъ день по счету лошадь, но французы понесли сравнительно ничтожный уронъ. Они продолжали стойко идти впередъ, вмѣстѣ съ Неемъ, который шелъ теперь пѣшкомъ, рядомъ съ ними. Англійскіе гвардейцы лежали за гребнемъ холма, и французы видѣли передъ собою лишь нѣсколькихъ офицеровъ верхомъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Веллингтонъ. Это ихъ очень изумляло, но все-таки они продолжали стойко наступать и находились уже въ двадцати шагахъ отъ англичанъ, когда раздался знакомый британскимъ гвардейцамъ голосъ герцога, скомандовавшій: „Вставай! Пли!..“ Англичане вскочили и дали залпъ, отъ котораго выбыло у французовъ изъ строя до 300 человѣкъ. Никакого замѣшательства, однако, отъ этого не произошло. Обѣ стороны начали обмѣниваться залпами, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока англичане не повели контръ-аттаки. Тогда только французы отступили. Одновременно съ этимъ

Донзело ударилъ на дивизію Альтена, но его аттака не была надлежаще поддержана, а потому и не произвела особеннаго впечатлѣнія. Тотчасъ же по отступленіи Нея французскіе кирасиры устремились на англійскія баттареи. Аттака эта имѣла нѣкоторый успѣхъ. Пользуясь этимъ, гвардія снова устремилась впередъ. Вторая ея аттака оказалась, однако, еще неудачнѣе первой. Тѣмъ временемъ къ правому флангу Мейтланда успѣли примкнуть: бригада Адамса и 52-й полкъ. Выдвинувшись впередъ, они начали осыпать пулями во флангъ французскихъ гвардейцевъ въ то время, какъ бригада Мейтланда разстрѣливала ихъ съ фронта. Передніе ряды французовъ мужественно отстрѣливались, но въ это время англичане заканчивали уже маневръ, охватывавшій ихъ съ фланга. Кольбернъ далъ своимъ войскамъ приказаніе ударить въ штыки. Они отвѣтили ему громкимъ „ура“ и быстро устремились на французовъ. Изъ сильно порѣдѣвшихъ рядовъ французской гвардіи грянуло въ отвѣтъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ Она продолала идти впередъ, поражаемая во флангъ выстрѣлами почти въ упоръ. При такихъ условіяхъ произошло страшное столкновеніе, въ которомъ французамъ пришлось податься назадъ. Затѣмъ въ рядахъ ихъ обнаружилось замѣшательство и черезъ нѣсколько мгновеній отступленіе обратилось въ безпорядочное бѣгство. Только лишь два батальона старой гвардіи, подъ начальствомъ Камбронна, отступили въ порядкѣ на бугоръ посреднѣ долины и дали тамъ мужественный отпоръ цѣлой бригадѣ Галькетта. Они сражались съ безпримѣрной храбростью до тѣхъ поръ, пока въ строю осталось лишь полтораста человѣкъ, изъ которыхъ, къ тому же, большинство было уже ранено. Отовсюду доносились до нихъ отчаянные возгласы: „Спасайся, кто можетъ!“ Убѣдившись, что все потеряно, командиръ ихъ согласился, наконецъ, положить оружіе и оставшіеся въ живыхъ гвардейцы Наполеона были отведены подъ конвоемъ въ тылъ союзной арміи. Мужественная оборона этихъ двухъ батальоновъ произвела такое сильное впечатлѣніе и на друзей, и на враговъ, что пріобрѣла легендарный характеръ эпическаго событія. Приписанныя легендой Камбронну слова: „Гвардія умираетъ, но не сдается“—не были произнесены въ дѣйствительности, но мѣтко характеризуютъ безстрашную оборону наполеоновскихъ гвардейцевъ. Эта фраза, созданная легендой, обезпечила безсмертіе какъ самому Камбронну, такъ и гвардейцамъ, которыми онъ командовалъ.

Послѣдняя аттака наполеоновской гвардіи была произведена въ то самое мгновенье, когда Цитенъ окончательно разбилъ Дюрютта. Веллингтонъ предписалъ тогда общее наступленіе. Лѣвое крыло французовъ, объятое паническимъ страхомъ, бѣжало въ Белль-Альянсъ. Передъ Ла-Гэ-Сентъ стояли въ двухъ каре гвардейскіе батальоны, на которые возложена была обязанность оборонять главную квартиру императора. Въ этотъ роковой часъ гвардейцы выказали себя достойными оказаннаго имъ довѣрія и, среди окружавшаго ихъ хаоса, соблюдали строжайшій порядокъ. Въ то время, когда остальная гвардія ходила въ ат-

таку, Наполеонъ ѣздилъ взадъ и впередъ съ Россомскаго холма на ферму Белль-Алльянсъ и обратно. Лицо его все болѣе омрачалось. Подъ конецъ, когда началась паника, а войска стали бѣжать мимо него въ разсыпную, онъ принялся неистово кричать, чтобы они остановились. Никто, однако, его не слушалъ, а потому, когда подошло послѣднее каре его лейбъ-гвардейцевъ, онъ самъ укрылся въ ихъ рядахъ. Къ этому имѣлось у него достаточное основаніе, такъ какъ пруссаки тоже перешли въ энергическое наступленіе. Безпорядокъ въ французскихъ войскахъ послѣ того еще болѣе усилился, и толпа хлынувшихъ бѣглецовъ смяла и совершенно разстроила другое каре. Гвардейцы среди которыхъ находился императоръ, энергически отразили аттаку двѣнадцатаго англійскаго драгунскаго полка. Затѣмъ, на Россомскомъ холмѣ, ихъ столь же безуспѣшно аттаковала прусская кавалерія. Самъ Гнейзенау руководилъ преслѣдованіемъ. Гвардейцы, мужественно отражая всѣ нападенія непріятеля, не оглѣчали на выстрѣлы, которыми ихъ осыпала подоспѣвшая прусская пѣхота и безмолвно продолжали отступать. Молчаніе прерывалъ лишь самъ Наполеонъ, изрѣдка обращавшійся съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ къ своему брату Жерому, или къ кому-либо изъ офицеровъ. Въ одиннадцать часовъ вечера французскій императоръ прибылъ съ своимъ конвоемъ въ Женаппъ. Преслѣдованіе было ведено съ такою дѣятельностью, что всякая надежда на возможность привести разстроенныя войска въ порядокъ исчезла. У самого Наполеона обнаруживался къ тому же полнѣйшій упадокъ силъ, такъ что на него жалко было смотрѣть. Глаза его неподвижно уставились вдаль, голова качалась изъ стороны въ сторону, и самъ онъ находился почти въ безчувственномъ состояніи. Монтіонъ и Бертранъ усадили его на лошадь и поддерживали съ обѣихъ сторонъ на сѣдлѣ. Императора сопровождалъ на этотъ разъ конный конвой изъ сорока человѣкъ. По прибытіи въ Катръ-Бра послано было Груши приказаніе отступать къ Намюру. Пруссаки явились въ Катръ-Бра часомъ позже. На разсвѣтѣ Наполеонъ и его свита были уже въ Шарльруа, но не рѣшились тамъ остановиться. Раздобывъ себѣ два плохенькихъ экипажа, они продолжали свой путь на почтовыхъ и, лишь по прибытіи въ Филиппвилль, позволили себѣ отдохнуть нѣсколько часовъ.

Наполеонъ на англійскомъ кораблѣ.

Сраженіе, разрушившее карьеру Наполеона, названо битвою подъ Ватерлоо вслѣдствіе того, что реляція, отправленная Веллингтономъ въ Англію, была помѣчена изъ главной его квартиры, находившейся въ этомъ селеніи. Ватерлооское сраженіе не выдается изъ ряда другихъ битвъ численностью войскъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Со стороны союзниковъ дралось 130.000 противъ 72.000 французовъ. Точно такъ же нельзя сказать, чтобъ самый бой отличался, съ тактической точки зрѣнія, особенной талантливостью въ маневрированіи. Веллингтонъ оборонялъ заранѣе выбран-

ную имъ сильную позицію. Тѣмъ не менѣе, онъ неосторожно принялъ бой съ противникомъ, превышавшимъ его въ численности, когда имѣлъ полную возможность отступить на соединеніе съ пруссаками и тогда уже дать сраженіе при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Съ самаго начала кампаніи онъ не оказывалъ должной поддержки Блюхеру и дозволилъ французамъ врѣзаться между англійской и прусской арміями. Пораженіе подъ Линьи надлежитъ поставить главнымъ образомъ въ вину самимъ пруссакамъ, но все-таки Гнейзенау имѣлъ основаніе относиться послѣ того съ недовѣріемъ къ англичанамъ. Что касается до самого Наполеона, то онъ 18-го іюня, съ восхода и до заката солнца, надѣлалъ массу мелкихъ промаховъ, каждый изъ которыхъ можно объяснить, но все-таки нельзя извинить. Онъ началъ бой слишкомъ поздно и не употребилъ достаточныхъ силъ для нанесенія сокрушающаго удара, а затѣмъ, потерпѣвъ неудачу, не рѣшился своевременно отступать. Позволительно сказать также, что онъ въ этомъ сраженіи не обнаружилъ обычнаго своего геніальнаго умѣнья обращать одновременно вниманіе на всѣ существенные элементы успѣха. Ему не удалось даже заручиться должнымъ повиновеніемъ со стороны своихъ генераловъ. Наконецъ, онъ не выказалъ во время боя надлежащей дѣятельности и спокойной энергіи. Возвращеніе съ острова Эльбы сдѣлало Наполеона кумиромъ большинства Франціи, но, въ продолженіи Ста Дней, онъ держалъ себя, какъ человѣкъ, силы котораго уже надломлены. Въ первый періодъ послѣдней кампаніи Наполеона геній его сіялъ яркимъ блескомъ, но съ каждымъ днемъ все болѣе обнаруживалась медлительность, препятствовавшая выполненію его комбинацій. Главные изъ помощниковъ Наполеона оказывались ненадежными и нерѣшительными, хотя они, подобно выносливымъ, храбрымъ и терпѣливымъ его солдатамъ, обнаруживали въ бою чудеса храбрости. Ней и Груши пользовались предоставленной имъ свободой дѣйствій, но не въ такомъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ Дезе подъ Маренго, или же самъ Ней подъ Прейсишъ Эйлау. У нихъ какъ будто не хватало нравственнаго мужества, дабы принять надлежащее энергическое рѣшеніе. При этомъ они выказывали непростительное невѣжество и пренебрегали самыми элементарными принципами стратегіи. Рѣшеніе, принятое Груши въ Вальгейнѣ, хотя до нѣкоторой степени и оправдывалось послѣднимъ приказомъ Сульта, но тѣмъ не менѣе было, по всѣмъ вѣроятіямъ, непосредственною причиной катастрофы. Все это, разумѣется, не можетъ служить извиненіемъ для Наполеона, который, зная своихъ подчиненныхъ, долженъ былъ отдавать имъ болѣе опредѣленныя приказанія. Строгіе выговоры Нею за нерѣшительный образъ дѣйствій подъ Катръ-Бра и многократныя утвержденія во время плѣна, будто Груши надлежало своевременно явиться на поле сраженія, нисколько не смягчаетъ рокового промаха, который сдѣлалъ Наполеонъ, отнесясь съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ обоимъ этимъ маршаламъ. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что ватерлооское сраженіе вызываетъ такой интересъ скорѣе благодаря своимъ непосредственнымъ драматическимъ послѣдствіямъ, чѣмъ

въ виду рѣшающаго его характера. Еслибъ Наполеонъ выигралъ это сраженіе, то союзныя арміи далеко не были бы уничтожены, такъ какъ у Веллингтона и Блюхера имѣлись свободныя линіи отступленія. Народное возстаніе противъ него всей Европы приняло бы еще болѣе грозные размѣры, и 1815 годъ явился бы повтореніемъ 1814-го. Уронъ, понесенный сражающимися арміями, былъ хотя и ужаснымъ, но все-таки не безпримѣрнымъ. Груши разбилъ прусскій аррьергардъ подъ Вавромъ и, узнавъ о монъсенъ-жанской катастрофѣ, сперва хотѣлъ было ударить въ тылъ пруссакамъ, преслѣдовавшимъ французскую армію, но отказался отъ этого химерическаго намѣренія. Получивъ приказъ, посланный ему Наполеономъ изъ Катръ-Бра, онъ отошелъ къ Намюру, а затѣмъ благополучно привелъ маленькую свою армію во Францію. Принимая въ разсчетъ уронъ подъ Вавромъ, союзники потеряли 22.500 человѣкъ, въ томъ числѣ 7.000 пруссаковъ и столько же англичанъ. Свѣдѣнія объ уронѣ, понесенномъ французской арміей, оказываются недостаточно обстоятельными, но все-таки позволяютъ заключить, что у нея выбыло изъ строя убитыми, ранеными и плѣнными около 31.000 человѣкъ.

Добыча, захваченная союзниками послѣ сраженія подъ Ватерлоо, была не особенно велика, но политическіе результаты этого сраженія оказались громадными и вполнѣ соотвѣтствовали видамъ пруссаковъ. Надежды Блюхера захватить въ плѣнъ самого Наполеона не осуществились, но зато безотлагательное быстрое преслѣдованіе, разстроившее въ конецъ французскую армію, дозволило выполнить всѣ реакціонерные проекты, выработанные въ Вѣнѣ для униженія либеральной Франціи. Не легко выяснить истину среди массы взаимно противорѣчащихъ утвержденій, подкрѣпленныхъ ссылками на фактическія данныя, которыя не могутъ быть теперь провѣрены. Пруссія, Австрія, Россія и Великобританія приписываютъ каждая себѣ одной честь освобожденія Европы отъ тяготѣвшаго надъ ней корсиканца. Франція все еще старается объяснить причины понесеннаго ею пораженія, а между тѣмъ самымъ выдающимся монументомъ на полѣ ватерлооской битвы является памятникъ, воздвигнутый надъ могилою голландцевъ и бельгійцевъ.

Отдохнувъ немного въ Филиппвиллѣ, Наполеонъ продиктовалъ обычнымъ своимъ слогомъ бюллетени, сообщавшіе о проигранной кампаніи, и отправилъ ихъ въ столицу вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ Іосифу не терять присутствія духа и держать народное представительство въ рукахъ. Онъ писалъ, что если Груши удалось спастись, то можно будетъ немедленно же собрать безъ малаго пятидесятитысячную армію и, съ имѣвшимися въ наличности средствами, быстро довести ея составъ до полутораста тысячъ. Вмѣстѣ съ войсками, находившимися въ полковыхъ депо и съ національной гвардіей, получится тогда боевая сила въ 300.000 человѣкъ. Эти разсчеты не основывались въ данномъ случаѣ у Наполеона на искреннемъ убѣжденіи, а имѣли чисто формальный характеръ. Напротивъ того, онъ считалъ маленькую армію Груши совершенно уничто-

женной. Остановившись въ Лаонѣ, будто бы для того, чтобъ заняться реорганизаціей арміи, онъ посовѣтовался съ нѣсколькими генералами, которыхъ удалось тамъ собрать, и затѣмъ, по ихъ настоянію, поѣхалъ въ Парижъ. Эти генералы объявили, что армія и большинство народа искренно преданы императору, но что аристократія, роялисты и либеральные депутаты являются въ высшей степени ненадежными. „Знаю, что настоящее мое мѣсто здѣсь,—возразилъ Наполеонъ.—Я послѣдую вашему совѣту и поѣду въ Парижъ, но чувствую, что вы заставляете меня сдѣлать глупость". Въ данномъ случаѣ императоръ разсуждалъ совершенно правильно, но поступилъ, сообразуясь съ своими склонностями. Впрочемъ, онъ остановился, такъ сказать, на порогѣ столицы и, въѣхавъ въ Парижъ ночью съ 21 на 22-е іюня, робко удалился въ Елисейскій дворецъ, находившійся тогда въ предмѣстьѣ. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ сознавалъ, что ветерлооская битва погубила его въ конецъ. Всѣ прочія его пораженія могли невыгодно отозваться на его репутаціи, какъ полководца или же государственнаго дѣятеля, въ данномъ же случаѣ нанесенъ былъ роковой ударъ его престижу какъ монарха и полководца одновременно. Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной подъ Линьи, было встрѣчено въ Парижѣ съ восторгомъ, но, при въѣздѣ Наполеона во французскую столицу, тамъ распространилась уже вѣсть о страшномъ пораженіи подъ Монъ-Сенъ-Жаномъ. Быстро передаваясь изъ устъ въ уста, она всюду вызывала ужасъ и отчаяніе. Рано утромъ маршалъ Даву, хорошо знакомый съ общественнымъ мнѣніемъ, и вѣрный своимъ инстинктамъ храбраго воина, устно предложилъ императору временно распустить палаты и опереться исключительно на армію. Карно тоже полагалъ, что общественная безопасность требуетъ диктатуры и требовалъ, чтобы Наполеонъ облекъ себя диктаторской властью, Люсьенъ энергически настаивалъ на томъ же. Наполеонъ оказывался, однако, уже не тѣмъ человѣкомъ, какъ прежде. Онъ едва держался на ногахъ и шатался, какъ бы подъ вліяніемъ мѣстныхъ нервныхъ параличей. На сдѣланныя ему предложенія онъ отвѣчалъ неопредѣленными фразами и откладывалъ окончательное свое рѣшеніе. Очевидцы утверждаютъ, что произношеніе словъ утратило у него обычную явственность. Постепенно начали съѣзжаться во дворецъ члены государственнаго совѣта. По мѣрѣ того, какъ у Наполеона явственнѣе обнаруживался упадокъ духа, они становились все смѣлѣе и дошли до того, что заговорили о необходимости для императора отречься еще разъ отъ престола. Наконецъ таки принято было рѣшеніе и притомъ въ этомъ смыслѣ! Люсьена послали договориться съ палатами и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласили къ Наполеону Фуше. Съ обычнымъ своимъ вкрадчивымъ краснорѣчіемъ онъ доказывалъ, что Наполеонъ можетъ, при существующихъ условіяхъ, найти поддержку для своего престола лишь при содѣйствіи народнаго представительства. Слухи обо всемъ, что было сказано и предложено въ Елисейскомъ дворцѣ, словно чудомъ, немедленно же дошли до свѣдѣнія палаты депутатовъ. Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ тотчасъ же внесли законопроектъ, объявлявшій государственною измѣной каждую попытку распустить

палаты. Люсьенъ тщетно ходатайствовалъ о назначеніи комиссіи для вступленія отъ имени его брата въ переговоры съ чужеземцами, вторгнувшимися во Францію. Депутаты назначили комитетъ общественной безопасности для завѣдыванія государственными дѣлами, а затѣмъ разошлись.

Нравственно разбитый Наполеонъ провелъ вечеръ въ грустныхъ размышленіяхъ, взвѣшивая, соображая и разсуждая, но все-таки не принимая категорическаго рѣшенія.—Ужь не лучше-ли будетъ явиться на разсвѣтѣ передъ Тюльерійскимъ дворцомъ,—созвать имѣвшіяся въ Парижѣ войска и распустить ненавистныя палаты? Или же будетъ умѣстнѣе воздержаться отъ такого рискованнаго шага?—Во всякомъ случаѣ этому проекту не суждено было осуществиться. На слѣдующее утро палаты собрались въ обычное время и, вслѣдствіе предложенія, внесеннаго однимъ изъ самыхъ безвѣстныхъ депутатовъ, рѣшили потребовать, чтобы императоръ отрекся отъ престола. Рѣшеніе это было сообщено Наполеону еще во время засѣданія, комендантомъ Бурбонскаго дворца, добавившимъ, на основаніи личныхъ своихъ предположеній, что палаты объявятъ императора внѣ закона, если онъ не выполнитъ ихъ требованія. Императоръ сперва было страшно разсердился, но, послѣ полудня, продиктовалъ Люсьену окончательное свое отреченіе отъ французскаго престола. Тотчасъ же по полученіи этого документа возбужденное состояніе, въ которомъ находились депутаты и пэры, улеглось. Бразды правленія немедленно приняла новая директорія, состоявшая изъ Карно, Фуше, Коленкура и Кинетта. Столица признала совершившійся фактъ. Часъ проходилъ за часомъ, и ничто не прерывало безмолвія и тишины въ Елисейскомъ дворцѣ, кромѣ возгласовъ, раздававшихся по временамъ изъ среды проходившихъ мимо рабочихъ, требовавшихъ провозглашенія Наполеона диктаторомъ. Положеніе, однако, измѣнилось, когда начали прибывать бѣглецы изъ подъ Ватерлоо. Они утверждали, что пораженіе тамъ было обусловлено измѣной и клялись въ готовности умереть за императора. Мысль о необходимости поддержать Наполеона силою оружія пріобрѣтала все болѣе сторонниковъ. Когда начали прибывать войска, подавившія возстаніе въ Вандеѣ, обнаружилось, что также и они стоятъ за Наполеона, и новыя правительственныя власти стали не на шутку побаиваться, чтобы его присутствіе въ Парижѣ не вызвало противъ нихъ революціи. Маршалъ Даву первый совѣтовалъ Наполеону прибѣгнуть къ силѣ, но, послѣ отреченія императора отъ престола, объявилъ, что считаетъ для него неумѣстнымъ подобный шагъ. Наполеонъ согласился съ его доводами и 25-го іюня уѣхалъ въ Мальмезонъ, гдѣ, въ обществѣ королевы Гортензіи и нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, прожилъ цѣлыхъ четыре дня, въ теченіе которыхъ подолгу предавался грустнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ этимъ загороднымъ дворцомъ. За это время онъ написалъ, впрочемъ, также прощальное воззваніе къ арміи и, поддерживая постоянное сообщеніе съ правительственнымъ комитетомъ, выработалъ проектъ своего отъѣзда въ Сѣверо-Американскіе Соеди-

ненные Штаты. Въ распоряженіе бывшаго императора предоставлены были два фрегата. Все было готово къ отъѣзду на 29-е іюня, когда одинъ изъ полковъ, проходившихъ мимо Мальмезона, привѣтствовалъ Наполеона дружными возгласами: „Да здравствуетъ императоръ!“ Возгласы эти произвели на него большое впечатлѣ-

Гебгардъ-Лебрехтъ фонъ-Блюхеръ.
(Съ портрета въ Гогенцолернскомъ музеѣ).

ніе. Онъ сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе вернуть себѣ власть, предложивъ правительству свои услуги въ качествѣ полководца. Онъ обѣщалъ спасти Парижъ, разбивъ по частямъ союзниковъ, которые, приближаясь къ французской столицѣ, неосторожно раздробились на отдѣльные отряды, неспособные оказать другъ другу поддержку. Фуше, отъ лица всего временнаго правительства, отвѣтилъ, что не считаетъ долѣе возможнымъ ручаться за безопасность самого бывшаго императора. Окончательно убѣ-

дившись тогда въ неумѣстности возлагать на правительство какія-либо надежды, Наполеонъ, переодѣтый въ штатское платье, немедленно же выѣхалъ въ Рошфоръ, въ сопровожденіи Бертрана, Савари и Гурго, къ которымъ присоединился генералъ Беккеръ въ качествѣ правительственнаго комиссара.

Первоначально имѣлось въ виду ѣхать съ величайшей поспѣшностью, но, прибывъ въ Рамбулье, Наполеонъ остановился и вечеромъ написалъ двѣ просьбы: одну—о присылкѣ ему мебели изъ Парижа, а другую—о сохраненіи за нимъ права собственности надъ библіотекой, хранившейся въ Маломъ Тріанонскомъ дворцѣ. Онъ ходатайствовалъ, чтобы эта библіотека была упакована вмѣстѣ съ Греческой Иконографіей Висконти и экземпляромъ большого сочиненія объ Египтѣ, составленнаго изъ матеріаловъ, добытыхъ во время его экспедиціи, и препровождена въ новое его мѣстожительство. На слѣдующее утро прибылъ изъ Парижа курьеръ съ послѣдними извѣстіями. „Въ такомъ случаѣ Франція погибла!“—вскричалъ Наполеонъ. Навстрѣчу ему выходилъ всюду народъ толпами, которыя иногда привѣтствовали его изъявленіями преданности и во всѣхъ случаяхъ выражали къ нему самое глубокое уваженіе. Два кавалерійскихъ полка, стоявшихъ въ Ніорѣ, устроили бывшему императору такую восторженную встрѣчу, что генералъ Беккеръ счелъ долгомъ послать правительству объ этомъ депешу, въ которой заявлялось, что Наполеонъ, принявъ начальство надъ арміей, могъ бы благодѣтельно повліять на общее положеніе дѣлъ и облегчить Франціи заключеніе почетнаго мира. Онъ только что собирался запечатать эту депешу, когда получено было извѣстіе, что 30-го іюня слышны были уже передъ столицей пушечные выстрѣлы. Наполеонъ тотчасъ же продиктовалъ ему приписку: „Надѣемся, что непріятель дастъ вамъ время прикрыть Парижъ и закончить такъ или иначе начатые вами переговоры. Если англійскій крейсеръ задержитъ отъѣздъ императора, можете располагать имъ, какъ простымъ солдатомъ“. Вслѣдствіе страннаго совпаденія, англійскіе крейсеры появились за нѣсколько дней передъ тѣмъ какъ разъ передъ Рошфоромъ. Каково бы ни было соотношеніе между этимъ фактомъ и предложеніями Наполеона принять снова начальство надъ арміей, не подлежитъ сомнѣнію, что бывшій императоръ началъ всячески отсрочивать свой отъѣздъ и фактически вступилъ въ переписку съ командирами войскъ, расположенныхъ въ Бордо и Вандеѣ, предлагая имъ низвергнуть „измѣнническое“ правительство. Впрочемъ, онъ, 3-го іюля, все-таки пріѣхалъ въ Рошфоръ, но и тамъ промѣшкалъ еще цѣлыхъ пять дней. Тѣмъ временемъ союзники вступили въ Парижъ, и Людовикъ XVIII, прибывшій съ арміей Веллингтона, возсѣлъ опять на престолъ своихъ предковъ, а черезъ двое сутокъ должны были пріѣхать въ столицу русскій и австрійскій императоры съ прусскимъ королемъ. Блюхеръ, въ свою очередь, отправилъ въ погоню за Наполеономъ отрядъ пруссаковъ, съ приказаніемъ схватить и разстрѣлять бывшаго французскаго императора тутъ же на мѣстѣ. При такихъ обстоятельствахъ императоръ счелъ умѣстнымъ

переѣхать на одинъ изъ предоставленныхъ въ его распоряженіе фрегатовъ и приказалъ обоимъ этимъ фрегатамъ выдти въ море, но ихъ задерживали въ продолженіи цѣлыхъ двухъ дней неблагопріятные вѣтры. Между тѣмъ 10-го іюля показались опять передъ Рошфоромъ англійскіе крейсеры. На слѣдующій день Ласъ-Казъ, котораго Наполеонъ взялъ себѣ въ домашніе секретари, былъ посланъ на англійскій корабль «Беллерофонъ», чтобы освѣдомиться у капитана Мейтланда объ инструкціяхъ, данныхъ ему правительствомъ короля Георга относительно особы Наполеона. Секретарь по возвращеніи своемъ сообщилъ, что британскій капитанъ съ удовольствіемъ приметъ Наполеона и доставитъ его въ Англію, но не ручается за то, что бывшему императору можно будетъ поселиться тамъ, или же уѣхать въ Америку.

Заявленіе это наносило роковой ударъ проекту Наполеона найти себѣ убѣжище въ Англіи. Между тѣмъ, бывшій императоръ, за время пребыванія своего въ Рошфорѣ, серьезно обдумывалъ этотъ проектъ и хотѣлъ привести его въ исполненіе. Поэтому Ласъ-Казъ былъ вторично отправленъ на «Беллерофонъ» для объясненія съ командиромъ этого военнаго корабля. Секретарь Наполеона увѣряетъ, будто капитанъ Мейтландъ совершенно измѣнилъ тогда тонъ своихъ заявленій. Онъ обратилъ вниманіе Ласъ-Каза, что въ Англіи государь и его министры обладаютъ лишь ограниченной властью. Все зависитъ поэтому отъ англійскаго народа, извѣстнаго великодушіемъ и либеральностью своихъ воззрѣній. Въ устахъ капитана Мейтланда это заявленіе, безъ сомнѣнія, имѣло характеръ избитой, безсодержательной фразы, тогда какъ на его слушателей оно производило впечатлѣніе весьма убѣдительнаго, вѣсскаго довода. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ находился въ нерѣшимости и задавался одновременно еще нѣсколькими другими проектами. Онъ купилъ два маленькихъ полупалубныхъ судна и хотѣлъ воспользоваться ими, чтобы выдти на внѣшній рейдъ, а затѣмъ пересѣсть на стоявшій тамъ датскій корабль, но вскорѣ отказался отъ этого проекта. Двое молодыхъ офицеровъ съ французскаго фрегата совѣтовали плыть на одномъ изъ крохотныхъ судовъ прямо въ Нью-Іоркъ. Наполеонъ серьезно помышлялъ о такой комбинаціи, но, принимая во вниманіе, что маленькимъ его суденышкамъ придется зайти въ Испанію, или Португалію, дабы запастись тамъ провіантомъ, счелъ ее для себя лично очень опасной. Дѣйствительно, онъ рисковалъ при этомъ попасться въ руки самыхъ непримиримыхъ своихъ враговъ. Ему сообщили затѣмъ, что неподалеку отъ Рошфора, въ устьяхъ Жиронды, стоитъ на якорѣ американскій корабль. Генералъ Лалльманъ поспѣшно помчался туда, чтобы освѣдомиться, можетъ-ли императоръ, объявленный внѣ закона, найти себѣ на этомъ кораблѣ убѣжище подъ американскимъ флагомъ. Онъ вернулся съ отвѣтомъ, что капитанъ сочтетъ величайшей честью и счастьемъ принять Наполеона къ себѣ на бортъ. Тѣмъ временемъ, однако, Наполеонъ рѣшился уже положиться на „великодушіе Англіи“. 13-го іюля онъ отправилъ въ Лондонъ генерала Гурго къ принцу-регенту съ

просьбою о разрѣшеніи императору жить въ какомъ-нибудь англійскомъ провинціальномъ городѣ инкогнито подъ именемъ генерала Дюрока. 15-го іюля Наполеонъ прибылъ на „Беллерофонъ", гдѣ его встрѣтили со всѣми почестями. На слѣдующій день корабль отплылъ изъ Рошфора, а 24-го іюля бросилъ якорь въ Торбеѣ. За время этого переѣзда августѣйшій пассажиръ казался сильно утомленнымъ и зачастую впадалъ въ дремоту, но очень благосклонно относился ко всѣмъ офицерамъ, въ особенности же къ самому капитану Мейтланду, который неблагоразумно уступилъ ему на своемъ кораблѣ первенствующую роль. Бывшій императоръ показывалъ своему хозяину портреты жены и сына, съ трогательной сантиментальностью изъявляя глубокое сожалѣніе о насильственной разлукѣ съ ними. Въ Торбеѣ разыгрались чрезвычайно интересныя сцены. Весь берегъ былъ покрытъ толпами любопытныхъ, собравшихся изъ близкихъ и далекихъ мѣстностей. Море кишѣло лодками, яликами и челноками всевозможныхъ сортовъ. Англичане не отступали ни передъ чѣмъ, чтобы взглянуть хоть однимъ глазкомъ на страшное чудовище, подъ грозою свирѣпой мощи котораго успѣло вырости уже цѣлое поколѣніе. Каждый разъ, когда имъ это удавалось, воздухъ оглашался громкими привѣтственными возгласами. Англійское правительство усматривало въ этомъ крупный скандалъ, а потому, два дня спустя, кораблю приказано было уйти изъ Торбея въ Плимутъ, но смѣлые искатели сильныхъ ощущеній начали собираться и туда въ еще большемъ количествѣ.

Многихъ удивляло, какимъ образомъ Наполеонъ рѣшился вручить свою особу великодушію англичанъ. Между тѣмъ, человѣку въ его положеніи, къ тому же больному и выбившемуся въ конецъ изъ силъ, фактически не оставалось иного благоразумнаго выхода. Поклонники Наполеона совершенно правильно признаютъ, что онъ поступилъ благороднѣе, переживъ свое величіе, чѣмъ если бы закончилъ свою карьеру самоубійствомъ. Еще болѣе неумѣстными казались романтическія приключенія, въ которыя совѣтовали ему тогда пуститься. Если бы онъ вздумалъ укрыться на датскомъ суднѣ,—бѣжать на небольшой полупалубной лодкѣ,—спрятаться на американскомъ торговомъ суднѣ въ пустую бочку изъ подъ воды и т. п.—все это скомпрометировало бы его совершенно безцѣльно, такъ какъ англичане, безъ сомнѣнія, все-таки бы его захватили. Шпіоны, разумѣется, донесли бы, что онъ укрылся на американскомъ суднѣ, а въ тѣ времена флагъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не могъ оградить личную его безопасность. Въ первое время послѣ битвы подъ Ватерлоо, разумѣется, существовала возможность сформировать въ Парижѣ новую армію изъ отряда Груши, остатковъ войскъ, уцѣлѣвшихъ отъ катастрофы и корпуса, усмирявшаго Вандею, но трудно сказать, что бы изъ этого вышло. Надо принять во вниманіе, что даже въ лѣтописяхъ революціонныхъ неистовствъ не отыщется ничего, способнаго сравняться съ злодѣйской свирѣпостью роялистскаго такъ называемаго «Бѣлаго террора», разразившагося въ Провансѣ и южной Франціи по полученіи тамъ извѣстій о

пораженіи подъ Ватерлоо. Этотъ мерзостный терроръ быстро распространился, хотя и въ болѣе слабой степени, также и по другимъ мѣстностямъ Франціи. Къ тому времени, когда Наполеонъ прибылъ на англійскій корабль, трехцвѣтное знамя развѣвалось только еще въ Рошфорѣ, Нантѣ и Бордо. Всѣ родственники Наполеона были изгнаны, Ней и Лабедойеръ заключены въ тюрьму и заранѣе уже осуждены на смертную казнь. Сдаться Веллингтону или Блюхеру было бы для Наполеона равносильнымъ безотлагательному самоубійству. Еще унизительнѣе и безцѣльнѣе оказался бы съ его стороны военный бунтъ съ послѣдующей партизанской войной. Единственнымъ приличнымъ исходомъ оставался при такихъ обстоятельствахъ шагъ, который и былъ дѣйствительно сдѣланъ Наполеономъ. Явившись на англійскій военный корабль, онъ имѣлъ все-таки основаніе полагать, что, по крайней мѣрѣ, его жизнь не будетъ тамъ подвергаться опасности. Само собою разумѣется, что уполномоченные бывшаго французскаго императора не считали умѣстнымъ объявлять во всеуслышаніе о безпомощномъ положеніи своего довѣрителя. Во всякомъ случаѣ, принимая въ разсчетъ условія, въ которыхъ находился Наполеонъ, посылая въ Англію Гурго, очевидно, что онъ не могъ предъявлять никакихъ требованій. Что касается до капитана Мейтланда, то онъ, безъ сомнѣнія, не могъ дать Наполеону какія-либо обѣщанія, обязательныя для англійскаго правительства. Очень жаль, что онъ не записалъ въ подробности всѣ свои переговоры съ Лаллеманомъ, Савари и Ласъ-Казомъ. Быть можетъ, онъ выказалъ при этомъ чрезмѣрную вѣжливость, но во всякомъ случаѣ, позволительно съ увѣренностью заключить, несмотря на утвержденія упомянутыхъ лицъ, объ отсутствіи у Наполеона положительныхъ гарантій въ томъ, что бывшій императоръ найдетъ подъ англійскимъ флагомъ не тюрьму, а убѣжище.

Островъ Св. Елены.

Министерство лорда Ливерпуля являлось представителемъ крайнихъ торійскихъ реакціонерныхъ воззрѣній, но, несмотря на всю свою безцеремонность, нашло себя поставленнымъ въ затруднительное положеніе. Въ письмѣ къ Кэстльри, отъ 20-го іюня, англійскій премьеръ сообщалъ, что всего лучше, если бы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, въ качествѣ бунтовщика, Людовикомъ XVIII. Такое изумительное пожеланіе являлось результатомъ успѣховъ, сдѣланныхъ за послѣдній годъ среди европейскихъ дворовъ и кабинетовъ легитимистскими принципами. Талейранъ наблюдалъ событія Ста Дней изъ безопаснаго уединенія своего въ Карлсбадѣ и, по возвращеніи въ Парижъ, былъ холодно встрѣченъ „законнымъ“ своимъ королемъ, вернувшимся туда подъ эгидою Веллингтона. Тѣмъ не менѣе не было человѣка, болѣе способнаго возстановить во Франціи легитимистское правительство, и онъ вскорѣ усердно занялся этой работой, при энергическомъ содѣйствіи Веллингтона, которому предоставили безъ всякихъ прере-

каній играть первую роль въ возрожденіи монархической Франціи. Путемъ строго логическихъ соображеній союзники пришли къ заключенію, что Наполеонъ долженъ считаться общимъ ихъ плѣнникомъ и, въ качествѣ главнаго зачинщика, подвергнуться участи, предназначенной Нею, а затѣмъ также и Мюрату. Императоръ Александръ успѣлъ до такой степени свыкнуться съ неправившимися ему передъ тѣмъ легитимистскими воззрѣніями, что проникся ими самъ и выработывалъ уже проектъ Священнаго союза. При такихъ обстоятельствахъ не ожидали встрѣтить съ его стороны серьезныхъ возраженій противъ подобной расправы съ узурпаторомъ. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ къ такой расправѣ являлось англійское общественное мнѣніе. Хотя оно и было раздражено противъ Наполеона, но все-таки не потерпѣло бы смертной казни надъ бывшимъ императоромъ, не совершившимъ никакихъ преступленій противъ общаго права. Каковы бы ни были воззрѣнія англійскихъ министровъ, правительство принцарегента все-таки не рѣшилось даже и возбудить вопросъ о принятіи по отношенію къ Наполеону болѣе суровой мѣры, чѣмъ пожизненная ссылка въ мѣста наиболѣе отдаленныя. Еще на Вѣнскомъ конгрессѣ толковали о томъ, что самымъ подходящимъ мѣстопребываніемъ для Наполеона былъ бы островъ Св. Елены,—клочекъ земли, заброшенный на Атлантическомъ океанѣ, почти на одинаковомъ разстояніи отъ Африки и Южной Америки, и наиболѣе удаленный отъ обитаемаго міра. Островъ этотъ былъ заимообразно взятъ отъ Остъ-индской компаніи, а затѣмъ парламентскими актами учредили для него особое правительство, и отрѣшили самый островъ отъ всякихъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ „для содержанія тамъ Наполеона Бонапарта подъ строгимъ надзоромъ“. Въ виду всего этого, союзныя державы объявили, 2-го августа, бывшаго французскаго и эльбскаго императора совмѣстнымъ своимъ плѣнникомъ. Уполномочивъ Англію пріискать для него наиболѣе подходящее, по ея мнѣнію, мѣсто заточенія, Австрія, Россія и Пруссія предоставили себѣ право посылать туда своихъ комиссаровъ, которые могли бы убѣдиться, что онъ дѣйствительно содержится въ надлежащей сохранности.

Еще въ то время, когда «Беллерофонъ» стоялъ на якорѣ въ Торбеѣ, получены были тамъ газеты, въ которыхъ сообщалось о внесенномъ въ парламентъ проектѣ сослать Наполеона на островъ Св. Елены. Рѣшеніе это было сообщено, 31-го іюля, въ окончательной формѣ бывшему императору и притомъ съ совершенно неумѣстной торжественностью, чрезъ посредство настоящаго посольства, состоявшаго изъ адмирала лорда Кейта,—младшаго статсъ-секретаря, сэра Генри Бенбюри, и его секретаря—мистера Мейка. Всѣ эти высокопоставленныя особы прибыли на «Беллерофонъ», чтобы объявить частному лицу, генералу Бонапарту, постановленное о немъ рѣшеніе! Оно было прочитано на французскомъ языкѣ Наполеону, который выразилъ при этомъ полнѣйшее самообладаніе. На вопросъ: „имѣетъ-ли онъ что-нибудь возразить противъ такого рѣшенія?“—бывшій императоръ безъ всякаго гнѣва, или горечи

объявилъ, что протестуетъ противъ этого приговора передъ потомствомъ и передъ самимъ англійскимъ народомъ. Онъ сказалъ, что добровольно пріѣхалъ въ Англію, разсчитывая воспользоваться правами гостя, санкціонированными международнымъ обычаемъ.

Наполеонъ на островѣ Св. Елены.
(Съ картины Л. Кратке).

Онъ имѣлъ въ виду даже поселиться въ Англіи и, съ теченіемъ времени, пріобрѣсти тамъ права гражданства. До истеченія срока, полагающагося по закону на пріобрѣтеніе этихъ правъ, онъ соглашался жить подъ надзоромъ гдѣ-либо въ Англіи, верстахъ въ пятидесяти отъ морского прибрежья. На островѣ Св. Елены ему не выжить. Онъ привыкъ ѣздить верхомъ верстъ по тридцати въ

день, а тамъ, на маленькой скалѣ, лежащей на самомъ концѣ свѣта, подобныя прогулки немыслимы. Онъ могъ бы отправиться къ своему тестю, или же къ русскому государю, но вмѣсто того предпочелъ, въ то время, когда развѣвалось еще во Франціи трехцвѣтное знамя, довѣриться британскому гостепріимству. Хотя и побѣжденный, онъ все-таки остается монархомъ и заслуживаетъ, чтобы съ нимъ поступали, какъ съ таковымъ. Въ заключеніе Наполеонъ объявилъ безъ всякой напыщенности, что предпочитаетъ смерть ссылкѣ на островъ Св. Елены. Члены посольства, на которыхъ эта трогательная сцена произвела большое впечатлѣніе, молча удалились. Лордъ Кейтъ передъ тѣмъ благодарилъ Наполеона за милостивое обхожденіе съ молодымъ его родственникомъ, взятымъ въ плѣнъ въ битвѣ подъ Ватерлоо. Императоръ, объявленный самъ теперь плѣнникомъ, попросилъ адмирала вернуться и освѣдомился, нѣтъ-ли такого судебнаго учрежденія, передъ которымъ можно было бы обжаловать объявленное ему рѣшеніе. Лордъ Кейтъ вѣжливо отвѣтилъ, что такого учрежденія не имѣется, но что британское правительство, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ все дозволяемое благоразуміемъ, дабы облегчить положеніе знаменитаго своего плѣнника. „Какъ прикажете это понять?“ спросилъ Наполеонъ.—„Безъ сомнѣнія, Св. Елена все-таки лучше, чѣмъ болѣе тѣсное мѣсто заточенія въ Англіи, или же высылка во Францію, или, наконецъ, въ Россію“, отвѣчалъ Кейтъ.—„Въ Россію?—воскликнулъ Наполеонъ.—Боже меня отъ этого избави!“ Это было, впрочемъ, единственнымъ мгновеньемъ, когда онъ обнаружилъ нѣкоторое возбужденіе. Всѣ очевидцы вышеописанной долгой и тяжелой сцены единогласно утверждаютъ, что достойное и сдержанное поведеніе Наполеона произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи императоръ, неожиданно для самого себя очутившійся въ плѣну, обратился къ исторіи съ письменнымъ протестомъ, въ которомъ говоритъ: „Врагъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ воевавшій съ англійскимъ народомъ, добровольно явился искать убѣжища подъ сѣнью англійскихъ законовъ. Какъ же, спрашивается, отнеслась Англія къ великодушному его рѣшенію?“ Безъ сомнѣнія, Наполеонъ мысленно сравнивалъ себя самого съ Ѳемистокломъ, который искалъ убѣжища у персовъ и былъ принятъ ими съ величайшимъ почетомъ и радушіемъ. Параллель эта хромаетъ въ томъ отношеніи, что великій греческій полководецъ никогда не ставилъ своего врага въ такое затруднительное положеніе, въ которомъ оказывалась Англія, вынужденная разъ за разомъ въ интересахъ самосохраненія устраивать противъ Наполеона убыточныя и стѣснительныя для нея коаліціи. Сверхъ того, нельзя сказать, чтобы онъ пріѣхалъ въ Англію добровольно и въ качествѣ гостя. Во Франціи и вообще гдѣ бы то ни было на материкѣ Европы за жизнь его нельзя было бы дать и мѣднаго гроша, а бѣгство морскимъ путемъ, безъ сомнѣнія, привело бы къ взятію его въ плѣнъ. Самъ же онъ не разъ говорилъ: „Вездѣ, гдѣ найдется достаточно воды, чтобы сдержать на себѣ корабль, непремѣнно развѣвается также и англійскій флагъ“. При всемъ томъ,

многіе въ самой Англіи вполнѣ раздѣляли взглядъ бывшаго французскаго императора. Ссылка его на островъ Св. Елены возбудила къ нему большое сочувствіе. Сдѣлано было даже нѣсколько тщетныхъ попытокъ освободить его оттуда.

Наполеона перевезли на островъ Св. Елены на кораблѣ „Нортумберлэндъ", состоявшемъ подъ командой адмирала Кокберна. Въ свитѣ бывшаго императора насчитывалось тридцать человѣкъ, выбранныхъ имъ самимъ, а именно: Бертранъ, Монтолонъ, и Ласъ-Казъ съ семействами, а также Гурго и полякъ Провтовскій, служившій адъютантомъ у Наполеона. Прислуги имѣлось до шестнадцати человѣкъ, изъ которыхъ двѣнадцать непосредственно состояли при особѣ бывшаго императора. Путешествіе было само по себѣ скучнымъ и не ознаменовалось никакими достопримѣчательными событіями. Адмиралъ примѣнялъ на своемъ кораблѣ во всей строгости англійскіе порядки и не считалъ нужнымъ соблюдать этикетъ, установленный по отношенію къ коронованнымъ особамъ, но тѣмъ не менѣе между нимъ и знаменитымъ его плѣнникомъ никакихъ ссоръ не происходило. Разумѣется, бывали иногда случайныя недоразумѣнія, по поводу которыхъ Наполеонъ, въ бесѣдахъ съ своими приближенными, называлъ адмирала Кокберна „морскою акулой", но возникавшія такимъ образомъ неудовольствія оказывались скоропреходящими и не оставляли дурныхъ послѣдствій. Наполеонъ получилъ изъ Франціи, еще передъ отплытіемъ на островъ Св. Елены, великолѣпную свою библіотеку и каждое утро подолгу читалъ и писалъ. По вечерамъ онъ занимался азартными играми на маленькія ставки, или же шахматами, которые очень любилъ, хотя игралъ въ нихъ замѣчательно плохо. Онъ въ строгости соблюдалъ предписанную ему врачами діэту, ежедневно прогуливался по палубѣ и, благодаря правильному образу жизни, значительно улучшилъ свое здоровье. При такихъ обстоятельствахъ онъ, вообще говоря, чувствовалъ себя довольнымъ и какъ бы примирился съ своею участью.

Островъ Св. Елены представляетъ собою обрывистую вершину потухшаго вулкана, вздымающуюся на 2.700 фут. надъ поверхностью моря, и занимаетъ протяженіе около ста квадратныхъ верстъ. Берегъ острова почти всюду опускается къ морю неприступными кручами, но при всемъ томъ островъ обладаетъ превосходнымъ джемстоунскимъ портомъ, куда заходили въ то время всѣ суда, направлявшіяся изъ Англіи въ Индію и обратно, мимо мыса Доброй Надежды. Отъ острова Св. Елены до Лондона насчитывается 6.000 верстъ, до берега Африки—720, а до ближайшаго пункта въ Южной Америкѣ—около 8.000 верстъ. На островѣ имѣлось тогда нѣсколько тысячъ жителей смѣшанной расы. Климатъ его, хотя сырой и нерасполагающій къ труду, надлежало признать, однако, довольно здоровымъ. Въ силу парламентскаго акта, англійское правительство расширило поясъ территоріальныхъ водъ вокругъ острова Св. Елены втрое болѣе обычной нормы и расположило для наблюденія за этимъ поясомъ значительное число военныхъ кораблей, крейсировавшихъ все время въ виду острова и дѣлав-

шихъ приближеніе подозрительнаго судна фактически невозможнымъ. Эта комбинація, вмѣстѣ съ многочисленными другими, менѣе существенными мѣрами предосторожности, дѣлала изъ острова Св. Елены тюрьму, бѣгство изъ которой являлось фактически невозможнымъ. Наполеонъ высадился на берегъ этого острова 16 октября 1815 года (нов. ст.).

Резиденціей знаменитому плѣннику назначенъ былъ большой домъ, находившійся въ самой серединѣ острова на плоской возвышенности, имѣвшей около 2.000 фут. высоты надъ поверхностью моря. Мѣстность тамъ была ровная и обладала естественными границами, благодаря чему разставленные кругомъ часовые могли удобно за ней наблюдать. Въ окружности, описанной радіусомъ въ $2^1/_2$ версты отъ дому, бывшій императоръ могъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится, но переходить за эту черту ему разрѣшалось не иначе, какъ въ сопровожденіи англійскаго офицера. Принимая во вниманіе тогдашнія воззрѣнія на обязательность рыцарской вѣжливости къ побѣжденному врагу, домъ, отведенный Наполеону на островѣ Св. Елены, былъ, разумѣется, изъ рукъ вонъ плохъ. Даже и теперь, когда его значительно ремонтировали и увеличили новыми пристройками, онъ считается пригоднымъ развѣ лишь для плѣннаго зулусскаго вождя. Въ крайнемъ случаѣ, Лонгвудъ, какъ называлась эта усадьба, могъ бы еще годиться для плѣннаго генерала Бонапарта, такъ какъ жизнь тамъ была все-таки лучше пребыванія въ тюремной камерѣ, но скромный комфортъ этого дома далеко не удовлетворялъ требованіямъ изящества и роскоши, ставшимъ второю натурой у императора Наполеона. Во всякомъ случаѣ домъ этотъ не успѣли ремонтировать даже и наскоро, такъ что онъ оказывался въ октябрѣ мѣсяцѣ совершенно еще не пригоднымъ для жилья. Бывшій императоръ временно поселился поэтому, до 9-го декабря, въ качествѣ гостя, на дачѣ одного торговца, мистера Балькомба. Днемъ часовые и патрули держались въ шести стахъ шагахъ отъ этой дачи, а ночью цѣпь часовыхъ стягивалась къ самому дому. Два раза въ сутки начальникъ караула долженъ былъ лично убѣждаться въ томъ, что плѣнникъ находится дѣйствительно на лицо. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были всѣ мѣры предосторожности, какія только могло изобрѣсти человѣческое остроуміе, дабы устранить для Наполеона возможность всякихъ тайныхъ сношеній съ населеніемъ острова, или же съ внѣшнимъ міромъ. Спокойное добродушіе адмирала Кокберна заставляло плѣннаго императора ограничиваться лишь заявленіями о томъ, что онъ съ негодованіемъ протестуетъ противъ такого съ собой обращенія. Адмиралъ, однако, уѣхалъ въ апрѣлѣ 1816 года, и мѣсто его, въ качествѣ тюремщика, заступилъ сэръ Гудсонъ Лоу, оказавшійся для Наполеона врагомъ, одѣтымъ въ несравненно менѣе прочную броню. Проникнутый уваженіемъ къ рутинѣ, Лоу состоялъ передъ тѣмъ цѣлыхъ два года англійскимъ комиссаромъ въ лагерѣ Блюхера и усвоилъ себѣ воззрѣнія тогдашняго торійскаго министерства, вполнѣ согласовавшіяся со взгля-

дами крайнихъ реакціонеровъ на материкѣ Европы. Не будучи отъ природы злымъ, раздражительнымъ, или хотя бы даже строгимъ, Лоу отличался мелочною придирчивостью и щепетильностью. Во всякомъ случаѣ онъ оказывался совершенно не подъ пару своему геніальному противнику. Съ прибытіемъ этого злополучнаго должностного лица въ сущности и начинается въ жизни Наполеона новый отдѣлъ, въ психологическомъ отношеніи столь же поучительный, какъ и всѣ прочіе, но, по безцѣльной затратѣ умственныхъ силъ, представляющій извѣстную аналогію лишь съ безплодной агитаторской дѣятельностью Наполеона на островѣ Корсикѣ.

Наполеонъ послѣ кончины.
(Съ наброска карандашемъ, сдѣланнаго Уардомъ).

Находясь въ плѣну, Наполеонъ задался двойною цѣлью: добиться освобожденія и оправдать себя въ глазахъ современниковъ и потомства. Онъ разсчитывалъ достигнуть перваго изъ этихъ результатовъ путемъ воздѣйствія на чувства англійскихъ либераловъ, а второго—написавъ свою автобіографію. Дабы вернуть себѣ утраченное довѣріе Франціи, онъ выставлялъ тамъ на первый планъ демократическую, прогрессивную и благотворную сторону императорской своей карьеры, набрасывая завѣсу на эгоистичную ея тиранію и честолюбіе. Грустная повѣсть борьбы между безоружнымъ гигантомъ и всемогущимъ пигмеемъ не интересна въ подробностяхъ, но весьма поучительна въ общихъ своихъ чертахъ. Въ Лонгвудѣ строго соблюдался придворный этикетъ. Монархъ, лишенный власти, обнаруживалъ при этомъ такую мудрость и разсудительность, что извѣстія, доходившія до цивилизован-

наго міра, возбуждали въ безпристрастныхъ кружкахъ живѣйшее къ нему состраданіе. Въ Лонгвудѣ Наполеонъ по утрамъ занимался литературнымъ трудомъ, подобно тому, какъ дѣлалъ это на «Нортумберлэндѣ» и на дачѣ мистера Балькомба, извѣстной подъ названіемъ Бріаръ, т. е. Кустовъ терновника. Онъ одѣвался при этомъ всегда со вкусомъ въ живописномъ дезабилье. Послѣобѣденное время бывшій императоръ посвящалъ развлеченіямъ и моціону. Вслѣдствіе постоянно возраставшаго отвращенія къ физической дѣятельности, Наполеонъ ограничивался только соблюденіемъ режима, предписаннаго врачами, а потому вскорѣ очень пополнѣлъ, и всѣ движенія его сдѣлались вялыми. За столомъ онъ постоянно отличался сдержанностью, но сонъ у него былъ тревожный и вообще плохой. Вечера Наполеонъ проводилъ съ любимыми своими авторами: Вольтеромъ, Корнелемъ и Оссіаномъ, но зачастую читалъ также Библію. Воззрѣнія, которыя высказывалъ Наполеонъ, вообще говоря, согласовались съ тогдашними лженаучными взглядами. Между прочимъ, онъ считалъ также многоженство превосходнымъ учрежденіемъ. Самъ Наполеонъ и его приближенные отзывались съ такимъ порицаніемъ о лангвудскомъ домѣ, что англійское правительство признало, наконецъ, умѣстнымъ обратить на это вниманіе. Оно распорядилось выстроить въ Англіи новый разборный деревянный домъ, который былъ перевезенъ на островъ Св. Елены и поставленъ возлѣ прежняго дома. Плѣнному императору онъ, однако, не понравился, а потому такъ и остался незанятымъ. Наполеонъ постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы вступить въ непосредственное сношеніе съ своими друзьями во Франціи и частью успѣлъ въ этомъ, давъ возможность Ласъ-Казу уѣхать въ Европу, подъ благовиднымъ предлогомъ увольненія его въ отставку. Спустя нѣсколько времени послѣ того уѣхалъ и Гурго, будто бы вслѣдствіе ссоры съ Монтолономъ, но въ дѣйствительности, чтобъ хлопотать объ освобожденіи Наполеона передъ русскимъ государемъ, Маріей-Луизой и ея отцомъ. Изгнаннику случалось иногда сознаваться, что на него не угодилъ бы даже и ангелъ въ должности губернатора на Св. Еленѣ, но это не мѣшало ему замѣчательно ловко и настойчиво подкапываться подъ Лоу. „Письма съ мыса Доброй Надежды“, напечатанныя въ Англіи безъ подписи, но включенныя теперь въ оффиціальное изданіе сочиненій Наполеона и составляющія 35-й ихъ томъ, отзываются очень неблагопріятно о климатѣ Св. Елены, рѣзко порицаютъ несправедливость, съ которою отнеслась къ Наполеону Англія, и самыми мрачными красками рисуютъ портретъ тюремщика, приставленнаго къ нему въ лицѣ губернатора острова. Книга эта имѣла въ Англіи большой литературный успѣхъ и доставила вигамъ въ парламентѣ много ядовитыхъ стрѣлъ, которыми они, при случаѣ, язвили правительство. Этотъ успѣхъ ободрилъ автора и побудилъ его переслать тайнымъ образомъ въ Европу для напечатанія еще нѣсколько другихъ произведеній столь же хлесткаго характера.

При всемъ томъ Наполеонъ, въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ,

неустанно занимался историко-біографическимъ своимъ трудомъ. Пока онъ пользовался при этомъ содѣйствіемъ Ласъ-Каза и Гурго, результаты оказывались весьма объемистые, послѣдующіе же тома вышли значительно короче. Большинство томовъ обнародованы въ видѣ записокъ его секретарей: Монтолона, Ласъ-Каза, Гурго, О'Меара и Антоммарки (послѣдніе двое состояли при немъ врачами). Наполеонъ всего болѣе старался выяснить періодъ своей дѣятельности въ промежутокъ времени между Тулономъ и Маренго. Подъ его собственнымъ именемъ явились монографіи о пребываніи на островѣ Эльбѣ, Ста Днихъ и Ватерлооской битвѣ. Великій полководецъ выказалъ профессіональный свой талантъ въ превосходныхъ краткихъ очеркахъ по военному искусству и военной исторіи, а также въ замѣткахъ объ организаціи арміи и значеніи укрѣпленій. Онъ далъ, кромѣ того, обстоятельные критическіе разборы войнъ Юлія Цезаря, Тюренна и Фридриха Великаго. Всѣ эти произведенія вполнѣ достойны геніальнаго ихъ автора. Онъ выказалъ свою разносторонность въ нѣсколькихъ замѣткахъ по поводу драмы Вольтера „Магометъ", а также въ монографіи „О самоубійствѣ" и въ комментаріяхъ на вторую книгу „Энеиды" Виргилія. Въ этихъ замѣткахъ и монографіяхъ не содержится, однако, особенно замѣчательныхъ и самостоятельныхъ взглядовъ. Наполеона долго считали авторомъ „Рукописи съ острова Св. Елены", гдѣ историческіе факты были обработаны и искажены съ такой же безцеремонностью, какую онъ позволялъ себѣ въ своихъ произведеніяхъ. Въ дѣйствительности, однако, это, нѣкогда весьма популярное сочиненіе вышло изъ подъ пера неизвѣстнаго автора, стремившагося угодить Бурбонамъ.

Въ теченіе цѣлыхъ почти четырехъ лѣтъ состояніе здоровья Наполеона казалось удовлетворительнымъ. Докторъ О'Меара, котораго назначили ему врачемъ, оказался усерднымъ и опытнымъ медикомъ. Онъ до такой степени увлекся, однако, геніальной личностью своего паціента, что сэръ Гудсонъ Лоу счелъ долгомъ уволить его въ отставку, въ виду чрезмѣрной преданности Наполеону Бонапарту. Послѣ того стали обнаруживаться все явственнѣе тревожные симптомы, которые, впрочемъ, уже и передъ тѣмъ проявлялись отъ времени до времени. Знаменитый плѣнникъ началъ грустить и томиться въ своемъ заключеніи. Осенью 1819 г. пріѣхалъ въ Лонгвудъ и поселился тамъ Антоммарки, корсиканскій врачъ, выбранный Фешомъ. Ему удалось вызвать у Наполеона временное улучшеніе. Бесѣды Наполеона съ его врачемъ и соотечественникомъ послужили главнымъ матеріаломъ для исторіи его дѣтства. Несмотря на кажущееся улучшеніе, у бывшаго императора обнаруживался послѣдовательно возроставшій упадокъ силъ. Опустошенія, произведенныя таинственной болѣзнью въ его организмѣ, стали подъ конецъ очень замѣтными. Упорство, съ которымъ Лоу старался выполнить букву своихъ инструкцій и вторгался въ комнату больного, чтобы заручиться матеріалами для ежедневнаго своего рапорта о состояніи здоровья плѣнника, чрезвычайно усиливало страданія Наполеона.

„Не каждому удается быть атеистомъ“, замѣтилъ какъ-то бывшій императоръ въ бесѣдѣ съ Монтолономъ. Вмѣстѣ съ Антомарки пріѣхали въ Лонгвудъ два католическихъ священника и почти каждое утро служили обѣдню въ часовнѣ, находившейся рядомъ съ комнатой больного. Подготовляясь къ смерти, Наполеонъ, подобно бѣгущему парѳянину, собрался пустить въ своихъ враговъ самую убійственную стрѣлу. Этой стрѣлой оказывалось его завѣщаніе, въ которомъ, какъ нельзя лучше, воплощаются всѣ характерныя особенности бывшаго императора. Оно написано какъ будто простымъ, искреннимъ языкомъ, но почти въ каждой его строкѣ скрывается затаенный смыслъ. По отношенію къ религіознымъ воззрѣніямъ можно было бы признать Наполеона развѣ только деистомъ, а между тѣмъ въ своемъ завѣщаніи онъ выказываетъ себя набожнымъ католикомъ, которымъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Въ продолженіи всей своей жизни онъ пользовался Франціей, какъ искусный ремесленникъ пользуется хорошимъ инструментомъ, а между тѣмъ въ заключительныхъ словахъ его завѣщанія высказываются къ ней чувства самой страстной любви. Своему сыну онъ завѣщаетъ питать любовь къ справедливости, „которая одна только можетъ побудить къ совершенію великихъ подвиговъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ самыя нѣжныя чувства, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, и питалъ къ невѣрной своей женѣ. Въ своемъ завѣщаніи Наполеонъ выразилъ надежду, что англійскій народъ раздѣлается съ своей олигархіей, а Франція проститъ измѣнившимъ ей злодѣямъ: Мармону, Ожеро, Талейрану и Лафаейту подобно тому, какъ онъ прощаетъ имъ самъ. Точно также онъ простилъ на смертномъ одрѣ Людовику XVIII «за обнародованный въ 1820 году памфлетъ, переполненный ложью и фальшивыми документами». Отвѣтственность за юридическое убійство герцога Энгіенскаго онъ бралъ непосредственно на себя. Во второмъ отдѣлѣ завѣщанія императоръ дѣлаетъ рядъ необычайно щедрыхъ по внѣшности распоряженій, объявляя частное свое состояніе въ 250 милліоновъ франковъ, которые онъ и распредѣлялъ между всѣми лицами, оказавшими ему какую-либо существенную услугу со временъ самаго ранняго его дѣтства. Въ припискѣ къ завѣщанію упоминается въ слѣдующихъ словахъ о нѣкоемъ Котильонѣ, обвинявшемся въ покушеніи на убійство герцога Веллингтона: „Котильонъ имѣлъ такое же право убить этого олигарха, какое имѣлъ этотъ олигархъ (Веллингтонъ) уморить меня здѣсь на скалѣ Св. Елены“.

Такова была послѣдняя аппеляція Наполеона къ „благородному всепрощающему французскому народу и потомству“, хотя онъ въ томъ же документѣ заявлялъ о своемъ желаніи умереть на лонѣ христіанской церкви, которая учитъ любви къ ближнему и требуетъ прощенія врагамъ.

„Я затворилъ бездну анархіи и создалъ изъ хаоса порядокъ. Я очистилъ революцію, облагородилъ народъ и утвердилъ расшатанные престолы. Я пробудилъ всѣ виды благороднаго честолюбія, награждалъ всѣ заслуги и расширилъ область славы“. Это гово-

ворилъ Наполеонъ въ 1816 году. Подобная галлюцинація сохранилась у него до конца жизни. Осенью въ 1820 году онъ понялъ, что болѣзнь его смертельна. Всю зиму бывшій императоръ чувствовалъ себя плохо и находился въ подавленномъ настроеніи. Въ февралѣ 1821 года силы больного начали быстро падать, и симптомы рака въ желудкѣ обострились до послѣдней степени. Несмотря на чрезвычайную тѣлесную слабость, Наполеонъ встрѣтилъ смерть съ величайшей бодростью. 3-го мая явились на консультацію съ Антоммарки двое недавно прибывшихъ изъ Англіи врачей. Найдя состояніе больного безнадежнымъ, они могли рекомендовать только палліативныя средства, благодаря которымъ Наполеонъ находился какъ бы въ полузабытьѣ. Два дня спустя разразилась надъ островомъ сильная буря съ проливнымъ дождемъ. Развѣсистая ива, подъ которой Наполеонъ провелъ многіе часы, была вырвана съ корнемъ. Ту же участь испытали многія деревья, посаженныя собственными его руками. Ураганъ опустошилъ весь садъ, гдѣ онъ работалъ для моціона. Смерть злополучнаго страдальца совпала съ этимъ ураганомъ и являлась почти такою же бурной. Онъ лежалъ въ бреду и что-то такое говорилъ. Послѣднія слова, которыя удалось разобрать, были: „Tête... armée“ (голова... арміи). Въ то время какъ разъ всходило солнце. Г-жа Бертранъ и ея дѣти присутствовали при кончинѣ Наполеона. При видѣ страшныхъ мученій умиравшаго ихъ друга мальчикъ упалъ въ обморокъ, а дѣвочка разразилась страшными рыданіями. Въ одиннадцать часовъ утра началась у Наполеона предсмертная агонія, а незадолго до шести часовъ вечера сердце его сжалось въ послѣднемъ судорожномъ усиліи и перестало биться. Приближенные императора, ожидавшіе его кончины, грустно склонили головы. За дверьми находились начальники англійскаго караула, тоже ожидавшіе этой кончины. Услышавъ рыданія тѣхъ, которые стояли у постели героя, опочившаго вѣчнымъ сномъ, двое офицеровъ молча вошли въ комнату,—ощупали охладѣвшіе уже члены,—констатировали отсутствіе жизни и вышли, не говоря ни слова. Плѣнникъ, содержавшійся подъ надзоромъ Англіи, былъ уже на свободѣ!

КОНЕЦЪ.

1187

Оц. 1р. 18к.